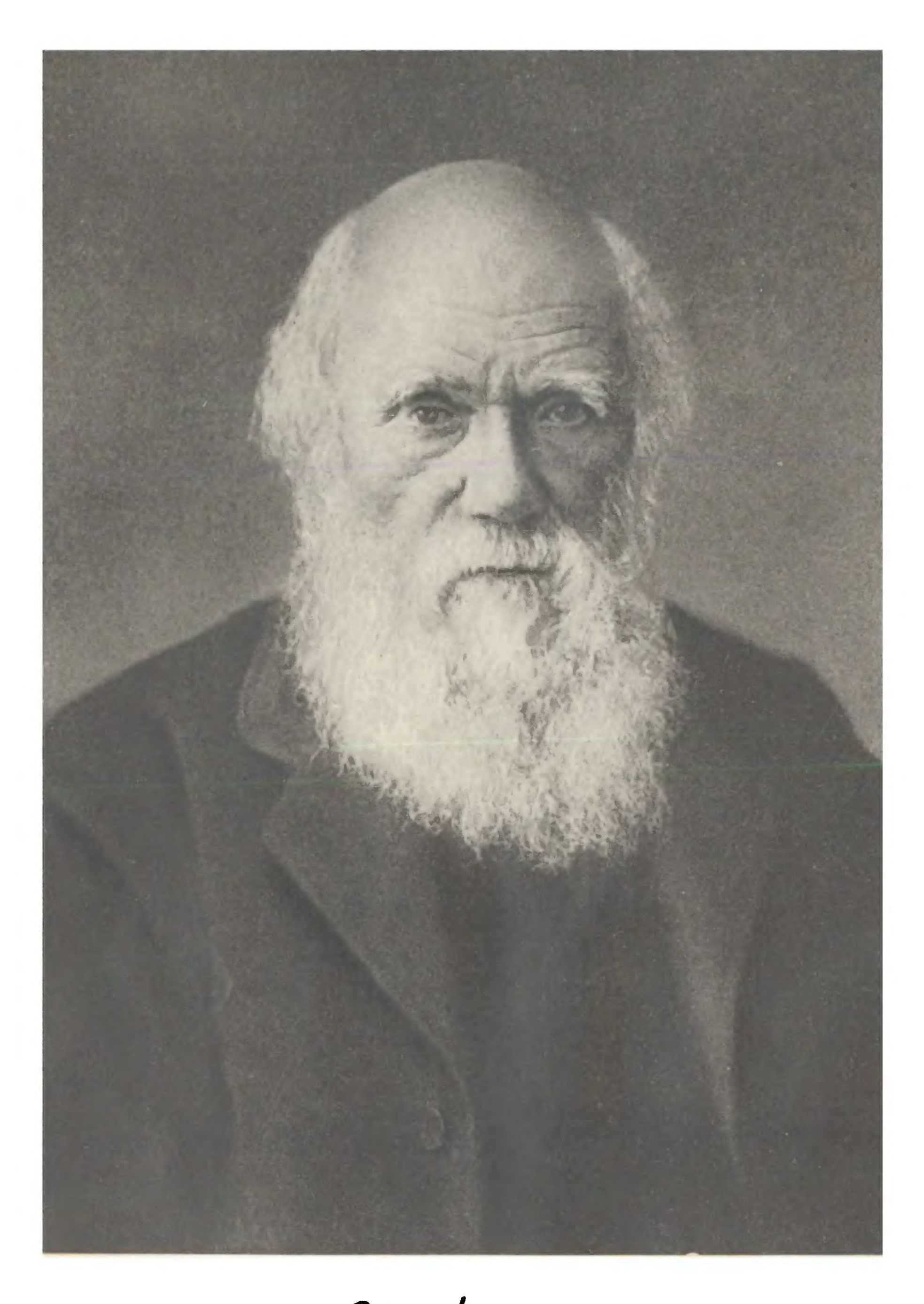
Ch. Darwin



Ch. Darwin

По фотографии, около 1880 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ЧАРЛЗ ДАРВИН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
Москва 1959

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
ДНЕВНИКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

ЖИЗНЬ
ЭРАЗМА ДАРВИНА

ПЕРЕВОД, СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
ПРОФ. С. Л. СОБОЛЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА В. Н. СУКАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
Москва 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девятый том «Сочинений» Чарлза Дарвина выходит в свет в годовщину стопятидесятилетия со дня рождения великого ученого и столетия со дня публикации его гениального труда «Происхождение видов путем естественного отбора».

В вышедших ранее восьми томах «Сочинений» были даны переводы научных монографий и статей Ч. Дарвина в соответствии с намеченным планом издания. По полноте охвата научно-литературного наследия Ч. Дарвина эти тома превосходят все когда-либо появлявшиеся на западе и у нас собрания его сочинений. Не были включены в настоящее издание лишь некоторые более специальные геологические и зоологические работы, не представляющие интереса для широкого круга читателей, и предварительные сообщения, использованные Дарвином — без существенных изменений — в его последующих публикациях. Подробные сведения об этих работах даны в библиографическом списке произведений Ч. Дарвина, который входит в состав настоящего, последнего, тома «Сочинений».

В настоящем томе собраны различные произведения Ч. Дарвина — его записные книжки, дневники, воспоминания, написанная им биография его деда Эразма Дарвина и др., которые в совокупности дают обильный материал для его жизнеописания и истории его научного творчества. Некоторые из этих произведений Ч. Дарвина уже известны советскому читателю. Сюда относится прежде всего «Автобиография» Дарвина («Воспоминания о развитии моего ума и характера»), которая в полном виде впервые увидела свет в 1957 г. в нашем переводе на русский язык с рукописи Дарвина, а в 1958 г. была издана в подлиннике в Англии внучкой Ч. Дарвина леди Норой Барло. Вместе с «Автобиографией» нами был издан «Дневник», который Ч. Дарвин вел с 1838 по 1881 г. «Дневник» также был переведен нами с рукописи и впервые увидел свет у нас. В Англии он все еще остается неизданным. В 1945 г. леди Н. Барло опубликовала впервые важный для истории научного творчества документ Ч. Дарвина — его «Записные книжки» 1832—1836 гг., содержащие и некоторые интересные записи Дарвина за 1837—1839 гг. «Записные книжки» были впервые изданы нами в переводе на русский язык в 1949 г. Для настоящего издания этот перевод был нами коренным образом исправлен и переработан.

Ряд других произведений Ч. Дарвина был в разные годы издан в Англии, однако в русском переводе эти произведения появляются впервые в составе настоящего тома. Сюда относятся: изданная Ч. Дарвином

в 1879 г. замечательная биография его деда («Жизнь Эразма Дарвина»); несколько мелких очерков и воспоминаний Чарлза Дарвина, опубликованных его сыном Френсисом в 1887 и 1903 гг. в составе пяти томов переписки Ч. Дарвина («Воспоминания о детских годах», «Природа Дауна», «Характер Энни», «Воспоминания о Дж. С. Генсло»); опубликованные в 1935 г. эдинбургским зоологом проф. Дж. Ашуортом в составе его статьи отрывки из Эдинбургского дневника Ч. Дарвина 1827 г.; «первый труд» Ч. Дарвина — брошюра с извлечениями из его писем профессору Генсло за 1832—1835 гг., изданная Генсло в 1835 г. без ведома Дарвина, который в это время еще находился в пути; ответы Ч. Дарвина на две анкеты, разосланные Френсисом Гальтоном видным английским ученым в 1873 и 1879 гг., и, наконец, две небольшие черновые карандашные заметки Ч. Дарвина, относящиеся, по-видимому, к 1837 г. и полностью опубликованные леди Норой Барло в 1958 г. Появление впервые на русском языке этих материалов позволит советским биологам значительно углубить свои представления о жизни, научном творчестве и мировоззрении Чарлза Дарвина.

Но, вероятно, наиболее ценным документом Ч. Дарвина, вошедшим в состав настоящего тома, является полный перевод его «Первой записной книжки о трансмутации видов», которую он начал в июле 1837 г. и закончил в феврале 1838 г. Эта «Записная книжка», содержащая первые записи Дарвина по вопросу об эволюции органического мира, была закончена им за 8 месяцев до того, как он прочитал Мальтуса. Между тем мы находим в ней сформулированные в достаточно отчетливой форме мысли об естественном отборе, вымирании неприспособленных организмов и дивергенции признаков (как известно, Дарвин сам считал, что закон дивергенции был впервые сформулирован им только в 40-х годах!). «Записная книжка» 1837—1838 гг. является, несомненно, важнейшим документом, позволяющим выяснить генезис основных эволюционных воззрений Ч. Дарвина.

В Англии «Записная книжка» 1837—1838 гг. до настоящего времени не опубликована. Наш перевод осуществлен по фотокопии рукописи Ч. Дарвина. Расшифровка ее представила значительные трудности: рукопись Ч. Дарвина написана крайне неразборчивым почерком, и, кроме того, Дарвин, который писал для самого себя, сплошь и рядом прибегал к настолько сжатому изложению своих мыслей (пропуская очевидные для него слова), что понять написанное им нередко представляется задачей весьма сложной. Чтобы раскрыть смысл записей Дарвина, не во всех случаях достаточно ясный, мы вынуждены были довольно часто прибегать к добавлению пояснительных слов. Так как, однако, все такие добавленные слова заключены нами в квадратные скобки, словесная ткань рукописи Ч. Дарвина будет видна читателю, который сам сможет решить, насколько удачными или неудачными являются наши вставки, а следовательно, и наши толкования записей Дарвина. За малым исключением нам удалось проверить все ссылки Дарвина на различные монографии и журнальные статьи, и это обращение к первоисточникам Дарвина во многих случаях помогло нам в понимании его записей.

В «Приложениях» нами дан ряд статей Френсиса Дарвина, содержащих существенные дополнительные материалы о жизни, характере и работе Чарлза Дарвина, о его последних днях и смерти, о его похоро-

нах в Вестминстерском аббатстве, о создании на завещанные им средства «Кью-Индекса» всех растений мира. В статье Артура Кизса читатель найдет интересные сведения о судьбе дарвиновского дома в Дауне и о создании в нем национального памятника-музея Чарлза Дарвина. В настоящем томе дан также составленный нами библиографический указатель произведений Дарвина и их переводов на русский язык и языки народов СССР. В конце тома даны предметный, именной и другие указатели ко всем девяти томам настоящего издания. Указатели к 1—8 томам составлены безвременно скончавшимся 15 апреля 1959 г. канд. биол. наук М. Л. Бельговским; подготовка к печати и пополнение этих указателей, а также включение в них данных по 9 тому произведены канд. биол. наук Э. Н. Мирзояном.

Мы считаем своим приятным долгом выразить благодарность ряду лиц, оказавших нам содействие при работе по подготовке к печати настоящего тома. Мы прежде всего чрезвычайно обязаны секретарю библиотеки Кембриджского университета м-ру А. Тиллотсону, который с величайшей любезностью и готовностью оказал нам содействие в получении из библиотеки Кембриджского университета микрофильмов ряда неопубликованных рукописей Чарлза Дарвина — «Автобиографии», «Дневника» 1838—1881 гг., «Записной книжки» 1837—1838 гг. и многих десятков писем Дарвина к Чарлзу Ляйеллю (последние войдут в подготовляемое нами к печати собрание писем Ч. Дарвина). Нам приятно также выразить здесь благодарность внучке Ч. Дарвина леди Норе Барло, которая уже на протяжении многих лет неутомимо трудится над изданием ряда неопубликованных рукописей Ч. Дарвина. Ее ценные замечания и собранные ею сведения широко использованы нами в статье и примечаниях к настоящему тому (что указано во всех соответствующих местах). Изданный ею в 1958 г. полный английский текст «Автобиографии» Ч. Дарвина позволил нам уточнить перевод нескольких фраз «Автобиографии» в настоящем издании, а ее соображения по поводу ряда мест в нашей вступительной статье к первому изданию «Автобиографии» (1957 г.), развитые ею в письме к нам, с благодарностью учтены нами.

Особую благодарность нам приятно выразить президенту XV Интернационального зоологического конгресса, проходившего в Лондоне в 1958 г., директору Британского музея естественной истории сэру Гэвину де Беру, который по просьбе леди Норы Барло с исключительной готовностью и любезностью прочитал произведенную нами расшифровку рукописи «Записной книжки» 1837 г., помог прочитать некоторое количество слов и несколько фраз, которые мы не в состоянии были разобрать, и внес ряд существенных исправлений в разобранный нами текст. Великодушная помощь сэра Г. де Бера уберегла нас от ряда ошибок и неточностей в переводе текстов Дарвина. Мы рады сообщить, что сэр Г. де Бер готовит к печати английское издание «Записной книжки» 1837 г., которое должно выйти в свет в дни столетней годовщины «Происхождения видов».

Мы выражаем искреннюю благодарность всем, кто своими замечаниями, указаниями и справками помог нам при составлении комментариев и уточнении перевода, и в первую очередь профессорам Н. А. Базилевской, Е. Г. Боброву, С. Г. Геллерштейну, Г. П. Дементьеву, кандидатам биологических наук В. Л. Левину и К. В. Рязанской, кандидату

филологических наук С. К. Апту, доценту П. Е. Заблудовскому. Мы благодарим директора Государственного Дарвиновского музея профессора А. Ф. Котса и скульптора В. А. Ватагина за любезное разрешение воспроизвести в настоящем томе фотографию прекрасной скульптуры, столь вдохновенно передающей духовный облик гениального ученого и мыслителя.

Москва. Август, 1959 г.

Проф. С. Л. Соболь

В публикуемых в настоящем томе текстах Ч. Дарвина, а также во вступительной статье и в примечаниях в конце тома приняты следующие условные знаки и сокращения:

( ) — круглые скобки: заключают слова, взятые в скобки автором.

⟨ ⟩ — угловые скобки: заключают слова, зачеркнутые Ч. Дарвином в его рукописных текстах, а в статье Френсиса Дарвина (стр. 309—347) — фразы первого издания этой статьи, исключенные автором в последующих изданиях.

[ ] — квадратные скобки: заключают слова, добавленные переводчиком в текстах Ч. Дарвина.

L. L. — The Life and Letters of Charles Darwin... Edited by his son, Francis Darwin. Vls. I—III, London, J. Murray, 1887 (или стереотипное издание 1888 г.).

M. L. — More Letters of Charles Darwin... Edited by Francis Darwin and A. C. Seward. Vls. I—II, London, J. Murray, 1903.

E. D. — Emma Darwin. A Century of Family Letters, 1792—1896. Edited by her daughter Henrietta Litchfield. Vls. I—II, London, J. Murray, 1915.

Фр. Дарвин, 1908 — Charles Darwin: His Life... Edited by his son Francis Darwin, F. R. S. London, J. Murray, 1908.

Фр. Дарвин, 1949 — Autobiography of Charles Darwin... Edited by his son, Sir Francis Darwin. London, Watts, 1949.

Нора Барло, 1958 — The Autobiography of Charles Darwin. 1809—1882. With original omissions restored. Edited with Appendix and Notes by his grand-daughter Nora Barlow. London, Collins, 1958.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЧАРЛЗА ДАРВИНА

Входящие в состав настоящего тома «Сочинений» Ч. Дарвина его работы и документы могут быть условно названы материалами к его автобиографии. Значительная часть их была действительно использована Ч. Дарвином в 1876 г., когда он писал «Воспоминания о развитии моего ума и характера», общеизвестный сокращенный вариант которых Френсис Дарвин назвал «Автобиографией».

В известном смысле к автобиографическим материалам можно отнести и написанную Ч. Дарвином биографию его деда Эразма Дарвина, поскольку она освещает историю семьи Дарвинов и поскольку в ней отразились симпатии, вкусы и миропонимание самого Ч. Дарвина. Этого нельзя, конечно, сказать с полным основанием о четырех документах, включенных в настоящий том: единбургской записной книжке 1827 г., путевых записных книжках 1832—1836 гг., «Извлечениях» из писем к Генсло 1835 г. и «Первой записной книжке о трансмутации видов» 1837—1838 гг. Все четыре являются скорее зародышами будущих научных трудов Ч. Дарвина. Но так как первые три тома настоящего издания «Сочинений» Дарвина, с содержанием которых эти четыре документа непосредственно связаны, вышли в свет задолго до того, как самые эти документы (за исключением третьего) стали вообще известны, и так как все они содержат обширный материал, характеризующий развитие Ч. Дарвина как естествоиспытателя и творца теории естественного отбора, вполне допустимо рассматривать их как документы автобиографического характера.

Перечень публикуемых в настоящем томе автобиографических материалов Ч. Дарвина с указанием дат их написания и первой публикации:

1. Эдинбургская записная книжка 1827 г. В Англии впервые опубликована (в извлечениях) в 1935 г.
2. Путевые записные книжки 1832—1836 гг. В Англии впервые опубликованы (с небольшими сокращениями) в 1945 г.
3. Извлечения из писем 1832—1835 гг., адресованных профессору Дж. С. Генсло. В Англии (Кембридже) опубликованы впервые 1 декабря 1835 г.
4. Две черновые карандашные заметки 1837 г. Полный текст впервые опубликован в Англии в 1958 г.
5. Записная книжка о трансмутации видов 1837—1838 гг. Небольшие отрывки были опубликованы в Англии в 1887 г. Полный текст впервые публикуется в СССР в русском переводе в настоящем томе. В Англии намечено опубликование полного текста в ноябре 1959 г.
6. Личный дневник, который Ч. Дарвин вел с 1838 по 1881 г. В Англии опубликованы в 1887 и 1903 гг. только небольшие отрывки. Полный текст впервые опубликован в СССР в русском переводе в 1957 г.

7. Воспоминания о детских годах. Написано в 1838 г. Впервые опубликовано в Англии в 1903 г.

8. Природа Дауна. Написано в 1843—1844 гг. Впервые опубликовано в Англии в 1903 г.

9. Письмо-завещание жене 1844 г. Впервые опубликовано в Англии в 1887 г.

10. Характер Энни. Написано в 1851 г. Впервые опубликовано в Англии в 1887 г.

11. Воспоминания о Дж. С. Генсло. Написано в 1861 г. Опубликовано в Англии в 1862 г.

12. Анкета 1873 г. Впервые опубликована в Англии в 1887 г.

13. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Основной текст написан в 1876 г., дополнения — в 1878—1879 и 1881 гг. В сильно сокращенном виде (под названием «Автобиография») опубликовано впервые в Англии в 1887 г. Полный текст впервые опубликован в СССР в русском переводе в 1957 г. В Англии полный текст опубликован впервые в 1958 г. *

14. Анкета 1879 г. Впервые опубликована в Англии в 1887 г.

15. Жизнь Эразма Дарвина. Написано и опубликовано в 1879 г.

ЭДИНБУРГСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1827 г.

Сведения о пребывании Дарвина в Эдинбурге в 1825—1827 гг. в течение долгого времени ограничивались в основном теми немногими замечаниями, которые мы находим в «Воспоминаниях» (этот том, стр. 183—187). Опубликование проф. зоологии Эдинбургского университета Дж. Ашуортом в 1935 г. обширных извлечений из «Записной книжки» («Note-book»), которую Дарвин вел в Эдинбурге весной 1827 г., изменило положение: открылась новая страница в биографии Ч. Дарвина, впервые были получены точные и богатые сведения о раннем периоде формирования естественнонаучных интересов и знаний Ч. Дарвина, о биологических наблюдениях и первых открытиях, сделанных им в возрасте семнадцати лет. Более того, в статье проф. Ашуорта, помимо извлечений из «Записной книжки», имеется много ценных сведений о Плиниевском обществе, его заседаниях, о докладах, прочитанных в период пребывания Дарвина членом Плиниевского общества, о молодых профессорах и ассистентах Эдин-

* Приведенное в этом пункте название («Воспоминания...») Ч. Дарвин сам дал своему жизнеописанию. Широко известное название «Автобиография» было дано Фр. Дарвином в 1887 г. Помимо сокращенного текста «Воспоминаний», составившего главу 2 L. L., Фр. Дарвин использовал также отдельные отрывки из «Воспоминаний» (об отце, о религии) в главах 1 и 8 того же первого тома L. L. Впоследствии Н. Барло опубликовала полный текст отрывка о Р. Фиц-Рое во вступительной статье к изданному ею «Путевому дневнику». В русском переводе сокращенный текст «Автобиографии», изданный Фр. Дарвином, впервые появился в конце прошлого века в I томе «Собрания сочинений» Дарвина, изданного О. Поповой, и затем неоднократно переиздавался. Отрывки о религии, опубликованные Фр. Дарвином, стали впервые известны русскому читателю в переводе... с немецкого языка: в 1907 г. В. В. Битнер издал перевод хрестоматийного сборника отрывков из различных работ Дарвина, составленного Бруно Вилле — «Чарльз Дарвин. Мое миросозерцание». Полный текст «Воспоминаний» впервые, как уже указывалось, увидел свет в СССР в 1957 г. в нашем переводе с рукописи Ч. Дарвина, фотокопия которой была любезно предоставлена нам Библиотекой Кембриджского университета с правом публикации русского перевода «Воспоминаний».

бургского университета, руководивших работами членов Общества и пр. * Все эти материалы, тщательно собранные Ашуортом в Архиве Эдинбургского университета, позволяют совершенно по-новому оценить значение Эдинбурга в развитии Дарвина.

Студенческий естественнонаучный кружок при Эдинбургском университете был организован под названием «Плиниевского общества» в 1823 г. и просуществовал до 1841 г. Президентами Общества были избраны в декабре 1826 г. студенты старших курсов, уже начавшие специализироваться по зоологии и геологии,— Эйнсуорт, Колдстрим, Кэй, Броун и Файф. Секретарем Общества (т. е. его фактическим руководителем) был избран в том же 1826 г. молодой профессор сравнительной анатомии беспозвоночных Роберт Эдмунд Грант (1793—1874). Дарвин был избран в члены Общества (по рекомендации Колдстрима, Броуна и Файфа) 28 ноября 1826 г., а неделей позже — одним из пяти членов Совета Общества. Со времени избрания Дарвина и до его окончательного отъезда из Эдинбурга в самом конце апреля 1827 г. Общество имело 19 заседаний. Сохранившиеся протоколы Общества позволяют установить, что Дарвин присутствовал на восемнадцати из этих заседаний и часто выступал в прениях по докладам.

Для биографии Дарвина исключительно большой интерес представляют темы докладов, читавшихся и обсуждавшихся на заседаниях Общества. Приведем темы некоторых наиболее интересных докладов по биологическим наукам. В осенне-зимнем семестре 1826 г. были прочитаны доклады об анатомии выразительных движений, об инстинкте, об откладывании кукушкой яиц в гнезда других птиц; в зимне-весеннем семестре 1827 г.— об основах естественной классификации, о видовых признаках (как указано в «Протоколах», Дарвин принимал участие в обсуждении этих двух докладов, но содержание его выступлений, к сожалению, не сообщается), о морских змеях и осьминогах, о ловле китов у Шетландских островов, об изменчивости формы листьев у благородного лавра, об окрашивании моря в млечный цвет летом 1826 г. у Шетландских островов (в прениях по этому докладу Колдстрим приписал это явление наличию в воде микроскопических светящихся животных) ** и др.

Общетеоретический характер многих тем показывает, что члены Плиниевского общества интересовались краеугольными проблемами биологии, и интересно отметить тот факт, что ряд этих тем (естественная классификация, проблема вида, изменчивость, инстинкты, выразительные движения, свечение моря) явились впоследствии объектами работ Дарвина или попутно затрагивались в его сочинениях. Для характеристики умонастроения, господствовавшего, по-видимому, среди членов Общества, весьма примечательно, что в заседании 26 декабря 1826 г. членами Обще-

* J. H. Ashworth. Charles Darwin as a Student in Edinburgh, 1825—1827. Proceedings of the Royal Society of Edinburgh, vol. LV, part II (№ 10), pp. 97—113. Edinburgh, MCMXXXV.

** Заявление Колдстрима, по-видимому, сильно заинтересовало членов Плиниевского общества, один из которых, У. Берд, прочитал в Обществе в 1829 г. доклад о свечении моря, напечатанный в 1830 г. в Лоудоновском Журнале естественной истории: On the Luminousness of the Sea. Read before the Plinian Society by W. Baird, Esq., Member of that Society, July 14, 1829 (The Magazine of Natural History, conducted by J. C. Loudon. Vol. III, pp. 308—321. London, 1830). Как мы увидим в следующей главе, Дарвин читал этот журнал как до путешествия, так и во время его, и был, несомненно, знаком со статьей Берда.

ства были забаллотированы два знаменитейших биолога того времени — Кювье и Блуменбах, предложенные в почетные члены Общества его руководителями. Если учесть, что Кювье и Блуменбах были вождями реакционных течений тогдашней биологии — креационизма и витализма, можно высказать предположение, что забаллотирование их выражало прогрессивные тенденции большинства членов Плиниевского общества. У нас нет, к сожалению, более определенных данных, которые позволили бы уточнить этот вопрос, но мы знаем, что секретарь Общества доктор Роберт Грант, изучавший после окончания Эдинбургского университета (в 1814 г.) зоологию у Ламарка в Парижском Ботаническом саду, был несомненно знаком с «Философией зоологии» Ламарка и разделял его воззрения на эволюцию органического мира. Мы знаем также, по словам самого Дарвина (этот том, стр. 184), что Грант однажды во время экскурсии познакомил юного Дарвина с содержанием эволюционного учения Ламарка, и это позволяет думать, что Грант вообще пропагандировал эволюционное учение среди членов Плиниевского общества, считая, вероятно, что среди студентов-медиков Эдинбургского университета члены Плиниевского общества, проявляющие активный интерес к теоретическим проблемам естествознания, более других подготовлены к восприятию эволюционной идеи.

Юный Дарвин был, несомненно, одним из тех студентов, кто проявлял интерес к естествознанию в наибольшей мере. Однако, как это хорошо известно, в те годы его больше интересовали конкретная зоология, анатомия и эмбриология животных, нежели казавшиеся ему туманными и отвлеченными эволюционные рассуждения его деда Эразма и Ламарка. Вероятно, его несомненный и продуктивный интерес к зоологии морских беспозвоночных и побудил членов Плиниевского общества избрать его в члены Совета Общества. Эдинбургская «Записная книжка» позволяет нам не только составить себе отчетливое представление об объектах, которыми занимался в то время Дарвин, но и увидеть в нем тонкого и глубокого наблюдателя и зоркого коллектора биологических объектов — черты, которые в такой замечательной степени развились у него в дальнейшие годы. Несомненно, значительную помощь Дарвину в его первых зоологических сборах и наблюдениях оказало его сближение с доктором Робертом Грантом и с ньюхейвенскими рыбаками. С последними Дарвин не раз выезжал в море на ловлю устриц драгой с глубоких устричных банок. Только таким образом Дарвин мог, как он сам указывает в записях от 20 и 23 апреля, собрать некоторые морские формы, живущие не у берегов. Большинство беспозвоночных, упоминаемых в записях Дарвина (брюхоногие моллюски, пиявки, мшанки, гидроидные полипы), являлись в то время объектом занятий Гранта. Он же, привлекши Дарвина к вскрытию пойманного ими довольно крупного экземпляра северной морской окунеобразной рыбы обыкновенный пинагор (или морской воробей), познакомил молодого натуралиста с методикой анатомических вскрытий (запись от 16 марта).

Наибольший интерес представляют наблюдения Дарвина над мшанками из рода *Flustra* и над морской пиявкой *Pontobdella muricata;* в «Воспоминаниях» (этот том, стр. 185) Дарвин сам упоминает о двух своих сообщениях в Плиниевском обществе, связанных с указанными объектами. В сохранившихся протоколах Плиниевского общества имеется следующая запись от 27 марта 1827 г.: «М-р Дарвин сообщил Обществу о двух сде-

данных им открытиях: 1. что яйца Flustra обладают органами движения; 2. что небольшое черное шаровидное тело, ошибочно принимавшееся до настоящего времени за молодую форму *Fucus lorius,* в действительности представляет собою яйцо *Pontobdella muricata.* По просьбе Общества он обещал составить отчет об этих фактах и представить его и образцы названных объектов на ближайшем заседании Общества.— Д-р Грант подробно рассказал о ряде фактов, относящихся к естественной истории Flustra». В протоколе ближайшего заседания, от 3 апреля 1827 г., имеется запись о представлении Обществу «м-ром Дарвином экземпляра *Pontobdella muricata* с яйцами и молодью», но нет упоминания ни об отчете Дарвина, ни о «яйцах» Flustra. Изложение открытий Дарвина, сделанное им самим, мы находим в его эдинбургской «Записной книжке» под датой 20 апреля, т. е. через три недели после заседания 27 марта.

Сущность открытий Дарвина заключается в следующем. Занявшись тем же объектом, который изучал в то время Грант,— так называемыми «яйцами» мшанки Flustra,— Дарвин совершенно самостоятельно, как мы сейчас увидим, установил, что эти «яйца» обладают органами движения (ресничками) и в действительности являются личинками мшанки. Юный Дарвин настолько серьезно относился к своей работе, что ознакомился даже с литературой вопроса (вероятно, по указаниям Гранта) и мог отметить, что установленное им наличие органов движения у «яиц» мшанки «не было, по-видимому, до сих пор замечено ни Ламарком, ни Кювье, ни Ламуру, ни каким-либо другим автором». Дочь Дарвина Генриетта Личфилд рассказывает со слов отца о следующем эпизоде, связанном с этим открытием Дарвина: обнаружив реснички у «яиц» Flustra, Дарвин «немедленно бросился к проф. Гранту, который работал над этим предметом, чтобы сообщить ему [о своем открытии], думая, что тот обрадуется столь любопытному факту. Но он был крайне смущен, услышав в ответ, что очень некрасиво с его стороны заниматься предметом, над которым работает сам проф. Грант, и что он, Грант, сочтет дурным, если мой отец опубликует свое открытие. Это произвело глубокое впечатление на моего отца, и он всегда выражал величайшее презрение к такого рода мелким чувствам, недостойным тех, кто ищет истину» *. В извинение Гранта надо сказать, что, по всей видимости, он уже до Дарвина открыл реснички у личинок Flustra и что, с другой стороны, узнав от Дарвина об еще более интересном его открытии, касавшемся пиявки Pontobdella, Грант, как мы увидим сейчас, поспешил признать в печати заслугу юного натуралиста.

Это второе открытие Дарвина касалось яйцевидных образований, встречающихся на раковинах устриц и других моллюсков. Их принимали за молодые стадии фукусов (бурых водорослей). Проследив за ходом развития этих образований, Дарвин вполне правильно установил, что в действительности это — яйцевые коконы («яйца») морской хоботной пиявки *Pontobdella muricata,* нападающей главным образом на скатов. В июльском номере Edinburgh Journal of Science за 1827 г. (т. III, стр. 160—161) Р. Грант напечатал свою работу о развитии Pontobdella, в которой заявлял: «Заслуга установления того факта, что эти образования являются яйцами данного животного [т. е. Pontobdella], принадлежит моему молодому ревностному другу м-ру Чарлзу Дарвину из Шрусбери, который

* Цит. по P. H. Jespersen, Charles Darwin and Robert Grant. «Lychnos», 1948—1949, S. 159—167.

любезно передал мне экземпляры яиц [т. е. коконов] с зародышами на разных стадиях созревания».

Таким образом, данные Эдинбургской записной книжки Дарвина позволяют с уверенностью заключить, что за годы пребывания Дарвина в Эдинбурге, когда ему было 16—18 лет, у него уже начали складываться интересы в области зоологии, и он приобрел известный опыт в производстве научных исследований, главным образом — по морским беспозвоночным. Многочисленные энтомологические и орнитологические заметки, рассеянные в «Дневнике изысканий», «Путевом дневнике» и в путевых «Записных книжках» 1832—1836 гг., хотя и поражают нас необычайными для начинающего путешественника и зоолога многосторонностью, наблюдательностью и точностью, становятся тем не менее понятными, когда вспоминаешь, что энтомологией и орнитологией Дарвин увлекался с 1825 г. и еще раньше. Менее понятным казалось то широкое и точное знакомство со многими морскими беспозвоночными — моллюсками, червями, мшанками, различными представителями коралловых полипов, альционариями, морскими перьями и другими,— которое мы обнаруживаем как в опубликованном тексте «Дневника изысканий», так и в ранних его вариантах — черновых заметках и записях, сделанных во время пути. Из «Эдинбургского дневника» Дарвина следует с достаточной очевидностью, что знания и навыки работы, приобретенные им в Эдинбурге, в совместных экскурсиях и занятиях с Грантом, Колдстримом и другими молодыми натуралистами и с ньюхейвенскими рыбаками, были прочно усвоены им и составили основу его быстро ширившихся в ходе путешествия интереса к морским организмам и знакомства с ними. Не забылись, очевидно, и те доклады в Плиниевском обществе, которые были посвящены таким биологическим вопросам, как, например, свечение моря или проблема вида.

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ» 1832—1836 годов

Карманные «Записные книжки», в которые Дарвин бегло и кратко заносил прямо на месте свои первые путевые наблюдения, впечатления и мысли, чтобы затем, в спокойные минуты — на корабле или на сухопутных стоянках — развернуть эти черновые заметки в составленные по свежей памяти более обстоятельные записи «Путевого дневника» («Diary» — см. т. I наст. издания), были впервые опубликованы внучкой Дарвина леди Норой Барло в 1945 г. В примечании 1 (этот том, стр. 371) к тексту «Записных книжек» приведены необходимые библиографические данные и те сведения о характере, количестве и внешних особенностях «Записных книжек», которые сообщает Нора Барло. Здесь отметим только, что название «Записные книжки» 1832—36 гг.— условное, поскольку опубликованные Н. Барло тексты охватывают не только «Записные книжки» за эти годы, но и некоторое число «Биологических заметок», которые Дарвин составлял в те же годы по поводу каждого биологического объекта, отправленного им на родину, а также некоторые записи 1837—39 гг., случайно занесенные Дарвином на оставшиеся свободными страницы старых дорожных записных книжек (см. стр. 67—70 и примечания 92 и 94). Следует также помнить, что текст «Записных книжек» не соответствует полностью «Путевому дневнику» и «Дневнику изысканий» — не только потому, что несколько «Записных книжек» утрачено, но и по той причине,

что при составлении «Путевого дневника» Дарвин, по-видимому, пользовался как «Записными книжками», так и какими-то другими черновыми материалами, а также не записанными еще свежими воспоминаниями, а при составлении опубликованного им текста «Дневника изысканий» (1839 и 1845 гг.) он широко использовал различные литературные источники.

«Записные книжки» представляют собою драгоценный материал для истории научного творчества Дарвина. Фрагментарный характер записей делает их подчас мало понятными. Однако при сопоставлении их с опубликованными произведениями Дарвина непосредственность и литературная необработанность этих первых записей молодого ученого позволяют проследить процесс его научного роста, увидеть самые первые, еще неотчетливые зародыши его будущих работ и идей. Основная ценность «Записных книжек» и опубликованных вместе с ними других материалов заключается прежде всего в том, что они вплотную подводят нас к моменту зарождения у Дарвина его эволюционных воззрений.

Как хорошо известно, главнейшую роль в формировании последних сыграли палеонтологические находки Дарвина в Южной Америке и установленные им факты соотношения между географическим распространением различных групп родственных организмов. «Записные книжки» позволяют проследить, как постепенно накапливались у Дарвина соответствующие данные. Кости ископаемых неполнозубых были впервые найдены Дарвином 22—23 сентября 1832 г. на мысе Пунта-Альта близ Баии-Бланки (к северу от Рио-Колорадо, под 38,5° ю. ш.). Начиная с этой даты, «Записные книжки» за 1832 и 1833 годы пестрят записями о костях вымерших животных (см. записи за X и 3. XI 1832 г., 12 и 22. III, 21, 29 и 31. VIII, 1, 4 и 19. IX, 1, 7 и 10. X, 25 и 26. XI 1833 г.). Дарвин сообщает то о своих собственных находках в Патагонии и Уругвае, то о рассказах о такого рода находках, услышанных им от различных лиц, то о необходимости посетить то или иное место, где имеются или могут находиться ископаемые кости, то о музейных экспонатах скелетов вымерших неполнозубых в Буэнос-Айресе и других городах Южной Америки.

Для характеристики молодого ученого интересно отметить следующее обстоятельство, демонстрирующее одновременно его научную проницательность и его юный пиетет к мнению «мужей науки». Увидев впервые громадный костный панцирь, Дарвин безошибочно определил принадлежность его гигантскому вымершему броненосцу. В письме к Генсло от 24 ноября 1832 г. (этот том, стр. 74) он ясно указывает, что как только впервые увидел это образование, то подумал, что оно должно принадлежать ископаемому броненосцу (глиптодонту), и добавляет: «современные виды этого рода встречаются здесь в изобилии». Таким образом, первоначально Дарвин готов был стать на совершенно правильный путь и даже сблизил вымерших гигантских глиптодонтов с обитающими в тех же местах современными маленькими броненосцами. Между тем, в указанном месте «Записных книжек» Дарвин пишет: «Мегатерий подобен броненосцу: панцирь, зубы». Эти непонятные на первый взгляд слова разъясняются все тем же письмом к Генсло. Дарвин говорит там, что сразу же приписал найденные им кости мегатерию на основании почерпнутого им где-то сообщения, что согласно «новейшим наблюдениям» мегатерии обладали костным панцирем. «Что это за наблюдения?» — спрашивает Дарвин у Генсло. Мы не знаем, сообщил ли ему Генсло, что это ошибочное пред-

ставление было развито в 1830 г. геологами Вейсом и Перишем, и затем принято известным английским геологом Бёклендом, который в публичной лекции о мегатерие (в июне 1832 г.) доказывал, будто мегатерий был покрыт мощной «броней». Несомненно, однако, что Дарвин продолжал придерживаться точки зрения Бёкленда довольно долго: еще в записи от 7 октября 1833 г. он говорит о двух видах мегатерия, более крупный из которых обладал панцирем «в два или три дюйма толщиною» (этот том, стр. 38; см. также примечание 9 на стр. 381).

Из «Записных книжек» видно, что Дарвин неизменно старался выяснить геологический возраст найденных им ископаемых животных. Для этого он постоянно отмечает характерные геологические особенности тех пластов, в которых он нашел ископаемых, определяет состав находимых в них раковин и их идентичность или неидентичность с моллюсками, обитающими в настоящее время в море у ближайших к месту находки берегов и т. д. В результате уже в сентябре-ноябре 1833 г. он приходит к совершенно правильному выводу, что найденные им ископаемые неполнозубые (мегатерий и др.) — скорее всего «дилювиального происхождения», т. е. жили в начале четвертичного времени, или иными словами — в плейстоцене (по терминологии, предложенной в 1839 г. Ляйеллем). Следует отметить, что в записях 1832—36 годов мы не находим каких-либо прямых указаний на то, что Дарвин уже в это время определенно связывал обнаруженные им палеонтологические факты с эволюционной проблемой. Лишь на пути домой из Пернамбуко, в августе-сентябре 1836 г., занося в «Записную книжку» свои первые, еще очень неотчетливые соображения по вопросу об эволюции организмов, он в одном-двух местах кратко касается и вопроса об отношении между вымершими и родственными им современными формами животных. К этим его замечаниям будет удобнее вернуться в дальнейшем.

Проведенные Дарвином во время путешествия обширные работы по коллекционированию разнообразных представителей животного и растительного мира все время сталкивали его с различиями в строении и поведении более или менее близких форм, обитающих в разных географических районах. 22 марта 1833 г., находясь на Фолклендских островах, он ставит перед собой задачу «произвести наблюдения над различием видов и относительной численностью [каждого вида]», он хочет знать, «в чем проявляются особенности различных местообитаний», а в связи с миграцией гусей он ставит вопрос о том, «связаны ли Фолклендские острова с Рио-Негро» (рекой в Патагонии). По-видимому, он уже и раньше размышлял об этом, потому что 2 марта 1833 г., на другой день после прибытия «Бигля» на Фолклендские острова, он заносит в «Записную книжку» бегло и скупо составленную заметку, впоследствии (как сообщает Н. Барло) зачеркнутую им: «Не указывает ли более близкое сходство насекомых и растений [островов] [с соответственными материковыми формами] * так

* Перед последней вставкой в текст Дарвина, принадлежащей Н. Барло, мы добавили слово «островов», чтобы сделать более ясным, какие животные и растения сравниваются с материковыми формами. Вся фраза имеет следующий вид по-английски: «Is not the closer connection of insects and plants [with the mainland equivalents] as well as this fact point out closer connection than Migration». У Дарвина, как мы видим, стоят одни и те же слова «closer connection» как в начале, так и в конце фразы. Но если перевести на русский язык эти слова в обоих случаях словами «более тесная связь», то добраться до смысла фразы становится крайне трудным. Быть может, и сам Дарвин, перечитав через некоторое время эту свою фразу, уже не мог

же ясно, как и этот факт *, на более тесную связь, чем миграция?» Если предложенное чтение заметки Дарвина правильно, то она представляет исключительный интерес, так как объясняет сходство островных форм с материковыми не миграцией этих форм в их нынешнем состоянии с материка, а какой-то «более тесной связью», которой может быть, очевидно, только происхождение от других форм, некогда мигрировавших на острова с материка и затем изменившихся. Такое истолкование рассматриваемой записи Дарвина устанавливает значительное сходство между ней и известной галапагосской записью Дарвина от сентября-октября 1835 г. (см. ниже), и показывает, следовательно, что уже через год после того, как «Бигль» впервые подошел к берегам Южной Америки, в голове Дарвина возник первый зачаток идеи происхождения одних видов от других в изменяющихся условиях среды. Это следует, однако, рассматривать только как предположение, требующее дальнейшего исследования и дополнительных доказательств.

Заметка о галапагосских пересмешниках (см. стр. 60), опубликованная Н. Барло впервые в 1935 г., была написана Дарвином во время пребывания на Галапагосских островах — в сентябре-октябре 1835 г.; она не входит в состав публикуемых «Записных книжек», а была извлечена Н. Барло из специальной записной книжки Дарвина по вопросам орнитологии. Выраженное в этой заметке убеждение, что наличие на лежащих близко друг от друга островах различных разновидностей одного и того же вида при общем сходстве фауны и флоры островов с животными и растениями близлежащего материка является такого рода фактом, который должен «подорвать [веру в] неизменность видов», следует справедливо рассматривать, как первое отчетливое, не вызывающее никаких сомнений высказывание Дарвина, излагающее его новые, эволюционные воззрения. В «Записной книжке» за 1835 г. Дарвин в воскресенье 20 сентября лишь коротко отметил поразивший его факт в следующих словах: «Tenca [пересмешники] на этих островах очень доверчивы и своеобразны. По орнитологии я определенно узнаю Южную Америку; узнал бы [ее] и ботаник [по растениям]...» (стр. 59).

Если оставить в стороне рассмотренную нами выше запись от 2 марта 1833 г., «Записные книжки» дают нам все же достаточно материала, показывающего, что идея, выраженная в записи от 20 сентября 1835 г. и заметке о галапагосских пересмешниках, была подготовлена длительными наблюдениями 1833—35 годов. Так, 10 августа 1833 г. Дарвин отмечает, что патагонские тукутуко и водосвинка отличаются от более северных,

с полной ясностью уловить промелькнувшую в его уме, но плохо изложенную им мысль, и именно поэтому зачеркнул эту фразу. Все это делает, конечно, гипотетичным, хотя и вполне вероятным приводимое нами ниже эволюционное толкование данного текста, идея которого была впервые высказана Норой Барло (см. Ч. Дарвин, Путешествие... Письма и записные книжки. Москва, ИЛ, 1949, стр. 179).

* Дарвин не указывает, какой факт он имеет здесь в виду. В известной галапагосской записи 1835 г. о пересмешниках Дарвин, констатируя наличие на разных островах Галапагосского архипелага различных разновидностей одного и того же вида, при большой близости их друг с другом и при общем сходстве их с соответственными видами южноамериканского материка, говорит, что единственный известный ему «факт подобного рода... это — постоянно отмечаемое различие между волкообразной лисицей с Восточного и Западного Фолклендских островов» (этот том, стр. 60). Не этот ли именно факт и имел в виду Дарвин в записи от 2 марта 1832 г.? Если это так, то эволюционный смысл рассматриваемой записи становится почти несомненным.

мальдонадских, как по внешности, так и по голосу к повадкам. К 7 сентября 1833 г. относится первое упоминание о той более мелкой форме южноамериканского страуса, которая была открыта и описана Дарвином и впоследствии названа его именем (Avestruz petise=*Nandu* или *Rhea Darwinii*). Вопрос о взаимоотношении этой, патагонской, формы с более северной, ла-платской (граница между ареалами этих двух форм проходит в широтном направлении приблизительно по рекам Рио-Колорадо и Рио-Негро) сильно занимал Дарвина, что видно из его эволюционных записей, сделанных по пути домой в сентябре-октябре 1836 г. (см. ниже). В марте 1834 г., во время вторичного пребывания на Фолклендских островах Дарвин внимательно всматривается в диких, домашних и одичавших животных этих островов. Его занимают видовые отличия местных грифов, ястребов, вьюрков, вискашей, зайцев, одичание крупного рогатого скота, но отсутствие одичавших лошадей; наличие среди одичавших кроликов экземпляров разных мастей; отсутствие на островах змей; широкое распространение в южных морях ламинарии с разнообразным сообществом обитающих на ней морских животных. В апреле того же года, находясь на берегах Патагонии, он отмечает наличие там фолклендского жаворонка, связь распространения «водорослевой птицы» (см. примеч. 59, стр. 375) с наличием или отсутствием в море ламинарий, границы распространения ряда птиц, зайцев, ламинарии. В марте 1835 г. он впервые обращает внимание (при переходе через Анды) на своеобразие животного и растительного мира по обе стороны — западную и восточную — этой гигантской горной цепи, он подчеркивает наличие высоко в Андах своего, особого вида вискаши. Наоборот, в июне того же года, находясь в Северном Чили, он констатирует наличие там «сан-хулианских» вьюрков, что должно было особенно поразить его, поскольку в апреле 1834 г. он записал в «Записной книжке», что сан-хулианский вьюрок не встречается к северу от Сан-Хулиана (бухта на Атлантическом берегу Южной Америки под 49° ю. ш.).

Число подобных записей, извлеченных из «Записных книжек» 1832—36 гг., не ограничивается приведенными примерами. Вопрос о различиях между близкими формами, обитающими в разных географических районах, с каждым годом все больше привлекал внимание Дарвина, и достаточно очевидно, что в последние два года плавания на «Бигле» эволюционная проблема встала перед Дарвином прежде всего в связи с установленными им фактами «географического характера» — сходства островных фаун с материковыми и пр.; палеонтологические же данные первоначально сыграли в этом отношении меньшую роль. Особенно это становится заметным в недатированных записях, которые Н. Барло относит (по-видимому, с полным основанием) ко времени, когда «Бигль», оставив берега Южной Америки, совершал свое заключительное плавание через Атлантический океан на родину. Эти записи рисуют Дарвина, как вполне сложившегося к концу путешествия геолога и зоолога, как ученого, который уже не испытывает чувства робкого трепета перед авторитетами, даже перед такими признанными им самим авторитетами, как Ляйелль, и готов пойти в области исследованных им проблем по совершенно новому и самостоятельному пути.

За время плавания вдоль восточных и западных берегов Южной Америки Дарвин собрал огромный материал, свидетельствовавший о том, что в течение своей геологической истории гигантский материк неоднократно испытывал процессы поднятия и опускания. В своих «Воспоминаниях»

Дарвин говорит, что «вся теория [коралловых рифов] была придумана [им], когда [он] находился на западном берегу Южной Америки — до того, как [он] увидел хотя бы один настоящий коралловый риф» (этот том, стр. 214). К сожалению, ни «Путевой дневник», ни «Записные книжки» за 1835 г. не дают данных для точного определения даты и места этого события. Н. Барло говорит по этому поводу, что «путешествуя по побережью, Дарвин опускал веревку с прикрепленным к ней куском олова, зондируя дно океана. Но детали этих исследований не сохранились, так как нехватает нескольких страниц в «Записной книжке» этого периода» *. Из сохранившейся записи (19—20 июля 1835 г.) видно во всяком случае, что он думал в это время о движениях морского дна и интересовался сведениями о быстроте роста кораллов на атоллах Тихого океана. Его тенденция связывать и обобщать собранные материалы хорошо выражена в записях от июля-сентября 1836 г. Он думает уже о «Предисловии» к своим будущим геологическим трудам и в качестве руководящей идеи этого «Предисловия» намечает положение о единстве геологических процессов во всем мире: «Если... наши выводы находят подтверждение как в Южной Америке, так и в Европе, то можно с уверенностью считать их приложимыми ко всему миру», и несколькими строками ниже: «Читал о геологии Северной Америки, Индии и вспомнил Южную Африку, Австралию и океанические острова. Геология всего земного шара становится понятной» (стр. 65).

Можно думать, что это обобщение имело для Дарвина не только свой непосредственный геологический смысл. Оно, как мы знаем, привело его к решению труднейшей проблемы — вопроса о происхождении атоллов, кольцевых коралловых островов. Оно же, несомненно, сыграло исключительно важную роль в формировании всего мировоззрения Дарвина, послужив одним из существеннейших оснований развившегося у него убеждения во всеобщей изменяемости явлений природы, что привело его к разрыву с метафизическим представлением о неподвижности, неизменности мира. Дарвин не замедлил распространить это свое новое убеждение и на органический мир. Все на тех же заключительных страницах «Записной книжки» 1836 г. он набрасывает, вслед за рассмотренными выше геологическими замечаниями, свои первые мысли о закономерностях эволюционного процесса. Обнаружив на Галапагосских островах и в других местах, что факты «географической изменчивости» должны «подорвать [веру в] неизменность видов», Дарвин, казалось бы, должен был прийти к выводу, что виды, попадая в новые для них условия географической среды, изменяются, преобразуются в новые виды под действием новых условий. Однако в своей первой эволюционной концепции 1836 г. Дарвин такого вывода не сделал и не придал условиям среды, как мы это сейчас увидим, значения в процессе преобразования видов. Но он уже не сомневался в том, что галапагосские пересмешники произошли от южноамериканских и что различные их формы, обитающие на разных островах и лишь незначительно отличающиеся друг от друга (как определить, виды это или разновидности!), произошли от какой-то общей родоначальной формы.

Теперь, в 1836 г., сопоставив собранные им факты «географической» и «геологической» изменчивости, Дарвин приходит к выводу, что это явле-

* Ч. Дарвин, Путешествие... Письма и записные книжки. Москва, ИЛ, 1949, стр. 263.

ния одного и того же порядка: одни формы переходят *, превращаются в другие как в пространстве, так и во времени. Именно поэтому современные неполнозубые встречаются там же, где жили вымершие, и ареалы очень близких по своему строению современных видов либо соприкасаются где-либо по своей границе, либо расположены достаточно близко друг от друга. Если же страна разделена на части непроходимой для животных и растений преградой, какой являются, например, Анды, то состав фауны и флоры по обе стороны преграды оказывается различным. Генетическая связь, подлинное родство видов имеет свое основание в процессе размножения, которое создает непрерывную цепь поколений: можно «рассматривать всех особей любого вида [организмов], как единую особь, разделившуюся при помощи различных способов». При этом иногда потомки резко непохожи на родителей: «зоофит производит отличных от него животных». Таким образом, «при последовательном размножении мы видим особь, делящуюся либо в один момент, либо на протяжении веков». И в том и другом случае вид может произвести другие виды, отличные от него. Вот почему, встречая две такие формы, как патагонский и ла-платский страус, которые хотя и незначительно, но вполне ощутимо отличаются друг от друга, мы чувствуем себя вынужденными искать их общего предка.

Продолжая еще пользоваться старой, привычной терминологией, Дарвин говорит, что, согласно его новому представлению, на поднявшихся в недавнее геологическое время из моря вулканических островах (таких, например, как Галапагосские) должны были совершаться «новые акты творения», которые, как это для него уже ясно теперь, свелись к преобразованию иммигрантов с Американского континента в новые, своеобразные галапагосские формы. Это положение он тут же экстраполирует на весь земной шар. Если, говорит он, это возможно «для таких ничтожно малых пунктов [суши], а также для любой горы [вспомним особый вид вискаши в Андах], то было бы ошибочным удивляться в меньшей степени новым актам творения на обширных [областях суши]». В виде примера он приводит Австралию с ее совершенно своеобразным миром животных и растений, и в качестве не подлежащего никакому сомнению вывода, заявляет, что, если возникновение новых форм из старых возможно на вулканических островах, то оно должно быть возможно и на любом месте на земле. Заключительные слова этой записи свидетельствуют о том, что Дарвин как бы стремился устранить для самого себя всякое сомнение в подлинном смысле сделанных им заявлений: хотя это и «новые акты творения», но все же они «испытывают на себе распространяющееся как из центра влияние соседнего материка, словно любое сотворение [форм] в пределах определенной области должно иметь свой особый характер».

Итак, одни виды переходят в другие, и этот переход можно подметить как в пространстве, так и во времени. Но каким образом он осуществляет-

* Отметим, что Дарвин пользуется здесь глаголом inosculate, который, согласно Оксфордскому словарю англ. языка, означает: сливаться, соединяться, переплетаться, переходить во что-нибудь, образуя при этом непрерывное единство (обычный пример: соединение, переход друг в друга сосудов или нервов при образовании анастомозов). Таким образом, «переход» надо, очевидно, понимать здесь не как преобразование одного в другое, а скорее как последовательную связь различных элементов в пространстве или во времени. Как видно, однако, из непосредственно следующих за этим высказываний Дарвина, он пользуется этим словом для обозначения преобразования, превращения одного вида в другой с одновременным указанием на их генетическую связь.

ся? Пользуясь понятием «акты творения» главным образом по словесной традиции, Дарвин еще в конце путешествия, в последние месяцы плавания «Бигля», пытается раскрыть механизм образования новых видов из старых, правда, как мы сейчас увидим, без особого успеха. Прежде всего он поясняет, что, говоря о переходе одних современных видов в другие или древних видов в позднейшие, он не имеет в виду *постепенного изменения* или *перерождения под влиянием обстоятельств* (т. е. условий среды). Так, говоря о двух видах южноамериканских страусов, разделенных «нейтральной зоной», он высказывает следующее предположение: «Более крупный вторгается [в зону] более мелкого; изменение не постепенное; оно возникло сразу, если один из видов изменился». И далее он обобщает это положение: «Если один вид изменяется в другой, то это должно происходить *путем скачка, иначе вид может погибнуть»* (подчеркнуто нами). Именно вследствие того, что «переход видов друг в друга не обнаруживает постепенности», каждый вид — полагает Дарвин — имеет свой строго определенный ареал распространения, свои четкие характерные признаки. Непрерывный,— пространственно или исторически,— ряд видов представляет собою, следовательно, цепь не вполне сходных звеньев, ряд образовавшихся друг из друга путем некоторого «скачка» форм, сразу приобревших вполне законченный характер, со всеми свойственными данной форме новыми чертами, делающими ее новым видом, отличным от старого. В известном смысле это действительно «акт творения» (и притом мгновенного творения) нового вида.

Нетрудно видеть, что одной из причин, заставивших Дарвина отвергнуть постепенное образование видов, было его представление, что при этом вновь образующиеся виды могут оказаться нежизнеспособными, «могут погибнуть». В этом утверждении Дарвина сквозит невысказанное признание того, что виды, возникшие «путем скачка» сразу оказываются в известном соответствии со своей новой средой. Дарвин не замечает, что он вступает в противоречие с им самим высказанным положением, согласно которому условия среды («обстоятельства») не играют роли в вымирании видов: «Следует настаивать на том,— говорит он,— что вымершая лама обязана своей гибелью не изменению обстоятельств». Правда, он тут же добросовестно отмечает возможное возражение, заключающееся в том, что область, где некогда жила вымершая лама, превратилась в пустыню. Но он не задерживается на этом и постулирует положение, по которому виды, подобно индивидам, «сотворены на определенный срок [существования]» и вымирают, когда этот срок, уделенный виду с самого начала его возникновения, закончился. Он пытается обосновать свое убеждение в том, что условия среды не играют роли ни в образовании новых видов, ни в вымирании старых: домашние животные, одичав, продолжают успешно размножаться,— это, как он сам мог убедиться, не вызывает никаких сомнений в отношении различных европейских домашних животных, необычайно размножившихся во многих районах Южной Америки, резко отличающихся по своей природе от Европы; не доказывает ли это, что «сотворение вовсе не связано с одним только приспособлением животных»? Но в таком случае «и вымирание может не зависеть» от неприспособленности, и это означает, что «в вымирании видов нет ничего более удивительного, чем в смерти особей».

Мы видим, таким образом, что первая попытка выяснения закономерностей эволюционного процесса, предпринятая Дарвином на последнем

этапе его кругосветного путешествия, носила идеалистический характер. Будущий творец теории естественного отбора стал на путь, предвосхищавший... автогенетические теории антидарвинистов и других реакционных биологов конца XIX и первых десятилетий XX веков. Процесс исторического развития животных и растений совершается в силу каких-то внутренних законов, присущих организмам. Выражением этих внутренних законов являются «скачки», сразу создающие из одного вида другой, готовый к существованию в новых условиях среды; этими же внутренними законами определяется срок существования вида, который, подобно индивиду, проделывает путь от молодости к старости и смерти. Эти процессы происходят независимо от условий существования видов, независимо от внешней среды.

Невозможно, разумеется, смешать «скачки» в этой концепции молодого Дарвина с марксистским, диалектическим представлением о скачке. Это не ленинский «перерыв постепенности» («...жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности») *. Эволюционная теория, созданная Дарвином летом или в начале осени 1836 г., сильно напоминает теории тех биологов-антидарвинистов, которые сводили весь процесс эволюции к крупным самопроизвольно возникающим мутациям, а естественный отбор стремились заменить «стремлением организмов к прогрессу» и другими идеалистическими представлениями этого рода. Но реакционные биологи-идеалисты — в своей открытой или завуалированной борьбе с дарвинизмом — пришли к теории самопроизвольных скачков через полстолетия после опубликования «Происхождения видов». Между тем, молодому Дарвину понадобился незначительный срок в несколько месяцев, чтобы осознать свое заблуждение. Временно его материалистическая интуиция изменила ему. Произошло это потому, что он, с самого начала своей научной деятельности придававший огромное значение в научном исследовании тщательному изучению фактов, поспешил *измыслить* обобщающую теорию, построить ее, не имея еще в своем распоряжении достаточно обширного и строго проверенного фактического материала.

По известному признанию самого Дарвина в его «Воспоминаниях» (см. этот том, стр. 226) он приступил к своей исследовательской работе над проблемой происхождения видов вскоре после возвращения в Англию. Он говорит, что именно тогда у него «явилась мысль, что... собирая все факты, которые имеют хотя бы малейшее отношение к изменению животных и растений в условиях одомашнения и в природе, удастся, быть может, пролить некоторый свет на всю проблему в целом. Моя первая записная книжка [о трансмутации видов] была начата в июле 1837 г.» Если даже крайне осторожный и скромный тон этих слов характеризует Дарвина позднейших лет, а не только что вернувшегося из путешествия, полного юной энергии и уверенности в себе молодого ученого, открытия которого сразу же привлекли к нему внимание крупнейших английских натуралистов, то самый факт не подлежит сомнению: между мартом (как это видно из «Дневника» Дарвина — этот том, стр. 131) и июлем 1837 г. Дарвин принимает решение тщательно и всесторонне собирать факты, которые в будущем, может быть, прольют «некоторый свет на всю проблему в целом». Из этого можно с полным основанием сделать тот вывод,

* В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, том 16, стр. 319.

что концепция, созданная им по пути в Англию, больше уже не удовлетворяла его и, по всей вероятности, была нацело отброшена им как только он приступил к глубокому исследованию проблемы. В одной из следующих глав настоящей статьи мы увидим, что анализ «Записной книжки» 1837—38 гг., первой записной книжки о трансмутации видов, с несомненностью убеждает в том, что уже в июле 1837 г. Дарвин начинает приближаться к формулировке подлинных элементов своей будущей теории естественного отбора — прежде всего явлений приспособленности организмов к условиям среды и расхождения признаков.

Данные, систематическое собирание которых Дарвин начал, как он сам заявляет, в июле 1837 г., фактически, однако, накапливались им уже во время путешествия. «Записные книжки» 1832—36 гг. и «Биологические заметки» (см. стр. 67 и примечание 92) дают в этом отношении некоторый, разумеется, далеко не полный, материал. У птички тапаколо (Чили) — отмечает он 21 августа 1834 г.— «хорошо приспособленный» [«well adapted»] хвост. 16 января 1836 г. он записывает, что австралийские дикие собаки приручаются и «свободно спариваются» (фраза не окончена: надо думать, свободно спариваются с домашней собакой). В одной из ранних «Биологических заметок» (№ 756) он пишет: «Как часто оказываются связанными друг с другом особенности строения и самые незначительные черты поведения». Еще раньше (в заметке № 646) он говорит, что было бы интересно сравнить паразитов дикой морской свинки «с паразитами, жившими на европейских особях, и выяснить, *не изменились ли паразиты в результате переселения и одомашнения*» (подчеркнуто нами). Он добавляет к этому, что «любопытно было бы произвести аналогичные наблюдения над различными человеческими племенами». В заметке № 1270 он пишет по поводу какой-то южноамериканской кошки: «Я не знаю, особый ли это вид или одичавшая домашняя кошка... Было бы интересно сравнить его с аборигенной домашней кошкой, чтобы выяснить, представляют ли оба они один и тот же вид». Даже эти отрывочные и не всегда ясные записи определенно говорят, что интерес Дарвина к явлениям приспособленности животных к условиям среды, к соотношению между строением и поведением животного, к скрещиванию, к изменению под влиянием условий существования и т. п. вполне отчетливо проявился во время путешествия.

Как мы увидим в дальнейшем, «Записная книжка» 1837—38 гг. содержит мало данных относительно «изменений домашних животных», собирание которых было намечено Дарвином в марте 1837 г. Однако некоторое число соответственных данных мы находим в записях, которые были сделаны Дарвином на свободных страницах одной из «Записных книжек» 1832—36 гг. (см. стр. 68 и примечание 94), судя по всему, в марте-июле 1837 г., но отчасти и в дальнейшие годы — вплоть до 1839-го. Из этих записей видно, что Дарвин активно интересовался сведениями (которые он собирал при помощи различных лиц — Саливена, Митчелла, Яррелла, Эйтона, Фокса, мисс Бат, Смита, Уотерхауса, Вудса) о породах домашних животных (кошки, собаки, рогатого скота, овцы, голубей), о гибридизации, и в частности,— о скрещивании домашних форм с дикими, об акклиматизации европейских сорняков в Южной Америке и т. д. Среди обширного справочного материала он вкрапливает в разных местах попутно возникающие у него вопросы и соображения, показывающие, в каком направлении начала теперь работать его мысль. Он уже отбросил идею

о самопроизвольных скачках, «должны существовать,— пишет он,— какие-то законы изменения, случай никогда не мог бы произвести разновидности». Важнейшую проблему для эволюционного учения представляет вопрос о пределах изменчивости. «Выяснить во всех случаях: может ли изменение привести к появлению признаков, приобретающих значение видовых в пределах того же рода». В связи с проблемой гибридизации его интересуют вопросы такого, например, характера: однотипным или разнотипным является потомство настоящих гибридов, «утрачивают ли самцы животных половое чувство при повторных скрещиваниях», сколько времени требуется для сформирования новых пород («Голуби: сколько поколений в среднем прошло со времени их возникновения?»). Все эти записи Дарвина показывают с несомненностью, что пора «натурфилософских» исканий у него закончилась и наступила пора серьезной исследовательской работы, в результате чего у него довольно быстро (как будет показано при рассмотрении «Записной книжки» 1837—38 гг.) сложилась новая, материалистическая концепция эволюционного процесса, над которой он затем работал, углубляя и уточняя ее, вплоть до 1859 г. и позже.

* * *

Заметки «Записных книжек», касающиеся негров и индейцев, дают мало нового для характеристики хорошо известного отрицательного отношения Дарвина к рабству и угнетенному положению цветных народов. Однако несколько ярких, хотя и очень скупо выраженных черточек мы находим там. Какой-то защитник рабства негров доказывал, по-видимому, Дарвину, что негры находятся в лучшем положении, чем английские рабочие. В ответ на это Дарвин задает полный гнева вопрос: «Бога ради, в каком отношении неграм лучше, чем нашим английским рабочим?» (запись от 22 апреля 1832 г.). В этом вопросе косвенно выражено возмущение и по адресу английской буржуазии за тяжелое положение рабочего класса, что Дарвин прямо высказал в опубликованном тексте «Дневника изысканий» (ср. наст. изд., том I, стр. 417). Повсюду в «Записных книжках» Дарвин выражает восхищение красотой, благородством и свободолюбием индейцев и не перестает возмущаться тем огромным злом, которое принесли индейцам белые колонизаторы (записи от конца июля, 6—7 и 9 августа 1833 г.), и он считает правильным поведение индейцев, которые «обращаются с христианами точно так же, как христиане обращаются с ними...» (5 сентября 1833 г.). Гнев и скорбь слышатся в короткой записи Дарвина, где он без комментариев сообщает о денежной стоимости маленького мальчика-индейца, взятого в плен и проданного в рабство испанцами: «Маленький индейский мальчик — наш пассажир: цена одна унция» (т. е. меньше двух шиллингов; запись от 17 октября 1833 г.).

* * *

«Записные книжки» содержат немало сведений о литературе, изучение которой позволило Дарвину пополнить в пути свое образование. Следует прежде всего назвать описания путешествий, главным образом XVIII и первой трети XIX веков. Мы встречаем здесь упоминания об описаниях путешествий Фелиса Азары, Джованни Молина, Луи-Антуана Бугенвиля, Оттона Коцебу, Фредерика Бичи, Френсиса Хеда, Вильяма Скорсби, Джона Мирса и др. Дарвин тщательно изучил упоминаемые им общие и спе-

циальные сочинения по зоологии Томаса Пеннанта, Джона Флеминга, Вильяма Берчелла и Эндрью Смита — двух зоологов-путешественников, описавших животный мир Южной Африки, а также первый том многотомного описания животного мира тропической части Южной Америки, явившегося результатом путешествия ученика и последователя Кювье крупного французского зоолога Альсида д'Орбиньи,— в этом коллективном труде, помимо его руководителя А. д'Орбиньи принимали участие такие видные зоологи того времени, как Ж. Биброн, А. Валансьен, П. Жервэ. Глубокое штудирование Дарвином во время путешествия «Основ геологии» Ч. Ляйелля, первый том которых он, уезжая из Англии, взял с собою, а второй получил в Монтевидео в ноябре 1832 г., хорошо известно. Но помимо сочинения Ляйелля, Дарвин, как видно из «Записных книжек», изучал также геологические труды Джона Плейфера, Джорджа Скропа и др. В примечаниях к «Записным книжкам» (см. №№ 17, 33, 34, 66а, 70, 73, 75, 78а, 79, 96, 100, 106, 110) даны необходимые биографические и библиографические справки об упоминаемых авторах и их работах.

Еще в Кембридже Дарвин начал, несомненно, знакомиться с периодической естественнонаучной литературой. Во время путешествия он продолжал, как видно из «Записных книжек», следить за некоторыми журналами, находя там новейшие данные и дискуссии по поводу объектов и явлений, которые он сам наблюдал в Южной Америке и в других местах. См., например, его запись от 19—20 июля 1835 г. (и примечание 79) по вопросу об обонянии у трупоядных стервятников Южной Америки. Понятно, однако, что более широкое и систематическое ознакомление с естественнонаучными журналами стало возможным для Дарвина лишь после его возвращения в Англию. В заметках, написанных в 1837—39 гг., о которых выше уже шла речь, мы находим ссылки на статьи в Журнале Лондонского географического общества, Бюллетене Французского геологического общества и др.

Особого внимания со стороны биографа Дарвина заслуживает упомянутый уже Журнал естественной истории, издававшийся Дж. Лоудоном с мая 1828 г. * В нем печатались протоколы всех главных естественнонаучных обществ Англии с рефератами прочитанных на их заседаниях докладов, что позволяло следить за главнейшими событиями научной жизни Англии. Журнал печатал также рефераты статей и монографий английских и иностранных ученых, рецензии, письма и краткие сообщения ученых и любителей естествознания, и организовывал на своих страницах дискуссии по различным научным вопросам, например, по вопросу о свечении организмов, и в частности — о причинах свечения моря (эта дискуссия была начата сообщением о работах Джона Мёррея, на которые ссылается Дарвин в записи от 26 августа 1834 г., и продолжалась ряд лет — см. примечание 66а). Внимательное ознакомление с журналами, которые читал Дарвин, позволяет ближе вникнуть в научную атмосферу, господствовавшую в годы молодости Дарвина в Англии и на материке Европы. Любопытно, в частности, отметить, что весьма часто даже специальные работы по систематике и морфологии, не говоря о работах более общего характера по зоологии и ботанике, пронизаны религиозными и метафизическими тенденциями. Эта атмосфера с огромной силой давила на

* The Magazine of Natural History, and Journal of Zoology, Botany, etc., conducted by J. C. Loudon. Vols. I—IX. London, 1829—1836. В дальнейшем журнал получил название: The Annals and Magazine of Natural History, и т. д.

сознание натуралистов, особенно молодых, только приступавших к научной деятельности ученых, и тем более поразительно, что у молодого Дарвина, который в недавнем прошлом сам готовился стать священником, к концу путешествия проявляется в достаточно отчетливом виде скепсис по отношению к религиозной догме в вопросе о происхождении видов растений и животных.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПИСЕМ К ГЕНСЛО (1835 г.)

16 ноября 1835 г. учитель и друг Дарвина профессор Джон Стивенс Генсло доложил на заседании Кембриджского философского (т. е. естественнонаучного) общества извлечения из ряда писем, полученных им от Чарлза Дарвина в 1832—1835 гг. Генсло сделал это без ведома Дарвина, который находился в это время на Таити, но он, сыгравший решающую роль в назначении Дарвина натуралистом на «Бигль», теперь взял на себя задачу ознакомить ученый мир с первыми результатами исследований молодого ученого. Чутье старого педагога, сумевшего разглядеть в юном студенте-богослове будущего крупного натуралиста, вновь не обмануло его. Тогда, рекомендуя Дарвину принять предложение, Генсло писал ему: «Я... считаю Вас из всех, кого я знаю, наиболее подходящим для этой цели. Я утверждаю это не потому, что вижу в Вас *законченного* натуралиста, а по той причине, что Вы весьма специализировались в коллекционировании, наблюдении и способности отмечать все то, что заслуживает быть отмеченным в естественной истории» *. Теперь Генсло ясно видел, что содержащиеся в письмах Дарвина предварительные сообщения о результатах его геологических, зоологических и ботанических исследований в Южной Америке и на некоторых островах Атлантического и Тихого океанов представляют первостепенный научный интерес, и несмотря на то, что эти результаты противоречили его собственным убеждениям (он был и оставался по своим геологическим воззрениям противником Ляйелля), счел необходимым ознакомить с ними членов руководимого им «Философского общества».

Письма Дарвина, особенно его геологические данные и выводы, действительно возбудили большой интерес, вследствие чего Генсло опубликовал 1 декабря 1835 г. (опять-таки без ведома Дарвина) доложенные им «Извлечения» в виде брошюры (31 страница малого формата), которая была издана на правах рукописи небольшим тиражом для членов Общества. Эта брошюра является *первым печатным трудом* Дарвина, хотя имя его уже и до этого времени дважды появлялось в научной печати: в 1827 г. эдинбургский зоолог Роберт Грант сообщил, как мы уже знаем, об открытии Дарвина, касающемся коконов пиявки Pontobdella muricata (см. выше, стр. XIII), а в 1829—30 гг. во II и III томах монографии известного лондонского энтомолога Дж. Стивенса «Illustrations of British Entomology: Mandibulata» при описании нескольких видов жуков было указано имя кембриджского студента Чарлза Дарвина, эсквайра, как впервые обнаружившего данные виды в Кебриджшире и других местах и доставившего экземпляры их Стивенсу (см. этот том, стр. 193).

В биографической литературе о Дарвине оставались неотмеченными большой интерес и высокая оценка, с которыми была встречена в Англии

* L. L., vol. I, p. 192.

первая работа Дарвина. 18 ноября 1835 г., т. е. всего лишь через два дня после доклада Генсло в Кембридже, профессор Адам Седжвик, другой кембриджский учитель Дарвина, видный геолог, выступил на заседании Лондонского геологического общества с докладом о письмах Дарвина и содержащихся в них геологических наблюдениях. Доклад этот был опубликован в февральском номере журнала The London and Edinburgh Philosophical Magazine за 1836 г. и вторично в 1838 г. в Proceedings Геологического общества. Седжвик говорит, что письма Дарвина чрезвычайно богаты сведениями о геологии Южной Америки, особенно о ее третичных отложениях, историю которых Дарвин проследил с большой подробностью и тщательностью. Он называет результаты геологических и зоологических исследований Дарвина «весьма замечательными», указывает на нахождение Дарвином ископаемых деревьев и гигантских вымерших третичных млекопитающих, особо отмечает его исследование геологического строения и происхождения долины реки Санта-Крус, его описание горной цепи Сьерра-де-ла-Вентана, остававшейся «почти неизвестной географам», и заключает свой доклад цитатами из писем, в которых Дарвин рассказывает о своем переходе через Анды и развивает свои соображения о геологическом строении и возрасте Анд.

Отрывки из изданной Генсло брошюры были напечатаны также в пятом номере третьего тома Entomological Magazine за 1836 г. Журнал выбрал преимущественно те места писем, в которых речь идет о зоологических объектах, но дал их без всяких комментариев. Отмечено лишь (в подзаголовке статьи), что брошюра издана на правах рукописи. Наряду с текстами Дарвина, журнал привел и тот отрывок из статьи Гэ о живорождении у амфибий и рептилий, которым Дарвин заключил свое последнее письмо к Генсло: очевидно, журнал счел полезным довести до сведения своих читателей мысли Гэ о единстве плана строения и развития животных в пределах типа и об известной их изменяемости под влиянием условий среды (см. этот том, стр. 85 и примечание 41, стр. 383).

В третий раз отрывки из брошюры, изданной Генсло, были доведены до сведения английских натуралистов в том же 1836 г. Лоудоновским Magazine of Hatural History (августовский номер). Автор информации, подписавший ее одной только буквой *B.*, в своем небольшом вступлении в следующих словах характеризует значение проделанной Дарвином работы: «Совершенно очевидно, что пребывание путешественника в течение только немногих месяцев на обширных пространствах почти неизведанной страны (где все имеет столь грандиозный масштаб и часто оказывается крайне трудно доступным) предоставляет ему возможность проследить всего лишь самые общие черты ее геологии и пр., но мы не можем не чувствовать себя обязанными за информацию, доставленную нам пионером науки, впервые раскрывшим естественную историю страны с ее многочисленными чудесами, но оставляющим на долю многочисленных будущих путешественников более точное и детальное описание. То же самое мы должны сказать о трудах Гумбольдта, который провел несколько лет в странах Южной Америки, но тем не менее оставил богатое поле для работы будущих исследователей». Тексты Дарвина автор информации снабжает краткими пояснительными заголовками, подчеркивающими богатство и разносторонность их содержания: Ископаемые кости; Обитатели, климат и геология Огненной Земли; Почва Патагонии, геология, древние млеко-

питающие; Размножение кораллин; Геология Анд; Землетрясение; Поднятие суши; Геология Кордильер; Живородящие рептилии (с отрывком из статьи Гэ).

Одинаково высокая оценка значения исследований Дарвина и Гумбольдта, высказанная неизвестным нам автором, могла бы показаться для того времени, когда Дарвин только начал свою исследовательскую работу и сообщения его носили предварительный характер, неумеренно преувеличенной, если бы мы не имели несомненно объективных высказываний столь строгих судей как Адам Седжвик и Чарлз Ляйелль, не имевших к тому же каких-либо особых оснований непомерно расхваливать частные письма мало или совсем неизвестного им автора. Седжвик, как известно, познакомил Дарвина (по просьбе Генсло) с методами геологического исследования во время экскурсии по Уэльсу в августе 1831 г. Он настолько мало был знаком с Дарвином, что в своем докладе 18 ноября 1835 г. неправильно указал имя Дарвина (Ф. Дарвин) и колледж, в котором учился Дарвин (Сент-Джонс-колледж вместо Крайстс-колледж). И тем не менее, ознакомившись с письмами Дарвина, он немедленно сделал сообщение о них в Лондонском геологическом обществе, дав, как мы видели, высокую оценку исследованиям Дарвина, а встретив через короткое время отца Дарвина, заявил ему, что Чарлз «займет место среди выдающихся людей науки» (см. этот том, стр. 203).

Ляйелль познакомился с Дарвином только после его возвращения в Англию, в самом конце 1836 г. Однако уже за год до того, 6 декабря 1835 г., вероятно, под впечатлением только что появившейся брошюры, изданной Генсло, он пишет Седжвику: «С каким нетерпением я дожидаюсь возвращения Дарвина! Надеюсь, у Вас нет намерения монополизировать его для Кембриджа» *. 19 февраля 1836 г. (когда «Бигль» направлялся вдоль южного берега Австралии к Заливу короля Георга) Ляйелль выступил в Лондонском геологическом обществе с годичной президентской речью **. Оценивая геологические работы 1835 года, он подробно остановился на южноамериканских исследованиях Дарвина, начав свою оценку их словами: «Не многие сообщения возбудили среди членов нашего Общества больший интерес, чем письма из Южной Америки, присланные м-ром Чарлзом Дарвином профессору Генсло» ***. Интерес Ляйелля к Дарвину и эта высокая оценка его исследований объясняются, несомненно, тем, что Ляйелль увидел в Дарвине горячего и сильного сторонника своих идей. Это видно и из того, как Ляйелль изложил важнейшие результаты геологических исследований Дарвина. На основании положения третичных отложений на обеих сторонах южной части Анд Дарвин пришел к выводу, что первичная горная цепь должна была испытать гигантское поднятие еще до третичного времени. Исследование поперечных геологических разрезов Патагонской равнины вдоль течения рек Санта-Крус и Рио-Негро позволило Дарвину разработать представление о геологической формации Патагонии, названной им великой южной третичной патагонской формацией. Он показал, что эта формация подразделяется на несколько раз-

* Life, Letters and Journals of Sir Charles Lyell, Bart. Vol. 1, p. 460—61. London, 1881.

** Anniversary Proceedings of the Geological Society, February 19th, 1836, Presidential Address. (The London and Edinburgh Philosophical Magazine, vol. VIII, pp. 310—345, 1836).

*** Там же, стр. 322.

личных отделов, аналогичных установленным в Европе. Исследовав состав раковин и кораллов, характерных для каждого из этих отделов, Дарвин высказал предположение, что общее поднятие Патагонской равнины в 1300 футов произошло не сразу, а является результатом ряда последовательных небольших поднятий, аналогичных тому, какое на его глазах произошло в Чили во время землетрясения 1835 г. Исследование состава и расположения горных пород в обеих параллельных цепях Анд — западной и восточной — привело Дарвина к убеждению, что осадочные пласты Анд того же возраста, что и некоторые третичные отложения Патагонии, Чилоэ и Консепсиона. В одном месте Дарвин обнаружил высоко в Андах в песчанике третичного периода лес окаменелых двудольных деревьев, некогда произраставших на пласте лавы; в результате процесса опускания суши эти деревья в конце концов оказались на дне океана, были занесены отложениями песка и других осадков, образовавших ряд осадочных напластований, поднятых в процессе дальнейшего поднятия дна на большую высоту. Расположение осадочных напластований различного характера, чередующихся с пластами лавы разного состава, убедительно показывает, что Анды поднялись не внезапно, не сразу за небольшое число тысячелетий до нашего времени, как полагают некоторые геологи, но подвергались еще и в начале третичного времени обширным процессам понижения и поднятия, чередовавшимся друг с другом *. Достаточно очевидно, что исследования и заключения Дарвина являлись прямым приложением униформитарианских геологических воззрений Ляйелля к конкретному случаю — к геологии Южной Америки, а масштаб этих исследований и их обстоятельность и убедительность давали Дарвину право занять одно из ведущих мест в борьбе с геологами старой школы — катастрофистами, к которым он относился крайне отрицательно еще в Эдинбурге и Кембридже (см. этот том, стр. 187). Это и привлекло к Дарвину внимание и симпатии Ляйелля.

Вспоминая о своей близости в студенческие годы со многими видными кембриджскими учеными, Дарвин впоследствии писал: «должно быть, было во мне что-то, несколько возвышавшее меня над общим уровнем молодежи, иначе все эти люди, которые были намного старше меня и по возрасту и по академическому положению, вряд ли пожелали бы встречаться со мною» (этот том, стр. 195). Несомненно, гениальность Дарвина, которую предчувствовали кембриджские профессора, обнаружилась с поразительной яркостью и получила широкое признание уже с первых его шагов в области научного исследования. Это ясно показывают «Извлечения из писем Дарвина к Генсло» и рассмотренные выше отклики на них английской научной печати и виднейших английских ученых того времени. Читая «Извлечения», невозможно, действительно, не видеть обнаруживающиеся на каждой странице глубину научной интуиции и силу научной мысли, необычайные для начинающего натуралиста. Историческое значение исследований Дарвина в области геологии, зоологии и палеонтологии, совершенно самостоятельно осуществленных им во время путешествия в возрасте 23—28 лет, стало очевидным и получило всеобщее признание после того, как созданное им эволюционное учение вошло в науку. Но уже в середине 30-х годов, когда Дарвин еще не вернулся на родину, многие крупные английские ученые, познакомившись с предварительными сооб-

* Там же, стр. 322—323, 344.

щениями о его исследованиях, поняли, что перед ними быстро растущий ученый необычного ранга, который «займет место среди выдающихся людей науки». Маленькая брошюра, изданная в 1835 г. профессором Генсло и ставшая в настоящее время библиографической редкостью, представляет, таким образом, ценнейший документ для научной биографии Дарвина.

ПЕРВАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА О ТРАНСМУТАЦИИ ВИДОВ

Работа над созданием эволюционной теории, начатая Дарвином, как мы уже видели выше, еще на борту «Бигля» в последние месяцы его плавания и систематически развернутая им, как он сам сообщает в своем «Дневнике», с марта 1837 г. (этот том, стр. 131), получила широкое отражение в «Первой записной книжке о трансмутации видов», впервые в полном виде публикуемой в настоящее время. Уже те немногие отрывки из нее, которые были опубликованы в 1887 г. Френсисом Дарвином, позволяли предполагать, что она представляет собою весьма важный документ для суждения о первом этапе формирования теории естественного отбора (см. наст. изд., т. 3, стр. 75—78, 27—30 и 763—765). «Записная книжка» была начата в июле 1837 г. и в основном закончена в конце февраля или в начале марта 1838 г., т. е. за 7—8 месяцев до того, как Дарвин прочитал книгу Мальтуса, которая, как ему казалось, сыграла решающую роль в окончательной формулировке им теории естественного отбора. Однако даже те отрывки из «Записной книжки», которые были сообщены Френсисом Дарвином, позволили ему с полным основанием заявить в 1909 г.: «Удивительно, что для того, чтобы дать ему [Ч. Дарвину] ключ к решению задачи, ему понадобился Мальтус... Я вряд ли могу сомневаться в том, что при его знакомстве с взаимозависимостью организмов и с тиранией условий, его опыт и без помощи Мальтуса выкристаллизовался бы в „теорию, при помощи которой можно было работать“» *. Уже это одно делало крайне желательным опубликование полного текста «Записной книжки» 1837 г. К сожалению, Френсис Дарвин не сделал этого.

Только теперь, через 72 года после того, как Френсис Дарвин опубликовал указанные отрывки, мы получаем возможность ознакомиться со всем дошедшим до нас текстом «Записной книжки» 1837 г. Правда, и этот текст не дает полного представления о ее содержании, так как приступив в 1856 г. к работе над своим большим трудом о видах, Ч. Дарвин вырезал из «Записной книжки» 1837 г., как он сам указывает на первой странице этой книжки, «все полезные страницы» (см. этот том, стр. 90 и примечание 2). Этих страниц 56 (из общего числа 281) и знать их содержание было бы чрезвычайно важно, так как они, несомненно, содержали взгляды и факты, полностью сохранившие в глазах Дарвина свое значение с 1837 до 1856 г. Выявить эти страницы можно было бы только путем анализа рукописи 1856 г., если она сохранилась, но эта сложная задача никем пока не осуществлена. Однако, как мы увидим в дальнейшем, и сохранившиеся 225 страниц рукописи (собственно, только 217, так как 8 страниц не были использованы Дарвином и остались пустыми) дают очень много нового для раскрытия эволюционной концепции Дарвина на первом этапе ее становления.

* The Foundations of the Origin of Species. Two Essays written in 1842 and 1844 by Charles Darwin. Edited by his son Francis Darwin. Cambridge, 1909. P. XVI.

При анализе «Записной книжки» следует помнить, что в ней Дарвин не задавался целью систематически рассмотреть вопрос. Правда, приступая к своим записям, он делает попытку изложить на первых страницах исходные положения воззрения на преемственную связь видов растений и животных. И в дальнейшем нередко ряд последовательных страниц посвящается рассмотрению одного и того же вопроса. В целом, однако, «Записная книжка» состоит из отдельных, но большей части видимо не связанных друг с другом записей, содержащих мысли и факты, возникавшие у Дарвина и встречавшиеся ему в процессе его исследовательской работы. В результате Дарвин неоднократно возвращается к одному и тому же вопросу в различных местах «Записной книжки», то находя все новые факты, подтверждающие то или иное из его положений, или наоборот, противоречащие ему, то развивая и углубляя высказанные ранее положения, то приходя к необходимости отвергнуть положение, казавшееся ранее несомненным. Читая работы других авторов, Дарвин обсуждает их взгляды, принимает их или, наоборот, подвергает их критике с точки зрения эволюционной теории, ставшей для него уже несомненной. Несмотря на то, что «Записная книжка» была написана в короткий срок всего лишь в восемь месяцев и могла бы, казалось, рассматриваться поэтому как единое произведение, написанное, правда, не в связном, а в афористическом виде, в действительности она раскрывает перед нами интенсивную работу мысли Дарвина на протяжении этих нескольких месяцев, поиски правильного решения поставленных им перед собой задач. В этих первоначальных поисках многое оставалось для него еще далеко неясным, и это отражается на характере его формулировок, идею которых далеко не всегда удается расшифровать. Если добавить к этому, что свои записи Дарвин делал в крайне сжатой форме, нередко опуская члены предложения, казавшиеся ему очевидными, то приходится признать, что трудность расшифровки и правильного понимания многих записей становится почти непреодолимой. Это обусловило и чрезвычайно большую трудность перевода «Записной книжки» на русский язык, но можно надеяться, что дальнейшая коллективная исследовательская работа биографов Дарвина и историков дарвинизма позволит значительно уточнить предлагаемый перевод.

В своем «Дневнике», начатом в августе 1838 г., Дарвин в записях за 1837 г. назвал эту свою «Записную книжку» «Первой записной книжкой о трансмутации видов». К термину «трансмутация» Дарвин пришел не сразу. В двух черновых карандашных заметках, написанных в 1837 г. (этот том, стр. 87), он говорит о «трансмиссии» видов, т. е. переходе видов друг в друга. Очевидно, однако, что этот термин был сразу же отброшен им как неудовлетворительный, и в «Записной книжке» мы не находим его. Следует отметить и другое. Текст «Записной книжки» открывается словом «Зоономия» в качестве заглавия. По-видимому, первоначально заглавие знаменитого труда его деда Эразма Дарвина «Зоономия, или законы органической жизни» казалось Ч. Дарвину наиболее характеризующим содержание намеченного им труда. На странице [229] «Записной книжки» * мы находим следующую замечательную запись: «В чем заключаются законы жизни — вот великий вопрос, который должен ставить перед собой каждый натуралист, анатомирует ли он кита или классифицирует клеща,

* Здесь и дальше указываются в квадратных скобках страницы рукописи Дарвина, отмеченные так же в переводе текста «Записной книжки» (этот том, стр. 90—127).

или дельфина или какое-нибудь насекомое». Это отчетливое сознание того, что натуралист не имеет права ограничиваться одними только частными задачами, например — анатомии или классификации, а должен от них восходить к решению общих проблем биологии, очень характерно для Дарвина. И можно думать, что именно такое понимание стоящих перед ним задач привело его к решению использовать слово «Зоономия» в качестве заглавия своего труда. Однако он, вероятно, очень скоро понял, что такое название не может выразить те специальные закономерности жизни, которые он намерен вскрыть,— закономерности трансмутации видов, и поэтому в дальнейшем отказался от него и в августе 1838 г. назвал свои заметки «Записной книжкой о трансмутации видов».

В «Воспоминаниях» Дарвин пишет: «Когда я просматриваю список всякого рода книг, включая сюда целые серии журналов и трудов [ученых обществ], которые я прочитал и из которых сделал извлечения, я сам поражаюсь своему трудолюбию» (этот том, стр. 226). Разумеется, говоря это, Дарвин имел в виду не только 1837 г., а все время, в течение которого он подготовлял материал для «Происхождения видов». Но знакомство с «Записной книжкой» показывает, какую огромную работу по изучению литературы он сумел осуществить за восемь месяцев 1837—1838 гг. Конечно, такие произведения, как «Зоономия» Эразма Дарвина, «Философия зоологии» Ламарка и «Основы геологии» Ляйелля, он читал уже и до того времени. Однако обилие точных и детальных ссылок на эти три работы показывает, что они были вновь тщательно проштудированы им при составлении «Записной книжки». Он подробно изучил также в течение этих месяцев Отчет о диспуте Жоффруа Сент-Илера с Кювье в Парижской Академии наук, «Философию анатомии» Жоффруа Сент-Илера, «Рассуждение о переворотах на земном шаре» Кювье и многочисленные работы — зоологические, ботанические, палеонтологические и геологические — Кювье, Оуэна, Белла, Дженинса, Уотерхауса, Ричардсона, Суэйнсона, Мак-Лея, Гульда, Уэлстеда, Ньюмена, Грея, Кирби, Гёнтера, Яррелла, Дженинса, Лессона, Шамиссо, Эренберга, Се́рра, Ф. Кювье, Дюмериля, Декандоля, Гумбольдта, Броньяра, Герберта, До́на, Дезайе, Бёкленда, Филлипса, Фон-Буха и многих других *. Ссылки на многочисленные статьи в целом ряде научных журналов, главным образом английских и французских, не только за 1837, но и за предшествующие годы, действительно показывают, что Дарвин систематически и целеустремленно на протяжении короткого времени сумел подробно изучить состояние научной разработки интересовавших его проблем зоологии, ботаники и палеонтологии в ту эпоху. Он с жадностью подхватывал не только каждый факт, подтверждавший эволюционное, историческое развитие органического мира,— в первую очередь факты систематики и географического распределения животных и растений, данные об ископаемых организмах, данные морфологии и эмбриологии, но даже и самые неясные намеки на эволюционный подход к трактовке этих фактов.

Не подлежит никакому сомнению огромная самостоятельность, проявленная Дарвином в создании им его эволюционной теории. И тем не менее невозможно полностью исключить влияние на него эволюционных идей Эразма Дарвина, Ламарка и Роберта Гранта. При всем его сдержан-

* Справки о работах всех перечисленных и многих других авторов, цитируемых Дарвином, читатель найдет в комментариях к «Записной книжке» в конце этого тома.

ном отношении к их концепциям, переходящем подчас в отношение критическое и даже иронически-насмешливое, он и сам должен был признать в своей «Автобиографии», говоря об Эразме Дарвине, Ламарке и Гранте: «Вероятно, то обстоятельство, что уже в очень ранние годы моей жизни мне приходилось слышать, как поддерживаются и встречают высокую оценку такого рода воззрения, способствовало тому, что я и сам стал отстаивать их — в иной форме — в моем „Происхождении видов“» (этот том, стр. 184). Здесь нет необходимости излагать эволюционные концепции Эразма Дарвина и особенно Ламарка, достаточно хорошо известные. Правда, воззрения Эразма Дарвина знакомы советскому читателю главным образом по его эволюционной поэме «Храм природы», между тем как его специальные труды «Фитология» и «Зоономия, или законы органической жизни», в которых его представления об эволюции органического мира получили наиболее полное выражение, широким кругам наших читателей незнакомы. Мы можем, однако, ограничиться общим указанием на то, что, наряду с большим сходством идей Эразма Дарвина и Ламарка, мы находим у первого и черты, сближающие его воззрения с воззрениями его внука. Не приходится сомневаться в том, что многие идеи и соображения деда — признание им широкой индивидуальной изменчивости, роли скрещивания, гибридизации в образовании новых форм, всеобщего распространения в органической природе борьбы за существование, приводящей к гибели прежде всего наиболее слабых и несовершенных особей, ведущей роли искусственного отбора в выведении новых пород и сортов домашних животных и культурых растений и мн. др.— запомнились внуку и были им впоследствии развиты в гораздо более строгой, научной форме.

Несомненно, что и взгляды Роберта Гранта, отстаивавшего (под влиянием работ Э. Дарвина и Ламарка) идею эволюции, начиная с 20-х гг., сыграли известную роль хотя бы в том отношении, что фиксировали внимание молодого Дарвина на эволюционных идеях. В своих «Лекциях по сравнительной анатомии» Р. Грант еще в 1833—1834 гг. писал о «метаморфозах видов» и о развитии «животного царства... от более простого до нынешнего состояния» (лекция 55), а еще раньше, в 1826 г., в работе о Spongilla, он высказал убеждение, что под влиянием условий среды, в частности — осолонения пресноводных бассейнов, пресноводные виды Spongilla должны были видоизмениться и могли стать предками более совершенных солоноводных видов (стр. 283 этой работы). Впоследствии, уже будучи профессором Лондонского университета, Грант одним из первых стал в ряды сторонников учения Дарвина. Свою работу «Таблицы главных отделов животного царства» (Лондон, 1861) он посвятил Дарвину. В словах «Посвящения» Р. Гранта чувствуется искренний восторг перед великим учением его гениального ученика, перестроившего биологию на новой, строго научной, материалистической основе.

Таким образом, эволюционные идеи Эразма Дарвина и Ламарка и их горячая поддержка таким человеком, как Грант, который, по словам Дарвина, «был сух и формален в обращении, но [в котором] под этой наружной коркой скрывался подлинный энтузиазм», были хорошо знакомы Дарвину с юности, а сознательно переработаны и усвоены им уже в годы путешествия. Между тем, общая атмосфера в биологии того времени была сугубо креационистской, и даже очень серьезные научные органы давали место на своих страницах явно абсурдным, антинаучным уже и для той эпохи выступлениям. Так, в известном журнале Лоудона был напеча-

тан отчет о заседании Вернеровского общества в Эдинбурге, на котором (в 1828 г.) преосвященный доктор Скотт сделал доклад, долженствовавший доказать, что «большая рыба, проглотившая Иону, не могла быть китом, как часто думают, но, вероятно, это была акула *Squalus Carcharias»* (т. I, стр. 291). Такого рода выступления отнюдь не были единичными. Сплошь и рядом даже вполне серьезные ученые считали необходимым вводить «творца» в «логическую» цепь своих доводов. Один из крупных физико-химиков того времени Дж. Мёррей, обсуждая вопрос о свечении моря и доказывая, что оно вызывается светящимися организмами, в теле которых вырабатывается особое «гумми-альбуминовое светящееся вещество», «осмысливает» это биологическое явление следующим образом: «Всемогущая Благость ничего не создает излишнего или всу́е» (тот же журнал, т. I, стр. 157). Однако быстрое развитие естествознания в первой трети XIX в. создавало серьезную угрозу такого рода телеологическим и религиозно-метафизическим воззрениям. В начале 30-х гг., пытаясь подвести прочные устои под свои позиции и воспрепятствовать распространению «неверия», церковь и официальная наука в Англии создают «Бриджуотерские трактаты» — серию обстоятельных сочинений по различным разделам естествознания, задачей которых было доказать наличие в природе «заранее задуманного плана творения» и «благость господа, проявляемую им в Творении». Авторами этих сочинений были не заурядные духовные писатели, а крупнейшие представители английского естествознания того времени, являвшиеся одновременно и духовными лицами: знаменитый физиолог Чарлз Белл, геолог Бёкленд, энтомолог Кирби и др. * «Бриджуотерские трактаты» переиздавались в Англии и были переведены на многие европейские языки.

Отношение Дарвина к креационизму получило вполне отчетливое выражение в «Записной книжке» 1837 г. Разумеется, он не считал нужным спорить с креационистами типа Скотта. Но креационистские позиции таких людей, как Ляйелл, Бёкленд, Кирби и другие представители серьезной науки, требовали и вполне обоснованного анализа и ответа. Вымирание одних видов и замена их другими, говорит Дарвин, никем не оспаривается, это — «безусловно известный» факт. Для объяснения его предложены «две гипотезы», одной из которых является учение о новых актах творения. Однако это учение—всего лишь «простое предположение, которое далее ничего не объясняет», между тем как «преимущество может быть достигнуто, если какие-либо факты оказываются связанными» [стр. 104], а такую связь фактов и предлагает вторая гипотеза — учение о происхождении одних видов от других. Так, с точки зрения взаимного родства видов не трудно объяснить как характер некоторых форм, мигрировавших на юг при охлаждении климата на севере, так и дальнейшие видоизменения родственных им северных форм, остававшихся на севере в условиях продолжавшегося охлаждения климата. Между тем, с точки зрения учения о сотворении приходится в данном случае допустить, и притом без всякого доказательства, «большое число мелких актов творения» [стр. 243].

Точно так же «если имели место акты нового творения, то почему крупные млекопитающие не были произведены в Новой Зеландии? Если же [принять, что эти млекопитающие] порождали друг друга, ответ может

* Подробнее о «Бриджуотерских трактатах» см. в примечаниях 91 и 92 к «Записной книжке» 1837 г.

быть дан» [стр. 115] *. Вообще, характер островной фауны и флоры может быть вполне объяснен миграцией предков нынешних островных видов с близлежащих материков и последующим их изменением в новых условиях обитания. С точки же зрения учения о сотворении приходится принять, что творец, создавая растения и животных на вновь возникшем среди океана вулканическом острове, творил их по американскому или африканскому образцу только по той причине, что этот вулканический пункт занимает промежуточное положение между Америкой и Африкой [стр. 193—194].

Преклонение перед Ляйеллем не помешало Дарвину резко отрицательно отнестись к его креационизму. В «Основах геологии» Ляйелл решительно отвергал теорию прогрессивного развития органического мира и утверждал, что с кембрия по настоящее время невозможно подметить какую-либо последовательность в появлении все более высоко организованных форм животных и растений. «Неужели — спрашивает Дарвин по этому поводу — Творец продолжал со времени кембрийской формации создавать животных все того же общего строения?» и определяет этот взгляд своего друга и учителя как «жалкую, ограниченную точку зрения» [стр. 216]. Эту свою оценку креационизма Дарвин распространяет и на телеологию, которая является неотъемлемым элементом креационизма. «Кирби,— пишет он,— на протяжении всего „Бриджуотерского трактата" сильно ошибается, думая, что каждое животное рождено [т. е. сотворено], чтобы потреблять тот или иной род пищи», и явно намекая на эволюционное объяснение наличия у животных приспособленности к питанию определенной пищей, добавляет: «Представляется возможным куда более высокое обобщение» [стр. 141].

На страницах «Записной книжки» отчетливо выражено отрицательное отношение Дарвина и ко многим другим креационистам — Кювье, Уотерхаусу, Мак-Лею, Дезайе и пр., но вместе с тем Дарвин с удовлетворением отмечает наличие у некоторых из них хотя бы и половинчатых высказываний эволюционного характера, сделанных ими под давлением фактов. Так, он с одобрением отнесся к работе крупного французского зоолога и палеонтолога Дезайе о третичных моллюсках из рода Cardium. Дезайе вынужден был признать у них наличие широкой внутривидовой изменчивости, обусловленной, как полагал Дезайе, действием факторов среды и позволяющей расположить модификации каждого данного вида так, что получается почти непрерывный ряд с едва заметными переходами от одной модификации к другой. Точно так же у Мак-Лея и других сторонников «квинарной системы» (подробнее об этом см. в примечании 32 к «Записной книжке» 1837 г.) Дарвина привлекла широко проводившаяся ими констатация аналогичных изменений строения у совершенно различных систематических групп под влиянием одинаковых условий среды [стр. 129].

В споре Жоффруа Сент-Илера с Кювье Дарвин определенно стал на сторону Сент-Илера, но сумел при этом проявить значительно более трезвое отношение к фактам, чем Сент-Илер, и вместе с тем не мог не отметить того факта, что Сент-Илер не делает неизбежных эволюционных выводов из своих данных и обобщений. «Из крайней затруднительности гипотезы о связи моллюсков с позвоночными я заключаю, что здесь должны

* Интересно отметить, что в этой фразе Дарвин первоначально написал «ответ *мог бы* быть дан», но затем перечеркнул слова «мог бы», заменив их утвердительным «*может*» и выразив таким образом свою полную уверенность в безусловной правильности эволюционной точки зрения.

быть очень большие пробелы. И все же известная аналогия имеется» [стр. 110]. Он считает правильным стремление Жоффруа проследить изменения одного и того же органа «у *различных* животных лестницы животного мира» [стр. 111]. Из наиболее общих положений Жоффруа его особенно привлекло то, в котором, по его словам, «Сент-Илер высказывает великую идею: Бог установил законы и на их основе предоставил проистечь всем последствиям» [стр. 114],— подобное же деистическое положение сам Дарвин высказал, в более развернутой форме, несколькими страницами раньше [стр. 101]. Вместе с тем Дарвин отмечает отсутствие у Жоффруа Сент-Илера вполне отчетливых высказываний по вопросу об эволюционном развитии животного мира: «И все же [у Сент-Илера] ничего [не сказано] о последовательном размножении [видов, т. е. о происхождении одних видов от других]» [стр. 112]. И дальше: «Я не могу понять, мыслит ли Сент-Илер развитие в виде совершенно прямой линии или ветвящейся» [стр. 113], «я не могу разобраться в его представлениях о последовательном размножении [видов]» [стр. 114].

В нижеследующем мы изложим в самом сжатом виде только основные эволюционные положения Ч. Дарвина, сформулированные в отдельных записях «Записной книжки» 1837—1838 гг., причем в основном остановимся на вопросе о том, в какой мере Дарвин приблизился в это время к той формулировке теории естественного отбора, которая была изложена им впервые в связной форме в «Очерке» 1842 г.

В самом начале «Записной книжки» Дарвин останавливается на двух идеях, значение которых для построения эволюционного учения представляется ему исключительно важным и к которым он неоднократно возвращается на протяжении всего ее текста. Первая из этих идей заключается в том, что в процессе размножения организмы из поколения в поколение изменяются, причем изменчивость эта проявляется в наибольшей мере при половом размножении, между тем как при размножении бесполом потомство почти в точности повторяет своих родителей. Впоследствии, как известно, Дарвин отказался от этого представления, признав, что и при бесполом размножении могут возникать особи, отличающиеся более или менее резко от родительской формы. Однако в 1837 г. существенная сторона вопроса заключалась для него не в этом, а в том факте, что образование потомства «является средством изменения или приспособления [к условиям]». Самое же изменение возникает в силу того (это — вторая из двух указанных выше идей), что «мир подвержен циклу изменений температуры и всех других условий, которые воздействуют на живые существа» [стр. 2—3]. Изменяются все признаки — как телесные, так и психические, но так как организация вполне зрелой особи является «фиксированной», то образование потомства и служит для того, чтобы «приспособлять или изменять расу по отношению к изменяющемуся миру»,— «вот почему жизнь [отдельной особи] коротка, вот почему такую высокую цель представляет образование потомства» [стр. 1—4].

Таким образом, при построении своего учения Дарвин исходит из того, что «тенденция к варьированию», проявляющаяся при образовании потомства, и воздействие на организм изменяющихся условий среды — две основные предпосылки исторически развертывающегося эволюционного процесса. Так, «на протяжении веков и, следовательно, [ряда] изменений [условий среды], каждое животное имеет тенденцию изменяться» [стр. 16]. Развивая эту мысль, он пишет: «Изолируйте виды, особенно при некото-

ром изменении [в условиях среды], и они, вероятно, будут варьировать быстрее» [стр. 17]. Или: «Животные на изолированных [друг от друга] островах должны стать различными, если достаточно долго содержать их раздельно в слегка различных условиях» [стр. 7]. Примером этого являются галапагосские черепахи и вьюрки, фолклендская лисица и лисица с острова Чилоэ, английский и ирландский зайцы [стр. 7]. Одно из возражений Кювье против факта изменчивости видов основывалось на том, что «египетские кошки и собаки и ибисы — те же, что и в древности»; да, говорит Дарвин, «но отделите какую-нибудь пару и поселите ее на новом острове,— весьма сомнительно, останутся ли они неизменными» [стр. 6].

Точно так же при переходе из одного климата в другой на одном и том же континенте близкие виды «замещают» друг друга: «Так как мы полагаем, таким образом, что виды варьируют, то при переходе из одного климата в другой мы должны встретить замещающие друг друга виды: это и происходит в весьма большом приближении в Южной Америке» [стр. 8]. И это же происходит на одной и той же территории во времени. «Согласно этому представлению о последовательном образовании видов,— говорит Дарвин,— мы можем видеть, почему какая-либо форма специфична для [одного и того же] континента: все [близкие] виды — потомки одного [общего] предка. Почему мегатерии — несколько видов [их] — [встречаются] в Южной Америке? Почему два [вида] страусов [обитают] в Южной Америке?» [стр. 12—13]. Страны, в геолого-географическом отношении давно отделенные друг от друга, характеризуются наибольшими различиями в составе населяющих их организмов, вплоть до образования в них различных типов организации: «Я ожидал бы, что медведи и лисицы одни и те же в Северной Америке и в Азии; но многие виды, близко родственные, все же различны, так как [эти две] страны отделены одна от другой со времени вымерших четвероногих; тот же довод применим и к Англии (землеройка, мыши)» [стр. 65]. Отсюда же, «антилопы на Мысе доброй надежды и сумчатые в Австралии» [стр. 14—15]. См. также [стр. 15].

Мы видим, следовательно, что идея, которую формулирует в приведенных записях Дарвин, заключается в том, что на протяжении веков все организмы обнаруживают в условиях изменяющейся среды тенденцию к изменению и в конце концов одни виды преобразуются в другие. Дарвин доказывает далее, что этот процесс связан с совершенствованием, усложнением и возникновением все большего разнообразия организмов. «Каждый вид изменяется [и] он должен прогрессировать» а отсюда следует, что «простейшее не может избежать того, чтобы не стать более сложным, и если мы обратимся к первичному зарождению, то [необходимо признать, что] должно было происходить прогрессивное развитие. Если мы предположим, что монады образуются постоянно, то не должны ли они быть довольно сходными повсюду на земле в сходных климатах, а в какую-нибудь прошлую эпоху — в той мере, в какой мир был единообразным?» [стр. 18—19]. Но дифференциация условий существования должна приводить ко все большей дифференциации организмов, которые, изменяясь, развиваются и совершенствуются, ветвясь в различных направлениях: «Каждое последующее животное ветбится вверх, [ведя к образованию] различных типов организации, совершенствуясь, как говорит Оуэн: самое простое развивается и [становится] самым совершенным, а другие время от времени вымирают; [мы можем,] например, [сказать, что] Terebratula вторичного периода могла последовательно произвести современных

Terebratula, но мегатерий [не произвел] ничего» [стр. 19—20]. Однако, пишет он в другом месте, «согласно моему взгляду, в Южной Америке предком всех броненосцев мог быть брат мегатерия — [их] дяди, ныне вымершего» [стр. 53—54]. В целом же «организованные существа представляют собой древо, *нерегулярно ветвящееся;* некоторые ветви разветвлены гораздо более [других],— отсюда роды. Отмирает столько же конечных почек, сколько порождается новых» [стр. 21]. Этот исторический процесс всеобщего изменения и преобразования видов приводит к появлению все более высоко организованных форм. Было, например, «время, когда не существовало никаких млекопитающих... они образовались путем последовательного размножения из отличного от них ряда [животных], как и все остальное в мире» [стр. 15], и «если мы пойдем очень далеко назад, чтобы обнаружить источник типа организации млекопитающих, то крайне невероятно, чтобы какой-либо из потомков его родичей существовал в настоящее время» [стр. 40]. И в конечном счете это же необходимо допустить в отношении наиболее высоко развитого животного — человека: «Прогрессивное развитие дает окончательное основание для [допущения] громадных периодов времени, предшествовавших [появлению] человека. Трудно человеку, учитывая [свою] мощь, расширение области обитания, разум и будущность, быть непредубежденным в отношении самого себя, [но] в настоящее время [этот вывод] кажется [ясным] [стр. 49].

Развивая свою мысль о том, что процесс образования новых видов представляет собой процесс, как он часто выражается, «последовательного размножения» видов, Дарвин пишет: «Почему должна умереть особь? Чтобы увековечить определенные особенности (отсюда — приспособление) и уничтожить случайные разновидности [различия?], и приспособить себя к изменению [условий среды] (ибо, конечно, даже у разновидностей изменение есть и приспособление). Но этот довод приложим и к видам» [стр. 64]. А из этого снова следует, что процесс изменения видов теснейшим образом связан с процессом изменения среды. «Можно ли,— спрашивает он,— считать законом [следующее положение]: существование завершено, если не наступает перемен, дополнительно привнесенных, т. е. [если не возникают] новые виды? Поэтому: животные погибали бы, если бы в стране не происходило ничего, что привносило бы какие-либо перемены?» [стр. 61]. «Они [виды] вымирают, если не изменяются... это — [процесс] *порождения видов,* подобный [процессу] порождения *особей»* [стр. 63], ибо «если особь не может размножаться, она не оставляет потомства; так же [обстоит дело и] у видов» [стр. 64]. Еще более ясное выражение эта мысль получает в следующей записи: «Если *виды* порождают другие *виды,* то их раса не погибает полностью, подобно золотым ренетам, продолжающим существовать, если их разводят семенами,— иначе все вымирают. [Так], ископаемая лошадь породила в Южной Африке зебру и [в этом смысле] получила продолжение, [но] она [нацело] погибла в Америке» [стр. 72].

Обращаясь к вопросу о непосредственных причинах изменчивости, Дарвин, как и впоследствии, в своих будущих произведениях, не раз подчеркивает, что мы далеко не всегда в состоянии указать конкретную причину изменения. Ясно во всяком случае одно: изменения порождаются материальными причинами, ни в коем случае нельзя думать, что они представляют собой результат воли или желания животного. Он пишет, критикуя Ламарка: «Учение Ламарка о „желании“ абсурдно» [стр. 216]: «Может ли желание родителя произвести какой-либо признак у потомст-

ва? Производит ли ум какое-либо изменение у потомства? Если да, [то получается, что одним только] *размножением* и объясняется приспособленность видов» [стр. 219]. Однако к тому времени, когда им был поставлен этот вопрос, для Дарвина было уже совершенно несомненно, что между изменчивостью и приспособленностью, с одной стороны, и изменяющимися условиями среды, с другой, существует глубокая зависимость. Какого же она может быть рода, прежде всего в отношении изменчивости? В одной из первых записей он говорит: «Неизвестные причины изменения: [быть может] вулканический остров — электричество?» [стр. 17] и далее: «Изменения не представляют собою результата воли животного, но [являются следствием] закона приспособления, в той же мере как кислота и щелочь» [стр. 21]. Но Дарвин не задерживается на подобных, достаточно наивных предположениях и вскоре приходит к более глубокой постановке вопроса: «Я сказал бы; изменения были результатом действия внешних причин, о которых мы ничего не знаем, как [не знаем, например,] почему семена просо черные, как [голова у] снегиря, почему в железах глотки имеется йод, или почему окраска оперения меняется у птиц во время перелета, ...или как создать индийских коров с горбом или свиней с раздвоенным копытом на ногах» [стр. 217].

Мы уже видели не раз, что Дарвин как бы ставит знак равенства между изменением и приспособлением. В действительности, однако, мысль его заключается в том, что благодаря возникновению изменений становится возможным приспособление вида к условиям его обитания; точно так же он вполне ясно представлял себе, что внешние условия, условия среды не в состоянии сами по себе создавать новые виды. «Скажут ли,— пишет он,— про Галапагосские острова, под экватором, с их вулканической почвой, что внешние условия могли бы произвести виды, столь близкие [друг к другу], как патагонский и галапагосский Orpheus?» [стр. 103]. Если говорить об одном только приспособлении, то «в неизвестных пределах каждая триба приспособлена, по-видимому, к возможно большему числу местообитаний,— условия [сами по себе] не объясняют состояний» [стр. 113]. Каждый вид в данном его состоянии есть результат его исторического происхождения и изменений, приспособивших его к данным условиям среды. Дарвин выражает эту свою мысль следующим образом: «Состояние каждого животного обусловлено отчасти прямым приспособлением, отчасти наследственными задатками; отсюда сходства и различия, например — между европейскими и американскими вьюрками» [стр. 46—47].

Из изложенного с достаточной очевидностью следует, что, принимая «последовательное размножение» видов, историческую общность их происхождения, их изменчивость, возникающую под действием изменяющихся условий среды и обусловливающую возможность их приспособления к этим условиям, Дарвин вместе с тем сознавал, что все это еще не объясняет закономерностей, определяющих самый процесс видообразования. Мы увидим далее, что уже на страницах «Записной книжки» 1837—1838 гг. Дарвин делает первую попытку найти эти закономерности. Предварительно, однако, охарактеризуем коротко остальное богатое содержание этой работы.

Множество страниц «Записной книжки» занято фактическим материалом из самых разнообразных областей биологии и обсуждением этого материала. Большое внимание Дарвин уделяет вопросам наследственности и скрещивания, используя здесь главным образом данные животноводов

и растениеводов, а также данные по скрещиванию различных рас человека. Изменения наследуются не во всех случаях одинаково. Так, «любое изменение, внезапно приобретенное, с трудом передается по наследству в качестве постоянного. Растение допускает изменение, [наступающее] сразу, в известном объеме, но в дальнейшем не изменяется. Нет нужды применять это к очень медленным изменениям, [происходящим] без скрещивания» [стр. 239]. Скрещивание ведет к увеличению многообразия признаков у потомства: «Превосходный закон смешанных браков, сочетающих признаки обоих родителей и затем [умножающих их] число до бесконечности» [стр. 5]. Вместе с тем при скрещивании «самые малые различия стираются, более резкие имеют тенденцию воспроизводить одного из родителей» [стр. 120]. В силу этого при свободном перекрестном опылении очень близких форм растений «разновидности с трудом сохраняют свою чистоту» [стр. 96]. Если же различия зашли очень далеко, то раса устанавливается и ее «трудно искоренить»: «Семена ренета рибстон производят [только] ренеты рибстон, а [семена] золотого ренета — [только] золотые; отсюда *субразновидности* и отсюда же возможность воспроизведения любой разновидности, хотя многие семена возвращаются [к признакам предков]» [стр. 83]. В связи с этим он отмечает, что, по словам Гумбольдта, «типы наиболее подвержены варьированию там, где предотвращено скрещивание» [стр. 142], и что, по мнению Фон-Буха, «устойчивые разновидности становятся видами, если они не скрещиваются с другими разновидностями» [стр. 158]. Он уделяет большое внимание вопросу о том, как наследуются признаки при скрещивании более и менее близких рас и разновидностей, и приводит примеры, когда потомство оказывается по своим признакам смешанным, или промежуточным между родительскими формами, или целиком похожим только на одну из родительских форм, или частично похожим на отца, частично на мать, или обнаруживающим признаки более отдаленных предков. Уже тогда, в 1837 г., он обнаруживает вредные последствия близкородственных браков и постоянного самоопыления, и полезное действие перекрестного опыления и скрещивания различных линий одной расы, развивавшихся в разных условиях среды. Так, он пишет об одном отродье собак, обнаружившем признаки дегенерации в результате длительного скрещивания близких родственников: «В случае с ищейками Фокса небольшая примесь была бы, вероятно, полезной, а именно — [скрещивание] с ищейками из других районов Англии» [стр. 182]. При скрещивании же отдаленных рас могут быть получены высокополезные гибриды: «Индийский скот дает с обыкновенным [английским] очень хорошее гибридное потомство, гораздо более крупное, чем [наш] домашний [скот]» [стр. 139—140].

На протяжении всей «Записной книжки» Дарвин оценивает любой факт с точки зрения своих новых, эволюционных воззрений. Много доказательств справедливости эволюционного учения он находит в палеонтологических данных: «Я положительно убежден, что очень сильные доказательства [в пользу эволюционного учения] могут быть выведены из [находок остатков животных] прошлого мира». Так, «сапажу и опоссум, найденные в Европе [в ископаемом состоянии], ныне ограничены в своем распространении [пределами] только Южного полушария. Если бы эти факты были подтверждены, это послужило бы указанием на *центр* [*происхождения*] млекопитающих» [стр. 95]. Но еще большее значение для доказательства идеи эволюции Дарвин в то время придавал фактам гео-

графического характера. Фауна островов в ее отношении к фауне ближайших континентов, распределение близких форм в различных физико-климатических условиях, наличие своеобразных форм на геологически давно изолированных участках суши, отсутствие крупных млекопитающих на островах, средства распространения растений и животных, роль географических преград в установлении ареалов различных форм и значение географической изоляции в процессе видообразования — все эти и многие другие проблемы географического характера имели, как это с очевидностью показывает «Записная книжка» 1837 г., решающее значение в разрыве Дарвина с креационистскими воззрениями и в формировании его эволюционных убеждений. При анализе «Записных книжек» 1832—1836 гг. мы уже говорили о той огромной роли, которую сыграли в этом отношении наблюдения Дарвина над фауной и флорой архипелагов (Фолклендские острова, Галапагосские острова) и отношением между этой фауной и флорой и животным и растительным миром Южной Америки.

Имеется в «Записной книжке» и большой материал морфологического и систематико-классификационного характера. Дарвин, в частности, не раз останавливается на вопросе об эволюционном значении биогенетического закона, рудиментарных органов, явлений атавизма, гомологичных и аналогичных органов. Большой интерес представляют также те законы, в которых он касается вопросов о границах вида, о соотношении между видом и разновидностью, о переходных формах и т. п. Здесь, в сущности, уже вполне отчетливо вырисовываются те взгляды Дарвина, которые получили хорошо известное выражение в его позднейших работах — «Очерках» 1842 и 1844 гг. и в «Происхождении видов».

Таким образом, уже на протяжении первых восьми месяцев своего систематического исследования проблемы исторического развития организмов Дарвин достиг достаточно большой отчетливости в формулировке и постановке ряда важнейших элементов эволюционного учения — изменчивости и наследственности организмов, значении условий среды в возникновении изменений, генетическом родстве организмов и пр. К этому следует добавить, что борьбу за существование Дарвин наблюдал в обширных размерах и разнообразных формах во время своего кругосветного путешествия на «Бигле» и картины ее запечатлел на страницах своего «Дневника исследований», не говоря о том, что он, конечно, отлично помнил то поэтическое описание борьбы за существование, которое его дед Эразм Дарвин дал в своей эволюционной поэме «Храм природы» *, а также те сведения о борьбе за существование, которые имеются у Ламарка, Ляйелля и Декандоля. Наконец, знакомую ему из той же поэмы Эразма Дарвина способность животных и растений приносить огромное потомство **, значительная часть которого погибает в борьбе за существование, Дарвину приходилось, несомненно, наблюдать неоднократно. Один факт этого рода был даже описан им в «Дневнике исследований»: находясь в марте 1834 г. на Фолклендских островах, он наблюдал крупного (до 3,5 дюймов длиною) морского слизня — большую белую дориду (Doris) и впервые сформулировал — на примере этого слизня — вопрос о соотношении между числом приносимых яиц и частотой встречаемости взрослых особей. В первом издании «Дневника исследований» (которое, как уже указыва-

* Э. Дарвин, Храм природы. Перев. Н. А. Холодковского. Ред. и комментарии акад. Е. Н. Павловского. Изд. АН СССР, М., 1954. Стр. 57—58.

** Там же, стр. 65—66.

лось, было отпечатано в 1837 г., хотя вышло в свет в 1839 г.) Дарвин писал по поводу дориды: «Сосчитав яйца большой белой дориды, я был поражен их необычайной многочисленностью... По самому скромному подсчету [каждая особь] несла 600 000 яиц. И тем не менее эта дорида несомненно встречается очень редко: хотя я неоднократно искал ее под камнями, я нашел только семь особей» *.

Учитывая все это, можно ли, однако, сказать, что к марту 1838 г., когда Дарвин временно прервал свою работу над проблемой происхождения видов, он уже ставил перед собой вопрос о *способе образования* видов, о закономерности, лежащей в основе этого способа, и пытался на этот вопрос ответить? Рассмотрим те отрывки «Записной книжки» 1837—1838 гг., которые, как нам кажется, могут помочь в решении этого вопроса.

Выше уже было указано, что на первых страницах «Записной книжки» Дарвин нередко как бы ставит знак равенства между изменением и приспособлением, но что в действительности мысль его заключалась в том, что благодаря возникновению изменений становится возможным приспособление к условиям среды. В начале, однако, кажется далеко не ясным, что именно имел в виду Дарвин, говоря о «законе приспособления», который «не имеет ничего общего» с ламарковской «волей» животных. На [стр. 37—39] мы находим запись, которая полностью разъясняет сущность этого «закона приспособления». Дарвин пишет там: «Что касается вымирания, то мы легко можем видеть, что разновидность страуса Petise [патагонского страуса, впервые описанного Дарвином] может оказаться недостаточно хорошо приспособленной и потому вымрет, или, с другой стороны, находясь, подобно Orpheus [галапагосскому дрозду-пересмешнику], в благоприятных условиях, может произвести много [разновидностей]. Это основано на том принципе, что устойчивые разновидности, производимые образованием потомства [на] ограниченной [территории] и изменяющимися условиями, продолжают существовать и производятся в соответствии с приспособленностью к этим условиям, и потому гибель видов является следствием... неприспособленности к условиям [обитания]». В этом, очевидно, и заключается смысл «закона приспособления», о котором Дарвин говорит уже на 21 странице «Записной книжки»: под воздействием условий среды у организмов возникают различного рода изменения, возникают различные разновидности, но сохраняются из них только те, которые оказываются приспособленными к данным условиям, неприспособленные вымирают. На протяжении достаточно длительного времени из старых видов таким путем образуются новые: «Производит ли,— спрашивает Дарвин,— в течение веков каждое животное (само, быть может, подвергаясь действию условий среды) десять тысяч разновидностей, из коих сохраняются одни только те, которые хорошо приспособлены?» [стр. 90]. Ответ на этот вопрос он сам дает в следующей форме: «Что касается вопроса о том, как [т. е. каким способом] образуются виды, учение Ламарка о „желании“ абсурдно. Но равным образом и доводы против него [т. е. против учения Ламарка об образовании одних видов из других], а именно — какой была выдра до того, как она стала выдрой?— Ну, разумеется, существовала тысяча промежуточных форм. Противник скажет: покажите мне их. Я отвечу: да! если вы покажете мне каждую промежуточ-

* C. Darwin. Journal of researches into the Geology and Natural History of the various countries visited by H. M. S. Beagle. Facsimile reprint of the first edition (1839). New York — London, 1952. P. 258.

ную ступень между бульдогом и борзой» [стр. 216—217]. Здесь, как мы видим, уже проводится сравнение между процессом образования новых видов в природе и процессом выведения человеком новых пород домашних животных. А несколькими страницами выше Дарвин отчетливо указывает и на то, как это делается. Пусть растения *A*, *B*, *C* и *D* приспособлены к жизни в условиях A, B, C и D; «скрещивание (*A*) с (*B*) и скрещивание (*B*) с (*C*) препятствует потомству от *A* стать хорошим видом, вполне приспособленным к [одной данной] местности. Но вместо этого [получается] чахлая и болезненная форма растения, приспособленная [одновременно] к [местностям] A, B, C и D. Уничтожьте растения, *B*, *C*, *D* и [тогда] *A* вскоре образует хороший вид!» [стр. 211]. Здесь уже высказана (правда, еще в смутной форме) идея отбора.

Замечательно, что в ряде записей «Записной книжки» мы находим достаточно отчетливо выраженной идею дивергенции (расхождения) признаков, которую Дарвин, как известно, тесно связывал с процессом вымирания неприспособленных и переживания наиболее приспособленных, но к которой, как ему казалось, он пришел «много времени спустя после... переезда в Даун» (этот том, стр. 228), т. е. после сентября 1842 г. Дарвин считал, что в «Очерках» 1842 и 1844 гг. он не осветил принцип дивергенции и что он впервые сделал это только в «Происхождении видов». Как отмечал уже Френсис Дарвин в изданных им в 1909 г. текстах обоих «Очерков», в них имеется все же ряд мест, в которых идея дивергенции получила выражение (см. наст. издание, т. 3, стр. 102, 167, 202—204); «Записная книжка» показывает, что идея эта возникла у Дарвина еще в 1837 г. В ряде записей Дарвин обсуждает вопрос о критериях вида и отличиях вида от разновидности. Нельзя, например, считать исключительным критерием вида «типичность»: «Как мне сказал Гульд, „красота видов заключается в их типичности“. Но разве известные разновидности не таковы же? Разве не можете вы вывести десять тысяч борзых, и не будут ли все они именно борзыми?» [стр. 171]. С другой стороны, «каждодневно случается, что натуралисты описывают [тех или иных] животных в качестве видов, например, австралийскую собаку или фолклендского кролика. Существует только два способа доказать им, что это не так [т. е. что они имеют дело лишь с разновидностями]: один, когда может быть удостоверено, что они [данные животные] — потомки [какого-либо определенного вида], что, конечно, [представляется возможным] в высшей степени редко, или [другой], когда они при соединении друг с другом приносят потомство» [стр. 122]. Он, однако, не уверен в ценности последнего критерия («Но что это за признак?» — восклицает он) и полагает, что было бы хорошо «добыть достаточно много примеров животных и растений, очень близких [друг к другу]... и других, варьирующих в диком состоянии, чтобы показать, что мы не знаем, каков объем различий, не допускающих образования потомства, или, как другие сказали бы, каков объем варьирования [отклонения от типа] в диком состоянии» [стр. 241]. Учитывая историю вида, его происхождение, необходимо признать, что в своей «типичной структуре» «каждый вид обусловлен приспособлением [т. е. изменениями, приспособившими его к условиям его существования] + наследственная структура, [причем] последняя — значительно более важный элемент» [стр. 225].

Исходя из всего этого, Дарвин дает следующее «определение вида: некая [совокупность существ], сохраняющая постоянство признаков *во всем*

[*их*] *объеме* при совместном [пребывании] с другими существами, очень близкими по строению». Отсюда Дарвин делает следующий вывод: «Следовательно, виды могут быть хорошими и [вместе с тем] не различаться по какому-либо *внешнему* признаку: например, два крапивника, привыкшие посещать два [разных] острова, на одном из которых имеется один род трав, а на другом — другой, могли изменить организацию желудка и с этих пор оставаться различными» [стр. 213; в обоих случаях подчеркнуто нами]. Еще раньше [стр. 28] Дарвин писал: «Каким образом в каждом роде появляются аберрантные виды (с хорошо охарактеризованными частями, свойственными каждому из них), приближающиеся друг к другу? — Это *указатель того пункта, от которого два благоприятствуемых признака начали разветвляться»* [подчеркнуто нами], а на ряде других страниц [стр. 25, 36, 39, 121, 148, 263 и мн. др.] он намечает (и даже рисует) схему «древа жизни», обусловленного дивергенцией. Чтобы полностью убедиться в том, что в приведенных отрывках действительно высказан принцип дивергенции признаков, сравним их с тем, что говорит Дарвин об этом принципе в указанном выше месте своих «Воспоминаний»: «Проблема эта [якобы упущенная им вплоть до середины 1844 г.] — тенденция органических существ, происходящих от одного и того же корня, расходиться — по мере того, как они изменяются,— в своих признаках. Тот факт, что они значительно разошлись, с очевидностью следует из того принципа, на основании которого мы в состоянии всевозможные виды классифицировать в роды, роды — в семейства, семейства — в подотряды и так далее. Решение [проблемы], как я полагаю, состоит в том, что измененное потомство всех господствующих и количественно возрастающих форм имеет тенденцию приспособиться к многочисленным и чрезвычайно разнообразным [по своим условиям] местам в экономии природы».

Приспособленность организма к условиям среды имеет только относительный характер. Весь процесс эволюционного развития представляется Дарвину как процесс непрерывно идущего приспособления организмов ко все более дифференцированным и изменяющимся условиям среды. «Мое представление о последовательном размножении [видов] почти подразумевает то, что мы называем совершенствованием. Все млекопитающие [происходят] от одного ствола,— и вот — этот единственный ствол нельзя считать (согласно нашему представлению о совершенстве) самым совершенным, но [только] промежуточным по качеству. То же рассуждение позволяет учитывать и ухудшение качества (что, быть может, имеет место у рыб, так как некоторые наиболее совершенные роды акул жили в самые отдаленные эпохи). В таком же ли положении [находятся] ящерицы вторичного [мезозойского] периода? Другой вопрос, не может ли совершенствоваться вся лестница зоологии [т. е. вся система животного мира] благодаря замене рептилий млекопитающими, что может являться только приспособлением к изменяющемуся миру» [стр. 204—205].

В «Воспоминаниях» Дарвин писал: «Как только я пришел к убеждению, в 1837 или 1838 г., что виды представляют собою продукт изменения, я не мог уклониться от мысли, что и человек должен был произойти в силу того же закона» (этот том, стр. 234). «Записная книжка» дает достаточно обильный материал, подтверждающий эти слова. Появление человека в процессе эволюции не представляется ему более удивительным, чем появление других животных: «Люди часто говорят о появлении мыслящего человека как об удивительном событии. Появление насекомых с иными

[чем у человека] чувствами, более удивительно... Различие таково, что между человеком и ближайшими к нему животными существует широкий разрыв, больший по уму, чем по строению [тела]» [стр. 207—208]. И вместе с тем, «различие между интеллектом человека и животных не так велико, как различие между живыми телами, не обладающими разумом (растения), и живыми телами, обладающими разумом (животные)» [стр. 214]. «Животных, которых мы сделали нашими рабами, мы не любим считать равными себе. Не стремятся ли рабовладельцы доказать, что у негров умственные способности иные [чем у белых]?» [стр. 231]. «По всеобщему мнению, душа дана нам свыше, животные не получили ее, они не предвидят будущего. Если мы позволим себе увлечься догадками, то животные... могут вместе с нами происходить от одного общего предка, все мы можем быть связаны воедино» [стр. 232]. Человек возник геологически сравнительно недавно: «Так как у человека не было [еще] времени, чтобы образовать хорошие виды, то вместе с ним их не могли образовать [еще] его домашние животные» [стр. 244]. Человек представляет собой единый вид [стр. 169], а его расы — это лишь «простые вариации», являющиеся (как думал тогда Дарвин) «результатом воздействия климата» [стр. 148]. Человек, как новый вид животных, должен был возникнуть в каком-то одном пункте, откуда он затем постепенно расселился по земле: «До тех пор, пока человек приобрел разум, он должен был оставаться животным с ограниченной областью распространения, а отсюда — вероятность того, что он начал распространяться [по земле] из одного пункта» [стр. 244]. Дарвин ясно сознавал уже тогда, что эти его взгляды вызовут решительное сопротивление, но выражал надежду, что подлинные ученые должны будут согласиться с ним: «Против моей теории не будут возражать те философы, которые поднялись выше гордости дикаря,— они сознают превосходство человека над животными, не прибегая [при этом] к таким средствам, [как гордость]» [стр. 248].

В нескольких местах «Записной книжки» [стр. 101, 196, 224—229] Дарвин проводит аналогию между открытыми им биологическими закономерностями исторического развития органического мира и законом всемирного тяготения, открытым Ньютоном, и намечает те области и проблемы биологии, которые приобретут новое содержание и будут по-новому решаться в свете его теории. Эти страницы являются зачатками соответствующих хорошо известных страниц «Происхождения видов». Следует отметить, что в «Записной книжке» Дарвин оставался еще на деистических позициях: слово «творец» довольно часто еще встречается у него, и в целом его точка зрения сводилась к известному положению деистов, по которому бог создал, установил законы природы и затем «дал проистечь всем последствиям», причем сам уже не вмешивался в ход событий [стр. 45, 98, 101—102]. Лишь значительно позже Дарвин сумел преодолеть эти свои деистические взгляды.

Мы видим, таким образом, что в основных чертах теория естественного отбора была сформулирована Дарвином уже в июле 1837 — феврале 1838 г. Для выражения понятия «естественный отбор» он пользовался в то время исключительно его синонимом «переживание приспособленных и вымирание неприспособленных», который и в дальнейшем был сохранен им. Но он не включил еще в видимой форме в свою концепцию представлений о борьбе за существование и перенаселении, хотя то и другое было ему отлично известно. В одной из записей он говорит: «Пусть какая-

нибудь пара [животных] была ввезена [в новое для нее место обитания], но возрастала в числе медленно из-за большого числа врагов, вследствие чего [потомки] часто вступали в близкородственные браки,— кто решится сказать, каков будет результат?» [стр. 7]. Если учесть, что из сказанного он делает тот вывод, что на изолированных друг от друга островах животные «должны стать различными, если достаточно долго содержать их раздельно в слегка различных условиях», то кажется вероятным, что уже в 1837 г. Дарвин учитывал «препятствия к размножению» в качестве одного из элементов своей теории переживания приспособленных и вымирания неприспособленных. Как известно, сам он считал, что достиг ясности в этом вопросе только в октябре 1838 г. после того, как познакомился с сочинением Мальтуса «О народонаселении». А. Р. Уоллес в статье «Заметка об отрывках из сочинения Мальтуса „Принципы народонаселения", внушивших Дарвину и мне идею Естественного отбора» * указывает, что на них обоих оказали влияние обширные данные, собранные Мальтусом, о «положительных препятствиях» к возрастанию численности населения. По-видимому, действительно это, а вовсе не пресловутый «закон Мальтуса», как думал и писал сам Дарвин, могло сыграть известную роль в окончательной формулировке им теории естественного отбора. Мы видели, однако, что по существу теория Дарвина была в основе сконструирована им к февралю 1838 г., за 7—8 месяцев до его ознакомления с сочинением Мальтуса, и можно не сомневаться, что если бы он не прервал свою работу над теорией происхождения видов из-за необходимости заняться своими зоологическими и геологическими работами, он и без помощи Мальтуса завершил бы построение своей теории **.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ч. ДАРВИНА

«Воспоминания о развитии моего ума и характера» («Автобиография») и другие печатаемые в настоящем томе автобиографические материалы Дарвина, а также написанная им биография его деда Эразма Дарвина дают богатый материал для суждения о социальных взглядах Ч. Дарвина, о его отношении к религии и некоторых других общих чертах его мировоззрения. Особенно большую ценность в этом отношении представляет «Автобиография», полный текст которой впервые стал известным только в 1957 г. благодаря изданию в СССР перевода его с рукописи Дарвина. Внучка Ч. Дарвина леди Нора Барло, опубликовавшая в 1958 г. в Англии полный английский текст «Автобиографии», рассказала во вступлении к этому изданию об обстоятельствах, вынудивших Френсиса Дарвина произвести значительные сокращения в тексте «Автобиографии», включенной им в состав первого тома «Жизни и писем» Ч. Дарвина, впервые изданных в 1887 г., спустя пять лет после смерти Дарвина. Помимо ряда отрывков, содержавших откровенные высказывания Дарвина о ряде деятелей и уче-

* A. R. Wallace, Note on the passages of Malthus's «Principles of population» which suggested the idea of Natural selection to Darwin and myself.— The Darwin-Wallace celebration, Linnean Society, London, 1908, pp. 111—118.

** Вопрос о том, действительно ли Мальтус сыграл решающую роль в создании Дарвином теории естественного отбора подробно рассмотрен нами в статье «Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса» (Зоологический журнал, т. XXXVII, вып. 5, стр. 643—658, 1958).

ных Англии, из «Автобиографии» был целиком изъят раздел, который Дарвин назвал «Религиозные взгляды»; лишь отрывки из этого раздела были включены Френсисом в особую главу (напечатанную в том же томе), в которой он дал на основании этих отрывков и некоторых других материалов свою характеристику отношения Ч. Дарвина к религии. Еще из переписки жены Ч. Дарвина Эммы Дарвин, изданной в 1915 г. Генриеттой Дарвин-Личфилд, было хорошо известно, что Эмма была очень религиозной женщиной и, хотя между нею и ею мужем на протяжении всей их долгой совместной жизни ненарушимо сохранялись глубокая любовь и взаимное уважение, научные материалистические воззрения Дарвина, особенно в вопросе о происхождении человека, не встречали со стороны Эммы полного сочувствия. Намерение Френсиса Дарвина включить в подготовлявшиеся им к печати тома «Жизни и писем» полный текст «Автобиографии» встретило решительное сопротивление со стороны всех остальных членов семьи, особенно со стороны матери и старшей дочери Генриетты. Н. Барло приводит цитату из письма к ней одного из сыновей Ч. Дарвина — Леонарда (написанного в 1942 г.), в котором он между прочим вспоминает, что «Этти зашла даже настолько далеко, что *говорила* о возбуждении судебного процесса [против Френсиса], дабы запретить печатание им» «Автобиографии». Отношение к высказываниям Дарвина о религии самой Эммы Дарвин видно из письма ее к Френсису, написанного в 1885 г. (см. этот том, стр. 430, примечание 126).

Эта обстановка в семье Ч. Дарвина, имевшая место еще в середине 80-х гг. и приведшая к тому, что вплоть до настоящего времени от мира были скрыты его откровенные высказывания о религии, отражала господствовавшую в Англии, да и во всем буржуазном мире, фактическую оппозицию далеко идущим материалистическим выводам из его эволюционного учения. По существу, теория Дарвина была с самого начала направлена против религиозно-метафизической концепции возникновения и развития органического мира. Это было ясно как для представителей прогрессивной научной мысли, для материалистически настроенных ученых, так и (быть может, в еще большей мере) для всех клерикалов, метафизиков и идеалистов. Превосходное выражение этого отношения реакционных кругов Англии к новейшим достижениям биологии, получившим столь блестящее оформление в теориях и трудах Ч. Дарвина, дает напечатанное в 1876 г. в некоторых английских газетах письмо Томаса Карлейля. Заняв после революции 1848 г. крайне реакционную позицию по отношению к чартистскому движению, Карлейль, как и надлежит представителю воинствующей политической реакции, выступил на защиту религии против материализма, атеизма и новейших достижений естествознания. Карлейль был в приятельских отношениях со старшим братом Ч. Дарвина Эразмом, у которого иногда встречался и беседовал с Ч. Дарвином. Свое знакомство с Дарвинами он использовал для беззастенчивого публичного выступления против них. Письмо это настолько характерно, что его стоит привести почти полностью:

«Так называемые литературные и научные круги в Англии позволяют в настоящее время протоплазме, происхождению видов и т. п. со священным трепетом убедить себя, что не бог создал вселенную. Я знал три поколения Дарвинов — деда, отца и сына,— все атеисты! Брат современного знаменитого натуралиста... рассказал мне, что в имуществе своего деда [т. е. доктора Эразма Дарвина] он обнаружил печать с выгравирован-

ной на ней надписью «Omnis ex conchis» [т. е. «Всё — из раковин»]. Несколько месяцев назад я видел натуралиста; я сказал ему, что читал его „Происхождение видов" и другие сочинения и что он никоим образом не убедил меня в том, будто люди произошли от обезьян, но гораздо более преуспел убедить меня, что он и его так называемые научные собратья весьма близко привели современное поколение англичан к обезьянам. Прекрасный человек этот Дарвин, но с очень слабым интеллектом *. О! Печально и ужасно видеть почти целое поколение мужчин и женщин, претендующих на то, чтобы называться культурными и смотрящих на все вокруг с тупым видом и не находящих бога в этой вселенной. Я полагаю, что это — реакция против господства ханжества и пустого лицемерия, признававших за веру то, во что в действительности вовсе не верили. И вот чего мы достигли: все произошло из лягушачьей икры, евангелие грязи — порядок дня. Чем более я старею,— а я стою уже на краю вечности,— тем чаще вспоминаю поучение катехизиса, которое я выучил, будучи ребенком, и смысл которого становится для меня все яснее и глубже: „В чем великая цель человека? Славить господа и вечно радоваться ему!" Никакое евангелие грязи, учащее, что человек произошел от лягушек через обезьян, никогда не сможет оставить эти слова без внимания» **.

Эта смесь невежества, мракобесия и злобы, это противопоставление религии, слащавых слов катехизиса величайшим открытиям и теориям биологии середины XIX века великолепно иллюстрируют ту общественную обстановку в Англии, в условиях которой Дарвину и его единомышленникам приходилось отстаивать новое учение об историческом развитии растений, животных и человека. Прошло уже 17 лет после выхода в свет «Происхождения видов» и 5 лет после публикации «Происхождения человека». Передовая наука всего мира стала под знамя эволюционного учения Дарвина, положившего начало новой эре в истории биологии. А между тем, виднейший английский историк и писатель позволяет себе неприличную выходку по адресу величайшего английского биолога и всей прогрессивной английской биологической науки при молчаливом попустительстве печати, ряд органов которой (газеты «Таймс», «Дейли трибюн») услужливо перепечатали письмо Карлейля. Примечательно, что спустя еще три-четыре года, в 1879—1880 гг., когда против Дарвина выступил с совершенно нелепыми обвинениями Сэмюэл Батлер (см. об этом подробнее в примечании 208, этот том, стр. 437—439), повторилась та же история. Надо согласиться с Эрнстом Краузе, который писал по поводу выступления С. Батлера: вся эта история «ясно показывает, что в Англии под покровом внешней вежливости все еще тлеет глубокая ненависть к нарушителю квиетизма [т. е. к Дарвину], ибо многие из газет и журналов Англии не осмелились реагировать на легкомысленные и абсурдные жалобы Батлера, обнаружив таким образом свой истинный образ мыслей» ***.

Описанной обстановкой в первую очередь и объясняются те половинчатые высказывания Дарвина о религии и ее взаимоотношениях с наукой, которые в достаточно большом числе рассеяны в произведениях Дарви-

* Как бы в ответ на это Дарвин следующим образом охарактеризовал Карлейля: «...никогда не встречал я человека, который по складу своего ума был бы в такой степени неспособен к научному исследованию» (см. этот том, стр. 221).

** Цит. по книге J. Cook, Biology, Glasgow, 1878, стр. 108—109.

*** E. Krause, C. Darwin und sein Verhältnis zu Deutschland, Leipzig, 1885, S. 186.

на, опубликованных им при жизни. Дарвин считал, что первостепенной задачей его научной деятельности должно быть завоевание всеобщего признания его учения об эволюции органического мира, и думал, что прямой конфликт с религией и церковью, если бы он пошел на него, лишь помешал бы успешному осуществлению этой задачи. Стихийный, естественно-научный материализм Дарвина, его эволюционного учения и теории естественного отбора не может быть подвергнут никакому сомнению. Однако Дарвин никогда не был ни воинствующим материалистом, ни тем более — воинствующим атеистом. Он стремился свести к минимуму возможный конфликт между собой, с одной стороны, и членами своей семьи, своими друзьями-единомышленниками (многие из которых, например — Аза Грей, Дженинс и другие, были людьми религиозными и даже священниками) и широкими кругами английских естествоиспытателей — с другой. С полной откровенностью он высказал это в 1880 г. в письме к Карлу Марксу: «Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше чем следует мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию» *.

Именно этим, несомненно, можно объяснить тот факт, что во втором тираже первого издания «Происхождения видов» и во 2-м издании он ввел упоминания о религии и творце, отсутствовавшие в первом издании. В конце заключительной главы он добавил следующие строки, часто цитируемые авторами, стремящимися доказать, что Дарвин вполне признавал возможность примирения его воззрений с религией: «Я не вижу достаточного основания, почему бы воззрения, излагаемые в этой книге, могли задевать чье-либо религиозное чувство». Приведя далее пример Лейбница, встретившего нападками открытие всемирного тяготения, как «потрясающее основы естественной религии и откровения», Дарвин ссылается на слова «одного знаменитого писателя и богослова», который писал ему: «Я мало-помалу привык к мысли об одинаковой совместимости с высоким представлением о божестве» как веры в эволюцию, так и веры в отдельные творческие акты божества (наст. изд., т. 3, стр. 660). Несмотря на абсурдность этого заявления, которое, конечно, не могло сколько-нибудь убедительно звучать для Дарвина, он явно ввел его в текст «Происхождения видов» с целью укрыться за мнением «знаменитого богослова» от нападок «черных бестий» (как он сам называл попов). Есть основания думать, что под влиянием своей жены он ввел в заключительную фразу «Происхождения видов» упоминание о творце, отсутствовавшее в той же фразе в первом издании.

Мы не будем приводить здесь других высказываний Дарвина в его работах и в письмах к различным лицам, в которых он с предельной осторожностью говорит о религии. Эти высказывания и опубликованные Френ-

* «Под знаменем марксизма», 1931, № 1—2, стр. 203—204. Также: Ч. Дарвин Избранные письма, М., 1950, стр. 275.

сисом Дарвином в 1887 г. отрывки из раздела «Автобиографии», посвященного религиозным вопросам, не давая вполне ясного ответа на вопрос о том, был ли Дарвин верующим человеком, агностиком, как он часто сам себя называл, или совершенно неверующим, привели к появлению обширной и противоречивой литературы. Только в настоящее время, с появлением полного текста указанного раздела «Автобиографии», вопрос можно считать недвусмысленно решенным, хотя по существу он был ясным и до того, во всяком случае — для всякого объективного исследователя жизни и научного творчества Дарвина. Так, один из новейших биографов Дарвина известный английский антрополог и анатом Артур Кизс, являвшийся одним из наиболее глубоких и авторитетнейших знатоков жизни и трудов Дарвина, писал в опубликованной им в год его смерти биографии Дарвина: «Я сомневаюсь, можем ли мы в каком бы то ни было смысле считать Дарвина религиозным человеком» *. Следует отметить при этом, что Кизс не использовал в своей книге исключенных Френсисом отрывков «Автобиографии», хотя имел, конечно, возможность сделать это **.

К полному отрицанию религии Дарвин пришел далеко не сразу. Обстановка, в которой рос Дарвин, и семейные традиции не создавали серьезных предпосылок для развития в нем глубоких религиозных чувств. Мать Дарвина была унитарийкой, но, как известно, она не оказала сколько-нибудь заметного влияния на его развитие. Отвечая в 1873 г. на вопросы анкеты, разосланной Ф. Гальтоном ряду ученых, Дарвин написал в ней, что по вероисповеданию его отец и он сам принадлежали к англиканской церкви «номинально» (этот том, стр. 244). По-видимому, его отец был в религиозном отношении совершенно индифферентным человеком, если не вполне неверующим. Последнее, однако, весьма вероятно, поскольку в «Автобиографии» Дарвин пишет: «...незамысловатый текст [Евангелия] показывает, по-видимому, что люди неверующие — а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и почти всех моих лучших друзей — понесут вечное наказание» (этот том, стр. 205—206). Что касается деда Ч. Дарвина — знаменитого врача, натуралиста и поэта-эволюциониста Эра́зма Дарвина, то как из его произведений, так и из написанной Ч. Дарвином биографии его видно, что это был типичный свободомыслящий просветитель второй половины XVIII в., широкие и свободные убеждения которого ничего общего не имели с мировоззрением христианской церкви. Судя по характеристике Ч. Дарвина, Эразм Дарвин был деистом, т. е. допускал существование бога как безличной первопричины мира. Хорошо известно, что английский деизм XVII—XVIII веков был для мыслителей-материалистов лишь прикрытием их фактического атеизма.

Принимая все это во внимание, мы можем понять категорическое «Нет» Ч. Дарвина, данное им в ответ на вопрос упоминавшейся выше гальтоновской анкеты: «Оказали ли привитые в юности религиозные ве-

* A. Keith, Darwin revalued. London, 1955, p. 233.

** Мы утверждаем это на том основании, что в том же 1955 г., когда вышла в свет книга А. Кизса, появилась и книга W. Irvine, Apes, Angels, and Victorians. A joint biography of Darwin and Huxley (Лондон, 1955), автор которой широко использовал неопубликованную в то время рукопись «Автобиографии» Дарвина, а в 1956 г. фотокопия рукописи была охотно предоставлена и нам Библиотекой Кембриджского университета. Можно не сомневаться в том, что А. Кизс был знаком с рукописью «Автобиографии», но почему-то решил ограничиться цитированием только отрывков, опубликованных Фр. Дарвином.

рования какое-либо сдерживающее влияние на свободу ваших исследований?» (этот том, стр. 243). Выбор карьеры священника, принятый Дарвином по настоянию его отца после того, как выяснилось, что карьера врача не привлекает его, был сделан, конечно, не по религиозным мотивам. В те времена в Англии карьеры врача и священника (особенно сельского священника) были широко распространены среди интеллигенции. Профессия сельского священника тем более улыбалась Дарвину, что она оставляла достаточно досуга, позволявшего заниматься наукой — изучением природы, археологии, истории своего прихода и более широкими областями естествознания. Дарвин знал много примеров этого рода, да и среди крупных естествоиспытателей — учителей Дарвина в Эдинбурге и (позже) в Кембридже — было немало священников. Правда, перед поступлением в Кембриджский университет Дарвин счел необходимым проверить свои религиозные убеждения и, ознакомившись с некоторыми богословскими сочинениями, пришел к выводу, что у него «не было в то время ни малейшего сомнения в точной и буквальной истинности каждого слова Библии» и что «наше вероучение [англиканское исповедание] необходимо считать полностью приемлемым» (этот том, стр. 189). Но к этим словам Дарвин тут же добавляет: «Меня совершенно не поражало, насколько нелогично говорить, что я верю в то, чего я не могу понять и что фактически вообще не поддается пониманию. Я мог бы с полной правдивостью сказать, что *у меня не было никакого желания оспаривать ту или иную религиозную догму*, но никогда не был я таким дураком, чтобы чувствовать или говорить: „Верую, потому что это невероятно“» (там же; подчеркнуто нами). Достаточно ясно, что эти слова говорят о безразличном отношении юного Дарвина к вопросам религии, о его религиозном индифферентизме, о такого рода умственной пассивности, когда готов принять известное положение, хотя активно, своим разумом и волей, его не поддерживаешь. Судя по рассказу его кембриджского приятеля Герберта, у Дарвина в 1829 г. возникли серьезные сомнения в том, вправе ли он принять сан священника. «Мы,— пишет Герберт,— имели серьезный разговор относительно принятия духовного сана, и я вспоминаю, как он спросил меня, мог ли бы я ответить утвердительно на вопрос, задаваемый епископом при рукоположении в духовный сан, „Убеждены ли вы, что вы внутренне движимы святым духом, и пр.“, и когда я ответил отрицательно, он сказал: „И я не в состоянии, и потому не смогу принять сан священника“» (L. L., т. I, стр. 171).

Естественно думать, что первые серьезные размышления Дарвина над вопросами религии должны были возникнуть у него в то время, когда он начал испытывать сомнения в истинности креационистской догмы. В известной записи об австралийском муравьином льве (наст. изд., т. I, стр. 552) он уже говорит об отношении к вопросу о создании двух близких, но все же различных видов муравьиного льва — европейского и австралийского — со стороны верующего и «*не*-верующего» и даже позволяет себе иронически пройтись по адресу творца, делавшего «передышку в своей работе», т. е. забывшего, несмотря на свое «всеведение», о том, что он уже создал аналогичную форму в другой геологический период. Мы видели, что в «Записной книжке» 1837—1838 гг. Дарвин, еще не отказываясь от «творца», ограничил его функции ролью «первопричины», т. е. принял деистическое понимание бога. В «Автобиографии» Дарвин говорит, что ему «пришлось много размышлять о религии» в течение

двух лет его холостой жизни в Лондоне, т. е. с 7 марта 1837 г. до 29 января 1839 г. (этот том, стр. 205). Его отход от религии в 30-х гг. начался в форме критико-скептического отношения к книгам Старого и Нового завета, т. е. к Библии и Евангелию. Следовательно, с самого начала своей систематической работы над теорией эволюции Дарвин, отказавшись от креационизма, понял, что он тем самым поставлен в необходимость порвать и с религиозными верованиями. Вопрос о религии теперь встал перед Дарвином не формально, как в годы его учения, а по существу, поскольку он всем ходом своих научных исследований был приведен к необходимости признать историческое развитие органического мира, т. е. учение, в корне противоречившее всякой религиозной концепции как концепции метафизической.

Дарвин пишет, что на этом первом этапе своего отхода от религии он «постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий завет с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения завета и пр., и с его приписыванием богу чувств мстительного тирана заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря» (этот том, стр. 205). Теперь уже и не могло быть речи о вере «в буквальную истинность каждого слова Библии». Наоборот, у него развилось отчетливое понимание того, что библейские рассказы — не более, чем литературно оформленные мифы древнейшей, первобытной религии, аналогичные мифам древних индусов и верованиям первобытных народов. Дарвин указывает, что работы ряда современных ему антропологов (Тэйлора, Спенсера) позволяют проследить возникновение первобытных религиозных верований. Он отчетливо представлял себе существование генетической связи между так называемыми «высшими религиями», с одной стороны, и верованиями первобытного человека — с другой, между идеей возмездия при «вечном суде» в «конце мира», с одной стороны, и страхом дикаря перед «таинственными силами» и его стремлением умилостивить эти силы при помощи различных жертвоприношений, вплоть до человеческих,— с другой. Страх дикаря перед непонятными ему, «таинственными» силами природы — первоначальный источник всякой религии. В «Происхождении человека» Дарвин, развивая эту мысль, приводит следующие слова Лёббока: «Мы можем сказать без преувеличения, что смутный ужас перед неведомым злом висит подобно черной туче над жизнью дикаря и отравляет ему всякую радость» (наст. издание, т. 4, стр. 213).

На протяжении некоторого времени Дарвин, как он рассказывает, мечтал о том, что как хорошо было бы найти исторические документальные доказательства, «которые самым поразительным образом подтвердили бы все, что сказано в Евангелиях»,— до такой степени трудно было ему отказаться от веры в христианство. Однако строгий анализ неминуемо привел его к этому. В этом анализе, как он указывает, основную роль сыграли для него: 1. невозможность для «нормального человека», убежденного в неизменности законов природы, верить в чудеса, 2. противоречивость разных книг Евангелия и явная недостоверность того, что они были написаны современниками описываемых в них событий, 3. быстрое и широкое распространение так называемых «ложных религий» и 4. убеждение в том, что «как бы прекрасна ни была мораль Нового завета, вряд ли можно отрицать, что ее совершенство зависит отчасти от той интерпретации, которую мы ныне вкладываем в его метафоры и аллегории»

(этот том, стр. 205). Угроза евангельского учения «вечным наказанием» всем «неверующим» (к числу которых Дарвин, как мы видели, относил всех самых лучших в моральном отношении из близких ему людей) приводит его к заключению, что христианство — «отвратительное учение». Так к концу 30-х гг. завершился полный разрыв Дарвина с религиозными верованиями в целом и с христианством — в частности. «В конце концов,— пишет он,— я стал совершенно неверующим» (этот том, стр. 205).

Однако, как указывает Дарвин, в то время он не отказался еще от мысли о «существовании бога как личности». Необходимо для устранения путаницы в характеристике воззрений Дарвина отметить, что он пользуется терминами «теизм» и «теист» изредка в их прямом смысле, но в большинстве случаев, подразумевая под ними, как это ясно видно из всего контекста его рассуждений, понятия «деизм» и «деист». Мы не знаем, является ли это результатом общепринятого в Англии во времена Дарвина словоупотребления или представляет собой особенность собственной терминологии Дарвина, но так или иначе, когда Дарвин называет своего деда Эразма «теистом» или о себе самом говорит, что в известный период жизни он был «теистом» (этот том, стр. 217), необходимо помнить, что в этих случаях слово «теист» следует читать как «деист». В «Первой записной книжке о трансмутации видов» Дарвин пользуется понятием «творец» несомненно в деистическом смысле, т. е. принимает его только как «безличную первопричину природы». Однако полный отказ от веры в существование личного бога и в «будущую жизнь с ее воздаянием и наградой», т. е. от теизма в собственном смысле слова, произошел у него, как он сам полагает, позже, можно думать, однако, не на много позже начала 40-х гг., когда он впервые литературно оформил свои эволюционные идеи в «Очерках» 1842 и 1844 гг.

Дарвин говорит о следующих мотивах, приведших его к отказу от теизма. Теисты доказывают существование личного бога наличием якобы в природе «преднамеренного плана творения». Однако признание эволюционного развития органического мира вскрывает полную несостоятельность этого довода. Точно так же другой довод — наличие у организмов различного рода «превосходных приспособлений», т. е. целесообразность строения, получает строго научное объяснение в теории естественного отбора. Теисты утверждают, что «благодетельное в целом устройство мира» свидетельствует о существовании личного бога; но не говоря о том, что невозможно доказать, «чего в мире больше — страдания или счастья, и хорош ли мир в целом или плох», невозможно объяснить с точки зрения теизма наличие в мире зла и страданий. Теисты-моралисты говорят, что страдания служат «нравственному совершенствованию человека». «Но число людей в мире ничтожно по сравнению с числом всех других чувствующих существ, а им часто приходится очень тяжело страдать без какого бы то ни было отношения к вопросу о нравственном совершенствовании» (этот том, стр. 207). Всемогущий и всеведущий бог должен был бы, казалось, быть безгранично благожелательным, и Дарвин говорит, что ему кажется весьма сильным довод против существования бога, основанный «на наличии в мире страдания», «между тем как это наличие большого количества страданий... прекрасно согласуется с той точкой зрения, согласно которой все органические существа развились путем изменения и естественного отбора» (этот том, стр. 207).

Последний довод теистов в пользу существования личного и разумного бога «выводится из наличия глубокого внутреннего убеждения и чувств, испытываемых большинством людей». Соображения против этого довода, развиваемые Дарвином в «Автобиографии», лучше изложены им в «Происхождении человека». Вот что он пишет там: «Я знаю, что многие ссылаются на наличие этой предполагаемой инстинктивной веры в бога как на доказательство его существования. Но такое заключение слишком поспешно; допустив его, нам пришлось бы верить в существование многих жестоких и злобных духов,... потому что верование в них несравненно больше распространено, чем вера в благодетельное божество. Понятие о едином и благодетельном творце не рождается, по-видимому, в уме человека до тех пор, пока он не достигнет высокого развития под влиянием долговременной культуры» (наст. изд., т. 4, стр. 651). Вера людей в личное бессмертие кажется Дарвину более «сильной и почти инстинктивной», но его огорчает не утрата веры в личное бессмертие, а мысль о возможной гибели человечества и всего органического мира вследствие космических причин (будущего охлаждения Солнца, как полагали астрономы и физики в его время). «Если верить,— говорит Дарвин,— как верю я, что в отдаленном будущем человек станет гораздо более совершенным существом, чем в настоящее время, то мысль о том, что он и все другие чувствующие существа обречены на полное уничтожение после столь продолжительного медленного прогресса, становится невыносимой», и заключает: «Тем, кто безоговорочно допускает бессмертие человеческой души, разрушение нашего мира не покажется столь ужасным» (этот том, стр. 208), но очевидно, что у него самого такой веры не было.

Покончив таким образом с теизмом, Дарвин в течение некоторого времени придерживался деистических убеждений. Он полагал, что без допущения «Первопричины, которая обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека» приходится представить себе «эту необъятную и чудесную вселенную» как «результат слепого случая или необходимости», и что поэтому он заслуживает «названия Теиста» (т. е. деиста). Но он тут же добавляет, что «это умозаключение сильно владело мною приблизительно в то время, когда я писал „Происхождение видов“ [т. е. в 1858—1859 гг.], но именно с этого времени его значение для меня начало, крайне медленно и не без многих колебаний, все более и более ослабевать» (этот том, стр. 208). В качестве мотива, побудившего его отказаться от веры в «разумную первопричину», Дарвин указывает на относительную слабость человеческого ума, развившегося, по его убеждению, «из того слабого ума, которым обладают более низко организованные животные». Распространенная в современном обществе вера в бога является результатом «постоянного внедрения» ее «в умы детей». Но ни в какой форме она не дает ответа на вопрос о «начале всех вещей». Эта «тайна... неразрешима для нас», и поэтому, говорит Дарвин, «я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком».

Но что такое агностицизм Дарвина, твердо верившего в прогресс человеческого ума и науки? Ответ дают известные слова Энгельса: «Действительно, что такое агностицизм, как не „стыдливый“ материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь мир природы управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но,— благоразумно добавляет агностик,— мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известно-

го нам мира» *. Мы видели, что Дарвин полностью отказался как от теизма, так и от деизма. Более того, если говорить не о религиозных верованиях, а о религиозном чувстве, то Дарвин сам совершенно определенно заявляет: «Не думаю, впрочем, что религиозное чувство было когда-либо сильно развито во мне» (этот том, стр. 209). Можно ли в таком случае считать, что, называя себя агностиком, Дарвин хотел тем самым сказать, что несмотря на все он является все же религиозным человеком? Конечно, нет. И если Дарвина нельзя назвать воинствующим атеистом, то нужно, однако, согласиться с Кизсом, что невозможно «в каком бы то ни было смысле считать Дарвина религиозным человеком».

Как и другие религии, христианство всегда претендовало на роль высшего морального руководителя человечества, подкрепляя свои моральные каноны угрозой вечного наказания грешникам и обещанием райского блаженства верующим и безгрешным. Разрушение религии, отказ от нее — утверждают ее защитники — неизбежно приведет к падению морального состояния общества. Но Дарвин противопоставляет церковно-христианской морали высокие идеалы гуманизма. Что — спрашивает Дарвин — остается человеку, «не обладающему твердой и никогда не покидающей его верой в существование личного бога и в будущую жизнь с ее воздаянием и наградой?» Ответ на этот вопрос для Дарвина совершенно ясен: твердое стремление жить и действовать так, чтобы «получать одобрение со стороны своих ближних и приобретать их любовь», высшие социальные стремления (или, как выражается Дарвин, «социальные инстинкты»), имеющие в виду не удовлетворение узко-эгоистических желаний и чувств, а всеобщее благо, «благо других людей». Если человек будет руководиться подобными идеалами, то «постепенно для него будет становиться невыносимым охотнее повиноваться своим чувственным страстям, нежели своим высшим импульсам, которые, когда они становятся привычными, почти могут быть названы инстинктивными» (этот том, стр. 209). О себе самом он писал: «Что касается меня самого, то я думаю, что поступал правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь. Я не совершил какого-либо серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень часто сожалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим ближним» (там же).

Этому мировоззрению соответствовали и его общественно-политические взгляды. Он был воспитан в либеральных традициях. Дед его был радикалом, сторонником Великой французской буржуазной революции. Его отец был либералом, а сам он, по его словам, «либералом или радикалом» (этот том, стр. 244). Хорошо известно его резко отрицательное отношение к рабству негров и ко всем видам расового, национального и классового угнетения, его горячие симпатии к индейцам в их борьбе с испанцами за национальную независимость. В студенческие годы он, по словам Герберта (L. L., т. I, стр. 167), сочувствовал вооруженному восстанию поляков против царизма в ноябре 1830 г. и выражал страшное негодование по поводу жестокостей, которым подверглись восставшие варшавяне. В заключительной части «Путешествия натуралиста» он писал: «Часто пытаются извинить рабство, сравнивая положение рабов с положением наших неимущих сограждан; но если страдания наших бедняков вызываются не законами природы, а нашими учреждениями [т. е. социальным строем Англии], то великий грех лежит и на нас», и дальше, воз-

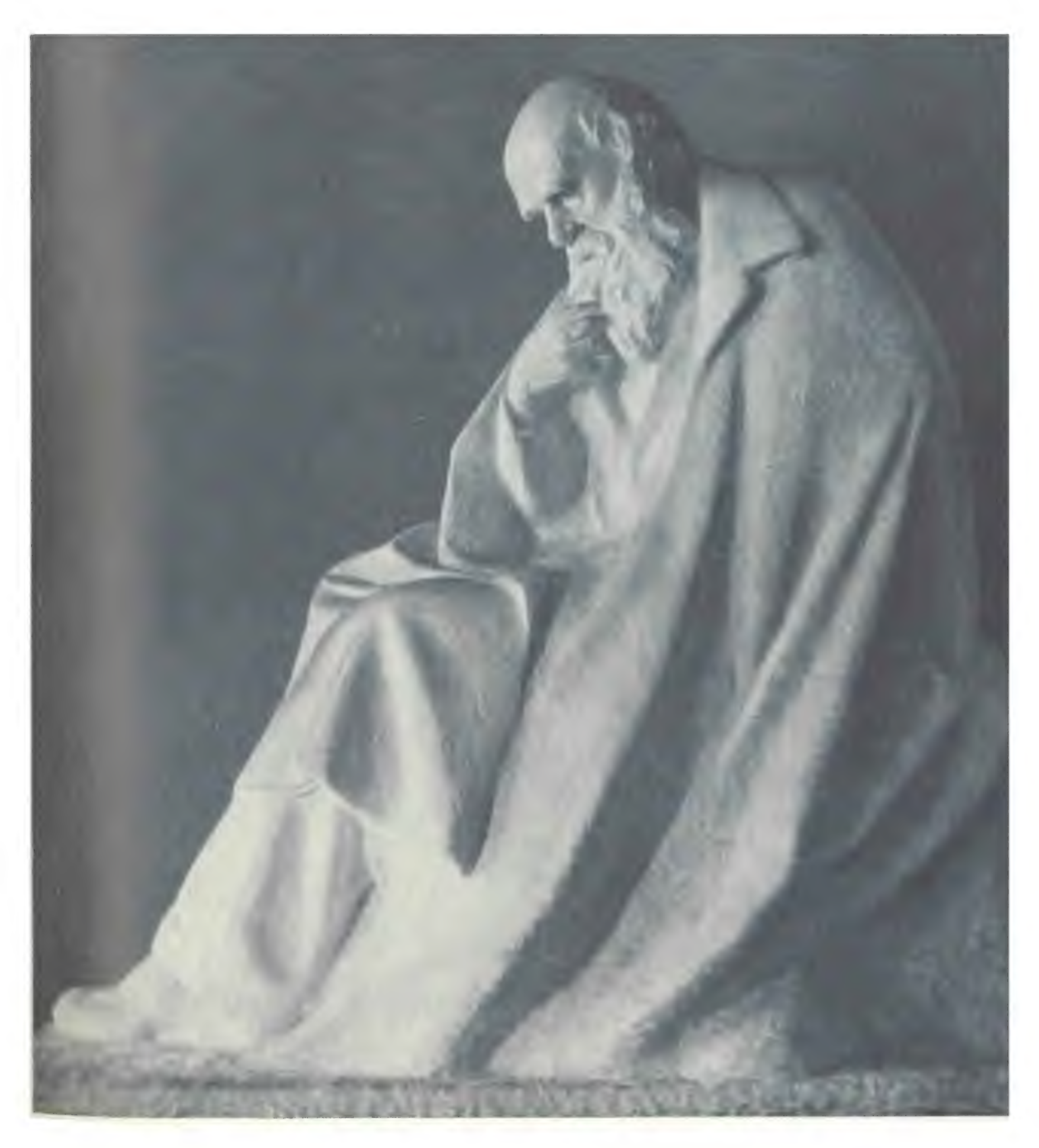
* К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, М., 1937, стр. 303.

мущаясь ужасами рабства, он говорит: «А ведь такие дела совершают и оправдывают люди, которые исповедуют „люби ближнего, как самого себя", которые верят в бога и молятся о том, чтобы его воля была исполнена на земле! Кровь закипает в жилах, и сердце сжимается при мысли о том, какая огромная вина за это — и в прошлом и в настоящее время — лежит на нас, англичанах, и потомках наших, американцах, с их хвастливыми криками о свободе». Все эти мысли и чувства Дарвина свидетельствуют о его великом гуманизме, но вместе с тем показывают, что он не сумел дойти до строго научного понимания социальных явлений. Однако в их свете особую значительность приобретают строки его письма к Карлу Марксу от 1 октября 1873 г.: «Дорогой сэр, благодарю Вас за оказанную мне честь присылкой Вашего большого труда о Капитале; я искренне желал бы быть более достойным его получения, лучше разбираясь в этом глубоком и важном вопросе политической экономии. Сколь ни были бы различны наши научные интересы, я полагаю, что мы оба искренне желаем расширения познания и что оно в конце концов несомненно послужит к возрастанию счастья человечества» *.

В построении своей эволюционной теории Дарвин впервые в истории биологии исходил из практики, положив в основу своего учения данные сельскохозяйственного опыта в выведении новых пород животных и новых сортов растений. Революционный переворот, произведенный Дарвином в мировоззрении людей, разрушение его учением теолого-телеологических представлений о происхождении и развитии органического мира уже сами по себе явились в эпоху Дарвина, да и в дальнейшие годы, важнейшим научным актом, получившим и широкий практический отклик, ибо учение Дарвина изменило весь ход развития биологических наук и оказало мощное воздействие на сельскохозяйственные и медицинские науки. Отношение Дарвина к задачам науки, к ее общественной функции очень хорошо выявляется в той характеристике, которую он дал Спенсеру в «Автобиографии»: «Должен сказать, что его [Спенсера] фундаментальные обобщения (которые некоторыми лицами сравнивались по их значению с законами Ньютона!), быть может, и представляют большую ценность с философской точки зрения, но по своему характеру не кажутся мне имеющими сколько-нибудь строго-научное значение. Характер их таков, что они напоминают скорее простые определения, нежели формулировки законов природы. Они не могут оказать никакой помощи в предсказании того, что должно произойти в том или ином частном случае. Как бы то ни было, мне они не принесли никакой пользы» (этот том, стр. 219). Эти слова показывают, насколько далеко материализм Дарвина увел его от простой созерцательности в ту эпоху, когда в биологии еще всецело господствовали идеализм и метафизический материализм. Отношение Дарвина к Спенсеру отражает всю глубину различия между созерцательным метафизическим эволюционизмом Спенсера и действенным материалистическим эволюционизмом Дарвина, который как гениальный естествоиспытатель сумел в своем понимании природы стихийно приблизиться к материализму диалектическому.

С. Л. Соболь.

* Ч. Дарвин, Избранные письма. М., 1950, стр. 238.



Чарлз Дарвин.

Скульптура работы В. А. Ватагина
(Государственный Дарвиновский музей в Москве)

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
ДНЕВНИКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

[ИЗ ЭДИНБУРГСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Ч. ДАРВИНА 1827 г.][1]

[На форзаце:] — Чарлз Роберт Дарвин. Март 1827 г.

Среда... [*зимой 1826—1827 гг.*]—[Вместе с Уильямом Кэем совершил] зоологическую прогулку в Портобелло[2], которая оказалась крайне неудачной из-за густого, непроницаемого тумана. В Портобелло берег был совершенно пустынным и лишенным чего-либо, что могло бы представить интерес для зоолога. [Прошли дальше, к скалам, находящимся в одной или двух милях позади Портобелло, но скалы эти были залиты приливом. Вернулись в Эдинбург, найдя лишь несколько обыкновенных раковин].

16 марта 1827 г.— Добыл на черных скалах около Лита[3] большой экземпляр *Cyclopterus Lumpus*[4] (обыкновенный пинагор), длиною 23,5 дюйма и 19,5 дюйма в охвате. Очевидно, рыба приплыла к скалам, чтобы отложить икру, и осталась здесь, застряв среди скал во время отлива. Ее яичники содержали огромную массу икры розового цвета. Совместно с д-ром Грантом произвел вскрытие ее. Она была, по-видимому, вполне здорова, и в ней совершенно не было кишечных червей... Глаза маленькие, желудок большой, печень без желчного пузыря, плавательный пузырь не виден, мозг очень мал, оптические нервы приблизительно такой же длины, как спинной мозг, клапаны сердца отчетливо выражены, тело покрыто не чешуей, а слизью, и [кожа] чрезвычайно толста, [мочеполовой] сосочек на груди белого цвета, но я думаю, что обычно он красновато-желтый... Простой народ не считает эту рыбу съедобной[5].

Добыл маленькую зеленую A[e]olis и Tritonia... Исследовал яйца *Purpura Lapillus* и нашел их также вне их капсул; они имеют такую форму: [рисунок][6].

18 марта.— [Добыл и зарисовал три организма, по-видимому, Calyptoblastea, один из них — кампанулярия], которые разрастаются на Alcyonium... Некоторые яйца, находимые на скалах в Ньюхейвене и принадлежащие, как говорят, Doris, похожи во всех отношениях на яйца одностворчатых моллюсков, они находились в быстром движении и продолжали так двигаться в течение семи дней[7].

19 марта.— Наблюдал яйца *Flustra Foliacea* и *Truncata,* из которых первые находились в движении.

28 марта.— (7). На листьях фукусов часто встречаются прилипшие к ним беловатые круглые массы яиц; они очень вязкой консистенции и выглядят, как изображено в *A* [рисунок], при увеличении же [рисунок, *b* и *B*] оказывается, что это — масса капсул, внутри которых заключены

животные и прозрачная желатинообразная материя. В отношении этого вида думаю, что я первый, кто наблюдал это животное и его реснички в чрезвычайно быстром движении. При помощи ресничек оно может вращаться в своей капсуле, а выйдя из нее, движется настолько быстро, что его можно разглядеть невооруженным глазом на некотором расстоянии.

Какому животному принадлежат эти яйца, я не знаю [8].

(8). Нашел также другую массу яиц, более крупных и коричневатого цвета; капсулы также значительно крупнее [9]. Не мог заметить никакого движения...

...Нашел несколько яиц (думаю, что это яйца *Doris Argo* [10]), напоминающих кусочек тесьмы. Капсулы по своему внешнему виду кажутся соединенными друг с другом и продолговатой формы; они расположены правильными рядами.

15 апреля.— [Нашел на фукусе другую массу яиц и зародыш], на переднем конце которого расположены многочисленные реснички; благодаря своему непрерывному движению они вызывают быстрое вращение молодого животного внутри капсулы, а выйдя из капсулы, оно движется взад и вперед в воде с величайшей легкостью. Я поместил несколько этих яиц в бутылку с той же [морской] водой, и по истечении 30 дней они все еще продолжали двигаться [11].

20 апреля.— Добыв несколько экземпляров *Flustra carbasea* (Lam.) с судов, производящих ловлю устриц в Ньюхейвене, я вскоре заметил без помощи микроскопа небольшие желтые тела, которыми эти Flustra были усыпаны в различных направлениях. Они были овальной формы и такого цвета, как желток яйца, и каждое занимало одну ячейку. В то время как внутри их ячеек я не мог заметить никакого движения,... в часовом стекле они скользили взад и вперед, и движение их было настолько быстрым, что на некотором расстоянии можно было отчетливо видеть их невооруженным глазом. При сильном увеличении реснички, которые расположены главным образом на более широком конце, были видны в состоянии быстрого движения; центральные реснички наиболее длинные. Могу упомянуть, что я наблюдал также яйца *Flustra Foliacea* и *Truncata* в движении. То обстоятельство, что все эти яйца имеют органы движения, до сих пор не было, по-видимому, замечено ни Ламарком, ни Кювье, ни Ламуру [12], ни каким-либо другим автором...

Это и следующее сообщение были оба доложены в Вернеровском и Плиниевском обществах.

На устрицах и других старых раковинах можно часто видеть прилипшие к ним небольшие черные округлые тела, которые рыбаки называют большими перечными зернами. До сих пор их всегда ошибочно принимали за молодые стадии *Fucus Lorius* [*loreus*], с которыми они имеют большое сходство. Если вскрыть некоторые из них, кажется сначала, что они содержат одну только крайне вязкую жидкость без каких-либо следов организации: но рассматривая некоторые другие экземпляры, я обнаружил, что эта жидкость постепенно приобретает червеобразную форму и после того, как она достигнет полного развития, оказывается молодой *Pontobdella Muricata* (Lam.), вполне совершенной во всех отношениях и производящей движения. Каждое яйцо состоит из двух частей: наружной капсулы, кожистой и имеющей значительную толщину, и внутренней, состоящей только из тонкой черной перепонки.

Charles Robert Darwin

March 1827

28th (3)

(1) Adhering to the Fucus one frequently finds whitish circular masses of Ova of an extremely viscid consistence. —

A

B.

B.B. highly magnified & have the appearance represented at A. when magnifier lowered. It appears to be a mass of capsules containing animals & united together by a transparent gelatinous matter. In this species I believe I was the first to observe both the animal & its cilia & in most rapid movement. By the aid of these cilia it could revolve in its capsule & when freed from it, moved so quickly as to be discernible to the naked eye at some distance. — To what animal these ova belong I am ignorant? —

(2) I found also another mass from larger & of a horse colour. The capsules also being considerably larger. I could perceive no motion

Эдинбургская записная книжка Ч. Дарвина.

Вверху — подпись Дарвина и дата (март 1827 г.), внизу — страница с записью наблюдений от 28 марта над «яйцами» (коконами) пиявки Pontobdella

Этот мешочек никогда не содержит более одного животного... На каждом из концов имеется заметное отверстие, которое, по-видимому, служит выходным отверстием для молодого животного, до сих пор ошибочно принимавшегося за веточки фукуса... [13]

Добыл 15 апреля с большой глубины в заливе Фёрт-оф-Форт порядочное количество экземпляров *Pennatula Mirabilis* [14]. Полипы были расположены на одной стороне костистой оси чередующимися ленточками [листочками], имеющими вид полумесяца; таких ленточек было от 70 до 80. Каждая ленточка содержала около 12 полипов. Ближе к концу у многих более длинных экземпляров находилось что-то по внешнему виду желтое, что при исследовании оказалось многочисленными яйцами... Но я не мог заметить никакого движения.

23 апреля.— Добыл в заливе Фёрт-оф-Форт многочисленные экземпляры *Pennatula Phosphorea,* отличающейся от *Mirabilis* тем, что у нее имеется только 20 рядов ленточек с полипами и в каждом из этих рядов — около 12 полипов. Эти ленточки расположены друг против друга и увеличиваются в размерах по направлению к обоим концам оси. Костистая ось не выступает наружу на обоих концах зоофита, как у *Mirabilis,* но постепенно суживается в обоих направлениях в виде двух нитеобразных мягких и гибких окончаний, погруженных в мясистое вещество. Некоторое количество яиц большого размера и желтой окраски заключено внутри и у основания ленточек. Не мог заметить никакого движения... Весь зоофит красного цвета и на ощупь мягкий и слизистый. Длинная ось у обоих упомянутых выше видов под действием азотной кислоты начинает быстро выделять пузырьки газа [15].

Вместе с Колдстримом наблюдал на черных скалах в Лите *Asterias rubens,* скрючившуюся таким образом, что ее диск образовал мешочек в котором находились многочисленные свободные яйца,— животное как-раз в этот момент выпускало их из своего рта. Двойная [?] борозда в каждом из лучей животного содержала множество яиц [16] небольшого размера и оранжевой окраски [17].

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ» [1832—1836 гг.][1]

[1832 год]

[*17 января — 6 февраля. Острова Зеленого мыса.*][2] — Белый песок, образовавшийся из раковин; поверх его [лежит] красная выветренная порода, а затем — призматический полевой шпат. Между этими и более ранними [отложениями] — твердая белая порода с желтыми пятнами. Груда круглых белых комьев под белым песком.

Тот же процесс продолжается ныне на берегу: найдена железная руда; мне кажется, что это побережье недавнего происхождения; песок белый вследствие разложения полевого шпата (?) В некоторых случаях трудно сказать, недавнего или более древнего происхождения брекчия...

Протянувшиеся ярдов на сто, еще более опустившиеся нижние пласты белого песка заполнены большими валунами из подстилающих пород; под этим тянется другой пласт, более землистый и содержащий крупные и более многочисленные раковины. Настоящий садок устриц остался прикрепленным к этой скале, на которой они росли... Хотя в одних местах этот древний морской берег возвышается на 30—40 футов над нынешним уровнем моря, в других он вновь покрыт современной брекчией, всего вероятнее — вследствие вторичного опускания, так как он соответствует приподнятой части берега...

Гора Флагшток дважды была покрыта морем...

Песок своеобразно изборожден, точно морской берег... Действие воды.

Не сложен ли самый центр острова авгитом и не он ли [представляет собою] самое высокое плоскогорье???

Дикие кошки, зимородок.

Действие паяльной трубки на раковины?? [3]

[*16—20 февраля. Скалы Св. Павла. Фернандо-Норонья.*]— Побережье изобилует проворными крабами; однодольных растений нет. Муравейники высотой и шириной почти в 3 фута с проходом у основания. Лишайники и мхи. Крачки и нодди с лёту [опускаются] на деревья. Красивые пунцовые цветы на деревьях, растущих на вершинах гор [4].

[*21—25 февраля. В море по дороге к Баии.*]— Одиночество на борту корабля; расслабляющая жара; уют; вынужден был думать о предстоящих радостях; не желаю прохлады; восхитительная ночь; небо не синее; море спокойное [5].

[*Март. Баия.*] — Маленький черный муравей обращает всех в бегство; пауки и тараканы в большом волнении — кирпич преградил им путь. Паук, ткущий симметричную паутину [6].

[8—23 апреля. Рио-де-Жанейро. Экскурсия на Рио-Макаэ.] [7] —

8 апреля.— Холмы, обычно округленные, часто голые; плоские аллювиальные долины между ними. Деревня Итакая в 12 милях от Рио. Температура белого песка 104° в тени [8]. Сразу же по выезде из Рио-[де-Жанейро] вид величественный и живописный, яркие краски, преобладает голубой цвет; большие плантации шелестящего сахарного тростника и кофе. Леса мимозы — естественная вуаль, похожая на изображение на гравюрах, но более великолепная; блики солнечного света, паразитные растения; бананы, крупные листья; зной; все неподвижно, кроме больших ярких бабочек. Много воды; был удивлен при виде цесарок. Наша кавалькада имеет весьма донкихотский вид. Берега густо одеты лесом и [изобилуют] прекрасными цветами. Деревня Ит[акая] [построена] правильно — по типу поселений готтентотов. Бедные негры, возможно, пытаются уверить себя этим, что они находятся в стране своих отцов. Утес, с которого бросилась старуха. Температура в комнате 80°. Наш обед состоял из яиц и риса, хотя хозяин говорил, что мы можем получить все, что угодно; [обедали] около 4 часов, а до ночлега добрались к 9. Чередуются песок, заболоченные равнины и заросли — проезжали при неясном свете луны — крики куликов. Светляки и большое число крикливых лягушек и козодоев.

9 апреля.— Отправились около половины седьмого и ехали по обожженным равнинам. Кактусы и другие суккулентные растения; на гниющих и низкорослых деревьях красивые паразитные [растения], чудесно благоухающие орхидеи; нестерпимая жара; термометр в кармане показывает 96°. Внутренние солоноватые озера с многочисленными птицами: белые цапли, серые цапли, кормораны. Сбились с пути.

Вся прибрежная полоса представляет собою обширную равнину или озеро, отделенные от моря большими песчаными холмами, о которые разбивается прибой (ночью великолепный эффект). Берег возрастает в размерах. Песок издает резкий звук. Манатиба [Мандетиба]; обедали; температура в тени 84°. Наше самочувствие улучшилось благодаря еде, а также благодаря более обширному и более красивому виду [на окружающую местность]; отражения в озере [кажутся] весьма четкими.

Эти венды представляют собою дом с навесом вокруг, под которым расставлены столы; двор для лошадей; в спальнях разбросаны соломенные цыновки.

После обеда проехали мимо множества лагун; одни соленые, населенные баланусами, другие — пресные, здесь я поймал маленького прудовика с раковинкой в виде башенки; но эти лагуны периодически затопляются морем, вероятно, при сильных юго-западных ветрах. Не любопытный ли это факт? Не при таких ли обстоятельствах образовались третичные отложения — пласты песка со множеством [раковин] Mactra, которые легко цементируются? Затем мы пробирались через непроходимый лес — деревья очень высокие. Стволы белые; замечательно красивые цветущие паразитные растения; светляки — птица [?] — большие муравейники. Мы провели в седле почти 10 часов.

10 апреля.— Ночевали в Инжетадо [Инженьодо]; после веселой и бессонной ночи выехали в 5 часов утра; небо стало красным, звезды погасли, а за ними и планеты — все обещало быть благоприятным, но 15 миль езды до Аддеа-де-Сан-Педро и часовое ожидание завтрака чуть было не уморили нас. Дорога шла у самой лагуны; берег сложен

бесчисленным [множеством] раковин. В половине первого снова тронулись в путь. Дорога проходила через пески с разбитыми раковинами, хотя это было в нескольких милях от моря, а деревья свидетельствовали о давности такого положения вещей.

Затем мы вступили в лес; гряды кварцевых валунов; проехав несколько миль, добрались до Кампос-Новос — хорошая венда; приятная перемена; очень прохладно на лугу, всего лишь 74°.

Отправился коллекционировать, прибыл сюда в 4 часа. Нашел какую-то лягушку и нескольких Planorbis, Helix и Puccinea. Видел стаю каких-то хищных птиц, в которой их было более сотни.

11 апреля.— Проехали несколько лье лесом; деревья, растущие очень густо, невелики. Здесь я впервые почувствовал, что меня лихорадит; знобило и тошнило; очень устал; ничего не мог есть, когда в час дня нам впервые удалось кое-что получить. Ехали до сумерек; страшно ослабел и страдал от тошноты.

Ночь мы провели в двух милях к югу от Манеа. Очень нездоровилось; весь день мне казалось, что я свалюсь с лошади; страх болезни в чужой стране; утром из-за преломления лучей мыс Фрио имел вид опрокинутых бокалов. Гнейс падает [т. е. наклонен] на юг (а затем на север).

12 апреля.— Выехал утром и сомневался, смогу ли продолжать путь. Корица и портвейн вылечили меня наилучшим образом. Проезжали по болотистой местности, а затем вступили в великолепный лес; восхитительные, величественные деревья хорошо видны в разреженных местах леса; пальмы с очень тонкими стволами великолепны в лесу; капустные пальмы, съедобны, ствол можно охватить ладонями. Прибыл в фазенду Сосего, расположенную в лесу. Четырехугольник; кофе, маниок, много дичи, лошадей, рогатого скота, домашней птицы и диких животных; патриархальный образ жизни. Длинный дом с тростниковой крышей; в одной части дома роскошная мебель.

Длинная столовая и спальни, кухня и большие амбары, расположенные на небольшом холме. [В рукописи здесь небольшой чертеж.]

На другой стороне квадрата — спальни, а вокруг холма — дома, [в которых живет] более ста негров. Дети этих людей забегают в столовую, бродят там, пока их не выгонят. Дочь нашего хозяина, донна Мария,— представительная и величественная,— замужем за шотландцем м-ром Ламбом, братом нашего спутника. Встречая гостя или хозяина дома, звонят в большой колокол и стреляют из пушки. Когда белый человек покидает поместье, негры приходят к нему целой толпой, чтобы получить благословение. Однажды утром, до восхода солнца, я восхищался тишиной леса; внезапно тишина была нарушена звуками католического утреннего [гимна], который пели хором негры; эффект был восхитительный. Наше питание было роскошным, заставляли отведать все. Этот патриархальный образ жизни прелестен, но впечатление было испорчено тем, что наш хозяин — негодяй [слово зачеркнуто] и предприимчивая личность. Прорезал замечательные дороги через лес; лесопилка разрезает на толстые доски розовое дерево, несколько похожее на акацию с крупными листьями. Ужасно трудно получить врачебную помощь; у нашего хозяина много медикаментов.

Видел, как строили челнок в 70 футов длиною, а от толстого ствола оставалось еще 40 футов.

Мне кажется, что в этой семье негры были действительно счастливы. Зять, прибыв всего лишь на два дня, счел необходимым взять с собой 17 человек. Оставался в Сосего 13-го.

14 [*апреля*].— В полдень 14-го отправился в поместье м-ра Леннона; после прекрасной прогулки верхом остановился в фазенде, не доезжая одного лье до нашей конечной цели. Негры работают до изнеможения еще долго после наступления темноты. Были приняты весьма радушно единственным (из всех встреченных мною до сих пор) бразильцем с приятным выражением лица. Видел несколько очень красивых птиц: туканы и щурки. Вся порода — гнейсовый гранит. Слюда — темноокрашенные большие пластины. Мне кажется, дождь не оказал значительного разрушающего действия. Плоская долина хорошо видна сквозь прореженные части [леса]...

15 [*апреля*].— Выехали рано в поместье м-ра Леннона; это — последний возделанный участок страны на протяжении многих миль в этом направлении. По дороге видели несколько бамбуковых деревьев, разочарован; позавчера видел папирус (?) и несколько небольших древовидных папоротников.

Один из спутников прорубал нам дорогу саблей. Прибыв [на место], мы услышали неприятную и бурную ссору между м-ром Л. [Ленноном] и его агентом Купером. Заговорили [даже] о пистолетах; репутация [хозяина] настолько плоха, что нас предостерегали относительно [возможности] отравления. Негры — в жалком состоянии; сырой холодный вечер — 75°. Грозил продать его ребенка в наказание — и все же, несомненно, очень добрый человек [9].

Я замечаю, что здесь и в Сосего облака лежат очень низко, часто не выше 200 или 300 футов в этих местах и едва ли выше в соседних местностях.

Рио-Макаэ на всем своем протяжении судоходна; длина ее не более 5—6 лье; протекает она недалеко от этих мест, воздух здесь, проходя над лесом или над крышей дома, превращается в облако; дождь идет ежедневно; поразительно, как редко встречаются округленные голыши на всем нашем пути в глубь страны.

16 [*апреля*].— Выехали рано утром; направились в Сосего; приятная прогулка; наслаждался великолепными лесами. Бамбуки в 12 дюймов в окружности. Несколько различных древовидных папоротников.

17 [*апреля*].— Сосего. Вьющиеся растения, обвивающие другие вьющиеся растения точно косы; прекрасные дневные бабочки; тишина; осанна. Жабьи повадки у лягушки, медленные прыжки; ярко медного цвета, окраска бледнеет. Змея, пресноводная рыба, съедобна; мускусная раковина, окрашивает пальцы в красный цвет. Одна рыба из соленой Лагоа-де-Боасия, две — из ручья; еще одна оттуда же, колет пальцы.

Маноэл-Жоакем да Фигиреда.

После расчистки сажают кофейные деревья и маниок, а потом — одни лишь кофейные деревья. У брата Маноэла 95 000 деревьев и каждое дает по два фунта (некоторые же по 8 фунтов).

Рис в болотистых местах; некоторое количество сахарного тростника; из трех мешков риса получают 320.

Разводят бобы фейхоа, из одного мешка получают иногда 80 мешков. Стволы и листья маниока ест скот. Корни перемалываются: невольник

держит их против колеса; перетертую массу высушивают и пекут, великолепная еда.

Март — самое подходящее время для сева. Сок, выжатый из корней,— смертельный яд, но животным он очень нравится; всегда умирают. Из этого [растения] приготовляется тапиока.

18 [*апреля*].— Изысканная листва мимоз и папоротников. Стволы деревьев в среднем — от 3 до 4 футов в окружности. Ползучее растение — 1 фут 4 дюйма в окружности.

Так провел все утро, бродя по лесу. Преобладает чувство глубокого благоговения. Мы задержались сегодня потому, что м-р Леннон отправился вместе с м-ром Купером в свое поместье.

19 [*апреля*].— Уехали из Сосего и ночевали в Венда-да-Матто; совершил замечательнейшую прогулку по взморью — высокий и великолепный прибой.

20 [*апреля*].— Вернулись в Кампос-Новос по старому пути — утомительная езда, все время по раскаленному и глубокому песку; равнина, поросшая рододендронами. Не без труда заставили наших лошадей пуститься вплавь; были в опасности из-за того, что в челноке находился пьяный человек.

21 [*апреля*].— Выехали с рассветом; после очень длинного дневного перехода, почти без отдыха, прибыли к Рио-Комбоата — жалкая венда; проехали через интересную возделанную местность: это внутренняя дорога, отходящая в сторону у Паратии. Многие поля благодаря многочисленным муравейникам выглядят подобно грязевым вулканам Гумбольдта.

22 [*апреля*].— Во время перехода от места нашего ночлега до Фрескерия-де-Табораа весь день шел проливной дождь, который испортил удовольствие, доставляемое видом приятных окрестностей. Завтрак в Мадре-де-Диос, прелестной деревушке у дороги; великолепные страстоцветы и множество птиц; почва образовалась из разложившегося гнейса,— обычно красноватая глина, на которой растут сахарный тростник и небольшое число кофейных деревьев; встретил несколько всадников и тяжелых телег, запряженных восемью волами [каждая]; колеса — почти цельная доска.

Во всей стране нет ни одного дома, способного сравниться с хорошей фермой, и ни одной дороги, которая не была бы хуже нашей плохой проселочной дороги в ее худших местах. В вендах редко встретишь женщину — не на кого смотреть. Расстояния определены крайне неточно: [расстояние] не больше двух десятков убийств, т. е. крестов [на дороге]. Бога ради, в каком отношении неграм лучше, чем нашим английским рабочим? Национальный гвардеец — нередко жалкого вида мулат с болтающейся у пояса саблей. Т[ермометр]: холодно — 62,5°.

В Кампосе ужин из домашней птицы с рисом, бисквита и бутылки доброго вина; кофе вечером и утром и рыба утром; кукуруза и трава; за нас троих и за лошадей заплатили всего 3 мильрейса; мильрейс равен 2 шиллингам и 6 пенсам.

23 [*апреля*].— До́ма; очень приятный день. Акации; [проезжали] через значительно более возделанную [?] и приятную [местность]. Несколько красивых деревень. Прая-Гранде. Надоедали нам относительно наших лошадей из-за отсутствия паспортов [10].

[*24 апреля — 3 июля. Рио-де-Жанейро. Бухта Ботофого.*] [11]

24 [*апреля*].— Оставался на борту корабля. День отдыха был весьма приятным. Кормовую каюту превратили в кают-компанию; смена офицеров. Беспорядки в городе.

25 [*апреля*].— Перевез свои вещи в Ботофого; кораблекрушение.

26 [*апреля*].— Занят сушкой своих вещей.

27 [*апреля*].— Пятница. Работал над своей коллекцией, собранной внутри страны (в Баии). Посетил м-ра Астона — похоже на Кембридж. Не посланник.

28 [*апреля*].— Завтракал на борту. Встретился с капитанами Толботом и Гарди.

29 апреля.— Приглашен к адмиралу, обедал у него; приятный вечер; офицеры весьма воспитанные люди.

Воскресенье — тихий восхитительный день; работал над Дневником в Ботофого.

30 апреля.— Обедал с м-ром Астоном; работал над пресноводными животными.

[*11 июня*].— Тишина изумительная — журчание ручейка. Величественные деревья; белые стволы; приятно позавтракать, сидя на пне подгнившего дерева; так темно, только луч света проникает в глубину. Верхушки деревьев освещены; чувствуется холод [12].

[*5—25 июля. В море по пути из Рио-де-Жанейро в Монтевидео*] [13]

6 июля.— Всё еще видна Сахарная голова.

7 и 8 июля.— Очень болен, [но] не так уж плохо. Капские буревестники. Киты. Мне лишь немного лучше.

14 июля.— Прекрасная ночь. Кучевые облака. Свежий северный ветер — небо бледно-голубое. [В рукописи здесь — рисунок гало] — красный диаметр 1°45′, весь диаметр — почти в два раза больше. При прохождении облаков большое цветное кольцо [становится] неотчетливым.

15 [*июля*], воскресенье.— Прекрасный день, попутный ветер. [Прошли] 160 миль с полудня вчерашнего дня; грампус; неопределенная погода; шквал; брам-реи [впервые спущены].

16 [*июля*].— Очень страдаю от морской болезни. Летучие рыбы. Дельфины.

* * *

Змея, роющаяся в земле.

Бочка спирта. Бутыли. Насекомые и бутылка. Кирка. Застрелил самца оленя.

Монтевидео. Паук. Трубка в породе, длинная; длина 10,5 дюйма; мешкообразная [14]. Соляные потоки и пласт двустворчатых раковин под городом свидетельствуют о недавнем происхождении [15].

* * *

22 сентября. [*Пунта-Альта*].— Устье реки; темно-синяя песчанистая глина с сильно выраженной слоистостью, падающая к норд-норд-весту или норд-тен-весту под углом около 6°. На побережье серия тонких сло-

ев, падающих под углом 15° к вест-тен-зюйду; конгломерат кварцевых и яшмовых голышей с раковинами — см. образцы. На берегу на высоте приблизительно в 12 футов и в конгломерате зубы и бедренная кость. Дальше к северо-западу находится горизонтально лежащий слой *земли* с гораздо меньшим количеством раковин, но с броненосцем; слой горизонтален, но постепенно расширяется,— я думаю поэтому, что конгломерат с обломками раковин отложился под действием приливов и отливов, *земля* же [оставалась в] покое.

Лежит ли [этот слой] поверх глины, которую мы видели недавно? Он покрыт делювием и песчаными холмами, как и землистый берег; утолщается и выходит на поверхность в направлении к северо-западу; по-видимому, покрывает глину.

* * *

Мегатерий подобен броненосцу: панцирь, зубы. Растения любят солончаки. Стаи каменных стрижей. Странные повадки ящерицы.

* * *

Роулетту [сказать] относительно брюк [16]. Морские ежи на глубине 50 фатомов напротив Магелланова пролива.

* * *

De Azara (don Felix), Essai sur l'Histoire Naturelle de Quadruped du Paraguay. Traduit sur le manuscrit par M. Ninea de St. Mez, Paris, 1801 [17].

[Октябрь. Буэнос-Айрес].— Бумага, перья Брэма́ [18], ножницы, ключ и стекло для часов; зубной врач; починить часы. Записные книжки. Шпоры. М-р Г.? Собрать раковины в известняке. Музей открыт в воскресенье 2-го. Должен м-ру Чафферсу один бумажный доллар. Рядом с домом м-ра Гриффитса живет зубной врач, француз. Сигары. Зубной врач. Животное без хвоста. Продавец книг.

* * *

У м-ра Флинта, американского торговца, имеется зуб [ископаемого животного?].

Вода обладает способностью превращать мелкие кости в крупные [19].

* * *

1 ноября [*по пути в Буэнос-Айрес*].— Очень спокойные, прекрасные дни; тишина как будто сокращает расстояние; все думаю о своих на родине.

2 [*ноября. Буэнос-Айрес*] [20].— Перед полуднем бросили якорь на рейде; мы прошли мимо нашего друга, сторожевого судна, которое на этот раз поняло, что лучше не обстреливать нас. Высадились, и нас отвезли [по мелководью] на берег в двуколках; отправились кататься верхом и гуляли по городу.

3 [*ноября*].— Буэнос-Айрес — большой город; много правильно расположенных улиц (красивая пласа, вице-короли), куадры [кварталы] и прямоугольные дома. Многочисленные превосходные магазины; общий вид европейский, если не считать немногочисленных гаучосов.

Испанские дамы — прекрасные платья и походка; поехал кататься верхом — банда, дороги, хорошие лошади; изгороди из агав и укроп. Плоская замкнутая местность, канавы — крайне неинтересно. Видел, как убивают вола. Чувствовать себя на суше очень приятно.

Пресноводные раковины в породе над уровнем воды и на некотором расстоянии от современной реки. Выжигаются для получения извести — ensenado [бухта]. На берегу, напротив поместья м-ра Ламба, имеются также живые [моллюски?].

На граните или на гнейсе построен Монтевидео?

* * *

Оуклей — рыжий плотник, Монтевидео; о нем можно справиться в гостинице, которая прежде принадлежала Броуну. Бочки; красная ткань.

Вискаши испражняются, как собаки. Перья Брэма́, записные книжки, починка часов, коренные зубы.

На чем построен Монтевидео?

Бочки; красная ткань. Адреса; пергамент и краска. Таможня. Ископаемое Оуклея — одна лопатка в настоящей то́ске [21]. Попросить Генсло вскрыть коробки из-под пилюль. Стирка белья.

2 [*ноября*].— Навоз водосвинок имеет очень приятный запах. В пятницу — осенняя паутина. Фокусник. Молоток.

Нет ни банок, ни бумаги; стирка.

3 [*ноября*].— Черная утка. Брюки Ковингтона [22]. Кальсоны и рубашка.

Воды Рио-Параны очень черные, Рио-Негро — черные; [вода обладает] целебными свойствами, превосходна для питья. В Уругвае на широте 32° вода светлая (по книжным данным). Говорят, что встречаются крокодилы и небольшие водяные черепахи. Окремнелое дерево. Говорят, что известь получается из раковин.

Сант-Яго-де-Эстеро был почти уничтожен землетрясением, но в незапамятные времена.

4 ноября.— Воскресенье. Монастыри, идолопоклонство. Веселый вид. Музей, вежливое обращение. Вечером проехался верхом по побережью.

Мендосские фургоны.

5 [*ноября*].— Отправился лье за 6 в лагерь и вернулся на вьючных лошадях. Открытая плоская местность, очень странные высокие чертополохи. Много маленьких сов. Тополи и ивы придают [этой местности] большое сходство с Кембриджширом.

6 [*ноября*].— Очень занят собиранием сведений, образцов, покупками; дамы.

7 [*ноября*].— Потерял день в ожидании отправления.

Обедал с м-ром Гоуэром и встретился с полковником Верноном. Большой путешественник; приятный вечер.

[*Ноябрь. Огненная Земля. У входа в канал Бигля.*] — Все горы и восток-северо-восток его [входа в канал Бигля] округленные; сланец; у самого южного [края] входа залегает большой пласт из перемежающихся серой вакки, кремнистых [пород], звонких [пород] [и] расщепляющихся мелкозернистых чешуек слюды.

[1833 год]

19 января. [Огненная Земля][23].— Выехали; четыре шлюпки; попутный ветер; красивое зрелище; пейзаж весьма интересный; деревья и зелень [спускаются] до самой воды; [растительность] не очень роскошная, новые деревья. Спокойное место для лагеря. В бухте и на островах мало жителей. Несчастный случай[24].

20 [*января*].— На южном берегу округленные холмы, но между ними и каналом [Бигля] расположены сланцевые горы. Северная сторона такая же, только там уже начинают появляться кристаллические зубчатые хребты.

От нашего первого ночлега и до второго, к северо-востоку от Черной челюсти, [тянутся] по обе стороны [канала] одинаковые округленные утесы белого делювия высотою около 60 футов, по большей части совершенно одинаковые на противоположных сторонах; из осмотра почти всей центральной части острова (в месте второго ночлега) ясно, что эти пласты залегают поперек канала; один и тот же цвет на обеих сторонах (между тем как сверху были расположены другие породы?). Валунов столько же, сколько в проливе Гуре, но они белее, а на месте второго ночлега — более мелкозернистые и с признаками осаждения: следовательно они отложились в более спокойной воде. Эти скалы удивительно живописны; *поросли́ жесткими травами;* южная сланцевая гора параллельна, но параллелизма по обе стороны канала нет.

Длинная прогулка на шлюпке; тот же пейзаж; поражены, ехали вслед за дикарями; их дикий вид на горе: голые, длинные волосы (дали им много вещей: пращи, котелки); попытки отогнать их. Наивные, *голые,* крайне жалкие; очень сыро.

21 [*января*].— 5 или 6 миль, и мы поблизости от второй стоянки. При высадке опасались схватки с дикарями — женщины и дети удалились. Признаки большого пожара на склоне горы...

Пляж из серпантиновой гальки.

22 [*января*].— Прошлую ночь провели с комфортом и спокойно: пейзаж становится красивым, покрытые снегом горы; жаркий день. В пяти милях восточнее пролива Понсонби — большая амфиболовая формация; эта амфиболовая формация, по-видимому, выступила наружу через сланец, на котором она покоится. Местность с округленными *буграми,* необитаемая, немногочисленные деревья на северных берегах.

В этом месте зубчатые горы доходят до кра́я воды, с цепью (сланцевых?) островов у основания. Верхняя граница распространения деревьев проходит удивительно на одном и том же уровне, все они достигают почти снеговой линии.

23 [*января*].— Утро, вошли в пролив Понсонби... Вчера ночью, после спокойной и приятной поездки по каналу,— гладкая поверхность воды, окруженной остроконечными горами высотою от 200 до 300 футов, с сверкающим снегом в верхней части их и темными зелеными лесами — в нижней, нашли уютную маленькую бухту; большой костер, вокруг него голые дикари. Свет звезд; большой костер; пели хором; дикари покрылись по́том. Текенека — племя Дж. Баттона, спокойный народ. После завтрака с горы спустилась большая группа [огнеземельцев]; они так быстро бежали, что у них пошла носом кровь.

Когда мы отправились к месту [рождения] Дж. Баттона по проливу Понсонби, нас сопровождали 12 челноков, и яркое солнце и жаркий день делали сцену похожей на рисунок, изображающий острова Тихого океана. Мы оставили их позади, и нас повел Джемми. Среди них не было ни одного из близких друзей Джемми, но, несомненно, новость [о его прибытии] быстро распространится.

Весь вечер рубили дрова и расчищали участок под огород; три брата и мать Джемми; Джемми плохо говорит [на родном языке]; Джемми проявляет не много привязанности [к своим близким]. Превосходное место; гуанако; все благополучно. Три брата встретили капитана радушно; Джемми узнал их по голосу; удивительная сила голоса.

24 [*января*].— Команда занята постройкой хижины и устройством огорода. Дикари спокойны. Сидят голые рядами вдоль рва; работают мало; следят за всем. Всего более их удивляет, что мы моемся и что у нас белая кожа; челноки, образ жизни — пращи, копья, рыбная ловля; гуанако зимой.

Очень дождливый день; неудачная прогулка в горы на охоту за гуанако. Не смогли приблизиться к ним; большие и многочисленные деревья, в большинстве сгнившие; вершина горы — болотистая мрачная равнина.

25 [*января*].— Еще больше огнеземельцев прибыло в челноках. Дядя и друзья Джемми, очень вежливые, выкрашены в белый цвет, точно мельники. Сидят тихо, за всем наблюдают и все выпрашивают; никогда не переходят через ров.

26 [*января*].— Прибыли женщины: около 120 человек. Мужчины сидят и наблюдают, как женщины работают...

9 дюймов чистой взрыхленной земли поверх старых раковин из вигвама. Температура соленой воды 55°. В тени 70°.

Неблагоприятный климат.

27 [*января*].— Вчера ночью двое мужчин ползали около палатки. Возбратившись с прогулки, обнаружили, что все женщины, дети, челноки и почти все мужчины исчезли. Прибыли незнакомые; наблюдали с горы. Копья и место назначения [?]; обращение изменилось. Стащили все вещи в палатку и отступили в красивую бухточку. Йорк и прочие не испугались. Невозможно понять, в чем дело; беда; крайне предательский характер; случай из прошлого путешествия капитана. Акула в бухте.

28 [*января*].— Зеленый паук, муха опутана очень прочной паутиной, протянутой на кустарнике. Клопы под корой.

Стаи Fringilla [вьюрков].

Вернулись в поселение — все спокойно. Брат и мать Джемми вернулись; прогнали двух злобных мужчин; страшная ночь для Матьюса. Красивое зрелище — челноки на рыбной ловле.

Вероятно, все зубчатые кряжи являются первичными; на северном берегу они подходят близко к воде прямо против пролива Понсонби. Снег подходит непосредственно к линии леса. Ручейки; киты, выбрасывающие свои фонтаны.

Чрезвычайно жарко. Разбили палатку (на слюдистом сланце), но, к сожалению, появилась группа из семи огнеземельцев; возможно, они никогда не видели европейцев; никак не могли их отогнать; они только потирали головы, когда около них раздавался выстрел, а когда мы

обнажали кортики, они смеялись. Вынуждены свернуть лагерь из-за этих бесстрашных варваров; дерутся, как животные. В темноте нашли тихую уединенную бухточку. Дежурили до часу ночи — собачий лай вдалеке. Дж. Баттон забыл свой язык, но сохранил предрассудки своего племени — не ест наземных птиц. Только нижние деревья меняют окраску осенью.

29 января.— Большое количество гранитных глыб — мелкие кристаллы; также роговообманковые [амфиболовые] и слюдяные породы. Явственно [видна] заостренная вершина горы (подобные формы я наблюдал в зубчатом кряже). Канал более 1,5 мили в ширину, горы по обеим сторонам выше 2000 футов, а на южной стороне слои явно падают в юго-юго-западном направлении и состоят из слюдистого сланца; обе стороны строго параллельны. Пейзаж весьма уединенный — много ледников, необитаемое место; бериллово-голубой цвет, *удивительно красиво* на фоне белого снега. Ледник: утес около 40 футов над морем, голубой от проходящего и отраженного света. Канал покрыт мелкими айсбергами — арктический океан в миниатюре.

Обед; огромные волны; шлюпка и пр. [25]; упаковка; величественное зрелище.

30 января.— В течение дня — величественные виды; сильно зазубренные [хребты]; белоснежные облака, голубое небо; вид в основном портит то обстоятельство, что с нашей низкой точки наблюдения видна только одна цепь [гор]. Растительность как на горе Эджкомб; отвратительное место для ночлега — огромные камни, разлагающиеся водоросли, и от ночной вахты радости мало.

Во время сильного дождя весьма скверно — очень мокро, порывы ветра; настоящая огнеземельская погода. Киты на расстоянии пистолетного выстрела, огромные спины и хвосты. Вся страна чрезвычайно безлюдна и безмолвна; здесь никогда не было европейцев; тюлень, покрытый мехом.

2 февраля.— Гора Сармьенто; холодный день; странный маленький зеленый сланцевый холм, со всех сторон окруженный, по-видимому, гранитными холмами...

3 [*февраля*].— Отвратительная погода, бесплодная страна...

4 [*февраля*].— В обе стороны все видно по каналу вдаль на много миль, ничто не преграждает вида.

5 [*февраля*].— Возвращаемся прежним путем; вечером забавная сцена торговли рыбой.

6 [*февраля*].— Неприятности с огнеземельцами; Матьюс.

* * *

Не является ли Огненная Земля ultima Thule? Она не вулканического [происхождения]; в слюдистом сланце встречаются гранаты [26].

Вечером за нами следовали дикари. Стреляли поверх них и отогнали их; нашли тихую маленькую бухту на внешнем побережье. Огонь среди деревьев.

18 февраля.— Южный океан не фосфоресцирует...

Буковые деревья; ниже — карликовые деревья. Меньше снега на горах.

2 марта.— Фолклендские острова... [27]

Не указывает ли более близкое сходство насекомых и растений

[островов] [с соответственными материковыми формами] так же ясно, как и этот факт [какой факт?], на более тесную связь, чем миграция?

К какой [группе] животных относятся южноамериканские навозные жуки?— Редкость тлей [?].

См. «Annales des Sciences» относительно Рио-Платы.

Торф ныне [здесь] не образуется и [здесь] встречаются только немногие из болотных растений Огненной Земли; нет мхов; возможно, что разлагающаяся растительность медленно увеличивает его [количество торфа]. Толщина слоев колеблется от 10 до одного фута.

Кораллины на Огненной Земле весьма редки; их заменяют фукусы; Clytra — преобладающий род [28].

Достать трахею нагорного гуся.

12 марта, вторник.— Исследовать Balanus, [живущих] ниже верхнего уровня воды [во время прилива]. Лошади гоняются за рогатым скотом — извращение инстинкта. Бекасы. Осмотреть торфяной карьер. Достать образцы [торфа]. Находили ли здесь когда-либо какие-нибудь [ископаемые] кости и т. п. или стволы деревьев? Встречаются ли здесь пресмыкающиеся? и известняк?

19 [*марта*].— Спросить Чафферса, откуда взялся гнейс.

Говорят, будто остров Запустения [29] вулканического происхождения и что там встречаются горячие источники. На всех Шетландских островах очень горячие источники и пористая лава. Что касается гребней, то ясно, что в горе располагался *центр* поднятия, и тогда пласты приобрели плащеобразную форму вместо гребенчатой...

20 [*марта*].— Видел, как корморан ловил рыбу и отпускал ее восемь раз подряд, как кошка играет с мышью или выдра с рыбой; крайняя дикость хохлатых бакланов. Читал Бугенвиля.

В 1784 г., по отчетам губернатора Фигероа, было возведено 34 здания, население, включая ссыльных, составляло 82 человека, а рогатого скота всех видов было 7774 головы.

22 [*марта*].— Восточный бассейн, торф толщиною более 12 футов покоится на глине и в настоящее время поглощается морем. Нижние слои очень плотны, но горят хуже, чем верхние; в нем встречаются мелкие кости, вроде крысиных,— аргумент в пользу [их принадлежности] первоначальным обитателям; крупные кости должны участвовать в теперешних образованиях, но [процесс этот протекает] очень медленно. *Ископаемые кости в сланце...* Что стало с известняком?

Будет интересно произвести наблюдения над различием видов и относительной численностью [каждого вида], в чем также проявляются особенности различных местообитаний. Миграция гусей. Связаны ли Фолклендские острова с Рио-Негро?

28 [*марта*].— Стаи Emberiza [овсянок].

Отправить часы в починку...

Расспросить о периодах разлива Рио-Негро и Ла-Платы. Является ли кливаж Монтевидео (спокойная местность) в общем вертикальным или каков там угол залегания?

9 мая. [*Мальдонадо*] [30].— Выехал в прекрасном настроении с табуном лошадей; спутники, оружие; описать рекон [31]; обедали неподалеку от печей для обжига извести, дикая банда гаучосов.

Белые люди — как дикари; поражены компасом и прометеевыми спичками [32].

(Еще раньше слыхал об убийстве путешественника и о гибели людей в реке).

Гостеприимный ночлег.

У гаучосов наглое, надменное выражение лица, но они вежливы; усы, длинные черные волосы; огромные шпоры; бледные лица. Высокого роста, вид у них такой, точно они способны перерезать вам горло и при этом отвесить вам поклон.

Страусы не пугливы; поднимают паруса...

Поездка была мало интересной, если не говорить о новизне; местность более каменистая и более холмистая, деревьев очень мало; зато везде между скалами проглядывает яркозеленая трава, которой питаются большие стада рогатого скота. Наша дорога — простая тропинка, совершенно безлюдная. Я не встретил ни одного человека; ночью прибыли в Минас. Маленький тихий приятный городок, единственный во всей стране, не считая Мальдонадо. Венды отвратительно неблагоустроенные — в них нет отдельных комнат и приходится весь вечер скучать в обществе пьяных незнакомцев.

11 [*мая*].— Множество страусов, стаи от 20 до 30 голов; прекрасны на склоне горы.

* * *

[*Остановились в доме помещика дона Мануэля Фуэнтеса*]. Входишь впервые в дом и, посидев некоторое время, просишь как о чем-то само собой разумеющемся [разрешения переночевать]. Огромные стада скота; лошади; гости. Дом совершенно неблагоустроенный — нет ни мебели, ни окон; только мясо да savollas [тыквы], да вода на ужин. Отвратительная спальня, а в ней спит очень богатый человек.

Все относятся ко мне весьма любезно, но с великим состраданием и удивлением. Видел, каким образом убивают [здесь] куропаток.

13 [*мая*].— ...Самая крайняя северная точка; местность более ровная, больше деревьев и несколько иной вид — более волнистый. Вчера вечером — англичанин, чрезвычайно гостеприимный человек; получил свежих лошадей. Наш проводник — интересный старый парагваец. Радость встречи с соотечественником.

14 [*мая*].— Вернулся. Меня считают такой диковиной, что за мной послали, чтобы показать меня одной больной женщине. Ночью — любопытная пьяная сцена: обнаженные ножи свидетельствуют, по-видимому, о том, как здесь сводят счеты,— нанести внезапный удар и удрать из комнаты.

15 [*мая*].— Благоприятствовавшая нам прежде погода изменила нам: теперь мы не можем выйти из-за плохой погоды; глупое положение. (NB Разузнать, не было ли сильного ветра сегодня утром в Монтевидео и не было ли грозы накануне). Своеобразное развлечение — импровизированное пение. Общая черта — вежливость.

17 [*мая*].— Направляясь к югу, мы пересекли широкую гористую местность, состоящую целиком из голубого сланца, обычно весьма кремнистого, иногда содержащего известь; часто — чистый кварц; часто — много железа. Здесь очень широко встречался тот крайний тип искаженного кливажа, где представлены всевозможные изгибы.

Многие напоминают маленькие готические окна; трудно представить себе, какие силы привели к их образованию.

Сегодня интересная дорога; ночевал в одном очень гостеприимном доме, прекрасные мальчики.

* * *

Я нисколько не сомневаюсь теперь в том, что вся страна представляет собой переходную формацию; весьма замечательно наблюдать нечто, подобное переходу от брекчии к вулканическим на вид породам с гранитным стержнем. Можно сказать, что брекчия эта образовалась в граните.

19 [*мая*].— Провел день в доме Себастьена Пиментоса; подобострастные услуги. Ландшафт с многочисленными стадами коров и овец, почти красивый при восходе солнца. Кучи камней на Лас-Анимас — небольшие. Говорят, что они оставлены древними индейцами; они не так велики, как в Северном Уэльсе. Любопытно повсеместное желание человека отметить посещение им самых высоких точек в своей стране — от запечатанных бутылок путешественника до этих кучек [камней].

* * *

Книга Азары, «Философия зоологии» Флеминга и «Четвероногие» Пеннанта; Поль Скроп «О вулканах», Скорсби «Арктические области», *Гумбольдт (кончено)*, «Путешествия» Бёрчелла [33].

Следует отметить появление пальмовых деревьев и маиса.

Упоминают о гремучих змеях — не те ли это гремучие змеи, которые свойственны Северной Америке?

«Утешение в путешествиях» Дэви; Плейфер, Гумбольдт и пр. [34].

Короткая рулетка; радиатор; скальпель; книга по химии. Мышеловки. Вата и маленькие жестянки.

Пальмы; возможно, бедность растительности объясняется молодостью почвенного покрова в этой стране; волнистая поверхность пересекается речками во всех направлениях; прекрасный климат, почва — деревьев нет.

Малочисленность деревьев характерна для всех формаций.

Осмотреть известняковые голыши в Монтевидео.

Самка белого сорокопута с небольшим серым пятном на спине.

При общей бедности [жуков] копрофаги — исключение.

Не показывает ли обилие жуков в конском навозе место первичного обитания этих животных?

Мухоловка с красными крыльями; желтая радужина; веки темноватые; у них же: основание нижней челюсти особенно желтое. Длинноклювые Certhia [пищухи], язык слегка выступает; щетинки выдаются вперед, но не загнуты; умеренно длинный хвост.

Furnarius [печник] ходит, Aperia [водосвинка] бегает рысцой.

Черный Tileus [?] [издает] журчащий звук. Связь между нотами птицы [из] ББ [35] и печника.

Picus [дятел] сидит поперек ветки, как обычная птица. Мухоловка с красными крыльями говорлива. Водосвинка, ручная свинья, кролик.

Зимородок парит...

Длиннохвостый сорокопут } поют.
Красный Icterus [трупиал] }
Зимородок постоянно задирает хвост.
Дрозд [поет] на той же ноте, что и английский.

Крыса с верхней губой, раздваивающейся ниже двух носовых отверстий; сужение верхней губы 3—12 придает верхней челюсти особенно удлиненный вид.

Птица [из] ББ отряхивается, по вечерам проявляет активность; доверчива.

Кишечник Comadraga [36] полон остатков насекомых, особенно муравьев и некоторых полужесткокрылых.

У Scolopus [кулика] иная окраска груди [чем у европейского].

Большая Comodraga уравновешивается флягой с водой без подставки и двумя третями пули.

Мышь (?) Gerbilla уравновешивается отверткой, имеет длинную шерсть и коричневые глаза; глаза очень большие, хвост оказался поврежденным; поймана на сыр.

Alecturus [37], в желудке крупные Lycosa и Coleoptera; в полете имеет весьма странный вид, первое перо [первостепенные маховые] имеет своеобразный вырез. Белый и серый сорокопуты летают кругами и взлетают чаще, чем длиннохвостый сорокопут, который ищет себе пищу преимущественно в кустах.

Большая крыса уравновешивается флягой с водой без подставки, двумя пулями и четырьмя дробинками.

Ampullaria [38], продолжительность ее жизни; зарывается в песок вращательным движением: лежит на своей подошве и, поворачиваясь к краю раковины, действует подобно центровому сверлу и постепенно погружается все глубже и глубже.

Птица с длинным хвостом чаще [встречается] на земле, а не в зарослях.

* * *

Бечевка; бумага; эфирное масло, банки [39].

Купить нож, прометеевы спички, лекарство, каломель.

Пистолет, пули, порох.

Письмо к commandante; карта и записные книжки.

Мягкая бумага, запасной карандаш, маленький молоток, компас.

Носки, перчатки, носовые платки; фляга для вина? гребешок, 2 носовых платка, ночной колпак.

Паспорт, пончо [плащ], селитра.

«Almanack for Ellsgood» на 1834 год.

Река названа Негро из-за caciche [40].

Все индейцы в окрестности умерли от оспы и какого-то вида чумы, поражающего горло.

Индейцы: бола, лассо и чусо [индейские копья], и очень мало ножей. Одежда и раскраска те же.

Эта река Негро оканчивается в озере, имеющем 3 или 4 лье в окружности; в озеро и впадает маленькая река.

Лагуна Лаунчен — он говорит, что приблизительно в 10 лье от побережья Бальдивии [Вальдивии?].

Сьерра-Имперьяль имеет [в длину?] пять лье; с кораблей видна за

70 лье. Когда я спросил, взбирался ли кто-либо на нее, последовал ответ: «Ave Maria Sanctissima, Jesu, никто, кроме бога, не смог туда взобраться; но если взобраться, там можно поздороваться с доном Педро, который хранит ключи от рая».

Сосны; вулканов нет. За Дьяманте река впадает в море на северном берегу, очень далеко от Имперьяля.

* * *

Как далеко простираются утесы? [41].

Сколько детенышей приносит Aperia [водосвинка]?

Какие здесь встречаются животные?

Каков экспорт соли? Были ли найдены кости под глубоко залегающими пластами?

Когда прилетают гуси? (с конца февраля до сентября).

Пресноводные рыбы.

Большие ли кости в обрыве?

Гумми для чистки зубов.

Источники воды? Разрезы колодцев?

Твердый камень близ города?

Рассказы о южных пелагических птицах и Р.-Гранде.

Встречается ли торф? кости? (нет). Обследовать дилювий, пемзу.

Минеральные источники, гипс, селитра.

Снег; землетрясения; грозы.

Какие плоды?

Виноград, персики, нектарины, айва, яблоки.

Тыква, пшеница, ячмень, кукуруза.

Арбуз, дыня. Вишни.

Бататы, кактус — различные виды.

Не в изобилии: картофель, маслины, фиги, апельсины?

[*2 августа — 4 ноября. Сухопутная экскурсия по Аргентине и экскурсия по реке Паране.*] [42]

2 августа.— Легкие встречные ветры, изредка чередующиеся со штормами.

3 [*августа*].— Прибыли к устью Рио-Негро; приятный вечер на уютной шхуне: ночевал в доме лоцмана.

4 [*августа*].— Дошел до южной барранки [обрыва]; [отсюда раскрывается] общий вид на утесы и большую долину.

5 [*августа*].— Отправился в город [Патагонес] — приятная поездка; берега реки — очень неживописная местность. Индейцы напали на дом.

Орнитология иная. Маленький Icterus не так доверчив; несколько [видов] голубей; другие попугаи; другая куропатка; птицы из ББ обычны. Розовый скворец, вьюрок с черным [оперением]; воробей...

Один день охоты — много новых птиц...

Органические остатки — лишь неясные полости да одна раковина.

В растительном слое почвы близ реки — пемзовые голыши, которые плавали на поверхности воды.

6 и 7 августа.— Вся местность вокруг города — песчаник с вол-

нистым кливажем и почти горизонтальными слоями. Дома построены на нем и в нем; из них открывается вид на большую плоскую долину шириною около 8—9 миль с выступающими мысами с обеих сторон...

Плоская богатая почва на противоположном берегу, где имеются озера; равнина за городом, как в Порто-Прае; все кустарники колючие; между ними пустыня. Река — великолепный поток, в четыре раза больше Северна.

Индейцы — несчастный народ на иждивении правительства. Похожи на огнеземельцев, но более изобретательны.

8 августа.— Отправился к салине — большому соленому озеру. Основное богатство Рио-Негро в настоящее время, а в будущем еще больше — экспорт соли из одного этого озера (соль не очень ценная). Наш путь лежал по барранкам реки. На расстоянии около 5 лье берега поросли ивовыми деревьями; если обрабатывать делювиальные земли, можно ждать отрадных результатов; вся плодородная почва этой страны — делювиального происхождения и ежегодно дает 8-18-кратный урожай зерновых; около 30 лье; много прекрасного лесоматериала.

По дороге вся порода — песчаник, который местами содержит легкий, пористый известковый слой толщиною 4—5 дюймов; возможно, что бо́льшая часть известковой формации представляет собою пласт то́ски; нижний [слой] (или цемент) обязан ему своим происхождением, но я не думаю, чтобы его было достаточно для этой цели.

Бо́льшая часть гравия одета известковой массой, как в Порто-Прае. Мне пришла в голову мысль, что это известковое вещество происходит от пласта, протянувшегося у подножия Анд.

(Пемзовый конгломерат.)

Гравий местами содержит также конкреции мелкокристаллического гипса размером от кулака и до головы (конечно, не выветренные); их прокаливают [и используют] для побелки стен.

Пласт гравия образовался, должно быть, на дне моря (это доказывают раковины, находящиеся внутри), и притом спокойно — путем какой-то химической реакции; об этом свидетельствуют наполовину превратившиеся в конкреции цементные массы и нодули [округлые конкреции] гипса.

Вся равнина покрыта колючими кустарниками, а около салин (гораздо более соленых, чем море) — морские растения, как те, что [растут] в Баия-Бланке.

Фламинго; сохранились отпечатки тела червей.

Маленькие грызуны, даже здесь и на равнине. Скопление дождевой воды глубиною в 3 фута.

Разработка соли не уменьшила заметно ее количества; в других озерах образуется корка соли на дне под водой, ибо она не может вновь раствориться...

9 августа.— День потрачен зря — неизбежное зло при организации всякой экспедиции. Молодые индейцы хорошо работают на шхуне; прекрасные молодые люди — платье, чистоплотность, волосы, облик и пр.; очень высокого роста; медные скульптурные изваяния.

10 августа.— Скверный день, решили подождать. Отряд гаучосов. Callandra [пересмешник]. Длиннохвостый сорокопут, повадки иные. Tranesia [?], значительно более дикая, по иному сидит на ветке —

садится на кончик ветки, меньше пользуется хвостом. Пение несравненно более мелодичное.

Торо-торо, или Taupes [Ctenomys], и Aperia [водосвинка] отличаются от мальдонадских; последние мельче, не так боязливы, по-видимому, чаще охотятся днем, держатся в изгородях и норах; приносят по два детеныша зараз; [издаваемый ими звук] более отчетливый, громкий, звонкий, напоминает [звук слышимой] издалека рубки молодого дерева, более характерный, двойственный и повторяется не три или четыре раза, а только дважды; говорят, что не имеет хвоста (?) и слеп (?). Обитает в таких же местах, более вреден, чем крот.

Птица бегает, как зверек, у основания изгороди, плохо летает; [звук] не громкий, своеобразный, единичный.

Апельсины, маслины? Да.

Птичка с заостренным хвостом обитает [вдоль] траверсии [дороги]; прыгает вокруг кустарника, как Parus [синица], постоянно издает резкое, пронзительное, быстро повторяющееся чирикание.

Тут же живет длинноклювая птица из ББ; тихо летает вокруг и быстро прыгает по земле, роясь в навозе, совсем как обычная птица из ББ.

Карранча, длиннохвостый сорокопут [зачеркнуто], очень, очень красивы, большими стаями [сидят] на ветвях, оживляя траверсию.

Очень похожи на некоторых камышевок, но крупнее; [они издают] грубые звуки вперемежку с очень высокими.

10 [*августа*].— Отправились, местность та же, несколько меньше колючих деревьев.

Ночевал в 11 лье от города в направлении половины румба к востоку от севера (истинный курс).

Место ночлега; нашли корову; костер, тишина, унылая равнина; ночь с цыганским комфортом; лошадей вокруг нет; описать общее расположение...

Проехали мимо дерева Уалличу — первого, которое я увидел, позже видел еще; диаметр 3 фута, низкое, очень ветвистое. Индейский бог. [Индейцы] начинают кричать, когда находятся примерно в двух милях от него; окружено костями лошадей; покрыто тесемками вместо листьев и остатками пончо (из которых выдернуты нити); курят, пуская дым сигары вверх, в дупло льют спирт, кладут yerba [траву], еду и пр. Гаучосы все это наблюдали; они думают, что лошади не будут уставать. Все племена поклоняются этому богу — мужчины, женщины, дети. Гаучосы крадут приношения; 9 лье от города; возможно, это объясняется тем, что дерево служит хорошей вехой как наиболее заметный предмет на равнине, а также тем, что оно стоит на половине пути опасного перехода по траверсии [43].

11 [*августа*]. *Понедельник* [описка, должно быть: *воскресенье*].— На следующий день преимущественно все такая же местность; почти совсем нет животных; здесь меньше гуанако, оленей и страусов, больше всего зайцев, лишь иногда встречаются карранчи и мелкие грифы, нет lachuzaos [сов]; гравий и цемент. В Посо-Секундо (9 лье от колонии) видно, что замечательно плоская равнина тянется на многие мили на значительно более низком уровне, имея ту же растительность и тот же общий вид; однако цемента не заметно, один только гравий. Он, должно быть, тот же, ибо в Посо попадались серовато-голубой песчаник и тóска

Встречаются здесь и соленые озера, а по краям колодцев — корочки селитры. Ночь провел, как и предыдущую; выли лисицы. Цемента нет.

12 [*августа*].— Около 3 лье от реки Колорадо. Местность, очень медленно понижаясь, переходит в равнину, называемую пампасами: с клевером и lachuza [маленькими совами], без колючих кустарников и короткой зеленой травы; я подозреваю, что это — [продолжение] сложенной тоской равнины противоположной стороны реки. Побережье, все такого же характера, тянется до залива Согласия с его плоскими островками и грязевыми отмелями; вскоре погружается (в море); делювиальная равнина; местами селитряные болота с солончаковыми растениями; затем равнина и цепь низких песчаных холмов. Любопытно, каким образом селитра попадает на дилювиальные равнины? Я склонен думать, что *пампасы* — не дилювиального происхождения, хотя они не на много выше уровня моря.

NB .— Противоположная часть Патагонии представляет собою *настоящую* делювиальную равнину; здесь есть небольшие салины, в которых добывают соль, а также места, где селитра лежит на поверхности. Как объяснить появление соли? Я могу только представить себе, [что причина —] источники, ибо равнина плодородная и соли в ней нет. Как образуются низкие песчаные (каменистые) равнины? Абразия?

Нижняя солончаковая равнина ниже на 50 или 60 футов. Приятная прогулка. Гаучосы выстроились в ряд, плащи развеваются, легко сидят в седле; бряцание шпор и сабель; меняют лошадей, три лошади; рассказы о верховой езде. Белая индейская лошадь; смех и болтовня, доехали до реки Саусе, камыши; величиной примерно как Северн, 60 ярдов воды; кобылы плывут; лагерь дивизии в одну четверть квадратной мили. Бандиты. Обязательный допрос у генерала Росаса. Необыкновенный человек; почти 300 тысяч [голов] рогатого скота. Perdrix [куропатка] и Scolopus [кулик] — самые многочисленные птицы на сухой равнине; гнездятся по берегам озер (яйца белые с красными крапинками); держатся небольшими стаями по 5—6; от 2 или 3 до 30 или 40.

13 [*августа*]. *Среда* [описка, должно быть: *вторник*].— Нечего делать, отвратительный день, не знал, куда деваться. Болотистая равнина, летом затопляется водой от тающих снегов. Единственное развлечение наблюдать индейские семьи — разукрашены бусами, длинные волосы, красивые дети. Все состоят на службе; около 400 человек всадников — большое число.

14 [*августа*].— Все дни у меня перепутались: должно быть, я выехал в воскресенье. Ясно, что здешние равнины (включая salitras) образовались недавно в морском эстуарии; теперь суша затопляется летом. И по сей день в болоте встречаются острова и песчаные дюны, свидетельствующие о том, что в прошлом здесь было море.

Почти 10 лье по прямой линии от Росы. Эта река разливается от талых вод в декабре.

Рио-Негро разливается от снега и дождя.

Генерал Росас серьезный, умный, восторженный; смех его — плохой признак; рассказ сумасшедшего.

Торговля Мендосы.

15 [*августа*].— 4 лье до первой пóсты в направлении восток-северовосток. Течение реки, дилювиальные слои; 2-я пóста (11 лье) прямо на норд-тен-ост. Гаучосы считают, что она — в 14-ти лье от моря.

На 17 лье в глубь страны простирается холмистая равнина. Салины. Равнина расположена на 30—40 футов выше колонии, более плодородна, больше трав, иные растения и вегетация, иной вид, меньше колючих кустарников...

Обыкновенный Icterus, черные кукушки; там, где есть вода, ржанки; (красный вьюрок, желтый клюв) на первой пóсте...

16 [*августа*].— От 3-й до 4-й пóсты 7 лье; равнина у подножия обрыва все такая же; с большого обрыва места с многочисленными неровностями выглядят совершенно плоскими...

Близ этой 4-й пóсты, с (южной) стороны, равнина внезапно обрывается кряжем глиноземного известняка и покрыта medanos [песчаными дюнами], ныне перемещающимися... Кряж возвышается на 50 футов над равниной, которая во время штормов затопляется соленой водой. Эти medanos простираются не очень далеко и внезапно обрываются на востоке (дорога вокруг них; белые страусы).

Оба вида птиц из ББ строят гнезда в норах. Касара; запах оленя на расстоянии четверти мили.

Ночевал в уютной маленькой ranchita [хижине]. Чернокожий лейтенант; индейцы проходили мимо в большом числе; приятный человек и безусловно в высшей степени порядочный; маленькая канава [окоп?].

Превосходное асадо [жареное на вертеле мясо].

Длиннохвостый сорокопут прилетает на Рио-Негро только летом!

Вся земля разрыхлена taupas [грызун Ctenomys]; они никогда не покидают своих нор.

Расстояние от 4-й пóсты до города около 3 лье по прямой линии, по дороге же более 6. Вся дорога [проходит] по болоту, очень утомительна; с северной стороны — сложенные цементом равнины с обломками кварца из Сьерра-де-Вентаны. У 5-ой пóсты опять илистые болота. Выкупался в черной грязи; на пóсте был убит человек. Услыхали пушечный выстрел — индейцы недалеко; держались у самой грязи, чтобы бежать [в случае опасности], оставили дорогу; вероятно, дружественные индейцы. Местность — болото, без малейших признаков того, что здесь недавно было море; однако миллионы маленьких Turbo [морские брюхоногие моллюски], [расположенные] неясными рядами; medanos в болоте...

Водосвинки носят своих детенышей на спине; вес некоторых экземпляров из Мальдонадо я отметил в этой книжке...

17 [*августа*]. *Воскресенье* [должно быть: *суббота*].— По мнению дона Пабло, Сьерра простирается к востоку и западу на 30 или 40 лье, и на западе находится *очень большая* салина; день провел без дела; ни чистого белья, ни книг. Я завидовал даже котятам, которые играли на глиняном полу. [Задержка из-за дождя.]

Пичи, матако, пелудо [44] — все живут на одной и той же равнине; первые удивительно многочисленны, зарываются очень быстро; приносят зараз по два-три детеныша. Молина [утверждает], что они встречаются южнее Тандиля. Taupes [издают] здесь другой звук: единичный, повторяющийся через равные промежутки времени, или же учащенный; очень шумят вечером после захода солнца, ночью утихают.

18 [*августа*].— Комманданте предоставил мне лошадей и солдат; никто [в одиночку?] не выходит из крепости на охоту, ибо двое его спутников были убиты, он ранен, а лошадь опутана ремнями бола;

теперь [мы уже] близко, дорога по побережью безопасна; [однако] достаточно было заметить убегающего оленя, [чтобы подумать, что] его что-то спугнуло. Корабль не прибыл; достал двух новых лошадей, но очень плохих — на спинах [кожа стерта], тощие, одну оставил; вернувшись, получил пичи на завтрак и на обед; лошади очень устали, [хотя проехали] не больше 25 миль, причем медленно; ночевал под открытым небом; селитра; taupas; сорильо; вернулся утром; лошади жалкие,— *19* [*августа*] — едва ползут. Я шел пешком, вторую лошадь оставил; убили ягненка — нет воды, везде соль. Очень страдал от жары, не мог итти; ужасно бесчеловечно ездить на таких лошадях; с наслаждением выпил свежей воды; прибыл в Пуэбло после отвратительной поездки. Места, где повсюду селитра, [стоит] вода в бороздах от тележных колес. Места, где много воды, илистые, обнаженные и выглядят так, точно море затопило местность во время прилива. В глиняных стенах camara [касара] строит свои норы; не зная действительной толщины [стены], она проделывает сквозные отверстия.

20 [*августа*].— Купил хорошую лошадь за 4 ф. 10 шилл. и поехал верхом. Весьма любопытно большое количество Bulimus, (особенно) на высоких равнинах, и других наземных моллюсков; на каждом квадратном дюйме 3-4, я никогда не видал такого количества. Вся поверхность на многие лье вокруг была подобна взморью; образцы; все мертвые за исключением одного.

21 [*августа*].— Так устал от безделья, что отправился на Пунта-Альту. По дороге подняли тревогу из-за индейцев; хладнокровное поведение [моего] спутника: он не бросился сразу бежать, полз на животе; женщины. Работал у обрывов [в поисках ископаемых] костей; прекрасный вечер; корабль не прибыл; очень плохая ночь — сильный дождь, но я настолько уже стал гаучо, что не обращаю на это внимания; на следующее утро — *22* [*августа*] — также шел дождь, поэтому вернулся обратно. На дороге заметили свежие следы льва [пумы]: предприняли безуспешную погоню. Собаки, по-видимому, почуяли [зверя]; им не очень хотелось встретиться со львом; они не имеют индивидуальных кличек; все они [гаучо] трусы — пользуются бола и потому так мало голышей; вернувшись, узнал, что прошлой ночью прибыл Гаррис; беспокоюсь о корабле; встретил по дороге местных индейцев, которых подозревают в том, что они убили начальника пóсты. Послание генерала относительно этих людей: если они окажутся виновными, воинский отряд [должен] выследить их и уничтожить. Самцы страусов определенно высиживают яйца, их легко отличить; сначала откладываются случайные яйца. Говорят,— не знаю, на каком основании,— что несколько самок откладывают яйца в одно гнездо. Около 50 яиц в брюхе; аналогия со способом откладки яиц у африканского страуса.

Мой взгляд на геологию Пунта-Альты изменился после того, как я более подробно ознакомился с этой местностью; поучительно главным образом то, что, как выяснилось, кости [ископаемых животных] не могли существовать одновременно с ныне существующими моллюсками. Они найдены на горе Эрмоса, хотя [там встречаются] древние раковины. Голыши из этих пластов встречаются в гравии. Следовательно, если эти кости такие же, как и на горе Эрмоса, они должны относиться к более раннему периоду, чем современные раковины. В какой мере это так? Quien sabe [кто знает]? [45]

23 августа.— Корабль виден над грязевыми отмелями на горизонте.

24 августа. Воскресенье [должно быть: *суббота*].— Отправился в бóку [т. е. в устье реки], но северо-западный ветер был настолько сильный, что ни корабль, ни шлюпка не могли подойти поближе.

26 августа. Понедельник.— Шлюпка под командой м-ра Чафферса, после тщетных попыток продвинуться против ветра, всю ночь провела на воде и прибыла лишь сегодня утром. Я поехал в бóку и вернулся с экипажем к комманданте; он считает поездку на Сьерра-Вентану небезопасной; строил планы относительно Буэнос-Айреса, очень вежлив; вернулся на борт; ждал, пока зарежут корову; когда стемнело, отправились к кораблю; прекрасная лунная ночь, штиль, корабль сдвинулся с места; прибыл на борт корабля в половине второго.

27 августа.— Весь день провел с капитаном, рассказывая ему о своих приключениях и обо всем, что слыхал об индейцах.

28 августа.— Очень занят приготовлениями к поездке в Буэнос-Айрес. В высшей степени приятна вся эта суета и активность после стольких дней безделия на протяжении последних двух недель, проведенных в испанских поселениях.

29 августа. Четверг.— После обеда мы отправились в ялике в совместную экскурсию. Провели ночь в Пунта-Альте с тем, чтобы затем 24 часа заниматься поисками костей, которые [оказались] очень успешными; приятно провел ночь.

30 августа. Пятница.— В полдень плыли на ялике по лабиринту грязевых отмелей, прибыли к жилищу лоцмана, достали лошадей и добрались до Гуардии [форта] к 9 часам.

31 августа. Суббота.— Так как мой Васьяно не прибыл, я отправился на Пунта-Альту, чтобы руководить поисками костей; тихий уединенный уголок, погода, ночи прекрасные; самая эта тишина почти величественна даже среди грязевых отмелей и чаек, песчаных холмов и одиноких грифов; видел здесь красивую маленькую синицу; куропатка с хохолком; обыкновенные ржанки, иволги, cassicus [трупиал], дрозды-рябинники, розовые скворцы очень многочисленны; птицы из ББ (длинноклювые) все здесь обычны. NB В прошлом году Avecossina [Avestruz Petise?] был встречен недалеко от salitras.

1 сентября.— Пробродив с ружьем и насладившись солнечным днем, в полдень отправился обратно в город. Селитра образует тонкую кору на тех обширных озерах, в которых лишь несколько дней назад была вода; кора эта похожа на снег, а по краям — на сугробы [снега]. Является ли черная грязь в салине Патагонеса причиной (т. е. вызывает ли она) зловония песка? Мне кажется, что грунт всегда низкий, впервые заметил это в пампасах южнее реки Колорадо. Селитра, по-видимому, выветривается на поверхности; около города огромное количество лошадей, принял пыль за дым пожара; очень трудно справиться [с лошадьми], если ночью среди них появится лев [пума] или даже лисица. Крыса почти таких же размеров, как обыкновенная английская серая: задние ноги с неполными перепонками, живет по берегам ручьев.

Комманданте часто видел и слышал от других о больших панцырях *пелудо* [броненосца] на обрывах; большая чайка нередко залетает на 50 миль в глубь страны, забирается в бойни; издает такой же крик, как обыкновенная английская чайка, когда приближается к месту сборища птиц; все [разговоры] о gran bestia [по испански — лось] — вздор.

Животное, полный скелет которого находился в кусках породы, было захоронено в песке в вполне естественном положении. Был ли этот кусок тóски вымыт из древнего обрыва или из современной формации? Исследовать материнскую породу.

2 сентября. Понедельник.— Ничего не делал. 3 формы Cassicus. Воробьи около одиноких эстансий так же мало заменяют [наших] веселых domesticus [домовых воробьев], как прожорливые стаи cuorvus [воронов?] — наших грачей.

3 сентября. Вторник.— Гаррис [46] и Роулетт отправились в бóку, где их подберет ялик, производивший съемку верхней части залива; заберут кости на Пунта-Альте и вернутся на корабль, который завтра же выйдет в море. (Уже затем я узнал, что корабль не отплыл.)

4 сентября. Среда.— Страшная скука; огромное удовольствие доставили книги; время мчится; испанское издание (Барселона) [книги] «Суд над королевой» [47] и испанская книжка рассказов; только после нескольких дней подобной праздности познаёшь радость чтения.

Дрозды-рябинники охотятся за крупными жуками и ловят их на лету.

NB. Под навозом лошадей и рогатого скота (в разрыхленной земле) очень глубокие отверстия, похожие на [ходы] Geotropes [Geotrupes — жуков-навозников]; у меня есть один экземпляр из-под лошадиного навоза, другой — из-под коровьего навоза; omn-stercivorous [оригинальный термин Дарвина: питающиеся навозом всех видов].

Когда лежишь, растянувшись на земле, прилетают карранчи, кружатся над тобой, садятся ярдов за 50 и зловеще смотрят на тебя. Черный обломок кости, [найденный] на Пунта-Альте, похож на кость с горы Эрмосо; Balanus [морской желудь] из кита и куски китовой кости. Если кости скелета инкрустированы морскими животными в местах, которые теперь прикрыты материнской породой, не вероятно ли, что тóска и животное — оба дилювиального происхождения?

Сорильо [скунс] настолько сознает свою способность причинить вред, что гуляет по равнинам среди бела дня и не пытается убежать; собаки не нападают на него, если только их не натравить; пена у рта, выделения из носа и позывы к рвоте; запах часто чувствуется в ясные вечера.

Be...... [неразборчиво написанное испанское название какого-то животного] ежегодно меняют жилище. Lievre [зайцы] приносят по два детеныша зараз в норках, которые они сами строят.

5 сентября. Четверг.— Стрельба из пушки в честь победы, одержанной над индейцами высоко в горах, между реками Колорадо и Рио-Негро. Всего 113 индейцев; все взяты в плен, 48 человек убито, два касика; один бежал на прекрасном коне; один из пленников надеется, что его не убьют, если он окажется полезным предателем; все женщины старше 25—26 лет убиты. Блестящий довод: «Люди ничего плохого в этом не видят и считают это даже необходимым, потому что они [индейцы] так сильно плодятся».

Всадники прискакали от генерала с приказом отправить отряд к малым салинам, потому что там, всего в нескольких лье от дороги, находится группа индейцев, человек 30 или 40 (50). Пóсту вырезали не индейцы касика Бернансио, а какие-то неизвестные, след которых ведет к пампасам.

У длинноногой ржанки сильно заостренные овальные яйца оливково-коричневого цвета с темно-коричневыми пятнами на тупом конце.

Считают, что расстояние между рекой Колорадо и Рио-Негро всего 12 или 14 лье, лошадь легко проходит [это расстояние] рысью без свежей воды.

Озера; горы очень крутые, вдвое ниже Вентаны.

Только один христианин легко ранен: когда индейца взяли в плен, он почти откусил [у него] большой палец; ему же чуть ли не выдавили глаз. Он притворился мертвым, а нож держал наготове под шкурой [плащом]. Пленный касик рассказал, что у малой салины укрылись еще три касика и что у каждого из них лишь небольшой отряд.

При взятии индейцев в плен удалось вернуть большое количество лошадей, [угнанных] из Баия-Бланки, в том числе и лошадей дона Пабло. [Индейцы] были обнаружены отчасти благодаря пыли, [поднятой] лошадьми. Пеоны хотят забрать лошадей; не нападают на индейцев.

В Баия-Бланке встречается большая куропатка, которая водится и в Мальдонадо; о другой я не знаю.

Индейцы у малых салин, на которых собираются напасть, имеют в среднем по 3 или 4 лошади на человека,— у одних больше, у других меньше; все лошади — частная собственность; их распределяют вскоре после грабежа.

Касик на белом коне; битва близ Чуричиля [Чолечеля]; некоторые из его людей сообщили о больших силах в горах северо-западнее Чуричиля и к северу от реки Колорадо, среди гор высотою вдвое меньше Вентаны; [оттуда] видны Кордильеры, как Вентана видна с medanos [дюн]. Когда на них нападают (на индейцев вообще), они разбегаются в разных направлениях, не задерживаясь ни ради женщин, ни ради детей, так как знают, что это — гибель: христианский зверинец; рассеиваясь в разные стороны, они производят только один выстрел из карабина, но больше надеются на саблю и копье; если они не могут сразить противника, то пускают в ход бола, которые останавливают лошадь; человек, который рассказал мне это, преследовал индейца; тот крикнул «Companero, no mate me!» [«Товарищ, не убивай меня!»] и в то же время распутывал ремни бола, чтобы размозжить преследователю череп; испанец изрубил индейца саблей и перерезал ему горло ножом; были взяты в плен две хорошенькие белые девушки из Сальты, говорившие только по-индейски; другие пленные — у генерала Пачека. NB Индейцы из Сальты низкорослы, не имеют лошадей; пращи, луки и стрелы.

Четыре человека сбежали поодиночке: один убит, остальные пойманы, они оказались индейскими chascas [гонцами]. Они собрались на совет — большое пиршество с кониной (фандарига), и на следующее утро все были готовы выступить; от первых двух потребовали (всех троих выстроили в ряд), чтобы они ответили, чтó им было поручено и т. д.; они отказались — их расстреляли одного за другим; когда спросили третьего, он, как и первые двое, ответил «No se!» [«Не знаю!»] и прибавил: «Стреляйте! Я знаю, как надо умирать». Благородные патриоты! Иначе вел себя пленный касик. Его сведения о великом объединении будут иметь большое значение. Chascas собирались установить связь с индейцами у малых салин.

Касик сообщил, что они там находятся,— отсюда и нынешняя экс-

педиция. Chascas были молодые люди лет под тридцать, ростом 6 футов, светлые, очень красивые мужчины; они пришли с далекого севера, из Кордильер; связь [поддерживается] на огромном расстоянии — оттуда до салин у Баия-Бланки.

В главном пункте сбора их теперь, как полагают, 600—700 человек, к весне будет 1500; нынешняя тактика [их] заключается в убийстве путников и концентрации для большого нападения. Индейцы обращаются с христианами точно так же, как христиане обращаются с ними,— убивают всех бородатых; ужасные события произойдут в Кордильерах...

Женщины, взятые в плен в возрасте 20 лет, никогда не могут примириться с этим [т. е. с пребыванием в плену]. Теуэльчи очень высокого роста; мне говорили о них, употребляя самые крепкие выражения, закатывая при этом глаза к небу; в среднем на фут выше меня.

6 [сентября]. Пятница.— Опьянел от мате, курения и безделия в ожидании отправления [в дальнейший путь]; постоянным сообщениям об индейцах придает еще большее значение стрельба из пушек; туман; думал, что начинается буря; говорят, что далеко на равнине начались пожары: очень уж сухо.

7 [сентября]. Суббота.— Видел кусок непрозрачного камня кремового цвета — остаток наконечника стрелы с зубцами; [это наконечник] не для чусо; он в два раза больше, чем [наконечники] на Огненной Земле; их часто находят на Чуриколе; индейские древности: до того, как благодаря лошадям и бола изменились обычаи. *Пешие* индейцы имеют стрелы; враждуют не со всеми, только с чилийцами и арауканцами.

Когда касик бежал на белом коне, убили от 20 до 30 человек; в пульперии видел мальчика Эмперио, посланного Бернардино (местное дружественное племя) в качестве залога за спиртные напитки для [праздника с] плясками; хотя эти индейцы дружественные, все же [здесь] не принято выезжать в одиночку или вдвоем; у него [у Бернардино] есть сын христианин Иннокентий [?], воспитываемый генералом Росасом.

Avestruz Petise [48] встречается поблизости от моря южнее [реки] Колорадо; то же строение перьев, сходны [также] туловище, голова и шея; ноги несколько короче, они оперены до когтей; имеет нечто, подобное четвертому мясистому пальцу без когтя; яйца немного мельче. На голове редкий пушок, не летает; сведения достоверные.

Мои перспективы улучшились: gracias a Dios [слава богу!], отправляемся утром.

8 сентября. Воскресенье.— Отправились в путь; 1-я по́ста приблизительно на 4 румба западнее Сьерры. Группа дружественных индейцев. На расстоянии 4 лье высокая равнина с делювиальной песчаной почвой, покрывающей склоны долин; новый вид травы, колючих кустарников нет. Впервые за хребтом Сьерры увидел [другой] хребет. Только одна точка, [с которой возможно] наблюдение. Около по́сты хорошая соленая салина в углублении, небольшая; salitras также в углублениях, но высоко над уровнем моря.

Раньше я только догадывался о высоте равнины — по рассказам; впервые удалось увидеть Сьерра-Вентану в двух лье к северу от Колорадо — с индейцем [-проводником]: он приложил руку к голове и промычал так же, как подле Уалличу. Почему?

Salitra у последней по́сты над дилювием с кусочками цемента.

Думаю, что равнина лежит в 200 футах над уровнем реки; река глубокая, быстрая; 12 лье до бóки и 6 до Сьерры.

Ширина реки Саусе около 20 футов; берега крутые, с множеством п[ресно]в[одных] раковин. Значительная часть Саусе непроходима, перейти ее можно [только] в двух местах, не считая устья. Хорошая [защита] от индейцев. По дороге встретились огромные стада рогатого скота и лошадей, много [животных] потерялось, 15 солдат. Не так давно офицеры гнали 506 лошадей, почти всех растеряли, уцелело шесть; затем другие отряды — вскоре по непокрытым головам с длинными развевающимися волосами мы поняли, что это индейцы, которые направлялись к салинам за солью; едят соль, точно сахар. Любопытное отличие от гаучосов [49], которые [вообще] столь сходны [с индейцами] по своим привычкам. Недалеко от пóсты на Саусе репа, несомнено такая же, как у Колорадо, но отличная, как мне кажется, от европейской: корень более длинный, более волокнистый и едкий. Пестрый чертополох.

Множество lievres [зайцев]. Человек из Буэнос-Айреса говорил мне, что они пользуются норами вискашей; может быть, в тех местах, где много вискашей, они не строят себе нор? Этим и объясняются различные сведения.

Мне рассказывали, что в Сьерре-Тандиль за три месяца было убито сто львов [пум], губивших телят; они убивают жеребят и маленьких телят, сворачивая им назад шею и ломая ее. Достоверные сведения. Добравшись до пóсты на С[аусе], достал лошадей и отправился к Сьерре; с трудом нашли воду, так как источники скрыты, дров не хватило даже на асадо [жаркое], и оно наполовину испортилось; трудно найти местность столь же бесплодную; по дороге преследовали и убили красивую лисицу и броненосцев; огромное количество оленей; мало гуанако; равнина плоская с высокой засохшей бурой травой; долины плодородны, долина Саусе шириною в одну милю, плодородна — репа; Сьерра вырастает над равниной, лишена деревьев и поднимается постепенно (т. е. очень слабо). Имеет своеобразный, уединенный вид и заслуживает своего названия Hurtado [Уединенная]. Равнина ограничена горами... Ночью на Сьерре очень холодно, сначала промокли от росы, а затем окоченели от мороза.

Вода в caldera [чайнике] — около кварты — [замерзла].

9 [сентября]. Понедельник.— Отправились рано утром и испытали макинтош: несли в нем воду до вершины [50]; достигли вершины в самой высокой части седловины; трудность восхождения из-за громадного количества глубоких оврагов; общий характер Сьерры — крутые склоны; с вершины пришлось спуститься близ лагеря к лошадиному проходу; заметив лошадей, решил, что [здесь] индейцы; потратив таким образом понапрасну много времени, я снова пошел [вверх] и с великим трудом и с судорогами [в ногах], вызванными введением в действие новых мышц, добрался до места, почти столь же высокого, как и вершина, на расстоянии часа ходьбы от последней; трудно продвигаться дальше: перспектива в дымке, день ясный, моря не видно; восхождение неудачное, мог бы добраться до подножия [горы] верхом на лошади... Вискаша вкусна, мясо белое. Вернулся утомленный и несколько разочарованный: столько прошел и ничего не видел, кроме чистого кварца; пейзаж все же своеобразен, а некоторая опасность

[страх перед индейцами] — точно острая приправа. Без опасений развели огонь.

Ночью ураган; при судорогах в мышцах полезно пить мате в больших количествах и много курить. Очень много сражений на Сьерре. Часки бежали на вершину и дрались большими камнями. К западу от Сьерры ведет только одна дорога, наверху есть вода; индейцы загнали туда лошадей, и хотя христиан было свыше тысячи, они не могли добраться до индейцев. На Сьерре — белый сорокопут и дятел.

10 [*сентября*]. *Вторник.*— Ехали медленно и искали камни; вернулись к пóсте на Саусе, подгоняемые ветром.

Рио-Саусе уходит к северу от Вентаны в глубь страны; разливается в середине лета, а в настоящее время — из-за дождей. Я должен был дождаться офицера с письмом от генерала Росаса, но представилась благоприятная возможность [поехать] с начальником пóсты, поэтому я отправился.

11 [*сентября*]. *Среда.*— Расстояние от пóсты на Саусе до 3-й пóсты 15 лье, но по прямой линии, говорят, 13.

Довольно неинтересная дорога; пересекли речку на полпути к Рио-Дель-Индро. Наблюдательность гаучо: с крутого склона холма он указал мне свой дом на расстоянии около 30 миль; за 1,5 мили от берега, где горизонт необычно широк, он снова указал мне направление. По Катеровскому компасу [51] разница всего лишь в 3°, а может быть, чуть больше, по сравнению с указанным им направлением. Добрались до 3 пóсты.

12 [*сентября*]. *Четверг.*— Здесь я поджидал офицера и проехал к Сьерре юго-западнее пóсты. Видел красивую иволгу.

Описание пóсты: жалкая хибарка, открытая с обоих концов; [сделана] из соломы; около 50 лошадей, иногда [имеется] и корова: дичь; топливо — чертополох. 15 лье от одной [пóсты],— а теперь (после убийства) 30,— до другой; единственное развлечение — табак и мате. Бесплодная равнина, покрытая высокой засохшей травой.

Куропатки [кричат] по вечерам, как лягушки. Несколько стервятников дожидаются, когда их [гаучосов] убьют [индейцы]. Можно опасаться появления большого количества [их] — любят соленое мясо.

При лае собаки вскакиваем. Крик теру-теру [*Vanellus cayanus* — пампасский чибис] во время игры в карты при свете костра; склоненные головы, страшные на вид люди. Игра с шарами — расстояние 35 ярдов, но [попадание] примерно один раз из 4-5-ти. Могли забросить их на расстояние от 50 до 60 [ярдов]. Каранчи не бегают, как cuervos [вóроны], яйца [откладывают] на утесах, крик похож на испанское G и N; на Саусе видел другую форму: ноги и клюв голубые, перья светло-коричневые, за исключением макушки [головы], глаза темные.

13 [*сентября*]. *Пятница.*— Птица, называемая чуско, откладывает яйца в гнезда воробьев: четыре или пять страусов откладывают яйца в одно гнездо; бегут против ветра не хуже оленя. Страусы прячутся в высохшей траве; звук, издаваемый страусами.

Желудок пичи [броненосца] с различными жуками и личинками.

Огромное количество лисиц; львы [пумы] никогда не рычат, даже когда их поймают; за оленями охотятся днем; видел съеденную наполовину молодую вискашу. Живут среди сухой травы и в норах. Огромное

количество Aphodia [род навозных жуков] (V образец), но не в лошадином навозе, хотя его много.

Поехал на охоту; никакого спортивного интереса; приятная езда галопом; две формы куропаток.

14 [*сентября*]. *Суббота.*— Оставили позади длинную цепь невысоких гор, которая уходит к северо-западу за пределы видимости; у подножия — цементная формация; болота, затем плоская равнина, точно море; не мог определить формацию; уснул под открытым небом, когда садилось солнце, потому что выехал в половине первого.

15 [*сентября*].— Впервые увидел больших журавлей; карранчи и ржанка, и яйца ржанки (NB. поздние); последняя притворяется мертвой, подобно чибису.

По всей дороге многочисленные болота и хорошая высокая трава. Миновав 4-ю пóсту, где были убиты люди, добрались к полудню до 5-й пóсты. Говорят, что от этой 5-й до 3-й пóсты 30 лье, но, возможно, что и 20. Начиная от 5-й пóсты число пожаров по нашему пути, между этим пунктом и местом нашего ночлега, дошло приблизительно до 208. Даже по этой дороге находящиеся среди топи сухие острова состоят из твердого цемента. Журавли несут пучки тростника.

Убитому на пóсте человеку было нанесено 18 ран...

Рыба в мелкой воде...

Длинноногая ржанка издает звук, похожий на лай маленькой охотничьей собаки... Многочисленные, не лишенные изящества яйца, как у ржанки; много змей с черными пятнами [водится] во влажной топи; две желтые полоски и красный хвост; также образцы.

На этой пóсте 21 человек; охота, 7 оленей, 3 страуса, 40 яиц. Куропатки и пичи. Спал под открытым небом.

16 [*сентября*]. *Понедельник.*— Дорога к 6-й пóсте — черная торфянистая равнина с высокой травой; ехать по болоту тяжело. Недалеко от пóсты — цементный остров; пóста расположена у озера, населенного множеством черношейных лебедей, красивыми утками и журавлями.

Дорога к 6-й [7-й?] пóсте несколько лучше, похожа на Коттенхемскую топь; большие стаи плавно парящих караваек...

Вчера ночью выпал необыкновенный град; олени (20 шкур) уже найдены убитыми; видел шкуры и туши страусов; у человека, который рассказал мне это, голова была перевязана из-за [полученных] ушибов; были также убиты карранчи, утки; съели куропатку с черным пятном на спине [от удара градиной]; [градины были] величиною с яблоко; разрушило корраль; зайцев [убито?] мало.

От 6-й до 7-й пóсты 10 лье (коротких).

Почва равнины — прекрасный чернозем.

Гаучосы ищут белые куски [камня твердой породы] для высекания огня.

В течение нескольких дней я ем только одно мясо и пью мате; долго ехали верхом в темноте; ел мясо пумы, очень похоже на телятину; с ужасом подумал, что мы едим нерожденного еще теленка; очень любопытное плоскогорье Тапалькен. Мне сказали, что barrancas [обрывы] достигают высоты от 30 до 40 футов.

17 [*сентября*]. *Вторник.*— От плодородной равнины 7-й пóсты до 8-й расстояние 8 лье по берегу Рио-Тапалькен; пересекли ее [реку]

два или три раза; большая река. В городе Тапалькен купил сухарей; своеобразная равнина, усеянная лошадьми и тольдо [индейскими хижинами]; чина [индианки] [сидят] всегда по две на одной лошади; жене старого касика не больше 11 [лет]. Пульперии [т. е. лавки].

В болотах высиживают птенцов черноголовые чайки. Страусы откладывают яйца среди дня; черная и белая мухоловки и длиннохвостая птица; по берегам реки чистый цемент (схож с конкрециями горы Эрмосо, содержащими марганец и так называемую тóску) образует многочисленные мелкие пороги; залегает горизонтальными пластами; поверх него лежит слой очень бледно окрашенной тóски.

Путь от 8-й до 9-й пóсты целиком проходит к востоку от реки; поля и топи.

Здесь нет ни зайцев, ни пичи — скорее из-за [характера] местности, чем из-за географической широты, потому что к северо-западу пичи встречаются. Некоторые монахи из Р... [?] стали теперь офицерами; индейцы с овцами; семьи индейцев в Колорадо, очень красивы.

9-я пóста [находится] в 6 лье восточнее реки Тапалькен.

18 [*сентября*]. *Среда.*— От 9-й до 10-й пóсты 8 лье, большой поворот к востоку; болота и поля; три реки впадают в лагуну с barrancas [обрывистыми берегами]; пичи.

От 10 до 11-ой пóсты 8 лье проехали галопом за 2 часа 50 мин. Стая золотистых cassicus; мало цемента; у 11-й пóсты — первая эстансия; несколько белых salitras. Поля сравнительно хорошие. Проехали мимо индейцев и чина. [Ткани их изготовления] похожи на английский материал; собираются торговать yergas [материями] в Монте[видео].

Пичи отсутствуют.

От 11-й до 12-й пóсты 3 лье.

От 12-й до 13-й пóсты 6 лье.

Много воды; переправились через Саладо, ширина около 40 ярдов, очень глубокая; переправились в челноках. Берега — цемент и светлая глина; к темноте добрались до 13-й пóсты.

Эстансия генерала Росаса — очень большое, длинное укрепленное строение; 900 фараго маиса, колоссальные стада; 74 квадратных лье; прежде 200 пеонов охраняли [поместье] от индейцев; меблировка почти отсутствует, но все же эстансия лучше всех других.

19 [*сентября*]. *Четверг.*— От 13-й до 14-й пóсты 4 лье; выехал рано, поля ровные, клевер и большие заросли чертополоха; норы вискашей; ровная местность, как под Буэнос-Айресом; около Гуардии укроп; добрались до Гуардии в 9 часов.

Красивый маленький разбросанный городок, много айвы и персиков в цвету. Миновали большое озеро и еще одно близ города; там обрыв высотою в 4 фута, сложенный красноватой тóской, с вертикальными цементными сталактитами.

Я нашел пластинки [панциря] на берегу, поблизости, несомненно, от самого места [их первоначального залегания], потому что и в тóске можно видеть много обломков трубчатых костей, которые не стоило собирать.

От 14-й до 15-й пóсты 6 лье. Впервые увидел аканты, но очень мало [растущих] розетками. От 15-й до 16-й пóсты 5 лье, от 16-й до 17-й — 6 лье. Проливной дождь; много эстансий; на горизонте их можно узнать по дереву омбу; много скота.

20 [сентября]. Пятница.— Ночевал в доме полусумасшедшего: сначала он отказал мне — из-за разбойников; повторял все, что бы я ни говорил.

Много акантов. От 15-й до 16-й пóсты 5 лье, от 16 до 17-й столько же. Прекрасная равнина, ближе к Буэнос-Айресу — очень плодородная: оливковые деревья; изгороди из агавы, ивы в листве; pantonas [исп.: топи, болота].

21 [сентября]. Суббота.— Разные дела. Чуско откладывает яйца в гнезда других птиц.

Устья рек между горой Эрмосо и мысом Корьентес: расстояния от той и другого — к любому месту... Сообщаются ли устья с морем или же, как обычно, заграждены песчаными отмелями? Какова их ширина, глубина? Заходят ли туда лодки или суда?

Ориентиры, подходы?

[*Буэнос-Айрес. Подготовка к экскурсии в Санта-Фе*].

Хлеб, сахар, yerba [овощи], 2 коробки сигар.

Портной починил охотничью куртку и брюки. Большой мешок.

Линдсей: calle Piedad [улица Пиедад].

Большие бутылки; большой складной нож.

Пчелиный воск, канифоль, пробки для банок.

Рынок; рыба. Починить замок; бумага для растений.

Маленькие бутылки с широким горлом.

Шерстяные чулки; мыше- и крысоловки; черный шелковый носовой платок.

Пилюли — у аптекаря. Музей, осмотреть окаменелости. Табакерка.

Макинтош. Счета за стирку белья.

Семена травы. Компас Катера [51].

Индиго. Порох и дробь. Ружье. Нюхательный табак.

Формация Корьентеса. Достать образцы, если это возможно.

Тремя лье выше — раковины в обрыве.

Вода [все еще] не пресная более чем на 50 миль вверх [по реке]. Остров Маринерас.

Лагуна де-лос-Пато милях в 50-ти от устья.

Говорят, что если в окрестности нет capincha [водосвинок], то ягуаров не [приходится] опасаться; встречаются [вдали?] от Платы.

Вискаши стаскивают [различные] предметы к [своим] норам.

27 [сентября]. Пятница [52].— Проехали мимо капеллы Морон и заночевали в трех лье от Лухана.

Огромные зáросли — 6 лье — молодого чертополоха...

Вискаши похожи на крыс; доверчивы; гораздо более многочисленны, чем на юге. [С точки зрения] геологии — ничего [интересного], разве то, что [находится] на поверхности.

28 [сентября]. Суббота.— Проехали мимо Лухана через реку по мосту; красивы церковь и cabildo [ратуша], оттуда в Арику — городок меньших размеров. Местность вообще плоская, но все же имеются значительные неровности, так как в некоторых местах горизонт очень широк.

Почти вся страна покрыта чертополохом и клевером; миниатюрные лесные группы зеленеют среди сплошной пустыни.

Мало птиц; фермы в этой стране на большом расстоянии друг от друга.

Переехал через реку Аресифе на бочках; уснул, чувствуя себя неважно; заплатил всё же за 31 лье.

Вискаши стаскивают к своим норам стебли чертополоха и кости.

Вечером впервые увидел Парану издалека; лесистый остров.

Многие ручьи на всем своем протяжении устланы костями лошадей и волов.

Сан-Николас на реке. Большая шхуна; суда; множество островов, заросших кустарником. Barranca [обрыв] высотою 30—40 футов, отвесный.

Много сортов индийской смоковницы — главная перемена в растительности.

30 [*сентября*].— В будущем [необходимо] всегда иметь при себе пистолет; не оставлять проводника.

Понедельник.— Оба вида птиц из Баия-Бланки; воробей, маленький голубь и ножеклюв; живут здесь круглый год, строят гнезда на болотах; все это близ Сан-Николаса.

Новые деревья, мимоза, больше цветов.

Росарио красивый город; гостеприимный хозяин; обнаружил пропажу пистолета. Мне не очень нравятся жители: вежливые проклятые жулики...

Виды на реку, ширина которой достигает 3—4 миль, сильно отличаются от всего, что я когда-либо видел; благодаря многочисленным островам продолговатой формы она [река] не похожа на озеро; barrancas [обрывы] очень живописны.

1 октября. Вторник.— Мне кажется, что люди, у которых мы ночевали, весьма скверные.

Выехали при лунном свете...

Нашел два обширных разбросанных кладбища огромных костей мастодонта; сильно разрушены; слыхал, что в отвесных обрывах — много других костей. Если учесть, что эти обрывы — лишь разрезы огромной равнины, то этих животных должно было быть невероятное количество.

Корморавы на Паране и множество красивых новых птиц. Мне кажется, что морские птицы охотнее прилетают на эту равнину из-за ее открытого характера.

Ножеклювы питаются рыбой; [здесь] нет грязевых отмелей: садятся на покрытые травой ровные места, точно на грязевые отмели; птица из ББ в Кордове.

Вискаши кладут навоз, кости и т. п. на площадку перед входом в нору; изобилуют там, где нет чертополоха.

2 [*октября*]. *Среда.*— Ночью чувствовал себя плохо, сегодня меня лихорадит, очень ослабел от жары. Все свидетельствует о значительной перемене при небольшом изменении широты — одежда и внешность людей, апельсины и огромные [деревья] омбу; прекрасные цветы и птицы напомнили мне Бразилию.

Пейзаж с лужайками; индейцы, видел одного мертвого [индейца] на дороге; заброшенная эстансия.

Лопес на днях убил 48 индейцев.

Корунда благодаря многочисленным омбу и апельсиновым деревьям — самая красивая деревня, какую я когда-либо видел. Познакомился с замечательно простым способом изготовления пряжи при

помощи волчка; приехал в Санта-Фе крайне усталым. Получили пустую комнату и постель, и устроились весьма комфортабельно.

3 [*октября*]. *Четверг.*— Серьезно заболел, слег в постель. В Санта-Фе поддерживается образцовый порядок; большой разбросанный город, при каждом доме сад. Город в зелени и имеет опрятный вид.

4 [*октября*]. *Пятница.*— Нездоров, лежал в постели.

5 [*октября*]. *Суббота.*— Переправились [через реку] в Бахаду; переправа заняла около четырех часов; кружили по riachos [рукавам], которые по большей части столь же широки, как Северн, но значительно более глубоки и более быстры, и это дало мне ясное представление о размерах реки. Наконец, несмотря на сильный ветер, переплыли через главное русло; встретили несколько больших судов; одно из них, набрав 17 футов воды, затонуло.

Barrancas, высотою по меньшей мере 70 или 80 футов, непрерывно осыпаются (вода илистая). Покрыты роскошной растительностью, живописны; колибри. Город очень разбросан, но быстро растет благодаря выгодному расположению провинции; находится в половине льє от порта — из-за [набегов] парагвайских индейцев в прошлом.

6 [*октября*]. *Воскресенье.*— [Чувствую себя] гораздо лучше; поехал к подножию обрыва...

7 [*октября*].— Пошел пешком к обрыву, очень устал...

Среди кустарников нашел группу черных Epeira [пауков] из несколько сот [особей] (все одного и того же размера, т. е. одного и того же возраста); главные нити очень прочные, что характерно для многих вертикальных паутин; одна паутина на расстоянии одного-двух футов от другой; паук черный с рубиновыми отметинами на спине.

Наблюдал, как довольно крупный (бегающий паук) несколько раз выпускал очень длинные нити из хвоста [задней части тела]; незаметные при небольших колебаниях воздуха, они уносились воздушным течением вверх (сверкая на солнце), после чего, наконец, паук снимался с места и скрывался из виду, а длинные нити извивались в воздухе.

Очевидно, [существовало] два вида мегатерия, современных мастодонту; панцирь более крупного имеет 2 или 3 дюйма в толщину [53].

8 [*октября*]. *Вторник.*— В 1825 г. в Энтре-Риос было 30 000 жителей, а в Бахаде — 6000.

9 [*октября*]. *Среда.*— Задержка из-за восточного ветра; очень трусливый штурман; погода невыносимо жаркая; в 8 часов вечера на открытом воздухе много светляков. Приятное безделие, чрезвычайное гостеприимство; один из немногих людей, кому можно довериться.

10 [*октября*]. *Четверг.*— Сильный ветер с юга; к великому сожалению, пришлось задержаться еще на день.

В полдень отправился посмотреть панцирь *пелудо* в барранке из красной то́ски. Панцирь образовал углубление шириною в 4—5 футов; цел, но мягок, без костей, если не считать одного куска; говорят, кости были меньше, чем у взрослой коровы. *Многочисленные* кости в разных частях барранки, главным образом мелкие, за исключением одного большого куска лопатки; этот слой безусловно лежит поверх известняка. В одном месте в плотной красной то́ске нашел зуб лошади, целиком заключенный [в породе] — он принадлежал лошади, но едва ли находился в месте ее действительного захоронения. После длительного исследования я пришел к выводу, что то́ска могла быть прежде

смыта, а затем снова затвердеть, но это не очень вероятно. Наклон барранки не позволяет считать вопрос окончательно разрешенным.

Какое поразительное количество костей! Большая кость была плохо прикрыта. Все же, *я думаю,* это тóска.

Мальдонадская домашняя крыса *часто* встречается здесь в сараях, множество их в живых изгородях.

11 [*октября*]. *Пятница.*— Не отправились [дальше] из-за лени капитана; для меня это большая неприятность; вечером вышел пострелять, добыл образцы.

Наблюдал птицу, называемую касаро; городская ласточка...

Как удачно птица из ББ названа касаритой!

[Здесь] встречается Certhia [пищуха], также желтогрудая Sylvia [славка], калландра [пересмешник].

12 [*октября*] *Суббота.*— Gracios a Dios [Слава богу], отправились в путь! Сильный ветер дул прямо в лицо. Лавировали между низменными островами; наконец, удалось ухватиться за дерево на одном из них. Я отправился [немного] покарабкаться [по берегу].

Чаще всего встречаются два вида деревьев; ивы покрыты лазящими и другими растениями; болота во время разливов затопляются; илистый песок; свежий и несомненный след тигра [ягуара].

13 [*октября*]. *Суббота* [должно быть: *воскресенье*].— Место скверное, рыба превосходная, четыре сорта [ее]; весь день дождь и сильный ветер; лег в постель: не в состоянии был [даже] сидеть.

В Бахаде красный Sturnus [скворец], обыкновенная иволга, черная и белая мухоловки; мне сказали, что южный ветер здесь *всегда* проясняет погоду, как юго-западный в Буэнос-Айресе. Течение [воздуха] меняется; следовательно, ветер является результатом не выталкивания, а втягивания [воздуха].

14 [*октября*]. *Понедельник.*— Тысяча проклятий! Все тот же юго-западный ветер и отвратительная погода. Очень много зимородков, особенно таких же, как в Мальдонадо; также корморань.

Погода немного прояснилась, так что можно было удить рыбу, и я поехал в лодке к протокам; все удовольствие от прогулки на острова испорчено: опасались тигров [ягуаров]; в течение всего этого путешествия главной темой разговоров были «rastros de tigre» [«следы ягуара»], как прежде «rastro de la Indios» [«след индейцев»]. Встретил пеона, бежавшего со всех ног; [ягуары] нападают на людей в лодках.

15 [*октября*]. *Вторник.*— После некоторых задержек — капитан очень уж осторожен — мы пустились в путь; проехали Пунта-Горду, где находится колония индейцев.

Бросили якорь в узкой протоке [riacho] из-за нелепых опасений дурной погоды. Я взял лодку и проехал вверх по течению примерно с милю; ивы и лазящие растения и извивающийся, глубокий и медленный поток. Крик птиц, светляки.

С восторгом увидел ножеклюва ночью (возможно, что в лагуне Мальдонадо [они встречаются и] днем благодаря исключительному изобилию рыбы); полет его был такой же быстрый и беспорядочный, как и в Баия-Бланке; он *бороздил* воду в местах, где [у самой поверхности] играла мелкая рыбешка.

Зимородок в Мальдонадо строит гнезда на деревьях...

Спал на палубе из-за москитов и жары.

16 [*октября?*].— Рыба с прямой спинкой, с серебристой полоской; спинка неопределенного зеленовато-коричневого цвета; спинной плавник бледного грязновато-оранжевого цвета, хвостовой плавник черный посередине, выше и ниже — яркокрасный и оранжевый.

Горбатый лосось, плавники бледно-оранжевые, хвост в середине черный, позади жабер иссиня-черное пятно, серебристая полоска; такая же окраска спины.

Лосось, [окраска] сверху синеватая, по бокам постепенно смягчается: плавники окаймлены ярко-красным, особенно хвостовой, по которому проходит широкая центральная полоска. Лосось достигает 2—3 футов в длину; брюшко заостренное.

Так как ветер был *не вполне* благоприятный, мы бросили якорь. Тысячи москитов — трудно уснуть.

17 [*октября*]. *Четверг.*— Рыба с низко расположенными глазами, на верхней части тела плавники со слегка желтоватым оттенком, но более ярким на голове; спина в черных пятнах, кончик хвоста также; нижняя сторона белоснежная; иногда больших размеров, обычный размер...; зрачок черный, плавники белые; встречается не очень часто.

Маленький индейский мальчик — наш пассажир: цена одна унция.

Carranchos muy pecaros [карранчи очень вредны], крадут яйца [из гнезд других птиц].

19 [*октября*]. *Суббота.*— Скука; мальдонадская желтогрудая птица хорошо поет.

20 [*октября*]. *Воскресенье.*— Пересел на другое судно; по обоим берегам множество диких персиков и апельсинов, и какие-то крупные птицы из куриных; окликнули челнок и поехали дальше к Пунта-де-Сан-Фернандо. Там впервые услыхал о великой революции; не мог достать лодку; весь вечер ходил от одного великого человека к другому и, наконец, получил разрешение утром отправиться в лагерь генерала Ролора.

21 [*октября*]. *Понедельник.*— Прибыл в лагерь очень рано; страшный на вид сброд. Ролор — предатель.

2 ноября.— Сигары, пузыри, большие бутыли — спирт...

С трудом попал на борт пакетбота, [идущего в Монтевидео]; сильная стрельба; обычный крайне разнузданный характер абсолютной власти; история революции.

Ночью встречные ветры, многих пассажиров — женщин и детей — тошнило.

3 [*ноября*].— Встречные ветры. Умный немец.

4 [*ноября*].— Прибыл на борт [«Бигля»].

5 [*ноября*].— Перебрался на берег [54].

14 [*ноября*].— Выехал после полудня и добрался до Каналонеса... Каналонес — красивый город. Зверское убийство...

...великолепные *зеленые* холмы, страна *не кажется мне плоской...* Сова убивает змею... Общая причина поисков пищи днем; гнездо дятла в норе...

16 [*ноября*].— Не выходил весь день — замечательно гостеприимный старый португалец; расстроен желудок; река Росарио в разливе; приятная эстансия.

17 [*ноября*].— Переехали через Росарио, глубокая и быстрая [река]; вчера не было лодки...

Почтальон с двумя письмами на [все] главные города. Завтракали в деревне Колья... Местность более неровная. В половине второго прибыли в Колонию; представил свои [рекомендательные] письма. Глава полиции принял меня у себя дома; его сын согласился поехать [со мной] в его эстансию на следующий день, так что я остался [ночевать здесь].

Неправильность планировки придает городу прелестный вид; несколько кораблей; разрушенная церковь, сильно пострадавшая во время бразильских войн. Общий вред, причиненный стране той же причиной, породившей так много офицеров; хороший признак — всеобщий и очень большой интерес к выбору представителей [для выбора президента]; слышал, как говорили, что представители от Колонии — не деловые люди, но все умеют подписать свою фамилию. Город [расположен] на мысе, гавань образуется островами. (Рассказ о подлом французском капитанишке.) Церковь — весьма любопытная — разрушена восемь лет назад, 11 человек убито, не много пороху, очень массивные стены; такие основательные разрушения...

На одной из улиц — обломки большого устричного [пласта]; мне рассказывали, что какой-то француз начал строить шахту, но правительство запретило ему это; говорят, что она полностью сохранилась и проходит через целый пласт!! Принадлежат ли эти обломки подлинной [формации] Сан-Хосе или они намыты в кучу каким-то *древним* потоком? Они встречаются явно в одном только этом месте, футах в 15 над верхним уровнем реки; наверняка не вымыты современной рекой, иначе они встречались бы в изобилии повсюду. Когда я закрываю глаза, мне кажется, что я в Патагонии...

Очень хороший коралль и сад; 3000 голов крупного рогатого скота, 600 овец, 800 кобыл, 180 выезженных лошадей; гавань; предлагали 2000 ф. ст., а владелец просил 2500 ф. ст. (а может быть, и меньше). Как дешево! Скот загоняется два раза в день в определенное место, где подсчитывается по тропильям. Тропильи распознаются по своеобразно отмеченным животным.

19 [*ноября*].— Лас-Вакас — разбросанный жалкий город на риачо [узком рукаве, по которому плавает] множество мелких судов; большая задержка и много возни... Вискашей нет. Видел стаи cuervos [воронов].

20 [*ноября*].— Дом, которому 108 лет. Девяностолетняя старуха уверяет, что в годы ее юности [здесь] не было деревьев, совсем не было деревьев, кроме одного апельсинового дерева. Печь для обжига извести совершенно прикрыта делювиальным наносом, так что нет возможности даже догадаться о ее существовании. На этом наносе растут деревья. Время революции. Известь осталась, но в некоторых печах огонь все еще тлеет по прошествии 18 лет, и они постоянно вспыхивают пламенем; суеверный страх; сверху растительность.

3500 маленьких зеленых попугаев убито на одном хлебном поле недалеко от Колонии. Ягуар выходил на охоту и, оттачивая свои когти, изрезал [стволы] деревьев со всех сторон. Его преследуют лающие лисицы; никогда не возвращаются к мертвечине.

Gato pajaro [хитрая птица] обитает в Банда-Ориенталь [Уругвае].

Один человек, войдя в коралль, при помощи лассо поймал, оставаясь на ногах, 22 кобылы, связал им передние ноги, убил, снял с них шкуры и растянул последние. Другой готов был держать пари, что.

стоя у выхода из кораля, набросит лассо на ноги каждого животного, которое будет выходить [из загона]. Еще один вызвался снять шкуры с 50 кобыл за один день,— хорошей работой за день считается — снять и растянуть шкуры с 16 кобыл.

Совершив приятную прогулку на Пунта-Горду, отправились вечером в капеллу Нуэва-Мерседес; проехали всего лишь несколько лье через Коринду — нечто вроде леса — и добрались до *очень* большой эстансии одного крупного землевладельца. Здесь жили племянник владельца и еще один капитан. Спросив меня, точно ли я знаю, что отверстие у нас под ногами может пройти [сквозь землю] [на другую] сторону и что *высокие и худые* люди [живут] в стране, где ночь длится 6 месяцев (ловят только с помощью бола) [55] и т. п., были очень удивлены, узнав, что отсюда можно доехать до Сев. Америки по суше.

«Ответьте мне чистосердечно на один вопрос: дамы Буэнос-Айреса не прекраснее ли всех прочих?» — «Они прелестны!» — «Еще один вопрос: носят ли дамы где-нибудь в другой части света более крупные гребни?» Я заверил их, что не носят. Они были в восторге и воскликнули: «Смотрите, вот человек видел полсвета и говорит, что это так. А мы именно так и думали!»

Вода в Уругвае очень черная; течение быстрое...

Проезжая, спугнули с гнезда самца страуса; они бывают иногда очень свирепыми, гонятся за всадниками; спрятавшись под плащом, люди поймали его.— *Пелудо.*— Гнездо маленького попугая.

21 [*ноября*].— Выехал очень рано и спокойно проездил весь день на взятых напрокат лошадях. Вискашей нет. Проезжали через огромные заросли чертополоха; [в этих зарослях] теряется скот; дороги зарастают; [чертополох здесь] обычно достигает в высоту спины лошади; часто выше роста человека. Так как здешняя геология сходна с геологией Буэнос-Айреса, здесь растет пестрый чертополох; обе формы [чертополоха] почти всегда встречаются вместе; пестрый вреднее, так как выше; очень трудно ехать верхом — приходится делать большие объезды.

Рио-Негро — красивая река с прекрасной голубой водой и густо заросшей лесом красивой долиной; жалкий разбросанный городок. Своеобразные голыши на берегу реки Уругвай.

24 [*ноября*].— Отправились в Педро-Флака; сбились с пути, проезжали через очень высокую траву ([местность] необитаемая), выше спины лошади, похожую на овес. Вид на Рио-Негро с обрыва очень красивый; река вдвое шире Северна, течение очень быстрое, берега густо заросли кустарниками, извилистые каменистые обрывы. Безусловно самый живописный пейзаж за последние четыре месяца. Лошади устали; оставил пеона позади; сильная жара; поздно ночью [добрались до] Понтанаса.

25 [*ноября*].— Поехал раскапывать кости гигантского [животного]; обнаружил на месте, что они вымыты [из породы] и покрыты песком и глиной. Когда их отрыли впервые, они залегали в сухих отмелях, ныне [находящихся] под водой; кости разбросаны, переломаны и лежат рядом на расстоянии 20 ярдов от пласта тóски.

Вечером видел домидора [объездчика лошадей]; вскакивает на двух жеребцов и укрощает их; описать весь процесс; сильный испуг [лошади] — вчера одна лошадь пала.

26 [*ноября*].— Отправился в путь; свернул к одному дому, чтобы посмотреть большой череп и кости, вымытые из обрыва [барранки] и найденные после наводнения; животные одного возраста с тóской и дилювиальными отложениями.

...очень плохая ночь; промок насквозь; необыкновенный гром.

Кости из Сарандеса [Саранди?]. Не стану класть в ящик бумагу. Пелудо с очень тяжелым и плотным хвостом, длина обломка 17 дюймов, окружность (наибольшая) — 11 дюймов у конца, прилегающего к позвоночнику, с прикреплениями к панцирю — удивительное орудие.

[1834 год]

9 января. [Берега Патагонии][56].— Прибыли в бухту Сан-Хулиан. Сошел на берег с капитаном. Вернулись ночью.

10 [*января*].— Вверх по гавани. Грязевые отмели; поздно ночью [вернулись на корабль].

Местность выглядит несколько лучше...

Ил в Сан-Хулиане; постоянное перекатывание голышей.

Несколько дней держали [у себя] геккона, однородный серый цвет...

Сравнить результаты действия паяльной трубки на голубых Mytilus и на раковины из барранки.

16 [*января*].— Устрицы высоко вверху. Охват [ствола] Магеллановой корицы [*Drimys winteri*] 4 фута 6 дюймов[57].

17 [*января*].— Утес обрыва [барранки] высотою в 60 или 70 футов; после гравия река начинает откладывать ил. На поверхности многочисленные Mytilus голубого цвета и обломки [раковин] устриц.

[*Март. Фолклендские острова.*]

Прочитать что-либо о геологии Фолклендских островов.

Так как известно, что Патагония была поднята примерно на 1500 футов над уровнем моря (и вероятно, опустилась [впоследствии] на 300 футов), то почему не [допустить] того же в отношении Огненной Земли? Кливаж-слоистость [выражены] совершенно отчетливо.

На Фолклендских островах нет навозных жуков. Кроличий навоз, черный кролик.

Птица — пингвин — 3 фунта. Кролик — *magellanicus.*

[Написать] Генсло: важно сохранять этикетки.

Ослиный пингвин — постоянно поворачивает голову из стороны в сторону, как будто смотрит только передним углом глаза; издает звук, в точности похожий на крик осла; на море — одну низкую ноту. Бесшабашный, очень быстрый; помогая себе крыльями, вытянув голову, он с большой смелостью ныряет; бесшумно и весьма быстро двигает крыльями; ловит рыбу в открытом море; хитер.

Повадки и географическое распространение бурого грифа.

Крысы, мыши и лисицы на мелких островах [*Южной*] *Георгии?*

Черные кролики размножаются; встречаются только там, где живут серые; там встречаются и белые и пр. пр.

[Запросить] Генсло: скрещиваются ли — кролик [зачеркнуто, сверху надписано:] насекомые.

16 марта. [*Фолклендские острова*][58].— Град и ветер; гуси; крупный рогатый скот; местность; согреваемся при помощи костра из костей.

Кастрированный бык; снег и град; бекасы, гуси, ястребы гнездятся и кричат.

Лошади очень дороги — 100 пезо каждая; из 29-ти 10 прибыли невредимыми и еще 4 остались в живых. Бола и веревка. Здесь нет диких лошадей; один только крупный рогатый скот.

Там, где встречаются черные кролики, есть и другие; желтоногие ястребы — самки.

Лисицы живут в норах, издают звуки только тогда, когда ходят парами.

Ястребы остаются здесь круглый год, наиболее многочисленны зимою.

Карранча хватает куропатку, затем отпускает...

Поставить опыты со стеблями ламинарий,— селитра,— быстро высушивая...

Маленькие ястребы, продолговатая радужина, желтая, ярко-желтые ноги. Кожа сверху синяя, клюв также (самец), питаются падалью! Гриф с синими ногами, самец...

Необычайное обилие нерасчлененных кораллин.

Кораллины, живущие на ламинариях; глубина, на которой растут эти водоросли. Распространены по обеим сторонам побережья [Южной Америки], на всех южных островах?

Эта водоросль обычно растет на глубине 10-15 фатомов.

Стебли ламинарии, поставить опыт: содержат ли селитру?

Морские уточки широко распространены на глубине от 30 до 50 фатомов у побережья Патагонии.

Птицы — буревестники, тупики; где строят гнезда?

Зайцы, вискаши в Кокимбо; Молина.

Silgaro, белый хохолок. Вьюрок Огненной Земли строит гнездо в кустарниках. Береговой вьюрок с красной спинкой [также] строит гнездо в кустарниках.

Змеи отсутствуют.

Замечательный пейзаж [со следами] бурной деятельности [в геологическом прошлом]. Растительность современная; обломки [скал] размером с церковь; со всех сторон долины шириною с милю.

[*Апрель. Берега Патагонии*].— Здесь встречается фолклендский жаворонок. «Водорослевая птица» [Kelp bird] с двумя полосками... [59]

Мне кажется, что настоящая баия-бланкская птица не встречается южнее Рио-Негро.

Черная с коричневым птица; сан-хулианский вьюрок не [встречается] к северу от Сан-Хулиана; взлетая, издает особый звук... При этом полет своеобразный, парящий... Кондор...

Восточная граница ламинарии. Водорослевой птицы нет там, где нет ламинариевой водоросли.

Огромные количества Rathengas [?], водосвинок и пум.

Короткоклювый бекас; самка маленького ястреба; самец огнеземельского вьюрка; самец сан-хулианского вьюрка. Южная граница распространения lievres [зайцев] [проходит] между бухтой Желания и Сан-Хулианом.

18 апреля. [*Экспедиция вверх по реке Санта-Крус*] [60].— Отправились в приятное плавание [и добрались до места, где] мы почти не подвержены действию приливов и отливов.

Броненосец; поймал мышь. Приятная компания. Весело бегущая вода. Мало гуанако и уток. Нет рыбы; нет животных на плодородной почве [?]. Череп лошади и калландра [пересмешник]. Стаи *Sturnus ruber* [красных скворцов]...

Ряд равнин — два поднятия, древняя речная долина.

Лодочный якорь [61].

День выдался чудесный, но страна ужасающе неинтересная.

Никаких живых существ — насекомых, рыб и т. д. Те же растения. Те же кустарники, растущие на почве той же формации.

(Действие землетрясения в Чили на русло рек.)

21 [апреля].— Рыба со светлой зеленовато-коричневой спинкой и небольшими черными поперечными неправильными полосками. *Брюшко* снежно-белое; многочисленны, одинакового размера; в небольшой бухте. Fringilla [зяблик], обыкновенный воробей. Кондоров нет, но [встречаются] карранчи.

Красноносая мышь; длиннохвостая пищуха.

Из пяти равнин две — самые высокие — выражены, быть может, яснее всего.

23 [*апреля*].— Раненые гуанако всегда идут к воде. Также, когда больны.

Не похожи ли на реки выбеленные [white-washed — известкованные?] голыши на низких равнинах?

Никак не пойму, как река могла образовать столь превосходную равнину, как вторая, цементированная даже в самых возвышенных своих частях,— высыхание моря???

Как образовалась долина в бухте Желания до поднятия? Море?? Видел страуса около двух третей обычной величины и гораздо более темной окраски; чрезвычайно активный и дикий.

Кондор встречается только там, где имеются крутые уступы.

Бледноокрашенные ноги, хохолок на голове, водорослевая птица темного цвета.

Лодка повреждена, день тяжелой работы.

Очень интересная геология. Горы вдали.

Застрелил кондора! Длина 3 фута 8 дюймов; размах крыльев 8 футов. Радужина яркокрасная; пары с птенцами. Самка. Великолепная птица. Выслеживал целый день.

Мне все еще совершенно неясно происхождение их [т. е. ряда равнин] [62].

Огромное стадо гуанако — 1000 [голов]! Нельзя охотиться на лошадях из-за гравия.

Гуанако спят, повернувшись хвостами к центру группы, в одном и том же месте в разные ночи; затем испражняются и чистятся в блюдцевидных ямах.

...видел настоящий выводок — от 20 до 30 — кондоров, молодых со старыми. Вдали видны покрытые снегом горы.

...Признаюсь, я не понимаю, какова система равнин в этой долине...

Львы [пумы] когтями скребут землю; убили двух гуанако. Одного съели кондоры... Кордильеры видны полностью.

Быть может, равнины и проход к верховью реки можно объяснить тем, что во время первого поднятия существовал морской пролив; горные протоки бороздили его, [превращая] в канал, и так продолжалось

до тех пор, пока поднятие не преградило проход и не образовалась река.

Куча навоза гуанако в 8 футов диаметром.

Я вижу просвет в горах.

Парит маленький ястреб, пустельга.

4 мая.— Новые, альпийские растения. Весь день видны Кордильеры.

Древний морской бассейн; древние проливы.

12 мая. [*Огненная Земля*].— Вышли в море. Корабль отремонтирован, фальшкиль [починен], мачты подняты. Хороший запас провизии—запасено [мясо] десяти гуанако. Совершил несколько длинных прогулок; убил льва [пуму] и своеобразную дикую кошку, двух лисиц и кондоров. Плохая, ветреная погода, как всегда страдаю от морской болезни и чувствую себя отвратительно; необыкновенная перемена погоды, иней в один дюйм толщиной, мокрый снег, тучи, сильный ветер. Искали скалу l'Aigle [Эгль].

[*По пути к мысу Горн*].— Маленькая мышь (крот). Молодые огнеземельские вьюрки менее ярки; голова не такая синяя, спина не такая зеленая, брюшко более грязновато-оранжевого цвета.

Пищуха с красной шейкой и красным хвостом; оба ли самцы?

Бо́льшая часть побережья опускается. Судить об очертаниях материка [можно] там, где имеется твердая порода; поэтому небольшие поднятия не оставляют следов.

2 июня.— «Адвенчюр» [одно из вспомогательных судов, нанятых Фиц-Роем] прибыл. Прекрасный день. Показалась [гора] Сармьенто. Теория пейзажа [63]. Дикари, стычка, храбрость; пращи, стрелы; гуанако...

8 [*июня*].— Плохой день для всех, кроме моряков. Своеобразный вид: [низко] плывущие неизменные мрачные облака, из-за которых [по временам] выглядывают покрытые снегом зубчатые утесы, голубые ледники, радуги, шквалы, очертания на фоне грозового неба. Человек не имеет здесь ни прав, ни власти; как жалко выглядит вигвам...

Огнеземелец не кажется владыкой всего, что находится в поле его зрения; Сармьенто [зачеркнуто], человек [зачеркнуто]. Неприступные горы и более мощные силы природы презирают власть человека и как бы говорят: «Здесь мы властители!» [64]

9 [*июня*].— Торжественное безмолвие вершин постепенно раскрывается перед нами; они видны во всю высоту — на $^{7}/_{8}$ снег и Ниагара льда.

Не удалось найти якорной стоянки.

[*По пути в Вальпараисо*].— Землетрясения; повторяемость их; природа колебания, действие на здания; волны, трещины, источники, минеральные источники, влияние на соседние вулканы.

Поднятие суши в то же время, что и в Вальпараисо.

Почтальон, где живет и т. д. Рудники? сланец? гранит? известняк? Яблони; пещера; вши.

Вальпараисо; форт, какого не могло быть в прежние времена.

[*Август. Чили. Анды*].— [Созерцал горный ландшафт], размышляя над тем, как он образовался... Горы и равнины образовались в результате действия воды... Но я не могу подтвердить этого...

15 [*августа*].— Тапаколо очень многочисленны и активны; их крик непрерывен, но меняется; быстро бегают от куста к кусту.

Русло реки — замечательная картина разрушительного [действия]

воды; но видно только, что [вода] перекатывается по камням, когда тает снег; равнина [покрыта] щебнем. Крысы очень доверчивы и многочисленны; живут среди живых изгородей; свертывают хвост.

16 [*августа*].— Гаучосы не настоящие; умеют ходить и карабкаться [по скалам]; не джентльмены; не имеют такого вида, будто родились в седле; питаются хлебом и картофелем; огромные стремена, шпоры с большим количеством шипиков, диаметр длиной с эту страницу [около 4 дюймов]... У них нет chilipa [костюм пампасских гаучосов]; шерстяные ботинки; никуда негодное лассо; нет [у них] бола [65].

Закат солнца, рубиновые точки на красном фоне; солнце; черные долины; огонь среди бамбуков; очень красивая маленькая гавань; чудеснейший вечер. Ночлег под открытым небом!

17 [*августа*].— Кондоры спят на утесах.

Большой Julus [кивсяк] выделяет желтую жидкость, имеющую запах горчицы.

Козодой издает резкий жалобный крик.

Наша стоянка называется Агуа-дель-Гуанако.

19 [*августа*].— Видел большого зимородка; длинноносый Farranicus [?], черный Icterus [трупиал] с оранжевой головой.

21 [*августа*].— Более свирепые львы [пумы] убивают людей.

Маленькая хохлатая птичка; гнездо глубокое, простое, полно перьев.

У тапаколо вертикально стоящий хорошо приспособленный хвост; прыгает очень быстро; одна крупная тапаколо [вела себя] очень забавно.

Я смог услышать в этих местах о трех вулканах перед Хуапа: Патос [расположен] у перевала, Аконкагуа — недалеко от рудника Банстера, еще один на другой стороне, близ Мендосы.

Туман представлял как бы море в котловине и показал вероятность того, [что некогда здесь и было море] [66].

Говорят, что если лев [пума] прячет свою добычу, то возвращается [на это место], если же не прячет, то [уже] не возвращается. В одной гасьенде [пумы] за один год погубили 800 молодых коров.

Древняя индейская постройка в горах.

Вискаша издает резкий повторяющийся звук; каменистая местность, с чем связана привычка вискаши собирать сучья и камешки.

23 [*августа*].— М-р Дж. Мёррей напечатал в [Трудах] Королевского общества заметку о способности свечения у светляков; тот же результат, что и у меня [66а].

26 [*августа*].— [После того, как выпал снег:] В высшей степени великолепный, полный блеска вид горной цепи.

Ночевал в очень маленьком ранчо; люди здесь совсем, совсем другие; общественные различия — слуга не хотел есть вместе со мною; за все плати...

Чилиец очень невысокого мнения о своей стране [67].

27 [*августа*].— Поразительный пейзаж, большое озеро, лес акаций, зеленый луг, одинокие холмы и великолепные Кордильеры с [подымающимися] над облаками вершинами с разнообразными очертаниями. Равнина более прекрасная, чем море.

Сентябрь. [*Сант-Яго*].— Ночлег в прелестной гасьенде; синьориты пытаются поддержать разговор; удивлены тем, что священники женятся; бог не один и тот же, раз священники женятся; сестры получили имена не в честь святых.

Тапаколо и тюрко гнездятся в глубоких прямых норах в земле. Черный Icterus [трупиал] щебечет в кустах; желтое пятно. Icterus в камышах; дрозд щебечет; маленькое гнездо, выложенное илом; в дуплах гнезда не закрыты; гнездо черного Furnarius [печника] — большое, длинное, колючее; маленькая пищуха с остроконечным хвостом.

Калландра — лучший певец; простое круглое гнездо; только один сезон в году.

Крохаль в реке; спина белая, брюшко коричневое, грудка черная, верхняя часть головы черная, снизу — белая; клюв; крик варьирует; проворен; на порогах в реке [проявляет] большую активность.

Неприятно переправляться через реку; трудно определить, двигается ли лошадь или нет.

Видел кондоров, но не много, а сегодня утром 20 одновременно парило высоко [в воздухе]. Мой спутник сразу же сказал, что, вероятно, [где-нибудь поблизости] лев [пума]: если «il Vaccaco» [Vaccajo? пастух] видит, что кондоры садятся (теория Одюбона) и вдруг все сразу взлетают, то это значит, что лев стережет животное [добычу], которое он *прикрыл* ветками. Лев, однажды подвергшийся преследованию, никогда не укрывает своей добычи, а пожирает ее и затем удаляется. Он спасается, подобно лисице, при помощи хитрости, возвращаясь по прежнему следу; одна только собака особой породы в состоянии умертвить льва. Если он взбирается на дерево, [его ловят] при помощи лассо и [сбивают] камнями; когда голоден, издает рев; недавно убил женщину и ребенка...

В 1822 г. источник исчез на год, затем мало-помалу снова стал прибывать, но воды все еще меньше, [чем было когда-то], и она не так горяча — это можно узнать по куриным перьям: зимой и летом одинаковы [68].

...Обширная, далеко простирающаяся южная равнина кажется совершенно горизонтальной, несколько островков [холмов] на ней дают представление о ее шири; далекие Кордильеры только показали свои покрытые снегом склоны, как над океаном...

Пейзаж очень интересный; часто думал, как выглядела бы Огненная Земля, если бы она подверглась поднятию; нет раковин.

NB. Как в восточной части Магелланова пролива, полное сходство [наблюдается] между местностью здесь и к югу от мыса Трех гор [мыс Трес-Монтес].

18 [*сентября*].— Ящерица греется на камнях на солнце; хвост сверху черный, чешуйки половины тела ярко-голубые; спереди — зеленоватая; краски блекнут, так что отдельные особи коричневато-черные с черными поперечными полосками, а самые передние чешуйки головы окрашены.

Белогрудая пищуха с [*острова*] *Чилоэ.*

Грибы на Roble, или каменном дубе: ножка длиннее, форма менее правильная, окраска бледнее; шляпки с внутренней стороны окрашены гораздо темнее, их меньше; в молодом возрасте имеют большую полость; иногда их едят; сильно разрастаются — в 3 или 4 раза больше собранных мною [на Огненной Земле] образцов. Своим живописным видом Roble напоминает мне английский дуб.

21 [*сентября*].— Очень болен; остановился у одного любезного учителя с [острова] Чилоэ.

23 [*сентября*].— Чрезвычайно гостеприимный дом; все еще болею.

Морские уточки — выше верхнего уровня воды.

Хохлатая птица вьет гнезда в конце августа.

Черный [слово неразборчиво] выводит [птенцов] в конце сентября. Крапивник — в середине октября.

[*Октябрь? В Вальпараисо во время болезни*].— Борьба мнений: считают, что в горах сильные потоки могут сделать все, что угодно; в настоящее время работа рек незначительна. Действие моря, продолжающееся в этих долинах в процессе понижения его [уровня], объясняется большой протяженностью побережья. Несомненно действие приливов и потоков, и подверженность [действию] западной мертвой зыби. Реки впоследствии видоизменяют равнину. Говорят, что 70 лет назад море доходило до дома д-ра С. (?), а 17 лет назад — до подвала в доме м-ра Алисона.

24 ноября. [*Остров Чилоэ*].— «Huapi» означает острова, но в настоящее время все они — полуострова, что [является] доказательством поднятия [суши].

Крупные дождевые капли — в Сан-Карлосе ожидают [прибытия] корабля. Почему??

26 [*ноября*].— [Индейцы:] один — точь-в-точь Йорк Минстер, другие несколько красивее, более яркого цвета, как пампассцы; манеры *приятные,* одежда и т. д., как у испанцев; очень бедны...

Говорят на своем индейском языке и совсем немного по-испански. Жители [города] Кастро ожидают землетрясения, если *не было* извержений в течение одного-трех лет.

Пуэнте-Обскуро очарователен; маленькая бухта, несколько домов, почти все внуки очень нуждаются в земле, но слишком ленивы, чтобы расчистить ее, [выкорчевав лесные деревья]; только размножаются.

Маленькие ракообразные; пурпурные облака, состоящие из бесчисленного множества их [этих ракообразных], преследуются стаями буревестников из бухты Голода.

28 [*ноября*].— Чиманго, кружась около карранчи, изводит ее. Познакомился со многими индейскими семьями смешанной крови; когда собирают Marisco [морские ракушки], удивительно похожи на огнеземельцев.

Огнеземельские буревестники стаей из сотен тысяч [птиц] летают неправильными прямыми вереницами, издавая по временам странный крик...

30 [*ноября*].— *Чукао* [Чейкау — *Pteroptochos rubecula*]: мне известны три разного рода крика [этой птицы]; гнездо?

Наконец я нашел в желтом песчанике большой ствол (структура замечательно отчетливая) с отходящими [от него] ветвями; главный ствол значительно толще меня; в результате выветривания он обнажился на два фута; центральные части в общем черные, сосудистые, но структура их не видна. Любопытное химическое действие: такого рода песчаник в море, содержащем ту же двуокись кремния в растворе; сосуды из прозрачного кварца. Это наблюдение чрезвычайно важно, как доказательство общеизвестных фактов окаменения дерева; ибо местные жители вполне твердо убеждены, что процесс этот продолжается и в настоящее время...

Большой Lucas [жук-олень]: если к нему приблизиться или потревожить его, издает громкий звук, который почти может испугать человека. Живет на T[erra] firma [т. е. на твердой земле].

3 декабря.— [Рисунок животного:] нижняя сторона: шея, грудь и щеки густо-каштанового цвета с белоснежными пятнами; бедра — черные с такими же пятнами; ноги желтые с такими же пятнами.

Верхняя сторона: задняя часть тела и бедра бледно-ржавого цвета, а на передней части — ярко-зеленые пятна; радужина ржавого цвета, но зрачок блестяще-черный; прыгает: в темном лесу; на носу пятнышко.

4 декабря. [*Острова Чонос*].— Миграция буревестника из бухты Голода [происходит] очень нерегулярно: бесчисленными стаями он внезапно появляется и исчезает в некоторых частях острова.

Морская улитка: тело, когда выползает неполностью, овальное; край усеченный и глубоко подразделенный на большие ветви; устье всегда открыто; не выпукла; когда совсем сжата — конус; сверху иссиня-черная с белыми выступающими остриями и бледным ободком. По краю чередующиеся узкие белые и синие полоски, причем окаймляющая полоска синяя по всему краю, кроме области рта. Щупальца короткие, с черными глазами на концах, под ними раздвоенная мембрана. Ползает по Confervae [?], высоко на камнях, близ верхнего уровня воды, почти сухая.

Убил молотком редкую лисицу.

Сан-Педро; безлиственные деревья; огромные деревья *Drimys winteri* и *Laurus Sassafras* — замечательный аромат; огнеземельская береза, алерсе, красный кедр. Тростники; прогулка; мои ноги не касались земли. Чукао [чейкау] строит свои гнезда на низких кустарниках близ земли; поднимает хвост, подобно тапаколо, но подходит близко к человеку, если он ведет себя тихо.

Живородящая ящерица. Лягушка с заостренной мордой.

[1835 год]

[*Февраль. Вальдивия*].— Остановились на дороге; встретили старика, который изготовляет вино, сидр и патоку из яблок. Оливковые деревья иногда плодоносят; виноград также.

После того, как несколько часов шли через лес (страдая от укусов бесчисленных блох; свиньи, собаки и кошки), он начал понемногу редеть и стал походить на парк — более равномерно [стоящие деревья].

Любопытное явление — равнины, освобождающиеся от деревьев; вид [таких] равнин очень красивый [69].

[*Март. Консепсьон*].— Почтовая бумага — Чафферс.

Бочонок спирта — капитан.

Жестянка; мате; седло для мула; провизия, сигареты. Часы м-ра Крофта остановились в 12 часов дня, примерно без 17-15 минут, и в Сант-Яго почти в то же время [это относится к землетрясению]. Tura [?] — сладости, которые изготовляются в Консепсьоне, ценой два доллара.

М-р Грин — местонахождение раковин...

Письма домой; Генсло; женщины; Дневник...

Рассортировать образцы; насекомые, микроскоп; компас для падре [священника]; книги; куртка; письма домой; свечи; шоколад; сигары;

паспорт; указания Ковингтону; чистка шляпы; возраст старой морской плотины; нарукавники; зубная щетка; шпоры; почтовая бумага; лекарство. Ископаемые раковины дона Педро Абадиа; голубые бусы и т. п. для индейцев.

Рог оленя, музей; бритвы; душистое мыло; ночные колпаки; чулки; черная лента; коробки из-под пилюль.

Д'Орбиньи, превосходный мемуар [70].

18 марта [*18 марта — 4 апреля. Переход через Анды*] [71].— Роскошный способ путешествовать; красивая долина, [ветви] деревьев гнутся и ломаются под тяжестью персиков; виноград, нектарины и крупные яблоки.

Великолепный вид; почти все разрезы [горных пород] слоистые, пурпурного цвета; нет причудливых форм; безоблачное небо; картина замечательная, если не прекрасная. Спокойное, ослепительно ясное, безоблачное небо (незначительная пуна) [72], очень мало растительности, нет ни птиц, ни насекомых... Кондор. Два больших белых яйца. Нет гнезда; откладывают яйца в ноябре или декабре, а до этого весь год могут летать; [птиц] с черным воротником на шее называют кондорами, с белым — Huitre.

Покрытые снегом пики, ледники, облачная ночь, во власти стихий. Живописная группа путешественников из Мендосы. Кондор. Холодный ветер. Пуна. Пейзаж, краски, форма, размеры; глубина, презирать... Великолепный восход осветил горные пики, ярко засверкавшие на солнце. Сероводород. Картофель не сварился — котелок не захотел. Если нет грома, нет опасности...

* * *

Я не сомневаюсь в том, что весь хребет Портильо поднялся после того, как пласт известняка уже был частично поднят, превратившись в сушу.

Красный снег. Встречается на обоих самых высоких хребтах: маленькие споры двойного или тройного диаметра [?] [73], выше границы вечного снега, казались крупинками коричневой грязи, разбросанной по снегу; сквозь шарики льда они казались, отчасти благодаря оптическому обману, самых различных размеров — почти до 1-8 дюймов. Если поднять их, они как будто исчезают. Под лупой — это группы из 20—40 мельчайших круглых шариков; при рассматривании через двойную лупу они имеют вид яиц маленьких моллюсков. Смятые, они окрашивают пальцы и бумагу, [снег] под копытами мулов и [места], на которых стаял снег. Я думал [сначала], что это пыль брекчии и порфира, хотя [об этом явлении] упоминает Мирс. Там, где ступали мулы, красивый розоватый цвет со слабым кирпично-красным оттенком. Исследовать бумагу. На большой высоте тот же кондор, обыкновенный воробей и серая птица. Очень высоко — стая ржанок, также черный Furnarius [печник]; вьюрок из Сан-Хулиана; много растений, кустарники те же...

21 [*марта*].— Мы оставили наших друзей — рабочих гипсовых разработок — и продолжали путь вверх по плоской долине. Странный обман зрения: когда смотришь на плоскую долину с наклоном в сторону наблюдателя, она кажется наклоненной в противоположном направлении. Стаи кондоров. Восхождение по первому хребту Пеукенес; дорога

идет крутым зигзагом, [через каждые] несколько ярдов мулы останавливались для передышки; замечательные мулы; причудливая группа, длинная вереница, крики, все кажется таким маленьким; нет растительности, которая позволила бы сделать сравнение. Долго шли по вечному снегу; красный снег; странные вершины; павшая лошадь по ту сторону Портильо, лежащая вверх ногами. Пуна, странные представления о ней: во всей воде здесь есть пуна. Стеснение в голове и груди; как будто *бежишь* морозным утром, выйдя из теплой комнаты; если пробежать 50 ярдов, [дыхание] становится *глубоким* и затрудненным; других ощущений нет; большую роль здесь играет воображение. Ископаемые раковины. Забыл: умирают ли от этого люди? могилы. Ослепительно ясно; нагромождение осыпей; яркоокрашенная порода; великолепные причудливые формы (вид с первого гребня) — нечто невыразимо величественное; не хочется говорить; презираю вкус тех...; словно грозовые бури; великолепный контраст красок; снег; глубокие долины [74]. Нет насекомых и мало птиц, кондор; красивые маленькие растения; много потоков; чрезвычайно холодные ветры. Ночевал у подножия первого перевала, где появляется немного растительности. Головная боль, плохой огонь, котелок вскипал всю ночь. Разговор пеонов: «Проклятый котелок не хочет варить картошку»,— забавный вывод! Облачная ночь вслед за чрезвычайно холодным вечером. Во власти стихий. «Раз нет грома, нечего опасаться» — ответил разбуженный мною арьеро [проводник].

Видел Тупунгато — огромное скопление вечного снега: никогда не забуду величественного вида, [открывающегося] с первого перевала.

Холмистая промежуточная местность у самых крайних границ [распространения] растительности; почти все гуанако исчезли.

Облака рассеялись, открыв вид на пики, уже озаренные солнцем, которое появилось в разрывах тумана на огромной высоте; говорят, что запах сероводорода ощущается только по утрам. Начали восхождение на Портильо; причудливые пики из красного гранита. Прекрасный вид кратера Тупунгато и обрывов последнего гребня; вечный снег. Густо сыпались ледяные иглы; кругом туман. Портильо — узкий проход. Спустились до пояса растительности. Хорошо защищены под большими камнями. Тучи исчезли, жестокий мороз, луна и звезды необыкновенно ярки [74a].

Несколько групп [путешественников] с тревогой справлялись о снегопаде.

23 [*марта*].— Спустились в ущелье: спуск гораздо круче и короче, чем подъем. Величественное, похожее на равнину, море белых облаков под нами; [на том уровне], где мы находились, ослепительно яркий свет; [за ровным морем облаков] скрыты не менее ровные пампасы. Вступили в облака — область кустарников. Целый день — в тумане. (Los Avenales [овсяные поля]).

24 [*марта*].— Растительность — колючие кустарники, много цветов, похожих на патагонские; вьюрок голубого с оранжевым цвета, длиннохвостая синица, хохлатая синица, краснохвостый Fu... [Furnarius?].

Кучи навоза гуанако, точно такие же по виду, [как в Патагонии]; очень много мышей; на одном из пиков — вискаша: внешний вид совсем другой, более пушистый хвост, красный оттенок на груди.

Живородящая (осенняя) ящерица, чешуйки, на середине спины черные с узкой грязно-желтой полоской по краю; эта полоса чешуек шире

Геологические разрезы Анд.

Карандашные наброски Ч. Дарвина из его «Записных книжек» 1832—1836 гг.

всего в середине, по обе стороны от нее — пепельно-серые пятна; боковые чешуйки темно-коричневого цвета с несколько более широкой желтой краевой каемкой. Живот бледно-пепельного цвета, голова и ноги тоже, но с несколькими черными пятнами. Убил [эту ящерицу] ударом молотка; выполз детеныш, но вскоре погиб. Змея, песчаная равнина; chagrino [шагреневая кожа] бледно-желтого цвета с широкими блестяще-черными полосками, покрытыми ярко-красными квадратными отметинами; брюхо черное, кроме участка около хвоста, где чередуются сплошные красные и черные кольца. Красный цвет ярче всего около головы; детеныш...

Белохвостая калландра; белохвостая колибри; маленький попугай.

Выехали только к полудню, поднялись по вулканическим пластам; вид на пампасы: [кажутся] темно-синими, так как солнечный луч с востока падает на полосу сверкающей воды, теряющуюся на огромном расстоянии; к югу — очень ровные, к северу — значительная волнистость. Проехали гуардию [сторожевую заставу], узнали, что позавчера шел сильный дождь из туч, которые расстилались грядой под нами!

25 [*марта*].— Восходящее солнце, пересеченное совершенно прямой линией [горизонта]; фигура параллелограмма при восходе.

Паук; сидит в середине паутины, откуда расходятся крепкие нити по всем направлениям; к ним прикреплены сегменты правильной вертикальной сети. Многочисленные Los Avenales [овсяные поля].

С Портильо можно видеть пампасы...

26 [*марта*].— Хохлатая куропатка, страус, вискаша, пичи; зайцы не пробегали.

Очень утомительная поездка, почти никого не встретили на пути.

Недалеко от Лухана заметили нечто, принятое мною за густой дым, но оказавшееся [тучей] саранчи; совершенно непроницаемые [для света], косматые красно-коричневые тучи несутся к северу; рассеянные повсюду, отставшие многочисленные [насекомые] лежат на земле; авангард придает небу вид гравюры меццотинто; основная масса на высоте 20 футов над землей; [скорость], должно быть, 10 миль в час при легком южном ветре; [туча достигает], вероятно, 2000—3000 футов высоты. Шум, как от сильного ветра в корабельных снастях. Там, где такая туча опустилась, [саранчи] гораздо больше, чем листьев на деревьях; она окрашивает поле в свой цвет; люди, палки, крики. Мы ехали уже много дней, но как это ни странно, только сегодня пересекли реку. Тополи, лишенные листьев; с траверсии эффект не поддается описанию; избегают ударов; один раз эти тучи опустились на землю, а затем полетели на восток и на запад, а может быть — и в ином направлении; издали эта красная туча так похожа на густой дым, что мы некоторое время спорили; распространенный вредитель; бóльшая часть, по-видимому, отдыхала, а не ела. Переправились через реку и въехали в Лухан (NB. Облака саранчи последовательно сгущались и разрежались); освежающие ряды тополей и ив и искусственные ручейки; очень маленькая деревня. Ночью; полезно все испытать хотя бы раз: чиндасс — гигантские клопы пампасов; до ужаса противное ощущение многочисленных черных мягких созданий длиною почти в дюйм, ползающих по вашему телу и поглощающих вашу кровь.

27 [*марта*].— От Лухана до Мендосы 5 лье совершенно ровной [местности], прекрасно возделанной, как в Чили; квадраты глиняных стен;

крыши домов из того же материала; огромные сады фиг, персиков, винограда, маслин; славятся плодами. Жители — жалкие пьяные оборванцы; пампасская одежда; две трети индейцев, беспечное поведение, но без того изящества, [какое видишь] дальше к востоку. Все — наездники. Почти по всему пути — деревни.

В Лухане огромный арбуз стоит полпенни, полтележки персиков — два с половиной пенни.

28 [*марта*].— Мендоса — ничего не могу добавить к описанию Хеда [75]; жители говорят, что здесь хорошо живется, но разбогатеть нельзя; alameda [бульвар] красивая, очень прямая; укрощенные Кордильеры; пейзаж не выдерживает сравнения с Сант-Яго; глубокая тишина. Губернатор — вежливый старичок; все вежливы в этих краях: самый простой пеон, встретив старую негритянку с огромным зобом, почтительно прикоснулся к шляпе, как бы извиняясь за то, что посмотрел на нее.

29 [*марта*].— (Отсутствуют голубой воробей, водосвинка).

Прекрасный виноград; на равнине невыносимая жара и пыль; зобы...

Саранча никогда не залетает севернее Мендосы.

Необычайные краски после захода солнца. На равнинах страусы, torodon [? быки?], пичи, пелудо.

4 апреля.— Выехали рано; сильный ветер; прекрасная обнаженная долина; только один смолистый кустарник; не так высоко и не так безлюдно, как по дороге на Портильо. Трудны проходы, мог бы повернуть назад, мне посоветовали надеть толстые шерстяные чулки. Если мул оступится, то это, вероятно, безусловная гибель. Я вынужден был разгрузиться в Пуэнте-Лас-Вакас. Расходы — 5 ф. ст., чинили дорогу.

Нет пастбища для бедных мулов. Полдня ехал до Пуэнте [«Моста»]; видел колибри, льва [пуму], длинноклювого вьюрка (?); красногрудая пищуха; кустарники на высоте по крайней мере 1000 футов над мостом; поднялся на гору без значительной пуны — 2000-3000 футов, неинтересная поездка... Вчера [видели] несколько групп индейских хижин, имевших [такой] вид, как будто большая партия индейцев куда-то переселялась и пришлось задержаться на некоторое время в самых пустынных местах; очень низкие двери — 3 фута [высоты]; скученные квадратные [постройки]; миновали две касучи [круглые башни]. Мулы лучше переплывают реку со всадником [на спине]. Замечательно электричество на больших высотах: рубашки, простыни, кожаные ремни [искрятся]; сухость, губы; головка молотка. Отсутствие растительности, темный цвет неба и прозрачность воздуха — три важных особенности, связанных с высотой; окраска гор в Андах; безоблачный, воздушный, неизменный пейзаж.

9 [*апреля*].— Все время, [прошедшее до приезда] в Вальпараисо, был не вполне здоров, ничего не видел, ничто не радовало.

10 [*апреля*].— От Колины до Сант-Яго; прелестный город.

15 [*апреля*].— Отправился в Вальпараисо. Головы убитых на шестах.

Frozia [?] [76] отмечает, что кучи навоза лам и гуанако используются индейцами в качестве топлива.

Кости вискаши и др. вокруг нор у подножия [Анд] в пампасах. Неподалеку от гор на Успальяте — вискаши, страусы, пичи.

Поблизости от Мендосы я слышал [звуки] всех четырех видов броненосцев.

Ковингтону 8 долларов.

Семена дикого картофеля.

[*Апрель — Июнь. Поездка по северному Чили*][77].—

Апрель.— Крепкие сапоги Корфилда, брюки, охотничья куртка. Коричневая бумага, старый ящик, кирка; хлеб, сахар, сигары, банка со спиртом, крючки для рыбной ловли, (тележка и челнок), yerba [овощи].

Исследование гуано на побережье Перу (Арика) представляет интерес (навоз).

Набор пил, 2 бондарные пилы; фуганки.

27 [*апреля*].— Выехал из Вальпараисо; прощальный взгляд, нет дыма, (душистые) красные обнаженные холмы. Уродливый народ, как и большинство чилийцев...

30 [*апреля*].— Проехал Чиликаукен. Пожалуй, самый красивый пейзаж, какой я видел в Чили. Кордильеры — зимний покров...

Перед самым Кончали — две равнины, [занимающие] почти весь округ: нижняя на высоте 50-80 футов над уровнем моря и другая, еще ниже, [лежащая] немногим выше [уровня] моря. Нижняя равнина покрыта огромным количеством больших [?] [раковин] Venus и Donax. Это устраняет всякие сомнения — если какие-либо оставались еще — [относительно морского происхождения этих террас].

Здесь значительно суше, чем в Вальпараисо; едва ли можно ожидать дождя до конца мая. Все убеждены, что «Бигль» занимается контрабандой; жаловались, что им недостаточно доверяют.

4 мая.— Губернатором Ильяпеля когда-то [?] был необычайно деспотичный человек; честные люди; честность распределена по округам. Остановился в Ильяпеле на целый день, чтобы дать отдых животным.

5 [*мая*].— Переночевали в хижине, сделав ширму из лошадиных попон, и купили топливо и провизию. Облачный, мрачный, ветреный день, листья опадают, зима. Как это не похоже на Англию!

Горнопромышленный центр; дорога в Кордильеры. Горняки; передник с цветным подолом; маленькая красная шапочка; необыкновенно широкие брюки и офицерский широкий пестрый пояс. Группа всадников; четыре человека почти бегом пронесли покойника на протяжении около 200 ярдов, впереди мчались четыре всадника; сменились в один момент, двигались очень быстро, дикие крики — странные похороны. У горняков удивительно темная кожа. Расточительны, как моряки.

* * *

Я не сомневаюсь в возрасте брекчии и третичных [отложений]; я уверен, что гипсовая [формация] соответствует им (видел в хребте поперечных гор к югу от котловины).

Почти нет сомнения, что гипсовая [формация] постепенно переходит в нижние третичные пласты. Я сильно подозреваю, что гипсовая [формация] соответствует самым верхним пластам Анд. Следствие очевидно: в этом месте отложения не прерывались, а там были перерывы.

Остановился на целый день — интересная геология. Обедали в хижине горняка на маленьком ранчо — хороший обед: тыква и бобы;

перец, жир, лук, пюре из тыквы. Кожа горняков удивительно коричневого цвета (и нередко странное выражение глаз?).

Очень жарко, солнце, хотя теперь зима...

Глупый день; [окрестности] голы, как большая дорога. В долине — поля пшеницы; [местность] поразительно каменистая.

Береговая линия тянется теперь вдоль равнины и т. д.

11 [*мая*].— Эти пласты совершенно озадачили меня...

12 [*мая*].— Сделали остановку на целый день. Молодой получилиец-полуангличанин похож на чилийца и считает себя чилийцем.

14 [*мая*].— Звук, издаваемый горняками, когда они переводят дыхание,— раздельное «ай-ай», переходящее в свист флейты; возмутительно, хотя и [делается] добровольно. Рассказ Хоакина: когда он был мальчиком, считалось диковинкой увидеть англичанина: в нем — ересь и зараза.

18 [*мая*].— Землетрясение, крики женщин, сильный гул, мало движения; считается сильным; люди испугались.

24 [*мая*].— Провел весь день в гасьенде Гуальигуака. Синьорите нет 17 [лет], совсем ребенок, мать двух детей и скоро подарит семейству Сальсера еще одного младенца. Очень хорошенькая, одета как леди; дом — второсортная ферма. Прогулялся вверх по долине: первоклассный *чилийский* пейзаж, похоже на картинки с изображениями Альп в «Ежегодниках».

[*Кокимбо*].— Губка, olla [котелок], вакса; Мильтон; стирка белья, ботинки, вакса; написать письма.

Должен капитану Фиц-Рою 6,5 реала и 2,6 мариана.

20 реалов за шпоры в Кильоте.

3 песо — в Кокимбо.

1 июня.— Дорога с зеленоватым оттенком, едва достаточным, чтобы напомнить о свежести травы и о распускающихся весною цветах. Путешествуя по этой стране, я постоянно тосковал по таким картинам, испытывая чувство, какое должен испытывать узник в тюрьме.

Очень много сан-хулианских вьюрков и Dinca [?]; Tineo [Tinamus?], видел также тапаколо...

4 и 6 [*июня*].— Великолепная панорама облаков; горизонт — совершенно ровная линия.

Отправился в порт: жалкая, каменистая, пустынная маленькая дыра...

Contradança, карта и атлас — самая ученая дама в Лиме [78].

Поцелуй Лондрес.

Карранча; Tauca [?], Loyca [скворец], Chingola [?], Furnaria, серая птичка в горах. Голубой вьюрок с белым пятном на хвосте; Chingola [здесь] отсутствует; белохвостая калландра.

Слышал об ископаемых деревьях по ту сторону Кордильер.

Патагония — сад по сравнению с этими равнинами. Многие [из них] совершенно бесплодны, однако [в почве] дремлющие семена — ждут дождливого года.

Ослы [все же] едят древесину, бедным лошадям нечего есть.

Контраст между прекрасной погодой и полной ее бесполезностью.

[*Последние дни июня. Копьяпо*].— [Крупные лисицы] истребляют огромное количество домашней птицы. Молина [78а] правильно описывает их смелость; лай [их] настолько похож на лай охотящейся собаки,

что вводил меня в заблуждение; животное очень большого веса. Подозреваю, что птенцы *Carrancha Raucaria* сплошь коричневые. Бичи[78a] говорит, что колибри зимуют в Северной Калифорнии.

26 июня.— Отправился из долины Копьяпо в Деспобладо; (серебряные шпоры для похорон).

Огнеземельский вьюрок; три формы каракар.

Удивительная тишина кругом — все из-за крайней сухости.

Ночевал в Агуа-Амарго — [вода] вонючая, не мог напиться чаю. Очень сильный мороз, дорога совершенно пустынна; топливо привозят туда — день езды на ослах.

[*Июль. Перу*]

19—20 июля.— Ночью дрейфовали напротив Кальяо [после] короткого спокойного перехода.

Вошли в порт. Жалкий Кальяо. Солдаты; зеленая местность, холод, изморось; плоские крыши Кальяо, груды зерна, фруктов; великолепный дворец.

Удивительное совпадение между разрушением [?] Хуан-Фернандеса и Консепсьона в 35 [т. е. 1835] и 51 [1755?] годах — в обоих случаях [имела место] большая волна; аналогичная волна у берегов Лиссабона и Мадейры.

Говорят, что острова Фронтон и Лорренсо [были] соединены друг с другом.

Лисицы, мыши и крысы. Переход, как говорят, гораздо короче. Обсуждение способности к обонянию у трупоядных птиц, стервятников [в] Magazine of Natural History[79].

Добрались до Лимы в среду утром по тракту; неинтересно, непохоже на тропическую страну. Множество разрушенных домов — результат длительной анархии. Проехали ворота — жалкие, грязные: запах тропиков, плохо мощеные [улицы]. Город кажется великолепным благодаря большому количеству церквей, раскрашенных под камень, верхний этаж из тростника.

Но все затмили дамы, похожие на сирен, не мог оторвать от них глаз[80]. Поразительно смешанное население.

Полет кондора — плотно прижатые крылья, замечательное движение головы и тела.

Состояние анархии; черный флаг. Разбойники: «Vive la Patria [Да здравствует родина], отдавай куртку!» Мало экипажей.

Омела на различных других растениях. $^3/_4$ растений в цвету.

Кораллы быстро растут на Низменных островах [Острова Туамоту].

Сильные землетрясения полезны геологам: легко поверить в любые насильственные изменения земной поверхности или коры.

Бешеные собаки в Копьяпо.

На Атлантическом побережье мои доказательства недавнего поднятия становятся еще более многочисленными именно в том пункте, в котором на противоположной стороне они отсутствуют.

Собрать все данные относительно недавнего поднятия материка.

Несомненное наличие чередующихся полос валунов не позволяет думать, что они были занесены на равнины Патагонии каким-либо иным мощным движением кроме движения морского дна.

[15 сентября — 20 октября. Галапагосские острова.]

[17?] сентября. Суббота.— Оставили нашу якорную стоянку и вышли в открытое море напротив острова; на якорь не стали.

[20 сентября]. Воскресенье.— Продолжали лавировать против ветра. Возвышенная сторона острова несколько более зелена, настоящие водопады! Бросили якорь в гавани, где стояло китобойное судно.

Мертвый угорь, красновато-пурпурный с бледными или беловато-коричневыми пятнами; глаза голубые.

Thenca [пересмешники] на этих островах очень доверчивы и своеобразны. По орнитологии я определенно узнаю Южную Америку; узнал бы [ее] и ботаник [по растениям]; $^3/_4$ растений в цвету.

* * *

Возраст самой свежей лавы не велик. Пемза на берегу серая.

Я понимаю теперь [характер] лавы на Сант-Яго: пребывание в течение пятидесяти лет под водой уничтожает кратер и верхний слой лавы.

Звенящие пластинки «железной лавы».

Сухой песок; ящерицы. Черная грязь; паразиты.

Пир; Робинзон Крузо.

Вид кратеров, как у Скропа.

[21 сентября]. Понедельник.— Лодка, высланная на некоторое расстояние, высадила меня и моего слугу в 6 милях от корабля, где мы ночевали. Я тотчас же приступил к исследованию черной вулканической местности, заслуживающей названия «кратеризованной». Встретил гигантскую черепаху, мало внимания обратившую на меня. Хорошо гармонирует с неровной лавой. Поел кактуса, который, как известно, содержит много жидкости. Лава в кратеризованном районе — двух возрастов: одна неровная, [содержит] мелкие цементированные частицы, ее можно отлично сравнить с застывшим бурным океаном, но в ней имеются широкие трещины; у другой — наружная корка, по-видимому, выветрилась, и теперь осталась только более твердая порода; призматическая, очень неровная; однако трещины заполнились [почвой] и покрыты низкорослыми деревьями...

12 октября. Понедельник.— Добрался до жилищ. Там переночевал, ел черепашье мясо; между прочим, оно превосходно в супе. Спустился вниз по оврагу с водой; быстро высыхает, очень зелен и приятен.

Необычайное количество черепах.

10 глотков в минуту; во время спаривания издают характерный продолжительный звук; яйца прикрыты песком и землей, их от 4 до 5: для вылупления требуется много времени. Скорость передвижения [черепах] точно установлена. Говорят, что через каждые три дня они отправляются на водопой. На безводных островах едят кактус.

Желтая игуана; кишечник полон [ягодами] гуаявиты и какими-то крупными листьями; яйца [откладывают] в норе.

Повадки каракары: подобно карранче [держится] около боен; убивает цыплят; бегает, как петух. Thenca клюет куски мяса.

13 [октября]. Вторник.— Китобойное судно дало нам воды — необычайная любезность со стороны янки. Бродил, коллекционируя птиц.

14 октября.— Игуана; вертикально кивает головой, морская не делает этого. Дремлет, вытянув задние ноги; передвигается очень медленно, спит с закрытыми глазами. Ест много кактуса; м-р Байно видел, как одна отошла [от кактуса], а две другие несли его во рту; ест очень медленно, не жует. Маленький вьюрок, клюющий с того же куска, часто садится ей на спину.

Игуана волочит хвост, движется медленно, имеет глупый вид из-за низкого лицевого [угла]; очень любят кактус, убегают друг от друга с кусками, точно собаки. Роют нору (мелкую) сначала с одной стороны, а затем с другой, [сменяя при этом правую и левую ноги] два или три раза. Отбрасывают землю одной передней ногой и выталкивают ее из норы хорошо приспособленной задней ногой; затем [проделывают то же ногами] другой стороны.

* * *

Thenca [*Mimus thenca*][81].— Эти птицы по внешнему виду весьма близки к чилийским Thenca [пересмешникам]. Это живые, любопытные, деятельные, быстро бегающие [птички]; летают около домов, чтобы поклевать черепашье мясо, вывешенное [для провяливания]; довольно сносно поют; строят, как говорят, простое открытое гнездо; очень доверчивы — черта, общая с другими [галапогосскими] птицами. Мне показалось, однако, что их пение, или крик, несколько отличается от [пения] чилийских Thenca...? Они встречаются в большом количестве по всему острову; в высокие и влажные местности их привлекают главным образом жилые дома и обработанная земля.

У меня имеются экземпляры с четырех более крупных островов; экземпляры с островов Чатам и Альбемарль кажутся одинаковыми, но другие два отличаются [от них и друг от друга]. На каждом из островов встречаются исключительно [представители] одного какого-либо рода; по своим повадкам все [они] совершенно неразличимы.

Когда я вспоминаю тот факт, что испанцы могут по форме тела, очертаниям чешуек и общим размерам сразу сказать, с какого острова могла быть доставлена та или иная черепаха; когда я вижу, что эти острова, [расположенные] один в виду другого, обладают лишь ограниченным составом животных, населены этими птицами, очень незначительно отличающимися друг от друга по строению и занимающими одно и то же место в природе,— то я вынужден предположить, что они представляют собою лишь разновидности. Единственный [другой] факт подобного рода, известный мне, это — постоянно отмечаемое различие между волкообразной лисицей с Восточного и Западного Фолклендских островов.

Если имеется хотя бы малейшее основание для этих замечаний, то зоология архипелагов вполне заслуживает исследования, ибо такого рода факты подорвали бы [веру в] неизменность видов.

[*Ноябрь. Остров Таити.*]

18 ноября.— Поднялся вверх по долине; сразу же [поражают] красивый вид кокосовых пальм и *прекрасные* люди. Не берут с собой ни одежды, ни пищи. Выше долина очень глубока; опаснейший переход; веревки; Коцебу. Затем — один с жердями и веревками; собаки и поклажа.

Чудесный вид; в Кордильерах ничего подобного не было; поднялись по склону, заросшему папоротником; очень крутой; полдень — вертикально стоящее солнце; парно и жарко; кругом водопады, огромные пропасти, колонообразные [уступы], заросшие лилиями, бананами и деревьями.

Взобравшись на заросшую папоротником гору, бросился в тень густых деревьев, окруженных сахарным тростником. Бананы. Пища в изобилии. Ямс. Таро, корень сладкий, как сахар, толщиной с полено; лес тенистых бананов. Разные племена. Раки, рыба и креветки — ловят их, красиво ныряя, как земноводные.

Эта тропа — такая удивительная — лишь голод и убийства [82] могли привести людей к открытию ее. Мужчины говорят немного по-английски. Завтрак; добывают огонь трением [палок]...

Гаучо пользуются палкой, как плотники инструментом; дорога действительно в высшей степени страшная; 7 тысяч футов; горы расколоты трещинами до самого основания. В долине три источника — мы пошли вдоль южного.

Не пьют авы [83]; водка; люди просили меня не говорить миссионеру. Ночлег; прохладный ручей, в котором мы искупались, скрыт среди пиков; дом из бананов; изобилие плодов; зеленые листья, сухая постель из тростника; высота 20—25 футов; тень такая же густая, как в полдень. После ужина — его изготовили на [раскаленных] камнях, прекрасные овощи — прошелся немного вверх по долине к банановой роще; услыхал [шум] другого водопада [высотою] 200 футов. Дивный вечер. Ава, ручей под тенью узловатой, смертельно ядовитой авы; вкус ядовито-горький, но возбуждающий. Поели по кусочку, боятся миссионера.

Молятся без принуждения.

В долине ни единого дуновения ветерка; целый банановый лист; ночью сильный дождь.

19 [*ноября*].— Вернулись другим путем... только в одном месте понадобились веревки.

Острие ножа, огромные расщелины с обеих сторон. Мужчины очень сильные, татуированы. Вспомнил картину южноамериканского леса. Венки из цветов на голове; в густой тени бананов. Наловили великолепных угрей.

Огромный аппетит за завтраком — уйма бананов!! Очень утомительное путешествие: балансировали при каждом шаге с величайшей осторожностью.

22 [*ноября*]. *Воскресенье.*— Поехали на лодке в Папеэте; таитянское богослужение, не много внимания, вид вполне приличный, поют хорошо, но неблагозвучно; хорошие миссионеры — никогда нельзя верить всему, что приходится слышать [84].

[1836 год]

[*Австралия*].

16 января.— Исключительно лесистая страна, какие-то прекрасные деревья, все своеобразны, вертикальные листья [производят] странное впечатление.

Красивые птицы, великолепные попугаи... группа чернокожих, удивительно метко бросают дротики. Говорят по-английски, веселые парни... раскрашиваются в белый цвет, как огнеземельцы. Далеко не так низко развиты, как я ожидал; все одеты.

Чернокожие напали на следы опосумма — основной их пищи. Постоянного жилища у них нет.

М-р Броун, очень здравомыслящий шотландец, плохо отзывается о местных жителях: никак [их] не исправишь, нет мер наказания, недовольны, но и не лезут в драку, если только не пьяны, совершенно не поддаются исправлению... 80 ссыльных; женщин [среди них] нет; жалки, хотя как будто должны быть довольны.

Овечья шерсть; вся страна имеет однообразный вид; белые какаду и вороны; прирученные дикие собаки, свободно спариваются.

Как образовался громадный обрыв?

23 января.— Не вижу никакой разницы в обхождении по сравнению с английскими постоялыми дворами.

24 [*января*].— Заболел, слег в постель.

25 [*января*].— Моросит дождик, все тихо, капает с карнизов. Холмистая лесная местность; страх заблудиться в этом тумане; резкий контраст с прежней погодой. Быть может, полезно для меня.

27 [*января*].— Занятия. Комфорт. Приятная девушка. Дождь, [говорят], на три недели; из-за более высокого уровня побережья вода стекает в глубь страны.

1 апреля. [*На острове Маврикия*] [85].— Риф *только в очень немногих местах* непосредственно примыкает к берегу, часто небольшими отрезками [чертеж]. Я этого не понимаю. Кораллы с наружной и внутренней стороны рифа резко различаются. Может быть, весь риф претерпел поднятие?

Отвратительные ссоры между англичанами и французами.

Ссыльные индусы, необычайно белые бороды, черные, как негры, высоко интеллектуальны. Процветание английской державы. Дороги — противоположность острову Бурбон.

[*По пути к Мысу Доброй Надежды?*].— 12 дестей бумаги маленького формата [получил] у капитана.

Лекарство; табак; мыло *B*.

Разменять доллары.

Чернильница, карандаши, промокательная бумага.

Перья Брэма́, обыкновенные перья.

Немецкие книги. Орфографический словарь.

Портной, сапожник.

Зубной врач.

Мята, хмель.— Сода. Ладан. Таблетки.

$^1/_2$ унции Tinct. Jem. Muriaticae.

Лавандовая вода и марля.

Второй перочинный нож.

Зубные щетки. Коробки из-под пилюль. Перья Брэма́.

31 мая. Вторник. [*Мыс Доброй Надежды*] [86].— Вечером прибыли в Саймонстаун, два-три белых домика, разбросанных вдоль побережья, позади них совершенно обнаженная стена скал. В среду утром, после полудня, нанял двуколку, чтобы отправиться в Кейптаун; приятная прогулка, суккулентные растения, вереск; окрестности Вайнеберга

довольно красивы: дубы, сосны, тенистые дорожки, белые дома, точно перенесенные из города в деревню, но всегда [расположенные] недалеко от дороги.

Прелестные дома; местность по своей природе очень бесплодна; огромная равнина, с одинокими домами [на ней], как в пампасах, отделяет [прибрежные] горы от гор в глубине страны.

Прибыли после наступления темноты.

2 июня.— Бродил и разъезжал по городу; пансионы, церкви, улицы с деревьями, скверы, места для прогулок — на фоне действительно великолепной стены [гор] и знаменитой Столовой горы. Фургоны совершенно необычайные — 18 волов, словно целое связанное стадо скота; от 6 до 8 лошадей и мулов в упряжке. Совсем английский город, 15 000 жителей.

4 июня.— Отправился в четырехдневную экскурсию, сначала — в Паарл; песчаная равнина и холмы с плохим пастбищем, много мелких цветков орхидей, как в Монтевидео; одинокие белые домики, как в пампасах, но более опрятные. Вечером прибыли в нечто вроде меблированных комнат.

Взбирался на великолепные округлые гранитные холмы за деревней; ряд опрятных белых домиков, сады, аллеи из низкорослых дубов и много виноградников; преобладающий цвет — коричневато-зеленый, деревьев нет, орошение неплохое. Столовая гора очень мало возвышается над равниной. Западная гора красноватая и серая, очертания некрасивые, 3000—4000 футов [высоты]. Необычайные трещины и гранитные *валуны,* под ними пещеры.

5 [*июня*]. *Воскресенье.*— Перебрался через Французский мыс, нелегкое дело. Недовольство у заставы. Голландцы гостеприимны, но не так, как англичане. Эмансипация не популярна среди населения, но будет иметь успех.

Долина несколько напоминает Уэльс — пустынная долина, белый кварц, зеленая трава, деревья отсутствуют, одиноко. Благоустроенный дом м-ра Хóлма. Застава.

6 [*июня*].— Осмотрел восточный и западный хребты южнее Каледона; горы вдоль извилистой дороги к реке Пальмиет представляют собою полный хаос; местность очень пустынная, безлюдная, гористая; мало животных, фермы в долине, нет деревьев, дикие олени, крупные белые грифы, похожие на кондоров.

Когда мы вечером добрались до дома м-ра Гэднея, то встретили там пять мужчин-буров — беглых плутов, но смелых молодцов. Длинные ружья, кожаные штаны, плохие лошади. Серые, скалистые, неинтересные горы,— очень однообразная поездка.

7 [*июня*].— Перевал сэра Лоури Коула: прекрасный [геологический] разрез, знойный ветер, сильные порывы с севера.

8 июля. [*Остров Св. Елены*] [87].— Прибыли утром. Вокруг острова стена из скал. Остров вулканический и не имеет гавани; тонкая слоистость. Укрепления в соединении со скалами. Маленький городок, небольшая плоская долина, форты не внушительные.

Поднялся на ступенчатую гору — любопытно. Дошел до «Горного замка», или «Телеграфа», на возвышенности: очень живописен на расстоянии, похож на старинный уэльский замок; удивительный контраст этих выветренных скал, поросших зеленой растительностью, со скалами

на побережье. Прекрасный вид, красиво растут сосны, ничем не стесняемые. Каждый клочок земли обработан, маленькие белые дома расположены самым причудливым образом, глубокие долины и голые пики. Все говорят по-английски; у бедняков очень жалкий вид.

9 [*июля*]. *Суббота.*— Сняли квартиру в деревне в центре острова, в двух шагах от могилы Нап[олеона]. Никакой романтики,— рядом стоит хижина и проходит дорога, напыщенность и чепуха, величественно и смешно. Туман и отчаянный холод; уютный домик.

[*10 июля*]. *Воскресенье.*— Дела пошли лучше — нанял проводника: 55 лет, ноги, как железо, мулат, потомок стольких смешанных браков, что вид у него не слишком неприятный; спокойный, очень вежливый старик, был в рабстве, уплатил 40 ф. ст. за освобождение: каким образом? Дошли до [горы] Флагшток над «Манежем», возвышенной равниной. Прошли Лонгвуд [«Длинный лес»], обработанные поля, не слишком мрачные.

Городские дома; лачуга, где он [Наполеон] действительно жил и умер, очень убога. Я укрылся там во время ливня... Стены исцарапаны именами матросов и капитанов торговых кораблей. Это выглядит унизительно — словно осквернение старинного замка.

Зеленая равнина, низкая редкая трава, несколько деревьев Syngenesia. Большие красные и белые холмы, называемые Флагшток и большой Блэк-Барн [«Черный амбар»]. Даже правительственная дорога перегорожена. Такие дикие маленькие местечки, старые заставы, заброшенные безводные поселения.

[*11 июля*]. *Понедельник.*— Спустился к заливу Процветания, прошел мимо караула и форта: два солдата — два *инвалида*; в старом помещении телеграфа... кажется мне абсурдным, прекрасно защищено. Вернулся по очень красивой долине, сосновая роща, желтый дрок в цвету, ивы и ручейки; коттеджи, белые домики и зеленые скалистые холмы [88].

12 августа. Пернамбуко.— Прибыли в пятницу, тяжелый переход, ливни, восточные ветры... погулял по городу, грязные узкие улицы, высокие дома, тюрьмы; [город] построен на песчаных отмелях, отвоеванных у моря [и] соединенных друг с другом широким деревянным мостом. Население черное и коричневое. Грязные старые ведьмы-монахини.

Сентябрь.— Прибыли [на острова Зеленого мыса] 31-го. Зимородков теперь здесь нет.

Воробьи вьют гнезда. Страна несколько более зелена, баобаб весь покрыт листьями...

Интересная местность, обнаженные каменистые ступени.

[*Июль — сентябрь? По пути в Англию?*] [89]

Остров Вознесения — растительность? Крысы и мыши: на острове Св. Елены есть аборигенная мышь.

Более древние пласты Гобарта [можно сравнить] с морским дном близ Огненной Земли.

В «Предисловии» не мешало бы призвать геологов к сопоставлению всей [геологической] истории Европы и Америки; необходимо добавить, что все свои примеры я извлек из [геологии] Америки, чтобы показать,

какие факты могут быть подтверждены [данными] этой части земного шара; если же наши выводы находят подтверждение как в Южной Америке, так и в Европе, то можно с уверенностью считать их приложимыми ко всему миру.

Если произошла большая перемена в климате, то причина этого — ураган в недрах земли; это не объясняет линий кливажа.

У меня нет никакого сомнения относительно брекчиевидной белой породы на Чилоэ, после того как я исследовал изменения на острове Вознесения...

Попробовать на глобусе: узкой полоской бумаги [изобразить] постепенно выгибающееся выпучивание, проследить за увеличением его в длину, которое будет изображать его распространение; расширяющиеся трещины должны заполняться дайками и горными цепями...

Обращаться вновь и вновь к геологической карте Европы.

М-р Ляйелль считает, по-видимому, что последовательные террасы соответствуют числу отдельных поднятий; отсюда следует, что он не продумал этот вопрос всесторонне...

Южная Америка носит в строении своей поверхности явные признаки недавнего поднятия, а это расходится с предположениями м-ра Ляйелля...

Читал о геологии Северной Америки, Индии и вспомнил Южную Африку, Австралию и океанические острова. Геология всего земного шара становится понятной.

Весьма счастливо для этой науки, что она возникла именно в Европе...

Можно высказать общие соображения о столь огромных размерах океана; удастся ли геологии когда-нибудь доказать прямую зависимость между поднятием одной части земной поверхности и [одновременным] опусканием другой? Когда обсуждается взаимосвязь между Тихим океаном и Южной Америкой, вулканы следует рассматривать как химические реторты...

Землетрясение — часть обязательного процесса обновления земной коры, а в таком случае вулкан — это полезный химический инструмент. Но если отбросить эти конечные причины [final causes], то существует ли более страшное бедствие для человечества, нежели вулканы и землетрясения? — Землетрясения действуют, как плуги, вулканы же — как шахты в горных разработках.

* * *

Тщательно исследовать все пределы распространения птиц и млекопитающих в Южной Америке [90].

Сорильо; широкое распространение голенастых птиц: острова Вознесения, Килинг; в море часто встречаются на больших расстояниях [от суши].

Новозеландские крысы представляют в истории крыс параллельный пример среди антиподов.

Поразмыслить о нейтральной зоне для двух [видов] страуса; более крупный вторгается [в зону] более мелкого; изменение не постепенное; оно возникло сразу, если один из видов изменился. Помнить: мое представление о [вновь] поднявшихся [из моря] вулканических островах;

после того были созданы своеобразные [для данного острова] растения; но если [это возможно] для таких ничтожно малых пунктов [суши], а также для любой горы, то было бы ошибочным удивляться в меньшей степени новым [актам] творения на обширных [областях суши] — Австралия,— если это [возможно] в отношении вулканических островов, то [возможно] и в отношении любого места на земле. И все же новые [акты] творения испытывают на себе распространяющееся как из центра влияние соседнего материка, словно любое сотворение [форм] в пределах определенной области должно иметь свой особый характер.

Резкий контраст [в отношении видового состава животных] на двух сторонах Кордильер, где климат одинаковый. Не знаю, так ли это в ботаническом отношении, но [если судить] по пейзажу — это так.

Следует настаивать на том, что вымершая лама обязана своей гибелью не изменению обстоятельств; противоположный довод [можно выдвинуть], зная, что там пустыня. Меня соблазняет мысль, что животные сотворены на определенный срок [существования]: [виды] не исчезают вследствие изменения обстоятельств.

Между обыкновенным страусом [*Rhea americana*] и петисе [*Rhea Darwinii*] и между различными формами вымерших гуанако и современными отношение одного и того же порядка. В первом случае отношение это выражается в положении [в пространстве], во втором — во времени [существования] (т. е. изменениями, следующими друг за другом через [известные] промежутки времени); так как в первом случае различные виды переходят друг в друга [inosculate], то мы должны допустить, что и древние виды [переходили в позднейшие]; но не *постепенное* изменение, или перерождение [degeneration] под влиянием обстоятельств: если один вид изменяется в другой, то это должно происходить путем скачка, иначе вид может погибнуть. Это представление о видах важно: каждый [вид имеет] свои собственные границы [распространения] и характерные признаки [91]. Древолазы острова Чилоэ; печник, калландрия. Сам по себе переход [видов] друг в друга не обнаруживает постепенности.

При последовательном размножении — обычном ли, гермафродитном или путем деления одного животного на два (почкование естественное или случайное) — мы видим особь, делящуюся либо в один момент, либо на протяжении веков. Поэтому нас не очень удивляет, когда мы видим, что зоофит производит отличных от него животных, остающихся еще частично соединенными с ним, и яйца, которые совершенно отделяются от него. Если рассматривать всех особей любого вида [организмов] как единую особь, разделившуюся при помощи различных способов, то ассоциированная жизнь [т. е. колониальные организмы] представляет собою лишь еще один способ размножения, при котором деление не является полным.

Собаки, кошки, лошади, коровы, козы, ослы — все, подвергшись одичанию, продолжают, без сомнения, успешно размножаться. Это показывает, что сотворение вовсе не связано с одним только приспособлением животных. Таким же точно образом и вымирание может не зависеть [от неприспособленности?]. В вымирании видов нет ничего более удивительного, чем [в смерти] особей.

При знакомстве с авеструсом [т. е. *Rhea Darwinii*] мы видим, что оба вида определенно разнятся, [настолько, что] различия между ними

вполне заметны; и все же мы чувствуем себя вынужденными искать общего предка [обоих видов]? Почему два чрезвычайно близких вида встречаются в одной и той же стране? В ботанике приводились прямо противоположные примеры...

[БИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ 1832—1836 ГОДОВ][92]

207. Паук из собора в Рибейра-Гранде [Сант-Яго, острова Зеленого мыса].

353. Cimex [клоп] вонзил хоботок глубоко мне в палец.

458. Geotrupes собирает экскременты человека, скатывает в шарики и передвигает их, толкая задними конечностями.

536, 537. Я наблюдал, как это насекомое осторожно тащило большую зеленую гусеницу к ячейке; (537) затем, при помощи своих челюстей, оно постепенно вынудило гусеницу войти внутрь ячейки.

646. Так как это животное считают дикой морской свинкой, то было бы интересно сравнить его паразитов с паразитами, живущими на европейских особях, и выяснить, не изменились ли паразиты в результате переселения и одомашнения.

Любопытно было бы произвести аналогичные наблюдения над различными человеческими племенами.

703. Этот жук питается, по-видимому, навозом страусов. Я видел, как один из них был занят тем, что перетаскивал кусок при помощи своих заостренных рогов.

756. На утесах горы Эрмосо я видел стаю этих птиц, преследовавших друг друга с криком, очень похожим на крик английского каменного стрижа; по своим признакам они, по-видимому, также приближаются к нему. Как часто оказываются связанными друг с другом особенности строения и самые незначительные черты поведения!

794. Кактус из бухты Желания. Когда прикасаешься к тычинкам, они быстро и с силой пригибаются к пестику; то же происходит с лепестками, но в менее резко выраженной форме.

815. [Олень]. Обычное местообитание — песчаные равнины, часто [держатся] небольшими стадами; они очень любопытны, и если охотник остается в согнутом положении, они подходят, чтобы рассмотреть, [что это за предмет]. Интересно, что они гораздо больше боятся всадника, чем пешего,— все население этой страны ездит верхом; для английских оленей характерно как раз обратное. Охотник в согнутом положении привлекает и гуанако: они приближаются к человеку, находящемуся в таком положении, чтобы рассмотреть, [что это такое], и при этом ржут.

1270. Я не знаю, особый ли это вид или одичавшая домашняя кошка. Это животное значительно крупнее, сильнее и более равномерно окрашено. Было бы интересно сравнить его с аборигенной домашней кошкой, [чтобы выяснить], представляют ли оба они один и тот же вид.

1782. Эта птица [баклан?] по своим повадкам — настоящий водолаз; водится в тихих глубоких морских заливах; полет прямой, быстрый, падает с высоты и мгновенно камнем уходит под воду, глубоко и долго [ныряя]; подымаясь [из воды] на поверхность, она мигом взлетает в воздух. Так она ведет себя, если ее спугнуть. Обычно же она тихо

плавает и ныряет за добычей. Часто встречается в канале Бигля. Вечером перелетает по прямой линии с места на место.

1819. [Тиранн-мухоловка (*Myiobius albiceps*)?]. В самых глубоких дебрях леса, обычно высоко на деревьях в чаще. Непрерывно издает монотонный жалобный свист; очень трудно заметить ее или поймать, потому что звук как будто не исходит из определенного места и с определенного расстояния.

1921. [Восточный Фолклендский остров]. Мышь, пойманная далеко от домов, в 3/4 мили, на заросшем травою берегу. Английская? Если так, то любопытная перемена: с корабля в такую страну.

1947. Представляет интерес для геолога: на глубине 10 фатомов, в 3 милях от берега, где приливное течение всего быстрее, обитают кораллины, обладающие чрезвычайно нежными иглами, что показывает, как мало голышей движется на дне.

2011. Lanius [сорокопут], называемый [здесь] калландрией, весьма недурно поет среди колючих кустарников [93].

[ЗАПИСИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК» 1832—1836 ГОДОВ, НО ОТНОСЯЩИЕСЯ К 1837—1839 ГОДАМ] [94]

Разрешите ли мне сослаться на Ваше утверждение относительно обрывистых подводных берегов?

Как понимать обрывы на берегах рек...

Остаются ли реки глубокими несколько выше [зоны] действия прилива и отлива? [95]

* * *

Сказать Лайеллю о статье Денуайе [Desnoyers] [96].

Рассказать м-ру Оуэну о каучуке в качестве пробок для бутылей.

Имеются превосходные таблицы распределения рептилий Южной Америки [и] мира — Бюффон.

Ушной врач.

Стюарту относительно уплаты 100 гиней Гульду [97].

Рисунок страуса, сделанный Гульдом.

* * *

Эйтон [98]; Уотерхаус считает, что серые кошки с черными полосками и маленькие кошки черепахового цвета принадлежат к двум разным видам. Скелеты. Достать овечий хвост; просить Саливена достать череп быка *ньята* [99].

История скрещенных пород...

Д-р Смит; зубы акулы, Наведад, Чили — займусь ими впоследствии [100].

Майор Митчелл; высота обрывов в Голубых горах и гибридные собаки; лисицы. . . . . . . ; породы собак [101].

Охотятся ли австралийские собаки стаями?

* * *

Вудс, эскв.

Генриетта С. Бат ответит, вероятно, на письмо и сообщит относительно бесхвостой породы кошек (происхождение?) в окрестностях Малмсбёри-Хед?? [102].

Уилтширские овцы, у которых одни зубы выталкивают другие.

Растения от Генсло.

[Справиться у] Саливена относительно английских сорняков — укропа, осота [103].

Попросить Фокса поставить опыты с икрой лягушек и достать для меня яйца песчаной [?] улитки... [104]

Достать гибридов шилохвости и обыкновенной утки.

Скрещивание тетерева-косача с белой куропаткой.

Фазан и дикая форма — [в местах], где вид становится малочисленным.

Глухарь; тетерев-косач и субальпийский вид.

М-р Яррелл имеет книгу 1763 г. по истории голубей.

Трактат о домашних голубях — очень любопытно для сравнения во времени; у м-ра Яррелла имеются последние сравнительные [данные] [105].

Имеет ли скалистый голубь крапинки на плече? У дутышей крапинки имеются.

Выведены ли какие-нибудь новые разновидности голубей?

Должны существовать [какие-то] законы изменения, случай никогда не мог бы произвести разновидности...

...кошка без лап?

Дикие собаки на западном побережье, см. I-й том «Географического журнала» [106].

Австралийский папоротник найден в Индии.

Узнать, где в Париже можно достать хорошую линзу.

Является ли потомство настоящих гибридов гетерогамным или гомогамным? [107]

Имеется ли какая-нибудь связь между горбом индийского рогатого скота и строением бизона и т. д.?

Выяснить во всех случаях: может ли изменение привести к появлению признаков, приобретающих значение видовых в пределах того же рода...

Написать Саливену, чтобы узнал о диких собаках в пампасах. Длинные ли у них уши и какого они цвета?

Утрачивают ли самцы животных половое чувство при повторных родственных скрещиваниях?

Через сколько поколений это проявилось у бентамок — и польского голубя (Polish cord [?])? Голуби: сколько поколений в среднем прошло со времени их возникновения?

Позвонки индийского рогатого скота; Эйтон; разобрать скелеты; голуби.

[*6—31 декабря 1838 г. Лондон.*] [108].— М-р Фаллер, Олбени-плейс, 8, Риджентс-Парк — 200 ф. ст.

Олбени-стрит — 70 ф. ст. в год; № 161 — 100 ф. ст. надбавки.

Другой адрес дальше по этой улице — 80 ф. ст. Дом на Монтегю-плейс, Кеппел-стрит; меблированное помещение — Бернард-стрит, 1, Рассел-сквер.

Аппер-Гауэр-стрит, 12 — меблированные и немеблированные комнаты; должно быть, последние...

Меблировка по оценке — Пирсолл и Джордан: 100 ф. ст. в год с *конюшней* на 4 года (будет сообщено во вторник из Франции).

Гордон-сквер, 40, дом построен в этом году; Уобёрн-сквер, 20, очень приятный дом. Тейвисток-сквер, два дома м-ра . . . . . . ; новый дом, дом, принадлежащий Каббиту.

* * *

Куски ковра, дорожка для холла.

Окна вымыты. Обшивка лестницы вымыта; стены протерты начисто; белые занавески выстираны. Два легких стула. Шторы в красных комнатах выстираны.

Муслин вообще следует стирать.

Общий стол и второй умывальник.

* * *

[*Начало 1839 года*].— Мисс Мартино [109]. Повсюду милосердие. Сначала я сомневался в этом. Байрон и огнеземельская женщина [110]. Проявляют ли милосердие какие-либо другие животные, живущие обществами? Коровы не проявляют. Дикий рогатый скот? Дельфин?

* * *

Если метеорные камни попросту падают с луны, то непостижимо до крайности то обстоятельство, что металлы [в них] — это именно те, которые обладают магнитными свойствами.

* * *

Произвести животному укол телом [какой-либо тканью тела?] другого, только что умершего животного и посмотреть, окажет ли это такое же действие на него, как на человека [111].

* * *

Могут ли химически соединяться каучук и графит, подобно тому как соединяются жир со ртутью? [112]

[ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПИСЕМ, АДРЕСОВАННЫХ ПРОФЕССОРУ ГЕНСЛО Ч. ДАРВИНОМ, ЭСКВАЙРОМ][1]

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

Нижеследующие страницы содержат *извлечения из писем,* адресованных профессору *Генсло Ч. Дарвином,* эсквайром. Они напечатаны для распространения среди членов Кембриджского философского общества[2] ввиду того интереса, который был вызван некоторыми содержащимися в них геологическими сведениями; они были доложены на заседании Общества 16 ноября 1835 года.

Мнения, высказанные в них, следует рассматривать всего лишь как первые мысли, которые приходят на ум путешественнику по поводу того, что он видит, до того как он найдет время для подробного рассмотрения своих заметок и изучения своих коллекций с тем вниманием, какого требует научная точность.

Кембридж.
1 декабря 1835 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ
и т. д.

Рио-де-Жанейро. 18 мая 1832 г.

Мы отплыли из Плимута 27 декабря 1831 г.— В Сант-Яго (острова Зеленого мыса) мы провели три недели. Исключительный интерес представила геология, которая, полагаю, совершенно неизвестна: здесь имеются некоторые данные, свидетельствующие о поднятии берега в большом масштабе, что должно заинтересовать м-ра Ляйелля . . . . . . Сант-Яго чрезвычайно пустынен и доставляет мало растений и насекомых, так что геологический молоток был моим обычным спутником. На берегу я собрал много морских животных, главным образом брюхоногих моллюсков (думаю, что некоторые из них являются новыми). Я очень тщательно исследовал какой-то вид Caryophyllia[3], и, если мои глаза не заколдованы, прежние описания не имеют ни малейшего сходства с [подлинным] животным. Я поймал несколько экземпляров какого-то осьминога, который обладает совершенно удивительной способностью изменять, подобно хамелеону, свою окраску, и по-видимому, приспособлять эти изменения к цвету дна, над которым он продвигается . . . .

Мы направились затем в Баию и [по пути] остановились у скалы Св. Павла. Скала эта сложена из змеевика[4] . . . .
Остановившись у [отмелей] Аброльос, мы прибыли сюда 4 апреля . . .
Через несколько дней после прибытия я отправился в экскурсию на Рио-Макао в 150 милях отсюда, продолжавшуюся 18 дней. . . . .
В настоящее время я коллекционирую пресноводных и наземных животных; если то, что мне говорили в Лондоне, верно, а именно, что в коллекциях, собранных в тропиках, совершенно отсутствуют мелкие насекомые, то я рекомендую энтомологам собраться с силами и держать наготове свои перья для описания. Я поймал столь же мелких, как в Англии (если не еще более мелких), Hydropori, Hygroti, Hydrobii, Pselaphi, Staphylini, Curculiones, Bembidia и пр. и пр.[5]. Исключительно интересно наблюдать различия между [местными] родами и видами и теми, которые мне знакомы; однако они значительно меньше, чем я ожидал . . . .
Только что вернулся с прогулки, и вот пример того, насколько мало известны [местные] насекомые. Согласно «Dic[tionnaire] Class[ique]», в род Noterus[6] входит только три европейских вида. Я в одном улове моей сетки нашел пять различных видов [этого рода]. . . . .
В Баии пласты пегматита и гнейса имеют то же направление, которое, как наблюдал Гумбольдт, господствует в Колумбии, на расстоянии 1300 миль отсюда.

Монтевидео. 15 августа 1832 г.

Моя коллекция растений с [отмелей] Аброльос представляет интерес, так как она, как я полагаю, содержит почти все местные цветковые растения . . . .
Я собрал в Рио громадную коллекцию паукообразных, а также порядочное количество мелких жуков — они в коробочках из-под пилюль, но для них сейчас не самый благоприятный сезон. . . . .
Из низших животных ничто не заинтересовало меня столь сильно, как два найденных мною вида изящно окрашенных планарий (?), обитающих в сыром лесу![7] Обманчивое сходство, которое они имеют с улитками [слизнями],— наиболее необычайный случай этого рода, какой мне когда-либо приходилось видеть. В том же самом роде (или вернее — в том же семействе) некоторые морские виды обладают организацией столь удивительной, что я едва мог поверить своим глазам. Каждый слыхал об окрашенных полосах воды в экваториальных областях [океана]. Окраска одной такой полосы, исследованной мною, вызывалась наличием в ней столь мелких Oscillatoria[8], что в одном квадратном дюйме поверхности их должно было быть по крайней мере сто тысяч. . . .
Я мог бы собрать гораздо большее число образцов беспозвоночных животных, если бы затрачивал меньше времени на изучение каждого из них; но я пришел к выводу, что для натуралистов два [вида] животных с данными об их естественной окраске и форме представят бóльшую ценность, нежели шесть с одними только данными о времени и месте их нахождения. . . . .
В данную минуту мы стоим на якоре в устье реки, и какое же это

FOR PRIVATE DISTRIBUTION.

THE following pages contain Extracts from LETTERS addressed to Professor HENSLOW by C. DARWIN, Esq. They are printed for distribution among the Members of the Cambridge Philosophical Society, in consequence of the interest which has been excited by some of the Geological notices which they contain, and which were read at a Meeting of the Society on the 16th of November 1835.

The opinions here expressed must be viewed in no other light than as the first thoughts which occur to a traveller respecting what he sees, before he has had time to collate his Notes, and examine his Collections, with the attention necessary for scientific accuracy.

CAMBRIDGE
Dec. 1, 1835.

Титульная страница брошюры с извлечениями из писем Ч. Дарвина к Дж. Генсло, изданной Генсло 1 декабря 1835 г. для распространения среди членов Кембриджского философского общества

поразительное зрелище. Все кругом пылает огнями: на небе — молнии, в воде — сверкающие частицы и даже на самых верхушках мачт — голубые огни.

Монтевидео. 24 ноября 1832 г.

Мы прибыли сюда 24 октября, совершив наш первый рейс вдоль берега Патагонии к северу от Рио-Негро . . . .
Из уважения к госпоже Природе я не мог поверить, чтобы существовала страна, подобная Патагонии; но печальная действительность такова, что мы проплыли 240 миль вдоль берега, состоящего из одних только песчаных холмиков; никогда раньше я не знал, что́ за ужасная, безобразная вещь этакий песчаный холмик; прославленная область Рио-Платы, по моему мнению, немногим лучше: огромная солоноватая река, к берегам которой подходит безграничная зеленая равнина,— этого достаточно, чтобы заставить натуралиста застонать. . . . .
Мне очень повезло с ископаемыми костями: я обладаю фрагментами по крайней мере шести различных животных, и так как многие из этих фрагментов зубы, то как бы разбиты и обкатаны они ни были, я надеюсь, что животных удастся определить. Я уделил все внимание, на какое только способен, [выяснению] их геологического положения, однако рассказывать об этом в письме было бы, разумеется, слишком долго. Во-первых, очень хорошо сохранившиеся предплюсневые и плюсневые кости какого-то вида Cavia [морских свинок]; во-вторых, верхняя челюсть и череп какого-то очень большого животного, с четырьмя квадратными полыми коренными зубами и сильно выступающей вперед носовой частью. Сперва я подумал, что эти кости принадлежат мегалониксу или мегатерию, подтверждение чему давала найденная мною в той же формации большая поверхностная часть, состоящая из костных многоугольных пластин, которая, как показали «новейшие наблюдения» (что это за наблюдения?), принадлежит мегатерию. Но в тот момент, когда я увидел ее [эту поверхностную часть], я подумал, что она должна принадлежать гигантскому броненосцу,— современные виды этого рода встречаются здесь в изобилии [9]. В-третьих, нижняя челюсть какого-то большого животного, принадлежавшего, как я склонен думать, судя по его коренному зубу, к неполнозубым; в-четвертых, громадные коренные зубы, которые в некоторых отношениях делают вероятной принадлежность их какому-то гигантскому виду грызунов [10]; в-пятых, такие же несколько зубов меньшего размера, принадлежавшие [животному] из того же отряда, и пр.— Эти кости смешаны с морскими раковинами, идентичными, как мне кажется, с ныне существующими видами. Но с того времени, как они были отложены в местах своего залегания, в стране произошло несколько геологических перемен. . . . .
Имеется [у меня] плохой экземпляр птицы, которая для моих неорнитологических глаз представляется счастливым смешением жаворонка, голубя и кулика. Сам м-р Мак-Лей никогда не мог бы вообразить себе столь запутанного существа [11]. . . . .
Я собрал несколько интересных амфибий, красивую Bipes [12], новый вид Trigonocephalus, который по своим повадкам превосходно связывает друг с другом Crotalus и Viperus [13], и множество новых (насколько мне

позволяют судить мои знания) видов ящериц. Что касается одной маленькой жабы,— я надеюсь, что она, возможно, является новым видом,— то ее следует окрестить «diabolicus» [«дьявольской»]. Вероятно, именно это существо имел в виду Мильтон, когда писал «squate like a toad» [14]. . . . .
Среди пелагических ракообразных имеется несколько новых любопытных родов; несколько интересных животных [имеется и] среди зоофитов [15]. Что касается одной Flustra [16], то не будь у меня экземпляра, подтверждающего мои слова, никто не поверил бы, что строение ее настолько аномально. Если, однако, говорить о новизне, то все это ничто по сравнению с одним семейством пелагических животных, представители которого выглядят подобно медузе, но в действительности организованы выше. Я исследовал их несколько раз, и по их строению было бы невозможно, конечно, включить их в какой-либо из существующих отрядов. Быть может, сальпа — наиболее близкое [к ним] животное, хотя прозрачность тела — почти единственный признак, являющийся общим для них. . . . .

Мы пробыли в Буэнос-Айресе неделю. Это большой красивый город; но что за страна: повсюду грязь, никуда невозможно пойти, ничего нельзя предпринять из-за грязи. В городе я собрал много сведений о берегах реки Уругвай. Мне говорили об известняке с раковинами и о залежах раковин, попадающихся в любом направлении. . . . .
Я купил фрагменты каких-то громадных костей, которые, как меня уверяли, принадлежат былым гигантам!!

---

11 апреля 1833 г.

Мы направляемся сейчас от Фолклендских островов к [устью] Рио-Негро (или Колорадо). . . . .
Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мы останавливались в каком-либо цивилизованном порту; почти все это время было затрачено нами на пребывание в самой южной части Огненной Земли. Это отвратительное место: одни шторма следуют за другими через такие короткие промежутки времени, что трудно что-либо делать. 23 дня мы оставались в виду мыса Горна и никак не в состоянии были продвинуться на запад.— В конце концов мы вошли в гавань и на шлюпках пошли на запад по внутренним каналам.— На двух шлюпках мы прошли около трехсот миль, и я получил таким образом возможность заняться геологическими изысканиями и увидеть многое [из жизни] дикарей. Огнеземельцы находятся в более жалком состоянии варварства, чем я мог ожидать когда-либо увидеть человеческое существо. В этой суровой стране они ходят совершенно нагие, а их временные жилища похожи на те шалаши, которые строят наши дети летом из ветвей деревьев. . . . .
Климат в некоторых отношениях представляет любопытное сочетание суровости и мягкости; насколько дело касается царства животных, первый из этих двух признаков преобладает, и вследствие этого я не многое мог добавить к своим коллекциям. Геология этой части Огненной Земли была для меня очень интересной. Страна лишена ископаемых [растений и животных] и представляет собою обычную последовательность гранитных пород и сланцев; стремление выяснить отношения,

[характеризующие] кливаж, [последовательность] пластов и пр. и пр. составляло главное мое удовольствие. . . . .
Южный океан почти столь же бесплоден, как и омываемый им континент. Больше всего работы доставили мне ракообразные. . . . .
Я нашел одну Zoëa чрезвычайно любопытной формы: тело ее составляет всего лишь одну шестую часть длины пары шиповидных отростков. Исходя из ее строения и по другим основаниям, я убежден, что это — молодая [форма] Erichtus [17]. Должен упомянуть об одной стороне в строении какого-то десятиногого, настолько она аномальна: последняя пара ног мала и [расположена] дорсально, и вместо того, чтобы заканчиваться когтем, как все другие, она несет три искривленных щетинкоподобных придатка, тонко зазубренных и снабженных присосками, несколько напоминающими присоски головоногих. Так как животное это пелагическое, описанное превосходное устройство позволяет ему прикрепляться к легким плавающим предметам [18]. Я кое-что выяснил относительно размножения той загадочной группы кораллин [19]. . . . .
Оставив Огненную Землю, мы направились к Фолклендским островам. . . . .
Под скалами, имеющими весьма первобытный вид, мне весьма посчастливилось обнаружить здесь пласт содержащего слюду песчаника, который изобилует [раковинами из рода] Terebratula [20] и его подродов, а также энтрохитами [21]. Так как это место чрезвычайно далеко отстоит от Европы, я полагаю, что сравнение этих отпечатков с отпечатками древнейших, содержащих окаменелости, пластов Европы представит выдающийся интерес. Конечно, это всего лишь модели и слепки, но многие из них в превосходном состоянии.

Рио-де-ла-Плата. 18 июля 1833 г.

Бо́льшую часть зимы мы провели на этой реке около Мальдонадо. Нам удалось добыть почти все виды птиц, водящихся в окрестностях Мальдонадо, общим числом около восьмидесяти, и приблизительно двадцать четвероногих [т. е. млекопитающих] . . . .
Иногда мы отправлялись на Рио-Негро, чтобы произвести съемку некоторых мест берега. . . . .
Геология [этих мест] должна быть очень интересна. Это поблизости от места соединения [пород с остатками] мегатерия с патагонскими породами. Судя по тому, что мне удалось заметить в течение получаса в заливе Св. Иосифа [22], эти последние породы вполне заслуживали бы длительного изучения. Поверх мощного пласта с устрицами расположен слой гравия, который заполняет неровности на поверхности подстилающего пласта, а поверх гравия — и следовательно высоко над водой — расположен пласт, состоящий из раковин столь недавнего происхождения, что они сохранили еще свою окраску и при сжигании издают плохой запах. Патагония, очевидно, поднялась над водой недавно.

Монтевидео. 12 ноября 1833 г.

Я расстался с «Биглем» у Рио-Негро и направился в Буэнос-Айрес по суше. В настоящее время кровавая истребительная война против индейцев только готовится, благодаря чему я имел возможность пройти этим путем. Однако и при наилучших условиях этот путь достаточно опасен и до настоящего времени очень редко используется путешественниками. Это самая дикая, самая мрачная равнина, какую только можно себе представить, без единого постоянного обитателя и без единой головы скота. На больших расстояних друг от друга расположены военные «пóсты», при содействии которых я путешествовал. На протяжении многих дней мы питались оленями и страусами и вынуждены были ночевать в открытом поле. . . . .
Я получил удовлетворение, поднявшись на Тьерра-де-ла-Вентану[23], горную цепь высотой от 3 до 4 тысяч футов, самое существование которой вряд ли известно по ту сторóну Рио-Платы. После недельного отдыха в Буэнос-Айресе я направился в Санта-Фе. В геологическом отношении эта дорога оказалась интересной. Я нашел две большие группы громадных костей, но они были настолько разрыхлены, что увести их оказалось невозможным. Судя по обломку одного из зубов, думаю, что кости принадлежали мастодонту. В Рио-Каркаране я добыл зуб, который приводит в смущение все мои догадки. Он выглядит словно зуб гигантского грызуна[24]. В Санта-Фе, почувствовав себя нездоровым, я сел на корабль и совершил превосходный переход в 300 миль под парусами вниз по этой царственной реке Паране. Когда я вернулся в Буэнос-Айрес, я обнаружил, что страна совершенно взбаламучена мятежами. Это [обстоятельство] доставило мне много затруднений, но в конце концов мне удалось выбраться из Буэнос-Айреса, и я вновь попал на «Бигль».

Восточный Фолклендский остров. Март 1834 г.

Меня встревожило Ваше выражение «очистка всех костей», так как я опасаюсь, что надписанные [на них] номера исчезнут; причина, по которой я хотел бы, чтобы этого не произошло, заключается в том, что одна часть [костей] была найдена в [пласте] гравия вместе с современными раковинами, а другие — в пласте совершенно иного характера. Так вот, вместе с этими последними находились кости какого-то агути, рода животных, специфичного, как я полагаю, для Америки, и было бы любопытно доказать, что какой-то вид того же рода сосуществовал с мегатерием; [решение] подобных и многих других вопросов всецело зависит от заботливого сохранения номеров. . . . .
Я собрал все находившиеся в цвету растения по берегам Патагонии, в бухтах Желания и Сан-Хулиана, а также в восточных частях Огненной Земли, где климат и характерные особенности Огненной Земли и Патагонии оказываются соединенными. . . . .
Почва Патагонии очень суха, покрыта гравием и рыхлая. В восточной части Огненной Земли она покрыта гравием, торфянистая и сырая. С тех пор как мы отплыли из Рио-Платы, я несколько раз имел благоприятную возможность исследовать большую южную патагонскую

формацию. Я собрал порядочное количество раковин; из того немногого, что мне известно о данном предмете, [я заключаю], что это — третичная формация, ибо некоторые из раковин (и кораллин) существуют в море и в настоящее время. Другие же, думаю, нет. Этот пласт, который характеризуется главным образом [наличием в нем] крупной устрицы, покрыт чрезвычайно любопытным слоем порфировых голышей, который я проследил на расстоянии свыше 700 миль. Но самый замечательный факт заключается в том, что весь восточный берег южной части Южной Америки поднялся из океана за время, в течение которого ракушки не потеряли своего голубоватого цвета. В районе бухты Сан-Хулиан я нашел несколько прекрасно сохранившихся костей какого-то огромного животного, полагаю — мастодонта: кости одной из задних конечностей в очень хорошей сохранности и прочны. Это интересно, так как широта [этого места] между 49° и 50°, и местоположение [этих костей] находится на большом расстоянии от великой пампы, где кости узкозубого мастодонта так часто встречаются. Между прочим, я нисколько не сомневаюсь в том, что этот мастодонт и мегатерий были сотоварищами на тех древних равнинах. Остатки мегатерия я находил на расстоянии почти в 600 миль друг от друга в северном и южном направлениях. На Огненной Земле меня заинтересовало нахождение какого-то аммонита (думаю, что он был найден также капитаном Кингом) в сланце близ бухты Голода; на восточном берегу здесь имеются любопытные аллювиальные равнины, которые вполне объясняют факт существования на островах некоторых четвероногих [т. е. млекопитающих]. Здесь имеется песчаник с отпечатками листьев, похожих [на листья] обыкновенного букового дерева, а также современные раковины и пр., на поверхности же плато встречаются, как обычно, ракушки с их голубоватой окраской и пр. . . . .
Я был занят главным образом подготовкой к плаванию в Южном океане и изучением полипов небольших кораллин, обитающих в этих широтах. Многие очень любопытны сами по себе и, думаю, не описаны еще; здесь имеется одна ужасная форма, родственная Flustra; я уже упоминал, что она была найдена к северу отсюда; ячейки ее имеют подвижный орган (подобный голове грифа, со способным расширяться клювом), прикрепленный к краю [25]. Но гораздо более общий интерес представляет несомненное (как мне кажется) существование [в Патагонии] еще одного вида страуса, помимо *Struthio ostrea* [26]. Все гаучосы и индейцы подтверждают это, а я питаю величайшее доверие к их наблюдениям. У меня имеются голова, шея, кусок кожи, перья и ноги одного экземпляра [этого страуса]. Различия выражаются главным образом в окраске перьев и в размерах, в наличии оперения на ногах ниже коленей, а также в [характере] их гнездования и [пределах] географического распространения.

Вальпараисо. 24 июля 1834 г.

Оставив Фолклендские острова, мы направились к Рио-Санта-Крус; мы поднялись вверх по реке, не дойдя двадцати миль до Кордильер: к несчастью, недостаточное количество провианта вынудило нас вернуться. Эта экспедиция имела для меня весьма важное значение, так как

она представила [нам картину] поперечного разреза великой патагонской формации. Я предполагаю (тщательное исследование ископаемых разрешит, быть может, этот вопрос), что главный пласт относится приблизительно к миоценовому периоду (пользуюсь выражением м-ра Ляйелля); и исхожу из того, какие из современных раковин Патагонии мне пришлось видеть. Этот пласт содержит *громадное* количество лавы. Это представляет некоторый интерес, так как дает меру грубого приближения к возрасту великой цепи Анд. Задолго до этого времени она существовала в виде цепи сланцевых и порфировых холмов. Я собрал достаточное количество сведений о различных периодах и формах поднятия этих равнин. Думаю, что они представят интерес для м-ра Ляйелля. Я отложил чтение его третьего тома до моего возвращения[27]: Вам не трудно догадаться, какое большое удовольствие доставило мне это сочинение; некоторые из его гравюр настолько точно соответствуют тому, с чем я здесь встречаюсь, что мне остается просто сослаться на них вместо того, чтобы вновь рисовать подобные же. . . . .
Долина реки Санта-Крус кажется мне очень любопытной; сначала она совершенно сбила меня с толку. Думаю, что я в состоянии представить основательные доводы в пользу допущения, что некогда она являлась северным проливом, подобным Магелланову. . . . .
В [проливах] Огненной Земли я собрал и исследовал несколько кораллин; я наблюдал один факт, который совершенно поразил меня. Заключается он в том, что в роде Sertularia (взятом в его самой ограниченной форме, как у Ламуру)[28] и в двух видах, которые, если исключить выражения сравнения, я бы весьма затруднился описать как различные, полипы совершенно и существенно различаются по всем своим наиболее важным и бросающимся в глаза особенностям строения. Я видел уже достаточно много, чтобы испытывать убеждение в том, что нынешние семейства кораллин, установленные Ламарком, Кювье и др., в высшей степени искусственны. Мне кажется, что они находятся в таком же состоянии, в каком находились раковинные животные, когда Линней оставил их Кювье для переклассификации[29]. . . . .
В высшей степени удивительно, что ни в одной из своих книг я не могу обнаружить ни единого описания полипа какого-либо вида кораллов, за исключением Lobularia (Alcyonium Савиньи)[30]. Я нашел любопытную маленькую каменистую Cellaria (новый род), каждая ячейка которой снабжена длинной зубчатой щетинкой, способной к разнообразным и быстрым движениям[31]. Это движение часто происходит одновременно [у многих щетинок] и может быть вызвано раздражением. Насколько мне известно, этот факт стоит совершенно изолированно в [естественной] истории зоофитов (за исключением Flustra с органом, подобным голове грифа). Это указывает на существование гораздо более тесной связи между полипами, чем то склонен был допускать Ламарк. Забыл, упоминал ли я о том, что мне удалось подметить кое-что, относящееся к способу размножения у этого в высшей степени сомнительного семейства — у кораллин: я испытываю достаточно твердое убеждение в том, что если они и не являются растениями, то они и не зоофиты: у Halimeda «геммула» содержит несколько соединенных члеников, готовых прорвать свою оболочку и оказаться прикрепленными к какому-либо основанию. Я полагаю, что у всех решительно зоофитов из геммулы образуется один единственный полип, который либо

впоследствии, либо сразу же вырастает вместе с своей ячейкой или единственным члеником[32]. «Бигль» отплыл из Магелланова пролива в середине зимы; он прошел в [Тихий] океан через дикий, никем не посещаемый канал; сэр Дж. Нарборо справедливо назвал западный берег [Огненной Земли] Южным Запустением, «ибо на вид это самая пустынная страна». Крайне плохая погода загнала нас на Чилоэ. Один англичанин подарил мне три экземпляра этого очень красивого луканоидного насекомого[33], которое было описано в Cambridge Philosophical Transactions,— двух самцов и одну самку. Я полагаю, что Чилоэ сложен из лавы и современных отложений. Лавы интересны в том отношении, что изобилуют пехштейном [смоляным камнем] или, вернее, состоят из него . . . .

Мы прибыли сюда третьего дня; вид на отдаленные горы в высшей степени грандиозен, а климат восхитителен; после нашего долгого плавания в сыром и мрачном климате юга дышать чистым, сухим воздухом, ощущать несомненное тепло солнечных лучей и есть отличный свежий ростбиф — summum bonum [высшее благо] человеческой жизни. Вид горных пород нравится мне вполовину меньше, чем вид мяса,— в них слишком много этих достаточно безвкусных ингредиентов — слюды, кварца и полевого шпата . . . .

Вскоре после прибытия сюда я отправился в геологическую экскурсию и совершил очень приятную прогулку у подножия Анд. Вся страна кажется сложенной из брекчий (и я думаю — также из сланцев), которые были повсюду модифицированы, а зачастую и полностью изменены действием огня; произведенные таким путем разновидности порфира бесчисленны, но нигде еще мне не встретились породы, которые вытекали в виде потока; дайки, состоящие из грюнштейна [зеленокаменной породы], очень многочисленны. Современная вулканическая деятельность ограничена исключительно самыми центральными частями Кордильер (которые в данный момент недоступны из-за снега). К югу от Рио-Майпу я исследовал третичные равнины, которые были уже частично описаны г-ном Гэ[34]. Ископаемые раковины кажутся мне значительно более отличающимися от современных, чем в великой патагонской формации; будет интересно доказать, что в Южной Америке эоценовая и миоценовая формации (современные имеются здесь в изобилии) существуют так же, как и в Европе. Я был очень заинтересован, обнаружив в изобилии современные раковины на высоте 1300 футов; поверхность страны во многих местах усеяна раковинами, но все это литоральные формы! Так что я полагаю, что поднятие в 1300 футов должно быть результатом ряда последовательных небольших поднятий, таких, какое произошло в 1822 г. При наличии этих определенных доказательств того, что еще недавно океан покрывал все более низкие районы Чили, контуры и форма каждой долины представляют выдающийся интерес. Образовался ли этот овраг под действием текучей воды или моря? Этот вопрос часто вставал передо мной, и ответ на него я получал, когда находил на дне [оврага] пласт современных раковин. У меня нет достаточных доказательств, но я думаю, что только сравнительно небольшая доля общей высоты Анд образовалась в течение третичного периода.

Вальпараисо. Март 1835 г.

Мы стоим сейчас против Вальпараисо в условиях полного штиля, и я хочу воспользоваться возможностью, чтобы написать Вам несколько строк. Принято, наконец, решение об окончании нашего путешествия. В сентябре мы оставляем берега Америки и надеемся прибыть в Англию в этом же месяце 1836 г. . . . .
Вы уже, вероятно, слышали сообщение о страшном землетрясении 20 февраля. Я хотел бы, чтобы некоторые геологи, считающие землетрясения нашего времени незначительными, увидели, как твердые скалы растрескиваются на части. В городе не осталось ни одного дома, в котором можно было бы жить; руины напоминают мне рисунки, [изображающие] запустевшие города [Древнего] Востока. Мы находились в Вальдивии во время землетрясения и ощущали толчок очень резко. Ощущение было похоже на то, которое испытываешь при скольжении на коньках по очень тонкому льду, иначе говоря, были ощутимы отдельные колебания. Вид, который представляют Консепсион и Талькауано, представляет одно из самых интересных зрелищ, какое нам пришлось наблюдать со времени оставления Англии. С тех пор как мы отплыли из Вальпараисо, я мало что сделал во время этого рейса, если не считать геологии. В верхних третичных слоях я исследовал четыре полосы дислокаций, которые напомнили мне о смещениях меньшего масштаба в прославленном месте на острове Уайт. В одном месте имеются прекрасные примеры трех различных форм смещения. В двух случаях, думаю, я могу показать, что склон образовался вследствие наличия системы параллельных дайк, проходящих через нижележащий пласт слюды. Все побережье от Чилоэ до самой южной оконечности полуострова Трех гор сложено из более поздних горных пород; оно пронизано многочисленными дайками, минералогический состав которых окажется, как я подозреваю, очень интересным. Я исследовал одну огромную поперечную гранитную цепь, которая явно прорвалась сквозь вышележащий пласт сланца. На полуострове Трех гор находился древний вулканический очаг, который соответствует другому очагу — в северной части Чилоэ. Мне доставило большое удовольствие то обстоятельство, что на Чилоэ я нашел мощный слой современных раковин — устриц и др., который лежит поверх третичной равнины и на котором растут большие лесные деревья. Я могу теперь доказать, что оба склона Анд поднялись до значительной высоты в нынешний геологический период. Раковины лежат здесь на высоте 350 футов над уровнем моря. В области зоологии я сделал очень мало; исключение составляет большая коллекция мелких двукрылых и перепончатокрылых с острова Чилоэ. В течение одного дня я поймал Pselaphus, Anaspis, Latridius, Leiodes, Cercyon и Elmis [35], а также двух красивых настоящих жужелиц,— я мог бы почти вообразить себе, что я коллекционирую в Англии. Новый красивый род голожаберных моллюсков, неспособный к ползанию по ровной поверхности, и какой-то род из семейства Balanidae, не имеющий настоящего домика, но живущий в маленьких углублениях на раковинах Concholepas,— вот почти единственные две новинки [36].

Вальпараисо. 18 апреля 1835 г.

Только что я вернулся из Мендосы, перейдя через Кордильеры по двум [горным] перевалам. Путешествие это многое добавило к моему знакомству с геологией этой страны. . . . . Я дам очень краткий очерк строения этих огромных гор. Согласно описаниям путешественников, Кордильеры в районе перевала Портильо (это более южный перевал) состоят из двух цепей почти одинаковой высоты, разделенных значительным промежутком. Так оно именно и есть, и такое же точно строение продолжается к северу до Успальяты [Аконкагуа]. Небольшая высота восточной цепи (здесь она не превышает шести или семи тысяч футов) позволяет почти обозреть ее сверху. Начну с западной, главной цепи, [в тех местах], где разрезы ее лучше видны; мы имеем [здесь] гигантскую массу порфиритового конгломерата, который покоится на граните. Эта последняя порода образует, по-видимому, ядро всей массы, и ее можно видеть в глубоких боковых долинах инъецированной посреди лежащих поверх нее слоев, которые смещены и перевернуты ею самым необычайным образом. На обнаженных склонах гор видны извилистые дайки и клинья разнообразно окрашенных пород, проходящие во всевозможных формах и очертаниях через те самые формации, которые, пересекаясь друг с другом, свидетельствуют о [происходившем здесь] последовательном ряде потрясений. Во всех горах превосходно выражена слоистость, заметная — благодаря разнообразной окраске слоев — с больших расстояний. Я не могу вообразить себе какую-либо часть света, которая представила бы более необычайную картину разлома коры земного шара, чем эти центральные вершины Анд. Смещение происходило по большому числу северных и южных (приблизительно) линий [37], что в большинстве случаев привело к образованию стольких же антиклинальных и синклинальных долин. Пласты на высочайших вершинах почти повсюду наклонены под углом от 70° до 80°. Не могу передать Вам, какое огромное удовольствие доставили мне некоторые из этих пейзажей; стоит разок приехать из Англии, чтобы испытать столь высокое наслаждение. На высоте от десяти до двенадцати тысяч футов воздух как-то особенно прозрачен, представление о расстояниях спутывается, а какая-то особая тишина создает ощущение пребывания в ином мире; и когда к этому присоединяется столь отчетливо нарисованная картина великих эпох с их потрясениями, то все это создает в уме в высшей степени странное сочетание мыслей. Формация, которую я называю порфиритовыми конгломератами, наиболее значительная и наиболее развитая в Чили. На основании большого числа разрезов я считаю, что она представляет собой настоящий грубый конгломерат или брекчию, которая шаг за шагом, через ряд градаций, переходит в тонкий глинисто-каменный порфир; голыши и цемент становятся порфиритовыми, пока, наконец, все не сливается в единую компактную породу. Эта горная цепь в высшей степени изобилует порфирами, и я убежден, что по крайней мере четыре пятых из них образовалось таким образом из осадочных пластов in situ [на месте]. Имеются также порфиры, которые были инъецированы снизу [в пространства] среди пластов, и другие, изверженные, которые текли в виде потоков: я мог бы показать образцы этой породы, образовавшиеся этими тремя способами, но которые невозможно отли-

чить друг от друга. Весьма ошибочно думать, будто бы Кордильеры (в этих местах) сложены исключительно из пород, которые вытекали в виде потоков. В этой горной цепи я нигде не видел ни одного обломка, о котором я мог бы подумать, что он образовался таким образом, хотя дорога проходит на небольшом расстоянии от действующих вулканов. Порфиры, конгломераты, песчаник, кварцевый песчаник [quartzone-sandstone] и известняки сменяют друг друга и много раз переходят один в другой (лежа поверх глинистого сланца, если только они не разбиты прошедшим сквозь них гранитом). В верхних частях песчаник начинает чередоваться с гипсом, пока, наконец, мы не обнаруживаем, что это вещество достигло громадной мощности. Я склонен думать, что эта формация в некоторых местах (она сильно варьирует) достигает почти двух тысяч футов в толщину. Часто она встречается вместе с зеленым (эпидот?) кремниевым песчаником и белоснежным мрамором и, благодаря содержащимся в ней большим конкрециям кристаллического мрамора черновато-серого цвета, походит на такую же формацию, найденную в Альпах. Верхние пласты, образующие некоторые из более высоких пиков, состоят из слоев белоснежного гипса и красного плотного песчаника, имеющих толщину от листа бумаги до нескольких футов и бесконечно чередующихся. Окрашенная в разные цвета, порода имеет в высшей степени любопытный вид. На перевале Пеукенес я нашел в этой формации, там, где черная порода (похожая на глинистый сланец без большого числа пластинок) и беловатый известняк заместили красный песчаник, многочисленные отпечатки раковин. Высота, должно быть, была между двенадцатью и тринадцатью тысячами футов. Чаще всего встречаются раковины, принадлежащие, как я полагаю, Gryphaea. Имеются здесь также какая-то Ostrea, Turritella, аммониты, маленькая двустворчатка, Terebratula (?) [38]. Может быть, кто-нибудь из знающих конхиологов сумеет догадаться, [с органическими остатками] какого из больших [геологических] отделов Европейского материка эти органические остатки имеют наибольшее сходство. Они чрезвычайно сильно разрушены и весьма немногочисленны. Время года было позднее и положение становилось особенно опасным из-за снежных бурь. Я не смел задерживаться, а между тем, какой богатый [научный] урожай я мог бы собрать! Все это о западной цепи. В проходе Портильо, продвигаясь на восток, я встретился с громадной массой конгломерата, падающего в западном направлении под углом в 45°; он покоится на слюдистом песчанике и пр., смещенным, преобразованным в кварцевую породу, пронизанным дайками и [состоящим] из очень большой массы *протогена* (большие кристаллы кварца, красный полевой шпат и небольшое количество хлорита). И вот, этот конгломерат, который покоится на протогене и падает под углом в 45°, состоит все из тех же своеобразных пород, что и первая, описанная выше горная цепь, [а именно] из *голышей* черной горной породы с раковинами, зеленого песчаника и пр. и пр. Отсюда ясно также, что смещение (а по крайней мере отчасти и отложение) громадной восточной цепи произошло полностью после западной. К северу, на перевале Успальята, мы также встретились с фактом того же порядка. Запомните это, так как это поможет Вам поверить в нижеследующее. Я указывал уже, что хребет Успальята, хотя имеет в высоту всего лишь шесть или семь тысяч футов, геологически является продолжением великой восточной цепи. Он

имеет свое гранитное ядро, состоящее из огромных слоев различных кристаллических пород, которые — я нисколько не сомневаюсь в этом — представляют собою излившиеся под водою лавы, чередующиеся с песчаником, конгломератами и белыми алюминиевыми слоями (подобными разрушившемуся полевому шпату) и со многими другими любопытными разновидностями осадочных отложений. Эти лавы и песчаники чередуются друг с другом очень много раз и вполне друг другу соответствуют. Тщательно исследуя их в течение двух дней, я по крайней мере пятьдесят раз говорил самому себе: как точно похожи эти слои — разве что они немного тверже — на соответственные слои верхних третичных формаций Патагонии, Чилоэ и Консепсиона, но возможность их полной идентичности даже и не приходила мне в голову. Но в конце концов этому заключению невозможно было противостоять. Я не мог ожидать нахождения раковин, ибо они никогда не встречаются в этой формации, но лигнит или углистый глинистый сланец должны были, вероятно, встретиться. Уже до того я был крайне смущен, встретившись в песчанике с тонкими слоями (от нескольких дюймов до нескольких футов в толщину) брекчиевидного пехштейна [смоляного камня]. Окремнелое дерево (особенно характерное для этой формации) все еще отсутствовало, но убеждение в том, что я нахожусь на третичных пластах, было в это время столь сильно во мне, что на третий день, находясь среди лав и скоплений гранита, я приступил к видимо безнадежной погоне за окремнелым деревом. И с каким же, думаете Вы, успехом? На одном откосе компактного зеленоватого песчаника я нашел небольшой лес окаменелых деревьев в вертикальном положении, или, вернее, пласты были наклонены примерно на 20° или 30° в одну сторону, а деревья — на 70° в противоположную, иными словами — деревья до того, как они наклонились, стояли совершенно вертикально. Песчаник состоит из большого числа горизонтальных слоев и носит следы концентрических линий коры (у меня есть образец). Одиннадцать деревьев окремнели нацело; они схожи с теми двудольными деревьями, которые я обнаружил на Чилоэ и в Консепсионе [39]; о других — числом от тридцати до тридцати четырех — я могу утверждать, что это были деревья, только на основании их формы и положения, аналогичных [предыдущим]; они представляют собой белоснежные колонны (вроде жены Лота), состоящие из грубо кристаллизованного углекислого кальция. Самая большая из колонн [стволов] имеет семь футов [в поперечнике]. Все они расположены близко друг к другу, в пределах ста ярдов, и приблизительно на одном уровне; больше нигде мне не удалось найти ни одного [такого дерева]. Не может быть никакого сомнения в том, что слои тонкого песчаника спокойно отлагались между деревьями этой группы [в то время], когда они были укреплены [в почве] при помощи своих корней. Песчаник покоится на лаве и покрыт мощным пластом — толщиною, по-видимому, около одной тысячи футов — черной авгитовой лавы, над которой расположено пять крупных чередований подобных же пород и водных осадочных отложений; общая толщина всех их достигает нескольких тысяч футов. Меня очень пугает одно заключение, которое я могу вывести из этого факта, а именно, что здесь должно было некогда произойти понижение поверхности страны в таком размере. Если, однако, пренебречь этим соображением, то самый факт послужил бы в высшей степени удовлетворительной поддержкой для

моего предположения относительно третичного возраста восточной цепи. (Говоря о третичном возрасте, я имею в виду, что раковины этого периода были близко родственны, а отчасти идентичны с раковинами, погребенными ныне в самых нижних пластах Патагонии). Значительная часть доказательства основывается просто на моем ipse dixit [т. е. на простом утверждении] относительно минералогического сходства с теми пластами, возраст которых известен. Согласно этой точке зрения гранит, который образует пики высотою, вероятно, в четырнадцать тысяч футов, излился в третичном периоде; под действием его жара пласты того периода подверглись изменению и были пронизаны дайками во множестве; теперь эти пласты наклонены под большими углами и образуют правильные или запутанные антиклинали. Чтобы дойти до высшей точки, [скажу, что] эти самые осадочные пласты и лавы пронизаны огромным числом настоящих металлических жил из железа, меди, мышьяка [мышьяковых руд?], серебра и золота, и эти жилы могут быть прослежены вплоть до гранита, лежащего в основании. Непосредственно около группы окремнелых деревьев разрабатывали золотой рудник. Когда Вы ознакомитесь с моими образцами, [чертежами] разрезов и отчетом, Вы увидите, что это довольно сильное, хотя и построенное на догадках обоснование приведенных выше фактов. Они представляются мне очень важными, так как по своему строению и размерам эта горная цепь выдержит сравнение с любой другой горной цепью мира; и несомненно замечательно, что все это должно было произойти в столь недавний [геологический] период. Сам я совершенно убежден в этом. Как бы то ни было, я могу самым добросовестным образом сказать, что никакое предвзятое предположение не повлияло на мое суждение. Я действительно наблюдал факты так, как они мною описаны.

. . . .

На некоторых более крупных участках вечного снега я обнаружил знаменитый красный снег арктических областей. Я посылаю с этим письмом [записи] моих наблюдений и кусочек бумаги, на котором я попытался высушить несколько образцов [красного снега] [40]. . . . .
Я посылаю также маленькую бутылку с двумя ящерицами; одна из них живородящая, как Вы увидите из сопроводительной заметки. Г-н Гэ, французский натуралист, уже опубликовал в одной из местных газет аналогичное сообщение и, вероятно, послал в Париж более подробный отчет *. . . . .

* Нижеследующее представляет собою извлечение из газеты, на которое ссылается м-р Дарвин:

«Помимо этих работ, я занимался в течение периода больших дождей анатомированием различных рептилий. Представляется интересным выяснить влияние климата Вальдивии на животных этого семейства. У большей части тех, которых я имел возможность подвергнуть вскрытию, я встретился с совершенно исключительным фактом — они были живородящими. Не только неядовитая змея, водящаяся в Вальдивии, привлекла мое внимание наличием у нее этого необычайного явления, но также и великолепный новый вид игуаны, который очень близок к Liposoma Спикса и который за свою превосходную окраску был назван Спиксом *Chrysosaurus*. Все виды, даже те, которые в Сант-Яго являются яйцекладущими, здесь рождают сразу живых детенышей; то же самое происходит у некоторых лягушек, особенно в роде, близком к Rhinella Фитцингена,— кожа многочисленных видов этого рода красиво испещрена зелеными, желтыми и черными пятнами. Не приходится особо подчеркивать важность этого последнего примера для сравнительной анатомии, важность, которая кажется мне еще

В ящике находятся две сумки с семенами; на одной из них этикетка: «Долины Кордильер на высоте от пяти до десяти тысяч футов», почва и климат необычайно сухие, почвы [как] рыхлые, [так] и плотные, крайние степени температуры; на другой: «Главным образом из сухой песчаной траверсии [пустыни] в районе Мендосы, высота приблизительно три тысячи футов». Если некоторые из кустов будут слабо развиваться, попытайтесь слегка опрыснуть их солью и селитрой,— равнина солончаковая. . . . .

В Мендосской сумке имеются семена или ягоды растения, которое, кажется, представляет собою мелкий вид картофеля с беловатым цветком. Они растут на расстоянии многих лиг [дальше] даже тех мест, где никогда не могли существовать поселения людей из-за отсутствия воды. Среди гербарных растений с острова Чонос Вы найдете красивый экземпляр дикого картофеля, произрастающего в климате, совершенно противоположном [климату, только что описанному], и бесспорно являющегося настоящим диким картофелем. Это, несомненно, вид, отличный от произрастающего в нижних Кордильерах [42].

большей, когда, анализируя еще не проделавшего трансформацию головастика, я убеждаюсь, что природа не изменила своего плана организации. У этих головастиков, как и у тех, которые живут [развиваются?] в воде, длина кишечника совершенно непропорциональна размерам тела; но если такая длина необходима для последних, поскольку они питаются растительными веществами, она, вообще говоря, бесполезна для тех, которые проделывают свой метаморфоз в утробе матери; и таким образом, природа следовала пути, предписанному ей единообразием строения, и, не отклоняясь от него, допустила простое исключение, подлинный гиатус [пробел в ходе развития], вполне достойный внимания философствующего натуралиста» [41].

[ДВЕ КАРАНДАШНЫЕ ЗАМЕТКИ] [1]

[1]

С работой покончено,

если *не* жениться; путешествовать? Европа — так ли? Америка????
Если путешествовать, то, очевидно, исключительно с геологическими целями — Соединенные штаты — Мексика.

В зависимости от здоровья и выносливости и [от того], насколько я овладею зоологией, если не путешествовать, работа над переходом [transmission] [одних] видов [в другие] — микроскоп[ические наблюдения] — простейшие формы жизни — Геология? Древнейшие формации?? — Некоторые эксперименты — физиологические наблюдения над низшими животными.

(В) Жить в Лондоне — ибо где же еще возможно? — В маленьком доме поблизости от Риджентс-Парка — иметь лошадей — экскурсировать летом [и] собирать некоторые зоологические образцы; обдумывать [вопросы] географического распределения [организмов] и [написать] работы, обобщающие [мои] геологические [материалы]; заниматься систематикой и изучать сродство [организмов].

С работой покончено,

если жениться: средства ограниченные — [следовательно] чувствовать себя обязанным работать из-за денег. Жизнь в Лондоне: ничего кроме общества — ни деревенской жизни, ни путешествий, ни обширного коллекционирования зоологических [объектов], ни [приобретения] книг.— Профессура в Кембридже — либо по геологии, либо по зоологии — и отказ от всех упомянутых выше потребностей.— Я не мог бы как следует систематизировать зоологические [материалы]. Но [это] лучше, чем спячка в деревне; но в любой ли? [Да] лучше даже, чем деревенский дом под Лондоном, [ибо] я не мог бы безболезненно примириться с жизнью в деревенском доме и ничего не делать. [Но] мог ли бы я жить в Лондоне подобно тюремному узнику? Если бы я был умеренно богат, я жил бы в Лондоне достаточно большим домом и поступал бы как [указано] в (В) — но мог ли бы я действовать таким образом, имея детей и будучи бедным? Нет.— Тогда жить в деревне под Лондоном лучше, но — большие помехи для научной работы и бедность.
Тогда — Кембридж; лучше, но если не стать профессором, [то уподобиться] рыбе вне воды, и бедность. В таком случае —

профессура в Кембридже, и использовать ее наилучшим образом: исполнять свои служебные обязанности и [вести научную] работу в свободное время. Мой удел быть кембриджским профессором или бедняком — окраина Лондона, [дом около] какого-нибудь маленького сквера и пр.— и работать настолько хорошо, насколько я в состоянии.

Мне доставляет такое большое удовольствие непосредственое наблюдение, что я не мог бы, как [это] делает Ляйелл, подправлять и пополнять новыми данными уже достигнутое ранее, и я не представляю себе, какой линии может держаться человек, прикованный к Лондону. В деревне — эксперименты и наблюдения над низшими животными,— больше простора.

[2]

Вот в чем вопрос

Жениться

Дети (если даст бог) — постоянный спутник (друг в старости), который будет испытывать общие с тобой интересы, иметь совместные удовольствия и будет объектом твоей любви — во всяком случае, лучше, чем собака.— Семья и кто-то, заботящийся о доме.— Удовольствия, доставляемые музыкой и женской болтовней. Все это хорошо для здоровья. Буду вынужден делать визиты и принимать родственников. *Но ужасная потеря времени.*

Бог мой, невыносимо думать, что всю жизнь проведешь подобно бесполой пчеле, работая, работая, и в конце концов ничего.— Нет, нет, это не годится.

Вообразить себе жизнь в одиночестве день за днем в прокоптелом, грязном лондонском доме.— [И] только представить себе: милая,

Не жениться

Ни детей (ни повторения себя в потомстве), никого, кто позаботился бы о тебе в старости.— Что за польза от работы без сочувствия со стороны близких и дорогих друзей?— Кто, если не родные, самые близкие и дорогие друзья для старика?

[Но зато возможность] свободно ходить, куда захочется, выбирать себе общество и [притом] *малочисленное*. Беседовать с умными людьми в клубах.

Не буду вынужден посещать родственников и подчиняться всяким мелочам, [буду свободен от] бремени расходов и забот о детях — быть может, [и от] ссор.

[Если жениться] *потеря времени* — не смогу читать по вечерам — ожирение и безделье — заботы и ответственность — мало денег на книги и пр.— если много

нежная жена на диване, огонь в камине, и книги, и, быть может, музыка — [и] сравнить это видение с тусклой реальностью [дома на] Грейт-Марлборо-стрит. Жениться, жениться, жениться.

Q. E. D. *

детей, быть вынужденным зарабатывать на хлеб. (Ведь очень вредно для здоровья работать слишком много).

Быть может, моя жена не будет любить Лондон; тогда [я буду] осужден на ссылку [в деревню] и на деградацию [с превращением] в ленивого, праздного дурака.

[На оборотной стороне страницы:]

[Итак], доказано, что необходимо жениться. Когда же — тотчас же или позже? Отец говорит — поскорее, иначе плохо, если иметь детей, [и кроме того], у одного [человека] характер более уступчивый, у другого чувства более живые, и если не жениться немедленно, можешь упустить много хорошего, чистого счастья.

Но тогда, если я женюсь завтра, возникло бы бесконечное множество хлопот и расходов на приобретение и оборудование дома,— споры из-за отсутствия общества — утренние визиты — неловкость — ежедневная потеря времени — (разве что твоя жена окажется ангелом и будет побуждать тебя прилежно заниматься).— Затем, как я смогу управляться со всеми моими делами, если я буду вынужден ежедневно гулять с женой?— Увы! Я никогда не изучу французского языка — и не побываю на континенте [т. е. в Европе] — и не поеду в Америку — и не подымусь на воздушном шаре — и не предприму одинокой прогулки по Уэльсу,— бедный раб, тебе будет хуже, чем негру.— И затем, ужасная бедность (разве что твоя жена будет добрее ангела и будет обладать деньгами).— Пустяки, мой мальчик! Не унывай! Невозможно вести жизнь в одиночестве, с болезненной старостью [впереди], без друзей, без участия, без детей, смотрящих тебе прямо в лицо, на котором уже появляются морщины. Не унывай, уповай на случай — пристально посмотри вокруг себя — есть много счастливых рабов...

* [Лат. Quod erat demonstrandum (Что и требовалось доказать)].

Ч. ДАРВИН

[ПЕРВАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА О ТРАНСМУТАЦИИ ВИДОВ][1]

Все полезные страницы вырезал
7 декабря /1856 г./
(и вновь просмотрел 21 апреля 1873 г.)[2]

⟨Стр. 26, 30, 41, 46, 50, 54, 66, 67, 69, 76, 79, 91, 93, 107-Ирландия, 113, 117⟩[3].

Эта [Записная] книжка была начата приблизительно в июле 1837 г.; стр. 235 была написана в январе 1838 г. [стр. 1]; закончена, быть может, в начале февраля[4].

ЗООНОМИЯ[5]

Два типа образования потомства: одновозрастный тип — все особи абсолютно одинаковы; например, плодовые деревья, вероятно — полипы, размножение почками, деление надвое у планарий, и т. д. и т. д.[6]

Обычный тип, представляющий собою более длительный процесс, так как новая особь проходит через несколько стадий (типичное или сокращенное повторение того [пути], который проделала первичная молекула?).— В этом, по-видимому, проявляется [стр. 2] высшая функция организации (особенно у низших животных, где психика, а следовательно — отношение к чужой жизни, еще не начала действовать),— доказательства см. в «Зоономии»[7]; [это] не действительно в отношении гибридов, где все остальное совершенно. Мать рождена, по-видимому, только для продолжения рода; однолетники превратились в многолетники; и т. д. и т. д.— Однако ни евнухи, ни кастрированные жеребцы, ни рабочие пчелы не живут дольше.

Вот почему жизнь коротка, вот почему такую высокую цель представляет образование потомства.

Мы *знаем,* что мир подвержен циклу изменений температуры и всех других условий, которые [стр. 3] воздействуют на живые существа.

Мы видим, ⟨что живые существа⟩, что молодь живых существ неизменно становится измененной, т. е. подвержена варьированию, в соответствии с условиями: семена растений при посеве в плодородную почву производят много форм, между тем как новые особи, произведенные почками, константны [т. е. повторяют своего родителя]; отсюда мы видим, что образование потомства является здесь [в случае размножения семенами], по-видимому, средством изменения или приспособления.— Кроме

«Первая записная книжка о трансмутации видов».

Титульная страница и страницы 1—3 (3/4 ориг. вел.)

того, мы ⟨полагаем⟩ знаем, что в процессе образования потомства даже разум и инстинкт подвергаются воздействию [условий среды].

[Стр. 4] Дитя дикаря — не цивилизованный человек.— Птицы, ставшие пугливыми, на протяжении [нескольких] поколений также приобретают представления. См. «Зоономию» [8].

В отношении *вполне зрелой* особи с фиксированной организацией может существовать неизвестная [нам] трудность для изменения таким путем,— поэтому-то [и существует] образование потомства, [которое служит] для того, чтобы приспособлять или изменять расу по отношению к *изменяющемуся* миру.

С другой стороны, образование потомства уничтожает последствия случайных повреждений, которые сохранялись бы навеки, если бы животные жили вечно [стр. 5] (понятно, при нашей нынешней системе тела и вселенной.— Следовательно, [в этом] конечная цель жизни) [9].

При этой тенденции к варьированию путем образования потомства, почему виды все константны на протяжении целой страны? Превосходный закон смешанных браков, ⟨отделяющих⟩ сочетающих признаки обоих родителей и затем [умножающих их] число до бесконечности.

У человека, как [стр. 6] говорят, существует инстинкт, по которому противоположности испытывают влечение друг к другу.

Египетские кошки и собаки [и] ибисы — те же, что и в древности, но отделите какую-нибудь пару и поместите ее на новом острове,— весьма сомнительно, останутся ли они неизменными; не говорят ли, что близкородственные браки *ухудшают* расу т. е. изменяют ее форму в каком-то направлении, что является благодетельным для человека [10].

[Стр. 7] Пусть какая-нибудь пара была ввезена [в новое для нее место обитания], но возрастала в числе медленно из-за большого числа врагов вследствие чего [потомки] часто вступали в близкородственные браки,— кто решится сказать, каков будет результат?

Согласно этой точке зрения, животные па изолированных [друг от друга] островах должны стать различными, если достаточно долго содержать их раздельно в слегка различных условиях. Таковы, например, галапагосские черепахи [и] пересмешники, фолклендская лисица, лисица с острова Чилоэ.— Английский и ирландский зайцы.

[Стр. 8] Так как мы полагаем, таким образом, что виды варьируют, то при переходе из одного климата в другой мы должны встретить замещающие друг друга виды; это и происходит в весьма большом приближении в Южной Америке. Но так как они переходят друг в друга [inosculate], мы должны предположить, что изменение было достигнуто сразу,— получилось нечто вроде разновидности; в этом случае, видимо, не каждая ступень [стр. 9] осуществляется?

⟨Допуская⟩ Согласно Ламарку, виды исчезают по мере того, как коллекция становится [все более] полной,— [это в наше время] вернее даже, чем во времена Ламарка [11]. По замечанию Грея, наилучше изученные виды (как некоторые обычные наземные моллюски) наиболее трудно отделить [друг от друга] [12].

[Различие в] любом признаке продолжает исчезать [13] — кости, инстинкт и пр. и пр.

[Стр. 10] Неплодовитость гибридов и пр. и пр.

⟨Допуская, что все⟩. Если вид ⟨(*a*)⟩ (1) может быть выведен из

формы (2) и т. д., то (вспоминая доводы Ляйелля относительно переноса [организмов] ⟨континенты⟩ остров, [расположенный] поблизости от континентов, может иметь некоторое число тех же видов, что и ближайшая суша, и эти виды являются недавними пришельцами, [стр. 11] другие же, древние (из коих ни один вид того же рода не прибыл [сюда] в промежуточное время), могли измениться. Отсюда, тип [их] будет континентальным, хотя виды все иные.

Два примера: Галапагосские острова и остров Хуан-Фернандес.

Когда существовал материк Тихого океана, должны были дуть муссоны [?]. Когда они прекратились, приостановилась иммиграция и [стр. 12] начались изменения; либо существовала промежуточная суша, либо они являются представителями какой-то давно отделившейся обширной страны.

Согласно этому представлению о последовательном образовании видов, мы можем видеть, почему какая-либо форма специфична для континентов: все [виды одного рода] — потомки одного предка. Почему мегатерии — несколько [стр. 13] видов [их] — [встречаются] в Южной Америке? потому же, что и два [вида] страусов в Южной Америке?

Это — ответ Декандолю (его довод применим только к гибридам). Так как обычно роды специфичны для одной и той же страны, то разные роды — разные страны [14].

[Стр. 14] Последовательное образование потомства объясняет, почему современные животные [принадлежат] к тому же типу, что и вымершие, это почти доказанный закон.

Мы можем видеть, почему строение является общим в определенных странах, хотя мы с трудом можем представить себе необходимость [этого]; но если это было необходимо для какого-то предка, то результат должен быть именно таким, каков он есть. Отсюда, антилопы на Мысе Доброй Надежды и [стр. 15] сумчатые в Австралии.

Применимо ли это ко всему органическому царству [с того времемени], когда наша планета впервые охладилась?

Страны, наиболее давно разделенные, [характеризуются] наибольшими различиями; если они отделились друг от друга вследствие погружения [в море промежуточной суши], то возможно [образование] двух различных типов, но каждый со своими замещающими [друг друга формами], как в Австралии.

Это заключает в себе допущение [того, что было] время, когда не существовало никаких млекопитающих; Австралия; млекопитающие образовались путем последовательного размножения из [какого-то] отличного от них ряда [set] [животных], как и все остальное в мире.

[Стр. 16] Эта точка зрения предполагает, что на протяжении веков и, следовательно, [ряда] изменений [условий среды] каждое животное имеет тенденцию изменяться.

В силу этого затруднение с доказательством [в отношении] кошек и других [животных] из Египта не является возражением, так как времени прошло мало и не произошло никаких значительных изменений [в условиях среды].

Я считаю [наличие] двух [видов] страусов [в Южной Америке] серьезным доказательством возможности такого [стр. 17] изменения: изменения, какие мы видим в пространстве, могли происходить и во времени.

Как я уже сказал выше, *изолируйте* виды ⟨и предоставьте даже незначительное изменение⟩, особенно — при некотором изменении [в условиях среды], [и] они, вероятно, [будут] варьировать быстрее.

Неизвестные причины изменения. Вулканический остров.— Электричество.

[Стр. 18] Каждый вид изменяется. Он должен прогрессировать.

Человек улучшает [свои] представления.

Простейшее не может избежать того, чтобы не стать более сложным, и если мы обратимся к первичному происхождению, то должно было [иметь место] прогрессивное развитие.

Если мы предположим, что монады образуются постоянно, то не должны ли они быть довольно сходными повсюду на Земле в [стр. 19] сходных климатах, а в [какую-либо] прошлую эпоху — в той мере, в какой мир был единообразным? Что [думает] об этом Эренберг? [15]

Каждое последующее животное ветвится вверх, [ведя к образованию] различных типов организации, [или] совершенствуясь, как говорит Оуэн: самое простое развивается и [становится] самым совершенным, а другие время от времени вымирают; например, Terebratula вторичного периода могла [стр. 20] последовательно произвести современных Terebratula, но Megatherium [не произвел] ничего [16].

Мы можем рассматривать мегатерия, броненосцев и ленивцев как общих потомков какого-то еще более древнего типа. Некоторые из ветвей вымерли.

При наличии этой тенденции к изменению (и к умножению [числа форм] при изоляции) требуется гибель [некоторых] видов, чтобы сохранить число [стр. 21] форм уравновешенным. Но если есть какое-либо основание для предположения, что число форм [должно быть] уравновешенным, то это является следствием [образования] подразделений и [известной] суммы различий, так что формы должны быть примерно одинаково многочисленны.

Изменения не представляют собою результата воли животного, но [являются следствием] закона приспособления, в той же мере как кислота и щелочь.

Организованные существа представляют собою древо, *нерегулярно ветвящееся;* некоторые ветви разветвлены гораздо более [других],— отсюда роды. Отмирает столько же конечных почек, сколько порождается новых.

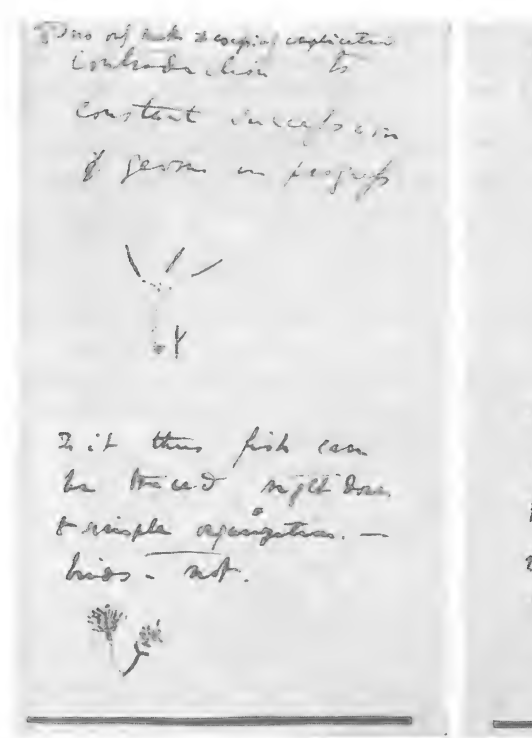
[Стр. 22] В смерти видов нет ничего более удивительного, чем [в смерти] отдельных особей.

Если мы допустим, что монады определенно существуют [17], то, как мы мо́жем в таком случае предположить, их сотворение зависит от определенных законов; тогда те, которые — вследствие случайности [своего] положения — изменились больше всего, должны были в каждом состоянии своего существования обладать самой короткой продолжительностью [стр. 23] жизни. Отсюда, непродолжительность жизни млекопитающих.

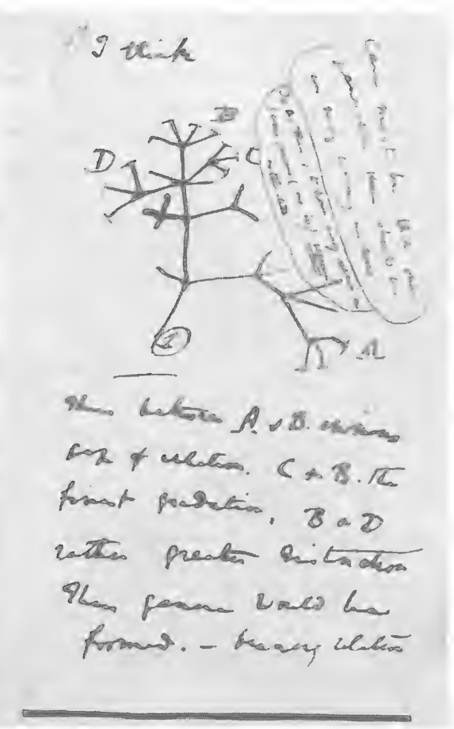
Не должно ли иметь место тройное ветвление древа жизни, обусловленное тремя стихиями — воздухом, сушей и водой? А стремление каждого типичного класса распространить область своего [обитания] в [пределы] других областей и подразделений в ⟨шесть⟩ три раза удваивает классификацию,— [стр. 24] если каждый главный ствол древа жизни

приспособлен к одной из этих трех стихий, то пункты родства будут иметься определенно в каждой ветви.

Как только какой-либо вид однажды образовался в результате обособления или изменения части страны, отвращение к близко-родственным бракам ⟨усиливает⟩ стабилизует его.



«Первая записная книжка о трансмутации видов».
(Стр. 26 ориг. рукописи)



«Первая записная книжка о трансмутации видов».
(Стр. 36 ориг. рукописи)

[Стр. 25] ? Нам нет необходимости думать, что рыбы и пингвины действительно превращаются друг в друга.

Древо жизни, быть может, следовало бы назвать кораллом жизни: основания ветвей отмерли, вследствие чего переходы невозможно обнаружить. Этим вместе с тем предполагается, [стр. 26], что ни [одна из ветвей] не делает его [древо] чрезмерно сложным. Противоречие неизменной последовательности родов, [проявляющейся] в [их] прогрессивном развитии.

Значит ли это, что таким путем рыбы могут быть прослежены прямо вниз [вплоть] до [исходной] простой организации? — Птицы — нет.

[Стр. 27] В соответствии с кратковременностью жизни видов мы можем представить себе, что по мере совершенствования основания ветвей отмирают, так что в древе млекопитающих они будут выглядеть всего лишь как кружки, и [также] у насекомых среди членистоногих, но

у низших классов они, быть может, будут скорее иметь линейное расположение.

[Стр. 28] Каким образом в каждом роде появляются аберрантные виды (с хорошо охарактеризованными частями, свойственными каждому из них), приближающиеся друг к другу?

⟨Буревестники разделились на множество видов, также и гагарки,— имеется особое обстоятельство, к которому...⟩

Является ли это указателем того пункта, от которого два благоприятствуемых пункта организации начали разветвляться?

[Стр. 29] ⟨Так как все виды некоторых родов вымерли, [то] имели ли все они одну и ту же определенную [длительность] жизни, зависящую от [длительности жизни] рода? [а если один] род [зависит в этом отношении] от другого, [то] весь класс должен был, следовательно, вымереть.⟩ [Стр. 30] ⟨Относительно острова, который находится по соседству с материком и на котором одни виды вымерли, а другие виды имеют «воздух» и место, можно ли сказать, что последние были созданы там?⟩

[Стр. 31] Не являются ли все наши британские землеройки видами, отличными от континентальных? Просмотреть Белла и Л. Дженинса [18].

Фолклендский кролик представляет, быть может, пример одомашненных животных, испытавших изменение, которое фр[анцузские?] натуралисты рассматривают, как [самостоятельный] вид.

⟨О. Вознесения⟩ Проштудировать «Voyage of Coquille» Лессона [19].

[Стр. 32] Д-р Смит [20] говорит, что, как он уверен, на Мысе Доброй Надежды при скрещивании белых с готтентотами или неграми дети не рождаются с промежуточными признаками. Первые дети больше похожи на мать, позднейшие — на отца; не вызывается ли это тем, что каждая копуляция оказывает свое действие, подобно тому как щенята представляются менее чистопородными вследствие того, что сука ⟨сначала⟩ рождала [прежде] ублюдков. Так, ему довелось видеть, что двое первых детей получили черную кровь от деда, хотя мать была почти совершенно белой).

Как обстоит с этим в Вест-Индии? Гумбольдт, Новая Испания [21].

[Стр. 33] Д-р Смит всегда настаивает на том, что каждый вид имеет свое особое место [происхождения], т. е. [свою] родину; он верит, что у [различных] видов в диком состоянии [существует] отвращение к скрещиванию [друг с другом].

Несомненно (С. D. [?] [22], дикие люди неохотно скрещиваются,— отчетливое различие племен на Огненной Земле. Наличие более светлокожих племен в центральной части Южной Америки доказывает это.— Имеется ли у растительных гибридов тенденция возвращаться к исходным формам? Если да, то и человек и растения подтверждали бы изложенный выше закон: никто не может сомневаться в том, что менее значительные различия смешиваются [стр. 34] при перекрестных браках; значит, [различия между] черными и белыми зашли настолько далеко, что [эти] виды (ибо они определенно являются видами для любого повседневного языка) будут удерживать свой тип; у животных, которые столь же отдалились друг от друга и у которых инстинкт замещает разум, [ту же роль выполняет], вероятно, отвращение, и для осуществления брака [здесь] потребовалось бы искусство.— Как заметил д-р Смит, человек и дикие животные поставлены в этом отношении в различные условия.

[Стр. 35]. Связана ли кратковременность жизни *видов* в определенных отрядах с пробелами в *рядах родства?* Если начинать с одной и той же эпохи, то несомненно. Окончательное прекращение существования какой-либо формы, если учесть [данные] Южной Америки (*независимо от внешних причин),* кажется весьма вероятным.

Mem.[23]: лошадь, лама и пр. и пр.

Если мы ⟨предположим⟩ допустим, что сходство животных одной какой-либо страны обусловлено происхождением [их] от одной и той же ветви и что monucle имеет жизнь определенной длительности, то все [должны] умереть в один и тот же период, что не соответствует действительности: жизнь monucule не имеет определенной длительности [24].

[Стр. 36]. Я думаю [что схема родословного древа должна иметь такой вид — см. фотографию чертежа Дарвина (рис. на стр. 95)].

Таким образом, между *A* и *B* — огромный интервал в родстве, между *C* и *B* — самый близкий постепенный переход, между *B* и *D* — несколько большее различие. Следовательно роды должны были формироваться при сохранении связи [стр. 37] с древними типами [и] при [наличии] некоторого [числа] вымерших форм, ибо если каждый вид столь древен, как (1), то он способен произвести 13 современных форм. Двенадцать современников не должны были вообще оставить потомства, и таким образом число видов сохранилось неизменным.

[На стр. 36 справа от чертежа добавлено:] Дело, вероятно, обстоит так, что одно поколение должно иметь столько же продолжающих существовать, как и сейчас. Чтобы достигнуть этого и иметь много видов в одном и том же роде (как это и есть), требуется вымирание.

Что касается вымирания, то мы легко можем видеть, что разновидность страуса Petise [25] может оказаться недостаточно хорошо приспособленной и потому вымрет, или, с другой стороны, находясь, подобно Orpheus [26], в благоприятных условиях, [стр. 38] может произвести много [разновидностей]. Это основано на том принципе, что устойчивые разновидности, производимые образованием потомства [на] ограниченной [территории] и изменяющимися условиями, продолжают существовать и производятся в соответствии с приспособленностью к этим условиям, и потому гибель видов является следствием (в противоположность тому, что могло бы казаться на основании Америки) [27] [стр. 39] неприспособленности к условиям.

См. диаграмму на стр. 36. [См. выше рисунок на стр. 95].

Обширность современных родов делает вероятным, что многие [роды], современные им, едва ли оставили какой-либо след [28] своего существования в нынешнем мире. Или мы можем предположить, что в каждом поколении только отдельные виды [29] приносят потомство, *подобно* медленно возрастающим в числе особям в какой-либо стране.

[Стр. 40] Таким образом, если мы пойдем очень далеко назад, чтобы обнаружить источник типа организации млекопитающих, то крайне невероятно, чтобы какой-либо из ⟨его родичей будет также⟩ потомков его родичей существовал в настоящее время.— Таким же образом, если мы возьмем человека из какого-либо обширного семейства, [состоящего] из 12 братьев и сестер, [и притом] в таком состоянии, когда оно численно не возрастает, [стр. 41], [все] шансы будут против того, что хотя бы один из них оставит потомство, которое будет существовать еще

через десять тысяч лет; так как в настоящее время многие являются родичами, то, прослеживая [их родословную] назад, возможно свести число ⟨вымерших⟩ прародителей к небольшому проценту. Поэтому исключительно велики шансы против того, что [даже] какие-нибудь два из двенадцати будут иметь потомство в столь отдаленном периоде.

[Стр. 42] Следовательно, если это верно, то *чем обширнее группы, тем значительнее пробелы* (или *разрывы в непрерывном строе)* между ними. Например, пробел между птицами и млекопитающими должен быть большим, еще бóльшим [он должен быть] между [стр. 43] позвоночными и членистыми[30], [и] еще бóльшим между животными и растениями.

И все же, независимо от свойств трех стихий, вследствие бесконечных вариаций и вследствие того, что все происходят от одного ствола и подчиняются одному закону, они могут сближаться друг с другом [в своем строении]: некоторые птицы могут сближаться с млекопитающими и некоторые позвоночные с беспозвоночными.— Подобные, хотя и немногие, с каждой стороны будут все же представлять собою известную аномалию и носить [стр. 44] отпечаток какого-либо большого основного типа, и переход будет внезапным.

Небу известно, соответствует ли это Природе: Cuidádo![31].

Изложенные предположения применимы к непрогрессивному развитию, которое определенно бывает, по крайней мере [происходило] в прошедшие времена.

[Стр. 45] Творец создал трибы животных приспособленными преимущественно к той или иной стихии, но закономерно, по-видимому, что эти трибы — в той мере, в какой это совместимо с их строением,— в меньшей степени приспособлены и к другим стихиям. Каждый орган был бы, вероятно, несовершенным, если бы [например] птицы были приспособлены [для жизни] только в воздухе, а рыбы — [только] в воде.

Если мое представление о происхождении [стр. 46] квинарной системы[32] правильно, она не должна встречаться у растений, которые в гораздо большей пропорции являются наземными,— разве какие-либо имеются среди тайнобрачных.— Но неатмосферный тип [включает] тогда, вероятно, только четыре подразделения — не является ли это правилом Фриса; [это] вопрос, над которым работал м-р Ньюмен, [включивший] человека в качестве (7) [подразделения][33].

Состояние каждого животного обусловлено отчасти прямым приспособлением, отчасти наследственными задатками[34]; отсюда [стр. 47] сходства и различия, например, между европейскими и американскими вьюрками, и т. д. и т. д.

Новая система естественной истории будет заключаться в описании границ формы (и где возможно — количества изученных ступеней). ⟨Например, у жужелиц, у птиц.⟩

Изучить хорошую коллекцию насекомых, имея это в виду.

[Стр. 48] Geogr. Journal, т. VI, ч. II, стр. 89— Лейтенант Уэлстед получил много овец из арабских стран: «Они принадлежали к двум породам: одна белая с черной мордой, похожая на тех, которые были привезены из Абиссинии, а другая темно-коричневая с длинной спутанной шерстью, похожей на шерсть коз»[35].

[Стр. 49] Прогрессивное развитие дает окончательное основание для

[допущения] громадных периодов времени, предшествовавших [появлению] человека. Трудно человеку, учитывая [свою] мощь, расширение области [своего] обитания, [свой] разум и будущность, быть непредубежденным в отношении самого себя, [однако] в настоящее время это кажется... [36].

[Стр. 50] В труде м-ра Гульда об Австралии [37] [приведено] несколько весьма любопытных случаев, [касающихся] близких, но [вместе с тем] определенно различных видов, которые являются общими для Австралии с Землей Ван-Димена [Тасманией] и для Австралии с Новой Зеландией. М-р Гульд говорит, что [они входят] в [одни и те же] подроды — они, несомненно, происходят из одних и тех же стран.

Во всемирных родах [стр. 51] наиболее близкие [друг другу] виды часто [...] [Остальная часть листка (стр. 51—52) отрезана Ч. Дарвином.]

[Стр. 53] [...] и не является ли вымирание крупных южноамериканских четвероногих частью какой-то большой системы [процессов], действующей во всем мире? — период крупных четвероногих клонился к упадку, как некогда, должно быть, пришли к концу гигантские рептилии.

Кювье (прочитать внимательно его «Теорию Земли») [38] возражает против ⟨тран[смутации?]⟩ последовательного размножения видов, спрашивая, почему не были открыты какие-либо промежуточные формы между палеотерием, мегалониксом, мастодонтом и видами, ныне существующими. Но согласно [стр. 54] моему взгляду, в Южной Америке предком всех броненосцев мог быть брат мегатерия — [их] дяди, ныне вымершего.

Bulletin géologique, апрель 1837 г., стр. 216. Дезайе об изменении моллюсков из соленой и пр[есной] воды, и о том, что такое вид. *Очень хорошо* [39].—

Не писал ли Маккалох об аналогичных изменениях у рыб? [40]

Mem.: Кролик с Фолклендских островов описан К[уа] и Г[эмаром] в качестве нового вида. Кювье исследовал его [41].

[Стр. 55—56 вырезаны Ч. Дарвином.] [Стр. 57] [...] нечто подобное происходит и со взглядами на другие трибы того же семейства.

NB. Вижу, что Уотерхаус усматривает в квинарной системе только три элемента. [42]

В какой мере представления Уотерхауса согласуются с порождением [видов] в изменчивых [ветвях] родословных древ [43] и с вымиранием форм?? В простейшем случае это значит утверждать, что все виды [одного] рода похожи друг на друга (по крайней мере, по одному признаку, а в действительности — по всем без исключения видовым признакам), а при переходе от видов к родам каждый удерживает [стр. 58] какой-либо один признак, [становящийся общим] для всего его семейства; но почему это так? Я не вижу никаких оснований для этих аналогий; на основании принципа атавизма, по которому настоящее строение [вида] должно обязательно измениться, я могу представить себе [например] возврат окраски; поэтому, вероятно, у некоторых Heteromera окраска Chrysomela может быть прослежена назад до общего предка Chrysomela и Heteromera [44], но я не могу понять, почему подобный закон [должен быть] универсальным.

[Стр. 59] Было бы любопытно знать, обладают ли *породы* растений (или животных) тенденцией удерживать [признаки] ⟨каждого⟩ того или

другого из предков (то, что французы называют *атавизмом*). Вероятно, это первая ступень в [возникновении] отвращения к половому соединению, потомство не вполне промежуточное.

Ляйелль, том III, стр. 379. Тип организации млекопитающих, преимущественно у Pachydermata, тот же от одного периода до другого; в меньшей степени в миоцене и т. д. [назад] [45].

[Стр. 60] Насколько мне [удалось] проследить ⟨тип⟩ крупных четвероногих [вплоть] до Сибири, [думаю, что] необходимо учитывать тип организации: вымершие виды этой страны — предки американских. Следовательно, роды этих двух стран должны быть сходны друг с другом.

[Стр. 61] Можно ли считать законом [следующее положение]: существование завершено, если не наступает перемен, дополнительно привнесенных, т. е. [если не возникают] новые виды? Поэтому: животные погибали бы, если бы в стране не происходило ничего, что привносило бы какие-либо перемены?

[Стр. 62] То, что в Южной Америке животные вымирают при полном отсутствии перемен [в условиях среды], соответствует убеждению в том, что сибирские животные жили в холодных странах и, следовательно, не были уничтожены ⟨сибирским и более⟩ холодом [этих] стран.

Учитывая, каким образом лошадь и слон достигли Южной Америки, находишь объяснение тому, как зебры достигли Южной Африки.

Изумительный факт: лошадь, слон и мастодонт вымирают [стр. 63] примерно в одно и то же время в самых различных частях света. Скажет ли м-р Ляйелль, что одно и то же обстоятельство уничтожило их на пространстве от Испании до Южной Америки? — (*Никогда*!)

Они вымирают, если не изменяются, подобно золотым ренетам; это — [процесс] *порождения видов,* подобный [процессу] порождения *особей* [46].

[Стр. 64] Почему должна умереть особь? Чтобы увековечить определенные особенности (отсюда — приспособление), и уничтожить случайные разновидности, и приспособить себя к изменению [условий] (ибо, конечно, даже у разновидностей изменение есть приспособление). Но этот довод приложи́м и к видам.

Если особь не может размножаться, она не оставляет потомства; так же [обстоит дело и] у видов.

[Стр. 65] Я ожидал бы, что медведи и лисицы одни и те же в Северной Америке и в Азии; но многие виды, близко родственные, все же различны, так как [эти две] страны отделены одна от другой со времени вымерших четвероногих; тот же довод примени́м и к Англии.— Mem.: землеройка, мыши.

[Стр. 66] Животные, общие для Южной и Северной Америки,— *имеются ли какие-нибудь??*

[Стр. 67] Особый [вид] носорога — на Яве и другой — на Суматре.— Mem.: По Суэйнсону [47], некоторым островкам Ост-Индского архипелага свойственны особые [для каждого из них] виды попугаев.— Д-р Смит считает вероятным, что два северных вида *замещают* южные формы [этих животных].

Гну доходит до [берегов] реки Оранжевой и говорит: до сих пор я пойду, но не дальше [48].

[Стр. 68] Проф. Генсло утверждает, что если однажды раса установилась, ее трудно искоренить. Например, сколько бы семян [какого-

нибудь] белого цветка [ни было посажено], всегда будут всходить одни только белые, хотя бы они были посажены в одну и ту же почву с синими [цветками].

Но это имеет некоторое отношение к данным д-ра Смита о расах человека [...] [49]

[Страницы 69—70 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 71] Резкий запах негров [?] — обстоятельство, несомненно... нерасположение...

Уотерхаус считает, что не существует никакой подлинной *связи* между большими группами.

[Стр. 72] Поразмыслить о суше, которая в прошлые [геологические] периоды была сгруппирована около [одного] центра поблизости от экватора и затем раскололась [на части].

Если *виды* порождают другие *виды,* то их раса не погибает полностью: подобно золотым ренетам, продолжающим существовать, если их разводят семенами,— иначе все вымирают.— Ископаемая лошадь породила в Южной Африке зебру и [в этом смысле] получила продолжение, [но] она [нацело] погибла в Америке.

[Стр. 73] Все животные одного и того же вида связаны друг с другом точно так же, как почки растений, которые погибают в одно и то же время, хотя были произведены одни раньше, другие позже.

Доказать, что животные подобны растениям: проследить переход от колониальных животных к неколониальным [50] — и история будет полной.

[Стр. 74] Нелепо говорить об одном каком-нибудь [виде] животных, что он выше другого.— *Мы* считаем тех,

у которых {строение мозга [и соответственно] / интеллектуальные способности} более развиты, самыми высокими.— Пчела, несомненно, была бы [самой высокой] среди тех, у которых инстинкты были [наиболее развиты]. [Страницы 75—76 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 77] В Австралии, по-видимому, большое изобилие видов, но мало родов и семейств.— ([Она] давно отделилась [от остальной суши].)

Так как Proteaceae [51] и другие формы (?) являются общими для [всего] южного полушария, не похоже на то, чтобы Южная Африка была заселена [пришельцами] из Северной Африки.

[Стр. 78] [Организм] наделен известным своеобразием (и наделен способностью к приспособлению при посредстве *верного* [родительской форме] воспроизведения),— имеется в виду, что каждая [последовательная] ступень прогрессивного возрастания организации, будучи повторена в матке, [воспроизводит путь], который был пройден в процессе формирования данного вида [52].—⟨Человек происходит из монады, каждый [раз] заново⟩.

[Стр. 79] М-р Дон [53] сказал мне, что, по его мнению, виды становятся все менее отчетливыми с ростом [нашего] знания, а роды — все более определенными [в отношении своих границ].— М-р Уотерхаус утверждает, что между хорошими родами нет никакого настоящего перехода.— Как замечательны колючки, такие, как у дикобраза и ехидны.

Полезно изучить «Règne animal» для [выяснения] *географии* [животных]. [54]

[Стр. 80]. Движение земли [земной коры] должно было быть

громадным как вверх, так и вниз.— Слоны на Цейлоне.— Ост-Индский архипелаг.— Вест-Индия.— Опоссум и агути — те же, что и на континенте.— 3 [вида] утконосов общие для Вандименовой земли и Австралии.— Англия и Европа, [и] Ирландия [имеют] общих [всем им] животных *.— Из всестороннего рассмотрения [геологии] этих архипелагов [выносишь убеждение] в полном соответствии их с европейскими формациями,— например, третичные отложения между Ост-Индскими островками.

[Стр. 81] Географическое распределение млекопитающих [представляется] более ценным, нежели каких-либо других [организмов], так как они менее легко распространяются,— затем растений на коралловых островах.— Вслед за млекопитающими — наземные птицы.— И жизнь [их] короче, т. е. изменение более значительно.

Было бы интересно проследить пределы распространения крупных млекопитающих в Ост-Индском архипелаге.

[Стр. 82] Совы: переносят ли они мышей живыми?

Виды, образовавшиеся в результате опускания [суши].— Ява и Суматра. Носорог. Поднятие и соединение сохраняют виды различными: образуются два вида; поднятие и опускание постоянно способствуют формированию [новых] видов.

⟨Постоянное совместное пребывание мужа и жены в течение всей жизни находится в соответствии с [...]⟩

Животное-самец, воздействующее на *все* свое потомство от самки, часто обеспечивает [этим] смешение [признаков различных] особей.

[Стр. 83] Южная Африка — доказательство опускания и недавнего поднятия: просить д-ра Смита засвидетельствовать это самым ясным образом.

Фокс [55] уверяет меня, что без всякого сомнения семена ренета рибстон производят [только] ренеты рибстон, а [семена] золотого ренета — [только] золотые; отсюда *субразновидности* и отсюда [же] возможность воспроизведения любой разновидности, хотя многие семена возвращаются [к признакам предков]. Найти примеры какой-либо *разновидности* плодового дерева или [другого] растения, одичавшего в чужой стране.

Мы имеем здесь: атавизм, обычный [ход] событий и последовательность при необычном [ходе событий].

[Стр. 84] Когда видишь сосок на груди человека, невозможно сказать, полезен ли он, пока не будет установлен пол; так же [обстоит дело] с бесполезными крыльями, [находящимися] под элитрами у жуков, которые происходят от жуков с крыльями, но видоизменились: если бы [имел место] простой [акт] творения, то они [эти жуки], несомненно, и рождались бы без крыльев.

[Стр. 85] У некоторых из низших отрядов можно обнаружить строгую постепенность перехода, [начиная] от форм, характеризующих хорошие роды, [и] через [ряд] ступеней, столь нечувствительных, что каждая из них представляет собою изменение, не большее того, какое, как мы знаем, способно произвести *разновидность*.— Следовательно, все роды *могли* иметь промежуточные ступени.

* Ирландия отделена [от Европы] дольше, [чем Англия]. [Виды] зайцев [этих] двух стран различны. Ирландия и остров Мэн имеют лося, Англия — нет. Возможно ли, чтобы Ирландия имела [некогда] мастодонтов?? Отрицательные данные мало говорят за это.

Привести *в подробностях* какой-либо хороший пример [этого].

Другой, однако, вопрос, [действительно] ли [стр. 86] существовали *все* эти промежуточные ступени, особенно в тех классах, в которых число видов невелико. (NB. В таких классах с немногими видами самые крупные скачки́ — наиболее резко выраженные роды? Рептилии?) Например, никогда не могло быть перехода между свиньей и тапиром, и все же [они происходят] от некоторого [стр. 87] общего предка.— Но если бы промежуточные звенья произвели бесконечное [число] видов, ряд был бы, вероятно, более полным, так как в каждом [звене] имеется возможность такой [же] организации. (Иглы у ехидны и ежа).

Так как мы обладаем единственным [вымершим] сумчатым, найденным в Стонфилдском сланце, то предок всех [стр. 88] млекопитающих [жил] в давно прошедшие века, и в еще большей мере так обстоит дело с рыбами и рептилиями.

В чисто эоценовых породах [56] мы можем ожидать [обнаружения] лишь некоторых ступеней.— Я могу спросить, не стал ли ряд благодаря открытию ископаемых млекопитающих более полным, чем до того, [стр. 89] и это все, чего можно ожидать. Это — ответ Кювье [57].

Быть может, предок млекопитающих был столь же парадоксальным, как утконос. Если это последнее животное образовывало [различные] породы, то не могли ли быть [таким образом] пущены в ход новые классы?

[Стр. 90] Акклиматизировавшийся отец акклиматизирует [свое] дитя? — Производит ли в течение веков каждое животное (само, быть может, подвергаясь действию условий [среды]) десять тысяч разновидностей, из коих сохраняются одни только те, которые хорошо приспособлены? Это объясняло бы, почему каждая триба действует по отношению ко всем другим как в пустоте.

[Стр. 91] *Стр. 306*. Шамиссо о четвероногих Камчатки — Первое путешествие Коцебу [58].

⟨Entomological Magazine — статья о географической области распространения.—«Fauna borealis» Ричардсона [59] — переписал перечень [животных].⟩

Возможность того, что некоторые острова не имеют крупных четвероногих, представляется важной.

[Стр. 92] Гумбольдт писал о географии растений: «Essai sur la geographie des plantes», I том, 4° [60].

Я проконспектировал трактат м-ра Суэнсона — в начале тома — о географическом распределении животных [61].

[Стр. 93] Geograph. Journal, т. I, стр. 17—21 [62],— сообщается о реке Суон близ юго-зап. побережья, [по берегам которой] сконцентрированы все замечательные австралийские роды [животных].

У человека нет никаких *наследственных предрасположений* или желаний, [которые побуждали бы людей] завоевывать друг друга или [препятствовали им] размножаться, сочетаясь друг с другом.

У человека нет никаких пределов для страсти — в соответствии с инстинктом в большей мере, с разумом — в меньшей; то же относится и к [половому] отвращению.

[Стр. 94] L'Institut [63], 1837, № 246: подразделение ископаемой «singe» [обезьяны], которое нельзя сближать с Colobus,— последний, по-видимому, замещает в Южной Африке семнопитека Индии.— Зуб

сапажу * [стр. 95] — [сапажу] и опоссум, найденные в Европе [в ископаемом состоянии], ныне ограничены в своем распространении [пределами] только Южного полушария. Если бы эти факты были подтверждены, это послужило бы указанием на *центр* [происхождения] млекопитающих.— Я положительно убежден, что очень сильные доказательства могут быть выведены из [данных] прошлого мира. Зоологические подразделения.

Человек: Вид сомнителен, если известны одни только кости.

Mem.: Силурийские ископаемые — каковы они? Южноамериканские раковины [моллюсков]?

[Стр. 96] Не подвергаются ли все же растения, которые обладают как мужскими, так и женскими органами [в одном и том же цветке] воздействию [т. е. опылению] со стороны других растений? — Не приводит ли Ляйелл какого-либо доказательства в пользу того, что разновидности с трудом сохраняют свою чистоту вследствие того, что опыляются другими растениями? Ибо это можно использовать, чтобы показать, что все растения действительно испытывают перекрестное опыление. — Но как [обстоит дело] у гермафродитных моллюсков!!!?

[Стр. 97] У нас нет ни малейшего основания утверждать, что у млекопитающих и рыб никогда не было общего предка, раз в настоящее время существуют такие необычайные формы, как утконос.

Тип организации у моллюсков константен.

[Стр. 98] Вопрос [заключается в следующем:] если творческая сила действовала на Галапагосских островах, то она действовала таким образом, что птицы с перьями и певчим голосом чисто североамериканского или южноамериканского типа не могли постоянно, как не может никакое живое существо, оставаться в пространстве до того времени, пока не начал существовать остров.— [В отношении] подобных мест должно существовать такого рода воздействие [извне],— мы знаем, что птицы добираются [из других мест] и семена [также]. (Географическое ⟨распространение⟩ подразделение условно и непостоянно. Это может быть показано очень убедительно, если мы верим, [что] Создатель творил по каким-то законам, что́, я думаю, доказано несомненными фактами геологического характера, [представляемыми] этими островами.) [64].

[Стр. 99] Те же замечания приложимы к ископаемым животным одного и того же типа, к броненосцам, как и к любому неполнозубому [?].— Переход к шейным позвонкам — та же причина,— такое превосходное приспособление, однако же другие животные прекрасно живут [без него?].— Этот род последовательного размножения дает убежище для многих непонятных структур,— [такого рода образований, которые] могли быть полезными у предка или могут быть полезными [и сейчас], подобно соскам на груди у людей.

[Стр. 100] Каким образом кочующие птицы, такие, как зуйки-песочники [sandpipers], не [являющиеся] новыми [видами], попали на Галапагосские острова? Знала ли творческая сила, что эти виды могут прийти [сюда откуда-нибудь]? Создавала ли она [здесь] только те роды, которые не склонны кочевать? Создала ли она два вида, близко родственных *Mus. coronata,* но не [являющихся все же] *coronata?* [65]

* Сапажу — южноамериканская форма; поэтому он, как и случай с громадным ⟨грызуном⟩ неполнозубым, был взят под сомнение.

«Первая записная книжка о трансмутации видов».
(Стр. 101—102 ориг. рукописи)

— Мы знаем, что домашние животные варьируют в [различных] странах без какого-либо видимого основания.

[Стр. 101] Астрономы могли некогда говорить, что Бог повелел каждой планете двигаться по своему особому, предначертанному ей пути. Таким же образом Бог повелел, чтобы каждое животное было создано по определенной форме в определенной стране. Но насколько несравненно проще и величественнее сила, [повелевшая]: пусть тяготение

действует по определенному закону — и такими-то будут неизбежные последствия;— пусть животные будут созданы, [и] тогда по твердым законам образования потомства их потомки будут такими-то. [Стр. 102] Пусть возможности распространения [организмов] будут такими-то, и [тогда] такими-то будут формы одной страны по отношению к другой; пусть геологические изменения протекают с такой-то скоростью, и [тогда] таким-то будет количество и распределение видов!!

[Стр. 103] Можно утверждать, что замещающие виды встречаются главным образом там, где [имеются] барьеры, или что-либо, играющее роль барьеров в виде перерыва сообщения, или когда страна изменяется. Скажут ли про Галапагосские острова, под экватором, с их вулканической почвой, что внешние условия могли бы произвести виды, столь близкие [друг к другу], как патагонский ⟨Chad⟩ и галапагосский Orpheus? [66] — Решительно подчеркнуть при этом, что расстояние [между местами их обитания составляет] так много тысяч миль [67].

[Стр. 104] Безусловно известно, что виды вымирают и другие заменяют их.— Две гипотезы: новые акты творения — простое предположение, которое далее ничего не объясняет; преимущество [может быть] достигнуто, если какие-либо факты оказываются связанными.

Никакого сомнения в отношении птиц: всемирными родами являются птицы, летучие мыши, лисицы, мышь, которые способны бродить и легко перемещаются.— Болотные и [стр. 105] водяные птицы — тщательно исследовать роды и составить [перечень] названий.— Инстинкты могут ограничивать [дальность передвижения] некоторых птиц, которые обладают способностью далеко летать; но имеются ли какие-либо всемирные роды, которые не способны легко перемещаться? Было бы удивительно, если бы два [вида] Rhea существовали на разных континентах.— У растений, думаю, нет.

[Стр. 106] Крайне загадочно, почему виды сумчатых и неполнозубых оставили потомков только в южном полушарии или поблизости от него. Не образовались ли они в различных местах, но в некоторых вымерли? Почему ископаемая лошадь не оставила потомков в Южной Америке? Не следует говорить: период, неблагоприятный для *громадных* четвероногих,— лошадь не громадное [животное].

[Страницы 107—108 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 109] [...] но не vice versa [наоборот]. (Могли бы растения жить без углекислого газа?) — И все же бесспорно, что из двух больших царств [природы] животные в большей мере зависят от растений.

[Стр. 110] «Principes de Zoologie Philosophique» [68]: из крайней затруднительности гипотезы о связи моллюсков с позвоночными я заключаю, что здесь должны быть очень большие пробелы. И все же известная аналогия [имеется].

Природа растений [69] и переход от них к животным кажутся сильнейшим доводом против теории аналогий.

[Стр. 111] Он заявляет, что существует только одно животное, только один набор органов; он допускает, что другие <u>созданы</u> с бесконечными различиями; он не говорит, что они последовательно размножались, но так должно заключить. = Явно или намеками он рассматривает образование потомства как процесс, при котором одно животное коротко проходит [путь] от червя до человека. Высшее как типичное для изме-

нений, которые могут быть прослежены на *одном и том же* органе у *различных* животных лестницы [животного мира].— У уродов выступают также органы [стр. 112] низших животных.— И все же ничего о последовательном размножении [видов]. = Я не вижу ничего похожего на [общего] прародича млекопитающих и птиц, и т. д.[70]

Стр. 32. Ссылка на закон М[илн]-Эдвардса касательно рта у ракообразных; великолепные переходы от одного органа к другому.— Кювье [стоит] на противоположной позиции. *Стр. 41* — рыбы[71].

Стр. 59. Кювье заявил: [мнение, что] каждое животное [не?] создано само по себе [т. е. по особому плану], не согласуется с тем, что древние и современные типы константны. [Предложенная] Кювье теория *условий* существования задумана для объяснения сходств и представляет собою квинарную систему, [систему] трех элементов[72]. *Стр. 66.*

[Стр. 113] В неизвестных пределах каждая триба приспособлена, повидимому, к возможно большему числу местообитаний. Условия не объясняют состояний. Взять, например, птиц, млекопитающих, рептилий, рыб.— (Быть может, рассмотрение пределов возможностей в прошлом и настоящем могло бы что-либо объяснить.)

Стр. 111. Ж. Сент-Илер.

Он признает, что насекомые и моллюски [разделены] обширным пробелом; утверждает, что у одних развита кровеносная система, у других — нервная. (Идея Оуэна). Он утверждает, что эти классы сближаются [друг с другом] на своих границах? Balanidae? — Я не могу понять, мыслит ли С[ент]-И[лер] развитие в виде совершенно прямой линии или ветвящейся.

[Стр. 114] *С[ент]-И[лер]*

Что значит применяемое Кювье выражение, что все животные (хотя некоторые — возможно) не были созданы по одному и тому же плану? («Second résumé» очень стоит изучить). И[лер] высказывает великую идею: Бог установил законы и на их основе предоставил проистечь всем последствиям[72а].

Я не могу разобраться в его представлениях о последовательном размножении. Его труд «Philosophie anatomique» (2-й том, касающийся уродов, стоит прочитать)[72б].

[Стр. 115] NB. Следует настойчиво подчеркивать, что ⟨различные животные⟩ крупные млекопитающие не обнаружены на всех островах. (Если [имели место] акты нового творения, почему [крупные млекопитающие] не были произведены в Новой Зеландии? Если [же] они порождали друг друга, ⟨никакой⟩ ответ ⟨мог бы⟩ может быть дан).

Задача, представляющая большой интерес: доказать, что [виды] животных не приспособлены к любой стране.— С другой стороны, средства распространения не так многочисленны — цитировано по Ляйеллю[73]; [стр. 116] допустив истинность того, что на небольших клочках земли четвероногие были созданы по тому же типу, что и на больших континентах, мы приобретаем способ узнавания передвижений.

Каким путем,— за исключением [одного только] последовательного размножения [видов],— можем мы понять [тот факт], что из тысячи новых [для науки видов] насекомых все принадлежат к тем же, [стр. 117] уже [ранее] установленным типам? Каким образом можно было бы всех

их классифицировать вне тысячи [уже известных] форм? Последовательное размножение [видов] объясняет [нам] это.

Древняя флора мыслится как более однообразная, чем ныне существующая.— Edinburgh new Philosophical Journal, стр. 191, № 5, апрель 1827.[74]

[Стр. 118] Ф. Кювье говорит: «Но мы могли бы производить только домашних особей, а не расы, если бы не содействие одного из наиболее общих законов жизни — передачи [органических или интеллектуальных видоизменений от одного поколения другому. Здесь перед нами раскрывается одно из самых поразительных явлений природы: трансформация] случайного видоизменения в прочную форму, мимолетной потребности — в существенную склонность к чему-либо, случайной привычки — в инстинкт»: Ed. n. Philos. Jour., стр. 297, № 8, январь-апрель 1828 г.[75] — Я принимаю более обширные основания и говорю: жизнь коротка для этой цели и других, то есть не слишком много изменений [можем мы проследить в течение своей жизни].

[Стр. 119] В номере 6 (?) [журнала] Ed. n. Philos. Jour.— Статья Кроуфорда о поездке в Аву: сообщение о волосатом (вследствие того, что и предки были волосатыми) мужчине, имеющем одного волосатого ребенка, и *об альбиносах* (заболевание), которые были изгнаны и отданы португальскому священнику; гравюра[76].— Впервые расселяясь по какой-либо стране, люди очень склонны расщепляться на множество изолированных рас! — Имеются ли какие-либо примеры своеобразных людей, изгнанных остальным населением?

NB] Крайне уродливые формы обладают склонностью размножаться точно так же, как и болезни.

[Стр. 120] В межрасовых браках: самые малые различия стираются, более резкие имеют тенденцию воспроизводить одного из родителей; до одомашнения обычно отвращение к половому соединению ⟨потомство не плодовито, непродуктивно⟩, впоследствии [же] — более или менее плодовитое потомство; половое соединение никогда [не имеет места], за исключением, вероятно, вполне одомашненных [рас]; потомство не плодовито или, по крайней мере, очень редко, и самки, возможно,— никогда.— Никакого потомства — при физической невозможности полового соединения.

[Стр. 121] Не обнаруживают ли такие роды, в которых соединены весьма различные [черты] строения, как *буревестник* и *гагарка,* возможности того, [что они являются] ветвями общего [ствола]?

⟨Аккра — [Золотой] берег, Африка. Глинистый сланец, простирается в [направлении] ЮЮЗ и ССВ, и 30°-80° С.— Ed. n. Phil. Jour., стр. 410, март, 1828[77]⟩.

[Стр. 122] Каждодневно случается, что натуралисты описывают [тех или иных] животных в качестве [новых] видов, например, австралийскую собаку ⟨где, однако⟩ или фолклендского кролика.— Существует только два способа доказать им, что это не так: один, когда может быть удостоверено, что они [данные животные] — потомки [какого-либо определенного вида], что, конечно, [представляется возможным] в высшей степени редко, или [другой], когда они при соединении друг с другом приносят потомство.— Но что это за признак?

[Страницы 123—128 вырезаны Ч. Дарвином. На корешке стр. 126 сохранились слова: «произвели мало».]

[Стр. 129] Мак-Леевское соотношение по аналогии и пр. кажется мне тем же, что и ламарковские неправильности в деградации строения, которые, как он [Ламарк] говорит, зависят от внешних влияний.— Так например, он говорит, что крылья летучей мыши возникли под действием внешних влияний [78].

[Стр. 130] Отсюда и самый термин аналогия: структуры у двух животных, имеющие [одинаковое] отношение к некоторой третьей материальной причине [to a third body], или к [некоторому] общему назначению строения.

Раса домашних животных, полученная путем [некоторых] влияний в одной стране, остается неизменной в другой стране. Хороший довод в пользу того, что виды не очень узко приспособлены.

[Стр. 131] Поблизости от Каспийской провинции Гилян в лесистой местности [имеется] горбатый скот, подобный индийскому,— Geograph. J., том III, часть I, стр. 17 [79]. (Широта около 37°).

Geograph. Journal, том IV, часть I. Путешествие У. Хиллхауса вверх по [рекам] Мазаруни — Демерара. В воде Демерары на глубине 10—12 футов — упавшие лесные деревья хорошо известного рода, карбонизированные; глина; [на глубине] пятидесяти футов имеется [такой же] лес [толщиной] в 12 футов; слюдяные породы; явные признаки опускания [суши],— *стр. 36.*

[Стр. 132] Geograph. Journ., том IV, часть II, стр. 160.— Остров Мелвилл: «буйволы, ввезенные с [острова] Тимор, паслись отдельно от английского скота, и мы не могли заставить их держаться на [пастбище] вместе» [80].

[Стр. 133] Здесь имеются длинные многословные статьи С[ент]-Илера об удивительной находке во Франции [ископаемой] обезьяны из рода, свойственного Ост-Индским островам [81]. Он сопоставляет ее с ископаемой двуутробкой (южноамериканский род) из Парижского гипса. Но это — исключение из *закона типов,* подобно лошади в Южной Америке или подобно современным неполнозубым в Африке и т. д. и т. д. Однако, если представить себе мир в гораздо большей мере континентальным, мы могли бы иметь [стр. 134] пришлые формы (как пеккари в Северной Америке); тогда, если суждено, чтобы из [целого] семейства только один вид имел потомков, то *вероятность* такова, что эти пришлые формы [потомков] иметь не будут, но там, где первичные формы чрезвычайно многочисленны, могли бы быть и пришлые формы.— Некоторые, однако, могли бы иметь потомков, и тогда [стр. 135] (см. L'Institut, стр. 245, 1837) мы должны встретиться с аномалиями, вроде муравьеда на Мысе Доброй Надежды.— Этим предполагается, что мир был разделен на зоологические провинции, [затем] он был объединен и ныне вновь разделен.— Самая слабая сторона теории: гибель видов без видимой физической причины. Mem: Мастодонт нацело [вымер] в Южной Америке.— [Жоффруа Сент]-Илер, по-видимому (?), не рассматривает обезьяну как пришлую форму, а как произведенную климатом? [82]

[Стр. 136] Г-н Бэр (полагает), [что] зубр [некогда] обитал в Германии, и считает, что даже в настоящее время он [обитает] в центральной и восточной Азии, за Гангом и, быть может, даже в Индии. Стр. 261, L'Institut, 1837 [83].

Mem.: [Преподобный] Ф[окс]-Дарвин [сообщает, что] гибридные

кабаны были более дикими, чем [их] родители,— то же, что у индийского скота [84].

Так как прирученность не становится наследственной, то она была приобретена в течение короткого времени.

[Стр. 137] *Milvulus forficatus* ⟨имел обширную область распространения⟩ — замечательный мухолов, оказывающий такую же пользу, как и ласточка [84а].

Полагаю, мы можем заключить на основании [данных] Австралии и Южной Америки, что только какая-то всемирная причина уничтожила [бы] животных на всей земле. Например, постепенное понижение температуры вследствие [понижения] географического или центрального жара.— Но моллюски!

[Стр. 138] М-р Яррелл [85] утверждает, что при смешении [скрещивании?] древней *расы* с более молодой гибридная разновидность имеет сходство главным образом с первой.

Статья Эйтона о гибридах — Loudon's Magazine [86].

Гульд о видах Motacilla, свойственных как континенту, так и Англии,— Loudon's Mag., сентябрь или октябрь 1837 г. [87]

[Стр. 139] Уэствуд написал статью о сродстве и аналогии — в Linnaean Transactions [88].

М-р Уинн [89] определенно говорит, что помесь между китайской и английской породами несомненно в высшей степени плодовита, и гибриды [находятся по своим признакам] примерно на середине [между родителями]. Эйтон говорит, что гибриды [находятся] примерно на середине, т. е. результаты те же.

Индийский скот дает с обыкновенным очень хорошее [стр. 140] гибридное потомство,— гораздо более крупное, чем [наш] домашний [скот],— [которое было получено] от экземпляров, привезенных [к нам] л[ордом] Поуисом [90].

Гибридное потомство у собак редко бывает промежуточным между родителями.— Насколько легко скрещиваются волк и собака?

М-р Яррелл полагает, что более древняя разновидность накладывает на потомство более сильный отпечаток. Эскимосская собака и пойнтер.

Бойцовые куры обладают храбростью независимо от [их] индивидуальной силы.

[Стр. 141] М-р Уинн скрещивал утку со свиязью, а потомство — либо друг с другом, либо с одним из родителей.

У. Фокс [-Дарвин] знает случай, когда свиязь-самец [с поврежденным] крылом вернулся на пруд [и] в первый [же] сезон охотно сочетался с обыкновенными утками.

Кирби на протяжении всего «Бриджуотерского трактата» сильно ошибается, думая, что каждое животное рождено, чтобы потреблять тот или иной [род] пищи [91].— Представляется возможным куда более высокое обобщение.

Не наблюдаем ли мы в подразделении сумчатых расщепление на отряды хищных, грызунов и пр., только лишь начинающееся?

[Стр. 142] Кирби говорит (сообщение непроверенное), что к западу от Скалистых гор можно различить азиатские типы [животных].— «Бриджуотерский трактат», *стр. 85:* — Паразиты негров отличаются от [паразитов] европейцев.— Лошадь и бык имеют различных паразитов в разных климатах.

Гумб[ольдт], том V, часть II, стр. 565,— справиться,— говорит, что типы наиболее подвержены варьированию там, где предотвращено скрещивание [букв.: смешивание].

[Стр. 143] Кирби, Бриджуотерский трактат. Здесь имеется несколько полезных сведений о переходе конечностей в ротовые части у ракообразных,— том II, стр. 75.— Рыба, которая переселяется по суше,— какой-то сом,— [том I], стр. 122.— Ползающая рыба — [том I], стр. 123.— Наземное аннелидообразное животное [кольчатый червь]— том I, стр. 347, сопоставить с моими планариями.— Пиявки, [живущие] вне воды,— [том I, стр. 339]. [92]

[Стр. 144] Не принял ли буревестник-глупыш Огненной Земли форму [северной] гагарки по той причине, что в южном полушарии нет гагарки? применимо ли такое правило?

[Стр. 145] Трактат м-ра Клайна о форме животных [93]: «Признаки обоих родителей наблюдаются у их потомства, но признаки самца преобладают более часто»; *стр. 20* там же: «Если безрогого барана припустить к рогатой овце, почти все ягнята будут безрогими».— Применимо ли это, если то же животное часто приносит потомство от одного и того же самца?

Стр. 23: «Неправильно увеличивать [размер тела] местного стада животных, ибо пропорционально возрастанию их размера они становятся хуже по форме [тела], менее удобными [для пользования] и более подверженными заболеваниям».

[Стр. 146] Если население [какого-нибудь] места постоянно, скажем 2000 [человек], и в настоящее время каждые десять душ в среднем — родичи в степени, ([соответствующей] двухсотому году [их существования]), тогда 200 лет назад жило 200 человек, у которых ныне имеются потомки. В таком случае вероятность [того, сколько] из 200 человек ⟨могли быть⟩ являлись родичами не далее, чем двести лет назад, может быть подсчитана, и это число [надо] исключить; скажем, что четыреста лет назад предками нынешнего населения были 150 человек и так далее назад — до [того] единственного предка, который мог продолжать размножаться, начиная с бесконечно отдаленного времени.

[Стр. 147] Если население возрастало от одного пятилетия к другому, то при первом начале число родичей должно быть больше, и это число должно будет варьировать в каждом пятилетии, а подсчет вероятности родства предков должен будет иметь для каждого пятилетия иную формулу.

Мы можем заключить, что наступит некогда время, хотя и чрезвычайно отдаленное, когда из [числа] нынешних людей (всех рас) только весьма немногие будут иметь потомков. Глядя в настоящее время на [какие-либо] две процветающие семьи, [следует иметь в виду, что] одна из них будет [стр. 148] [иметь] потомков и через столетия, [тогда как] другая вымрет.— Кто может проанализировать причины: отвращение к половому соединению, наследственные болезни, последствия эпидемий и несчастных случаев; хотя некоторые причины очевидны, как, например, [в случае] убийства одним человеком другого.— Так обстоит дело с *варьированием* рас человека; в таком случае расы можно рассматривать как простые вариации, [являющиеся] результатом [воздействия] климата и пр., или — расы в целом действуют по отношению друг к другу и подвергаются воздействию точно так же, как те

две процветающие семьи; несомненно, в каждом из двух случаев должен действовать иной ряд причин.

Нельзя ли распространить это на всех животных? Сначала рассмотреть виды кошек ⟨и другие трибы⟩ и т. д. и т. д.

Исключить матерей и затем испытать это в качестве сравнения.

[Стр. 149] В численно убывающем населении в любой данный момент [имеется] меньше близких родственников (роды с малым числом видов); в конечном счете [останется] малое число родов (ибо иначе родство скорее сближало бы [их]), и наконец [останется], быть может, какой-нибудь один единственный [род].— Не этим ли объясняется существование разрозненных родов с малым числом видов, стоящих между большими группами, которые мы обязаны рассматривать как возрастающие?

NB. Иллюстрацией являются многие аномальные современные ящерицы, или трибы вымерших рыб, или толстокожие, или хвойные деревья, или головоногие с раковиной.— Прочитать Бекленда [94].

[Стр. 150] L'Institut, 1837, *стр. 319.* Броньяр: в каменноугольной формации отсутствуют двудольные растения и мало однодольных? — *Стр. 320:* ⟨Третье⟩ Заявляет, что флора тайнобрачных некогда была распространена в Новой Голландии [Австралии].— *Стр. 320*: Говорит, что строение хвойных является промежуточным между [строением] сосудистых, или тайнобрачных (первичная флора), и двудольных, которые впервые появляются приблизительно (*стр. 321*) в третичные эпохи [95]. — *Стр. 330:* Найдены ископаемые инфузории неизвестных форм,— обстоятельство, не обнаруженное Эренбергом [96].

[Страницы 151—154 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 155] [...] индийской горбатой коровой и обыкновенной; — между эскимосской собакой и европейской? Однако человек не был заинтересован в увековечении этих своеобразных разновидностей.

Если виды образовались путем изоляции, то их распространение (после того как произошли изменения в физических [условиях]) должно было осуществляться по радиусам из определенных мест [97]. Это согласуется со старым учением Линнея и до известной степени [с представлениями] Ляйелля [98].

[Стр. 156] Фон-Бух, Канарские острова, французское издание [99]: флора острова очень бедна (*стр. 145*) — 25 [видов] растений [против] 36-ти на [острове] Св. Елены, не считая мхов; [флора] аналогична [флоре] ближайшего материка; бедность [растительности] в точном соответствии с расстоянием (?) и сходство типа [ее] (?).— (Mem: Хуан-Фернандес). Из очерка флоры островов: «Ou bien encore on pourrait au plus en conclure quels sont les genres qui, sous ce climat, se divisent le plus aisément en espèces distinctes et permanentes» [«Еще лучше здесь можно было бы в большой мере заключить, какие именно роды разделились в [условиях] этого климата особенно легко на различные и постоянные виды»] — *стр. 145.*— В большом сочинении Гумбольдта [стр. 157] De distribut. Plantarum [количественное] отношение родов и видов во Франции 1 : 5,7, в Лапландии 1 : 2,3 [100]. Mem.: Ляйелль о моллюсках [101].

	Роды	[Виды]
В северной Африке	1	4,2
Канарские острова	1	1,46
[Остров] Св. Елены	1	1,15

Подсчитать мои данные по [островам] Килинг, Хуан-Фернандес, Галапагосским. = Радакские острова.

NB. Острова и Арктика находятся в одинаковом отношении. Мы находим, [стр. 158] что видов мало соразмерно с трудностью переноса. Например, умеренные районы Тенерифа: отношение родов [к числу видов] 1 : 1. Я могу понять, что на каком-нибудь маленьком острове виды не производились. ⟨Но почему они должны были произ...⟩ Не представляет ли это аналогии с тем, что случается от времени? [102]— Фон-Бух определенно заявляет, что устойчивые [permanent] разновидности становятся видами,— *стр. 147—150*,— если они не скрещиваются с другими [разновидностями].— Сравнить это с языками. Но как скрещиваются растения? — Превосходное обсуждение [вопроса].

[Страницы 159—160 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 161] М-р Оуэн навел меня на мысль, что возникновение уродов (которые, как говорит Гентер [103], обязаны своим происхождением очень раннему периоду [в развитии особи]), подчиняющихся, подобно видам, определенным законам, представляет известную аналогию с созданием видов.

У животных нет никаких представлений о красоте,— следовательно, [ими руководят] инстинктивные чувства против [соединения] с другими видами для половых целей, между тем как человек обладает такими инстинктами в очень слабой степени.

[Стр. 162] в Zoolog. Proceedings, июнь 1837, сообщение [104] Эйтона о трех породах свиней. Различия в скелетах. Очень хорошо.

Бескрыл [Apteryx],— вероятно, хороший пример рудиментарных костей.— Как заметил Уотерхаус, одна только длина клюва не ⟨указывает на сродство с бекасами⟩ указывает на сродство, так как сходные привычки порождают сходные структуры.— Mem.: Утконос.

Не выражает ли [термин] *родство* подлинное сродство, [а не] сродство [такого типа, как у] китов и рыб?

[Стр. 163] Потомство бесхвостых кошек с острова Мэн: у одних [хвост] длинный, а у других короткий, и поэтому [они] подобны собакам [105].

Оглби говорит: волки Гудзонова залива дают приплод с собаками,— они никогда не убивают сук, между тем как псов они пожирают.

L'Institut: Любопытная статья г-на Серра о моллюскообразных животных, представляющих зародышей позвоночных и т. д.,— 1837, стр. 370 [106].— Оуэн говорит: вздор.

[Стр. 164] Распределение крупных животных в Ост-Индском архипелаге очень хорошо увязывается с картой вулканов Фон-Буха и с моей идеей двойной линии пересечения [107].

В Индийском музее — коллекция птиц с Явы.— В Лейдене — серии с различных островов [Ост-Индского архипелага].— Медведь, свойственный Суматре и не обнаруженный на Яве. Обезьяна, свойственная Яве, но отсутствующая на Суматре.— Д-р Хорсфилд [108].

[Страницы 165—166 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 167]? Посоветоваться с д-ром Смитом по поводу истории южноафриканского рогатого скота [109].

«Geology» [«Геология»] Филлипса, *стр. 81* в Loudon's Encyclop. [в Энциклопедии Лоудона]. Количественное отношение между

ископаемыми и современными моллюсками, между моллюсками травоядными и плотоядными [зоофагами] по [геологическим] периодам [110].

NB. Была ли Европа после каменноугольного периода пустыней (наподобие Южной Африки)?

[Стр. 168] В тех подразделениях моллюсков, в которых в настоящее время число видов наименьшее (как у головоногих), вымерло ли большинство родов в последнюю эпоху третичного периода? — Изучить этот вопрос у Филлипса.— В соответствии с этим некогда должны были существовать многочисленные роды однопроходных животных.— *Стр. 82* [указанной выше статьи Филлипса].

У Филлипса имеется много заслуживающих внимательного рассмотрения таблиц многочисленных ископаемых и современных родов.

[Стр. 169] Построить таблицу млекопитающих по этому принципу.

⟨Разновидности. Расы.⟩ Человечество [буквально: человек] в *диком* состоянии может быть названо ⟨видом⟩ видом, в *одомашненном* — ⟨видами⟩ расами.— Если бы все люди вымерли, обезьяны породили бы тогда людей.— Человек породил бы ангелов [111].

[Стр. 170] Виды, сохранившиеся издавна, это те,— Ляйелл? — которые имели обширную область распространения [112], и, следовательно, скрещивались с себе подобными и сохраняли свой тип. Но это и представляет затруднение: это [означает] неизменность некоторых видов.

У Филлипса, *стр. 90*: наиболее высоко организованные рыбы жили, по-видимому, очень давно, впервые [обнаружив] приближение к рептилиям в силурийское время.

[Стр. 171] Известно ли, как давно уже существуют насекомые? Как мне сказал Гульд, «красота видов заключается в их типичности». Но разве известные разновидности не таковы же? Разве не можете вы вывести десять тысяч борзых, и не будут ли все они именно борзыми?

Замечание Яррелла о старинных разновидностях, оказывающих влияние на скрещивание, весьма заслуживает внимания [113].

[Стр. 172] Я думаю, что некоторые пласты не могли бы накопляться в настоящее время, не заключая в себе кости тюленей и китообразных,— те и другие встречаются во всех морях, от экваториальных до крайних полярных.

О, Вельдские отложения, Вельдские отложения! [114]

Представляют ли североамериканские третичные отложения аналогии в отношении моллюсков нынешних морей?

[Страницы 173—174 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 175] У отродья ищеек из Астон-холла поблизости от Бирмингема, происходящего, как предполагают, от отродья, известного здесь со времен [короля] Карла, и ныне принадлежащего м-ру Говарду Гальтону, один из позвонков, расположенный на расстоянии примерно двух третей от основания хвоста, увеличен здесь [стр. 176] очень значительно, так что каждый человек мог бы сказать, что хвост был сломан, и это случалось так часто, что трудно было получить приплод щенят без этого дефекта. Очень любопытный случай.— У. Д[арвин]-Фокс [115].

Когда собаки спариваются в пределах близкого родства, самки теряют охоту, и приходится давать им кантаридин.

[Страницы 177—178 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 179] Bull. de Soc. Geolog., 1834, стр. 217. Ископаемые с [остро-

ва] Явы: десять из двадцати имеют аналогов в Индийском океане.— Дезайе [116].

М-р М'Клей склонен думать, что потомство негра и белого возвращается к чистой линии [native stock] (гибрид часто [бывает] более белым, чем белый родитель); сами мулаты объясняют это смешанными браками с лицами, которые немного ближе либо к черным, [стр. 180] либо к белым — как случится. Д-р Смит говорит, что на Мысе Доброй Надежды дело, как он уверен, обстоит именно так. М'Клей доказывает на основании этого [существование] черного и белого видов. Ибо, говорит он, семена гибридных лилий и пр. и пр. (см. Герберт о гибридах) ведут себя именно так [117].— Задача заключается теперь в том, чтобы выяснить, ведут ли себя так известные разновидности растений, например кактусов и пр., [разновидности] собак; исследовать случаи с голубями, курами, кроликами, [стр. 181] кошками и пр. и пр.— Когда скрещиваются черные и белые люди, одна часть потомства черная, другая — белая, что гораздо ближе к тому, что происходит при скрещивании собак.— См. статью в Philosophical Transactions о квагге и кобыле, скрещенных лордом Мортоном: это скрещивание оказало воздействие на дальнейшее деторождение у той же кобылы, как у тлей [118].— Случай с мальчиком, у которого развился плод в груди,— похоже, как если бы много яиц было оплодотворено [стр. 182] сразу.— Д-р Смит считает каффров (как и англичан) —людей с многообразными чертами лица — гибридной расой. Не противоречит ли это его взгляду, что расы не смешиваются? [119]

В случае с ищейками Фокса небольшая примесь была бы, вероятно, полезной, а именно — [скрещивание] с ищейками из других районов Англии [120].

[Стр. 183] М-р Белл с Оксфорд-стрит имел очень хорошую ищейку-суку, которая упорно отказывалась принимать пса. Но в конце концов грубошерстная овчарка-самец покрыл ее, и она принесла очень большой приплод, [но] никогда впоследствии уже не приходила в пыл. Это хороший пример того же факта, какой был в случае м-ра Гальтона. Этим объясняется потеря на практике (что должно было, вероятно, случаться со всеми) ценных пород из-за чрезмерной заботы владельцев о них. Фокс говорит, что при скрещивании двух собак противоположных пород потомство иногда в точности промежуточное, [стр. 184] иногда же строго следует [в своих признаках] одному из родителей — примерно ⟨половина на половину⟩ так же часто одному, как и другому. Он знал случай, когда хороший пойнтер и грубый уотерспаньель принесли выводок щенят, похожих на обоих родителей, а у м-ра Белла была [собака] — наполовину ищейка и наполовину борзая.

Если две собаки, одна за другой, покрыли суку, щенята различны и походят на обоих родителей [отцов?].— Фокс рассказал мне о случае, когда кобыла была покрыта дважды [жеребцами] чистокровной [и] ломовой [пород] [...]

[Стр. 185—190 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 191] Статьи м-ра Герберта напечатаны в Horticultural Transactions и отдельное сочинение о гибридизации [издано им] под заглавием «Amaryllidae and Narcissus» [121].

М-р Дон считает [взгляды] м-ра Г[ерберта] довольно дикими.

М-р Дон сказал мне, что если дать ему какой-либо вид [растения]

из Ирландии, Англии, Шотландии и других мест, [он покажет, что] каждый из них будет иметь свой особый постоянный облик. Это значит, что разновидности, хотя бы и незначительного порядка, были образованы природой.

[Стр. 192] Кармайкл, Тристан д'Акунья [122] — дан перечень растений острова. М-р Дон сообщил мне, что одни из них — хорошо выраженные африканские, а другие — хорошо выраженные южноамериканские формы (и в среднем некоторые из этих форм обладают известным своеобразием).— И вот, когда мы узнаём, что весь остров вулканический, увенчан кратером и изобилует другими [кратерами], мы видим начало [образования] острова. Остров Греэма.— Мы знаем, что многие семена могут переноситься ветром, плавающими деревьями, [стр. 193] дроздами (*Turdus Jagonensis?)*, овсянками (*Emberiza Brasiliensis*?) и лысухами (*Fulica chloropus*?), которые могут приносить [семена] в желудке, и т. д. (Mem.: Выяснить, какого рода семена у этих растений). (Mem.: Факт, установленный м-ром Доном в отношении островов Тенерифе, Св. Елены, Хуан-Фернандеса, Галапагосских,— многие сложноцветные деревья — а также и папоротники — [произрастают здесь] благодаря тому, что их семена первыми достигли [этих островов] и затем образовали деревья). Но если бы творец *создавал* ⟨на вулканическом острове⟩ растения ⟨доказать тщательно⟩, когда этот вулканический пункт появился среди громадного океана, стал ли бы он создавать [стр. 194] растения американской или африканской формы только потому, что [остров занимает] промежуточное положение? — Мы не можем рассматривать это как приспособление, потому что острова вулканические, между тем как ⟨поблизости⟩ в Африке — песчаник и гранит (речь идет о родах, [произрастающих] близ Мыса [Доброй Надежды]). Посмотреть, имеются ли какие-либо виды, общие для Огненной Земли и Мыса Доброй Надежды, показать *возможность* переноса. Если какие-либо [явления этого рода] не могут быть объяснены более научно, то [приходится] признать, что мы не знаем, как происходил перенос [123].

[Стр. 195] (На Тристан д'Акунье действовали, возможно, ледники.— Кармайкл, Linnean Transactions, том XII).

Альпийские растения Альп должны представлять собою ⟨альпийские⟩ новые образования, потому что некогда снег спускался ниже,— следовательно, [они являются] видами родов, [росших] ниже [и] подвергшихся изменению, или северных растений.

Mem.: Антарктическая флора должна была некогда оказаться отделенной небольшим пространством от гор, расположенных ниже [по широте], отсюда — общие растения; взять пример из [флоры] Огненной Земли.

[Стр. 196] Эллис (?) [124] говорит, что таитянские короли вряд ли произошли от кровосмесительных браков,— факт, параллельный [размножению] ищеек.

До того как был открыт [закон всемирного] тяготения, можно было говорить, что объяснить движение всех [планет] при помощи единого закона — задача столь же большой трудности, как и объяснить движение каждой отдельной [планеты]; точно так же заявление, что все млекопитающие произошли от одного ствола и затем распределились [по Земле] при помощи таких средств, которые мы в состоянии распознать,

могут счесть ничего не объясняющим, [ибо] творцу [было бы] столь же легко произвести [например] в Южной Америке двух четвероногих — ягуара и тигра.

[Страницы 197—202 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 203] Когда виды скрещиваются и гибриды, [полученные в результате этого], размножаются, то потомство их обнаруживает тенденцию вернуться к одному из родителей — [хотя бы по одному] только признаку, и ту же тенденцию (однако менее резко выраженную) мы обнаруживаем даже среди того, что называют разновидностями.

NB. Мать, рождающая детей, которые обладают резко различающимися признаками, представляет [нам] опыт возвращения к отцовской [буквально: родительской] линии. Думаю, мы можем смотреть на это так?? Это оказывается правильным даже в отношении мелких различий в выражении [эмоций]: один ребенок походит на отца, другой — на мать.

[Стр. 204] Написал ли Лоу какую-либо другую статью помимо одной латинской [и] одной о Мадейре — какой-либо общий обзор? [125]

Различие между видами наземных моллюсков из Порто-Санто и с Мадейры, полагаю, очень любопытно.

Мое представление о последовательном размножении [видов] почти подразумевает то, что мы называем совершенствованием. Все млекопитающие [происходят] от одного ствола, и вот — этот единственный ствол нельзя считать самым совершенным (согласно нашему представлению о совершенстве), но промежуточным [стр. 205] по качеству. То же рассуждение позволит учитывать и ухудшение качества (чтó, быть может, имеет место у рыб, так как некоторые наиболее совершенные роды акул жили в самые отдаленные эпохи).— В таком же ли положении [находятся] ящерицы вторичного периода? — Другой вопрос, не может ли совершенствоваться вся лестница зоологии [в целом] благодаря замене рептилий млекопитающими, чтó может являться только приспособлением к изменяющемуся миру.— Я не могу ни на [стр. 206] минуту сомневаться в том, что киты и тюлени в настоящее время замещают ящериц вторичной эпохи: невозможно предположить подобное накопление [остатков животных] в наши дни без остатков млекопитающих. Общий предок всех насекомых представляет такой же довод [в пользу этого взгляда], как и общий предок млекопитающих, но здесь [т. е. у насекомых] усовершенствование [происходит] в системе сочленений. Нельзя ли предположить, что тип каждого отряда есть та форма, которая наименее отдалилась от предковой формы? Если так, то не являются ли современные типичные [стр. 207] виды наиболее близкими по форме к древним? Только у одних моллюсков такое сходство может быть установлено.

Люди часто говорят о появлении мыслящего человека как об удивительном событии. Появление насекомых, с иными [чем у человека] чувствами, более удивительно. Их умственные способности, вероятно, совершенно иные, и введение человека — ничто по сравнению с [появлением] первого разумного существа; хотя оно и провело черту [между ним и животными], [стр. 208] [однако] не столь глубокую, как между [самыми] совершенными насекомыми и низшими формами, строго говоря,— будь то Articulata или Intestinata [126], или даже клещ. Пчела с ее замечательными инстинктами по сравнению с сырным

клещом. Различие таково, что между человеком и ближайшими к нему животными существует широкий разрыв — больший по уму, чем по строению [тела].

Если бы найден был скелет негра, что сказали бы анатомы? — Где [напечатано] сообщение Пентленда [127] о [...]

[Страницы 209—210 вырезаны Ч. Дарвином.]

[Стр. 211] *A. B. C. D.*— Скрещивание (*A*) с (*B*) и скрещивание (*B*) с (*C*) препятствует потомству от *A* стать хорошим видом, вполне приспособленным к [одной данной] местности. Но вместо этого [получается] чахлая и болезненная форма растения, приспособленная [одновременно] к *A. B. C. D.*— Уничтожьте растения *B, C, D,* и *A* станет хорошим видом!

Повышенная плодовитость слабо различающихся видов и промежуточный характер потомков объясняют *единообразие* вида, и надо сознаться, что мы не можем сказать, каков объем [стр. 212] различий, которые повышают [это единообразие] или препятствуют ему.— Оно не находится в сколько-нибудь точном соотношении со строением [тела]. Mem.: Свиньи и собаки Эйтона.

Отрывок на предыдущей странице показывает, что в отношении видов из не очень удаленных друг от друга стран одна только [способность к взаимному] размножению (но для каждой группы она должна быть подвергнута испытанию) может служить проверкой того, [имеем ли мы дело с] хорошими видами, и отсюда то большое значение, которое натуралисты придают географическим ареалам видов.

[Стр. 213] Определение вида: некая [совокупность существ], сохраняющая постоянство признаков во всем [их] объеме при совместном [пребывании] с другими ⟨животными⟩ существами, очень близкими по строению.— Следовательно, виды могут быть хорошими и [вместе с тем] не различаться по какому-либо внешнему признаку: например, два крапивника, привыкшие посещать два [разных] острова, на одном из которых имеется один род трав, а на другом — другой, могли изменить организацию желудка и с этих пор оставаться различными.

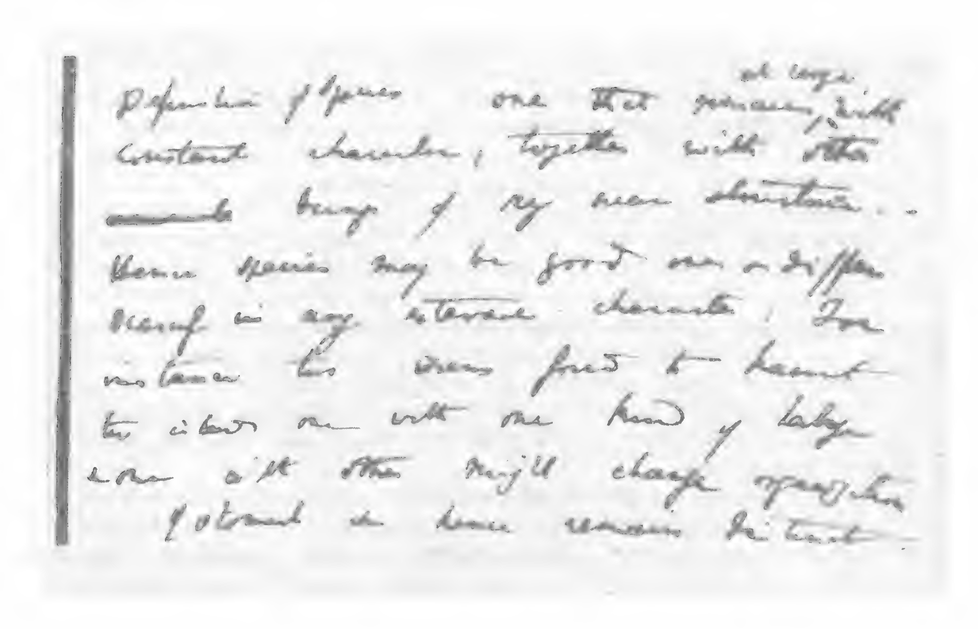
[Стр. 214] Когда страна изменяется быстро, следует ожидать [образования] наибольшего числа [новых] видов.

Различие между интеллектом человека и животных не так велико, как [различие] между живыми телами, не обладающими разумом (растения) и живыми телами, обладающими разумом (животные).

NB. Моя теория совершенно отлична от теории Ламарка.

Если не принимать, что *два* [разных] вида совместно порождают [некий новый] род [существ],— а это невероятно,— обезьяны никогда не [смогут] породить человека, но [стр. 215] оба — обезьяны и человек — могут породить другие виды. Человек породил уже заметные разновидности и, быть может, когда-нибудь породит нечто еще, но, вероятно, не путем смешения рас.— Когда все [расы?] перемешаются и [произойдут] физические изменения [человека] (приобретение интеллектуальных [способностей] — изменяет вопрос?), будут порождены другие виды, или ангелы.

[Стр. 216] Неужели Творец продолжал со [времени] кембрийской формации создавать животных все того же общего строения? — Жалкая, ограниченная точка зрения [127а].



«Первая записная книжка о трансмутации видов».
(Стр. 213 ориг. рукописи)

Что касается [вопроса о том], как образуются виды, учение Ламарка о «желании» абсурдно (а равным образом и доводы против него, а именно — какой была [буквально: как жила] выдра до того времени, как она стала выдрой,— ну, разумеется, существовала тысяча промежуточных [стр. 217] форм.— Противник скажет: покажите мне их. Я отвечу: да! если вы покажете мне каждую [промежуточную] ступень между бульдогом и борзой). Я сказал бы: изменения были результатом действия внешних причин, о которых мы ничего не знаем, как [не знаем, например], почему семена проса становятся черными, как [голова у] снегиря, почему в железах глотки имеется йод, или почему окраска оперения меняется у птиц во время перелета (где [я видел] это утверждение? — вспоминаю, что о нем говорил Л. Дженинс), или как создать индийских коров с горбом или свиней с раздвоенным копытом на ногах.

[Стр. 218] Спросить энтомологов, не знают ли они какой-либо пример *ввезенного* растения, с которым оказалось бы связанным какое-либо насекомое, такое насекомое, которое не считается ⟨растительноядным⟩ всерастительноядным [омнифитофагом].

Но скажут, что существуют латентные [т. е. никак не проявляющие своего отношения] насекомые [инстинкты?] — как вороны против человека с ружьем и [как] дрофы и пр. и пр.!!!

Американская и африканская формы растений были обнаружены на [острове] Тристан д'Акунья, можно сказать, дабы ввести человека в заблуждение, так же, вероятно, как для той же цели [были открыты] ископаемые в древних породах.

[Стр. 219] Может ли желание родителя произвести какой-либо признак у потомства? Производит ли ум какое-либо изменение

у потомства? Если да, то [одним] *размножением* и объясняется приспособленность видов?

NB. Просмотреть [сочинение] Белла «On Quadrupeds» [128] для [отыскания] некоторых данных о собаках и пр. и пр.— NB. Животные, очень далекие [друг от друга], [как] осел и лошадь, приносят строго промежуточное потомство.— Ссылка на свиней и собак.

Моя теория заставит меня отрицать сотворение какого-либо нового млекопитающего [буквально: четвероногого] со времени Didelphys [двуутробки] из Стонсфилда [129]: все земли [оказываются] соединенными [друг с другом] (Фолклендская лисица — лед). [Остров] Маврикия: что за трудность, раз поднятие и опускание [объясняют появление] новых [видов],— [в этом] единственная надежда. Новая Зеландия,— сравнить [ее] с Ван-Дименовой землей [Тасманией]: восхитительный факт [представляет] *отсутствие* млекопитающих [буквально: четвероногих]; Ост-Индский архипелаг — очень хорошо для [иллюстрации] противоположной тенденции.

[Стр. 220] Изучить «Zoology of South Sea islands» Эллиса и Уильямса [130]: [имеются ли] какие-либо млекопитающие [буквально: животные]? Думаю, ни одного.— Канарские острова? Мадейра? Тристан д'Акунья? — Исландия?

Связь между [островом] Маврикия и Мадагаскаром [выражена] очень хорошо. Столь же хорошо — [между] Фернандо-По и берегом Африки.— Небольшие острова вокруг Новой Гвинеи — тот же факт, см. «Путешествие на [корабле] Coquille» [131].— Галапагосская мышь (?) была завезена на челноках [каноэ].— Цейлон и Индия.— Ван-Дименова земля — Австралия.— Англия и Европа.— Весьма сто́ит затратить время на глубокое изучение происхождения и истории каждого наземного млекопитающего, особенно — средних размеров.

[Стр. 221] В [составе] флоры ⟨Южной Америки⟩ Огненной Земли, так же как во флоре Северной Европы, много родов и мало видов.

Число родов на островах и на берегах Арктики зависит, очевидно, от того, какова у некоторых [родов, принадлежащих] к различным отрядам, вероятность оказаться способными к выживанию или вероятность быть затем перенесенными на новое место обитания.— Когда новый остров разделяется [на части] и становится бо́льшим [по площади], образуются виды этих родов, и при такой же вероятности — немногочисленные замещающие виды. Это должно происходить, и тогда исследование объяснит [нам] систему замещающих видов. Пример таких видов представляют нам английский и ирландский зайцы — галапагосские землеройки, и в случае большого континента — многие виды, принадлежащие к населяющим его родам. [Стр. 222] Поэтому если на небольшом пространстве мы имеем много видов, мы можем гарантировать [наличие в прошлом] континентального массива или многочисленных больших островов.— Следовательно, таким должно было быть состояние области Парижского бассейна.— Как в этом отношении обстоит дело с Фернандо-По, с растениями [острова] Св. Елены и Тристан д'Акуньи? — [Вопрос] сводится к отношению между числом видов и родов.

Если на каком-либо острове [имеется] несколько видов одного и того же рода, [то это является свидетельством] опускания суши.— [Остров] Маврикия? ⟨У растений, когда больше всего видов встречает-

ся⟩. Хотя лошадь исчезла в Южной Америке, ягуар сохранился, и лисица и медведь.— Если бы я не открыл [стр. 223] путь сообщения, по которому гигантские неполнозубые могли добраться до Европы, а толстокожие — из Европы в Америку, то сколь удивительным [132] было бы наличие ягуара в Южной Америке.

Западное побережье Африки и восточное Америки должны были бы представлять большой контраст по [своим] формам [т. е. по составу своих животных и растений], [а] Индия [Вест-Индия?] [быть] промежуточной [между ними]; посмотреть, как обстоит дело [в действительности]. Подобны ли моллюски, сверлящие раковины, хищным млекопитающим по обширности своего распространения и по длительности существования своих видов? (Изменились ли хищные млекопитающие из Парижского бассейна? [133] Быть может, больше, подобно современным хищникам по сравнению с толстокожими).

[Стр. 224] Если моя теория верна, мы подходим, во-первых, к *горизонтальной* истории земли в пределах недавних времен и ко многим любопытным вопросам, [достойным] размышления, ибо выяснив средства переноса, мы тем самым должны узнать, существовала ли некогда суша между [двумя какими-либо пунктами].— Во-вторых, по характеру каких-либо двух древних фаун мы можем составить себе известное представление о ⟨происхождении при⟩ связи этих двух стран. Отсюда, Индия [Вест-Индия?], Мексика и Европа — одно громадное море. (Коралловые рифы — мелководье у острова Мелвилл).— В-третьих, мы знаем, что строение каждого органа — в *A. B. C.*, трех видах одного рода,— может шаг за шагом переходить одно в другое, [как] мы видим [это в действительности], но этого нельзя утверждать относительно ⟨родов⟩ строения двух родов. ⟨Тогда нам перестают быть известными ступени⟩. Хотя *D. E. F.* следуют непосредственно за [стр. 225] *A. B. C.*, мы не можем быть уверены в том, что структура (*C*) может перейти в [структуру] (*D*).— Мы можем предсказать, [какие будут] виды, [если] границы хороших видов известны. Этим объясняется переход двух родов [друг в друга]. Этим объясняется [также] типичная структура.— Каждый вид обусловлен [в своем строении] приспособлением + наследственная структура, [причем] последняя — значительно более важный элемент. Для классификации привычки имеют мало значения, или, вернее, они далеко *не* наиболее пригодны [для этого]. Мы можем строить предположения о длительности преемственного ряда на основании того, что нам стало известно о древнем мире, и [на основании] текущих изменений, которые могут происходить.

Это приводит нас к убеждению, что мир древнее, чем думают *геологи;* это согласуется с крайним неравенством числа видов в [различных] подразделениях,— проверить на членистых!!? [Стр. 226] Это ведет к [познанию] природы физического изменения при переходе от одной группы животных к следующей за нею.— Это ведет к познанию того, какого рода структуры могут переходить одна в другую; и вот, с этой точки зрения нет необходимости искать промежуточные структуры ⟨между⟩, скажем — в [строении] мозга, между низшим млекопитающим и пресмыкающимся (или между крайними формами какого-либо большого подразделения); таким образом, оказывается раскрытым [путь к] познанию возможных изменений, [что позволяет] делать предположения о будущем.

[Стр. 227]. Рыба никогда не [могла] стать человеком.— Нет необходимости в новом акте творения.— Если бы вокруг Галапагосского архипелага поднялся в Тихом океане континент, оолитический порядок вещей [134] мог бы легко сформироваться.

Приняв ⟨изменение⟩ трансмутацию и географическое распределение, мы приходим к попытке раскрыть *причины* изменений,— способ приспособления (желание родителей??), инстинкт и строение становятся сполна [объектом] теории и наблюдения.— Взгляд, по которому [каждое] поколение представляет собою конденсацию [признаков предков], [делает] понятным критерий высшей организации.— [Становится] возможным обратиться к [вопросу о] первичном зачатке, [стр. 228] к пониманию истинного сродства. Моя теория придала бы интерес Сравнительной Анатомии современных и ископаемых [животных], она привела бы к изучению инстинктов, наследственности и наследования умственных способностей — [вопросов], целиком [относившихся] к метафизике [135].— Она привела бы к самому тщательному изучению [явлений] гибридизма — какие обстоятельства благоприятствуют скрещиванию и какие препятствуют ему — и образованию потомства,— причин изменения — с целью узнать, откуда мы происходим и к чему направляемся; это и непосредственное наблюдение прямых переходов ⟨видов⟩ в строении видов могли бы привести к [раскрытию] законов изменения, которые явились бы тогда главным предметом изучения, руководя нашими предположениями [стр. 229] относительно прошлого и будущего.

В чем заключаются Законы Жизни — вот великий вопрос, который должен ставить перед собой каждый натуралист, анатомирует ли он кита или классифицирует клеща, или дельфина, или какое-нибудь насекомое.

Когда мы имеем близкие — как в далеком прошлом, так и в настоящее время — роды, мы можем ожидать путаницы видов.— Важно. Так, например, если взять Voluta и Conus (??), которые теперь близки друг к другу, то не изобиловали ли в прошлом оба рода [видами]?

Семена ренета [сорта] рибстон, производящие дикое яблоко, не подобны ли потомству самца и самки животного какой-либо разновидности, обнаруживающему возврат назад? Не может ли этот возврат возникать вследствие скрещивания с другими деревьями???? [136]

[Стр. 230] Действительно ли семена ренета [сорта] рибстон или золотого ренета производят дикие яблоки, и в каждом отдельном случае однородны ли они или скорее являются помесями?

Стоило бы действительно сделать попытку изолировать под стеклянными колпаками некоторые растения и посмотреть, какое произошло бы от них потомство. Попросить у Генсло какое-нибудь растение, семена которого обнаруживают возврат [к признакам предков],— не какое-либо уродливое растение, а какую-либо четко обозначенную разновидность.— Земляника, полученная из семян??— Однородность потомства определенно показана для гибридов папоротников.— [Возможность] получения гибридов — [явление], показывающее [наличие] связи между двумя растениями.

[Стр. 231] Животных, которых мы сделали нашими рабами, мы не любим считать равными себе.— Не стремятся ли рабовладельцы доказать, что у негров умственные способности иные, [чем у белых]? — Жи-

вотные, с [их] чувством привязанности, [способностью] к подражанию, страхом смерти [и] боли, тоской по умершим, [заслуживают] уважения.

У нас не больше оснований ожидать [обнаружения] прародителя человечества, чем [прародителя] макраухении, но все же он может быть найден.— Мы не должны сравнивать вероятность [нахождения] захороненных останков современного человека с таковой вымершего человека, когда он был другим видом. Тогда его техника не давала ему [возможности] овладеть всем миром.

[Стр. 232] По всеобщему мнению, душа дана нам свыше, животные не получили ее, они не предвидят будущего. Если мы позволим себе увлечься догадками, то животные — наши собратья по боли, болезни, смерти, страданию и [чувству] голода, наши рабы в [выполнении] самых тяжелых работ, наши товарищи в забавах,— могут вместе с нами происходить от одного общего предка, все мы можем быть связаны воедино.

Гермафродитные животные спариваются: доказательством этого является спаривание моллюсков.

[Страницы 233—234 вырезаны Ч. Дарвином].

[Стр. 235] Geograph. Journal, т. V, ч. I, стр. 67. Д-р Култер об убывании населения в Калифорнии [вследствие] исчезания женского потомства: применимо к любому животному [137].

Athenaeum, стр. 154, 1838. Гибридные папоротники [138].

Против теории изменений могут возразить, что если так, то, по мере приближения к пустынной стране или по мере восхождения на горы, вы должны встретить постепенно изменяющийся ряд видов, а между тем, как хорошо известно, это [стр. 236] не так. Вы встретите чахлые виды, но не такие, которые представляли бы собою [новые] виды (за исключением, быть может, некоторых растений и затем — цепи ступеней, какие встречаются на некоторых горах).— Как объяснить это при помощи закона малых различий, производящих более плодовитое потомство?— Во-первых, всякая вариация животного — либо результат [внешнего воздействия?], либо приспособление.— Животное наиболее приспособлено к той стране, где произошло [его] изменение. Природа...

[Страницы 237—238 вырезаны. На корешке этого листка рукою Ч. Дарвина написано: «Две страницы вырезаны».]

[Стр. 239] Любое изменение, внезапно приобретенное, с трудом передается по наследству в качестве постоянного.—⟨Оно допускает⟩ Растение допускает изменение, [наступающее] сразу, в известном объеме, но в дальнейшем не изменяется. Нет нужды применять это к очень медленным изменениям, [происходящим] без скрещивания. Однако постепенное изменение можно проследить только геологически (а этот памятник — несовершенный) или горизонтально, и тогда размножение путем скрещивания показывает нам происшедшее изменение.

[Стр. 240] Вряд ли возможно убедиться в [существовании] двух рас у растений, растущих без ухода за ними (ибо мы знаем, что таковые могут возникать без оплодотворения друг друга), так как, если они различны, они должны быть названы видами, причем виды, порождающие плодовитых гибридов, не уничтожают это доказательство.

поскольку очень многие растения образуют гибридов,— или иначе все построение будет опрокинуто.— Отсюда крайняя трудность: доказательство [оказывается] в круге.— Фолклендские острова представляют хороший пример животных, которые не скоро подверглись изменению в [обеих] Америках. Быть может, они попросту вернулись назад до того, [стр. 241] [как они успели подвергнуться] новому изменению.

Добыть достаточно много примеров животных и растений, очень близких [друг к другу] (взять европейских птиц. Пример м-ра Гульда с ивовой пеночкой [139]) и других, варьирующих в диком состоянии, чтобы показать, что мы не знаем, каков объем различий, не допускающих образования потомства или, как другие сказали бы, каков объем варьирования [отклонения от типа] в диком состоянии.

Когда первичная суша [оказалась] раздробленной [на части], индийский, яванский и суматранский носороги [стали] все различными. Ныне происходит соединение Суматры и Явы в одно целое путем поднятий [суши], и вы будете иметь два [стр. 242] [вида] тапиров в [области] Ост-Индских вод. Среди млекопитающих сумчатые животные все обнаруживают бóльшую связь [друг с другом], чего никак нельзя сказать о *растениях.*— Страусы.— Гиппопотам — только в Африке.— Американские и африканские формы смешиваются в Индии и на Ост-Индских островах.— Обезьяны различны, [но] они не путешественники??

Пример Ройля [140] с гималайскими растениями. Перелетные птицы? Он рассказал мне какую-то историю с журавлем из Голландии!!! В желудке или на перьях — семена.

[Стр. 243] Два обитателя тропиков (один из которых [может быть] ископаемым или нет) связаны друг с другом как действительным родством, так и воздействием [на них] одинаковой температуры. Между тем, два обитателя [один из] умеренных областей и [другой из] тропиков связаны друг с другом только единственной связью, а именно — происхождением [descent].— Отсюда гораздо большее расхождение у последних. Отсюда изменение в форме.— Этим, вероятно, объясняется краг и миоцен [?] [141].— Потомки, оставшиеся в [условиях] климата, продолжающего охлаждаться, могли измениться дважды, тогда как те, которые мигрировали немного к югу, могли бы, раз так, быть просто различными в видовом отношении.— Но это трудно объяснить [с точки зрения] сотворения, или же мы должны допустить большое число мелких актов творения.

[Стр. 244] Будут ли одногорбые и двугорбые верблюды, [скрещиваясь], размножаться?

Так как у человека не было [еще] времени, чтобы образовать хорошие виды, то вместе с ним их не могли образовать [еще] его домашние животные!

Недавнее происхождение несравненно убедительнее демонстрируется наличием хотя бы одного единственного вида, чем отсутствием захороненных остатков.— Согласуется [ли это] с неслиянием языков?

До тех пор, пока человек приобрел разум, он должен был оставаться животным с ограниченной областью распространения, а отсюда — вероятность того, что он начал распространяться [по Земле] из одного пункта.

[Стр. 245] В [отложениях] крага мы видим процесс изменения тех

форм, которым удалось привыкнуть к более холодному климату, между тем как другие вымерли или передвинулись к экватору; некоторые же виды могли в то время быть бродячими.

[Некогда] должно было быть меньше видов по отношению к [числу] родов, чем в нынешних морях. Все виды, которые выжили [после] какого-либо изменения [условий], могут подвергаться бесконечным изменениям (пройдя в своей истории эоценовую, миоценовую и плиоценовую эпохи), между тем как другие могут вымереть или передвинуться на юг.

Виды нужно сопоставлять [стр. 246] с [видовым составом] соседнего моря. Ибо изменение вида нужно оценивать не временем, а физическими переменами (мы принимаем, [что вид] подобно погоде на протяжении длительного отрезка времени остается в среднем относительно однообразным).— Сравнивая ископаемых всего мира, что было бы удобно в какой-нибудь палеонтологической таблице, сопоставить температуры двух стран [и], обнаружив очень жаркий день в одной [из них], взять день на экваторе и добавить [его] к средней [температуре] другой [страны] [?].

[Стр. 247] Если бы мир остывал в основном вследствие векового охлаждения, а не изменялся от более умеренного климата до крайне сурового, ⟨более северные⟩ Исландия и Север Европы должны были бы обладать чрезвычайно своеобразной флорой.— Так как европейские формы переместились по направлению к экватору, то растения с крайнего севера, которые, согласно всем аналогичным фактам, были бы совершенно не похожи на южноевропейские формы, являлись бы «вариацией, созданной вековым охлаждением».

⟨Явления в южном полушарии выглядят так, как если бы здесь главную роль играла жара⟩.

[Стр. 248] Произвести опыт с наземными моллюсками в соленой воде, а также с ящерицами.— Просить Эйтона достать для меня несколько [экземпляров].

Просить Хопа дать мне сведения о паразитах скота, варьирующих в различных климатах.

Против моей теории не будут возражать те философы, которые поднялись выше гордости дикаря,— они сознают превосходство человека над животными, не прибегая [при этом] к таким средствам, [как гордость].

[Страницы 249—250 вырезаны Ч. Дарвином].

[Стр. 251] Большое сочинение Дюмериля [142] о рептилиях. Г-н Д[юмериль] говорит, что некоторые [виды] рептилий — одни и те же на Маврикие, Мадагаскаре и Мысе Доброй Надежды.— Его книгу, вероятно, стоит изучить.

Бескрылые птицы южных [?] континентов. Страусы. Додо [дронт]. Бескрыл [киви]. Пингвин.— Большеголовая утка [утка-пароход] [143].— Большое количество воды по отношению к малому количеству суши, т. е. малое число млекопитающих.

Изучить организмы больших пресноводных озер Северной Америки.

[Стр. 252] Если паразиты различны, в то время как человек и его домашние четвероногие не таковы, то членистые [Articulata] изменяются с большей легкостью, чем позвоночные. Но как же согласовать это с долговечностью видов моллюсков!!!

Когда мы говорим о высших отрядах, мы всегда должны признать, что в интеллектуальном отношении они выше [других животных].— Но кто при виде лика Земли, покрытой великолепнейшими саваннами и лесами, посмеет сказать, что интеллектуальность — единственная цель в этом мире.

[Стр. 253—260 вырезаны Ч. Дарвином].

[Стр. 261] Во всех классах не являются ли только немногие роды космополитическими, а в родах, характерных для одной какой-либо страны, разве виды не предпочитают обычно различные местообитания? Это могло бы быть сильным доводом в пользу [учения] о последовательном размножении видов.

И опять таки, разве нет большего сходства [между видами], [обитающими] даже в совершенно различных странах одного и того же полушария, нежели разных полушарий?

[Стр. 262] Существуют ли какие-либо случаи, когда одомашненные животные, изолированные и долго скрещивавшиеся между собой, обнаруживали сильную склонность к варьированию? Не поставлен ли в такие условия человек? Разновидности собак в различных странах представляют случай такого рода.

Все случаи вроде ирландского и английского зайцев относятся сюда.

[Стр. 263] Почему населению Земли Ван-Димена требуется так много ввезенных животных?

В каком пункте древа жизни могли отделиться такие отряды, как птицы и млекопитающие, и пр. и пр.?

Разработать квинарную систему соответственно трем элементам [144].

[Стр. 264] Каково [соотношение] фаун Земли Ван-Димена и Австралии?

[Страницы 265—271 пустые].

[Стр. 272] ⟨Замечание Фоконера, относительно влияния климатов, местообитаний и пр. и пр. 242 Hook.

Смелли, Философия зоологии. 842

Обду[мать] трактат. Ляйелля.

Правильная постепенность перехода окраски белого цвета у человека...

Философия зоологии Флеминга.

Ройль о гималайских растениях.⟩ [145]

[Стр. 273] Не представляется ли возможным проработать все роды и посмотреть, сколько [из них] строго приурочено к определенным странам? То же в отношении семейств.

Спросить Ройля относительно индийского горбатого скота.

[Стр. 274] Необходимо разрешить [вопрос]: если лошади были ввезены в Индию и долго размножались в себе, причем новые особи совершенно не ввозились, то не должны ли были появиться [у них] новые изменения? — Почему все так склонны скрещивать животных из разных районов, дабы воспрепятствовать им приобрести [какие-либо] своеобразные признаки? — Индийский буйвол?

[Стр. 275] Населяют ли виды какого-либо [одного] рода, например американские или индийские роды, местности различного характера? — если да, то [они должны] изменяться.

Важный вопрос: Существуют ли расы растений, диких или почти диких, которые ⟨размножаются⟩ не скрещиваются [друг с другом]? — какие-либо культивированные растения, выведенные из семян? — Горицвет [Lychnis].— Флокс.

[Стр. 276—277. Три-четыре неразборчиво написанных слова; зачеркнутая фамилия: Суэйнсон].

[Стр. 278] Не происходит ли образование разновидностей путем скачка [per saltum]?

Острова, расположенные около континентов, [населены организмами] того же типа, [что и на континентах]. Собрать примеры.— Африканские острова.— Как [в этом отношении обстоит дело] на Хаун-Фернандеце? Колибри.

Типы вымерших собак. Характер миоценовых млекопитающих Европы.

[Стр. 279] Mem.: *Суб-гималайская* наземная эмида, о которой сообщает м-р Белл, это несомненно индийская форма черепахи.

С другой стороны, пресноводная черепаха из Германии (где была найдена лисица м-ра Мурчисона) — несомненно представляет собою вид, ближайший к некоторым южноамериканским формам.

[Стр. 280] Всегда ли наиболее близко родственные виды [происходят?] из отдаленных [друг от друга] стран, как утверждает Декандоль? (нет, он только говорит — иногда). Мы могли бы ожидать, что рассеянных, так сказать, видов — не много, но это не должно быть общим правилом.— У насекомых в Англии этого несомненно нет, но мы могли бы ожидать [у них?] [наличия] промежуточных родов.

[Стр. 281] ⟨«Введение» Линдли.— Dict. Sciences Naturelles. «Géographie Botanique» Декандоля.— Геологическое общество. «Horae Entomologicae». Линнеевское общество.— «Философия зоологии» Жоффруа Сент-Илера.— Уотерхаус⟩ [146].

ДНЕВНИК[1]

Чарлз Дарвин.
Август 1838 г.

1809. *Февраль, 12-го.*— Родился в Шрусбери в приходе св. Чэда[2].
1813. *Лето.*— Был в Гроссе близ Абергела на морских купаньях; некоторые из самых ранних моих воспоминаний относятся к этому времени[3].
1817. *Весной* начал посещать школу м-ра Кейса (в восьмилетнем возрасте)[4].
Июль.— Умерла моя мать.
1818. *Июль.*— Поехал с Эразмом посмотреть Ливерпуль.
Середина лета.— Начал посещать школу д-ра Батлера[5].
Сентябрь.— Был болен скарлатиной.
1819. *Июль.*— Был на море в Плас-Эдвардс[6], где прожил три недели.
1820. *Июль.*— Отправился с Эразмом в поездку верхом на Пистилл-Райадр[7].
1822. *Июнь.*— Поездка с Каролиной в Даунтон [Dounton][8]. Мое первое воспоминание о чувстве удовольствия, доставленном мне картинами природы, восходит к этой поездке. Мне было 13 лет.
Июль.— [Поехал] с Элизабет в Монтгомери и Бишопс-Касл[9].
Сентябрь.— [Посетил] старого м-ра Коттона[10].
1824. *Ноябрь.*— Марианна вышла замуж за Паркера.
1825. *Июнь, 17-го.*— Навсегда покинул школу [д-ра Батлера] в Шрусбери в возрасте 16-ти лет.
Октябрь.— Поехал с Эразмом в Эдинбург.
1826. *Июнь, 15-го.*— Совершил с Хабберсти [Hubbersty] пешеходную прогулку по Северному Уэльсу.
Октябрь, 30-го.— Совершил с Каролиной поездку верхом в Вайнор — Парл — Бала[11], а в
Ноябре, 6-го, самостоятельно отправился в Эдинбург.
1827. *Весной* поехал в Дублин и Порт, а затем — в Лондон и Париж с дядей Джосом.

«Первый сделанный им (м-ром Дарвином) доклад под заглавием «On the Ova of the Flustra» [«О яйцах Flustra»], в котором он сообщает, что открыл органы движения, и, во-вторых, что небольшое черное тело, которое до сих пор ошибочно принимали за молодую форму *Fucus lorea,* в действительности представляет собою яйцо *Pontobdella muricata,* показывает его раннюю

[illegible]

Journal.

[illegible]

August 18[illegible]

[illegible] in the [illegible] of the [illegible] in which he announces that he had discovered organs of motion and secondly that the small black body hitherto mistaken for the young of Fucus loreus is in reality the ovum of Pontobdella muricata, exhibits his early habits of minute investigation.

An account of the Plinian Soc: of Edinburgh, Nature Nov. 20 1873. p. 38.
My first paper 2d year in Edinburgh.

1809 Feb. 12 Born at Shrewsbury [illegible]

1813. Summer Went to [illegible] some of my earliest recollections date from this

1817 [illegible]

1818 [illegible] to Liverpool
Midsummer Went to Dr Butlers School
September. Ill with Scarlet Fever.

1819 [illegible]

1820 July Went tour with Erasmus to [illegible]

1822 [illegible]
My first recollections of [illegible]
[illegible]

«Дневник» Ч. Дарвина.

Первая страница рукописной копии

1827. склонность к тщательным исследованиям». (Из протоколов Плиниевского общества). Trans. Bot. Soc., Vol. XI *.

Эти два доклада были прочитаны мною в самом конце 1826 или в начале 1827 г. на заседании Плиниевского общества в Эдинбурге, и это были мои первые доклады. Мне было тогда 18 лет [13].

1826.–1827. *Зима.*— Изучал морских животных с д-ром Грантом и Колдстримом на побережье Фёрт-оф-Форт.

Весной совершил поездку: Данди, Сент-Андрус, Стёрлинг, далее — Глазго, Белфаст, Дублин, затем — Лондон, Париж [14].

1827. *Осенью* часто бывал в Вудхаусе [15].

Сентябрь.— Мэр и сер Дж. Макинтош [16].

Рождество.— Поехал в Кембридж [17].

1827.–1828. Познакомился с Фоксом и Уэем, и таким образом начал заниматься энтомологией [18].

1828. Крайне увлекся коллекционированием насекомых — весною в Кембридже и осенью в Бармуте [19].

Лето.— Поехал в Бармут (с Гербертом и Батлером) для занятий с Баттертоном [20].

Сентябрь.— Мэр, а затем [поехал] в Осмастон-холл [21] на музыкальные празднества.

1829. *Лето.*— Побывал в Бармуте.

Октябрь.— [Поехал в] Бирмингем с Веджвудами на музыкальные празднества.

1830. Рождественские каникулы провел в Кембридже (?). Продолжал коллекционировать насекомых, охотиться и вести совершенно праздную жизнь.

1831. *Рождество* [январь?].— Сдал экзамены на степень бакалавра [В. А.] и остался [в Кембридже] на два следующих семестра.

В течение этих месяцев проводил много времени с Генсло [22], часто обедая у него и гуляя с ним; близко познакомился с несколькими кембриджскими учеными, что сильно оживило мое слабое рвение [в занятиях науками], не [вполне еще] уничтоженное обеденными пирушками и охотой.

Весною вместе с Рамси и Кирби посетил м-ра Доса: поговорили насчет экскурсии на Тенериф. Весною Генсло убеждал меня подумать о [занятиях] геологией и познакомил меня с Седжвиком. В середине лета немного работал по геологии Шропшира [23].

Август.— Совершил геологический поход через Лланголлен, Рутин, Конуэй, Бангор и Кэйпл-Кьюриг; здесь я расстался с профессором Седжвиком и через горы перебрался в Бармут. В конце августа вернулся в Шрусбери. Отклонил предложение о путешествии [24].

Сентябрь.— Поехал в Мэр, вернулся с дядей Джосом в Шрусбери, затем [поехал] в Кембридж, Лондон.

* Приведенная цитата выписана Дарвином также на заглавном листке «Дневника» с отметкой слева: «Извлечение напечатано». Там же, под цитатой, Дарвин отмечает: «Сообщение о Плиниевском обществе в Эдинбурге: Nature, 20 сентября 1873 г., стр. 38. Мой первый доклад. Второй год в Эдинбурге» [12].

1831. *Сентябрь, 11-го.*— Поехал с капитаном Фиц-Роем на пароходе в Плимут, чтобы осмотреть «Бигль».
Сентябрь, 22-го.— Вернулся в Шрусбери, проехав через Кембридж.
Октябрь, 2-го.— Попрощался с родными. Оставался в Лондоне [до отъезда в Плимут].
Октябрь, 24-го.— Прибыл в Плимут.
Октябрь и ноябрь.— Эти месяцы были очень печальными.
Декабрь, 10-го.— Отплыли, но были вынуждены вернуться.
Декабрь, 21-го.— Вновь вышли в море, но были отогнаны [ветром] назад.
Декабрь, 27-го.— Отплыли от [берегов] Англии в наше кругосветное путешествие.
1832. *Январь, 16-го.*— Впервые высадился на тропическом берегу (Сант-Яго).
Февраль, 29-го.— Пристали к берегу Бразилии.
Декабрь, 2-го.— Пристали к берегу Огненной Земли.
1833. *Декабрь, 6-го.*— В последний раз отплыли из Рио-Платы.
1834. *Июнь, 10-го.*— В последний раз отплыли от Огненной Земли.
1835. *Сентябрь, 5-го.*— Отплыли [окончательно] от западных берегов Южной Америки.
1836. *Май, 31-го.*— Стали на якорь у Мыса Доброй Надежды.
Октябрь, 2-го.— Стали на якорь в Фалмуте [25].
Октябрь, 4-го.— Прибыл в Шрусбери после пяти лет и двух дней отсутствия.
Октябрь, 14-го.— Лондон.
Октябрь, 15-го.— Кембридж.
Октябрь, 20-го.— Лондон.
Октябрь, 28-го.— «Бигль» прибыл в Вулидж [26], и 27-го ноября его команда была отпущена.
Ноябрь, 12-го.— Мэр.
Ноябрь, 16-го.— Шрусбери.
Декабрь, 2-го.— Лондон.
Декабрь, 13-го.— Кембридж.
1837. *Январь.*— Кембридж. Был занят приведением в порядок всех коллекций, изучением минералов, чтением, по вечерам писал понемногу свой «Дневник» [«Путешествие натуралиста»]. Дважды на короткое время съездил в Лондон и [4-го] доложил [в Геологическом обществе] статью о поднятии берегов Чили.
Март, 6-го.— Оставил Кембридж, чтобы поселиться в Лондоне.
Март, 13-го.— Переехал в свою [лондонскую] квартиру на Грейт-Марльборо-стрит, 36.
Май.— [Доложил] в Геологическом обществе работу об образовании коралловых рифов [и] работу о [костеносных] отложениях в пампасах [27].
В *июле* начал первую записную книжку о «Трансмутации Видов» [28].— Начиная приблизительно с прошедшего марта [т. е. с марта этого года] был сильно поражен характером южно-американских ископаемых и видов Галапагосского архипелага. Эти факты (особенно последний) положили начало всем моим воззрениям.

1837. С *13 марта* до *конца сентября* занимался все время своим «Дневником» [«Путешествие натуралиста»].
Июнь, 26-го.— Короткий визит в Шрусбери.
Сентябрь, 25-го.— Вернулся в Шрусбери из Мэра и прибыл в Лондон 21 октября.
Октябрь, 21-го.— Лондон.
Ноябрь, 20-го.— [Поехал на] два дня на остров Уайт, чтобы повидаться с Фоксом.
В октябре-ноябре был занят подготовкой плана «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“», начал «Геологию» и закончил [чтение] корректур «Дневника» [«Путешествие натуралиста»]. Работа о «Червях, образующих растительный слой почвы» [была доложена в Геологическом обществе 1 ноября].

1838. *Январь, 17-го.*— Я закончил описание геологии Галапагосского архипелага и острова Вознесения.
Февраль, 25-го.— Закончил [описание геологии] острова Св. Елены и маленьких островов Атлантического океана. Много размышлял также о сущности вида [29] и читал больше, чем обычно.
Март.— [Работал над] частью о млекопитающих для «Зоологии». Работа о землетрясениях для Геологического общества [доложена 7-го].
Апрель.— [Работал над] частью о птицах для «Зоологии». Таким образом, потеряно много времени.
Апрель, 16-го.— Начал [писать] геологию Мыса Доброй Надежды, залива Короля Георга, Сиднея.
Май, 1-го.— Нездоров, ничего [не сделал] по геологии из того, что было намечено, и [ничего по] видам.
Май, 10-го.— Поехал в Кембридж на 4 дня.
Май, 15-го.— Начал [писать] геологию Хобарт-тауна и Новой Зеландии.
Май, 22-го.— Начал [писать] геологию Сант-Яго, островов Зеленого мыса.
Июнь (начало).— Готовил первую часть «Птиц».— Кое-что по геологии Сант-Яго и по теории видов, и потерял очень много времени из-за болезни.
Июнь, 23-го.— Отправился на пароходе в Эдинбург (один день [провел] в Солсберийских скалах). Затратил добрых восемь дней в Глен-Рое; вернулся морем через Гринок и Ливерпуль, ночевал в Овертоне и приехал в Шрусбери 13-го июля [30].
Основательно бездельничал в Шрусбери; сделал несколько записей со слов моего отца [31]. Начал записную книжку по метафизическим изысканиям [32].
Июль, 29-го.— Поехал в Мэр.
Август, 1-го.— Лондон. Начал статью о Глен-Рое и закончил ее. В августе читал порядочное количество различных занимательных книг и уделял некоторое внимание метафизическим вопросам.
Сентябрь, 6-го.— Закончил статью о Глен-Рое — один из самых трудных и поучительных вопросов, какими я когда-либо занимался [33].
Сентябрь, 14-го.— Растратил по мелочам несколько предыдущих

1838. дней, работая над трансмутационной теорией и исправляя [статью о] Глен-Рое. Начал [изучение] теории кратеров поднятия [34].

В течение всего сентября порядочно читал по многим вопросам; много размышлял о религии. В начале октября — то же.

Октябрь, 5-го.— Начал статью о коралловых рифах, для чего необходимо много прочитать.

Октябрь, 25-го.— Поехал отдохнуть на два дня в Виндзор [35], чудесная погода, восхитительно.

Октябрь, 27-го.— [Начал писать] предисловие и приложение о теории эрратических валунов к «Дневнику» [«Путешествие натуралиста»] [36].

Ноябрь, 9-го.— Поехал в Мэр.

Ноябрь, 11-го, воскресенье.— Лучший из дней! [37]

На следующий день поехал в Шрусбери. 17-го вернулся в Мэр и 20-го — в Лондон.

Потерял 7 и 8 ноября из-за нездоровья. Последняя неделя ноября потеряна полностью. В начале декабря приготовил порядочное количество по «Птицам». С 6-го по 21-е занимался [поисками] дома и хозяйственными делами. До конца года [продолжал] поиски дома, немного читал и потерял некоторое время из-за плохого состояния здоровья.

Декабрь, 6-го.— К величайшему счастью для меня, Эмма приехала в город (т. е. в Лондон).

Декабрь, 21-го.— Эмма уехала в Мэр.

Декабрь, 31-го.— Поселился на Аппер-Гауэр-стрит, 12 [38].

1839. В течение первой недели января исправлял статью о Глен-Рое. Весь остальной месяц ничего не делал.

Январь, 11-го.— Поехал в Шрусбери.

Январь, 15-го.— Поехал в Мэр.

Январь, 18-го.— Поехал в Лондон.

Январь, 25-го.— Шрусбери.

Январь, 28-го.— Мэр.

Январь, 29-го.— Сегодня, в возрасте тридцати лет, женился в Мэре, [после чего] вернулся в Лондон.

Февраль, 5-го.— Начал [изучать] немецкий язык.

Февраль, 7-го.— Возобновил работу над статьей о коралловых рифах.

Конец февраля и первая неделя марта.— Статья о землетрясениях, затем немного работал [по вопросу] о видах и над статьей о коралловых рифах.

Конец марта и почти весь апрель.— Статья о коралловых рифах.

Апрель, 26-го.— Поехал в Мэр. Во время пребывания в Мэре немного читал по вопросу о видах, но сделал очень мало, так как болел.

Май, 13-го.— Поехал в Шрусбери.

Май, 20-го.— Поехал в Лондон.

С 20 мая до 30 июля.— Карта для «Коралловых островов»; орнитологическая часть [«Зоологических результатов] путешествия на „Бигле"»; некоторое время потерял из-за болезни; немного читал для [работы о] видах; до 23 августа — карта коралловых островов и [чтение] «Horticultural Transactions» [39].

1839. *Август, 23-го.*— Поехал в Мэр, а затем, 26-го, в Бирмингем для участия в съезде Британской ассоциации [40].

Сентябрь, 12-го.— [Поехал] в Шрусбери, где оставался десять дней.

Октябрь, 2-го.— Прибыл в Лондон.

Декабрь, 27-го.— В 9½ часов утра родился мальчик [41].

Во время моего пребывания в Мэре немного читал, был очень нездоров и скандально бездельничал. В результате я весьма основательно понял, что нет *ничего* более невыносимого, чем безделие. В течение последней недели исправлял «Орнитологию» [42]. 10-го октября возобновил работу над статьей о коралловых рифах.

24 декабря заболел и, за исключением двух или трех дней,
1840. продолжал болеть до 24 февраля [1840 г.]. В перерывы [болезни] немного читал для [работы по] трансмутационной теории, но в других отношениях потерял целых три месяца, [так как после 24 февраля] снова заболел и до 26 марта не мог приступить к книге о коралловых рифах [43].

Апрель, 3-го.— Поехал на неделю в Шрусбери один.— Работал над книгой о коралловых рифах.

Июнь, 10-го.— Поехал в Мэр и побывал в Шрусбери.

Август, 4-го.— Заболел.

Ноябрь, 14-го.— Вернулся в Лондон. В течение этого месяца, когда чувствовал себя достаточно хорошо, порядочно поработал над трудом о видах.

Декабрь, 15-го.— Начал [работу над] оставшимися птицами для «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“».

1841. *Февраль, 20-го.*— Закончил [работу по описанию птиц для «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“»]. Начал статью о валунах и валунной глине Южной Америки; закончил [ее] 4 апреля. Ленился и болел.

Март, 2-го.— Родилась Энни.— Рассортировал заметки по теории видов.

Май, 28-го.— Поехал в Мэр и Шрусбери; читал очень мало; вернулся в Лондон 23 июля. 26 июля приступил к работе над «Коралловыми рифами» после перерыва, длившегося более тринадцати месяцев.

1842. *Январь, 3-го.*— Отослал издателям рукопись «Коралловых рифов».

Март, 7-го.— Поехал на 10 дней в Шрусбери.

Май, 6-го, 1842 г.— Исправил последнюю корректуру книги о коралловых рифах. Я начал это сочинение три года и семь месяцев назад. Из этого времени я затратил на нее около двадцати [месяцев], не считая работы, произведенной во время путешествия на «Бигле»; помимо того, я завершил всего лишь часть о птицах для «Зоологии», «Приложение» к «Дневнику» [путешествия], статью о валунах и исправил статьи о землетрясениях и о Глен-Рое; читал о видах: все остальное время потеряно из-за болезни.

Май, 18-го.— Поехал в Мэр, 15 июня — в Шрусбери и 18-го — в Кейпл-Кьюриг — Бангор — Карнарвон — Кэйпл-Кьюриг [44], в об-

1842. щем десять дней, для исследования [результатов] деятельности ледников. Во время моего пребывания в Мэре и Шрусбери (через пять лет после того, как я начал [работать над этой проблемой]) я написал карандашом очерк моей теории видов.— 18 июля вернулся в Лондон. Написал статью о ледниках [Карнарвоншира], переписал заметки о видах. Хлопотал относительно Дауна. Эмма приехала в Даун 14 сентября, а я последовал за ней 17-го. Мэри-Элеонора родилась 23 сентября, умерла 16 октября.

14 сентября 1842 г. мы переехали в Даун.

Октябрь, 14-го.— Приступил к «Вулканическим островам», сокращая и приводя в порядок рукописи Конингтона [45].

1843. *Июль, 8-го.*— [Поехал] на неделю в Мэр и Шрусбери.

Июль, 12-го.— Скончался Дж. В.

12 июля 1843 г. скончался Джосайя Веджвуд.

До этого [времени] мало что сделал весною из-за строительных работ [в Дауне], за исключением кое-чего по труду о видах, и по возвращении вновь приступил к «Вулканическим островам».

Сентябрь, 25-го.— Родилась Генриетта-Эмма Д[арвин].

Октябрь, 12-го.— [Поехал] в Шрусбери на 12 дней.

Статьи о Sagitta и о сохранении семян.

Шестнадцать месяцев [работы] над книгой о «Вулканических островах».

1844. *Январь, 5-го.*— Отослал издателям рукопись «Вулканических островов». 13 февраля закончил исправление [корректур]. В промежутках и еще до того времени понемногу расширял и улучшал карандашный очерк теории видов на 35-ти страницах (написанный в середине лета 1842 г.).

Апрель, 23-го.— [Поехал] в Мэр и Шрусбери, вернулся 30 мая.

Июль, 5-го.— Послал написанный [мною] очерк теории видов (спустя семь лет после начала работы), около 230-ти страниц, м-ру Флетчеру для изготовления копии [46]. Исправил ее на последней неделе сентября.

Статьи об атлантической пыли, о планариях.

Привел в порядок свои коллекции [47].

Июль, 27-го.— Начал [писать «Геологию] Южной Америки».

Октябрь, с 18-го до 29-го.— [Находился] в Шрусбери.

1845. *Апрель, 24-го.*— Закончил в первом варианте [«Геологию] Южной Америки» (девять месяцев).

Апрель, 25-го.— Приступил к [подготовке] 2-го издания «Дневника» [«Путешествия натуралиста»]. 25 августа закончил его (четыре месяца). Недели две отдыхал, ничего не делал.

Апрель, 29-го.— [Поехал] в Шрусбери, вернулся 10 мая.

Джордж-Говард родился 9 июля.

Сентябрь, 15-го.— [Поехал] в Шрусбери, Линкольншир, Иорк. Декан Манчестерский, Уотертон, Чатсуорс. [Через] Кемп-Хилл вернулся домой 26-го октября [48].

Октябрь, 29-го.— Возобновил [работу над] «Геологией Южной Америки».

4000 экземпляров нового издания «Дневника» [«Путешествие натуралиста»] было продано на 1-е января 1847 г. [49]

1846.

Октябрь, 1-го.— Закончил последние корректуры моего [сочинения] «Геологические наблюдения в Южной Америке». Это сочинение и статья о Фолклендских островах в «Геологическом журнале» отняли у меня 18,5 месяцев; однако рукопись не была столь безупречной, как рукопись «Вулканических островов». Таким образом, [вся] моя «Геология» [т. е. все три геологических труда] отняла у меня 4,5 года; ныне 10 лет со времени моего возвращения в Англию — как много времени потеряно из-за болезни!

Октябрь, 1-го.— Статья о новой [форме] Balanus — Arthrobalanus. 10 дней в Лондоне; в течение двух дней визиты и прием посетителей, несколько дней болел.

Ноябрь, декабрь.— Conia и Megatrema [50].

1847.

Январь, 1-го.— Conia.

Февраль.— Balanus.

Март.— Acasta и Clisia.

Апрель, 14-го.— Потерял несколько недель из-за фурункулов и нездоровья.

Tubicinella. Coronula.

Декабрь, 18-го.— Анатомия стебельчатых усоногих [Pedunculata] [53].

С 1 января 1847 до января 1848 г. Мёррей продал 236 экземпляров моего «Дневника». Всего до 1 января 1848 г. [продано] 4100 экз.

1848.

Март, 20-го.— Закончил научную инструкцию [по геологии] [55] и статью о переносе валунов с более низкого уровня на более высокий.

Апрель, 19-го.— Доложил [в Геологическом обществе] статью о

1846.

Февраль, 21-го.— [Поехал] в Шрусбери, 3 марта [вернулся] домой.

Июль, 31-го.— [Поехал] туда же, 9 августа [вернулся] домой.

Сентябрь, 9-го.— [Поехал] с Эммой в Саутгемптон на [съезд] Британской ассоциации; 12-го в Портсмут и на побережье острова Уайт; 13-го — в Винчестер и Сент-Кросс; 14-го — в Ретли-Абби и Саутгемптон; вернулись домой 17-го [51].

Сентябрь, 22-го.— [Поехал] с Эммой и Сюзен в Нол-Парк [52].

1847.

Февраль, 19-го.— [Поехал] в Шрусбери, 5 марта [вернулся] домой.

Июнь, 22-го.— [Поехал] на [съезд] Британской ассоциации в Оксфорд. — Бленейм — Нанитон — Дромпор — Бёрнгем — Бичс [54]. [Вернулся] домой 1 июля.

Октябрь, 22-го.— [Поехал] в Шрусбери.

Ноябрь, 5-го.— [Вернулся] домой.

1848.

Май, 17-го.— [Поехал] в Шрусбери. 1 июня [вернулся] домой.

Июль, 22-го.— [Поехал] в Суонадж близ Уэргема и Корф-Касла. Затем, 29-го, на яхте сэра У. Симонд-

1848.

переносе валунов. Обе эти [статьи] написаны в перерывы работы [над усоногими].
Около 1 ноября.— Начал [работать над видом *Lepas*] *anatifera*[56].
13 января 1849 г. закончил.
С июля до конца года тяжело болел: головокружения, слабость, дрожь и частые тяжелые приступы тошноты.

1849.

Январь, 1-го до 10 марта.— Состояние здоровья очень плохое — частые тошноты, упадок сил. Работал, пользуясь каждым благополучным днем.

Март, 10-го до 30 июня.— [Поселился] на даче в Молверне[58]; полное безделие; здоровье значительно улучшилось.

Июль, 15-го.— Возобновил [работу над] систематической частью стебельчатых усоногих [Pedunculata] — современных и ископаемых.

1850.

Апрель, 28-го.— Начал [работать над] систематикой сидячих усоногих [Sessilia].

Декабрь, 30-го.— Закончил [работу над] Balanus и Pachymina [Pachylasma?][59].

1851.

В начале года закончил ископаемых Lepadidae, подготовлял к печати современных Lepadidae.

Август, 18-го.— Начал [чтение] корректур.
Ноябрь, 12-го.— Закончил [чтение] корректур и начал [работать] над родом Conia (или сидячими усоногими) и Elminius[62].

1848.

са — в Пул, проведя утро в Нью-Форесте[57].
Октябрь, 10-го.— [Поехал] в Шрусбери. 25 октября [вернулся] домой.
Ноябрь, 17-го.— [Поехал] туда же. 26 ноября [вернулся] домой.
Мой отец умер утром 13 ноября на 83-м году жизни. Он родился в Личфилде 30 мая 1766 г. Он был 3-м сыном Эразма Дарвина (родившегося в Элстоне в 1731 г.). В Шрусбери он поселился около 1786 г.

1849.

Сентябрь, 11-го до 21-го.— [Находился на съезде] Британской ассоциации в Бирмингеме; в воскресенье поехал в Молверн.

1850.

Июль, 11-го до 18-го.— Молверн.
Август, 10-го до 16-го.— Лит-Хилл.

Октябрь, 14-го.— Хартфильд; 18-го [поехал] в Рамсгет[60]; 22-го [вернулся] домой.

1851.

Март, 24-го.— [Поехал] в Молверн с Энни и Этти, вернулся домой 31-го.

Апрель, 16-го.— Отправился в Молверн. 23 апреля наше дорогое дитя угасло[61]. 24-го я вернулся к Эмме. Наша любимая девочка [Энни] родилась 2 марта 1841 г.

1852.

Весь год [работал над] родами сидячих усоногих [Sessilia]. Acasta. (Pyrgoma и Escuria [?] — 41 день). Coronula (19 дней). Platytypes [Platylepas?].

Tubicinella. Xenobalanus. Chelonobia. (Chthamalus — 36 дней). Chamaesipho. Octomeris. Catophragmus. Вновь начал [работать над] Balanus. Рисунки Balanidae, сделанные м-ром Соуэрби, [готовы]. Начал [работать над] Verruca [66].

1853.

Весь год готовил к печати рукопись сидячих усоногих, а именно: Verruca, Alcippe.

Cryptophialus, Alcippe [передал] м-ру Соуэрби для изготовления рисунков 20 сентября.

Класс Cirripedia [67].

1854.

Февраль, 3-го.— Первые корректуры «Сидячих усоногих» [«Cirripedia sessilia»].

Июль, 15-го.— Закончил [чтение] второй корректуры того же.

Сентябрь, 9-го.— Закончил упаковку всех моих усоногих, подготовку ископаемых Balanidae, распределение экземпляров моего труда [для рассылки] и пр. и пр. Для [прочтения] немногих оставшихся еще корректур «Ископаемых Balanidae» мне остается поработать с неделю или больше. Я начал [работать над усоногими] 1 октября 1846 г. 1 октября исполнится 8 лет с тех пор, как я начал! Но я потерял год или два из-за болезни.

1851.

Июль, 30-го.— [Поехал] в Лондон и вернулся 10 августа [от] Эразма, [у которого гостил], чтобы посмотреть Выставку [63] и пр.

1852.

Март, 24-го.— [Поехал] на один день в Регби [64], затем — в Шрусбери. [Вернулся] домой 1 апреля.

Сентябрь, 11-го.— [Поехал] в Лит-Хилл. 16-го вновь дома. (Проехал в пассажирском вагоне через Годстон и Райгет) [65].

1853.

Июль, 14-го.— [Поехал] в Истборн, затем — в Брайтон и Гастингс; [вернулся] домой 4 августа [68].

Август, 13-го.— [Поехал] в Хермитидж, чтобы [посмотреть маневры на] Чобгемском поле. 17-го [вернулся] домой [69].

Ноябрь, 13-го.— Мне присуждена медаль Королевского общества.

1854.

Март, 13-го.— [Поехал] в Хартфилд из-за болезни Френки; вернулся 17-го.

Июль 13—15-го.— Хартфилд.

Октябрь, 9—14-го. — Лит-Хилл. (*Декабрь.*— Лэнни и Френки больны) [70].

1854.

Сентябрь, 9-го.— Начал распределять заметки для [сочинения о] теории видов [71].

1855.

Март и апрель.— Был занят главным образом [работой по] сравнению семян, ставя опыты с семенами в соленой воде и читая [72].

1856.

Май, 14-го.— Начал, по совету Лайелля, *писать* очерк о видах.

Октябрь, 13-го.— Закончил 2-ую главу (и до того часть [главы] о географическом распределении).

Декабрь, 16-го.— Закончил 3-ью главу [74].

1857.

Январь 26-го.— Закончил 4-ую главу: изменчивость [в] природе.

Март, 3-го.— Закончил 5-ую главу: борьба за существование.

Март, 31-го.— Закончил 6-ую главу: естественный отбор.

Сентябрь, 29-го.— Закончил 7-ую и 8-ую главы, но один месяц потерял в Мур-Парке.

Сентябрь, 30-го до 29 декабря.— [Работал над главой] о гибридизации.

1858.

Март, 9-го.— Закончил главу об инстинкте.

1855.

Январь, 18-го.— Поселился [в Лондоне:] 27 Иоркская площадь, [Аппер-]Бейкер-стрит. 15 февраля вернулся домой.

Сентябрь, 10-го.— Отправился в Глазго [на съезд] Британской ассоциации. Ночевал с Эммой в Карлайле [73]. 19-го поехали обратно; ночевали в Карлайле и 20-го прибыли в Шрусбери, а 22-го я вернулся домой.

1856.

Сентябрь, 13-го.— Лит-Хилл; вернулся 19-го.

Ноябрь.— Умерла тетя Сара [75].

Декабрь, 6-го.— Родился Чарлз-Уоринг Дарвин [76].

1857.

Апрель, 22-го.— Мур-Парк [77]. Вернулся 6 мая. [Лечение] подействовало на меня поразительно хорошо.

Июнь, 16-го.— [Поехал] в Мур-Парк, вернулся 30-го. Этти здесь [дома?]. 27-го [июня] побывал в Селборне [78].

В конце сентября у Лэнни около недели был сильно перемежающийся пульс, но сейчас, 6 октября, он кажется вполне здоровым. В конце октября по временам плохо. 13 ноября кажется вполне здоровым.

(*Ноябрь, 5-го—12-го.* — Мур-Парк.)

1858.

Апрель, 20-го.— Мур-Парк. Вернулся 4 мая.

1858.
Апрель, 14-го.— Обсуждение [вопроса] об обширных и малых родах и о дивергенции; исправил [в Мур-Парке] главу 6-ую; закончил 12 июня, а также [раздел о] пчелиных ячейках.

Июнь, 14-го.— Голуби (прервал).

[*Июнь, 18-го.*— Получил от А. Р. Уоллеса очерк его эволюционной теории].
[*Июль, 1-го.*— Работы Дарвина и Уоллеса о происхождении видов путем естественного отбора были доложены в Линнеевском обществе].

Июль, 20-го до 12 августа.— Начал в Сандауне [79] [работать над] «Извлечением» из сочинения о видах.

Август, 17-го.— Вновь начал [работать над] рукописью о скелетах и голубях [82].

Сентябрь, 16-го.— Возобновил [работу над] «Извлечением»: разделы III и IV.

Октябрь, 8-го.— Начал раздел V «Извлечения» — о законах изменчивости; закончил 22-го.

Октябрь, 23-го.— Раздел VI — Затруднения, [встречаемые теорией]; закончил 13 ноября (Мур-Парк).

Ноябрь, 13-го.— Инстинкт.— 30-го — гибридизация.

Декабрь, 11-го.— Геологическая последовательность.

1858.
Этти очень больна.

Июнь, 28-го.— Бедный дорогой ребенок [Чарлз-Уоринг] умер.

Июль, 9-го.— [Поехал] в Хартфилд, 16-го — на остров Уайт; 17-го — Сандаун, 27-го — Шанклин [80]. 13 августа [вернулся] домой.
Октябрь, 25-го.— Мур-Парк. Вернулся 1 ноября.
Марианна Паркер [81] умерла в июле.

1859.
Январь, 15-го. — «Извлечение»: [главы о] геологии, [географическом] распределении.

Февраль, 28-го.— [Глава о] сродстве и классификации.

Март, 19-го.— Начал пересмотр первых глав рукописи и закончил последнюю главу.

1859.
(Медаль от Геологического общества).
Февраль, 5-го—19-го.— Мур-Парк не помог мне так хорошо, как обычно.
Май, 21-го—28-го.— Мур-Парк.

Июль, 19-го—26-го.— Мур-Парк.
Август, 20-го—23-го.— Лит-Холл.

1859.

Май, 25-го.— Начал [чтение] корректурных листов [«Происхождения видов»].

Октябрь, 1-го.— Закончил [чтение] корректур. 13 месяцев и 10 дней [работы] над «Извлечением о происхождении видов». Отпечатано 1250 экземпляров.

В течение конца ноября и в начале декабря был занят исправлением [книги] для 2-го издания в 3000 экземпляров.

Множество писем.

1-е издание было выпущено в свет 24 ноября, и все экземпляры — 1250 — были проданы в первый же день.

1860.

Январь, 9-го.— Начал пересматривать (с частыми перерывами) рукописи для [будущего] труда об изменениях. Письма и подготовка иностранных изданий «Изменений» [? «Происхождения видов»?].

Март, 24-го.— Начал «Введение» [т. е. «Исторический очерк»] к книге [«Происхождение видов»] [84].

Июнь, 10-го.— Закончил 2-ую главу [«Изменений»] о голубях; привел в порядок заметки и экспериментальные данные для следующей главы.

Август, 11-го.— Начал главу III [«Изменений»].

В течение июля в Хартфилде, а позже также и в Истборне занимался дрозерой [88].

1861.

Март, 20-го.— Закончил главу III «Изменений в условиях одомашнения» и начал главу IV-ю.

(В декабре прошлого года и в ян-

1859.

Октябрь, 2-го.— Отправился [на водолечение] в Илкли [83]. Вернулся домой (остановившись на два дня в Лондоне) 9 декабря.

1860.

Январь.— Мёррей сообщает, что в настоящее время продано 6000 экземпляров моего «Дневника [натуралиста]».

Январь, 7-го.— Вышло в свет 2-е издание «Происхождения видов», 3000 экземпляров.

Май, 22-го.— 1-е издание «Происхождения» в Соединенных Штатах выпущено в [количестве] 2500 экземпляров.

Июнь, 28-го до 7 июля.— Садбрук-Парк [85].

Июль, 10-го до 2 августа.— Хартфилд [86]. (Этти долго болела).

Сентябрь, 22-го.— [Поехал] в Истборн [87]. Вернулся 10 ноября — семь недель из-за болезни Этти.

[Суммы, полученные за происхождение видов»:]

	Фунтов
Май, 28-го. 1-е изд.	180.
Июль и окт. 2-е изд. .	636.13,4.
Май. Америк. издание . . .	21.17,6.
(61 г.), то же, 1861 г. .	10.10
1861, апр. 30-го. 3-е изд. .	372

1861.

Новое издание «Происхождения [видов]» — 2000 экземпляров — вышло в свет в апреле [30-го].

1861.

варе подготовил новое, третье, издание «Происхождения [видов]»: 2000 экземпляров.)

Май, 16-го.— Закончил [раздел о] курах (8 недель).

Май, 31-го.— [Закончил раздел об] утках.

Июль, 1-го.— Во время пребывания в Торки написал статью об орхидеях [90]. Всю остальную часть года [работал над] книгой об орхидеях.

1861.

Июль, 1-го.— Отправился в Торки [89] и вернулся 27 августа. 8 недель и один день.

1862.

Апрель, 28-го.— Закончил книгу об орхидеях. Помимо отдельных отрывков времени, [затраченных на эту тему] в разные годы, у меня ушло на эту книгу 9 месяцев, не считая Торки; но за это время я написал [еще] статью о примуле, [подготовил материал для] 2-го немецкого [?] [91] издания «Происхождения [видов]» и [ставил] опыты,— скажем, 10 месяцев, включая сюда половину времени, [проведенного] в Торки.

Май, 15-го.— Книга об орхидеях вышла в свет.

В июне и июле много времени ушло из-за болезни Леонарда. Закончил [для главы VIII «Изменений»] шелкопрядов, гусей и пр.

Октябрь, 7-го.— Данные о разновидностях [культурных] растений.

Декабрь, 11-го.— Закончил длинную главу [о культурных растениях].

Статья о Linum.

Декабрь, 21-го.— Почковые вариации.

1862.

Февраль, март и апрель.— Горас болел.

Май, 15-го до 22-го.— Лит-Хилл-Плейс.

Июнь, июль, август.— Леонард был очень серьезно болен скарлатиной.

Август, 12-го.— [Поехал] в Саутгемптон.

У Эммы скарлатина.

Сентябрь, 1-го.— [Поехали] в Борнемут [92]; 30 сентября [вернулись] домой.

1863.

Январь, 23-го.— Главу о наследственности закончил 1 апреля; [она] взяла у меня шесть с половиной недель, [но часть] времени я потерял из-за болезни и [поездки в] Лондон.

1863.

Февраль, 4-го до 14-го.— Гостил у Эразма [в Лондоне].

Апрель, 27-го до 13 мая.— Хартфилд и Лит-Хилл-Плейс.

Сентябрь, 2-го.— Молверн-Уэлс [93]; вернулся 14 октября. Затем болел.

1863.

Апрель, 1-го.— Главу о скрещивании и бесплодии закончил 16 июня: [она] взяла у меня 8 недель, [но часть] времени я потерял из-за [поездки в] Хартфилд, болезни и пр.

Июнь, 16-го.— [Главу об] отборе закончил 20 июля.

1864.

Около 20 апреля начал подсчет семян Lythrum.

Закончил статью о Lythrum около 25 мая. Начал статью о [растениях с] усиками и закончил ее 13 сентября, но в дальнейшем около двух недель [потратил] на дополнения. Следовательно, эта статья о лазящих растениях отняла 4 месяца!!

Сентябрь, 14-го.— Начал [писать] о законах изменчивости для «Изменений домашних животных и культурных растений» и закончил эту главу 16 ноября. Затем я вновь начал просматривать первые главы книги о «Домашних животных и пр.».

1865.

Январь, 1-го.— Я продолжал [работать] над «Домашними животными и пр.», гл. X, до 22 апреля, когда я заболел и продолжал в дальнейшем (за исключением одной недели) болеть, и не был в состоянии что-либо делать (за исключением чтения «Происхождения [видов]» для 2-го французского издания) [96] до начала декабря, когда я приступил к корректированию [работы] о гомоморфных семенах [97]. 25 декабря я снова принялся за X главу «Домашних животных».

1863.

Был болен до конца года.

Апрель, 13-го.— Длительная тошнота.

Апрель, 20-го.— Доктор Дженнер.

Май, 22-го.— Доктор Дженнер [94].

1864.

Весь *январь, февраль, март* болел.
13 апреля длительная тошнота.
Август, 25-го.— [Поехали] к Элизабет в Честер-Плейс на одну неделю.

Тяжелая болезнь продолжалась 7 месяцев.

Коплеевская медаль [95].

1865.

Заболев 22 апреля, почувствовал себя немного лучше в середине сентября.

Ноябрь, 8-го.— Поехал к Эразму и гостил [у него] десять дней, и снова заболел, простудившись, но в начале декабря состояние мое улучшилось.

1866.

Продолжал исправлять главы «Домашних животных».

Март, 1-го.— Начал [работать] над 4-м изданием «Происхождения [видов»], [которое будет выпущено в количестве] 1250 экземпляров (получил за него 238 фунтов); т. е. всего [в четырех изданиях] 7500 экз.

Май, 10-го.— Закончил «Происхождение [видов», 4-е изд.], за исключением второй корректуры, и начал пересматривать гл. XIII «Домашних животных».

Ноябрь, 21-го.— Закончил [главу о] пангенезисе.

Декабрь, 21-го.— Закончил пересмотр всех глав [«Изменений»] и отослал их в печать.

Декабрь, 22-го.— Начал заключительную главу книги [«Изменения домашних животных» и пр.].

1866.

Апрель, 21-го до 2 мая.— [Поехал] к Эразму.

Май, 29-го до 2 июня.— Лит-Хилл-Плейс.

Ноябрь, 22-го до 29-го.— [Поехал] к Эразму.

Февраль, 2-го.— Умерла Кэтрин.

Октябрь, 3-го— Умерла Сюзен.

1867.

Последняя глава «Изменений в условиях одомашнения» и начало [работы над] очерком о человеке. Первая корректура [«Изменений»] пришла 1 марта. Вторую корректуру закончил 15 ноября. Я приступил к [работе над] этой книгой в начале 1860 г. (причем у меня имелись уже тогда некоторые рукописные материалы), но из-за перерывов [в работе], вызванных моей болезнью и болезнью детей, из-за [подготовки] различных изданий «Происхождения [видов]» и статей — особенно книги об орхидеях и [книги] о лазящих растениях — я потратил на него 4 года и 2 месяца.— 1260 экземпляров [«Изменений»] продано Мёрреем.

Книга фактически вышла в свет только 30 января 1868 г.

1867.

Февраль, 13-го до 21-го.— [Поехал] к Эразму.

Июнь, 17-го до 24.— То же.

Сентябрь, 18-го до 24-го.— То же; все время [чувствовал себя] плохо.

Ноябрь, 28-го до декабря.— То же; [чувствовал себя] очень хорошо.

1868.

Новая книга об «Изменениях в условиях одомашнения» вышла в свет 30 января — 1500 экземпляров[98]. 10 февраля было отпечатано новое издание в [количестве] 1250 экземпляров. Я получил за это издание 720 фунтов.

В середине декабря 1867 г. начал [работать над сочинением] «Об иллегитимном потомстве диморфных и триморфных растений и о видовых различиях у Primula» и закончил [эту работу] 1 февраля [1868 г.].

Февраль, 4-го.— Начал [работать над сочинением] о человеке и половом отборе[100].

Май, 17-го.— Птицы — половой отбор [у них].

Декабрь, 26-го.— Пятое издание «Происхождения [видов]». Будет издано 2000 экземпляров.

1868.

Март, 3-го.— [Поехал] на неделю к Эразму, а затем на три недели в гости к тете Элизабет [в Лондон]. Вернулся домой 1 апреля.

Июнь, 23-го.— Заболел и продолжал болеть до 16 июля, и вряд ли что-либо делал.

Июль, 16-го.— [Поехал] на остров Уайт на взморье[99].

Август, 21-го.— Вернулся в Даун, переночевав в Саутгемптоне.

Ноябрь, 7-го до 16-го.— [У] Эразма.

1869.

Февраль, 10-го.— Закончил [подготовку] 5-го издания «Происхождения [видов]», что отняло у меня 46 дней.

Февраль, 11-го.— Половой отбор у млекопитающих и человека, и вступительная глава о половом отборе (да 10 дней на заметки об орхидеях) — до 10 июня, когда я поехал в Северный Уэльс.

4 августа вновь приступил к пересмотру всех глав о половом отборе.

1869.

Февраль, 16-го до 24-го.— [Поехал] к Эразму.

Июнь, 10-го.— Отправился [с семьей] в Кардин, Бармут, переночевав [по дороге] в Шрусбери[101]. Вернулся 31 июля, остановившись на ночь в Стаффорде[102].— Слаб и нездоров.

Ноябрь, 1-го до 9-го.— [У] Эразма.

1870.

Я узнал, что Мёррей отпечатал 9000 экземпляров моего «Дневника путешествия» [на «Бигле»] и Колбёрн[103] — 1500, всего 10 500 экземпляров.

Весь этот год [провел] за работой над [сочинением] «Происхождение человека и половой отбор».

1870.

Март, 5-го до 10-го.— [У] Эразма.

Май, 20-го до 24-го.—[В] Кембридже.

Июнь, 24-го до 1 июля.— [У] Эразма.

Август, 13-го до 26-го.— Саутгемптон, [в гостях] у Уильяма.

1870.

Я начал это сочинение 4 февраля 1868 г., но [работал со] многими перерывами.— [Книга] отправлена в печать 30 августа (70 г.) и закончил последнюю корректуру... [105]

1871.

Я начал «Происхождение человека и половой отбор» 4 февраля 1868 г. и сейчас, *15 января,* исправил последнюю корректуру; таким образом, это сочинение отняло у меня почти 3 года, но [при этом] «Происхождение [видов]» отняло 46 дней и заметки об орхидеях — 10 дней, и здоровье требовало многочисленных поездок для отдыха.

«Происхождение человека» вышло в свет 24 февраля. Сначала было отпечатано 2500 экземпляров и [еще] 2000 было [затем] допечатано. Получил 1470 фунтов.

Январь, 17-го.— Начал «Выражение [эмоций]» и закончил последнюю [главу] чернового текста 27 апреля. Много перерывов [в работе].

Июнь, 28-го.— Начал [подготовку] 6-го издания «Происхождения [видов]»; *29 октября* закончил рукопись, но потерял два месяца из-за болезни.

Ноябрь и декабрь.— Корректуры «Происхождения видов», [работа над] «Выражением и пр.», болезнь и поездки.

1872.

Январь, 10-го.— Закончил корректуру [6-го издания] «Происхождения [видов]» и наново переписал «Выражение [эмоций]».

Август, 22-го.— Закончил последние корректуры «Выражения», которое я начал [писать] 17 января

1870.

Октябрь, 13-го до 20-го.— Лит-Хилл и Ихтхейм-Моут [104].

Декабрь, 8-го до 14-го.— [У] Эразма.

1871.

Февраль, 23-го до 2 марта.— [У] Эразма.

Апрель, 1-го до 5-го.— То же.

Май, 11-го до 19-го.— Саутгемптон.

Июнь, 24-го до 30-го.— [У] Эразма.

Июль, 28-го.— [Поехал] в Хэрдин-Олбёри [106]. [Вернулся] домой 25 августа.

Август, 31-го.— Генриетта вышла замуж.

Ноябрь, 3-го до 10-го.—Лит-Хилл-Плейс.

Декабрь, 14-го до 22-го.—[У] Эразма.

1872.

Февраль, 13-го до 21 марта.—Лондон, Девоншир-стрит 9, Портленд-Плейс (5 недель) [107].

Июнь, 8-го до 20-го.— Саутгемптон.

Август, 13-го до 21-го.—Лит-Хилл-Плейс.

1872.

прошлого года. (Оно отняло у меня около 12 месяцев).

Август, 23-го.— Начал заниматься дрозерой.

Ноябрь, 3-го.— Начал писать о том же.

Ноябрь, 8-го.— Мёррей продал лондонским книготорговцам 5267 экземпляров книги о «Выражении».— Издание состоит из 7000 [экземпляров], вышедших в свет в ноябре; 2000 [вышло] в конце года дополнительно.

1873.

Январь, 15-го.— Закончил «Drosera» [т. е. «Насекомоядные растения»] 14-го и переработал «Лазящие растения».

Февраль, 3-го.— Начал [работу по вопросу] о вредном действии скрещивания [109].

Июнь, 14-го.— Вновь приступил к «Drosera».

Октябрь, 20-го.— Начал исправление рукописи «Drosera».

Ноябрь, 20-го.— Начал исправление «Происхождения человека» для 2-го издания и продолжал [это] весь конец года и в следующем году.

1874.

Второе издание «Происхождения [человека]» и «Коралловых рифов». «Происхождение [человека]» взяло 3 месяца.

Апрель, 1-го.— Начал «Насекомоядные растения» (перерывы из-за корректур) и продолжал [работать над этим сочинением] всю остальную часть года: писал и [производил] некоторые наблюдения.

1872.

Октябрь, 5-го до 26-го.— Севноукс-Коммон [108].

Декабрь, 17-го до 23-го.— [У] Эразма (все время был нездоров).

1873.

Март, 15-го до 10 апреля.— [Жил в Лондоне на] Монтегю-стрит, 16.

Июнь, 4-го до 12-го.— Лит-Хилл-Плейс.

Август, 5-го до 9-го.— [Был] в Абинджере; с 9-го до 21-го — в Бассете [110].

Ноябрь, 8-го до 18-го.— [Пробыл у Генриетты в Лондоне на] Брайанстон-стрит (очень приятно).

Экземпляры переводов [моих работ] проданы в Германии [на] 1 февраля 1874 г. [в количестве]:

«Происхождение [видов]» .	6500
«Происхождение человека»	5000
«Изменения» . . .	1700
«Выражение [эмоций]» .	3000
«Орхидеи»	600

1874.

Январь, 10-го до 17-го.— [У] Эразма.

Апрель, с 21-го до 29-го.— [У] Генриетты.

Июль, 25-го.— [Поехал] в Абинджер, 30-го — к Уильяму.

Август, 24-го.— [Вернулся] домой.

Декабрь, 3-го до 12-го.— [У] Генриетты.

Френки женился в июле [111].

1875.

Март, 29-го.— Закончил рукопись «Насекомоядных» и вновь исправил «Лазящие растения».
Начал чтение корректур [«Насекомоядных растений»].

3 июня.
[«Насекомоядные растения»] начал писать 1 апреля [1874 г.], производя [при этом] некоторые наблюдения над насекомоядными растениями.

Июль, 2-го.— «Насекомоядные растения» вышли в свет. 2700 [экземпляров] были проданы немедленно.

Июль, 6-го.— [Приступил к] исправлению «Изменений в условиях одомашнения» для 2-го издания.

Октябрь, 3-го.— Закончил «Изменения в условиях одомашнения», но мне предстоит еще около месяца работы над корректурами и пр. Могу зато сказать, что я начал [писать работу] «О преимуществах скрещивания» 1 сентября [113].

1876.

Май, 5-го.— Закончил [и] в первый раз просмотрел рукопись [сочинения] «Действие перекрестного опыления». Начал исправление книги об орхидеях для 2-го издания — много работы; в Хопдене начал [писать] мою маленькую автобиографию [114].

Июнь, 11-го.— Начал во второй раз просматривать рукопись [сочинения] «Действие перекрестного опыления».

Август, 19-го.— Первые корректуры этого сочинения.

Октябрь, 21-го.— Закончил [чтение] корректур.

[Книга] вышла в свет *10 ноября* 47 000 экземпляров было продано к концу года. В промежутках ра-

1875.

Март, 31-го.— [Поехал] к Эразму и к Личфилдам. Домой [вернулся] 12 апреля.

Июнь, 3-го до 5 июля.—Абинджер-Холл.

Июль, 2-го.— «Насекомоядные растения» вышли в свет. Отпечатано 3000 экземпляров.

Август, 25-го до 11 сентября.— Саутгемптон [у] Уильяма.

Ноябрь, 4-го до 5-го.— [Был у] Эразма для [выступления в] Комиссии по вивисекции [112].

Декабрь, 10-го до 20-го.— [У Генриетты на] Брайанстон-стрит.

1876.

Февраль, 3-го до 5-го.— У Эразма.

Апрель, 27-го до 3 мая.— У него же.

Май, 24-го.— [Поехал] в Хопден.

Июнь, 7-го.— Холликомб [Hollycombe].

Июнь, 10-го.— [Вернулся] домой.

Октябрь, 4-го.— Лит-Хилл.

Октябрь, 7-го.— Саутгемптон.

Октябрь, 20-го.— [Вернулся] домой.

Сентябрь, 11-го.— Бедная Эми [115] умерла. Ужаснейший удар для всех нас.

1876.

ботал над 2-м изданием «Орхидей». *14 ноября* закончил [чтение] первой корректуры; [книга] вышла в свет в конце года.

Ноябрь, 15-го.— Приступил к «Гетеростильным растениям» [116], но в промежутках я отдал [этому труду] 2 или 3 недели работы,— скажем, начал работать над этой книгой 1 ноября. Таким образом, в течение последних 14 месяцев приготовил «Действие перекрестного опыления» и 2-е издание «Орхидей», и переписал начисто черновую рукопись экспериментальной части «Действие и пр.».

1877.

В течение всей первой части лета работал над «Различными формами цветков» — [книга] вышла в свет (⟨1000⟩ 1250 экземпляров) в середине июля.

С этого времени до конца года работал [над вопросами] о восковом налете [на листьях], самопроизвольном движении растений и гелиотропизме, и немного — над «Червями» [118].

1877.

Январь, 6-го до 15-го.— [У] Генриетты.

Апрель, 10-го до 28-го.— [У] Эразма и Генриетты.

Июнь, 8-го.— Лит-Хилл. 13-го — [поехал] в Саутгемптон, Стонхендж [117], и вернулся 4 июля.

Август, 20-го до 25-го.— Абинджер — восхитительно.

Октябрь, 26-го до 29-го.— [У] Эразма.

Ноябрь, 16-го до 19-го.— Кембридж — [получил] степень доктора прав [119].

1878.

Весь этот год [работал над вопросами] о круговых движениях растений и восковом налете [на листьях].

1878.

Январь, 17-го до 23-го.— У Эразма.

Февраль, 27-го до 5 марта.— [У Генриетты на] Брайанстон-стрит по поводу головокружений.

Апрель, 27-го до 13-го мая.— Саутгемптон.

Август, 7-го.— Лит-Хилл, Абинджер и Барлстон [?] [120]. [Вернулся] домой 22 августа.

Ноябрь, 19-го до 27-го.— Брайанстон-стрит.

1879.

Весь этот год [работал над вопросом] о круговых движениях растений, за исключением приблизительно 6-ти недель, [в течение которых писал] «Жизнь Эразма Дарвина».

1879.

Февраль, 27-го до 5-го марта.— У Эразма из-за болезни Элизабет [121]

Май, 6-го.— Уэртинг [122], 8-го — Саутгемптон, 21-го — Лит-Хилл, 26-го [вернулся] домой.

Июнь, 26-го.— [У] Эразма. [Получил] медаль Бейли [123]. 28-го — Лаура Форстер [124].

Июль, 1-го.— [Вернулся] домой.
Август, 1-го до 27-го.— Конистон [125]; ночевал у Эразма.

Декабрь, 2-го до 11-го.— У Генриетты и Эразма.

1880.

Круговые движения.
Всю весну заканчивал рукопись [сочинения] «Способность к движению у растений», а затем — корректуры. Осенью приступил к «Червям».

Ноябрь, 6-го.— 1500 экземпляров [книги] «Способность к движению» продано книготорговлей Мёррея.

1880.

Март, 4-го до 8-го.— [У] Эразма.

Апрель, 8-го до 13-го.—Абинджер. Горас и Ида [126].

Май, 25-го до 8-го июня.— Саутгемптон.

Август, 14-го.— [Поехал] в Кембридж [к Горасу]; 19-го — у Эразма, 21-го [вернулся] домой.

Октябрь, 28-го до 2 ноября.— В гостях у Генриетты.
8 ноября умерла Элизабет Веджвуд [127].
Декабрь, 7-го.— У Эразма. 11-го — Лит-Хилл-Плейс. 15-го вернулся.

1881.

В течение всей первой части года [работал над] книгой о червях. Вышла в свет 10 октября; 2000 экземпляров было продано немедленно, 5000 было отпечатано в декабре, и я исправил [книгу] для нового издания.

Ноябрь.— [Работал по вопросу] о действии углекислого аммония на хлорофилл и на корни Euphorbia и других растений [129].

1881.

Февраль, 24-го до 3 марта.— Брайанстон-стрит.

Июнь, 2-го до 4 июля.— Паттердейл [128].

Август, 3-го до 5-го.— У Эразма.

Август, 26-го.— Эразм умер ночью.

Сентябрь, 8-го до 10-го.— [Поехал] к А. Ричу в Уэртинг.

Октябрь, 20-го до 27-го.— У Гораса в Кембридже.

Декабрь, 13-го до 20-го.— Брайанстон-стрит.

[ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСКИХ ГОДАХ][1]

Я могу приблизительно назвать дату, к которой относится самое раннее мое воспоминание: мне, вероятно, не было еще четырех лет, когда однажды я сидел в гостиной на коленях у Каролины, которая разрезала для меня апельсин; в это время под окном пробежала корова; я вскочил и так сильно порезался, что шрам от пореза остался у меня и по сей день. Я помню место, где я сидел, и причину испуга, но решительно ничего не помню о порезе; думаю, что все это я действительно помню, а не просто, как часто бывает в подобных случаях, живо представляю себе историю, которую столько раз слышал, что не можешь отделить ее от [подлинного] воспоминания: ведь я отчетливо помню, в каком направлении пробежала корова, а это едва ли мне могли рассказать. [Весь этот случай] сохранился в моей памяти как тусклая картина, и я почти не сознаю, что картина эта имеет отношение ко мне самому, потому что я ничего не помню об испытанной мною боли.

1813.— Когда мне было четыре с половиною года, меня повезли к морю, и я пробыл там несколько недель[2]. Я помню много предметов, но, за исключением служанок (да и их индивидуальные черты стерлись), не могу вспомнить никого из нашей семьи, кто был со мною там. Помню, что не то меня, не то Кэтрин заперли за непослушание в комнате, и кто-то из нас пытался разбить оконные стекла. Как туманная картина стоит перед моими глазами какой-то дом, а рядом с ним небольшая лавка. Владелец ее дал мне ягоду инжира, разделившуюся, к моей великой радости, на две ягоды,— лавочник дал мне инжир, чтобы получить возможность поцеловать служанку. Мне запомнились наши обычные прогулки к чему-то вроде родника. На дороге, которая вела к нему, в тени сливовых деревьев стоял домик. В нем жил какой-то старик. Его называли отшельником, у него были седые волосы, и он всегда угощал нас сливами[3]. Не знаю, сливы или благоговение и смутный страх перед стариком произвели такое сильное впечатление на мою память. Помню, что по дороге туда мы, сидя в коляске, пересекали вброд довольно широкий ручей, и страх и удивление, с которыми я глядел на белую от пены воду, живо сохранились в моей памяти. Я думаю, что мы начинаем запоминать события [нашей жизни] отдельными отрывками; поэтому-то я помню эти самые ранние события так же ясно, как и те, которые произошли в моей жизни гораздо позднее, но произвели на меня такое же сильное впечатление. Некоторые из самых ранних воспоминаний связаны у меня с испугом,

[пережитым мною] в Паркфилде, и с бедной Бетти Гарвей. С ужасом вспоминаю ее рассказ о том, как людей сталкивала в канал бечева баржи, когда они шли рядом с лошадью не с той стороны, [с какой надо было идти]. Я приходил в величайший ужас от этого рассказа: [во мне говорил] острый инстинкт страха смерти. Некоторые другие воспоминания связаны у меня с чувством тщеславия: мне казалось, что люди восхищаются — в одном случае моим упорством, в другом — смелостью, с которой я карабкаюсь на невысокое дерево, и при этом,— что всего более странно,— я как бы инстинктивно сознавал, что я тщеславен и презирал самого себя. Моим предполагаемым обожателем был старый каменщик Питер Хейл, а деревом [на которое я взбирался] была рябина на лужайке. Все мои воспоминания более всего, по-видимому, связаны с моей собственной личностью; что же касается Кэтрин, то она, мне кажется, запомнила сцены, в которых главными действующими лицами были другие люди. Когда умерла моя мать, мне было восемь с половиною лет, а [Кэтрин] — на год меньше, и все же она помнит все подробности и события каждого дня, тогда как я едва вспоминаю что-либо (как и в очень многих других случаях), за исключением того, что за мной послали, что я вхожу к ней в комнату, меня встречает отец, и что потом я плакал. Помню платье моей матери, но почти не могу вспомнить какие-либо черты ее внешности; вспоминаю одну или две прогулки с нею. Я не могу отчетливо вспомнить ни одного разговора с нею, да и то, что запомнилось,— самые незначительные фразы. Вспоминаю, как она говорит: «если уж она просит меня что-либо сделать»,— а я говорил, чтобы она сама сделала это — «то это только мне на пользу».

Кэтрин помнит, как плакала мать, когда узнала о смерти бабушки. Она помнит также, как тетя Сара и тетя Китти любили принимать маму в Паркфилде [4]. Сюзен, как и я, помнит только то, что касается лично ее. Странная вещь это различие в запоминании предметов. Кэтрин говорит, что она не запоминает впечатления, оказанного на нее внешними вещами, например, каким-нибудь пейзажем, но у нее превосходная память на прочитанное, то есть на идеи. Таким образом, ее восприимчивость к идеям — это особенность ее характера, чем и объясняется та легкость, с какой создается свойственный ей тип памяти: яркая мысль повторяется, яркое впечатление забывается.

Смутно припоминаю иллюминацию после битвы при Ватерлоо и упражнения солдат милиционой армии, приблизительно в это же время, на поле против нашего дома [5].

1817.— В возрасте восьми с половиною лет я стал посещать школу м-ра Кейса [6]. Помню, как сильно я был испуган встречей с собаками на Баркер-стрит и как в школе я не мог набраться храбрости, чтобы подраться. Я был очень робок по природе. Помню, что, будучи школьником, я испытал большое удовольствие от ловли тритонов в маленьком пруду в каменоломнях. И еще в детстве у меня развилась сильная склонность к коллекционированию, главным образом — печатей, франков [7] и т. п., но также и голышей и минералов,— [кусочек какого-то минерала], подаренный мне одним мальчиком, твердо определил эту склонность. Думаю, что вскоре после этого или незадолго до того я поверхностно заинтересовался ботаникой, но вполне определенно в пору пребывания в школе м-ра Кейса я очень увлекался

Чарлз Дарвин и его сестра Кэтрин.
Акварель 1816 г.

разведением цветов и сочинил величайшую ложь, будто я умею окрашивать крокусы в любой цвет, в какой мне вздумается [8]. В то время я испытывал чувство сильнейшей привязанности к некоторым мальчикам. Отчетливо вспоминаю, что вскоре после того, как я начал коллекционировать камни, т. е. когда мне было 9 или 10 лет, у меня появилось желание узнать что-либо относительно каждого голыша, лежавшего перед входом в наш дом,— это было самое раннее и единственное в то время проявление у меня интереса к геологии. В те дни я был порядочным выдумщиком — из одного только удовольствия возбуждать внимание и удивление. Из этих же побуждений я незаметно срывал плоды и прятал их, и с такой же целью портил деревья, обдирая с них кору. Никогда почти я не возвращался с прогулки без того, чтобы не заявить, будто я видел фазана или какую-нибудь другую редкую птицу (интерес к естественной истории!). Полагаю, что выдумки эти — в тех случаях, когда они оставались неразоблаченными,— возбуждали мое внимание, потому что у меня осталось о них яркое и, за исключением некоторых из них, не связанное с чувством стыда воспоминание; наоборот, я вспоминаю о них, как о чем-то, что оставило глубокий след в моем сознании и, подобно драматическому представлению, доставляло

мне удовольствие. Помню, что во время пребывания моего в школе м-ра Кейса я придумал целое построение, которое должно было показать, как я люблю говорить *правду*! Это изобретение до сих пор еще так живо у меня в памяти, что я почти готов вообразить мои выдумки правдой, если бы воспоминание об испытанных мною когда-то упреках совести не говорило мне, что все это была ложь. У меня нет воспоминаний об особенно счастливых или несчастливых событиях того времени или какого-либо более раннего периода моей жизни. Хорошо помню прогулку, которую я совершил с одним мальчиком по фамилии Форд: мы прошли через поля к жилому дому фермы, расположенной на Черч-Стреттонской дороге. Не могу вспомнить, чтобы ум мой был занят чем-либо еще, кроме коллекционирования камней и пр., разведения цветов и частых в то время поездок с отцом в его коляске, во время которых я рассказывал ему о своих уроках и наблюдал за охотничьими и другими дикими птицами, что доставляло мне большое наслаждение. Я был прирожденным натуралистом.

Когда мне было девять с половиною лет (июль 1818 года), я поехал с Эразмом посмотреть Ливерпуль. Память моя сохранила об этой поездке только самые незначительные впечатления: опасение, что экипаж может перевернуться, хороший обед и крайне расплывчатое воспоминание о кораблях.

В середине лета этого же года я стал учеником школы доктора Батлера [9]. Хорошо помню, как я в первый раз туда пошел, но довольно странно, что я не могу припомнить первого посещения школы м-ра Кейса, самой первой моей школы. Я вообще хорошо помню 1818 год, но не потому, что в тот год я впервые стал учеником закрытой школы для мальчиков, а потому, что я выводил эти цифры [1818] в моей школьной тетради, и при этом у меня мелькала неясная мысль — вспомню ли я в будущем этот год? И вот теперь это исполнилось.

В сентябре (1818 г.) я заболел скарлатиной. Хорошо помню отвратительное состояние бреда.

Июль 1819 г. (десять с половиною лет).— Меня возили к морю, в Плас-Эдвардс [10], где я пробыл три недели, которые теперь кажутся мне тремя месяцами. С некоторым чувством удовольствия вспоминаю тенистую, утопавшую в зелени дорогу (где я увидел змею) и водопад; это чувство, должно быть, связано с удовольствием, которое доставлял мне пейзаж, хотя определенно я не сознавал этого. Сильное впечатление оставила во мне песчаная равнина перед домом; это впечатление смутно сочетается с неотчетливым воспоминанием о каких-то любопытных насекомых,— это были, вероятно, какой-то Cimex [клоп] с красными крапинками и бабочка-пестрянка Zygaena. В то время я был очень вспыльчив, ругался, как извозчик, и легко вступал в ссору. Кажется, от моей прежней вспыльчивости постепенно не осталось и следа. Помню, когда мы ехали туда в дилижансе, один офицер-вербовщик (мне кажется, что я и сегодня узнал бы его в лицо) попросил у служанки во время вечернего чая поджаренный хлеб и масло. Я прямо-таки корчился со смеху, так как его речь показалась мне самой необычайной и остроумной на свете. Так действует остроумие на человека, когда ему десять с половиною лет. В памяти моей мелькает воспоминание о том, с каким наслаждением гулял я однажды вечером

в ветреную погоду вдоль берега моря, в одиночестве наблюдая за причудливо-беспорядочным полетом чаек и бакланов, возвращавшихся к своим гнездам. Никак не ожидал, что в столь юные годы можно испытывать поэтические радости, которые так остро переживаешь в зрелом возрасте.

Июль 1820 г.— Вместе с Эразмом совершил верхом (на старой спокойной лошади) прогулку на Пистилл-Райадр [11]. Об этой поездке помню немного, в памяти сохранилась расплывчатая картина водопада, но хорошо помню, как я удивился, услышав, что рыбы могут прыжками подыматься вверх по нему.

1838 г.

[ПРИРОДА ДАУНА][1]

15 мая 1843 г.— Первая особенность, поражающая человека приезжего, незнакомого с видом холмистой меловой местности,— это долины с их крутыми [склонами и] округленным дном, не изборожденным даже самым крохотным ручейком. На дороге от Кестона[2] к Дауну поперек долины значительных размеров была устроена насыпь, но даже перед этой насыпью не видно и следа хотя бы самой небольшой лужи, в которой накоплялась бы вода после проливных дождей. Вся вода просачивается прямо вниз. Выяснить среднюю глубину колодцев, наклон пластов и [расположение] родников. Где выходит на поверхность вода из этой местности — в источниках Холмсдейла[3] или в долине Темзы? Обследовать небольшие источники Холмсдейла.

Долины, расположенные на этой приподнятой местности, имеют наклон к северу, но необычайно ровные и, как правило, протягиваются в северном и южном направлении; их склоны поблизости от верхнего края внезапно становятся более крутыми и окаймлены узкими полосками, или, как их здесь называют, «рощами», древесной растительности, которая иногда состоит из одних только тесно переплетшихся и буйно разросшихся кустарников. Внезапно возникающая крутизна может быть замечена повсюду, например, перед самым подъемом к Кадхем-Вуд или у Грин-Хилла, где одна из узких тропинок между полосами кустарников пересекает эти долины. По всей вероятности, эти долины представляют собою не что иное, как древние морские бухты, и иногда я задумывался над тем, не обозначает ли эта внезапно возникающая крутизна склонов края вертикальных утесов, образовавшихся в то время, когда долины эти были заполнены морской водой, как это естественно и должно было происходить в таких пластах, как меловые.

Почти повсюду дороги и пешеходные тропинки подымаются вдоль дна долин, здесь же дело обстоит совсем по иному. Все деревни и большинство старинных домов расположены на плоских площадках или на узких полосах плоской земли между параллельными долинами. Не объясняется ли это тем, что возвышенности уже с древнейших времен представляли собою обнаженные холмы, а долины были заполнены зарослями кустарников? У меня нет доказательств этого, но жилые дома ферм, находящиеся на ровных местах, в большинстве своем несомненно очень старинные. Имеется одна особенность, благодаря которой пешеходные тропинки были проложены вдоль возвышенностей, а не по дну долин,— она заключается в том, что долины в самой середине своей

Общий вид деревни Даун

обычно покрыты обломками кремней в значительно большей мере, чем вся остальная поверхность. Этот слой кремней, который постепенно становится все более тонким вверх по обоим склонам, можно заметить даже на большом расстоянии в виде беловатой ленты на только что вспаханном под посев или оставленном под пар поле. Решительно каждый камень, который начинает катиться, вследствие ли бурного ливня или толчка, произведенного ногой какого-нибудь животного,— как бы мал этот камень ни был,— стремится упасть на дно долин; однако иногда я сомневался в том, достаточно ли этого для объяснения количества камней, [накопившихся там], и склонен был применить к этому случаю теорию Ляйелля о вымывании [камней] дождевой водой и пр. и пр.

Возвышенная плоская часть страны покрыта слоем плотной красной глины, толщина которого простирается от нескольких футов до столь значительных, как я полагаю, размеров, как двадцать футов; этот [слой], хотя и лежит непосредственно на пласте мела и изобилует большими, неправильной формы, необкатанными и нередко имеющими цвет и внешний вид гигантских костей кремнями, которые первоначально были заключены в меле, не содержит ни единой частицы углекислой извести. Этот слой красной глины лежит на очень неправильной поверхности и часто спускается внутрь глубоких круглых колодцев, происхождение которых было объяснено Ляйеллем. В этих впадинах имеются скопления песка, похожего на морской песок или на тот песок, который в общинах Кестон, Хейс и Аддингтон [4] чередуется с толстыми слоями мелких голышей, образовавшихся в результате разрушения меловых кремней. Поблизости от Дауна округленные меловые кремни представляют собою редкость, хотя и встречаются в

небольшом числе, но до сих пор мне не попадался ни один камень отдаленного происхождения, благодаря чему самый вид этой местности отличается — по крайней мере, в глазах геолога — от всех северных графств.

Меловые кремни начинают разрушаться с поверхности, что, согласно Берцелиусу (Edinb. New Philosoph. Journal, последний номер), происходит вследствие того, что кремни содержат в небольшой доле щелочь; но, помимо этого наружного разрушения, кремень, если он обнажен в течение нескольких лет, насквозь подвергается разрушению, и по этой причине кремневые камни не закладываются в постройках открытыми поверхностями наружу.

Этот слой красной глины, делающий местность очень скользкой в зимние месяцы, с октября до апреля, не покрывает склоны долин, и на них при вспашке обнажается белый мел, причем этот белый цвет вниз по долине постепенно исчезает столь же нечувствительно, как краска, наложенная кистью художника.

Почти вся земля распахана и часто оставляется под паром, что придает местности обнаженный красный облик, а нередко — и белый, вследствие того, что фермеры покрывают [распаханную почву] слоем мела. По-видимому, никто в сущности не знает, каковы те основания, по которым считается, что свежий мел, наложенный на почву, изобилующую глиной, в каком-либо отношении полезен для нее. Говорят, однако, что это практикуется здесь в стране уже со времен римлян, и в настоящее время многочисленные белые ямы на склонах холмов, разбросанные повсюду и представляющие живописный контраст с стоящими над ними деревьями тисса, разрабатываются именно с этой целью.

По сравнению с живыми изгородями в северных графствах в здешних живых изгородях бросается в глаза большое число различных видов кустарников, перевитых ломоносом и брионией.

25 марта [*1844 г.?*].— Сейчас начало вегетации растений, и все откосы оделись бледно-голубыми фиалками в количестве, равного которому я никогда не видал, и первоцветами [*Primula vulgaris*]. Несколькими днями позже в рощицах появились прелестно оживившие их *Ranunculus auricomus* [лютик золотистый], лесная ветряница [*Anemone silvestris*] и какая-то белая Stellaria [звездчатка]. А затем огромные пространства великолепно засинели круглолистными колокольчиками [*Campanula rotundifolia*]. Цветы здесь очень красивы и количество их огромно; темная синева обыкновенной маленькой Polygala [истод] делает ее почти равной какой-нибудь альпийской горечавке [Gentiana].

Здесь имеются обширные участки леса, [вырубаемые] примерно раз в десять лет; некоторые из них огорожены и, по-видимому, существуют с глубокой древности. На южной стороне Кадхемского леса буковая заросль разрослась до гигантских размеров, и некоторые громадные ветви скрестились друг с другом и прочно срослись в одно целое.

Здесь очень много жаворонков, и со всех сторон звучит их в высшей степени приятное пение; распространены здесь также и соловьи. Судя по своеобразному воркованию, несколько напоминающему мурлыкание кошки, голуби очень обычны в здешних лесах.

25 июня.— Поля эспарцета сейчас необычайно красивого ярко-розового цвета, а жужжание огромного количества посещающих их пчел

достигает совершенно исключительных размеров. Это жужжание по своей насыщенности значительно превосходит раздающееся в небе гудение [птиц], которое в течение всех этих последних жарких дней непрестанно и громко звучало почти над каждым полем. Здешние крестьяне говорят, что жужжание это производится «воздушными пчелами», а один человек, увидев на цветке дикую пчелу, отличающуюся от домашней, заметил: «Вот это и есть, без сомнения, воздушная пчела». Этот шум считается признаком установившейся хорошей погоды.

[*1843—1844 гг.*]

[ХАРАКТЕР ЭННИ][1]

Энни, наше бедное дитя, родилась на Гауэр-стрит[2] 2 марта 1841 г. и скончалась в Молверне в полдень 23 апреля 1851 г.

Я решил написать эти несколько страниц, так как думаю, что через много лет, если мы будем живы, впечатления, записанные сейчас, позволят более живо восстановить в памяти главные черты ее характера. С какой стороны ни оглянусь на нее, наиболее яркая черта ее, сразу возникающая передо мною, это — ее живость и жизнерадостность, несколько умерявшаяся двумя другими чертами, а именно — чувствительностью, которую человек посторонний мог легко и не заметить, и большой нежностью. Весь ее облик излучал веселость и здоровую жизнерадостность, и от этого каждое ее движение было исполнено радости, жизни и энергии. Приятно и отрадно было смотреть на нее. Передо мной возникает сейчас ее дорогое лицо, каким оно бывало, когда она бегом спускалась с лестницы, захватив для меня горсть табаку, и вся сияла от удовольствия, что она доставляет удовольствие другому. Даже когда она играла со своими двоюродными сестрами и ее жизнерадостность подчас переходила в бурную шумливость, стоило мне только взглянуть на нее,— не с неудовольствием, нет (ибо, благодарение богу, я почти ни разу так не взглянул на нее), но недостаточно сочувственно,— и выражение ее лица на несколько минут совершенно менялось.

Другая черта ее характера, делавшая столь очаровательными ее жизнерадостность и веселость, это — ее большая нежность, заставлявшая ее льнуть и ласкаться к окружающим. Эта черта проявилась у нее еще в младенческом возрасте, когда она не могла успокоиться, не прижавшись к матери, которая брала ее к себе в постель; и уже совсем недавно, когда ей нездоровилось, она могла без конца ласкать руку матери. Когда ей бывало очень плохо, она словно чувствовала себя лучше, если мать ложилась рядом с ней,— ни на кого из других наших детей это не оказало бы такого действия. И точно так же почти в любое время она готова была в течение получаса приглаживать мои волосы, чтобы «сделать их красивыми», как она выражалась, или разглаживать то мой воротник, то обшлага,— короче говоря, она всегда готова была приласкаться ко мне, бедная моя, дорогая девочка.

Кроме жизнерадостности, смягченной этими чертами, для ее поведения были характерны исключительная сердечность, откровенность, искренность, прямота, естественность — и притом без малейшей тени скрытности. Все ее существо было чистым и прозрачным. Чувствова-

лось, что знаешь ее насквозь и можешь вполне верить ей. Я всегда думал, что на старости лет, что бы с нами ни случилось, у нас будет по крайней мере одна любящая душа, которую ничто не сможет изменить. Во всех ее движениях была энергия, активность, и всегда они были изящны. Гуляя со мной по Песчаной дорожке [3], она, хотя я ходил быстро, часто забегала вперед, самым изящным образом кружась на носках, а милое лицо ее все время светилось самой ласковой улыбкой. Иногда она очаровательно кокетничала со мной, и воспоминания об этом полны для меня прелести. Она часто выражалась несколько вычурно, и когда я подшучивал над ней, сам придавая вычурность некоторым ее словам, ясно вижу и теперь, как она вскидывает головку и восклицает: «О, папа, как тебе не стыдно!» Во время последней ее недолгой болезни ее поведение было просто ангельским по своей безыскусственной искренности. Она никогда не жаловалась, никогда не капризничала, всегда была внимательна к другим и испытывала чувство самой нежной, самой трогательной благодарности за все, что делали для нее. Когда она была так измождена, что едва могла говорить, она хвалила все, что ей ни приносили, а о чае она сказала, что он «чудесно хорош». Когда я принес ей воду, она сказала: «Я совершенно благодарна тебе», и это были, мне кажется, последние вычурные слова, которые я услышал из ее дорогих уст.

Мы потеряли радость нашего дома и утешение нашей старости. Должно быть, она знала, как мы любили ее. О, если бы она могла знать и сейчас, как глубоко, как нежно мы продолжаем любить и всегда будем любить ее дорогое радостное лицо! Да будет она благословенна!

30 апреля 1851 г.

[ВОСПОМИНАНИЯ о ДЖ. С. ГЕНСЛО] [1]

Я приехал в Кембридж в начале 1828 г. и вскоре через некоторых моих товарищей-энтомологов познакомился с профессором Генсло, ибо каждый решительно, кто интересовался какой-либо областью естественных наук, находил у него поддержку. Трудно представить себе что-либо более непосредственное, сердечное и естественное, чем та поддержка, которую он оказывал всем молодым натуралистам. Через короткое время я сблизился с ним, потому что он замечательно умел держать себя так, что молодые люди чувствовали себя с ним совершенно непринужденно, хотя огромный объем его знаний внушал всем нам благоговейный трепет. Еще до того, как я увидел его, мне пришлось слышать, как один молодой человек подвел итог его знаниям, просто сказав, что он знает все. Когда я думаю о том, как быстро устанавливались у нас близкие отношения с человеком, который был старше и во всех отношениях неизмеримо выше нас, мне кажется, что этим мы одинаково обязаны и его несомненной искренности, и доброте его сердца, и еще больше, быть может, совершенно поразительному отсутствию в нем какого бы то ни было самомнения. Сразу было видно, что он совсем не думает о своих собственных разнообразных познаниях и ясном уме, а только о том предмете, о котором в данном случае идет речь. Другая обаятельная черта его, поражавшая, несомненно, каждого, заключалась в том, что в своем обращении с людьми он не делал никакого различия между немолодыми заслуженными учеными и самым юным студентом: со всеми он был одинаково располагающе вежлив. Самое незначительное наблюдение в любой области естественных наук вызывало его интерес, и какую бы нелепую ошибку вы ни допустили, он указывал на нее с такой ясностью и добротой, что вы уходили от него, нисколько не расстроившись и лишь с твердым решением быть осмотрительнее в следующий раз. Короче говоря, нельзя было представить себе человека, который больше подходил бы для того, чтобы завоевать полное доверие молодежи и поддерживать молодых людей в их занятиях.

Его лекции по ботанике пользовались широкой популярностью и были ясны, как дневной свет. Популярность их была так велика, что некоторые студенты старших курсов Университета слушали его курс по несколько раз — год за годом. Раз в неделю по вечерам он устраивал у себя дома открытый прием, и все, кто интересовался естествознанием, посещали эти вечера, которые в отношении научного общения сыграли в Кембридже, и притом в очень приятной форме, ту же положительную роль, что и научные общества в Лондоне. Время от времени эти вече-

Профессор Джон Стивенс Генсло

ра посещали и многие из наиболее выдающихся членов Университета, и когда собиралось не много народа, я имел возможность слушать, как великие люди тех дней беседовали друг с другом по самым различным вопросам, обнаруживая при этом свои разнообразные и блестящие способности. Это имело немалое значение для некоторых из молодых людей, так как возбуждало в них умственную активность и стремление к научной работе. Два или три раза в сессию он устраивал экскурсии со своим классом ботаники: то продолжительную прогулку пешком к месту обитания какого-либо редкого растения, то поездку на лодке вниз по реке, к болотам, то путешествие в карете в более отдаленные места, например, в Гамлингей, чтобы увидеть дикий ландыш или поймать на вересковых пустошах редко встречающуюся вонючую жабу[2]. У меня осталось самое восхитительное воспоминание от этих экскурсий. Во время экскурсий он бывал весел, как мальчик, и, как мальчик, от всей души смеялся над неудачами тех, кто по предательски зыбким болотам гонялся за великолепными махаонами с ласточкиными хвостами. То и дело он останавливался и прочитывал нам целую лекцию о каком-нибудь растении или о другом каком-либо предмете, и у него было что сказать нам о каждом найденном насекомом, каждом моллюске или ископаемом, так как он следил за всеми областями естествознания. После рабочего дня мы обычно обедали в какой-нибудь гостинице или в чьем-нибудь частном доме, и время это мы проводили очень весело. Думаю, что все, кто участвовал в этих экскурсиях, согласятся со мной, что они оставили в нашем уме прочное впечатление чего-то поистине восхитительного.

За годы, проведенные в Кембридже, я очень сблизился с профессором Генсло, и его доброе отношение ко мне не знало границ,— он постоянно приглашал меня к себе и разрешал мне сопровождать его во время прогулок. Он беседовал со мною о всевозможных вопросах, в частности — о своем глубоком религиозном чувстве, и бывал совершенно откровенен. Сознаюсь, что я не в состоянии выразить, как много я обязан этому превосходному человеку. Доброта его была неизменной: когда капитан Фиц-Рой предложил предоставить место в своей каюте натуралисту, который готов был бы принять участие в экспедиции на корабле «Бигль», профессор Генсло рекомендовал меня как человека, который знает очень немного, но который, по его убеждению, будет работать[3]. Я очень пристрастился к естествознанию, и этим я в значительной мере обязан ему. В течение моего пятилетнего путешествия он регулярно переписывался со мной и руководил моими занятиями; он получал, распаковывал и брал под свою опеку коллекции, которые я отправлял на родину в многочисленных больших ящиках; и все же я твердо убежден, что на протяжении этих пяти лет у него ни разу не явилась мысль, что он проявляет в отношении меня совершенно необычное великодушие.

За все годы, в течение которых я находился в такой тесной близости с профессором Генсло, я ни разу не видал, чтобы он вышел из себя. Он никогда ни о ком не отзывался дурно, хотя отнюдь не был слеп к чужим недостаткам. Меня всегда поражало, что его даже коснуться не могут такие мелкие чувства, как тщеславие, зависть или подозрительность. При всей своей уравновешенности и замечательной доброжелательности это вовсе не был человек бесцветного характера. Только слепой не разглядел бы, что за этим внешним спокойствием скрываются сильная

воля и решительность. Когда дело касалось принципиальных вещей, никакая сила на свете не заставила бы его отступить и на волосок.

После 1842 г., когда я покинул Лондон, я встречался с профессором Генсло только через большие промежутки времени; но должен сказать, что до конца он во всем оставался все тем же человеком. Мне кажется, он стал несколько меньше интересоваться наукой и больше — своими прихожанами [4]. Когда он говорил о своем приходе, о детях прихожан, о развлечениях, задуманных для них, и об их обучении, он всегда проявлял живой интерес и удовольствие. Помню один мелкий факт, который показался мне очень характерным для этого человека: однажды в неурожайный для картофеля год я спросил его, какой у него урожай; после короткой беседы мне стало ясно, что он ничего не знает о своем собственном картофеле, но зато в точности осведомлен почти обо всех своих бедных прихожанах,— сколько картофеля собрал каждый из них со своего огорода.

Насколько я могу судить, преобладающими качествами его ума были: способность к тщательному наблюдению, здравый смысл и осторожность в суждениях. Казалось, ничто не доставляет ему такого удовольствия, как извлечение выводов из ряда мелких наблюдений. Но его замечательный труд по геологии Англси [5] показывает его способность к длительным наблюдениям и широту его взглядов. С благодарностью и уважением думая о его характере, я нахожу, что его моральные качества превосходят его интеллект, что и должно быть свойственно самым высоким натурам.

Ч. Дарвин.

[*30 мая 1861 г.*]

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗВИТИИ МОЕГО УМА И ХАРАКТЕРА

[Автобиография] [1]

31 мая 1876 г. *Ч. Дарвин*

Содержание [2]

[СО ВРЕМЕНИ МОЕГО РОЖДЕНИЯ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В КЕМБРИДЖ]

Когда один немецкий издатель обратился ко мне с просьбой рассказать о развитии моего ума и характера и дать краткий очерк моей автобиографии, я подумал, что такая попытка развлечет меня и, быть может, представит интерес для моих детей и внуков. Знаю, что мне самому было бы очень интересно прочитать даже самый краткий и скучный очерк о складе ума моего деда [4], написанный им самим,— о чем он думал, что делал и как работал. Нижеследующий рассказ о самом себе я старался написать так, словно бы меня уже не было в живых и я оглядывался бы на свою жизнь из другого мира. И не скажу, чтобы это было для меня трудно, ибо жизнь моя почти закончена. О стиле изложения я совершенно не заботился.

Я родился в Шрусбери [5] 12 февраля 1809 г. Мне приходилось слышать от отца, что, по его мнению, люди с сильной памятью обычно обладают воспоминаниями, уходящими далеко назад, к очень раннему периоду их жизни. Не так обстоит дело со мною, ибо самое раннее мое воспоминание относится лишь к тому времени, когда мне было четыре года и несколько месяцев,— мы отправились тогда на морские купанья близ Абергела [6], и я помню, хотя и очень смутно, некоторые события и места, связанные с пребыванием там [7].

Моя мать умерла в июле 1817 г., когда мне было немногим более восьми лет, и странно, я почти ничего не могу вспомнить о ней, кроме кровати, на которой она умерла, ее черного бархатного платья и ее рабочего столика какого-то необычайного устройства. Думаю, что это забвение моих воспоминаний о ней возникло отчасти благодаря моим сестрам, которые были так глубоко опечалены ее смертью, что никогда не могли

«Воспоминания о развитии моего ума и характера».

Первая страница рукописи Ч. Дарвина (1876 г.)

говорить о ней или упоминать ее имя, а отчасти — из-за болезненного состояния, в котором она находилась перед смертью. Весною того же года меня отдали в школу для приходящих учеников в Шрусбери, в которой я пробыл в течение одного года [8]. До того, как я начал ходить в школу, со мной занималась моя сестра Каролина, но я сомневаюсь в том, шли ли эти занятия успешно. Мне рассказывали, что я проявлял в учении гораздо меньше сообразительности, чем моя младшая сестра Кэтрин, и мне думается, что во многих отношениях я не был послушным мальчиком. Каролина была в высшей степени добра, способна и усердна, но она проявляла слишком большое усердие в стремлении исправить меня, ибо, несмотря на то, что прошло так много лет, я и сейчас отчетливо помню, как, входя в комнату, где она находилась, я говорил себе: «А за что она сейчас начнет порицать меня?» И я упрямо решил отнестись с полным безразличием ко всему, что́ бы она ни сказала.

К тому времени, когда я стал посещать школу для приходящих учеников, у меня уже отчетливо развился вкус к естественной истории и особенно к собиранию коллекций. Я пытался выяснить названия растений [9] и собирал всевозможные предметы: раковины, печати, франки [10], монеты и минералы. Страсть к коллекционированию, приводящая человека к тому, что он становится натуралистом-систематиком, ценителем произведений искусства или скупцом, была во мне очень сильной и, несомненно, врожденной, так как ни мои сестры, ни мой брат никогда не имели этой склонности.

Одно небольшое событие этого года прочно запечатлелось в моей памяти; полагаю, оно запомнилось так сильно потому, что впоследствии тяжко мучило мою совесть. Событие это любопытно в том отношении, что, как оно показывает, в этом раннем возрасте меня, по-видимому, интересовала изменчивость растений! Я сказал одному маленькому мальчику (кажется, это был Лейтон, ставший впоследствии известным лихенологом и ботаником), что могу выращивать полиантусы и примулы различной окраски, поливая их теми или иными цветными жидкостями; это была, конечно, чудовищная выдумка, я никогда даже не пытался сделать что-либо подобное. Могу здесь признаться также, что в детстве я нередко сочинял заведомый вздор и притом всегда только для того, чтобы вызвать удивление окружающих. Однажды, например, я сорвал с деревьев, принадлежавших моему отцу, много превосходных фруктов, спрятал их в кустах, а затем сломя голову побежал распространять новость о том, что я обнаружил склад краденых фруктов [11].

Около этого времени, а быть может, в несколько более раннем возрасте, я крал по временам фрукты с целью самому полакомиться ими, и один из примененных мною способов не лишен был изобретательности. Огород, который вечером запирали на замок, был окружен высокой стеной, но по соседним деревьям я легко взбирался на гребень стены. Затем я укреплял длинную палку в отверстии на дне достаточно вместительного цветочного горшка и тащил горшок кверху, подводя его к готовым упасть персикам и сливам, которые при этом падали в горшок, и таким образом желанная добыча была обеспечена. Помню, будучи еще очень маленьким мальчиком, я воровал яблоки в саду, чтобы снабжать ими нескольких мальчиков и молодых людей, живших в коттедже по соседству, но прежде чем отдать им краденые плоды, я хвастливо показывал им, как быстро я умею бегать, и, как это ни удивительно, я совершенно

Сусанна Дарвин (Веджвуд),
мать Ч. Дарвина

не понимал того, что изумление и восторг по поводу моей способности быстро бегать они выражали с той только целью, чтобы получить яблоки. Но я хорошо помню, в какое восхищение приводило меня их заявление, что они никогда не видели мальчика, который бы так быстро бегал!

Отчетливо помню только еще одно событие, относящееся к году моего пребывания в школе м-ра Кейса для приходящих учеников: похороны солдата-драгуна. Удивительно, как ясно я еще и сейчас представляю себе лошадь, к седлу который были подвешены пустые сапоги и карабин драгуна, и стрельбу над могилой. Эта картина глубоко взволновала поэтическое воображение, каким только я обладал в то время [12].

Летом 1818 г. я поступил в большую школу д-ра Батлера в Шрусбери, в которой пробыл семь лет, до середины лета 1825 г., когда мне исполнилось шестнадцать лет. Я пользовался школьным пансионом и обладал, таким образом, великим преимуществом вести образ жизни настоящего школьника; но так как расстояние между школой и моим домом составляло едва ли более одной мили, то я очень часто бегал домой в более длинные промежутки между перекличками, а также и перед тем, как школу запирали на ночь. Думаю, что во многих отношениях это было мне на пользу, потому что я сохранил таким образом привязанность и интерес к родному дому. Помню, что в самом начале моей

школьной жизни мне часто приходилось бежать очень быстро, чтобы поспеть на место во-время, и так как я был отличным бегуном, то обычно это мне удавалось; но когда меня охватывало сомнение, я вполне серьезно молил бога помочь мне, и хорошо помню, что свой успех я приписывал молитвам, а не быстрому бегу, и изумлялся тому, как часто бог оказывает мне помощь.

Отец и старшие сестры рассказывали мне, что я очень любил, когда был совсем маленьким мальчиком, подолгу гулять в одиночестве; не знаю, однако, о чем именно я размышлял во время этих прогулок. Часто я совершенно погружался в свои мысли, и однажды, возвращаясь в школу по пешеходной тропинке, проложенной поверху старых укреплений вокруг Шрусбери и огороженной только с одной стороны, я оступился и упал со стены, высота которой не превышала, правда, семи или восьми футов. Тем не менее количество мыслей, успевших промелькнуть у меня в голове за время этого очень короткого, но внезапного и совершенно неожиданного падения, было изумительным, а это, по-видимому, несовместимо с доказанным, как мне кажется, физиологами положением о том, что для каждой мысли требуется вполне измеримый промежуток времени [13].

Я был, должно быть, маленьким простаком, когда начал учиться в школе. Один мальчик по фамилии Гарнетт повел меня однажды в кондитерскую и купил там несколько пирожных, за которые не заплатил, так как пользовался кредитом у лавочника. Когда мы вышли оттуда, я спросил его, почему он не заплатил за пирожные, на что он без промедления ответил: «Да разве ты не знаешь, что мой дядя завещал городу большую сумму денег с условием, что каждый торговец должен безвозмездно отпускать все, чего ни потребуют, каждому, кто явится в старой дядиной шляпе и повернет ее особым образом?» — и он показал мне, как следует ее поворачивать. Затем он зашел в другую лавку, где ему отпускали в кредит, спросил какую-то мелочь, поворачивая при этом надлежащим образом свою шляпу, и, конечно, получил требуемое без денег. Когда мы вышли из этой лавки, он сказал: «Знаешь, если ты хочешь без меня зайти вот в эту кондитерскую (как хорошо помню я место, где она находилась!), я одолжу тебе мою шляпу, и ты сможешь получить все, что захочешь, стоит лишь тебе правильно повернуть шляпу на голове». Я с радостью принял великодушное предложение, вошел в кондитерскую, спросил несколько пирожных, повернул старую шляпу и направился к выходу, как вдруг хозяин лавки помчался за мной. Я бросил пирожные, пустился наутек и, к своему удивлению, был встречен взрывами хохота моего вероломного друга Гарнетта.

В похвалу себе могу сказать, что я был гуманным мальчиком, но этим я целиком обязан наставлению и примеру моих сестер, ибо я сомневаюсь в том, является ли гуманность природным, врожденным качеством. Я очень любил собирать птичьи яйца, но никогда не брал из гнезда более одного яйца, и только в одном единственном случае я взял все яйца, да и то не из-за их ценности, а из какого-то хвастовства.

У меня была сильная страсть к ужению рыбы, и я часами просиживал на берегу реки или пруда, следя за поплавком; но как-то, находясь в Мэре [14], я узнал, что червей можно умерщвлять соленой водой, и с тех пор я никогда не насаживал на крючок живого червяка, хотя, вероятно, это в некоторой мере уменьшало мой улов.

«Маунт».

Вверху: дом д-ра Роберта Дарвина, где родился Ч. Дарвин.
Внизу: вид на реку Северн с площадки перед домом

Однажды, когда я был очень маленьким, во время пребывания в школе для приходящих учеников или и еще раньше, я совершил жестокий поступок, побив щенка; думаю, что я сделал это только из удовольствия, которое доставляло мне чувство моего могущества; но побил я его, должно быть, не очень больно, потому что щенок не визжал, в чем я уверен, так как это было совсем близко от дома. Поступок этот тяжело угнетал меня,— это ясно из того, что я точно помню место, где было совершено преступление. Угрызение совести было для меня, должно быть, тем более тяжким, что и тогда и долгое время после того любовь моя к собакам была настоящей страстью. По-видимому, собаки чувствовали это, потому что я умел привлекать собак к себе, отвоевывая их любовь к своим хозяевам.

Ничто не могло бы оказать худшего влияния на развитие моего ума, чем школа д-ра Батлера [15], так как она была строго классической,— кроме древних языков, в ней преподавались в небольшом объеме еще только древняя география и история. Школа как средство образования была для меня просто пустым местом. В течение всей своей жизни я был на редкость неспособен овладеть каким-либо [иностранным] языком. Особое внимание уделялось составлению стихов, а это мне никогда не удавалось. У меня было много друзей, и я собрал порядочную коллекцию старых стихов, комбинируя которые, иногда с помощью других мальчиков, я мог подогнать их к любой теме. Много внимания уделялось заучиванию наизусть вчерашних уроков. Это давалось мне очень легко, и я заучивал по сорока — пятидесяти строк из Вергилия или Гомера во время утренней службы в церкви; эти упражнения, однако, были совершенно бесполезны, так как через сорок восемь часов все стихи до единого забывались. Я не был лентяем и, если не считать сочинения стихов, на совесть трудился над своими классиками, не пользуясь подстрочниками. Единственное удовольствие, когда-либо полученное мною от этих занятий, мне доставили некоторые оды Горация, которыми я по-настоящему восхищался. Когда я кончил школу, я не был для моих лет ни очень хорошим, ни плохим учеником; кажется, все мои учителя и отец считали меня весьма заурядным мальчиком, стоявшим в интеллектуальном отношении, пожалуй, даже ниже среднего уровня. Я был глубоко огорчен, когда однажды мой отец сказал мне: «Ты ни о чем не думаешь, кроме охоты, собак и ловли крыс; ты опозоришь себя и всю нашу семью!» Но отец мой, добрейший в мире человек, память о котором мне бесконечно дорога, говоря это, был, вероятно, сердит на меня и не совсем справедлив.

Я могу добавить здесь несколько страниц о моем отце, который во многих отношениях был замечательным человеком [16].

Около 6 футов и 2 дюймов ростом, он был широк в плечах и весьма тучен; более крупного человека я никогда не встречал. Когда он в последний раз взвешивался, вес его составлял 24 стона [152 кг], но после того он еще много прибавил в весе. Главными чертами его характера были наблюдательность и сочувственное отношение к людям; я не знаю никого, кто обладал бы этими качествами в большей мере, чем он, или хотя бы в такой же мере. Он сочувственно относился не только к чужим несчастьям, но и в еще большей степени — к радостям всех окружающих его людей. Именно поэтому он всегда старался придумать, каким

Школа д-ра Батлера в Шрусбери, в которой учился Ч. Дарвин.

Перед зданием школы, в котором в настоящее время находится Шрусберийская библиотека, поставлен памятник Ч. Дарвину

способом доставить удовольствие другим, и — хотя терпеть не мог расточительности — часто совершал великодушные поступки. Однажды, например, к нему пришел м-р Б., мелкий фабрикант в Шрусбери, и сказал, что ему [м-ру Б.] грозит банкротство, если он не сможет немедленно занять у кого-либо 10 000 фунтов; он не в состоянии представить гарантию, имеющую юридическую силу, но может привести ряд доводов, доказывающих, что в конце концов он вернет свой долг. Отец выслушал его и, обладая способностью интуитивно понимать характер людей, почувствовал уверенность в том, что этому человеку можно доверять. Хотя требуемая сумма была очень велика для отца в те годы (он был тогда еще молод), он дал ее взаймы и через некоторое время получил свои деньги обратно.

Его отзывчивость и была, я думаю, причиной того, что он умел завоевать безграничное доверие и вследствие этого пользовался большим успехом как врач. Он начал практиковать, когда ему не было еще двадцати одного года, но уже в течение первого же года его заработков хватало на то, чтобы оплачивать содержание двух лошадей и слуги. В следующем году практика его еще более выросла, и на таком уровне она удерживалась около шестидесяти лет, после чего он прекратил врачебную деятельность. Его огромный успех как врача был тем более

поразителен, что сначала, как он рассказывал мне, он до такой степени ненавидел свою профессию, что если бы мог рассчитывать на самые жалкие средства или если бы его отец предоставил ему хоть какой-нибудь выбор, ничто не заставило бы его заняться ею. В последние годы жизни даже самая мысль об операции вызывала у него отвращение, и он почти не выносил вида кровоточащего человека; этот страх был передан им и мне, и я помню, с каким ужасом читал я в школьные годы о том, как Плиний (кажется, он) истек кровью в теплой ванне [17]. Отец рассказывал мне о двух старинных случаях, связанных с кровотечением. Один из них произошел с ним, когда, будучи очень молодым человеком, он стал масоном. Его приятель-масон, притворяясь, будто он понятия не имеет о том сильном волнении, которое вызывает у отца вид крови, как бы непреднамеренно сказал ему, когда они направлялись на собрание [масонской ложи]: «Я полагаю, что вас не обеспокоит потеря нескольких капель крови?» Когда отца принимали в члены [ложи], ему завязали глаза и отвернули вверх рукава пиджака. Не знаю, совершается ли и сейчас подобная церемония. Отец упоминал об этом случае как о превосходном примере силы воображения, ибо он отчетливо чувствовал, как кровь тонкой струйкой стекала по его руке, и едва мог поверить своим глазам, когда затем не мог обнаружить на руке даже следа укола.

Один опытный лондонский мясник, работавший на бойнях, пришел однажды за советом к моему деду, и в это время к тому [в кабинет] внесли другого тяжело больного человека; мой дед решил тут же сделать ему кровопускание с помощью присутствовавшего здесь лекаря. Мясника попросили держать руку больного, но он извинился и вышел из комнаты. По окончании визита он объяснил моему деду, что хотя, как он полагает, он своими собственными руками убил больше животных, чем кто-либо другой в Лондоне, однако,— как ни покажется странным,— он несомненно лишился бы чувств при виде крови пациента.

Способность отца внушать доверие побуждала многих его пациентов, особенно дам, советоваться с ним о всяческих своих бедах словно с каким-нибудь духовником. Он говорил мне, что они всегда начинают с неопределенных жалоб на свое здоровье, но опыт позволял ему очень быстро догадываться, о чем в действительности идет речь. Тогда он внушал им, что болезнь их воображаемая, после чего они изливали пред ним все свои жизненные печали и уже больше ничего не говорили о своих телесных недугах. Обычным объектом жалоб были семейные ссоры. Если к нему обращались мужья с жалобами на своих жен и ссора казалась серьезной, отец рекомендовал им (и его совет всегда достигал цели, если только муж следовал ему буквально, что бывало не во всех случаях) поступать следующим образом. Муж должен был сказать своей жене: он очень огорчен тем, что их совместная жизнь не идет счастливо; он уверен, что его жена была бы счастливее, если бы они жили раздельно; он ни в малейшей степени не считает ее в чем-либо виноватой (вот этот пункт муж чаще всего отказывался принять); он не будет выражать упреков по ее адресу никому из ее родственников или друзей; и, наконец, он готов выделить ей настолько большую часть своих средств, насколько это в его возможностях. Затем он должен был попросить ее обдумать это предложение. Так как придраться было не к чему, ее раздражение проходило, и вскоре она вынуждена была понять, в каком неудобном положении она оказалась: она не могла противопо-

Д-р Роберт Уоринг Дарвин,
отец Ч. Дарвина

ставить никаких обвинений, а развод был предложен не ею, а мужем. Как правило, дама начинала умолять своего мужа не настаивать на разводе и в дальнейшем обычно вела себя гораздо лучше.

Благодаря искусству отца завоевывать доверие, ему приходилось выслушивать немало необычных признаний о несчастиях и виновности. Не раз отец говорил, что знал много несчастных жен. В иных случаях мужья и жены прекрасно жили друг с другом двадцать-тридцать лет, а затем начинали жестоко ненавидеть друг друга; отец объяснял это тем, что, когда их дети вырастали, родители теряли то общее, что прежде связывало их.

Но самой замечательной способностью отца было его умение определять характер и даже читать в мыслях людей, с которыми он сталкивался хотя бы на короткое время. Мы знали много примеров этой его способности, и некоторые из них казались почти сверхъестественными.

Эта способность всегда спасала моего отца (за единственным исключением, но и в этом случае характер того человека был вскоре разоблачен) от дружбы с недостойными людьми. В Шрусбери приехал какой-то неизвестный священник, производивший впечатление богатого человека; все наносили ему визиты, и он был приглашен во многие дома. Отец также нанес ему визит, но, вернувшись домой, сказал сестрам, чтобы они ни в коем случае не приглашали ни его, ни членов его семьи к нам в дом, так как убежден, что этому человеку нельзя доверять. Через несколько месяцев священник неожиданно исчез, оказавшись кругом в долгах, и выяснилось, что он мало чем отличается от самого обыкновенного мошенника. А вот пример доверия, пойти на которое рискнули бы очень немногие. Однажды к отцу пришел какой-то совершенно незнакомый ему джентльмен, ирландец, и сказал, что он потерял кошелек и что для него было бы большим неудобством дожидаться в Шрусбери денежного перевода из Ирландии. Он просил отца одолжить ему 20 фунтов, и отец тотчас же сделал это, так как был уверен, что рассказ не вымышлен. Как только наступил срок, необходимый для того, чтобы письмо из Ирландии могло дойти до Шрусбери, письмо действительно было получено; с самыми пространными выражениями благодарности ирландец писал, что прилагает к письму кредитный билет Английского банка в 20 фунтов, однако никакого кредитного билета в письме не было. Я спросил отца, не заставило ли это его поколебаться в своем мнении, но он ответил: «Ни в малейшей степени!» И действительно, на другой день от ирландца было получено второе письмо, в котором он всячески просил извинить его за то, что он позабыл (как и подобает истинному ирландцу) вложить кредитный билет в письмо, посланное накануне.

Один родственник [18] моего отца просил у него совета относительно своего сына, который был необычайно ленивым и не хотел приняться ни за какое дело. Отец сказал: «Полагаю, что ленивый молодой человек надеется на то, что я завещаю ему большую сумму денег. Скажите ему, что, как я сам заявил вам, я не оставлю ему ни одного пенни». Отец юноши со стыдом признался, что эта нелепая мысль действительно овладела его сыном, и спросил отца, каким образом он мог догадаться о ней, но отец ответил, что и сам совершенно не представляет себе, каким образом [у него возникла эта догадка].

Граф... привел к отцу своего племянника, душевнобольного, но очень спокойного поведения; болезнь молодого человека состояла в том, что он сам обвинял себя во всех преступлениях, какие только бывают под небесами. Беседуя впоследствии о больном с его дядей, отец сказал: «Я уверен, что ваш племянник действительно виновен... в отвратительном преступлении». И тогда граф... воскликнул: «Господи боже, доктор Дарвин, кто сказал вам об этом? Мы думали, что кроме нас ни одна душа об этом не знает!» Отец рассказал мне эту историю через много лет после того, как она произошла, и я спросил его, как отличил он правду от ложных самообвинений; он ответил мне,— и этот ответ очень характерен для моего отца,— что не в состоянии объяснить это.

Нижеследующая история показывает, как тонко отец умел строить догадки. Лорд Шелборн [19], впоследствии первый маркиз Лансдаун, славился (как отмечает где-то Маколей) своим знанием европейских дел и очень гордился этим. Он обращался к отцу за медицинскими советами и не раз беседовал с ним о положении дел в Голландии. Отец изучал

медицину в Лейдене; однажды он предпринял длительную прогулку по Голландии совместно с одним приятелем, который пригласил его зайти к знакомому священнику (будем называть его преподобный м-р А., так как я забыл его фамилию), женатому на англичанке. Отец был очень голоден, а на завтрак почти ничего не было кроме сыра, которого он вообще не ел. Это удивило и огорчило престарелую леди, и она стала уверять отца, что сыр великолепный, его прислали ей из Бовуда, имения лорда Шелборна. Отца удивило, почему бы это ей присылали сыр из Бовуда, но он больше никогда не думал об этом, пока рассказанный эпизод не вспыхнул вдруг в его памяти много лет спустя, когда лорд Шелборн вел разговор о Голландии. И отец сказал: «Насколько я знал преподобного м-ра А., думаю, что это был очень способный человек, хорошо осведомленный о положении дел в Голландии». Отец заметил, как поразили эти слова лорда, который немедленно перевел разговор на другую тему. На следующее утро отец получил записку от лорда, в которой тот писал, что отложил намеченную поездку и очень хотел бы повидать отца. Когда отец пришел к нему, лорд сказал: «Доктор Дарвин, и мне и преподобному м-ру А. чрезвычайно важно знать, каким образом вы раскрыли, что он является источником моих сведений о Голландии». Отцу пришлось объяснить в чем дело, и лорд Шелборн, как полагал отец, был чрезвычайно поражен дипломатическим искусством, с каким отец проверил свою догадку, потому что на протяжении многих лет после того он получал от лорда много любезных посланий через различных друзей. Думаю, что лорд рассказал эту историю своим детям, потому что много лет назад сэр Ч. Ляйелл спросил меня, почему маркиз Лансдаун (сын или внук первого маркиза) проявляет столь большой интерес ко мне, которого он никогда не видел, и к моей семье. Когда в клуб «Атеней» избирали сорок новых членов (сорок «воров», как их тогда называли), многие стремились попасть в число их, и хотя я никогда не просил об этом, лорд Лансдаун предложил мою кандидатуру и добился моего избрания. Если я не ошибаюсь в своем предположении, то по странной связи событий то обстоятельство, что мой отец полвека назад не стал есть сыра в Голландии, привело к избранию меня в члены клуба «Атеней» [20].

В молодости отец составлял иногда короткие записи о некоторых примечательных событиях и разговорах и хранил эти записи в особом конверте.

Острая наблюдательность позволяла отцу с замечательным искусством предсказывать течение любой болезни, и он до мельчайших подробностей разрабатывал способы лечения ее. Мне рассказывали, что один молодой врач в Шрусбери, не любивший моего отца, постоянно говорил, будто применяемые им методы лечения совершенно ненаучны, но признавал, что его способность предсказывать исход болезни не имеет равной себе. Сначала, пока отец думал, что я стану врачом, он много рассказывал мне о своих пациентах. В прежние времена в качестве универсального метода лечения применялось обильное кровопускание, но мой отец утверждал, что оно приносит гораздо больше вреда, чем пользы; он советовал мне, если когда-нибудь я сам заболею, не разрешать ни одному врачу пускать мне кровь в количестве, превышающем самую малую дозу. Задолго до того, как брюшной тиф был признан особой болезнью, отец говорил мне, что под названием тифозной лихорадки

смешивают два совершенно различных рода заболевания [21]. Страстный враг пьянства, он был убежден, что в подавляющем большинстве случаев систематическое потребление алкоголя, хотя бы и в умеренных количествах, приносит вред как непосредственный, так и передающийся по наследству [22]. Однако он допускал и приводил отдельные случаи, когда определенные лица могли в течение всей своей жизни пить много без каких-либо видимых дурных последствий для здоровья, и полагал, что часто он мог бы наперед сказать, кому это не принесет вреда. Сам он никогда в рот не брал ни капли какого бы то ни было алкогольного напитка. Последнее мое замечание напомнило мне об одном случае, показывающем, какую грубую ошибку может допустить свидетель даже при самых благоприятных обстоятельствах. Отец настойчиво убеждал одного джентльмена, фермера, не пить и, чтобы поощрить его, сказал, что сам он никогда не прикасается ни к чему спиртному. На это джентльмен возразил: «Э, нет, доктор, этот номер не пройдет! Хотя и очень любезно с вашей стороны, что вы говорите так для моей пользы, но я-то ведь знаю, что каждый вечер после обеда вы выпиваете большой стакан горячего джина с водой» [23]. Отец, конечно, спросил его, откуда он это знает, на что тот ответил: «Моя кухарка два или три года служила у вас помощницей поварихи и видела, как ваш лакей ежедневно готовил и относил вам джин и воду». Дело в том, что у отца была странная привычка пить после обеда горячую воду из очень высокого и объемистого стакана; лакей обыкновенно наливал в стакан сначала немного холодной воды, которую девушка и приняла за джин, а затем наполнял стакан кипятком из кухонного кипятильника.

Отец часто делился со мной множеством мелких наблюдений из своей медицинской практики, знание которых казалось ему полезным. Так, дамы часто горько плакали, рассказывая ему о своих тревогах, и это отнимало у него много драгоценного времени. Вскоре он заметил, что если просить их взять себя в руки и успокоиться, то это всегда заставляет их плакать еще сильнее; поэтому в дальнейшем он всегда давал им поплакать, говоря, что слезы принесут им большее облегчение, чем что-либо другое,— и неизменно в результате этого они быстро переставали плакать, и он получал возможность выслушать то, что они имели сказать ему, и дать им совет. Если тяжело больные пациенты страстно стремились получить какую-либо странную и противоестественную пищу, отец спрашивал их, как пришла им в голову такая мысль; если они говорили, что сами не знают, он разрешал им попробовать эту пищу (что часто приводило к успеху), так как полагался на то, что больным свойственны своего рода инстинктивные желания; но если они отвечали, что слыхали, будто данная пища помогла кому-то другому, он наотрез отказывался санкционировать пользование ею.

Однажды отец привел любопытный маленький случай, характеризующий человеческую натуру. Когда он был совсем еще молодым человеком, его пригласили к одному джентльмену, занимавшему видное положение в Шропшире, на консультацию с семейным врачом. Старый врач сказал жене [этого джентльмена], что, судя по характеру заболевания, исход должен быть фатальным. Отец держался иного взгляда и утверждал, что джентльмен выздоровеет. Выяснилось (вероятно, после вскрытия трупа), что отец был во всех отношениях неправ, и он признал свою ошибку. Он был, конечно, убежден, что никогда больше эта

семья не будет обращаться к нему за советами; однако через несколько месяцев вдова прислала за ним, дав отставку старому семейному врачу. Это так удивило отца, что он попросил одного знакомого вдовы разузнать, почему она вновь обращается к нему за советом. Вдова ответила этому знакомому, что «она не хочет больше видеть этого противного старого доктора, который с первого же разу сказал, что муж ее умрет, тогда как доктор Дарвин все время утверждал, что тот поправится!» В другом случае отец сказал жене больного, что муж ее несомненно умрет. Через несколько месяцев он встретил вдову [этого человека], очень здравомыслящую женщину, и она сказала ему: «Вы еще очень молоды, и позвольте мне посоветовать вам, всегда, пока это возможно, оставлять надежду близким родственникам, ухаживающим за больным. Вы привели меня в отчаяние, и с той минуты я потеряла силы». Отец говорил, что с тех пор он нередко считал наиболее важным поддерживать в интересах пациента надежду, а вместе с ней и бодрость у тех, кто за ним ухаживает. Иногда ему бывало трудно совместить это с правдой. Однако один старый джентльмен, м-р Пембертон, избавил его от подобного затруднения. М-р Пембертон пригласил его к себе и сказал: «На основании всего, что я сам видел и что слыхал о вас, думаю, что вы принадлежите к числу правдивых людей и что поэтому в случае, если я спрошу у вас об этом, вы прямо скажете мне, что я близок к смерти. Мне очень хотелось бы, чтобы вы лечили меня, но только при том условии, если вы пообещаете, что бы я ни говорил, всегда утверждать, что я не умираю». Отец, хотя и неохотно, согласился, но на том условии, что слова больного действительно не будут иметь никакого значения.

У отца была необычайная память, особенно на даты, и он помнил, даже в глубокой старости, дни рождений, бракосочетаний и смерти огромного множества жителей Шропшира. Однажды он сказал мне, что эта его способность раздражает его, ибо раз услыхав какую-нибудь дату, он не может забыть ее, и поэтому ему часто вспоминается смерть многих его друзей. Благодаря такой сильной памяти он знал очень много любопытных историй, которые любил рассказывать, так как был вообще охотник поговорить. Обычно он бывал в хорошем настроении, любил посмеяться и шутил с каждым — часто со своими слугами — совершенно непринужденно, и вместе с тем он обладал искусством заставлять каждого в точности повиноваться его указаниям. Многие очень боялись его. Вспоминаю, как однажды отец со смехом рассказал нам, что уже несколько человек спрашивали его, не приходила ли к нему мисс Пиггот — одна важная старая леди в Шропшире; когда, наконец, он пожелал узнать, почему его спрашивают об этом, ему сказали, что мисс Пиггот, которую отец чем-то смертельно обидел, заявляла всем и каждому, что она явится к «этому старому жирному доктору и выложит ему без обиняков все, что она о нем думает». И она действительно побывала у отца, но храбрость изменила ей, и трудно было бы представить себе более вежливую и дружескую манеру поведения. Мальчиком я как-то гостил в доме майора Б., жена которого была душевнобольной; каждый раз, как эта несчастная встречалась со мной, она впадала в состояние самого отчаянного страха, какой мне когдалибо приходилось видеть; она горько плакала и все снова и снова спрашивала меня: «Приедет ли твой отец?», но вскоре затем успокаивалась.

Вернувшись домой, я спросил отца, почему она так напугана, и он ответил, что очень рад слышать это, так как намеренно запугал ее: он был уверен, что ее можно содержать в безопасности и в состоянии гораздо лучшего самочувствия, не лишая ее свободы, если ее супруг, как только она будет впадать в буйное состояние, сможет воздействовать на нее угрозой послать за доктором Дарвином; и на протяжении всей ее дальнейшей долгой жизни слова эти действовали безотказно.

Отец был очень чувствительным человеком, вследствие чего его крайне раздражали и мучили многие незначительные обстоятельства. Однажды, когда он был уже стар и не мог ходить, я спросил его, почему бы ему не покататься немного для моциона; он ответил мне: «Каждая поездка за пределы Шрусбери вызывает в моей памяти какое-нибудь событие, причиняющее мне боль». И все же по большей части он бывал в хорошем настроении. Его легко было рассердить, но так как доброта его не знала границ, его любили очень многие и любили от всей души.

Он был осторожен в делах и умел хорошо вести их,— вряд ли когда-нибудь он потерял деньги, вложив их в какие-либо акции, и он оставил своим детям очень большое состояние. Помню одну историю, которая показывает, как легко возникают и распространяются самые вздорные слухи. М-р Э., помещик, принадлежавший к одной из самых старинных шропширских фамилий и состоявший главным компаньоном одного банка, покончил жизнь самоубийством. Для соблюдения формальностей послали за отцом, которому пришлось установить факт смерти. Для характеристики того, как велись в старину дела, упомяну мимоходом, что так как м-р Э. был весьма видным человеком и пользовался всеобщим уважением, никакого дознания в отношении трупа не было произведено. Вернувшись в Шрусбери, отец счел необходимым заехать в банк (где у него был счет), чтобы сообщить о случившемся руководителям банка, так как было весьма вероятно, что это самоубийство вызовет наплыв вкладчиков [желающих изъять свои деньги]. И вот, широко распространился слух, будто отец явился в банк, забрал все свои деньги, вышел из банка, затем вернулся и сказал: «Могу совершенно точно сообщить вам, что м-р Э. покончил с собой», после чего удалился. В те времена было, кажется, распространено поверье, будто деньги, изъятые из банка, оказываются в безопасности только тогда, когда владелец их перешагнет через порог банка. В течение некоторого времени отец ничего не знал об этой истории, пока однажды директор банка не сказал ему, что отступил от своего неизменного правила — никогда никому не показывать чужих счетов — и показал нескольким вкладчикам книгу, в которую был занесен счет отца, чтобы доказать, что отец не изъял в тот день ни одного пенни. Было бы бесчестно со стороны отца воспользоваться сведениями, которые ему раскрывала его профессия, для своей личной выгоды. Тем не менее некоторые лица были в большом восхищении от мнимого поступка отца, и много лет спустя один джентльмен сказал отцу: «Ах, доктор, каким блестящим человеком дела вы оказались, когда так умно изъяли все свои деньги целыми и невредимыми из того банка!»

Отец не обладал научным складом ума и не пытался обобщать свои знания под углом зрения общих законов. Более того, он создавал особую теорию почти для каждого встречавшегося ему случая. Не думаю,

что я много получил от него в интеллектуальном отношении, но в моральном отношении пример его должен был оказать большую пользу всем его детям. Одним из его золотых правил (хотя соблюдать это правило было не легко) было следующее: «Никогда не вступай в дружбу с человеком, которого ты не можешь уважать».

Об отце моего отца — авторе «Ботанического сада» и других сочинений — я привел все факты, которые мне удалось собрать в опубликованном мною жизнеописании его [24].

Рассказав так много о своем отце, я хочу добавить лишь несколько слов о моем брате и сестрах.

Мой брат Эразм [25] обладал замечательно ясным умом, и у него были широкие и разнообразные интересы и знания в литературе, искусстве и даже в естественных науках. В течение короткого времени он увлекался коллекционированием и гербаризацией растений, и несколько дольше — химическими экспериментами. Он был очень приятен в обращении, а его остроумие часто напоминало мне остроумие писем и произведений Чарлза Лэмба [26]. Он был очень добросердечен; с самого детства он был слаб здоровьем, вследствие чего был мало энергичен. Он не отличался веселостью, и часто, особенно в начале и в середине его зрелых лет, у него бывало плохое настроение. Он много читал, даже в детстве, и в наши школьные годы побуждал меня к чтению, давая мне книги. Однако по складу ума и интересам мы были так непохожи друг на друга, что, как мне кажется, в интеллектуальном отношении я мало чем обязан ему, как и моим четырем сестрам, черты характера которых были весьма различны и — у некоторых из них — очень своеобразны. В течение всей своей жизни все они были исключительно добры и нежны по отношению ко мне. Я склонен согласиться с Френсисом Гальтоном, который полагает, что воспитание и окружающая обстановка оказывают только небольшое влияние на характер человека и что в большинстве своем качества наши — врожденные.

Приведенный выше очерк характера моего брата был написан мною до того, как Карлейль дал его характеристику в своих «Воспоминаниях»; мне кажется, что эта характеристика мало соответствует истине и не представляет никакой ценности [27].

Восстанавливая в памяти,— насколько я в состоянии сделать это,— черты моего характера в школьные годы, я нахожу, что единственными моими качествами, которые уже в то время подавали надежду на что-либо хорошее в будущем, были сильно выраженные и разнообразные интересы, большое усердие в осуществлении того, что интересовало меня, и острое чувство удовольствия, которое я испытывал, когда мне становились понятными какие-либо сложные вопросы или предметы. С Эвклидом меня познакомил частный учитель, и я отчетливо помню то глубокое удовлетворение, которое доставили мне ясные геометрические доказательства. Так же отчетливо помню я, какое наслаждение мне доставил мой дядя (отец Френсиса Гальтона) [28], объяснив мне устройство нониуса в барометре. Что касается различных интересов, не имеющих отношения к науке, то я любил читать разнообразные книги и часами просиживал за чтением исторических драм Шекспира, причем обычно я располагался в глубокой амбразуре окна старинного здания школы. Читал я также произведения и других поэтов — только

что опубликованные тогда поэмы Байрона и Вальтер Скотта и «Времена года» Томсона [29]. Упоминаю об этом потому, что в позднейшие годы моей жизни я, к великому моему сожалению, совершенно утратил вкус ко всякой поэзии, включая и Шекспира. Говоря об удовольствии, которое доставляла мне поэзия, могу прибавить, что в 1822 г., во время поездки верхом по окраинам Уэльса, во мне впервые пробудилась способность наслаждаться картинами природы, и эта способность сохранилась во мне дольше, чем способность к какому-либо другому эстетическому наслаждению.

В ранние годы школьной жизни я зачитывался принадлежавшей одному моему товарищу книгой «Чудеса мироздания» [The Wonders of the World»] [30] и обсуждал с другими мальчиками достоверность различных сведений, содержавшихся в этой книге; думаю, что она-то впервые и заронила во мне желание совершить путешествие в дальние страны, что в конце концов и осуществилось благодаря моему плаванию на «Бигле». В конце пребывания в школе я стал страстным любителем ружейной охоты, и мне кажется, что едва ли кто-нибудь проявил столько рвения к самому святому делу, сколько я — к стрельбе по птицам. Хорошо помню, как я застрелил первого бекаса,— возбуждение мое было так велико, руки мои так сильно дрожали, что я едва в состоянии был перезарядить ружье. Эта страсть продолжалась долго, и я стал отличным стрелком. Во время пребывания в Кембридже я упражнялся в меткости, вскидывая ружье к плечу перед зеркалом, чтобы видеть правильно ли я прицелился. Другой и притом лучший прием состоял в том, что, наложив на боек ударника пистон, я стрелял в зажженную свечу, которой размахивал товарищ; если прицел был взят верно, то легкое дуновение воздуха гасило свечу. Взрыв пистонов сопровождался сильным треском, и мне передавали, что наставник колледжа как-то заметил по этому поводу: «Что за странное дело! Похоже на то, что мистер Дарвин целыми часами щелкает бичом у себя в комнате: я часто слышу щелканье, когда прохожу под его окнами».

Среди товарищей по школе у меня было много друзей, которых я горячо любил, и я думаю, что мои привязанности были тогда очень сильными. Некоторые из этих мальчиков были довольно способными, но должен добавить, что, согласно принципу «noscitur a socio» [31], ни один из них не стал впоследствии сколько-нибудь выдающимся человеком.

Что касается моих научных интересов, то я продолжал с большим усердием коллекционировать минералы, но делал это совершенно ненаучно,— вся моя забота сводилась только к отыскиванию минералов с новыми *названиями,* но едва ли я пытался классифицировать их. С некоторым вниманием я, вероятно, наблюдал насекомых, ибо когда в десятилетнем возрасте (в 1819 г.) я провел три недели на взморье в Плас-Эдвардсе в Уэльсе [32], я был сильно заинтересован и поражен, обнаружив какое-то крупное чернокрасного цвета полужесткокрылое насекомое, много бабочек (Zygaena) и какую-то Cicindela [33], какие не водятся в Шропшире. Я почти настроился на то, чтобы собирать всех насекомых, которых мне удастся найти мертвыми, потому что, посоветовавшись с сестрой, пришел к заключению, что нехорошо убивать насекомых только для того, чтобы составить коллекцию их. Прочитав книгу Уайта «Селборн» [34], я стал с большим удовольствием наблюдать за повадками птиц и даже делал заметки о своих наблюдениях. Помню,

что в простоте моей я был поражен тем, почему каждый джентльмен не становится орнитологом.

Когда я заканчивал школу, мой брат усердно занялся химией и устроил в саду, в сарае для рабочих инструментов, неплохую лабораторию с соответствующими аппаратами; он позволил мне помогать ему в качестве служителя при производстве большей части его опытов. Он приготовлял всевозможные газы и многие сложные соединения, и я внимательно прочитал несколько книг по химии, например, «Chemical Catechism» Генри и Паркса. Химия сильно заинтересовала меня, и нередко наша работа затягивалась до поздней ночи. Это составило лучшее, что было в образовании, полученном мною в школьные годы, ибо здесь я на практике понял значение экспериментального знания. О том, что мы занимаемся химией, каким-то образом проведали в школе, и так как факт этот был совершенно беспримерным, меня прозвали «Газ». Однажды директор школы д-р Батлер сделал мне даже выговор в присутствии всех школьников за то, что я трачу время на такие бесполезные дела, и совершенно несправедливо назвал меня «poco curante» [«легкомысленным»], а так как я не понял, что́ он имел в виду, то слова эти показались мне ужасным оскорблением.

Так как дальнейшее пребывание в школе было бесполезным для меня, отец благоразумно решил забрать меня оттуда несколько ранее обычного срока и отправил (в октябре 1825 г.) вместе с моим братом в Эдинбургский университет, где я пробыл два учебных года [35]. Мой брат заканчивал изучение медицины, хотя не думаю, чтобы он когда-либо имел действительное намерение заняться практикой, я же был послан туда, чтобы начать изучение ее. Но вскоре после того я пришел — на основании различных мелких фактов — к убеждению, что отец оставит мне состояние, достаточное для того, чтобы вести безбедную жизнь, хотя я никогда даже не представлял себе, что буду таким богатым человеком, каким стал теперь; этой уверенности оказалось, однако, достаточно для того, чтобы погасить во мне сколько-нибудь серьезное усердие в изучении медицины.

Преподавание в Эдинбурге осуществлялось преимущественно лекционным путем [36], и лекции эти, за исключением лекций Хопа [37] по химии, были невыносимо скучны; по моему мнению, лекции не имеют по сравнению с чтением никаких преимуществ, а во многом уступают ему. Не без ужаса вспоминаю лекции д-ра Дункана по Materia medica [38], которые он читал зимою начиная с 8 часов утра. Д-р Монро [39] сделал свои лекции по анатомии человека настолько же скучными, насколько скучным был он сам, и я проникся отвращением к этой науке. То обстоятельство, что никто не побудил меня заняться анатомированием, оказалось величайшей бедой в моей жизни, ибо отвращение я бы вскоре преодолел, между тем как занятия эти были бы чрезвычайно полезны для всей моей будущей работы. Эта беда была столь же непоправима, как и отсутствие у меня способности к рисованию. Я регулярно посещал также клинические палаты больницы. Некоторые случаи вызвали у меня тяжелые переживания, иные из них и сейчас еще живо стоят перед моими глазами, но я не был настолько глуп, чтобы из-за этого пропускать занятия. Не могу понять, почему эта часть моего курса медицины не заинтересовала меня сильнее, ибо летом, перед тем как я отправился в Эдинбург, я начал наносить в

Шрусбери визиты некоторые беднякам, леча преимущественно детей и женщин; я составлял по возможности более подробные отчеты о каждом случае с указанием всех симптомов болезни и прочитывал их вслух отцу, который подсказывал мне, какие дальнейшие сведения необходимо собрать и какие лекарства следует прописать; лекарства эти я сам и изготовлял. Однажды у меня было сразу по крайней мере двенадцать пациентов, и я испытывал острый интерес к работе [40]. Мой отец, который в отношении характера людей был наилучшим судьей, какого я когда-либо встречал, говорил, что из меня получился бы весьма удачливый врач, разумея под этим такого врача, у которого будет много пациентов. Он утверждал, что главный залог успеха заключается в умении внушать доверие к себе; я не знаю, однако, какие качества он мог усмотреть во мне, которые привели его к убеждению, что я мог бы возбуждать доверие к себе. Дважды я посетил также операционный зал госпитальной больницы в Эдинбурге и присутствовал на двух очень тяжелых операциях, причем во время одной из них оперировали ребенка, но я сбежал, не дождавшись окончания их. Больше никогда уже я не ходил на операции, и вряд ли нашлась бы приманка столь притягательная, чтобы можно было с ее помощью заставить меня сделать это; то было задолго до благословенных дней хлороформа. В течение очень многих лет эти две операции буквально преследовали меня.

Брат мой оставался в университете только в течение одного года, а на второй год я был предоставлен самому себе, и в этом было известное преимущество, ибо я сблизился с несколькими молодыми людьми, интересовавшимися естествознанием. Одним из них был Эйнсуорт, опубликовавший впоследствии описание своих путешествий по Ассирии; геолог-вернерианец, он обладал кое-какими знаниями о многих вещах, но был человеком поверхностным и весьма бойким на язык. Д-р Колдстрим был молодым человеком совсем другого типа: чопорный, церемонный, глубоко религиозный и очень добросердечный; впоследствии он опубликовал несколько хороших статей по зоологии. Третьим молодым человеком был Гарди, который, думаю, мог бы стать хорошим ботаником, но он рано умер в Индии [41]. Наконец, д-р Грант [42], который был старше меня на несколько лет; не могу вспомнить, при каких обстоятельствах я познакомился с ним; он опубликовал несколько первоклассных работ по зоологии, но после того как он переехал в Лондон, где стал профессором Университетского колледжа, он ничего больше не сделал в науке,— факт, всегда остававшийся для меня необъяснимым. Я хорошо знал его: он был сух и формален в обращении, но под этой наружной коркой скрывался подлинный энтузиазм. Однажды, когда мы гуляли с ним вдвоем, он разразился восторженной речью о Ламарке и его эволюционных воззрениях. Я выслушал его безмолвно и с удивлением, но, насколько я могу судить, его слова не произвели на мой ум никакого впечатления. Уже до этого я прочитал «Зоономию» моего деда, в которой отстаиваются подобные же воззрения, но и они не оказали на меня никакого воздействия. Тем не менее, вероятно, то обстоятельство, что уже в очень ранние годы моей жизни мне приходилось слышать, как поддерживаются и встречают высокую оценку такого рода воззрения, способствовало тому, что я и сам стал отстаивать их — в иной форме — в моем «Происхождении видов».

Эдинбургские студенческие билеты Ч. Дарвина.

Слева вверху: на право посещения лекций проф. Хопа по химии и фармации. Слева внизу: на право посещения лекций проф. Монро по анатомии, физиологии и патологии. Справа: на право посещения университетских клиник в Эдинбургском Королевском госпитале

В то время я очень восхищался «Зоономией», но, перечитав ее во второй раз через десять или пятнадцать лет, я был сильно разочарован крайне невыгодным соотношением между рассуждениями и приводимыми фактическими данными.

Доктора Грант и Колдстрим много занимались зоологией моря, и я часто сопровождал первого из них, собирая в лужах, остающихся после отлива, животных, которых анатомировал как умел. Я подружился также с несколькими рыбаками из Ньюхейвена, время от времени отправлялся с ними на траловый лов устриц и таким путем добыл много экземпляров [различных животных]. Но так как я не имел никаких систематических навыков в анатомировании и обладал лишь очень плохоньким микроскопом, мои попытки [производить наблюдения] были весьма жалкими. Тем не менее я сделал одно интересное маленькое открытие и в начале 1826 года прочитал в Плиниевском обществе краткое сообщение по этому вопросу. Открытие заключалось в том, что так называемые яйца Flustra обладают способностью самостоятельно двигаться при помощи ресничек; в действительности это были личинки. В другом небольшом докладе я показал, что маленькие шаровидные тела, которые считались молодыми стадиями *Fucus loreus*, представляют собою яйцевые коконы [egg-cases] червеобразной *Pontobdella muricata* [43].

Плиниевское общество[44] пользовалось поддержкой профессора Джемсона и, как я полагаю, было им основано; оно состояло из студентов и собиралось в Университете, в комнате подвального этажа, для заслушания и обсуждения работ по естественным наукам. Я аккуратно посещал заседания Общества, и они оказались полезным для меня, так как стимулировали мое усердие и способствовали новым знакомствам с людьми, интересовавшимися, как и я, естествознанием. Как-то вечером один неудачливый молодой человек встал, невероятно долго заикался и, наконец, густо покраснев от смущения, с трудом вымолвил: «Господин председатель! Я забыл, что я хотел сказать». У бедняги был совершенно подавленный вид, а все члены Общества были до того удивлены, что никто не мог придумать, что бы такое сказать, чтобы прикрыть его смущение. Сообщения, которые читались в нашем маленьком Обществе, не публиковались, вследствие чего я не получил удовольствия увидеть свою статью в печати, но мне кажется, что д-р Грант упомянул о моем маленьком открытии в своем превосходном мемуаре о Flustra[45].

Я состоял также членом Королевского медицинского общества и довольно аккуратно посещал его заседания, но так как вопросы там обсуждались исключительно медицинские, они не очень интересовали меня. Много вздора говорилось там, но было и несколько хороших ораторов, и лучшим из них был ныне здравствующий сэр Дж. Кэй-Шаттлуорт[46]. Иногда д-р Грант приглашал меня на заседания Вернеровского общества, где докладывались, обсуждались и затем публиковались в «Трудах» [«Transactions»] Общества различные сообщения по естественной истории. Я слышал там Одюбона, прочитавшего несколько интересных лекций об образе жизни североамериканских птиц и не вполне справедливо посмеивавшегося над Уотертоном[47]. Отмечу кстати, что в Эдинбурге жил один негр, путешествовавший с Уотертоном; он зарабатывал себе на жизнь набивкой чучел птиц и делал это превосходно; он давал мне платные уроки [по набивке чучел], и часто я засиживался у него подолгу, так как это был очень приятный и умный человек.

М-р Леонард Хорнер[48] также пригласил меня однажды на заседание Эдинбургского королевского общества, где я увидел на председательском месте сэра Вальтера Скотта; он просил собравшихся извинить его за то, что занимает столь высокое место, ибо чувствует, что недостоин его. Я смотрел на него и на все происходящее с благоговением и трепетом; думаю, благодаря тому обстоятельству, что в молодости я присутствовал на этом заседании и посещал также заседания Королевского медицинского общества, избрание меня несколько лет назад почетным членом обоих этих Обществ показалось мне более лестным, чем любые другие подобные почести. Если бы мне сказали тогда, что когда-нибудь в будущем мне будет оказана эта честь, клянусь, мне показалось бы это не менее смешным и невероятным, чем если бы мне заявили, что я буду избран королем Англии.

В течение второго года моего пребывания в Эдинбурге я посещал лекции профессора Джемсона[49] по геологии и зоологии, но они были невероятно скучны. Единственным результатом того впечатления, которое они произвели на меня, было решение никогда, пока я буду жив, не читать книг по геологии и вообще не заниматься этой наукой. И все же я уверен, что был подготовлен к тому, чтобы разумно судить

об этом предмете: года за два или за три до того один старик, проживавший в Шропшире, м-р Коттон, неплохо знакомый с горными породами, указал мне на большой эрратический валун, находившийся в городе Шрусбери,— хорошо всем известный «Колокол-камень»; заметив, что до самого Камберленда или даже до Шотландии не найти камня той же самой горной породы, он стал с важным видом уверять меня, что мир придет к своему концу прежде, чем кто-нибудь сможет объяснить, каким образом этот камень оказался там, где он лежит ныне. Это произвело на меня сильное впечатление, и я не переставал размышлять об этом необычайном камне. Поэтому, когда я впервые прочитал о роли айсбергов в переносе валунов [50], я испытал чувство величайшего наслаждения и торжествовал по поводу успехов геологической науки. Столь же поразителен тот факт, что мне, которому сейчас только 67 лет, пришлось слышать, как профессор Джемсон, читая нам лекцию на Солсберийских скалах, говорил, что траповая дайка с миндалеобразными границами и отвердевшими со всех сторон пластами, расположенная в местности, где нас буквально окружали вулканические породы, представляет собою трещину, заполненную сверху осадочными отложениями; при этом он с усмешкой добавлял, что были де люди, которые утверждали, что она была заполнена снизу расплавленной массой [51]. Вспоминая об этой лекции, я не удивляюсь своему решению никогда не заниматься геологией.

Благодаря посещению лекций Джемсона я познакомился с хранителем музея м-ром Макджилливреем [52], который впоследствии опубликовал большую и превосходную книгу о птицах Шотландии. В его внешности и манерах было не очень-то много джентльменского. У нас было с ним много интересных бесед на естественноисторические темы; он был со мною очень добр и подарил мне несколько редких раковин, так как я собирал в то время коллекцию морских улиток, хотя занимался этим не очень усердно.

В течение этих двух лет мои летние каникулы были целиком посвящены развлечениям, хотя в руках у меня всегда была какая-нибудь книга, которую я с интересом читал. Летом 1826 г. я совершил, вместе с двумя своими приятелями, большую пешеходную прогулку (с рюкзаками за спиной) по Северному Уэльсу. Почти ежедневно мы проходили по тридцати миль, а один день потратили на восхождение на Сноудон [53]. Я совершил также со своей сестрой Каролиной прогулку верхом на лошадях по Северному Уэльсу; седельные вьюки с нашим платьем вез за нами слуга. Осенние месяцы посвящались ружейной охоте — главным образом у м-ра Оуэна в Вудхаусе [54] и у моего дяди Джоса в Мэре. Я проявлял [в отношении охоты] столь большое рвение, что, ложась спать, я ставил обычно свои охотничьи сапоги около самой кровати, чтобы, обуваясь утром, не потерять и полминуты. Однажды, 20 августа, собравшись на охоту за тетеревами, я еще затемно забрался на самую окраину территории Мэра и затем целый день пробирался с лесником сквозь гущу вереска и молодых сосен.

Я аккуратно записывал каждую птицу, застреленную мною в течение сезона. Как-то раз, охотясь в Вудхаусе с капитаном Оуэном, старшим сыном хозяина, и с его двоюродным братом майором Хиллом, впоследствии лордом Берик, которых я очень любил, я стал жертвой шутки: каждый раз, когда я, выстрелив, думал, что это я застрелил

птицу, один из них делал вид, что заряжает ружье, и восклицал: «Эту птицу не принимайте в расчет, я стрелял одновременно с вами!» Слова их подтверждал лесник, который понял, в чем заключалась шутка. Через несколько часов они рассказали мне, как они подшутили надо мной, но для меня это не было шуткой, потому что я застрелил очень много птиц, но не знал, сколько именно, и не мог внести их в свой список, что я обычно делал, завязывая узелок на куске веревки, продетой сквозь пуговичную петлю. Это-то и заметили мои коварные друзья.

Какую радость доставляла мне охота! Но мне кажется, что я полусознательно стыдился своей страсти, так как старался убедить себя в том, что охота — своего рода умственное занятие: ведь она требует столько сноровки для того, чтобы судить, где больше всего найдешь дичи, и чтобы как следует натаскать собак.

Одно из моих осенних посещений Мэра в 1827 г. памятно мне потому, что я встретил там сэра Дж. Макинтоша [55], который был наилучшим собеседником, какого мне приходилось когда-либо встречать. Узнав впоследствии, что он сказал обо мне: «В этом молодом человеке есть что-то такое, что заинтересовало меня», я сиял от гордости. Этим отзывом я обязан, должно быть, главным образом тому, что он заметил, с каким огромным интересом я вслушиваюсь буквально в каждое его слово,— а я был невежественен, как поросенок, в тех вопросах истории, политики и морали, которых он касался. Думаю, что похвала со стороны выдающегося человека — хотя может возбудить и даже несомненно возбуждает тщеславие — полезна для молодого человека, так как помогает ему держаться правильного пути.

Мои посещения Мэра на протяжении этих двух или трех следовавших друг за другом лет были полны очарования даже независимо от осенней охоты. Жилось там очень привольно, местность позволяла совершать восхитительнейшие прогулки пешком или верхом, вечера проходили в исключительно приятных беседах, не носивших слишком личного характера, как это бывает обычно на больших семейных встречах, и перемежавшихся музыкой. Летом вся семья часто располагалась на ступенях старинного портика, перед которым в саду был разбит цветник; противоположный дому крутой, покрытый лесом берег отражался в озере, и то в одном, то в другом месте слышался всплеск воды, вызванный всплывшей вверх рыбой или коснувшейся поверхности воды птицей. Ничто не запечатлелось в моей памяти более ярко, чем эти вечера в Мэре. Я был очень привязан к дяде Джосу и благоговел перед ним; он был молчалив и сдержан, таких людей обычно побаиваются, но иногда он бывал со мною откровенен. Это был выраженный тип прямого человека, обладавшего способностью чрезвычайно ясного суждения. Думаю, что никакая сила в мире не могла бы заставить его хотя бы на дюйм отклониться от того пути, который он считал правильным. Мысленно я не раз применял к нему известную оду Горация — теперь я уже забыл ее,— в которой имеются слова: «nec vultus tyranni» и т. д. [56]

[ЖИЗНЬ В КЕМБРИДЖЕ]

Кембридж, 1828—1831.— После того как я провел два учебных года в Эдинбурге, мой отец понял или узнал от моих сестер, что мне вовсе не улыбается мысль стать врачом, и поэтому предложил мне сделаться священником. Возможность моего превращения в праздного любителя

спорта — а такая моя будущность казалась тогда вероятной — совершенно справедливо приводила его в страшное негодование. Я попросил дать мне некоторое время на размышление, потому что на основании тех немногих сведений и мыслей, которые были у меня на этот счет, я не мог без колебаний заявить, что верю во все догматы англиканской церкви; впрочем, в других отношениях мысль стать сельским священником нравилась мне. Я старательно прочитал поэтому книгу «Пирсон о вероучении» [«Pearson on the Creed»] [57] и несколько других богословских книг, а так как у меня не было в то время ни малейшего сомнения в точной и буквальной истинности каждого слова Библии, то я скоро убедил себя в том, что наше вероучение необходимо считать полностью приемлемым. Меня совершенно не поражало, насколько нелогично говорить, что я верю в то, чего я не могу понять и что фактически [вообще] не поддается пониманию. Я мог бы с полной правдивостью сказать, что у меня не было никакого желания оспаривать ту или иную [религиозную] догму, но никогда не был я таким дураком, чтобы чувствовать или говорить: «Credo quia incredibile» [58].

Если вспомнить, как свирепо нападали на меня представители церкви, кажется забавным, что когда-то я и сам имел намерение стать священником. Мне не пришлось даже заявить когда-либо формальный отказ от этого намерения и от выполнения желания моего отца: они умерли естественной смертью, когда я, закончив образование в Кембридже, принял участие в экспедиции на «Бигле» в качестве натуралиста. Если френологи заслуживают доверия, то в одном отношении я очень подходил для того, чтобы стать священником. Несколько лет назад я получил письмо от секретарей одного германского психологического общества, в котором они убедительно просили меня прислать им мою фотографию, а спустя некоторое время я получил протокол заседания, на котором, по-видимому, предметом публичного обсуждения был форма моей головы, и один из выступавших заявил, что шишка благоговения развита у меня настолько сильно, что ее хватило бы на добрый десяток священников.

Поскольку было решено, что я стану священником, мне необходимо было поступить в один из английских университетов, чтобы получить ученую степень; но так как с того времени, как я оставил школу, я ни разу не раскрыл ни одной греческой или латинской книги, то, к своему ужасу, я обнаружил, что за два года, прошедшие с тех пор, я, как это ни покажется невероятным, совершенно забыл почти все, чему меня учили, даже некоторые греческие буквы. Я не отправился поэтому в Кембридж в обычное время, в октябре, а стал заниматься с частным преподавателем в Шрусбери и поехал в Кембридж после рождественских каникул, в самом начале 1828 г. Вскоре я восстановил свой школьный уровень знаний и сравнительно легко мог переводить нетрудные греческие книги, например, Гомера и Евангелие на греческом языке.

Три года, проведенные мною в Кембридже, были в отношении академических занятий настолько же полностью затрачены впустую, как годы, проведенные в Эдинбурге и в школе. Я пытался заняться математикой и даже отправился для этого в Бармут летом 1828 г. с частным преподавателем (очень тупым человеком), но занятия мои шли крайне вяло. Они вызывали у меня отвращение главным образом потому, что

я не в состоянии был усмотреть какой-либо смысл в первых основаниях алгебры. Это отсутствие у меня терпения было очень глупым, и впоследствии я глубоко сожалел о том, что не продвинулся по крайней мере настолько, чтобы уметь хотя бы немного разбираться в великих руководящих началах математики, ибо люди, овладевшие ею, кажутся мне наделенными каким-то добавочным орудием разума [«extra sense»]. Не думаю, впрочем, чтобы я когда-либо мог добиться успеха за пределами элементарной математики. Что касается греческих и латинских авторов, то здесь я ничего не делал, кроме того, что посещал, да и то почти номинально, некоторые обязательные университетские лекции. На втором году обучения мне пришлось месяц или два поработать, чтобы сдать Little-Go [59], что далось мне легко. Также и в последнем учебном году я довольно основательно подготовился к заключительному экзамену на степень бакалавра искусств [60], освежив в памяти своих греческих и латинских классиков и в небольшом размере алгебру и Эвклида; последний, как и когда-то в школе, доставил мне много удовольствия. Для сдачи экзамена на степень бакалавра искусств необходимо было также изучить сочинения Пейли [61] «Основания христианства» [«Evidences of Christianity»] и «Нравственная философия» [Moral Phylosophy»]. Я проделал это самым тщательным образом и убежден, что мог бы по памяти полностью изложить «Основания» и притом очень точно, но, разумеется, не таким ясным языком, как у Пейли. Логика этой книги и, могу прибавить еще, его «Натуральной теологии» [«Natural Theology»] доставила мне такое же удовольствие, как Эвклид. Тщательное изучение этих трудов, без попытки заучить какой-либо раздел наизусть, было единственной частью академического курса, которая, как мне казалось тогда и как я убежден и теперь, была хоть сколько-нибудь полезна для воспитания моего ума. В то время предпосылки Пейли меня нисколько не интересовали, я принимал их на веру, очарованный и убежденный длинной цепью доказательств. Неплохо ответив на экзаменационные вопросы из Пейли, хорошо сдав Эвклида и не очень оскандалившись по части греческих и латинских авторов, я добился хорошего места среди οἱ πολλοὶ [62], т. е. того множества людей, которые не гонятся за почестями. Хотя это и достаточно странно, но я не могу вспомнить, насколько высокое место заняла в списке моя фамилия: меня разбирают сомнения — пятое, десятое или двенадцатое [63].

В Университете читались по различным отраслям знания публичные лекции, посещение которых было вполне добровольным, но мне уже так осточертели лекции в Эдинбурге, что я не ходил даже на красноречивые и интересные лекции Седжвика [64]. Если бы я посещал их, то стал бы, вероятно, геологом раньше, чем это случилось в действительности. Я посещал, однако, лекции Генсло [65] по ботанике, и они очень нравились мне, так как отличались исключительной ясностью изложения и превосходными демонстрациями; но ботанику я не изучал. Генсло имел обыкновение совершать со своими учениками, в том числе и с более старыми членами Университета [66], полевые экскурсии,— пешком, в отдаленные места — в каретах и вниз по реке — на баркасе,— и во время этих экскурсий читал лекции о более редких растениях и животных, которых удавалось наблюдать. Экскурсии эти были восхитительны.

Колледж Христа в Кембриджском университете.

Вход в студенческое общежитие, где жил Ч. Дарвин: окно комнаты Дарвина — во втором этаже направо от входа

Хотя, как мы сейчас увидим, в моей кембриджской жизни были и некоторые светлые стороны, время, которое я провел в Кембридже, было всерьез потеряно, и даже хуже, чем потеряно. Моя страсть к ружейной стрельбе и охоте, а если это не удавалось осуществить, то — к прогулкам верхом по окрестностям, привела меня в кружок любителей спорта, среди которых было несколько молодых людей не очень высокой нравственности. По вечерам мы часто вместе обедали, хотя, надо сказать, на этих обедах нередко бывали люди более дельные; по временам мы порядочно выпивали, а затем весело пели и играли в карты. Знаю, что я должен стыдиться дней и вечеров, растраченных подобным образом, но некоторые из моих друзей были такие милые люди, а настроение наше бывало таким веселым, что не могу не вспоминать об этих временах с чувством большого удовольствия [67].

Но мне приятно вспоминать, что у меня было много и других друзей, совершенно иного рода. Я был в большой дружбе с Уитли, который впоследствии стал лауреатом Кембриджского университета по

математике [68], мы постоянно совершали с ним долгие прогулки. Он привил мне вкус к картинам и хорошим гравюрам, и я приобрел несколько экземпляров. Я часто бывал в Галерее Фицуильяма [69], и у меня, видимо, был довольно хороший вкус, ибо я восхищался несомненно лучшими картинами и обсуждал их со старым хранителем Галереи. С большим интересом прочитал я также книгу сэра Джошуи Рейнольдса [70]. Вкус этот, хотя и не был прирожденным, сохранялся у меня на протяжении нескольких лет, и многие картины в Национальной галерее в Лондоне доставляли мне истинное наслаждение, а одна картина Себастьяна дель Пьомбо [71] возбудила во мне чувство величественного.

Я бывал также в музыкальном кружке, кажется, благодаря моему сердечному другу Герберту [72], окончившему Университет с высшим отличием по математике. Общаясь с этими людьми и слушая их игру, я приобрел определенно выраженный вкус к музыке и стал весьма часто распределять свои прогулки так, чтобы слушать в будние дни хоралы в церкви Колледжа короля [King's College] [73]. Я испытывал при этом такое интенсивное наслаждение, что по временам у меня пробегала дрожь по спинному хребту. Я уверен, что в этом моем чувстве не было ни аффектации, ни простого подражания, ибо обычно я ходил в Колледж короля совершенно один, иногда же я нанимал мальчиков-хористов, и они пели у меня в комнате. Тем не менее я до такой степени лишен музыкального слуха, что не замечаю диссонанса, не могу правильно отбивать такт и не в состоянии верно напеть про себя хоть какую-нибудь мелодию, и для меня остается тайной, каким образом я мог получать удовольствие от музыки.

Мои музыкальные друзья вскоре подметили во мне эту особенность и по временам забавлялись, устраивая мне экзамен, для того чтобы установить, сколько мелодий смогу я узнать, если их исполняли несколько быстрее или медленнее, чем следовало. Гимн «Боже, храни короля», сыгранный таким образом, становился для меня мучительной загадкой. Был там еще один обладатель почти такого же плохого слуха, как у меня, но, как это ни странно, он немного играл на флейте. Однажды на мою долю выпал триумф: на одном из наших музыкальных экзаменов я одержал над ним верх.

Но ни одному занятию не предавался я в Кембридже даже приблизительно с такой огромной страстью, ничто не доставляло мне такого удовольствия, как коллекционирование жуков. Это была именно одна лишь страсть к коллекционированию, так как я не анатомировал их, редко сверял их внешние признаки с опубликованными описаниями, а названия их устанавливал как попало. Приведу доказательство моего рвения в этом деле. Однажды, сдирая с дерева кусок старой коры, я увидел двух редких жуков и схватил каждой рукой по одному из них, но тут я увидел третьего, какого-то нового рода, которого я никак не в состоянии был упустить, и я сунул того жука, которого держал в правой руке, в рот. Увы! Он выпустил какую-то чрезвычайно едкую жидкость, которая так обожгла мне язык, что я вынужден был выплюнуть жука, и я потерял его, так же как и третьего.

Коллекционирование шло у меня очень успешно, причем я изобрел два новых способа [собирания жуков]: я нанял работника, которому поручил соскребывать в течение зимы мох со старых деревьев и складывать его в большой мешок, а также собирать мусор со дна барок, на

которых привозят с болот тростник; таким образом я приобрел несколько очень редких видов. Никогда ни один поэт не испытывал при виде первого своего напечатанного стихотворения большего восторга, чем я, когда я увидал в книге Стивенса «Illustrations of British Insects» [«Изображения британских насекомых»] [74] магические слова: «Пойман Ч. Дарвином, эсквайром». С энтомологией меня познакомил мой троюродный брат У. Дарвин-Фокс [75], способный и чрезвычайно приятный человек: он учился тогда в Колледже Христа [Christ's College], и мы с ним очень близко подружились. Позднее я близко познакомился с Олбертом Уэем [76] из Колледжа троицы [Trinity College], вместе с которым мы ходили собирать насекомых; спустя много лет он стал известным археологом; сблизился я также с Г. Томпсоном [H. Thompson] из того же Колледжа, впоследствии ставшим выдающимся агрономом, управляющим большой железной дорогой и членом парламента. Отсюда, по-видимому, следует, что страсть к собиранию жуков служит некоторого рода указанием на будущий успех в жизни!

Удивительно, какое неизгладимое впечатление оставили во мне многие жуки, пойманные мною в Кембридже. Я могу восстановить в памяти точный вид некоторых столбов, старых деревьев и береговых обрывов, где мне удалось сделать удачные находки. Изящный *Panagaeus crux-major* [77] был в те времена настоящим сокровищем; как-то здесь, в Дауне, я увидел жука, перебегавшего через дорожку, и, поймав его, сразу заметил, что он незначительно отличается от *P. crux-major;* оказалось, что это *P. quadripunctatus,* представляющий собою лишь разновидность *P. crux-major* или близко родственный ему вид, незначительно отличающийся от него по своим очертаниям. В те давние времена мне ни разу не пришлось увидеть живого Licinus, который для неопытного глаза кажется почти ничем не отличающимся от многих других черных Carabidae, но когда мои сыновья нашли здесь экземпляр Licinus, я сразу же заметил, что это новый для меня вид, а между тем вот уже двадцать лет, как я ни разу не взглянул ни на одного британского жука.

Я не упомянул до сих пор об одном обстоятельстве, которое повлияло на всю мою карьеру больше, чем что-либо другое. Речь идет о моей дружбе с профессором Генсло [78]. Еще до того, как я оказался в Кембридже, мой брат говорил мне о нем, как о человеке, сведущем во всех областях науки, и я был таким образом подготовлен к тому, чтобы отнестись к нему с благоговением. Раз в неделю, по вечерам, он устраивал у себя дома открытый прием для всех студентов последнего курса и некоторых более старых членов Университета, интересовавшихся естествознанием [79]. Вскоре я получил через Фокса приглашение к Генсло и стал регулярно бывать у него. Через короткое время я тесно сблизился с Генсло и во вторую половину своего пребывания в Кембридже почти ежедневно совершал с ним длительные прогулки, вследствие чего некоторые члены Колледжа называли меня «Тот, который гуляет с Генсло»; по вечерам он часто приглашал меня на обед к себе домой. Он обладал обширными познаниями в ботанике, энтомологии, химии, минералогии и геологии. У него была сильно выраженная наклонность строить заключения на основании длинного ряда мелких наблюдений. Суждения его были блестящи, а ум отличался замечательной уравновешенностью, но, мне кажется, едва ли кто-нибудь стал бы утверждать,

что он был в большой мере наделен даром оригинального творчества.

Он был глубоко религиозен и до такой степени ортодоксален, что, как он однажды заявил мне, он был бы страшно расстроен, если бы в Тридцати девяти догматах было изменено хотя бы одно слово [80]. Нравственные качества его были во всех отношениях изумительно высоки. Он был совершенно лишен даже какого бы то ни было оттенка тщеславия или другого мелкого чувства; никогда не видал я человека, который так мало думал бы о себе и своих личных интересах. Он был человек спокойного и доброго нрава, обаятелен и вежлив в обращении, и тем не менее, как мне самому приходилось видеть, какой-либо дурной поступок мог вызвать у него самое бурное негодование и решительные действия. Проходя с ним однажды по улицам Кембриджа, я увидел сцену почти столь же ужасную, как те, какие бывали во времена Французской революции. Двух похитителей трупов [81] арестовали и вели в тюрьму, как вдруг толпа хулиганов отбила их у полицейского и поволокла за ноги по грязной булыжной мостовой. Они были с головы до ног покрыты грязью, а лица их были окровавлены — оттого ли, что их пинали по лицу ногами, или от ударов о камни; они были похожи на мертвецов,— правда, толпа вокруг них была так густа, что я мог только несколько раз мельком взглянуть на этих несчастных людей. Никогда в жизни не видел я на человеческом лице выражения такого страшного возмущения, какое было на лице Генсло при виде этой ужасной сцены. Несколько раз он пытался пробиться сквозь толпу, но это было совершенно невозможно. Тогда он помчался к мэру, сказав мне, чтобы я не следовал за ним, а нашел бы еще нескольких полицейских. Я забыл уже, чего мы добились, помню только, что обоих доставили в тюрьму прежде, чем их успели убить.

Благотворительность Генсло была безгранична; он доказал это множеством прекрасных начинаний в пользу бедняков своего прихода, когда впоследствии стал священником в Хитчеме. Близость с таким человеком должна была принести и, я думаю, действительно принесла мне неоценимую пользу. Не могу не упомянуть об одном незначительном случае, показывающем его мягкость и внимание к людям. Рассматривая зерна пыльцы, положенные на влажную поверхность, я заметил, что некоторые из них выпустили трубки, и тотчас же помчался сообщить Генсло о своем удивительном открытии. Полагаю, что любой другой профессор ботаники не удержался бы от смеха, если бы я явился с такой поспешностью, чтобы сделать подобное сообщение. Он же согласился со мною, что явление это очень интересно, и объяснил мне его значение, дав мне ясно понять при этом, что оно хорошо известно; в результате я ушел от него ни в какой мере не уязвленный, а, наоборот, весьма довольный тем, что мне удалось самому открыть столь замечательный факт, однако я решил больше не спешить так с сообщениями о своих открытиях.

Среди известных и уже немолодых людей, посещавших иногда Генсло, был д-р Юэлл [82], с которым мне пришлось несколько раз возвращаться вместе ночью домой. Как и сэр Дж. Макинтош, Юэлл умел разговаривать о серьезных предметах лучше всех, кого мне когда-либо приходилось слышать. Часто гостил у Генсло его шурин Леонард Дженинс (внук прославленного Соума Дженинса), опубликовавший

впоследствии несколько хороших работ по естественной истории [83]. Сначала он не нравился мне из-за своего несколько мрачного и саркастического выражения лица; редко бывает, чтобы первое впечатление исчезло, но я полностью ошибся, обнаружив, что это очень мягкосердечный и приятный человек с немалой дозой юмора. Я бывал у него в его доме приходского священника, находившемся на самой границе Фенов [84], и совершил с ним немало славных прогулок и провел немало интересных бесед по вопросам естественной истории. Познакомился я также с некоторыми другими людьми, старшими меня по возрасту, которые не очень интересовались естествознанием, но были друзьями Генсло. Был среди них один шотландец, брат сэра Александра Рамси, состоявший наставником в Колледже Иисуса [Jesus College]; это был обаятельный человек, но прожил он недолго [85]. Другой был м-р Дос [Dawes], впоследствии состоявший деканом [настоятелем собора] в Херефорде; он прославился своими успехами в обучении бедняков. Эти люди и другие того же круга устраивали иногда вместе с Генсло далекие экскурсии по окрестностям; мне разрешалось принимать участие в этих экскурсиях, которые были в высшей степени приятны.

Вспоминая прошлое, я прихожу к заключению, что, должно быть, было во мне что-то несколько возвышавшее меня над общим уровнем молодежи, иначе все эти люди, которые были намного старше меня и по возрасту и по академическому положению, вряд ли пожелали бы встречаться со мною. Разумеется, я не сознавал за собою какого-либо превосходства; помню, один из моих друзей по спорту, Тернер, увидев, как я вожусь со своими жуками, сказал, что когда-нибудь я стану членом Королевского общества [86], но это его замечание показалось мне абсурдным.

В последний год моего пребывания в Кембридже я с большим вниманием и глубоким интересом прочитал «Personal Narrative» [«Личное повествование»] Гумбольдта [87]. Это сочинение и «Introduction to the Study of Natural Phylosophy» [«Введение в изучение естествознания»] сэра Дж. Гершеля [88] пробудили во мне пылкое стремление внести хотя бы самый скромный вклад в благородное здание наук о природе. Ни одна другая книга, ни даже целая дюжина их не произвели на меня даже и приблизительно такого сильного впечатления, как эти две книги. Я выписал из Гумбольдта длинные выдержки о Тенерифе и на одной из упомянутых выше экскурсий прочитал их вслух, если не ошибаюсь, Генсло, Рамси и Досу, так как на одной из предыдущих экскурсий я рассказывал о красотах Тенерифа и некоторые из участников экскурсии заявили, что они попытаются съездить туда. Думаю, что они говорили это полушутя, но мои намерения были совершенно серьезны, и я даже получил рекомендацию к одному лондонскому купцу, чтобы раздобыть у него справки относительно кораблей; но этот замысел, разумеется, совершенно отпал из-за моего путешествия на «Бигле».

Летние каникулы я посвящал коллекционированию жуков, чтению и непродолжительным экскурсиям. Осенью все мое время отдавалось охоте главным образом в Вудхаусе и Мэре, иногда же я охотился в Эйтоне с молодым Эйтоном [89]. В целом, три года, проведенные мною в Кембридже, были самыми радостными годами в моей счастливой жизни: здоровье мое было тогда превосходным и почти всегда я пребывал в самом лучшем расположении духа.

Так как впервые я приехал в Кембридж после рождества [90], то мне надлежало пробыть там еще два семестра после того, как я в начале 1831 г. сдал свой последний экзамен, и тогда Генсло убедил меня приступить к изучению геологии. Поэтому по возвращении в Шропшир я занялся изучением [геологических] разрезов окрестностей Шрусбери и составил раскрашенную карту их. Профессор Седжвик имел намерение посетить в начале августа Северный Уэльс, чтобы продолжить свои знаменитые геологические исследования древнейших горных пород, и Генсло просил Седжвика разрешить мне сопровождать его [91]. Этим и объясняется, что Седжвик приехал к нам и переночевал в доме моего отца.

Краткая беседа с ним в тот вечер произвела на меня глубокое впечатление. Как-то, когда я исследовал старые разработки гравия близ Шрусбери, один рабочий рассказал мне, что он нашел здесь большую стертую тропическую раковину Voluta [92], вроде тех, какие нередко можно видеть в коттеджах на полках каминов, и так как он не соглашался продать эту раковину, я был убежден, что он действительно нашел ее в этой яме. Я рассказал об этом Седжвику, но он сразу же возразил мне (без всякого сомнения, справедливо), что раковина была, вероятно, выброшена кем-нибудь в яму, а затем добавил, что если бы она естественным образом залегала в этих пластах, то это явилось бы величайшим несчастьем для геологии, так как опрокинуло бы все наши представления о поверхностных отложениях в Центральных графствах. И действительно, эти пласты гравия относятся к ледниковому периоду, и впоследствии я находил в них изломанные раковины северных моллюсков. Но тогда я был крайне удивлен, когда увидел, что Седжвик не пришел в восхищение от такого чудесного факта, как находка тропической раковины близ самой поверхности земли в центре Англии. Хотя я прочитал уже много разных научных книг, ничто когда-либо раньше не дало мне возможности с такой отчетливостью понять, что наука заключается в такой группировке фактов, которая позволяет выводить на основании их общие законы или заключения.

На другое утро мы начали свое путешествие по маршруту Лланголлен, Конуэй, Бангор и Кэйпл-Кьюриг [93]. Это путешествие принесло мне определенную пользу, научив меня в некоторой степени тому, каким образом можно разобраться в геологии той или иной страны. Седжвик часто посылал меня по направлению, параллельному тому, по которому шел сам, поручая мне собрать образцы горных пород и нанести на карту порядок их залегания. Я почти не сомневаюсь, что он делал это для моей пользы, так как я был слишком несведущ, чтобы мог оказать помощь ему. Это путешествие дало мне разительный пример того, как легко проглядеть даже самые заметные явления, если на них уже не обратил внимание кто-нибудь другой. Мы провели много часов в Кумбран-Идуоле, самым тщательным образом исследуя все горные породы, так как Седжвику очень хотелось найти в них остатки ископаемых организмов; однако ни один из нас не заметил следов замечательных ледниковых явлений, окружавших нас со всех сторон: мы не заметили ни отчетливых шрамов на скалах, ни нагромождений валунов, ни боковых и конечной морен. Между тем эти явления настолько очевидны, что как я заявлял в одной статье, напечатанной много лет спустя в «Philosophical Magazine» [94], дом, сгоревший во время пожара, не расскажет о том, чтó с ним произошло, более ясно, чем

эта долина. Если бы она все еще была заполнена ледником, эти явления были бы выражены менее отчетливо, чем теперь.

В Кэйпл-Кьюриге я расстался с Седжвиком и направился по прямой линии через горы в Бармут, определяя курс по компасу и карте и не пользуясь тропинками, если они не совпадали со взятым мною направлением. Я побывал благодаря этому в неведомых, диких местах и получил большое удовольствие от такого способа путешествовать. Бармут я посетил с целью повидать некоторых своих кембриджских друзей, которые занимались там преподаванием; оттуда я вернулся в Шрусбери и Мэр, чтобы приступить к охоте, ибо в те времена я счел бы себя сумасшедшим, если бы пропустил первые дни охоты на куропаток ради геологии или какой-нибудь другой науки.

[ПУТЕШЕСТВИЕ НА «БИГЛЕ»]

Путешествие на «Бигле» с 27 декабря 1831 г. по 2 октября 1836 г.— Вернувшись домой после моей непродолжительной геологической поездки по Северному Уэльсу, я нашел письмо от Генсло, извещавшее меня, что капитан Фиц-Рой готов уступить часть своей собственной каюты какому-нибудь молодому человеку, который согласился бы добровольно и без всякого вознаграждения отправиться с ним в путешествие на «Бигле» в качестве натуралиста. В моем рукописном «Дневнике»[95] я, как мне кажется, рассказал обо всех событиях, происшедших в те дни: здесь скажу только, что я готов был тут же принять предложение, но мой отец решительно возражал против этого, добавив, впрочем, слова, оказавшиеся счастливыми для меня: «Если ты сумеешь найти хоть одного здравомыслящего человека, который посоветует тебе ехать, я дам свое согласие». Однако я в тот же вечер написал о своем отказе принять предложение, а на другое утро поехал в Мэр, чтобы быть готовым 1-го сентября [начать охоту]. Я был на охоте, когда за мной прислал мой дядя: он предложил мне поехать с ним в Шрусбери, чтобы переговорить с моим отцом, так как считал, что я поступил бы благоразумно, приняв предложение. Отец всегда утверждал, что дядя — один из самых благоразумных людей на свете, и поэтому сразу дал свое согласие в самой ласковой форме[96]. В Кембридже я был довольно неумерен в расходах, и чтобы утешить отца, я сказал, что «должен был бы быть чертовски способным, чтобы, находясь на борту «Бигля», тратить больше, чем я буду получать», на что отец возразил, улыбаясь: «Да ведь все они и говорят, что ты очень способен!»

На следующий день я отправился в Кембридж, чтобы повидать Генсло, а оттуда — в Лондон, чтобы встретиться с Фиц-Роем, и вскоре все было улажено. Когда впоследствии мы сблизились с Фиц-Роем, он рассказал мне, что я очень серьезно рисковал быть отвергнутым из-за формы моего носа! Горячий последователь Лафатера[97], он был убежден, что может судить о характере человека по чертам его лица, и сомневался в том, чтобы человек с таким носом, как у меня, мог обладать энергией и решимостью достаточными для того, чтобы совершить путешествие. Думаю, однако, что впоследствии он вполне убедился в том, что мой нос ввел его в заблуждение.

У Фиц-Роя[98] был очень своеобразный характер. Он обладал многими благородными чертами: был верен своему долгу, чрезвычайно

великодушен, смел, решителен, обладал неукротимой энергией и был искренним другом всех, кто находился под его началом. Он не останавливался ни перед какими хлопотами, чтобы помочь тому, кто, по его мнению, был достоин помощи. Это был статный, красивый человек, вполне выдержанный тип джентльмена, изысканно вежливый в обращении, напоминавший своими манерами, как говорил мне посол в Рио, своего дядю со стороны матери — знаменитого лорда Каслри. Вместе с тем, он, должно быть, много унаследовал в своей внешности от Карла II,— д-р Уоллич подарил мне коллекцию изготовленных им фотографий, и я был поражен сходством одного портрета с Фиц-Роем; посмотрев на подпись, я увидел, что это Ч. Э. Собесский Стюарт, граф д'Олбени, который был незаконным потомком названного монарха[99].

Нрав у Фиц-Роя был самый несносный, и это проявлялось не только во вспышках гнева, но и в продолжительных приступах брюзгливости по отношению к тем, кто его обидел. Обычно он бывал особенно невыносим по утрам: своими орлиными глазами он всегда замечал какое-нибудь упущение на корабле, и тогда он не сдерживал гнева. Утром, сменяя друг друга, младшие офицеры обычно спрашивали: «Много ли чашек горячего кофе было выпито [капитаном] сегодня», что значило — в каком настроении капитан? Он был также несколько подозрителен и то и дело пребывал в дурном настроении, а однажды почти впал в безумие. Мне часто казалось, что ему не хватает трезвости в суждениях и здравого смысла. Ко мне он относился очень хорошо, но ужиться с этим человеком при той близости, которая была неизбежна для нас, обедавших за одним столом вдвоем с ним в его каюте, было трудно. Несколько раз мы ссорились, ибо, впадая в раздражение, он совершенно терял способность рассуждать. Так, в самом начале путешествия, когда мы были в Баие в Бразилии, он стал защищать и расхваливать рабство, к которому я испытывал отвращение, и сообщил мне, что он только что побывал у одного крупного рабовладельца, который созвал [при нем] своих рабов и спросил их, счастливы ли они и хотят ли получить свободу, на что все они ответили: «Нет!» Тогда я спросил его, должно быть не без издевки, полагает ли он, что ответ рабов, данный в присутствии их хозяина, чего-нибудь стоит? Это страшно разозлило его, и он сказал мне, что раз я не доверяю его словам, мы не можем больше жить вместе. Я думал, что вынужден буду покинуть корабль, но как только известие о нашей ссоре распространилось,— а распространилось оно быстро, так как капитан послал за своим первым помощником, чтобы в его присутствии излить свой гнев, всячески ругая меня,— я, к величайшему своему удовлетворению, получил приглашение от всех офицеров обедать с ними в их кают-кампании. Однако через несколько часов Фиц-Рой проявил обычное свое великодушие, послав ко мне офицера, который передал мне его извинения и просьбу по-прежнему обедать с ним. Вспоминаю и другой случай, характеризующий его искренность. В Плимуте, до того как мы отправились в плавание, он страшно разозлился на торговца посудой, который отказался обменять некоторые предметы, купленные у него в лавке. Тогда капитан спросил у него цену одного очень дорогого фарфорового сервиза и сказал: «Я приобрел бы его, если бы вы не были так нелюбезны». Так как я знал, что в каюте [капитана] имеется обильный запас посуды, я усомнился в том, чтобы у него действительно было такое наме-

Капитан Роберт Фиц-Рой

По фотографии с портрета, принадлежащего Королевскому морскому колледжу в Гринвиче

рение; я не произнес ни слова, но, должно быть, мое сомнение отразилось у меня на лице. Когда мы вышли из лавки, он взглянул на меня и сказал: «Вы не поверили моим словам!»; я вынужден был признать, что это так. Несколько минут он молчал, а затем сказал: «Вы правы, из-за моего гнева на этого подлеца я поступил неправильно».

В Консепсьоне, в Чили, бедный Фиц-Рой страшно переутомился и был в очень дурном настроении. Он горько жаловался мне, что должен устроить большой вечер для всех местных жителей. Я возразил, сказав, что при данных обстоятельствах нет необходимости делать это. Тогда он пришел в ярость и заявил, что я такого сорта человек, который примет любое одолжение и ничем за него не отплатит. Ни слова не произнеся, я встал, вышел из каюты и вернулся в Консепсьон, где жил тогда. Через несколько дней я вернулся на корабль и был принят капитаном с обычной сердечностью, так как к этому времени буря полностью миновала. Однако первый помощник сказал мне: «Чёрт вас побери, Философ, лучше бы вы не ссорились со шкипером! В тот день, когда вы

ушли с корабля, я смертельно устал (корабль находился в ремонте), а он заставил меня до полуночи шататься с ним по палубе и все время бранился по вашему адресу».

Трудность поддерживать хорошие отношения с капитаном военного корабля значительно возрастает из-за того, что ответить ему так, как вы ответили бы любому другому человеку,— значит почти оказаться мятежником, а также из-за того трепета, который испытывают перед ним (по крайней мере, испытывали в те времена, когда я плавал) все находящиеся на корабле. Помню один любопытный случай, который мне рассказали об экономе корабля «Эдвенчюр», вместе с которым «Бигль» совершил свое первое плавание. В одном из магазинов в Рио-де-Жанейро этот эконом закупал ром для команды корабля, как вдруг в магазин вошел какой-то маленький господин в штатском. Эконом обратился к нему: «Будьте добры, сэр, попробуйте этот ром и скажите мне свое мнение о нем». Господин выполнил то, о чем его просили, и вскоре вышел из магазина. Тогда хозяин магазина спросил эконома, знает ли тот, что он обратился к капитану линейного корабля, только что вошедшего в гавань? Бедный эконом онемел от ужаса, стакан с ромом упал из его рук на пол, он тотчас же отправился на свой корабль, и никакие доводы, как уверял меня офицер с «Эдвенчюра», не могли заставить его сойти на берег, так как он опасался встретиться с капитаном после своего ужасного по фамильярности поступка.

По возвращении на родину я лишь изредка встречался с Фиц-Роем, ибо всегда боялся как-нибудь неумышленно вызвать его раздражение, и все же это случилось однажды, причем взаимное примирение стало уже почти невозможным. Впоследствии он негодовал на меня за то, что я издал столь кощунственную книгу (он стал очень религиозным), как «Происхождение видов» [100]. К концу своей жизни он, кажется, совершенно разорился, что произошло в значительной степени из-за его щедрости. Во всяком случае, после его смерти была устроена подписка для уплаты его долгов. Конец его жизни был мрачен — он покончил самоубийством, точно так же как его дядя, лорд Каслри, на которого он так походил манерами и внешностью. Во многих отношениях это был человек самого благородного характера, человек, какого мне редко случалось встречать, однако характер его портили и серьезные недостатки.

Путешествие на «Бигле» было самым значительным событием моей жизни, определившим весь мой дальнейший жизненный путь, а между тем судьба его зависела от столь малого обстоятельства, как предложение моего дяди доставить меня за тридцать миль в Шрусбери,— не всякий дядя поступил бы так,— и от такого пустяка, как форма моего носа. Я всегда считал, что именно путешествию я обязан первым подлинным дисциплинированием, т. е. воспитанием, моего ума; я был поставлен в необходимость вплотную заняться несколькими разделами естественной истории, и благодаря этому мои способности к наблюдению усовершенствовались, хотя они уже и до того времени были неплохо развиты.

Особенно большое значение имело геологическое исследование всех посещенных мною районов, так как при этом приходилось пускать в ход всю свою способность к рассуждению. При первом ознакомлении с какой-либо новой местностью ничто не кажется более безнадежно запутанным, чем хаос горных пород; но если отмечать залегание и ха-

рактер горных пород и ископаемых во многих точках, все время при этом размышляя [над собранными данными] и стараясь предугадать, что́ может быть обнаружено в различных других точках, то вскоре хаос местности начинает проясняться и строение целого становится более или менее понятным. Я взял с собою первый том «Principles of Geology» [«Основ геологии»] Ляйелля и внимательно изучил эту книгу, которая принесла мне величайшую пользу во многих отношениях. Уже самое первое исследование, произведенное мною в Сант-Яго на островах Зеленого мыса, ясно показало мне изумительное превосходство метода, примененного Ляйеллем в трактовке геологии, по сравнению с методами всех других авторов, работы которых я взял с собою или прочитал когда-либо впоследствии [101].

Другим моим занятием было коллекционирование животных всех классов, краткое описание их и грубое анатомирование многих морских животных; однако из-за моего неумения рисовать и отсутствия у меня достаточных знаний по анатомии значительная доля рукописных заметок, сделанных мною во время путешествия, оказалась почти бесполезной. Я потерял вследствие этого много времени, не пропало зря только то время, которое я затратил на приобретение некоторых знаний о ракообразных, ибо знания эти оказали мне помощь, когда в последующие годы я предпринял составление монографии об усоногих раках.

Некоторую часть дня я посвящал составлению моего «Дневника», затрачивая при этом много усилий на то, чтобы точно и живо описать все, что мне пришлось увидеть,— упражнение, оказавшееся полезным. Мой «Дневник» частично был также использован мною в виде писем к родным, и отдельные части его я отсылал в Англию как только для этого представлялся удобный случай.

Однако различные специальные занятия, перечисленные выше, не имели почти никакого значения по сравнению с приобретенной мною в то время привычкой к энергичному труду и сосредоточенному вниманию в отношении любого дела, которым я бывал занят. Все, о чем я размышлял или читал, было непосредственно связано с тем, что я видел или ожидал увидеть, и такой режим умственной работы продолжался в течение всех пяти лет путешествия. Я уверен, что именно приобретенные таким образом навыки позволили мне осуществить все то, что мне удалось сделать в науке.

Оглядываясь на прошлое, я замечаю теперь, что постепенно любовь к науке возобладала во мне над всеми остальными склонностями. Первые два года старая страсть к охоте сохранялась во мне почти во всей своей силе, и я сам охотился на всех птиц и зверей, необходимых для моей коллекции, но понемногу я стал все чаще и чаще передавать ружье своему слуге и наконец вовсе отдал его ему, так как охота мешала моей работе, в особенности — изучению геологического строения местности. Я обнаружил, правда, бессознательно и постепенно, что удовольствие, доставляемое наблюдением и работой мысли, несравненно выше того, которое доставляют какое-либо техническое умение или спорт. Первобытные инстинкты дикаря постепенно уступали во мне место приобретенным вкусам цивилизованного человека. Тот факт, что мой ум развился под влиянием моих занятий во время путешествия, представляется мне вероятным на основании одного замечания, сделанного моим отцом, который был самым проницательным наблюдателем, какого мне когда-

либо приходилось видеть, отличался скептицизмом и был далек от того, чтобы хоть сколько-нибудь верить в френологию; и вот, впервые увидев меня после путешествия, он обернулся к моим сестрам и воскликнул: «Да ведь у него совершенно изменилась форма головы!»

Возвращаюсь к путешествию. 11 сентября (1831 г.) я побывал вместе с Фиц-Роем в Плимуте, где мы мельком осмотрели «Бигль». Оттуда я отправился в Шрусбери, чтобы надолго попрощаться с отцом и сестрами. 24 октября я поселился в Плимуте и прожил там до 27 декабря, когда «Бигль» покинул, наконец, берега Англии и отправился в свое кругосветное плавание. Еще до этого дня мы дважды пытались выйти в море, но оба раза сильные штормовые ветры вынуждали нас вернуться. Как ни старался я превозмочь себя, эти два месяца в Плимуте были самыми несчастными в моей жизни. При мысли о предстоящей мне столь длительной разлуке со всеми родными и друзьями я падал духом, а погода навевала на меня невыразимую тоску. Помимо того, меня беспокоили сердцебиение и боль в области сердца, и, как это часто бывает с молодыми несведущими людьми, особенно с теми, которые обладают поверхностными медицинскими знаниями, я был убежден, что страдаю сердечной болезнью. Я не стал советоваться с врачами, так как нисколько не сомневался, что они признают меня недостаточно здоровым для участия в путешествии, а я решился поехать во что бы то ни стало.

Нет необходимости останавливаться здесь на отдельных событиях путешествия, рассказывать о том, где мы были и что делали,— достаточно полный отчет об этом дан в моем опубликованном «Дневнике» [102]. Ярче всего другого возникает и сейчас перед моим умственным взором великолепие тропической растительности. Но и то чувство величественного, которое я испытал при виде великих пустынь Патагонии и одетых лесом гор Огненной Земли, оставило в моей памяти неизгладимое впечатление. Вид нагого дикаря в обстановке его родной земли — зрелище, которое никогда не забудется. Многие мои поездки по диким странам верхом на лошади или в лодках, продолжавшиеся иногда по несколько недель, были полны интереса; лишения и известная степень опасности, с которыми они были сопряжены, в то время вряд ли воспринимались мною как помеха, а уж впоследствии и вовсе позабылись. С глубоким удовлетворением вспоминаю я также некоторые мои научные работы, например, разрешение проблемы коралловых островов и выяснение геологического строения некоторых островов, например, острова Св. Елены [103]. Не могу также пройти мимо открытия мною своеобразных соотношений между животными и растениями, населяющими различные острова Галапагосского архипелага, с одной стороны, и между ними и обитателями Южной Америки — с другой [104].

Насколько я в состоянии сам судить о себе, я работал во время путешествия с величайшим напряжением моих сил просто оттого, что мне доставлял удовольствие процесс исследования, а также потому, что я страстно желал добавить несколько новых фактов к тому великому множеству их, которым владеет естествознание. Но кроме того у меня было и честолюбивое желание занять достойное место среди людей науки,— не берусь судить, был ли я честолюбив более или менее, чем большинство моих собратий по науке.

Геология Сант-Яго весьма поразительна, хотя и проста: некогда поток лавы разлился по дну моря, покрытому мелко искрошенными сов-

ременными раковинами и кораллами, которые [под действием горячей лавы] спеклись в твердую белую породу. В дальнейшем весь остров подвергся процессу поднятия. Но эта полоса белой породы открыла мне новый и важный факт, а именно, что впоследствии здесь происходило опускание пластов вокруг кратеров, которые продолжали с тех пор действовать и изливать лаву. Тогда мне впервые пришла в голову мысль, что я смогу, быть может, написать книгу о геологии различных стран, посещенных мною,— и сердце мое затрепетало от восторга. Это была незабываемая минута! С какой ясностью могу я восстановить в памяти невысокий лавовый утес, под которым я отдыхал тогда, ослепительно палящее солнце, несколько диковинных растений пустыни поблизости от меня, а у ног моих — живые кораллы в лужах, оставшихся после отлива. В несколько более поздний период нашего путешествия Фиц-Рой попросил меня почитать ему мой «Дневник» и нашел, что его стоило бы опубликовать,— итак, это была уже вторая книга в перспективе!

К концу путешествия, когда мы были на острове Вознесения, я получил письмо от сестер, в котором они сообщали, что Седжвик посетил отца и сказал, что я займу место среди выдающихся людей науки. Тогда я не мог понять, каким образом ему удалось узнать что-либо о моих работах, однако я слыхал (но кажется, позже), что Генсло доложил некоторые из моих писем к нему в Кембриджском философском обществе и отпечатал их для распространения среди ограниченного круга лиц [105]. Моя коллекция костей ископаемых животных, которая была переслана мною Генсло, также вызвала большой интерес у палеонтологов. Прочитав это письмо, я начал вприпрыжку взбираться по горам острова Вознесения, и вулканические скалы громко зазвучали под ударами моего геологического молотка! Все это показывает, до чего я был честолюбив, но я думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что, хотя в позднейшие годы одобрение со стороны таких людей, как Ляйелл и Гукер, которые были моими друзьями, было для меня в высшей степени важным, мнение широкой публики не очень-то заботило меня. Не хочу этим сказать, что благоприятная рецензия или успешная продажа моих книг не доставляли мне большого удовольствия, но удовольствие это было мимолетным, и я уверен, что ради славы я никогда ни на один дюйм не отступил от принятого мною пути.

[СО ВРЕМЕНИ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ ДО МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ.— РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ].

От моего возвращения в Англию 2 октября 1836 г. до женитьбы 29 января 1839 г.— В эти два года и три месяца я развил бóльшую активность, чем в какой-либо другой период моей жизни, хотя по временам я чувствовал себя плохо, и часть времени оказалась поэтому потерянной. Проездив несколько раз взад и вперед между Шрусбери, Мэром, Кембриджем и Лондоном, я поселился 13 декабря в Кембридже [106], где хранились под наблюдением Генсло все мои коллекции. Здесь я прожил три месяца и с помощью профессора Миллера [107] произвел определение моих минералов и горных пород.

Я начал готовить к печати мой «Дневник путешествия»,— это было нетрудным делом, так как рукописный «Дневник» был составлен мною тщательно, и мне пришлось потрудиться главным образом над тем,

чтобы кратко изложить [свои] наиболее интересные научные результаты. По просьбе Ляйелля я послал также в Геологическое общество краткий отчет о моих наблюдениях над поднятием берегов Чили [108].

7 марта 1837 г. я поселился в Лондоне на Грейт-Марльборо-стрит и прожил там почти два года, до самой женитьбы. В течение этих двух лет я закончил свой «Дневник путешествия», сделал несколько докладов в Геологическом обществе, начал готовить к печати рукописи моих «Геологических наблюдений» и организовал публикацию «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“». В июле я начал свою первую записную книжку о фактах, относящихся к *Происхождению видов* [109], проблеме, над которой я уже давно размышлял и над которой никогда не переставал работать в течение следующих двадцати лет.

В продолжение этих двух лет я стал также немного бывать в свете и исполнял обязанности одного из почетных секретарей Геологического общества. Очень часто я встречался с Ляйеллем. Одной из его главных черт было сочувственное отношение к работе других, и я был в равной мере удивлен и восхищен тем интересом, с которым он отнесся к моим взглядам на коралловые рифы, когда по возвращении в Англию я познакомил его с ними. Меня очень поощрило такое его отношение, а его советы и собственный его пример оказали на меня большое влияние. В этот же период я нередко встречался также с Робертом Броуном — этим «facile princeps botanicorum»; я постоянно навещал его в воскресные дни по утрам, когда он завтракал, и в беседах со мной он раскрывал предо мною целую сокровищницу любопытных наблюдений и остроумных замечаний, но почти всегда они касались незначительных предметов, никогда он не обсуждал со мною больших и имеющих общее значение проблем науки [110].

На протяжении этих двух лет я совершил несколько экскурсий на небольшие расстояния с целью отдохнуть от работы и одну далекую — к параллельным террасам Глен-Роя, отчет о которой был опубликован мною в «Philosophical Transactions». Эта статья была моей крупной неудачей, и я стыжусь ее. Находясь под глубоким впечатлением своих наблюдений над поднятием суши в Южной Америке, я приписал эти параллельные линии действию моря, но я должен был отказаться от этой точки зрения, когда Агассиц выдвинул свою теорию ледниковых озер. Я настаивал на действии моря по той причине, что при тогдашнем состоянии наших знаний невозможно было предложить какое-либо другое объяснение, но моя ошибка послужила мне хорошим уроком — никогда не полагаться в науке на принцип исключения [111].

Так как я не был в состоянии в течение всего дня заниматься научной работой, то в эти два года я прочитал порядочное количество книг по самым разнообразным вопросам, в том числе и несколько книг метафизического содержания; однако занятия такого рода были не очень-то по мне [112]. В то время мне доставляла большое наслаждение поэзия Вордсворта и Кольриджа, и могу похвастать тем, что «Экскурсию» [Вордсворта] я прочитал дважды и притом с начала до конца. Когда-то я больше всего любил «Потерянный рай» Мильтона и когда я отправлялся на экскурсии, которые совершал во время путешествия на «Бигле», и имел возможность взять с собою не более одной книги, я неизменно выбирал Мильтона [113].

Религиозные взгляды.— В течение этих двух лет мне пришлось много размышлять о религии. Во время плавания на «Бигле» я был вполне ортодоксален; вспоминаю, как некоторые офицеры (хотя и сами они были людьми ортодоксальными) от души смеялись надо мной, когда по какому-то вопросу морали я сослался на Библию как на непреложный авторитет. Полагаю, что их рассмешила новизна моей аргументации. Однако в течение этого периода [т. е. с октября 1836 г. до января 1839 г.] я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий завет с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения завета и пр. и пр., и с его приписыванием богу чувств мстительного тирана заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря. В то время в моем уме то и дело возникал один вопрос, от которого я никак не мог отделаться: если бы бог пожелал сейчас ниспослать откровение индусам, то неужели он допустил бы, чтобы оно было связано с верой в Вишну, Сиву и пр., подобно тому как христианство связано с верой в Ветхий завет? Это представлялось мне совершенно невероятным.

Размышляя далее над тем, что потребовались бы самые ясные доказательства для того, чтобы заставить любого нормального человека поверить в чудеса, которыми подтверждается христианство; что чем больше мы познаём твердые законы природы, тем все более невероятными становятся для нас чудеса; что в те [отдаленные] времена люди были невежественны и легковерны до такой степени, которая почти непонятна для нас; что невозможно доказать, будто Евангелия были составлены в то самое время, когда происходили описываемые в них события; что они по-разному излагают многие важные подробности, слишком важные, как казалось мне, чтобы отнести эти расхождения на счет обычной неточности свидетелей,— в ходе этих и подобных им размышлений (которые я привожу не потому, что они сколько-нибудь оригинальны и ценны, а потому, что они оказали на меня влияние) я постепенно перестал верить в христианство как божественное откровение. Известное значение имел для меня и тот факт, что многие ложные религии распространились по обширным пространствам земли со сверхъестественной быстротой. Как бы прекрасна ни была мораль Нового завета, вряд ли можно отрицать, что ее совершенство зависит отчасти от той интерпретации, которую мы ныне вкладываем в его метафоры и аллегории.

Но я отнюдь не был склонен отказаться от своей веры; я убежден в этом, ибо хорошо помню, как я все снова и снова возвращался к фантастическим мечтам об открытии в Помпеях или где-нибудь в другом месте старинной переписки между какими-нибудь выдающимися римлянами или рукописей, которые самым поразительным образом подтвердили бы все, что сказано в Евангелиях. Но даже и при полной свободе, которую я предоставил своему воображению, мне становилось все труднее и труднее придумать такое доказательство, которое в состоянии было бы убедить меня. Так понемногу закрадывалось в мою душу неверие, и в конце концов я стал совершенно неверующим. Но происходило это настолько медленно, что я не чувствовал никакого огорчения и никогда с тех пор даже на единую секунду не усомнился в правильности моего заключения. И в самом деле, вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни было мог бы желать, чтобы христианское учение оказалось истинным; ибо если оно таково, то незамысловатый текст [Евангелия]

показывает, по-видимому, что люди неверующие — а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и почти всех моих лучших друзей — понесут вечное наказание.

Отвратительное учение! [114]

Хотя над вопросом о существовании бога как личности я стал много размышлять в значительно более поздний период моей жизни, приведу здесь те неопределенные заключения, к которым я с неизбежностью пришел. Старинное доказательство [существования бога] на основании наличия в Природе преднамеренного плана, как оно изложено у Пейли, доказательство, которое казалось мне столь убедительным в прежнее время, ныне, после того как был открыт закон естественного отбора, оказалось несостоятельным. Мы уже не можем больше утверждать, что, например, превосходно устроенный замок какого-нибудь двустворчатого моллюска [115] должен был быть создан неким разумным существом, подобно тому как дверной замок создан человеком. По-видимому, в изменчивости живых существ и в действии естественного отбора не больше преднамеренного плана, чем в том направлении, по которому дует ветер. Все в природе является результатом твердых законов. Впрочем, я рассмотрел этот вопрос в конце моего сочинения об «Изменениях домашних животных и [культурных] растений» [116], и, насколько мне известно, приведенные там доводы ни разу не встретили каких-либо возражений.

Но если и оставить в стороне те бесчисленные превосходные приспособления, с которыми мы встречаемся на каждом шагу, можно все же спросить: как объяснить благодетельное в целом устройство мира? Правда, некоторые писатели так сильно подавлены огромным количеством страдания в мире, что, учитывая все чувствующие существа, они выражают сомнение в том, чего в мире больше — страдания или счастья, и хорош ли мир в целом или плох. По моему мнению, счастье несомненно преобладает, хотя доказать это было бы очень трудно. Но если это заключение справедливо, то нужно признать, что оно находится в полном согласии с теми результатами, которых мы можем ожидать от действия естественного отбора. Если бы все особи какого-либо вида постоянно и в наивысшей степени испытывали страдания, то они забывали бы о продолжении своего рода; у нас нет, однако, никаких оснований думать, что это когда-либо или, по крайней мере, часто происходило. Более того, некоторые другие соображения заставляют полагать, что все чувствующие существа организованы так, что, как правило, они наслаждаются счастьем.

Каждый, кто, подобно мне, убежден, что у всех существ органы их телесной и психической жизни [corporeal and mental organs] (за исключением тех органов, которые ни полезны, ни вредны для их обладателя) развились путем естественного отбора, или переживания наиболее приспособленного (совместно с действием упражнения или привычки) [117], должен будет признать, что эти органы сформировались так, что обладатели их могут успешно соревноваться с другими существами и благодаря этому возрастать в числе. К выбору того вида действий, который наиболее благотворен для вида, животное могут побуждать как страдание, например — боль, голод, жажда и страх, так и удовольствие, например — еда и питье, а также процесс размножения вида и пр., либо же сочетание того и другого, например — отыскивание пищи. Но боль или любое другое страдание, если они продолжаются долго, вызывают подав-

ленность и понижают способность к деятельности, хотя они отлично служат для того, чтобы побудить живое существо оберегаться от какого-либо большого или внезапного зла. С другой стороны, приятные ощущения могут долго продолжаться, не оказывая никакого подавляющего действия; напротив, они вызывают повышенную деятельность всей системы. Таким образом и произошло, что большинство или все чувствующие существа так развились путем естественного отбора, что приятные ощущения служат им привычными руководителями. Мы наблюдаем это в том чувстве удовольствия, которое доставляет нам напряжение — иногда даже весьма значительное — наших телесных и умственных сил, в удовольствии, которое доставляет нам каждый день еда, и особенно в том удовольствии, которое проистекает из нашего общения с другими людьми и из любви к членам нашей семьи. Сумма такого рода ставших обычными или часто повторяющихся удовольствий доставляет большинству чувствующих существ — я почти не сомневаюсь в этом — избыток счастья над страданиями, хотя многие время от времени испытывают немало страданий. Эти страдания вполне совместимы с верой в Естественный Отбор, действие которого несовершенно и который направлен только к тому, чтобы обеспечить каждому виду возможно больший успех в борьбе с другими видами за жизнь, борьбе, протекающей в исключительно сложных и меняющихся условиях.

Никто не оспаривает того факта, что в мире много страданий. В отношении человека некоторые [мыслители] пытались объяснить этот факт, допустив, будто страдание служит нравственному совершенствованию человека. Но число людей в мире ничтожно по сравнению с числом всех других чувствующих существ, а им часто приходится очень тяжело страдать без какого бы то ни было отношения к вопросу о нравственном совершенствовании. Существо столь могущественное и столь исполненное знания, как бог, который мог создать вселенную, представляется нашему ограниченному уму всемогущим и всезнающим, и предположение, что благожелательность бога не безгранична, отталкивает наше сознание, ибо какое преимущество могли бы представлять страдания миллионов низших животных [118] на протяжении почти бесконечного времени? Этот весьма старый довод против существования некой разумной первопричины, основанный на наличии в мире страдания, кажется мне очень сильным [119], между тем как это наличие большого количества страданий, как уже было только что отмечено, прекрасно согласуется с той точкой зрения, согласно которой все органические существа развились путем изменения и естественного отбора.

В наши дни наиболее обычный аргумент в пользу существования разумного бога выводится из наличия глубокого внутреннего убеждения и чувств, испытываемых большинством людей. Не приходится, однако, сомневаться в том, что индусы, магометане и другие могли бы таким же образом и с равной силой согласиться с существованием единого бога или многих богов, или же — подобно буддистам — с отсутствием какого бы то ни было бога [120]. Существует также много диких племен, о которых нельзя с какой-либо достоверностью утверждать, что они обладают верой в то, что мы называем богом: и действительно, они верят в духов или в привидения, и, как показали Тэйлор и Герберт Спенсер, можно объяснить, каким образом, по всей вероятности, подобные верования возникли [121].

В прежнее время чувства, подобные только что упомянутым (не думаю, впрочем, что религиозное чувство было когда-либо сильно развито во мне), приводили меня к твердому убеждению в существовании бога и в бессмертии души. В своем «Дневнике» я писал, что «невозможно дать сколько-нибудь точное представление о тех возвышенных чувствах изумления, восхищения и благоговения, которые наполняют и возвышают душу», когда находишься в самом центре грандиозного бразильского леса [122]. Хорошо помню свое убеждение в том, что в человеке имеется нечто большее, чем одна только жизнедеятельность его тела. Но теперь даже самые величественные пейзажи не могли бы возбудить во мне подобных убеждений и чувств. Могут справедливо сказать, что я похож на человека, потерявшего способность различать цвета, и что всеобщее убеждение людей в существовании красного цвета лишает мою нынешнюю неспособность к восприятию этого цвета какой бы то ни было ценности в качестве доказательства [действительного] отсутствия его.

Этот довод был бы веским, если бы все люди всех рас обладали одним и тем же внутренним убеждением в существовании единого бога; но мы знаем, что в действительности дело обстоит отнюдь не так. Я не считаю поэтому, что подобные внутренние убеждения и чувства имеют какое-либо значение в качестве доказательства того, что бог действительно существует. То душевное состояние, которое в прежнее время возбуждали во мне грандиозные пейзажи и которое было внутренне связано с верой в бога, по существу не отличается от состояния, которое часто называют чувством возвышенного; и как бы трудно ни было объяснить происхождение этого чувства, вряд ли можно ссылаться на него как на доказательство существования бога с бо́льшим правом, чем на сильные, хотя и неясные чувства такого же рода, возбуждаемые музыкой.

Что касается бессмертия [123], то ничто не демонстрирует мне [с такой ясностью], насколько сильна и почти инстинктивна вера в него, как рассмотрение точки зрения, которой придерживается в настоящее время большинство физиков, а именно, что солнце и все планеты со временем станут слишком холодными для жизни, если только какое-нибудь большое тело не столкнется с солнцем и не сообщит ему таким путем новую жизнь [124]. Если верить, как верю я, что в отдаленном будущем человек станет гораздо более совершенным существом, чем в настоящее время, то мысль о том, что он и все другие чувствующие существа обречены на полное уничтожение после столь продолжительного медленного прогресса, становится невыносимой. Тем, кто безоговорочно допускает бессмертие человеческой души, разрушение нашего мира не покажется столь ужасным.

Другой источник убежденности в существовании бога, источник, связанный не с чувствами, а с разумом, производит на меня впечатление гораздо более веского. Он заключается в крайней трудности или даже невозможности представить себе эту необъятную и чудесную вселенную, включая сюда и человека с его способностью заглядывать далеко в прошлое и будущее, как результат слепого случая или необходимости. Размышляя таким образом, я чувствую себя вынужденным обратиться к Первопричине, которая обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека, т. е. заслуживаю названия

Теиста *. Но в таком случае возникает сомнение в том, можно ли положиться на человеческий ум в его попытках строить такого рода обширные заключения; на человеческий ум, развившийся, как я твердо убежден, из того слабого ума, которым обладают более низко организованные животные? Не имеем ли мы здесь дела с результатом такой связи между причиной и следствием, которая поражает нас своим [характером] необходимости, но которая, вероятно, зависит только лишь от унаследованного опыта? Не следует также упускать из виду возможности постоянного внедрения веры в бога в умы детей, внедрения, производящего чрезвычайно сильное и, быть может, наследуемое воздействие на их мозг, не вполне еще развитый, так что для них было бы так же трудно отбросить веру в бога, как для обезьяны — отбросить ее инстинктивный страх и отвращение по отношению к змее [126]. Я не могу претендовать на то, чтобы пролить хотя бы малейший свет на столь трудные для понимания проблемы. Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком.

Человек, не обладающий твердой и никогда не покидающей его верой в существование личного бога или в будущую жизнь с ее воздаянием и наградой, может, насколько я в состоянии судить, избрать в качестве правила жизни только одно: следовать тем импульсам и инстинктам, которые являются наиболее сильными или кажутся ему наилучшими. В этом роде действует собака, но она делает это слепо, между тем как человек может предвидеть и оглядываться назад и сравнивать различные свои чувства, желания и воспоминания. И вот, в согласии с суждением всех мудрейших людей, он обнаруживает, что наивысшее удовлетворение он получает, если следует определенным импульсам, а именно — социальным инстинктам. Если он будет действовать на благо других людей, он будет получать одобрение со стороны своих ближних и приобретать любовь тех, с кем он живет, а это последнее и есть, несомненно, наивысшее наслаждение, какое мы можем получить на нашей Земле. Постепенно для него будет становиться невыносимым охотнее повиноваться своим чувственным страстям, нежели своим высшим импульсам, которые, когда они становятся привычными, почти могут быть названы инстинктивными. По временам его разум может подсказывать ему, что он должен действовать вразрез с мнением других людей, чье одобрение он в таком случае не заслужит, но он все же будет испытывать полное удовлетворение от сознания, что он следовал своему глубочайшему убеждению или совести. Что касается меня самого, то я думаю, что поступал правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь. Я не совершил какого-либо серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень часто сожалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим ближним. Единственным, но недостаточным извинением является для меня то обстоятельство, что я много болел, а также моя умственная конституция, которая делает для меня крайне затрудни-

* Насколько я в состоянии вспомнить, это умозаключение сильно владело мною приблизительно в то время, когда я писал «Происхождение видов», но именно с этого времени его значение для меня начало, крайне медленно и не без многих колебаний, все более и более ослабевать [125].

тельным переход от одного предмета или занятия к другому. Я могу вообразить себе, что мне доставила бы высокое удовлетворение возможность уделять благотворительным делам все мое время, а не только часть его, хотя и это было бы куда лучшей линией поведения.

Нет ничего более замечательного, чем распространение религиозного неверия, или рационализма, на протяжении второй половины моей жизни. Перед моей предсвадебной помолвкой мой отец советовал мне тщательно скрывать мои сомнения [в религии], ибо, говорил он, ему приходилось видеть, какое исключительное несчастье откровенность этого рода доставляла вступившим в брак лицам [127]. Дела шли прекрасно до тех пор, пока жена или муж не заболевали, но тогда некоторые женщины испытывали тяжелые страдания, так как сомневались в возможности духовного спасения своих мужей, и этим в свою очередь причиняли страдания мужьям. Отец добавлял, что в течение своей долгой жизни он знал только трех неверующих женщин, а следует помнить, что он был хорошо знаком с огромным множеством людей и отличался исключительной способностью завоевывать доверие к себе. Когда я спросил его, кто были эти три женщины, он, говоря с уважением об одной из них, своей свояченице Китти Веджвуд [128], признался, что у него нет безусловных доказательств, а только неопределенные предположения, поддерживаемые убеждением в том, что такая глубокая и умная женщина не могла быть верующей. В настоящее время — при моем небольшом круге знакомых — я знаю (или знавал раньше) несколько замужних женщин, вера которых была не на много сильнее, чем вера их мужей.

Мой отец любил рассказывать о неопровержимом аргументе, при помощи которого одна старая дама, некая миссис Барло, подозревавшая отца в неверии, надеялась обратить его: «Доктор! Я знаю, что сахар сладок во рту у меня, и [так же] знаю, что мой Спаситель существует».

[СО ВРЕМЕНИ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ И ЖИЗНИ В ЛОНДОНЕ ДО НАШЕГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ДАУН]

Со времени моей женитьбы 29 января 1839 г. и проживания на Аппер-Гауэр-стрит до нашего отъезда из Лондона и переселения в Даун 14 сентября 1842 г.— Все вы прекрасно знаете [129] свою мать, знаете, какой доброй матерью она всегда была для всех вас. Она — мое величайшее счастье, и я могу сказать, что за всю мою жизнь я ни разу не слыхал от нее ни единого слова, о котором я мог бы сказать, что предпочел бы, чтобы оно вовсе не было произнесено. Ее отзывчивая доброта ко мне была всегда неизменной, и она с величайшим терпением переносила мои вечные жалобы на недомогания и неудобства. Уверен, что она никогда не упускала возможности сделать доброе дело для когонибудь из тех, кто ее окружал. Меня изумляет то исключительное счастье, что она, человек, стоящий по всем своим нравственным качествам неизмеримо выше меня, согласилась стать моей женой. Она была моим мудрым советником и светлым утешителем всю мою жизнь, которая без нее была бы на протяжении очень большого периода времени жалкой и несчастной из-за болезни. Она снискала любовь и восхищение всех, кто находился вблизи нее.

Эмма Дарвин (Веджвуд), жена Ч. Дарвина.
Акварель 1839 г. работы Дж. Ричмонда

Дом в Лондоне на Гауэр-стрит, где Ч. Дарвин жил в 1839—1842 гг.
Весной 1941 г. был разрушен фашистской авиабомбой и ныне не существует (см. рис. на стр. 213)

(Mem.: У меня сохранилось ее прекрасное письмо ко мне, написанное вскоре после нашей свадьбы.) [130]

В отношении своей семьи я был действительно в высшей степени счастлив, и должен сказать вам, мои дети, что никто из вас никогда не доставлял мне никакого беспокойства, если не считать ваших заболеваний. Полагаю, что не много существует отцов, у которых есть пять сыновей и которые могут с полной правдивостью сделать подобное заявление. Когда вы были совсем маленькими, мне доставляло наслаждение играть с вами, и я с тоской думаю, что эти дни никогда уже не вернутся. С самого раннего детства и до нынешнего дня, когда вы стали взрослыми, все вы, мои сыновья и дочери, были в высшей степени милыми, симпатичными и любящими нас [родителей] и друг друга. Когда все вы или большинство вас собирается дома (что, благодарение небесам, случается довольно часто), то на мой вкус никакое другое общество не может быть для меня более приятным, да я и не жажду никакого другого общества. Мы испытали лишь единственное безмерно тяжёлое горе, когда в Молверне 24 апреля 1851 г. умерла Энни, которой только что исполнилось десять лет. Это была в высшей степени ласковая и любящая девочка, и я уверен, что она стала бы очаровательной

Дом на Гауэр-стрит.

По фотографии, снятой вскоре после его разрушения фашистской авиабомбой

женщиной. Но я не буду говорить здесь об ее характере, так как сейчас же после ее смерти я написал о ней коротенький очерк [131]. Слезы все еще иногда застилают мне глаза, когда я вспоминаю о милых чертах ее характера.

За три года и восемь месяцев нашей жизни в Лондоне я выполнил меньше научной работы, чем за любой другой такой же промежуток времени в моей жизни, хотя работал с максимальным для моих сил усердием. Причиной этого были часто повторявшиеся недомогания и одно длительное и серьезное заболевание. Когда я бывал в состоянии что-либо делать, то бóльшую часть времени я посвящал работе над «Коралловыми рифами», которую начал еще до женитьбы и последний корректурный лист которой был подписан мною 6 мая 1842 г. Книга эта, хотя она и невелика по объему, стоила мне двенадцати месяцев напряженного труда, так как мне пришлось прочитать все работы об островах Тихого океана и справляться с множеством морских карт. Люди науки были высокого мнения об этой книге, и мне кажется, что теория, изложенная в ней, теперь вполне упрочилась.

Ни один другой мой труд не был начат в таком чисто дедуктивном плане, как этот, ибо вся теория была придумана мною, когда я находился на западном берегу Южной Америки, до того, как я увидел хотя бы один настоящий коралловый риф. Мне оставалось поэтому лишь проверить и развить свои взгляды путем тщательного исследования живых [коралловых] рифов [132]. Правда, нужно заметить, что в течение двух предшествующих лет я имел возможность непрерывно наблюдать то действие, которое оказывали на берега Южной Америки перемежающееся поднятие суши совместно с процессами денудации и образования осадочных отложений. Это с необходимостью привело меня к длительным размышлениям о результатах процесса опускания [суши], и было уже нетрудно мысленно заместить непрерывное образование осадочных отложений ростом кораллов, направленным вверх. Сделать это — и значило построить мою теорию образования барьерных рифов и атоллов.

За время моей жизни в Лондоне я, помимо работы над «Коралловыми рифами», прочитал в Геологическом обществе доклады об «Эрратических валунах в Южной Америке», о «Землетрясениях» и об «Образовании почвенного слоя в результате деятельности дождевых червей» [133]. Я продолжал также руководить изданием «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“». Кроме того, я не прекращал все время собирать факты, имеющие отношение к [проблеме] происхождения видов; этим мне удавалось подчас заниматься в такие моменты, когда из-за болезни я не мог делать ничего другого.

Летом 1842 г. я чувствовал себя крепче, чем за все последнее время, и совершил небольшую поездку в Северный Уэльс с целью произвести наблюдения над [следами] действия древних ледников, заполнявших некогда все более обширные долины. Краткий отчет о том, что мне удалось увидеть, я опубликовал в «Philosophical Magazine» [134]. Экскурсия эта оказалась для меня очень интересной, но и последней: в последний раз в моей жизни у меня хватило достаточно сил, чтобы карабкаться по горам и подолгу ходить пешком, что необходимо при геологической работе.

В течение первого времени нашей жизни в Лондоне [135] здоровье мое было еще достаточно крепким, так что я мог бывать в обществе, и мне пришлось увидеть немало ученых и других более или менее выдающихся людей. Приведу мои впечатления о некоторых из них, хотя я могу мало сообщить такого, что заслуживало бы упоминания [136].

И до моей женитьбы и после нее мне приходилось больше, чем с кем-либо другим, встречаться с Ляйеллем. Его ум отличался, как мне казалось, ясностью, осторожностью, трезвостью суждения и высокой степенью оригинальности. Когда я обращался к нему с каким-нибудь замечанием по геологии, он не мог успокоиться до тех пор, пока весь вопрос не становился для него ясным, и часто он делал проблему и для меня более ясной, чем это было до тех пор. Обычно он выдвигал все возможные возражения против моего предположения и даже после того, как все они, казалось, были исчерпаны, он все еще продолжал сомневаться. Другой характерной чертой его было горячее сочувствие к работам других ученых.

По возвращении из путешествия на «Бигле» я ознакомил его с моими идеями относительно коралловых рифов; взгляды наши по этому

вопросу различались, и меня чрезвычайно поразил и поощрил тот живой интерес, который был им проявлен [к моей теории]. В подобных случаях, будучи погружен в размышления, он принимал чрезвычайно странные позы, часто клал голову на спинку стула, в то же самое время вставая со стула. Науку он любил страстно и испытывал самый горячий интерес к будущему прогрессу человечества. Он отличался большой добротой; в своих религиозных взглядах или, вернее, в своем неверии он проявлял полное свободомыслие, но он был убежденным теистом. В высшей степени замечательной была его честность. Он проявил это, став уже на старости лет сторонником эволюционной теории, несмотря на то, что до этого снискал себе громкую известность как противник взглядов Ламарка. Он напомнил мне [по этому поводу], как, обсуждая с ним за много лет до того оппозицию его новым воззрениям со стороны геологов старой школы, я сказал ему: «Как хорошо было бы, если бы все ученые умирали в шестидесятилетнем возрасте, потому что, перешагнув за этот возраст, они обязательно начинают оказывать сопротивление каждому новому учению». Но теперь — выразил он надежду — ему будет позволено жить и дольше. Он обладал сильно выраженным чувством юмора и часто рассказывал забавные анекдоты. Он очень любил общество, особенно — общество выдающихся людей и лиц высокого положения, и это чрезмерно большое преклонение перед положением, которое человек занимает в свете, казалось мне его главным недостатком. Он любил вполне серьезно обсуждать с леди Ляйелл вопрос о том, принять или нет то или иное приглашение на обед. Но так как он не хотел обедать вне дома более трех раз в неделю, чтобы не терять времени, тщательное взвешивание сделанных ему приглашений было вполне понятно. Он надеялся, что в качестве большого вознаграждения в будущем, с годами, он сможет чаще бывать на званых вечерах, но эти благие времена так и не наступили, ибо силы его сдали.

Геологическая наука бесконечно обязана Ляйеллю, больше, я думаю, чем кому-либо другому на свете. Когда я отправлялся в путешествие на «Бигле», проницательный Генсло, который, как и все другие геологи, верил в то время в последовательные катастрофы, посоветовал мне достать и изучить впервые появившийся тогда первый том «Основных начал [геологии]», но ни в коем случае не принимать отстаиваемых там воззрений. До какой степени по-иному высказался бы об «Основных началах» любой ученый в настоящее время! С удовольствием вспоминаю, что первое же место, где я занялся геологическими исследованиями, а именно — Сант-Яго в архипелаге Зеленого мыса, убедило меня в бесконечном превосходстве воззрений Ляйелля над взглядами, которые отстаивались в любом другом известном мне труде [по геологии]. Мощное воздействие, оказанное [на развитие геологии] трудами Ляйелля, можно было уже в то время отчетливо видеть в том различии, которое представляли успехи [геологической] науки во Франции и в Англии.

Полное забвение в настоящее время диких гипотез Эли де-Бомона [137], вроде его «кратеров поднятия» и «линий поднятия» (а мне еще пришлось слышать, как последнюю гипотезу Седжвик превозносил до небес в Геологическом обществе), является в значительной степени заслугой Ляйелля.

Я был более или менее хорошо знаком со всеми выдающимися геологами в ту эпоху, когда геология совершала свое триумфальное шествие. Почти все они нравились мне, за исключением Бекленда [138], который, хотя и отличался веселостью и добродушием, казался мне вульгарным и даже грубым человеком. Его стимулом была скорее страсть к славе, которая по временам заставляла его действовать подобно шуту, нежели любовь к науке. В своем стремлении к славе он не был, однако, эгоистом: когда Ляйелл, будучи еще молодым человеком, посоветовался с ним относительно того, представлять ли ему в Геологическое общество слабенькую статью, присланную ему каким-то иностранцем, Бекленд ответил ему: «Лучше представьте, потому что в заголовке будет указано «Сообщено Чарлзом Ляйеллем», и таким образом ваше имя станет известным публике».

Пользу, которую Мурчисон [139] принес геологии своей классификацией древних формаций, трудно переоценить; однако он далеко не обладал философским складом ума. Он был очень добросердечен и чрезвычайно старался оказать услугу любому человеку. Размеры, до которых доходило у него преклонение перед общественным положением человека, были смехотворны, и он проявлял это чувство и свое тщеславие с непосредственностью ребенка. Как-то он с необычайным ликованием рассказал в залах Геологического общества большому кругу людей, среди которых было много и не очень близко ему знакомых, как царь Николай, будучи в Лондоне, похлопал его по плечу и сказал, имея в виду его геологические труды, «Мой друг, Россия благодарна вам!»; затем, потирая руки, Мурчисон добавил: «Самое лучшее было то, что принц Альберт [140] слышал все это». Однажды он сообщил Совету Геологического общества, что его большое сочинение о силурийских отложениях вышло, наконец, в свет; затем он посмотрел на всех присутствующих и сказал, словно бы это было [для них] вершиной славы: «Каждый из вас до единого найдет свое имя в указателе [к книге]».

Часто встречался я с Робертом Броуном — этим «facile princeps botanicorum» [141], как его назвал Гумбольдт; до того, как я женился, я посещал его по утрам почти каждое воскресенье, подолгу просиживая с ним. Самой замечательной чертой его казалась мне детальность его наблюдений и их абсолютная точность. Он никогда не обсуждал со мною каких-либо обширных ⟨философских⟩ научных биологических вопросов. Знания его были исключительно обширны, но многое умерло вместе с ним из-за его крайней боязни в чем-либо ошибиться. Без всякой скрытности он выкладывал мне свои сведения, но к некоторым вещам относился удивительно ревниво. Еще до путешествия на «Бигле» я был у него раза два или три, и однажды он предложил мне посмотреть в микроскоп и описать то, что я увижу. Я сделал это, и теперь я думаю, что это было поразительное явление движения протоплазмы в какой-то растительной клетке. Но тогда я спросил его, что ж это такое я видел, и он ответил мне (а ведь я был тогда всего лишь мальчиком и мне предстояло покинуть вскоре Англию на пять лет): «Это мой маленький секрет!» Полагаю, что он боялся, как бы я не украл у него его открытие. Гукер говорил мне, что Броун был отчаянным скрягой — и сам знал, что он скряга,— в отношении своих гербарных растений: он отказался одолжить Гукеру свои экземпляры, когда тот описывал растения Огненной Земли, хотя отлично знал, что сам он

никогда не займется обработкой своей коллекции [растений] этой страны. С другой стороны, он был способен на самые великодушные поступки. В старости, когда здоровье его было сильно расшатано и он совершенно не переносил никакого напряжения сил, он (как рассказывал мне Гукер) ежедневно навещал жившего довольно далеко от него своего старого слугу, которого он поддерживал, и читал ему вслух. Этого достаточно, чтобы примириться с любой степенью научной скаредности и подозрительности. Он был склонен подсмеиваться над людьми, которые пишут о вещах, не вполне понятных им; помню, что, когда я расхваливал ему «Историю индуктивных наук» Юэлла [142], он заметил: «Да! Думаю, что он прочитал предисловия к очень многим книгам».

В то время, когда я жил в Лондоне, я часто встречался с Оуэном [143] и очень им восхищался, но я никогда не способен был раскусить его и так и не мог установить с ним близких отношений. После выхода в свет «Происхождения видов» он стал моим злейшим врагом, но не изза какой-нибудь ссоры между нами, а насколько я могу судить — из зависти к успеху «Происхождения». Бедный дорогой Фоконер [144],— этот очаровательнейший человек,— был очень плохого мнения об Оуэне: он был убежден, что Оуэн не только честолюбив, крайне завистлив и высокомерен, но и неправдив и недобросовестен. В способности ненавидеть Оуэн был безусловно непревзойден. Когда в былые времена я пытался защищать Оуэна, Фоконер не раз говорил: «Когда-нибудь вы разгадаете его!» И так оно и случилось.

В период несколько более поздний я очень сблизился с Гукером [145], который оставался одним из моих лучших друзей в продолжение всей жизни. Он восхитительный товарищ и в высшей степени добросердечен. Можно сразу же видеть, что он благороден до мозга костей. Он обладает очень острым умом и большой способностью к обобщению. Он самый неутомимый работник, какого мне когда-либо приходилось видеть: он способен весь день просидеть за микроскопом, не переставая работать, а вечером быть столь же свежим и приятным, как всегда. Он во всех отношениях чрезвычайно впечатлителен, а иногда бывает вспыльчивым, но облака почти немедленно рассеиваются. Однажды он прислал мне крайне сердитое письмо, и гнев его был вызван причиной, которая постороннему человеку должна показаться до нелепого незначительной: дело в том, что одно время я поддерживал глупую идею, согласно которой наши каменноугольные растения обитали в море в мелководной зоне. Его негодование было тем бо́льшим, что он не мог допустить, чтобы он когда-либо в состоянии был бы заподозрить, что мангровы (и немногие другие морские растения, названные мною) были обитателями моря, если бы они были известны нам в одном только ископаемом состоянии. В другой раз он пришел почти в такое же негодование из-за того, что я с презрением отвергнул представление, по которому между Австралией и Южной Америкой некогда простирался материк. Вряд ли я знал человека более привлекательного, чем Гукер.

Несколько позже я сблизился с Гёксли [146]. Он обладает умом столь же быстрым, как вспышка молнии, и столь же острым, как бритва. Он лучший собеседник, какого я когда-либо знал. Он никогда ничего не пишет, никогда ничего не говорит плоско. Судя по его разговору, никто не заподозрил бы, что он умеет расправляться со своими противниками в столь резкой форме, как он способен делать и действительно

делает это. Он — мой самый сердечный друг и всегда готов взять на себя любые хлопоты для меня. Он — главный в Англии поборник принципа постепенной эволюции органических существ. Как ни блестяща работа, которую он осуществил в зоологии, он сделал бы гораздо больше, если бы не должен был так широко расточать свое время на официальную и литературную деятельность и на усилия по улучшению преподавания в нашей стране. Думаю, он позволит мне напомнить ему об одном случае: много лет назад мне доставляло сожаление то обстоятельство, что Гёксли нападает на столь многих ученых, хотя я считал, что в каждом отдельном случае он был прав,— и именно это я сказал ему; он с негодованием отрицал это обвинение, и я ответил, что очень рад слышать, что я ошибся. Мы говорили тогда о его вполне обоснованных нападках на Оуэна. Спустя некоторое время я сказал: «Как хорошо вы разоблачили грубые ошибки Эренберга» [147]; он согласился и добавил, что в интересах науки необходимо, чтобы подобные ошибки были раскрыты. Еще через некоторое время я добавил: «Бедный Агассиц! [148] Не поздоровилось же ему, когда он попал к вам в руки». Затем я упомянул еще одно имя, и тогда его блестящие глаза метнули на меня проницательный взгляд, он разразился хохотом и как-то по-особому выругался по моему адресу. Он блестящий человек и хорошо поработал на благо человечества.

Могу упомянуть здесь еще о нескольких выдающихся людях, с которыми я изредка встречался, но о них я могу сказать мало такого, что заслуживало бы упоминания. Я испытывал чувство глубокого уважения к сэру Дж. Гершелю [149], и мне доставило большое удовольствие отобедать у него в его прелестном доме на Мысе Доброй Надежды, а впоследствии и в его лондонском доме. Встречался я с ним также и в нескольких других случаях. Он никогда не говорил много, но каждое произнесенное им слово заслуживало того, чтобы быть выслушанным. Он был очень застенчив и часто выражение лица у него было страдальческим. Лэди Каролина Бен, у которой я обедал на Мысе Доброй Надежды, очень восхищалась Гершелем, но говорила, что он всегда входит в комнату с таким видом, будто он знает, что у него руки не вымыты, и при этом он знает также, что жене его известно, будто они действительно грязные.

Однажды на завтраке у сэра Р. Мурчисона я встретился с прославленным Гумбольдтом [150], который оказал мне честь, выразив желание повидаться со мной. Великий человек немного разочаровал меня, но мои ожидания были, вероятно, слишком преувеличены. У меня не сохранилось никаких отчетливых воспоминаний о нашей беседе, за исключением того, что Гумбольдт был очень весел и много говорил.

Довольно часто я посещал Баббеджа [151] и постоянно бывал на его знаменитых вечерах. Его всегда стоило послушать, но он производил впечатление разочарованного, неудовлетворенного человека, и часто или даже обычно у него было угрюмое выражение лица. Не думаю, однако, чтобы он и наполовину был таким сердитым, каким хотел казаться. Однажды он сказал мне, что изобрел эффективный способ прекращать любой пожар, но добавил при этом: «Я не опубликую его, пусть все они пропадут, пусть сгорят все их дома!» «Все» — это были жители Лондона. В другой раз он рассказал мне, что видел в Италии у обочины одной дороги насос с благочестивой надписью, гласившей,

что владелец устроил этот насос из любви к богу и родине, дабы усталые путники могли напиться. Это побудило Баббеджа внимательно осмотреть насос, и он сразу же установил, что путник, накачивая немного воды для себя, одновременно накачивал гораздо большее количество для дома владельца. Баббедж добавил: «Есть только одна вещь, которую я ненавижу еще сильнее, чем набожность: это — патриотизм». Но я думаю, что он больше бранился, чем сердился на самом деле.

Герберт Спенсер [152] казался мне очень интересным как собеседник, но он не особенно нравился мне, и я чувствовал, что мы с ним никогда не могли бы легко сблизиться. Думаю, что он был в высшей степени эгоцентричен. Прочитав какую-либо из его книг, я обычно испытывал восторженное восхищение перед его необыкновенными талантами, часто пытаясь вообразить себе, будет ли он в отдаленном будущем поставлен в один ряд с такими великими людьми, как Декарт, Лейбниц и другие, относительно которых, впрочем, я очень мало осведомлен. И тем не менее, у меня нет такого чувства, что я извлек из сочинений Спенсера какую-либо пользу для моих собственных трудов. Его дедуктивный метод трактовки любого вопроса совершенно противоположен строю моего ума. Его умозаключения никогда не убеждали меня, и, прочитав какое-либо из его рассуждений, я все снова и снова говорил самому себе: «Да ведь это было бы превосходным объектом на десяток лет работы». Должен сказать, что его фундаментальные обобщения (которые некоторыми лицами сравнивались по их значению с законами Ньютона!), быть может, и представляют большую ценность с философской точки зрения, но по своему характеру не кажутся мне имеющими сколько-нибудь строго научное значение. Характер их таков, что они напоминают скорее [простые] определения, нежели [формулировки] законов природы. Они не могут оказать никакой помощи в предсказании того, что должно произойти в том или ином частном случае. Как бы то ни было, мне они не принесли никакой пользы.

Этот мой рассказ о Спенсере приводит мне на память Бокля [153], которого я однажды встретил у Генсли Веджвуда [154]. Я был очень рад узнать от него об его системе собирания фактов. Он рассказал мне, что покупает все книги, которые намерен прочитать, и составляет к каждой полный указатель фактов, которые, как ему кажется, могут оказаться полезными для него, и что он всегда может вспомнить, в какой книге он прочитал то или другое, ибо память у него замечательная. Я спросил его, как он может заранее судить о том, какие факты ему могут понадобиться в будущем, и он ответил на это, что сам не знает, но что им руководит какой-то инстинкт. Благодаря этой привычке составлять указатели он и оказался в состоянии привести поразительное количество ссылок по самым различным вопросам, которое мы находим в его «Истории цивилизации [в Англии]». Книга эта казалась мне очень интересной, и я прочитал ее дважды, но я сомневаюсь в том, что обобщения Бокля чего-нибудь сто́ят. Г. Спенсер говорил мне, что он никогда не прочитал ни одной строки его! Бокль был мастер поговорить, и я слушал его, почти ни слова не произнеся сам, да я и не мог бы сделать этого, потому что пауз в его речи не было. Когда Эффи [155] начала петь, я вскочил и сказал, что должен ее послушать. Это, я думаю, обидело его, ибо после того как я отошел, он повернулся к одному своему приятелю и сказал (брат мой случайно услыхал его слова): «Ну, книги

мистера Дарвина куда лучше, чем его разговор!» В действительности же он хотел сказать, что я недостаточно оценил его беседу.

Из других крупных представителей литературы я встретился однажды в доме декана Милмена с Сиднеем Смитом [156]. В каждом его слове было что-то необъяснимо забавное. Быть может, это получалось отчасти по той причине, что от него заранее ждали какого-нибудь веселого словца. Он говорил о лэди Корк, которая была тогда очень стара. Эта лэди, сказал он, была однажды так тронута одной из его благотворительных проповедей, что заняла у одной своей знакомой гинею, чтобы положить ее на тарелку для бедных. Затем он добавил: «Обычно все находят, что моя старая приятельница лэди Корк не оценена по заслугам!»,— но сказал он это так, что ни у кого не осталось ни малейшего сомнения в том, будто он сказал, что его старая приятельница не оценена по заслугам дьяволом. Каким образом удалось ему создать такое впечатление, я не знаю.

Встретился я однажды и с Маколеем [157] в доме лорда Станхопа (историка) [158], и так как на обеде, кроме нас, присутствовал только еще один гость, то я имел превосходный случай послушать беседу Маколея, и надо сказать, что он был очень приятный человек. Говорил он отнюдь не много, да и нельзя сказать о человеке, что он слишком много говорит, раз он предоставляет возможность другим направлять беседу по любому руслу, а Маколей именно так и поступал.

Как-то лорд Станхоп сообщил мне одну любопытную деталь, свидетельствующую о точности и богатстве памяти Маколея: в доме лорда Станхопа часто собиралось много историков; обсуждая разные вопросы, они иногда расходились во мнениях с Маколеем, и если в первое время они часто наводили справки в какой-нибудь книге, чтобы выяснить, кто из них был прав, то впоследствии, как заметил лорд Станхоп, ни один историк уже не доставлял себе этого труда, и то, что сказал Маколей, считалось окончательным.

В другой раз я познакомился в доме лорда Станхопа с одной из посещавших его групп историков и литераторов и среди них с Мотли и Гротом [159]. После завтрака я почти целый час прогуливался с Гротом по Чивнинг-Парку: я был очень заинтересован беседой с ним и очарован его простотой и отсутствием какой бы то ни было претенциозности в его манерах.

Во время завтрака в доме лорда Станхопа в Лондоне я познакомился с рядом других видных людей. Когда завтрак подходил к концу, вошел Монктон Милнс (ныне лорд Хоутон) [160] и, поглядев на всех вокруг, воскликнул (оправдывая данное ему Сиднеем Смитом прозвище «Вечерний холодок»): «Должен заявить, что все вы крайне несвоевременны».

В былые годы мне случалось обедать со старым графом Станхопом — отцом историка. Я слыхал, что его отец, хорошо известный в эпоху Французской революции своими демократическими убеждениями, обучил своего сына ремеслу кузнеца, ибо, как он заявлял, каждый человек должен владеть каким-нибудь ремеслом. Старый граф, с которым я был знаком, был странный человек, но на основании того немногого, что я сам мог видеть, он очень нравился мне. Он отличался искренностью, веселым нравом и был приятен в обращении. У него были резкие черты лица и коричневого цвета кожа, и, сколько я его ни видел, одет он

был всегда во все коричневое. По-видимому, он верил во все то, что другим казалось совершенно невероятным. Однажды он сказал мне: «Почему вы не бросите все эти ваши геологические и зоологические пустяки и не займетесь оккультными науками?». Историк (именовавшийся тогда лордом Мэхоном) был, по-видимому, смущен такого рода обращением ко мне, но его очаровательную жену оно сильно насмешило.

Последний, о ком мне хочется упомянуть, это — Карлейль[161]. Я встречался с ним несколько раз в доме моего брата, а раза два или три он бывал и у меня. Говорил он очень красочно и интересно, так же как и писал, но иногда — слишком долго об одном и том же. Помню один забавный обед у моего брата, на котором в числе немногих других гостей были Баббедж и Ляйелл, оба любившие поговорить. Но Карлейль заставил молчать обоих, разглагольствуя в продолжение всего обеда о преимуществах молчания. После обеда Баббедж с самым мрачным видом поблагодарил Карлейля за его крайне интересную лекцию о молчании.

Не было почти ни одного человека, над которым Карлейль не издевался бы. Однажды, находясь у меня, он назвал «Историю» Грота «вонючим болотом, в котором нет ничего одухотворенного». Пока не появились его «Воспоминания», мне все казалось, что издевки его — отчасти, по крайней мере,— не более, чем шутки, но теперь я склонен сильно сомневаться в этом. У него было выражение лица подавленного, почти совсем павшего духом, но доброжелательного человека, и хорошо известно, как он умел от души смеяться. Думаю, что доброжелательность его была неподдельной, хотя ее портила немалая примесь зависти. Не подлежит никакому сомнению его необычайная способность живописать события и людей, причем, как мне кажется, делал он это гораздо более ярко, чем Маколей. Иной вопрос, соответствуют ли истине созданные им образы.

Он был всемогущ, когда хотел запечатлеть в человеческих умах некоторые великие истины морали. И вместе с тем, его взгляды на рабство были возмутительны. В его глазах, сила была правом. Ум его казался мне очень узким, если даже не принимать во внимание естествознание, все отрасли которого он презирал. Меня удивляет, что Кингсли[162] мог говорить о нем как о человеке, который был вполне способен содействовать развитию науки. Презрительный смех вызвало у него утверждение, что математик, и притом такой, как Юэлл, может судить,— а я утверждал, что может,— о воззрениях Гете на [природу] света[163]. Ему казалось страшно смешным, что можно всерьез интересоваться тем, двигался ли ледник несколько быстрее или несколько медленнее, и двигался ли он вообще. Насколько я могу судить, никогда не встречал я человека, который по складу своего ума был бы в такой степени неспособен к научному исследованию.

Живя в Лондоне, я по возможности регулярно посещал заседания нескольких ученых обществ и исполнял обязанности секретаря Геологического общества. Но и посещения ученых обществ, и обычная светская жизнь так плохо отражались на моем здоровье, что мы [я и жена] решили поселиться в деревне, так как оба мы предпочитали деревенскую жизнь, и в этом решении нам никогда не пришлось раскаиваться.

[ЖИЗНЬ В ДАУНЕ]

Жизнь в Дауне с 14 сентября 1842 г. до настоящего времени (1876 г.).— После того как в течение некоторого времени наши поиски в Суррее и других местах оказались безрезультатными, мы нашли и купили дом, в котором живем теперь. Мне понравилось разнообразие растительности, свойственное меловой местности и столь непохожее на то, к чему я привык в Центральных графствах; еще более понравились мне полное спокойствие и подлинно сельский характер этого места [164]. Однако это вовсе не такое глухое место, каким изображает его какой-то писатель в одном немецком журнале, заявляя, что добраться до моего дома можно только по тропинке, доступной одним мулам! Наше решение поселиться здесь оказалось удивительно удачным в одном отношении, которого мы не могли бы и предвидеть: место это очень удобно для того, чтобы нас могли часто навещать наши дети, которые никогда не упускают возможности сделать это, если позволяют обстоятельства.

Вероятно, мало кто вел такую уединенную жизнь, как мы. Если не считать непродолжительных поездок в гости к родственникам, редких выездов на взморье или еще куда-нибудь, мы почти никуда не выезжали. В первый период нашего пребывания [в Дауне] мы изредка бывали в обществе и принимали немногих друзей у себя; однако мое здоровье всегда страдало от любого возбуждения — у меня начинались припадки сильной дрожи и рвоты. Поэтому в течение многих лет я вынужден был отказываться решительно от всех званых обедов, и это было для меня известным лишением, потому что такого рода встречи всегда приводили меня в прекрасное настроение. По этой же причине я мог и сюда, в Даун, приглашать только очень немногих ученых, с которыми я был знаком. Пока я был молод и здоров, я был способен устанавливать с людьми очень теплые отношения, но в позднейшие годы, хотя я все еще питаю очень дружеские чувства по отношению ко многим лицам, я потерял способность глубоко привязываться к кому бы то ни было, и даже к моим добрым и дорогим друзьям Гукеру и Гёксли я привязан уже не так глубоко, как в былые годы. Насколько я могу судить, эта прискорбная утрата чувства [привязанности] развивалась во мне постепенно — вследствие того, что я опасался утомления, а затем и вследствие [действительно наступавшего] изнеможения, которое подконец сочеталось в моем представлении со встречей и разговором в течение какого-нибудь часа с кем бы то ни было, за исключением моей жены и детей.

Главным моим наслаждением и единственным занятием в течение всей жизни была научная работа, и возбуждение, вызываемое ею, позволяет мне на время забывать или и совсем устраняет мое постоянное плохое самочувствие. Мне нечего поэтому рассказывать о всех дальнейших годах моей жизни, кроме сведений о публикации нескольких моих книг. Может быть, некоторые подробности, касающиеся истории их возникновения, заслуживают того, чтобы остановиться на них.

Мои печатные труды.— В начале 1844 г. были опубликованы мои наблюдения над вулканическими островами, посещенными во время путешествия на «Бигле». В 1845 г. я затратил много труда на подготовку

Даун, дом Дарвина.

Вверху: вид со стороны въезда из деревни (в первом этаже налево от портика два окна старого кабинета Дарвина, направо — окна нового кабинета). Внизу: вид со стороны сада (левая двухэтажная часть дома с верандой — позднейшая пристройка)

нового издания моего «Дневника изысканий», который первоначально был опубликован в 1839 г. в виде одной из частей труда Фиц-Роя. Успех этого первого моего литературного детища все еще доставляет моему тщеславию большее удовольствие, чем успех какой-либо другой из моих книг. Даже по сей день в Англии и Соединенных Штатах существует постоянный спрос на эту книгу; она была вторично переведена на немецкий язык, ее перевели также на французский и другие языки. Такой успех книги о путешествии, и притом — научном путешествии, спустя столько лет после первого ее издания, вызывает удивление. В Англии разошлось десять тысяч экземпляров второго издания [165]. В 1846 г. была опубликована моя работа «Геологические наблюдения над [берегами] Южной Америки». В небольшом дневнике, который я постоянно вел [166], я записал, что три мои книги по геологии (включая «Коралловые рифы») потребовали четырех с половиною лет непрерывного труда, «а ныне прошло десять лет со времени моего возвращения в Англию. Как много времени потерял я из-за болезни!» Об этих трех книгах мне нечего сказать, кроме того, что, к моему удивлению, недавно потребовалось новое издание их [167].

В октябре 1846 г. я начал работать над «Усоногими [раками]». Во время пребывания на побережье Чили я нашел чрезвычайно любопытную форму, которая вбуравливается в раковины Concholepas [168]; она настолько сильно отличается от всех других усоногих, что мне пришлось для этой единственной формы создать новый подотряд [169]. Недавно родственный род сверлящих [усоногих] был найден у берегов Португалии. Чтобы разобраться в строении моей новой формы усоногих, я занялся изучением и анатомированием ряда обычных форм, и это постепенно привело меня к исследованию всей группы. В течение восьми ближайших лет я непрерывно работал над этим предметом и в конце концов издал два толстых тома, содержащих описание всех известных современных видов, и два тонких in quarto о вымерших видах. Не сомневаюсь, что сэр Э. Литтон-Булвер [170], выведя в одном из своих романов некоего профессора Лонга, который написал два увесистых тома о ракушках, имел в виду меня.

Хотя я занимался этим трудом в продолжение восьми лет, но, как я отмечаю в своем «Дневнике», около двух лет из этого времени были потеряны мною из-за болезни. Именно по этой причине я поехал в 1848 г. на несколько месяцев в Молверн [171], чтобы провести там курс гидропатического лечения; оно подействовало на меня очень хорошо, так что, вернувшись домой, я оказался в состоянии вновь приступить к работе. Однако здоровье мое было настолько плохо, что когда 13 ноября 1847 г. [172] умер мой дорогой отец, я не мог ни присутствовать на его похоронах, ни выполнить обязанности одного из его душеприказчиков.

Думаю, что мой труд об усоногих раках имеет немалую ценность, так как помимо того, что я описал несколько новых и замечательных форм, я выяснил гомологию различных частей [их тела], открыл цементный аппарат, хотя ужасно напутал с цементными железами [173], и, наконец, доказал существование у определенных родов мельчайших дополнительных самцов, паразитирующих на гермафродитных особях [174]. Это последнее открытие в конце концов полностью подтвердилось, хотя однажды какому-то немецкому автору вздумалось нацело приписать

Даун. Старый кабинет Дарвина, где было написано «Происхождение видов» в 1858—59 гг.

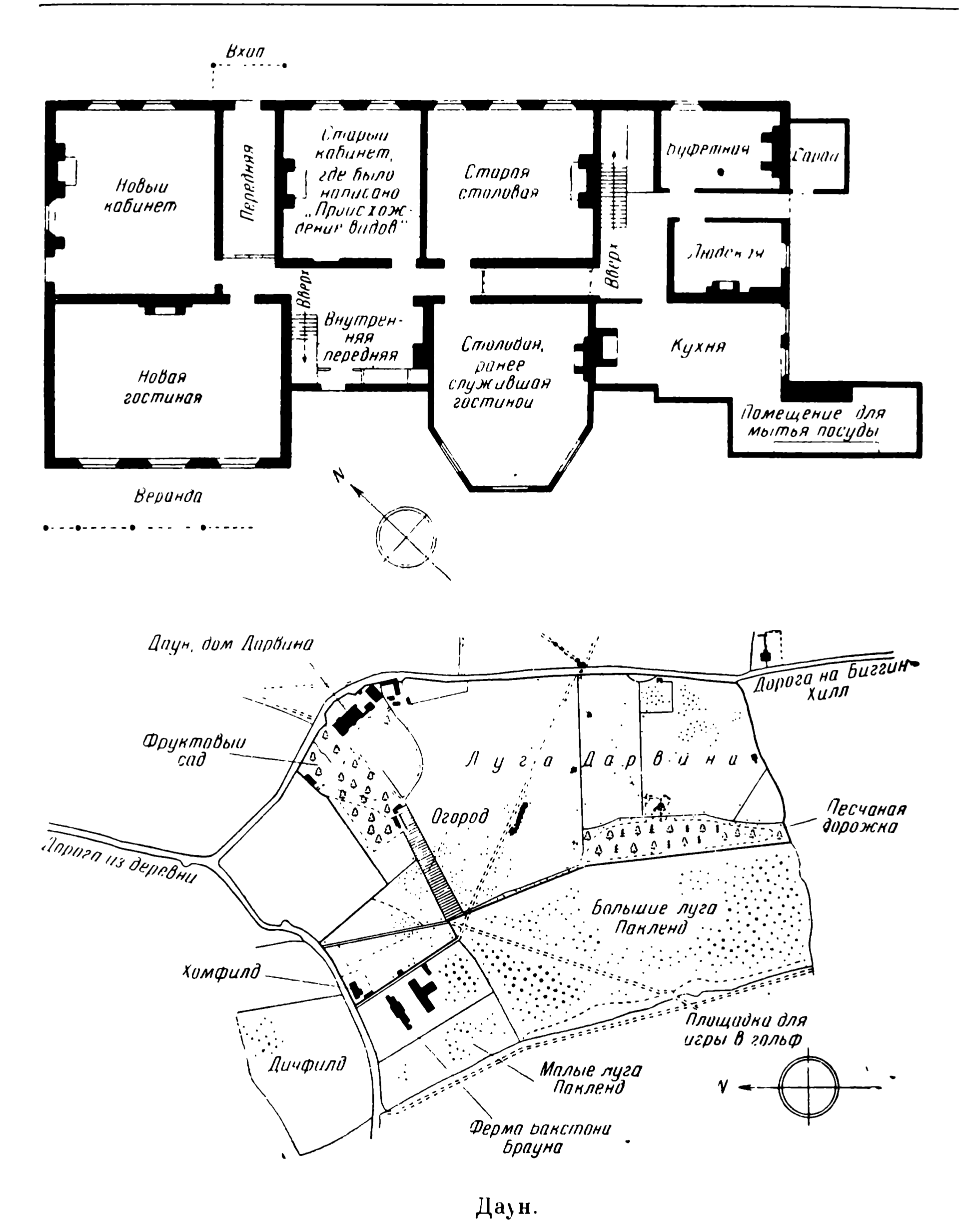
Рисунок А. Хейга

его моему плодовитому воображению[175]. Усоногие представляют собой сильно варьирующую и трудно поддающуюся классификации группу видов, и мой труд оказал мне весьма большую пользу при обсуждении в «Происхождении видов» принципов естественной классификации. И тем не менее я сомневаюсь в том, стоило ли затрачивать на этот труд так много времени.

Начиная с сентября 1854 г. я посвящал все свое время приведению в порядок гигантской массы заметок, а также наблюдениям и экспериментам по вопросу о трансмутации видов. Во время путешествия на «Бигле» на меня произвели глубокое впечатление, [во-первых], открытие в пампасской формации [Патагонии] гигантских ископаемых животных, которые были покрыты панцирем, сходным с панцирем современных броненосцев, во-вторых, то обстоятельство, что по мере продвижения по материку [Южной Америки] в южном направлении близко родственные [виды] животных определенным образом замещают одни других, и, в-третьих, южноамериканский характер большинства обитателей Галапагосского архипелага, в особенности же тот факт, что [близко родственные] виды различных островов архипелага известным образом незначительно отличаются друг от друга; [при этом] ни один из островов [архипелага] не является, по-видимому, очень древним в геологическом смысле[176].

Было очевидно, что такого рода факты, так же как и многие другие, можно было объяснить [только] на основании предположения, что виды постепенно изменялись, и проблема эта стала преследовать меня. Однако в равной мере было очевидно и то, что ни действие окружающих условий, ни воля организмов (особенно, когда идет речь о растениях) не в состоянии объяснить бесчисленные случаи превосходной приспособленности организмов всякого рода к их образу жизни, например, приспособленности дятла или древесной лягушки к лазанию по деревьям или приспособленности семян к распространению при помощи крючков или летучек. Меня всегда крайне поражали такого рода приспособления, и мне казалось, что до тех пор, пока они не получат объяснения, почти бесполезно делать попытки обосновать при помощи косвенных доказательств тот факт, что виды [действительно] изменялись.

После того как я вернулся в Англию, у меня явилась мысль, что, следуя примеру Ляйелля в геологии и собирая все факты, которые имеют хотя бы малейшее отношение к изменению животных и растений в условиях одомашнения и в природе, удастся, быть может, пролить некоторый свет на всю проблему в целом. Моя первая записная книжка была начата в июле 1837 г.[177] Я работал подлинно бэконовским методом[178] и без какой бы то ни было [заранее созданной] теории собирал в весьма обширном масштабе факты, особенно — относящиеся к одомашненным организмам, путем печатных запросов, бесед с искусными животноводами и садоводами и чтения обширной литературы. Когда я просматриваю список всякого рода книг, включая сюда целые серии журналов и трудов [ученых обществ], которые я прочитал и из которых сделал извлечения, я сам поражаюсь своему трудолюбию. Вскоре я понял, что краеугольным камнем успехов человека в создании полезных рас животных и растений был отбор. Однако в течение некоторого времени для меня оставалось тайной, каким образом



Даун.

Вверху: план первого этажа дома Дарвина (две комнаты слева и веранда—пристройка 1877 г.). Внизу: план земельного участка, принадлежавшего Дарвину, и примыкающих к нему с юго-запада участков земли

отбор мог быть применен к организмам, живущим в естественных условиях.

В октябре 1838 г., т. е. спустя пятнадцать месяцев после того, как я приступил к своему систематическому исследованию, я случайно, ради развлечения прочитал книгу Мальтуса «О народонаселении» и так как благодаря продолжительным наблюдениям над образом жизни

животных и растений я был хорошо подготовлен к тому, чтобы оценить [значение] повсеместно происходящей борьбы за существование, меня сразу поразила мысль, что при таких условиях благоприятные изменения должны иметь тенденцию сохраняться, а неблагоприятные — уничтожаться. Результатом этого и должно быть образование новых видов. Теперь, наконец, я обладал теорией, при помощи которой можно было работать [179], но я так сильно стремился избежать какой бы то ни было предвзятой точки зрения, что решил в течение некоторого времени не составлять в письменной форме даже самого краткого очерка теории. В июне 1842 г. я впервые решился доставить себе удовлетворение и набросал карандашом на 35-ти страницах очень краткое резюме моей теории; в течение лета 1844 г. я расширил это резюме до очерка на 230-ти страницах, который я тщательно переписал и храню у себя до настоящего времени [180].

Но в то время я упустил из виду одну проблему, имеющую огромное значение, и меня изумляет,— если только не вспомнить анекдота о колумбовом яйце,— каким образом я мог не обратить внимания как на самую проблему, так и на путь к ее разрешению. Проблема эта — тенденция органических существ, происходящих от одного и того же корня, расходиться, по мере того как они изменяются, в своих признаках. Тот факт, что они значительно разошлись, с очевидностью следует из принципа, на основании которого мы в состоянии всевозможные виды классифицировать в роды, роды — в семейства, семейства — в подотряды и так далее; я точно помню то место дороги, по которой я проезжал в карете, где, к моей радости, мне пришло в голову решение этой проблемы; это было много времени спустя после моего переезда в Даун [181]. Решение это, как я полагаю, состоит в том, что измененное потомство всех господствующих и количественно возрастающих форм имеет тенденцию приспособиться к многочисленным и весьма разнообразным [по своим условиям] местам в экономии природы [182].

В начале 1856 г. Ляйелл посоветовал мне изложить мои взгляды с достаточной подробностью, и я сразу же приступил к этому в масштабе, в три или четыре раза превышавшем объем, в который впоследствии вылилось мое «Происхождение видов»,— и все же это было только извлечение из собранных мною материалов. Придерживаясь этого масштаба, я проделал около половины работы, но план мой был полностью расстроен, когда в начале лета 1858 г. м-р Уоллес [183], который находился тогда [на островах] Малайского архипелага, прислал мне свой очерк «О тенденции разновидностей к неограниченному отклонению от первоначального типа»; этот очерк содержал в точности ту же теорию, что и моя. М-р Уоллес выразил желание, чтобы я — в случае, если я отнесусь одобрительно к его очерку — переслал его для ознакомления Ляйеллю.

Обстоятельства, при которых я согласился по просьбе Ляйелля и Гукера на опубликование извлечения из моей рукописи [1844 г.] и моего письма к Аза Грею [184] от 5 сентября 1857 г. одновременно с очерком Уоллеса, изложены в «Journal of the Proceedings of the Linnean Society» за 1858 год, стр. 45 [185]. Сначала мне очень не хотелось идти на это: я полагал, что м-р Уоллес может счесть мой поступок совершенно непозволительным,— я не знал тогда, сколько великодушия и благородства в характере этого человека. Ни извлечение из

An abstract of an Essay
on the
Origin
of
Species and Varieties
Through natural Selection
by
Charles Darwin M.A.
Fellow of the Royal, Geological & Linn. Soc.

London
&c &c &c &c
1859

Первоначальный проект титульного листа «Происхождения видов», составленный собственноручно Дарвином:
«Извлечение из труда о происхождении видов и разновидностей путем естественного отбора. Чарлза Дарвина, М. И., члена Королевского, Геологического и Линнеевского обществ. Лондон, и пр. и пр., 1859».

моей рукописи, ни письмо к Аза Грею не предназначались для печати и были плохо написаны. Напротив, очерк м-ра Уоллеса отличался прекрасным изложением и полной ясностью. Тем не менее, наши изданные совместно работы привлекли очень мало внимания, и единственная заметка о них в печати, которую я могу припомнить, принадлежала профессору Хоутону из Дублина, приговор которого сводился к тому, что все новое в них неверно, а все верное — не ново [186]. Это показывает, насколько необходимо любую новую точку зрения разъяснить с надлежащей подробностью, чтобы привлечь к ней всеобщее внимание.

В сентябре 1858 г. я принялся, по настоятельному совету Ляйелля и Гукера, за работу по подготовке тома о трансмутации видов, но работа часто прерывалась болезнью и непродолжительными поездками в прелестную гидропатическую лечебницу доктора Лэйна в Мур-Парке [187]. Я сократил рукопись, начатую в значительно большем масштабе в 1856 г., и завершил книгу, придерживаясь этого сокращенного масштаба. Это стоило мне тринадцати месяцев и десяти дней напряженного труда. Книга под титулом «Происхождение видов» была опубликована в ноябре 1859 г. Хотя последующие издания были значительно дополнены и исправлены, в существе своем книга осталась без изменений [188].

Совершенно несомненно, что эта книга — главный труд моей жизни. С первого момента [своего появления] она пользовалась чрезвычайно большим успехом. Первое небольшое издание в 1250 экземпляров разошлось в день выхода в свет, а вскоре после того [было распродано] и второе издание в 3000 экземпляров. До настоящего времени (1876 г.) в Англии разошлось шестнадцать тысяч экземпляров, и если учесть, насколько трудна эта книга для чтения, нужно признать, что это — большое количество. Она была переведена почти на все европейские языки, даже на испанский, чешский, польский и русский [189]. По словам мисс Бэрд, она была переведена также на японский язык и широко изучается в Японии [190]. Даже на древнееврейском языке появился очерк о ней, доказывающий, что моя теория содержится в Ветхом завете! [191]. Число рецензий было очень большим; в течение некоторого времени я собирал все, что появлялось [в печати] о «Происхождении» и других моих книгах, [тематически] связанных с ним, и число рецензий (не считая появлявшихся в газетах) достигло 265,— тогда я в отчаянии бросил это дело. Появилось и много самостоятельных этюдов и книг по вопросу [поднятому мною], а в Германии стали ежегодно или раз в два года издавать каталоги или библиографические справочники по «Дарвинизму» [192].

Успех «Происхождения» можно, я думаю, в большой мере приписать тому, что задолго до этой книги я написал два сжатых очерка и что в конечном счете она явилась результатом сокращения гораздо более обширной рукописи, которая, однако, и сама была извлечением [из обширных материалов]. Благодаря этому я имел возможность отобрать наиболее разительные факты и выводы. Кроме того, в течение многих лет я придерживался следующего золотого правила: каждый раз, как мне приходилось сталкиваться с каким-либо опубликованным фактом, новым наблюдением или мыслью, которые противоречили моим общим выводам, я обязательно и не откладывая делал краткую

запись о них, ибо, как я убедился на опыте, такого рода факты и мысли обычно ускользают из памяти гораздо скорее, чем благоприятные [для тебя]. Благодаря этой привычке, против моих воззрений было выдвинуто очень мало таких возражений, на которые я [уже заранее] по крайней мере не обратил бы внимания или не пытался найти ответ на них.

Иногда высказывалось мнение, что успех «Происхождения» доказал, что «идея носилась в воздухе» или что «умы людей были к ней подготовлены». Я не думаю, чтобы это было вполне верно, ибо я не раз осторожно нащупывал мнение немалого числа натуралистов, и мне никогда не пришлось встретить ни одного, который казался бы сомневающимся в постоянстве видов. Даже Ляйелл и Гукер, хотя и с интересом выслушивали меня, никогда, по-видимому, не соглашались со мною. Один или два раза я пытался объяснить способным людям, что́ я понимаю под естественным отбором, но попытки мои были удивительно безуспешны. Я думаю, несомненная истина заключается в том, что в умах натуралистов накопилось бесчисленное количество хорошо установленных фактов, и эти факты готовы были стать на свои места, как только была бы достаточно обоснована какая-либо теория, которая могла бы их охватить. Другим моментом, определившим успех книги, был ее умеренный размер; этим я обязан появлению очерка м-ра Уоллеса; если бы я опубликовал книгу в том объеме, в котором я начал писать ее в 1856 г., она была бы в четыре или в пять раз больше «Происхождения», и у очень немногих хватило бы терпения прочитать ее.

Я много выиграл, промедлив с публикацией книги примерно с 1839 г., когда теория ясно сложилась у меня, до 1859 г., и я ничего не потерял при этом, ибо весьма мало заботился о том, кому припишут больше оригинальности — мне или Уоллесу, а его очерк, без сомнения, помог восприятию теории. Только в одном важном вопросе меня опередили, и мое тщеславие всегда заставляло меня жалеть об этом; вопрос этот — объяснение при помощи ледникового периода наличия одних и тех же видов растений и некоторых немногочисленных видов животных на отдаленных друг от друга горных вершинах и в полярных областях. Это воззрение так сильно нравилось мне, что я письменно изложил его в развернутом виде, и мне кажется, что Гукер прочитал написанное мною за несколько лет до того, как Э. Форбс опубликовал свой знаменитый мемуар по этому вопросу [193]. Продолжаю думать, что в тех, очень немногих, пунктах, по которым мы с ним разошлись, прав был я. Разумеется, я ни разу не намекнул в печати, что разработал это представление совершенно независимо [от Форбса].

Вряд ли что-либо другое доставило мне в процессе работы над «Происхождением» столь большое удовлетворение, как объяснение огромного различия, которое существует во многих классах между зародышем и взрослым животным, и близкого сходства между зародышами [различных видов животных] одного и того же класса. Насколько я в состоянии вспомнить, в ранних рецензиях на «Происхождение» не было сделано ни одного замечания относительно этого момента, и я выразил, помнится, свое удивление по этому поводу в одном из писем к Аза Грею. За последние годы некоторые рецензенты стали приписывать эту идею целиком Фрицу Мюллеру и Геккелю [194], которые, несомненно, разработали ее гораздо более полно и в некоторых отношениях

более правильно, что это сделал я. Моих материалов по этому вопросу хватило бы на целую главу, и я должен был развернуть обсуждение его с большей подробностью, ибо очевидно, что мне не удалось произвести впечатление на моих читателей; однако именно тому, кто сумел добиться этого, и должна быть отдана, по моему мнению, вся честь [открытия].

В связи с этим должен заметить, что мои критики почти всегда обращались со мной честно, если оставить в стороне тех из них, которые не обладали научными знаниями, ибо о них и не стоит говорить. Мои взгляды нередко грубо искажались, ожесточенно оспаривались и высмеивались, но я убежден, что по большей части все это делалось без вероломства. Должен, однако, сделать исключение в отношении м-ра Майварта [195], который, как выразился о нем в письме один американец, обращался со мною, «как pettifoger» или, как сказал Гёксли, «подобно адвокату из Олд-Бейли» [196]. В общем же у меня нет никаких сомнений в том, что слишком часто мои труды расхваливались сверх всякой меры. Я рад, что избегал полемики, и этим я обязан Ляйеллю, который много лет назад по поводу моих геологических работ настоятельно рекомендовал мне никогда не ввязываться в полемику, так как она редко приносит пользу и не стоит той потери времени и того плохого настроения, которые она вызывает [197].

Каждый раз, когда я обнаруживал, что мною была допущена грубая ошибка или что моя работа в том или ином отношении несовершенна, или когда меня презрительно критиковали, или даже тогда, когда меня чрезмерно хвалили, и в результате всего этого я чувствовал себя огорченным,— величайшим утешением для меня были слова, которые я сотни раз повторял самому себе: «Я трудился изо всех сил и старался, как мог, а ни один человек не в состоянии сделать больше этого». Вспоминаю, как, находясь в Бухте Доброго Успеха на Огненной Земле, я подумал (и кажется, написал об этом домой), что не смогу использовать свою жизнь лучше, чем пытаясь внести кое-какой вклад в естествознание. Это я и делал по мере своих способностей, и пусть критики говорят, что им угодно, в этом они не смогут разубедить меня [198].

В течение двух последних месяцев 1859 г. я был всецело занят подготовкой второго издания «Происхождения» и огромной перепиской. 7 января 1860 г. я начал приводить в порядок свои заметки для работы об «Изменениях животных и растений в условиях одомашнения», но она была опубликована только в начале 1868 г.; задержка эта отчасти объясняется то и дело повторявшимися приступами болезни, которая один раз затянулась на семь месяцев, отчасти же — соблазном выступать в печати с работами по другим вопросам, которые в тот или иной момент больше интересовали меня.

15 мая 1862 г. вышла в свет моя небольшая книга «Опыление орхидей»; я потратил на нее десять месяцев труда, но большинство приводимых в ней фактов медленно накапливалось в продолжение нескольких предшествовавших лет. В течение лета 1839 г., а быть может, еще и летом предыдущего года, я пришел к необходимости заняться изучением перекрестного опыления цветков при посредстве насекомых — меня побудил к этому вывод, сделанный мною в ходе рассуждений о происхождении видов, а именно, что скрещивание играло важную роль в поддержании постоянства видовых форм. Я продолжал заниматься

Чарлз Дарвин.

По фотографии конца 1881 или начала 1882 г.

этим вопросом то больше, то меньше и в течение летних месяцев ряда следующих лет, но мой интерес к нему особенно возрос после того, как в ноябре 1841 г. я достал и прочитал по совету Роберта Броуна экземпляр замечательной книги Х. К. Шпренгеля «Das entdeckte Geheimnis der Natur» [199]. До 1862 г. я специально изучал на протяжении нескольких лет процесс опыления у наших британских орхидей, и мне казалось, что целесообразнее будет подготовить исчерпывающий (насколько я в состоянии это сделать) трактат об этой группе растений, нежели использовать огромное множество данных, которые я постепенно собрал [по вопросу об опылении] в отношении других растений.

Решение мое оказалось благоразумным, ибо после выхода в свет моей книги появилось изумительное количество статей и монографических работ об опылении цветков самых различных растений, и работы эти были выполнены гораздо лучше, чем мог бы, вероятно, осуществить это я. Заслуги бедного старого Шпренгеля, так долго остававшиеся незамеченными, теперь, через много лет после его смерти, полностью признаны.

В том же году я напечатал в «Journal of the Linnean Society» статью «О двух формах, или диморфном состоянии, примулы», а на протяжении следующих пяти лет — еще пять статей о диморфных и триморфных растениях [200]. Не думаю, чтобы что-либо еще в моей научной деятельности доставило мне столь большое удовлетворение, как то, что мне удалось выяснить значение строения [цветков] этих растений. В 1838 или 1839 г. я обратил внимание на диморфизм *Linum flavum,* но решил сначала, что это всего лишь случай безразличной изменчивости. Однако, исследуя обычный вид примулы, я обнаружил, что две формы встречаются у нее слишком регулярно и постоянно, чтобы можно было удовлетвориться таким взглядом на них. Вследствие этого у меня явилось почти твердое убеждение в том, что обыкновенные баранчики [*Primula veris*] и первоцвет [*Pr. vulgaris*] находятся на прямой дороге к превращению в двудомные формы и что короткие пестики у одной формы и короткие тычинки у другой имеют тенденцию к тому, чтобы оставаться недоразвитыми. С такой точки зрения и были произведены опыты над этими растениями, но как только было обнаружено, что цветки с короткими пестиками при опылении их пыльцой коротких тычинок дают больше семян, чем любой другой из четырех возможных союзов, теории недоразвития был нанесен смертельный удар. После некоторых дополнительных опытов стало очевидным, что обе формы, хотя и являются вполне выраженными гермафродитами, относятся друг к другу почти в точности так же, как два пола у любого обычного животного. У Lythrum мы встречаем еще более замечательный случай, когда в подобном же отношении одна к другой находятся три формы. Впоследствии я установил, что потомство, полученное от союза двух растений, принадлежащих к одной и той же форме, обнаруживает близкую и любопытную аналогию с гибридами, полученными от союза двух различных видов.

Осенью 1864 г. я закончил большую статью о «Лазящих растениях» и послал ее в Линнеевское общество. Работа над этой статьей отняла у меня четыре месяца, а когда я получил ее в корректуре, я до такой степени плохо чувствовал себя, что вынужден был оставить корректурные листы нетронутыми, хотя статья была написана очень плохо,

а местами и весьма неясно. Статья мало обратила на себя внимания, но когда в 1875 г. она была исправлена и вышла отдельной книгой, спрос на нее был хороший. Заняться этим вопросом побудила меня небольшая статья Аза Грея о движениях усиков одного тыквенного растения, опубликованная в 1858 г. Он прислал мне семена, и, вырастив из них несколько растений, я был так очарован и вместе с тем охвачен недоумением при виде вращательных движений усиков и стеблей,— движений в сущности очень простых, но на первый взгляд кажущихся очень сложными,— что я добыл различные другие виды лазящих растений и принялся за изучение всего вопроса в целом. Он тем более привлекал меня, что я отнюдь не был удовлетворен объяснением, которое давал нам на своих лекциях Генсло, заявлявший, что вьющимся растениям свойственно естественное стремление расти вверх по спирали. Это объяснение оказалось совершенно ошибочным. Некоторые приспособления, обнаруживаемые лазящими растениями, столь же прекрасны, как приспособления орхидей, обеспечивающие перекрестное опыление.

Мой труд «Изменения животных и растений в условиях одомашнения» был начат, как уже указывалось выше, в начале 1860 г., но оставался неопубликованным вплоть до начала 1868 г. Это огромная книга, и стоила она мне четырех лет и двух месяцев напряженного труда. В ней приведены все мои наблюдения и гигантское количество собранных из различных источников фактов относительно наших домашних организмов. Во втором томе были подвергнуты обсуждению — в той мере, в какой это позволяет современное состояние наших знаний — причины и законы изменчивости, наследственности и т. д. В конце этого труда я привожу свою гипотезу Пангенезиса, которую так основательно разругали. Непроверенная гипотеза представляет небольшую ценность или и совсем не имеет ее; но если со временем кому-нибудь придется заняться наблюдениями, которые могли бы подтвердить какую-нибудь из подобных гипотез, то я окажу ему добрую услугу, так как при помощи моей гипотезы можно связать воедино и сделать понятными поразительное количество изолированных фактов. В 1875 г. вышло второе, значительно исправленное издание, стоившее мне большого труда.

Мой труд «Происхождение человека» был опубликован в феврале 1871 г. Как только я пришел к убеждению, в 1837 или 1838 г., что виды представляют собой продукт изменения, я не мог уклониться от мысли, что и человек должен был произойти в силу того же закона [201]. В соответствии с этим я начал собирать заметки по этому вопросу для своего собственного удовлетворения, так как в течение долгого времени не имел никакого намерения выступить в печати. Хотя в «Происхождении видов» совершенно не обсуждается происхождение какого-либо отдельного вида, я счел все же за лучшее — дабы ни один добросовестный человек не мог обвинить меня в том, что я скрываю свои взгляды — добавить [слова о том], что благодаря моей работе «будет пролит свет на происхождение человека и его историю» [202]. Однако выставлять напоказ свои убеждения в вопросе о происхождении человека, не приведя никаких доказательств, было бы бесполезно, а для успеха книги [о происхождении видов] даже и вредно.

Но когда я увидел, что многие натуралисты полностью приняли учение об эволюции видов, мне показалось целесообразным обработать имевшиеся у меня заметки и опубликовать специальный трактат о происхождении человека. Замысел этот был тем более по душе мне, что он давал мне удобный случай полностью обсудить проблему полового отбора,— проблему, которая всегда очень интересовала меня. Этот вопрос и вопрос об изменениях наших домашних организмов, а также вопросы о причинах и законах изменчивости, наследственности и пр. и о перекрестном опылении растений — единственные вопросы, которые мне удалось изложить с достаточной полнотой, использовав все собранные мною материалы. «Происхождение человека» я писал три года, но и на этот раз, как обычно, часть времени была потеряна из-за болезни, а часть ушла на подготовку новых изданий [моих книг] и на другие работы меньшего объема. Второе, значительно исправленное издание «Происхождения [человека]» появилось в 1874 г.

Моя книга о «Выражении эмоций у людей [человека?] и животных» вышла в свет осенью 1872 г. Сначала я имел намерение посвятить этому вопросу только одну главу в «Происхождении человека», но как только я начал приводить в порядок свои заметки, я увидел, что вопрос этот потребует особого трактата.

Мой первый ребенок родился 27 декабря 1839 г., и я сразу же начал делать заметки о первых проблесках различного рода выражения [эмоций], которые он проявлял, так как уже в тот ранний период я испытывал убеждение, что все самые сложные и тонкие оттенки выражения [эмоций] должны были иметь постепенное и естественное происхождение. В течение лета следующего, 1840-го, года я прочитал превосходный труд сэра Ч. Белла о выражении [эмоций] [203], и это значительно повысило интерес, который я испытывал к данному вопросу, хотя я никак не мог согласиться с мнением сэра Ч. Белла, будто различные мышцы были специально созданы для выражения [эмоций]. С тех пор я время от времени занимался этим вопросом применительно как к человеку, так и к домашним животным. Моя книга широко разошлась: 5267 экземпляров были проданы в день ее выхода в свет.

Летом 1860 г. я не работал и поехал отдохнуть близ Хартфилда [204], где в изобилии встречаются два вида росянки [Drosera], и я заметил, что их листья улавливают большое количество насекомых. Я принес домой несколько экземпляров этого растения и, дав им насекомых, увидел движение щупалец; это навело меня на мысль, что насекомые были, возможно, захвачены с какой-то специальной целью. К счастью, мне пришло в голову проделать решающее испытание, поместив большое количество листьев в различные азотистые и неазотистые жидкости одинаковой плотности, и как только я обнаружил, что только первые вызывают энергичные движения [листьев], стало очевидным, что здесь открывается прекрасное новое поле для исследования.

В последующие годы, как только мне представлялся досуг, я продолжал свои опыты, и в июле 1875 г., то есть через шестнадцать лет после моих первых наблюдений, вышла в свет моя книга о «Насекомоядных растениях». Как случалось и со всеми другими моими книгами, промедление и на этот раз принесло мне большую пользу,— после такого большого промежутка времени можно критически оценить свою собственную работу, отнесясь к ней почти так же, как если бы

она была написана другим человеком. Тот факт, что при надлежащем раздражении растение выделяет жидкость, содержащую кислоту и фермент и вполне аналогичную пищеварительному соку какого-либо животного, представляет собой, несомненно, замечательное открытие.

Осенью 1876 г. я выпущу в свет мой труд «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире». Эта книга составит дополнение к моей работе об «Опылении орхидей», в которой я показал, как совершенны средства к перекрестному опылению; здесь же я покажу, как важны его результаты. К постановке многочисленных, продолжавшихся одиннадцать лет опытов, излагаемых в этой книге, меня побудило одно чисто случайное наблюдение; и действительно, понадобилось, чтобы этот случай повторился, прежде чем мое внимание оказалось полностью прикованным к замечательному факту, который заключается в том, что сеянцы, происходящие от самоопыленных растений, уступают по своей высоте и силе, и притом уже в первом поколении, сеянцам, происходящим от растений, опыленных перекрестно. Надеюсь также вновь выпустить в свет пересмотренное издание моей книги об орхидеях, а в будущем — и мои статьи о диморфных и триморфных растениях, присоединив к ним некоторые дополнительные наблюдения по смежным вопросам, до сих пор не приведенные еще мною в порядок за отсутствием времени. После того, вероятно, силы мои иссякнут, и я готов буду воскликнуть: «Nunc dimittis» [205].

Добавление (написано 1 мая 1881 г.).— Книга «Действие перекрестного опыления и самоопыления» вышла в свет осенью 1876 г. Результаты, приведенные в этой книге, объясняют, как мне кажется, бесчисленные и изумительные приспособления к переносу пыльцы с одного растения на другое того же вида. Теперь, однако, я считаю — главным образом на основании наблюдений Германа Мюллера,— что мне следовало решительнее, чем я это сделал, настаивать на существовании многочисленных приспособлений к самоопылению, хотя я был хорошо осведомлен о большом числе такого рода приспособлений [206]. Значительно расширенное издание моей работы «Опыление орхидей» вышло в 1877 г.

В том же году появилось сочинение «Различные формы цветов и т. д.», а в 1880 г.— второе издание его. Эта книга состоит в основном из нескольких статей о гетеростильных цветках; в статьи эти, первоначально опубликованные Линнеевским обществом, были внесены исправления и дополнения на основании многих новых данных, в том числе — наблюдений над некоторыми другими случаями, когда одно и то же растение приносит цветки двоякого рода. Как уже было отмечено выше, ни одно из моих маленьких открытий не доставило мне такого большого удовольствия, как выяснение значения гетеростильных цветков. Результаты иллегитимного скрещивания такого рода цветков кажутся мне чрезвычайно важными, так как они имеют отношение к вопросу о бесплодии гибридов [207]; между тем только немногие ученые обратили внимание на эти результаты.

В 1879 г. я опубликовал перевод книги д-ра Эрнста Краузе «Жизнь Эразма Дарвина» и дополнил ее очерком о характере и привычках моего деда на основании принадлежащих мне материалов. Эта маленькая биография заинтересовала очень многих лиц, и меня удивляет, что она разошлась всего лишь в количестве 800 или 900 экземпляров. Так как

я случайно забыл упомянуть о том, что д-р Краузе расширил и исправил свою статью в Германии еще до того, как она была переведена [на английский язык], м-р Сэмюэл Батлер разразился с почти безумной злобой бранью по моему адресу. Я никогда не мог понять, чем собственно я так жестоко обидел его. Этот инцидент вызвал некоторую полемику в газете «Athenaeum» и в «Nature». Я представил все документы нескольким добросовестным судьям, а именно: Гёксли, Лесли Стивену, Личфилду и другим, и все они единодушно признали, что нападение Батлера было настолько лишено какого бы то ни было основания, что не заслуживает никакого публичного ответа, тем более, что я сразу же выразил м-ру Батлеру свое сожаление по поводу случайно допущенного мною упущения. В утешение Гёксли привел мне несколько немецких строк из Гёте, который подвергся нападению со стороны одного лица; содержание их заключалось в том, «что у каждого кита есть своя вошь» [208].

В 1880 г., пользуясь помощью Френка [209], я опубликовал нашу книгу «Способность к движению у растений». На нее пришлось затратить немало тяжелого труда. Книга эта находится в таком же примерно отношении к моей небольшой книге о «Лазящих растениях», как «Перекрестное опыление» к «Опылению орхидей», ибо невозможно было бы в согласии с принципом эволюции объяснить образование лазящих растений в столь многочисленных и чрезвычайно различных группах, не предположив, что в какой-то слабой степени аналогичного рода способность к движению присуща всем видам растений. Я доказал, что так в действительности и обстоит дело, а затем я пришел к довольно широкому обобщению, а именно, что все обширные и важные группы движений, возбуждаемых светом, силой тяжести и т. д., представляют собой измененные формы одного коренного движения — круговой нутации. Мне всегда было приятно повысить растения [в отношении того места, которое они должны занимать] в ряду организованных существ, и поэтому я испытал особое удовольствие, показав, какими многочисленными и изумительно хорошо приспособленными движениями обладает кончик корня.

Сейчас (1 мая 1881 г.) я сдал в печать рукопись небольшой книги об «Образовании растительного слоя земли деятельностью дождевых червей». Вопрос этот не имеет большого значения, и я не знаю, заинтересует ли он читателей [210], но меня он заинтересовал. Книга эта представляет собою развернутое изложение небольшой статьи, доложенной мною в Геологическом обществе более сорока лет назад; она воскресила мои старые мысли по вопросам геологии [211].

Оценка моих умственных способностей.— Итак, я перечислил все изданные мною книги, и поскольку они были вехами моей жизни, мне мало что еще остается сказать. Я не усматриваю какого-либо изменения в состоянии моего ума за последние тридцать лет, за исключением одного пункта, о котором я сейчас упомяну; да и вряд ли, конечно, можно было ожидать какого-нибудь изменения, разве только — общего снижения сил. Но отец мой дожил до восьмидесяти трех лет, сохранив ту же живость ума, какая всегда была свойственна ему, и все свои способности нисколько не потускневшими; и я надеюсь, что умру до того, как ум мой сколько-нибудь заметно ослабеет. Думаю, что я стал

несколько более искусным в умении находить правильные объяснения и придумывать методы экспериментальной проверки, но и это, возможно, является лишь простым результатом практики и накопления более значительного запаса знаний. Как и всегда [в прежнее время] мне очень трудно ясно и сжато выражать свои мысли, и это затруднение стоило мне огромной потери времени; однако в нем имеется и компенсирующее меня преимущество, оно вынуждает меня долго и внимательно обдумывать каждое предложение, а это нередко давало мне возможность замечать ошибки в рассуждении, а также в своих собственных и чужих наблюдениях.

По-видимому, моему уму присуща какая-то роковая особенность, заставляющая меня излагать первоначально мои утверждения и предположения в ошибочной или невразумительной форме. В прежнее время у меня была привычка обдумывать каждую фразу прежде чем записать ее, но вот уже несколько лет, как я пришел к заключению, что уходит меньше времени, если как можно скорее, самым ужасным почерком и наполовину сокращая слова набросать целые страницы, а затем уже обдумывать и исправлять [написанное]. Фразы, набросанные таким образом, часто оказываются лучше тех, которые я мог бы написать, предварительно обдумав их.

К этим словам о моей манере писать добавлю, что при составлении моих больших книг я затрачивал довольно много времени на общее распределение материала. Сначала я делаю самый грубый набросок в две или три страницы, затем более пространный в несколько страниц, в котором несколько слов или даже одно слово даны вместо целого рассуждения или ряда фактов. Каждый из этих заголовков вновь расширяется и часто до неузнаваемости преобразуется, прежде чем я начинаю писать in extenso [в развернутом виде]. Так как в некоторых из моих книг были очень широко использованы факты, наблюдавшиеся другими лицами, и так как я в одно и то же время всегда занимался несколькими совершенно различными вопросами, то могу упомянуть, что я завел от тридцати до сорока больших папок, которые хранятся в шкафчиках на полках с ярлыками, и в эти папки я могу сразу поместить какую-либо отдельную ссылку или заметку. Я приобретал много книг и в конце каждой из них составлял указатель всех фактов, имеющих отношение к моей работе; если же книга не принадлежит мне, я составляю извлечение из нее,— у меня имеется большой ящик, наполненный такими извлечениями. Прежде чем приступить к работе над каким-либо вопросом, я просматриваю все краткие указатели и составляю общий систематический указатель, и беря одну или несколько соответствующих папок, я имею перед собой в готовом для использования виде все сведения, собранные мною в течение всей моей жизни.

Как я уже сказал, в одном отношении в складе моего ума произошло за последние двадцать или тридцать лет изменение. До тридцатилетнего возраста или даже позднее мне доставляла большое удовольствие всякого рода поэзия, например, произведения Мильтона, Грея, Байрона, Вордсворта, Кольриджа и Шелли, и еще в школьные годы я с огромным наслаждением читал Шекспира, особенно его исторические драмы. Я указывал также, что в былое время находил большое наслаждение в живописи и еще большее — в музыке. Но вот уже много лет, как я не могу заставить себя прочитать ни одной стихотворной строки; недав-

но я пробовал читать Шекспира, но это показалось мне невероятно, до отвращения скучным. Я почти потерял также вкус к живописи и музыке. Вместо того, чтобы доставлять мне удовольствие, музыка обычно заставляет меня особенно напряженно думать о том, над чем я в данный момент работаю. У меня еще сохранился некоторый вкус к красивым картинам природы, но и они не приводят меня в такой чрезмерный восторг, как в былые годы. С другой стороны, романы, которые являются плодом фантазии, хотя и фантазии не очень высокого порядка, в течение уже многих лет служат мне чудесным источником успокоения и удовольствия, и я часто благословляю всех романистов. Мне прочли вслух необычайное количество романов, и все они нравятся мне, если они более или менее хороши и имеют счастливую развязку,— нужно было бы издать закон, запрещающий романы с печальным концом. На мой вкус, ни один роман нельзя считать первоклассным, если в нем нет хотя бы одного героя, которого можно по-настоящему полюбить, а если этот герой — хорошенькая женщина, то тем лучше.

Эта странная и достойная сожаления утрата высших эстетических вкусов тем более поразительна, что книги по истории, биографии, путешествия (независимо от того, какие научные факты в них содержатся) и статьи по всякого рода вопросам по-прежнему продолжают очень интересовать меня. Кажется, что мой ум стал какой-то машиной, которая перемалывает большие собрания фактов в общие законы, но я не в состоянии понять, почему это должно было привести к атрофии одной только той части моего мозга, от которой зависят высшие [эстетические] вкусы. Полагаю, что человека с умом, более высоко организованным или лучше устроенным, чем мой ум, такая беда не постигла бы, и если бы мне пришлось вновь пережить свою жизнь, я установил бы для себя правило читать какое-то количество стихов и слушать какое-то количество музыки по крайней мере раз в неделю; быть может, путем такого [постоянного] упражнения мне удалось бы сохранить активность тех частей моего мозга, которые теперь атрофировались. Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы.

Книги мои широко расходились в Англии, были переведны на многие языки и выдержали по нескольку изданий в иностранных государствах. Мне приходилось слышать утверждение, будто успех какого-либо произведения за рубежом — лучший показатель его непреходящей ценности. Сомневаюсь, чтобы такое утверждение вообще можно было бы считать правильным. Но если судить с такой точки зрения, мое имя, вероятно, на несколько лет сохранит свою известность. Поэтому мне все же стоит, быть может, сделать попытку проанализировать те умственные качества и те условия, от которых зависел мой успех, хотя я отдаю себе отчет в том, что ни один человек не в состоянии осуществить такой анализ правильно.

Я не отличаюсь ни большой быстротой соображения, ни остроумием — качествами, которыми столь замечательны многие умные люди, например Гёксли. Поэтому я плохой критик: любая статья или книга при первом чтении обычно приводят меня в восторг, и только после продолжительного размышления я начинаю замечать их слабые стороны. Способность следить за длинной цепью чисто отвлеченных идей

очень ограниченна у меня, и поэтому я никогда не достиг бы успехов в философии и математике. Память у меня обширная, но неясная: ее хватает настолько, чтобы путем смутного напоминания предупредить меня, что я наблюдал или читал что-то, противоречащее выводимому мною заключению или, наоборот, подтверждающее его, а через некоторое время я обычно припоминаю, где следует искать мой источник. В одном отношении память моя крайне слаба: я никогда не в состоянии был помнить какую-либо отдельную дату или стихотворную строку дольше, чем в течение нескольких дней.

Некоторые из моих критиков говорили: «О, наблюдатель он хороший, но способности рассуждать у него нет!» Не думаю, чтобы это было верно, потому что «Происхождение видов» от начала до конца представляет собою одно длинное доказательство, и оно убедило немало способных мыслить людей. Эту книгу нельзя было бы написать, не обладая известной способностью к рассуждению. Я обладаю порядочной долей изобретательности и здравого смысла, т. е. рассудительности,— в такой мере, в какой должен обладать ими всякий хорошо успевающий юрист или врач, но не в большей, как я полагаю, степени.

С другой стороны, благоприятным для меня, как я думаю, обстоятельством является то, что я превосхожу людей среднего уровня в способности замечать вещи, легко ускользающие от внимания, и подвергать их тщательному наблюдению. Усердие, проявленное мною в наблюдении и собирании фактов, было почти столь велико, каким только оно вообще могло бы быть. И что еще более важно, моя любовь к естествознанию была неизменной и ревностной. На помощь этой чистой любви приходило, однако, и честолюбивое желание снискать уважение моих товарищей натуралистов. С самой ранней юности я испытывал сильнейшее желание понять и разъяснить все, что бы я ни наблюдал, то есть подвести все факты под некоторые общие законы. Все эти причины, вместе взятые, и объясняют то терпение, с которым я мог в течение любого количества лет упорно размышлять над каким-нибудь неразрешенным вопросом. Насколько я могу судить, у меня нет склонности слепо следовать указаниям других людей. Я неизменно старался сохранять свободу мысли, достаточную для того, чтобы отказаться от любой, самой излюбленной гипотезы (а я не могу удержаться от того, чтобы не составить себе гипотезу по всякому вопросу) как только окажется, что факты противоречат ей. Да у меня и не было другого выбора и именно таким образом мне приходилось действовать, ибо — за исключением [теории образования] коралловых рифов — я не могу вспомнить ни единой первоначально составленной мною гипотезы, которая не была бы через некоторое время отвергнута или сильно изменена мною. Это, естественно, вызвало у меня сильное недоверие к дедуктивному методу рассуждения в науках, имеющих одновременно теоретический и практический характер [212]. С другой стороны, во мне не очень много скептицизма, а я убежден, что такой склад ума вреден для прогресса науки. Порядочная [213] доля скептицизма полезна представителям науки, так как позволяет избежать большой потери времени, а между тем мне приходилось встречать немало людей, которые, я уверен, именно в силу этого [т. е. отсутствия у них скептицизма] уклонялись от постановки опытов и наблюдений, хотя эти опыты и наблюдения оказались бы полезными прямо или косвенно.

В качестве иллюстрации приведу самый странный из известных мне случаев. Один джентльмен (как я узнал впоследствии, хороший знаток местной флоры) написал мне из одного из восточных графств [Англии], что в этом году повсеместно семена, или бобы, у обыкновенного полевого боба выросли не с той стороны стручка, как обычно. В своем ответе я просил его сообщить мне об этом более подробно, так как не понимал, что̀ он имеет в виду, но в течение долгого времени не получал от него ответа. Затем в двух газетах, одна из которых выходила в Кенте, а другая в Йоркшире, мне попались заметки, сообщавшие о совершенно замечательном факте: «Все бобы в этом году выросли не с той стороны». Я решил тогда, что должно быть какое-то основание для столь широко распространившегося утверждения. Я пошел поэтому к своему садовнику-старику, родом из Кента, и спросил его, не слыхал ли он чего-нибудь на этот счет. «О, нет, сэр,— ответил он,— наверно, это ошибка — ведь бобы вырастают не с той стороны только в високосные годы, а сейчас у нас год не високосный». Тогда я спросил его, как они растут в обыкновенные годы и как в високосные, и сразу же обнаружил, что он ровно ничего не знает о том, как они растут вообще в любое время, но он упорно стоял на своем.

Спустя некоторое время мой первый информатор, всячески извиняясь, сообщил мне, что не стал бы мне писать в тот раз, если бы не слышал этого утверждения от нескольких культурных фермеров; однако после того он еще раз беседовал с каждым из них, и оказалось, что ни один из них ни в малейшей степени не представлял себе, что̀ собственно он имел в виду. Таким образом, мы имеем здесь дело со случаем, когда убеждение — если только можно назвать убеждением утверждение, с которым не связано никаких определенных представлений,— распространилось почти по всей Англии без всякого подобия доказательства.

За всю мою жизнь мне пришлось столкнуться только с тремя случаями заведомо ложных утверждений, причем одно из них было, пожалуй, мистификацией (научные мистификации не раз имели место), которая тем не менее ввела в заблуждение один американский сельскохозяйственный журнал. Речь шла о получении в Голландии новой породы быков путем скрещивания различных видов рода Bos (относительно некоторых из них я имел случай узнать, что при скрещивании друг с другом они не дают потомства), причем у автора хватило наглости утверждать, что он переписывался со мной и что на меня произвела большое впечатление важность полученных им результатов. Эту статью прислал мне редактор одного английского сельскохозяйственного журнала с просьбой сообщить ему мое мнение о ней до того, как он перепечатает ее [в своем журнале].

Во втором случае сообщалось о нескольких разновидностях, полученных автором от различных видов примулы и принесших спонтанно полный комплект семян, несмотря на то, что доступ насекомых к родительским растениям был нацело исключен. Это сообщение было опубликовано до того, как я открыл значение гетеростилии, и утверждение автора либо целиком представляет собою простой обман, либо же небрежность в исключении доступа насекомых была так велика, что этому трудно даже поверить.

Более любопытен был третий случай. В своей книге о браках между

единокровными родственниками м-р Хат[214] привел несколько длинных выдержек из работы одного бельгийского автора, который утверждал, что он скрещивал кроликов, находившихся в самом близком родстве друг с другом, на протяжении очень большого числа поколений, без каких бы то ни было вредных последствий. Статья эта была напечатана в весьма солидном научном органе — журнале Бельгийского королевского медицинского общества; тем не менее, я не мог освободиться от охватившего меня сомнения — сам не знаю почему, разве лишь по той причине, что в статье не было приведено ни одного неудачного случая, а мой опыт в разведении животных вынуждал меня считать это крайне невероятным[215].

Поэтому после многих колебаний я написал профессору Ван-Бенедену[216] и просил его сообщить, заслуживает ли автор статьи доверия. Из полученного вскоре ответа я узнал, что Общество было глубоко возмущено, так как обнаружилось, что статья эта была сплошным обманом. На страницах журнала Общества от автора публично потребовали, чтобы он сообщил, где он проживает и где содержал столь огромное количество кроликов, необходимых для его опытов, которые должны были длиться несколько лет, но никакого ответа нельзя было от него добиться. Я сообщил бедному м-ру Хату, что статья, которая составила краеугольный камень его доказательств, была лживой, и он самым благородным образом немедленно прислал мне листок [соответствующего содержания], отпечатанный для того, чтобы вложить его в нераспроданные еще экземпляры его книги.

В своих привычках я методичен, и это принесло мне немалую пользу при моем своеобразном способе работы. Наконец, благодаря тому, что я не должен был зарабатывать себе на хлеб, у меня было достаточно досуга. Даже плохое здоровье, хотя и отняло у меня несколько лет жизни, [пошло мне на пользу, так как] уберегло меня от рассеянной жизни в светском обществе и от развлечений.

Таким образом, мой успех как человека науки, каков бы ни был размер этого успеха, явился результатом, насколько я могу судить, сложных и разнообразных умственных качеств и условий. Самыми важными из них были: любовь к науке, безграничное терпение при долгом обдумывании любого вопроса, усердие в наблюдении и собирании фактов и порядочная доля изобретательности и здравого смысла. Воистину удивительно, что, обладая такими посредственными способностями, я мог оказать довольно значительное влияние на убеждения людей науки по некоторым важным вопросам.

3 августа 1876 г.

Этот очерк моей жизни был начат около 28 мая в Хопдене[217], и с тех пор я писал приблизительно по часу почти ежедневно после полудня.

[ДВЕ АНКЕТЫ ЧАРЛЗА ДАРВИНА] *

[I. АНКЕТА 1873 г.] **

[А. Вопросы и ответы, относящиеся к воспитанию]

Образование	Как обучался?	Думаю, что все сколько-нибудь ценное, чему я научился, приобретено мною путем самообразования.
	Способствовало ли обучение развитию навыков наблюдения или ограничивало развитие их?	Ограничивало, поскольку образование имело исключительно классический характер.
	Особые его достоинства?	Абсолютно никаких.
	Главные его недостатки?	Никаких знаний по математике и иностранным языкам, никаких навыков наблюдения и мышления.
	Оказали ли привитые в юности религиозные верования какое-либо сдерживающее влияние на свободу ваших исследований?	Нет.
	Кажутся ли вам ваши научные склонности врожденными?	Конечно, врожденными.
	Сформировались ли они под влиянием каких-либо событий и каких именно?	Моя врожденная склонность к естествознанию прочно укрепилась и приобрела определенное направление благодаря путешествию на «Бигле».

* [Из L. L., том II, стр. 177—179 и 238—239.]

** [28 мая 1873 г. отец послал нижеследующие ответы на анкету, разосланную м-ром Ф. Гальтоном ряду ученых; полученные результаты были опубликованы м-ром Гальтоном в труде «English Men of Science, their Nature and Nurture», 1874. По поводу своих ответов на вопросы отец писал: «Я ответил на вопросы как умел, но я был совершенно неспособен оценить степень того или иного качества».— *Фр. Дарвин*]

Вопрос	*Вы сами*	*Ваш отец.*
Укажите, какие интересы особенно сильно увлекали вас.	Наука и страстное увлечение в юности охотой	
Вероисповедание?	Номинально принадлежу к англиканской церкви	Номинально — к англиканской церкви.
Политические убеждения	Либерал или радикал	Либерал

[Б. Вопросы и ответы, относящиеся к природным особенностям.]

<table>
<tr><td>Здоровье?</td><td colspan="3">В молодости — хорошее, в течение последних 35 лет — плохое</td><td colspan="2">Хорошее на протяжении всей жизни, но страдал подагрой</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Рост и пр.?</td><td>Рост?</td><td>Фигура и пр.?</td><td>Размер головы? (по окружности)</td><td>Рост?</td><td>Фигура и пр.?</td></tr>
<tr><td>6 футов.</td><td>Худощавая; в юности — довольно стройная</td><td>22 1/4 дюйма</td><td>6 футов, 2 дюйма</td><td>Очень широкая и тучная</td></tr>
<tr><td>Цвет волос?</td><td colspan="2">Цвет лица?</td><td>Цвет волос?</td><td>Цвет лица?</td></tr>
<tr><td>Шатен.</td><td colspan="2">Бледноватый*.</td><td>Шатен.</td><td>Румяный.</td></tr>
<tr><td>Темперамент?</td><td colspan="3">Несколько нервозный.</td><td colspan="2">Сангвинический.</td></tr>
<tr><td>Физическая сила и пр.?</td><td colspan="3">Физическая сила и выносливость проявлялись в повышенной активности; пока был здоров, мог хорошо сопротивляться утомлению. Только я и еще один человек оказались способными отправиться на поиски воды для большой группы офицеров и матросов, совершенно обессилевших от усталости. Не-</td><td colspan="2">Большая выносливость, хотя и испытывал заметную усталость, обычно — после консультаций и продолжительных поездок [к больным]; был очень активен, но не беспокоен; вставал очень рано; никогда не путешествовал. Отец говорил о своем отце, что тот часто</td></tr>
</table>

* [Цвет лица у него был скорее румяный, чем бледный.— *Ф. Дарвин.*]

(Продолжение)

Вопрос	*Вы сами*	*Ваш отец*
	которые из моих поездок по Южной Америке были полны приключений. Привык рано вставать по утрам.	чувствовал себя усталым, но работал очень много.
Умственная энергия и пр.?	Она проявилась в упорной и продолжительной работе над одним предметом, например, в 20-летней работе над «Происхождением видов» и 9-летней над «Усоногими».	Обычно проявлял большую активность ума, особенно — в беседах с многочисленными пациентами, непрерывно сменявшими друг друга в течение дня.
Память?	Очень плохая память на даты и заученные наизусть стихи, но хорошая при удерживании некоторого общего или неопределенного воспоминания о многих фактах.	Изумительная память на даты. В старости, когда ему однажды читали вслух книгу, прочитанную им некогда в юности, вспомнил фразы, следовавшие за прочитанным вслух отрывком; помнил дни рождения, смерти и пр. всех друзей и знакомых.
Прилежание?	Очень усерден, но без достаточной сноровки.	Не очень прилежен и не очень умственно восприимчив, за исключением фактов, сообщавшихся во время бесед: большой охотник собирать анекдоты.
Независимость суждений?	Полагаю, что я вполне независим, но примеров привести не могу. Я отказался от общепринятых религиозных верований, почти независимо от моих личных соображений.	Свободомыслящий в религиозных вопросах. Либерал с некоторой тенденцией к торизму.
Оригинальность, или эксцентричность?	X. думает, что это относится ко мне; я этого не думаю, поскольку речь идет об эксцентричности. Пола-	Оригинальный характер, оказывал сильное личное влияние, умел внушать к себе страх.

(Окончание)

Вопрос	*Вы сами*	*Ваш отец*
	гаю, что в области науки я проявил оригинальность, так как сумел сделать открытия в отношении обыкновенных объектов.	Вел все свои счета с большой тщательностью, но своеобразно — в большом количестве отдельных маленьких книг вместо одного гроссбуха.
Особые таланты?	Никаких, если не считать деловых, выражающихся в умении хранить счета, вести корреспонденцию, выгодно помещать сбережения. Очень методичен во всех своих привычках.	Практик-делец, составил себе большое состояние и не понес никаких потерь.
Сильно выраженные умственные способности, связанные с научными успехами, но не упомянутые выше?	Настойчивость, большая любознательность по отношению к фактам и их смыслу. Некоторая любовь к новому и необычайному.	Сильно выраженная любовь к людям и большая симпатия к радостям других людей. Любознательность по отношению к фактам. Хорошо умел предвидеть ход событий. Не много общественного духа, но с большим великодушием оказывал денежную и иную помощь другим людям.

[II. АНКЕТА 1879 г.]*

Анкета по вопросу о способности сохранять зрительные представления

	Вопросы	*Ответы*
1.	Освещение?	Умеренное, но я завтракал один, очень рано, и утро было сумрачное.
2.	Четкость?	Некоторые предметы были видны вполне отчетливо: ломтик холодного мяса, несколько виноградинок и груша, вид тарелки после того, как я закончил еду, и некоторые другие предметы были столь же отчетливы, как если бы передо мной были их фотографии.
3.	Полнота [восприятия]?	Очень умеренная.
4.	Окраска?	Перечисленные выше предметы вполне различались по окраске.
5.	Охват поля зрения?	Довольно небольшой.
	Различные виды образов:	
6.	Страницы с печатным текстом?	Не могу припомнить ни единой фразы, но помню место фразы на странице и характер шрифта.

* [В 1879 г. Ф. Гальтон, готовя свой труд «Inquires into Human Faculty», вышедший в свет в 1883 г., разослал ряду лиц анкету по вопросу о запоминании зрительных представлений. В качестве объекта для испытания этой способности Гальтон предложил взять стол, накрытый для утреннего завтрака. Этому соответствуют и ответы Ч. Дарвина. В письме к Гальтону Ч. Дарвин писал по поводу этой анкеты (в ноябре 1879 г.) следующее: «Я ответил, как мог, на вопросы, но ответы получились жалкие, ибо я никогда не пытался заглянуть в свой собственный ум. Если и другие ответы не лучше моих, то ничего хорошего из Вашего опроса не получится. Не думаете ли Вы, что Вам следовало бы знать возраст отвечающего? Думаю так потому, что я могу вспомнить лица многих моих школьных товарищей, которых я не видел в течение шестидесяти лет, *с большой отчетливостью*, между тем как теперь я могу говорить с человеком целый час, видеть его несколько раз подряд, но через какой-нибудь месяц я абсолютно не способен вспомнить, как он выглядит. Образ его оказывается совершенно исчезнувшим для меня».— *Ф. Дарвин.*]

(Окончание)

	Вопросы	*Ответы*
7.	Мебель?	Никогда не обращал на это внимания.
8.	Лица?	Я живо помню лица людей, каторых я хорошо знавал в прошлом, и могу [мысленно] заставить их сделать все, что я пожелаю.
9.	Пейзаж?	Воспоминание живое и отчетливое, и оно доставляет мне удовольствие.
10.	География?	Нет.
11.	Военные эволюции?	Нет.
12.	Механизмы?	Никогда не пробовал.
13.	Геометрия?	Не думаю, что у меня есть хоть малейшая способность к этому.
14.	Числа?	Когда я думаю о каком-нибудь числе, перед моим воображением возникают печатные цифры. Я не могу удержать в памяти больше часа четыре последовательных числа.
15.	Игра в карты?	Не играл уже много лет, но уверен, что не запомнил бы.
16.	Шахматы?	Никогда не играл.

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ЖИЗНЬ ЭРАЗМА ДАРВИНА

1879

Д-р Эразм Дарвин.

Портрет работы Дж. Райта, находящийся в Национальной портретной галерее в Лондоне

ПРЕДИСЛОВИЕ

В февральском номере широко известного немецкого научного журнала «Kosmos» за 1879 г. д-р Эрнст Краузе[1] напечатал статью о жизни Эразма Дарвина, автора «Зоономии», «Ботанического сада» и других произведений. Заглавие этой статьи: «Материалы к истории эволюционной теории». Д-р Краузе любезно разрешил моему брату Эразму и мне издать перевод ее в Англии *.

Имея в руках семейные материалы, позволяющие расширить наши сведения о личности Эразма Дарвина, я написал вступительную статью (к переводу работы д-ра Краузе). Материалы эти состоят из обширного собрания писем, им написанных; из его записной книги in folio, при-

* Перевод сделан м-ром Далласом[2]; его научная репутация и знание немецкого языка гарантируют точность перевода.

надлежащей его внуку Реджинальду Дарвину; из нескольких заметок, написанных вскоре после его смерти моим отцом, д-ром Робертом Дарвином, а также из того немногого, что я в состоянии ясно вспомнить из рассказов о нем моего отца; далее, из нескольких сообщений его дочери Вайолетты Дарвин — миссис Тертиус Гальтон в замужестве,— записанных впоследствии ее дочерьми, и из различных кратких заметок, появившихся в печати. К этому следует добавить книгу мисс Сьюорд [3] «Воспоминания о жизни д-ра Дарвина», вышедшую в 1804 г., а также содержащую много полезных справок и замечаний лекцию д-ра Даусона «Эразм Дарвин — философ, поэт и врач» [4], изданную в 1861 г.*

* После опубликования статьи д-ра Краузе вышла в свет работа м-ра Батлера [5] «Evolution, Old and New» (1879), которая содержит очерк жизни д-ра Дарвина, составленный по двум вышеуказанным книгам, и изложение его взглядов на эволюцию.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА [6]

Эразм Дарвин происходил из линкольнширской семьи. Первый из его предков, о котором нам что-либо известно, был Уильям Дарвин, владевший небольшим поместьем в Клитеме *. Он был также иоменом Гринвичского арсенала [7] при Иакове I и Карле I. Эта должность была, вероятно, не более чем синекурой и, конечно, очень плохо оплачивалась. Он умер в 1644 г., мы имеем основание полагать, от подагры. Вероятно поэтому, что Эразм, так же как и многие другие члены семьи, унаследовал от этого Уильяма или от кого-либо из его предшественников их сильное предрасположение к подагре, и именно ранний припадок подагры сделал Эразма на всю его жизнь горячим поборником трезвости.

Второй Уильям Дарвин (родившийся в 1620 г.) служил капитан-лейтенантом в кавалерийском эскадроне сэра У. Пелхема и сражался за короля [8]. Его поместье было секвестровано Парламентом, но впоследствии он был помилован с условием уплаты большого денежного штрафа. В прошении на имя Карла II он говорит, что преданность делу короля привела его почти к полному разорению. По-видимому, он стал барристером [9],— обстоятельство, которое, вероятно, и привело его к женитьбе на дочери Эразма Эрла, адвоката, выступавшего в самых высших судебных инстанциях [10]. Отсюда и происходит имя Эразма Дарвина, полученное им при крещении.

Старший сын от этого брака, Уильям (родившийся в 1655 г.), женился на наследнице Роберта Уоринга из Уилсфорда в графстве Ноттингем. Эта леди получила в наследство также и поместье Элстон, которое с тех пор уже всегда оставалось во владении семьи Дарвинов.

У этого третьего Уильяма Дарвина было два сына — Уильям и Роберт; последний получил образование барристера. Он-то и был отцом Эразма. Я полагаю, что имения Клитем и Уоринг достались Уильяму, у которого, кажется, не было никакой профессии, а поместье Элстон получил Роберт, ибо последний, женившись, прекратил свои занятия адвокатурой и жил с тех пор постоянно в Элстоне. В Элстон-Холле есть его портрет: большой парик и широкий воротник придают ему вид достойного доктора богословия. У него была, как будто, некоторая

* Бóльшая часть Клитемского поместья была продана в 1760 г. Дом с толстыми стенами, несколько рыбных прудов да старые деревья одни только и напоминают о месте, где некогда стоял «Old Hall» [«Старый дом»]. Поле до сих пор называется «Darwin Charity» [«Милостыня Дарвина»], напоминая об обязанности, взятой на себя второй миссис Дарвин,— покупать ежегодно одежду для четырех старых вдов.

склонность к науке, так как он являлся одним из старейших членов хорошо известного Сполдинг-Клуба [11]. Прославленный археолог д-р Стакли [12] начинает свою статью «An account of the almost entire Sceleton of a large animal» и т. д. [«Сообщение о почти полном скелете крупного животного»], напечатанную в «Philosophical Transactions» за апрель и май 1719 г., следующими словами: «Я получил от моего друга Роберта Дарвина, эсквайра, члена Линкольнской коллегии адвокатов, интересующегося редкостями, сообщение об отпечатке на камне человеческого скелета, найденного недавно священником Элстонского прихода» и т. д. Стакли говорит далее об этом, как о большой редкости: «Насколько мне известно, ничего подобного никогда еще до этого времени не наблюдали в Англии». Судя по своего рода литании [13], написанной Робертом и передававшейся затем в семье из одного поколения в другое, он был ревностпым сторонником трезвости, которую его сын проповедовал впоследствии с такой настойчивостью:

«От утра, смертью грозящего,
От сына, вино цедящего,
От жены, по латыни говорящей,
Милостивый боже, избавь меня».

Подозревают, что третья строчка относилась к его жене, матери Эразма, которая была весьма ученой леди [14].

Старший сын Роберта, в крещении Роберт Уоринг, получил в наследство поместье Элстон, где он и умер холостяком в возрасте девяноста двух лет. У него была сильная склонность к поэзии, так же как и у его младшего брата Эразма. Роберт занимался также ботаникой и, будучи уже пожилым человеком, напечатал свои «Principia Botanica» [«Основания ботаники»] [15]. Рукопись этого сочинения была написана прекрасным почерком, и мой отец говорил, что, по его мнению, она была издана потому, что его старый дядя не мог примириться с тем, чтобы столь изящная каллиграфия пропала зря. Но это едва ли справедливо, так как в сочинении имеется много любопытных замечаний по биологии,— предмету, находившемуся в полном пренебрежении в Англии в прошлом столетии. Публика, несомненно, высоко оценила эту книгу, ибо принадлежащий мне экземпляр является уже третьим изданием.

О втором его сыне, Уильяме Олви, мне ничего неизвестно. Третий сын, Джон, стал священником Элстонского прихода, являвшегося наследственным уделом семьи. Четвертым сыном, самым младшим из детей, был Эразм, которому и посвящено настоящее сочинение. Он родился в Элстон-Холле 12 декабря 1731 г.

Его старший брат, Роберт, в письме к моему отцу (от 19 мая 1802 г.) свидетельствует, что Эразм «всегда любил поэзию. Он постоянно увлекался также механикой. Я вспоминаю, как он, будучи еще совсем юным, устраивал какой-то замысловатый звонок для своих часов (будильник?); он имел также обыкновение показывать несложные опыты по электричеству при помощи простого аппарата, который он сам смастерил из бутылки». Таким образом, у него уже очень рано обнаружились те же склонности, которые преобладали в нем до дня его смерти. «Он всегда недолюбливал слишком длинные прогулки и сельские

Элстон-холл. Дом, в котором родился Э. Дарвин.

Вид дома до 1754 г.

развлечения, и только с большим трудом удавалось иногда убедить его сопровождать нас».

Десяти лет от роду (в 1741 г.) он был отдан в Честерфилдскую школу, где пробыл девять лет. Его сестра Сусанна писала ему в школу в 1748 г.; в качестве курьеза я приведу отрывок из ее письма. Она была тогда молодой девушкой восемнадцати или девятнадцати лет. Она умерла девицей, и ее племянник, д-р Роберт Дарвин (мой отец), который был глубоко привязан к ней, отзывался всегда о ней, как о наилучшем образце старой леди, привлекательной, кроткой, ласковой и милосердной и страстно любившей цветы. Первая часть ее письма заполнена болтовней и семейными новостями, и приводить ее не стоит.

Сусанна Дарвин — Эразму

Дорогой брат,

Я перехожу теперь к главной цели моего письма, а именно — познакомить тебя с тем, как я воздерживаюсь от пищи в нынешний великий пост; на обороте этого письма ты найдешь точный отчет о первых пяти днях, а все остальные дни были похожи на эти; я буду рада получить и от тебя отчет о твоей умеренности в еде в течение нынешнего поста, которая, я надеюсь, далеко превосходит мою. Как только мы зарежем нашу свинью, я намерена принять участие совместно со всей семьей в съедении ее, ибо один ученый богослов разъяснил мне, что свиное мясо — рыба, и так это стало с тех самых пор, как дьявол вошел в свиней, и они вверглись в море; если ты и остальные казуисты,

тебя окружающие, того же мнения, то это было бы большим удовлетворением для меня в разрешении столь затруднительного вопроса совести. Пока это все, и я заканчиваю всеми надлежащими пожеланиями тебе и брату.

Твоя любящая сестра,

С. Дарвин

Дневник Великого Поста

Элстон, 20 февраля 1748 г.

В среду 8 февраля утром встала незадолго до семи; прочитала молитвы; работала до восьми; затем гуляла, вернулась и съела крохотную булочку, потом оделась, прочла главу из библии и пряла до часу; пообедала умеренно, а именно: пуддинг и хлеб с сыром; пряла опять до четырех, гуляла, потом пряла до половины шестого; съела яблоко, болтала, сидя у камина; в семь немного кипяченого молока, и затем (распростившись с картами накануне вечером) пряла до девяти; выпила стакан вина ради желудка и в десять удалилась в свою комнату на молитву; завела будильник и поставила звонок между шестью и семью.

В четверг была разбужена на молитву звонком будильника; пряла до восьми; собрала яйца из-под кур; на завтрак — овсяные лепешки и чай из листьев лимонной мяты; потом оделась и пряла до часу; гороховый суп, картофель и яблочный пирог; потом перелистала несколько страниц Скриблеруса [16], съела яблоко и принялась за работу; в семь получила кусок яблочного пирога и молоко, с половины девятого читала «Болтуна» [17], а в десять удалилась на молитву; спала крепко; встала еще до семи; съела грушу; завтрак в четверть девятого; покормила кошек, пошла в церковь; в час гороховый суп, пудинг, хлеб и сыр; в четыре пришла миссис Чеппелс; в пять пила чай; в шесть съела пол-яблока; в семь — мисочку кипяченого молока; читала «Болтуна»; в восемь стакан пунша; свободное время в этот день провела за работой, как и в прежние дни.

В субботу часы отстали, и я лежала в постели дольше обычного; прочитала молитвы и позавтракала в восемь; в час — бульон, пудинг, капуста с яйцами и яблочный пирог; в пять — яблоко, в семь — яблочный пирог, хлеб с маслом; в девять — стакан вина; в десять — молитвы.

В воскресенье завтрак в восемь; в десять пошла в часовню; в 12 — клёцки, копченая селедка, хлеб с сыром; в два пошла в церковь; читала великопостное поучение в шесть; в семь — яблочный пирог и хлеб с сыром.

Извини за спешку, мне очень холодно.

Эразм, в возрасте 16 лет,— Сусанне Дарвин

Дорогая сестра,

Я получил твое письмо спустя почти две недели после указанной в нем даты и должен просить извинения за то, что не ответил на него раньше; помимо того, у меня имеются и некоторые существенные причины: мне хотелось дождаться конца великого поста, чтобы я мог поручиться за свое воздержание в еде за все время, и не имел подходящего случая посоветоваться с Синодом моих ученых друзей относительно

твоей изобретательной совести; должен сообщить тебе, что мы единодушно принимаем мнение упомянутого тобой ученого богослова, что свинья — это действительно рыба, но тогда это дьявольский сорт рыбы, и мы можем доказать на основании того же авторитетного источника, что всякая рыба есть мясо; отсюда мы утверждаем, что свинина не только есть мясо, но и некий дьявольский сорт мяса, и я бы посоветовал тебе для спокойствия твоей совести воздержаться полностью и не вкушать его; именно так, уверяю тебя, поступал я, несмотря на то, что жареная свинина подавалась к столу несколько раз; лично я питался пудингом, молоком и овощами весь этот великий пост; но не пойми меня превратно: я не хочу сказать, что я не притрагивался к ростбифам, баранине, телятине, гусю, курице и т. д., ибо что они все такое? Всякая плоть — трава! Если бы я дал тебе свой дневник за неделю, он оказался бы настолько переполненным переводами греческих и латинских стихов, упражнениями на заданные темы, упражнениями в комментировании и т. п., что это было бы не только утомительно и нудно, но и совершенно непонятно для кого-либо, кроме школьников.

Я полагаю, ты забыла сообщить мне в своем письме, поправилась ли твоя щека благодаря твоей умеренности в еде, однако я легко могу предположить это. Ибо воздержанный пользуется вечно цветущим здоровьем, он освобожден от всяких зараз и расстройств, которым подвержены смертные, предающиеся излишествам; пусть коварное племя лекарей, лишившихся своих доходов, пребывает в нищете и нужде, пусть они проклинают род человеческий, заклинают богов и призывают мать всех болезней, роскошь, более губительную, чем самый острый голод, развратить человечество; но хотя бы все недуги, которые сатана наслал когда-то на Иова, угрожали предающемуся излишествам, вокруг наших голов они будут витать без всякого вреда, не смея коснуться ни единого волоса. Тогда мы уже не будем больше встречать эти бледные, худые и изможденные лица, каждый день появляющиеся теперь перед нами. Несомненно, люди будут жить до ста лет, и Мафусаил утратит свою славу; лихорадка будет изгнана с наших улиц, хромая подагра убежит из страны, каменная болезнь будет предана забвению и сама смерть будет умерщвлена.

Я мог бы еще долго поносить излишества и восхвалять воздержание, если бы я и без того не злоупотребил уже твоим терпением, но так как теперь пост и упражнение в христианской добродетели может оказаться нелишним, то я продолжу еще немного... [Конец письма трудно, а местами и совсем невозможно разобрать; письмо не подписано.— *Ч. Д.*]

P. S. Извини за спешку, зовут ужинать, очень голоден.

Судя по двум письмам,— первое из них написано в 1749 г., во время каникул, одному из младших преподавателей, а другое — старшему преподавателю вскоре после перехода в Кембридж, в 1750 г.,— он испытывал, по-видимому, необычные для школьника чувства уважения, благодарности и привязанности к некоторым из своих преподавателей. К обоим этим письмам были приложены неизбежные образцы стихов, причем те, которые были обращены к старшему преподавателю, довольно значительной длины и представляют собой подражание пятой сатире Персия [18]. Два старших брата учились вместе с ним в Колледже Сент-Джонса в Кембридже, и это было, по-видимому, чрезвычайно

обременительно для бюджета их отца. Вследствие этого они старались соблюдать во всем бережливость и достойную уважения экономию, настолько, что сами чинили свою одежду, и много лет спустя Эразм хвастался своей второй жене, что, если она вырежет пятку из чулка, он сумеет ввязать новую, не спустив ни одной петли. Он получил Эксетерскую стипендию в Сент-Джонсе, но она составляла только 16 фунтов в год. Во время пребывания в Кембридже он, несомненно, изучал классиков и до конца своей жизни продолжал заниматься ими, что видно из многочисленных цитат в его последнем произведении «Храм Природы». Должно быть, в небольшом объеме он изучал и математику, так как на экзамене на степень бакалавра искусств в 1754 г. он оказался первым в группе Junior Optimes [19]. Не пренебрегал он также и медициной; он даже уехал из Кембриджа на один семестр, чтобы прослушать лекции Гёнтера [20] в Лондоне. Само собой разумеется, что, будучи в Кембридже, он писал стихи, и его поэма «The Death of Prince Frederick» [«Смерть принца Фредерика»], написанная в 1751 г., была напечатана много лет спустя, в 1795 г., в журнале «European Magazine».

Осенью 1754 г. он переехал в Эдинбург для изучения медицины и, живя там, был, по-видимому, столь же строго экономен, как и в Кембридже; так, среди его бумаг есть запись его расходов на питание за время от 13 июля до 13 октября, и они составляют всего лишь 6 фунтов 12 шиллингов. М-р Кейр, впоследствии выдающийся химик [21], учился в Эдинбурге одновременно с ним; после его смерти м-р Кейр писал моему отцу (12 мая 1802 г.): «Знакомство с классическими авторами и с литературой, приобретенное им в Кембридже, наряду с его поэтическим талантом и находчивым остроумием доставили ему, когда он приехал в Эдинбург, заметное превосходство среди тамошних студентов. Все до единого вышеупомянутые профессора [лекции которых он посещал.— *Ч. Д.*], за исключением д-ра Уитта, были учениками прославленного Бургава [22], чьи доктрины принимались тогда без возражений. Было бы любопытно знать (но только он сам мог бы сказать нам это), каким путем развились воззрения Вашего отца от узкой теории Бургава, рассматривавшей человека как гидравлическую машину, трубки которой наполнены жидкостью, поддающейся химическим брожениям, и подвержены засорениям, или закупоркам (а эти закупорки и брожения и считались причиной всех болезней), до более широкого взгляда на человека как на *живое существо,* в котором явления здоровья и болезни выражают нечто большее, чем чисто механические и химические свойства. Правда, примерно в это же самое время д-р Куллен [23] и другие врачи начали сбрасывать с себя иго Бургава; но по тонким наблюдениям законов ассоциации, свойств и явлений животной жизни, как они описаны д-ром Дарвином, ясно видно, что его система является плодом его собственного ума».

У меня имеется только еще одно свидетельство о его жизни в Эдинбурге — это письмо к его другу, д-ру Оксу [Okes] из Эксетера, написанное им вскоре после смерти его отца (в 1754 г.), когда ему было двадцать три года *. В нем нашло выражение скептическое направление его ума, проявившееся, когда он был еще совсем молодым человеком.

* Это письмо было опубликовано одним из потомков д-ра Эразма Дарвина в журнале «Gentleman's Magazine», окт. 1808 г., т. LXXVIII, ч. II, стр. 869.

Эразм Дарвин — д-ру Оксу

Вчерашняя почта принесла мне неприятное известие об уходе моего отца из этого грешного мира.

Он был скорее человеком здравого смысла, чем ученым; он усердно изучал право даже тогда, когда он уже не вел и не ожидал никаких дел. Он был бережлив, но не скуп; очень нежен к своим детям, но держал их всегда на некотором почтительном расстоянии. Он прожил честную и трудолюбивую жизнь и произвел на свет семерых здоровых детей, которые должны следовать его примеру.

Ему было 72 года, и он скончался 20-го сего ноября 1754 года. «Блаженны, умирающие в господе».

Что существует некое высшее Ens Entium [Существо существ], создавшее эти удивительные живые творения,— математическая аксиома. Но не так очевидно, что Оно влияет на ход событий посредством особого прови́дения. По моим взглядам, вероятность против этого, так как общих законов, по-видимому, достаточно для этой цели. Скажем ли мы, что нет необходимости в особом прови́дении для обращения нашей Планеты вокруг Солнца, и вместе с тем будем утверждать, что оно необходимо для того, чтобы выпало cinque [пять] или quatorze (четырнадцать], когда мы встряхиваем коробку с костями? или чтобы дать каждому его хлеб насущный? Природа не дает нам ни единого довода в пользу будущей жизни; это — единственное, что могло бы осуществиться только с помощью Бога, так как тот, кто создал нас из ничего, может, конечно, воссоздать нас вновь, и мы смиренно уповаем, что Он сделает это. Мне нравится эпитафия герцога Бакингемского: «Pro Rege saepe, pro Republika semper, dubius, non improbus vixi; incertus, sed inturbatus morior. Christum advenero, Deo confido benevolenti et omnipotenti, Ens Entium, miserere mei!» [«Часто — слуга государя и всегда — слуга государства, я прожил свою жизнь в сомнениях, но не бесчестно. Умираю в неведении, но безмятежно. Припадаю ко Христу, уповаю на Бога, благостного и всемогущего; Сущее Сущих, помилуй меня!»].

Эразм Дарвин

Выражение «неприятное известие» по отношению к смерти отца звучит очень странно для наших ушей, но, очевидно, он пользуется словом «неприятное» там, где мы сказали бы «прискорбное». Так, в прочувствованном письме к Джосайе Веджвуду, знаменитому гончару, написанном четверть века спустя (29 ноября 1780 г.) по поводу смерти их общего друга Бентли [24], он говорит, имея в виду смерть своего собственного сына, что ничто, кроме усилия воли, не может отогнать «*неприятные* мысли о нашей утрате».

В 1755 г. он вернулся в Кембридж и получил степень бакалавра медицины. Затем он вновь отправился в Эдинбург и в самом начале сентября 1756 г. устроился врачом в Ноттингеме. Здесь, однако, из-за отсутствия пациентов, он прожил всего только два или три месяца. Во время пребывания в Ноттингеме он написал несколько писем — одни по-латыни, другие по-английски — своему другу, сыну знаменитого немецкого философа Реймаруса. Их тесно связывал общий интерес

к механике и медицине *. Эразм посвятил также молодому Реймарусу поэму, написанную по поводу получения последним ученой степени в Лейдене в 1754 г. Различные вопросы обсуждались ими, включая дикие измышления Эразма о сходстве между деятельностью человеческой души и электрическими действиями,— но эти письма не заслуживают опубликования. В одном из них он говорит: «Кажется, позабыл рассказать, как д-р Хилл [Hill] составляет свой «Травник» [когда-то это была очень известная книга.— *Ч. Д.*]. Он добыл несколько деревянных досок с гравюрами из какого-то старинного травника, и человек, которому поручено расчистить их, зачищает какую-нибудь веточку на одних досках и вырезает веточку или листок на других, чтобы сделать их неузнаваемыми. Я узнал об этом от моего друга, м-ра Г. [G — y], часовщика, которому этот штопальщик гравюр сам рассказал все, добавив: „Я теперь ежедневно создаю такие растения, каких Бог никогда и во сне не видал“». Из одного из его писем к Реймарусу видно также, что Эразм переписывался в то время насчет стенографии с Гёрнеем [Gurney], автором широко известной книги по этому предмету. Будучи еще очень молодым, он исписал шесть толстых тетрадей стенографическими записями и в течение некоторого времени продолжал пользоваться этим способом письма.

Несколько из его писем к Реймарусу относятся к случаю, по-видимому, особенно интересовавшему д-ра Дарвина. Он направил или содействовал направлению одного рабочего к лондонскому хирургу, м-ру Д., для серьезной операции. У Реймаруса и д-ра Дарвина произошло, по-видимому, какое-то недоразумение с хирургом, так как они ожидали, что он сделает эту операцию бесплатно. Д-р Дарвин пишет Реймарусу. «Я очень огорчился, узнав, что Д. взял шесть гиней с бедного молодого человека. У него нет ничего, кроме того, что ему дает тяжелая работа; он очень расстроен всем этим делом, стоившим ему сверх всего еще почти 30 фунтов стерлингов, так как в гостинице, где он лежал [будучи больным], его здорово обсчитали... Когда он вернется, я пошлю ему две гинеи. Я просил бы Вас не говорить моему брату, что я посылаю ему эти деньги».

Трудно понять, почему нельзя было рассказать его брату об этом добром поступке. Из двух других писем видно, что д-р Дарвин написал своему другу-хирургу анонимное письмо, выражавшее недовольство тем обстоятельством, что хирург взял плату за операцию; но будучи заподозрен в этом дискредитирующем поступке, д-р Дарвин не признал себя автором письма. Он писал Реймарусу (Ноттингем, 9 сентября 1756 г.): «Вы говорите, что подозрение в авторстве его [т. е. анонимного письма.— *Ч. Д.*] падает на меня и, наряду со мной, еще на какую-то зловредную особу, проживающую где-то в другом месте, и что было бы желательно, чтобы я, как джентльмен, высказался по поводу этого. Итак, во-первых, говоря по чести, я не должен скрывать своего удовольствия по поводу того, что находятся еще люди, которые берутся отомстить за проступки, не подлежащие ведению закона, и я надеюсь, что м-р Д. не будет оскорблен таким заявлением, особенно раз он не знал,

* Я очень благодарен сыну д-ра Зивекинга [Sieveking], который привез в Англию оригиналы этих писем, сохраненные потомками Реймаруса [25], за предоставление мне разрешения сфотографировать их.

как Вы говорите, о нужде того человека. Во-вторых, раз подозревается и другое лицо, я не стану говорить, автор я или нет, так как я не думаю, что автор заслуживает наказания за то, что сообщил м-ру Д. о допущенной им ошибке. Вы называете это письмо „письмом, содержащим угрозу“, а затем говорите, что автор претендует на то, чтобы считать себя другом м-ра Д. Несмотря на подробности, Вами сообщаемые, это является противоречием, которого я не понимаю». В постскриптуме он добавляет, что Реймарус может показать это письмо м-ру Д. Анонимное письмо достигло своей цели, так как хирург вернул четыре гинеи, и д-р Дарвин считал вероятным, что в конце концов он вернет и остальные две.

В ноябре 1756 г. Эразм поселился в Личфилде, и здесь, можно сказать, началась его настоящая жизнь, так как именно здесь и в Дерби или около Дерби, куда он переехал в 1781 г., он опубликовал все свои труды. Благодаря двум или трем удачно прошедшим случаям [излечения больных] он вскоре получил небольшую врачебную практику в Личфилде; ему было тогда двадцать пять лет. Через год (в декабре 1757 г.) он женился на мисс Мэри Говард, семнадцати-восемнадцати лет, которая, судя по всему, что я слышал о ней, и по нескольким ее письмам, была незаурядной и очаровательной женщиной. Она умерла после долгой и тяжкой болезни в 1770 г. Они были, по-видимому, очень счастливы в течение тринадцати лет их совместной жизни, и муж нежно ухаживал за ней во время ее последней болезни. Мисс Сьюорд приводит *, из вторых рук, ее длинную речь, заканчивающуюся словами: «Он продлил мои дни и сделал их счастливыми». Это, вероятно, правда, но ко всем сообщениям мисс Сьюорд нужно относиться с осторожностью, и вряд ли возможно, чтобы столь длинная речь могла быть передана сколько-нибудь точно.

Следующее письмо было написано Эразмом за четыре дня до его свадьбы с мисс Говард.

Эразм Дарвин — Мэри Говард

Дарлстон, 24 дек. 1757 г.

Дорогая Полли [26],

Перебирая старые заплесневевшие фолианты, которые были сложены на полке стенного шкафа в моей спальне, я нашел одну книгу и, смахнув с нее пыль при помощи мехов, обнаружил, что это рецептурная книга, без сомнения, принадлежавшая некогда какой-нибудь доброй старой леди из нашей семьи. Титульный лист (в той части, которую пощадили крысы) сообщает нам, что это «a Book off verry monny muckle vallyed Receipts bouth in Kookery and Physicks» [«Книга, содержащая великое множество драгоценных рецептов как по части кулинарии, так и по части медицины»]. На одной странице было: «Как приготовить тесто для пирога»; на другой — «Как приготовить заварное тесто», «Как приготовить тесто для сладкого пирога» и, наконец, «Как приготовить любовь». «Этот рецепт,— сказал я,— должно быть, любопытен, я пошлю его мисс

* «Memoirs of the Life of Dr. Darwin», 1804, стр. 11—14.

Говард с ближайшей почтой, каков бы ни был способ его приготовления». Итак, вот он: «Как приготовить любовь.— Возьми цветы гвоздики [нежность] и розмарина [верность], каждых столько, сколько понадобится. К первым из них прибавь лунник [скромность] и садовую руту [изящество], а ко вторым очанку [утеху глаз] и сердечник,— каждых по большой горсти; перемешай их и, хорошенько измельчив, прибавь одну свинцовку [солидность], две веточки анютиных глазок [сердечный покой] и немного тимьяна [время]. Из этого получается превосходное блюдо, probatum est [снискавшее одобрение]. Некоторые добавляют туда еще руту [угрызения совести], кукушкины слёзки [неверность], заразиху [притворство], большой петуший гребень [щегольство] и фиалки [страстность], но они совершенно отнимают у этого блюда аромат и вкус; я даже не одобряю сельдерея [пикантность], который многие хорошие повара советуют добавлять туда. Я часто видел, как это блюдо со всеми названными приправами отталкивалось за столом Возвышенных людей, где никто не желал есть его, настолько самый вид его был неприятен» [27].

Далее следовал «Другой рецепт приготовления любви», который наначинается так: «Возьми два бараньих сердца, проткни их много раз насквозь вертелом, чтобы они стали мягкими, поставь их на сильный огонь и затем, взяв пригоршню...»,—тут Время своими длинными зубами отгрызло всю остальную часть этой страницы. Верхняя строчка следующей страницы гласит: «Как приготовить честного человека». «Это блюдо не ново для меня,—сказал я,—и кроме того, это считается теперь очень старомодным, я не стану читать этого». Затем следовало: «Как приготовить хорошую жену». «Пф! — продолжал я,— одна знакомая мне молодая леди из Личфилда умеет приготовлять это блюдо лучше всех на свете, и она обещала угощать меня им иногда»,— и с этим, в раздражении, я отбросил книгу и решил на этот раз не читать больше. Если я вновь открою ее завтра, то какие бы курьезные и полезные рецепты я там ни встретил, моя дорогая Полли может ждать об этом отчета в следующем письме.

Я имел удовольствие получить Ваше последнее письмо и рад слышать, что простуда прошла, но я не вижу, почему она может удержать Вас от посещения концерта, раз она уже прошла. Мы пьем здесь каждый день за Ваше здоровье, под именем Дульцинеи Тобосской, и я сказал миссис и мисс Джервис, что мы должны были венчаться вчера, по поводу чего они дразнили меня весь вечер. Я ничего не слыхал до сих пор о лихорадке мисс Флетчер. Я обязательно увижу Тебя в среду вечером, бумаги находятся в моем доме и могут быть отосланы в ту же ночь, и, если для получения разрешения [на брак] требуется время (ведь я ровно ничего не смыслю в этих вещах), я был бы рад, если бы м-р Говард заказал его, и таким способом, дорогая Полли, мы закончили бы обряд венчания к восьми часам следующего утра, прежде чем хотя бы одна душа в Личфилде сможет узнать о моем возвращении домой. Если разрешение [на брак] может быть получено накануне, я желал бы, чтобы это было отложено до позднего вечера, ибо Голос Молвы слишком быстро распространяет каждую новость в таком небольшом местечке, как Личфилд. Я думаю, что это наилучший план, потому что, отложив все дело на несколько дней после моего возвращения, мы могли бы способствовать только тому, чтобы доставить случай глазам и языку Наглости под-

карауливать и дразнить нас. Этой же почтой я извещу мою сестру, чтобы все было готово и дом был прибран; я хочу, чтобы Вы дали ей указания относительно разных мелких дел, которых я не могу припомнить, вроде пирога, о котором Вы упоминали,— укажите ей, кто и когда должен приготовить его и т. д. Я буду просить ее посетить Вас с этой целью. Может быть, мисс Нелли Уайт не следовало бы знать точное время [венчания] ранее ночи накануне, но это — как Вы желаете, так как я... [неразборчиво.— *Ч. Д.*]. Вы можете положиться на ее уменье хранить тайну, да и неважно, если кто-нибудь и узнает. Супружество, моя дорогая Девочка, несомненно, дело серьезное (если вообще существуют серьезные дела), так как это — дело на всю жизнь; но так как мы уже все обдумали и решили, не будем *пугаться* этой перемены жизни; или, по крайней мере, пусть ни одно живое существо не заметит, что мы испытываем страх или радость из-за этого события, ибо я глубоко убежден, что самые лучшие из друзей, которым доверяешь свои тайны (хотя бы они и были испытаны в тысяче других случаев), скорее удержат во рту горячий уголек, чем умолчат о чем-нибудь смешном, подмеченном ими у новобрачной парочки! Я распорядился доставить бумаги м-ру Говарду, чтобы он прочитал их внимательно и заполнил на досуге свободные места, так как (как я предвижу) будет уже темная ночь, когда я доберусь до Личфилда в среду. Миссис и мисс Джервис просят передать Вам привет; они часто говорят, что будут рады, если Вы в любое время приедете сюда на несколько дней. Я буду рад, Полли, если у тебя найдется время в воскресенье вечером, и ты осчастливишь меня несколькими строчками с обратной почтой, чтобы сообщить мне, что ты поделываешь и т. д. Передай мой привет м-ру Говарду, если он вернулся. Моя сестра будет помогать вам, и я надеюсь, Полли, что Ты, не стесняясь, будешь отдавать ей распоряжения относительно всего, что вы пожелаете или найдете нужным. Я сообщил ей, что Нелли Уайт будет подружкой невесты. Счастье да сопутствует Тебе! До свиданья, моя дорогая девочка,

твой искренний друг

Э. Дарвин

P. S.— Полли, в этом письме нет ни одного слова о смерти.

Я уже говорил, что он быстро создал себе медицинскую практику в Личфилде; мне удалось найти следующую запись его доходов, написанную его собственной рукой [см. стр. 264].

В дальнейшие годы он забросил хорошую привычку вести точную запись доходов; так, в 1799 г. он писал моему отцу, что он был в чрезвычайном затруднении, какое заявление подать уполномоченным (по подоходному налогу?), потому что «я не вел приходной книги, но считал, что моя практика дает 1000 фунтов стерлингов в год, за вычетом 200 фунтов на разъезды и наем кареты и 200 фунтов на содержание лакея, четверки лошадей и поденного рабочего». Впоследствии он сообщил моему отцу, что уполномоченные приняли эту оценку. Сто лет назад доход в 1000 фунтов соответствовал, вероятно, 2000 фунтов в настоящее время, но меня чрезвычайно удивляет, что его доходы не были больше. Все его друзья постоянно упоминают о его продолжительных и частых поездках, так как он практиковал главным образом среди высших классов

Доходы от моей практики составляли

			Фунты	Шиллинги	Пенсы
С 12 ноября 1756 г.	до 1 января	1757 г.	18	7	6
январь 1757	»	1758	192	10	6
» 1758	»	1759	305	2	0
» 1759	»	1760	469	4	0
» 1760	»	1761	544	2	0
» 1761	»	1762	669	18	0
» 1762	»	1763	726	0	0
С 12 января 1763 г.	до 1 января	1764 г.	639	13	0
» 1764	»	1765	750	13	0
» 1765	»	1766	800	1	4
» 1766	»	1767	748	5	6
» 1767	»	1768	847	3	0
» 1768	»	1769	775	11	6
» 1769	»	1770	?		
» 1770	»	1771	956	17	6
» 1771	»	1772	1064	7	6
» 1772	»	1773	1025	3	0

общества. Когда он переехал на жительство в Прайори [Priory, т. е. приорат, монастырь], он писал моему отцу, что пять или шесть лишних миль не составят большой разницы в его утомительных разъездах.

В 1781 г., через одиннадцать лет после смерти его первой жены, он женился на вдове полковника Чандос Пол из Рэдбёрн-Холла. Он познакомился с нею весной 1778 г., когда она приехала в Личфилд для того, чтобы он мог пользовать ее детей как врач. Из многих рукописных стихов, посвященных ей до их свадьбы, ясно видно, что д-р Дарвин был страстно привязан к ней еще при жизни ее мужа, умершего в 1780 г. Стихи эти несколько менее искусственны, чем те, которые изданы им. После своей второй женитьбы он покинул Личфилд и, прожив два года в Рэдбёрн-Холле, переехал в город Дерби и, напоследок, в Бредсоллский приорат, в нескольких милях от города, где он и умер в 1802 г.

Не много можно сказать о его жизни в Личфилде и в Дерби, и так как у меня нет намерения дать связное повествование, я приведу здесь впечатления, сложившиеся у меня о его уме и характере, и несколько его писем, которые интересны либо сами по себе, либо потому, что они проливают свет на его мысли и чувства.

Его переписка со многими выдающимися людьми была обширна, но большинство писем, которые принадлежат мне или которые мне пришлось видеть, не интересны и не заслуживают опубликования. Только медицина и механика побуждали его писать с некоторым интересом. По временам он переписывался с Руссо, с которым познакомился очень странным образом, но ни одно из их писем не сохранилось. Руссо жил в 1766 г. в доме м-ра Давенпорта в Вутон-Холле и проводил обычно много времени «в знаменитом гроте, над террасой, в меланхолическом созерцании». Он не любил, чтобы ему мешали, и поэтому д-р Дарвин, с которым он не был знаком, стал бродить около грота и внимательно рассматривать какое-то растение, росшее перед ним. Руссо, интересовавшийся

Д-р Эразм Дарвин

Портрет работы Райта из Дерби. Под портретом визитная карточка д-ра Дарвина с его автографом

ботаникой, вышел из грота, и между ними завязался разговор, а впоследствии они переписывались в течение нескольких лет.

Я нашел письмо, написанное в феврале 1767 г. по весьма необычайному поводу. Один джентльмен спрашивал у него совета относительно тела ребенка, который, по-видимому, был убит. Полагали, что это незаконный ребенок одной леди и что он был умерщвлен своей матерью. Он хранил копию этого письма без всякого адреса. Опускаю все медицинские подробности, в остальном же оно гласит так:

Личфилд, 7 февраля 1767 г.

Дорогой сэр,

Я огорчен тем, что Вы сочли необходимым просить извинения за письмо, полученное мною от Вас сегодня утром. В моих глазах человеколюбие не нуждается в защите... Женщины, совершившие подобное противоестественное преступление, вызывают к себе нашу глубочайшую жалость; их воспитание породило в них столько скромности или чувства стыда, что это искусственное чувство извратило подлинные инстинкты природы! Какую душевную борьбу должны были они пережить, какое страдание! — и это в то самое время, которое, после мук разрешения от бремени, сама природа предназначила им для сладостного утешения кормить грудью маленькое беспомощное дитя, самое существование которого ежечасно зависит от них! — Следовательно, причиной этого ужаснейшего преступления является чрезмерность того, что в действительности есть добродетель — чувства стыда или скромности. Такова человеческая природа! Я тщательно избегал в этом письме употребления научных терминов, чтобы Вы могли его использовать как Вы найдете нужным; добавлю только, что я совершенно убежден в правильности каждого его слова.

Остаюсь, дорогой сэр,

Ваш искренно расположенный друг и слуга,

Эразм Дарвин.

Может быть, нет более надежного мерила подлинного характера человека, чем его долгая дружба с хорошими и талантливыми людьми. М-р Эджуорс, отец писательницы Марии Эджуорс, утверждает *, перечислив имена Кейра, Дэя, Смолла, Болтона, Уатта, Веджвуда и Дарвина, что «одна только смерть прерывала их взаимную дружбу». К этим именам надо добавить имена самого Эджуорса и Гальтонов [28]. Имеющаяся у меня переписка доказывает правильность этого утверждения. М-р Дэй, очерк жизни которого был написан мисс Сьюорд, был чрезвычайно эксцентричным человеком; он упоминает об Эразме Дарвине, как «об одном из трех друзей, с чьей стороны он постоянно встречал доброе отношение» **, а д-р Дарвин в письме к моему отцу говорит: «Я горько оплакиваю смерть м-ра Дэя. Утрата одного из друзей — великое зло наступающей старости. Он был дорог мне под многими именами (multis mihi nominibus carus), как друг, философ, ученый и как честный человек».

Привожу ниже два его письма к Джосайе Веджвуду.

Эразм Дарвин — Джосайе Веджвуду

Личфилд, 30 сентября 1772 г.

Дорогой Веджвуд,

Я вернулся из Дербишира поздно и не успел ответить на Ваше письмо со вчерашней почтой. Ваше второе письмо доставило мне большое утешение в отношении миссис Веджвуд, но известия о м-ре Бринд-

* «Memoirs of R. L. Edgeworth», 2-е изд., том I, стр. 181.

** Там же, том II, стр. 113.

ли [29] меня искренно огорчили: я всегда считал его великим гением, и его смерть является поистине большой утратой для общества. Думаю, что теперь не осталось никого, кто был бы равен ему. Мне кажется, что различные Корабельные компании должны были бы воздвигнуть ему памятник в Вестминстерском аббатстве, и я надеюсь, что при случае Вы намекнете им на это.

М-р Стэньер [Stanier] ничего не писал мне о нем, сообщив лишь о его смерти, хотя я очень просил об этом, так как, если бы я понял, что ему становится хуже, никакое препятствие не помешало бы мне повидать его еще раз. В случае, если м-р Геншо [Henshaw] вел дневник его болезни или других обстоятельств, после моего последнего свидания с ним, *не можете ли Вы попросить этот дневник у него и переслать мне.* Нужно записать все обстоятельства его жизни, о которых Вы помните, а я когда-нибудь переложу их в Похвальное слово. Такие люди не должны были бы умирать. Природа отказывает нам в этом, но почитание их памяти побеждает ее злобу. Довольно!..

Эразм Дарвин — Джосайе Веджвуду

Личфилд, 29 ноября 1780 г.

Дорогой сэр,

Ваше письмо с известием о смерти Вашего и, смею так назвать его, и моего друга, м-ра Бентли, очень меня тронуло, и в голове моей проносятся одна за другой чрезвычайно грустные мысли; правда, они не связаны с Вашей утратой, но временами они бросают на меня тень, которую ничто не может отогнать, разве только усиленная работа или занятия наукой. Я настоятельно рекомендую Вам этот способ, так как он разгоняет на некоторое время неприятные мысли о нашей утрате, и постепенно впечатление от них, их действие на нас становится все более слабым, пока следы его сделаются едва заметными, и останется один только шрам, напоминающий нам о былой боли затянувшейся раны.

М-р Бентли обладал такими разнообразными познаниями, что утрата его является несчастьем для общества, так же как и для его друзей, хотя для последних она особенно чувствительна! Прошу Вас провести день-другой со мною в Личфилде, если у Вас найдется для этого время по Вашем возвращении. Мне очень нужно видеть Вас, и я был искренно огорчен, что меня не было дома, когда Вы приезжали; но прошу Вас, всегда, проезжая через Личфилд, останавливайтесь в моем доме, так же как я останавливаюсь у Вас, независимо от того, застанете Вы меня дома или нет.

Я тщательно искал в Мелмотовском переводе писем Цицерона знаменитое утешительное послание Сульпиция к Цицерону по поводу смерти его дочери (в книге этой нет указателя), но нашел его под номером первым в небольшом издании, озаглавленном «Letters on the most common as well as important occasions in Life» [«Письма по поводу наиболее обычных и вместе с тем важных случаев жизни»], Newberry, St. Paul's, 1758. Это письмо действительно мастерской образчик красноречия, соответствующего человеку, времени и случаю. По-моему, оно содержит все, что может быть сказано по этому поводу, и если Вы еще не читали его, прошу Вас прислать за книгой.

Что касается меня самого, то я слишком чувствителен к несчастьям других, чтобы самому быть счастливым, и слишком упорен в воспоминаниях о собственном несчастье [т. е. о смерти его сына Чарлза в 1778 г.— *Ч. Д.*], так что я нахожусь в таком состоянии, что скорее должен просить об утешении, чем доставлять его другим. Прощайте. Да благословит Вас бог. Остаюсь, дорогой сэр, Ваш искренний друг

Э. Дарвин.

Десять лет спустя он, по-видимому, уже сильно сомневался в том, возможно ли почерпнуть утешение из послания Сульпиция, так как писал (в 1790 г.) Эджуорсу *:

«Я искренно соболезную Вам по поводу Вашей последней утраты. Я знаю, что́ должен чувствовать человек в несчастьи, подобном Вашему. Маленький рассказ, присланный Вами,— чудо, его автор так молод, и рассказ так изящен по замыслу. Nil admirari [быть невозмутимым] может явиться средством избегнуть страдания, но оно не может доставить счастья. Как мало можно получить в этом мире — слишком многого мы ожидаем! Я тоже перенес утрату. Послание Сульпиция к Цицерону — образчик высокого красноречия, но оно не доходит до сердца; оно дергает стрелу, но не извлекает ее из раны. Душевные страдания и болезни излечиваются только Временем. Рассудок только затягивает рану, но она постоянно угрожает раскрыться вновь».

Среди сохранившихся старых писем есть одно недатированное письмо от Гёттона [30], основателя современной геологии; поскольку письмо написано столь знаменитым ученым, привожу его начало. По-видимому, д-р Дарвин жаловался ему, что его обсчитал один издатель, и Гёттон отвечает ему:

«Если у Вас денег хватает только на расходы, то будьте настолько бережливым, насколько Вы находите это нужным; но если у Вас есть лишние деньги, то, пожалуйста, научитесь бывать обсчитанным, т. е. научитесь тратить деньги, для которых у Вас нет другого применения. Если это и не философия, то во всяком случае — здравый смысл; какого же чорта должен человек беречь деньги, доставляющие ему мучения, если так легко их растратить: а если, проникшись идеей всеобщего блага, Вы боитесь, как бы человечество не пострадало от этого корня всех зол, то, ради бога, отправьте их на дно морское, там они могут отравить одних только рыб и образуют со временем благородный образчик ископаемого».

Одна из его внучек обратила мое внимание на то, что выражение «доброжелательный» соединялось с его именем точно так же, как выражение «рассудительный» с именем старого богослова Гукера. Это совершенно справедливо, так как я постоянно встречал это выражение в письмах и многих опубликованных заметках о нем. Слово «доброжелательный» обычно сочетается с понятиями «сострадательный» и — ча-

* Memoirs», 2-е изд., 1821, том II, стр. 110.

сто — «великодушный», равно как и «гостеприимный». М-р Эджуорс говорит *: «Я близко знал его в течение тридцати шести лет, и за это время был свидетелем бесчисленных примеров его доброжелательности».

По поводу его характера друг всей его жизни м-р Кейр писал моему отцу (12 мая 1802 г.) следующее: «Я думаю, что все, знавшие его, согласятся в том, что сострадательность и доброжелательность были наиболее выдающимися чертами его характера. Он был очень чувствителен к переживаниям других и, обладая знанием человеческой натуры, разделял чувствования и страдания людей в различных обстоятельствах, связанных с их организацией, характером, здоровьем, болезнями, а также и предрассудками. Он считал, что доброжелательность — основа всех добродетелей. Он презирал монашеское постничество и лицемерное притворство, которые столь часто импонируют свету. Доставлять счастье и облегчать страдания — вот что считал он единственным мерилом нравственных заслуг. Хотя его гуманность и распространялась на каждое чувствующее существо, но это не была гуманность некоторых философов, которая настолько расплывчата, что уже не в состоянии оказать никакого действия; его любовь была наиболее горячей там, где она могла оказать помощь его семье и его друзьям, которые будут долго помнить постоянство его привязанности и его заботы об их благополучии». Его сосед сэр Брук Бутби после смерти своего ребенка (которому был воздвигнут красивый, всем известный памятник в Ашборнской церкви) в оде, посвященой д-ру Дарвину, усиленно восхваляет его способность к сочувствию и дар утешения.

Но я должен честно признать, что из бесед с моим отцом я вывел заключение, что д-р Дарвин обходился с ним в его юношеские годы довольно жестко и властно и не всегда справедливо; и хотя впоследствии он выказывал величайший интерес к успехам своего сына и часто писал ему с чувством любви, но, по-моему, следы ранних впечатлений никогда не изгладились вполне в душе моего отца.

Я знаю не из первоисточника (через одного из его пасынков), что он не всегда бывал ласков и со своим сыном Эразмом, который часто раздражал его своей скрытностью и тем, что не желал полностью развернуть свои большие таланты. С другой стороны, его дети от второго брака питали к нему, по-видимому, самую горячую любовь.

Эразм Дарвин — своему сыну Роберту

19 апреля 1789 г.

Дорогой Роберт,

Меня огорчает, когда я слышу от тебя, что у тебя много врагов и что один враг нередко причиняет тебе значительный вред. Наилучший способ, когда тебе передают какую-нибудь сплетню, никогда не делать ни остроумных, ни злых замечаний, ибо лицо, которое передает тебе то, что другие говорят про тебя, всегда расскажет и им то, что ты говоришь о них. Я взял себе за правило всегда выслушивать все подобные сообщения очень хладнокровно и никогда не отвечать на них чем-нибудь язвительным, что могло бы вернуться обратно ко мне; и таким путем

* «Monthly Magazine», 1802, стр. 115.

многие, когда-то бывшие против меня, со временем стали относиться ко мне по-дружески. Д-р Смолл всегда отправлялся пить чай с теми, кто, как он слышал, выступали против него; хорошо также на общественных собраниях выказывать небольшую долю любезности по отношению к тем, кто нас не любит; и обыкновенно таким путем восстанавливается мир...

Роберт, по-видимому, советовался со своим отцом об одном молодом человеке, которого он хотел устроить аптекарем, на что он получил следующий ответ:

Эразм Дарвин — своему сыну Роберту

Дерби, 17 декабря 1790 г.

Дорогой Роберт,

Я не могу дать никаких рекомендательных писем в Личфилд, так как я знаком со всеми тамошними аптекарями с раннего их детства; а так как подобные письма должны быть направлены к некоторым из их пациентов, то они бы это почувствовали и были бы обижены. Когда м-р Меллор переехал туда из Дерби, я не принимал в этом никакого участия. Что же касается надежд на устройство там, то если молодой человек, который сейчас находится в Эдинбурге, получит ученую степень (что, я полагаю, вероятно), то для него было бы лучше не устраиваться в Личфилде.

Я посоветовал бы твоему другу прежде всего использовать все способы, чтобы завязать знакомство с людьми всякого звания. Поначалу несколько голубых и красных склянок на окнах помогли бы ему наладить розничную торговлю в базарные дни и таким образом завязать знакомство с этим классом населения. Я вспоминаю, как м-р Грин [Green] из Личфилда, который сейчас уже очень стар, рассказывал мне однажды, что его розничная торговля давала ему — при помощи выставки образцов и многокрасочной витрины — 100 фунтов стерлингов в год. Во-вторых, я припоминаю одного очень глупого и болтливого аптекаря из Каннока, который весьма успешно торговал при полном отсутствии каких-нибудь знаний и даже мастерства, за исключением того, что он убеждал всех в наличии у него хороших лекарств, и он достигал этого при помощи одной только уловки, а именно — он *въедался* в каждого, кто имел несчастье переступить порог его лавки, доказывая добротность своих лекарств. «Вот отличный кусок ассафетиды, понюхайте эту валериану, попробуйте это album graecum [31]. Д-р Гриб [Dr. Fungus] говорит, что никогда в жизни он не видел такого прекрасного образца». В-третьих, обедая в каждый базарный день в трактире вместе с фермерами, он заведет знакомых, и я думаю, что легкое заикание не повредит ему, даже, напротив, это привлечет к нему внимание. В-четвертых, я думаю, что в Личфилде, как и здесь, в игорные дома врачи не допускаются, но их допускают на танцевальные вечера, которые ему, я думаю, следует посещать.

Итак, я опустошил свой колчан *хитростей* фармакопеи. Помнится, д-р К-д поддерживал свою торговлю непрерывным выхваливанием [своего товара], словно какой-нибудь знахарь; это годится для грубого существа, но не к лицу более культурному и скромному человеку.

Если у молодого человека есть какие-нибудь друзья в Шрусбери, которые могли бы дать ему рекомендательные письма к прокторам, то это помогло бы ему приобрести знакомства. Для всех вышеуказанных целей необходимо иметь поначалу немного денег, так как у него должен быть хороший вид; он не сможет лучше использовать эти деньги, потому что они принесут ему наибольшую прибыль, хорошо устроив его на всю жизнь. Аптекари-подмастерья получают не больше, чем многие слуги, и в этом положении они не только упускают время, но и некоторым образом теряют во мнении света и лишаются возможности хорошо устроиться в будущем. Я обязательно буду посылать к нему [пациентов] как только окажусь в Личфилде. Не думаю, чтобы заикание повредило ему; по крайней мере, в отношении себя я этого не нахожу. Если он не находится в очень стесненных обстоятельствах и может появиться в приличном виде, и если он так учен и умен, как ты это полагаешь, то я уверен, что он везде хорошо устроится. Рекомендательное письмо от тебя к мисс Сьюорд, с упоминанием о его образовании, может оказаться полезным для него, так же как и рекомендация м-ра Говарда. До свиданья, дорогой Роберт.

Искренно любящий тебя

Э. Дарвин.

Мой отец рассказывал, что д-р Дарвин был превосходным собеседником. Леди Чарлвилл [Charleville], привыкшая к самому блестящему обществу в Лондоне, говорила ему, что она никогда не встречала более приятного человека, чем д-р Дарвин. Сам он говаривал: «Есть два рода приятных собеседников — приятные говоруны и приятные слушатели».

Заикался он сильно, и удивительно, что этот недостаток не мешал его умению вести беседу. Однажды какой-то молодой человек спросил его весьма, как ему показалось, оскорбительным тоном, не находит ли он, что заикание доставляет большое неудобство. Он ответил: «Нет, сэр, оно дает мне время на размышление и не позволяет мне задавать неуместные вопросы». Мисс Сьюорд говорит, что он был чрезвычайно саркастичен, но я не нашел подтверждения этому ни в его письмах, ни в других документах. Жаль, что д-р Джонсон редко встречался с д-ром Дарвином, когда бывал в Личфилде, но они, кажется, сильно недолюбливали друг друга и чувствовали, что при встрече они сцепятся, как две собаки. Не может быть, я полагаю, никакого сомнения, что Джонсон вышел бы победителем. В рукописной тетради д-ра Дарвина, принадлежащей одной из его внучек, имеется следующая строфа:

Личфилд славный родил критиков двух исполинских.
Трепещите поэты! Слушайте их! «Фи, фо, фу!»
Истекает кровью Бомонт, изрубленный рукою Сьюорда,
Бедного Ше́кспира кости Джонсон в муку истолок.

Это явный намек на издание м-ром Сьюордом пьес Бомонта и Флетчера [«Beaumont and Fletcher's Plays»] и на Джонсона, издавшего Шекспира в 1765 г. [32]

Он обладал, по словам моего отца, способностью необычайно легко объяснять любой трудный вопрос; сам он приписывал эту свою способность привычке постоянно говорить по поводу того, что он сам изучал,

«поворачивать во все стороны и по-разному представлять вопрос, применяясь к способностям своих слушателей». Он сравнивал себя с дядей Жиль Бласа [33], который выучил грамматику, преподавая ее своему племяннику.

Когда он намеренно желал быть неприятным для какой-нибудь хорошей цели, ему вполне удавалось. Леди *** вышла замуж за вдовца и почувствовала такую ревность к его первой жене, что изрезала и изуродовала ее портрет, висевший в одной из комнат. Муж, опасавшийся, как бы его молодая жена не сошла с ума, был очень обеспокоен и послал за д-ром Дарвином. Тот явился и самым откровенным образом наговорил ей много неприятных истин и, между прочим, что первая жена была бесконечно выше ее во всех отношениях, включая и красоту. Бедная леди была ошеломлена таким обращением и с тех пор не могла слышать его имени. На случай, если бы она опять стала странно вести себя, он посоветовал мужу намекнуть ей, что тот снова вызовет его. План отлично удался, и с тех пор она всегда сдерживала себя.

Мой отец с раннего возраста жил в течение многих лет отдельно от д-ра Дарвина, так что он помнил лишь немногие из его изречений, но он любил приводить одно из них, считая его очень верным: «Миром всегда управляли не умные люди, а деятельные и энергичные». Он приводил также другое его изречение: «Здравый смысл восторжествует тогда, когда люди перестанут носить столько муки́ на голове [т. е. пудрить парики], что ее хватило бы на целый пудинг, когда женщины перестанут носить кольца в ушах, подобно дикарям, протыкающим кольцами нос, и когда каминные решетки не будут больше делать из полированной стали».

Д-ра Дарвина часто называли атеистом, между тем как в каждом из его сочинений можно найти выражения, ясно показывающие, что он вполне верил в бога как творца вселенной. Так, например, в «Храме природы», изданном после его смерти *, он пишет: «Быть может, все произведения природы находятся на пути к высшему совершенству! — мысль, получившая поддержку в новейших открытиях и умозаключениях относительно постепенного образования твердых частей земного шара и соответствующая достоинству творца всех вещей». Одну из глав «Зоономии» он заключает словами псалмопевца: «Небеса раскрывают славу божию и небесный свод являет творение рук его».

Он напечатал оду о безумии атеизма с эпиграфом: «Я полон ужаса и изумления»; первая строфа ее гласит:

1

Тупой атеист, мог ли головокружительный танец
Атомов, брошенных без всякого плана,
Построить такой чудесный, такой премудрый,
Такой гармоничный мир?

О нравственности он говорит **: «Знаменитое изречение Сократа «Познай самого себя...», как бы мудро оно ни было, кажется мне доволь-

* «Temple of Nature», 1803, примечание на стр. 54. См. также поразительную сноску (на стр. 142) о неизменных свойствах материи, «полученных из рук Творца», и пр. [34]

** «Temple of Nature», 1803, примечание на стр. 124.

но себялюбивым... Но святые слова основателя христианства «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» и «Люби ближнего своего, как самого себя» охватывают все, чего требуют от нас благожелательность и нравственность; и если бы все народы искренно следовали им, это в тысячу раз умножило бы теперешнее счастье человеческого рода».

Хотя д-р Дарвин несомненно был теистом [35] в обычном значении этого слова, он не верил ни в какое откровение. Не большее уважение испытывал он и к унитарианизму [36], так как часто говорил, что «унитарианизм это — пуховая перина для поддержания теряющего свою веру христианина».

Вспоминая, в какой бурный период истории жил Эразм, удивляешься тому, насколько редко встречается в его письмах нечто большее, чем одни только намеки на политику. Теперь его назвали бы либералом или скорее, быть может, радикалом. По-видимому, он желал успеха колонистам Северной Америки в их борьбе за независимость; так, он пишет Веджвуду (17 октября 1782 г.): «Я надеюсь, что д-р Франклин доживет до заключения мира и увидит Америку, возлежащей под собственной виноградной лозой и смоковницей, перековывающей мечи в орала» и т. д. Подобно многим другим, он приветствовал начало Французской революции с радостью и торжеством. Мисс Сьюорд в письме к д-ру Уолли от 18 мая 1792 г. пишет: «Я начинаю теперь действительно бояться за Францию, но Дарвин продолжает утверждать наперекор всем бедствиям, что дело свободы восторжествует и Франция явится вскоре примером расцвета и величия для окружающих народов».

В другом письме она говорит, что Дарвин «был дальнозорким политиком: он предвидел и предсказывал все частные и конечные пагубные последствия каждого вредного мероприятия последнего Кабинета [министров]» *.

В феврале 1789 г. он сообщает Веджвуду, что только что прочитал «Colonel Jack» [«Полковник Джек»] Дефо и что было бы желательно вновь напечатать в каком-либо журнале данный там очерк о великодушии черных рабов. 13 апреля того же года (1789) он пишет опять: «Я недавно слышал, что существуют намордники или кляпы, изготовляемые в Бирмингеме для рабов на наших островах. Если бы это оказалось правдой и подобное орудие было бы продемонстрировано одним из ораторов в Палате общин, то это произвело бы большой эффект. Нельзя ли было бы добыть и продемонстрировать также одну из их [рабовладельцев] длинных плетей или один из их проволочных хвостов? Но я уверен, что орудие пытки нашего собственного изготовления произведет гораздо большее впечатление».

Следующие строки о рабстве были напечатаны в 1790 г. в третьей песни его поэмы «Любовь растений»:

В чертогах сердца Совести приют,
Она творит неумолимо суд.
О замыслах проведавши лихих,
Она спокойно отвращает их.
Но если злая воля свершена,

* «Journals of Dr. Whalley», 1863, том II, стр. 73, 220—222.

Ужасной силы речь ее полна.
Внемлите ей Сенаты: грех падет
И на того, кто допускает гнет *.

Следует подчеркнуть дату этой поэмы и приведенного выше письма, ибо не мешает вспомнить, что торговля рабами не была отменена вплоть до 1807 г., и еще в 1783 г. руководители Общества распространения евангелия после длительного обсуждения решительно отклонили проект христианского просвещения принадлежавших Обществу рабов на Барбадосе **.

Как видно из нижеследующих строк его поэмы «Любовь растений» (песнь вторая), он горячо сочувствовал благородному делу Говарда [37], добивавшегося реформы тюрем во всей Европе:

Везде, о филантропия, твой свет.
И полюс, и экватор им согрет.
Над каждою тюрьмой твои лучи
Горят сияньем северным в ночи.
У христиан и мусульман равно —
Везде, где люди, где страдать дано.
В песках, снегах и глубине морской
Обитель скорби ищет Говард твой.
В сырую мглу тюремных погребов,
Где воплям скорби вторит звон оков,
Где тлеют кости, рассыпаясь в прах,
И глохнут стоны в каменных стенах,
Куда ни луч проникнуть бы не смог,
Ни друга зов, ни легкий ветерок,—
Не тщась о славе, он идет туда,
Ни денег не жалея, ни труда,
Смягчая речью кроткою своей
Удары Власти и сердца людей.
И Правосудье входит в царство мглы,—
Пусть не разбить,— ослабить кандалы.
Когда свой взор из горних областей
Дух Благости направил на людей,
Увидел он, как доблестный герой
В трудах пересекает шар земной.
И показалось Духу, что пред ним
Не смертный, а небесный серафим.
Вперед шагает Говард, смерть гоня,—
И демоны бегут, его кляня.

Судя по его опубликованным произведениям, его письмам и всем тем данным, которые мне удалось собрать о нем, живость воображения была, по-видимому, одной из его наиболее выдающихся черт. Этим

* [Перевод этой и всех дальнейших стихотворных цитат (кроме четверостишия на стр. 292) принадлежит канд. филол. наук С. К. Апту. Он любезно просмотрел также весь перевод биографии Эразма Дарвина и сделал мне ряд ценных указаний.— *С. Соболь*.]

** Lecky, History of England in the Eighteenth Century, 1878, том II, стр. 17.

определялись исключительное своеобразие его мышления, его способность предвидения в науке и технике и непреодолимая склонность к теоретизированию и обобщениям. Тем не менее, его замечания — они будут приведены ниже — о ценности эксперимента и пользе гипотезы показывают, что он обладал истинно философским умом. Надо признать, что и его способность наблюдения была необычайной. Разнообразие его интересов поразительно. Но из всех черт его характера, быть может, наиболее замечательной была постоянная активность, энергия его ума. М-р Кейр, сам человек выдающийся и многое на свете повидавший, «хорошо знавший д-ра Дарвина в течение почти полувека», после смерти д-ра Дарвина писал (12 мая 1802 г.) моему отцу: «Ваш отец действительно отличался оригинальностью характера в большей степени, чем кто-либо другой из людей, которых я знал, за исключением, разве, м-ра Дэя [автора «Sandford and Merton» и пр.— *Ч. Д.*]. В самом деле, оригинальность характера этих двух людей была слишком яркой, чтобы кто-либо мог служить им примером». Он говорит далее:

«Ваш отец не считался с авторитетами и быстро подмечал аналогии, на основании которых могла бы быть построена новая теория. Эта проницательность, острота ума, благодаря которой он был способен вскрывать весьма отдаленные причины и видеть далекие следствия, была основной чертой его интеллекта. Возможно, конечно, что в некоторых случаях это заставляло его вдаваться в слишком большие тонкости, так как трудно, пользуясь очень остро отточенным инструментом, избежать того, чтобы не резнуть иногда слишком глубоко. Благодаря этой способности проникновения он был в состоянии не только улавливать едва заметные признаки научной аналогии, но и ощущать тончайшую, мимолетную красоту поэтической речи. Если к этим качествам вы добавите необычайную активность ума и большую трудоспособность, которых требует постоянная исследовательская работа, я полагаю, что Вы составите себе представление о главных чертах его характера».

Его деятельность продолжалась до последних дней его жизни, и следующее письмо к моему отцу, написанное им в возрасте шестидесяти одного года, доказывает его неугасавшее рвение к своей профессии.

Эразм Дарвин — своему сыну Роберту

Дерби, 13 апреля 1792 г.

Дорогой Роберт,

Мне кажется, мы с тобой должны время от времени обмениваться длинными медицинскими письмами, особенно когда нам встречается какая-нибудь необычная болезнь,— как потому, что таким образом совершенствуешь свою способность писать ясно и понятно по-английски, так и потому, что запоминаешь поучительные случаи. Сэр Джошуа Рейнольдс [38] в одной из своих лекций о художественном вкусе советует художникам изучать, даже в весьма преклонном возрасте, произведения всех других, древних и современных, художников; это, говорит он, будет способствовать развитию их воображения, так как они будут улавливать скрытые идеи (если таковые имеются) в картинах других

художников, что — совсем иное, нежели простое подражание; если, добавляет он, они не будут копировать других, то будут склонны копировать *самих себя* и все снова и снова вводить в свои произведения те же лица и те же позы. Я уверен, что и в медицине тот, кто не читает чужих трудов, может лишь без конца повторять *свои собственные* предписания и методы лечения, пока вся его практика не станет всего лишь подражанием самому себе, и какой-нибудь десяток лекарств составит всю его materia medica [фармакогнозию], а аптекари будут говорить, что у доктора всего только 4 или 6 рецептов для лечения всех болезней.

Исходя из этих соображений, я решил читать все вновь выходящие медицинские журналы, а также и другие медицинские издания, не слишком объемистые, при помощи которых можно узнать, что делается в медицинском мире, и повергать в изумление аптекарей и врачей новыми и удивительными открытиями нашего времени. Все это недавно пришло мне в голову при чтении отчета об опытах, произведенных д-ром Кроуфордом [Crawford]...

По-видимому, приблизительно около 1793 г. мой отец убеждал его оставить занятия медициной; он ответил: «Это опасный эксперимент, который обычно кончается пьянством либо ипохондрией. Причина этого, я полагаю, заключается в том, что нужно же человеку чем-нибудь занять свое время (деревенские сквайры, например, занимаются охотой на лисиц), иначе жизнь надоедает, и человек становится добычей скуки. Лучше уж поэтому делать что-нибудь полезное для себя и друзей или для человечества, чем заниматься игрой в карты или какими-либо столь же ничтожными вещами». Во время своих частых и длительных поездок он много читал и писал, сидя в карете, которая была приспособлена для этой цели. В те времена поездки были нелегким делом, ибо из-за плохого состояния дорог в карете почти нельзя было добраться до многих из тех домов, которые он должен был посетить; одна из его внучек рассказывала мне, что за каретой постоянно бежала без всякой привязи оседланная старая лошадь, носившая кличку «Доктор», и, когда дорога становилась слишком плохой, д-р Дарвин выходил из кареты и садился на «Доктора». Эта лошадь дожила до глубокой старости; она похоронена в Прайори.

Когда д-р Дарвин бывал дома, он рано вставал; свои бумаги он располагал так (мне рассказывал об этом мой отец), что, проснувшись среди ночи, мог встать и продолжать работу в течение некоторого времени, пока к нему снова не приходил сон. Если учесть его необычайную активность, странным кажется тот факт, что он часто чувствовал себя усталым. Когда я однажды сказал отцу, что после рабочего дня у него бывает очень утомленный вид, он ответил: «Я унаследовал это от своего отца».

В нескольких заметках, написанных в 1802 г., мой отец утверждает, что д-р Дарвин был по природе своей смелым человеком, но ряд несчастных случаев произвел на него настолько глубокое впечатление, что он стал очень осторожен. Когда ему было около пяти лет, его нечаянно ударили по макушке так сильно, что у него на всю жизнь осталась белая прядь волос. В более поздние годы, когда он как-то раз был с братьями на рыбной ловле, они набросили на него мешок, оста-

вив свободными только ноги, и в таком состоянии, ничего не видя, он вошел в реку и едва не утонул. Как-то раз он и лорд Джордж Кавендиш играли в школе с порохом, порох взорвался, и Эразм был серьезно ранен; наконец, однажды он сломал себе коленную чашку.

Из-за хромоты его движения были неуклюжи, но в молодости он был очень подвижным человеком. Он был широк и дороден, а к старости стал тучным. Лицо его было сильно изрыто оспой.

Замечательно, что в таком большом городе, как Дерби, и в столь недавнее время, как 1784 год, не было общественного учреждения по оказанию лечебной помощи бедноте. Учитывая это, д-р Дарвин составил в указанном году обращение — рукописный оригинал его находится у меня,— в котором он заявляет: «Так как оспа произвела уже значительное опустошение в Дерби, обнаружив большую злокачественность в самом начале своего появления, и так как прошло три года со времени последней вспышки этой эпидемии в нашем городе, то имеется серьезное основание опасаться, что ближайшей весной она приобретет чрезвычайно бедственный характер, особенно среди бедноты, которая лишена как знаний, так и помощи, необходимых для предохранения детей от этого заболевания». Исходя из этого, он предложил организовать общество, члены которого вносили бы по одной гинее каждый, и снять комнату для устройства амбулатории, где врачи города могли бы оказывать помощь бесплатно. Предполагалось, что за получением назначенных врачами лекарств бедняки будут направляться в известном порядке ко всем аптекарям города по очереди, для того, очевидно, чтобы сломить сопротивление аптекарей. Обращение выражает далее надежду, что эта амбулатория «сможет оказаться основанием будущей больницы».

В том же, 1784 г., он, по-видимому, сыграл руководящую роль в организации в Дерби философского общества [39]. В первый раз члены Общества собрались в его доме, и он обратился к ним с короткой, но выразительной речью, из которой стоит привести следующие выдержки: «Я перехожу теперь ко второму источнику наших точных знаний. Скупая рука Природы, давшая нам форму и внутреннее устройство, снабдила нас несовершенными и ограниченными способностями, малочисленными и несовершенными органами чувств, между тем как тела, окружающие нас, наделены бесконечным многообразием свойств: притяжением, отталкиванием, тяготением, улетучиванием, полярностью, делимостью, пластичностью и т. д., которые не могут быть познаны при помощи наших грубых органов чувств, неприспособленных для восприятия их. Что же нам делать? Должны мы успокоиться, довольствуясь нашим неведением, и после того, как добудем себе свою пищу, все остальное время спать, подобно обитателям лесов и пастбищ? Конечно, нет! — ибо существует иной путь, при помощи которого мы можем косвенным образом приобрести знание о таких свойствах тел, которые ускользают от наших органов чувств; путь этот — *наблюдение и установление их действия друг на друга*. Это и есть древо познания, плоды которого, запретные для животных, были сорваны дерзновенной рукой *экспериментальной философии*» [т. е. физики].

Он заключает свою речь словами: «Я надеюсь, что через некоторое отдаленное время, быть может, и не очень отдаленное, и мы опубликованием своих трудов сможем прибавить нечто к общей сумме

знаний, которая, я предсказываю это, не перестанет накопляться до тех пор, пока нога человека будет ступать по земной поверхности».

Ни один человек не внедрял когда-либо с большей настойчивостью и силой, чем д-р Дарвин, представлений о вреде, который приносит пьянство, и главным образом — в отношении расстройства здоровья и унаследуемых в результате этого последствий, а это, быть может, наиболее практическая линия борьбы. Утверждают, что он способствовал значительному уменьшению пьянства среди дворян его графства *. Сам он в течение многих лет никогда не прикасался к каким бы то ни было спиртным напиткам. Но он не был фанатиком в этом вопросе, и в старости рассказывал моему отцу, что ежедневно выпивает два стакана домашнего вина, и с пользой для себя. Непонятно, почему он предпочитал вино домашнего изготовления; быть может, ему казалось, что при этом условии он не отступает чрезмерно от своего многолетнего правила. Он писал также (15 октября 1772 г.) Веджвуду, который был слаб здоровьем: «В отношении еды и питья я рекомендовал бы Вам держаться того наиболее высокого предела, какой только допускает Ваш организм. Только очень немногим можно дать этот совет! Если бы Вы взвешивались раз в месяц, то через несколько месяцев Вы выяснили бы, полезен ли Вам этот метод». Его борьба за трезвость не забыта и до сих пор,— так, д-р Ричардсон [Richardson] в произнесенной им в 1879 г. в «Британской медицинской ассоциации трезвости» речи замечает: «Знаменитые Галлер, Бургав, Армстронг и особенно Эразм Дарвин ревностно поддерживали то, что мы называем теперь борьбой с алкоголизмом».

В молодости он не всегда был трезвенником. Мисс Сьюорд передает рассказ **, о котором не стоило бы упоминать, если бы его так часто не цитировали. Мой дед отправился на пикник в лодке м-ра Снейда [Sneyd] вниз по Тренту, и после завтрака, когда он (выражаясь элегантным языком мисс Сьюорд) «хотя и не был еще вполне пьян, но находился в весьма приподнятом настроении под влиянием винного возбуждения», он неожиданно выпрыгнул из лодки, доплыл в одежде до берега и «зашагал невозмутимо через луга по направлению к городу» Ноттингему. Там он встретил одного аптекаря, на увещания которого относительно его промокшей одежды он ответил, что необычный внутренний возбудитель «нейтрализует наружные холод и сырость»; затем он взобрался на бочку и обратился к толпе с вполне разумной речью о санитарных мероприятиях. Ясно, конечно, что речи

* Нижеследующие краткие исторические сведения об обществах трезвости заимствованы из рукописных заметок д-ра Краузе о д-ре Дарвине: «Старейшие общества трезвости были основаны в Северной Америке в 1808 г. стараниями д-ра Рёша [Rush] и в Великобритании в 1829 г. главным образом под влиянием м-ра Дёнлопа [Dunlop]. См. Samuel Cooling, History of the Temperance Movement in Great Britain and Ireland, from the earliest date to the present time, London, 1862. В Германии, правда, эрцгерцог Фридрих Австрийский основал орден трезвенников еще в 1439 г., а в 1600 г. орден трезвенников был установлен ландграфом Гессенским, но они были лишь подражанием ордену тамплиеров и другим рыцарским орденам, которые пытались обетами пресечь разгульные попойки, доходившие до непристойных крайностей, на что указывает девиз первого из названных орденов: «Halt Maas!» [«Соблюдай меру!»]. Предложение об устройстве в Германии настоящих обществ трезвости по американскому и английскому образцу исходило от короля Фридриха-Вильгельма III».

** «Memoirs of Dr. Darwin», стр. 64—68.

приводимые мисс Сьюорд, в большей своей части являются плодом ее собственного воображения. Доля истины имеется, однако, в этой истории; его вдова, не верившая ни одному слову из всего этого, написала м-ру Снейду, ответ которого лежит передо мной. Он допускает, что нечто «подобное» действительно произошло, но не сообщает никаких подробностей и советует миссис Дарвин «не обращать никакого внимания на эту часть ее [мисс Сьюорд.— *Ч. Д.*] неосмотрительного и скандального сочинения». Чтобы показать, как отнеслось в то время местное дворянство к ее книге, добавлю, что м-р Снейд, упомянув в том же письме о ее рассказе о смерти Эразма, сына д-ра Дарвина, замечает: «Автор заслуживает порицания за отсутствие у нее правдивости и всякого человеческого чувства». Один из пасынков д-ра Дарвина (как я слышал от его дочери) всегда утверждал, что эта полупьяная выходка произошла по милости одного из участвовавших в пикнике джентльменов, «которого раздражала неприязнь д-ра Дарвина к вину», и он решил сыграть с ним шутку,— это, я полагаю, надо понимать так, что д-ра Дарвина уверили в том, что он пьет слабое вино, между тем как в действительности оно было крепким.

Следующий случай, сообщаемый м-ром Эджуорсом *, иллюстрирует его гуманность. М-р Эджуорс, не будучи еще знаком с д-ром Дарвином, переписывался с ним по вопросу о конструкции карет и приехал в Личфилд повидаться с ним, но не застал его дома. Миссис Дарвин предложила ему остаться поужинать. «Ужин был уже почти окончен, когда громкий стук в дверь возвестил о прибытии доктора. Суматоха, поднятая в передней, заставила миссис Дарвин встать и направиться к двери. Услышав ее восклицание, из которого можно было понять, что д-р Дарвин привез с собой мертвеца, я вышел в переднюю. Я увидел нескольких человек, руководимых лицом, в котором я угадал д-ра Дарвина,— они несли человека, казавшегося неподвижным. „Он не мертв,— сказал д-р Дарвин,— он лишь мертвецки пьян. Я нашел его,— продолжал доктор,— почти задохнувшимся в канаве; я поднял его, посадил в мою карету и привез сюда, чтобы мы могли позаботиться о нем в течение ночи“».

Не многие, конечно, взяли бы на себя столь неприятную задачу, как привезти в своей карете к себе домой пьяного человека. Когда принесли свечу, то, к удивлению всех присутствовавших, обнаружилось, что человек этот — брат миссис Дарвин, который, как уверяли м-ра Эджуорса, «в первый раз в своей жизни напился до такой степени, и, несомненно, погиб бы, если бы не человеколюбие д-ра Дарвина». Не следует забывать, что в те добрые старые времена напиться до крайнего опьянения не считалось особенно позорным. После того как пьяного уложили в постель, д-р Дарвин, как рассказывает м-р Эджуорс, сначала обсуждал с м-ром Эджуорсом вопрос о конструкции карет, а затем различные литературные и научные вопросы и «обнаружил, что я получил образование джентльмена». «Вот как,— сказал доктор,— а я думал, что вы простой каретник». «Вот почему,— сказал я,— у вас был такой удивленный вид, когда вы застали меня за ужином с миссис Дарвин. Но вы видите, доктор, насколько дамы превосходят в проницательности даже самых ученых джентльменов».

* «Memoirs of R. L. Edgeworth», 2-е изд., том I, стр. 158.

Как видно из двух следующих случаев, он был добр и внимателен к своим слугам. Его сын Роберт занял у него небольшую сумму, и он попросил Роберта, чтобы тот не возвращал ему денег, а купил гусиный паштет, которыми, по-видимому, славился в те времена Шрусбери, и послал его на рождество одной старушке, жившей в Бирмингеме, «так как она, как ты, вероятно, помнишь, была твоей кормилицей, что при хорошем отношении к делу является величайшим одолжением, какое только может быть получено от человека подчиненного». Это было в 1793 г.

В день своей смерти, сидя рано утром за длинным, прочувствованным письмом к м-ру Эджуорсу, он был вдруг охвачен припадком жесточайшего озноба и пошел в кухню погреться у очага. Там он увидел старую преданную служанку, сбивавшую масло, и спросил ее, почему она делает это в воскресное утро. Она ответила, что всегда так делала, потому что он любит, чтобы утром было свежее масло к столу; он сказал: «Да, это правда, но больше никогда не сбивайте масла в воскресенье!»

Из свидетельства мисс Сьюорд, подкрепленного и другими данными, можно видеть, что д-р Дарвин был склонен к благотворительности. Указав, что он не брал платы за лечение со священников и регентов [lay-vicars] Личфилдского собора, она добавляет: «Он неутомимо заботился также о здоровье бедняков в этом городе [Личфилде] и впоследствии в Дерби, снабжая их необходимым продовольствием и оказывая им всякого рода благотворительную помощь» *. Сэр Брук Бутби в одном из своих опубликованных сонетов также говорит:

Живой пример нотации сильней,—
Пускай тебе примером служит Дэй
Иль Дарвин, дом которого готов
Всегда принять болящих бедняков.
Купель Вифезды! В этом доме вдруг
И нищету излечат и недуг[40].

Благодарность, которую питали к нему бедняки, проявилась весьма странным образом в двух происшествиях **. Оказавшись во время скачек в Ньюмаркете, где он должен был посетить пациента — одного из Кавендишей,— он остановился на ночлег в гостинице и ночью был разбужен движением двери, которую кто-то осторожно открыл. Какой-то человек подошел к его кровати и сказал ему: «Я узнал, что вы здесь, но не решился прийти поговорить с вами днем. Я всегда помню, как вы были добры к моей матери во время ее тяжелой болезни, но до сих пор я не имел возможности выразить вам свою благодарность. Ну вот, я советую вам, ставьте наверняка на такую-то (он назвал имя) лошадь, а не на фаворита, которого я буду вести, так как мы решили, что он не

* «Memoirs of the Life of Dr. Darwin», 1804, стр. 5.

** Происшествия эти на первый взгляд кажутся мало вероятными, но я проследил их, с большей или меньшей отчетливостью, по четырем различным источникам, восходящим к моему деду, правдивость которого никогда не ставилась под сомнение кем-либо из тех, кто знал его. В истории с жокеем основные факты одинаковы во всех вариантах, но в подробностях эти варианты значительно расходятся. Во второй истории расходятся даже некоторые из основных фактов, и вся она внушает мне сильное сомнение. Любопытно, как эти рассказы с течением времени ненамеренно подвергаются изменениям. Впервые мне сообщила их дочь Вайолетты Дарвин, которая слышала их от своей матери.

выиграет». Из газетного сообщения мой дед узнал затем, что, ко всеобщему удивлению, фаворит не выиграл на скачках.

По второму рассказу, доктор проезжал как-то ночью по дороге в Ноттингем; его обогнал человек верхом на лошади, и доктор пожелал ему доброй ночи. Вскоре человек этот замедлил шаг; д-р Дарвин вынужден был обогнать его и снова заговорил с ним, но как и в первый раз, этот человек не ответил ему. Несколько дней спустя какой-то проезжий был ограблен ночью почти на том же месте, причем, судя по описанию, тем же самым человеком. Добавляют, что мой дед из любопытства посетил грабителя в тюрьме, и тот признался ему, что хотел ограбить его, но при этом прибавил: «Мне показалось, что это вы, а когда вы заговорили, я убедился в этом. Много лет назад вы спасли мне жизнь, и я ни за что не мог бы ограбить вас» *.

Несмотря на столь многочисленные данные, доказывающие щедрость и великодушие д-ра Дарвина, указывали, что он необычайно ценил деньги и писал только ради прибыли. Именно так сказано о нем в одной заметке, напечатанной вскоре после его смерти **; в ней говорится также, что он был очень тщеславен и что «лесть была наиболее успешным способом приобрести его внимание и благосклонность».

Все, что я был в состоянии выяснить, доказывает, что подобное представление о его характере ошибочно.

В письме к моему отцу, датированном 7 февраля 1792 г., он пишет: «Что касается гонораров, то если твое дело приносит тебе в общем достаточно, я бы не беспокоился о том, чтобы обязательно достичь наибольшего. Прожить с комфортом всю свою жизнь лучше, чем сколотить огромное состояние к концу ее».

В другом письме, не имеющем даты, но написанном в 1793 г., он замечает: «Существует алчность двух родов: одна — из страха перед бедностью, другая — из жажды наживы. Первая, я полагаю, охватывает в определенный момент каждого человека, добывающего средства к жизни своей профессией». Его сын Эразм в письме к моему отцу от 12 ноября 1792 г., отметив, что он очень разбогател, также говорит: «То обстоятельство, что я богатею, не вызывает у меня опасений, что во мне разовьется алчность, как говаривал наш отец, когда он жил в Личфилде; чтобы избежать этого зла, он, как ты помнишь, имел обыкновение каждую весну выкапывать несколько прудов для уток, а осенью вновь засыпал их». Трудно понять, как можно было истратить много денег на рытье прудов для уток.

Вероятно, единственным основанием для утверждений автора заметки и всех других подобного рода мнений была привычка деда — быть может, и безрассудная — нередко говорить о себе самом в тоне насмешки и подшучивания. М-р Эджуорс, знавший его «очень близко в течение тридцати шести лет», в своем возражении журналисту пишет ***:

«Мне очень хочется опровергнуть утверждение анонимного биографа, которое я считаю совершенно необоснованным и оскорбительным,

* В одной из версий этого рассказа не упоминается о посещении д-ром Дарвином этого человека [в тюрьме], но в таком случае и самый рассказ теряет смысл.

** «Monthly Magazine» («British Register»), том XIII, 1802, стр. 457.

*** «Monthly Magazine», том II [т. XII?], 1802, стр. 115.

будто д-р Дарвин писал главным образом из-за денег... Вполне вероятно, что для того, чтобы избежать неприятной ему лести, он мог иронически сказать, будто целью его писаний являются деньги, а не слава. Я слышал раз двадцать, как он говорил это, но никогда ни на одну минуту не допускал, что это говорилось всерьез... Журналист утверждает, «что он опускался до выслушивания грубой лести». Быть может, в сокровенных тайниках его сердца тщеславие и царило бесконтрольно, но ни один человек не требовал меньшей дани одобрения в беседе. Когда в антиякобинской газете была напечатана великолепная *пародия* на стиль его поэтических произведений, я в его присутствии высказался о ней с решительным одобрением, и он определенно был согласен со мной в признании ее остроумия, живости и поэтических достоинств». Требовать от автора «Любви растений», чтобы он восхищался «Любовью треугольников», значило подвергать его терпение суровому испытанию. М-р Кейр, который хорошо знал д-ра Дарвина в течение почти полустолетия, замечает в одном письме (12 мая 1802 г.): «Произведения Вашего отца — более верный памятник и более правильное зеркало его ума, чем это может быть сказано о сочинениях большинства других писателей. Ибо он не был одним из тех, кто пишет *invita Minerva* [вопреки склонности] или по какому-нибудь иному побуждению, нежели только из горячей любви к своему предмету».

Читая его письма, я был поражен его равнодушием к славе и полным отсутствием каких-либо признаков слишком высокой оценки своих собственных способностей и успеха своих произведений. На основании того, что он сам в письме к моему отцу упоминает о получении им оттиска своего портрета, я заключаю, что он был доволен этим: «Хорошо сделано, доказательство я усматриваю в том, что гравер м-р Смит надеется первый оттиск вскоре продать за 10 шиллингов 6 пенсов, а затем и второй — за 5 шиллингов». Далее он добавляет: «Но наивысшая почесть — это, что твоя голова будет красоваться на рекламном столбе, хорошо, правда, что не на воротах Темпля!» [41]. Эта гравюра была сделана по портрету работы Райта из Дерби, фотография с которого помещена в настоящем сочинении *. Было написано много портретов д-ра Дарвина, но, за исключением одного или двух из них, у него на этих портретах угрюмое и недовольное выражение лица. В письме к нему по поводу одного из этих портретов м-р Эджуорс говорит: «У Вас на этом портрете хмурый вид и губы сжаты, что скрывает Ваше благодушие и жизнерадостность. А великий писатель, каким являетесь Вы, дорогой доктор, превосходит, я полагаю, большинство других людей как по своему великодушию, так и по способностям» **.

Как я уже указывал, он был, насколько я могу судить, на редкость лишен тщеславия, самомнения и хвастовства; он не проявлял и честолюбивого желания занять более высокое положение в обществе. Мисс Филдинг [Fielding], внучка леди Шарлотты Финч [Finch], воспитательницы дочерей королевы Шарлотты, приехала к д-ру Дарвину в Дерби, чтобы посоветоваться с ним относительного своего здоровья, и была приглашена остановиться на некоторое время в его доме. Георг III, узнав от леди Шарлотты о широкой известности моего деда, сказал:

* [См. выше, стр. 265.— *Ред.*]
** «Memoirs», 2-е изд., том II, стр. 177.

«Почему д-р Дарвин не приедет в Лондон? Если бы он приехал, он стал бы моим врачом», и по своему обыкновению, он повторял это все снова и снова. Однако д-р Дарвин и его жена одинаково не переносили даже мысли о жизни в Лондоне, и не воспользовались этим намеком. Все кругом удивлялись тому, что он так и не переехал в Лондон.

Нет никакого сомнения в том, что он был вспыльчив. Мой отец говорит: «Он бывал иногда неистов в гневе, но его сочувствие к другим и благожелательность быстро склоняли его к попытке сгладить или смягчить дело». М-р Эджуорс также говорит *: «Раз пять или шесть в моей жизни я видел его разгневанным и слышал, как он выражал свой гнев с такой неподдельной, такой непосредственной силой, какой не способны ни ощутить, ни выразить люди менее чувствительные. Но это никогда не случалось по какому-нибудь личному поводу. Когда д-р Дарвин замечал какое бы то ни было проявление бесчеловечности или несправедливости, он не в состоянии был сдержать свое негодование; он не научился в школе лорда Честерфилда [42] душить всякое благородное чувство».

В 1804 г. мисс Сьюорд опубликовала свою книгу «Life of Dr. Darwin» [«Жизнь доктора Дарвина»]. Для его репутации было большим несчастьем, что она взяла на себя этот труд, потому что она была совершенно невежественна в естествознании и медицине, а претенциозность ее стиля кажется многим неприятной, чтобы не сказать отвратительной; правда, некоторым людям книга очень нравится. Она изобилует неточностями, о чем мой отец и другие члены нашей семьи заявляли, когда книга вышла в свет. Так, например, мисс Сьюорд утверждает, что перед самой кончиной д-р Дарвин послал за миссис Дарвин и просил сначала ее, а затем свою дочь Эмму пустить ему кровь, и их ответы она приводит в кавычках. Но весь этот рассказ просто вымышлен, ибо д-р Дарвин прямо запретил своему слуге звать миссис Дарвин, но тот не послушался, так как видел, что ему очень плохо; что касается его дочери, то ее вообще не было в то время дома. Даже его возраст ко времени смерти указан мисс Сьюорд неправильно. Очевидно также, что многочисленные длинные речи, приводимые в ее книге, являются плодом ее собственного воображения, причем эти речи мало или и совсем не подкреплены ссылками на источники.

Она рассказывает (стр. 406), что, узнав о самоубийстве своего сына Эразма, который утопился в припадке внезапного умопомешательства, д-р Дарвин проявил себя бесчеловечным в беспримерной степени. Как она утверждает, при известии о том, что тело «найдено, он тихо сказал „Бедный безумный трус“ и, как говорят, никогда после того больше не вспоминал о сыне». Далее мисс Сьюорд продолжает (стр. 408): «Это самообладание позволило ему немедленно вступить во владение поместьем, завещанным ему (его сыном Эразмом), строить планы по улучшению этого поместья, находить удовольствие в изложении этих планов своим знакомым и принять решение о превращении этого поместья в свою будущую резиденцию; и все это, по-видимому, даже не вспоминая, какое печальное событие сделало его обладателем этого поместья!»

* «Monthly Magazine», 1802, стр. 115.

Весь этот рассказ абсолютно ложен, и когда мой отец спрашивал ее, на чем он основан, она призналась, что он написан ею просто на основании весьма отдаленных слухов, без всякой попытки навести справки у кого-либо, кто мог быть действительно осведомлен о том, что произошло. На другой день после смерти сына (30 декабря 1799 г.) в письме к моему отцу д-р Дарвин говорит: «Я пишу в состоянии великой душевной скорби, чтобы сообщить тебе об ужасном событии: твой бедный брат Эразм упал вчера ночью в пруд в глубине своего сада и утонул». Его дочь Эмма, которая была при нем, когда к нему пришли с сообщением, что тело, наконец, найдено, следующим образом описывает его поведение в письме к моей матери: «Он тотчас же вскочил, но так сильно пошатнулся при этом, что мы с Вайолеттой стали просить его снова сесть, что́ он и сделал, и оперся головой на руку... он был страшно взволнован и в течение нескольких минут не мог говорить. Первое, что он сказал, было: „Я умоляю вас, пусть ни одна из вас не просит разрешения увидеть тело вашего бедного брата“; и когда мы уверили его, что совсем не хотим этого, он, спустя короткое время, сказал, что это самый тяжелый удар, какой ему пришлось испытать после смерти его бедного Чарлза». Эмма заявляет далее, что и другие утверждения мисс Сьюорд ложны от начала до конца, а именно, будто бы он никогда впоследствии не упоминал о смерти своего сына и будто бы он немедленно вступил во владение завещанной ему собственностью. Упомянув о других неточностях в книге мисс Сьюорд, Эмма заключает как истинная женщина и дочь: «Но все это не имеет никакого значения по сравнению с тем, что она осмелилась обвинить моего дорогого папу в отсутствии у него любви и сострадания к своему сыну. Как это опровергнуть? Я хотела перечеркнуть пером все ее выдумки и отослать ей книгу обратно, но мама не позволила этого. Она надеется, что Вы и мой брат придумаете что-либо более целесообразное; что же касается меня лично, то я ничего не имею против того, чтобы поклясться в истинности всего, что я сказала, перед обеими палатами Парламента».

В одном из своих писем с датой 8 февраля 1800 г. мой дед пишет: «В качестве душеприказчика я вынужден ежедневно изучать его [Эразма.— *Ч. Д.*] счета, что для меня и трудно, и прискорбно». Две недели спустя он сообщает моему отцу, что [на могиле] Эразма будет воздвигнут памятник, и добавляет: «Миссис Дарвин и я хотели бы, чтобы нас похоронили рядом с ним в Бредсоллской церкви». Вряд ли когда-нибудь была напечатана о ком-либо клевета более необоснованная, чем приведенный выше рассказ мисс Сьюорд о поведении д-ра Дарвина в тот момент, когда он узнал о смерти своего сына *.

* По требованию моего отца мисс Сьюорд напечатала в нескольких журналах нижеследующее заявление (однако подобные заявления скоро забываются, между тем как клеймо остается); «Автор „Memoirs of Dr. Darwin“ уже после издания книги выяснила из показаний членов его семьи и других лиц, бывших очевидцами этого события, что приведенное в книге (стр. 406) утверждение о восклицании д-ра Дарвина, когда он узнал о смерти м-ра Эразма Дарвина, совершенно ни на чем не основано и что д-р Дарвин в связи с этим печальным событием со всей очевидностью проявил в кругу своей семьи, как в то время, так и впоследствии, глубокие чувства к своему сыну и уважение к его памяти, которые он, по-видимому, из чувства гордости скрывал от света. Из уважения к его памяти автор желает внести эту поправку в полученные ею ранее неправильные сведения» («Monthly Magazine», 1804, стр. 378, а также другие журналы и газеты).

Не приходится сомневаться, что самоубийство было совершено в припадке внезапного умопомешательства. Известно, что умопомешательству обычно предшествует изменение характера,— Эразм, бывший образцом делового человека, сделался ненормально медлительным. Повидимому, он упустил сделать что-то существенное для моего отца, и мой дед почти за два года до смерти Эразма, желая оправдать его, написал отцу (8 января 1798 г.) следующее: «Я не говорил с ним о твоих делах, его пренебрежительное отношение к незначительным делам [незначительным — по его представлению, конечно.— *Ч. Д.*] — это конституциональная болезнь. Вчера я узнал, что он чуть не был задержан в Лондоне из-за ничтожного векселя в 3 или 4 фунта, по которому он был должен уже 4 или 5 лет, о чем ему неоднократно писали! А у нас в городе один торговец несколько раз жаловался одному из его друзей, что он одолжил м-ру Д. 70 фунтов и не может добиться от него уплаты этого долга. Я пишу все это, чтобы показать тебе, что его невнимание к твоему делу не вызывается тем, что он не считается с тобой или сердится на тебя,— но чем же? — *поражением волевой способности*. Этим и объясняется, что он вечно все откладывает!»

Очевидно, он и сам сознавал в себе какую-то душевную перемену, потому что за шесть недель до своей смерти он приобрел небольшое поместье в Прайори близ Дерби, куда он намерен был, несмотря на то, что ему было всего лишь сорок лет, удалиться от дел, чтобы провести остаток дней своих на покое или, как выразился (в письме к моему отцу от 28 ноября 1799 г.) д-р Дарвин, который не мог предвидеть, что́ все это предвещало, «чтобы проспать остаток своей жизни».

Среди вещей Эразма мой дед нашел маленький крестик, сплетенный из травы (теперь он принадлежит мне), которая была сорвана на могиле Чарлза, умершего за двадцать лет до того. За неделю до своей собственной смерти мой дед прислал этот крестик на сохранение моему отцу.

Ложные сообщения о поведении д-ра Дарвина в момент смерти его сына могли, вероятно, возникнуть только в силу того, что он очень не любил никакой аффектации и какого бы то ни было проявления эмоций в мужчине. Он хотел поэтому скрыть свои собственные чувства и, быть может, переусердствовал в этом. Мой отец пишет: «Он никогда не допускал, чтобы кто-либо из его рядовых знакомых касался в разговоре с ним вопросов, которые его остро затрагивали... Один из его афоризмов: чтобы чувствовать себя веселым, надо иметь веселый вид». У него была, кроме того, жилка скрытности. Мисс Сьюорд, отвечая на одно замечание моего отца, говорит (10 мая 1802 г., т. е. до выхода в свет «Мемуаров»): «Я слишком хорошо знала характер и привычки Вашего оплакиваемого всеми отца, чтобы меня могло удивить Ваше сообщение о том, как мало данных Вы могли получить от него самого об обстоятельствах его жизни до Вашего рождения, а также о тех, которые прошли мимо ненаблюдательных глаз беспечного детства».

Многие друзья и почитатели д-ра Дарвина были возмущены книгой мисс Сьюорд и решили, что в ней проявилось крайне злобное отношение автора к д-ру Дарвину. Перечитав недавно книгу, я не вынес такого впечатления; она скорее производит впечатление скандальной небрежности; быть может, мисс Сьюорд стремилась также привлечь внимание к своей книге включением в нее диких и оскорбительных

рассказов о д-ре Дарвине. Однако друзья его были правы, потому что в одном ее письме, от 12 мая 1802 г., к преподобному д-ру Уолли *, написанном до выхода в свет «Мемуаров», она обнаруживает себя в своем истинном виде и дает отвратительный образ «этой огромной груды гения и сарказма», как она называет его. Она говорит о «свойственной ему атмосфере холодной насмешки, отталкивавшей доверие и сердечную дружбу», и своим обычным напыщенным языком добавляет: «Годы не изменили к лучшему его сердца, и поэтическое творчество, проявившееся у него, когда он перешагнул во вторую половину жизни, присоединило к его врожденной холодности раздражительность, скрытность и грызущую зависть к славе других, работающих в той же области науки».

Вполне естественно возникает вопрос, по какой причине мисс Сьюорд с такой озлобленностью писала о человеке, с которым она в течение многих лет находилась в дружеских отношениях, и в отношении которого она нередко выражала, а вероятно, и чувствовала величайшее восхищение. Единственное возможное объяснение заключается, по-видимому, в том, что в период после смерти его первой жены и до его второй женитьбы ей хотелось выйти замуж за него. По мнению многих членов семьи, именно в этом и заключалась суть дела, а от моего отца я слыхал, что у него в руках были и документальные доказательства этого (впоследствии уничтоженные). Этим объясняется нижеследующая многозначительная фраза в письме моего отца, посланном ей 5 марта 1804 г. в связи с ее рассказом о самоубийстве Эразма: «Если бы я опубликовал для характеристики поведения моего отца его бумаги, неизбежно обнаружились бы некоторые обстоятельства, о которых Вам настолько же неприятно было бы прочитать, насколько мне — опубликовывать их. Отвергнутая любовь и желание в известной мере компенсировать себя делают понятным все ее поведение.

Я должен указать здесь и на то злословие относительно д-ра Дарвина, которое допустила в своем появившемся в 1858 г. «Жизнеописании» миссис Шиммельпеннинк [«Life» of Mrs. Schimmelpenninck], младшая сестра Терциуса Гальтона, зятя д-ра Дарвина. Она говорит там, что он издевался над совестью и нравственностью, не верил в бога и был грубым обжорой. Эти утверждения вряд ли заслуживают внимания, так как они были сделаны ею в глубокой старости, между тем как, по ее же собственным словам, она могла видеть д-ра Дарвина только «глазами ребенка». Кроме того, она и вообще не была человеком, заслуживающим доверия. У меня имеется копия письма, написанного (20 февраля 1871 г.) одной из ее племянниц д-ру Даусону, который использовал ее книгу в своей лекции «Life of Dr. Darwin», и это письмо содержит в высшей степени ясные указания на то, что она была человеком, которому нельзя было доверять. Говоря об этих ее утверждениях, одна из ее сестер также заявляет: «Факты искажены и дают ложное представление». Что касается обвинения в обжорстве, то надо иметь в виду, что д-р Дарвин был крупным человеком высокого роста и питался большей частью молоком, фруктами и овощами; вполне вероятно поэтому, что он съедал помногу за один раз, как вынужден поступать каждый, кто, много работая, находится на подобной диэте.

* «Journals of Dr. Whalley», edited by Wickham (не было опубликовано до 1863 г.), том I, стр. 342.

Так как интересно установить, в какой мере характерные особенности ума Эразма Дарвина были переданы им его потомкам, я приведу краткие сведения о его детях. У него было три сына от первой жены (не считая двух, которые умерли в младенческом возрасте) и четыре сына и три дочери — от второй. Его старший сын Чарлз (родившийся 3 сентября 1758 г.) был молодым человеком выдающихся способностей, но он умер (15 мая 1778 г.), не достигши двадцати одного года, от последствий ранения, полученного им при анатомировании мозга ребенка. Он унаследовал от своего отца сильную склонность к занятиям в различных областях науки, к писанию стихов и к механике. «Рабочие инструменты были его игрушками», а на устройство «машин были направлены первые усилия его изобретательности, и они же являлись первым источником его развлечений» *.

Он унаследовал также и заикание. В надежде вылечить его, отец послал его с приглашенным к нему воспитателем во Францию, когда ему было около восьми лет (1766—1767), полагая, что, если он в течение некоторого времени не будет иметь возможности говорить по-английски, привычка заикаться может пройти; и любопытно, что впоследствии, говоря по-французски, он никогда не заикался. В очень раннем возрасте он собирал всякого рода коллекции. Шестнадцати лет его послали на год в Оксфорд, но ему не понравилось там, он «считал [по словам его отца.— *Ч. Д.*], что сила ума ослабевает при изучении изящества классиков, подобно Геркулесу за прялкой, и мечтал о переходе к более серьезным занятиям в медицинской школе в Эдинбурге». Три года он оставался в Эдинбурге, упорно работая над своим медицинским образованием и ухаживая «с усердием за всеми больными бедняками Уотерлитского прихода, а также снабжая их необходимыми лекарствами». Медицинское общество [Aesculapian Society] присудило ему свою первую золотую медаль за экспериментальное исследование о гное и слизи. Заметки о нем появились в различных журналах, и все пишущие единодушно восторгались его необычайной энергией и способностями. По-видимому, как и его отец, он возбуждал в своих друзьях чувство горячей привязанности к нему. Профессор Эндрью Дункан, в фамильном склепе которого Чарлз был похоронен, срезал у него после смерти прядь волос и отдал ее ювелиру, ученик которого, впоследствии знаменитый сэр Г. Рабёрн [44], вставил ее в медальон на память **. Через сорок семь лет после смерти Чарлза, когда я был юным студентом-медиком в Эдинбурге, почтенный профессор говорил со мною о нем с чувством самой теплой любви. Надпись на его могиле, составленная его отцом, говорит, с большей правдивостью, чем обычно в таких случаях: «Обладая необычайными способностями и энергией, он достиг во всех областях медицины и естествознания знаний, поразительных для его лет».

Д-р Дарвин успел доехать до Эдинбурга, пока Чарлз был еще жив, и сначала питал надежду на его выздоровление; но эта надежда, как он

* Эти сведения заимствованы главным образом из очерка его жизни, напечатанного его отцом, Эразмом, в 1780 г. вместе с двумя посмертно изданными медицинскими работами Чарлза. См. также Hutchinson, «Biographia Medica», 1799, том I, стр. 239; «Biographie Universelle», том X, 1855, и статью в «Gentleman's Magazine», 1 сентября 1794 г., том LXIV, стр. 794, подписанную инициалами «A. D.», очевидно, профессор Эндрью Дункан из Эдинбурга [43].

** Professor A. Duncan, Harveian Discourse, 1824.

«с душевной болью» сообщил отцу, скоро исчезла. Два дня спустя он писал об этом же Веджвуду и закончил свое письмо словами: «Да благословит Вас господь, мой дорогой друг, пусть Ваши дети получат лучшую долю». Через два с половиною года он снова писал Веджвуду: «Я в таком состоянии, что скорее должен просить об утешении, чем доставлять его другим».

О характере его второго сына, Эразма (родившегося в 1759 г.), я могу сказать лишь очень мало; хотя он и писал стихи, он не обладал, по-видимому, ни одной из других склонностей своего отца. У него, однако, были свои собственные излюбленные увлечения, а именно: генеалогия, коллекционирование монет и статистика. Еще мальчиком он пересчитал все дома в Личфилде и, насколько он был в состоянии, старался выяснить число обитателей в возможно большем количестве домов; он произвел таким образом своего рода перепись, и когда в Личфилде впервые была произведена настоящая перепись, то оказалось, что его оценка числа жителей почти в точности совпадала с официальной оценкой. Он был тихим и склонным к уединению человеком. Мой отец был очень высокого мнения о его способностях, и, вероятно, он был прав, иначе люди, столь выдающиеся в различных областях, как Болтон, инженер, и Дэй, моралист и романист, не приглашали бы его принимать участие в их путешествиях и не гостили бы у него подолгу. Он был, несомненно, человеком очень изобретательным. Он придумал чрезвычайно хитрый план, при помощи которого удалось раскрыть автора большого числа анонимных писем, являвшихся в течение шести или семи лет причиной серьезных неприятностей и даже несчастий для многих жителей графства. Автор оказался местным дворянином, занимавшим довольно высокое положение. Эразм с успехом выполнял в Личфилде обязанности судебного стряпчего; умер он, 30 декабря 1799 г., как я уже упоминал, при весьма печальных обстоятельствах.

Третий сын, Роберт Уоринг Дарвин (мой отец, родившийся в 1766 г.) не унаследовал никаких способностей к поэзии или механике, не обладал он, как мне кажется, и умом ученого. Он напечатал в LXXVI томе «Philosophical Transactions» статью об Ocular Spectra [зрительных иллюзиях], о которой Уитстон говорил мне, что для своего времени это было замечательное произведение; думаю, однако, что работа эта написана им в значительной мере с помощью его отца [45]. В 1788 г. он был избран членом Королевского общества. Я не в состоянии объяснить, почему умственные способности моего отца казались мне неприспособленными для продуктивной деятельности в области науки, ибо он любил теоретизировать и был самым замечательным, самым изощренным наблюдателем, какого я только когда-либо знал. Но эти свои способности он развивал почти исключительно в применении к медицинской практике и к наблюдениям над психологией людей. Он интуитивно распознавал характер человека и даже с необыкновенной проницательностью читал в мыслях тех, с кем он приходил в соприкосновение. Эта способность отчасти объясняет его громадную популярность как врача, потому что она внушала его пациентам веру в него, и мой отец нередко говаривал, что искусство приобретать доверие — главное условие успеха врача у публики.

Эразм привез его в Шрусбери, когда ему не было еще двадцати одного года и, оставив ему 20 фунтов стерлингов, сказал: «Дай мне знать,

когда тебе понадобится еще, и я вышлю их тебе». Его дядя, приходский священник в Элстоне, также впоследствии прислал ему 20 фунтов, и это была единственная денежная помощь, когда-либо им полученная. Я слышал, как он рассказывал, что уже на протяжении первого года его практика дала ему возможность держать мужчину-слугу, а также двух лошадей. Эразм рассказывал м-ру Эджуорсу, что его сын Роберт, прожив в Шрусбери только шесть месяцев, «имел уже от сорока до пятидесяти пациентов». Со второго года у него была уже порядочная, а во все дальнейшие годы и очень обширная практика. Его успех был тем более замечателен, что по временам он ненавидел свою профессию и заявлял, что, будь он уверен в возможности заработать 100 фунтов в год каким угодно другим путем, он никогда не занимался бы врачебной практикой.

У него была замечательная память на даты некоторых событий, и он знал дни рождения, бракосочетания и смерти большинства джентльменов Шропшира. Однако эта способность не только не доставляла ему никакого удовольствия, но даже раздражала его: он говорил мне, что его память на даты воскрешает перед ним все тяжелые события и усиливает боль от утраты старых друзей. Обычно он бывал в хорошем настроении и очень любил поговорить. Это был человек по натуре своей чрезвычайно чувствительный, и если что-нибудь раздражало или огорчало его, то уж всегда до крайности. В известных случаях нетрудно было довести его и до гнева. Одним из его золотых правил было — никогда не завязывать дружбу с человеком, которого ты не можешь вполне уважать, и я думаю, что он всегда так и поступал. Но из всех отличительных особенностей его характера наиболее значительной чертой было его сочувствие к другим людям, и я полагаю, что именно это заставляло его ненавидеть иногда свою профессию врача, которая постоянно сталкивала его лицом к лицу с человеческими страданиями.

Сочувствие чужой радости — дар гораздо более редкий, нежели сочувствие чужому страданию, и, не боясь преувеличения, можно сказать, что для моего отца доставлять радость другим было огромной радостью. Он умер 13 ноября 1849 г. [46]. Короткая заметка о его жизни появилась в «Proceedings of the Royal Society» [47].

Из детей Эразма от его второго брака один сын стал кавалерийским офицером, второй — приходским священником в Элстоне, а третий, Френсис (родившийся в 1786 г. и умерший в 1859 г.),— врачом, совершавшим путешествия в страны, которые редко посещались в те времена. Он обнаруживал вкус к естественной истории, выражавшийся в том, что он любил держать у себя некоторое количество диких и интересных в каком-либо отношении животных. Добавлю, что один из его сыновей, капитан Дарвин,— страстный спортсмен и напечатал маленькую книжку «Game Keeper's Manual» [«Руководство для лесника»] (4-е изд., 1863), в которой обнаруживает большую наблюдательность и знание повадок различных животных. Старшая дочь Эразма, Вайолетта, вышла замуж за С. Терциуса Гальтона, и я уверен, что их сын Френсис * согласится с тем, что замечательная оригинальность его ума в

* Автор «Hereditary Genius», «English Men of Science» и других книг и статей.

значительной степени унаследована им от его деда с материнской стороны *.

Д-р Краузе с такой полнотой рассмотрел опубликованные сочинения д-ра Дарвина, что мне остается сказать о них лишь очень немногое. Поселившись в Личфилде, он в течение ряда лет занимался главным образом медициной, но нет никакого сомнения в том, что он постоянно производил наблюдения и делал заметки по различным вопросам. Начатая в 1776 г. огромная записная книга in folio, которая в настоящее время является собственностью Реджинальда Дарвина, наполовину заполнена заметками и рассуждениями. Принимая во внимание, каким плодовитым писателем он сделался в старости, приходится удивляться, что в течение долгого времени он, по-видимому, даже и не думал о печатании прозаических или поэтических произведений. В письме к м-ру Кредоку ** от 21 ноября 1775 г. (ему было тогда 43 года) он, выражая свою благодарность за преподнесенные ему Кредоком его «Village Memoirs» [«Деревенские воспоминания»], говорит: «В течение двадцати лет я пренебрегал музами и все свое трудолюбие вкладывал в разработку одной только медицины... Недавно я просил одну леди из Дербишира отказаться от вырубки небольшой рощицы, которая вдохновила меня заняться вновь давно оставленным искусством стихосложения; чтобы позабавить Вас, прилагаю эти стихи и одновременно обещаю никогда больше, пока жив буду, не писать стихов, а употребить свое время на завершение труда о некоторых разделах медицины, который я завещаю издать после моей смерти».

В 1778 г. он купил близ Личфилда около восьми акров земли и устроил там ботанический сад; по-видимому, это было его самым большим развлечением. «Эта дикая затененная долина... орошаемая несколькими источниками, обильные воды которых заболотили ее» (по словам мисс Сьюорд ***), является теперь частью примыкающего парка, а «Путеводитель по Личфилду» и до сих пор описывает это место «как дикий, но чрезвычайно живописный уголок; многие из старых деревьев еще целы, а там и сям из влажной травы подымают свои головки дарвиновские подснежники и нарциссы, храбро сражаясь в битве за жизнь».

Этот сад побудил его написать поэму «Ботанический сад», вторая часть которой, озаглавленная «Любовь растений», появилась, как это ни странно, до выхода в свет первой части, носящей заглавие «Экономия растительного мира». «Любовь растений», судя по предпосланному ей сонету, появилась, должно быть, в 1788 г., а второе издание — в 1790 г. Мисс Сьюорд в своей биографии д-ра Дарвина обвиняет его в присвоении многих ее стихов и в опубликовании их в этой поэме без какого бы то ни было упоминания имени их автора. Обстоятельство действительно очень странное, потому что, во-первых, она сама признает ****,

* В промежутке между первым и вторым браком д-р Дарвин стал отцом двух незаконнорожденных дочерей. При современном состоянии нашего общества может показаться странным тот факт, что врачебная практика моего деда не пострадала от того, что он открыто воспитывал своих незаконнорожденных детей. И к его чести, нужно сказать, он дал им хорошее воспитание, и, судя по всему, что я слышал, они стали прекрасными женщинами и жили в самой дружеской близости с его вдовой и детьми от второго брака.

** Cradock, Literary Memoirs, 1828, том IV, стр. 143.

*** «Memoirs of the Life of Dr. Darwin», 1804, стр. 125.

**** Там же, стр. 132.

что еще до появления этих стихов в поэме «Ботанический сад» они были, исключительно благодаря его содействию, напечатаны под ее именем в «Monthly Magazine» и впоследствии в «Annual Register». Во-вторых, самое искушение произвести кражу было, по-видимому, очень невелико, так как вся история его жизни показывает, что писание стихов на любую тему не составляло для него ни малейшего труда и являлось скорее лишь удовольствием. В-третьих, наконец, мисс Сьюорд и после того оставалась с ним в тех же дружеских, почти игривых, отношениях, как и до того времени. Вся история совершенно непонятна и в некоторых отношениях похожа скорее на разбой на большой дороге, чем на простой плагиант. М-р Эджуорс в письме (от 3 февраля 1812 г.) к сэру Вальтеру Скотту * говорит, что он выразил д-ру Дарвину свое удивление, когда увидел стихи мисс Сьюорд в начале его поэмы, на что д-р Дарвин ответил: «Это была любезность, которую я счел себя обязанным оказать даме, хотя ее стихи были иного тона, чем мои собственные». Но это довольно плохое извинение и странный способ оказывать любезность, используя чужие стихи без указания их автора. Может быть, он считал, что поступает честно, потому что Эджуорс говорит далее: «Ода мисс Сьюорд о капитане Куке [«Ode to Captain Cook»] вполне заслуженно получила высокую оценку среди читателей. И вот, мне достоверно известно, что бóльшая часть тех строф, которые цитировались как наилучшие в различных рецензиях на это произведение, была написана д-ром Дарвином... Я хорошо знал его, и так же чуждо было для его нрава и привычек, как и излишне для его достижений, выпрашивать, заимствовать или красть у кого бы то ни было на свете». Так или иначе, но эти строки м-ра Эджуорса показывают, каким верным и пылким другом д-ра Дарвина он долго оставался и после смерти последнего.

В письме к моему отцу от 21 февраля 1788 г. д-р Дарвин говорит: «Я печатаю „Любовь растений“, которую выпущу анонимно, хотя многим и будет известно, кто ее автор. Однако помещение моего имени означало бы, что я считаю это произведение значительным». Несмотря на эту пренебрежительную оценку, поэма имела большой и немедленный успех; я слышал от моего отца, который был очень точен в отношении цифр, что за ту часть, которая появилась последней, уплатили еще до ее выхода в свет тысячу гиней,— сумма по тем временам, должно быть, необычайная. Успех поэмы не был и вполне преходящим, ибо в 1799 г. появилось четвертое издание ее. В 1806 г. вышло собрание всех его поэтических произведений в восьмую долю листа. Я сам встречал стариков, которые говорили о его поэмах с энтузиазмом, совершенно непонятным в наши дни. Горас Уолпол [48] неоднократно с восхищением упоминает в своих письмах о поэмах д-ра Дарвина, а в письме к м-ру Баррету (от 14 мая 1792 г.) он пишет:

«„Триумф Флоры“, начиная с пятьдесят девятого стиха, по своему замыслу наиболее красив и очарователен, а двенадцать стихов, в которых дано, словно при помощи волшебства, проникновенное описание сотворения мира из хаоса, по возвышенности чувств не имеют, как мне кажется, равных себе ни у одного писателя, по крайней мере — на тех немногих языках, которыми я владею. Там есть тысяча других самых очаровательных стихов, и все они таковы,— полны самых поэтических

* «Memoirs of R. L. Edgeworth», 2-е изд., 1821, том II, стр. 245.

образов, пышных эпитетов и изящества; и все же эти четыре песни нравятся мне не так сильно, как „Любовь растений“». Вот эти столь восхваляемые строки:

«Да будет свет!» — всевышний царь сказал,
Словам творца в восторге хаос внял.
И вот уже эфиром раскалён,
На миллионы солнц дробится он.
Планеты отрываются от них
И порождают спутников своих.
Напоминая скоростью снаряд,
Они по светлым эллипсам летят,—
Вкруг центра центр, орбиты вкруг орбит,—
Но космос равновесие хранит.
Они летят — вперед — и нет конца
Пространству мира — лону их творца!

(«Ботанический сад», часть 1, песнь 1, стихи 103—114).

В письме (1790 г.) к д-ру Дарвину м-р Эджуорс пишет по поводу «Ботанического сада» *: «Не боясь затронуть Вашу деликатность, я могу, однако, сказать, что Ваша поэма заставила навсегда умолкнуть жалобы поэтов, горевавших, что Гомер, Мильтон, Шекспир и еще немногие классики исчерпали все, что только можно было воспеть, и что изящное подражание подражаниям — все, чего можно ожидать от современной поэзии. Я читал описание танца Медеи моим сестрам и восьми или десяти членам моей семьи. Оно настолько захватило мое воображение, что кровь застыла у меня в жилах и волосы встали дыбом от ужаса». Когда его поэтическая слава начала убывать, Эджуорс предсказывал (стр. 117), что «в будущем явится некий критик, который вновь откроет „Ботанический сад“, и благодаря этому открытию прославится». «Эта поэма вновь засияет в глазах восхищенного потомства».

Многие поэты посвятили ему хвалебные оды, приведенные в издании 1806 г. Купер [49], который, как это легко себе представить, по своим вкусам настолько отличался от него, насколько вообще могут отличаться друг от друга два человека, написал все же в сотрудничестве с Хайли [50] поэму в его честь **, которая начинается так:

Тебя без зависти хвалю,
  Но если б в сердце мне
Чьи песни зависть влить могли,
  То лишь одни твои.

Несмотря, однако, на ту высокую оценку, которую его поэзия получила в Англии в прежние времена со стороны самых различных людей, нынешнее поколение, по-видимому, совершенно не читает его произведений. Такая полная перемена во взглядах на протяжении немногих лет удивительна. Впрочем, некоторыми лицами его стихи были осмеяны

* «Memoirs of R. L. Edgeworth», 2-е изд., 1821, том II, стр. 111.
** Она датирована 23 июня 1793 г. и напечатана в «Monthly Magazine», 1803, том II, стр. 100.

вскоре после их появления. В «Pursuits of Literature» * они определены как

«Нитевидные, газообразные, паутинные строки...
Тетрандрические, моногинные пресные потуги» [51].

Но внезапное падение его поэтической славы было в значительной мере вызвано изданием широко известной пародии «Любовь треугольников» [«Loves of the Triangles»]. Несомненно, вкусы с тех пор изменились, стали более простыми и естественными. Под влиянием Вордсворта и Кольриджа сделалось общепризнанным, что поэзия должна заниматься главным образом чувствами и более глубокими душевными состояниями, тогда как Дарвин утверждал, что поэзия в основном должна ограничиваться словесным изображением видимых предметов. Он говорит («Любовь растений», интерлюдия между I и II песнями), что поэтические произведения состоят из слов, выражающих представления, которые первоначально были получены органом зрения. «...А так как наши представления, порожденные объектами зрения, более отчетливы, чем представления, порожденные объектами других наших органов чувств, то слова, выражающие представления, связанные со зрением, составляют главную часть поэтического языка. Иными словами, поэты пишут главным образом для глаза, между тем как прозаики пользуются в большей мере отвлеченными понятиями». Нужно признать, что он был большим мастером языка. В одном из наиболее ранних и лучших критических разборов его поэтических произведений ** сказано, что никто «не владел так великолепно словом и не мог осветить с такой точностью и изяществом самое сложное и запутанное поэтическое построение». Байрон называл его «могущественным мастером бессмысленных рифм».

Его первой научной печатной работой была статья, опубликованная в «Philosophical Transactions» за 1757 г.; он опровергает в ней взгляд м-ра Илса [Eeles], который полагал, что пар подымается вверх благодаря тому, что «каждая частица его наделена известным количеством электрического огня». Статья не представляет никакой ценности, но она любопытна как показатель того, в каком зачаточном состоянии находились тогда некоторые области науки. Так, д-р Дарвин отмечает, что «насколько мне известно, никто еще достаточно не изучил различия» между «огромным разрежением взрывчатых тел», вызванным «улетучиванием воздуха, который до того находился в них в конденсированном состоянии», как, например, в том случае, когда несколько зерен пороха подвергаются взрыву в пузыре, и «расширением частиц, составляющих эти тела», под влиянием теплоты, как при расширении пара.

Умозрительные концепции нижеследующего письма (никогда до сих пор не опубликованного) представляют интерес, но при суждении об их достоинствах следует помнить о времени написания этого письма.

* «Pursuits of Literature», a Satirical Poem in Four Dialogues [«Литературные занятия», сатирическая поэма в четырех диалогах»], 14-е изд., [Лондон], 1808, стр. 54.

** «Monthly Magazine, or British Register», 1802, том XIII, стр. 457—463.

Эразм Дарвин — Джосайе Веджвуду

Март 1784 г.

Дорогой сэр,

Я восхищен тем способом, который Вы избрали для доказательства Вашей новой теории замерзания пара. Вы говорите: «Не может ли пар замерзать при меньшей степени холода, чем вода, [собранная] в массе? — примеры: иней и т. д.». Но вот это самое *и так далее,* мой дорогой друг, кажется мне фигурой, настолько значительной для Вашей теории, что мне хотелось бы, чтобы она представилась несколько более раскрытой.

Я послал описание Вашего опыта м-ру Роберту и просил его показать это описание д-ру Блэку [52]; надеюсь поэтому, что через некоторое время я узнаю его мнение об упоминаемом Вами чрезвычайно любопытном факте, а именно, что кусок льда (в процессе таяния) замерзает с одной стороны, когда Вы с другой прикладываете к нему нагретое тело. Но вопреки Вашему «и так далее» я не знаю ни одного факта, который подтверждал бы, что пар замерзает при меньшем холоде, чем вода. Я никак не могу понять, почему в то время, когда Вы прикладываете нагретое тело к куску льда с одной его стороны,— причем температура воздуха в Вашей комнате 50[c] [Фаренгейта] и лед уже в течение одного или двух дней находится в состоянии таяния — на другой стороне того же куска могло бы происходить замерзание, разве только вследствие следующих обстоятельств. Существует большое сходство между законами распространения теплоты и законами распространения электричества; так, одни и те же тела являются для них хорошими проводниками, например металлы, и одни и те же тела — проводниками более плохими, например, стекло, воск, воздух; оба они [теплота и электричество] возбуждаются при трении, оба дают свет, плавят металлы и т. д. *Поэтому я предполагаю, что тепловые атмосферы различной плотности, так же как и электрические атмосферы, отталкивают друг друга на определенных расстояниях,* подобно шарикам ртути, прижимаемым друг к другу, и вследствие этого при помещении нагретого тела близ одного конца холодного тела более отдаленный конец может немедленно стать холоднее конца, ближайшего к нагретому телу.

Марта 11, 1784 г. После того, как я написал вышеизложенное, я вновь рассмотрел вопрос, и прихожу к тому мнению, что так как пар содержит элемент теплоты в большем количестве, чем вода, то для того, чтобы превратиться в лед, он должен требовать больше абсолютного холода, хотя столько же ощутимого [относительного] холода, сколько требуется для замерзания воды, и что явление, которое Вы наблюдали, зависит от обстоятельств, не принятых во внимание. Когда вода охлаждается до точки замерзания, ее частицы настолько сближаются между собою, что оказываются в пределах сферы их взаимного притяжения; что же тогда происходит?— они с силою прижимаются друг к другу и становятся твердыми, выталкивая в то же время находящийся между ними в некотором количестве воздух, который, как мы видим, образует во льду пузырьки, а благодаря тому, что этот воздух снова приобретает свойственную ему упругость, он делает всю массу легче воды (на которой лед плавает); одновременно вытесняются не-

которые соляные вещества, как морская соль или же синий купорос, которые были растворены в воде; наконец, при этом происходящем с большой силой соединении частиц воды они вытесняют также некоторое количество теплоты [скрытую теплоту] [53], что можно видеть по поднятию ртути в термометре, погруженном в такую замерзающую воду. На последнее обстоятельство Вам следует обратить особое внимание, так как им объясняется любопытный факт, который Вы наблюдали. Когда от воды отнято столько теплоты, что частицы могут взаимно притягиваться друг к другу, они с силою сталкиваются и вытесняют некоторое количество остаточной [скрытой] теплоты, находившейся в промежутках между ними. Понятно, что когда Вы добавляете в лед теплоту, раздвигая таким образом частицы до сфер их взаимного отталкивания, должно происходить обратное: частицы с силою отталкиваются друг от друга и тем самым притягивают больше теплоты в промежутки между ними; и если Ваш горячий кусочек серебра остыл и не выделяет больше теплоты или же если эта талая вода, находясь в процессе расширения, соприкасается с другой водой, которая насыщена теплотой, то она отнимает часть последней, т. е. будет вызывать замерзание, если только ее температура чуть выше 32° [Фаренгейта].

Я не знаю, понятно ли я выразил свою мысль. Я опишу Вам опыт, произведенный мною двадцать пять лет тому назад, который подтверждает Ваше наблюдение. Я наполнил снегом пивоваренный чан вместимостью около 80 галлонов и погрузил в этот снег около половины унции воды, помещенной на дне стеклянной трубочки, по возможности ближе к центру [чана]; затем, подложив под чан дрова и разведя сильный и быстрый огонь, я выпускал воду через кран по мере того как снег таял и, вынув через несколько минут трубочку, обнаружил, что вода в ней замерзла. Этот опыт совпадает с Вашим и может быть, как я полагаю, объяснен только на основании изложенного выше принципа. В подтверждение изложенной теории я могу доказать на основании ряда опытов, что воздух при механическом расширении всегда притягивает теплоту из окружающих его тел, а следовательно, и вода должна вести себя при расширении точно так же. Но это удлинило бы мое письмо еще на одну страницу, и потому я откладываю доказательство этого до того времени, когда буду иметь удовольствие лично побеседовать с Вами. Таким образом, лед при замерзании внезапно выделяет теплоту, а при таянии внезапно выделяет холод; но этот последний факт до сих пор не был замечен (кроме как при образовании химических смесей) по той причине, что при нагревании талого льда применяли слишком большое количество теплоты.

Когда же мы увидимся? Наш малыш болен лихорадкой и не хочет принимать хину; миссис Дарвин не хочется поэтому оставлять его, и она просит отложить на некоторое время ее поездку в Этрурию. Пожалуйста, заезжайте по дороге в Лондон или когда будете ехать оттуда. Наши наилучшие пожелания всем Вашим.

Прощайте,

Э. Дарвин

P. S. — Вода, охлажденная ниже 32° [Фаренгейта], мгновенно превращается в лед при небольшом сотрясении или при переливании из одного сосуда в другой вследствие того, что при этом облегчается

присоединение частиц друг к другу и вытеснение воздуха, соляных веществ и теплоты.

«Зоономия», которая подготовлялась в течение многих лет, вышла в свет в 1794 г. Мы видели, что в 1775 г. она была предназначена [ее автором] лишь для посмертного издания. И еще в феврале 1792 г. д-р Дарвин писал моему отцу: «Я работаю над моей „Зоономией", которую, *думаю,* я буду издавать, и, надеюсь, продам ее, ибо я стал теперь достаточно старым и черствым, чтобы бояться некоторой толики брани. Каждый Джон Гёнтер должен ожидать, что какой-нибудь Джессе Фут [54] станет преследовать его, подобно мухе, досаждающей лошади». Немедленно по выходе в свет книга была переведена на немецкий, французский и итальянский языки, и папа римский оказал ей честь, поместив ее в «Index Expurgatorius» [55]. Д-р Краузе настолько полно, беспристрастно и интересно изложил научные взгляды [Эразма Дарвина], развитые в этом и других сочинениях, что мне лишь не много остается сказать по этому поводу. Хотя он широко прибегал к гипотезам, он вполне понимал значение эксперимента. Мария Эджуорс в письме (от 9 марта 1792 г.) говорит о своем маленьком брате Генри, который любил заниматься коллекционированием и наблюдениями: «По крайне мере, он никогда не подойдет под определение дурака, данное д-ром Дарвином: „Дурак, м-р Эджуорс, это, понимаете ли, человек, который за всю свою жизнь не произвел ни одного опыта"» *. В *Апологии,* предпосланной «Ботаническому саду» мы также находим следующие справедливые замечания: «Быть может, здесь уместно выступить в защиту различных приводимых в дальнейшем гипотетических предположений по поводу некоторых пунктов натуральной философии [т. е. физики], которые не обоснованы точным исследованием или доказательными экспериментами. Экстравагантные теории — конечно, в тех разделах философии, где наши положительные знания все еще остаются несовершенными,— не бесполезны, ибо они побуждают к постановке кропотливых опытов, т. е. испытанию остроумных дедукций, с целью подтвердить или отвергнуть их. А так как естественные объекты связаны друг с другом многими нитями сродства, то всякая попытка теоретического их распределения, при помощи установления известного сходства их, способствует увеличению суммы наших знаний».

Д-р Дарвин оказался более подготовленным, чем некоторые профессиональные химики, к признанию тех новых и грандиозных идей в химии (в области знания, которая всегда чрезвычайно интересовала его), которые получили развитие в конце прошлого [восемнадцатого] столетия. Джейм Кейр, выдающийся химик того времени, в марте 1790 г. писал ему **: «Ваше неверие в области религии настолько велико, что Вы не в состоянии допустить пресуществление, но зато Вы уж, конечно, можете поверить в то, что яблоки и груши и т. п., сахар, масло, уксус — не что иное, как вода и уголь, и что возможность все эти вещи обозначить одним наименованием — углеводородные окислы — представляет собою великое усовершенствование нашего языка» [56].

В «Зоономии» много места уделено психологии, но я боюсь, что его спекулятивные рассуждения в этой области не представляют большой

* «Memoir of Maria Edgeworth», 1867, том I, стр. 31.

** «Sketch of the Life of James Keir, F. R. S.», стр. 111.

ценности. Тем не менее, Г. Г. Льюис говорит о нем *: «Дарвин, некогда столь знаменитый, а нынешним поколением забытый еще более основательно, чем Гартли [58], заслуживает здесь упоминания как один из психологов, ставивших своей целью подведение физиологической базы под психические явления». И далее: «Если бы Дарвин только и оставил нам цитированный сейчас отрывок **, мы должны были бы признать за ним более глубокое проникновение в психологию, чем то, которое проявили все современные ему и большинство позднейших психологов; и хотя прочитав «Зоономию», неизбежно приходишь к заключению, что система Дарвина построена на абсурдных гипотезах, Дарвин заслуживает места в истории уже хотя бы за одну только великолепную концепцию психологии, как области, подчиненной общим законам жизни». Знаменитый Иоганнес Мюллер, цитируя его [Э. Дарвина] «закон ассоциированных движений», соглашается с ним, хотя и вносит некоторые поправки [в этот закон] ***.

«Зоономия» посвящена главным образом медицинским вопросам, и мой отец считал, что она оказала значительное влияние на практическую медицину в Англии; конечно, он был пристрастным, но, естественно, более наблюдательным судьею в этом вопросе, чем кто-либо другой. При своем появлении книга получила широкое распространение среди медиков того времени, которые высоко ценили ее автора как практического врача. Нижеследующий любопытный случай, записанный его дочерью Вайолеттой, когда она была уже в преклонном возрасте, демонстрирует его репутацию как врача. Один джентльмен, больной туберкулезом в последней стадии, приехал к д-ру Дарвину в Дерби и изъяснился следующим образом: «Я приехал из Лондона, чтобы посоветоваться с вами, как с величайшим врачом в мире, и услышать от вас, имеется ли еще для меня какая-нибудь надежда; я знаю, что моя жизнь висит на волоске, но пока живешь, хочешь и надеяться. Для меня крайне важно немедленно привести в порядок мои житейские дела, и я надеюсь поэтому, что вы не станете вводить меня в заблуждение и без колебания скажете мне ваше искреннее мнение». Д-р Дарвин пощупал у него пульс, внимательно выслушал его и сказал, что, к его огорчению, надежды нет. Несколько минут джентльмен молчал, затем спросил: «Как долго я могу еще прожить?» Дарвин ответил: «Может быть, недели две». Джентльмен схватил руку д-ра Дарвина и воскликнул: «Благодарю вас, доктор, благодарю вас. Я удовлетворен, я знаю теперь, что для меня уже нет более никакой надежды». Тогда д-р Дарвин сказал: «Но раз вы приехали из Лондона, почему вы не обратились за советом к д-ру Уоррену [Warren], столь знаменитому врачу?» — «Увы, доктор, я и есть доктор Уоррен!». Он умер одну или две недели спустя.

Я могу припомнить только два пункта, относительно которых мой отец считал, что «Зоономия» оказала влияние на практическую медицину в нашей стране. В этом сочинении говорится ****: «Существует золотое правило, при помощи которого можно определить то необходимое и полезное количество возбуждающего, [которое следует прописы-

* G. H. Lewes, History of Philosophy, 3-е изд., 1867, том II, стр. 356 [57].
** «Zoonomia», том I, стр. 27.
*** J. Müller, Elements of Physiology, англ. перевод Бейли, 1842, стр. 943.
**** «Zoonomia», 1794, том II, стр. 99. Меня натолкнуло на поиски этого места упоминание о нем в лекции д-ра Даусона «Erasmus Darwin: Philosopher, Poet and Physician», 1861, стр. 46.

вать] при лихорадках, сопровождающихся слабостью. Когда [больному] дают вино или пиво, в чистом ли виде или разведенное водой, то возбуждающее было прописано в надлежащем количестве, если пульс замедляется, и тогда [возбуждающее] следует повторять через каждые два или три часа или же когда пульс опять участится». Значение этого «золотого правила» будет оценено, если вспомнить, что огромная польза возбуждающих средств при лихорадке была признана только в самое недавнее время, когда их и начали применять. Его взгляды на лихорадку в то время определенно привлекли к себе внимание *, но в применении возбуждающих средств при этом заболевании были значительные колебания, и вся история этого вопроса оказывается достаточно неясной, как я могу заключить из письма, любезно присланного мне сэром Робертом Кристисоном [R. Christison].

Вторым пунктом, о котором упоминал мой отец, было лечение сумасшедших. Указав **, что сумасшедших не следует подвергать заключению, если они не опасны, д-р Дарвин утверждает, что в некоторых случаях «заключение скорее задерживает, чем ускоряет их излечение, которому благоприятствует перемена идей» и т. д. Он замечает затем, что превратные идеи сами по себе вовсе не оправдывают заключения, и добавляет: «Если бы каждый, кто обладает превратными идеями или кто высказывает ошибочные суждения о вещах, подвергался заключению, я не знаю, кто из моих читателей не должен был бы трепетать при виде дома умалишенных».

В связи с этим представляет интерес нижеследующее место из книги д-ра Модсли ***: «Я воспользуюсь здесь подходящим случаем, чтобы привести некоторые наблюдения относительно поразительной формы, в которой расстройство деятельности одного нервного центра иногда внезапно переходит на другой,— факт, лишь недавно вновь привлекший к себе внимание, но уже давным давно отмеченный и разъясненный д-ром Дарвином, который писал: „При некоторых конвульсивных заболеваниях внезапно наступает бред или помешательство, и тогда конвульсии прекращаются, и, наоборот, внезапно наступают конвульсии, а бред прекращается. Во время припадков у больных тяжелой эпилепсией это происходило на моих глазах по многу раз в течение дня, что доказывает, что известный род бреда представляет собою конвульсию органов чувств и что наши идеи суть движения этих органов“».

Д-р Лодер Брёнтон [Lauder Brunton] напомнил мне еще об одном факте, доказывающем, что д-р Дарвин, по-видимому, предвосхитил одно современное открытие.

В статье о «простуде», напечатанной в «British Medical Journal» (1873, стр. 735), д-р Брёнтон излагает опыты Розенталя, доказывающие, что у животного, подвергнутого действию достаточно высокой температуры, «кожные сосуды парализуются жаром и остаются расширенными даже и в том случае, если затем подействовать [на животное] холодом. Вследствие этого кровь, подвергаясь действию наружной температуры на протяжении большой поверхности, быстро охлаждается». Так, например, кровь одного животного, подвергнутого подобному опыту,

* См. например: Dr Baeta, Comparative View of Theories and Practice of Drs. Cullen, Brown and Darwin, 1800.

** «Zoonomia», том II, 1796, стр. 352.

*** Dr. Maudsley, Pathology of Mind, 1879, стр. 229.

упала со 107,6°—111° до 96,8° [по Фаренгейту] и сохраняла эту низкую температуру в течение нескольких дней. Одно место в «Зоономии» * показывает, как будто, что д-р Дарвин был знаком с этим важным фактом, который Розенталь установил почти на сто лет позже.

Д-р Дарвин полностью признавал несомненность и важность принципа наследственной передачи болезней. Он говорит **: «Так как многие семьи постепенно вымирают от наследственных болезней, таких, как золотуха, чахотка, эпилепсия, сумасшествие, то часто бывает рискованным жениться на наследнице, нередко являющейся последним отпрыском пораженной болезнью семьи». Его внук Френсис Гальтон, столь широко известный своими трудами по вопросам наследственности, вполне оценит это замечание. С другой стороны, если склонность к заболеванию имеется только у одного из родителей, дети часто остаются здоровыми. «Я знаю теперь,— пишет он моему отцу 5 января 1792 г.,— много семей, у которых были в роду сумасшедшие, но только с *одной* стороны, и дети, теперь уже люди престарелого возраста, не обнаруживают никаких признаков болезни. И если бы было иначе, то во всем королевстве не нашлось бы семьи без эпилептиков, подагриков и сумасшедших».

В «Храме природы» (Примечания, стр. 11) есть любопытное место, доказывающее его пророческую прозорливость в вопросе о «микроскопических животных». Всего лишь несколько лет назад какой-нибудь философ-утилитарист мог высмеивать людей, которые всю свою жизнь затрачивают на исследование организмов столь малых, что их и увидеть-то невозможно невооруженным глазом; и тогда трудно было дать такому человеку удовлетворительный ответ, основанный не только на общих положениях. А в настоящее время исследования многочисленных натуралистов показали нам, какую всемогущую роль играют эти организмы в гниении, брожении, инфекционных болезнях и т. д., и мир обязан данью глубочайшей благодарности м-ру Листеру за его метод антисептического лечения ран, являющийся результатом этих исследований. Поэтому нижеследующие слова моего деда представляются мне замечательными, особенно если принять во внимание, как мало было известно в то время об этом предмете; он говорит: «Я надеюсь, что микроскопические исследования снова возбудят внимание натуралистов, ибо эти исследования приведут, вероятно, к непредвидимой пользе, подобно открытию нового мира» [60].

«Фитология» вышла в свет в 1800 г. Она начинается с обсуждения вопроса о природе листовых и цветочных почек; как я заключаю из «Основ физиологии» Иоганнеса Мюллера ***, точка зрения —в настоящее время общепринятая,— согласно которой растение состоит из «системы индивидуумов», а не просто представляет собою многократное повторение одинаковых органов, была впервые высказана Дарвином.

Если принять во внимание, что только в самое недавнее время выяснили, каким образом растения видоизменяют и усваивают пищу, запасенную в их корнях, клубнях, семядолях и пр., то нижеследующие слова («Phytologia», стр. 77) заслуживают внимания: «Пищеварительная

* «Zoonomia», том II, 1796, стр. 570.

** «The Temple of Nature», 1803. Примечания, стр. 45,— опубликовано после его смерти [59].

*** J. Müller, Elements of Physiology, перевод на англ. язык Бейли, 1842, стр. 1421.

способность молодого растения вместе с теплотой и влагой в качестве агентов химических процессов превращают крахмал или клейковину корня или семени в сахар, используемый растением для питания; ... и таким образом, кажется вероятным, что сахар является основной пищей как животных, так и растительных существ»[61].

В сочинении уделено много места вопросам агрикультуры и садоводства, а особый раздел посвящен фосфору, который, как он полагает (стр. 207), встречается у всех растений,— вопрос, «которому до настоящего времени не уделялось достаточно внимания». Он указывает на полезность костей в качестве удобрения, но ошибается в своем предположении, будто раковины и некоторые вещества, способные светиться в темноте, изобилуют фосфором. Сэр Дж. Синклер, президент Департамента земледелия,— следовательно, наиболее компетентный судья,— говорит, что хотя удобрительное значение костяной муки было уже ранее указано Гёнтером, «но впервые оно было со всей авторитетностью теоретически объяснено и особенно подчеркнуто д-ром Дарвином». Он отмечает далее — и в справедливости этого не может быть ни малейшего сомнения,— что «быть может, ни одно [другое.— *Ч. Д.*] современное открытие не содействовало столь мощно поднятию плодородия и увеличению производительности почвы» *.

Нижеследующие рассуждения представляют интерес как предвидение успехов современной мысли. В рассуждении о «Благе органической жизни» (стр. 556), указав, что животные питаются растениями, он говорит: «Более сильные подвижные животные беспощадно уничтожают более слабых. Таковы условия органической природы! Ее основной закон можно выразить словами: „Ешь или ты будешь съеден“. Она представляет собой гигантскую бойню, всемирную арену кровожадности и произвола». Он говорит далее: «Где обнаружим мы ту идею милосердия, которая позволила бы нам утешиться среди столь огромного явного страдания?». И затем заявляет: «Хищники с большей легкостью ловят и побеждают старых и слабых животных, молодых же охраняют их родители... Благодаря такому устройству в мире преобладает чувство удовольствия... отжившие организации сменяются молодыми... смерть нельзя называть в полной мере абсолютным злом, скорее она — лишь ограничение добра». Там имеется еще много рассуждений в этом же роде, но едва ли более ценных, чем приведенные. Он делает затем большой скачок в своей аргументации и говорит в заключение, что все слои земного шара «являются памятниками минувшего счастья органической природы! И, следовательно, благости божества!»[62].

Любопытным доказательством того, до какой степени английские ботаники были ослеплены великолепием славы Линнея, является тот факт, что д-р Дарвин никогда, очевидно, не слыхал о Жюсье[63], ибо он пишет (стр. 564): «Если систему великого Линнея можно будет существенно улучшить когда-либо в будущем, то я убежден, что в основу этого будет положен предложенный здесь план, заключающийся в использовании расположения, пропорций или форм половых органов с учетом их числа или без него в качестве критериев [для разделения] на отряды и классы, но потребуется великий архитектор, чтобы воздвиг-

* Указание на книгу «Life and Works of Sir J. Sinclair» я заимствовал из лекции д-ра Даусона «Life of Erasmus Darwin».

нуть эту надстройку». Он не знал, следовательно, что превосходная надстройка уже была осуществлена.

Остается отметить только еще одну книгу: «A Plan for the Conduct of the Female Education in Boarding Schools» [«Проект постановки женского воспитания в пансионах»], вышедшую в 1797 г. Этот небольшой трактат, не привлекший к себе, по-видимому, значительного внимания в Англии, был, однако, переведен на немецкий язык. Отличаясь простотой изложения и здравым смыслом, он очень мало занимается теоретическими рассуждениями и весь проникнут чувством гуманности. Д-р Дарвин рекомендует насколько возможно избегать наказаний и даже выговоры делать с добрым чувством [к ребенку]. Соревнование, хотя и полезно, но опасно в том отношении, что оно легко вырождается в чувство зависти. «Если однажды вы сумели развить в детях чувство чести и боязнь позора, то вы внушили им принцип, который будет действовать постоянно и побуждать их к добрым поступкам, хотя не это истинный источник, из которого должны проистекать наши поступки, им должно быть сознание нашего долга по отношению к другим и к самим себе». Он утверждает, что сочувствие к горю и радостям других людей — основа наших общественных добродетелей и что внедрить эту идею легче всего собственным примером, выражением своего собственного сочувствия к другим. «Сострадание, или сочувствие к чужому страданию, должно распространяться и на животных... тот, кто бесцельно уничтожает даже насекомых, проявляет отсутствие мысли или злое сердце».

Он считает чрезвычайно важным воспитать в девушках способность судить о характере людей, ибо в один прекрасный день им придется выбирать себе мужа, и полагает, что чтение подходящих литературных произведений даст им некоторое представление о жизни и людях и поможет им избежать ошибок в суждениях о характере людей. Он неоднократно отмечает также, что выражение лица у детей отражает различные эмоции гораздо более явно, чем у взрослых людей, и выражает убеждение, что одним из важных преимуществ, доставляемых ребенку посещением школы, является бессознательно приобретаемое им в общении с другими детьми знакомство с физиогномикой. Это последнее «позволяет нам быстро разобраться в том, относятся ли к нам с одобрением или отрицательно, слушают ли нас с добрыми намерениями или со злым умыслом, и ежечасно приносит нам пользу во всех почти областях жизненной деятельности».

Его идеи в области санитарного благоустройства — снабжения городов чистой водой, устройства отдушин в тесных гостиных и в спальных комнатах для постоянного притока свежего воздуха, запрещения закрывать на лето дымоходы, а также в области диэтического питания и физических упражнений,—далеко опередили его время. Он говорит о том, что «установившаяся в наш век у нас в стране мода не позволяет девушкам... кататься на коньках зимой, плавать летом, ходить по канату или танцовать на натянутой веревке». Жаль, что он не сообщил нам, когда и где существовала мода, разрешавшая молодым леди ходить по канату! В отношении плавания он не считался с модой и обучил своих собственных дочерей искусству плавания столь же хорошо, как и своих сыновей, и притом так рано, что они, как говорят, стали искусными пловцами уже в четырехлетнем возрасте. В «Фитологии» он еще

более очевидно выступает как крупный реформатор в области санитарии. Он настаивает на том, чтобы городские нечистоты, которые теперь закапываются или спускаются в реки, вывозились и использовались для земледельческих целей, «и таким образом чистота и оздоровление городов способствовали бы развитию хозяйства и благосостояния окружающих деревень». «Не следовало бы устраивать могил в церквах или внутри церковных оград, где памятники умершим грешникам стоят бок о бок с божьим алтарем,... подходящие места под кладбища надо было бы отводить вне городов». Почти сто лет прошло с тех пор, как был подан этот хороший совет, но и сейчас еще он выполняется только частично.

Предмет, которым д-р Дарвин чрезвычайно увлекался в течение всей своей жизни, но который лишь в самой ограниченной степени нашел себе отражение в его опубликованных произведениях, это — изобретательство в области механики. В этом можно убедиться по его письмам к Джосайе Веджвуду, Эджуорсу и другим лицам, а также по огромной записной книге, которая переполнена набросками чертежей и соображениями относительно различных машин. Но, по-видимому, он мало что довел до полного завершения, за исключением горизонтальной ветряной мельницы для размалывания кремней, спроектированной им для Веджвуда и вполне отвечавшей своему назначению. Там имеются схемы и эскизы усовершенствованной лампы, похожей на современные модераторы [64]; подсвечников с подставкой, устроенной как у телескопа, которую по желанию можно выдвинуть до необходимой высоты; механического переписчика для размножения документов; вязального станка для чулок; аппарата для взвешивания; аппарата для производства геодезической съемки; летающей птицы с остроумным приспособлением для движения крыльев, для которой в качестве двигательной силы он предполагал использовать порох или сжатый воздух. Он предложил также проект шлюза для канала, основанного на том принципе, что лодка вплывает внутрь большого ящика, дверь которого затем закрывается, после чего ящик поднимается или опускается. Позднее этот принцип был осуществлен при определенных условиях, но по усовершенствованному способу. Он предложил также схему вращательного насоса, который в несколько измененной форме широко применялся для нагнетания воздуха в плавильные вагранки, а в некоторых случаях и для накачивания воды. Судя по письму к Реймарусу, написанному в 1756 г., он отчетливо представлял себе, какое значительное преимущество можно было бы получить, если бы металлические бруски, вставляемые во втулки каретных колес, действовали как пружины; недавно сэр Д. Уитуэрс [65] сконструировал карету с такими колесами, которая обладает замечательно плавным ходом.

Другим его изобретением была небольшая карета своеобразной конструкции, рассчитанная на наилучшее использование силы лошади и вместе с тем позволявшая с максимальной легкостью осуществлять повороты. «Это была платформа,— говорит мисс Сьюорд,— с сиденьем, укрепленная поверх пары очень высоких колес; спереди, над спиной лошади, она поддерживалась при помощи своего рода хобота, который в виде дуги висел над крупом лошади; он проходил сквозь кольцо, помещенное на вертикально поставленном куске железа, который вра-

щался в гнезде, закрепленном в седле» *. Но как бы правильно в принципе не была устроена эта карета, Дарвин имел несчастье в 1768 г. опрокинуться с ней; он разбил себе тогда коленную чашку и уже всегда впоследствии немного прихрамывал.

Говорящая машина была его излюбленной идеей и для этой цели он придумал фонетический алфавит. Его машина, или «голова, выговаривала *p, b, m* и гласную *a* с такой отчетливостью, что вводила в заблуждение каждого, кто, не видя ее, слышал, как она произносила слова *mama, papa, map* и *pam;* когда же ее губы постепенно закрывались, она издавала самый жалобный звук» **. Эджуорс был также свидетелем способностей этой говорящей головы. Мэтью Болтон вступил в следующее соглашение [с д-ром Дарвином], которое, судя по подписям свидетелей, было заключено на одном из заседаний знаменитого Лунного клуба [66]; трудно, однако, решить, в шутку или всерьез было оно заключено:

«Я обязуюсь уплатить д-ру Дарвину из Личфилда одну тысячу фунтов стерлингов, если он представит мне (в течение 2 лет со дня подписания настоящего соглашения) инструмент под названием „Орган", который будет способен произносить Отче наш, Верую и Десять заповедей на простонародном языке, и передаст мне, и только мне одному, право собственности на названное изобретение, со всеми преимуществами, вытекающими из этого.

М. Болтон. Сохо, 3 сент. 1787 г.
Свидетели: Джемс Кейр. У. Смолл».

В прошлом [восемнадцатом] столетии разговорная труба была новинкой, неизвестной еще в сельских местностях; у д-ра Дарвина была такая труба, проведенная из его кабинета в кухню, где она открывалась позади очага. Как-то раз какой-то крестьянин принес письмо и в ожидании ответа присел у огня, который уже потухал, как вдруг он услыхал замогильный голос, выходивший как бы из недр потухающего огня: «Мне нехватает угля!» В одно мгновение крестьянин выскочил на улицу,— среди деревенского люда мой дед слыл чем-то вроде чародея.

В 1783 г., когда в Англии было еще очень мало артезианских колодцев, д-р Дарвин устроил такой колодец, хотя и небольшого размера; на садовой стене его дома на Фулл-стрит в Дерби все еще цела железная доска со следующей надписью:

TERREBELLO EDUXIT AQUAM
ANNO MDCCLXXXIII.
ERASMUS DARWIN.
LABITUR ET LABETUR.

[«В борьбе с землей Эразм Дарвин вывел воду в 1783 году. Она течет и будет течь».]

* Д-р Краузе сообщил мне, что «моравский инженер Теодо Томачек недавно сконструировал карету совершенно такого же типа; я видел ее в Вене на Международной выставке; американцы также осуществили на практике идею Дарвина и дали новому экипажу парадоксальное название „Equibus"».

** «Temple of Nature», Примечания, стр. 120; о фонетическом алфавите см. там же, стр. 107. См. также «Memoirs of Edgeworth», том II, стр. 178.

Не стоило бы упоминать об этом, если бы не то обстоятельство, что в статье *, в которой он дал описание этого колодца, он обнаруживает правильное понимание принципа, на котором основано устройство артезианских колодцев. Он отмечает, что «некоторые из наиболее глубоко лежащих пластов земли обнажаются на вершинах гор и что вообще те пласты, которые лежат наиболее высоко, т. е. ближе всего к вершине горы, оказываются наиболее глубокими в соседних долинах». Он добавляет затем, что воды, «проходя между двумя из вышеописанных пластов, спускаются до тех пор, пока не найдут или сами не проложат себе выход, и вследствие этого они будут стремиться подняться до одного уровня с теми частями горы, где они получили свое начало».

В октябре 1771 г. он написал Веджвуду несколько писем, в которых развивал проект устройства на свои собственные средства небольшого по размерам канала — от магистрального канала [Grand Trunk] до Личфилда — для барок с осадкой всего в один фут, управляемых одним человеком и поднимающих груз всего лишь в четыре или пять тонн. Подобный канал находился бы в таком же отношении к обычным каналам, в каком узкоколейные железные дороги, оказавшиеся столь удобными в Уэльсе,— к обыкновенным железным дорогам. По-видимому, этот проект чрезвычайно увлекал его, хотя он так никогда и не был осуществлен.

Погода и направление движения ветров по земному шару были еще одним предметом, относительно которого он постоянно разыскивал сведения и строил различные теории. Мой отец рассказывал мне, что для того, чтобы отмечать каждую перемену в направлении ветра, он соединил флюгер на крыше своего дома с циферблатом на потолке своего кабинета [67].

Остается лишь сказать, что Эразм Дарвин умер в Бредсолл-Прайори близ Дерби в воскресенье утром 18 апреля 1802 г. на семьдесят первом году жизни. За неделю до этого он проболел несколько дней, но поправился. 17-го, гуляя в своем саду с одной дамой, он сказал ей, что не надеется долго прожить. Вечером он был так же весело настроен, как обычно.

На следующее утро, 18-го, он поднялся в шесть часов и начал длинное письмо м-ру Эджуорсу **, которое он так и не дописал; оно содержало нижеследующее описание Прайори, где он прожил около двух лет: «У нас уютный дом, хороший сад, пруды со множеством рыбы и прелестная долина, немного напоминающая Шенстонскую, глубокая, тенистая и с бегущим в глубине ее журчащим ручейком. Наш дом стоит у входа в долину, он хорошо защищен холмами с востока и с севера, но открыт с южной стороны, где, на расстоянии четырех миль отсюда, виднеется башня города Дерби». Около семи часов у него начался приступ сильнейшего озноба, и он спустился в кухню, чтобы погреться у очага; затем он вернулся в свой кабинет, прилег на диван, сильно ослабел и похолодел; его перенесли в кресло, где без страданий или какого-либо душевного волнения он скончался в девять часов без нескольких минут.

* «Philosophical Transactions», 1785, часть I, стр. 1.

** R. L. Edgeworth, Memoirs, 2-е изд., том II, стр. 242.

Бредсолл-Прайори. Дом, в котором Э. Дарвин жил в последние годы жизни и умер

За несколько лет до смерти он писал Эджуорсу: «Когда я думаю о дне моей смерти, то не испытываю ни тревоги, ни страха», но он часто выражал, со всею силою чувства, желание, чтобы конец его был безболезненным, и это его желание осуществилось. Лечившие его врачи разошлись во мнениях относительно причины его смерти, но мой отец не сомневался, что он умер от болезни сердца. Много лет спустя его вдова показывала мне диван и кресло, которые все еще стоят на том же месте, где он лежал и умер. Он был похоронен в Бредсоллской церкви.

ЭРАЗМ ДАРВИН,

Доктор медицины, Член Королевского общества.
Родился в Элстоне, близ Ньюарка, 12 декабря 1731 г.
Умер в Прайори, близ Дерби, 18 апреля 1802 г.
Его произведения останутся
всем известным, неувядаемым свидетельством
редкого сочетания талантов,
которые столь выдающимся образом отличали его
как врача, поэта и философа.
Его вдова
воздвигла это надгробие
в память
о его ревностном стремлении к добру,
о его деятельном человеколюбии
и многих других добродетелях,
украшавших его личность.

Мемориальная доска, установленная в Личфилде в 1876 г.
в честь Эразма Дарвина.
(Слева барельеф в увеличенном виде)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Старый кабинет Чарлза Дарвина.
По рисунку Парсонса

ФРЕНСИС ДАРВИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА [1]

Мне хотелось бы дать в этой статье некоторое представление о повседневной жизни моего отца. Мне казалось, что я достигну этой цели, если опишу один день жизни в Дауне и попутно приведу те воспоминания, которые встанут в памяти по ходу моего описания. Многие из этих воспоминаний, представляющие интерес для тех, кто знал моего отца, для постороннего глаза могут, пожалуй, показаться бесцветными и незначительными.

Но я решил все же привести их, так как надеюсь, что они помогут закрепить впечатление о его личности в том виде, как оно сохранилось в памяти людей, знавших и любивших его,— впечатление, в равной мере яркое и трудно передаваемое словами.

О его наружности (в наши дни множественного изготовления фотопортретов) едва ли необходимо много говорить. Он был около шести футов [1,8 метра] ростом, хотя вряд ли казался таким высоким, так как

довольно сильно сутулился, особенно в последние годы жизни, но я помню, как в очень давние годы он на ходу держался совершенно прямо и размахивал руками, отбрасывая их далеко назад, чтобы расправить грудь.

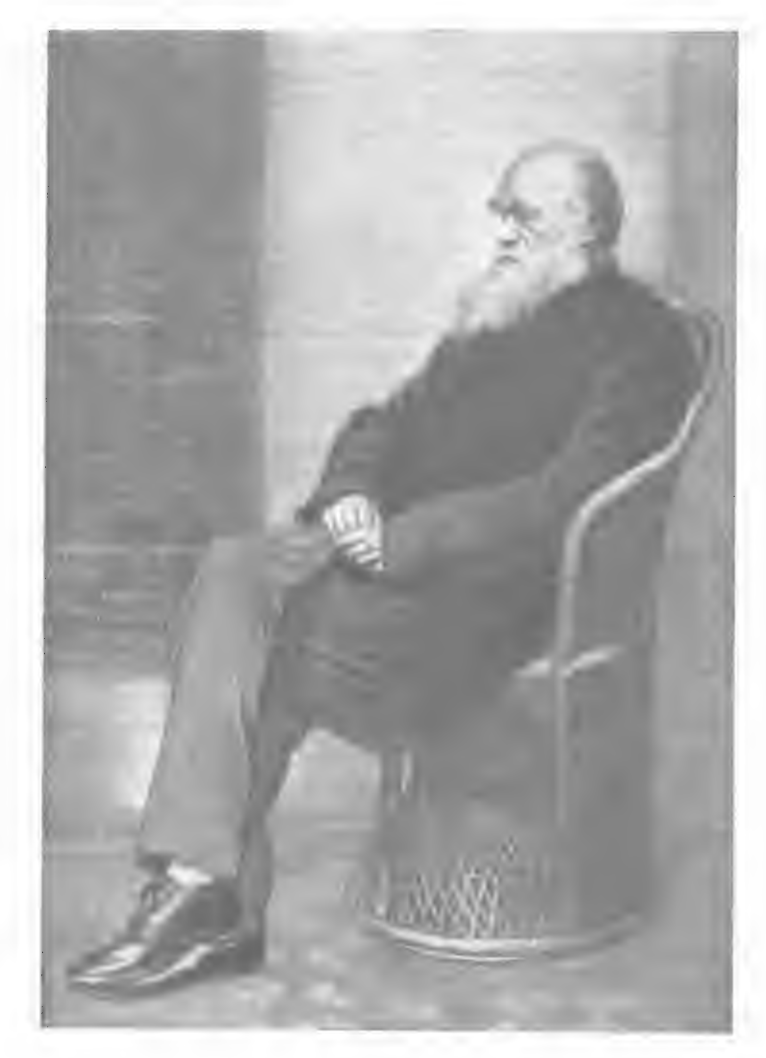
Он производил впечатление скорее энергичного, нежели сильного человека; для его роста плечи его не были широки, хотя они определенно не были и узкими. В молодости он, по-видимому, отличался большой выносливостью; так, во время одной экскурсии участников «Бигля» на берег, когда все страдали от отсутствия воды, он был одним из тех двух человек, которые оказались более способными, чем все остальные, переносить жажду и могли отправиться на поиски воды [2]. В юности он отличался ловкостью и мог перепрыгивать через барьер, высота которого доходила ему до «адамова яблока» шеи.

Он ходил размеренным шагом и при этом палкой с тяжелым железным наконечником громко постукивал о землю, производя, когда он совершал свою круговую прогулку по «Песчаной дорожке» в Дауне, ритмичный щелкающий звук, который всем нам крепко запомнился. Когда он возвращался со своей полуденной прогулки, часто неся из-за очень жаркой погоды плащ или накидку на руке, можно было заметить, что размеренный шаг стоил ему известного напряжения. По комнатам он нередко ходил медленно и с трудом, и когда после полудня он уходил наверх, слышно было, что он подымался по лестнице тяжелой походкой, словно каждый шаг требовал от него некоторого усилия. Когда он был увлечен работой, он ходил взад и вперед довольно быстро и легко и часто, диктуя что-нибудь, быстро направлялся в гостиную, чтобы втянуть в нос щепотку табаку; дверь кабинета он оставлял при этом открытой и последние слова фразы договаривал, выходя из комнаты. ⟨Дома он иногда пользовался дубовой палкой, похожей на небольшой альпеншток, и это было признаком того, что у него кружится голова⟩.

Несмотря на свою подвижность, он не обладал, мне кажется, ни природным изяществом, ни ловкостью движений. Неловкими были и его руки. Он вообще не обладал способностью хорошо рисовать *, но всегда очень сожалел об этом и постоянно настаивал на том, что для молодого натуралиста дело первостепенной важности научиться хорошо рисовать.

Он вполне хорошо препарировал, пользуясь простым микроскопом, но думаю, что он достигал этого благодаря своему большому терпению и тщательности. Самое небольшое проявление способности к искусному препарированию он считал — и это характерно для него — чем-то почти сверхчеловеческим. Не раз он с восторогом рассказывал, с каким искусством Ньюпорт [3] препарировал при нем шмеля, отделив несколькими быстрыми разрезами, сделанными при помощи тонких ножниц, нервную систему ⟨при этом, как обычно показывал мой отец, локоть его руки был приподнят, а телу было придано положение, обеспечивавшее необходимую большую устойчивость⟩. Изготовление микроскопических срезов он всегда считал делом большого искусства и в последний год своей жизни с удивительной энергией положил немало труда на то, чтобы научиться

* Рисунок, изображающий аггрегацию клеточного содержимого в работе «Насекомоядные растения», сделан им самим. [См. наст. изд., т. 7, стр. 335—36, рис. 7 и 8.]



Чарлз Дарвин в своем плетеном кресле на веранде дома в Даунс.
По фотографии, около 1874 г.

изготовлять срезы корней и листьев. Рука его была недостаточно тверда, чтобы уверенно держать препарируемый объект, и он пользовался обыкновенным микротомом, в котором находившийся в середине держатель объекта был закреплен, а бритва, производя срезы, скользила по стеклянной плоскости. Часто он потешался над самим собой и над своим искусством изготовлять срезы, которое, как он говорил, заставляет его самого «неметь от восторга».

С другой стороны, он несомненно обладал достаточно большой верностью глаза и способностью координировать свои движения, так как в молодые годы был метким стрелком из ружья, а мальчиком был искусен в метании камней. Однажды он убил сидевшего в саду в Шрусбери

зайца, швырнув в него кусок мрамора, и, уже будучи взрослым человеком, он камнем убил клеста. Это бесполезное убийство клеста так сильно огорчило его, что в течение многих лет он не упоминал об этом, а впоследствии, объясняя происшедшее, говорил, что он ни в коем случае не швырнул бы камень, если бы не был уверен, что совершенно утратил свой прежний опыт.

⟨Во время ходьбы он беспокойно шевелил пальцами; в одной из своих книг он описал это движение как привычку, возникающую в старости [4]. Когда он сидел спокойно, то часто одной рукой захватывал запястье другой руки; обычно он сидел, скрестив ноги, а так как они были у него тонкие, то он мог скрещивать их на довольно большой высоте, как это видно на одной из фотографий. Его кресла в кабинете и в гостиной были значительно выше обычных, ибо, сидя на низком или даже обычной высоты стуле, он испытывал некоторое неудобство. Мы любили подшучивать над ним, ставя на его высокое кресло в гостиной скамеечку для ног, чтобы еще более увеличить высоту его кресла, а на пол около кресла ставили другую скамеечку — для ног.⟩

Борода у него была большая, и он почти не подстригал ее; волосы были серовато-седые, довольно тонкие и волнисто-вьющиеся. Усы его были несколько обезображены из-за того, что он коротко подрезал их в поперечном направлении. С годами он стал очень лысым, и только сзади сохранилась кайма темных волос.

У него был красновато-коричневый цвет лица, и быть может по этой причине многие думали, что здоровье его было не таким плохим, как это было в действительности. Он писал сэру Джозефу Гукеру (13 июня 1849 г.): «Все решительно говорят мне, что у меня цветущий, прекрасный вид, и многие думают, что я притворяюсь больным, но вы никогда не принадлежали к их числу». Следует вспомнить, что как раз в это время он был тяжело болен, гораздо тяжелее, чем в дальнейшие годы. Глаза у него были голубовато-серые, глубоко сидящие под сильно нависшими бровями. Высокий лоб был покрыт глубокими морщинами, но в остальном лицо его не носило резких следов старости. Выражение его лица совершенно не отражало того постоянного недомогания, которое он испытывал.

Приятная беседа приводила его в замечательно хорошее и оживленное состояние, и эта оживленность полностью отражалась на его лице. Взрывы непринужденного, громкого смеха выражали чувства человека, который испытывает симпатию к людям или наслаждение предметами, заставляющими его смеяться. Смех его часто сопровождался каким-нибудь жестом, он то подымал обе руки, то опускал одну руку и при этом похлопывал ею. Думаю, что он вообще склонен был к жестикуляции, часто пользовался руками для объяснения чего-либо (например, опыления цветка), что, по-видимому, помогало ему самому больше, чем его слушателю. Делал он это в тех случаях, когда большинство других людей, объясняя что-либо, прибегает к помощи бегло сделанного карандашом рисунка.

Одежду он носил темного цвета, свободного и удобного покроя. В последние годы жизни он совершенно отказался от цилиндра и, даже находясь в Лондоне, носил мягкую черную шляпу зимой и большую соломенную — летом. В качестве верхней одежды он обычно пользовался коротким плащом, в котором он изображен на фотографии

Эллиота и Фрайя прислонившимся к колонне веранды *. Две подробности отличали его домашний костюм: он почти всегда набрасывал на плечи шаль и имел свободные суконные сапоги, подбитые мехом, которые мог надевать поверх комнатных башмаков. ⟨Подобно большинству слабых людей, он страдал как от жары, так и от холода, словно не в состоянии был установить равновесие между «слишком жарко» и «слишком холодно». Часто его бросало в жар по какой-либо причине психического характера — он сбрасывал, например, пиджак, если что-либо не ладилось в его работе.⟩

Вставал он рано ⟨главным образом потому, что, проснувшись, не мог оставаться в постели, и мне кажется, что он с удовольствием подымался бы еще раньше, чем он делал это в действительности⟩. До завтрака он совершал короткую прогулку — привычка, появившаяся у него, когда он впервые поехал в водолечебницу, и сохраненная им почти до конца жизни. Когда я был маленьким мальчиком, я часто сопровождал его по утрам, и у меня осталось неясное ощущение зимнего багрового восхода солнца и воспоминание об удовольствии, которое мне доставляла совместная прогулка с ним, и о том чувстве гордости и восхищения, которые я испытывал при этом. Меня, мальчика, приводил в восторг его рассказ о том, как во время еще более ранних прогулок, темным зимним утром, он один или два раза повстречался с лисицами, которые бегом возвращались домой на рассвете.

Завтракал он один около 7 ч. 45 м. утра, а затем сразу приступал к работе, так как считал, что полтора часа между 8 ч. и 9 ч. 30 м. утра — лучшее у него время для работы. В 9 ч. 30 м. он приходил в гостиную за своими письмами и радовался, если почта была небольшая, а иногда сильно огорчался, если писем было много. Затем он иногда слушал, лежа на диване, те или иные семейные письма, которые прочитывались вслух.

Чтение вслух — сюда входило и чтение отрывка из какого-либо романа — продолжалось примерно до половины одиннадцатого, когда он возвращался к своей работе, оставаясь за ней до двенадцати часов или четверти первого. К этому времени он считал свой рабочий день законченным и часто с удовлетворением говорил: «Сегодня я хорошо поработал». Затем он шел погулять — безразлично в дождливую или хорошую погоду. Полли, его белый терьер, сопровождала его в ясную погоду, но в дождь она отказывалась выходить, и можно было видеть, как она в нерешительности стоит на веранде с выражением отвращения, смешанным со стыдом за свое малодушие; по большей части, однако, совесть ее одерживала победу, и как только становилось очевидным, что отец ушел, она пускалась за ним вдогонку.

Отец всегда любил собак. В молодости он обладал способностью отвоевывать у своих сестер то чувство привязанности, которое питали к ним их любимые собачонки; в Кембридже он овладел привязанностью собаки, принадлежавшей его двоюродному брату У. Дарвину Фоксу,— должно быть, это было то маленькое животное, которое приобрело привычку заползать к отцу в кровать и спать у него в ногах по ночам. У отца была угрюмая собака, привязанная к нему, но относившаяся неприязненно ко всем решительно, кроме него; когда он вернулся домой после плавания на «Бигле», собака узнала его, но проявила это,

* [См. наст. изд., т. 8, фронтисписный портрет.]

как он любил рассказывать, весьма своеобразно: он вышел во двор и кликнул собаку так, как делал это встарь; она бросилась к нему и отправилась с ним на прогулку, проявив при этом не больше чувства или волнения, чем в том случае, если бы она видела его накануне, а не встретилась с ним после пятилетней разлуки. Этот случай приведен отцом в «Происхождении человека», второе издание, стр. 74 [см. наст. изд., т. 5, стр. 194].

Мне запомнились только две собаки, к которым отец был сильно привязан. Одна из них была большая, черная с белым, полукровная охотничья собака [ритрейвер, легавая] по кличке Боб; мы, дети, очень любили эту собаку. Это та самая собака, о «тепличной физиономии» которой рассказывается в «Выражении эмоций» [5].

Но собака, теснее всего связанная в моих воспоминаниях с отцом, была упомянутая выше Полли — косматый, белый фокстерьер. Она отличалась сметливостью и привязчивостью; когда ее хозяин собирался уехать куда-либо, она всегда догадывалась об этом по упаковке вещей, происходившей в кабинете, и впадала в унылое состояние. И, наоборот, она приходила в возбуждение, когда видела, что кабинет приводят в порядок в связи с предстоящим возвращением отца. Это было хитрое маленькое существо: дожидаясь своего обеда, она, если отец проходил в это время мимо, принималась дрожать или напускала на себя несчастный вид, точно бы знала, что он скажет (и он действительно часто говорил это): «Она умирает с голоду». Отец любил класть ей на нос бисквиты и заставлять ее схватывать их только после того, как он с ласковым и притворно серьезным видом произносил: «Надо быть очень хорошей девочкой». У нее на спине была отметина, оставшаяся после ожога: вместо белых волос вновь выросшие здесь волосы были рыжими; отец не переставал хвалить Полли за этот пучок рыжих волос, так как он соответствовал его теории пангенезиса: отцом Полли был рыжий бультерьер, и таким образом рыжие волосы, появившиеся после ожога, доказывали наличие у нее латентных геммул рыжей окраски. Отец был очаровательно заботлив по отношению к Полли и никогда не проявлял нетерпения в уходе за ней, например, впуская ее в комнату через дверь или выпуская через окно на веранду, чтобы полаять на «дурных людей»,— обязанность, которую она сама возложила на себя и которая доставляла ей большое удовольствие. Она умерла, или, вернее, ее пришлось убить, через несколько дней после смерти отца *.

Полуденная прогулка отца обычно начиналась с посещения теплицы, где он производил наблюдения над прорастанием каких-либо семян или над экспериментальными растениями, если это не требовало регулярного исследования, но вряд ли он в эти часы занимался когда-либо серьезными наблюдениями. Затем он совершал свой обычный моцион — либо круговую прогулку по «Песчаной дорожке», либо прогулку за пределы своей собственной территории, в места, непосредственно граничащие с его домом. «Песчаная дорожка» представляла собой круговую усыпанную гравием тропинку, тянувшуюся по окраине узкой полосы земли площадью в полтора акра. С одной стороны этой полосы земли на-

* Корзинка в которой она, свернувшись, обычно лежала подле камина в кабинете отца, правильно изображена на рисунке м-ра Парсонса, помещенном в начале этой статьи.

ходилась обширная старая роща, состоявшая из великолепных больших дубов,— тенистое, уютное место для прогулок; с другой стороны ее отделяла от соседнего луга низкая живая изгородь, за которой открывался вид на небольшую тихую долину, теряющуюся среди приподнятой местности где-то на краю Уэстерхемского холма, с рощицами орешника и лиственницы — остатками большого леса, простиравшегося некогда вплоть до большой Уэстерхемской дороги. Отец говорил мне, что очарование этой маленькой, наивной в своей простоте долины явилось решающим фактором в вопросе о выборе дома, в котором он намерен был поселиться.

Отец насадил на участке «Песчаной дорожки» разнообразные деревья: орешник, ольху, липу, граб, березу, бирючину и кизил, а также длинный ряд падубов вдоль всей открытой стороны участка. В более далекие годы отец проделывал по дорожке определенное число кругов ежедневно, ведя счет кругам при помощи кучки камешков, один из которых он бросал на дорожку каждый раз, как проходил через определенное место. В более поздние годы он, как мне кажется, уже не придерживался строго определенного количества кругов, а проделывал их столько, сколько чувствовал себя в силах. Участок Песчаной дорожки служил нам детям, местом игр, и отсюда мы всегда могли видеть отца, совершавшего свою круговую прогулку. Он любил смотреть, как мы играем, и всегда относился с сочувствием ко всякой забаве, которую мы затевали. Любопытно, что в отношении Песчаной дорожки в ее связи с образом отца мои самые ранние воспоминания совпадают с позднейшими — это доказывает неизменность его привычек.

Иногда, когда он был один, он неподвижно останавливался или осторожно подкрадывался к каким-нибудь птицам или зверькам, наблюдая за ними. Однажды во время такого рода наблюдений несколько молодых белочек забралось к нему на спину и на ноги, между тем как их мать в сильнейшем страхе кричала, сидя на дереве. Он всегда, вплоть до последних лет жизни, умел отыскивать птичьи гнезда, и мы, дети, считали, что он одарен в этом отношении каким-то особым талантом. Когда он тихо бродил в одиночестве, ему приходилось встречать редко попадающихся птиц, но, как я предполагаю, он скрывал это от меня, когда я был маленьким мальчиком, так как заметил, какое душевное страдание доставляет мне то, что я не мог увидеть чижа, щегла или какую-нибудь другую редкую птицу. Он любил рассказывать нам, как однажды, бесшумно крадучись по опушке «Больших лесов» [«Big Woods»], он набрел на спавшую среди дня лисицу; она была так поражена, что довольно долго пристально смотрела на него, прежде чем убежала. Сопровождавший отца шпиц не проявил никакого возбуждения при виде лисицы, и отец, заканчивая свой рассказ, всегда удивлялся тому, как это собака могла оказаться столь малодушной.

Другим излюбленным местом был «Ятрышниковый обрыв» [«Orchis Bank»] над уединенной Кадемской долиной; мухоподобная и мускусная орхидеи [6] растут здесь среди можжевельников, а орхидеи Cephalanthera и Neottia — под тенью буковых ветвей; отец любил также расположенный прямо над Ятрышниковым обрывом маленький лесок, носивший название «Hangrove», и я помню, что именно здесь он собирал злаки, когда возымел намерение определить названия всех обычно растущих здесь родов их. Он любил повторять слова одного из своих маленьких сыновей,

который, найдя вид злака, какого отец ранее не видал, положил его во время обеда около своей тарелки и заявил: «Я необыкновенный злакоискатель!».

Отцу доставляло большое наслаждение спокойно прогуливаться по саду с матерью или с кем-нибудь из детей, или сидеть с другими на скамье, стоявшей среди лужайки; чаще, однако, он садился прямо на траву, и я вспоминаю, как нередко он лежал под одной из больших лип, прислонив голову к поросшему зеленой травкой холмику у ее основания. В погожие летние дни, когда мы часто сидели на открытом воздухе, то и дело слышался скрип большого колодезного колеса, и этот звук прочно ассоциировался в моей памяти с теми прелестными днями. Он любил смотреть, как мы играем в лаун-теннис, и часто изогнутой ручкой своей палки подбрасывал нам откатившийся в сторону мяч.

Хотя он не принимал непосредственного участия в уходе за садом, ему доставляла большое наслаждение красота цветов, например множества азалий, которые всегда стояли в гостиной. Мне кажется, что иногда восхищение, вызванное в нем строением цветка, сливалось у него в одно неразрывное целое с восхищением, которое он испытывал перед присущей цветку красотой, например в отношении больших висячих розово-белых цветков Diclytra[7]. Такую же любовь, наполовину художественную, наполовину ботаническую, он испытывал к маленькой голубой лобелии. Восторгаясь цветами, он часто подсмеивался над тусклыми красками художников, противопоставляя им яркие тона, присущие природе. Я любил слушать, как он восторгается красотою цветка, это было своего рода выражением благодарности самому цветку, его любви к цветку за изящество формы и окраски. Мне кажется, я вижу, как он нежно прикасается к цветку, доставляющему ему наслаждение; это было такое же простодушно наивное восхищение, какое испытывает ребенок.

Он не мог удержаться от олицетворения естественных предметов. Это получало выражение у него то в бранном слове, то в похвале,— например, о ростках растений: «Маленькие мошенники! Они делают как раз то, что противоречит моему желанию». Сердясь и вместе с тем восхищаясь, он говорил об изобретательности листа мимозы, сумевшего самостоятельно вылезть из сосуда с водой, в котором отец пытался прочно укрепить его. В том же духе он выражался о росянке, дождевых червях и пр. *.

На моей памяти его единственным развлечением вне дома, помимо пешеходных прогулок, была верховая езда, рекомендованная ему доктором Б. Джонсом; нам посчастливилось найти для него самую смирную на свете лошадку, прозванную Томми. Эти поездки верхом доставляли ему огромное удовольствие, и он придумал несколько коротких маршрутов, которые позволяли ему возвращаться домой ко второму завтраку. Наши места очень удобны в этом отношении: множество маленьких долин придает им разнообразие, которое в плоской местности должны создавать одни только скучные извивы дороги. ⟨Думаю, что у отца не было настоящей любви к лошадям; он был невысокого мнения об их умственных способностях и часто потешался над тем страхом, который овладе-

* Лесли Стивен в своей книге о Свифте (Leslie Stephen, Swift, 1882, стр. 200) сравнивает наблюдения Свифта над манерами и обычаями прислуги с наблюдениями отца над червями. «Разница,— говорит м-р Стивен,— заключается в том, что Дарвин питал к червям одни только добрые чувства».

вал Томми каждый раз, как они проезжали во время объезда какого-то поля мимо одной и той же кучи нарезанных для забора досок.⟩ Мне кажется, он сам себе удивлялся, когда вспоминал, каким смелым наездником он был в прежние годы и как старость и плохое здоровье совершенно лишили его хладнокровия. Он не раз говорил, что верховая езда не позволяла ему сосредоточиваться на своих мыслях в гораздо большей мере, чем прогулка пешком,— он должен был следить за лошадью, и это мешало ему обдумывать что-либо всерьез, а смена пейзажей во время верховой езды поднимала настроение и улучшала самочувствие.

⟨К несчастью, однажды Томми тяжело упал вместе с ним у Кестонского выгона. Этот случай и несчастный случай с другой лошадью настолько расстроили его, что ему посоветовали отказаться от верховой езды.⟩

Если бы я вышел за пределы собственных наблюдений и начал вспоминать то, что я слышал от него самого о его любви к спорту и т. п., то мог бы еще много рассказать, но по большей части это было бы повторением того, что сказано в его «Воспоминаниях». ⟨В школе он увлекался игрой в бэтфайвз [8], и это была единственная игра, которая ему хорошо далась.⟩ В юности он очень любил свое ружье и стал хорошим стрелком; он любил рассказывать, как в Южной Америке застрелил двадцать три бекаса, сделав двадцать четыре выстрела. Рассказывая об этом случае, он для ясности добавлял, что, как он думает, американские бекасы далеко не так сильно дичатся человека, как английские.

Второй завтрак подавался в Дауне после полуденной прогулки отца; пользуясь случаем, скажу здесь несколько слов относительно его вкусов в еде. Он по-детски любил сласти, и к несчастью для себя, так как ему неизменно запрещали есть их. Ему не очень удавалось соблюдать «обеты», как он называл свои решения не есть сладостей, и он никогда не считал их обязательными для себя, если не заявлял о них вслух.

Вина он пил очень мало, но оно доставляло ему удовольствие, и то небольшое количество, которое он выпивал, подбадривало его. Он питал отвращение к пьянству и постоянно предостерегал своих мальчиков, что легко поддаться привычке пить очень много. Помню, когда я был очень маленьким мальчиком, я в своем простодушии как-то спросил его, напивался ли он когда-нибудь допьяна, и он с весьма печальным видом ответил мне, что стыдно ему признаться в этом, но однажды в Кембридже он сильно напился. Это произвело на меня такое глубокое впечатление, что я и сейчас помню то место, где я задал ему свой вопрос.

После второго завтрака он читал газету, лежа на диване в гостиной. Мне кажется, что из литературы ненаучной одну только газету он читал сам. Все остальное — романы, описания путешествий, исторические работы — ему читали вслух. Он питал такой широкий интерес к общественной жизни, что в газетах его занимало очень многое, хотя над многословностью парламентских дебатов он подсмеивался и читал их, по-видимому, только в кратком изложении. Политические события очень интересовали его, но свое мнение о них он составлял мимоходом, не слишком глубоко задумываясь над ними.

После чтения газеты он обычно занимался своей корреспонденцией. Письма, так же как и рукописи своих книг, он писал, сидя в большом, подбитом конским волосом кресле, которое стояло поблизости от камина; бумагу он клал на доску, покоившуюся на ручках кресла. Если ему

предстояло написать много писем или очень длинное письмо, он диктовал их с предварительно набросанного черновика; эти черновики были написаны на оборотной стороне старых рукописей или корректур и настолько неразборчиво, что иногда он и сам не в состоянии был прочитать их. Он имел обыкновение сохранять *все* полученные им письма; эта привычка была усвоена им от его отца и, как он говорил, была для него весьма полезной.

Он получал много писем от глупых, бесцеремонных людей, но всем им отвечал. Он не раз говорил, что если не отвечал на такого рода письма, это впоследствии мучило его, и не приходится сомневаться в том, что любезность, с которой он отвечал всем своим корреспондентам, в огромной мере способствовала возникновению всеобщего и широко распространенного мнения о доброте его натуры; это стало особенно очевидным после его смерти.

Даже в мелочах он был внимателен к своим корреспондентам; так, диктуя письмо, адресованное иностранцу, он обязательно говорил мне: «Постарайся возможно тщательнее написать это письмо, так как оно обращено к иностранцу». Обычно он писал свои письма, предполагая, что их будут читать без особого внимания, и поэтому, диктуя, заботливо просил меня начинать важные места с нового и достаточно ясного абзаца, чтобы «бросилось в глаза», как он часто говорил. Насколько он старался не утруждать других своими вопросами, хорошо видно из его писем. ⟨Трудно что-либо сказать относительно общего характера его писем, они сами говорят за себя. В высшей степени поразительна их неизменная вежливость. Прекрасным доказательством этого служит чувство, которое питал к отцу м-р Хэкон [Hacon], его поверенный. Он никогда не видал моего отца, но испытывал к нему чувство искренней дружбы, а о письмах отца говорил, что они написаны так, как это крайне редко бывает в деловой переписке: «Все, что я делал, он считал правильным и решительно за всякую вещь бесконечно благодарил меня»⟩.

У отца имелась отпечатанная форма письма, которой он намерен был пользоваться для ответа навязчивым корреспондентам, но он едва ли когда-нибудь воспользовался ею: думаю, что он никогда не находил случая, который казался бы ему вполне соответствующим назначению этой формы. Я помню один случай, когда она могла бы с успехом быть использована. Он получил письмо от совершенно незнакомого человека, который заявлял, что он намерен поддержать теорию эволюции во время дискуссии в каком-то Обществе, но так как он занят и молод и у него нет времени для чтения, то ему хотелось бы получить от отца краткий очерк его воззрений. Даже и этот удивительный молодой человек получил вежливый ответ, хотя, думаю, ему не удалось почерпнуть из этого письма много материала для своей речи. Отец всегда выражал благодарность за присылаемые ему книги, но не за оттиски статей. Иногда он выражал удивление по тому поводу, что так мало людей благодарило его за его книги, которые он щедро рассылал, но благодарственные письма, которые он получал, доставляли ему большое удовольствие, ибо сам он обычно был очень скромного мнения о ценности всех своих произведений и искренно удивлялся тому интересу, который они возбуждали.

В денежных и деловых вопросах он был замечательно аккуратен и точен. Он с большой заботливостью сохранял счета, классифицировал их и в конце года составлял баланс, точно какой-нибудь купец. Я помню

быстрое движение, с которым он протягивал руку за своей счетной книгой, чтобы вписать в нее каждый оплаченный чек, словно бы боялся забыть об этом и поэтому торопился сделать запись. По-видимому, его отец создал у него впечатление, что он [д-р Дарвин] менее состоятелен, чем был в действительности, потому что в известной мере затруднения, с которыми отец столкнулся в поисках деревенского дома, возникли из-за скромной суммы, которой он располагал для приобретения дома. Но, конечно, он знал, что в будущем его материальное положение не окажется тяжелым, потому что в своих «Воспоминаниях» говорит о том, что соображения этого рода позволили ему не работать над своим медицинским образованием с таким усердием, с каким он должен был бы делать это, если бы ему предстояло зарабатывать себе на жизнь.

Он любил экономить бумагу, но это была скорее излюбленная привычка, чем подлинная экономия. Он складывал в особую папку все пустые странички от получаемых им писем, чтобы использовать их для заметок; его страсть беречь бумагу заставляла его широко пользоваться оборотной стороной старых рукописей, и в результате этого он, к несчастью, погубил очень много оригинальных рукописей своих книг. Это его отношение к бумаге распространялось даже на ни к чему не годную бумагу, и он, полушутя, возражал против «беззаботной» привычки бросать в камин скрученный кусочек бумаги, после того как он был использован для зажигания свечи.

⟨В отношении всех своих детей отец проявлял изумительные щедрость и благородство в вопросах, связанных с денежными делами. Мне особенно помнится доброжелательность, проявленная им по отношению ко мне, когда ему пришлось оплатить некоторые мои кембриджские долги,— мое откровенное признание он изобразил чуть ли не как добродетель. В последние годы жизни он с добротой и щедростью распределял в конце каждого года остаток неизрасходованных денег между своими детьми.⟩

Он с большим уважением относился к чисто деловым способностям и часто с восхищением говорил об одном родственнике, который удвоил свое состояние. О себе самом он в шутку нередко говорил, что в самом деле гордится теми деньгами, которые сберег. Ему доставляли также удовлетворение деньги, которые он получал за свои книги. Его стремление скопить деньги вызывалось главным образом опасением, что его дети не будут настолько здоровы, чтобы самостоятельно обеспечить свое существование,— опасение, которое серьезно преследовало его в течение многих лет. Смутно вспоминаю, как он говорил: «Славу богу, у вас хватит на хлеб и сыр»; я принимал эти слова в их буквальном смысле, когда был еще совсем маленьким.

Покончив около трех часов пополудни с корреспонденцией, отец отдыхал в своей спальне, лежа на диване, куря сигарету и слушая чтение какого-нибудь романа или другой ненаучной книги. Он курил только во время отдыха; наоборот, нюхательный табак подбодрял его, и он прибегал к нему во время работы. Он нюхал табак на протяжении многих лет своей жизни, усвоив эту привычку еще в студенческие годы в Эдинбурге. Миссис Веджвуд из Мэра [жена Джосайи Веджвуда] подарила ему хорошенькую серебряную табакерку, которую он очень ценил, но редко носил с собой, так как опасался соблазна нюхать табак слишком часто В одном из своих ранних писем он рассказывает, что как-то в течение

целого месяца отказался от своей привычки нюхать табак и в это время, как он пишет, он чувствовал себя «крайне вялым, глупым и подавленным». М-р Броди Иннес [Brodie Innes], священник, бывший некогда нашим соседом, рассказывал мне, что одно время отец решил нюхать табак, только находясь вне дома; «это решение,— добавлял м-р Иннес,— было для меня весьма приятным, так как я держал ящик с табаком в моем кабинете, куда можно было пройти прямо из сада, не прибегая к помощи прислуги, чтобы открыть дверь, и я чаще, чем это могло бы быть при других обстоятельствах, получал возможность в течение нескольких минут побеседовать с моим дорогим другом». Отец обычно брал табак из банки, стоявшей на столе в передней; он делал это потому, что необходимость пройти за понюшкой табаку из кабинета в переднюю в некоторой степени препятствовала слишком частому нюханию табака; металлический звон, получавшийся при захлопывании крышки банки с табаком, стал у нас в доме привычным звуком. Иногда, сидя с нами в гостиной, он вдруг поднимался, чтобы посмотреть, не погаснул ли камин в кабинете, и когда кто-нибудь из нас предлагал сделать это вместо него, то оказывалось, что он намерен заодно взять понюшку табаку.

Постоянно курить он начал только в последние годы, хотя еще во время своих поездок верхом в пампасах научился курить у гаучосов; он рассказывал, какое большое удовольствие доставляли ему на отдыхе после долгой поездки верхом чашка *мате* и сигарета, когда в течение некоторого времени невозможно было достать никакой пищи.

⟨Чтение вслух нередко наводило на него дремоту, и он всегда жалел, что пропустил какие-то главы романа, но мать продолжала читать, не останавливаясь, так как боялась, что наступившая вследствие прекращения чтения тишина может разбудить его⟩. В четыре часа он спускался вниз, чтобы одеться и пойти погулять, и был настолько точен, что, заслышав его шаги вниз по лестнице, можно было быть абсолютно уверенным, что сейчас без нескольких минут четыре.

Примерно с половины пятого до половины шестого он работал, после чего он приходил в гостиную, где оставался, ничего не делая, до тех пор, пока не наступало время (около шести часов) вновь отдохнуть наверху за слушанием романа и курением сигареты.

В самые последние годы жизни от отказался от вечернего обеда и в половине восьмого (в то время, когда мы обедали) пил чай и съедал одно яйцо или маленький кусочек мяса. После обеда он никогда не оставался в столовой; прося извинить его, он любил говорить, что он — старая женщина, которой следует позволить уйти вместе с другими дамами. Это было одним из многих признаков и результатов его постоянной слабости и недомогания. Каких-нибудь пол-часа совместной беседы могли повлечь за собой бессонную ночь, а быть может и потерю половины следующего рабочего дня.

После обеда он играл с моей матерью в триктрак — каждый вечер по две игры; на протяжении многих лет велся счет очков, выигранных каждым из них, отец проявлял большой интерес к этому счету. За игрой в триктрак он чрезвычайно оживлялся, горько жаловался на свои неудачи и притворно-преувеличенно гневался на мать за то, что ей везло в игре. После игры в триктрак он читал те или иные научные книги либо в гостиной, либо, если там становилось слишком шумно, у себя в кабинете.

Вечером, т. е. после того как он прочитал столько, сколько ему позволяли силы, и перед тем как начиналось чтение вслух, он часто, лежа на диване, слушал игру матери на фортепьяно. Он не обладал хорошим слухом, но, несмотря на это, по-настоящему любил хорошую музыку. Не раз он жаловался на то, что с годами ощущение удовольствия, которое доставляла ему музыка, притупилось, однако, сколько я помню, его любовь к хорошей мелодии была всегда сильна. Сам он напевал только одну мелодию — валлийскую песню «Ar hyd y nos», которую исполнял вполне правильно; мне кажется, что он любил также напевать одну маленькую таитянскую песенку. Вследствие недостатка слуха он не узнавал мелодию при ее повторении, но вещи, которые ему нравились, всегда вызывали у него одно и то же отношение к ним, и он часто говорил, когда исполнялась какая-нибудь старая излюбленная им вещь: «Это прекрасно, но что это?». Особенно он любил некоторые части бетховенских симфоний и небольшие отрывки из произведений Генделя. Он составил маленький список всех особенно нравившихся ему вещей из числа тех, которые исполняла моя мать, охарактеризовав несколькими словами то впечатление, которое производила на него каждая из них; к несчастью, эти заметки потеряны. Он чувствовал различия в манере исполнения, ему доставляла огромное наслаждение игра покойной миссис Вернон-Лашингтон, а в июне 1881 г., когда Ганс Рихтер приехал к нам в Даун, его великолепная игра на рояле привела отца в сильнейший восторг [9]. Он получал большое удовольствие от хорошего пения, а возвышенные или трогательные романсы даже вызывали у него слезы. Исполнение его племянницей леди Фаррер романса Салливана [10] «Придет ли он» всегда доставляло ему большое наслаждение. В оценке своего собственного вкуса он был исключительно скромен и поэтому бывал очень обрадован, когда оказывалось, что другие согласны с его мнением.

По вечерам он чувствовал себя очень усталым, особенно в последние годы жизни, и уходил из гостиной около десяти часов, чтобы лечь спать в половине одиннадцатого. Ночи проходили у него по большей части плохо, он часами лежал без сна или сидел в постели в очень беспокойном состоянии. Его тревожила и одолевала ночью энергичная работа мысли, изнуряло непрерывное обдумывание какой-либо проблемы, которую он охотно выбросил бы из головы. Ночью его преследовало и все то, что досаждало ему или беспокоило в течение дня; думаю, что именно ночью он мучился от того, что не ответил какому-нибудь надоедливому корреспонденту.

Постоянное чтение вслух, о котором я упоминал выше, продолжалось так много лет подряд, что он получил возможность основательно познакомиться с большим числом произведений изящной литературы. Он чрезвычайно любил романы, и я хорошо помню, как, ложась на диван и закуривая свою сигарету, он заранее предвкушал удовольствие от романа, чтение которого ему предстояло прослушать. Его живо интересовали как сюжет, так и характеры героев романа, но он ни за что не хотел заранее знать, как закончится рассказ; заглядывание в последние страницы романа он считал женским недостатком. Ему не доставлял удовольствия рассказ с трагическим концом, и по этой причине он не очень ценил романы Джордж Элиот, хотя о ее романе «Сайлас Марнер» часто говорил с большой похвалой [11]. Вальтер Скотт, мисс

Остин и миссис Гаскелл [12] читались и перечитывались до тех пор, пока окончательно не надоедали. У отца под рукой были одновременно две или три книги — какой-нибудь роман, чья-либо биография и описание того или иного путешествия. Он не часто читал старинные и классические произведения, а предпочитал современную литературу; книги он получал по абонементу из библиотеки.

Его литературные вкусы и взгляды были ниже его общего умственного уровня. Хотя ему было ясно, чтó именно он представляет себе хорошим в области литературы, он сам считал, что в вопросах литературного вкуса совершенно не компетентен, и нередко говорил о том, чтó компетентным критикам нравится или не нравится, так, как если бы они составляли класс людей, принадлежать к которому он не имеет претензии.

В отношении вопросов искусства он был склонен подсмеиваться над профессиональными критиками и говорил, что свои суждения они составляют в соответствии с модой. Так, он говорил, что в его время все решительно восторгались такими мастерами живописи, которые теперь находятся в пренебрежении. Любовь, которую он проявлял в молодости к картинам, свидетельствует, можно думать, о том, что он оценивал портрет как произведение искусства, а не только по степени его сходства с изображаемым лицом. И, однако, он часто говорил, посмеиваясь, о небольшой ценности живописных портретов и о том, что одна какая-нибудь фотография стоит многих картин, словно бы он совершенно не видел художественных достоинств нарисованного портрета. Но это обычно говорилось с целью убедить нас в том, что мы должны отказаться от желания иметь его нарисованный художником портрет,— дело, представлявшееся ему очень докучным.

Его отношение к самому себе как к человеку невежественному во всех вопросах искусства поддерживалось его большой скромностью — чертой, характерной для него. В вопросах, касавшихся как вкуса, так и более серьезных вещей, он всегда обладал мужеством иметь свое собственное мнение. Я вспоминаю, однако, один случай, который как будто противоречит этому: осматривая в спальне м-ра Рёскина картины Тёрнера, он не признался, как сделал это впоследствии, что совершенно не в состоянии был понять, чтó собственно находил в них м-р Рёскин [13]. Но эта маленькая неискренность была, конечно, допущена им только из любезности к хозяину дома. Ему доставило удовольствие и вместе с тем позабавило, когда некоторое время спустя м-р Рёскин привез ему несколько фотографий с картин (кажется, с ван-дейковских портретов) и весьма учтиво и, по-видимому, высоко оценил мнение отца об этих фотографиях.

Многие из научных сочинений, которые он читал, были немецкие, и чтение их стоило отцу большого труда: просматривая вслед за ним ту или иную книгу, я часто бывал поражен, видя (по карандашным пометкам, которые он делал ежедневно, прекращая чтение), как мало он успевал прочитать за один раз. Он часто называл немецкий язык «verdammte» («проклятый»), причем произносил это слово на английский лад. Он особенно негодовал на немцев за то, что они, как он был убежден, могли бы писать проще, если бы только хотели, и хвалил профессора Ф. Гильдебранда из Фрейбурга [14] за его немецкий язык, который столь же ясен, как французский. Иногда он показывал какую-ни-

будь немецкую фразу одной своей знакомой, патриотически настроенной немецкой даме, и потешался над ней, если она не могла без задержки перевести ее на английский язык. Сам он изучил немецкий язык, просто непрерывно пользуясь словарем, он говорил, что его единственный путь добраться, в конце концов, до смысла какой-либо фразы заключался в том, что он по многу раз подряд перечитывал ее. Когда он начал много лет назад изучать немецкий язык, он с гордостью сообщил об этом (как он любил рассказывать) сэру Дж. Гукеру, на что тот возразил ему: «Ах, мой дорогой друг, это ничего не значит! Я много раз начинал изучать его».

Несмотря на недостаточное знание немецкой грамматики, отец прекрасно справлялся с чтением немецких книг, и фразы, которые не давались ему, были, как правило, действительно очень трудными. Он никогда не делал попыток научиться правильно говорить по-немецки и произносил немецкие слова так, как если бы это были английские слова, и поэтому было весьма нелегко помочь ему, когда он произносил вслух немецкую фразу и просил перевести ее. У него определенно был плохой слух на голосовые звуки, и поэтому ему было трудно воспринимать небольшие различия в произношении *.

Замечателен был широкий интерес отца к областям знания, лежавшим за пределами его специальности. Что касается биологических наук, то влияние, оказанное на них его теоретическими воззрениями, было столь обширным, что он находил что-либо интересное для него почти в каждом их разделе. Он читал очень много весьма специальных трудов и обширные части таких руководств, как «Анатомия беспозвоночных» Гёксли, или такого сочинения, как «Эмбриология» Бальфура, по меньшей мере детали которых не лежали по линии его специальных интересов. И хотя он не изучал очень узких исследований монографического типа, он всегда в высшей степени восхищался ими.

В области наук небиологических он очень интересовался работами, судить о которых по-настоящему не мог. Так, он имел обыкновение прочитывать в журнале «Nature» [«Природа»] почти все статьи, хотя столь многие из них относились к математике и физике. Он часто говорил мне, что получает какое-то особое удовольствие при чтении статей, которые он (по его собственным словам) не может понять. Хотелось бы мне воспроизвести то, как он подсмеивался над самим собой по этому поводу.

Замечательно также, что он сохранял интерес к вопросам, которыми занимался в прежнее время. Особенно это было выражено у него в отношении геологии. В одном из писем к м-ру Джедду он просит последнего навестить его, объясняя, что с тех пор, как умер Ляйелл [15], ему ни разу не пришлось побеседовать о геологических вопросах. Другой пример представляют сделанные им за несколько лет до смерти наблюдения над вертикально расположенными голышами в наносах близ Саутгемптона,— вопрос, рассмотренный им в письме к м-ру Гейки [16]. Из его писем к д-ру Дорну можно опять-таки видеть, насколько

* [В первом издании L. L. (1887) вместо этой последней фразы, появившейся в издании 1888 г. и в последующих публикациях «Воспоминаний» Фр. Дарвина, была фраза: «В одном из своих писем он ссылается на свое плохое французское произношение как на причину, по которой он не хотел бы принять на себя обязанности секретаря Геологического общества».— *Ред.*]

живой интерес он сохранял к усоногим ракам [17]. Думаю, что все это являлось следствием длительности и устойчивости его умственных интересов: мне не раз приходилось слышать от него, что он считает себя высокоодаренным этого рода качеством. Я не хочу сказать, что он пользовался подобными словами, характеризуя самого себя, но он нередко говорил, что обладает способностью удерживать в поле своего внимания тот или иной объект или вопрос в большей или меньшей мере на протяжении очень многих лет. Размер этой его способности становится ясным, если принять во внимание количество разрешенных им научных проблем различного рода и как рано некоторые из этих проблем начали занимать его.

Если он ничего не делал в другое время, не в обычные часы его отдыха, то это было верным признаком того, что он чувствует себя плохо, ибо пока он оставался более или менее здоровым, он не допускал никакого нарушения установленного порядка дня. Будние дни и воскресенья проходили совершенно одинаково с раз навсегда установленными промежутками между работой и отдыхом. Только тот, кто непосредственно наблюдал его каждодневную жизнь, в состоянии представить себе, насколько важным для его хорошего самочувствия было соблюдение строгого распорядка, описанного мною выше, и какого страдания и труда стоило ему сделать что-либо, выходящее за пределы этого распорядка.

Появление в обществе, пусть и самое незначительное, требовало от него каждый раз большого усилия. В 1871 году он отправился в маленькую деревенскую церковь, чтобы присутствовать на свадьбе своей старшей дочери, но лишь с трудом мог превозмочь утомление, вызванное у него пребыванием в церкви в течение короткой службы. То же самое нужно сказать по поводу немногих других случаев, когда ему приходилось присутствовать на подобного рода церемониях.

Вспомкнаю, что много лет назад отец присутствовал на каких-то крестинах; это запомнилось мне по той причине, что мы, дети, привыкли считать его появление в церкви событием исключительным и необычайным. Мне очень отчетливо помнится также его образ на похоронах его брата Эразма: он стоял среди разбросанного снега, закутавшись в длинную черную траурную мантию, с серьезным, задумчивым выражением лица, полным печали.

Когда после многолетнего перерыва он решился вновь посетить заседание Линнеевского общества, чувствовалось,— и так оно и оказалось в действительности,— что это серьезное предприятие, на которое нельзя было решиться без колебаний и которое вряд ли удастся осуществить, не заплатив за него впоследствии тем или иным тяжелым заболеванием. Точно также большого усилия потребовало от него присутствие на званом завтраке у сэра Джемса Пейджета [18], где было и несколько видных членов Медицинского конгресса (1881).

Ранние часы утра были единственным временем, когда он мог позволить себе такого рода усилия сравнительно безнаказанно. Так, если он хотел посетить кого-либо из своих ученых друзей в Лондоне, то делал это предпочтительно рано, в десять часов утра. По той же причине в свои поездки в Лондон он отправлялся самым ранним поездом и обычно попадал в дом к своим родственникам, когда они только начинали свой день.

Он аккуратно вел «Дневник», в который заносил как те дни, когда он работал, так и те, когда болезненное состояние мешало ему работать, так что он всегда мог учесть, как много дней оказалось потерянными для работы в каждом данном году. В этот «Дневник» — маленькую тетрадку в желтой обложке, лежавшую открыто на каминной доске поверх кучки таких же дневников за предшествующие годы,— он записывал также дни своих поездок на отдых и своего возвращения домой.

Наиболее частым видом такого отдыха были поездки на одну неделю в Лондон, где он останавливался либо в доме своего брата (6, Queen Anne Street), либо у своей дочери (4, Bryanston Street). Эти поездки для кратковременного отдыха он обычно предпринимал по настоянию моей матери, когда «плохие дни» и головокружение начинали появляться так часто, что наличие переутомления становилось очевидным. Он уезжал неохотно и пытался торговаться, ставя, например, условие, что он вернется через пять дней, а не через шесть. Даже в тех случаях, когда он уезжал из дому не больше чем на неделю, укладка вещей начиналась рано утром, причем он всегда хотел сам укладывать свои вещи. Беспокойство, которое ему доставляла всякая поездка, по крайней мере в последние годы, заключалась главным образом в ожидании отъезда и в том неприятном чувстве внезапной слабости, которое появлялось у него перед самым отъездом, но даже довольно длительная поездка, например в Конистон [19], удивительно мало утомляла его, если принять во внимание плохое состояние его здоровья, и он почти по-мальчишески испытывал величайшее наслаждение от путешествия.

Хотя, как он сам говорил, некоторые из его эстетических вкусов с годами очень ослабели, его любовь к картинам природы сохранилась во всей своей свежести и силе. Каждая поездка в Конистон доставляла ему новое наслаждение, и он никогда не переставал восхищаться красотой пересеченной холмистой местности в районе верхней части озера.

⟨Восхитительная поездка в Грасмер [20] — одно из счастливых воспоминаний этого времени (1879): «Великолепный день,— пишет моя сестра,— и оживленное, радостное настроение отца оставили во мне самое приятное воспоминание. Он не мог ни на минуту усидеть спокойно в карете, все время то поворачиваясь в разные стороны, то приподнимаясь, чтобы полюбоваться пейзажем с каждого нового пункта, и даже на обратном пути был полон восторга от красоты озера Райдл-Уотер, хотя он никак не мог согласиться с тем, что Грасмер может вообще выдержать сравнение с его любимым Конистоном».⟩

Помимо этих более продолжительных экскурсий, он ездил не надолго к разным родственникам — к своему зятю, дом которого находился близ Лит-Хилла, и к своему сыну, жившему поблизости от Саутгемптона [21]. Он всегда особенно любил бродить по пересеченной открытой местности, вроде выгонов близ Лит-Хилла и Саутгемптона и вересковых пустошей Эшдоунского леса или восхитительного «Зазубренного холма» [«Rough»] подле дома его друга сэра Томаса Фаррера [22]. Даже во время этих вакационных дней он никогда не оставался совершенно бездеятельным, находя повсюду объекты для наблюдения. В Хартфилде он вел наблюдения под поимкой насекомых дрозерой и т. п., в Торки он наблюдал процесс опыления у орхидеи (Spiranthes), а также выяснял отношения полов у тимьяна.

Отец всегда радовался возвращению домой из своих вакационных отлучек; ему доставляла большое удовольствие встреча, которую оказывала ему его собачка Полли, а она от радости приходила в полное неистовство, задыхалась, пискливо лаяла, металась по комнате и вспрыгивала на стулья; отец наклонялся к ней, прижимал ее мордочку к своему лицу, позволял ей лизать себя и говорил с ней каким-то особенно нежным и ласковым голосом.

Отец обладал способностью придавать своим летним дням отдыха очарование, которое сильно чувствовали все члены нашей семьи. Затрата сил, которой требовала от него работа дома, доводила до крайнего напряжения его выносливость, и когда он освобождался от занятий, то отдавался отдыху с юношеской радостью и становился очаровательным товарищем; все мы чувствовали, что в течение вакационной недели мы обретаем его в гораздо большей степени, чем за целый месяц дома.

⟨Однако некоторые из этих отлучек из дому оказывали на него гнетущее действие; если до отъезда он бывал чрезмерно переутомлен, то казалось, что отсутствие привычного для него напряжения как бы создавало предпосылку для возникновения особенно плохого состояния его здоровья.⟩

Помимо вакационных поездок, о которых я упоминал, отец посещал также водолечебницы. В 1849 г., когда он был очень болен, страдая постоянными припадками тошноты, один его приятель посоветовал ему испробовать водолечение, и он в конце концов согласился поехать в Молверн в водолечебницу д-ра Голли [Gully]. Из его писем к м-ру Фоксу видно, что лечение подействовало на него очень хорошо; отец, по-видимому, думал, что он нашел, наконец, метод лечения своей болезни, однако, как и все другие средства лечения, водолечение оказывало на него только преходящее действие. Но вначале оно показалось ему столь эффективным, что, по возвращении домой, он устроил для себя душевую комнату и обучил своего слугу приемам водолечения.

Много раз он посещал Мур-Парк — водолечебницу д-ра Лейна [Lane] в Суррее, неподалеку от Олдершота. Отцу очень нравилось здесь, и он всегда с удовольствием вспоминал о своем пребывании в Мур-Парке. ⟨Воспоминания д-ра Лейна о моем отце включены в состав «Лекции о Чарлзе Дарвине» д-ра Ричардсона, прочитанной 22 октября 1882 г. Привожу отрывок из них: «В общественном учреждении, подобном моему, он, естественно, был окружен людьми самого разнообразного характера, мужчинами и женщинами, по большей части резко отличавшимися от него,— коротко говоря, людьми банальными, каково большинство повсюду, имевшими с ним только то общее, что, как и он, они были людьми и пациентами. И никогда не было у меня ни одного пациента более сердечного, более деликатного, более дружески расположенного к людям и вообще более очаровательного, чем он по всему своему облику...» Он «никогда не стремился, как это слишком часто бывает с хорошими собеседниками, монополизировать разговор. Ему доставляло удовольствие не только давать, но и получать, и он столь же хорошо слушал, как и говорил сам. Он никогда не проповедовал, никогда не поучал, и его речь, серьезная или веселая (а она была то серьезной, то веселой), была полна живости и остроумия — колоритная, блестящая и воодушевленная».⟩

Некоторое представление о его отношении к членам его семьи и к друзьям можно получить из того, что уже было сказано; невозможно дать здесь исчерпывающее описание этих его отношений, однако несколько более подробная характеристика их не излишня. О его семейной жизни я могу ограничиться только несколькими словами. В его отношении к матери наилучшим образом сказались свойственные ему нежность и симпатия к другим людям. Он нашел в ней свое счастье, и благодаря ей жизнь его, которая могла бы оказаться унылой и мрачной, была полна удовлетворения и спокойной радости.

Работа «Выражение эмоций» показывает, как внимательно он наблюдал своих детей; для него характерно, что (как он сам рассказывал мне), несмотря на сильное желание произвести точное наблюдение над выражением лица у плачущего ребенка, его сочувствие к горю ребенка портило его наблюдения. Записная книжка, в которую он вносил слова и выражения своих маленьких детей, показывает, сколько удовольствия дети доставляли ему. Казалось, что ему хочется сохранить полное сожаления воспоминание о безвозвратно ушедших годах их детства; в своих «Воспоминаниях» он писал [этот том, стр. 212]: «Когда вы были совсем маленькими, мне доставляло наслаждение играть с вами, и я с тоской думаю, что эти дни никогда уже не вернутся». Нежность его натуры хорошо видна в характеристике его маленькой дочери Энни, написанной им через несколько дней после ее смерти *.

Мы, дети, испытывали огромное удовольствие, когда он принимал участие в наших играх, ⟨но не думаю, чтобы он много возился с нами; полагаю, что по состоянию своего здоровья он не переносил шумных игр⟩. Иногда он рассказывал нам различные истории, которые казались нам необычайно восхитительными, отчасти, вероятно, вследствие того, что делал он это редко.

О том, как отец нас воспитывал, можно судить по маленькому эпизоду с моим братом Леонардом, о котором отец любил рассказывать. Войдя однажды в гостиную, он увидел, что Леонард прыгает по дивану, что у нас запрещалось, чтобы не портить пружин; отец воскликнул: «О, Лэнни, Лэнни! Ведь это против правил», на что Леонард ответил ему: «Тогда, я думаю, тебе лучше уйти из комнаты». Не думаю, чтобы он за всю свою жизнь сказал кому-либо из своих детей хотя бы одно сердитое слово, но я уверен, что никогда никому из нас не пришло бы в голову не повиноваться ему. Я хорошо помню, как отец сделал мне однажды замечание по поводу какой-то допущенной мною небрежности, и мне до сих пор памятно охватившее меня из-за этого чувство уныния, а также та заботливость, которую он проявил, чтобы рассеять это мое чувство, когда обратился ко мне вскоре после того с особенно ласковыми словами. Свою очаровательную, ласковую манеру обращения с нами он сохранял на протяжении всей своей жизни. Меня удивляет иногда, как он мог так обращаться с нами, довольно сдержанными в выражении своих чувств людьми, но я надеюсь, что он знал, как сильно мы восхищались его полными любви к нам словами и добрым отношением к нам. ⟨Как часто уже в мои зрелые годы мне хотелось, чтобы отец, когда он, бывало, останавливался [диктуя мне что-либо] за моим стулом,

* [Эта характеристика, которую Фр. Дарвин приводит здесь, дана нами выше, стр. 160.— *Ред.*]

провел рукой по моим волосам, как он делал это, когда я был маленьким.⟩ Он позволял своим взрослым детям подсмеиваться над ним и сам вместе с ними смеялся, и вообще разговаривал с нами, как с совершенно равными себе.

Он всегда был полон интереса к планам и успехам каждого из нас. Смеясь над ним, мы говорили, что у него нет веры в своих сыновей, когда, например, он выражал некоторое сомнение в том, справится ли тот или иной из нас с какой-либо предпринятой им работой, так как он не чувствовал уверенности в том, что мы обладаем для этого достаточными знаниями. С другой стороны, он был склонен относиться с чрезмерным одобрением к нашей работе. Когда я говорил, что он слишком высоко оценивает что-либо сделанное мною, он возмущался и притворялся, будто склонен разразиться гневом. Его сомнения в наших силах проистекали отчасти из той скромности, с которой он относился ко всему, что каким бы то ни было образом касалось его самого, а его одобрительная оценка нашей работы объяснялась тем сочувственным отношением к другим, которое делало его снисходительным в высшей мере.

Он придерживался в своих отношениях с детьми свойственной ему очаровательной манеры в выражении свой благодарности; если мне случалось написать для него письмо или прочитать ему вслух какую-нибудь страничку, дело никогда не обходилось без того, что бы он не высказал мне несколько добрых слов благодарности. Он очень любил своего внука Бернарда и относился к нему с большой добротой и часто говорил о том удовольствии, которое ему доставляет возможность видеть «его маленькое личико прямо против себя» за столом во время второго завтрака. Он и Бернард любили сравнивать свои вкусы, например в одинаковой их любви к желтому сахарному песку (бастру), который они предпочитали белому сахару, и т. п.; в результате заявлялось: «Ведь мы во всем согласны с тобой, не правда ли?».

Вот что пишет моя сестра: «Мои первые воспоминания об отце связаны с тем восторгом, который мы испытывали, когда он играл с нами. Он был страстно привязан к своим собственным детям, но не принадлежал к числу тех людей, которые обожают всех детей вообще. Для нас он был самым восхитительным товарищем по нашим играм и самым сочувствующим нам другом. И надо сказать, что невозможно сколько-нибудь точно передать, каким очаровательным было его отношение к семье как в годы нашего детства, так и в более поздние годы.

Показателем того, в каких отношениях мы находились с ним, а также и того, как высоко мы ценили его в качестве товарища по нашим играм, является следующий эпизод: один из моих братьев, которому было тогда около четырех лет, предложил уплатить отцу шесть пенсов, если он согласится принять участие в наших играх в часы работы. ⟨Все мы знали, что часы, когда он работает, считались у нас в доме священными, но что кто бы то ни было может устоять против соблазна получить шестипенсовик, казалось нам совершенно невероятным.⟩

Вероятно, он был самой терпеливой и очаровательной сиделкой. Мне вспоминается, каким, казалось мне, уютным покоем и удобством я охвачена, когда, больная, лежала у него в кабинете на диване и он укутывал меня одеялом, а я лениво смотрела на старую геологическую карту, висевшую на стене. Это было, должно быть, в его рабочие часы, по-

тому что он всегда рисуется мне сидящим в своем подбитом конским волосом кресле около угла камина.

Другим показателем его безграничного терпения может служить то, что нам было позволено вторгаться в его кабинет, когда нам были до крайности необходимы липкий пластырь, веревки, булавки, ножницы, марки, складной фут или молоток. Эти и другие подобного рода необходимые вещи всегда можно было найти в кабинете, и это было единственное в доме место, где их можно было получить наверняка. Мы понимали, что поступаем нехорошо, входя в кабинет в рабочее время, но мы все же входили, когда нам очень нужно было. Помню его терпеливый взгляд, когда он сказал однажды: «Не думаете ли вы, что вы могли бы не входить сюда снова? Вы уж слишком часто мешаете мне». Мы боялись входить к нему за липким пластырем, потому что он не любил видеть у нас порезы — как из-за нас самих, так и вследствие своей острой чувствительности к виду крови. Хорошо помню, как я пряталась в коридоре, поджидая, пока он не уйдет из дому, и тогда я прокрадывалась в кабинет за пластырем.

Оглядываясь на те далекие дни, я вижу, что жизнь шла у нас очень размеренно и, кроме родственников (и немногих близких друзей), никто другой, думается мне, не посещал нас. После уроков мы были предоставлены самим себе и могли идти, куда хотели, и мы проводили время главным образом в гостиной или в саду, благодаря чему очень много времени оставались с отцом и матерью. Нам казались восхитительными рассказы отца о его плавании на «Бигле» или о ранних годах его жизни в Шрусбери — маленькие отрывки воспоминаний о его школьной жизни и детских вкусах. ⟨Иногда же он читал вслух своим детям такие книги, как романы Скотта, и я вспоминаю также несколько его маленьких лекций о паровой машине.

В течение пяти лет, от тринадцатого до восемнадцатого года моей жизни, я постоянно более или менее была больна, и в продолжение долгого времени (мне оно кажется годами) он завел обыкновение ежедневно после полудня проводить со мною две партии игры в триктрак. Он играл с величайшим одушевлением, и я вспоминаю, что одно время мы начали вести счет очков, и так как итог записей выходил в его пользу, мы хранили список дублетов, брошенных каждым из нас, ибо я была убеждена, что он бросает лучше меня.

Его терпение и сочувствие ко мне во время этой утомительной болезни были безграничны, и в тех случаях, когда мое состояние становилось очень тяжелым, я замечала, что степень этого сочувствия переходит всякие границы. Когда мне стало особенно плохо, мы поехали к моей тетке в Хартфилд, в Суссексе, и как только мы благополучно добрались туда, он отправился в Мур-Парк, чтобы пройти двухнедельный курс водолечения. Вспоминаю теперь, что по его возвращении я с трудом могла переносить его присутствие у себя в комнате — на меня слишком сильно действовало выражение на его лице нежного сочувствия ко мне и душевного волнения, которые после его кратковременного отсутствия стали новыми для меня и очень тягостными.⟩

Он проявлял заботу в отношении всех наших занятий и интересов и жил нашей жизнью в такой мере, в какой это редко бывает у отцов. Но я уверена, что ни в ком из нас эта интимность отношений ни в малейшей степени не снижала нашего уважения к нему и нашего

послушания. Что бы он ни сказал, было для нас абсолютной истиной и законом. Всю силу своего ума он всегда вкладывал в ответы на любой из наших вопросов. Одна маленькая подробность показывает мне, какое внимание он проявлял ко всему тому, что являлось предметом наших забот. Он не очень любил кошек (хотя восхищался изяществом движений котят), и тем не менее он знал и помнил индивидуальные особенности моих многочисленных кошек и не раз говорил о привычках и характере наиболее замечательных из них много лет спустя после их смерти.

Другой характерной чертой его обращения с детьми было уважение к их свободе и к их личности. Помню, какое наслаждение доставляло мне это чувство свободы еще в то время, когда я была маленькой девочкой. Отец и мать даже не выражали желания знать, что мы делали или о чем думали, если только сами мы не стремились рассказать им об этом. Отец всегда давал нам понять, что все мы являемся людьми, мнения и мысли которых ценны для него, и благодаря этому все, что было лучшего в нас, раскрывалось в солнечном сиянии его личности.

Не думаю, что его преувеличенное мнение о наших умственных и моральных качествах делало нас самонадеянными, как этого, быть может, следовало бы ожидать; оно скорее вело к тому, чтобы мы стали скромными и всегда питали благодарность к нему. Причина этого заключалась, без сомнения, в том, что влияние его характера, его искренности и его величия оказывало на нас гораздо более глубокое и более прочное воздействие, чем тот небольшой восторг, который могло испытать наше тщеславие благодаря его похвалам и восхищению нами» *.

Его очень любили и уважали как главу дома; со слугами он всегда говорил вежливо и, когда просил их о чем-нибудь, то обязательно добавлял: «Не будете ли Вы так добры». Вряд ли он когда-нибудь сердился на слуг; насколько редко это случалось, видно из того, что однажды, когда я, будучи еще маленьким мальчиком, случайно услышал, как отец сердитым голосом распекал за что-то слугу, это поразило меня как какое-то ужасное событие, и я помню, что бросился вверх по лестнице вне себя от страха. Он не принимал участия в уходе за садом, коровами и пр. Он считал, что к нашим лошадям имеет столь малое касательство, что обычно с сомнением спрашивал, может ли он получить лошадь и тележку, чтобы послать в Кестон за дрозерой или в Уэстергемские питомники за растениями, или в какое-либо другое место.

В своей манере принимать гостей отец был совершенно очарователен: присутствие посетителей возбуждало его и вызывало проявление лучших сторон его характера. Он рассказывал, что в Шрусбери его отец всегда выражал желание, чтобы о гостях неустанно заботились, и в одном из писем к Фоксу он говорит, что не может написать письмо, так как дом полон гостей. Мне кажется, что он всегда испытывал беспокойство, считая, что недостаточно заботится о развлечении своих гостей, но прием проходил вполне успешно, и то или иное неудобство компенсировалось тем, что гостям давали возможность чувствовать себя совершенно свободно и делать все, что им понравится. Обычно го-

* Чудесные воспоминания о жизни моего отца в Дауне, написанные его другом и прежним соседом миссис Уоллис Нэш [Wallis Nash], были опубликованы в журнале «Overland Monthly» (Сан-Франциско) в октябре 1890 г.

сти оставались у нас с субботы до понедельника; дольше гостили у нас родственники, но о них заботилась в большей мере мать, а не отец.

Помимо этих гостей нас посещали иностранцы и другие незнакомые нам лица,— они приезжали обычно ко второму завтраку и уезжали в полдень. Отец добросовестно говорил им, какое громадное расстояние отделяет Даун от Лондона и сколько труда надо затратить, чтобы добраться сюда, бессознательно считая очевидным, что путешествие это должно быть для них столь же утомительным, как для него. Если, однако, это не отпугивало их, он сам организовывал их поездку, указывал, когда им приехать и когда практически им надо выехать из Лондона. Приятно было смотреть, как он обменивается рукопожатием с гостем, которого он приветствовал впервые; он с такой быстротой протягивал руку, что создавалось впечатление, будто она торопится поскорее встретиться с рукой гостя. Старым друзьям он пожимал руку с такой сердечностью, что видеть это мне всегда доставляло удовольствие. Его прощание с гостями было столь же очаровательным: стоя у выходных дверей, он благодарил гостей за то, что они приехали повидаться с ним.

Эти завтраки представляли для отца весьма удачную форму развлечения, не доставляя ему ни хлопот, ни утомления; в продолжение всего визита отец бывал весел и возбужден. Профессор Декандоль [23] описал свое посещение Дауна в превосходном и симпатичном очерке о моем отце *. Он говорит, что манера поведения отца вполне походит на манеру оксфордского или кембриджского «savant» [ученого]. Это сравнение не кажется мне вполне удачным; в его непринужденности и естественности было скорее нечто, напоминающее военного человека; это проистекало от полного отсутствия у него неискренности или искусственности. Отсутствие позирования и естественность и простота, с которыми он начинал разговор со своими гостями, благодаря чему они с первого же момента чувствовали себя непринужденно, делали его очаровательнейшим хозяином для любого постороннего человека. Его умение удачно выбрать тему для разговора проистекало, казалось, как из свойственных ему скромности по отношению к самому себе и симпатии к другим, так и из живого интереса к работам других людей.

Некоторым, я думаю, его скромность доставляла подлинное огорчение; я видел, что покойный Френсис Бальфур [24] был прямо-таки расстроен тем обстоятельством, что отец приписал ему эрудированность в одном вопросе, заявляя, что сам он в этом вопросе совершенно невежественен.

Трудно охватить все особенности, характеризующие моего отца как собеседника.

Рассказывая о чем-нибудь, он в гораздо большей мере, чем большинство людей, боялся повторений и все время произносил: «Вы, верно, слышали об этом от меня» или «Полагаю, что я уже говорил вам». У него была одна особенность, которая придавала своеобразный характер его беседе. С первых слов фразы ему часто вспоминались те или иные исключения или доводы против того, что он собирался сказать, а это в свою очередь наводило его на какой-либо другой пункт, в результате

* De Candolle, Darwin considéré au point de vue des causes de son succès, Geneva, 1882.

чего вся фраза превращалась в целую систему скобок внутри скобок, так что часто совершенно невозможно было понять смысл его речи, пока он, наконец, не заключал свою фразу. Он нередко говорил о самом себе, что, беседуя с кем-либо, он не в состоянии достаточно быстро найти необходимый довод, и я думаю, что это соответствовало истине. Если разговор не касался вопроса, над которым он как раз в данное время работал, он не мог достаточно быстро привести в действие последовательный ряд доказательств. Это можно видеть даже по его письмам, например, по двум письмам к профессору Земперу [25] о действии изоляции: он мог привести ряд необходимых для него данных только спустя несколько дней после того, как первое письмо было отослано.

Когда во время беседы он чувствовал то или иное затруднение, у него начиналось своеобразное заикание на первом слове фразы. Я могу припомнить только, что такое заикание случалось на словах, начинающихся с буквы «w». Возможно, что произношение этой буквы особенно затрудняло его, так как он рассказывал мне, что в детстве он не умел произносить эту букву и ему предлагали шесть пенсов, если он правильно произнесет слова «white wine», которые он выговаривал как «rite rine». Быть может, эта наклонность была унаследована им [26] от Эразма Дарвина, который заикался *.

Иногда он курьезным образом сочетал воедино различные выражения, пользуясь, например, такой фразой, как «holding on like life», которая представляет смешение фразы «holding on for his life» [«цепляясь за свою жизнь»] с фразой «holding on like grim death» [«прицепляясь подобно неумолимой смерти»]. Это происходило вследствие той энергичности, с которой он подчеркивал что-либо, сказанное им. По временам это создавало впечатление преувеличения, чего, однако, он совершенно не имел в виду, но вместе с тем это придавало тому, что он говорил, оттенок глубокой и благородной убежденности. Так было, например, когда он давал свое показание перед Королевской комиссией по вивисекции и, говоря о жестокости по отношению к животным, заявил: «Она заслуживает ненависти и отвращения!» [27]. Когда в подобного рода случаях он чувствовал себя особенно возбужденным, он, не доверяя себе, не решался говорить, так как знал, что легко придет в раздраженное состояние, чего он не любил до крайности. Он сознавал, что раздражение, выливаясь в слова, имеет тенденцию усиливаться, и по этой причине боялся, например, бранить слугу.

Доказательством скромной манеры его участия в разговоре может служить, например, тот факт, что когда по воскресеньям к нам приезжали члены семьи сэра Джона Леббока [29], чтобы побеседовать в послеполуденное время, он никогда, казалось, не выступал с речами или лекциями, хотя именно ему принадлежала значительная роль в поддержании беседы. Он был особенно очарователен, когда подшучивал над кем-нибудь, сам находясь в чрезвычайно веселом настроении. Он бывал в таких случаях по-мальчишески беззаботным, в высшей степени ярко проявляя всю тонкость своей натуры. Восхитительно было видеть, как

* Отец рассказывал об одной реплике Эразма Дарвина, сделанной вполне в Джонсоновском духе [28]: «Не находите ли вы заикание большим неудобством, доктор Дарвин?» — «Нет, сэр, потому что у меня есть время подумать, прежде чем сказать что-нибудь, и потому я не задаю неуместных вопросов!».

он разговаривал с дамой, которая нравилась ему и развлекала его, сочетая добродушное подшучивание с выражением почтительного уважения к ней. В нем было так много достоинства, что даже при самых фамильярных отношениях оно не терпело никакого урона. Чувствовалось, что с ним менее чем с кем бы то ни было другим можно допустить какую-либо вольность, и я действительно не могу вспомнить ни единого случая подобного обращения с ним [30].

Когда у отца бывало несколько гостей сразу, он превосходно устраивался с ними, ведя разговор с каждым из них отдельно или усаживая двоих или троих одновременно вокруг своего кресла Эти беседы были всегда приправлены доброй долей шутки и вообще отличались юмором, либо заменявшей его жизнерадостной сердечностью. Быть может, этот пронизывавший всю его речь юмор помнится мне ярче всего потому, что самыми лучшими были его беседы с м-ром Гёксли, который обладает какой-то способностью, родственной юмору, если это и не есть сам юмор. Юмор м-ра Гёксли доставлял отцу огромное удовольствие, и отец нередко говорил: «Как блестяще остроумен Гёксли!» Думается мне, что более научную аргументацию (принимавшую характер серьезного спора) он применял в своих беседах с Ляйеллем и сэром Джозефом Гукером.

Он нередко говорил, что к друзьям последних лет своей жизни он не испытывает того чувства теплой привязанности, какое было у него по отношению к друзьям его юности, и что это огорчает его. Несомненно, в его ранних письмах кембриджского периода мы находим доказательства очень сильной дружеской привязанности к Герберту и Фоксу, но никто, кроме него самого, не решился бы сказать, что на протяжении всей жизни его привязанность к своим друзьям не была проникнута самым теплым чувством. Когда дело касалось услуги кому-либо из его друзей, он не щадил себя и охотно жертвовал и своим драгоценным временем и своими силами. Он, несомненно, обладал в совершенно необычайной степени способностью привязывать к себе своих друзей. У него было много друзей, но его привязанность к сэру Джозефу Гукеру была гораздо более сильной, чем это обычно встречается у людей. В своих «Воспоминаниях» он писал: «Вряд ли я знал человека более привлекательного, чем Гукер».

У отца были самые радушные отношения с деревенским населением; когда ему приходилось вступать в контакт с обитателями деревни Даун, он бывал с ними, с каждым в отдельности и со всеми, очень предупредителен и проявлял живой интерес ко всему, что касалось их благополучия. Через некоторое время после того, как он поселился в Дауне, при его участии там был организован «Клуб друзей», казначеем которого он состоял на протяжении тридцати лет. Он много заботился о клубе, вел отчетность клуба со скрупулезной точностью, и процветание клуба доставляло ему большое удовольствие. Ежегодно в Духов день члены клуба со знаменем и оркестром проходили процессией по деревне и устраивали парад на лужайке перед нашим домом. Здесь отец встречал их и произносил маленькую речь о финансовом положении клуба, сдабривая ее несколькими крепкими остротами. Он часто бывал слишком болен для того, чтобы даже эту маленькую церемонию выполнить без усилия, но думаю, что ни разу он не уклонился от того, чтобы встретить процессию.

Он был также казначеем «Угольного клуба» [31], что требовало от него довольно большой работы, и в течение нескольких лет исполнял обязанности члена окружного магистрата [32].

Об интересе моего отца к делам деревни свидетельствуют воспоминания м-ра Броди Иннеса, которые он любезно сообщил мне: «Когда в 1846 г. я стал викарием [приходским священником] в Дауне, мы подружились с м-ром Дарвином, и эта наша дружба продолжалась вплоть до его смерти. Его отношение ко мне и к моей семье отличалось неизменной добротой, и мы отвечали ему горячей привязанностью. Он оказывал деятельную помощь во всех делах прихода, связанных со школою, благотворительностью и т. п.; он всегда был готов оказать щедрую денежную помощь, и в случае разногласий, которые по временам происходили в нашем приходе, как это случается в любом приходе, я всегда был уверен, что он поддержит меня. Он держался того мнения, что в случае отсутствия действительно серьезных возражений он должен предоставлять свою поддержку священнику, который обязан знать все обстоятельства лучше, чем кто-либо другой, и в первую очередь несет ответственность за дела».

Отношения отца с людьми посторонними отличались скрупулезной, хотя и несколько формальной вежливостью, но нужно сказать, что у него было мало поводов для такого рода встреч. Д-р Лейн описал *, как при появлении отца в Королевском институте (что случалось очень редко) на лекции (д-ра Сандерсона) «все собравшиеся... поднялись со своих мест, чтобы приветствовать его», сам же он, казалось, «совершенно не представлял себе, что этот взрыв аплодисментов мог вообще относиться к нему». Вследствие уединенного образа жизни, который он вел в Дауне, он чувствовал себя смущенным в большом собрании людей, как, например, на многолюдных вечерах в Королевском обществе, где обилие присутствующих действовало на него подавляюще. Состояние неловкости в подобных случаях еще более усиливалось тем обстоятельством, что он чувствовал себя обязанным узнавать всех, с кем он когда-либо познакомился, а между тем в последние годы жизни у него сильно ослабела память на лица. Он не отдавал себе отчета в том, что лицо его было хорошо известно по фотографиям, и я помню, как обеспокоило его то обстоятельство, что какой-то незнакомый ему человек явно узнал его в аквариуме Хрустального дворца [33].

Должен коротко рассказать о том, как он работал. Характерной чертой его было уважение к времени, он никогда не забывал, насколько оно ценно. Это видно, например, из того, что он всегда старался урезать число своих вакационных дней, а также — и еще более очевидно — из того, что он высоко ценил даже небольшие отрезки времени. Он часто любил говорить, что, сберегая минуты, получаешь возможность осуществить работу; эта склонность беречь минуты проявлялась в том различии, которое он ощущал между пятнадцатиминутной и десятиминутной работой; он никогда не терял несколько свободных минут под тем предлогом, что промежуток времени слишком мал, чтобы стоило садиться за работу. В его манере работать меня часто поражало, что он продолжал вести работу до крайнего предела своих сил и только тогда, внезапно прекращая диктовать, говорил: «Думаю, что мне не следует

* Лекция д-ра Ричардсона в Сент-Джордж-Холле 22 окт. 1882 г.

больше работать». То же крайнее нежелание потерять хотя бы минуту времени сказывалось и в быстроте его движений во время работы. Помню, что я особенно подметил это во время его экспериментов с корнями бобов, требовавших достаточно большой тщательности; прикрепление к корням маленьких кусочков картона он производил осторожно и по необходимости медленно, но все промежуточные движения были очень быстрыми — выбор свежего боба, осмотр корня для установления того, здоров ли он, накалывание его на булавку, определение того, вертикально ли он установлен, и т. д.; все эти процессы производились отцом с едва сдерживаемой резкостью движений. Глядя на него, я всегда выносил впечатление, что работает он с удовольствием, без какого бы то ни было принуждения себя. Помнится мне также образ его, когда он записывал результаты некоторых своих опытов: он стремительно осматривал каждый корень и пр., а затем так же стремительно производил запись. Я вспоминаю, с какой быстротой он подымал и опускал голову, когда переводил взгляд с объекта на записи.

Он очень экономил время благодаря тому, что не делал одно и то же дважды. Хотя он терпеливо повторял опыты, если ожидал от них полезных результатов, он не переносил повторения такого опыта, который должен был — если только был проведен с полной тщательностью — оказаться успешным с первого раза, и поэтому постоянно беспокоился о том, как бы эксперимент не был потерян попусту — он относился к эксперименту как к чему-то священному, хотя бы опыт был весьма незначительным. Он стремился возможно больше извлечь из эксперимента и не ограничивался поэтому наблюдением того единственного момента, для выяснения которого опыт был поставлен — его способность одновременного наблюдения большого числа явлений была изумительна. Не думаю, чтобы он питал любовь к предварительным, сделанным начерно наблюдениям, руководясь которыми, можно было затем произвести повторное наблюдение. Каждый данный опыт был, с его точки зрения, полезен в том или ином отношении, и я вспоминаю в этой связи, как решительно он настаивал на необходимости записывать и неудачные опыты и всегда сам придерживался этого правила.

В своей литературной работе он точно так же боялся всякой потери времени и проявлял точно такое же усердие в том, что он делал в каждый данный момент, и это предохраняло его от необходимости вторичного перечитывания раз написанного.

Он был склонен пользоваться простыми методами работы и применять самое ограниченное число инструментов. Со времени его молодости применение сложного микроскопа сильно расширилось, между тем как простым микроскопом стали пользоваться значительно меньше. Нас теперь необычайно поражает то обстоятельство, что у него не было сложного микроскопа, когда он отправился в свое плавание на «Бигле», но он поступил так, следуя указаниям Роберта Броуна, который был авторитетом в вопросах микроскопии. Он всегда питал большую любовь к простому микроскопу и утверждал, что в наши дни им слишком сильно пренебрегают и что следует всегда стараться увидеть возможно больше при помощи простого микроскопа, прежде чем обратиться к помощи сложного. Он говорит об этом в одном из своих писем, замечая, что всегда с подозрительностью относился к работе ученого, который совершенно не пользовался простым микроскопом.

Препаровальным столом ему служила толстая доска, положенная на один из подоконников в его кабинете; подоконник был ниже обыкновенного стола, так что отец не мог работать за ним стоя, но он ни в коем случае и не стал бы этого делать, так как стремился сохранить свои силы. За этим своим препаровальным столом он сидел на своеобразном низеньком стуле, принадлежавшем еще его отцу; сиденье этого стула вращалось на вертикальной оси, а ножки были снабжены колесиками, так что отец мог легко поворачиваться во время работы в любую сторону. Самые необходимые инструменты и пр. лежали на препаровальном столе подле микроскопа, но помимо того большое количество всякой всячины было спрятано в круглом столике с радиально выдвигавшимися ящиками; этот столик, вращавшийся на вертикальной оси, стоял в непосредственной близости от препаровального стола с микроскопом, по левую руку от отца. Ящики были снабжены этикетками: «тонкие инструменты», «грубые инструменты», «образцы», «препараты» и пр. Самой отличительной особенностью содержимого этих ящиков было то, что даже небольшие остатки всяких материалов и почти бесполезные вещи заботливо хранились — отец придерживался того хорошо известного поверья, что стоит выбросить какую-либо вещь, как вы можете быть уверены, что она тотчас же понадобится вам, и в результате количество вещей непрерывно накоплялось.

Вид его инструментов и пр., лежавших на препаровальном столе, поражал своей примитивностью, самодельностью, случайным характером и причудливостью.

По правую руку отца были расположены полки со всякого рода другими вещами — склянками, блюдцами, коробками из-под бисквитов, предназначавшимися для проращивания семян, оцинкованными бирками, тарелками с песком и т. п. Если принять во внимание, насколько аккуратным и методичным был отец в отношении любого важного дела, кажется странным, что он так часто удовлетворялся самодельными приборами; так, вместо того чтобы приобрести ящик необходимой для его опытов формы и выкрашенный изнутри черной краской, он отыскивал случайный ящик, подходящий для его целей, и просил затемнить его изнутри ваксой; он не заботился о том, чтобы иметь соответствующие стеклянные пластинки для закрывания высоких банок, применявшихся им для выращивания семян, а пользовался случайными обломками стекла неправильной формы с бесполезно торчащими по сторонам узкими острыми выступами. Однако его опыты носили по большей части достаточно простой характер, и он не нуждался поэтому в тщательно изготовленных приборах; думаю, что в этом отношении его привычки проистекали из желания экономить силы и не тратить их на второстепенные вещи.

Упомяну здесь о способах, которые он применял для того, чтобы делать метки на объектах. При большом количестве объектов, например листьев, цветков и т. п., которые надо было отличать друг от друга, он обвязывал каждый из них ниткой другого цвета. Он пользовался этим методом особенно в тех случаях, когда имел дело только с двумя группами объектов, подлежащих различению; так, при опытах по самоопылению и перекрестному опылению цветков одна группа помечалась черной, а другая белой ниткой, которые обвязывались вокруг цветоножки. Хорошо помню вид двух групп семенных коробочек, собран-

Простой микроскоп (препаровальная лупа) **Ч. Дарвина на подоконнике в его кабинете в Дауне**

ных для опыта и ожидающих своей очереди для взвешивания, подсчета семян и пр., с кусочками черных и белых ниток для различения лотков, в которых они лежали. Когда ему предстояло сравнить две группы сеянцев, посаженных в одном и том же горшке, он отделял их друг от друга перегородкой, сделанной из оцинкованной пластинки, а оцинкованная бирка, на которой были записаны необходимые подробности относительно каждого данного опыта, всегда устанавливалась с какой-либо определенной стороны, благодаря чему у него выработалась привычка, не читая бирку, сразу определять, какие растения «скрещенные» и какие «самоопыленные».

Его любовное отношение к каждому отдельному опыту и горячее стремление не утратить результатов его заметно проявляются в этих опытах по скрещиванию растений — в тщательности и заботливости, с которыми он старался не допустить какой-либо путаницы, поместив семена на ненадлежащие лотки, и пр. и пр. Помню как он подсчитывал семена под простым микроскопом, проявляя при этом такое оживление, какое вообще не характерно для столь механической работы, как подсчет. Мне кажется, что он персонифицировал каждое зернышко, представляя его себе как крохотного дьяволенка, который пытался ускользнуть от него, перескочив в ненадлежащую кучку или вообще выскочив прочь, и это придавало всей работе характер волнующей игры. Он очень доверял инструментам, и я не думаю, чтобы ему когда-либо случилось усомниться в точности какой-нибудь шкалы или мензурки и т. п. Он

был изумлен, когда как-то раз мы обнаружили, что один из его микрометров отличался от другого. В отношении большей части производившихся им измерений он не стремился к большой точности и у него не было хороших измерительных линеек: он пользовался старой трехфутовой линейкой, считавшейся у нас в доме общей собственностью, которую постоянно кто-нибудь брал, потому что она была единственной, о которой было точно известно, где она находится, если, конечно, последний, кто брал ее, не забывал положить ее на место. Для измерения высоты растений он пользовался семифутовой сосновой рейкой, градуированной деревенским столяром. В позднейшие годы он начал пользоваться бумажными масштабными лентами, градуированными до миллиметров. ⟨Для измерения небольших объектов у него были два циркуля и транспортир из слоновой кости. Характерно для него, что он затрачивал скрупулезные усилия для производства измерений при помощи своих несколько примитивных линеек. Маленьким примером того, какое доверие он питал к компетентности других, может служить то, что перевод своего «дюйма в миллиметры» он заимствовал из одной старой книги, в которой, как оказалось, были даны ошибочные сведения. У него были химические весы, относившиеся еще к тому времени, когда он занимался химией вместе со своим братом Эразмом. Измерения объема жидкостей производились при помощи аптекарской мензурки; я хорошо помню ее грубое качество и плохо нанесенные деления. Но я помню также и то, с какой большой тщательностью он устанавливал границу жидкости по этим делениям.⟩ Этим описанием его инструментов я не хочу сказать, что хотя бы один из его опытов был неудовлетворителен вследствие неточности измерений; я только привожу их как примеры простоты его методов и его доверия к другим — по крайней мере, доверия к изготовителям инструментов, самое ремесло которых казалось ему какой-то тайной.

Мне вспоминаются некоторые особенности его ума, специфические для его метода работы. Одно качество его умственного склада, по-видимому, было особенно характерным для него и сыграло выдающуюся роль в осуществлении им его открытий. Это была его способность никогда не проходить мимо исключений, не обращая на них внимания. Каждый человек отмечает какой-либо факт как исключение, если этот факт особенно поражает его или часто встречается ему, но отец обладал каким-то особенным чутьем, позволявшим ему приковывать свое внимание к исключениям. Какой-либо факт, видимо незначительный и не связанный с осуществляемой в данный момент работой, большинством людей пропускается почти бессознательно, с каким-то полуобъяснением, которое в действительности вовсе и не является объяснением. Но именно такого рода факты быстро схватывались отцом и становились для него новым пунктом отправления. Собственно говоря в таком приеме нет ничего исключительного, многие открытия были сделаны именно благодаря ему. Я упоминаю о нем только по той причине, что, наблюдая за отцом во время работы, я с особенной силой почувствовал огромную ценность этой способности для экспериментатора.

Другой чертой, характерной для его экспериментальной работы, была его способность упорно привязываться к тому или иному объекту; нередко он почти извинялся за эту свою настойчивость, говоря, что он не мог бы вынести поражения, словно бы это было выражением слабо-

сти с его стороны. Он любил повторять поговорку: «Упорством добьешься всего», и я думаю, что слово «упорство» [«doggedness»] характеризует строй его ума несколько лучше, чем слово «настойчивость» [«perseverance»], которое, как мне кажется, едва ли выражает его почти неистовое стремление принудить истину раскрыть себя. Он часто говорил, что для ученого важно правильно почувствовать тот пункт, дойдя до которого, можно прекратить дальнейшее исследование. И я думаю, что именно его собственная склонность идти дальше этого пункта заставляла его извиняться за свою настойчивость и придавала его работе отпечаток упорства.

Он часто говорил, что ни один ученый не может быть хорошим наблюдателем, если он не является продуктивным теоретиком. Это вновь возвращает меня к тому, что я сказал выше о его чутье, заставлявшем его приковывать свое внимание к исключениям: похоже было на то, что он переобременен способностью теоретизирования, которое готово потечь по какому-либо новому каналу при появлении малейшего препятствия, нарушающего его обычное течение, так что ни один факт, как бы незначителен он ни был, не мог не вызвать целого потока теоретических соображений, и поэтому самый этот факт сильно вырастал в своем значении. В результате естественно случалось, что ему приходили в голову многие несостоятельные теории, но по счастью богатство его воображения уравновешивалось его способностью критически относиться к собственным мыслям и отбрасывать их, если они оказывались негодными. Он был справедлив к своим теориям и не отбрасывал их, не подвергнув предварительной проверке, но поэтому случалось, что он стремился подвергнуть проверке то, что большинство людей считало бы совершенно излишним проверять. Эти шедшие в самых разнообразных направлениях опыты он называл «экспериментами дурака», но они доставляли ему огромное удовольствие. В качестве примера могу упомянуть о следующем опыте: заметив, что семядоли Biophytum [34] очень чувствительны к вибрациям стола, он предположил, что они могут воспринимать звуковые колебания, и просил меня поэтому поиграть на фаготе в непосредственной близости от растения *.

Его любовь к производству опытов была чрезвычайно сильна, и я вспоминаю, как он не раз говорил: «Я не буду чувствовать себя спокойно, пока не подвергну этого испытанию», словно бы какая-то внешняя сила понуждала его. Экспериментирование он любил гораздо больше, чем работу, требующую одного только рассуждения, и когда он бывал занят работой над одной из своих книг, представлявшей собою анализ проблемы и систематизацию фактов, то считал экспериментальную работу отдыхом для себя или своего рода отпуском. Так, работая в 1860—61 гг. над «Изменениями животных и растений», он одновременно занимался экспериментальным исследованием проблемы опыления орхидей и называл себя лентяем за то, что так много времени отдает этому делу. Заслуживает внимания тот факт, что столь важное исследование было предпринято и в значительной своей части осуществлено скорее в качестве развлечения, чем серьезной работы. В письмах к Гукеру,

* Впрочем, это является примером не столько его чрезмерного стремления строить теории на основании незначительного повода, сколько его желания подвергнуть проверке самые невероятные предположения.

относящихся к этому времени, встречаются такие выражения: «Да простит мне господь мою лень: я почти до смешного заинтересован этой работой». В этих письмах ясно обнаруживается огромное удовольствие, которое доставило ему раскрытие им приспособлений, служащих для опыления цветка. В одном из писем он говорит о своем намерении заняться исследованием насекомоядности у дрозеры в качестве отдыха от работы над сочинением «Происхождение человека». В своих «Воспоминаниях» он описал то исключительное удовлетворение, которое он испытал, разрешив проблему гетеростилии *. И мне приходилось слышать, как он упоминал о том, что его исследование геологии Южной Америки доставило ему, пожалуй, большее удовольствие, чем какая-либо другая из его работ. Быть может, именно то наслаждение, которое ему доставляла работа, требующая проницательной наблюдательности, заставляло его ценить похвалу его тонкой способности к наблюдению больше, чем высокую оценку каких-либо других его качеств.

Он не проявлял бережного отношения к книгам, а рассматривал их только как орудие, необходимое для работы. Поэтому он не переплетал их и даже в том случае, когда книга в бумажной обложке распадалась вследствие частого пользования ею на отдельные части, как это случилось, например, с книгой Мюллера «Опыление цветов», он предохранял ее от окончательного разрушения только тем, что зажимал корешок металлической скрепой. Если книга была толстой, он разрывал ее на две части, чтобы было удобнее держать каждую из них в руке. Он хвастался тем, что вынудил Ляйелля выпустить второе издание одного из его сочинений в двух томах, вместо однотомного первого издания, сказав ему, что он вынужден был разорвать это первое издание на две половины. С брошюрами он часто поступал еще более жестоко, чем с книгами, выдирая из них для экономии места все страницы за исключением тех, которые интересовали его. Следствием всего этого было то, что его библиотека не имела нарядного вида, но зато представляла собой, как это видно было с первого взгляда, поразительное собрание книг, служащих аппаратом для работы.

Он был очень методичен в своей манере чтения книг и брошюр, связанных по своей теме с его работами. У него была одна полка, на которую он ставил книги, еще не прочитанные им, и другая, на которую переставлялись уже прочитанные книги, но которые предстояло еще занести в каталог. Глядя на непрочитанные книги, он нередко тяжело вздыхал, так как знал, что среди них много таких, которые ему так никогда и не удастся прочитать. Многие книги сразу переставлялись на полку «прочитанных книг», причем в конце их либо проставлялась цифра, обозначавшая, что в книге нет никаких отмеченных отцом мест, либо делалась соответствующая надпись, например «не прочитано» или «только бегло просмотрено». Когда на полке «прочитанных» книг их накоплялось так много, что на ней больше уже не оставалось места, отец, горестно причитая, бывал вынужден посвятить целый день составлению каталога. Он не любил этой работы, и когда необходимость приступить к ней становилась совершенно настоятельной, он говорил с безнадежностью в голосе: «Необходимо и в самом деле поскорее приняться за эти книги».

* Т. е. взаимоотношений между полами у таких растений, как примула.

Книжные полки в кабинете Ч. Дарвина в Дауне

В каждой книге, по мере того как он читал ее, он отмечал те места, которые имели отношение к его работе. Читая книгу или брошюру и т. п., он на полях страницы проводил карандашом линию и часто делал короткие замечания, а в конце книги составлял перечень страниц с такими пометками. Перед тем как книга вносилась в каталог и убиралась с рабочей полки, отмеченные страницы вновь просматривались и при этом составлялось бегло написанное извлечение из книги. Это извлечение записывалось на отдельных страницах примерно под тремя или четырьмя тематическими заголовками, факты распределялись по нескольким группам и добавлялись к собранным ранее фактам, относящимся к различным вопросам. У него были и другие группы таких извлечений, рассортированные не по отдельным вопросам, а по периодическим изданиям, по статьям которых они были составлены. В ранние годы своей деятельности, собирая факты в широком масштабе, он прочитывал насквозь целые серии журналов, составляя при этом многочисленные извлечения.

В некоторых из своих ранних писем он говорит, что заполнил несколько записных книжек данными, предназначенными для его книги о видах; но он, как можно определенно думать, начал очень рано применять свой план использования папок, описанный им в «Воспоминаниях» *. Моему отцу и г-ну Декандолю доставило взаимное удовольствие установление того факта, что оба они пользовались одним и тем же методом классификации фактов. Декандоль описывает этот метод в своей «Фитологии», а в очерке о моем отце он говорит о том

* Полки, на которых помещались эти папки, видны на рисунке, данном в начале настоящей статьи [см. выше, стр. 309]: они висят в нише справа от камина.

удовлетворении, которое он испытал, увидев, что этот метод практически применяется в Дауне.

Помимо этих папок, несколько десятков которых было наполнено заметками, у отца имелись также большие связки рукописей, помеченных надписью «использовано» и хранившихся отдельно. Он очень ценил свои заметки, и мысль об их гибели при пожаре внушала ему ужас. Когда однажды у нас возникла тревога из-за опасения пожара, помню, как он попросил меня отнестись с особой заботой к его заметкам и старым рукописям, причем с полной серьезностью добавил, что он останется несчастным до конца своей жизни, если погибнут его заметки и книги. Это же чувство выражено им в письменной форме в связи с потерей одной его рукописи в следующих словах: «У меня есть копия ее, иначе потеря эта убила бы меня».

Когда он писал какую-либо книгу, то затрачивал много времени и труда на тщательную разработку плана всего сочинения в целом и на дальнейшее расширение и подразделение каждой из глав, как это описано им в его «Воспоминаниях». Мне кажется, что эта тщательная разработка плана была, вообще говоря, существенна не столько для построения его аргументации, сколько для изложения вопроса и распределения фактического материала. Разрастание книги на основе предварительного плана отчетливо заметно в его «Жизни Эразма Дарвина», которая была первоначально тиснута в гранках. План книги был после того изменен, так как он показался отцу слишком формальным и категоричным и представляющим характер его деда путем простого перечисления его отдельных черт, а не в виде целостного живого образа.

Только в последние несколько лет жизни он стал пользоваться методом, который, как он был убежден, лучше соответствовал его характеру; этот метод, описанный им в «Воспоминаниях», состоял в том, что с первого раза он набрасывал черновик, не обращая никакого внимания на стиль изложения. Характерно для него, что он не в состоянии был писать, не заботясь о тщательности написанного, на бумаге высокого качества и поэтому писал свои черновики на оборотах старых корректур и ненужных рукописей. Черновик затем пересматривался, после чего изготовлялась чистовая рукопись. Для этой цели он пользовался бумагой формата 13,5 на 17 дюймов [35], разлинованной с широкими промежутками; эти линейки были необходимы ему для того, чтобы не писать слишком тесно, что затруднило бы внесение исправлений. Эта чистовая рукопись подвергалась затем исправлению и вновь переписывалась, прежде чем быть отосланной в типографию. Переписку рукописей производил м-р Э. Нормен, который занялся этим делом много лет назад, когда он был сельским школьным учителем в Дауне. Отец так привык к почерку м-ра Нормена, что не в состоянии был исправлять рукопись даже в том случае, если она была вполне отчетливо написана кем-либо из его детей,— предварительно м-р Нормен должен был переписать ее. По возвращении рукописи м-ром Норменом она вновь корректировалась, после чего отсылалась в типографию. Затем начиналась работа по пересмотру и исправлению корректур, которую отец считал особенно утомительной и скучной.

⟨Только на этой стадии работы над книгой отец впервые обращал серьезное внимание на стиль изложения. Пока шла эта работа по улучшению стиля, он принимался за какое-нибудь другое исследование, что

служило для него приятной переменой. Корректирование гранок состояло фактически из двух процессов, ибо сначала исправления наносились карандашом, затем пересматривались и тогда уже надписывались чернилами.⟩ Когда книга проходила стадию гранок, отец рад был выслушать замечания и советы со стороны других. Так, моя мать просматривала корректуры «Происхождения видов». Большое участие в исправлении некоторых более поздних произведений отца принимала моя сестра, миссис Личфилд, а после того как она вышла замуж, вероятно, большая часть этой работы выпала на мою долю.

Моя сестра, миссис Личфилд, пишет: «Работа сама по себе была очень интересна, но помимо того мне доставляло невыразимое удовольствие работать для отца. Он всегда готов был согласиться с тем, что то или иное предложенное мною изменение будет способствовать улучшению текста, и бесконечно был благодарен за оказанную ему помощь. Не думаю, чтобы он хотя бы раз позабыл сказать мне, как много, по его мнению, я сделала для исправления книги, и он почти извинялся предо мной, когда не мог согласиться с каким-либо предложенным мною исправлением. Мне кажется, что благодаря моей работе с ним я почувствовала всю необычайную скромность и благожелательность его так, как никогда не могла бы в иных обстоятельствах.

⟨Письменное изложение мыслей обычно давалось отцу не легко, и он всегда был склонен перевертывать порядок слов в своих фразах как в письменной, так и в устной речи, ставя определительное предложение до того, как становилось ясным, что собственно подлежит определению. Он вносил в корректуру порядочную правку и изо всех сил стремился выразить свои мысли как только мог лучше».⟩

Наиболее, быть может, частым видом поправок было устранение неясностей, возникавших вследствие пропуска того или иного обязательного звена в ходе рассуждения; такого рода пропуски объяснялись, очевидно, тем, что вопрос становился в ходе работы чрезвычайно близким для отца. Это не значит, что в последовательности его мыслей что-то было упущено, но он настолько свыкался со своей аргументацией, что не замечал отсутствия слов, необходимых для отчетливого воспроизведения его мысли. Нередко также он в одну фразу вкладывал так много содержания, что приходилось разделять ее на две фразы.

В целом, как мне кажется, отец затрачивал поразительно много труда на литературную обработку своих произведений. Он часто подсмеивался над собой и ворчал на себя за то, что ему так трудно писать по-английски; он говорил, например, что если есть возможность плохо построить ту или иную фразу, то можно быть уверенным, что он воспользуется именно этой возможностью. Но однажды его очень позабавило и доставило ему удовлетворение то обстоятельство, что кто-то из членов нашей семьи не в состоянии был справиться с трудностями составления коротенького циркулярного письма. Он с удовольствием исправил текст этого письма, но при этом подсмеивался над неясными местами, запутанными фразами и другими его недостатками и таким образом «отомстил» нам за всю ту критику, которой подвергался с нашей стороны. Он с удивлением цитировал рекомендацию, сделанную мисс Мартино [36] молодым писателям: писать сразу начисто и посылать рукопись издателям без исправлений. Но и сам он в некоторых случаях поступал примерно так же. Когда какая-нибудь фраза становилась

безнадежно запутанной, он спрашивал самого себя: «Но что́ собственно ты хотел сказать?», и его ответ, изложенный на бумаге, часто вносил ясность в путаницу.

Стиль его сочинений высоко оценивали, но с другой стороны, от одного компетентного судьи мне пришлось выслушать и обратное мнение. Однако самое существенное то, что его стиль отличается краткостью и ясностью и — что характерно для моего отца — простотой, граничащей с безыскусственностью, и полным отсутствием претенциозности. Он совершенно не разделял общепринятого мнения, утверждающего, что стиль английских классиков является образцовым, и держался прямо противоположного взгляда. В своей письменной речи он иногда обнаруживал ту же тенденцию к преувеличенности в выражениях, что и в разговоре. Так, в «Происхождении видов» на стр. 440 [наст. изд., т. 3, стр. 629] он пишет, что у личинок усоногих раков «имеется шесть пар прекрасно устроенных плавательных ножек, пара великолепных сложных глаз и до крайности сложные щупальцы». Мы подсмеивались над ним по поводу этой фразы, которую мы сравнивали с торговой рекламой. Ту же склонность к чрезмерной восторженности, которую он проявлял, не опасаясь показаться смешным, можно обнаружить повсюду в его сочинениях.

Замечателен вежливый и примирительный тон, который он проявляет по отношению к своему читателю; отчасти именно эта его особенность раскрыла многим, кто никогда не видел его, всю мягкость его характера. Мне всегда казался примечательным тот факт, что он, человек, изменивший весь облик биологической науки и тем самым ставший главою современных ученых, писал и работал в столь по существу несовременных духе и манере. Читая его книги, вспоминаешь скорее старых натуралистов, чем писателей современной школы. Он был натуралистом в старинном смысле этого слова, т. е. человеком, который работает во многих областях науки, а не является узким специалистом в какой-либо одной области. Именно поэтому, хотя он и основал совершенно новые отделы науки, охватывающие ряд специальных вопросов, таких, например, как опыление цветков, насекомоядные растения, диморфизм и пр., даже в трактовке этих вопросов он не производит на читателя впечатления узкого специалиста. Читатель испытывает такое ощущение, будто он является другом этого джентльмена, любезно беседующего с ним, а не учеником профессора, читающего ему лекцию. Общий тон такого сочинения, как «Происхождение видов», очарователен, можно сказать, почти трогателен; тон его создает впечатление, что автор книги, твердо убежденный в истинности развиваемых им воззрений, не надеется все же убедить других; этот тон прямо противоположен стилю фанатика, который стремится принудить людей уверовать в то, что он проповедует. Читатель никогда не подвергается презрению за сомнения, которые он вообразит себе, какого бы они ни были объема, и его скептицизм встречает только терпеливое уважение. Создается такое впечатление, будто автор книги мысленно постоянно имеет в виду скептического, а быть может и неразумного читателя. Возможно, что именно по этой причине он проявлял столько беспокойства в отношении таких пунктов, которые, как ему казалось, поразят читателя или уберегут его от затруднений в понимании текста, благодаря чему читатель не бросит чтения книги.

По этой же причине он проявлял большое внимание к иллюстрированию своих книг рисунками и, как мне кажется, слишком высоко оценивал их значение. Рисунки к его ранним произведениям были выполнены профессиональными художниками. Это относится к книгам «Изменения животных и растений», «Происхождение человека» и «Выражение эмоций». Рисунки к его ботаническим работам «Лазящие растения», «Насекомоядные растения», «Движения растений» и «Формы цветков» в значительной части были изготовлены некоторыми из его детей, главным образом моим братом Джорджем [астрономом]. Рисовать для него было истинным наслаждением, так как он восторженно оценивал даже весьма посредственно выполненные рисунки. Хорошо помню, с какой очаровательной манерой он принял рисунки одной из своих невесток, закончив выражение своей благодарности ей словами: «Передайте Э. [Эми], что Микеланджело ничто по сравнению с ней!». Но несмотря на все великодушие, с которым он оценивал наши рисунки, он всегда внимательно всматривался в них и легко обнаруживал все ошибки и небрежности.

Он питал отвращение к многословию и длиннотам; по-видимому, он был действительно очень раздражен и огорчен, видя, как все более и более разрастается в своем объеме сочинение «Изменения животных и растений» по мере того, как он пишет его. Помню, что он всем сердцем соглашался со словами Тристрама Шенди: «Не позволяйте никому говорить: Ну, погодите, я напишу длиннющую книгу!» [37].

Внимание, с которым он относился к другим авторам, столь же характерно для него, как и его тон по отношению к своим читателям. Он говорил о всех авторах как о людях, заслуживающих уважения. В таких случаях, как опыты с дрозерой, описанные...*, он, несмотря на невысокое мнение об этом авторе, говорит о нем так, что никто не смог бы заподозрить его подлинного отношения. В других случаях, когда речь идет о путаных писаниях невежественных людей, он говорит о них в таком тоне, который заставляет думать, что вина лежит на нем самом, так как он не сумел якобы оценить или понять эти писания. Помимо этого общего тона уважения к другим он в самой любезной форме выражал свое мнение о ценности каждого цитируемого им произведения и свою благодарность за любую информацию, полученную им от разных лиц.

Это его чувство уважения к другим было не только прекрасным с моральной точки зрения, но имело, я думаю, и практическое значение, делая его всегда готовым к тому, чтобы рассмотреть чьи угодно идеи и наблюдения. Нередко он чуть ли не извинялся за это, говоря, что поначалу он склонен любую вещь оценить слишком высоко.

Его большим достоинством было то, что, несмотря на глубокое чувство уважения, которое он испытывал к читаемым им книгам, он обладал какой-то особенной чуткостью, позволявшей ему определить, достоин автор доверия или нет. Казалось, что у него создается вполне определенное мнение о точности авторов, книги которых он читал, и это свое суждение он использовал при выборе фактов, необходимых ему в качестве доказательств или примеров. У меня создалось впечатление, что он сам чувствовал то большое значение, которое имела для него эта его способность судить о достоверности данных того или иного автора.

* [Фр. Дарвин не указывает, кем именно.— *Ред.*]

Он с большой остротой чувствовал значение честности как мерила отношений между авторами и питал отвращение к любому виду небрежности в цитировании. Любовь к почестям и славе вызывала у него презрение, и в своих письмах он не раз порицает самого себя за то чувство удовольствия, которое ему доставлял успех его книг, словно бы он изменял при этом своему идеалу — любви к истине и равнодушию к славе. Часто в тех письмах к сэру Дж. Гукеру, которые он сам называл хвастливыми, он высмеивал самого себя за тщеславие и отсутствие скромности. Сохранилось замечательно интересное письмо, которое он написал моей матери, завещая ей, в случае его смерти, заботу о публикации его рукописи, содержавшей первый очерк теории эволюции. Мне кажется, что это письмо исполнено страстного желания добиться успеха своей теории как вклада в науку, но совершенно лишено какой бы то ни было заботы о собственной славе[38]. Конечно, у него было то естественное стремление к успеху, которого не может не быть у человека эмоционального. Но не приходится сомневаться, что в тот период, когда его «Происхождение видов» увидело свет, он был сверх всякой меры удовлетворен признанием его идей такими людьми, как Ляйелл, Гукер, Гёксли и Аза Грей, и даже не мечтал о такой широкой и всеобщей славе, какая пришла к нему в дальнейшем, да и не желал ее.

В непосредственной связи с его презрительным отношением к непомерной жажде славы находилась и его решительная нелюбовь ко всякого рода вопросам приоритета. Письма к Ляйеллю, относящиеся ко времени создания «Происхождения видов», показывают, как он сердился на самого себя за то, что не в состоянии был подавить в себе некоторое чувство разочарования при мысли, что м-р Уоллес опередил его, между тем как он затратил столько лет труда на разработку своей теории. Его требование литературной честности ярко проявляется в этих письмах, а его отношение к вопросам приоритета вновь сказалось в том восхищении самоустранением м-ра Уоллеса, которое выражено им в «Воспоминаниях» [«Автобиографии», см. этот том, стр. 228].

В отношении возражений, включая сюда ответы на нападения и различного рода дискуссии, он придерживался решительного взгляда, который ясно высказал в одном из своих писем к Фоконеру (1863): «Если когда-либо я действительно разгневался на Вас, к кому я питаю чувство искренней дружбы, то я начинаю подозревать, что был не вполне нормален. Меня очень огорчило Ваше возражение, так как я считаю его во всех отношениях ошибочным, и я думаю, что нам следует предоставить другим заниматься этим. Стал ли бы я сам действовать таким образом под влиянием раздражения — другой вопрос». Такое его отношение было продиктовано отчасти свойственной ему мягкостью, отчасти же крайним нежеланием терять время и силы и утрачивать душевное равновесие, что неизбежно вызывается всякими спорами. Он говорил, что своим решением не принимать участия ни в каких спорах * он обязан совету

* Он отступил от этого правила, напечатав «Заметку о нравах пампасского дятла, Colaptes campestris» в Proc. Zool. Soc. (1870, стр. 75) и письмо в журнале Athenaeum (1863, стр. 554), однако в обоих случаях он впоследствии сожалел, что не сохранил молчания[39]. Что касается его ответов на критику его теории, включенных им в последние издания «Происхождения видов», то их едва ли можно рассматривать как нарушение принятого им правила не вмешиваться в полемику.

Ляйелля, и этот совет он со своей стороны рекомендовал тем из своих друзей, которые склонны были к полемике в печати.

Чтобы правильно понять описанный выше порядок жизни и работы моего отца, следует постоянно иметь в виду болезненное состояние, при котором ему приходилось работать. Он переносил свою болезнь с такой безропотностью и терпением, что даже его дети едва ли, я думаю, в состоянии были представить себе его повседневные страдания во всем их объеме. Это было для них тем труднее, что с того времени, к которому относятся самые ранние их воспоминания, они постоянно видели его больным и вместе с тем всегда весело разделяющим все их детские радости. Поэтому чтобы составить себе в более поздние годы правильное представление о степени его страданий, они должны были отрешиться от своих впечатлений детства, а эти впечатления были навеяны его неизменной веселостью и добротой к ним, несмотря на то, что это было для него крайне трудно, чего они не могли, естественно, понять. И надо сказать, что никто, кроме моей матери, не знает, как велики были страдания, которые ему приходилось переносить, и как изумительна была проявленная им терпеливость. В последние годы его жизни мать никогда не оставляла его одного по ночам, а дневное время располагала так, чтобы все свои часы отдыха он мог проводить с ней. Она оберегала его от всяких неприятностей, не упускала ничего, чтобы избавить его от беспокойства, уберечь от переутомления и сделать все, что возможно было, для того, чтобы облегчить многочисленные неудобства, которые доставляла ему его болезнь. Я с некоторым колебанием говорю так много о столь святом деле, как жертвенная преданность, которая на протяжении целой жизни побуждала мою мать осуществлять свою постоянную и нежную заботу об отце. Но, повторяю, одной из главных особенностей жизни моего отца было то обстоятельство, что на протяжении почти сорока лет у него не было ни одного дня того нормального состояния здоровья, которое свойственно большинству людей и вся его жизнь была наполнена непрерывной борьбой с усталостью и напряжением сил, вызванными болезнью [40]. А говоря об этом, нельзя не упомянуть о том единственном условии, которое позволило ему перенести все испытания и довести борьбу до конца.

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ ЧАРЛЗА ДАРВИНА,
АДРЕСОВАННОЕ ИМ ЕГО ЖЕНЕ ЭММЕ ДАРВИН[1]

Даун, 5 июля 1844 г.

...Я только что закончил очерк моей теории видов. Если, как я полагаю, моя теория будет со временем принята хотя бы одним компетентным судьей, она явится значительным шагом в развитии науки.

И вот я пишу это письмо на случай моей внезапной смерти как мою торжественнейшую и последнюю просьбу, которая, я убежден в этом, будет иметь для Вас такую же силу, как и в том случае, если бы она была включена в состав моего завещания, оформленного по всем правилам закона: Вы выделите 400 фунтов стерлингов на издание этого очерка и в дальнейшем сами или при содействии Генсли * будете следить за продвижением этого дела. Я выражаю желание, чтобы мой очерк был передан какому-либо компетентному лицу, которое согласилось бы за указанную сумму денег взять на себя заботу об улучшении и расширении очерка. Я передаю ему все мои книги по естественной истории, в которых имеются мои пометки или в конце которых имеются сделанные мною ссылки на те или иные страницы, и прошу его тщательно просмотреть их и учесть те места, которые несомненно имеют или только могут иметь отношение к рассматриваемому вопросу. Я хотел бы, чтобы Вы составили список всех таких книг, так как это могло бы до некоторой степени привлечь возможного редактора очерка. Я хотел бы также, чтобы Вы передали ему все те заметки, которые находятся — распределенные по темам только приблизительно — в восьми или десяти коричневых картонных папках. Эти заметки, с выписанными мною отрывками из различных сочинений, такого рода, что они могут оказаться полезными для редактора. Я прошу также, чтобы Вы или какой-нибудь переписчик помогли в расшифровке тех заметок, которыми редактор сочтет возможным воспользоваться. Я оставляю на усмотрение редактора вопрос о том, включить ли те или иные факты в самый текст, или дать их в виде подстрочных примечаний, или в виде приложения к книге. Так как просмотр ссылок и заметок потребует длительного труда и так как *исправление*, расширение и изменение моего очерка также займут не мало времени, я и оставляю указанную сумму в 400 фунтов, а также возможный доход от книги в качестве компенсации редактору. Я считаю, что за это редактор должен будет опубликовать очерк либо при помощи какого-нибудь издателя, либо на свой личный риск. Многие из заметок, храня-

* М-р Генсли Веджвуд, брат миссис Эммы Дарвин. (*Фр. Дарвин.*)

щихся в папках, содержат лишь предварительные предположения или мои ранние взгляды, которые в настоящее время не представляют интереса, многие факты окажутся, вероятно, не имеющими никакого отношения к моей теории.

Что касается редакторов, то м-р Ляйелл был бы самым лучшим, если бы только он захотел взяться за это дело; полагаю, что он нашел бы эту работу приятной для себя и познакомился бы с некоторыми фактами, новыми для него. Так как редактор должен быть как геологом, так и натуралистом *, то следующим наилучшим редактором мог бы быть профессор Форбс в Лондоне. Следующим наилучшим (и вполне наилучшим во многих отношениях) был бы профессор Генсло. *Очень* хорошим редактором был бы д-р Гукер. Следующий — это м-р Стрикленд[2]. ⟨Профессор Оуэн был бы очень хорошим редактором, но я полагаю, что он не согласится взять на себя этот труд.⟩ ** Если ни одно из названных лиц не согласится предпринять эту работу, то я просил бы Вас посоветоваться с м-ром Ляйеллем или с каким-либо другим компетентным лицом относительно подыскания подходящего редактора — геолога и натуралиста. Если бы еще одна сотня фунтов могла сыграть роль в подыскании хорошего редактора, я убедительно прошу Вас увеличить указанную сумму до 500 фунтов стерлингов.

Оставшиеся после меня коллекции по естественной истории можно передать какому-либо лицу или музею, которые согласились бы принять их...

Лучшим *** из всех был бы Ляйелл, особенно в том случае, если бы он воспользовался помощью Гукера (и какого-либо хорошего зоолога). Если редактор не даст твердого обещания посвятить работе достаточно много времени, то было бы бесполезно затрачивать такие большие деньги.

Если бы возникла трудность в нахождении редактора, готового основательно войти в существо проблемы и продумать значение отрывков, отмеченных в книгах, и заметок, сделанных мною на отдельных листках бумаги, тогда опубликуйте мой очерк в том виде, какой он имеет в настоящее время, засвидетельствовав, что он был написан несколько лет тому назад ****, что я писал его по памяти, не сверяясь с различными сочинениями и не имел намерения опубликовать его в настоящей форме *****.

* [Т. е. зоологом или ботаником.— *Ред.*]

** Фраза в угловых скобках была зачеркнута, но ее все же оказалось возможным прочитать *(Фр. Д.)*.

*** Начиная отсюда и до конца текст представляет собою, по-видимому, часть приведенного письма, но был, должно быть, написан позже (*Фр. Д.*).

**** Слова «несколько лет тому назад», по-видимому, добавлены позже (*Фр. Д.*).

***** Мысль о том, что в случае его смерти «Очерк» 1844 г. может остаться единственным изложением его учения, долго, по-видимому, не оставляла его, потому что в августе 1854 г., когда, закончив свой труд об усоногих раках, он намерен был приступить к своему «Сочинению о видах», он сделал на обороте приведенного письма к своей жене следующую надпись: «Гукер был бы наиболее подходящим лицом для издания моего сочинения о видах. Август 1854 г.» (*Фр. Д.*).

Фр. ДАРВИН

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И СМЕРТЬ Ч. ДАРВИНА [1]

Некоторое представление об общем ходе состояния здоровья моего отца можно составить себе на основании писем и других материалов, приведенных в настоящем сочинении [т. е. в трех томах «Life and Letters»]. Вопрос о состоянии здоровья поднимается в них гораздо чаще, чем это обычно имеет место в подобного рода биографических работах. Причина заключается в том, что, к несчастью, этот момент действительно являлся решающим в определении всего строя жизни отца.

В течение последних десяти лет его жизни состояние его здоровья внушало всем нам успокоение и надежду. Во многих отношениях его здоровье обнаруживало признаки улучшения. Недомогания и всякого рода расстройства стали значительно реже, и он мог работать более равномерно. Кое-что было уже мною сказано о докторе Бенс-Джонсе *, метод лечения которого несомненно приносил отцу облегчение. В более поздние годы он стал лечиться у сэра Эндрю Кларка, под наблюдением которого состояние его во всех отношениях значительно улучшилось. Он испытывал глубокую благодарность к сэру Эндрю Кларку не только за успешное лечение; личное влияние сэра Эндрю действовало на отца чрезвычайно ободряюще, и надо сказать, что часто возвращавшееся к нему благодаря этому чувство бодрости составляло в последние годы немаловажный элемент в его общем хорошем самочувствии; дружеское и любезное отношение сэра Эндрю к отцу и ко всем нам доставляло отцу искреннее удовольствие.

В письмах за самые последние годы можно встретить одно-два упоминания об ощущении боли и беспокойства в области сердца. Я не берусь сказать, в какой мере это может служить указанием, что сердце было у него поражено какой-то болезнью в молодости. Но так или иначе можно определенно считать, что никакие серьезные или длительные беспокойства этого рода не возникали у него вплоть до последних месяцев, предшествовавших его смерти. Однако, несмотря на указанное выше общее улучшение его здоровья, на протяжении последних пяти лет жизни у него время от времени наступал заметный упадок сил. Так,

* [Фр. Дарвин имеет в виду следующую фразу из своих вступительных замечаний к письмам Ч. Дарвина за 1865 г.: «В это время отец снова тяжело болел, но к самому концу года он начал поправляться; лечил его тогда покойный д-р Бенс-Джонс, требовавший соблюдения в высшей степени строгой диэты, так что отец, бывало, говорил, что доктор „почти до смерти заморил его голодом“» (L. L., т. III, стр. 31).— *Ред.*]

например, в письме к своему старому другу сэру Джемсу Саливену от 10 января 1879 г. он говорит: «Моя научная работа утомляет меня в большей степени, чем обычно, но мне ведь ничего другого не остается делать, а в конце концов имеет ли какое-нибудь значение, состаришься ты годом-двумя раньше или позже?».

Примерно то же мы видим в письме к сэру Дж. Д. Гукеру от 15 июня 1881 г. Находясь тогда в Паттердейле [2], отец писал: «Я смотрю на себя с некоторым унынием... У меня нет ни душевной энергии, ни физических сил приступить к какому-либо исследованию, требующему длительного времени; мелких же работ, которые я мог бы сделать, у меня нет совсем».

В июле 1881 г. он писал м-ру Уоллесу: «Мы только что вернулись домой после пятинедельного пребывания на Алсуотере [3]; пейзажи там совершенно очаровательные, но мне трудно было гулять, и все решительно утомляло меня, даже созерцание пейзажей... Я едва ли в состоянии представить себе, что я буду делать в немногие остающиеся мне годы жизни. У меня есть все, что необходимо, чтобы чувствовать себя счастливым и довольным, но жизнь стала очень тягостной для меня». Однако в течение осени 1881 г. он сумел довольно основательно поработать и даже осуществил работу экспериментального характера *, но к самому концу года явно нуждался в отдыхе, зимою его состояние было хуже, чем это обычно бывало у него.

13 декабря он поехал на неделю к своей дочери, чтобы отдохнуть у нее доме на Брайанстон-стрит. Находясь в Лондоне, он отправился как-то навестить м-ра Роменса; на пороге его квартиры он почувствовал себя плохо — припадок был, по-видимому, такого же характера, как и те, которые в дальнейшем повторялись очень часто. М-р Роменс следующим образом описывает то, что произошло, и его рассказ интересен также и в том отношении, что он еще раз демонстрирует щепетильность и внимание отца по отношению к другим людям: «Меня не было дома, но мой лакей, заметив, что м-р Дарвин чувствует себя плохо, просил его войти. Но он сказал, что предпочитает вернуться домой, и хотя мой лакей убеждал его подождать, пока он сходит за кэбом, м-р Дарвин заявил, что ему не хотелось бы доставлять тому столько хлопот. По этой же причине он не захотел позволить лакею проводить его до кэба. Он ушел, но лакей, незаметно для него, следил, как он с трудом направляется к месту стоянки кэбов, и увидел, что, пройдя около трехсот шагов от дома, м-р Дарвин пошатнулся и ухватился за решетку парка как бы для того, чтобы не упасть. Тогда лакей поторопился к нему на помощь, но через несколько секунд увидел, что м-р Дарвин повернулся, решив, очевидно, направиться обратно к моему дому. Однако, пройдя немного в этом направлении, он, видимо, почувствовал себя лучше, потому что снова изменил свое намерение и направился на поиски кэба».

В течение последней недели февраля и в начале марта припадки боли в области сердца, сопровождаемые перебоями пульса, стали повторяться часто, наступая почти ежедневно в полдень. Такого рода припадок произошел около 7 марта, когда он гулял один неподалеку от дома; он с трудом добрался до дома, и это была его последняя прогулка, когда он еще смог дойти до своей любимой «Песчаной дорожки». Вскоре

* О действии углекислого аммония на корни и листья [см. наст. изд., т. 7].

после этого болезнь отца приняла, как это стало совершенно очевидным, гораздо более серьезный и угрожающий характер; его посетил сэр Эндрю Кларк, по указаниям которого лечение в дальнейшем проводилось доктором Норменом Муром из больницы Св. Варфоломея и м-ром Оллфри из больницы Сент-Мэри Крэй. У него наступило очень тяжелое состояние истощения и слабости, и он был явно подавлен сознанием того, что его способности работать пришел конец. Однако постепенно состояние его улучшалось, он повеселел и приободрился, что видно из следующего его письма (от 27 марта 1882 г.) к м-ру Гёксли, который считал, что отцу необходимо более постоянное медицинское наблюдение, чем это имеет место в условиях Дауна:

«Мой дорогой Гёксли, Ваше исключительно доброе письмо подействовало на меня как настоящее сердечное лекарство. Я почувствовал себя сегодня лучше, чем за последние три недели, и до сих пор у меня не было моих обычных болей. Ваш план кажется мне превосходным, и я, вероятно, приведу его в исполнение, если мне не станет значительно лучше. Д-р Кларк относится ко мне с безграничной добротой, но он слишком занят, чтобы приезжать сюда. Я еще раз сердечно благодарю Вас, мой дорогой старый друг. Молю бога, чтобы на свете было побольше таких автоматов *, как Вы. Всегда Ваш *Чарлз Дарвин*».

Упоминание в этом письме, относящееся к сэру Эндрю Кларку, требует маленького пояснения. Сэр Эндрю был всегда готов полностью посвятить себя лечению моего отца, однако отец не мог согласиться на то, чтобы вызывать его в Даун, зная, как он необычайно занят и насколько ему приходится напрягать свои силы.

В течение первой половины апреля в состоянии здоровья отца не произошло никаких особых перемен, но в субботу 15 вечером, во время обеда, сильное головокружение заставило его подняться со стула, чтобы направиться к дивану и прилечь, и в этот момент он упал в обморок. 17 ему стало лучше, и во время моего кратковременного отсутствия он сам записал успешные результаты одного опыта, в котором я принимал участие. Ночью 18 апреля около двенадцати часов без четверти у него сделалось сильное головокружение, и он впал в глубокий обморок; только с большим трудом удалось привести его в сознание. Казалось, он отдавал себе отчет в приближении смерти и сказал: «Я ни в малейшей степени не боюсь умереть». Все следующее утро он мучился от сильнейшей тошноты и находился в полуобморочном состоянии, которое почти не оставляло его вплоть до того момента, когда наступил конец.

Он умер около четырех часов дня в среду 19 апреля 1882 г. на 74 году жизни.

Я хочу закончить несколькими словами, которые отец дополнительно вписал в рукопись своей «Автобиографии» в 1879 г.:

«Что касается меня самого, то я думаю, что поступал правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь. Я не совершил какого-либо серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень часто сожалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим ближним».

* Отец намекает на речь м-ра Гёксли «О гипотезе, согласно которой животные суть автоматы, и об истории этой гипотезы», которая была произнесена на съезде Британской ассоциации в Белфасте в 1874 г. и затем напечатана в журнале «Science and Culture».

Барельефные медальоны Дарвина и Уоллеса
на стене в Вестминстерском аббатстве

Фр. ДАРВИН

ПОХОРОНЫ В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ [1]

В пятницу, последовавшую после смерти моего отца, нижеследующее письмо, подписанное двенадцатью членами парламента, было послано д-ру Брадли, декану Вестминстера:

«Палата общин, 21 апреля 1882 г.

Достопочтенный сэр! Мы надеемся, что Вы не сочтете за вольность, если мы позволим себе заявить, что для подавляющего большинства наших соотечественников всех классов и убеждений было бы чрезвычайно желательным, чтобы наш знаменитый соотечественник м-р Дарвин был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Мы остаемся Вашими покорными слугами,

Джон Леббок,
Невиль Стори Маскелайн,
Э. Дж. Мунделла,
Дж. О. Тревельян,
Лайон Плейфер,
Чарлз У. Дилки,
Дэвид Уэддерборн,
Артур Расселл,
Горас Дейви,
Бенджамин Эрмитейдж,
Ричард Б. Мартин,
Френсис У. Бакстон,
Э. Л. Стенли,
Генри Бродхерст,
Джон Баррен,
Дж. Ф. Читэм,
Г. С. Холленд,
Г. Кэмпбелл-Баннермен,
Чарлз Брус,
Ричард Форт.»

Декан, находившийся в это время за границей, сообщил по телеграфу о своем сердечном согласии.

Члены нашей семьи хотели похоронить отца в Дауне, в связи с чем сэр Джон Леббок направил моему старшему брату Уильяму-Эразму следующее письмо:

«Палата общин, 25 апреля 1882 г.

Мой дорогой Дарвин! Я полностью разделяю Ваши чувства и лично я безусловно предпочел бы, чтобы Ваш отец покоился в Дауне, вблизи от всех нас. Всем, я уверен, вполне понятно, что не Вам принадлежит инициатива в предложении похоронить Вашего отца в Вестминстерском аббатстве. Однако с общенациональной точки зрения он должен быть похоронен именно в Аббатстве. Я считаю за великую честь для себя сделанное мне предложение проводить тело моего дорогого учителя в могилу.

Искренне преданный Вам

Джон Леббок»

После этого все члены нашей семьи решили отказаться от своего первоначального плана, и похороны состоялись в Вестминстерском аббатстве 26 апреля. Края возложенного на гроб покрова поддерживали:

Сэр Джон Леббок,
М-р Гёксли,
М-р Джемс Расселл Лоуэлл (*Американский посол*),
М-р А. Р. Уоллес,
Герцог Девонширский,
Каноник Фаррэр,
Сэр Джозеф Гукер,
М-р У. Споттисвуд (*Президент Королевского общества*),
Граф Дерби,
Герцог Аргайльский.

На похоронах присутствовали представители Франции, Германии, Италии, Испании, России и университетов и ученых обществ, а также многочисленные личные друзья моего отца и многие известные люди.

Могила находится в северном крыле нефа Аббатства, поблизости от угла перегородки, отделяющей место для хора, и в нескольких футах от могилы сэра Исаака Ньютона. Надпись на могильной плите гласит:

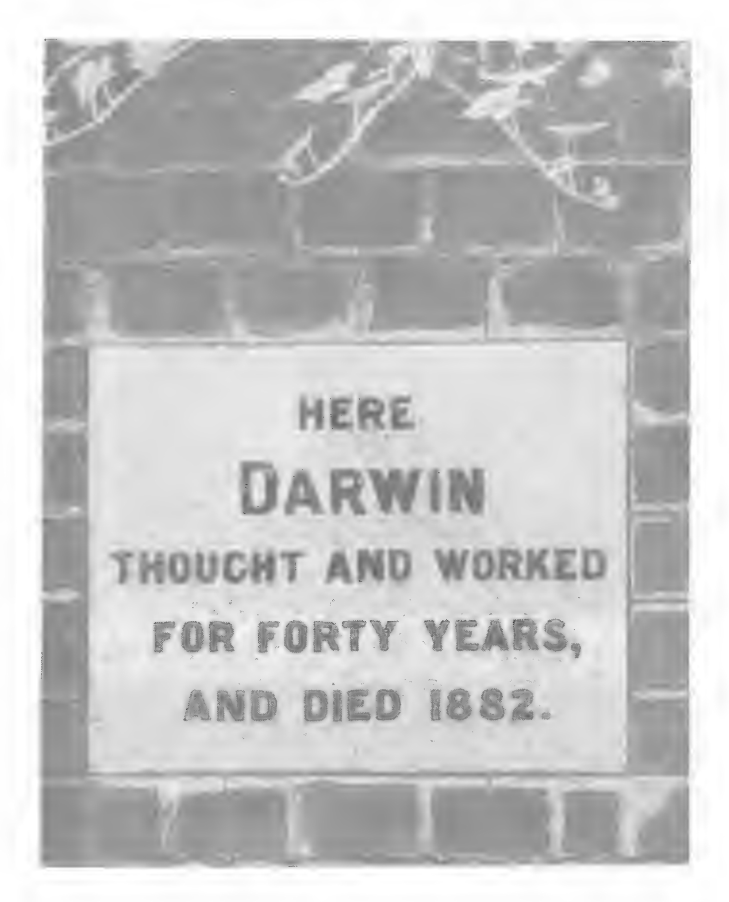
ЧАРЛЗ РОБЕРТ ДАРВИН

Родился 12 февраля 1809 г.

Умер 19 апреля 1882 г.

Вестминстерское аббатство в Лондоне, где находится могила Ч. Дарвина.

Вверху: общий вид Вестминстерского аббатства. Внизу: внутренняя стена северной галереи с медальонами и досками в честь Дарвина, Уоллеса, Листера, Адамса, Ньютона (верхний ряд справа налево), Джоуля, Гукера и Рамзая (боковой ряд сверху вниз)



Мемориальная доска на стене у въездных ворот в дом Дарвина в Дауне:
«Здесь Дарвин мыслил и трудился в течение сорока лет и умер в 1882 году».

Артур КИЗС

СУДЬБА ДАУНА [1]

После смерти миссис Дарвин в 1896 г. Даун больше никогда уже не был домашним очагом семьи Дарвинов. Три сына Дарвина — Джордж, Френсис и Горас — прочно обосновались в Кембридже. Именно в это время у сэра Френсиса Гальтона возникла идея превратить Даунский дом и его луга в «Биологическую ферму». Карл Пирсон рассказывает, как возник план Гальтона: «По-видимому, не ранее 1895 г. Гальтон, добившись организации своей Комиссии по измерениям растений и животных, вернулся к идее Уоллеса об экспериментальной

станции, которую Уоллес в 1896 г. назвал „Биологической фермой". Однако теперь появилась новая возможность, а именно — приобретение дарвиновского дома в Дауне в качестве станции для экспериментального исследования эволюционных проблем. Все благоприятствовало осуществлению этого увлекательного проекта. Члены семьи Дарвинов готовы были предоставить дом для национальной цели на условиях, которые представляли собой значительный вклад с их стороны... Можно почти не сомневаться, что, если бы была проявлена достаточно большая энергия для осуществления этого плана, дом Дарвина уже тридцать лет назад [т. е. около 1900 г.] мог бы быть получен для цели, чрезвычайно необходимой и вполне гармонирующей с духом учения Чарлза Дарвина» *.

Гальтон напечатал обращение в форме циркулярного письма. Пирсон говорит по этому поводу следующее: «Ответ на это обращение был совершенно обескураживающим. Даже такие горячие друзья Гальтона, как сэр Дж. Д. Гукер и Герберт Спенсер, не поддержали его. Первый считал, что эксперименты над растениями можно осуществлять в Кью и что нет нужды в какой-либо новой станции, второму все это предприятие казалось неуместным, намеченное приобретение дарвиновского дома оправданным, пожалуй, с точки зрения чувства, но совершенно не оправданным с деловой точки зрения... Я никогда не покидал какого-либо заседания с бо́льшим чувством разочарования, и это мое чувство разделяли Уэлдон [2] и в меньшей степени Гальтон, которого в некоторой мере утешило письмо Френсиса Дарвина, считавшего, что хотя и приходится сильно пожалеть, что даунский проект не получил движения, он не склонен считать окончательно похороненной эту идею».

Но на какое-то время она все-таки оказалась похороненной, и в результате даунский дом был сдан внаем некоему м-ру Уайтхеду, которого помнят в Дауне как «первого человека, который обладал автомобилем». Срок его аренды закончился, должно быть, в 1907 г., потому что в сентябре этого года появилась мисс Оливия М. Уиллис, которой выпало на долю сделать столь прославленный дарвиновский дом широко известным в качестве школы для девочек. Она начала свою деятельность с одной школьницей и пятью сотрудниками, но вскоре ее известность получила распространение, а удобства, представляемые просторными комнатами дарвиновского дома, привлекли очень многих; были сданы даже все временные места, и пришлось снимать дома в деревне, чтобы разместить избыток девочек; в начале 1922 г. для «Школы даунского дома» был найден новый дом бо́льших размеров в Колд-Эше близ Ньюбери, где школа продолжает преуспевать под своим прежним именем.

Примерно к концу срока аренды мисс Уиллис мне привелось впервые увидеть даунский дом. Поводом для моего посещения Дауна было следующее обстоятельство. Весною 1921 г. мне предстояло прочитать в Королевском институте курс лекций, и так как в этом году наступала пятидесятая годовщина выхода в свет «Происхождения человека», я избрал предметом своих лекций это произведение Дарвина. Чтобы дать своим слушателям возможно более живое представление об авторе и его труде, я почувствовал настоятельную необходимость самому

* K. Pearson, The Life, Letters, and Labours of Francis Galton, т. IIIA, стр. 133, 1930.

получить непосредственное впечатление о доме, в котором книга была написана, и обстановке, среди которой жил ее автор.

Таким образом, 13 февраля 1921 г. (Дарвин родился 12 февраля) я поехал по железной дороге в Орпингтон, откуда прошел пешком по идущей в гору сельской дороге до Дауна (четыре с половиной мили). Под огромным впечатлением, произведенным на меня осмотром наружного вида даунского дома, я смело постучал в дверь, за которой изнутри дома слышалось гудение голосов школьниц. Мисс Уиллис проявила ко мне, совершенно ей неизвестному человеку, большую любезность: я получил возможность увидеть старый кабинет, где были написаны Дарвином все его знаменитые труды, комнаты, в которых жили члены семьи, парк и сад, теплицу и «Песчаную дорожку», и должен сказать, что никогда ни один человек не возвращался домой после однодневного пребывания в деревне в более счастливом состоянии духа, чем я в этот день.

С этого времени Дарвин стал для меня реальным человеком, я видел, как проходила его жизнь день за днем. Но я не в состоянии был также освободиться от мысли о той огромной утрате, которая будет понесена, если в беге событий старый дом Дарвина погибнет. В течение некоторого времени после отъезда мисс Уиллис даунский дом оставался, по-видимому, незанятым и заброшенным, потому что 18 мая 1923 г. я получил следующую записку, написанную сэром Артуром Шипли [A. Shipley], главой Крайстс-колледжа в Кембридже, того самого колледжа, где когда-то учился Дарвин: «М-р Р. С.-С. посетил в пасхальные дни Даун и сообщил мне, что дом Чарлза Дарвина необитаем и быстро разрушается. Мне кажется, что этот дом должен стать национальным достоянием. Не представляете ли Вы себе, как это могло бы быть осуществлено?».

Увы! Я никак не мог представить себе, как помочь делу, но очень скоро после того даунский дом был снова использован в качестве школы-пансионата для девочек. Однако процветание, достигнутое мисс Уоллис, не выпало на долю ее последовательницы. Осенью 1927 г. возник удобный случай для обращения с призывом о сохранении дома: в этом году Британская ассоциация организовала свой съезд в Лидсе, и я как президент съезда был уполномочен советом Ассоциации выступить с призывом о сохранении старого дома Дарвина. В тот день, когда этот призыв был опубликован, была получена телеграмма от м-ра Джорджа Бакстона Брауна [G. Buckston Browne], преуспевающего лондонского хирурга, который предлагал взять на себя все расходы по превращению даунского дома в национальное достояние и передать попечение о нем Британской ассоциации; предложение это было с величайшей радостью принято советом Ассоциации. Владение домом в то время перешло к сэру Чарлзу Голтону Дарвину, сыну сэра Джорджа и внуку Чарлза Дарвина, и он отнесся самым дружеским образом к предложенному плану.

Все имущество было оценено сэром Джоном Оукли [J. Oakley] в 4250 фунтов стерлингов, и по этой стоимости оно перешло на попечение Бакстона Брауна, который вскоре после того получил титул сэра Бакстона Брауна. Он обнаружил, что тогдашний наниматель дома владеет арендным договором, срок которого истечет только в 1942 г. Однако ему так не терпелось приступить к работе, что он выкупил у аренда-

тора право аренды. Было затрачено много усилий для того, чтобы сделать дом вполне устойчивым против перемен погоды; были наняты опытные мастера, работавшие под непосредственным наблюдением дарителя; он не жалел средств, борясь за то, чтобы работа шла непрерывно. Члены семьи Дарвинов были не только щедры, но и оказывали ценную помощь; вся обстановка старого кабинета была восстановлена точно в том виде, какой она имела, когда Дарвин писал здесь «Происхождение видов»; в новом кабинете были сосредоточены многие личные вещи Дарвина, а также большое число его писем и ранних записных книжек и заметок; вернулся на свое старое место в гостиную рояль миссис Дарвин, а также многие из картин, различных украшений и предметов обстановки, которые находились здесь при ее жизни. Помощниками Бакстона Брауна были два высококвалифицированных рабочих братья Гарри и Сэмюэл Робинсоны, которых он пригласил на постоянную службу в Даун, первоначально в качестве багетчиков, что являлось их специальностью. Летом 1929 г. все реставрационные работы были закончены и оставалось лишь передать даунский дом на попечение Британской ассоциации. Президентом ее в то время состоял сэр Уильям Брагг [3], и ему дом Чарзла Дарвина был передан как национальный памятник.

Как я сообщал в свое время *, жертвователь, передавая свой дар Ассоциации, не ставил никаких условий; он вполне полагался на здравый смысл последовательного ряда лиц, которые будут возглавлять Ассоциацию, выразив только в качестве своих личных пожеланий надежду, что даунский дом и парк будут поддерживаться, насколько это возможно, в том состоянии, в котором они находились при жизни Дарвина; что туда будет предоставлен свободный доступ людям всех наций и любых убеждений и что его дар сможет быть использован для развития тех разнообразных областей науки, для которых сам Дарвин так много сделал. Увы! Эта последняя надежда не сбылась.

Для содержания дома и сада жертвователь сделал вклад в размере 20.000 фунтов стерлингов, которые, вместе с арендной платой давали ежегодный доход в размере около 950 фунтов. На реставрацию дома и парка он затратил свыше 10.000 фунтов. Ассоциация сдала в наем своему постоянному секретарю д-ру О. Дж. Р. Говарту ** верхний этаж дома и возложила на него руководство всем учреждением. Обоим братьям Робинсонам были предоставлены квартиры в кухонном крыле дома, и они были приглашены на службу для наблюдения за открытыми для публики залами нижнего этажа и для приема посетителей.

Доход от вклада оказался недостаточным для покрытия всех расходов по содержанию учреждения, вследствие чего Ассоциация вынуждена была все больше и больше уделять часть своих скудных средств на поддержание даунского дома в действующем состоянии. Быстрый рост заработной платы и цен после 1945 г. привел к тому, что ежегодный дефицит непрерывно возрастал, так что под конец казначей Ассоциации вынужден был заимствовать средства из вклада для покрытия

* «Darwin remembered», Rationalist Annual, 1930, стр. 19—25.

** Д-р О. Дж. Р. Говарт [O. J. R. Howart] состоял секретарем Британской ассоциации с 1909 по 1946 гг. После долгой и деятельной жизни д-р Говарт умер в своем новом месте жительства [в Дауне] 22 июня 1954 г. в возрасте 77 лет.

ежегодного убытка, который к 1950 г. превысил 1500 фунтов стерлингов в год. В 1953 г. Британская ассоциация пришла к заключению, что она не в состоянии нести издержки по поддержанию дома в действующем состоянии, и в этом году передала с согласия министра просвещения опеку, принятую ею на себя в 1927 г., совету Королевского колледжа хирургов Англии.

Чтобы понять, каким образом для Колледжа хирургов оказалось возможным взять на себя попечение над Дарвиновским домом как национальным достоянием, мы должны вернуться назад, к 1931 г. В этом году у научных работников Колледжа возникла настоятельная необходимость иметь где-нибудь в сельской местности станцию для содержания подопытных животных. Идя навстречу этому желанию, сэр Бакстон приобрел два участка поля, граничащих с запада с лугами Дарвина и известных под местным названием Больших и Малых Паклендских лугов [см. рис. на стр. 227 этого тома]. В то время возникла опасность, что эти участки могут попасть в руки предпринимателей, строящих дома для сдачи внаем; на Малых Паклендах уже был построен такой одноэтажный дом с верандой. Сэр Бакстон передал эти участки своему Колледжу с обязательством предоставить 100.000 фунтов стерлингов для постройки и содержания «фермы» для хирургических исследований. 17.000 фунтов были израсходованы на постройку на Малых Паклендах дома для размещения лабораторий и общежития для исследователей, остальная сумма (83.000 фунтов) была инвестирована для обеспечения дохода с капитала. Таким образом оказалось, что два дара Бакстона Брауна — даунский дом и луга Дарвина, подаренные им Британской ассоциации, и исследовательская ферма, подаренная им Колледжу хирургов,— расположены по соседству друг с другом. Земельный участок, входящий в состав этих двух даров, составляет 42,5 акра, из которых 23 принадлежат даунскому дому и 19,5 исследовательской ферме.

Я должен коснуться здесь еще одного вопроса, относящегося лично ко мне. В то время когда мисс Уиллис арендовала дом Дарвина, возникла необходимость в помещении, которое могло бы служить изолятором для выздоравливающих после болезни школьниц. Для этого был использован дом, построенный на участке площадью в 2 акра, который первоначально составлял часть малых Паклендов, примыкавшую непосредственно к огороду Дарвина. Этот небольшой участок в свое время был приобретен Дарвинами вместе с находящимся на нем коттеджем и присоединен к владениям Дарвина. В 1930 г. этот коттедж, известный под названием Хомфилд, пустовал; я с женой арендовали его (за 50 фунтов в год), чтобы отдыхать там еженедельно с субботы до понедельника. В 1933 г., когда мне было 67 лет, здоровье мое сильно пошатнулось; я решил оставить свою должность в Колледже, но был назначен заведующим бакстон-браунской фермой и таким образом стал постоянным жителем Дауна. С тех пор в Хомфилде находится мой рабочий кабинет, и здесь сейчас я выстукиваю на своей старой пишущей машинке эти заключительные страницы моей книги о Дарвине в надежде, что когда-нибудь для нее найдется издатель. Ибо я верю в Дарвина и дарвинизм. Почти четверть века я прожил в месте, которое он сделал всемирно известным центром биологического исследования, и я полон надежды, что дух его учения будет и впредь оказывать воздей-

ствие на работу, осуществляемую даунским домом и исследовательской фермой под эгидой Королевского колледжа хирургов, ибо хирургическое исследование — это всего лишь ветвь биологического исследования, в обеих областях объект и метод одни и те же. Отделенное долгими годами от того времени, когда исследовательская деятельность Дарвина, начатая им в Дауне, закончилась, это исследование в действительности только начинается. Соотечественники Дарвина все еще продолжают недооценивать его. И именно поэтому главным образом я и решил написать эту книгу.

Я хочу закончить несколькими словами о нынешнем состоянии учреждений, созданных доброй волею сэра Бакстона Брауна (1850—1945) в этом гражданском округе — в Даунском округе в Кенте. Даунский дом и его парк открыты для посетителей; Сэмюэл Робинсон и члены его семьи продолжают жить в кухонном флигеле дома, принимают посетителей и наблюдают за залами нижнего этажа. Комнаты верхнего этажа все еще дожидаются соответственного арендатора или арендаторов, но можно надеяться, что ими явятся руководящие работники Колледжа, которые, работая в городе, пожелают жить в деревне. Поддержание в надлежащем состоянии парка — дело нелегкое, но представляется возможным, что будет найден путь, благодаря которому, несмотря на ограниченность дохода от основного вклада, уменьшившегося в настоящее время до 15.000 фунтов стерлингов, этот исторически ценный участок земли, принадлежавший Дарвину, станет самоокупающимся. Научной работой на исследовательской ферме руководит в настоящее время профессор Дэвид Слом [D. Slome]; большинство ее научных работников живут в Лондоне, ежедневно приезжая сюда на работу. Я все еще в состоянии каждый день посещать исследовательскую ферму, от которой мой дом отделен только забором. Но мои силы уже не позволяют мне по-прежнему работать на моем огороде, и мне остается лишь смотреть, как другие люди осуществляют ту работу, которую я привык делать сам.

Постскриптум (ноябрь 1954 г.).— Мне больно, что я вынужден закончить свою книгу замечанием, представляющим серьезное значение для всех тех, чьему сердцу дорого сохранение старого дома, принадлежавшего Дарвину, даунского дома. Совет Королевского колледжа хирургов оказался перед лицом тяжелейшей задачи: строительный осмотр обнаружил, что деревянные части крыши и верхнего этажа пришли в столь плохое состояние, что стало совершенно необходимым полное обновление их. Финансовое положение Колледжа находится в таком напряженном состоянии, что он не может предоставить средства, необходимые для устранения обнаруженных серьезных повреждений. Быть может, какой-нибудь новый Б. Браун придет на помощь; но поскольку мы не находим его, необходимо обратиться с призывом о помощи ко всему миру, ко всем тем, кому дорога память о Чарлзе Дарвине.

Памятник Чарлзу Дарвину в Кенсингтонском музее в Лондоне

Фр. ДАРВИН

КЬЮ-ИНДЕКС [INDEX KEWENSIS] РАСТЕНИЙ или «NOMENCLATOR BOTANICUS DARWINIANUS» [«ДАРВИНОВСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ БОТАНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ»] [1]

Некоторые сведения об отношении моего отца к Указателю названий растений, который в настоящее время (1887) подготовляется к печати ботаниками Кью-Гарденс [Ботанического сада в Кью], можно найти в статье м-ра Б. Дэйдон Джексона [B. Daydon Jackson] в Journal of Botany за 1887 г. (стр. 151). М-р Джексон приводит следующее заявление сэра Дж. Д. Гукера:

«Незадолго до своей смерти м-р Чарлз Дарвин сообщил сэру Джозефу Гукеру, что он намерен предоставлять ежегодно в течение нескольких лет значительную сумму денег для содействия осуществлению одной или нескольких работ, которые могли бы принести практическую пользу биологической науке, и готов сделать соответствующие указания в своем завещании на случай, если бы эти работы не были закончены в течение его жизни.

Среди различных вопросов, связанных с задачами ботанической науки, м-р Дарвин считал особенно важной задачу создания исчерпывающего указателя родовых и видовых названий растений, известных ботаникам, с присоединением к ним имен авторов, давших эти названия, и первоначальной родины каждого растения. «Nomenclator» Штейделя [Steudel] является единственным ныне существующим сочинением этого рода, и, хотя ныне прошло уже почти полвека со времени его появления, м-р Дарвин считал, что указатель этот оказался чрезвычайно полезным при его собственных исследованиях. Он оставался совершенно необходимым для каждого ботанического учреждения как список всех известных цветковых растений, как указатель имен авторов их названий и как справочник по ботанической географии».

С 1840 г., когда «Nomenclator» Штейделя был издан, число описанных растений по крайней мере удвоилось, так что в настоящее время «Nomenclator» далеко не удовлетворяет потребностям ботанических исследований. Чтобы несколько помочь делу, на белые листы бумаги, вплетенные между страницами экземпляра «Nomenclator», принадлежащего гербарию Ботанического сада в Кью, время от времени вносились дополнения, причем производилось это за счет «денежных пожертвований, сделанных частными благотворителями» *.

* Kew Gardens Report, 1881, стр. 62.

Подобно другим ботаникам, мой отец, как это отмечает сэр Джозеф Гукер, на собственном опыте убедился в ценности труда Штейделя. Он получал растения из самых разнообразных источников, причем часто названия этих растений были указаны неточно, между тем сам он считал необходимым строго придерживаться установленной номенклатуры, чтобы иметь возможность указать в интересах других исследователей точные названия растений, подвергнутых им исследованию. Очень часто также для него представлялось весьма важным знать первичную родину его экспериментальных растений. Совершенно естественно поэтому, что он чувствовал всю необходимость дальнейшего пополнения и публикации указанного экземпляра книги Штейделя, принадлежащего гербарию в Кью. Желание помочь этому делу усиливалось у отца тем восхищением, которое он испытывал по отношению к вызывавшим благодарность всего мира достижениям королевского Ботанического сада в Кью, и благодарностью за неоценимую помощь, которую ему оказывали директор сада [т. е. Дж. Гукер] и его сотрудники. Он ясно заявил, что его желанием является «каким-либо путем оказать содействие научной работе, производящейся в Королевском саду» *, и именно это побудило его предложить денежные средства для завершения «Nomenclator'a» Кью.

Я чрезвычайно обязан профессору Джедду за нижеследующее сообщение, представляющее интерес в том отношении, что оно иллюстрирует мотивы, которые руководили моим отцом в этом деле. Профессор Джедд пишет: «Во время моего последнего посещения м-ра Дарвина он рассказал мне, что с недавнего времени его годовой доход значительно увеличился, между тем как потребности его остались неизменными, и что поэтому ему очень хочется отдать деньги, оказывающиеся излишними для него, на дело дальнейшего развития геологии и биологии. Подробно и самым трогательным образом остановившись на том, что своим счастьем и славой он обязан прежде всего естествознанию, что оно дало ему утешение, без которого все его существование могло бы стать крайне тягостным, он просил меня затем сказать ему, не слыхал ли я о каком-либо научном исследовании, которому он мог бы оказать содействие дотацией в несколько сот фунтов стерлингов, так как для него было бы истинным наслаждением почувствовать, что он мог оказать помощь развитию прогресса науки. Тут же он сообщил мне, что аналогичное предложение он сделал сэру Джозефу Гукеру и профессору Гёксли в отношении ботаники и зоологии. На меня произвели сильное впечатление искренность и несомненно глубокое чувство, с которым он говорил о том, как много он обязан науке, и о своем желании содействовать ее успехам».

Сэра Джозефа Гукера отец просил «рассмотреть совместно с ботаниками Кью и покойным ныне м-ром Бентамом вопрос об объеме и содержании намеченного труда и наметить наилучший путь для его выполнения. Осуществляя это, сэр Джозеф получил впоследствии возможность опереться на обширные знания и большой опыт профессора Аза Грея (Кембридж, США) и м-ра Джона Болла [J. Ball], члена Королевского общества» **.

* См. Nature от 5 января 1882 г
** Journal of Botany, 1887, стр. 151.

После того как план намеченного труда был тщательно рассмотрен, сэр Джозеф Гукер счел возможным поручить подробную его разработку м-ру Б. Дэйдон Джексону, секретарю Линнеевского общества, чье широкое знакомство с ботанической литературой делало его весьма компетентным для выполнения этой задачи. Первоначальная идея моего отца подготовить новое издание «Nomenclator'a» Штейделя была фактически оставлена; было признано более целесообразным составление списка родов и видов (с соответствующими ссылками), приняв за исходное основание труд Бентама и Гукера «Genera Plantarum». О колоссальном объеме труда, находящегося ныне в процессе подготовки в Кью, можно судить по тому факту, что вес рукописи «Индекса» в настоящее время (1887) превысил уже, как полагают, одну тонну. Под руководством сэра Джозефа Гукера создание труда неуклонно продвигается вперед, осуществляемое с изумительным усердием м-ром Джексоном, целиком отдавшим себя этому делу; активную помощь ему оказывают профессор Оливер и м-р Тизелтон Дайер, проникнутые большим интересом к этом труду.

«Кью-Индекс», который будет, по всей вероятности, готов к печати через четыре или пять лет, явится достойным памятником моему отцу. Участие, которое он принял в осуществлении этого труда, ярко демонстрирует его деятельное сочувствие к научным исследованиям, лежащим за пределами его собственной научной деятельности, и его уважение к детальному и терпеливому труду в любой области науки [2].

Памятник Чарлзу Дарвину в Университетском музее в Оксфорде

Памятник Чарлзу Дарвину в Университетском музее в Оксфорде

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Составил С. Л. Соболь*

[ИЗ ЭДИНБУРГСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Ч. ДАРВИНА 1827 г.]

[1] (Стр. 3). Эдинбургская «Записная книжка («Note-book») Ч. Дарвина, которую он вел в марте-апреле 1827 г., т. е. в два последних месяца своего пребывания в Эдинбурге, стала впервые известна в 1935 г., после того как проф. Ашуорт опубликовал, с разрешения владельца «Записной книжки» проф. Ч. Дж. Дарвина и Бернарда Дарвина, отрывки из нее в статье о годах обучения Дарвина в Эдинбургском университете (см. примечание на стр. XI). Нами переведены на русский язык все приведенные Ашуортом отрывки из «Записной книжки», причем в прямые скобки заключены необходимые для понимания текста дополнительные сведения, извлеченные нами преимущественно из статьи Ашуорта. О своих сообщениях в Плиниевском обществе Дарвин коротко упоминает в «Дневнике» и в «Воспоминаниях» (см. этот том, стр. 128, 130, 185). Помимо статей Ашуорта и Йесперсена (см. примечание на стр. XIII), эдинбургскому периоду обучения Дарвина уделено внимание также в следующих статьях: 1. Nature, 1873, 20 ноября, стр. 38 (статья «Local Scientific Societies», содержащая краткие упоминания о Плиниевском обществе и о докладах Дарвина); 2. St. James's Gazette, 1888, 16 февраля (здесь сообщается, что Эразм и Чарлз Дарвины пользовались библиотекой Эдинбургского университета в гораздо большей мере, чем другие студенты того времени); 3. Edinburgh Weekly Dispatch, 1888, 22 мая; 4. Nature, 1935, 5 октября, стр. 534 и 28 декабря, стр. 1011—1014 (краткое сообщение о докладе Ашуорта и реферат его статьи, указанной выше); 5. J. Kerr, Edinburgh in the History of Zoological Science. The Advancement of Science, 1952, июнь, т. IX, № 33, стр. 19—24.

[2] (Стр. 3). Портобелло — местечко на берегу залива Фёрт-оф-Форт в трех с половиной километрах к востоку от Эдинбурга.

[3] (Стр. 3). Лит — морской порт Эдинбурга на берегу залива Фёрт-оф-Форт.

[4] (Стр. 3). Все латинские названия животных даны так, как они написаны Дарвином в его «Записной книжке». Правильное написание читатель найдет в настоящих примечаниях.

[5] (Стр. 3). В действительности рыба эта вполне съедобна.

[6] (Стр. 3). Aeolis и Tritonia — два рода морских улиток (брюхоногих моллюсков) из отряда заднежаберных. *Purpura lapilis* — вид брюхоногих из отряда переднежаберных (семейство Buccinidae). — Ашуорт не приводит этого рисунка Дарвина.

[7] (Стр. 3). Calyptoblastea — группа гидромедуз, полипняк которых покрыт кутикулой; Campanularia — один из родов калиптобластей. — Alcyonium — род восьмищупальцевых коралловых полипов. — Doris — род моллюсков, близкий к тритонии. — Речь идет, конечно, не о яйцах, а о подвижных, снабженных ресничками личинках моллюсков. Сам Дарвин вносит соответствующую поправку

* Примечания, составленные другими авторами, подписаны их фамилиями.

в своих «Воспоминаниях» (этот том, стр. 185). То же относится и ко всем другим снабженным ресничками «подвижным яйцам», упоминаемым в Эдинбургской «Записной книжке».

[8] (Стр. 4). По-видимому, речь идет о яйцах *Lacuna vincta* Mont. (вид брюхоногих моллюсков).— Это и дальнейшие определения упоминаемых Дарвином в «Записной книжке» моллюсков, мшанок и кишечнополостных, встречающихся обычно у берегов Фёрт-оф-Форт близ Эдинбурга, заимствованы нами из статьи Ашуорта, по просьбе которого они были определены сотрудниками Морской станции в Плимуте д-ром Марией Лебур и Дж. Стивеном.

[9] (Стр. 4). В данном случае дело идет скорее всего о яйцах *Littorina littorea* L. (также вид морских брюхоногих моллюсков).

[10] (Стр. 4). *Doris argo* в настоящее время носит название *Archidoris britannica* Johnst.

[11] (Стр. 4). Речь идет о скоплениях яиц *Lacuna pallidula* da Costa.

[12] (Стр. 4). Ламуру (Jean Vict. Fel. Lamouroux, 1779—1825) — французский зоолог; главные работы — по кишечнополостным и моллюскам.

[13] (Стр. 6). О наблюдениях Дарвина над личинками («яйцами») мшанок из рода Flustra (*F. carbasea* = *Carbasea carbasea* Ellis и Sol., *F. foliacea* и *F. truncata* = *Flustra securifrons* Pallas) и яйцевыми коконами («яйцами») пиявки *Pontobdella muricata* см. вступительную статью (этот том, стр. XIII и сл.). В «Воспоминаниях» (этот том, стр. 185) Дарвин говорит уже не о «яйцах» Pontobdella, а правильно о «яйцевых коконах» («egg-cases»). Когда именно Дарвин впервые наблюдал развитие Pontobdella, он нигде не указывает.

[14] (Стр. 6). *Pennatula mirabilis* = *Virgularia mirabilis* O. Müller — морское перо, вид восьмищупальцевых коралловых полипов. Опорная ось морских перьев — не костистая, а известковая или роговая.

[15] (Стр. 6). Во времена Дарвина пеннатулид, как и всех вообще кишечнополостных, еще нередко относили вместе с иглокожими к искусственной группе «зоофитов», т. е. животно-растений. В середине XIX в. это подразделение. как глубоко ошибочное было окончательно отброшено. — Эти описания морских перьев следует сравнить с позднейшим описанием морского пера, которое Дарвин дал в своем «Путешествии натуралиста» (глава V; наст. издание, том 1, стр. 93).

[16] (Стр. 6). Ашуорт (цит. работа, стр. 108) полагает, что в действительности это была не *Asterias rubens*, а другая морская звезда — *Leptasterias mülleri* M. Sars — вид, отделенный от *Asterias rubens* в 1846 г. М. Сарсом. У *Leptasterias mülleri* половые отверстия занимают вентральное положение и трудно различимы, вследствие чего Дарвину и могло показаться, будто яйца выходили изо рта. Диск у этой звезды действительно изгибается так, как описывает это Дарвин, и образует почти замкнутую полость, в которой вынашиваются личинки.

[17] (Стр. 6). В самом конце эдинбургской «Записной книжки» имеется запись Дарвина о его наблюдениях над пыльцой и пыльниками герани и над эпидермисом лепестков, тычинками, пыльниками, пестиками и чашелистиками, а также над пыльцевыми зернами *Orchis morio*. Поскольку этот вид орхидей не встречается в Шотландии, но обычен в ряде районов Англии, надо думать, что эти ботанические заметки были написаны Дарвином уже после его отъезда из Эдинбурга.— В эдинбургскую «Записную книжку» были также вложены написанные рукой Дарвина два списка животных: 1. Список червей, найденных в заливе Фёрт-оф-Форт и в других местах Шотландии, и 2. Список рыб, найденных в заливе Фёрт-оф-Форт. Первый список представляет собой извлечение из статьи проф. Джемсона, напечатанной в «Mem. Wernerian Nat. Hist. Society», том I, стр. 556—565, 1811, второй — извлечение из статьи Патрика Нейла, напечатанной там же, стр. 526—555. По-видимому, оба списка были заготовлены Дарвином в качестве карманных определителей, которыми можно было бы пользоваться во время экскурсий. Это подтверждается размерами листков (15 × 9 см.), удобными для вкладывания их в карманную записную книжку.

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ» [1832-1836 гг.]

[1] (Стр. 7). «Записные книжки» («Note-books»), которые Ч. Дарвин вел во время кругосветного путешествия на «Бигле», были впервые опубликованы (в извлечениях) в 1945 г. внучкой Ч. Дарвина леди Норой Барло в книге: Charles Darwin and the voyage of the Beagle. Unpublished Letters and Note-Books. Edited with an Introduction by Nora Barlow. London, 1945*. Приводим из «Введения» Норы Барло к «Записным книжкам» (по русскому переводу, стр. 142—149) нижеследующие сведения о них.

«Из 24 маленьких „Записных книжек" 14 связаны с экскурсиями Дарвина по суше, 2 представляют черновики геологических работ, а также содержат различные случайные сведения. Встречаются там и интересные наброски без всяких дат, вероятнее всего записанные во время длительного плавания обратно в Англию. 6 тетрадей, сшитые в две пачки по 3 тетради в каждой, представляют собой каталоги образцов, отосланных домой во время путешествия. Сравнивая эти книжки с опубликованным дневником, я нахожу некоторые существенные пробелы: возможно, что три или четыре книжки затерялись, среди них — безусловно те, которые относятся к Новой Зеландии и юго-западной части Австралии.

Это в буквальном смысле карманные книжки. Их размер от 16,25 × 10 *см* до 9,3 × 7,5 *см*; они снабжены металлическими застежками и ложбинкой для карандаша. Обложки почти все из красной кожи, лишь некоторые — из черной и темно-зеленой; все они порядочно истрепаны. Бумага очень хорошего качества, а на оборотной стороне обложки имеется прекрасно выполненный эстамп, изображающий льва и единорога, и под ним надпись: «Записная книжка из бархатной бумаги, изготовленной особым способом, чтобы записи не стирались; к книжке прилагается металлический карандаш, острие которого должно быть плоско отточено, но так, чтобы не ломалось; во время письма его следует держать, как обыкновенное перо». Кое-где страницы в книжках вырваны, у одной книжки оторвана обложка; на некоторых видны следы морских штормов, но все записи, сделанные большей частью металлическим карандашом и лишь иногда чернилами, вполне разборчивы. На обложке каждой книжки наклеена белая этикетка, на которой рукой Дарвина коротко записано содержание книжки. Первые страницы заполнены обычными памятками путешественника, например список всего, что необходимо купить в городе, откуда предстояло снарядить экспедицию на лошадях. Записи «зубной врач», «починить часы» и т. п. вполне понятны, но запись «ночной колпак» нам теперь представляется странной».

Далее Н. Барло сообщает: «Эти „Записные книжки" в основном содержат заметки по геологическим вопросам; некоторые из них почти целиком посвящены геологии. Те же записи, которые Дарвин сам относит к рубрике „Общие замечания", не всегда этому соответствуют и зачастую представляют собой смесь различного рода наблюдений. Поскольку я не геолог по специальности, мне не под силу проанализировать убористо исписанные страницы еще не вполне осмысленных наблюдений, и я привожу лишь те места, по которым можно проследить ход мысли Дарвина и процесс его развития, как ученого, ...записи в „Записных книжках" не следуют в хронологическом порядке. Часто Дарвин вносил заметку в новую записную книжку, не закончив старой; неожиданно в середине какой-нибудь книжки появляются наблюдения, сделанные им в какой-то совершенно другой части света... Наброски в „Записных книжках" сделаны скорописью. ...в этих небрежно набросанных, подчас неразборчивых записях не только нет законченной теории, но даже ни одной отчеканенной фразы... Они представляют собой лишь основу, которая должна помочь ему в процессе будущей работы. Иногда, наоборот, сама эта сжатость дает более яркое представление о впечатлениях Дарвина».

Н. Барло приводит ряд примеров, показывающих, как беглые и краткие записи Дарвина в его «Записных книжках» литературно развертывались им в его «Дневнике натуралиста». Ограничимся здесь одним примером. В «Записных книжках» Дарвин пишет: «Страусы не боятся человека, отплыли... много страусов, стаи 20—30, прекрасны на склоне холма». Этого было достаточно, чтобы запечатлеть виденное им. В «Путевом дневнике» это же описано так: «Я видел

* Чарлз Дарвин. Путешествие на корабле «Бигль». Письма и записные книжки. По неопубликованным рукописям издала и комментировала Нора Барло. Перевод с английского Э. Д. Маневич. Под редакцией и с предисловием С. Л. Соболя. Москва, Издательство иностранной литературы, 1949, 288 стр.

несколько стай страусов по 20—30 экземпляров в каждой. На склоне холма, на фоне ясного неба они представляли собой прекрасное зрелище. Некоторые из них совсем не боятся человека; если же подойти к ним близко и пуститься галопом в погоню, то занимательно наблюдать за ними, когда они, как говорят моряки, „поставив руль", несутся на всех парусах, раскрывая крылья по ветру».

Изложенное дает достаточно ясное представление о внешних особенностях «Записных книжек». Очевидно также, что публикация Норы Барло представляет собой лишь извлечение из текстов «Записных книжек» и притом систематизированное в строго хронологическом порядке. Н. Барло приводит тексты Дарвина в обрамлении своих пояснений и комментариев. Следуя характеру нашего издания, мы даем тексты Дарвина без каких-либо пояснений и лишь в примечаниях используем, где это представлялось целесообразным, пояснения Н. Барло. В квадратных скобках указаны географические места, к которым относится каждый данный текст Дарвина. Всюду, где это было возможно, мы указываем в наших примечаниях те места «Дневника изысканий» и «Путевого дневника», которые соответствуют данному месту «Записных книжек». Указания эти сделаны нами по первому тому настоящего издания «Сочинений» Дарвина (Москва, Биомедгиз, 1935), причем «Дневник изысканий» коротко обозначается нами буквами «Д. и.», а «Путевой дневник» — «П. д.», к которым прибавляется страница первого тома «Сочинений». Следует вновь напомнить, что под «Дневником изысканий» имеется в виду 2-е издание (английское) «Путешествия натуралиста вокруг света на корабле „Бигль"» (перевод его в 1 томе наст. издания, стр. 1—422), а под «Путевым дневником» — первоначальный текст «Путешествия натуралиста», составленный Дарвином еще в пути, легший в основу 1 и 2 изданий «Дневника изысканий» и впервые опубликованный Норой Барло в 1933 г. (см. 1 том наст. издания, стр. 423—564, где дан перевод тех частей «Путевого дневника», которые более или менее существенно отличаются от текста «Дневника изысканий»).

[2] (Стр. 7). Ср. Д. и., стр. 13—18; П. д., стр. 444—449.

[3] (Стр. 7). Можно думать, что в этой записи Дарвин ставил перед собой задачу «экспериментально проверить действие горячей лавы на подводные слои морских раковин, чтобы выяснить происхождение белого цементоподобного камня, о котором он так часто упоминает» (Н. Барло, стр. 153). Ср. Д. и., стр. 16—17.

[4] (Стр. 7). Ср. Д и., стр. 20—21; П. д., стр. 451.

[5] (Стр. 7). Ср. П. д., стр. 451—452.

[6] (Стр. 7). Ср. Д. и., стр. 39—40 и 41—42.

[7] (Стр. 8). Ср. Д. и., стр. 27—33; П. д., стр. 460—462.

[8] (Стр. 8). Здесь и всюду дальше градусы температуры по Фаренгейту. Напоминаем, что для перевода градусов Фаренгейта в градусы Цельсия пользуются следующей формулой: $^5/_9$ (F—32), где F — заданная температура по термометру Фаренгейта. Так, в данном случае: $^5/_9$ (104—32) = 40.

[9] (Стр. 10). В «Путевом дневнике» Дарвин так описывает эту историю: «Поссорившись со своим агентом, м-р Леннон пригрозил продать на публичном аукционе незаконнорожденного ребенка-мулата, к которому м-р Купер был очень привязан. Он чуть было не привел в исполнение свое намерение — отобрать всех жен и детей у своих невольников и продать их поодиночке на базаре в Рио. Можно ли представить себе более вопиющие и возмутительные случаи?... Как неубедительны в свете подобных фактов аргументы тех, кто считает, что рабство — терпимое зло!» (C. Darwin's Diary. Ed. by N. Barlow. Cambridge, 1933, p. 53).— Ср. Д. и., стр. 32 и 417.

[10] (Стр. 11). «Вследствие потери паспортов нам пришлось долго доказывать, что наши лошади не краденые» (П. д., стр. 462).

[11] (Стр. 12). Ср. Д. и., стр. 33—42; П. д., стр. 462—476.

[12] (Стр. 12). Ср. П. д., стр. 471.

[13] (Стр. 12). Ср. Д. и., стр. 43—44; П. д., стр. 476—479.

[14] (Стр. 12). Ср. Д. и., стр. 59—61.

[15] (Стр. 12). Эта запись относится к июлю. За август и бо́льшую часть сентября записи отсутствуют — возможно, что потеряна одна из «Записных книжек».

[16] (Стр. 13). Джордж Роулетт (G. Rowlett) — эконом на «Бигле», умер в пути 27 июня 1834 г.

[17] (Стр. 13). Азара (правильнее: Асара) Фелис (1746—1811) — испанский офицер, занимавшийся в 1788—1891 гг. топографической съемкой в бассейне Парагвая — Параны. Дарвин, очевидно, в это время читал трактат Азары о млекопитающих во французском переводе. Данные Азары были впоследствии широко использованы Дарвином в «Путешествии натуралиста», в «Зоологических результатах путешествия на корабле „Бигль"», в «Происхождении видов» и других трудах. Запись заглавия книги Азары свидетельствует о посредственном знании Дарвином французского языка. Точное заглавие книги: Don Felix de Azara, Essais sur l'histoire naturelle des Quadrupèdes du Paraguay. 2. vols. Paris, 1801.

[18] (Стр. 13). Джозеф Брэма́ (Bramah J.) — английский изобретатель (1748—1814). — Э. М. Чафферс (E. M. Chaffers) — штурман на «Бигле» в 1831 г.

[19] (Стр. 13). Две последние записи, а также запись «животное без хвоста» и т. п. следует, по-видимому, рассматривать как заметки Дарвина о рассказах различных лиц, которых Дарвин расспрашивал о природных особенностях страны; возможно, Дарвин собирался проверить правдивость этих рассказов.

[20] (Стр. 13). Ср. П. д., стр. 502—504.

[21] (Стр. 14). Местное название (от исп. tosco — грубый) мягкого темно-коричневого известняка, встречающегося в пампасах. (Н. Барло).

[22] (Стр. 14). Ковингтон — «скрипач и бой при кормовой каюте» на «Бигле». С 1832 г.— слуга Дарвина.

[23] (Стр. 15). Ср. д. и., стр. 187—193; П. д., стр. 510.

[24] (Стр. 15). На картах, составленных гидрографами «Бигля», это место обозначено, как «Бухта отрезанного пальца» (Cutfinger Cove),— названа так потому, что здесь один из матросов чуть не отрубил себе два пальца при рубке дров (Н. Барло).

[25] (Стр. 17). Падение в воду громадной глыбы льда, в результате чего чуть не погиб бот экспедиции, подробно описан в Д. и. (стр. 192), но Дарвин ни слова не говорит о своей собственной роли в спасении бота. Фиц-Рой в своем «Отчете о путешествии» рассказывает, что Дарвин одним из первых побежал к боту, пытаясь его спасти. Потеря бота означала бы по существу гибель всей группы, находившейся далеко от корабля и окруженной враждебно настроенными огнеземельцами. Дарвин не только умалчивает о своем участии в этом происшествии, но не рассказывает и о том, что Фиц-Рой назвал широкий пролив, в который они вошли 30 января, «Проливом Дарвина» «в честь моего товарища по плаванию, который так мужественно шел навстречу всем трудностям путешествия в маленькой перегруженной лодке».

[26] (Стр. 17). Различные типы гранатов, окрашенных в разнообразные цвета, характерны для зон метаморфизма и встречи разных горных пород; наоборот, в изверженных породах гранаты встречаются крайне редко. Отсюда и вывод Дарвина.

[27] (Стр. 17). Ср. Д. и., стр. 163 и сл., П. д., стр. 511—514.

[28] (Стр. 18). Во время Дарвина термином «кораллины» обозначали мшанок и некоторых гидроидных полипов, образующих в морях обрастания на различных подводных предметах (камнях, ракушках, сваях и т. п.). В настоящее время этот термин удержался только для обозначения одной группы красных водорослей Lithothamniae, также покрывающих в виде корочек подводные предметы.— Фукусы — бурые водоросли.— Clytra,— вероятно, Clytia — род гидроидных полипов.

[29] (Стр. 18). Крайний северо-западный остров Огненной Земли.

[30] (Стр. 18). Ср. Д. и., стр. 44 и сл.; П. д., стр. 517—522.

[31] (Стр. 18). Рекон — особая форма седла, применяемого гаучосами и аргентинцами.

32 (Стр. 18). Прометеевы спички — свернутые из бумаги трубочки, на один из концов которых нанесена смесь хлористого калия с сахаром; при разбивании находящегося рядом с этим концом стеклянного пузырька с серной кислотой происходит вспышка и трубочка загорается.

33 (Стр. 20). Упоминаемые в этом списке книги Дарвин намерен был изучить, и в письме к своей сестре Кэтрин от 22 мая 1833 г. он просил прислать их ему из Англии. Дарвин имеет в виду следующие сочинения: 1) не ясно, какое сочинение Азары имеет здесь в виду Дарвин — его «Естественную историю четвероногих Парагвая» (см. выше примечание 17) или его «Voyages dans l'Amérique Méridionale» (4 тома текста и 2 тома таблиц), Париж, 1809; 2) J. Fleming (англ. зоолог, 1785—1857), The philosophy of zoology, or, A general view of the structure, functions and classification of animals, 2 тома, Эдинбург, 1822; 3) Th. Pennant (англ. зоолог, 1726—1798), History of Quadrupeds, 2 тома, 3-е издание, Лондон, 1793, 4) G. R. Scrope (англ. геолог-эволюционист, 1797—1875). Considerations of Volcanoes leading to the Establishment of a new theory of Earth, Лондон, 1825; 5) W. J. Scoresby, Jun. (англ. полярный путешественник, 1789—1857), An account of the arctic regions, 2 тома, Эдинбург, 1820; 6) W. J. Burchell (англ. путешественник-зоолог, 1782—1863), Travels in the interior of Southern Africa, 2 тома, Лондон, 1822—1824.

34 (Стр. 20). Имеются в виду сочинения: 1) Sir H. Davy (знаменитый англ. химик и физик, 1778—1829), Consolation in travel, or, The last days of a philosopher. Лондон, 1830 («Collected Works», том 9, стр. 207—388, Лондон, 1839—40); 2) J. Playfair (англ. геолог, последователь и популяризатор Гёттона, 1748—1819), Illustration of the Huttonian Theory, Эдинбург, 1802.

35 (Стр. 20). ББ — так Дарвин часто обозначает в своих «Записных книжках» Баия-Бланку. Птица из ББ (или БББ, где первое Б — сокращенное обозначение английского слова bird, т. е. птица) это — казарита, или малый печник. См. Д. и., глава V, стр. 89 первого тома наст. издания.

36 (Стр. 21). Comadraga,— вероятно, Comadreja, т. е. ласка (исп.).

37 (Стр. 21). Alecturus,— вероятно, Alectorurus — род южноамериканских птиц, напоминающих европейскую трясогузку.

38 (Стр. 21). Ampullaria — род тропических водных улиток.

39 (Стр. 21). Предыдущий список содержал главным образом заметки о животных (преимущественно птицах), которых Дарвин наблюдал в Мальдонадо Нижеследующий список был, видимо, составлен Дарвином при подготовке к экскурсии к устью Рио-Негро на шхуне, нанятой Фиц-Роем для выполнения вспомогательных работ.

40 (Стр. 21). Вероятно, Cacicus или cassicus — испанское название южноамериканской птички, близкой к иволге. Некоторые особи этого вида имеют совершенно черное оперение; негро — по-русски «черный» (Э. Д. Маневич.)

41 (Стр. 22). Этот написанный чернилами список вопросов, требующих ответа, был, вероятно, составлен Дарвином на борту маленькой шхуны на Рио-Негро. Дальнейший маршрут был уже им продуман: в глубь страны от Рио-Негро до Баия-Бланки, а затем, возможно, снова к Ла-Плате. По мере того как вопросы разрешались (ответы на некоторые из них тут же записаны), Дарвин зачеркивал их карандашом.

42 (Стр. 22). Ср. Д. и., стр. 62—126; П. д., стр. 523—524.

43 (Стр. 24). Уалличу — священное дерево, алтарь бога у южноамериканских индейцев; по-видимому, одинокий экземпляр акации в безлесной степи. Вопреки мнению гаучосов, Дарвин совершенно правильно заключает, что индейцы рассматривают дерево как алтарь, а не как божество. Аналогичные обряды существовали у многих народов в различных частях земного шара. См. Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 399.

44 (Стр. 26). Местные названия трех видов южноамериканского броненосца. См. Д. и., стр. 90.

45 (Стр. 27). В дальнейшем Дарвин вновь изменил свою точку зрения и пришел к тому выводу, что ископаемые неполнозубые жили в Южной Америке в то

время, когда прилегающее к ее берегам «море было уже населено большей частью его теперешних обитателей» (ср. Д. и., стр. 78).

[46] (Стр. 29). Гаррис — владелец шхуны, нанятой Фиц-Роем в помощь «Биглю» для осуществления ряда гидрографических работ.

[47] (Стр. 29). Испанское издание книги «Суд над королевой Каролиной», в которой было описано скандальное дело о бракоразводном процессе английского короля Георга IV с его женой Каролиной.

[48] (Стр. 31). Так гаучосы называют южноамериканский вид страуса, несколько меньшего по размерам, чем обычный нанду. Он был впервые описан Дарвином и в его честь назван английским орнитологом Гульдом *Struthio* (*Rhea*) *Darwinii*.

[49] (Стр. 32). Гаучосы могут в течение многих недель совершенно обходиться без соли (Н. Барло).

[50] (Стр. 32). Плащ из прорезиненной материи со специальным карманом для воды (Н. Барло).

[51] (Стр. 36). Компас Катера — предложенная в 1821 г. английским физиком Катером конструкция компаса с новой формой игольчатой опоры для стрелки.

[52] (Стр. 36). Отсюда и до записи 20 октября — ср. Д и., глава VII, стр. 111—126.

[53] (Стр. 38). Имеется в виду, конечно, не мегатерий, у которого не было никакого панциря, а гигантский вымерший броненосец. Ср. примечание 9 на стр. 381.

[54] (Стр. 40). Отправление «Бигля» к мысу Горн было на некоторое время отложено капитаном Фиц-Роем, и Дарвин решил поэтому использовать время для экскурсии по Уругваю. Ср. Д. и., стр. 127—139; П. д., стр. 524—525.

[55] (Стр. 42). Узнав от Дарвина, что англичане не ловят животных при помощи лассо, уругваец решил, что они всегда пользуются для этой цели одними только бола (Н. Барло).

[56] (Стр. 43). Ср. П. д., стр. 527—528.

[57] (Стр. 43). См. наст. издание, том 1, стр. 578, примечание 127.

[58] (Стр. 43). Ср. Д. и., стр. 164 и сл.

[59] (Стр. 44). «Double barred Kelp bird» — не вполне ясно, о какой птице говорит Дарвин. Возможно, что это *Chloëphaga hybrida* — гусь, встречающийся на побережье Фолклендских островов и юго-восточной Патагонии; ведя литторальный образ жизни, он тесно связан в своем питании с ламинариями (Kelp), отсюда дарвиновское Kelp bird, т. е. ламинариевая, или водорослевая, птица. Ниже Дарвин говорит: «Там, где отсутствует ламинария [Kelp], нет и водорослевой птицы [Kelp bird]».

[60] (Стр. 44). Ср. Д. и., стр. 155—163; П. д., стр. 533—534.

[61] (Стр. 45). Этот якорь был брошен во время предыдущей экспедиции, которая дошла лишь до этого пункта. Теперь якорь, пролежавший в Патагонии около 7 лет, был найден и возвращен на борт «Бигля» (Н. Барло).

[62] (Стр. 45). Происхождение ступенчатых террас реки Санта-Крус очень занимало Дарвина. Предполагалось, что они представляют собой всецело результат работы реки, но Дарвин обнаружил ряд данных, противоречащих этому представлению, и создал новую теорию, согласно которой эти террасы образовались в результате последовательного отступания моря, прерывавшегося время от времени остановками в поднятии материка. (Н. Барло).

[63] (Стр. 46). Ср. Д и., стр. 199, строки 3—14 сверху.

[64] (Стр. 46). Ср. Д. и., стр. 205, строки 22—28 сверху.

[65] (Стр. 47). Чилийские гуасо соответствуют гаучосам пампасов, но, по мнению Дарвина, первые невыгодно отличаются от вторых. Он отмечает, что более высокая степень цивилизации и появление денежной аристократии в Чили уничтожили чувство независимости и равноправия у гуасо. (Н. Барло).

[66] (Стр. 47). Ср. Д. и., стр. 217, строки 19—24 сверху.

66а (Стр. 47). В списке работ Джона Мёррея, приведенном в известном библиографическом указателе Лондонского Королевского общества, нам не удалось обнаружить какой-либо работы Дж. Мёррея о способности свечения у светляков, которая была бы напечатана в Philosophical Transactions Королевского общества. Работа Мёррея под соответствующим названием (вероятно, опубликованная первоначально в каком-то научном журнале) вошла в состав изданного им в 1826 г. сборника его работ по естествознанию (Experimental Researches in Natural History. By John Murray, FSA, FLS. London — Glasgow, 1826). Реферат этой работы напечатан в The Magazine of Natural History, conducted by J. C. Loudon (том. I, стр. 154—159, 1829), а немецкий перевод (с небольшими сокращениями) — в Zeitschrift für die organische Physik Heusinger (B. II, H. I, S. 94—103, Eisenach, 1828). Результаты своих наблюдений над светляком, произведенных во время пребывания в Рио-де-Жанейро в апреле—июне 1832 г., Дарвин изложил в «Дневнике изысканий» (см. наст. изд., т. 1, стр. 36). Установленные Дарвином факты и его главные выводы действительно совпадают с наблюдениями и выводами Мёррея. Судя по записи Дарвина в «Записной книжке» 1834 г., работа Мёррея впервые стала ему известна только в августе 1834 г., через два года после его наблюдений над светляками Бразилии, и весьма примечательно, конечно, что молодой натуралист совершенно самостоятельно пришел к тем же выводам, что и Мёррей.

67 (Стр. 47). Чилиец сказал: «Кто смотрит двумя глазами, кто хоть одним, а Чили, я полагаю, ни одним не смотрит» (Д. и., стр. 222).

68 (Стр. 48). У жителей Чили есть обычай: ошпаривать курицу, прежде чем ощипывать ее. Когда источник вновь забил, вода оказалась недостаточно горячей для этой процедуры: «У них весьма своеобразный термометр». (Н. Барло).

69 (Стр. 50). Ср. Д. и., стр. 250.

70 (Стр. 51). Имеется в виду первый том сочинения Альсида д'Орбиньи «Voyage dans l'Amérique méridionale (le Brazil, la République Argentine... Chili, Peru, etc.) pendant 1826—1833» par A. d'Orbigny. Париж, 1835—1847. 7 томов текста и 2 тома атласа. В этом выдающемся сочинении по зоологии Южной Америки млекопитающие описаны д'Орбиньи и П. Жервэ, птицы — д'Орбиньи, рептилии — Ж. Биброном, рыбы — А. Валансьеном. Очевидно, первый том этого сочинения вышел в самом начале 1835 года, раз Дарвин уже в первой половине марта этого года мог познакомиться с ним, находясь в Консепсьоне.

71 (Стр. 51). Ср. Д. и., стр. 261—278.

72 (Стр. 51). Пуна — местный термин, означающий затрудненное дыхание в разреженном воздухе на больших высотах.

73 (Стр. 51). В Д. и (стр. 268) Дарвин пишет: «Мельчайшие шарики, снабженные бесцветными оболочками. Диаметр каждого из них был равен тысячной доле дюйма».— Джон Мирс (John Miers) — английский натуралист-путешественник; свое путешествие по северным районам Южной Америки он описал в двухтомном сочинении «Travels in Chile and La Plata» (Лондон, 1826). При переходе через Анды Мирс видел на пути из Мендосы в Сант-Яго, поблизости от высочайшего перевала в Андах Кумбре, красный снег, описание которого дано им в названном сочинении (т. II, стр. 322).

74 (Стр. 52). В Д. и (стр. 268) Дарвин пишет: «Я был доволен своим одиночеством; это было похоже на ощущение, какое испытываешь, когда глядишь на сильную грозу или слушаешь хор из «Мессии», исполняемый большим оркестром».— «Мессия» — одна из прославленных ораторий Г. Ф. Генделя, впервые исполненная в 1742 г. в Дублине (Ирландия), где была принята слушателями с энтузиазмом.

74а (Стр. 52). Тексты записей от 18 и 21 марта, как легко видеть, в значительной части повторяют друг друга. Причину этого можно было бы выяснить, лишь обратившись к рукописному подлиннику соответствующей «Записной книжки» Дарвина.

75 (Стр. 55). Имеется в виду сочинение англ. путешественника Ф. Б. Хеда (F. B. Head, 1793—1875), в котором он описал Чили и Ла-Плату: «Rough notes taken during some rapid journeys across the Pampas and among the Andes» (Лондон, 1826).

[76] (Стр. 55). В. Д. и. (стр. 146) Дарвин говорит, что эти сведения заимствованы им у д'Орбиньи. Именно эту фамилию, вероятно, неразборчиво написанную Дарвином, Н. Барло, надо думать, неправильно прочитала как «Фрозиа» (см. выше примечание 70).

[77] (Стр. 56). Ср. Д. и., стр. 279—297.

[78] (Стр. 57). Ср. П. д. (стр. 545), где излагается эпизод с дамой из Лимы, которая приняла географический атлас за ноты кадрили (контрданса).

[78а] (Стр. 57 и 58). Д.-И. Молина (Molina, 1740—1829), итальянский иезуит, описавший в ряде сочинений природу Чили.— Бичи (F. W. Beechey, 1796—1856), английский путешественник, в 1825—1828 гг. совершил плавание по Тихому океану.

[79] (Стр. 58). В главе IX «Дневника изысканий» (см. наст. изд., т. 1, стр. 161) Дарвин рассказывает о своих опытах по исследованию обоняния у кондоров. Опыты эти были произведены им в Вальпараисо, где он побывал дважды — в августе 1834 и в мае 1835 г. Опыты с кондорами были произведены, по всей вероятности, во время вторичного посещения Вальпараисо. Дискуссия по вопросу об обонянии у трупоядных грифов была развернута на страницах журнала Magazine of Natural History, edited by J. C. Loudon, в 1830—1836 годах. В ней приняли участие Хантер, Уотертон, Бэчмен и другие. Любопытно, что Дарвин мог ознакомиться с этой дискуссией в середине июля 1835 г., во время путешествия,— очевидно во время пребывания в Чили он получил комплект томов лоудоновского журнала.

[80] (Стр. 58). Ср. П. д., стр. 546.

[81] (Стр. 60). Данная запись Ч. Дарвина о галапагосских животных, свидетельствующая об окончательном крушении его веры в неизменность видов, была сделана им в сентябре или октябре 1835 г. во время пребывания «Бигля» на Галапагосских островах. Н. Барло извлекла ее из «Записной книжки» Дарвина, содержащей его заметки по орнитологии, сделанные во время путешествия, и не включенной Н. Барло в состав опубликованных ею путевых «Записных книжек» 1832—1836 гг. Впервые эта запись была опубликована Н. Барло в 1935 г. в связи со столетием пребывания Дарвина на Галапагосских островах (Nature, 7 сентября 1935. № 3436, стр. 391). Полный перевод этой записи был дан нами в 1 томе наст. издания (стр. 586). Приводимый здесь перевод уточнен.

[82] (Стр. 61). Эти слова обведены в рукописи Дарвина чертой. (Н. Барло).

[83] (Стр. 61). Ава или кава — опьяняющий напиток, который таитяне и многие другие полинезийские и меланезийские племена изготовляли в прошлом веке из двух видов дикого перца — *Piper methysticum* и *Piper excelsum*.

[84] (Стр. 61). В дальнейшем, однако, Дарвин изменил свое мнение о миссионерах к худшему. См. его запись от февраля 1836 г. в П. д. (стр. 550).

[85] (Стр. 62). Ср. Д. и., стр. 378 и сл.; П. д., стр. 554.

[86] (Стр. 62). Ср. П. д., стр. 554—558.

[87] (Стр. 63). Ср. Д и., стр. 406—410; П. д., стр. 559.

[88] (Стр. 64). В ремарке к этой записи Н. Барло сообщает, что записи, относящиеся к пребыванию Дарвина на острове Св. Елены, сопровождаются небольшим чертежом, иллюстрирующим действие ветра на человека, стоящего на краю очень глубокого обрыва (ср. Д. и., стр. 410). Она высказывает предположение, что Ч. Дарвин демонстрировал это явление своим детям, так как ее отец, Горас Дарвин (сын Ч. Дарвина, глава кембриджской фирмы оптических инструментов), водил ее и других своих детей к краю Йоркширской скалы, когда с моря дул сильный ветер. «Он обращал наше внимание на то,— говорит Н. Барло,— что на самом краю было спокойно и безветрено, но стоило протянуть руку за край скалы, как тотчас же ощущалась вся сила буйного ветра. Было приятно узнать, что этот опыт был впервые проделан на черных скалах Св. Елены Чарлзом Дарвином».

[89] (Стр. 64). Записи Дарвина, приводимые под этим заголовком, извлечены Н. Барло из двух последних по времени «Записных книжек», которые Дарвин вел во время путешествия. Характер записей позволяет думать, что бо́льшая часть их была сделана Дарвином в последние месяцы путешествия, когда во время длительного перехода корабля в Англию Дарвин имел возможность поразмыслить над

собранным им материалом и попытался построить первые обобщения по вопросу о происхождении видов. См. подробнее вступительную статью к этому тому.

[90] (Стр. 65). Дарвин здесь, как очень часто и в других местах, пользуется обычным словоупотреблением, применяя слово animals (животные) в смысле mammals (млекопитающие).

[91] (Стр. 66). Здесь, по-видимому, в рукописи — неразборчиво написанное Дарвином слово, которое Н. Барло прочитала как represented. Вероятнее, однако, что это слово надо читать representative [characters], что должно означать: каждый вид имеет представляющие его, т. е. характерные для него, признаки. В соответствии с таким пониманием этого места и сделан перевод.

[92] (Стр. 67). Как уже было выше указано (примечание 1, стр. 371), в числе «Записных книжек» имеется 6 тетрадей, сшитых в две пачки по три тетради в каждой. Как сообщает Н. Барло, эти тетради содержат списки образцов, направлявшихся Дарвином в Англию. Так, в одной из них зарегистрировано 1529 зафиксированных в спирту объектов — рыб, насекомых, водорослей, грибов, пауков, различных растений, кораллин, пресмыкающихся и пр. По-видимому, номера ставились на каждом из объектов в порядке его нахождения и фиксации, т. е. в хронологическом порядке. Названия зафиксированных и занумерованных объектов часто сопровождаются краткими сведениями об объекте. Дарвин указывает некоторые особенности местонахождения, поведения животного, отмечает, например, что такая-то рыба проявляла по отношению к человеку свирепость, раскрывала пасть при виде его и чуть ли не готова была выпрыгнуть из воды, что такая-то ящерица была поймана на приманку из сыра, что куст смородины, цынготная трава и сельдерей были найдены им растущими около вигвамов огнеземельцев, причем этот сельдерей, сваренный в супе, имел приятный аромат, и т. п. Большинство этих биологических заметок Дарвина относится к животным. Только немногие содержат сведения о растениях. Мы даем перевод всех пятнадцати заметок, опубликованных Н. Барло.

[93] (Стр. 68). В заметках № 1782 и № 1819 предположение об объектах (в квадратных скобках), к которым относятся соответствующие описания, принадлежат нам, а не Н. Барло.— В заметке № 2011 удивляет указание Дарвина на то, что Lanius — это Callandria. Как можно было видеть из многочисленных упоминаний Дарвина в других местах его «Записных книжек», Callandria — это местное название пересмешников (Mimus), южноамериканского рода птиц, близких к дроздам, а не к сорокопутам (Lanius).

[94] (Стр. 68). По поводу этой последней группы заметок Н. Барло пишет: «Имеются еще две [помимо описанных выше 22-х] маленькие „Записные книжки“, на красных обложках которых нет аккуратных белых наклеек с надписями, кратко указывающими их содержание. На красных кожаных обложках каждой из них жирно написано чернилами: „Ничего“. На одной добавлено: „Структура острова Св. Елены“. Судя по ее содержанию, Дарвин пользовался этой книжкой к концу путешествия, ибо там имеются чертежи геологического строения острова Св. Елены, острова Вознесения и островов Зеленого мыса, — объекты, к которым он вернулся через несколько лет, когда приступил к обработке своего сочинения „Вулканические острова“. Большой интерес представляют находящиеся в этих же двух книжках различные заметки, сделанные явно в годы, последовавшие за путешествием. Так, среди них имеется заметка: „Ляйелль. Географический журнал, 1839“. Очевидно, Дарвин продолжал пользоваться этими книжками в продолжение еще двух лет после своего возвращения домой». Наряду с заметками геологического и биологического характера, в частности, с заметками, характеризующими все усиливающийся интерес его к проблеме происхождения видов, здесь встречаются и заметки чисто бытового, хозяйственного характера, в частности — имеющие отношение к вопросу о найме дома в Лондоне в связи с женитьбой Дарвина на Эмме Беджвуд.

[95] (Стр. 68). Эти три вопроса были заданы Дарвином, по мнению Н. Барло, Ляйеллю во время одного из заседаний Геологического общества. Оснований этого утверждения Барло не приводит.

[96] (Стр. 68). По-видимому, речь идет о выступлении французского зоолога и палеонтолога Ж. Денуайе на заседании Геологического общества в Париже 3 апреля 1837 г. по вопросу о точном определении возраста некоторых третичных

известняков района Луары и южной Англии. Денуайе критикует относящиеся к тому же вопросу взгляды Ляйелля и Дезайе (см. Bulletin de la Société Géologique de France, т. 8, стр. 203—211, Париж, 1836—37). Таким образом, рассматриваемую запись Дарвина можно датировать самое раннее апрелем 1837 г.

[97] (Стр. 68). Гульд (правильнее Гоолд — Gould) — видный англ. орнитолог, определивший птиц, собранных Дарвином во время путешествия. По-видимому, и ряд рисунков в 3 томе «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“» был изготовлен Гульдом, в частности и рисунок страуса Дарвина (см. выше примеч. 48). Этот рисунок дан нами в первом томе наст. издания (стр. 87).

[98] (Стр. 68). Записи, начиная с этой и до 6—31 декабря 1838 г., позволяют видеть, какие вопросы, связанные с проблемой происхождения видов, интересовали Дарвина в самом начале его исследовательской работы по этой проблеме, к какому кругу лиц обращался Дарвин за сведениями и консультацией и т. п.

[99] (Стр. 68). Эйтон — товарищ Дарвина по Колледжу Христа (см. примеч. 89 к «Воспоминаниям», ниже стр. 424).— Д. Р. Уотерхаус — зоолог (см. примеч. 42 к «Записной книжке» 1837—38 гг., ниже стр. 390).— Ньята — бульдогообразная порода рогатого скота на Ла-Плате (см. наст. издание, т. 4, стр. 165—67).

[100] (Стр. 68). Эндрю Смит — известный путешественник по Африке (см. примеч. 20 к «Записной книжке» 1837—38 гг., ниже стр. 387).— Наведад — город на побережье Чили; о третичных отложениях близ Наведада см. наст. издание, т. 1, стр. 284.

[101] (Стр. 68). С Томасом Ливингстоном Митчеллом, ученым-топографом, работавшим в 1831—1836 гг. в Австралии, Дарвин познакомился в 1836 г. (см. Д. и., стр. 366) и нередко затем обращался к нему за справками относительно геологии, зоологии и ботаники Австралии.

[102] (Стр. 69). О бесхвостых кошках см. наст. издание, т. 4, стр. 132.— Малмсбери — город в графстве Уилтшир в центральной Англии.

[103] (Стр. 69). Джемс Саливен (1810—1890) — лейтенант на «Бигле» в 1831—1836 гг., близкий друг Дарвина. С декабря 1837 г. работал у западных берегов Африки, но вскоре ему была поручена гидрографическая съемка Фолклендских островов, где он пробыл до 1838 г. В 1837—1839 гг. Дарвин часто обращался к Саливену с просьбой о сборе для него геологических, зоологических и этнографических данных по Патагонии, Аргентине, Фолклендским островам и Огненной Земле (см. «Записную книжку» 1837—1838 гг. в этом томе, стр. 90—127, а также наст. издание, том 1, стр. 195, примечание).

[104] (Стр. 69). Уильям Дарвин-Фокс — см. примечания 75 к «Автобиографии», ниже, стр. 423.

[105] (Стр. 69). Уильям Яррелл (W. Yarrell, 1784—1856) — натуралист-любитель, автор ряда сочинений о британских рыбах и птицах, член нескольких научных обществ Англии. Много ссылок на данные Яррелла имеется в монографии Дарвина «Изменения домашних животных и культурных растений» (том 4 наст. издания).

[106] (Стр. 69). «Географический журнал» — это Journal of the Geographical Society of London. I том вышел в 1832 г. Дарвин имеет в виду напечатанную в этом томе (стр. 21—59) статью: N. Scott and R. Brown, Description of the Natives of King George Sound (Swan River Colony) and adjoining Country.

[107] (Стр. 69). «Гетерогамным или гомогамным», т. е. разнородным или однородным по составу своих наследственных признаков, или иначе говоря, обладает ли гибридное потомство признаками обоих родителей или только одного из них.

[108] (Стр. 69). Нижеследующие записи легко датируются декабрем 1838 г. В «Дневнике» (этот том, стр. 133) Дарвин указывает, что с 6 декабря до конца 1838 г. он был занят подыскиванием квартиры в Лондоне и что 31 декабря он въехал в снятый им дом на Аппер-Гауэр-стрит, 12. Очевидно, первая группа этих записей представляет собой список сдававшихся в аренду домов или квартир, а вторая — свидетельствует о хозяйственных заботах Дарвина по подготовке дома к переезду туда его молодой жены Эммы Веджвуд, что произошло в конце января 1839 г. после их свадьбы в Мэре — имении отца Эммы Джосайи Веджвуда.

[109] (Стр. 70). Мисс Гарриет Мартино (1802—1876) — английская романистка, одно время была в большой дружбе с братом Ч. Дарвина Эразмом Дарвином. Чарлз относился к мисс Мартино несколько иронически, что видно из его письма к сестре Сюзен от апреля 1839 г. (см. Ч. Дарвин, Путешествие на корабле «Бигль»: Письма и записные книжки. Москва, ИЛ, 1949, стр. 140—141).

[110] (Стр. 70). Джордж Байрон (1723—1786), английский моряк. Принимал участие в кругосветном плавании адмирала Ансона, в 1740 г. потерпел крушение и скитался по Патагонии; в 1764—1766 г. совершил кругосветное плавание, во время которого посетил Фолклендские острова. Дарвин имеет в виду описанный Байроном эпизод, свидетелем которого он был на Огненной Земле: женщина поднимает окровавленного умирающего ребенка, которого муж ее швырнул на камни за то, что тот уронил корзинку с морскими яйцами (т. е. морскими ежами, у которых удалены иглы; см. наст. издание, т. 1, стр. 185—186).

[111] (Стр. 70). Запись весьма неясная. Можно думать, что речь идет о введении животному какого-либо чужеродного белка. Во времена Дарвина ставились опыты по исследованию действия переливания крови животных человеку (Прево и Дюма, 1821; Диффенбах и Мюллер, 1838). Около 1839 г. Ф. Мажанди показал, что при впрыскивании кролику яичного белка вторая или третья инъекция вызывает смерть животного; этот опыт практически был открытием явления анафилаксии при инъекции чужеродного белка. Трудно, однако, сказать, что именно имел в виду Дарвин. Не усматривал ли он в этих опытах возможность биохимического доказательства более или менее близкого родства животных?

[112] (Стр. 70). Как известно, жир со ртутью химически не соединяется, но их можно растереть в тончайшую эмульсию, которую, быть может, во времена Дарвина и принимали за химическое соединение. То же может относиться к каучуку и графиту, причем в результате может происходить нечто, напоминающее вулканизацию каучука.

[ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПИСЕМ, АДРЕСОВАННЫХ ПРОФЕССОРУ ГЕНСЛО Ч. ДАРВИНОМ, ЭСКВАЙРОМ]

[1] (Стр. 71). Историю этого первого печатного труда Ч. Дарвина см. во вступительной статье к этому тому.

[2] (Стр. 71). Кембриджское философское общество, т. е. Общество кембриджских ученых-натуралистов, возникло на основе собраний, происходивших на дому у проф. Генсло на протяжении ряда лет по пятницам (см. «Воспоминания» Дарвина — этот том, стр. 193—195).

[3] (Стр. 71). Caryophyllia — род одиночных (т. е. не образующих колонии) шестилучевых рифообразующих кораллов.

[4] (Стр. 72). Скалы Св. Павла представляют собой группу из нескольких островков, а не единственную скалу.— Змеевик — метаморфическая горная порода, состоящая из серпентина, оливина, пироксена и магнетита; основной цвет — зеленый с пятнами различных оттенков: черные полосы придают ему сходство с змеиной кожей, откуда и название.

[5] (Стр. 72). Hydroporus и Hydrotus (ырялка и пеструшка) — роды из сем. Dytiscidae (плавунцов); Hydrobius (водожук) — род из сем. Hydrophyllidae (водолюбов); Pselaphus — род из сем. Clavigeridae (ощупников); Staphylinus — род из сем. Staphylinidae (хищников); Curculiones — жуки из сем. Curculionidae (слоников, или долгоносиков); Bembidion — род из сем. Carabidae (жужелиц.)

[6] (Стр. 72). Noterus — род жуков из сем. плавунцов.

[7] (Стр. 72). Свои наблюдения над этими планариями Ч. Дарвин опубликовал в 1844 г. в особой небольшой статье и в описании путешествия на «Бигле» (наст. издание, т. 1, стр. 33—34).

[8] (Стр. 72). Oscillatoria (=Oscillaria) — род сине-зеленых водорослей. Ср., однако, т. 1 (стр. 23) наст. издания — там Ч. Дарвин, посоветовавшись, очевидно по возвращении из путешествия со специалистами, указывает, что окрашивание моря в красный цвет вызывается не осциллаторией, а другой сине-зеленой водорослью — *Trichodesmium erythraeum.*

[9] (Стр. 74). В письме к сестре Каролине от 24 октября 1832 г. (см. Ч. Дарвин, Путешествие... Письма и записные книжки. Москва, ИЛ, 1949, стр. 59), написанном за месяц до настоящего письма к Генсло, Дарвин безоговорочно приписывает эти кости мегатерию. Из данного письма видно, однако, что его первоначальное (и вполне правильное) впечатление было, что это — кости гигантского ископаемого броненосца, и что он изменил свое мнение под влиянием каких-то «новейших наблюдений», утверждавших, будто мегатерий обладал панцирем. Во вступительной статье к этому тому мы указали, что этот ошибочный взгляд был развит Вейсом и Паришем в 1830 г. и Бёклендом в 1832 г. (и позже в его «Бриджуотерском трактате» — немецкий перевод: W. Buckland, Die Urwelt und ihre Wunder. Stuttgart, 1838, стр. 105—108), которые приписали мегатерию остатки панциря глиптодонта, найденные рядом с костями мегатерия близ Буэнос-Айреса и в других местах. Дарвин допустил аналогичную ошибку, ибо, судя по его описанию, найденный им череп в противоположность панцирю принадлежал не глиптодонту, а какому-то вымершему неполнозубому, сохранившему еще примитивный признак — удлиненные, выступавшие вперед носовые кости. Любопытно, что еще в начале 1837 г. Дарвин, а вслед за ним Ляйелл продолжали приписывать мегатериям панцирь (см. The London and Edinburgh Philos. Mag., т. X, стр. 404—405).

[10] (Стр. 74). «Гигантский вид грызунов» — это, вероятно, токсодон. Приводимый здесь Дарвином список костей ископаемых ср. с более уточненным списком и описанием в «Дневнике изысканий» (наст. изд., т. 1, стр. 76—80 и примечание на стр. 574).

[11] (Стр. 74). Эта птица — *Tinochorus rumicivorus*. См. наст. издание, т. 1 (стр. 88—89 и примечание 65 на стр. 574). У. Мак-Лей — англ. зоолог (см. примечание 32 к «Записной книжке» 1837—38 гг., этот том, стр. 388).

[12] (Стр. 74). Bipes — букв. «двуног», старинное название двуходковых ящериц (амфисбенид), ряд родов которых, в частности обитающих в тропической Южной Америке, обладают только более или менее недоразвитыми передними конечностями. Какой именно вид нашел Дарвин, трудно сказать, так как в «Дневнике изысканий» упоминание о двуходке отсутствует. Фр. Дарвин, воспроизводя это письмо (M. L., т. I, стр. 11—14), слова «красивую Bipes» исключил из текста письма.

[13] (Стр. 74). О ядовитой змее Trigonocephalus, которая сочетает повадки гремучей змеи (Crotalus) и гадюки (Vipera, у Дарвина ошибочно Viperus), см. наст. издание, т. 1, стр. 90—91.

[14] (Стр. 75). Об этой «дьявольской жабе» см. там же, стр. 91. Приводимые Дарвином слова взяты им из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (кн. IV, стр. 799—800): «Him there they found, squat like a toad, close at the ear of Eve» (т. е. «Здесь они [ангелы] увидели его [сатану], который жабой распластался подле уха Евы»). Напомним, что поэма Мильтона была любимым поэтическим произведением Дарвина, — маленькое издание поэмы он всегда носил с собою в кармане во время экскурсий по Южной Америке (см. этот том, стр. 204).

[15] (Стр. 75). О зоофитах см. наст. издание, т. 1, стр. 574, примечание 69.

[16] (Стр. 75). Flustra — род мшанок, знакомый Дарвину со времен Эдинбурга. См. этот том, стр. 3—4, 185.

[17] (Стр. 76). Zoëa — личиночная стадия высших раков; эти личинки являются планктонными организмами, более или менее длинные шипы на головогруди служат для поддержания тела в воде. Судя по описанию Дарвина, найденная им zoëa значительно отличалась от типичной zoëa десятиногих раков: ее крайне укороченное тело свидетельствует о том, что у нее остались неразвитыми брюшные членики (абдомен), а такая zoëa типична для ротоногих раков (Stomatopoda). Дарвин совершенно правильно связал найденную им zoëa с Erichtus, однако последний не является самостоятельной взрослой формой, как думали во времена Дарвина, а представляет собой также личиночную стадию (так называемая эрихтоидная личинка) ротоногих, следующую за zoëa.

[18] (Стр. 76). Ср. Д. и. (наст. издание, т. 1, стр. 142).

[19] (Стр. 76). См. об этом ниже, в письме от 24 июля 1834 г. (стр. 79), где Дарвин сообщает, что ему «удалось подметить кое-что, относящееся к способу размножения... кораллин».

[20] (Стр. 76). Terebratula — род плеченогих (Brachiopoda). Наличие известковой раковины делает их похожими на двустворчатых моллюсков, к которым их ошибочно и относили во времена Дарвина.

[21] (Стр. 76). Энтрохиты — окаменелые членики стебля ископаемых стебельчатых морских лилий.

[22] (Стр. 76). Залив Св. Иосифа — бухта на атлантическом побережье Патагонии под 42° ю. ш.

[23] (Стр. 77). Тьерра: вероятно, опечатка. Должно быть: Сьерра, т. е. горная цепь.

[24] (Стр. 77). Речь идет о зубе токсодона, найденном Дарвином в провинции Санта-Фе на реке Каркарана — притоке реки Терсеро.

[25] (Стр. 78). «Ужасная форма, родственная Flustra» — какой-то вид мшанок из сем. Chilostomidae, авикулярии которых сильно поразили Дарвина. См. наст. издание, т. 1, стр. 173—174 и примечание 121 там же.

[26] (Стр. 78). *Struthio ostrea* — несомненная описка Дарвина, почему-то не исправленная Генсло. Должно быть, конечно, *Struthio rhea.* В настоящее время этот вид нанду (северопатагонского, или лаплатского страуса) носит название *Rhea americana.*

[27] (Стр. 79). Речь идет о третьем томе «Основ геологии» Ч. Ляйелля, вышедшем в свет в 1833 г. и полученном Дарвином в 1834 г. во время его пребывания в Чили.

[28] (Стр. 79). Sertularia — род гидроидных полипов из группы калиптобластей (или кампанулярий).— Ламуру — см. примечание 12 к «Эдинбургской записной книжке» (этот том, стр. 370).

[29] (Стр. 79). Дарвин, считавший, что он «видел уже достаточно много», чтобы убедиться в крайней искусственности группы кораллин, был совершенно прав: для него было ясно глубокое различие между двумя главными группами животных — гидроидными полипами и мшанками, которые в то время во всех системах животного мира объединялись под именем кораллин (см. ниже примечание 32, а также примечания 37 и 121 к 1 тому наст. издания).— «Раковинные животные» («Testacea») в системе Линнея составляли один из «отрядов» «червей» и охватывали беспозвоночных животных, обладающих известковой или другого рода раковиной; сюда входили все моллюски с раковиной, наутилус (из головоногих), усоногие раки, морские ежи, одноклеточные с раковинкой и многие другие животные. Дарвин говорит, следовательно, что группа кораллин столь же искусственна, какой была группа «раковинных животных», и так же должна быть реорганизована.

[30] (Стр. 79). Lobularia — отброшенное в настоящее время, старинное название Alcyonium (рода восьмищупальцевых коралловых полипов). Дарвин был, вероятно, знаком с этим видом по работе Р. Гранта о «*Lobularia digitata* Lam. =*Alcyonium lobatum* Pall.», напечатанной в Brewster Edinburgh Journal of Science, № XV, стр. 104, январь 1828 г.

[31] (Стр. 79). Cellaria — род мшанок, близкий к роду Flustra (подотряд Chilostomata).

[32] (Стр. 80). Из установленного Кювье типа Zoophyta, или лучистых (Animalia radiata), Мильн-Эдвардс исключил мшанок, которых присоединил к моллюскам в качестве низшего их подразделения. Несмотря на это, некоторые зоологи еще долго (например, Р. Оуэн вплоть до 1855 г.) продолжали относить мшанок (как и всю группу кораллин) к лучистым.

[33] (Стр. 80). Джон Нарборо (Narborough, ум. в 1688 г.), англ. мореплаватель, обследовавший в 1669—1671 гг. берега Патагонии и Магелланова пролива.— «Луканоидное насекомое», т. е. жук из семейства рогачей (Lucanidae). Дарвин имеет в виду статью Дж. Стивенса: Description of *Chiasognathus Grantii,* a new Lucanideous Insect, etc., by J. S. S t e p h e n s. Trans. Camb. Soc., vol. IV, p. 209, 1833.

34 (Стр. 80). Клод Гэ (Gay, 1800—1873), французский натуралист, изучавший Чили, остров Хуан-Фернандес и Чилоэ. См. Alex. Brongniart, Rapport fait à l'Académie Royale des Sciences, sur les travaux géologiques de M. Gay. Ann. Sci. Nat., t. XXVIII, p. 194, 1833.

35 (Стр. 81). Перечисленные виды мелких жучков (в частности ощупник, горбатка, скрытник, грязевик и др.) очень похожи на соответствующие английские виды, что, по-видимому, и вызвало восклицание Дарвина: «Я мог бы почти вообразить себе, что я коллекционирую в Англии».

36 (Стр. 81). Этот найденный Дарвином у побережья архипелага Чонос (Южное Чили) вид усоногих раков, просверливающий раковину *Concholepas peruviana* и поселяющийся в ней, был назван им *Cryptophialus minutus* (см. наст. издание, т. 2, стр. 76—81 и примечание 54). Именно этот аномальный вид, открытый Дарвином, вызвал у него интерес ко всему отряду и привел к написанию им монографии об усоногих раках.

37 (Стр. 82). В примечании к этому слову Генсло (в издании 1835 г., стр. 24) ставит вопрос: «of dykes?» (дайк?).

38 (Стр. 83). Gryphaea и Ostrea (устрица) — два рода сем. Ostreidae (устрицы); Turritella — род брюхоногих моллюсков; Terebratula — род плеченогих (см. выше примечание 20). Некоторые из перечисленных форм были по просьбе Дарвина определены Альсидом д'Орбиньи (см. C. Darwin, Geological Observations. 3-е англ. изд., Лондон, 1891, стр. 490; 1-е изд., стр. 181).

39 (Стр. 84). В «Geological Observations» (3-е изд., стр. 327; 1-е изд., стр. 202) Дарвин пишет: «Одиннадцать из этих деревьев окремнели и хорошо сохранились: м-р. Р. Броун любезно исследовал отполированные пластинки [шлифы] древесины; он говорит, что это — хвойные, обладающие общими признаками с трибой араукариевых и некоторыми признаками родства с тиссом».

40 (Стр. 85). По поводу красного снега см. «Дневник изысканий» (наст. издание, т. 1, стр. 268 и примечание 176) и «Записные книжки» 1832—1836 гг. (этот том, стр. 52 и примечание 73 на стр. 376).

41 (Стр. 86). Гэ — см. выше примечание 34. Приводя эту цитату из статьи Гэ. Дарвин в то время (в апреле 1835 г.) считал, по-видимому, вполне убедительными и приемлемыми развиваемые в ней воззрения: в пределах каждой большой группы животного мира природа сохраняет единый план строения и развития, однако под влиянием тех или иных условий среды могут возникать несущественные отклонения от плана, в принципе не нарушающие единство плана. Таким отклонением является в данном случае живорождение у амфибий и рептилий, связанное, как думает Гэ, с выпадением («гиатусом») под воздействием климатических условий одного звена в цикле индивидуального развития, а именно — развития яиц вне тела матери.

42 (Стр. 86). Это описание двух различных видов дикого картофеля, распространенных в «совершенно противоположных» по своей природе районах Южной Америки (один в сыром и прохладном климате архипелага Чонос, другой в безводных пустынных предгорьях восточных Анд), снова иллюстрирует интерес Дарвина к различиям между очень близкими формами, обитающими в разных географических условиях (см. вступительную статью к этому тому).

[ДВЕ КАРАНДАШНЫЕ ЗАМЕТКИ]

1 (Стр. 87). Эти две заметки, впервые полностью опубликованные Н. Барло в 1958 г. в «Приложениях» к изданному ею полному тексту «Автобиографии» Ч. Дарвина «The Autobiography of Charles Darwin», 1809—1882. With. original omissions restored. Edited with Appendix and Notes by Nora Barlow. Лондон, 1958. Стр. 231—234) представляют большой интерес прежде всего как психологический документ, характеризующий отношение молодого Дарвина к вопросу о браке и выборе жизненного пути. Первая из двух заметок интересна, кроме того, в том отношении, что Дарвин намечает в ней круг научных проблем и областей, которые занимали его в самом начале научной деятельности. В высшей степени примечательно, что наряду с геологией, зоологией (в первую очередь — проблемы географического распространения и «сродства» животных) и вопросом

происхождении видов Дарвин — в качестве одного из возможных предметов своих исследований — ставит вопрос о «низших формах жизни», о микроскопическом исследовании их, о физиологических наблюдениях над низшими животными. Если сопоставить эти замечания с записями Дарвина в его «Записной книжке» 1837 г. (стр. 18 и 22 рукописи Дарвина — см. этот том, стр. 94) о первичных монадах и их возможном самопроизвольном зарождении, которое, быть может, имеет место и в настоящее время, кажется вероятным, что в начале своей деятельности Дарвин питал интерес к проблеме происхождения жизни. Надо думать, однако, что он уже очень скоро пришел к заключению, что при состоянии науки в его время заниматься этим вопросом — дело бесплодное, и нам теперь понятно, как глубоко прав он был и почему он хранил полное молчание по этому вопросу, несмотря на то, что его критики не раз упрекали его за то, что в своих сочинениях, прежде всего в «Происхождении видов», он не коснулся этой проблемы.

Барло, исходя из того, что одна из двух заметок написана Дарвином на обороте письма, адресованного ему на Грейт-Мальборо-стрит, 36, где Дарвин жил с 13 марта 1837 г. до конца декабря 1838 г., полагает, что обе заметки были написаны в 1837 или 1838 г. Нам кажется, что дату заметок можно установить точнее. В первой из них Дарвин, говоря о происхождении видов, пользуется термином «transmission» (т. е. «переход» одних видов в другие). В «Записной книжке» 1837—38 гг., начатой им в июле 1837 г., мы этого термина не находим, а в своем «Дневнике», в июльской записи 1837 г., Дарвин назвал эту записную книжку «Первой записной книжкой о *трансмутации* видов» (см. этот том, стр. 90). Достаточно очевидно, что нахождение более удачного и точного термина «трансмутация», происшедшее в июле 1837 г., и исчезновение термина «трансмиссия» во всех дальнейших записях Дарвина говорят о том, что термин «трансмиссия» является более ранним и, следовательно, рассматриваемая заметка была написана Дарвином до июля 1837 г. С другой стороны, отвлеченный характер рассуждений Дарвина о будущей его жене говорит о том, что Дарвин не остановил еще своего выбора на определенном лице. Между тем, начиная с июня 1837 г., Дарвин несколько раз подолгу гостил в Мэре, имении своего дяди Джосайи Веджвуда, и именно в это время, надо думать, началось его сближение с его двоюродной сестрой Эммой Веджвуд, закончившееся официальным предложением 11 ноября 1838 г. и свадьбой 29 января 1839 г. Следовательно, обе заметки должны были быть написаны до июня 1837 г. и скорее всего через короткое время после 13 марта этого года, когда Дарвин поселился в Лондоне в мрачной квартире на Грейт-Марльборо-стрит. Не унылая ли обстановка его холостой квартиры навела его на мысль о необходимости жениться и заставила обстоятельно взвесить все pro и contra?

[ПЕРВАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА О ТРАНСМУТАЦИИ ВИДОВ]

[1] (Стр. 90). Как видно из фотографии титульной страницы «Записной книжки» (этот том, стр. 91). Дарвин надписал на ней лишь свою фамилию, но никак не озаглавил ее. Данное нами заглавие основано на записи Дарвина в его «Дневнике», сделанной в июле 1837 г. (этот том, стр. 131): «В июле начал первую записную книжку о трансмутации видов». Поскольку «Записная книжка» 1837—38 гг. в подлиннике не опубликована, мы указываем в переводе (в квадратных скобках) номера страниц рукописи Дарвина; следует при этом иметь в виду, что номер страницы предшествует ее тексту. О публикации рукописи и особенностях ее перевода см. вступительную статью к этому тому.

[2] (Стр. 90). Эти две даты, написанные Дарвином поперек титульной страницы «Записной книжки», представляют большой интерес. Френсис Дарвин, публикуя в 1887 г. известные извлечения из этой «Записной книжки» (см. наст. издание, т. 3, стр. 75—78), указывает в примечании (L. L., т. II, стр. 5), что «многие страницы... были вырезаны, вероятно, для использования их при написании „Очерка“ 1844 г.» и что именно эти страницы «содержали, без сомнения, наиболее интересные отрывки». Однако сам Дарвин указывает, как видно из его записи, что «все полезные страницы» были вырезаны им 7 декабря 1856 г.; правда, год добавлен им (в косых скобках), по-видимому позднее (быть может, в 1873 г.) по памяти. Но с другой стороны, «Очерк» 1844 г. был написан Дарвином в первой половине года (см. этот том, стр. 135), а «Очерк» 1842 г.— летом этого года (там же); между тем, как хорошо известно (см. этот том, стр. 139), в середине мая 1856 г. Дарвин приступил к писанию своего большого труда о видах, причем к

середине декабря он уже закончил третью главу его и часть главы о географическом распределении. Кажется поэтому вполне вероятным, что Дарвин не ошибся, указывая 1856 г. как дату, когда он вырезал из «Записной книжки» 1837—38 гг. страницы, содержавшие данные, необходимые ему для окончательного, как он думал тогда, труда о происхождении видов. Что касается даты 21 апреля 1873 г., то согласно «Дневнику» (этот том, стр. 147) Дарвин был занят в это время постановкой экспериментов, которые должны были выяснить, приводит ли скрещивание к получению здорового и плодовитого потомства, и в связи с этим, возможно, решил вновь пересмотреть свои старые материалы, в частности и «Записную книжку» 1837—38 гг., которая действительно содержит, как мы увидим в дальнейшем, некоторые данные по этому вопросу.— Страницы рукописи «Записной книжки» (кроме заглавной) перенумерованы рукой Дарвина, но из перенумерованных 281 страницы 63 отсутствуют, причем, как можно судить по микрофильму рукописи, 56 страниц вырезаны (сохранились корешки отрезанных страниц), а 7 не были использованы Дарвином для записей. Эти пустые и вырезанные страницы отмечены в соответствующих местах перевода; отдельные слова и обрывки фраз, сохранившиеся кое-где на корешках отрезанных страниц, переведены.

[3] (Стр. 90). Этот ряд чисел написан рукою Дарвина и затем перечеркнут волнистой линией (см. фотографию на стр. 91). По-видимому, это — заинтересовавшие Дарвина страницы какой-то книги. «107-Ирландия» — ср. стр. 7 и 80 рукописи Дарвина (этот том, стр. 92 и 102).

[4] (Стр. 90). Номер журнала Athenaeum, о котором идет речь на стр. 235 рукописи Дарвина (этот том, стр. 123), датирован 24 февраля 1838 г. Следовательно, эта страница была написана не в конце января, а не раньше конца февраля, и можно считать, что первые 235 страниц были написаны с июля 1837 до марта 1838 г. Остальные же немногочисленные страницы «Записной книжки» были написаны скорее всего в марте или во всяком случае не позднее июня 1838 г., ибо весь этот год, как видно из «Дневника» (этот том, стр. 132—133), Дарвин был очень занят другими работами и только в феврале и июне уделил некоторое время работе над проблемой о происхождении видов.

[5] (Стр. 90). Зоономия — законы жизни или законы животной жизни (от греческих слов: zoë — жизнь или zoon — животное и nomos — закон). Этим словом Эразм Дарвин, дед Чарлза Дарвина, озаглавил свой медико-биологический трактат, опубликованный в четырех томах в 1794—1796 гг.: «Зоономия, или законы органической жизни» (Zoonomia, or the Laws of Organic Life). Очевидно, приступая к своим записям по вопросу о трансмутации видов, Чарлз Дарвин счел заглавие труда своего деда вполне подходящим в качестве заглавия тех материалов, которые он намеревался включить в свою «Записную книжку». То обстоятельство, что на первых страницах «Записной книжки» он дважды ссылается на «Зоономию» деда (см. ниже), показывает, как нам кажется, что, приступая к своей работе, он перечитал труд деда и использовал ряд его положений в качестве исходных для развиваемых им далее мыслей об историческом развитии организмов.

[6] (Стр. 90). «Одновозрастный [coeval] тип образования потомства». Дарвин понимает под этим термином все типы вегетативного (бесполого или однополого) размножения. Термин «одновозрастный» вплоть до середины XIX в. встречался в ботанической и и зоологической литературе в следующем, по-видимому, смысле: «При несовершенном [т. е. неполном] делении [ведущем к образованию колоний]... все вновь образующиеся разветвления в сущности представляются только непосредственными продолжениями общего ствола, а потому все имеют одинаковый возраст, хотя различные деления происходят в различное время и особи могут представлять большее или меньшее развитие» (Х. Г. Бронн, Руководство к зоологии. Перевод и дополнения А. П. Богданова. Т. 2, вып. 1, стр. 52. М., 1861).

[7] (Стр. 90). «Первичная молекула» (original molecule) — Дарвин иногда пользуется этим термином (по-видимому, под влиянием «Зоономии» деда и известного представления Бюффона об «органических частицах») для обозначения простейших первичных организмов, являющихся исходными для всего органического мира. С другой стороны, в эмбриологии 20—30-х годов XIX в. термином «молекула» обозначали иногда шары дробления яйца (М. Рускони, 1826; К. Бэр,

1834).— Ссылка на «Зоономию» имеет в виду том I, главу XXXIX (О произрождении), разделы I—IV.

[8] (Стр. 92). Ссылка на «Зоономию» имеет в виду том I, главу XVI (Об инстинкте), раздел XI.

[9] (Стр. 92). В подлиннике: «Therefore final cause of life».

[10] (Стр. 92). Две фразы этой записи следовало бы, очевидно, разделить точкой, а не точкой с запятой, как у Дарвина.— «Благодетельным для человека»: надо полагать, в том смысле, что близкородственные браки своей вредностью предупреждают человека о недопустимости их.

[11] (Стр. 92). См. «Философию зоологии», т. I, гл. 3 (М., Биомедгиз, 1935 или М., АН СССР, 1955), где Ламарк, в частности, говорит: «Повторяю: чем богаче делаются наши коллекции, тем больше получаем мы доказательств в пользу того, что везде имеются более или менее постепенные переходы, что резкие различия исчезают, и природа чаще всего предоставляет в наше распоряжение в качестве отличительных признаков одни мелочные и в некотором роде ребяческие особенности... Только тот, кто долго и усиленно занимался определением видов и обращался к богатым коллекциям, может знать, до какой степени виды среди живых тел сливаются одни с другими, мог убедиться, что там, где мы видим обособленные виды, в действительности недостает только ближайших к ним — еще не найденных видов» (изд. 1935 г., стр. 59—60).

[12] (Стр. 92). Джон Эдуард Грей (J. E. Gray, 1800—1875) — видный англ. зоолог, морфолог, систематик и фаунист, с 1840 г. заведовал зоологическим отделом Британского музея, где создал величайшую для того времени в Европе зоологическую коллекцию. Особенно важны работы Грея по морфологии и систематике моллюсков, насекомых и птиц. В 1830-х гг. широкой известностью пользовалось его сочинение «The Zoological Miscellany» (6 частей, Лондон, 1831—1844).

[13] (Стр. 92). Смысл этой фразы заключается, очевидно, в следующем: Различие между видами по любому признаку продолжает исчезать (to vanish) по мере пополнения коллекций или по мере изученности видов, входящих в состав данного рода.

[14] (Стр. 93). Дарвин имеет в виду, вероятно, следующее положение Альфонса Декандоля, сформулированное во «Введении в изучение ботаники» 1837 г. (Alphonse de Candolle, Introduction a l'étude de la botanique, ou Traité élémentaire de cette science. Bruxelle, 1837): «Не следует забывать, однако, что несмотря на некоторое сходство, растения из стран, очень отдаленных друг от друга, редко принадлежат к одним и тем же родам и еще гораздо более редко — к одним и тем же видам». Наличие сходных родов в отдаленных друг от друга странах Декандоль объяснял сходством их климатических условий. (Ср. также: А. Декандоль, Введение в изучение ботаники. Перевод И. Шиховского. М., 1838, т. 2, стр. 389—391). Ср. стр. 60 рукописи Дарвина (этот том, стр. 100), где Дарвин говорит о генетической связи сибирских и североамериканских видов одного и того же рода.

[15] (Стр. 94). «Монады» — в системе «инфузорий» Х. Г. Эренберга, а также некоторых его предшественников в XVIII в. (Оттон Мюллер) мельчайшие организмы, описывавшиеся то как «точки», то как стоящие на грани микроскопического видения шарики. Можно не сомневаться, что это не что иное, как кокки в нашем понимании слова. Дарвин, как видно из этой записи, склонен допустить, что монады возникают в природе постоянно, что в одинаковых условиях они (как в настоящем, так и в прошлом) совершенно однородны, но в изменяющихся условиях среды могут дать начало другим, более высокоорганизованным существам. Эренберг, как известно, решительно отрицал возможность как самопроизвольного зарождения, так и исторического (эволюционного) развития организмов. Не трудно видеть поэтому, что на вопрос Дарвина Эренберг ответил бы отрицательно.

[16] (Стр. 94). Р. Оуэн уже в 1830-х годах говорил о «совершенствовании» организмов, понимая под ним «уклонения» от постулированного им «архетипа». Эти «уклонения» вызываются и направляются некой «врожденной тенденцией», которая по существу своему весьма близка к «внутреннему принципу совершенствования» Ламарка.— Terebratula — род вымерших и современных плеченогих (см. также примечание 20 на стр. 382).

[17] (Стр. 94). О монадах см. выше примечание 15.

[18] (Стр. 96). Томас Белл (Th. Bell, 1792—1880) — видный английский зоолог, сотрудничал с Дарвином, обработав материалы для 5 тома (рептилии) «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“». Дарвин, вероятно, имеет здесь в виду его труд «A History of British Quadrupeds» (Лондон, 1837).— Леонард Дженинс (L. Jenyns, 1800—1893) — английский зоолог, друг и сотрудник Дарвина, обработал для указанного сочинения материалы для 4 тома (рыбы). Здесь Дарвин, вероятно, имеет в виду его труд «A Manual of British Vertebrated Animals» (Кембридж, 1835).

[19] (Стр. 96). Рене Лессон (René Lesson, 1794—1849) — известный французский натуралист, участник кругосветного плавания на судне «Coquille» в 1822—1825 гг. Результаты экспедиции были опубликованы ее начальником Дюперре в шести томах (Duperrey, Voyage autour du monde... sur... la Coquille pendant... 1822—1825), из которых два, написанных Лессоном, Гарно и Гереном, посвящены зоологии.

[20] (Стр. 96). Эндрю Смит (Andrew Smith, 1797—1872) — английский зоолог и путешественник по Южной Африке. Его описание животного мира Южной Африки («Illustrations of the zoology of South Africa») начало выходить в 1838 г. Приводимые Дарвином взгляды и данные Смита были, вероятно, получены им от Смита, с которым он часто встречался в Лондоне, непосредственно. В Африке Смит пробыл с 1834 по 1836 год, и в 1837 г. вернулся в Лондон.

[21] (Стр. 96). Новая Испания — старинное название испанского вице-королевства, включавшего юго-запад Северной Америки, Мексику, Центральную Америку, север Панамы и Вест-Индские острова.— Дарвин имеет в виду соответствующую часть знаменитого описания путешествия Гумбольдта и Бонплана в экваториальную Америку (см. примечание 87 к «Воспоминаниям», этот том, стр. 424).

[22] (Стр. 96). C. D.—, вероятно, Чарлз Дарвин. Эти буквы написаны рукой Дарвина над строкой, можно предположить — с целью указать, что сведение относительно племен Огненной Земли принадлежит не Смиту, а Дарвину.

[23] (Стр. 97). Mem. = Memento (лат.) — помни, запомни.

[24] (Стр. 97). В первом случае у Дарвина отчетливо написано monuclè, во втором — monucule. Это непонятное слово (не искаженное ли греческое слово monocaulos — имеющий один стебель?) здесь, по-видимому, должно означать мельчайшие самостоятельные веточки, т. е. виды или еще более мелкие подразделения, ответвляющиеся от одной общей ветви.

[25] (Стр. 97). Petise — (Avestruz petise) — местное название южнопатагонского страуса (нанду Дарвина).

[26] (Стр. 97). Orpheus = Nesomimus — галапагосский род южноамериканских дроздов-пересмешников.

[27] (Стр. 97). «В противоположность тому, что *могло бы казаться* на основании [данных] Америки». Размышляя над вопросом о причинах вымирания в Южной Америке гигантских третичных млекопитающих, Дарвин решительно отвергал распространенное в то время представление о катастрофическом изменении физико-географических условий в послетретичное время, чтó якобы и привело к вымиранию этих животных, которые не могли больше существовать в новых степных и полупустынных условиях, возникших в Патагонии. Он считал, что в общем условия почти не изменились,— именно вследствие этого Дарвин, как мы уже знаем (см. вступительную статью), первоначально отрицал какую бы то ни было роль условий среды в изменении организмов. Теперь, придя уже к ясному пониманию того, что вопрос о видообразовании не может быть решен без учета взаимоотношения организмов со средой, он говорит, что «данные Америки» только видимо противоречат развиваемому им положению о приспособленности или неприспособленности организмов к условиям среды. См. также стр. 62 «Записной книжки» 1837—38 гг. (этот том, стр. 100) и наст. издание, том 1, стр 151—154 и 80—84, 117—119.

[28] (Стр. 97). У Дарвина: «any *type* of their existence», т. е. «какой-либо *тип* их существования».

29 (Стр. 97). У Дарвина: «only *each* species», т. е. только каждый вид».

30 (Стр. 98). Членистые (Articulata) — один из четырех типов в системе животного царства, предложенной Кювье в 1812 г. В состав «Членистых» Кювье включал из числа беспозвоночных принятые в настоящее время в зоологии типы кольчатых червей (Annelida) и членистоногих (Arthropoda).

31 (Стр. 98). Cuidádo! (исп.): Берегись! Будь на стороже!

32 (Стр. 98). «Квинарная система» — система, претендовавшая на роль «естественной» и клавшая в основу всех подразделений (от высших до низших) животного царства число пять. Наряду с квинарной существовали аналогичные системы, принимавшие вместо 5 числа 3, 4, 7. Основателем квинарной системы, получившей широкое распространение в Англии в 20—30-х годах прошлого века, является английский энтомолог Уильям Шарп Мак-Лей (или Маклей, W. S. MacLeay, 1792—1865), изложивший ее в сочинении «Horae Entomologicae, or Essays on the Annulose Animals» (ч. 1 и 2, Лондон, 1819 и 1821) и в статье «Remarks on the Identity of certain general Laws which have been lately observed to regulate the natural Distribution of Insects and Fungi» (Transactions of the Linnean Society, т. XIV, ч. I, стр. 46—68). Взгляды Мак-Лея нашли продолжателей в лице ботаника Фриса, зоологов Вигорса, Суэйнсона, Кирби, Уэствуда, Флеминга, Ньюмена, Стрикленда. Особенно горячо пропагандировал и популяризовал их Суэйнсон в работе «Treatise on the Geography and Classification of Animals» (Лондон, 1835). И. В. Карус в своей «Истории зоологии» («Geschichte der Zoologie», 1872, стр. 674—676) следующим образом формулирует основные положения системы Мак-Лея: «Животное царство представляет собою в себе самом замыкающийся кругообразный ряд; только такие кругообразные ряды и должно рассматривать как естественные группы; существует пять больших главных кругов животных; эти большие круги связываются друг с другом при помощи пяти меньших (соприкасающихся) кругов; одна из пяти больших групп, на которые подразделяется каждый из больших кругов, обладает сходством со всеми остальными группами и вместе с тем представляет свой собственный тип. Последнее положение вынуждает, естественно, усиленно отыскивать известное количество аналогичных сходств, и Мак-Лею часто ставилось в заслугу то, что именно он обратил внимание на различие между аналогией и подлинным родством. Тем не менее он сам ссылается на Фриса, который в своей системе грибов отмечал аналогии наряду с родственными отношениями, а также на Линнея, который рассматривал как аналогичные формы попугаев и обезьян, хищных птиц и хищных зверей, и на Фойта, сравнивавшего куриных с жвачными и т. д. Система Мак-Лея, как по форме, так и по сущности представляет собой одну из самых искусственных систем и при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем безудержной игрой фантазии» (характеристику системы Мак-Лея см. также в статье проф. Л. А. Зенкевича «История системы беспозвоночных» в «Руководстве по зоологии» т. I, стр. 14—16, М.— Л., 1937). Суэйнсон сводил квинарную систему к тринарной, искусственно связывая число 3 в подразделениях животного мира с «тремя стихиями» — водой, сушей и воздухом. Уже при своем появлении числовые циклические системы как системы крайне искусственные и мистические подвергались критике со стороны многих авторов. Так Х. Э. Стрикленд (H. E. Strickland, 1811—1853, орнитолог) принимал квинарную систему лишь со значительными оговорками. Развернутую критику системы Мак-Лея и Суэйнсона дал П. Райлендс (P. Rylands) в статье «On the Quinary, or Natural, System of M'Leay, Swainson, Vigors) (Loudon's Magazine of Nat Hist., т. IX, 130—38 и 175—182, 1836). Как видно из данного и других мест «Записной книжки» 1837—38 гг., Дарвина в квинарной, тринарной и других подобных системах привлекало подчеркивание аналогичных сходств, возникающих у далеких в генетическом отношении групп организмов при обитании в одинаковых условиях среды. В «Происхождении видов» он писал (наст. издание, т. 3, стр. 617): «Так как виды различных классов часто приспособляются путем последовательных незначительных изменений к жизни в приблизительно одинаковых условиях,— например, к жизни в одной из трех сред — на суше, в воздухе или в воде,— то, быть может, нам удастся на основании этого понять, почему иногда наблюдается параллелизм в числе подгрупп различных классов. Натуралист, сталкиваясь с параллелизмом подобного рода, произвольным увеличением или уменьшением значения групп в разных классах (а весь наш опыт говорит нам, что установление этого значения все еще совершенно про-

извольно), может легко расширить этот параллелизм, и отсюда, по всей вероятности, произошли различные системы классификаций, в основу которых положены параллельные деления на три, на четыре, на пять, на семь и т. д.». Добавим, что в начале 1837 г. Мак-Лей советовал Дарвину придерживаться при публикации зоологических результатов путешествия на «Бигле» некоего «единообразного плана» (L. L., т. I, стр. 281) — не имел ли он в виду свою квинарную систему?

33 (Стр. 98). Здесь речь идет о квинарной или о семиричной системе в применении к птицам. Элиас Фрис (E. Fries), 1794—1878, шведский ботаник, последователь Линнея; построил систему грибов, близкую по идее к квинарной системе Мак-Лея.— Эдвард Ньюмен (Edward Newman), 1801—1876, известный англ. зоолог (энтомолог и орнитолог), в 1837 г. опубликовал статью: «Further observations on the Septenary system» (Entomological Magazine, т. IV, стр. 234—251, 1837).

34 (Стр. 98). У Дарвина: «hereditary taint». Буквально слово «taint» означает: порча, зараза, пятно, пропитывание, заражение чем-нибудь плохим, вредным, грязным.

35 (Стр. 98). Цитата взята Дарвином из статьи «Observations on the Coast of Arabia between Ràs Mohamed and Jiddah», by Lieutenant R. Wellsted (The Journal of the Royal Geograph. Society, т. VI, стр. 51—96, 1836).

36 (Стр. 99). У Дарвина последнее слово («cli...») недописано.

37 (Стр. 99). Имеется в виду одна из двух работ Джона Гульда (1804—1881, — см. также примечание 97 к «Записным книжкам» 1832—1836 гг. выше стр. 379): 1. The birds of Australia and the adjacent islands (ч. I, 1837, ч. II, 1838, Лондон); 2. A synopsis of the birds of Australia etc. (ч. I—II, январь 1837, ч. III—IV, апрель 1838, Лондон).

38 (Стр. 99). У Кювье нет, как известно, сочинения под названием «Теория Земли». Дарвин, очевидно, имеет в виду знаменитую работу Кювье «Discours sur les révolutions de la surface du Globe», появившуюся впервые в 1812 г. как введение к труду Кювье «Recherches sur les Ossemens fossiles de Quadrupèdes». Русский перевод с 6-го французского издания 1830 г. был издан акад. А. А. Борисяком: Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара, М.— Л., Биомедгиз, 1937.

39 (Стр. 99). Г. П. Дезайе (G. P. Deshayes) — видный французский зоолог и палеонтолог, во времена Дарвина — крупнейший специалист по ископаемым и современным моллюскам, в 1835—1845 гг. выпустил вместе с Мильн-Эдвардсом второе, переработанное и дополненное издание «Естественной истории беспозвоночных животных» Ламарка. В докладе о третичных моллюсках Крыма из рода Cardium, прочитанном 17 апреля 1837 г. на заседании Французского геологического общества (Bulletin de la Société Géologique de France, т. XVIII, стр. 215—218, Париж, 1836—37), Дезайе подчеркивает чрезвычайно большой диапазон изменчивости раковины у ископаемых представителей рода и высказывает мысль, что эти модификации, или вариететы, жившие на протяжении длительного геологического времени в различных условиях среды, возникли под действием температуры, глубины бассейна, характера дна, состава воды и пр. Модификации эти можно расположить в виде почти непрерывного ряда с едва заметными переходами от одной к другой, причем крайние члены ряда смыкаются, и таким образом весь ряд приобретает вид замкнутого круга. Дезайе и определяет вид как подобный замкнутый круг форм. Если, заявляет Дезайе, иногда говорят, что один вид переходит в другой, то это объясняется только тем, что ряд не вполне полон и некоторые звенья отсутствуют. Очевидно, следовательно, что, допуская широкую внутривидовую изменчивость под влиянием условий среды, Дезайе принимал идею полной независимости одних видов от других. Восторженное восклицание Дарвина относится, конечно, к первому положению Дезайе, но не ко второму.

40 (Стр. 99). Джон Маккалох (J. MacCulloch, 1773—1835) — крупный англ. геолог. В Quart. Journ. of Science за 1823, 1825 и 1827 годы имеется ряд его статей о рыбах. Какую статью имеет в виду Дарвин, нам не удалось установить.

[41] (Стр. 99). Куа и Гэмар (J. B. C. Quoy, 1790—1869; J. P. Gaimard, 1790—1858) — французские натуралисты. По поводу фолклендского кролика «французских натуралистов» Дарвин писал в «Дневнике изысканий» (наст. издание, т. 1, стр. 167): «Французские натуралисты рассматривали черную разновидность как отдельный вид и назвали его *Lepus Magellanicus*... Гаучосы смеялись над тем, будто черная порода отличается от серой, и говорили, что во всяком случае черная порода не распространилась шире серой, что их никогда не находят отдельно и что, наконец, они охотно совокупляются между собой и производят пегих потомков. У меня есть теперь экземпляр последних, и знаки у него на голове оказались вовсе не те, которые внесены французами в видовое описание. Это обстоятельство доказывает, как осторожны должны быть натуралисты, устанавливая новые виды; даже Кювье, рассматривая череп одного из этих кроликов, решил, что это, вероятно, особый вид».

[42] (Стр. 99). Джордж Роберт Уотерхаус (G. R. Waterhouse), 1810—1888, видный англ. зоолог, описал млекопитающих во 2 томе «Зоологических результатов» путешествия на «Бигле».

[43] (Стр. 99). У Дарвина: «with breeding in irregular trees».

[44] (Стр. 99). Heteromera (разносуставчатые) — надсемейство жуков, установленное в 1806 г. Дюмерилем, но в дальнейшем расклассированное; сюда входили жуки из современных семейств нарывников, мертвоедов, чернотелок и др.— Chrysomela — род жуков из семейства листоедов.

[45] (Стр. 100). Вопрос об однообразии организации третичных млекопитающих рассмотрен Ляйеллем в III томе «Основных начал геологии»: 1-е англ. изд., 1833, т. 3, стр. 59 (см. русский перевод А. Мина, т. I, стр. 162 и сл., М., 1866).— Pachydermata (толстокожие) — в старинных зоологических системах отброшенное в настоящее время подразделение (отряд), охватывавшее мастодонта, слона, носорога, тапира, бегемота, свинью и других животных с толстой кожей.

[46] (Стр. 100). Ср. этот текст с записью Дарвина на стр. 72 его рукописи (этот том, стр. 101).— Золотой ренет — старинный английский сорт яблони, вымиравший вследствие многовекового размножения прививкой без обновления посевом семян (см. подробнее наст. издание, т. 3, стр. 763—764).

[47] (Стр. 100). У. Суэйнсон (или Свейнсон) — см. ниже примечание 61 (стр. 391), а также выше примечание 32 (стр. 388).

[48] (Стр. 100). Белохвостый гну распространен к югу от реки Лимпопо. Область распространения более крупного вида — полосатого гну — от Уганды на севере до реки Оранжевой на юге; южнее реки Оранжевой полосатый гну не встречается.

[49] (Стр. 101). Ср. запись Дарвина на стр. 32 его рукописи (этот том, стр. 96).

[50] (Стр. 101). У Дарвина: «associated and non-associated animals».

[51] (Стр. 101). Proteaceae — семейство двудольных растений (кустарники и деревья), содержащее около 50 родов (почти 1000 видов), распространенных преимущественно в Австралии (роды Банксия, Дриандрия, Гакея и др.) и Южной Африке (род Протея и др.).

[52] (Стр. 101). В этой фразе можно усмотреть первую. еще неясную формулировку Дарвином биогенетического закона.

[53] (Стр. 101). Дэвид Дон (D. Don, 1799—1841) — англ. ботаник.

[54] (Стр. 101). Речь идет о знаменитом сочинении Ж. Кювье «Le Règne animal distribue d'après son organisation pour servir de base à l'histoire naturelle des animaux et d'introduction à l'anatomie comparée» (Париж, 1817): т. I — млекопитающие и птицы, т. II — рептилии, рыбы, моллюски и кольчецы, т. III — ракообразные, паукообразные и насекомые (этот том написан Латрейлем), т. IV — зоофиты. 2-е издание этого сочинения вышло в 1829—1831 гг.

[55] (Стр. 102). У. Дарвин-Фокс — см. примечание 75 к «Автобиографии», ниже, стр. 423.

[56] (Стр. 103). Эоцен — второй из двух древнейших отделов третичного периода. Термин введен Ч. Ляйеллем в 1833 г.

[57] (Стр. 103). «Это — ответ Кювье» — см. запись на стр. 53 рукописи Дарвина (стр. 99).

[58] (Стр. 103). Адальберт Шамиссо (Людовик Шарль Аделаид де-Шамиссо; француз по происхождению; Shamisso, 1781—1838) — немецкий поэт и натуралист, принимал участие в первом кругосветном плавании капитана О. Е. Коцебу на судне «Рюрик». В своем описании путешествия («Reise um die Welt... auf der Brigg Rurik...») он отмечает тождество млекопитающих Камчатки, Алеутских островов и Аляски (Shamissos Werke, hrsg. von A. Kurz, т. II, стр. 446—47, Лейпциг — Вена).

[59] (Стр. 103). Джон Ричардсон (J. Richardson, 1787—1865) — английский врач, путешественник и зоолог, принимал участие в знаменитых полярных плаваниях Джона Франклина. Совместно с Суэйнсоном (см. ниже примечание 61) опубликовал большой труд по фауне арктической Америки.

[60] (Стр. 103). Немецкий подлинник этой работы Гумбольдта: «Ideen zu einer Geographie der Pflanzen, nebst einem Naturgemälde der Tropenländer) (Тюбинген, 1807). Русский перевод в книге: А. Гумбольдт, География растений, под ред. Е. В. Вульфа, М.— Л., Сельхозгиз, 1936.

[61] (Стр. 103). Уильям Суэйнсон (W. Swainson, 1789—1855) — видный английский зоолог. Совместно с Ричардсоном (см. выше примечание 59) опубликовал сочинение «Fauna boreali-americana, or The zoology of the northern parts of British America» (4 тома, Лондон, 1829—1837). О введении к этому труду и говорит Дарвин. См. также выше примечание 32 (стр. 388).

[62] (Стр. 103). Том I журнала Королевского географического общества вышел в 1832 г.

[63] (Стр. 103). В августовском номере журнала L'Institut за 1837 г. (стр. 242—244, а не № 246, как пишет Дарвин) напечатан отчет о докладе Жоффруа Сент-Илера по поводу ископаемой обезьяны, найденной Э. Ларте в 1837 г. во Франции. Это ископаемая человекообразная обезьяна — плиопитек — «самая ранняя находка ископаемого антропоида» и находится «на линии, ведущей от проплиопитека к современным гиббонам» (М. Ф. Нестурх, Происхождение человека, М., 1958, стр. 51; на стр. 381 справка о публикации Ларте). См. также запись на стр. 133—134 рукописи Дарвина (этот том, стр. 109).

[64] (Стр. 104). Первая фраза страницы 98 рукописи Дарвина выражена крайне неясно, вследствие чего у нас нет уверенности в правильности предлагаемого перевода.

[65] (Стр. 104). По-видимому, *Motacilla coronata.* По справке, любезно сообщенной мне проф. Г. П. Дементьевым, это название было дано в 1766 г. Линнеем и в настоящее время отнесено в синонимы вида *Dendroica coronata* из эндемичного для Америки рода Dendroica («американские славки»). Однако сэр Гэвин де Бер считает, что приводимое здесь Дарвином название следует читать *Muscicapa coronata* (одна из американских мухоловок).

[66] (Стр. 106). Зачеркнутое слово — это, по-видимому, Cheucau (чеукау = *Pteroptochus rubecula*), птица, описанная Дарвином как вид, специфический для островов Чонос и Чилоэ (см. «Дневник изысканий» — т. 1, стр. 243). Однако Дарвин затем исправил себя, указав, что имеет в виду патагонский вид Orpheus — см. выше примечание 26.

[67] (Стр. 106). Расстояние от Патагонии до Галапагосского архипелага составляет по прямой линии свыше 3000 миль (около 5000 километров).

[68] (Стр. 106). Имеется в виду мемуар Жоффруа Сент-Илера «Principes de Philosophie Zoologique discutés en Mars 1830, au sein de l'Académie Royale des Sciences» (Париж, 1830), в котором собраны материалы за первые два месяца знаменитого диспута между Кювье и Сент-Илером в Парижской Академии наук.

[69] (Стр. 106). У Дарвина «The existence of plants», но он нередко пользуется словом «existence» в его более редком значении — «сущность, существо, природа».

[70] (Стр. 107). Вся эта страница рукописи Дарвина содержит изложение взглядов Жоффруа Сент-Илера — «Он» в начале абзаца — это Сент-Илер.

[71] (Стр. 107). Анри Мильн-Эдвардс (A. Milne Edwards, 1800—1885) — знаменитый французский зоолог и физиолог. На стр. 32 указанного мемуара

Сент-Илера (примечание 68) приведены соображения Мильн-Эдвардса относительно рта ракообразных. Он сравнивает ротовой аппарат свободноживущих и паразитических ракообразных (у последних он преобразован в сосущий аппарат) и приходит к выводу, что «строение описываемого органа остается всегда аналогичным. Одни и те же составляющие элементы можно узнать в том и другом случае — это выражает замечательную тенденцию единообразия в строении».— На стр. 41 мемуара упоминается работа известного французского зоолога П. А. Латрейля (P. A. Latreille, 1762—1833) об аналогиях во внешней организации головоногих и рыб. Изложение теории аналогий в применении к рыбам составляет содержание выступления Сент-Илера на заседании 22 марта 1830 г. (стр. 109—138 мемуара).

[72] (Стр. 107). Квинарная система — см. выше примечание 32.— Стр. 59—66— центральная часть первого выступления Кювье на диспуте.

[72а] (Стр. 107). Second résumé — статья, появившаяся в газете National 22 марта 1830 г. за подписью «L.»; включена Сент-Илером в его мемуар (примечание 68), посвященный диспуту (стр. 205—222).

[72б] (Стр. 107). «Philosophie anatomique» — один из основных трудов Жоффруа Сент-Илера (I том, 1818, об органах дыхания; II том, 1822, об уродах человека).

[73] (Стр. 107). В главах XXXVII—XXXIX 3-й книги «Основных начал геологии» (в переводе А. Мина — т. II, стр. 314—378) Ляйелл подробно рассматривает различные способы расселения растений и животных.

[74] (Стр. 108). В этом журнале, который издавал эдинбургский геолог Р. Джемсон (см. примечание 49 к «Воспоминаниям» — этот том, стр. 420), в № 5 за 1827 г. напечатана статья: «On the Distribution of living and fossil Plants»,

[75] (Стр. 108). Перевод статьи Фредерика Кювье (1773—1838), брата Ж. Кювье, напечатан в томах за 1827 (стр. 303—318) и 1828 (стр. 45—60 и 292—297) годы того же журнала Р Джемсона: «Essay on the domestication of Mammiferous animals». Выписывая приводимую цитату, Дарвин пропустил несколько строк, которые вставлены нами в квадратных скобках.

[76] (Стр. 108). Джон Кроуфорд (J. Craufurd, 1783—1868) — видный англ. этнограф, антрополог и путешественник.— Ава — город в Бирме.

[77] (Стр. 108). Уточнить эту справку Дарвина нам не удалось.

[78] (Стр. 109). Приводим соответствующие места из «Философии зоологии» Ламарка (по русскому переводу изд. 1935 г., т. I): «Если бы причина, постоянно стремящаяся усложнить организацию, была единственной, имеющей влияние на форму и органы животных, усложнение происходило бы всегда в совершенно правильной прогрессии. Но это далеко не так. Природе приходится подчинять свои действия влиянию внешних обстоятельств, которые и вносят разнообразие в самые произведения. Вот та частная причина, которая порождает здесь и там в ходе деградации сплошь и рядом странные уклонения» (стр. 112—113); однако крылья у летучей мыши образовались, по мнению Ламарка, не под действием внешних влияний, как пишет Дарвин, а в силу «привычки распростирать конечности и даже пальцы с целью обнять больше воздуха и дольше продержаться над землей» (стр. 283).

[79] (Стр. 109). Эти данные заимствованы Дарвином из статьи: «Journal of a Tour through Azerdbijan and the Shores of the Caspian See» by Colonel Monteith.

[80] (Стр. 109). Данные заимствованы из статьи У. Хиллхауса (W. Hillhouse), напечатанной в томе журнала геогр. общества за 1835 г.

[81] (Стр. 109). «Здесь» это журнал L'Institut за 1837 г. (Дарвин дает эту ссылку в начале 135 страницы своей рукописи. Ср. выше примечание 63.)

[82] (Стр. 109). «Закон типов» — это «закон последовательного появления одних и тех же типов в пределах одних и тех же областей» (см. «Происхождение видов», гл. XI — наст. издание, т. 3, стр. 558 и сл.). Дарвин говорит в «Происхождении видов», что он сам «в 1839 и 1845 гг. выступил горячим защитником этого закона», имея здесь в виду первое и второе издания «Дневника изысканий». В первом издании он действительно прямо говорит об этом «законе» (стр. 209), во втором же издании (см. т. 1, стр. 150—151) он отмечает лишь

«удивительное сродство между вымершими и современными животными одного и того же материка», но «закон типов» упоминается здесь не в тексте, а в указателе! Рассматриваемое место «Записной книжки» показывает, что Дарвин уже в 1837 г. испытывал сомнения в безусловности «закона типов».

83 (Стр. 109). В августовском номере журнала L'Institut — за 1837 г. (стр. 260—261) в заметке «Aurochs de Caucase» излагается доклад К. Э. Бэра, прочитанный им в Академии наук в Петербурге 23 сентября и 20 октября 1836 г.

84 (Стр. 110). Об этом опыте Дарвина-Фокса упоминается в «Изменениях домашних животных» (наст. издание, т. 4, стр. 473).

84а (Стр. 110). *Milvulus forficatus:* в «Дневнике изысканий» (наст. издание, т. 1, стр. 123—124) эта птичка описана под именем *Tyrannus savana* (вид рода тираннов-мухоловок, Muscivora).

85 (Стр. 110). Яррелл — см. выше примечание 105 к «Записным книжкам» 1832—1836 гг. (этот том стр. 379).

86 (Стр. 110). Эйтон — см. примечание 99 там же (этот том, стр. 379).— Статья, упоминаемая Дарвином, это: «Some remarks upon the theory of hybridity», by T. C. Eyton (Loudon's-Charlesworth's Mag. of Nat. History, New Series, Vol. I, pp. 357—59, 1837).

87 (Стр. 110). Гульд — см. примечание 97 к «Записным книжкам» 1832—1836 гг. (этот том, стр. 379). Статья, упоминаемая Дарвином: «Observations on some species of the genus Motacilla L.», by J. Gould (там же, где и статья Эйтона — см. примечание 86 — стр. 459—461).

88 (Стр. 110). Джон Уэствуд (J. O. Westwood, 1805—1893) — англ. энтомолог. В статье «On Diopsis, a Genus of Dipterous...» (Trans. Linn. Soc., т. XVII, стр. 285, 1837) Уэствуд, рассматривая стебельчатые глаза и констатируя наличие их у животных разных классов и отрядов, говорит, что такого рода факты подтверждают представление, согласно которому аналогии строения свидетельствуют о «сродстве».

89 (Стр. 110). Уинн (Wynn) — имени этого автора мы не находим ни в одном из больших английских библиографических и биографических справочников. Дарвин не упоминает о нем в «Изменениях домашних животных».В данной записи Дарвина отсутствует указание на то, каких именно китайских и английских животных скрещивал Уинн. В записи на стр. 141 рукописи Дарвина Уинн вновь упоминается: он скрещивал утку со свиязью. См. об этом наст. издание, т. 3, стр. 491 и 752—753.

90 (Стр. 110). Лорд Поуис (Powis) — об этих опытах см. наст. изд., т. 4, стр. 473.

91 (Стр. 110). «Бриджуотерские трактаты»— серия сочинений, написанных рядом английских натуралистов по типу «натуральных теологий», т. е. стремившихся доказать существование бога на основании наличия якобы в природе «заранее задуманного плана творения». Авторы трактатов принимали как само собой разумеющееся «изначальную целесообразность» и «конечные цели» (causae finales) в неорганической и живой природе. Трактаты были написаны по идее английского духовного деятеля Ф. Г. Эджертона, графа Бриджуотера (F. H. Egerton, earl Bridgewater, 1756—1829), завещавшего в 1825 г. 8000 фунтов стерлингов на поощрение авторов, которые напишут лучшие сочинения о «благости господа, проявляемой им в Творении». Распоряжение этой суммой было предоставлено Президенту Королевского общества, разделившему ее между 8 лицами, большинство которых являлись одновременно учеными и «преподобными» (священниками). Реакционные цели, которые преследовало создание Бриджуотерских трактатов, совершенно ясны: утверждение и распространение религиозно-метафизического мировоззрения в эпоху, когда быстрое развитие естествознания начало серьезно подрывать самые основы религии в буржуазном обществе. Следует отметить, что впоследствии Дарвин не раз вступал в полемику (конечно, в свойственной ему мягкой форме) с авторами Бриджуотерских трактатов. Здесь, в «Записной книжке» 1837 г., он откровенно иронически говорит о телеологических взглядах Кирби.— В состав Бриджуотерских трактатов входили следующе 8 работ (приводим их характерные заглавия только в переводе на русский язык), вышедшие в свет в 1833—1840 гг.: 1. Т. Ч а л м е р с (Th. Chalmers). Приспособленность окружающей природы к моральной и интеллектуальной

природе человека.— 2. Д. Кидд (John Kidd), Приспособленность окружающей природы к физической природе человека.— 3. У. Уэвелл (W. Whewell, правильнее: Юэлл), Астрономия и общая физика, истолкованные с точки зрения натуральной теологии (Уэвелл — известный историк естествознания; впоследствии выступал против эволюционного учения Дарвина и запретил библиотеке колледжа Троицы Кембриджского университета держать у себя «Происхождение видов»).— 4. Ч. Белл (Ch. Bell), Рука человека, ее механизм и жизненное назначение как выражение преднамеренного плана (Белл — знаменитый физиолог; его телеологические взгляды Дарвин критикует в «Выражении эмоций»).— 5. П. М. Роджет (P. M. Roget), Физиология животных и растений, истолкованная с точки зрения натуральной теологии.— 6. У. Бёкленд (W. Buckland), Геология и минералогия, истолкованные с точки зрения натуральной теологии (см. также выше примечание 9 к «Письмам к Генсло», стр. 381).— 7. У. Кирби (W. Kirby, 1759—1850, известный энтомолог), О могуществе, мудрости и благости бога, проявляющихся в сотворении животных, их естественной истории, привычках и инстинктах (2 тома, 1835; это сочинение и имеет в виду Дарвин на стр. 141—143 своей рукописи).— 8. У. Праут (W. Prout, известный химик), Химия, метеорология и функция пищеварения, истолкованные с точки зрения натуральной теологии.— См. В. Falk, The Bridgewater Millions, a Kandid Family History, 1942.

[92] (Стр. 111). W. Kirby, On the Power, Wisdom and Goodness of God as manifested in the creation of animals and in their history, habits and instincts (см. выше примечание 91): 1) т. 1, стр. 85 — Кирби утверждает, что вошь, паразитирующая на неграх, представляет собою особый вид (*Pediculus Nigritarum*). В настоящее время головные вши, паразитирующие на различных расах человека, рассматриваются как разновидности одного вида *Pediculus capitis*; 2) т. 1, стр. 122 — Кирби говорит о каком-то виде сомов из пресных вод Каролины (вероятно, из рода Clarias), который подобно нильскому сому (*Clarias anguillaris*) при заболачивании и пересыхании водоемов переползает по влажному илу, добираясь до невысохших частей водоема; 3) т. 1, стр. 123 — речь идет о лабиринтной рыбе, или анабасе (*Anabas scandens*, пресные воды Индии, Бирмы и пр.), которая может переползать по суше из одного водоема в другой; 4) т. 1, стр. 347 — Кирби, описывая «кольчатого червя, обладающего признаками моллюска», говорит, что это «аннелидообразное животное» получило название *Peripatus juliformis*; речь, следовательно, идет о членистоногом из класса первичнотрахейных, соединяющем в себе артроподные и аннелидные черты; слова Дарвина «сопоставить с моими планариями» имеют в виду наземных планарий, найденных Дарвином в Бразилии (см. наст. издание, т. 1, стр. 33); 5) т. 1, стр. 339 — Кирби описывает наземных пиявок Цейлонских лесов (*Haemadipsa ceylonica*), нападающих на проходящих среди деревьев позвоночных животных.

[93] (Стр. 111). М-р Клайн (Cline, 1750—1827) — англ. хирург; единственный его научный труд — брошюра «Form of Animals», 1805 (переиздана была в 1806 и 1829 гг.).

[94] (Стр. 112). Имеется в виду один из двух трудов известного англ. геолога Уильяма Бёкленда (W. Buckland, 1784—1856): «Geology and Mineralogy Considered with reference to Natural Theology», Лондон, 1836 (немецкий перевод см. выше примечание 9 к «Письмам к Генсло» — стр. 381; см. также выше примечание 91, № 6); «Reliquiae diluvianae», Лондон, 1823.

[95] (Стр. 112). Речь идет о статье известного французского натуралиста, сотрудника Кювье Александра Броньяра (A. Brongniart, 1770—1847) «Végétaux fossiles».

[96] (Стр. 112). В заметке «Infusoires fossiles de Tripoli d'Oran» Эренберг излагает работу Агассица.

[97] (Стр. 112). Фраза в скобках в рукописи Дарвина выражена так: «after physical changes», т. е. «после физических перемен».

[98] (Стр. 112). Надо думать, что Дарвин имеет в виду речь Линнея 1743 г. «Oratio de telluris habitabilibis incremento» («Речь о расширении пригодного для жизни пространства суши»). Линней развивал здесь взгляд, по которому творец первоначально создал все организмы на гористом острове под экватором — единственном клочке суши среди мирового океана; организмы были распределены на высокой горе этого острова на разных уровнях в соответствии со своей приспособленностью к разным климатическим условиям; по мере расширения пределов суши организмы рас-

селялись по ней, радиально распространяясь и направляясь в те климатические зоны, к которым они приспособлены.— Ляйелл в «Основных началах геологии» (перевод Мина, т. II, стр. 344—345) говорит, что «в естественном состоянии» виды могут быстро распространяться по всем направлениям из «видовых центров», в которых они были созданы.— Ср. «Очерк 1844 г.» (наст. издание, т. 3, стр. 191, примечание): «По мере того, как мир становился теплее, происходила радиация с возвышенностей — старый взгляд? — любопытно».

[99] (Стр. 112). Цитируемая работа Фон-Буха (Von Buch, 1773—1853): «Description Physique des Isles Canaries», 1836. Место из этой работы, обосновывающее эволюционные взгляды Буха, Дарвин приводит ниже — в конце 158 страницы своей рукописи. Ср. исторический очерк к «Происхождению видов» (наст. издание, т. 3, стр. 264).

[100] (стр. 112). Цитируемая работа Гумбольдта: «De distributione geographica plantarum», 1817 (русский перевод в книге: А. Гумбольдт, География растений, стр. 97—159; приводимые Дарвином цифровые данные на стр. 111).

[101] (Стр. 112). См. Ч. Ляйелль, Основные начала геологии, перевод Мина, т. II, стр. 363 и сл.

[102] (Стр. 113). Фраза неясная: у Дарвина не «from time to time» (время от времени), а «from time» (?). Не соответствует ли эта фраза следующему месту из «Очерка 1842 г.» (наст. издание, т. 3, стр. 99): «Острова обычно сильно отличаются [от материка] почвой и климатом, а количество и состав обитателей зависят от *случая*» (подчеркнуто нами).

[103] (Стр. 113). Имеется в виду 2-е издание (с дополнениями и примечаниями Р. Оуэна) работы знаменитого английского анатома Джона Гёнтера (J. Hunter, 1728—1793): «Observations on... the Animal Economy», Лондон, 1837.

[104] (Стр. 113). Доклад Эйтона в Лондонском зоологическом обществе: «Some osteological peculiarities in different skeletons of the genus Sus» (Proceed. of Zoolog. Soc., ч. V, стр. 23—24, 1837).

[105] (Стр. 113). Кошки с острова Мэн — см. «Изменения», гл. XIV (наст. издание, т. 4, стр. 488).

[106] (Стр. 113). Имеется в виду статья франц. зоолога Марселя де-Серра в ноябрьском номере журнала L'Institut за 1837 г. (Serres, Anatomie des mollusques). Серр находит общие черты в строении зародышей моллюсков и позвоночных, в том числе и человека.

[107] (Стр. 113). «Двойная линия пересечения в Ост-Индском архипелаге». Рассматривая в «Очерке 1844 г.» распределение животных в Австралии и Ост-Индском архипелаге, Дарвин связывает его с глубиной соответствующих проливов: «Австралия отделена от Новой Гвинеи и некоторых мелких прилежащих островков только узким и мелким проливом, тогда как Новая Гвинея и прилежащие в ней островки отделены от других Ост-Индских островов глубоким морем» (т. 3, стр. 172). Не об этой ли двойной линии пересечения раздробленной суши на юго-востоке Азии говорит здесь Дарвин?

[108] (Стр. 113). Зоологические коллекции лондонского «Индийского музея» и лейденского музея Ост-Индской компании в настоящее время входят в состав общих естественноисторических музеев Лондона и Лейдена.— Томас Хорсфилд (T. Horsfield, 1773—1859) — англ. натуралист. Имеется в виду, очевидно, его работа: «Zoological researches in Java, and the neighbouring islands», Лондон, 1824.

[109] (Стр. 113). Э. Смит — см. выше, примечание 20 (стр. 387). В «Изменениях», гл. III (т. 4, стр. 165) Дарвин приводит сделанное ему Смитом устное сообщение по поводу рогатого скота каффров. По-видимому, данная фраза Дарвина и говорит о времени, когда состоялась его беседа со Смитом.

[110] (Стр. 114). Джон Филлипс (J. Phillips, 1800—1879) — англ. геолог и палеонтолог.

[111] (Стр. 114). Ср. эту фразу с записью на стр. 214—215 рукописи Дарвина (ниже, стр. 118).

[112] (Стр. 114). Ляйелль, Основные начала геологии (перевод Мина, т. II, стр. 426): «Впрочем, можно принять за общее правило, что виды, свойственные

отдаленным областям или населяющие весьма отдаленные части земного шара, следует считать за самые древние. В количественном отношении они, быть может, и не имеют большого числа представителей, но их обширное распространение доказывает, что они имели достаточно времени, чтобы рассеяться, и были в состоянии пережить много важных переворотов в физической географии».

113 (Стр. 114). Ср. запись Дарвина о Яррелле на стр. 138 рукописи «Записной книжки» 1837 г. (выше стр. 110).

114 (Стр. 114). Вельдские отложения (правильнее — Уэлдские, от Welden — название лесной территории в южной Англии) — нижнемеловые континентальные отложения в Англии, изобилующие остатками юрских и древнейших покрытосеменных растений и гигантских наземных и пресноводных рептилий. Отсутствие в них остатков древнейших млекопитающих, найденных в более древних стонсфилдских отложениях (см. ниже примечание 129), рассматривалось Ляйеллем («Основные начала» т. I, стр. 158—159) как доказательство того, что более совершенные животные — млекопитающие — предшествовали по времени своего появления гигантским рептилиям, а это, как он полагал, опровергало теорию прогрессивного развития органического мира. Трудность, создаваемая составом ископаемых вельдских отложений, и вызвала, очевидно, восклицание Дарвина.

115 (Стр. 114). Ср. «Изменения», гл. XVII (т. 4, стр. 534), где Дарвин рассматривает появление в хвосте ищеек (blood-hounds) позвонка увеличенных размеров как результат длительного близкородственного скрещивания.

116 (Стр. 115). В докладе, на который ссылается Дарвин, Дезайе указывает, что эти ископаемые моллюски с Явы относятся к концу третичного периода, так как были собраны в формации, соответствующей сицилийской. В настоящее время эта формация, так называемая «сицилийская терраса», относится геологами ко времени миндельского оледенения, т. е. к древнечетвертичному времени.

117 (Стр. 115). М'Клей (M'Clay) — этого имени нам не удалось найти ни в биобиблиографических указателях Королевского общества и библиотеки Британского музея, ни в английском большом биографическом словаре.— Уильям Герберт (W. Herbert, 1778—1847), декан Манчестерский, садовод и гибридизатор растений. Дарвин имеет в виду работу Герберта 1819 г. «On crosses and hybrid intermixture in vegetables» (Trans. Hort. Soc., т. IV, 1822).

118 (Стр. 115). Ср. «Изменения», гл. XI (том. 4, стр. 429—430).

119 (Стр. 115). Ср. с замечаниями о взглядах Э. Смита на стр. 32—33 рукописи Дарвина (этот том, стр. 96)

120 (Стр. 115). См. выше примечание 115.

121 (Стр. 115). Точное заглавие труда У. Герберта, упоминаемого здесь Дарвином: «Amaryllidaceae preceded by an attempt to arrange the Monocotyledonous orders, and followed by a Treatise on cross-bred Vegetables and Supplement», Лондон, 1837.

122 (Стр. 116). Д. Кармайкл (Dugald Carmichael, 1772—1827)— англ. ботаник. Дарвин имеет здесь в виду его работу: «Some account of the Island of Tristan da Cunha and its Natural Productions» [1817] (Trans. of the Linnean Society, т. XII, 1818). Из этой работы и заимствованы Дарвином три приводимых им примера птиц, переносящих семена на отдаленные от материка острова.

123 (Стр. 116). «более научно» — у Дарвина: «more philosophical».

124 (Стр. 116). Уильям Эллис (W. Ellis, 1794—1872) — англ. миссионер и натуралист, работавший в Полинезии. Его труды, на которые ссылается Дарвин: 1. Polynesian researches during a residence of nearly six years in the Society and Sandwich Islands, 2 тома, Лондон, 1829 (2-е изд., 1831—1832); 2. Narrative of a tour through Hawaii, with observations on the natural history of the Sandwich islands (2-е изд., Лондон, 1827).

125 (Стр. 117). Р. Т. Лоу (R. T. Lowe, 1802—1874) —англ. натуралист, работал на Мадейре. До 1837 г. Лоу опубликовал ряд работ по паукам, моллюскам, рыбам и флоре Мадейры. Главная его работа того времени: «Primitiae Faunae et Florae Maderae et Portus-Sancti» (Trans. of Camb. Philos. Society, т. IV, стр. 1—70, 1833 и отдельно). Другого обобщающего труда по Мадейре у Лоу в те годы не было.

[126] (Стр. 117). Articulata — см. выше примечание 30. — Intestinata — один из пяти классов типа лучистых (Radiata) в системе животного мира Кювье: класс этот охватывал Polyzoa, Nematoda, Nemertini и Platoda, т. е. мшанок и различные группы червей.

[127] (Стр. 118). Пентленд (J. B. Pentland, 1797—1873), геолог и палеонтолог, единомышленник Кювье, много работал по геологии Анд.

[127а] (Стр. 118). В «Основных началах геологии» (перевод Мина, т. I, гл. IX, стр. 149—174) Ляйелл выступает против теории прогрессивного развития органического мира, считая, что с кембрия по настоящее время нельзя в действительности подметить какую-либо последовательность в появлении все более высокорганизованных растений и животных. Ироническая фраза Дарвина явно направлена против этих взглядов Ляйелля.

[128] (Стр. 120). См. выше примечание 18 (стр. 387).

[129] (Стр. 120). Didelphydae (двуутробки, сумчатые крысы) — наиболее низкоорганизованное семейство сумчатых. Древнейшие представители их известны с верхнего эоцена и олигоцена, т. е. с нижних отделов третичного периода. Что касается упоминаемой Дарвином более древней Didelphys из Стонсфилдского оолита (верхняя юра Англии), то, как показали дальнейшие исследования Р. Оуэна, это животное является более примитивным, древнейшим мелким сумчатым, составляющим вместе с еще несколькими близкими ископаемыми формами подотряд Triconodonta (в оолите Англии — роды Amphilestes, Phascolotherium и Amphitherium), который не имеет близких к нему форм среди современных сумчатых.

[130] (Стр. 120). Джон Уильямс (J. Williams), 1796—1839, миссионер, работал на Таити вместе с Эллисом (см. выше примечание 124). Животный мир Полинезии («островов Южного моря») описан им в работе: «A Narrative of Missionary Enterprise in the South Sea Islands», 1837.

[131] (Стр. 120). Coquille — см. выше примечание 19 (стр. 387).

[132] (Стр. 121). В подлиннике это слово читается не «strange» (удивительный), а «strong» (сильный). Нам кажется, однако, что по контексту фразы здесь должно быть именно слово «удивительный». Сэр Г. де Бер согласен с нами.

[133] (Стр. 121). Парижский бассейн — обширная плоская впадина, образующая Северо-Французскую низменность. В центральной части сложена третичными породами, отлагавшимися в обширных озерах и морских мелководных заливах.

[134] (Стр. 122). Оолитический порядок вещей: оолитом или оолитовой системой, сложенной из оолитовых известняков, английские геологи (со времен Смита, предложившего этот термин в начале XIX в.) называют средний отдел юрской системы. Термин «оолит» за пределами Англии не применяется.

[135] (Стр. 122). Френсис Дарвин, опубликовавший эту страничку «Записной книжки» в L. L. (см. наст. издание, т. 3, стр. 78), поставил между словами «instincts» и «heredity» запятую. В рукописи Дарвина нет запятой, а очень неясная точка, после которой слово «heredity» начинается не с прописной, а со строчной буквы. С другой стороны, из контекста фразы видно, что в первой половине ее Дарвин говорит об изучении морфологии, во второй — инстинктов и умственных способностей, которые целиком оставались, как он говорит, в распоряжении «метафизики», т. е. были объектом не естественнонаучного исследования, а метафизики. Однако мы дали перевод в соответствии с чтением, принятым Фр. Дарвином и сэром Г. де Бером.

[136] (Стр. 122). Ренет рибстон — английский сорт ренета — зимнего яблока высокого качества.

[137] (Стр. 123). Имеется в виду статья: «Notes on Upper California», by Dr. Thomas Coulter, в которой автор рассматривает причины вымирания североамериканских индейцев.

[138] (Стр. 123). В № 539 журнала Athenaeum от 24 февраля 1838 г. напечатан доклад Мартенса о гибридах папоротников. В теплице Ботанического сада в Лувене содержали изолированно друг от друга папоротники *Gymnogramme chrysophilla* и *Gymnogramme colomelanos*, резко различающиеся. Садовник высеял в горшках под стеклами споры первого вида, но... получил растения, промежуточные между обоими видами и даже более близкие ко второму виду!

139 (Стр. 124). Ивовая пеночка (Willow wren) — вероятно, один из двух видов пеночек: *Phylloscopus trochilus* или *Phylloscopus collybita*.

140 (Стр. 124). Ройль Дж. Ф. (J. F. Royle, 1800—1858) — англ. врач., фармаколог и ботаник. До 1837 г. работал в Индии. Одно из его главных сочинений: «Illustrations of the Botany and other branches of the Natural History of the Himalayan Mountains and of the Flora of Cashmere», London, 1839.

141 (Стр. 124). Краг (crag) — предложенный Тейлором в 1823 г. термин для обозначения мергелистых морских мелководных отложений в Англии. Отложения крага характеризуются постепенным обогащением (снизу вверх) холоднолюбивыми формами моллюсков и др. животных.

142 (Стр. 125). Дюмериль А. М. К. (A. M. C. Duméril, 1774—1860) — видный французский зоолог. Дарвин имеет в виду написанное Дюмерилем совместно с Биброном сочинение: «Erpétologie generale ou histoire naturelle des reptiles», 9 vols., Paris, 1834—54.

143 (Стр. 125). Утка-пароход (*Anas brachyptera*) со слабо развитыми крыльями описана Дарвином в «Дневнике исследований» (см. наст. издание, т. 1, стр. 173).

144 (Стр. 126). Тринарная система — см. выше примечание 32 (стр. 388—389).

145 (Стр. 126). Этот список работ перечеркнут Дарвином, вероятно, после использования необходимых ему сочинений.— Фоконер (Huge Falconer, 1809—1865)— видный англ. палеозоолог, занимался также ботаникой.— У. Смелли (W. Smellie, 1740—95) — англ. зоолог. Дарвин имеет в виду его сочинение «The philosophy of natural hisotry» (Эдинбург, 1790—1799), которое в 1824 г. было переиздано Дж. Уэром (J. Ware).— О «Философии зоологии» Флеминга см. выше примеч. 33 (№ 2) к «Записным книжкам» 1832—1836 гг. (стр. 374).— О Ройле см. выше примеч. 140.

146 (Стр. 127). Это также перечеркнутый список работ, использованных Дарвином. Дж. Линдли (J. Lindley, 1799—1865) — видный англ. ботаник. Дарвин имеет, вероятно, в виду «Введение» к его книге «A Natural System of Botany» (2-е изд., Лондон, 1836). — О Декандоле см. выше примечание 14. Здесь Дарвин имеет в виду статью Декандоля о географии растений во французской Энциклопедии естественных наук («Dictionnaire des Sciences naturelles», т. 18, Париж, 1820).— «Horae Entomologicae» — основной труд Мак-Лея (см. выше примечание 32).— «Философия зоологии» Жоффруа Сент-Илера — см. выше примечание 68.

ДНЕВНИК

1 (Стр. 128). «Дневник» («Journal»), в котором Ч. Дарвин коротко отмечал главнейшие события своей жизни и научной деятельности, был начат им, как видно из его собственноручной записи на заглавном листке рукописи, в августе 1838 г.; последние же записи, относящиеся к концу 1881 г., были, видимо, сделаны Дарвином после 20 декабря этого года. Начиная с 1846 г., Дарвин вел записи для каждого года в двух вертикальных столбцах, в левом из которых он записывал преимущественно сведения о ходе своей исследовательской и научно-литературной работы, а в правом — о различных семейных событиях, о заболеваниях своих и членов семьи, о поездках на курорты, к друзьям и родичам, на научные съезды и пр. Подробность записей не одинакова в разные годы—иногда Дарвин ограничивался только обобщающей, итоговой записью за несколько прошедших месяцев, а то и за целый год. «Дневник» написан крайне лаконично — Дарвин, видимо, писал его исключительно для самого себя, так сказать, для собственного контроля и учета хода своей работы, а может быть и с целью использовать его в будущем как хронологическую канву при составлении своей автобиографии. Последняя была начата им в том же 1838 г., но доведена только до 1820 г. (см. этот том, стр. 151—155). Лишь в последние годы жизни, в 1876—1881 гг., Дарвин написал свою известную автобиографию («Воспоминания о развитии моего ума и характера» — см. этот том, стр. 166—242).

На английском языке «Дневник» до настоящего времени не опубликован. Френсис Дарвин лишь частично использовал его в своих ремарках в L. L. и в составленной им краткой хронологической таблице жизни и научного творчества Чарлза Дарвина, которой открывается первый том M. L. Перевод осуществлен нами по фотокопии с рукописи, хранящейся в библиотеке Кембриджского университета. Эта рукопись представляет собою переписанную начисто копию собственноручной

рукописи Дарвина, изготовленную, вероятно, по поручению Френсиса Дарвина в те годы, когда он готовил к печати тома L. L. Рукопись занимает 24 страницы формата ученической тетради. В ряде мест имеются на полях сделанные рукой Френсиса Дарвина исправления слов, неправильно прочитанных или и вовсе не разобранных переписчиком. В двух-трех местах, однако, и Френсис Дарвин оказался не в состоянии разобрать руку отца. При переводе «Дневника» на русский язык мы старались возможно ближе держаться лаконичного текста подлинника, добавляя в квадратных скобках лишь слова, необходимые для облегчения чтения не всегда ясного текста.

Так как в «Дневнике» и во всех других автобиографических текстах Дарвина, приводимых в этом томе, часто встречаются имена членов семей Дарвинов и Веджвудов, мы приводим здесь, во избежание повторений в дальнейшем, родословную Ч. Дарвина и список членов семьи Веджвудов, составленные нами по данным Генриетты Личфилд, внучек Ч. Дарвина Н. Барло и Г. Рейврет, а также профессора Артура Кизса.

РОДОСЛОВНАЯ ЧАРЛЗА ДАРВИНА

1. — Уильям-Эразм. 1839 — 1914 (банкир) (жена: Сара Седжвик, 1839 — 1902).
2. — Анна-Элизабет (Энни), 1841 — 1851.
3. — Мэри-Элеонора, 1842 (умерла в том же году).
4. — Генриетта-Эмма (Этти), 1843 — 1929 (муж: Ричард Личфилд, 1832 — 1903). Генриетта — составитель сборника писем Эммы Дарвин.
5. — Джордж Говард, 1845 — 1912 (известный астроном) (жена: Мод Дю-Пюи, 1861 — 1947). Из их детей известны: Гвендолин-Мэри (в замужестве Рейврет) 1885 — 1957, автор книги о семье Дарвинов; Чарлз, род. в 1887 — видный физик.
6. — Элизабет (Бесси), 1847 — 1926.
7. — Френсис (Френк, Френки), 1848 — 1925 (1-я жена: Эмми Рак, 1850 — 1876). Френсис — известный ботаник-физиолог, сотрудник отца и издатель его писем и других документов.
8. — Леонард (Лэнни), 1850 — 1943 (евгенист).
9. — Горас, 1851 — 1928 (инженер) (его жена: Ида Фаррер, 1854 — 1926). Из их детей известна Нора (в замужестве леди Барло), род. в 1885, автор многих публикаций неизданных рукописей Ч. Дарвина.
10. — Чарлз-Уоринг, 1856 — 1858.

СЕМЬЯ ВЕДЖВУДОВ

Джосайя Веджвуд из Этрурии, 1730—1795, основатель производства художественной фарфоровой посуды («Веджвудовский фарфор»).

Из его детей в материалах Ч. Дарвина упоминаются:

Сусанна, 1765—1817, жена д-ра Роберта-Уоринга Дарвина, мать Чарлза Дарвина.

Джосайя («дядя Джос»), из Мэра, 1769—1843, владелец фарфоровых заводов.

Катерина (Китти), 1774—1823.

Сара-Елизавета, 1778—1856.

Дети Джосайи Веджвуда из Мэра, упоминаемые в материалах Ч. Дарвина:

Сара-Елизавета (Элизабет), 1793—1880, последние годы прожила в Дауне, где и умерла.

Джосайя (Джо, Джос) из Лит-Хилл-Плейс, 1795—1880, был женат на сестре Ч. Дарвина Каролине.

Шарлотта, 1797—1862, была женой Ч. Лэнгтона, который после ее смерти женился на младшей сестре Ч. Дарвина Кэтрин.

Генри-Оллен (Гарри), 1799—1885.

Генсли, 1803—1891. Его дочери от брака с Ф. Макинтош: Джулия, 1833—1913, писательница: Катерина-Евфимия (Эффи), 1839—1899 (в замужестве Фаррер), певица.

Эмма, 1808—1896, жена Чарлза Дарвина.

[2] (Стр. 128). Шрусбери (Shrewsbury) — административный центр графства Шропшир, в западной части центральной Англии, примыкающей к Уэльсу. Старинный город с живописными зданиями XVI—XVIII вв. и остатками старинных крепостных стен: город расположен на высоком холме, омываемом с трех сторон рекой Северн. Дом д-ра Дарвина, где родился Ч. Дарвин (т. н. «The Mount» — «Маунт», т. е. «Холм»), стоит высоко над рекой Северн, поблизости от церкви св. Чэда.

[3] (Стр. 128). Абергел (Abergele) — небольшой город в Денбишире, в северной части Уэльса, на берегу Ирландского моря, к западу от устья реки Клайд (Clwyd).

[4] (Стр. 128). Об этой школе и Кейсе см. примечание 8 к «Автобиографии» — стр. 415.

[5] (Стр. 128). О школе д-ра Батлера см. примечание 15 к «Автобиографии» — стр. 416.

[6] (Стр. 128). Плас-Эдвардс (Plas Edwards) — морской курорт на берегу Кардиганского залива близ города Тоуина (Towyn) в Уэльсе.

[7] (Стр. 128). Пистилл-Райадр (Pistyll Rhayader или Rhaiadr) — крупнейший водопад в центральной части Уэльса.

[8] (Стр. 128). Вероятно, не Dounton, а Downton Castle,— местечко с развалинами средневекового замка в гористой местности к югу от Шрусбери.

[9] (Стр. 128). Монтгомери (Monthomery) и Бишопс-Касл (Bishops Castle)— два маленьких города с живописными древними руинами, расположенные к юго-западу от Шрусбери: первый в восточной части Уэльса, второй в Шропшире на границе с Уэльсом.

[10] (Стр. 128). О Коттоне см. «Воспоминания» («Автобиография»), стр. 187.

[11] (Стр. 128). Бала (Vaynor Parle Bala) — местечко и озеро в Уэльских горах к северо-западу от Шрусбери.

[12] (Стр. 130). Приведенная Дарвином цитата из протоколов Плиниевского общества в Эдинбурге заимствована им из указываемого номера Nature (статья «Local Scientific Societies»). Ссылка на «Trans. Bot. Soc., vol. XI» имеет в виду Труды Эдинбургского ботанического общества, том XI, 1873 г. В напечатанной здесь президентской речи У. Эллиота (W. Elliot) упоминается участие Дарвина в Плиниевском обществе и сообщается о прочитанном им там докладе (стр. 17). См. также примечания 43 и 44 к «Воспоминаниям» (ниже, стр. 419).

[13] (Стр. 130). В действительности доклад об этих двух открытиях Дарвина был прочитан им 27 марта 1827 г. См. вступительную статью к этому тому.

[14] (Стр. 130). Данди (Dundee), Сент-Андрус (St. Andrews), Стёрлинг (Stirling)— населенные пункты в Шотландии, первые два к северо-востоку от Эдинбурга на берегу Северного моря, третий — на запад от Эдинбурга на реке Форс.— Упоминаемая Дарвином поездка в Париж с дядей Джосайей Веджвудом была единственным посещением материка Европы, совершенным Дарвином за всю его жизнь.

[15] (Стр. 130). См. примечание 54 к «Автобиографии» (стр. 421).

[16] (Стр. 130). См. примечания 55 и 14 к «Автобиографии» (стр. 421 и 416).

[17] (Стр. 130). В действительности Дарвин впервые поехал в Кембридж лишь после рождественских каникул — в начале 1828 г. См. «Воспоминания» («Автобиография») — этот том, стр. 189.

[18] (Стр. 130). О Фоксе см. примечание 75 к «Автобиографии» (стр. 423).— Олберт Уэй.— см. там же примечание 76.

[19] (Стр. 130). Бармут — город в Уэльсе на берегу Кардиганского залива.

[20] (Стр. 130). Герберт (Herbert) и Батлер (Butler) — кембриджские друзья Дарвина, о первом из них см. примечание 72 к «Автобиографии» (стр. 422). — Баттертон (Butterton) — тот преподаватель, которого Дарвин характеризует в «Автобиографии» (стр. 189) как «очень тупого человека».

[21] (Стр. 130). Осмастон-Холл — имение родителей Уильяма Дарвина-Фокса близ города Дерби.

[22] (Стр. 130). Генсло — см. примечание 78 к «Автобиографии» (стр. 423).

[23] (Стр. 130). О Рамси (Ramsay) и Досе (Dawes) см. «Воспоминания» («Автобиография») — стр. 195.

[24] (Стр. 130). О перечисленных пунктах в Уэльсе см. примечание 93 к «Автобиографии» (стр. 424).— «Отклонил предложение о путешествии», т. е. отказался от участия в путешествии на «Бигле».

[25] (Стр. 131). Фалмут (Falmouth) — портовый город юго-западной Англии на берегу Ла-Манша.

[26] (Стр. 131). Вулидж (Woolwich) — порт на Темзе в нескольких километрах ниже Лондона.

[27] (Стр. 131). Дарвин, очевидно, имеет в виду свою статью «Очерк отложений окрестностей Платы с остатками вымерших млекопитающих», доложенную им в 1837 г. в Геологическом обществе и напечатанную в «Протоколах» («Proceedings») общества в 1838 г. Вероятно, необходимость сформулировать в этой статье, над которой он мог начать свою работу еще в марте, вопрос о соотношениях между вымершими и современными южноамериканскими неполнозубыми и полученные им результаты и вызвали у Дарвина то чувство, которое он несколькими строками ниже выразил словами: «был сильно поражен».

[28] (Стр. 131). Полный текст этой «Записной книжки» впервые публикуется в настоящем томе (стр. 90—127).

[29] (Стр. 132). У Дарвина буквально: «Also speculated much about Existence of Species» (стр. 6 рукописи). Вряд ли, однако, возможно здесь перевести последние три слова цитаты словами: «о существовании видов». Дарвина волновал в это время вопрос о сущности или существе вида, и поэтому мы избрали для перевода слова «existence» более редкое, но все же применяемое в англ. языке значение этого слова.

[30] (Стр. 132). О Глен-Рое см. примечание 111 к «Автобиографии» (стр. 428). Долина Глен-Рой находится в северо-западной Шотландии (графство Инвернесс). Отсюда, судя по дальнейшим словам Дарвина, он спустился на юг, где в порту Гринок (в устье реки Клайд) сел на пароход и доехал до Ливерпуля, откуда через Овертон (в северо-западной части Уэльса) добрался до Шрусбери.

[31] (Стр. 132). «Записи со слов моего отца» — судя по словам самого Дарвина, эти записи были впоследствии использованы им при составлении характеристики отца в «Воспоминаниях» («Автобиографии»). См. этот том, стр. 172—181.

[32] (Стр. 132). Под «метафизическими изысканиями» здесь и «метафизическими вопросами» ниже, в записи от 1 августа 1838 г., следует, как нам кажется, понимать вопросы религии.

[33] (Стр. 132). Из «Воспоминаний» («Автобиографии» — см. стр. 204) видно, что Дарвин впоследствии полностью отказался от выводов, к которым пришел в этой своей работе о параллельных террасах Глен-Роя.

[34] (Стр. 133). О теории кратеров поднятия см. примечание 137 к «Автобиографии» (стр. 431). Интересно отметить, что критику теории кратеров поднятия мы обнаруживаем лишь во втором издании «Путешествия натуралиста» (в главе XXI об острове Маврикия). Очевидно, уже передав в 1837 г. рукопись первого издания Фиц-Рою для публикации, Дарвин вновь задумался над этим вопросом и в сентябре 1838 г. занялся его изучением. Однако то обстоятельство, что в «Приложениях» к первому изданию «Путешествия натуралиста» (1839, стр. 609—629), написанных

после отпечатания книги и содержащих ряд исправлений и дополнений к тексту, Дарвин не обсуждает вопроса о кратерах поднятия, свидетельствует, что в это время он не пришел еще к определенному решению.

35 (Стр. 133). Виндзор — город на правом берегу Темзы в 30 км к западу от Лондона со старинным королевским замком и великолепным парком. В Виндзоре хранится богатое собрание произведений Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микельанджело, Рубенса, Ван-Дейка, Гольбейна и других художников эпохи Возрождения.

36 (Стр. 133). Предисловие к первому изданию «Дневника изысканий» («Путешествия натуралиста») занимает стр. VII—IX, а приложение о теории эрратических валунов — стр. 615—625 «Приложений» в издании 1839 г.

37 (Стр. 133). В этот день в Мэре была совершена помолвка Чарлза Дарвина с Эммой Веджвуд.

38 (Стр. 133). В этом доме Ч. Дарвин прожил до 14 сентября 1842 г., когда он переселился со своей семьей в Даун, т. е. 3 года и 8,5 месяцев. На доме была утверждена мемориальная доска с надписью «Charles Darwin, 1809—1882, lived here 1839—1842» (т. е. «Чарлз Дарвин, 1809—1882, жил здесь в 1839—1842 гг.»). Весною 1941 г. этот дом был разрушен авиабомбой, сброшенной на Лондон немецкими фашистами. См. фотографии (стр. 212—213).

39 (Стр. 133). «Horticultural Transactions» — «Садоводственные труды»: сокращенное название журнала Transactions of the Horticultural Society of London.

40 (Стр. 134). Съезды Британской ассоциации (полное название: British Association for the Advancement of Science), основанной в 1831 г., происходят ежегодно в различных научных центрах как самой Англии, так и ее доминионов. Дарвин, судя по его «Дневнику», принимал личное участие в следующих съездах Британской ассоциации: в 1839 г. (Бирмингем), в 1846 г. (Саутгемптон), в 1847 г. (Оксфорд), в 1849 г. (Бирмингем; на этом съезде Дарвин был одним из вице-президентов), в 1855 г. (Глазго); на съезде в 1860 г. в Оксфорде, на котором Дарвин не присутствовал, произошла в секции D на заседании 28 июня знаменитая схватка между Гёксли и епископом Уилберфорсом.

41 (Стр. 134). Первый ребенок Ч. Дарвина — Уильям-Эразм.

42 (Стр. 134). Имеется в виду том «Зоологических результатов», посвященный птицам.

43 (Стр. 134). Отметим, что здесь впервые Дарвин, называвший до сих пор свою работу о коралловых рифах статьей, начинает говорить о ней как о книге.

44 (Стр. 134). Все три пункта — в северо-западном углу Уэльса: Кэйпл-Кьюриг — в горах к северу от высочайшей вершины Уэльса горы Сноудон, Бангор и Карнарвон — на берегу пролива, отделяющего остров Англси от Уэльса. Эта поездка в значительной части повторила маршрут, проделанный Дарвином в 1831 г. совместно с профессором Седжвиком.

45 (Стр. 135). Имя Конингтона, рукописи которого Дарвин сокращает и приводит в порядок, приступив к написанию работы о вулканических островах, нигде больше в работах, письмах и документах Дарвина нам не встречалось. Быть может, переписчик ошибся, и фамилию эту надо читать не Конингтон, а Ковингтон — «скрипач и юнга при кормовой каюте» на «Бигле», ставший, с разрешения Фиц-Роя, на втором году плавания слугой Дарвина. Дарвин писал о нем в письмах домой, что это чудаковатый парень, который не очень нравится ему, но вполне его устраивает, так как умеет охотиться на птиц и приготовлять их шкурки для коллекции. Не записывал ли Ковингтон под диктовку Дарвина его геологические заметки о вулканических островах и не об этих ли «рукописях Ковингтона» идет речь

46 (Стр. 135). Флетчер (Fletcher), очевидно,— один из переписчиков рукописей Дарвина. Другим и притом постоянным переписчиком Дарвина был сельский учитель в Дауне Э. Нормен (E. Norman), см. этот том, стр. 342.

47 (Стр. 135). Вероятно, имеются в виду коллекции горных пород и руководящих моллюсков, собранные Дарвином в Южной Америке. Такое предположение напрашивается в связи со следующей записью Дарвина (от 27 июля), в которой он говорит, что «начал писать» свой труд о геологии Южной Америки.

[48] (Стр. 135). Эту поездку в Линкольншир Дарвин совершил с целью осмотреть небольшую ферму, приобретенную им в тех краях. По пути он посетил знаменитого гибридизатора соборного декана Манчестерского Уильяма Герберта — «великого творца гибридов», «еще более еретичного в вопросе о видах, чем м-р Вестиджес» (т. е. Чемберс — анонимный автор «Следов творения». См. «Исторический очерк» к «Происхождению видов» — наст. издание, т. 3, стр. 263—264), и известного англ. натуралиста и путешественника Чарлза Уотертона (см. примечание 47 к «Автобиографии», стр. 420). В Чатсуорсе Дарвин осмотрел большую оранжерею, которая «представляет собою настоящий уголок тропического леса» (об этой поездке см. письмо Дарвина к Ляйеллю от 8 октября 1845 г.— L. L., т. I, стр. 343).

[49] (Стр. 135). Эта запись, видимо, внесена сюда почему-то лишь в конце 1846 или в начале 1847 г. Ср. с записью, сделанной после 18 декабря 1847 г.

[50] (Стр. 136). Arthrobalanus — такого названия в труде Дарвина об усоногих раках нет, как нет у Дарвина и «статьи» об этой, как он пишет, «новой форме». Как сообщил нам проф. Н. И. Тарасов, этого названия нет и среди синонимов в новейшем указателе S. A. Neave («Nomenclator Zoologicus», 1945—1950). Вероятно, Дарвин имел первоначально в виду выделить в самостоятельный род с таким названием какую-то форму, близкую к Balanus, но затем отказался от этого намерения, убедившись в принадлежности этой формы к роду Balanus.— Conia — один из синонимов рода Tetraclita из семейства Balanidae.— Megatrema — один из синонимов рода Pyrgoma из того же семейства.— См. монографию Дарвина об усоногих раках: том Balanidae, Лондон, 1854, стр. 321 (Tetraclita) и 354 (Pyrgoma).

[51] (Стр. 136). О поездке в Саутгемптон Дарвин писал в октябре 1846 г. Гукеру: «Мы (я и жена) наслаждались нашей неделей безмерно: доклады все были скучны, но я встретил так много друзей, завязал так много новых знакомств (особенно среди ирландских натуралистов) и совершил так много приятных экскурсий, что хотел бы, чтобы и Вы были здесь. В воскресенье мы совершили очень приятную экскурсию в Винчестер с Фоконером, полковником Себайном, д-ром Робинсоном и другими. Я никогда еще не имел такого чудесного дня» (L. L., т. I, стр. 351).

[52] (Стр. 136). Нол-Парк (Knole) — великолепный старинный дворец времен королей Якова I и Карла I с богатыми залами и картинной галереей и с очень красивым буковым парком. Нол находится в графстве Кент близ города Севноукс.

[53] (Стр. 136). Balanus (морской желудь) — основной род семейства Balanidae.— Acasta — второй после Balanus род того же семейства.— Clisia — один из синонимов рода Verruca из семейства Verrucidae, следующего за семейством Balanidae в дарвиновской системе усоногих. Описание этих трех родов см. в томе Balanidae (1854, стр. 177—302, 302—321 и 496—526).— Tubicinella — 10-й (по системе Дарвина) род семейства Balanidae (описание там же, стр. 430—438).— Coronula — 8-й род того же семейства (описание там же, стр. 397—423).

[54] (Стр. 136). Очевидно, и здесь, как в 1846 г. (см. выше примечание 51), речь идет о прогулках участников съезда Британской ассоциации — в данном случае в ряд мест, расположенных вокруг Оксфорда.

[55] (Стр. 136). Под «Инструкцией» имеется в виду статья «Геология», написанная Дарвином для «Руководства для научных исследований»— сборника статей, изданного Адмиралтейством под ред. Дж. Гершеля. Русский перевод этой статьи см. наст. издание, т. 2, стр. 613—637.

[56] (Стр. 137). Перевод общей характеристики *Lepas anatifera* на русский язык см. наст. издание, т. 2, стр. 52—55.

[57] (Стр. 137). Уильям Сэмюэл Симондс (W. S. Symonds), 1818—1887, геолог, автор ряда популярных книг по геологии. Джозеф Гукер был женат на дочери Симондса.— Упоминаемые здесь места прогулки Дарвина расположены по берегу Ла-Манша к западу от острова Уайт.

[58] (Стр. 137). Молверн см. примечание 171 к «Автобиографии» (ниже, стр. 434).

[59] (Стр. 137). К упомянутым выше, в июльской записи 1849 г., *стебельчатым усоногим* относятся «морские уточки» (Lepadidae), которым посвящен первый (меньший по объему) том «Усоногих раков», вышедший в 1851 г.— К *сидячим усоногим*, упоминаемым в апрельской записи 1850 г., относятся «морские желуди»

(Balanidae), которым в основном посвящен второй, больший по объему, том «Усоногих раков», вышедший в 1854 г.— Pachymina — усоногого с таким названием в труде Дарвина об усоногих раках нет: вероятно, это описка и речь идет о Pachylasma (том Balanidae, 1854, стр. 475—481).

[60] (Стр. 137). Лит-Хилл (Leith Hill Place) — имение Джосайи Веджвуда, брата Эммы Дарвин.— Хартфилд см. примечание 204 к «Автобиографии» (и ниже стр. 405, примечание 86) — Рамсгет (Ramsgate) — морской курорт на берегу Северного моря в юго-западной Англии.

[61] (Стр. 137). Воспоминания Дарвина о его дочери Энни, умершей в возрасте 10 лет, см. в этом томе (стр. 160—161).

[62] (Стр. 137). Conia — см. выше примечание 50.— Elminius — род Balanidae, описание его см. Balanidae, 1854, стр. 345—354.

[63] (стр. 138). Имеется в виду Всемирная торгово-промышленная выставка в Лондоне (в Гайд-Парке). По словам дочери Дарвина Генриетты, Дарвин в течение целой недели вместе с женой и детьми интенсивно посещал выставку, которая сильно заинтересовала его.

[64] (Стр. 138). Регби (Rugby) — небольшой город в центральной Англии (графство Уоркшир), где с 1852 г. обучался в средней школе старший сын Дарвина Уильям.

[65] (Стр. 138). Райгет (Reigate) — небольшой город в Суррее, прямо на юг от Лондона, на середине пути между Лондоном и побережьем Ла-Манша.— Слова в скобках добавлены Дарвином карандашом.

[66] (Стр. 138). Acasta — подрод рода Balanidae, описание см. Balanidae, 1854, стр. 302—321.— Pyrgoma см. выше примечание 50. — Escuria — по-видимому, искаженное переписчиком название.— Platytypes — по-видимому, искаженное Platylepas, описание там же, стр. 424—430.— Chelonobia,— как и предыдущий, род Balanidae, описание там же, стр. 382—397.— Tubicinella, Xenobalanus, Chthamalus, Chamaesipho — роды Balanidae, описание там же, стр. 430—474. — Octomeris и Catophragmus — роды того же семейства, описание там же, стр. 482—491.— Verruca см. выше примечание 53.—Джордж Б. Соуэрби (G. B. Sowerby), 1812—1884, англ. зоолог; был издавна связан с Дарвином; им были определены и описаны собранные Дарвином ископаемые моллюски Южной Америки и некоторых островов, посещенных «Биглем» (см. C. D a r w i n, Geological Observations, Лондон, 1891, стр. 171—177 и 605—623). Таблицы с изображениями моллюсков к этим описаниям были изготовлены его сыном зоологом Дж. Б. Соуэрби младшим. Вероятно, им же изготовлены и многие таблицы рисунков к «Усоногим ракам».

[67] (Стр. 138). В этой записи Дарвин перечисляет последние роды усоногих — Verruca (из сем. Verrucidae), Alcippe (из сем. Lepadidae) и Cryptophialus (из отряда Abdominalia),— над которыми он работал в 1853 г., заканчивая подготовку к печати второго тома «Усоногих раков» (см. том Balanidae, 1854, стр. 495—586). Заключительные слова записи «Класс Cirripedia» означают, вероятно, что вся работа над усоногими была закончена в 1853 г. До середины 1854 г. шла работа над корректурами этой книги и томом об ископаемых Balanidae и Verrucidae.

[68] (Стр. 138). Истборн (Eastbourn) — курорт на юго-востоке Англии, на берегу Ла-Манша.— Брайтон (Brighton) и Гастингс (Hastings) — города на берегу Ла-Манша к западу (первый) и к востоку (второй) от Истборна.

[69] (Стр. 138). Хермитидж (Hermitage) — имение Генри Веджвуда близ Чобгема (к юго-востоку от Лондона). На больших военных маневрах, устроенных летом 1853 г. на Чобгемском поле (Chobham Camp), Дарвину и его семье давал пояснения старый друг его по «Биглю» Б. Д. Саливен, некогда офицер на «Бигле», а теперь адмирал и видный гидрограф.

[70] (Стр. 138). Слова в скобках добавлены карандашом.

[71] (Стр. 139). Важная дата в истории научного творчества Дарвина: начало подготовки им к печати большого труда о происхождении видов, который так и остался незаконченным вследствие получения Дарвином летом 1858 г. известной статьи Уоллеса и необходимости быстро составить краткое изложение проблемы, вылившееся в конечном счете в однотомный труд «О происхождении видов».

[72] (Стр. 139). Эти опыты были поставлены Дарвином для выяснения вопроса о длительности сохранения семенами различных растений жизнеспособности в морской воде. Вопрос интересовал Дарвина в связи с поставленной им проблемой возможности распространения видов растений с материков на океанические острова путем переноса семян морскими течениями. См. наст. издание, т. 3, стр. 681—688 и 814—815.

[73] (Стр. 139). Карлайл (Carlisle) — город в северной части Камберленда поблизости от юго-западной части границы Шотландии.

[74] (Стр. 139). Часть записи от 13 октября (находящаяся в скобках) и запись от 16 декабря добавлены карандашом.

[75] (Стр. 139). Сара-Елизавета Веджвуд — сестра Джосайи Веджвуда («дяди Джоса»).

[76] (Стр. 139). Запись от 6 декабря добавлена карандашом.— Чарлз-Уоринг — последний ребенок Дарвина. См. запись от 28 июня 1858 г.

[77] (Стр. 139). Мур-Парк см. примечание 187 к «Автобиографии» (ниже, стр.436).

[78] (Стр. 139). Селборн см. примечания 34 и 187 к «Автобиографии» (ниже, стр. 418 и 436).

[79] (Стр. 140). Сандаун (Sandown) —морской курорт на острове Уайт в Ла-Манше.

[80] (Стр. 140) Шанклин (Shanklin) — другой курорт там же, южнее Сандауна.

[81] (Стр. 140). Марианна Паркер — самая старшая сестра Дарвина.

[82] (Стр. 140). Выше, в записи от 14 июня, Дарвин говорит, что прервал работу над главой о голубях, предназначенной для большого труда о видах. Это произошло в результате наступивших 18 июня событий. К составлению «Краткого извлечения» (т. е. «Происхождения видов») из большого труда о видах Дарвин приступил 20 июня на острове Уайт, но, по-видимому, начав писать первую же главу (об изменениях под влиянием одомашнивания), он почувствовал, что ему трудно кратко и вместе с тем ясно и убедительно изложить вопрос, не доведя до конца работу над проблемой изменчивости у голубей. Вероятно поэтому, вернувшись домой, он сначала закончил главу о голубях для большого труда, после чего 16 сентября «возобновил работу над Извлечением».

[83] (Стр. 141). Илкли (Ilkley) — курорт в Пеннинских горах в северной части Англии.

[84] (Стр. 141). См. С. Л. Соболь, К истории создания Дарвином его «Исторического очерка воззрений на происхождение видов», Бюллетень МОИП, отд. биологии, т. 54 (1), стр. 85—95, 1949.

[85] (Стр. 141). Садбрук-Парк (Sudbrooke Park) — водолечебница д-ра Лейна (Lane).

[86] (Стр. 141). В Хартфилде жили одно время старшие сестры Эммы Дарвин — Шарлотта (Лэнгтон) и Элизабет, позднее поселившаяся в Дауне. См. также примечание 204 к «Автобиографии» (ниже, стр. 437).

[87] (Стр. 141). Истборн см. выше примечание 68.

[88] (Стр. 141). Т. е. начал свои исследования над насекомоядными растениями.

[89] (Стр. 142). Торки (Torquay) — курорт на берегу Ла-Манша в Девоншире. Дарвин отдыхал здесь вместе со всей свой семьей.

[90] (Стр. 142). Это, видимо, описка Дарвина: его статья о британских орхидеях была опубликована 9 июня 1860 г., т. е. до поездки в Торки. Здесь же, вероятно, была написана его статья о примуле, напечатанная в 1862 г. в журнале Линнеевского общества.

[91] (Стр. 142). В подлиннике слово написано неразборчиво. На полях рукописной копии рукою Френсиса Дарвина поставлено слово «German» (немецкое) со знаком вопроса. Первое немецкое издание в переводе Г. Бронна вышло в 1860 г. В 1862 г. Бронн готовил второе издание, которое вышло в свет в 1863 г., уже после его смерти. Переработанное Карусом третье издание перевода Бронна вышло в 1867 г.

[92] (Стр. 142). Борнемут (Bornemouth) — дачное место на берегу Ла-Манша к западу от Саутгемптона; старший сын Дарвина Уильям постоянно жил в Саутгемптоне.

[93] (Стр. 142). Молверн — см. примечание 171 к «Автобиографии» (ниже, стр. 434.)

[94] (Стр. 143). Три последние записи (от 13 и 20 апреля и 22 мая) добавлены карандашом.

[95] (Стр. 143). Две последние записи добавлены карандашом.— Коплеевская медаль (Copley medal) присуждается Королевским обществом наиболее выдающимся естествоиспытателям и считается в Англии величайшей почестью, какой может удостоиться ученый.

[96] (Стр. 143). Первое французское издание «Происхождения видов» в переводе Клеменсии Руайе появилось в 1862 г. В 1866 г. Руайе выпустила второе издание с добавлениями, присланными ей Дарвином. Оба издания снабжены большой статьей переводчицы, которая распространяет теорию естественного отбора на человеческое общество. См. об этом: С. Л. Соболь, Из истории борьбы за дарвинизм в России (Труды Института истории естествознания и техники АН СССР, т. 14, стр. 203—209, М., 1957).

[97] (Стр. 143). Речь идет о корректуре статьи Дарвина «О половых отношениях трех форм *Lythrum salicaria*», доложенной в Линнеевском обществе в июне 1864 г. и напечатанной в 1865 г. (см. наст. издание, т. 7, стр. 11). Термин «гомоморфный» первоначально применялся Дарвином в том же смысле, как позже принятый им термин «иллегитимный» (см. там же, стр. 18 и сл.).

[98] (Стр. 145). Слова «1500 экземпляров» добавлены карандашом.

[99] (Стр. 145). Слова «на взморье» добавлены карандашом.

[100] (Стр. 145). Ср. начало записи 1867 г. (левый столбец), где Дарвин говорит, что начал работать над «очерком о человеке». Очевидно, эта работа была вскоре прервана, и Дарвин окончательно вернулся к теме о происхождении человека через год.

[101] (Стр. 145). По поводу этой поездки дочь Дарвина Генриетта Личфилд пишет: «Этим летом мы провели несколько месяцев в Кардине [Caerdeon, близ Бармута] в Северном Уэльсе, переночевав по дороге туда в Шрусбери. Мы посетили „Маунт"—старый дом отца; хозяева приняли нас очень любезно и показали нам весь дом сверху донизу. Но у отца был очень расстроенный вид, и помню, как он сказал: „Если бы я мог остаться в этой оранжерее на пять минут в одиночестве, я убежден, что увидел бы своего отца в его кресле на колесах так же реально, как если бы он действительно находился здесь передо мною"» (E. D., т. II, стр. 195).

[102] (Стр. 145). Стаффорд (Stafford) — город к востоку от Шрусбери.

[103] (Стр. 145). Генри Колбёрн (H. Colburn) — лондонский издатель, выпустивший в 1839 г. первое издание «Путешествия на „Бигле"» в составе отчета капитана Р. Фиц-Роя.

[104] (Стр. 146). Ихтхейм-Моут (Ightham Mote) — укрепленный старинный замок с капеллой времен Генриха VIII. Находится поблизости от Нола и Севноукса (см. примечания 52 и 108).

[105] (Стр. 146). См. следующую запись, 1871 г., из которой видно, что последняя корректура была исправлена 15 января.

[106] (Стр. 146). Хэрдин-Олбёри (Haredene Albury — букв. Олбёрийская заячья поляна). Олбёри — деревня и поместье герцога Нортумберлендского в Суссексе (на восток от Портсмута) в холмистой, покрытой лесом местности.

[107] (Стр. 146). Портленд-Плейс — одна из самых широких улиц Лондона в районе Оксфорд-стрит и Риджентс-парка (с.-з. район Лондона).

[108] (Стр. 147). Севноукс-Коммон (Sevenoaks Common) — небольшой город и дачное место к югу от Лондона и Дауна. В районе Севноукса находятся Нолпарк и Ихтхейм-Моут, часто посещавшиеся Дарвинами.

[109] (Стр. 147). Из этой записи на первый взгляд как будто следует, что в 1873 г., приступая к своему исследованию о перекрестном опылении у растений, Дарвин

полагал, что перекрестное опыление — в противоположность самоопылению — оказывает на организм вредное (evil) влияние. Такое понимание этой фразы было бы, однако, ошибочным, так как мы знаем, что уже с конца 30-х и особенно в 40-х годах Дарвин постепенно все более приходил к мысли о важности перекрестного опыления и вреде постоянного самоопыления, а в первом издании «Происхождения видов»(1859, стр. 103—104) он писал по этому вопросу следующее: «Скрещивание играет важную роль в природе, так как поддерживает однообразие и постоянство признаков у особей одного и того же вида или одной и той же разновидности. Оно, очевидно, будет влиять всего действительнее на животных, спаривающихся для каждого рождения, но, как уже сказано, мы имеем основания полагать, что скрещиванию время от времени подвергаются все растения и все животные. Если это будет случаться даже через длинные промежутки времени, то происшедшая от этого скрещивания молодь будет настолько превосходить силой и плодовитостью потомство, полученное от продолжительного самооплодотворения, что будет иметь больше шансов на выживание и размножение...» Эти слова неизменно переходили из одного издания «Происхождения видов» в другое вплоть до последнего, 6-го (см. наст. изд., т. 3, стр. 345), а работа «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире» (1876; наст. изд., т. 6) была целиком посвящена Дарвином экспериментальному обоснованию этого положения. Поэтому запись 3 февраля 1873 г. о *вредном* (evil) действии скрещивания следует, как нам кажется, понимать только в одном смысле: «начал [работу по доказательству *ошибочности представлений*] о вредном действии скрещивания». Такое толкование подтверждается записью от 3 октября 1875 г.: «...начал [писать работу] „О *преимуществах* скрещивания“ 1 сентября» (подчеркнуто нами).

110 (Стр. 147). Абинджер (Abinger) — небольшой город в графстве Суррей где Дарвины бывали у Т. Х. Фаррера — мужа Эффи Веджвуд. — Бассет (Basset) — дачное место близ Саутгемптона.

111 (Стр. 147). Эта фраза добавлена карандашом.

112 (Стр. 148). В середине 70-х годов английские антививисекционисты развернули широкую пропаганду против права врачей и физиологов пользоваться методом вивисекции на животных. В 1875 г. вопрос был поставлен в парламенте и для подготовки соответствующего билля была создана «Королевская комиссия по вопросу о вивисекции». Дарвин энергично выступил вместе с рядом выдающихся английских биологов и врачей против антививисекционистов. Подробнее см. примечание 27 к «Воспоминаниям» Фр. Дарвина (ниже, стр. 446).

113 (Стр. 148). См. выше примечание 109.

114 (Стр. 148). См. примечание 217 к «Автобиографии» (ниже, стр. 439).

115 (Стр. 148). Эми Рак (Amy Ruck) — первая жена Френсиса Дарвина, умерла от родов в возрасте 26 лет.

116 (Стр. 149). Т. е. к сочинению о различных формах цветка у растений одного и того же вида.

117 (Стр. 149). Стонхендж (Stonehenge) — классическое место мегалитических построек типа кромлехов близ города Солсбери (Salisbury) в графстве Гэмпшир (на юго-запад от Лондона). Постройки эти относятся к неолиту, но во времена Дарвина ошибочно рассматривались как остатки кельтских друидийских храмов. Дарвин считал, что глубина залегания в земле гигантских камней-плит, из которых сооружены кромлехи, должна была значительно вырасти со времени их сооружения благодаря деятельности дождевых червей. Для выяснения этого вопроса Дарвин и поехал в Стонхендж. О наблюдениях его там см. наст. издание, т. 2, стр. 176, 228 и др.

118 (Стр. 149). Вопрос о функциональном значении воскового налета на листьях и плодах некоторых растений интересовал Дарвина, начиная с 1873 г. Особенно усиленно он занимался им в 1877—78 гг., собирая литературные данные, посылая запросы многочисленным ботаникам и сам ставя разнообразные опыты. Дарвин полагал, что наряду с защитой растения от вредных насекомых и действия соленой воды восковой налет в первую очередь препятствует усиленному испарению. Это последнее обстоятельство заставляло его искать точные данные об экологическом распределении растений с восковым налетом на листьях в сухих и влажных районах.

Работа Дарвина о восковом налете осталась незаконченной, и сам он ничего не опубликовал по этому вопросу, но Френсис Дарвин использовал часть материалов отца в своей статье в «Journal of the Linnean Society» (т. XXII).— Самопроизвольное движение растений и гелиотропизм: эти исследования вошли в состав работы «Способность к движению у растений» (1880; наст. издание, т. 8).— «Черви» — имеется в виду работа о дождевых червях (1881, наст. издание, т. 2).

119 (Стр. 149). Присуждение Ч. Дарвину Кембриджским университетом почетной степени доктора прав (LL. D.= Legum Doctor) сопровождалось обычными в таких случаях в английских университетах церемониями. Студенты спустили с хоров подвешенную на нитке игрушечную обезьянку в качестве символа «человеческого предка» и кольцо с привязанными к нему лентами, знаменовавшее «отсутствующее звено». Так называемый «публичный оратор» произнес традиционную речь на латинском языке, заканчивавшуюся словами «Tu vero, qui leges naturae tam docte illustraveris, legum doctor nobis esto», т. е. «Ты же, кто столь основательно раскрыл законы природы, будь для нас доктором прав». В переводе исчезает остроумная игра слов: docte (основательно и учено) и doctor (доктор и ученый), leges (законы) и legum (законов и прав). На торжественном ужине, устроенном в честь Дарвина Кембриджским философским обществом, Гёксли произнес тост, в котором со свойственным ему остроумием сказал: «Истинно это учение об эволюции или ложно, но, полагаю, я буду вполне осторожен, сказав, что с того времени, когда Аристотель осуществил свое великое обобщение современных ему биологических знаний, не было создано ни одного произведения, которое могло бы сравниться с „Происхождением видов“ как связным обзором явлений жизни, проникнутым и вдохновленным единой основной идеей».

120 (Стр. 149). Барлстон (Barlaston) — город в Стаффордшире.

121 (Стр. 150). См. ниже запись от 8 января 1880 г.

122 (Стр. 150). Уэртинг (Worthing) — город на берегу Ла-Манша в графстве Суссекс. Здесь жил некто Антони Рич (Anthony Rich, 1804?— 1891), воспитанник и впоследствии почетный член Кембриджского университета. Он завещал Дарвину или семье Дарвина (в случае, если Дарвин умрет до него) все свое состояние, за исключением дома в Уэртинге, который был им завещан Гёксли. Единственным мотивом, руководившим при этом Ричем, было его восторженное преклонение перед идеями и гением Дарвина и энергией Гёксли как борца за дарвинизм.

123 (Стр. 150). Медаль Бейли (Baly medal) была присуждена Дарвину Королевским медицинским колледжем.

124 (Стр. 150). Лаура Форстер (Laura Forster) — знакомая Дарвинов, в доме которой в Абинджере они иногда останавливались во время своих летних поездок

125 (Стр. 150). Конистон (Coniston) — местечко близ озера Конистон в Уэстморленде, центр туристических походов по «Озерному краю» (Северная Англия). Здесь Дарвины отдыхали в августе 1879 г. Летом 1881 г. они отдыхали в тех же местах в Паттердейле (Patterdale) — местечке близ озера Алсуотер (Ullswater), расположенного к северо-востоку от Конистона.

126 (Стр. 150). Ида — дочь лорда Т. Фаррера (из Абинджера), жена Гораса Дарвина.

127 (Стр. 150). Добавлено карандашом.

128 (Стр. 150). Паттердейл — см. выше примечание 125.

129 (Стр. 150). Последние ботанико-физиологические и цитологические исследования Ч. Дарвина. Перевод их на русский язык см. наст. издание, т. 7.

[ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСКИХ ГОДАХ]

1 (Стр. 151). Этот автобиографический отрывок, написанный Ч. Дарвином в 1838 г., был обнаружен Френсисом Дарвином среди бумаг отца, когда после смерти жены Дарвина Эммы библиотека и архив Дарвина были вывезены из Дауна в Кембридж. Ф. Дарвин пишет по поводу этого отрывка, что он кажется ему достойным опубликования «как потому, что он содержит некоторые новые факты [из биографии Дарвина], так и потому, что он отражает тот интерес, который Дарвин явно питал к своему собственному духовному развитию». Это несомненно справед-

ливо, поскольку в столь раннем возрасте, двадцати семи лет, Дарвин замыслил писать свою автобиографию. Однако он вскоре оставил это и лишь в 1876 г. осуществил свой давнишний замысел, написав свои автобиографические «Воспоминания» (этот том, стр. 166—242). Как и последние, отрывок поражает своей глубокой искренностью и правдивостью. На английском языке отрывок был опубликован в 1903 г. в первом томе M. L. (стр. 1—5). В русском переводе отрывок появляется впервые.

[2] (Стр. 151). Абергел — см. «Дневник», запись за 1813 г. (этот том, стр. 128) и примечание к ней.

[3] (Стр. 151). У Дарвина «damascene» (отсюда слово «damson») — тернослив, мелкая черная слива, которую, по словам Ф. Дарвина, в Англии когда-то называли «Damask prune».

[4] (Стр. 152). Сара и Китти — младшие сестры матери Ч. Дарвина Сусанны Веджвуд. Паркфилд (правильнее Паркфилдс — Parkfields) — имение, куда после смерти Джосайи Веджвуда старшего переселилась из Этрурии его вдова.

[5] (Стр. 152). Это относится, следовательно, к 1815 г., так как битва при Ватерлоо произошла 18 июня 1815 г.

[6] (Стр. 152). См. примечание 8 к «Автобиографии» (ниже, стр. 415).

[7] (Стр. 152). См. примечание 10 к «Автобиографии» (ниже, стр. 415).

[8] (Стр. 153). См. «Воспоминания» (этот том, стр. 168): там детали этого эпизода изложены несколько иначе.

[9] (Стр. 154). См. примечание 15 к «Автобиографии» (ниже, стр. 416)

[10] (Стр. 154). См. примечание 6 к «Дневнику» (выше, стр. 400).

[11] (Стр. 155). См. примечание 7 к «Дневнику» (выше, стр. 400).

[ПРИРОДА ДАУНА]

[1] (Стр. 156). Этот отрывок был обнаружен Френсисом Дарвином среди бумаг отца и опубликован впервые в 1903 г. в первом томе M. L. (стр. 33—36). Фр. Дарвин пишет, что отрывок этот создает такое впечатление, будто Дарвин «намерен был вести естественноисторический дневник наподобие дневника Гильберта Уайта», которого Дарвин очень почитал (о Гильберте Уайте см. ниже примечания 34 и 187 к «Автобиографии», стр. 418 и 436). Дарвины переселились в Даун в сентябре 1842 г. Первый свой набросок, содержащий в основном геоморфологичскую характеристику Дауна и его окрестностей, Дарвин сделал 15 мая 1843 г., два следующих наброска были написаны, по-видимому, в следующем году, 24 марта и 25 июня, и носят биолого-экологический характер. Как указывает Фр. Дарвин, нет никаких данных, позволяющих думать, что Дарвин когда-либо впоследствии продолжил эту работу. Русский перевод этого отрывка появляется впервые.

Характеристика Дауна может быть дополнена нижеследующими отрывками, почерпнутыми из некоторых писем Дарвина, а также из сопроводительных замечаний Фр. Дарвина к письмам отца.

Фр. Дарвин пишет (L. L., т. I, стр. 319—321): «Выбор Дауна был скорее результатом отчаяния, чем действительного предпочтения: отец и мать устали от поисков дома, а привлекательные стороны этого места уравновешивали, как им казалось, его очевидные недостатки. По крайней мере одному их желанию оно соответствовало — оно было глубоко спокойным. В самом деле, трудно было бы найти более уединенное место так близко от Лондона. В 1842 г. единственным путем, ведшим в Даун, была проезжая дорога длиною около 20 миль. Да и сейчас еще [т. е. в 1887 г.], когда железная дорога подошла ближе к нему, Даун остается исключительно изолированным — ничто не напоминает, что вы находитесь в непосредственной близости от Лондона, разве что легкая туманная дымка, по временам затмевающая небо. Деревня расположена в углу, образуемом двумя более широкими главными дорогами этого района, ведущими из Лондона, —одна в Танбридж (на юго-восток) и другая в Уэстерхем и Иденбридж (на юго-запад). Она отделена от Уэльда [лесистой местности на юге Англии] грядой крутых меловых холмов с южной стороны, а обрывистый холм, ныне сглаженный путем снятия земли в одних местах и насыпями в других, должен был служить некогда чем-то вроде барьера, ограждавшего ее от Лондона. В таких условиях деревня, связанная с главными путями сообщения лишь

при помощи каменистых извилистых тропинок, имела полную возможность сохранять свой уединенный характер. И однако трудно поверить в контрабандистов, провозивших свою контрабанду на вьючных лошадях вверх по дорожкам из древних своевольных уэльдских деревень, хотя память о них все еще не погасла в то время, когда мой отец поселился в Дауне. Деревня стоит на уединенном возвышенном месте, на высоте 500—600 футов над уровнем моря — месте, которое само по себе не обладает большой красотой, хотя известную прелесть ему придают рощицы, — разбросанные там и сям полоски леса, покрывающие меловые холмы и смотрящие вниз на спокойные вспаханные поля в долинах. Деревня, насчитывающая три или четыре сотни жителей, состоит из трех небольших улиц с коттеджами, сгруппировавшимися вокруг маленькой построенной из твердого камня церкви. Это — место, где незнакомцев можно увидеть крайне редко, а фамилии, встречающиеся издавна в старинных церковных книгах записей, все еще хорошо известны здесь. Блуза еще не совсем исчезла, хотя ее надевают главным образом в качестве церемониальной одежды «носильщики» во время похорон, но пурпурные и зеленые блузы на мужчинах в церкви мне помнятся еще с тех пор, когда я был мальчиком.

Дом расположен в четверти мили от деревни и построен — подобно многим домам в прошлом веке — возможно ближе к дороге — узкой тропинке, направляющейся вдаль к Уэстерхемской большой дороге. В 1842 г. он имел сумрачный и довольно непривлекательный вид: квадратное кирпичное трехэтажное здание, выбеленное стершейся известкой и крытое черепицей. В саду не было аллей, обсаженных кустарником, и он не был обнесен стеной, которая теперь укрывает его: он был виден прямо с дороги, был открыт, лишен растительности и заброшен. Отец прежде всего понизил уровень дороги примерно на два фута и построил каменную стенку вдоль той ее части, которая граничила с садом. Снятая земля была использована для устройства насыпи вокруг лужайки, которая была засажена вечнозелеными растениями, придающими теперь саду его уединенный и уютный вид.

Дом был оштукатурен, что придало ему более опрятный вид, но больше всего его украсило устройство большого эркера, выступающего во всех трех этажах. Этот эркер был покрыт плетением ползучих растений, благодаря чему южный фасад дома приобрел приятный вид. Гостиная с открывающейся в сад верандой и кабинет, в котором мой отец работал в последние годы своей жизни, были пристроены в дальнейшем.

Вместе с домом были приобретены 18 акров земли, из которых 12 акров с южной стороны дома представляли собой прелестный луг с разбросанными по нему довольно крупными дубами и ясенями. От этого луга была отрезана полоска, превращенная в огород, где находилась экспериментальная делянка отца и где позже были устроены оранжереи».

За два месяца до переезда в Даун (в июле 1842 г.) Ч. Дарвин следующим образом охарактеризовал приобретенный им деревенский дом в письме к своей сестре Кэтрин: «Я подробно опишу вам, так как этого хочет отец, *мое* мнение о Дауне — мнение Эммы несколько расходится с моим. Положение: около четверти мили от небольшой деревни Даун в Кенте, 16 миль от [собора] Св. Павла [в Лондоне], 8,5 миль от станции (с многочисленными поездами), которая находится в 10 милях от Лондона. Это плохо, так как местность холмистая, вследствие чего поездка продолжается долго. Я подсчитал, что от Лондонского моста приходится ехать два часа. В деревне около 40 домов, посередине, где стоит старая каменная церковь и где сходятся все тропинки, растут старые ореховые деревья. У жителей очень почтенный вид, имеется школа для детей, взрослые—большие любители музыки, при встрече все снимают шляпы, как в Уэльсе, по вечерам сидят перед открытыми дверьми своих домов; ни одна большая дорога не проходит через деревню. Маленький трактир, где мы переночевали, одновременно является и бакалейной лавкой, а хозяин ее — плотник; все это позволит вам составить себе представление о стиле деревни. Здесь имеются мясник и булочник, а также почтовая контора. Еженедельно в Лондон отправляется возчик, который принимает любые поручения в город и привозит оттуда все, что угодно. В хорошую погоду по дороге [из Лондона] в деревню раскрывается превосходный пейзаж; непосредственно от нашего дома [также] открывается обширная и довольно красивая картина, но так как дом расположен на довольно высоком плоском месте, то сам он имеет несколько заброшенный вид. Через поле стоит очень красивая старая ферма с большими крытыми соломой амбарами и старыми пнями дубов, совсем как в Скелтоне [в Иоркшире]. Это место кажется мне особенно прелестным потому, что каждое поле (но, увы, и наше также) пересечено одной или несколькими пешеходными тропками. Ни в одном графстве

я никогда не видел такого множества тропинок. Местность с ее узкими дорожками, высокими живыми изгородями и полным отсутствием больших дорог кажется в высшей степени деревенской и спокойной. Даже странно подумать, что Лондон находится всего лишь в 16 милях отсюда. Дом стоит очень плохо, непосредственно у маленькой дорожки и поблизости от чьего-то чужого поля. Наше поле имеет 15 акров, оно плоское и с обеих сторон глядит в плоскодонные долины; из гостиной, которая обращена окнами прямо на юг, не видно ничего, кроме нашего плоского поля и кусочков довольно скучного отдаленного горизонта. Перед домом растет несколько старых (очень плодовитых) вишневых деревьев, деревья грецкого ореха, тисс, каштан, грушевое дерево, старая лиственница, сосна, пихта и старые тутовые деревья — все вместе образуют довольно живописную группу. Они придают участку старинный, но вместе с тем и достаточно заброшенный вид вследствие того, что цветут они не обильно. Имеются здесь айвовые, мушмуловые и сливовые деревья, обильно плодоносящие, а также вишневые деревья сорта морелло [Morello cherries], но яблонь мало. Против дома цветет пурпурная магнолия. За нашей изгородью виднеется великолепный бук. Огород — жалкая полоска земли, почва его кажется никуда не годной из-за переполняющего ее множества меловых кремней, но я убежден, что она плодородна. Живые изгороди прекрасно разрослись вокруг нашего поля, которое представляет собой неплохой участок для покоса сена. В этом году урожай был плохой, но был куплен на корню по 2 фунта за акр, т. е. всего за 30 фунтов, причем покупатель сам скосил сено. В прошлом году за него заплатили 45 фунтов, но после того луг не был унавожен. Не плохо ведь? Спросите отца. Не свидетельствуют ли тутовое дерево и магнолия, что зимой здесь не очень холодно? а я очень опасаюсь этого. Скажите Сюзен, что Даун находится в 9 милях от Нол-парка [см. примечания 52 и 108 к «Дневнику» — стр. 403 и 406) и Уэстерхема — мест, как я слышал, исключительно живописных. Вокруг нашего дома имеется много весьма необычных видов — довольно глубокая плоскодонная долина и красивая ферма, и огромные белые безобразные вспаханные под пар поля; здесь в изобилии растет пшеница... Эмма была сначала сильно разочарована как домом, так и местностью вокруг него. День был пасмурный и дул холодный северо-восточный ветер... Местность показалась ей заброшенной. Думаю, что всякая меловая местность выглядит так, но я привык к Кембриджширу, который в десять раз хуже... Однако вчера, когда мы возвращались [в Лондон], Эмма была так восхищена пейзажем на протяжении нескольких миль за Дауном, что мнение ее сильно изменилось...»

В марте 1843 г. в письме к У. Дарвину-Фоксу (L. L., т. I, стр. 321—322) Дарвин следующим образом характеризует Даун: «Не помню, описывал ли я вам когда-нибудь это место: здесь хороший, но очень некрасивый дом (с 18 акрами земли), расположенный на меловой равнине в 560 футах над уровнем моря. Отсюда открываются виды на далекие окрестности, пейзаж умеренно красив, главное его достоинство — исключительно сельский характер. Мне кажется, что я никогда еще не жил в такой абсолютно спокойной местности. В трех милях к югу большой меловой обрыв совершенно отделяет нас от низин Кента, а между нами и этим обрывом нет ни одной деревни и ни одного господского дома — одни только большие леса и пахотные поля (последние в досадно преобладающем количестве), так что мы в самом деле находимся на самом краю света. Вся местность пересечена пешеходными тропками, но поверхность почвы над мелом— глинистая и липкая, и это самая скверная черта нашего владения. Глубокие лощины и гряды холмов часто напоминают мне Кембриджшир и наши совместные прогулки в Черри-Хинтон и другие места, хотя общий вид местности совершенно иной».

Представляет интерес и следующие несколько строк из письма к Ляйеллю, написанного в сентябре 1843 г. (M. L., т. II, стр. 244): «Наконец-то мы привели наш дом и прилегающий к нему участок в достаточно комфортабельное состояние, и я вполне удовлетворен нашей жизненной пристанью. Что за осень была тут у нас! Совсем как в Чили. В течение целого месяца ни единой капли дождя, ни одного облачного дня. Я прямо-таки устал от хорошей погоды и тоскую по зрелищу грязи почти так же, как это бывало со мною в Перу».

Много лет спустя (в 1880 г.) Дарвин дал в письме к геологу Джемсу Гейки следующую геологическую характеристику окрестностей Дауна (M. L., т. II, стр 165—166): «Местность здесь представляет собою меловое плато, имеющее небольшой наклон с юга, от края обрыва (высотою около 800 футов), на север под третичными пластами. В больших и широких долинах (и только в них) пласты покрыты огромной массой скученных вплотную разбитых угловатых кремней; в этой массе были найдены череп мускусного быка [мускусной овцы.—*Фр. Д.*] и покрытого шерстью слона. Это огромное скопление несглаженных кремней должно было, следовательно,

образоваться в то время, когда климат был холодным, и я думаю, что образование этого скопления находит свое объяснение в том, что более обширные долины заполнялись до большой глубины в течение долгого зимнего времени скоплениями мерзлого снега, поверх которого летние дожди намывали всякого рода обломки с более высоких частей плато, иногда вдоль одной линии, иногда вдоль другой, или же в каналах, прорезанных сквозь всю толщу снега вдоль главного направления широких долин.—Мне кажется, я уже прежде писал вам о часто встречающемся вертикальном положении продолговатых кремней в красном глинистом осадке на поверхности мела; этот осадок постепенно погружается в углубления и канальцы, образовавшиеся в твердом мелу вследствие коррозии».

[2] (Стр. 156). Кестон (Keston) — местечко в 4 км к северо-северо-западу от Дауна.

[3] (Стр. 156). Холмсдейл, или Холмсдейлская долина (Valley of Holmsdale) — долина, тянущаяся в широтном направлении с южной стороны возвышенности Северные Даунсы, в среднем на расстоянии 23 миль к югу от Лондона.

[4] (Стр. 157). Хейс (Hayes) — местечко в 2 км к северу от Кестона (см. выше примечание 2); Аддингтон (Addington) — местечко в 5 км к западу от Кестона.

[ХАРАКТЕР ЭННИ]

[1] (Стр. 160). Анна-Элизабет, или Энни (Annie) — самая старшая дочь Дарвина, родилась в 1841 г. и умерла после тяжелой болезни в 1851 г. (см. «Дневник», записи за 1851 г.— этот том, стр. 137). Через неделю после ее смерти Дарвин написал этот коротенький очерк о ней,— о мотивах, побудивших его сделать это, Дарвин сам говорит в начале очерка. Очерк был напечатан Френсисом Дарвином в первом томе L. L. в 1887 г. (стр. 132—134). В русском переводе он появляется впервые.— См. также Athenaeum за 26 ноября 1887 г.

[2] (Стр. 160). Гауэр-стрит (Gower Street) — улица в Лондоне, где находился дом Дарвинов, в котором они жили до переезда в Даун.

[3] (Стр. 161). «Песчаная дорожка» (Sand-walk) — дорожка в Дауне вокруг небольшой рощицы на территории, принадлежавшей Дарвинам. Рощица была насажена самим Дарвином, тут были вязы, липы, клены и дубы. В дальнем, южном, конце рощицы была устроена летняя беседка. Песчаная дорожка была любимым и постоянным местом утренних прогулок Дарвина.

[ВОСПОМИНАНИЯ О ДЖ. С. ГЕНСЛО]

[1] (Стр. 162). Джон Стивенс Генсло (1796—1861), кембриджский профессор ботаники, учитель и друг Ч. Дарвина, сыгравший столь большую роль в его жизни, умер 16 мая 1861 г. 24 мая Дарвин писал Гукеру (M. L., т. I, стр. 188—189), который был женат на дочери Генсло: «Меня глубоко огорчает мысль о том, как редко я встречался с Генсло на протяжении многих лет. Что касается биографии, то я не могу не испытывать сомнений в том, может ли биография воздать ему должное. Свои письма он всегда писал второпях, и боюсь, что он никогда не вел дневника. Было бы очень хорошо, если бы имелись какие-нибудь яркие данные для описания его жизни как приходского священника и его забот о бедняках.

Я никогда не испытываю оптимизма в отношении литературных предприятий. Не могу не опасаться, что жизнеописание его может оказаться плоским. Вряд ли в его жизни имеются какие-нибудь значительные события, достойные описания. Искренно хочу надеяться, что я неправ в своем пессимизме, но не могу не чувствовать опасений — я предпочел бы полное отсутствие жизнеописания такому, которое представит интерес только для ограниченного круга. Я сочту удовольствием для себя и своим долгом учесть все, что я в состоянии вспомнить, но сейчас я вряд ли могу думать о чем-либо. Думаю, что уровновешенность и совершенство характера Генсло создадут для любого автора большие трудности в изображении его. Весь день я много думаю о Генсло, но чем больше я думаю, тем меньше я в состоянии засесть за писание. Приступить к этому делу — нечто совершенно новое для меня, и я хочу еще подумать о том, что я могу сказать, для того чтобы дать хотя бы и несовершенное представление о нем — каким он был в те старые кембриджские дни...»

Через шесть дней, 30 мая, очерк был написан, и Дарвин сообщил Гукеру (L. L., т. II, стр. 372—373): «...Сегодня утром я написал свои воспоминания, относящиеся примерно к 1830 г., и свои впечатления о характере бедного дорогого Генсло. Работа эта доставила мне удовольствие, и я написал четыре-пять страниц, которые сейчас переписываются начисто. Полагаю, что Вы не используете целиком все, и конечно Вы можете переделать и изменить текст, как Вы найдете нужным. Если Вы используете достаточно большой отрывок, я хотел бы получить корректуру, так как я никогда не умею написать прилично, прежде чем не увижу [написанное] набранным для печати. Очень возможно, что некоторые из моих замечаний могут показаться слишком незначительными, но я решил, что лучше изложить мои мысли в том виде, как они у меня возникли, а Вы или Дженинс используете их по своему усмотрению. Вы увидите, что я написал больше, чем Вы просили, но, как я уже сказал вначале, мне доставило удовольствие изложить свои впечатления об изумительном характере Генсло...»

Биографию Генсло написал не Гукер, а шурин Генсло зоолог Л. Дженинс. Текст Дарвина был включен Дженинсом в изданную им в 1862 г. книгу «Memoir of the Rev. John Stevens Henslow, M. A., by the Rev. Leonard Jenyns» (Лондон, стр. 51—55), но еще до того заметка Дарвина была использована в Nature в некрологе, посвященном Генсло. Впоследствии Дж. Роменс писал, что Дарвин, характеризуя в своей заметке Генсло, «сам того не замечая, дал очень точное описание своего собственного характера» (L. L., т. I, стр. 186). С сокращениями заметка воспроизведена в L. L. (т. I, стр. 186—188) В русском переводе она появляется впервые. См. о Генсло также в «Воспоминаниях» Дарвина (этот том, стр. 193—195).

[2] (Стр. 164). Вонючая жаба (natter-jack) — камышевая жаба (*Bufo calamita*).

[3] (Стр. 164). Для скромности Дарвина характерно, как он излагает здесь мнение Генсло о нем. Вот что в действительности писал ему Генсло 24 августа 1831 г., рекомендуя ему принять предложение отправиться в путешествие на «Бигле»: «Я заявил, что считаю Вас из всех, кого я знаю, наиболее подходящим для этой цели. Я утверждаю это не потому, что вижу в Вас *законченного* натуралиста, а по той причине, что Вы весьма специализировались в коллекционировании, наблюдении и способности отмечать все то, что заслуживает быть отмеченным в естественной истории... Не впадайте из-за скромности в сомнения или опасения относительно своей неспособности, ибо — уверяю Вас — я убежден, что Вы и есть тот человек, которого они ищут» (L. L., т. I, стр. 192—193). Эти слова характеризуют не только молодого Дарвина, но и самого Генсло как исключительно прозорливого педагога. Уже через короткое время Генсло мог убедиться из писем, которые Дарвин посылал ему с пути, насколько правильным и удачным оказался его выбор, а через несколько лет, не дожидаясь возвращения Дарвина в Англию, Генсло, как мы уже знаем (см. этот том, стр. 71—86 и 380—383), счел возможным опубликовать выборку из писем Дарвина и сразу сделать тем самым его имя известным среди широких кругов английских ученых.

[4] (Стр. 165). Генсло, имевший сан священника, в последние годы жизни оставил профессуру в Кембридже и стал приходским священником в сельской местности.

[5] (Стр. 165). Англси (Anglesea) — остров у северо-западных берегов Уэльса.

ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗВИТИИ МОЕГО УМА И ХАРАКТЕРА

[Автобиография]

[1] (Стр. 166). Об этом заглавии, а также об истории публикации автобиографии Дарвина см. вступительную статью к этому тому. На русском языке полный текст автобиографии, перевод которого был выполнен нами по фотокопии с рукописи Дарвина, хранящейся в библиотеке Кембриджского университета, был издан в 1957 г. (Чарлз Дарвин, Воспоминания о развитии моего ума и характера — Дневник работы и жизни. Полный перевод с рукописей Ч. Дарвина, вступительная статья и комментарии проф. С. Л. Соболя. Изд. АН СССР, М., 1957). Позже полный текст был опубликован и в Англии внучкой Ч. Дарвина леди Норой Барло (The Autobiography of Charles Darwin. 1809—1882. With original omissions restored. Edited with Appendix and Notes by his grand-daughter Nora Barlow. London., 1958). Ниже приводится перечень важнейших отрывков «Воспоминаний», опущенных Френсисом Дарвином при публикации им в 1887 г.

«Автобиографии» (L. L., т. I, стр. 11—12, 26—107 и 307—313). Знак минуса перед цифрой, указывающей строку, означает счет строк снизу.

Стр. Строки
166, от 1 до 10. Заглавие. Дата. Подпись. Содержание.
166, от 24 до 27. Мне приходилось... со мною, ибо...
166, от — 3 до 168,2 Думаю, что... перед смертью.
168, от 4 до 6. До того, как... успешно.
168, от 9 до 14. Каролина была... сказала.
168, от — 13 до 169,5 Около этого времени... быстро бегал.
174, от 8 до 29. Отец рассказывал... крови пациента.
174, от — 15 до 175,3 Обычным обьектом... гораздо лучше.
176, от — 25 до — 17. Один родственник... не представляет себе, каким образом.
177, от — 17 до — 15. В молодости отец... конверте.
181, от 6 до 10. Об отце... сестрах.
181, от 24 до 27... как и моим четырем сестрам... ко мне.
181, от 31 до 34. Приведенный выше... ценности.
182, от — 18 до — 16. Некоторые... человеком.
184, строка 28 ..но был человеком... на язык.
187, от 25 до 26. В его внешности ...джентльменского.
189, от 13 до 18. Меня совершенно не поражало... incredibile».
195, от 1 до 5. Сначала он не... немалой дозой юмора.
198, от 13 до 15. ...и это проявлялось... кто его обидел.
198, от 17 до 24. Утром сменяя... здравого смысла.
198, от 26 до 27. ...ибо, впадая в раздражение... рассуждать.
198, от —8 до 200,—19. Вспоминаю и другой случай... походил манерами и внешностью.
200. от —17 до —16. ...однако характер его портили и серьезные недостатки.
201, от —6 до —4. Первобытные инстинкты... цивилизованного человека.
204, строка 22 ...этим «facile princeps botanicorum».
205, от 8 до 11. с его до очевидности... тирана
205, строка 12 ... или верования какого-нибудь дикаря.
205, от —18 до —16. Как бы прекрасна... аллегориям.
205, от —5 до 206,4 ...и никогда... Отвратительное учение!
206, строка 18. Все в природе является результатом твердых законов.
207, от —24 до —18. Существо... времени?
207, от —10 до —1. Не приходится, однако, ...возникли.
209, от 5 до 13. Не имеем ли мы... по отношению к змее.
209, от 18 до 210,—20. Человек... существует.
210, от —15 до 213,3 Все вы прекрасно знаете... о милых чертах ее характера.
215, от 2 до 5. В подобных случаях... со стула.
215, от 18 до 30. Он обладал... его сдали.
216, от 1 до 30. Я был... в указателе [к книге]».
216, от 32 до 34 ...до того... просиживал с ним.
216, от —17 до —15. Он никогда... вопросов.
216, от —7 до —6. (а ведь я был... на пять лет)
216, от —5 до 217,2 Полагаю, что... С другой стороны...
217, от 8 до 218,21. Он был склонен... на благо человечества.
218, от 30 до 35. Он был очень... действительно грязные.
218, от —10 до 219,—21 Довольно часто я... рассказ о Спенсере...
219, от —7 до —6. Г. Спенсер говорил... ни одной строки его!
219, от —3 до —2 Это, я думаю, обидело его, ибо...
220, от 1 до 2. В действительности... его беседу
220, от —14 до —10. Когда завтрак... несвоевременны».
220, от —8 до —4. Я слыхал, что его отец... был знаком...
222, от 15 до 16... которые никогда... позволяют обстоятельства.
222, от 28 до —11. Пока я был молод... моей жены и детей.
232, от 12 до 15. Должен, однако, ...Олд-Бейли».
234, строка 4 ...О движениях усиков одного тыквенного растения.
236, от —1 до 237,15 Так как я случайно... есть своя вошь».
242, от 20 до 24. Я сообщил бедному... его книги.

[2] (Стр. 166). «Содержание» написано рукою Ч. Дарвина на отдельном листке, помещенном перед текстом «Воспоминаний», и, вероятно, составлено по завершении

всей работы, т. е. 3 августа 1876 г. В противоположность этому заглавие работы, а также дата и подпись проставлены вверху первой страницы текста. Дата, указывающая здесь начало работы (31 мая 1876 г.), расходится с датой начала работы (28 мая 1876 г.), указанной Дарвином на последней странице рукописи. Можно думать, что первая дата вернее, ибо она, несомненно, была проставлена Дарвином в день, когда он начал писать свои «Воспоминания», между тем как вторую дату Дарвин, по всей вероятности, поставил по памяти, не заглянув в начало рукописи.

[3] (Стр. 166). Названия разделов в «Содержании» не всегда текстуально совпадают с заголовками, которые Дарвин дал разделам «Воспоминаний» в тексте. Последние даны нами курсивом в начале первого абзаца соответствующего раздела, первые же — в виде заголовков (прописными буквами) в начале раздела (в квадратных скобках).

[4] (Стр. 166). Ч. Дарвин имеет здесь в виду своего деда Эразма Дарвина, биографию которого он написал в 1879 г. (см. этот том, стр. 249—306).

[5] (Стр. 166). Шрусбери — см. примечание 2 к «Дневнику» (выше, стр. 400). В русской литературе часто встречается неправильное написание «Шрюсбери».

[6] (Стр. 166). Абергел — см. примечание 3 к «Дневнику» (выше, стр. 400).

[7] (Стр. 166). Самые ранние воспоминания Дарвина изложены им несколько подробнее в небольшом автобиографическом отрывке, написанном в 1838 г. (см. этот том, стр 151—155).

[8] (Стр. 168). «Day-school» — «дневная школа», т. е. школа для занятий в течение дня с приходящими учениками, в противоположность «ночной школе», т. е. школе с пансионом. Френсис Дарвин сообщает (L. L., т. I, стр. 27 примечание), что частную начальную «дневную школу» в Шрусбери «содержал преподобный Кейс (G. Case) — священник унитарной капеллы на Хай-стрит. Миссис Дарвин [т. е. мать Ч. Дарвина] была унитарийкой и посещала капеллу м-ра Кейса, куда вместе с ней ходили мой отец и его старшие сестры. Однако он и его брат были крещены по обряду англиканской церкви, к которой они и считались принадлежащими; когда отец подрос, он, по-видимому, посещал англиканскую церковь, а не капеллу м-ра Кейса. Как сообщает „St. James'Gazette" (от 15 декабря 1883 г.), в память отца в капелле, которая в настоящее время известна под названием „Свободная христианская церковь", установлена стенная мемориальная доска». Напомним, что секта унитариев отрицала догмат триединства бога; молитвенные дома унитариев обычно назывались капеллами.

[9] (Стр. 168). Фр. Дарвин сообщает (L. L., т. I, стр. 28, примечание): «Преподобный Лейтон, который обучался вместе с моим отцом в школе м-ра Кейса, вспоминает, как отец принес однажды в школу какой-то цветок и заявил, что мать научила его, как можно узнать название растения, если заглянуть внутрь цветка. М-р Лейтон говорит далее: „Это сильно возбудило мое любопытство, и я неоднократно допытывался у него, каким образом это может быть сделано?", но его объяснение, естественно, довольно-таки трудно передать». По данным Н. Барло (1958, стр. 23), У. Лейтон (W. A. Leighton), 1803—1899, по окончании Кембриджского университета стал ботаником. Ему принадлежат труды о флоре Шропшира, лишайниках Великобритании и др.

[10] (Стр. 168). Франки (franks)— знаки различной формы и вида, наклеивавшиеся на почтовые отправления для указания того, что данное отправление освобождено от почтовых сборов; эта привилегия была отменена в Англии в 1840 г.

[11] (Стр. 168). Фр. Дарвин (1949, стр. 3, примечание) пишет по этому поводу: «Его отец мудро усматривал в этом не лживость, а стремление делать открытия».

[12] (Стр. 169). Фр. Дарвин сообщает (1949, стр. 5, примечание), что аналогичное впечатление эти военные похороны произвели и на другого уроженца Шрусбери некоего Греттона, который в своих воспоминаниях (Gretton, Memory's Harkback) рассказывает, что отлично помнит даже то место «в саду около церкви св. Чэда, где бедняга был похоронен», и что драгун этот служил в полку, командир которого был незадолго до этих похорон ранен в битве при Ватерлоо. Так как битва при Ватерлоо произошла 18 июня 1815 г., то описываемое Дарвином событие, если, конечно, верно то, что говорит Греттон, относится не к 1817, а к 1815 году, когда Дарвину было шесть с половиною лет.

[13] (Стр. 170). Со времени открытия Гельмгольцем возможности измерения скорости распространения нервного возбуждения (1850) в физиологической и психологической литературе все чаще и чаще подвергался рассмотрению вопрос о быстроте протекания психических процессов. Господствовавшее до работ Гельмгольца представление о молниеносном, не поддающемся измерению характере психических актов было поколеблено экспериментальными фактами. Было доказано, что скорость проведения возбуждения по периферическому нерву неизмеримо меньше скорости распространения не только света, но и звука (у лягушки — около 30 м в сек., у человека немногим больше 60 м в сек.) В 60—70-х годах XIX в. широкое применение получил хроноскопический метод измерения латентного времени простых и сложных двигательных реакций человека (работы Дондерса, Вундта, Экснера и др.). Количественные характеристики времени реакций (0,15—0,20 сек. для простой реакции, 0,30—0,50 сек. для реакции с выбором) заставили еще больше усомниться в правильности общепринятых взглядов на сверхскоростной характер психических процессов. Дарвин, конечно, был хорошо знаком с основными трудами Спенсера, Бэна, Дондерса, Вундта, в которых с достаточной полнотой рассматривался этот вопрос, но возможно, что мимо внимания Дарвина прошло одно из ранних сочинений В. Вундта, в котором была сделана попытка разъяснить именно то противоречие, которое озадачило Дарвина. В примечании к 3-ей лекции 1-го тома своей работы «Душа человека и животных» (1863) Вундт писал: «Вспоминая о прошедшем, мы иногда в самое короткое время пробегаем в уме большие периоды времени. Но внимательно наблюдая над собою, мы легко можем заметить, что эти периоды наполнены только немногими происшествиями и лишь впоследствии мы мало-помалу припоминаем и другие факты». Кажущуюся одновременность нескольких психических актов Вундт объясняет быстрой их последовательностью, считая, что самая быстрая мысль длится в среднем 1/8 секунды. К этому можно добавить экспериментальные данные, полученные позднейшими исследователями. Следует прежде всего указать на значительную изменчивость (как межиндивидуальную, так и внутрииндивидуальную) времени, характеризующего длительность психических процессов. В определенных условиях поток возникающих в сознании представлений течет с молниеносной быстротой, особенно, когда эти представления не оформляются вербально и носят характер зрительных образов, сменяющих друг друга в темпе, не поддающемся учету. Темп этого «мелькания» образов нарастает особенно резко при аффективных состояниях или под влиянием таких эмоций, как страх. В этих условиях психические процессы носят сверхскоростный характер, чередуясь со скоростями в тысячные доли секунды. (*Проф. С. Г. Геллерштейн*).

[14] (Стр. 171). Мэр (Maer) — имение дяди Ч. Дарвина Джосайи Веджвуда, расположенное в Стаффордшире, в 23 милях к северо-западу от Шрусбери, т. е. на расстоянии около дня пути на лошадях от дома Дарвинов.

[15] (Стр. 172). Д-р Сэмюэл Батлер (S. Butler), заведовавший средней классической школой («Grammar-school») в Шрусбери с 1798 по 1836 год, был духовным лицом и в разное время занимал также церковные должности. В 1836 г. он принял епископский сан в Личфилде и Ковентри. С сыном С. Батлера Дарвин учился в Шрусбери и затем в Кембридже и был дружен с ним, а с внуком — писателем С. Батлером — у него впоследствии было неприятное столкновение (см. ниже, примечание 208).

[16] (Стр. 172). Это добавление об отце и других членах семьи (стр 172—181) написано Дарвином в 1877 или 1878 г.

[17] (Стр. 174). Поскольку Плиний старший, знаменитый натуралист и историк, погиб в 79 г., наблюдая извержение Везувия, Дарвин имеет, очевидно, в виду Плиния младшего. Однако обстоятельства смерти последнего совершенно неизвестны, и вряд ли сообщаемый Дарвином рассказ относится к Плинию. Самоубийство путем вскрытия себе вен в ванне было широко распространено в древнем Риме. «Анналы» Тацита полны таких рассказов, но особенно популярен рассказ Тацита о трагической смерти в 65 г. знаменитого римского философа и писателя Сенеки, который вскрыл себе вены, когда Нерон приговорил его к смертной казни за участие в заговоре Пизона против Нерона (см. «Летопись Кая Корнелия Тацита», перевод А. Кронеберга, ч. 2, стр. 208—211, М., 1858; см. также Н. Ф. Д е р а т а н и и др., История римской литературы, стр. 346, М., 1954). Вполне вероятно, что в классической школе д-ра Батлера Дарвин читал Тацита в подлиннике.

[18] (Стр. 176). Н. Барло (1958, стр. 33, примечание) сообщает, что этот родственник — Генри Паркер, муж старшей сестры Ч. Дарвина Марианны.

[19] (Стр. 176). У Дарвина всюду неправильно Шерборн (Sherburn вместо Shelburne).

[20] (Стр. 177). «Атеней» («Athenaeum») — аристократический клуб в Лондоне. По уставу этого Клуба ежегодно в состав его членов избиралось несколько выдающихся представителей науки, литературы и искусства, а также видные общественные деятели. Дарвин был избран в члены Клуба в 1838 г. Из письма Дарвина к Ляйеллю от 9 августа 1838 г. (L. L., т. I, стр. 294) видно, что какое-то участие в избрании Дарвина в члены Клуба принимал Ляйелл и что первоначально Дарвин был далеко не в восторге от мысли оказаться членом аристократического клуба («я был полон ожидания, что буду питать отвращение к нему», т. е. к Клубу), но то обстоятельство, что, обедая по вечерам в Клубе, он получил возможность встречаться там с видными лондонскими натуралистами, сделало для него пребывание в Клубе даже приятным. В 1858 г. в члены Клуба «Атеней» был избран Т. Г. Гёксли.

[21] (Стр. 178). Брюшной тиф как болезнь sui generis был действительно выделен из смешанной группы тифозных лихорадочных заболеваний рядом авторов (Гильдебрандом в Германии, Дженнером и Мурчисоном в Англии, Гергардом и Паннекоком в США) после опубликования работ Луи (1828) и Бретоно (1830). (*Проф. Ф. Т. Гринбаум.*)

[22] (Стр. 178). Н. Барло приводит (1958, стр. 223—225) неопубликованное письмо Эразма Дарвина к его сыну Роберту (отцу Ч Дарвина), написанное, вероятно, в 1792 г. По-видимому, отвечая на вопрос сына о причинах смерти его деда Говарда и его матери Мэри Говард (первой жены Эразма Дарвина), Эразм сообщает, что Говард был алкоголиком и тяжело болел подагрой, а Мэри Говард обнаруживала признаки истерии и эпилепсии, позже пристрастилась к вину и умерла от болезни печени. Он развивает далее свои соображения о наследственных заболеваниях, связанных с пьянством. Эти его взгляды изложены Ч. Дарвином в биографии деда (см. этот том, стр. 278).

[23] (Стр. 178). По словам Фр. Дарвина (L. L., т. I, стр. 16, примечание), эта легенда продолжала жить в Шрусбери еще и в конце века — в 1884 г. ее рассказал другому сыну Ч. Дарвина один шрусберийский старожил.

[24] (Стр. 181). См. этот том, стр. 249—306.

[25] (Стр. 181). Эразм Дарвин, старший брат Ч. Дарвина, получил медицинское образование в Эдинбурге и Лондоне и степень бакалавра медицины в Кембридже, но вречебной практикой никогда не занимался. Получив от отца большие средства, Эразм вел в Лондоне спокойную одинокую жизнь. Его близкими друзьями были знаменитый Карлейль и его жена. До смерти он оставался в тесной дружбе со своим младшим братом, часто приезжая в Даун и проводя лето где-нибудь на курорте с семьей Чарлза. С начала 1860-х гг. Дарвин, приезжая в Лондон, обычно останавливался в доме старшего брата на Queen Anne Street.

[26] (Стр. 181). Чарлз Лэмб (Ch. Lamb), 1775—1834, англ. писатель-юморист. Сравнение Эразма с Лэмбом, по-видимому, бытовало в семьях Дарвинов и Веджвудов. Так, двоюродная сестра Э. и Ч. Дарвинов Джулия Веджвуд в письме об Эразме, напечатанном после его смерти в Spectator (3 сентября 1881 г.), писала: «Беседы с Эразмом Дарвином были, как мне кажется, столь же обаятельными, как произведения Чарлза Лэмба. Это была того же рода шутливость, то же изящество в манере, та же мягкость и, быть может, тот же стиль» (L. L., т. I, стр. 24).

[27] (Стр. 181). Эта заключительная фраза о Карлейле могла быть добавлена Ч. Дарвином только в 1881 г., после того как появилось первое издание «Воспоминаний» («Reminscences») Карлейля, в которых Карлейлем дана краткая характеристика Эразма Дарвина (том II, стр. 208). Хотя эта характеристика не содержит ничего порочащего Эразма Дарвина, надо думать, что несколько снисходительный по отношению к Эразму тон ее и явился причиной отрицательного отношения к ней, высказанного, как мы видим, Ч. Дарвином. По-видимому, по той же причине Джулия Веджвуд напечатала в Spectator указанное выше (примечание 26) письмо, задачей которого было, вероятно, стремление несколько сгладить то впечатление об Эразме, которое создавала характеристика, данная Карлейлем (см. L. L., т. I,

стр. 22—25, где приведены письмо Дж. Веджвуд и отрывок из «Воспоминаний» Карлейля).

[28] (Стр. 181). Отец Френсиса Гальтона (1822—1911) С. Т. Гальтон (1783—1844) был женат на Анне Вайолете Дарвин — дочери Эразма Дарвина от его второго брака; отец Чарлза Дарвина — сын Эразма Дарвина от его первого брака. Вот почему Ч. Дарвин называет С. Т. Гальтона своим дядей, а Френсиса Гальтона — своим двоюродным братом.

[29] (Стр. 182). Джемс Томсон (J. Thomson), 1700—1748, шотландский поэт, представитель так называемой «кладбищенской», элегической, мрачно-меланхолической поэзии. «Времена года» («The Seasons», 1730) — наиболее известное его произведение.

[30] (Стр 182). В Англии в начале XIX в., да и позже, часто появлялись книги под названием «Чудеса мироздания» или близкими к нему. В частности, в 1825 г., т. е. около того времени, когда Дарвин мог читать эту книгу, в Лондоне появилась книга Томаса Смита (Thomas Smith of Spa Fieldls'Chapel) «Wonders of the World», new edition. Книга представляет собою, по-видимому, переработку предназначенного для юношества шеститомного сочинения того же автора «Naturalist's Cabinet» (Лондон, 1807), пользовавшегося широкой популярностью и переведенного на французский и итальянский языки. В том же 1825 г. Дж. Прист (Josiah Priest, 1788—1851) издал аналогичную книгу: «The Wonders of Nature and Providence... an account of various and strange phenomena existing in nature, of travels, adventures, singular providences etc.», Albany, 1825. У нас нет, однако, оснований утверждать, что какое-либо из этих двух сочинений есть именно та книга, которой увлекался Дарвин в школьные годы. (Данные о сочинении Смита любезно сообщены мне канд. биол. наук В. Л. Левиным.)

[31] (Стр. 182). «Noscitur a socio» (лат.) — букв. «узнается товарищем» или «узнается по товарищу». Быть может, Дарвин применил эти слова в смысле: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты».

[32] (Стр. 182). Плас-Эдвардс — см. примечание 6 к «Дневнику» (выше, стр. 400).

[33] (Стр. 182). Zygaena (Anthrocera) — род бабочек из семейства пестрянок; Cicindela — род жуков из семейства скакунов.

[34] (Стр. 182). Гильберт Уайт (Gilbert White), 1720—1793, англ. священник, писатель и натуралист, автор популярного и по настоящее время в Англии сочинения (The natural history and antiquities of Selborne in the county of Southampton», Лондон, 1789. В 1930-х годах насчитывалось свыше ста английских и американских изданий этой книги. Биографические данные об Уайте и характеристику его творчества см.: E. A. Martin, A bibliography of Gilbert White, Westminster, 1897; «Journals of G. White», edited by W. Johnson, London, 1931.

[35] (Стр. 183). Фр. Дарвин сообщает (1949, стр. 10, примечание), что братья поселились в Эдинбурге в доме миссис Маккей на улице Lothian, 11. Сведения о пребывании Ч. Дарвина в Эдинбурге имеются в литературе, приведенной в примечаниях 1 к «Эдинбургской записной книжке» и 12 к «Дневнику» (выше, стр. 369 и 400).

[36] (Стр. 183). Из семи студенческих билетов Ч. Дарвина 1825—1826 гг., переданных в 1909 г. Фр. Дарвином Эдинбургскому университету, можно видеть, что Ч. Дарвин пользовался университетской библиотекой и посещал лекции Э. Дункана по фармакогнозии, диэтетике и фармации, Т. Ч. Хопа — по химии и фармации, А. Монро по анатомии, физиологии и патологии, а также по теории и практике хирургии; кроме того, он посещал клинические лекции д-ров Греема и Алисона и пользовался правом посещения Королевского госпиталя.

[37] (Стр. 183). Хоп Ч. (Charles Hope), 1766—1844, известный химик, описавший в 1798 г. стронциеву землю; ученик и последователь Лавуазье и Дальтона, Хоп один из первых в Англии развивал с университетской кафедры их воззрения (в частности, учение Дальтона об атомном строении материи). Блестящий лектор, Хоп пользовался огромной популярностью среди эдинбургских студентов. Кафедру химии в Эдинбурге Хоп занимал с 1799 по 1843 годы. См. о нем: A. Grant. The Story of the University of Edinburgh, vols. I—II, London, 1884 (vol. II, pp. 397—398).

[38] (Стр. 183). Э. Дункан (правильнее: Данкан, Andrew Duncan), второй или младший, занимал в Эдинбурге кафедру Materia medica (учение о лекарственных веществах, фармакогнозии) в 1821—1832 гг. Его учебник фармакопеи («Edinburgh Dispensatory») был широко распространен в течение многих лет в медицинских школах всей Европы. Дункан занимался изучением цинхонина (алкалоида коры хинного дерева) и ряда других растительных алкалоидов. В годы обучения Ч. Дарвина в Эдинбурге Дункан заведовал также университетской библиотекой. См. о нем указанное сочинение Гранта (см. выше, примечание 37): том 1, стр. 292 и том II, стр. 14—16, 407, 424, 445—447.

[39] (Стр. 183). Речь идет об Александре Монро (A. Monro, у Дарвина неправильно Munro) третьем, который занимал кафедру анатомии в Эдинбурге в 1798—1846 гг. Его отец (Александр Монро второй) и дед (Александр Монро первый) занимали ту же кафедру (дед — с 1720 г.). Оба они прославились как выдающиеся анатомы, посвятившие себя в значительной мере разработке сравнительной анатомии. Третий Монро, лекции которого слушал молодой Дарвин, был весьма посредственным исследователем и педагогом и не пользовался любовью студентов. Подробнее обо всех трех Монро см. указанное сочинение Гранта, том II, стр. 386—391.

[40] (Стр. 184). «Я слышал,— говорит Френсис Дарвин (1949, стр. 12, примечание),— как отец вспоминал о том, какую он испытывал гордость, когда добился успешного излечения целого семейства при помощи рвотного камня».

[41] (Стр. 184). Сведения об этих трех эдинбургских друзьях Дарвина находим в статье Ашуорта (см. примечание 1 к «Эдинбургской записной книжке» выше, стр. 369). У. Ф. Эйнсуорт (William Francis Ainsworth), 1807—1896, врач и геолог; в 1835 г. вошел в состав научной экспедиции на Ефрат и опубликовал отчет о своих исследованиях по геологии и зоологии южной Месопотамии.— Дж. Колдстрим (John Coldstream), 1806—1863, врач и зоолог; в «Энциклопедии анатомии и физиологии» Тодда напечатал в 1830-х годах статьи о медузах, усоногих раках, свечении животных и др.— Ашуорт показал, что Дарвин ошибся в отношении как фамилии, так и судьбы того студента, которого он называет Гарди (Hardie): речь идет об У. Ардинге (Willoughby Arding), 1805—1879, получившем в 1826 г. золотую медаль за собранную им коллекцию растений; в 1829 г. он отправился в качестве хирурга в Индию, а через десять лет вернулся в Англию и в течение многих лет занимался медицинской практикой.

[42] (Стр. 184). О взаимоотношениях Ч. Дарвина и Роберта Гранта (1793—1874) см. интересную статью в журнале «Лихнос»: P. H. J e s p e r s e n, Charles Darwin and Robert Grant («Lychnos», 1948—1949, стр. 159—167). С 1820 г. Грант работал в Эдинбурге, занимаясь исследованием морских беспозвоночных. В 1827 г. он был избран профессором сравнительной анатомии и зоологии Лондонского университета. Как в эдинбургских работах, так и в лондонских лекциях по сравнительной анатомии (1830-е годы) Грант определенно говорит о «превращениях [метаморфозах] видов» и о «развитии животного царства... от более простого до нынешнего состояния». Опубликованную им в мае 1861 г. работу о «первичных подразделениях животного царства» Грант посвятил Дарвину как основателю эволюционного учения. Т. Гёксли писал о Гранте: «Среди биологов того времени (1851—1858) я не встречал никого, за исключением д-ра Гранта из Университетского колледжа, который произнес бы хотя одно слово в пользу эволюционной идеи; выступления же д-ра Гранта не сыграли какой-либо роли в продвижении дела» (L. L., т. II, стр. 188).

[43] (Стр. 185). Доклад Дарвина о мшанке Flustra и морской хоботной пиявке *Pontobdella muricata*, нападающей главным образом на скатов, был сделан им не «в начале 1826 г.», как он пишет, а 27 марта 1827 г., как видно из протоколов Плиниевского общества. См. подробнее во вступительной статье к этому тому.

[44] (Стр. 186). О Плиниевском студенческом обществе см. вступительную статью к этому тому.

[45] (Стр. 186). Грант упомянул об открытии Дарвина не в своей работе о Flustra, а в статье о коконах («яйцах») Pontobdella, напечатанной в 1827 г. в Edinburgh Journal of Science. См. подробнее во вступительной статье к этому тому.

[46] (Стр. 186). Джемс Кэй-Шаттлуорт (J. Ph. Kay-Shuttleworth), 1804—1877, англ. деятель в области народного образования.

[47] (Стр. 186). Джон Джемс Одюбон (John James или Jean Jackes Andubon), 1780—1851, американский натуралист-орнитолог, первоначально учился живописи в Париже у Давида, в 1803 г. переехал из Франции в США, где занялся орнитологией; его акварельные рисунки птиц Северной Америки получили всемирную известность. Путешествуя по Европе, Одюбон пробыл в Эдинбурге с 23 октября 1826 до 5 апреля 1827 г. Здесь он сблизился с проф. Джемсоном, путешественником капитаном Холлом, писателем Вальтер Скоттом и с гравером Лизарсом, изготовившим для него гравюры с его акварельных рисунков для первого четырехтомного издания его «Птиц Америки» («The Birds of America», Лондон, 1827—1838). Одюбон прочитал в Эдинбурге два доклада: в Королевском обществе (19 февраля 1827 г.) о повадках дикого американского голубя и в Вернеровском естественноисторическом обществе (24 февраля 1827 г.) о гремучей змее,— очевидно, Дарвин присутствовал на этом втором докладе.— Ч. Уотертон (Charles Waterton), 1782—1865, англ. орнитолог. С 1812 по 1824 г. путешествовал по Южной и Северной Америке. Описание этого путешествия («Wanderings in S. America etc.) издал в 1825 г. Судя по словам Дарвина, Одюбон, надо думать, оспаривал какие-то данные Уотертона, касающиеся орнитологии Северной Америки. В 1838 г. впервые вышло его большое сочинение по орнитологии, неоднократно переиздававшееся впоследствии.

[48] (Стр. 186). Л. Хорнер (Leonard Horner), 1785—1864, англ. геолог и минералог. В 1827 г. переехал из Эдинбурга в Лондон, где работал в Университете, Королевском и Геологическом обществах. Дружеские отношения между Хорнером и Дарвином установились впоследствии в Лондоне, когда Дарвин начал публиковать свои геологические труды, которые Хорнер восторженно приветствовал.

[49] (Стр.186). Р. Джемсон (Robert Jameson), 1774—1854, виднейший из профессоров Эдинбургского университета в первой половине XIX в. Минералог и геолог, Джемсон был одновременно и видным зоологом. Он издавал два крупнейших в Шотландии естественнонаучных журнала. Им был основан при Эдинбургском университете Музей естественной истории, который долго считался вторым после Британского музея (Лондон) по размерам и качеству коллекций. Сохранившаяся программа курса, который читал Джемсон в 1826—27 учебном году, когда его слушал Дарвин, показывает, что в свои лекции по «естественной истории» он включал геологию, метеорологию, гидрологию, зоологию и ботанику (свыше ста лекций в течение пяти зимних месяцев). Раздел зоологии начинался рассмотрением человека с естественноисторической точки зрения и заканчивался лекциями по философии зоологии, причем главным вопросом здесь было «происхождение видов животных». Джемсон был учеником и последователем знаменитого фрейбургского геолога Вернера, т. е. убежденным нептунистом, что и оттолкнуло от него Дарвина. Следует, однако, отметить, что суровый отзыв Дарвина о лекциях Джемсона не находит подтверждения в отзывах других слушателей и учеников его, таких, например, как Э. Форбс, Р. Грант, Макджилливрей. О Р. Джемсоне см. упоминавшиеся выше работы Ашуорта и Гранта (т. II, стр. 433); см. также V. A. E y l e s, Robert Jameson and the Royal Scottish Museum, Discovery, том XV, № 4, стр. 155—162, апрель 1954.

[50] (Стр. 187). «Нептунисты» считали, что нахождение «эрратических (блуждающих) валунов» на огромных расстояниях от материнской горной породы объясняется «наводнениями», которые якобы переносили на сотни и тысячи километров громадные массы камня. Явная неудовлетворительность этого объяснения привела к возникновению теории переноса валунов плавающими айсбергами, которой долго придерживался и Дарвин. Только в конце 1830-х годов была выдвинута ледниковая теория, которая полностью объяснила распространение валунов движением древних гигантских ледников, переносивших на юг обломки северных гранитных пород и оставивших их там при своем отступании на север. См. статью Н. С. Ш а т с к о г о «Дарвин как геолог» (наст. издание, т. 2, стр. 254—261).

[51] (Стр. 187). Дайки — жилы изверженных пород (древних лавовых потоков — трапов), пересекающие осадочные и метаморфические породы. Нелепость нептунистского «объяснения» происхождения дайки путем заполнения трещины в земной коре осадками, приносимыми водой, была уже совершенно очевидна в годы студенчества Дарвина. Поэтому Дарвин и говорит, что ему, которому сейчас только 67 лет, кажется странным, что он еще мог 50 лет назад слышать из уст университетского профессора столь невежественное «объяснение».

[52] (Стр. 187). У. Макджилливрей (Villiam Macgillivray), 1796—1852, зоолог, ассистент Джемсона и хранитель Музея естественной истории в годы, когда Дарвин учился в Эдинбурге. С 1841 г. Макджилливрей состоял профессором естественной истории в Абердине. Макджилливрей специализировался по систематике моллюсков и птиц.

[53] (Стр. 187). Сноудон (Snowdon) — вершина Кембрийского массива в Уэльсе; высота 1085 метров.

[54] (Стр. 187). Оуэн (Owen)— шропширский сквайр (помещик), имение которого Вудхаус (Woodhouse) находилось в нескольких милях от Шрусбери. Дарвины были близкими друзьями Оуэнов.

[55] (Стр. 188). Дж. Макинтош (James Mackintosh), 1765—1832, англ. государственный деятель и историк. Макинтош и Дж. Веджвуд (из Мэра) были женаты на сестрах Оллен.

[56] (Стр. 188). Приводимые Дарвином слова взяты из Од Горация (Книга III, ода III, строфа 1). Эта ода обращена к императору Августу, написана в 27 г. до н. э. Слова, запомнившиеся Дарвину, цитирует также Энгельс в своем письме к Марксу от 21 декабря 1866 г. (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 390, М.— Л., 1930), давая следующую характеристику Горацию: «Представьте себе этого честного человека, бросающего вызов в vultus instantis tyranni [т. е. в лицо присутствующего тирана] и ползающего на брюхе перед Августом». Дарвин, разумеется, применяя эти слова Горация к Веджвуду, хочет изобразить его как честного и смелого человека без всяких оговорок. Полностью строфа звучит так:

«Justum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida».

Русский перевод:

Кто, справедливый, стоек в решениях,
Того сограждан гнев на неправое
Не склонит, ни царей упорных
Грозные взгляды.

(Квинт Гораций Флакк, Оды. Перевел размерами подлинника Н. И. Шатерников. Стр. 90. М., 1935).

[57] (Стр. 189). Джон Пирсон (J. Pearson) — речь идет, по-видимому, об англ. теологе епископе Честерском (1613—1686).

[58] (Стр. 189). «Credo quia incredibile» (лат.) — «верую, потому что это невероятно». По-видимому, несколько измененный знаменитый христианский «постулат», приписываемый христианскому писателю II—III веков Квинту Тертуллиану: «Credo quia absurdum est» («верую, потому что это абсурдно»), т. е. вера не нуждается в разумных доказательствах того, что она утверждает.

[59] (Стр. 190). Little-Go (букв. малый переход) — так в английских университетах называется первый или предварительный экзамен на степень бакалавра искусств (см. примечание 60).

[60] (Стр. 190). B. A (Bachelor of Arts) — бакалавр искусств, т. е. первая ученая степень, присваиваемая в Англии лицам, окончившим университеты и колледжи; следующая степень — магистр искусств и высшая — доктор искусств. Термины эти являются пережитком средневековья, когда в схоластических университетах под «искусствами» понимали семь так называемых «свободных искусств» (грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия); в настоящее время в некоторых западных странах под «свободными искусствами» понимают круг наук (лингвистика, философия, естествознание, история и т. д.), изучаемых в университетах (в противоположность специальным, напр. техническим высшим учебным заведениям). У нас часто во избежание недоразумений английские ученые степени «бакалавр, магистр, доктор искусств», переводят как «бакалавр, магистр, доктор наук».

[61] (Стр. 190). Уильям Пейли (William Paley), 1743—1805, английский теолог, сочинения которого (три главных из них названы Дарвином) в течение долгого вре-

мени служили основными учебниками богословия в английских университетах. Пейли, мало оригинальный писатель, способствовал своими произведениями широкому распространению в Англии так называемой «натуральной теологии», основную идею которой составляет положение, по которому целесообразность в строении организмов, их приспособленность к условиям среды является выражением премудрости и благости божией,— бог-де сотворил каждое животное, каждое растение по заранее задуманному плану в соответствии с той средой, в условиях которой данный организм должен был по замыслу бога существовать. Биография Пейли предпослана однотомному собранию его сочинений: The Works of William Paley, Edinburgh, 1825.

[62] (Стр. 190). Οἱ πολλοί (греч.), букв., многие, множество, масса.

[63] (Стр 190). Френсис Дарвин сообщает, что по списку сдавших экзамены в Кембридже в январе 1831 г. Ч. Дарвин был десятым.

[64] (Стр. 190). Адам Седжвик (A. Sedgwick), 1785—1873, геолог, профессор Кембриджского университета. См. дальше в «Воспоминаниях» Дарвина его рассказ о геологической экспедиции с Седжвиком в августе 1831 г. по Северному Уэльсу. Дарвин относился к Седжвику с большим уважением как к своему учителю в области геологии и крупному геологу (Седжвику принадлежат важные исследования по кембрию и палеозою Англии и самые эти термины установлены им). Впоследствии, однако, Седжвик стал одним из самых ярых противников эволюционного учения Дарвина.

[65] (Стр. 190). О Генсло см. ниже примечание 78.

[66] (Стр. 190). Более старые члены Университета, т. е. профессора, преподаватели и студенты старших курсов.

[67] (Стр. 191). Фр. Дарвин сообщает (1949), стр. 23 (примечание): «На основании собранных мною у некоторых современников моего отца сведений я полагаю, что он преувеличил разгульный характер этих вечеринок».

[68] (Стр. 192). Ч. Уитли (Ch. Whitley), кембриджский друг Ч. Дарвина по университету. Впоследствии стал священником; одно время состоял лектором естественной истории в Дургамском университете.— Лауреат Кембриджского университета по математике — в подлиннике «Senior Wrangler», так же, как окончившего Кембриджский университет с высшим отличием по математике, называют получившим «a high wrangler's degree» (wrangler — букв.: тот, кто переспорил всех).

[69] (Стр. 192). Галерея Фицуильяма (Fitzwilliam Gallery)—художественная галерея Кембриджского университета.

[70] (Стр. 192). Джошуа Рейнольдс (Joshua Reynolds), 1723—1792, знаменитый англ. портретист. Дарвин, по-видимому, говорит о книге Рейнольдса (Лондон, 1778), содержащей его лекции по эстетике. См. также «The works of Sir J. Reynolds», vols. 1—2, London, 1797, и 2-е изд., vols. 1—3, 1798.

[71] (Стр. 192). Себастьяно дель Пьомбо (Sebastiano del Piombo), 1485—1547, выдающийся итальянский художник. В своих картинах отразил влияние своих учителей и друзей Джорджоне, Тициана, Рафаэля. С 1514 г., сблизившись с Микельанджело, создает под его влиянием ряд монументальных произведений, композиция которых действительно, как пишет Дарвин, поражает своей величественностью. К числу этих произведений относится и находящаяся в Национальной галерее в Лондоне картина «Воскрешение Лазаря», написанная около 1517 г. Возможно, что именно об этой картине и говорит Дарвин.

[72] (Стр. 192). Дж. М. Герберт (John Maurice Herbert)—университетский друг Дарвина. Впоследствии был судьей местного суда в Кардиффе и выездным судьей графства Монмут (на юге Уэльса).

[73] (Стр. 192). В Кембриджском и Оксфордском университетах колледжи представляют собою более или менее самостоятельные корпорации, в известной мере соответствующие факультетам, но предоставляющие студентам не только возможность изучения науки, но и квартиру, питание и пр. Каждый колледж, ведущий свое происхождение от средневековых учреждений, на основе которых он развился и имя которых он сохраняет (колледжи Христа, Иисуса, Троицы и т. д.), имеет свои здания (учебные и жилые), своих преподавателей и пр. Дарвин учился в Колледже Христа (Крайстс колледж).

[74] (Стр. 193). Джемс Френсис Стивенс (J. F. Stephens), 1792—1853, известный лондонский энтомолог, президент Лондонского энтомологического общества. В феврале 1829 г. Дарвин посетил Стивенса, о котором писал Фоксу: «Стивенс маленький приятный человек, по-видимому, весьма добродушный; его кабинет [т. е. коллекция насекомых] по своему великолепию превосходит все, о чем только может мечтать самый рьяный энтомолог» (L. L., т. I, стр. 175). Дарвин не вполне верно передает название труда Стивенса, в действительности называющийся «Illustrations of British Entomology»; вышедший в Лондоне в 1827—1835 гг., в 11 томах, этот труд содержит не одно, а несколько упоминаний имени Дарвина в описаниях объектов, присланных Стивенсу различными английскими энтомологами, в том числе и коллекционерами-любителями, каким в то время был и Дарвин.

[75] (Стр. 193). Уильям Дарвин-Фокс (W. Darwin Fox) — родственник и близкий друг Ч. Дарвина. Мать Фокса была дочерью У. О. Дарвина — родного брата Э. Дарвина, деда Ч. Дарвина. Дружба между Дарвином и Фоксом поддерживалась вплоть до смерти Фокса в 1880 г. Будучи деревенским священником, Фокс никогда не терял интереса к естествознанию, увлекаясь по прежнему энтомологией и орнитологией.

[76] (Стр. 193). Олберт Уэй (Albert Way), 1805—1874, впоследствии стал археологом и путешественником.

[77] (Стр. 193). Panagaeus и упоминаемый дальше Licinus — два рода семейства жужелиц (Carabidae).

[78] (Стр. 193). Джон Стивенс Генсло (John Stevens Henslow), 1796—1861, натуралист (преимущественно ботаник), учитель и друг Ч. Дарвина. С характеристикой, которую Дарвин дает здесь, в «Воспоминаниях», ср. его очерк о Генсло, написанный в 1861 г. (См. этот том, стр. 162—165).

[79] (Стр. 193). Как сообщает Фр. Дарвин (1949, стр. 26—27, примечание), эти вечера, которые Генсло устраивал у себя по пятницам, были прекращены им в 1836 г. Взамен он и ряд других профессоров Кембриджского университета организовали в 1837 г. «Реевский клуб», который таким образом возник из вечеров Генсло. См. C. C. B a b b i n g t o n, The Cambridge Ray Club. 1887.

[80] (Стр. 194). В 1553 г. реформаторы англиканского вероисповедания сформулировали 42 догмата веры. В 1563 г. число этих догматов было сведено к 39, которые широко известны среди верующих Англии под названием «тридцати девяти догматов» («Thirty-nine articles»).

[81] (Стр. 194). Похитители трупов — Bodysnatchers. Весь этот эпизод представляет интерес как документальное подтверждение того, что практика похищения трупов из могил для продажи их медицинским школам и отдельным хирургам и анатомам все еще существовала в Англии во времена студенческих лет Дарвина — в конце 20-х — начале 30-х годов. Как раз в эти годы (в 1829—1832 гг.) в английском парламенте шло обсуждение так называемого «анатомического закона» («Anatomy act»), который был принят, наконец, 19 июля 1832 г. Главными противниками закона были представители церкви, отстаивавшие восходящее ко временам средневековья запрещение пользоваться трупами для преподавания анатомии. По их наущению чернь нередко расправлялась с «похитителями трупов», устраивая над ними суды Линча. Энергично выступали в парламенте в защиту закона Маколей и О'Коннель. Согласно «анатомическому закону» были созданы должности четырех «инспекторов анатомии» по четырем округам Англии. Эти инспекторы подчинялись министру внутренних дел. В учебных заведениях на одного из преподавателей возлагалась ответственность за «надлежащее анатомирование». Как сообщается в Британской энциклопедии, закон 1832 г. действует, с небольшими изменениями, и в настоящее время. См. также F. E. L i n d e n, Resurrection Riots during the Heroic age of Anatomy in America, Bull. Hist. Med., edited by Sigerist and Temkin, 1951, т. XXV, № 2, стр 178—184. (Данные об анатомическом акте любезно сообщены мне доцентом П. Е. Заблудовским).

[82] (Стр. 194). Уильям Юэлл (William Whewell; в русской литературе часто неправильно — Уэвелль), 1794—1866, английский философ и историк науки, широко известный своим сочинением «История индуктивных наук» (русский перевод в трех томах, СПб., 1867—1869). Профессор колледжа Троицы в Кембриджском университете, Юэлл придерживался крайне реакционных теолого-идеалистических воззрений. Проповедуя в биологии «натуральную теологию» (см. выше, примечание 61), Юэлл

не только не принял учения Дарвина, но и прямо запретил держать в библиотеке колледжа Троицы «Происхождение видов».

[83] (Стр. 195). Леонард Дженинс, впоследствии Бломфилд (Leonard Jenyns; Blomefield), 1800—1893, натуралист, друг Дарвина. Справка Дарвина о родстве Дженинса с писателем Соумом Дженинсом (1704—1787) неверна: Соум был не дедом Леонарда, а троюродным братом его отца, которому он завещал свое обширное имение в Кембриджшире. По окончании Кембриджского университета Леонард стал помощником приходского священника в деревне близ имения своего отца, на границе Фенов (см. ниже, примечание 84). Оставаясь в течение многих лет священником, Дженинс продолжал работать в области зоологии позвоночных и опубликовал большое число трудов. Им написана 4-я часть «Зоологических результатов путешествия на „Бигле"», посвященная рыбам, собранным Дарвином во время путешествия. Дженинс был известен как очень точный и тщательный наблюдатель. Перечисляя в письме к Гукеру в марте 1860 г. первых 15 крупных английских натуралистов, примкнувших к нему, Дарвин указывает среди них и Дженинса. В 1887 г. Дженинс издал (на правах рукописи) свою автобиографию «Chapters in my Life».

[84] (Стр. 195). Фены (The Fens) — низменные (частью заболоченные) равнины в низовьях рек Уз, Нен и др. к северу от Кембриджа. Дженинс жил в Суоффем-Балбеке (Swaffham Bulbeck), к востоку от нижнего течения реки Уз.

[85] (Стр. 195). Рамси (Ramsay) умер летом 1831 г. В переписке Дарвина с Генсло (письма от 24 и 30 августа 1831 г.) они посвящают Рамси несколько теплых строк. Не ошибся ли Дарвин, указав, что братом Рамси был «сэр Александр Рамси»? Вероятно, речь идет об известном шотландском геологе Эндрью Рамси (которого у нас принято также называть Рамсай и Рамзай).

[86] (Стр. 195). Королевское общество (Royal Society) — высшее научное учреждение Англии. Основанное в 1660 г. как свободная ассоциация английских натуралистов, Королевское общество фактически играет в Англии роль академии наук.

[87] (Стр. 195). В знаменитом 30-томном описании научных результатов путешествия Александра Гумбольдта и французского натуралиста Эме Бонплана в тропическую Южную Америку (вышло в 1807—1834 гг.) три тома посвящены описанию самого путешествия («Relation historique du voyage»). Эти написанные самим Гумбольдтом тома были изданы в англ. переводе под названием «Personal Narrative of Travels. . 1779—1804», тома I—III, Лондон, 1818—1819. Об этом сочинении и говорит Дарвин.

[88] (Стр. 195). Это сочинение знаменитого англ. астронома Джона Гершеля (1792—1871) переведено на русский язык: «Философия естествознания. Об общем характере, пользе и принципах исследования природы», СПб., 1868.

[89] (Стр. 195). Т. К. Эйтон (Thomas Campbell Eyton), 1809—1880. Впоследствии выступал как противник учения Дарвина. (Н. Барло, 1958, стр. 68, примечание).

[90] (Стр. 196). В подлиннике «at Christmas», т. е. «на Рождество». Это, однако, явная описка — выше (стр. 189) Дарвин совершенно правильно указывает, что он «поехал в Кембридж после рождественских каникул [after the Christmas vacation], в начале 1828 г.»

[91] (Стр. 196). «В связи с этим путешествием мой отец любил рассказывать следующую историю. Однажды утром они с Седжвиком выехали из гостиницы и проехали уже милю или две, когда Седжвик внезапно остановился и поклялся, что он вернется назад, так как уверен, что „этот проклятый негодяй" (оффициант) не передаст горничной шестипенсовика [мелкая серебряная монета в полшиллинга], который Седжвик оставил ему для горничной. В конце концов его удалось убедить отказаться от этого намерения — он понял, что нет никаких оснований подозревать оффицианта в подобном вероломстве». (Примечание Фр. Дарвина, L. L., т. I, стр. 56).

[92] (Стр. 196). Voluta (свиток) — род теплолюбивых вымерших и современных улиток с красивой веретеновидной раковиной; некоторые виды достигают довольно крупных размеров, и раковины их используются как украшения на каминах, в качестве пепельниц и пр.

[93] (Стр. 196). Все перечисленные пункты, как и ниже указанный Кумбран-Идуол, расположены в самой северной части Уэльса.

[94] (Стр. 196). Дарвин имеет в виду свою статью «О некоторых явлениях, связанных с древними ледниками Кернарвоншира, и о валунах, переносимых пловучим льдом» 1842 г. (русский перевод ее см. наст. издание соч. Ч. Дарвина, т.2, стр. 592—601). Фраза Дарвина сформулирована им так, что производит впечатление, будто слова «дом, сгоревший во время пожара» и т. д. представляют собой цитату из указанной статьи. В действительности это не так — в статье этих слов нет. Дарвин, надо думать, хотел лишь сказать, что приведенные им в статье данные так же красноречиво говорят о деятельности ледников в отдаленном прошлом, как «дом» и т. д. В данном случае было бы поэтому вернее перевести дарвиновское «declared» словом «показал», а не словом «заявлял».

[95] (Стр. 197). Во время путешествия Ч. Дарвин заносил свои наблюдения и первые впечатления в карманные «Записные книжки» («Note-books»), текст которых был впервые опубликован в 1945 г. Норой Барло (см. этот том, стр. 7—70). На основании этих записных книжек Ч. Дарвин на длительных стоянках и на корабле составлял свой «Дневник» («Journal»), который Н. Барло впервые опубликовала в 1933 г. под названием «Diary» (см. наст. издание, т. 1, стр. 423—564) и который представляет собой первую литературную редакцию описания путешествия Дарвина на «Бигле». О вступлении к этому рукописному «Дневнику» и говорит Дарвин (перевод этого вступления на русский язык см. наст. издание, т. 1, стр. 425—426).

[96] (Стр. 197). Решение Джосайи Веджвуда (которого Ч. Дарвин часто кратко называет «дядя» или «дядя Джос») поехать в Шрусбери, чтобы лично убедить д-ра Дарвина дать свое согласие на участие Чарлза в путешествии, было принято 1 сентября. Накануне Чарлз и Дж. Веджвуд написали д-ру Дарвину письма (L. L., т. I, стр. 197—199), которые мы приводим здесь, так как доводы Веджвуда сыграли решающую роль во всей судьбе Чарлза.

Письмо Чарлза отцу от 31 августа 1831 г.:

«Дорогой отец»

Боюсь, что я снова доставлю Вам беспокойство. Но поразмыслив, я полагаю, что Вы извините меня, если я еще раз изложу свой взгляд на предложенное мне путешествие. Извинением и основанием для меня является то, что все Веджвуды смотрят на дело совершенно иначе, чем Вы и мои сестры.

Я познакомил дядю Джоса с составленным мною (горячо надеюсь — точно и полно) списком Ваших возражений, и он был столь любезен, что высказал свое мнение о каждом из них. Список и его ответы будут вложены в это письмо. Могу ли я просить у Вас только об одном одолжении? Вы окажете мне величайшую любезность, если пришлете решительный ответ — да или нет. Если Вы скажете „нет“, то я был бы самым неблагодарным человеком, если бы не подчинился беспрекословно Вашему здравому решению при той сердечнейшей снисходительности, которую Вы проявляли ко мне на протяжении всей моей жизни; и я уверяю Вас, что никогда больше не буду упоминать об этом вопросе. Если ответ ваш будет „да“, то я прямо поеду к Генсло и осмотрительно посоветуюсь с ним, а затем вернусь в Шрусбери.

Мне и всем Веджвудам опасность не представляется большой. Расходы не могут быть сколько-нибудь значительными, а что касается времени, то во всяком случае я не думаю, чтобы оно оказалось затраченным зря в большей мере, чем если бы я оставался дома. Но прошу Вас не думать, будто я так жажду поехать, что хотя бы *на одно мгновение* стану колебаться, если буду знать, что через короткий промежуток времени все это может показаться Вам неприятным.

Я должен снова заявить, что не могу представить себе, чтобы путешествие сделало меня впоследствии непригодным для уравновешенной жизни. Хочу надеяться, что это письмо не слишком обеспокоит Вас. Я посылаю его с каретой завтра утром: если Вы сразу придете к решению, то не пришлете ли Вы мне ответ на следующий день тем же путем? Если это письмо не застанет Вас дома, то я надеюсь, что Вы ответите на него так скоро, как найдете это удобным.

У меня нет слов, чтобы описать любезность дяди Джоса: никогда мне не забыть, с каким интересом он отнесся ко мне. Мой дорогой отец, искренне любящий Вас сын *Чарлз Дарвин*»

К письму был приложен составленный Чарлзом следующий список возражений д-ра Дарвина против участия Чарлза в путешествии:

«1. Путешествие дискредитирует мою репутацию как лица, которому предстоит стать священником.

2. Сумасбродный план.

3. До меня они уже предлагали, вероятно, это место натуралиста многим другим.

4. И из того, что оно не было никем принято, явствует, что имеются какие-то серьезные возражения против корабля или экспедиции.

5. Никогда впоследствии я уже не буду способен вести уравновешенную жизнь.

6. Условия моей жизни [на корабле] будут, вероятно, крайне неудобными.

7. Вы [т. е. д-р Дарвин] будете рассматривать это как еще одну перемену мною моей профессии.

8. Это было бы бесполезным предприятием»

Свое мнение по поводу каждого из этих возражений Дж. Веджвуд сформулировал в следующем письме д-ру Дарвину, датированному «Мэр, 31 августа 1831 г.»:

«Дорогой доктор,

Я чувствую, насколько серьезна ответственность, возлагаемая на меня Вашим обращением ко мне по поводу предложения, сделанного Чарлзу, но так как Вы пожелали, чтобы Чарлз посоветовался со мной, то я не могу отказаться от того, чтобы не представить Вам мои соображения, поскольку я в состоянии был обдумать вопрос.

Чарлз составил список того, что он считает Вашими главными возражениями, и я думаю, что мне лучше всего изложить то, что я думаю по поводу каждого из них.

1. Я не склонен думать, что это в какой-либо степени дискредитировало бы его репутацию как священника. Напротив, я считаю, что предложение это является почетным для него, а изучение естественной истории, не являясь, конечно, профессиональной обязанностью священника, вполне приличествует последнему.

2. Я, право, не знаю, как отнестись к этому возражению, но у него будут, вероятно, определенные объекты, которыми он будет заниматься, и он сможет приобрести и развить в себе привычку к усидчивой работе, полагаю, в такой же мере, в какой он был бы способен сделать это любым другим путем, оставаясь в ближайшие два года дома.

3. Читая письма, я не заметил этого; я снова перечитал их, имея в виду это возражение, но не обнаружил никакого основания для него.

4. Я не могу представить себе, чтобы Адмиралтейство послало для выполнения такого рода службы плохой корабль. Что касается возражений против экспедиции, то они у разных людей могут быть различными, и для Чарлза, я думаю, не могло бы иметь решительно никакого значения то, что другие лица возражали, если бы такой факт вообще стал известным.

5. Вы можете судить о характере Чарлза гораздо лучше, чем я. Если, сравнивая то, как он проведет ближайшие два года [первоначально предполагалось, что путешествие продлится только два года], с тем, как он вероятно провел бы их, отказавшись от предложения, Вы считаете, что он может стать неусидчивым и неспособным к уравновешенности, то это, несомненно, веское возражение. Но разве моряки не склонны к усидчивой и спокойной жизни в домашних условиях?

6. Я не могу по этому поводу сказать ничего другого, как то, что раз он будет назначен Адмиралтейством, он вправе требовать предоставления ему всех тех удобств, какие возможны на корабле.

7. Если бы я видел, что Чарлз в настоящее время поглощен выполнением своей профессиональной работы [священника], я бы, вероятно, не считал, что он поступил бы благоразумно, прервав ее; но дело обстоит не так, и я думаю, и не будет так обстоять у него. Занятия наукой, которыми он увлекается сейчас, ведут его по тому же пути, по которому он пойдет, находясь в экспедиции.

8. Предприятие могло бы быть бесполезным с точки зрения его профессии [священника], но, видя в нем человека огромной любознательности, [нужно считать] что оно доставит ему такую благоприятную возможность увидеть людей и мир, какая достается на долю немногих.

Прошу Вас иметь в виду, что у меня было крайне мало времени для размышления; Вы и Чарлз — те люди, которые должны решить дело. Остаюсь, мой дорогой доктор, искренне Ваш *Джосайя Веджвуд*».

[97] (Стр. 197). Иоганн-Каспар Лафатер (Lavater), 1741—1801, швейцарский пастор-богослов. В сочинении «Физиономические фрагменты» пытался обосновать связь между характером человека и чертами его внешности. «Физиогномика» Лафатера не имеет серьезных научных оснований.

[98] (Стр. 197). Капитан Роберт Фиц-Рой (R. Fitz Roy), 1805—1865, был командиром «Бигля» также во время предыдущей экспедиции на Огненную Землю, осуществленной совместно с кораблем «Эдвенчур» в 1828—1830 гг. под общим командованием капитана Кинга. Фиц-Рой известен как крупный гидрограф и метеоролог. Во время двукратного путешествия на «Бигле» под его руководством были осуществлены обширные работы по нанесению на карту берегов Южной Америки и течения реки Санта-Крус. Осуществляя эти исследования, Фиц-Рой затратил крупные личные средства, которые английское Адмиралтейство отказалось ему возместить, что в конечном счете привело к разорению Фиц-Роя. Дарвин отдавал должное выдающимся чертам характера Фиц-Роя — его энергии, большому опыту и организаторскому таланту. Но на почве политических взглядов они резко расходились: Фиц-Рой был убежденным тори, защитником рабства негров, проводником реакционной колониальной политики английского правительства. В течение некоторого времени после путешествия на «Бигле» Фиц-Рой состоял губернатором Новой Зеландии. Однако его реакционная политика, тяжелое финансовое бремя, наложенное им на население, предоставление им чрезмерной власти миссионерам вызвали подачу поселенцами протеста в английский парламент, который вынужден был потребовать у правительства отзыва Фиц-Роя с поста губернатора. Последние годы жизни Фиц-Рой в связи с психическим заболеванием провел в психиатрической больнице, где покончил самоубийством.

[99] (Стр.198). Лорд Каслри (R. S. Castlereagh), 2-й маркиз Лондондерри, 1769—1822, англ. государственный деятель.— Фр. Дарвин (1949, стр. 35) приводит ряд источников, в которых показано,что претензии графов д'Олбени на родство с английскими королями не имели оснований.

[100] (Стр. 200). Крайне религиозный человек, слепой сторонник церковной догмы, Фиц-Рой не во состоянии был понять сомнений Дарвина в вопросе о неизменности видов. Как бы полемизируя с точкой зрения Дарвина на вопрос о происхождении разных форм галапагосских вьюрков от южноамериканской формы, видоизменившейся в соответствии с условиями обитания, Фиц-Рой в своем «Отчете» о плавании «Бигля» говорит, что все эти формы были специально созданы богом независимо одна от другой. Когда в 1859 г. вышло в свет «Происхождение видов», Фиц-Рой напечатал в газете «Таймс» под псевдонимом «Senex» две заметки, в которых доказывал несомненность библейских сказаний о сотворении растений, животных и человека (эти взгляды были развиты им и в приложении к указанному «Отчету»). Прочитав эти заметки, Дарвин сразу разглядел в их авторе «креационистские уши» Фиц-Роя: «Я уверен,— писал он Ляйеллю,— что это написано Фиц-Роем... Жаль,что он не приложил своей теории, по которой мастодонт и пр. вымерли по той причине, что дверь в ковчег Ноя была сделана слишком узкой». См. С. Л. Соболь, Журнал общей биологии, т. I, № 1, стр. 96—97, 1940.

[101] (Стр. 201). Чарлз Ляйелл (Ch. Lyell), 1797—1875, знаменитый англ. геолог, основатель научной геологии, друг и сподвижник Дарвина. Первый том «Основных начал геологии» — революционного для своего времени сочинения Ляйелля, положившего конец господствовавшим до того времени метафизическим представлениям о «всемирных катастрофах» как основных этапах «истории» Земли,— Дарвин, отправляясь в путешествие, взял по совету Генсло с собой; второй том он получил в октябре 1832 г., когда находился в Монтевидео на восточном побережье Южной Америки. Незадолго до этого времени он обнаружил в третичных отложениях пампы скелеты вымерших ископаемых позвоночных, знакомство с которыми сильно поколебало его веру в неизменность видов. Передовые геологические идеи Ляйелля произвели глубокое впечатление на молодого Дарвина и в значительной мере определили развитие его эволюционных представлений. Однако развитые Ляйеллем во втором томе его «Основных начал» традиционные взгляды по вопросу о происхождении видов не встретили сочувствия Дарвина. Наоборот, с течением времени он все дальше отходил в этой области от взглядов своего учителя и друга, который лишь после длительных колебаний присоединился к его эволюционному учению. О Ляйелле см.: М. А. Энгельгардт, Чарльз Ляйелль, СПб., 1893; Life, Letters and Journals of Sir Ch. Lyell, edited by Mrs. Lyell, т. I—II, Лондон, 1881. Основная работа Ляйелля переведена на русский язык А. Мином: «Основные начала геологии», М., 1866 (два тома).

[102] (Стр. 202). Под опубликованным «Дневником» Дарвин имеет здесь в виду «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“», первое (1839) и второе

(1845) издания которого были выпущены под заглавием «Дневник изысканий по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля ее величества „Бигль“ под командой капитана королевского флота Фиц-Роя». См. наст. издание, т. 1, М.— Л., 1935 (стр. XVI—XX).

[103] (Стр. 202). Разработанная Дарвином еще во время путешествия теория происхождения коралловых островов изложена им в его монографии о коралловых рифах (1842; рус. перевод, см. наст. издание, т. 2, стр. 285—448) и в сокращенном виде в «Путешествии натуралиста» (наст. издание, т. 1; также Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста и т. д., Географгиз, М., 1954). Описание геологического строения острова Св. Елены дано Дарвином в гл. IV его монографии «Geological Observations», изд. второе, Лондон, 1876.

[104] (Стр. 202). Эта последняя фраза абзаца представляет собой позднейшее добавление.— О характере и происхождении фауны и флоры Галапагосских островов см. «Путешествие натуралиста», гл. XVII.

[105] (Стр. 203). 6 ноября 1835 г. Генсло зачитал на заседании Кембриджского философского общества отрывки из писем Дарвина, полученных им в 1832—1835 гг. Эти отрывки были затем изданы Генсло в виде брошюры в декабре 1835 г. (перевод см. этот том, стр. 71—86), т. е. еще до возвращения Дарвина на родину, благодаря чему Седжвик и другие кембриджские натуралисты и узнали о выдающихся достижениях юного Дарвина задолго до его публичных выступлений.

[106] (Стр. 203). В Кембридже Дарвин поселился на улице Фицуильяма.

[107] (Стр. 203). Уильям Г. Миллер (W. H. Miller), 1801—1880, англ. минералог, профессор Кембриджского университета.

[108] (Стр. 204). Эта работа Дарвина, являющаяся предварительным сообщением по отношению к соответствующей главе его монографии «Геологические наблюдения (гл. IX. О поднятии западного берега Южной Америки. Рус. перевод см. наст. издание, т. 2, стр. 531—562), была доложена в Геологическом обществе в 1837 г. и напечатана в трудах общества в 1838 г.

[109] (Стр. 204). Эта знаменитая «Записная книжка» Дарвина, которую он вел с июля 1837 до февраля -марта 1838 г., была до настоящего времени известна лишь в немногочисленных извлечениях (см. наст. издание, т. 3, стр. 75—78 и 763—765). В Англии она все еще остается неопубликованной. Полный перевод ее дан в этом томе (стр. 90—127).

[110] (Стр. 204). Роберт Броун (R. Brown), 1773—1858, выдающийся англ. ботаник, крупный систематик и морфолог. Броун первый описал ядро растительной клетки (1831). Ему же принадлежит открытие так называемого броуновского движения микроскопических твердых частиц, взвешенных в жидкости или газе. «Facile princeps botanicorum» (лат.) — «несомненный глава ботаников». Дальше (стр. 216) Дарвин дает более подробную характеристику Р. Броуна.

[111] (Стр. 204). Глен-Рой — долина Роя (шотл.). Работа Дарвина о параллельных террасах Глен-Роя была опубликована в 1839 г. Агассиц и Бекленд показали, что эти террасы представляют собой последовательные по высоте береговые линии не моря, как думал Дарвин, а так называемых ледниковых озер, т. е. озер, образовавшихся в течение ледникового времени в результате заполнения талыми водами горных долин, выходы из которых были заперты ледником.

[112] (Стр. 204). «Книги метафизического содержания» — можно думать, что Дарвин имеет здесь в виду философские работы, выводы которых не основаны на данных наблюдения и опыта.

[113] (Стр. 204). Уильям Вордсворт (1770—1850) — англ. поэт романтической школы. Вместе с поэтами Р. Саути и С. Кольриджем (1772—1834) Вордсворт принадлежал к так называемой «озерной школе» поэтов-романтиков, которая вначале своей деятельности воспевала французскую революцию, но затем стала развивать антиреволюционные и мистико-религиозные идеи. Поэма Вордсворта «Экскурсия» (или «Прогулка»), написанная в 1814 г., характерна как типичная для Вордсворта реакционная идеализация сельской жизни.— Джон Мильтон (1608—1674) — великий английский поэт. В своих знаменитых поэмах «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) Мильтон, «пользуясь образами Ветхого и Нового завета, отразил опыт буржуазной революции и показал возмущение народных масс, их ненависть к монархии и всякому гнету» (БСЭ, изд. второе, т. 27, стр. 492).

[114] (Стр. 206). Как сообщает Н. Барло (1958, стр. 87, примечание), против последнего отрывка этого абзаца (начиная со слов «и никогда с тех пор») жена Ч. Дарвина Эмма написала на полях рукописи следующее: «Мне было бы неприятно, если бы этот отрывок был опубликован. Он кажется мне недоработанным. Никакие слова не были бы слишком резкими по отношению к учению о вечном наказании за неверие, но только очень немногие люди в настоящее время назвали бы это „христианством" (хотя эти слова все еще произносятся). Дело здесь заключается также в смысле, который вкладывается в слова». Н. Барло добавляет: «Это было написано через шесть месяцев после смерти ее супруга на копии „Автобиографии", переписанной рукою Френсиса Дарвина, который не опубликовал этого отрывка».

[115] (Стр. 206). Замком у пластинчатожаберных моллюсков называются зубовидные отростки на спинном краю одной из двух створок раковины, которые при соединении (смыкании) створок входят в соответственные ямки на спинном краю другой створки.

[116] (Стр. 206). См. наст. издание, т. 4, стр. 777—778. В этом месте своей монографии об изменениях домашних животных и культурных растений Дарвин проводит следующую аналогию: архитектор может построить дом, «не употребляя отесанных камней, а выбирая из обломков у подошвы обрыва клинообразные камни — для сводов, длинные — для перекладин и плоские — для крыши»; мы, говорит, он, «восхитились бы его искусством и приписали бы ему верховную роль. Обломки же камня, хотя и необходимые для архитектора, стоят к возводимому им зданию в таком же отношении, в каком флюктуативные изменения органических существ стоят к разнообразным и вызывающим восхищение структурам, которые в конце концов приобретаются их измененными потомками». Дарвин далее спрашивает: «Разумно ли будет утверждать, что творец намеренно повелел... известным обломкам скалы принять известную форму, чтобы зодчий мог возвести свое здание?». Из этой аналогии Дарвин делает вывод, что мы не имеем никаких оснований рассматривать как предначертанные творцом многообразные изменения домашних и диких животных и растений, на основе которых под действием искусственного и естественного отбора возникают новые формы животных и растений.

[117] (Стр. 206). Н. Барло отмечает (1958, стр. 89, примечание), что слова «совместно с действием упражнения или привычки» представляют позднейшую вставку.

[118] (Стр. 207). Под «низшими животными» Дарвин имеет здесь в виду весь животный мир за исключением человека.

[119] (Стр. 207). Ср. поэму Эразма Дарвина «Храм природы» (перевод Н. А. Холодковского, предисловие, редакция и примечания академика Е. Н. Павловского. Изд. АН СССР, М., 1954), где в 1—145 стихах IV-й песни Эразм Дарвин дает картину страданий живых существ, заключая ее вопросом о том, где же возможно человеку «увидеть благость бога?».

[120] (Стр. 207). Дарвин, будучи, очевидно, слабо знаком с литературой о буддизме, следует здесь за теми буржуазными учеными, которые изображали буддизм как религию без богов, как «атеистическую» религию и т. п. Как хорошо известно, это совершенно не соответствует действительности.

[121] (Стр. 207). Ср. монографию Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (наст. издание, т. 5), где в гл. III Дарвин рассматривает вопрос о происхождении религии и веры в бога (стр. 210—213). Там же ссылки на работы Тэйлора, Леббока и Спенсера.

[122] (Стр. 208). См. Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста и т. д., Географгиз, М., 1954, стр. 525, или наст. издание, т. 1, стр. 420.

[123] (Стр. 208). Весь этот абзац представляет позднейшее добавление.

[124] (Стр. 208). Дарвин имеет здесь в виду те теории астрономов и физиков его времени, согласно которым источником солнечной теплоты является сжатие солнца. Гельмгольц подсчитал, что через 5 миллионов лет солнце сожмется до половины своего нынешнего объема, а через 7 миллионов лет его плотность будет равна плотности Земли, и тогда оно перестанет излучать свет и тепло. Дальнейшее развитие науки показало глубокую ошибочность всех этих рассуждений. Подлинный источник солнечной теплоты — внутриатомная энергия, выделяющаяся при синтезе легких элементов, входящих в состав солнца.

[125] (Стр. 209). Это примечание Дарвина было добавлено им в рукописной копии «Воспоминаний», принадлежавшей Френсису Дарвину. В опубликованном им тексте (L. L., т. I, стр. 313) Фр. Дарвин поместил это примечание непосредственно после слов «т. е. заслуживаю названия Теиста» (так же поступила и Н Барло в изданном ею в 1958 году тексте «Автобиографии», стр. 93). Вследствие этого следующая фраза («но в таком случае возникает сомнение...») оказалась отнесенной к тексту примечания, а не к словам «т. е заслуживаю названия Теиста», что, разумеется, искажает смысл. Следуя подлиннику, мы перенесли это примечание под текст. Следует здесь же отметить, что, называя себя «теистом», Дарвин пользуется неправильной терминологией. Из всего текста с несомненностью следует, что в рассматриваемый период его жизни он допускал существование бога как безличной первопричины мира, находящегося и развивающегося под действием законов природы, т. е. стоял на позициях деизма, полностью совпадающего с деизмом английских философов-материалистов XVII—XVIII веков. Наборот, основное положение теизма о существовании бога как личности, постоянно регулирующей и направляющей все в мире и вмешивающейся в повседневную жизнь людей, Дарвин решительно отрицал даже в более ранний период своего отхода от религии. Как видно из дальнейшего, в конце концов Дарвин отбросил и свой деизм и пришел к полному отрицанию какого бы то ни было бога и загробной жизни, предпочитая называть себя «агностиком» (см. об этом также во вступительной статье к этому тому).

[126] (Стр. 209). Эта последняя фраза абзаца представляет собою позднейшее добавление. Н. Барло сообщает (1958, стр. 93—94, примечание), что Эмма Дарвин возражала против публикации этой фразы и написала по этому поводу Френсису Дарвину в 1885 г. следующее письмо: «В „Автобиографии“ имеется фраза, которую я очень просила бы не включать [в публикуемый текст], отчасти, не скрою, потому, что идея отца о происхождении всех нравственных качеств эволюционным путем тягостна для меня, отчасти же и потому, что в том месте, где эта фраза приведена, она производит шокирующее впечатление и сможет дать повод говорить — однако несправедливо,— будто он считал все религиозные верования не более высокими, чем наследственные антипатии или симпатии, такие, например, как страх обезьян перед змеями. Думаю, что неблагоприятный оттенок исчезнет, если сохранить только первую часть фразы и не иллюстрировать ее примером с обезьянами и змеями. Не думаю, что необходимо советоваться с Уильямом относительно этого пропуска, так как на сущности содержания „Автобиографии“ пропуск этот никак не отразится. Мне хотелось бы, насколько это возможно, не доставлять огорчений религиозным друзьям отца, которые были привязаны к нему, а я представляю себе, каким ударом явится для них эта фраза, даже для столь свободных от предрассудков, как Эллен Тоуллет и Лаура, не говоря об адмирале Саливене, тете Каролине и др., а также о наших старых слугах». Это письмо — добавляет Н. Барло — было включено в состав первого издания переписки Эммы Дарвин, напечатанного в 1904 г. для частного распространения, но из второго издания (1915 г.), поступившего в открытую продажу, оно было изъято.— В свете приведенного письма Эммы Дарвин аналогия Ч. Дарвина между инстинктивным страхом обезьян перед змеями и внушаемой детям верой в бога, хотя и неправильная по существу, представляется очень интересной, так как показывает, что и много лет спустя после издания своего труда «Происхождение человека» Дарвин продолжал упорно отстаивать свою идею эволюционного происхождения психики человека из психики животных. И это вполне понятно, если вспомнить, что в те годы даже многие единомышленники Дарвина пытались приписать психике человека мистическое происхождение, как это делал, например, Уоллес.

[127] (Стр. 210). За этой фразой в подлиннике следует запись в скобках, сделанная рукой Дарвина: «Написано в 1879 г., переписано 22 апреля 1881 г.»

[128] (Стр. 210). Китти (Катерина)Веджвуд (1774—1823) — младшая сестра Джосайи и Сусанны Веджвудов, т. е. дяди и матери Ч. Дарвина.

[129] (Стр. 210). Эти слова Ч. Дарвина обращены к его детям.

[130] (Стр. 212). Фраза, заключенная в скобки, добавлена Ч. Дарвином карандашом.— Mem.-Memento, т. е. «помни» или «запомни».— Письмо Эммы Дарвин, о котором говорит здесь Ч. Дарвин, опубликовано в двухтомнике переписки Эммы Дарвин (E. D., т. II, стр. 173—174). В конце письма рукою Ч. Дарвина сделана следующая надпись: «Когда меня уже не будет в живых, знай, что я много раз целовал это письмо и плакал над ним» (Н. Барло, 1958, стр. 237). Там же (стр. 174—175)

приводится также второе письмо Эммы Дарвин к Ч. Дарвину (написанное, по-видимому, в 1861 г.), в котором она, как и в первом письме, выражая глубокое уважение к научным исследованиям и убеждениям Ч. Дарвина, высказывает непоколебимость в своих религиозных чувствах. И на этом письме рукою Дарвина написано: «Бог да хранит тебя. Ч. Д. 1861». Дочь Ч. Дарвина Генриетта Личфилд говорит в своих пояснениях к этим письмам, что в молодости мать была крайне религиозной женщиной и что в первые годы замужества ей причиняло глубокое огорчение сознание того, что Ч. Дарвин не разделяет ее религиозных чувств. С годами, правда (добавляет Генриетта), ее религиозные чувства ослабели. Мы видели, однако, выше (примечание 126), что она и в старости возражала против публикации наиболее откровенных высказываний Ч. Дарвина о религии.

[131] (Стр. 213). См. этот том, стр. 160.

[132] (Стр. 214). Смысл фразы, очевидно, заключается в том, что Дарвин считал необходимым убедиться путем непосредственного исследования, действительно ли живые кораллы могут жить лишь на небольших глубинах и компенсировать своим ростом вверх оседание морского дна, на котором покоится возведенный кораллами риф. Как известно, предположение Дарвина оказалось совершенно правильным: он показал, что главные виды рифообразующих кораллов не могут жить глубже 20—30 фатомов (36—54 метров) под уровнем моря, а наиболее глубокий предел их процветания составляет всего лишь около 15 фатомов (27 метров) и что по мере оседания морского дна кораллы в зоне ниже указанных пределов отмирают, а живые кораллы достраивают риф вновь до уровня моря. См. подробнее: «Путешествие натуралиста», глава XX, и «Строение и распределение коралловых рифов» (наст. издание, т. 2, стр. 285—448).

[133] (Стр. 214). Эти три доклада Ч. Дарвина были сделаны в Геологическом обществе (соответственно) 14 апреля 1841 г., 7 марта 1838 г. и 1 ноября 1837 г. и напечатаны в «Трудах» общества т. V, 1840 и в его «Протоколах», т. III, 1842, т. II, 1838.

[134] (Стр. 214). Работа о ледниках Кернарвоншира была опубликована в XXI томе этого издания в 1842 г.

[135] (Стр. 214). Текст отсюда и до конца этого раздела (т. е. до раздела «Жизнь в Дауне») представляет собой позднейшую вставку (см. след. примечание).

[136] (Стр. 214). В дальнейшей части этого раздела «Воспоминаний» читатель заметит в нескольких случаях небольшие повторения, которые объясняются тем, что воспоминания о Ляйелле, Броуне и других лицах были расширены, а частью дополнительно написаны Ч. Дарвином в апреле 1881 г.

[137] (Стр. 215). Эли де-Бомон (Elie de Beaumont), 1798—1874, видный французский геолог, принадлежавший к школе катастрофистов. Вместе с Леопольдом фон-Бухом защищал теорию «кратеров поднятия», согласно которой горные породы, расположенные вокруг вулканов, были приподняты действием подземных сил: под действием этих сил происходит как бы вздутие почвы, которое иногда лопается, и таким путем образуются кольцевые горы, «кратеры поднятия», в центре которых постепенно возникает конус с кратером вулкана. Ошибочность этой теории видна из того, что кольцевые горы образованы, как правило, продуктами извержения вулкана, между тем как осадочные горные породы никогда не встречаются в них, хотя, казалось бы, что и они должны были подвергнуться действию «сил поднятия». Тем же «силам поднятия» Бух и Бомон приписывали «линии поднятия», т. е. горные цепи, которые образовались, по их мнению, в результате сплющивания земной коры вдоль определенных линий разлома.

[138] (Стр. 216). Уильям Бакленд, или Бёкленд (W. Buckland), 1784—1856, английский геолог, профессор Оксфордского университета, учитель Ляйелля. Священник, декан Вестминстера, Бёкленд придерживался и в науке самых реакционных, креационистских воззрений. Им был написан в серии бриджуотерских трактатов (см. примечание 91 к «Записной книжке 1837 г.», выше, стр. 393) трактат на тему «Геология и минералогия с точки зрения натуральной теологии» (1836).

[139] (Стр. 216). Родерик Импи Мурчисон (R. I. Murchison), 1792—1871, видный английский геолог, представитель реакционной школы катастрофистов, противник Ляйелля и Дарвина. Мурчисону принадлежит заслуга выделения основных подразделений палеозоя: силурийской (1835), девонской (1839, совместно с А. Седжвиком) и пермской (1841) систем. Последняя выделена им в результате геологического

исследования России, которое он осуществил во время своего путешествия по России в 1840—1841 гг. Совместно с русскими геологами Мурчисон создал обобщающий труд по геологии Европейской России и Урала. Этим и объясняется приводимая Дарвином, по рассказу Мурчисона, реплика Николая I.

[140] (Стр. 216). Альберт, принц Саксен-Кобургский, муж королевы Виктории английской.

[141] (Стр. 216). См. выше примечание 110.

[142] (Стр. 217). См. выше примечание 82.

[143] (Стр. 217). Ричард Оуэн (R. Owen), англ. зоолог и палеонтолог, 1804—1892. В ранние годы Оуэн сотрудничал с Дарвином — им в «Зоологических результатах путешествия на „Бигле"» (под ред. Ч. Дарвина) были описаны найденные Дарвином в Южной Америке скелеты ископаемых позвоночных. Впоследствии, однако, Оуэн, креационист и катастрофист («английский Кювье»), выражал претензии на то, что построенная им крайне путаная и противоречивая теория происхождения видов предвосхищала эволюционное учение Дарвина. См. «Исторический очерк» Дарвина к «Происхождению видов» (наст. издание, т. 3, стр. 265).

[144] (Стр. 217). Хью Фоконер (Hugh Falkoner), 1809—1865, англ. палеонтолог и ботаник, долго работал в Индии, известен своими исследованиями миоценовой (третичной) фауны млекопитающих из Сиваликских холмов в Индии (совместно с P. T. Coutley: Fauna antiqua Sivalensis, 1846) и фауны млекопитающих доледникового времени из пещер Девоншира. Близкий друг Дарвина, Фоконер принимал эволюционное учение Дарвина лишь с оговорками.

[145] (Стр. 217). Джозеф Долтон Гукер (Joseph Dalton Hooker), 1817—1911, крупнейший англ. ботаник (систематик растений) времен Дарвина, директор Ботанического сада в Кью. Ближайший друг Дарвина, Гукер впервые познакомился с ним в 1839 г., но сближение их началось в 1843 г. по возвращении Гукера из его путешествия в Антарктику. Гукер был неизменным советником Дарвина по всем вопросам ботаники, первый принял полностью эволюционное учение Дарвина и, вместе с Ляйеллем представил в 1858 г. в Линнеевское общество работы Дарвина и Уоллеса, засвидетельствовав приоритет Дарвина в провозглашении учения об естественном отборе. См. L. Huxley, Life and Letters of Sir J. D. Hooker, т. I—II, Лондон, 1918.

[146] (Стр. 217). Томас Генри Гёксли (Thomas Henry Huxley), 1825—1895, выдающийся англ. зоолог, сравнительный анатом и палеонтолог. Ближайший друг Дарвина, Гёксли был крупнейшим в Англии пропагандистом учения Дарвина и активнейшим борцом за него. См L. Huxley, Life and Letters of T. H. Huxley, т. I—II, Лондон, 1900; 2-е изд., т. I—III, Лондон, 1903.

[147] (Стр. 218). Х. Г. Эренберг (Chr. G. Ehrenberg), 1795—1876, немецкий зоолог и палеонтолог, прославившийся своими исследованиями по современным и ископаемым инфузориям, которых, однако, он ошибочно считал за сложно организованных животных. Дарвин переписывался с Эренбергом и не раз обращался к нему за консультацией по вопросам его специальности (см., например, наст. издание, т. 2, стр. 605).

[148] (Стр. 218). Луи Агассиц (J. L. R. Agassiz), 1807—1873, швейцарский зоолог и геолог, с 1846 г. работавший в США. Агассиц известен своими исследованиями по ископаемым рыбам и иглокожим, в 1840-х годах он обосновал доказательство существования в истории земли ледникового периода. По своим теоретическим воззрениям Агассиц был катастрофистом и антиэволюционистом, резким противником Дарвина и одним из горячих проповедников «натуральной теологии». См. выше примечание 61.

[149] (Стр. 218). О Гершеле см. выше примечание 88.— Несколько неуклюжая острота леди Белл имела, очевидно, целью подчеркнуть крайнюю степень застенчивости Гершеля, который смущался в обществе так, как если бы у него были грязные руки и это было бы замечено другими.

[150] (Стр. 218). Об Александре Гумбольдте (1769—1859) см. выше примечание 87.

[151] (Стр. 218). Чарлз Баббедж, или Бэббедж (Ch. Babbage), 1792—1871, англ. буржуазный экономист, математик и механик. На данные его известного сочи-

нения «On the Economy of Machinery» (London, 1832) часто ссылается К. Маркс в «Капитале».

[152] (Стр. 219). Герберт Спенсер (H. Spencer), 1820—1903, англ. буржуазный философ-идеалист, пытавшийся построить систему философии и социологии на основе вульгарного эволюционизма. Позитивист и агностик, Спенсер, считал, что «непознаваемое» является объектом религии, представляет собою некую всемогущую силу и лежит в основе мира явлений. Человеческое общество он сравнивал с организмом и при помощи эволюционного учения и биологических закономерностей доказывал «вечность» и «естественность» капитализма и «невозможность» социализма.

[153] (Стр. 219). Генри Томас Бокль (H. T. Buckle), 1821—1862, англ. историк и социолог, рассматривавший исторический процесс с позитивистско-идеалистических позиций. Основным фактором исторического развития человеческого общества Бокль считал географическую среду, которая определяет психический склад народа; материальные условия — производное психического склада. Бокль оправдывал буржуазный строй и его колониальную политику. Лучший из русских переводов «Истории цивилизации в Англии» вышел в издании Павленкова (4-е изд., СПб., 1906).

[154] (Стр. 219). Генсли Веджвуд (Hensleigh Wedgwood), 1803—1891, сын Джосайи Веджвуда из Мэра, брат Эммы Дарвин (жены Ч. Дарвина).

[155] (Стр. 219). Эффи (Катерина-Евфимия), дочь Генсли Веджвуда (см. предыдущее примечание), впоследствии жена лорда Т. Г. Фаррера.

[156] (Стр. 220). Генри Милмен (H. Milman), англ. историк, декан собора св. Павла в Лондоне.— Сидней Смит (S. Smith), 1771—1845, англ. богослов и писатель, автор ряда богословских, политических и литературных памфлетов, славился как «великий остроумец».

[157] (Стр. 220) Томас Маколей (T. Macauley), 1800—1859, англ. историк и политический деятель, виг, проводник колониальной политики полного порабощения Индии. Его блестяще написанная пятитомная «История Англии», восхвалявшая английский политический строй, пользовалась большим успехом среди буржуазии. Маркс писал о Маколее, что он подделал «английскую историю в интересах вигов и буржуазии» («Капитал», т. 1, стр. 278, 1953).

[158] (Стр. 220). Дарвин упоминает три поколения лордов Станхопов: 1) деда — это Чарлз Станхоп (Ch. Stanhope), 1753—1816, английский изобретатель, отличавшийся, как говорит Дарвин, свободомыслием; 2) его сына, по-видимому, ничем не примечательного, кроме описанных Дарвином чудачеств; 3) внука — это Филипп Генри, виконт Мэхон, 1805—1875, государственный деятель и историк.

[159] (Стр. 220). Джон. Л. Мотли (J. L. Motley), 1814—1877, известный американский историк и дипломат, в 1869 г. был послом в Англии. Наиболее известный его труд «История Нидерландской революции» (русский перевод: 3 тома, СПб., 1865—1867).— Джордж Грот (G. Grote), 1794—1871, английский историк. Широко известна его 12-томная «История Греции» (1846—1856), отличающаяся модернизацией афинских политических учреждений и политической жизни древней Греции. Маркс и Энгельс указывали на извращения истории Греции, характерные для Грота.

[160] (Стр. 220). Р. Монктон Милнс (R. Monckton Milnes), 1809—1885, англ. писатель и политический деятель. Был в близкой дружбе с Теннисоном и Теккереем.

[161] (Стр. 221). Томас Карлейль (T. Carlyle), 1795—1881, англ. реакционный публицист и историк. Жестокую критику исторических воззрений Карлейля, возвеличивавшего роль «сильной личности», «вождя», «героя» в истории (независимо от направления их деятельности — например, Кромвеля и Дантона, прусского короля Фридриха II и Бисмарка), дали Маркс и Энгельс (см. Сочинения, т. 8, М.— Л., 1930). Одно время Карлейль сблизился с чартистами и даже стал подвергать критике эксплуатацию рабочих капиталистами, но после 1848 г. резко отшатнулся вправо, проклинал революцию и призывал к диктатуре буржуазии.

[162] (Стр. 221). Чарлз Кингсли (Ch. Kingsley), 1819—1875, англ. писатель-романист, богослов, натуралист-любитель, занимавшийся разведением сельскохозяйственных животных. Кингсли и есть тот «знаменитый писатель и богослов», которого Дарвин приводит в «Происхождении видов» (см. наст. издание, т. 3,

стр. 660), не называя его фамилии, как пример священника, сочетавшего веру в бога с верой в эволюционное развитие органического мира.

163 (Стр. 221). Юэлл (Уэвелль) излагает «Учение о цветах» Гёте, к которому он относится отрицательно, во II томе своей «Истории индуктивных наук» (стр. 480—483).

164 (Стр. 222). В 1843 г. Ч. Дарвин начал писать этюд о природе Дауна, оставшийся незаконченным. См. этот том, стр. 156.

165 (Стр. 224). Таким образом, 10 000 экземпляров 2-го издания «Путешествия натуралиста» разошлись в Англии за 30 с лишним лет, с 1845 по 1876 годы. Разумеется, эта цифра должна быть значительно увеличена за счет дальнейших английских и американских переизданий, выпускавшихся с 1876 г. по настоящее время. Отметим, что в 1952 г. выпущено факсимильное переиздание первого издания «Путешествия» (1839 года). Однако ни одна западная страна не знает таких тиражей, как СССР, где с 1917 по 1955 г. «Путешествие натуралиста» выпущено шестью изданиями (не считая сокращенных изданий для юношества) общим тиражем свыше 187 000 экземпляров.

166 (Стр. 224). Дарвин имеет здесь в виду тот «Дневник» своей жизни и работы, который он вел с 1838 по 1881 годы. См. этот том, стр. 128—150.

167 (Стр. 224). Цитируемые слова из «Дневника» относятся к 1846 г. (см. этот том, стр. 136). — 2-е изд. «Коралловых рифов» вышло в 1874 г., 2-е изд. «Геологических наблюдений» (объединяющее две другие геологические работы Дарвина —«Вулканические острова» и «Берега Южной Америки») — в 1876 г.

168 (Стр. 224). Concholepas — род морских брюхоногих моллюсков из семейства Purpuridae.

169 (Стр. 224). Этот найденный Дарвином у побережья архипелага Чонос (Южное Чили) вид усоногих раков, просверливающий раковину *Concholepas peruviana* и поселяющийся в ней, был назван им *Cryptophialus minutus* и отнесен к особому отряду (а не подотряду, как пишет Дарвин в «Воспоминаниях») Abdominalia*, содержащему единственный род с этим единственным видом (см. наст. издание, т. 2, стр. 76—81 и примечание 54 на стр. 649). Интересно отметить малоизвестный факт — помощь, оказанную Дарвину Дж. Д. Гукером, когда Дарвин только приступил к изучению усоногих. Вот что пишет по этому поводу сам Дарвин: «Я весьма обязан д-ру Гукеру, который много лет назад, когда я начал исследование этого моего первого усоногого [т.е. *Cryptophialus minutus*], всесторонне помог мне, показав, как вскрывать наиболее сложные органы, и изготовив для меня несколько очень точных рисунков, которые в настоящее время награвированы с несколькими последующими изменениями» (эти рисунки Гукера воспроизведены в указанном месте 2 тома наст. издания). Приведенные слова Дарвина представляют примечание к его описанию *Cryptophialus minutus* (Ch. Darwin, A Monograph on the sub-class Cirripedia: Balanidae, Verrucidae. London, Ray Society, 1854, стр. 566).

170 (Стр. 224). Эдуард Булвер-Литтон (E. Bulwer-Lytton), 1803—1873, англ. популярный романист, вначале либерального, а впоследствии (после 1850 г.) реакционного толка.

171 (Стр. 224). Молверн (Malvern) — курорт с горячими и холодными источниками в средней Англии (графство Вустершир), расположенный с восточной стороны гряды холмов (Malvern Hills), служащей водоразделом между реками Северн и Уай.

172 (Стр. 224). Отец Дарвина д-р Р. У. Дарвин умер не в 1847, а в 1848 г. Эта описка Дарвина представляется тем более странной, что в жизнеописании своего деда Эразма он снова делает ошибку, указав 1849 г. как год смерти отца (см. этот том, стр. 289). В «Дневнике» год смерти д-ра Дарвина указан правильно (этот том, стр. 137).

173 (Стр. 224). В письме к Ч. Ляйеллю от 28 сентября 1860 г. Дарвин указы-

* В настоящее время Abdominalia Дарвина включены в состав подотряда Acrothoracica. О современной классификации усоногих раков и ее отношении к классификации, предложенной Дарвином, см. наст. издание, т. 2, стр. 30—32, 40 и 649.

вает, что немецкий исследователь А. Крон в работах о цементных железах и развитии усоногих (Wiegmann's Archiv, тт. XXV, и XXVI) «раскрыл две или три гигантских ошибки», допущенных Дарвином. Правда, продолжает Дарвин, речь идет о «не очень трудных моментах, относительно которых я, благодарение небесам, высказался с довольно большим сомнением. Препарирование [усоногих] настолько трудно, что даже Гёксли постигла неудача. Ошибочным является главным образом толкование, которое я даю в отношении отдельных частей, а не мое описание их. Но это были гигантские ошибки, и я рассказываю обо всем этом потому, что Крон ничуть не торжествовал по этому поводу, а отметил мои ошибки с величайшей мягкостью и деликатностью» (L. L., т. II, стр. 345; слова письма о «не очень трудных моментах» почему-то выпущены Фр. Дарвином; они восстановлены мною по подлиннику письма).

[174] (Стр. 224). Комментатор русского перевода извлечений из «Усоногих раков» Дарвина (наст. издание, т.2, стр. 645) Н.И. Тарасов пишет по этому поводу: «Паразитизм как „дополнительных", так и просто карликовых самцов усоногих на гермафродитах или самках весьма сомнителен, так как самцы очень недолговечны и или не питаются вовсе, или, во всяком случае, не питаются соками „хозяина", будь то гермафродит или самка. Видимо, и сам Дарвин употребляет здесь слово паразит лишь в смысле „эпибионта"» (т. е. организма, живущего на поверхности тела другого организма, но не питающегося его соками).

[175] (Стр. 226). Кто этот «немецкий автор», установить не удалось. Как видно из письма Дарвина Фрицу Мюллеру от 10 августа 1865 г. (L. L., т. III, стр. 38), выступление «немецкого автора» произошло незадолго до 1865 г.

[176] (Стр. 226). Об этих указываемых самим Дарвином источниках его эволюционных воззрений см. наст. издание, т. 1, стр. XXXIX—XLII, 76—84, 116—119, 329—334, и т. 3, стр. 270.

[177] (Стр. 226). См. выше примечание 109.

[178] (Стр. 226). «Подлинно бэконовский метод», т. е. эмпирический метод исследования, разработанный Френсисом Бэконом (1561—1626). Напомним характеристику бэконовского метода, данную Марксом: «*Чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперименты суть главные условия рационального метода» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. III, стр. 157, М.—Л., 1929).

[179] (Стр. 228). Хотя Дарвин субъективно воспринимал процесс формирования в его сознании теории естественного отбора именно таким образом, но, как мы теперь достоверно знаем, теория сложилась у него до знакомства с сочинением Мальтуса. См. вступительную статью к этому тому.

[180] (Стр. 228). Русский перевод «Очерков» 1842 и 1844 гг. дан в 3 томе наст. издания (стр. 79—230).

[181] (Стр. 228). Несмотря на категоричность утверждения Дарвина («Точно помню...»), теперь можно считать твердо установленным, что закон дивергенции был сформулирован Дарвином уже в 1837 г. См. вступительную статью к этому тому.

[182] (Стр. 228). «Экономия природы» (Economy of nature), т. е. «Хозяйство природы», — совокупность всех отношений и связей, естественно возникающих в живой и неживой природе и определяющих то место, которое занимает в природе каждый данный вид организмов. Этот старинный термин в настоящее время не применяется.

[183] (Стр. 228). Альфред Рассел Уоллес (Alfred Russel Wallace), 1823—1913, выдающийся англ. натуралист, путешественник, зоогеограф, разделяющий с Ч. Дарвином честь открытия основного закона эволюции органического мира. Дарвин получил от Уоллеса его знаменитую статью, доложенную 1 июля 1858 г. вместе с документами Дарвина на заседании Линнеевского общества, 18 июня 1858 г. и в тот же день переслал ее Ляйеллю с предложением опубликовать ее (см. L. L., т. II, стр. 116). Анализ этой работы Уоллеса и вопроса о влиянии, оказанном на Уоллеса Дарвином, дан А. Д. Некрасовым в статье, напечатанной в 3 томе наст. издания. Большое число работ Уоллеса переведено на русский язык. Биографии Уоллеса: A. R. Wallace, My Life, vols. I—II, 1905; A. R. Wallace, Letters and Reminiscences, edited by J. Marchant, vols. I—II, London, 1916. См.

также М. Мензбир, За Дарвина (сборник статей; статья «Альфред Уоллес за Дарвина»), М.— Л., 1927.

184 (Стр. 228). Аза Грей (Asa Gray), 1810—1888, выдающийся американский ботаник, профессор Гарвардского университета, корреспондент и друг Дарвина, один из первых принявший эволюционное учение Дарвина и много сделавший для пропаганды дарвинизма в Америке. Биография Грея дана Колтером (J. M. Coulter) в книге «Leading American Men of Science», edited by D. S. Jordan, 1910.

185 (Стр. 228). Работы Дарвина и Уоллеса были доложены на заседании Линнеевского общества 1 июля 1858 г. Полный перевод протокола Линнеевского общества, письма Ляйелля и Гукера и работ Дарвина и Уоллеса дан в 3 томе наст. издания (стр. 231—252)

186 (Стр. 230). О С. Хоутоне и его антидарвинистских выступлениях см. С. Л. Соболь, Полемика вокруг идей Дарвина в период, предшествовавший выходу в свет «Происхождения видов», Журнал общей биологии, т. I, стр. 75—104, 1940. В этой статье показано также, что откликов на работы Дарвина — Уоллеса было больше, чем полагал Дарвин.

187 (Стр. 230). Мур-Парк (Moor Park) — курортное место близ Фарнема в графстве Суррей (к юго-западу от Лондона). В одно из своих пребываний в Мур-Парке, в конце 50-х гг., Дарвин посетил гробницу Гильберта Уайта (см. выше примечание 34).

188 (Стр. 230). Конечно, верно, что «в существе своем» «Происхождение видов» «осталось без изменений» с 1-го издания (1859) по 6-е (1872). Однако дополнения и исправления, вносившиеся Ч. Дарвином в книгу от одного издания в другое, были весьма обширны. Анализ основных изменений последовательных изданий «Происхождения видов» дан А. Д. Некрасовым в статье «Работа Ч. Дарвина над „Происхождением видов“» (наст. издание, т. 3, стр.59—70).

189 (Стр. 230). До августа 1876 г., когда это было написано Дарвином, в России вышло три издания «Происхождения видов» в переводе С. А. Рачинского — в 1864, 1865 и 1873 гг.

190 (Стр. 230). Как сообщил Фр. Дарвину проф. Мицукури (L. L., т. I, стр. 86), это не соответствует действительности: до 1876 г. в Японии никакого перевода «Происхождения видов» не было издано.

191 (Стр. 230). Речь идет о книге некоего Нафтали Галеви из Радома (Польша) «Toledoth Adam» (т. е. «Поколения человека»), присланной автором Ч. Дарвину в 1876 г. Автор писал Дарвину, что он изложил воззрения Дарвина с целью убедить своих единоверцев в истинности эволюционного учения (M. L., т. I, стр. 365—366).

192 (Стр. 230). Нам не удалось установить, какие именно «каталоги или библиографические справочники по дарвинизму», выходившие «ежегодно или раз в два года» в Германии до 1876 г., имел здесь в виду Дарвин. Не мог нам помочь в выяснении этого вопроса и директор Геккелевского дома-музея в Иене д-р Г. Шнайдер, сообщивший лишь, что такие библиографические списки появлялись в журнале «Космос» (см. примечание 1 к «Жизни Э. Дарвина», ниже, стр. 439), в частности в 1 томе его (стр. 546—558). Но 1 том «Космоса» появился в 1877 г., а Дарвин писал о «ежегодном» появлении в Германии указанных списков в 1876 г. Библиографический список в 1 томе «Космоса» принадлежит Г. Зейдлицу, который уже до того проделал аналогичную работу, приложив большую библиографию по дарвинизму к своей книге «Теория Дарвина» («Die Darwin'sche Theorie»). Георг Зейдлиц, уроженец Петербурга (род. в 1840 г.), был в 70-х годах доцентом зоологии Дерптского университета. Первое издание его книги вышло в Дерпте в 1871 г., второе — в Лейпциге в 1875 г. Для своего времени его книга была одним из лучших курсов дарвинизма. Оба издания снабжены составленным Зейдлицем обширным систематизированным списком литературы по эволюционному учению (начиная с 1859 г.). Во 2-м издании этот список занимает 49 страниц.

193 (Стр. 231). Подтверждение того, что Дарвин действительно задолго до Форбса пришел к этой идее, см. наст. изд., т. 3, стр. 764, примечание 76, и т. 2, стр. 32—36. Во 2 томе (статья Л. С. Берга) указано и название работы Форбса, о которой идет речь.

194 (Стр. 231). Истории вопроса о биогенетическом законе и роли Ф. Мюллера и Э. Геккеля в его разработке посвящена статья И. И. Ежикова «Учение о рекапитуляции и его критики» (в книге: Ф. Мюллер — Э. Геккель, Основной биогенетический закон. Избранные работы. Редакция и вступительная статья И. И. Ежикова. М.— Л., Изд. АН СССР, 1940).

195 (Стр. 232). Сент-Джордж-Джексон Майварт (St. G. J. Mivart), 1827—1900, англ. анатом и зоолог, проф. Лондонского университета. Резко выступал против Дарвина с идеалистических и автогенетических позиций. На критику теории естественного отбора, развитую Майвартом, Дарвин дал исчерпывающий ответ в VII главе «Происхождения видов».

196 (Стр. 232). Pettifoger (америк.) — уличный адвокат, адвокат, действующий грязными методами, шантажом и обманом.— «Олд-Бейли» — название улицы, где в прежнее время находился в Лондоне уголовный суд, на который (как и на находившуюся тут же уголовную тюрьму) обычно переносилось название «Олд-Бейли».

197 (Стр. 232). Дарвин не всегда, однако, следовал этому правилу. Прямые случаи научной недобросовестности и передергивания фактов вызывали подчас достаточно резкие выступления с его стороны. См., например, его статьи-ответы Хэдсону, Гоуорту, Бри, Уайвилю Томсону (наст. изд., т. 3, стр. 731—733, 754 и соответствующие примечания на стр. 818—820 и 824).

198 (Стр. 232). Н. Барло (1958, стр. 126, примечание) полагает, что этот абзац был написан Ч. Дарвином в 1881 г.

199 (Стр. 233). Хр. К. Шпренгель (Christian Konrad Sprengel), 1750—1816, школьный учитель в Шпандау (Германия), впервые выяснивший роль насекомых в опылении цветков и описавший приспособления в строении цветков к опылению их насекомыми. На полузабытую замечательную работу Шпренгеля «Das entdeckte Geheimnis der Natur» (1793) вновь обратил внимание Ч. Дарвин. См. также вступительную статью к 6 тому наст. издания.

200 (Стр. 233). Весь этот комплекс статей по ди- и триморфизму цветков растений был впоследствии переработан Дарвином в монографию «Различные формы цветов у растений одного и того же вида» (см. «Воспоминания», стр 236, и наст. изд., т. 7, в котором дан перевод этой работы Дарвина со вступительной статьей и комментариями А. П. Ильинского).

201 (Стр. 234). В «Записной книжке» 1837—1838 гг. имеется ряд мест, в которых Дарвин совершенно недвусмысленно высказывается за происхождение человека от обезьяноподобных предков

202 (Стр. 234). См. наст. издание, т. 3, стр. 665.

203 (Стр. 235). Чарлз Белл (Ch. Bell), 1774—1842, выдающийся шотландский физиолог, известный своими исследованиями по анатомии и физиологии нервной системы. О его работе «Анатомия выражений» см. вступительную статью С. Г. Геллерштейна к работе Дарвина «Выражение эмоций» (наст. изд., т. 5, стр. 663).

204 (Стр.235). Хартфилд (Hartfield) — деревня в графстве Суррей, где жила старшая сестра Эммы Дарвин Шарлотта Веджвуд со своим мужем священником Ч. Лэнгтоном.

205 (Стр. 236). Первые слова известного евангельского выражения — «Nunc dimittis servum tuum, Domine» («Ныне отпущаеши раба твоего, господи»), смысл которого, по евангельскому рассказу о Симеоне, увидевшем мессию, следующий: теперь, увидев свершение лучших моих надежд, я могу умереть.

206 (Стр. 236). См. по этому поводу предисловие Ч. Дарвина к английскому переводу книги немецкого ботаника Германа Мюллера «Опыление цветов». Русский перевод: наст. издание, т. 6, стр. 652—654 и 686—687.

207 (Стр. 236). О терминах легитимный и иллегитимный см. статью А. П. Ильинского к переводу работы Дарвина «Различные формы цветов» (наст. издание, т. 7, стр. 18 и сл.). О дарвиновской аналогии иллегитимного опыления с бесплодием гибридов см. там же, стр. 623—626, а также наст. изд., т. 4, стр. 584—588.

208 (Стр. 237). Кроме первых двух фраз этого абзаца, все остальное было опущено Фр. Дарвином в его публикации «Автобиографии» Ч. Дарвина (L. L., т. I,

стр. 97). Сущность «конфликта» между Дарвином и Батлером заключается в следующем.

Известный немецкий дарвинист Эрнст Краузе напечатал в посвященном Чарлзу Дарвину февральском номере журнала «Kosmos» за 1879 г. (т. II, № 2) статью об эволюционных воззрениях Эразма Дарвина. Ч. Дарвину статья очень понравилась, и он предложил Краузе издать ее в английском переводе, предпослав ей биографию Эразма, которую сам Дарвин и взялся написать по имевшимся в его распоряжении семейным архивам. Краузе выразил согласие и немедленно исправил и несколько расширил свою статью для английского перевода. В промежуток времени между появлением статьи Краузе в журнале «Kosmos» и моментом подготовки Краузе исправленного текста, предназначенного для английского перевода, в Англии появилось (в мае 1879 г.) сочинение английского романиста и публициста Сэмюэла Батлера (1835—1902) «Старая и новая теория эволюции» (S. Buttler, Evolution old and new, or the Theories of Buffon, Dr. Erasmus Darwin and Lamarck compared with that of Mr. Charles Darwin). Батлер доказывал, что теория деда (Эразма Дарвина) глубже и ближе к истине, нежели теория внука (Чарлза Дарвина), и что вообще в эволюционном процессе ведущую роль играет психический фактор, как это якобы убедительно показали некоторые старые эволюционисты — предшественники Ч. Дарвина.

Намекая на эти утверждения Батлера, Краузе добавил в переработанном тексте своей статьи (английское издание книги Краузе и Дарвина вышло в свет в ноябре 1879 г.) следующую заключительную фразу: «Система Эразма Дарвина сама по себе представляла весьма значительный первый шаг по тому пути, который был проложен для нас его внуком, но пытаться в наши дни оживить эту систему — как совершенно серьезно делают это некоторые авторы — значит проявлять слабость мысли и устарелость взглядов, в чем никому нельзя позавидовать» (E. Krause, Erasmus Darwin. Translated... by W. S. Dallas, Лондон, 1879, стр. 216). Вполне справедливо отнеся эти слова к себе, Батлер выступил против Дарвина в печати, в крайне грубой форме обвиняя его в том, что он специально предпринял перевод статьи Краузе *с заранее задуманной целью* опорочить его, Батлера, книгу. Дарвин в личном письме к Батлеру объяснил ему, что перевод был предпринят до того, как книга Батлера вышла в свет, и что указанная фраза была добавлена автором (Краузе) при переработке статьи после выхода книги Батлера; поэтому обвинение Батлера лишено оснований, но Дарвин признает свою ошибку, выразившуюся в том, что в предисловии к переводу он позабыл оговорить это обстоятельство. Однако Батлер продолжал в печати начатую им кампанию против Дарвина, причем теперь уже совершенно нелепо обвинял Дарвина в какой-то фальсификации, в том, что он намеренно скрыл от читателей факт переработки статьи и внесения в нее новых элементов и выпустил даже специальный грязный памфлет против Дарвина под заглавием «Unconscious Memory» («Беспечная память», 1880). Сам Краузе писал по поводу этой истории в 1885 г. следующее: «Дело выглядело крайне комично, ибо если бы здесь имело место намеренное действие, то оно могло бы оказать пользу только одному человеку... самому м-ру Батлеру. В самом деле, если мой очерк в том именно виде, какой он приобрел окончательно, появился за 3 или 4 месяца до книги Батлера, то кто бы мог подумать, что автор намекает на Батлера! Произведение, трактующее о Карле Великом, не могло быть написано до Р. Х., и фальсификатор, который издал бы какой-нибудь кодекс до Р. Х., не стал бы намеками говорить в нем о... Карле Великом. Вся эта история заслуживает упоминания только по двум причинам. Во-первых, потому что некоторые читатели могли слышать о ней, не имея ясного представления о сути дела. Во-вторых, потому, что она ясно показывает, что в Англии под покровом внешней вежливости все еще тлеет глубокая ненависть против нарушителя квиэтизма [т. е. против Дарвина], ибо многие из виднейших газет и журналов Англии не осмелились реагировать на легкомысленные и абсурдные жалобы Батлера, обнаружив благодаря этому свой истинный образ мыслей. Ни одному из господ редакторов не пришло в голову, прежде чем они пустили в печать злостные заявления Батлера, спросить себя, зачем, собственно говоря, выступил Батлер со столь тяжкими обвинениями против Дарвина из-за факта забывчивости, который никому не причинил вреда, а Батлеру мог принести только очевидное преимущество?» (E. Krause, Ch. Darwin und sein Verhältnis zu Deutschland. Лейпциг, 1885, стр. 184—186).

Т. Гёксли по поводу «конфликта», столь безобразно созданного Батлером, написал Дарвину (3 февраля 1880 г.) следующее письмо (впервые опубликовано Н. Барло, 1958, стр. 210—211): «Дорогой Дарвин, вчера ночью я прочитал письмо Батлера и Ваш черновик [ответа ему], а также письмо Личфилда, заснул над чте-

нием их и сегодня — после лекции о морской собаке [акуле] и химере [хищной рыбе] (объектах обладающих отчетливым сходством с Батлером) — перечитал их снова. И должен без малейшего колебания сказать: сжечь Ваш черновик и не обращать никакого решительно внимания на м-ра Батлера до тех пор, пока не появится следущее издание Вашей книги — когда и можно будет дать самое коротенькое объяснительное замечание по поводу этих обстоятельств — вот единственное, что необходимо сделать... Меня изумляет Батлер, которого я считал приличным человеком, хотя его последняя книга [т. е. «Старая и новая теория эволюции»] кажется мне в высшей степени глупой. Не укусил ли его Майварт [см. выше, примечание 195], заразив его таким путем дарвинофобией? Это страшная болезнь, и я уничтожал бы каждого сына [бешеной собаки (вместо этих двух слов Гёксли изобразил в письме нечто вроде бешеной собаки)]. Я встречал их, бегающими на свободе без всякого милосердия [к окружающим]. Но пусть все это не тревожит Вас. Припомните, что сказал старик Гёте о своих батлерах и майвартах:

Hat doch der Wallfisch seine Laus,
Muss auch die Meine haben...
[Если у кита есть своя вошь,
Позвольте и мне иметь свою]...»

Н. Барло опубликовала недавно (1958, стр. 167—219) ряд документов, в том числе много ранее неизвестных писем, в деталях освещающих весь «конфликт» Дарвина с Батлером.

Приводим краткие сведения о Л. Стивене и Р. Личфилде, имена которых Дарвин упоминает в связи с «конфликтом»: Лесли Стивен (Leslie Stephen), 1832—1884, англ. критик и литературный деятель; Р. Б. Личфилд (R. B. Litchfield), 1831—1903, англ. общественный деятель, педагог и музыкант, один из основателей и многолетний преподаватель Колледжа для рабочих. Был женат на старшей дочери Дарвина — Генриетте. Неоднократно оказывал Дарвину литературную помощь — в редактировании «Выражения эмоций», в составлении обращения ученых в парламент по вопросу о разрешении физиологам пользоваться методом вивисекции на животных и др.

209 (Стр. 237). «Пользуясь помощью Френка», т. е. сына Френсиса — физиолога растений.

210 (Стр. 237). Фр. Дарвин отмечает (L. L., т. I, стр. 88), что тем не менее с ноября 1881 по февраль 1884 г. было продано 8500 экземпляров этой книги. Напомним, что впервые Дарвин занялся исследованием дождевых червей в 1837 г. (см. стр. 214 и примечание 133).

211 (Стр. 237). Здесь заканчивается написанное Дарвином 1 мая 1881 г. дополнение о работах, изданных им между 1876 и 1881 годами.

212 (Стр. 240). У Дарвина: «недоверие к дедуктивному методу рассуждения в смешанных науках [in mixed sciences]». Этим термином в Англии и Америке обозначают иногда науки, которые могут иметь наряду с теоретическим и практический уклон, например математика, различные отрасли биологии, медицины, сельского хозяйства и т. п.

213 (Стр. 240). Текст отсюда и до слов «в своих привычках я методичен» (стр. 242) представляет собой позднейшую вставку.

214 (Стр. 242). Имеется в виду книга: A. H. Huth, The Marriage of near Kin, London, 1875.

215 (Стр. 242). У Дарвина буквально: «не было никаких случаев», однако из контекста ясно, что должно быть: «не было ни одного неудачного случая».

216 (Стр. 242). Речь идет о Пьере Ван-Бенедене (P. van Beneden), 1809—1894, известном бельгийском зоологе и паразитологе, президенте Бельгийской Академии наук, а не о его сыне — выдающемся цитологе и эмбриологе Эдуарде (1846—1910).

217 (Стр. 242). Хопден (Hopedene) — дом Генсли Веджвуда (см. примечание 154) в Суррее.— По поводу даты начала работы над «Воспоминаниями» — «около 28 мая» см. примечание 2.

[ЖИЗНЬ ЭРАЗМА ДАРВИНА]

[1] (Стр. 251). Эрнст Краузе (Ernst Krause), 1839—1903, немецкий натуралист-популяризатор, выступавший в печати чаще всего под псевдонимом Каруса Штерне (Karus Sterne — анаграмма его фамилии и имени). Друг и единомышленник Э. Геккеля и братьев Фрица и Германа Мюллеров, Краузе был одним из активных борцов за дарвинизм в Германии. Ему принадлежит одна из первых немецких популяризаций идеи эволюции (дарвинизма) — книга «Werden und Vergehen», многократно переиздававшаяся и выросшая до большого трехтомного сочинения об эволюции вселенной (рус. перевод с дополнениями Н. А. Умова и Н. А. Морозова: К. Штерне, Эволюция мира, тт. I—III, М., 1909). С 1877 г. Краузе состоял главным редактором популярного немецкого журнала «Космос» (в состав редколлегии которого входили Э. Геккель и Ч. Дарвин), сыгравшего в Германии выдающуюся роль в распространении передовых идей естествознания и в борьбе с реакционно-клерикальными течениями в биологии.

[2] (Стр. 251). У. С. Даллас (W. S. Dallas), энтомолог, много сотрудничал с Ч. Дарвином. Он составил обширный указатель к труду Дарвина «Изменения животных и растений» и словарь терминов к 6-му изданию «Происхождения видов» (наст. изд., т. 3, стр. 667—678). По предложению Дарвина он перевел на англ. язык работу Фрица Мюллера «За Дарвина» и статью Краузе об Эразме Дарвине.

[3] (Стр. 252). Анна Сьюорд (A. Seward), 1745—1809, личфилдская поэтесса и писательница, дочь личфилдского каноника Томаса Сьюорда (1708—1790), также занимавшегося критико-литературной деятельностью (см. ниже примечание 32). Одно время А. Сьюорд была в очень дружеских отношениях с Эразмом Дарвином, но после его смерти издала биографию его («Memoirs of the Life of Dr. Darwin», 1804), носящую крайне пасквильный характер. Ч. Дарвин подвергает эту работу А. Сьюорд справедливой критике на страницах написанной им биографии деда.

[4] (Стр. 252). J. Dowson, Erasmus Darwin, Philosopher, Poet and Physician, 1861.

[5] (Стр. 252). О С. Батлере и истории его «конфликта» с Дарвином, возникшего в связи с изданием англ. перевода статьи Э. Краузе об Э. Дарвине, см. примечание 208 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 437).

[6] (Стр. 253). «Вступительная заметка» («Preliminary notice»), написанная Ч. Дарвином к англ. переводу статьи Краузе об Эразме Дарвине (см. «Предисловие» Дарвина, этот том, стр. 251), по своему объему превышает статью Краузе [из 216 страниц книги «Erasmus Darwin», by Ernst Krause (London, 1879) «Заметка» Дарвина занимает 127 страниц]. Таким образом, название книги не вполне соответствует доле участия Краузе и Дарвина. На корешке издательского переплета книги дано другое заглавие: «Life of Erasmus Darwin», и это название как наиболее подходящее к работе Ч. Дарвина мы и дали ей в русском переводе.

До настоящего времени «Жизнь Эразма Дарвина», написанная его великим внуком, остается наиболее обстоятельной и точно документированной биографией Эразма и вместе с тем представляет важное дополнение к «Воспоминаниям» («Автобиографии») Ч. Дарвина, так как дает достаточно развернутую историю старинной семьи Дарвинов. «Жизнь Эразма Дарвина» представляет интерес не только как основной источник сведений о личности и деятельности этого замечательного врача, натуралиста и поэта XVIII в. Чарлз Дарвин дает в биографии Эразма тонкие характеристики ряда других членов семьи Дарвинов; скупыми, но очень точными штрихами он набрасывает картину той обстановки, в которой развертывалась насыщенная интеллектуальная деятельность членов этой замечательной семьи. И особенно важно то, что сквозь спокойные строки рассказа об Эразме Дарвине пред нами выступает живой образ автора книги, самого Чарлза Дарвина: объективность и научная точность, заставляющие его подвергать строгому анализу противоречивые данные о тех или иных спорных моментах жизни и характера деда; глубокая правдивость, не позволяющая ему ограничиться легкой задачей написания хвалебного панегирика деду, закрыть глаза на отрицательные стороны характера, на слабости Эразма; наконец, добродушие и мягкий юмор. Все это делает «Жизнь Эразма Дарвина» источником, из которого биограф Ч. Дарвина может почерпнуть много ценных данных.

В англ. оригинале книга снабжена только тремя иллюстрациями: портретом Э. Дарвина работы Райта (см. стр. 265) и двумя гравюрами, воспроизведенными нами на стр. 255 и 305.

[7] (Стр. 253). По-видимому, правильнее было бы сказать: он был иоменом (т. е. зажиточным землевладельцем) и состоял в иоменри (территориальной коннице, вербовавшейся из иоменов-волонтеров), приписанной к Гринвичскому арсеналу.— О более ранних предках Фр. Дарвин сообщает следующее (L. L. в, т. I, стр. 1). Наиболее старинные сообщения показывают, что Дарвины были состоятельными иоменами (фермерами, землевладельцами), владения которых находились в северной части Линкольншира на границе с Йоркширом. В настоящее время имя это встречается в Англии редко. Около 1600 г. оно писалось по-разному: Derwent, Darwen, Darwynne и пр. Возможно, что имя это связано с рекой Деруэнт (Derwent), из окрестностей которой семья, быть может, некогда мигрировала в более южный район. Древнейшим из известных предков был Уильям Дарвин (Darwin), живший около 1500 г. в Мартоне близ Гейнсборо (в Линкольншире). Его правнук Ричард Дарвин (Darvyn) известен по одному документу, датированному 1584 г. Его сыном и был тот Уильям Дарвин, который владел поместьем в Клитеме (в Линдси в Линкольншире).

[8] (Стр. 253). Т. е. состоял в рядах королевской армии, сражавшейся за короля Карла I против революционной армии. Как известно, борьба окончилась казнью Карла I (в 1649 г.) и бегством его сына Карла во Францию. Парламент провозгласил Англию республикой «без короля и палаты лордов». Очевидно, в это время и был наложен секвестр на имение У. Дарвина, замененный ему штрафом. Реставрация королевской власти произошла в 1660 г., когда сын Карла I был объявлен королем под именем Карла II.

[9] (Стр. 253). Адвокат, выступающий в высших судебных инстанциях Англии.

[10] (Стр. 253). Serjeant-at-law (серджент) — королевский адвокат, барристер высшего ранга (см. примечание 9).

[11] (Стр. 254). Общество в г. Сполдинге в Линкольншире, ставившее своей задачей «совершенствование в искусствах и словесных науках».

[12] (Стр. 254). Уильям Стакли (W. Stukely), 1687—1765, англ. врач и археолог.

[13] (Стр. 254). Лита́ния — молитва, построенная в виде ряда просьб к богу.

[14] (Стр. 254). Женой Роберта Дарвина и матерью Эразма была Елизавета Хилл (Elisabeth Hill, 1702—1797).

[15] (Стр. 254). Точное название этого сочинения, вышедшего впервые, когда Роберту Уорингу Дарвину было шестьдесят лет, т. е. в 1784 г.: «Principia Botanica: or, A Concise and Easy Introduction to the Sexual Botany of Linnaeus». Р. У. Дарвин заявляет, что он хочет показать юношеству «гармонию творения, ибо ни в чем другом не обнаруживается с большей силой существование Высшей Причины».

[16] (Стр. 256). В письме Сусанны Дарвин — Scribelerus, однако правильно Scriblerus. Речь идет об анонимном произведении под названием: «Memoirs of the Extraordinary Life, Works and Discoveries of Martinus Scriblerus». Мартин Скриблерус — вымышленное лицо, своего рода английский Кузьма Прутков. Произведение носит сатирический характер, высмеивая людей с плохим литературным вкусом. В 1714 г. Свифт организовал своеобразный клуб писателей, получивший название Scriblerus-Club и ставивший своей целью борьбу с литературной безвкусицей. Главными участниками клуба, помимо самого Свифта, были А. Поп. Дж. Арбатнот, Дж. Гей, Болингброк. В недрах клуба, вероятно, и возник «Мартин Скриблерус». По свидетельству Попа, главным автором его был Арбатнот.

[17] (Стр. 256). «The Tatlar» (прав. Tatler), т. е. «Болтун»,— английский журнал, издававшийся в 1709—1711 гг. поэтами Ричардом Стилем (R. Steele) и Джозефом Аддисоном (J Addison).

[18] (Стр. 257). Авл Флак Персий (34—62) — знаменитый римский поэт, автор дошедших до нас шести сатир, в которых он бичевал упадочные нравы римского общества I века нашей эры.

[19] (Стр. 258). Бакалавр искусств —см. примечание 60 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 421).— «Junior Optimes», т. е. «младший из лучших»,— звание, присваиваемое в английских университетах (особенно в Кембридже) студентам, сдавшим экзамены с отличием третьей степени. Более высокая, вторая степень отличия — «Senior Optimes» (т. е. «старший из лучших»).

[20] (Стр. 258). Уильям Гёнтер (W. Hunter), 1718—1783, шотландский акушер и анатом. С 1768 г. Гёнтер состоял профессором анатомии в Лондонском университете.

[21] (Стр. 258) Джемс Кейр (J. Keir), 1735—1820, химик, один из основателей и активнейших членов Лунного общества (см. ниже, примечание 39). Кейр был очень близок с Уаттом и Пристли и принимал участие в их химических исследованиях.

[22] (Стр. 258). Роберт Уитт (R. Whytt), физиолог и клиницист, профессор Эдинбургского университета в 1747—1766 гг.— Герман Бургав (H. Boerhaave), 1668—1738, знаменитый голландский врач и химик, оказавший огромное влияние на развитие клинической медицины в начале XVIII в. В своих теоретических воззрениях Бургав стремился сочетать чисто механические представления о физиологических процессах с учением Гиппократа о болезнях.

[23] (Стр. 258). Уильям Куллен (правильнее: Каллен — W. Cullen), 1712—1790, эдинбургский физик и врач, получивший в свое время широкую известность в медицинском мире Европы своим учением о «нервном принципе»: как нормальные, так и патологические процессы регулируются нервной системой; процесс выздоровления в большинстве заболеваний основан на том, что нервная система, вызывая судороги или, наоборот, атонию, восстанавливает нормальные отношения в организме. Однако некоторые заболевания, например цинга, основаны, как учил Куллен, на изменении соков организма.

[24] (Стр. 259). Джосайя Веджвуд (J. Wedgwood), 1730—1795, из Этрурии, основатель производства знаменитой в Англии и во всей Европе так называемой «веджвудовской посуды», высококачественной фаянсовой посуды, отличающейся красотою форм, росписи и окрасок. Дочь Дж. Веджвуда Сусанна вышла замуж за сына Эразма Дарвина, д-ра Роберта Дарвина. Таким образом, Чарлз Дарвин по матери является внуком Джосайи Веджвуда.— Томас Бентли (T. Bentley), скончавшийся в 1780 г., был близким другом Веджвуда и участником его предприятия.

[25] (Стр. 260). Герман Самюэль Реймарус (G. S. Reimarus), 1694—1768, немецкий философ, деист, один из основоположников «естественной религии» и критики (в Германии) иудейского и христианского учения об откровении и священного писания. Его сын Иоганн Альберт Генрих Реймарус (1729—1814) был видным немецким врачом и натуралистом. Реймарус получил степень в Лейдене не в 1754 г., как пишет Дарвин, а в 1757 г.

[26] (Стр. 261). Поли (Polly) — уменьшительная и ласкательная форма имени Мэри (Mary).

[27] (Стр. 262). Весь рецепт основан на игре слов, которую невозможно передать по-русски. Названия цветков выбраны таким образом, что они обозначают (по-английски) как цветок, так и то или иное душевное или другое человеческое качество.

[28] (Стр. 266). Приводим краткие сведения об упоминаемых здесь лицах: Кейр — см. выше примечание 20; Томас Дэй (T. Day), 1748—1789, поэт и новеллист; Уильям Смолл (W. Small), 1734—1775, натуралист; Мэттью Болтон (M. Bolton), 1728—1809, знаменитый англ. инженер, основатель крупного металлургического завода в Сохо (близ Бирмингема), активно поддерживал Джемса Уатта и вместе с ним организовал первый завод паровых машин; Джемс Уатт (J. Watt), 1736—1819, знаменитый шотландский механик, усовершенствовавший паровую машину; Веджвуд — см. выше примечание 23; Ричард Эджуорс (R. Edgeworth), 1744—1817, механик и конструктор; его дочь Мария, 1767—1849, писательница; Сэмюэл Гальтон (S. Galton), 1753—1832, крупный бирмингемский промышленник; его сын Сэмюэл Терциус Гальтон, 1783—1844 г. был женат на Вайолетте Дарвин, дочери Эразма Дарвина; их сын Френсис Гальтон, 1822—1911, известный путешественник и антрополог, основатель биометрии.

[29] (Стр. 267). Джемс Бриндли (J. Brindley), 1716—1772, крупный англ. инженер, стоял во главе работ по прорытию (1766—1777) Большого осевого канала, связывающего устье реки Мерси с системой реки Трент.

[30] (Стр. 268). Джемс Гёттон (J. Hutton), 1726—1797, знаменитый шотландский геолог. Возглавлял школу вулканистов в Англии.

[31] (Стр. 270). Album graecum — костяная зола, белая жженная кость. Старинное фармацевтическое средство.

[32] (Стр. 271). Френсис Бомонг (правильнее Бьюмонт) и Джон Флетчер — английские драматурги, современники Шекспира. Личфилдский каноник Сьюорд (см. выше примечание 2) и литературовед и поэт С. Джонсон (1709—1784) являются издателями комментированных ими произведений Бомонта и Флетчера (первый) и Шекспира (второй). Джонсон был очень остроумным человеком и славился своими ядовитыми эпиграммами. На этом, очевидно, основана фраза Ч. Дарвина: «Не может быть, я полагаю, никакого сомнения, что Джонсон вышел бы победителем».

[33] (Стр. 272). Жиль Блас — герой известного романа французского писателя А. Лесажа (1668—1747) «История Жиль Бласа де Сантильяна» (1715—1735).

[34] (Стр. 272). Ср. Эразм Дарвин, Храм природы. Перев. Н. А. Холодковского, предисловие, редакция и комментарии Е. Н. Павловского. Изд. АН СССР, М., 1954 (стр. 74, примечания к стиху 275 и 277; стр. 84, конец примечания к стиху 143; стр. 101, примечание к стиху 162).

[35] (Стр. 273). Из всего изложенного следует, что Эразм Дарвин был не теистом, а деистом (см. примечание 125 к «Воспоминаниям», стр. 430). Ч. Дарвин здесь, как и в своих «Воспоминаниях» (этот том, стр. 209), пользуется неправильной терминологией.

[36] (Стр. 273). Об унитарианизме см. примечание 8 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 415).

[37] (Стр. 274). Джон Говард (J. Howard), 1726—1790, английский филантроп, реформатор тюрем. Обследовал положение тюрем в Англии и на континенте. В выступлениях в парламенте и в ряде книг Говард «выдвинул казавшуюся в то время очень смелой программу тюремных реформ, сводящуюся к привлечению заключенных к производительному труду, к строгой, но разумной дисциплине и религиозному воспитанию. Популярности Говарда в кругах буржуазии способствовало отсутствие у него критического отношения к основам социального строя, а также и его религиозное миросозерцание... Во время пребывания в России Говард отказался посетить Екатерину II, заявив, что его цель — видеть тюрьмы, а не дворцы. В 1789—90 гг. он изучал распространение эпидемий и смертность в русской армии; ухаживая за больной тифом, Говард заразился и умер. Похоронен в Херсоне». (Большая советская энциклопедия, 1-е изд., т. 17). Биография Говарда: Г. Б. Слиозберг, Говард, его жизнь и общественно-филантропическая деятельность. СПб., изд. Павленкова, 1891.

[38] (Стр. 275). О Рейнольдсе см. примечание 70 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 422).

[39] (Стр. 277). Это общество, организованное Эразмом Дарвином в Дерби, преследовало те же цели, что и знаменитое «Лунное общество» («Lunar Society»). Последнее собиралось в Бирмингеме в период полнолуния и представляло собою свободную ассоциацию ученых, фабрикантов и инженеров, стремившихся содействовать развитию науки и техники и видевших залог этого в глубоком взаимодействии теории и практики. В состав Лунного общества входили фабриканты и инженеры Уилкинсон, Веджвуд, Эджуорс, Болтон, ученые Пристли, Уатт, Э. Дарвин, поэт Дэй и другие, с кем, как мы уже знаем, Э. Дарвин был тесно связан. Яркую характеристику Лунного общества дает Дж. Бернал в своей книге «Наука в истории общества» (М., 1956, стр. 293—294).

[40] (Стр. 280). Брук Бутби (Brook Boothby), сосед Э. Дарвина, помещик. Писал и печатал стихи.— Вифезда — источник в Иерусалиме, считающийся в библии и у христиан «священной купелью».

[41] (Стр. 282). Ворота Темпля (Temple-Bar) — старинные ворота в Лондоне близ Темпля, местопребывания лондонских адвокатских коллегий. По-видимому, на воротах Темпля вывешивались объявления о судебных делах.

[42] (Стр. 283). Лорд Филипп Честерфилд (F. Chesterfield), 1694—1773, англ. политический деятель. В «Письмах к сыну», изданных после его смерти (в 1774 г.), он излагает свои правила «житейской мудрости».

[43] (Стр. 287). Об Э. Дункане см. примечание 38 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 419).

[44] (Стр. 287). Генри Рабёрн (H. Raeburn), 1756—1823, видный шотландский художник-портретист.

[45] (Стр. 288). Эти слова Ч. Дарвина находят подтверждение, в частности, в том факте, что Эразм Дарвин включил статью «Ocular Spectra» в состав своего труда «Зоономия» (раздел X первого тома).— Упоминаемый выше Уитстон — это, по-видимому, известный англ. физик и приборостроитель Charles Wheatstone (1802—1875).

[46] (Стр. 289). Удивительно, что и здесь Ч. Дарвин делает ошибку в указании года смерти своего отца, который, как правильно отмечает Ч. Дарвин в своем «Дневнике» (этот том, стр. 137), умер в 1848 г. Между тем здесь указан 1849 год, а в «Воспоминаниях» — 1847 год.

[47] (Стр. 289). Во многом то, что Ч. Дарвин сообщает здесь о своем отце, повторяет сказанное в «Воспоминаниях» (этот том, стр. 172—181). Однако некоторые подробности, сообщаемые здесь, являются новыми.

[48] (Стр. 291). Горас Уолпол (H. Walpole), 1717—1797, англ. писатель.

[49] (Стр. 292). Уильям Купер (W. Cooper), 1731—1800, англ. поэт-сентименталист.

[50] (Стр. 292). Уильям Хайли (W. Hayley), 1745—1820, англ. писатель, друг и биограф У. Купера.

[51] (Стр. 293). Тетрандрический — ботанический термин, обозначающий цветки с 4 тычинками. Моногинный — также ботанический термин, обозначающий цветок с одним только пестиком.

[52] (Стр. 294). Речь идет о знаменитом шотландском физике и химике Джозефе Блэке (J. Black), 1728—1799, который был профессором сначала в Глазго, затем в Эдинбурге. Блэк являлся в то время крупнейшим авторитетом по вопросам теплоты, которую он рассматривал как особый вид вещества («теплород»). Несмотря на то, что уже тогда получили достаточно широкую известность работы Бернулли, Эйлера и особенно Ломоносова по вопросу о природе теплоты, которую они рассматривали как особую форму движения материальных частиц, ошибочные теоретические взгляды Блэка, блестящего и тонкого экспериментатора, продолжали господствовать. Судя по настоящему письму к Веджвуду, Эразм Дарвин принадлежал к числу тех натуралистов, которые шли дальше Блэка, утверждая по аналогии с двумя видами «электрической жидкости» наличие двух видов «теплового вещества» с противоположными знаками. С точки зрения этой теории Дарвин и пытается в письме объяснить явления, наблюдавшиеся им и Веджвудом.

[53] (Стр. 295). Термин «скрытая теплота» принадлежит Блэку. Мы ставим его в скобках рядом с соответствующими выражениями Дарвина, так как, по-видимому, именно скрытую теплоту имеет в виду Дарвин.

[54] (Стр. 296). Джессе Фут (Jesse Foot), 1744—1826, анатом и хирург, противник знаменитого анатома Джона Гёнтера, 1728—1793 (брата Уильяма Гёнтера, см. выше примечание 20), прославившийся своими придирчивыми нападками на него. После смерти Дж. Гёнтера опубликовал биографию его: J. Foot, The Life of John Hunter, London, 1794.

[55] (Стр. 296). Наряду с «Index librorum prohibitorum» папы римские издавали «Index expurgatorius», т. е. список книг, запрещенных временно, до устранения из них нежелательных, «еретических идей».

[56] (Стр. 296). В оригинале «oxyde hydro-carbonneux». Нижеследующая справка была любезно сообщена мне в 1940 г. покойным проф. Е. Э. Гольденбергом (Ленинград): «У Фуркруа («Système des connaissances chimiques», Paris, 1801, vol. 2, p. 26) мы читаем. «Oxides ternaires, je comprends dans ce genre l'hydrogéne carboné, ou le carbone hydrogéné, l'un et l'autre oxigénés»; иначе говоря, термин конца XVIII века oxyde hydro-carbonneux обозначал третичные соединения, содержащие углерод, водород и кислород. По-русски наиболее подходящим переводом является: углеводородная окись или углеводородный окисел».

[57] (Стр. 297). См. рус. перевод: Дж. Г. Льюис, История философии, СПб., 1865. Э. Дарвину посвящена гл. 3 «Шестой эпохи» (стр. 632—640).

[58] (Стр. 297). Давид Гартли (D. Hartley), 1704—1757, англ. психолог и философ-материалист.

[59] (Стр. 299). «Храм природы» (см. выше, примечание 34), стр. 142—143.

[60] (Стр. 299). «Храм природы» (см. выше, примечание 34), стр. 115—117.

[61] (Стр. 300). См. также «Храм природы» (примечание 34), стр. 99—100 (примечание к стиху «И мир одной огромной бойней стал»).

[62] (Стр. 300). См. также «Храм природы» (примечание 34), песнь IV, стихи 377—448 (стр. 65—67) и примечание к стиху «Что жизнь растет...» (там же, стр. 104—105).

[63] (Стр. 300). «Genera plantarum» Антуана Лорана де Жюсье вышли в свет в 1789 г.

[64] (Стр. 302). Модератор — механическое приспособление, регулирующее поступление жидкого горючего (керосин, масло) в горелку лампы.

[65] (Стр. 302). Джемс Уитуэрс (J. Whitworth), 1803—1887, английский инженер — механик и конструктор.

[66] (Стр. 303). Лунный клуб — то же, что Лунное общество (см. выше, примечание 39).

[67] (Стр. 304). Чарлз Дарвин почему-то не упоминает об усовершенствованной механической сеялке, предложенной Эразмом Дарвином. Подробное описание ее с чертежами дано в виде «Приложения» к «Фитологии».

Френсис Дарвин
ВОСПОМИНАНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА

[1] (Стр. 309). «Воспоминания» Фр. Дарвина впервые появились в 1887 г. в L. L. (т. I, стр. 108—160). В издании L. L. 1888 г. была изменена только одна фраза (этот том, стр. 323, примечание). В сокращенном издании «Жизни и писем Ч. Дарвина» (Фр. Дарвин, 1908) и в последующих массовых переизданиях «Автобиографии» Ч. Дарвина (например, Фр. Дарвин, 1949) Фр. Дарвин исключил несколько отрывков и внес небольшое количество исправлений преимущественно стилистического характера. Наш перевод сделан по изданию L. L. 1888 г. с учетом исправлений, внесенных в издания 1908 г. и последующих лет. Эти мелкие исправления нами не оговорены, а исключенные отрывки даны в угловых скобках. Сокращенный и очень неудовлетворительный по качеству перевод «Воспоминаний» на русский язык был дан в VIII томе «Иллюстрированного собрания сочинений Ч. Дарвина» (изд. Ю. Лепковского, М., 1909).

[2] (Стр. 310). Этот эпизод произошел в Порт-Дезире на восточном берегу Патагонии. См. наст. издание, т. 1, стр. 148.

[3] (Стр. 310). Г. Ньюпорт (G. Newport), 1803—1854, английский зоолог, известен своими тонкими работами по анатомии (в частности, по строению нервной системы) многоножек и других беспозвоночных животных.

[4] (Стр. 312). Не ясно, какую именно работу Ч. Дарвина имеет в виду Фр. Дарвин. В «Выражении эмоций» о шевелении пальцами как старческой привычке Дарвин не говорит. Там речь идет лишь о «пощелкивании пальцами» как выражении пренебрежения (см. наст. издание, т. 5, стр. 850).

[5] (Стр. 314). «Тепличная физиономия» у собаки — см. наст. издание, т. 5, стр. 727—729 и 731.

[6] (Стр. 315). Муховидная орхидея (fly-orchis) — *Ophrys muscifera* см. наст. издание, т. 6, стр. 107 и сл.; мускусная орхидея (musk-orchis) — *Herminium monorchis*, там же, стр. 116 и сл. О родах орхидей Cephalanthera и Neottia см. там же, стр. 128 и сл. (о первой) и 155—156 (о второй).

[7] (Стр. 316). Diclytra (иногда также Dielytra) — ошибочное название декоративного растения *Dicentra spectabilis* («пылающее сердце») из семейства маковых.

[8] (Стр. 317). Бэтфайвз (batfives, или чаще fives) — распространенная в Англии игра в мяч, в которой мяч бросают руками два или четыре партнера.

[9] (Стр. 321). Ганс Рихтер (H. Richter), 1843—1916, выдающийся венгерский музыкант и дирижер, в своей творческой деятельности был связан с Рихардом Вагнером. Долго работал в Вене, затем в Англии.

[10] (Стр. 321). Леди Фаррер — см. примечание 155 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 433).— Артур Сеймур Салливан (A. S. Sullivan), 1842 — 1900, англ. композитор.

[11] (Стр. 321). «Сайлас Марнер» — один из наиболее известных романов знаменитой англ. писательницы Джордж Элиот (Мэри Эванс). В «Сайласе Марнере» (1861 г.) Элиот противопоставляет высокоположительному герою романа ткачу Сайласу Марнеру представителей дворянства как разнузданных носителей всего отрицательного. Русский перевод романа вышел в 1889 г.

[12] (Стр. 322). Джен Остин (J. Austen), 1775—1817, англ. романистка; Элизабет Гаскелл (E. Gaskell), 1810—1865, англ. романистка, которую Маркс относил к «блестящей плеяде» романистов Англии.

[13] (стр. 322). С этим мнением Дарвина о Тёрнере интересно сопоставить прямо противоположное отношение К. А. Тимирязева, который разделял восхищение Тёрнером, постоянно высказывавшееся знаменитым Джоном Рёскиным. См. статью Тимирязева о Тёрнере: Сочинения, т. X, стр. 297—332, Сельхозгиз, М.— Л., 1940.

[14] (Стр. 322). Фридрих Гильдебранд (F. Hildebrand), 1835—1915, видный немецкий ботаник, известный своими работами по биологии оплодотворения у растений, выполненными в духе идей Дарвина о значении перекрестного опыления.

[15] (Стр. 323). Дж. Джедд (J. Judd), 1840—1916, видный англ. геолог, был сторонником Дарвина.— Ляйелл умер в 1875 г.

[16] (Стр. 323). Джемс Гейки (J. Geikie), 1839—1915, выдающийся шотландский геолог. Письмо Дарвина к Гейки, о котором говорит Фр. Дарвин, было частично опубликовано Гейки в его сочинении «Доисторическая Европа». Гейки считал, что идеи, развиваемые Дарвином в этом письме, правильно раскрывают некоторые важные вопросы четвертичной геологии. Полный текст этого письма от 16 ноября 1876 г. воспроизведен в L. L., т. III, стр. 213—15.

[17] (Стр. 324). Антон Дорн (A. Dohrn), 1840—1910, видный немецкий зоолог, основатель знаменитой Неаполитанской гидробиологической станции. Письма к Дорну, о которых говорит Фр. Дарвин, относятся к 70-м годам.

[18] (Стр. 324). Джемс Пейджет (J. Paget), 1814—1899, видный англ. хирург и физиолог.

[19] (Стр. 325). Конистон — см. примечание 125 к «Дневнику» (выше, стр. 408).

[20] (Стр. 325). Озера Грасмер и Райдл-Уотер расположены к северу от Конистона. В местечке Грасмер близ северного берега озера родился знаменитый поэт «озерного края» Вордсворт.

[21] (Стр. 325). Лит-Хилл — см. примечание 60 к «Дневнику» (выше, стр. 404).

[22] (Стр. 325). Лорд Томас Г. Фаррер — друг Ч. Дарвина. См. примечание 155 к «Воспоминаниям» (выше, стр. 433).

[23] (Стр. 331). Речь идет об Альфонсе Декандоле (1806—1893).

[24] (Стр. 331). Френсис Бальфур (F. Balfour), 1851—1882, выдающийся англ. зоолог и эмбриолог, погиб при восхождении на одну из вершин в Альпах. Бальфур был эволюционистом. Дарвин питал к нему очень нежные чувства как к одному из самых талантливых и многообещающих молодых биологов.

[25] (Стр. 332). Карл Земпер (K. Semper), 1832—1893, видный немецкий зоолог и эмбриолог.

[26] (Стр. 332). В настоящее время заикание рассматривается как невроз, вызванный (преимущественно в детском возрасте) различными экзогенными факторами, например травмами, сильным испугом и пр. Наследование заикания представляется крайне сомнительным.

[27] (Стр. 332). Дарвин, будучи по природе очень мягким человеком, относился с отвращением к мучениям, причиняемым не только людям, но и животным, без каких-либо серьезных оснований для этого. Однако кампания, поднятая в середине 70-х годов в Англии антививисекционистами за полное запрещение вивисекции в научных целях, вызвала с его стороны решительный протест. Когда в парламент был внесен билль о запрещении вивисекций, он был в числе тех ученых, ко-

торые протестовали перед парламентской комиссией по вопросу о вивисекции против этого билля. 22 марта 1871 г. он писал Рей-Ланкестеру: «Вы спрашиваете, как я отношусь к вивисекции. Я вполне согласен с тем, что она вполне оправдана, если применяется для физиологических исследований, но она отвратительна и заслуживает осуждения, если используется для простого любопытства». Томас Фаррер рассказывает, что незадолго до своей смерти Дарвин в беседе с ним высказал такую же точку зрения. «Он, — пишет Фаррер,— необычайно сильно любил животных и с нежностью относился к ним; он не мог бы сознательно причинить боль какому-либо живому существу; но он решительно придерживался того мнения, что запрещение проведения экспериментов на живых животных положило бы конец исследованию боли и болезней и возможности нахождения лечебных средств против них». Ряд дальнейших данных по этому вопросу, включая переписку Дарвина с различными лицами по вопросу о вивисекции (Дарвин не любил это слово и предпочитал говорить «экспериментирование на живых животных»), читатель найдет в L. L., т. III, стр. 199—210, откуда заимствованы и приведенные выше цитаты.

[28] (Стр. 332). «В Джонсоновском духе», т. е. в стиле ядовито-остроумных и грубоватых эпиграмм поэта С. Джонсона. См. примечание 32 к «Жизни Эразма Дарвина» (выше, стр. 443).

[29] (Стр. 332). Джон Лёббок (J. Lubbock), 1834—1913, англ. финансист, член парламента, много писал по вопросам естествознания — энтомологии, этнологии и археологии. Лёббок был другом Дарвина и разделял его эволюционные воззрения.

[30] (Стр. 333). Последние две фразы этого абзаца добавлены Фр. Дарвином в издании 1908 г. и последующих (см. например: Фр. Дарвин, 1949, стр. 117).

[31] (Стр. 334). «Угольный клуб» — вероятно, филантропическое учреждение, снабжавшее углем бедное население деревни и округа.

[32] (Стр. 334). Членом Окружного магистрата Дарвин был избран в 1857 г.

[33] (Стр. 334). Хрустальный дворец (Crystal Palace) — громадное здание (в 490 метров длиною), построенное в середине прошлого века целиком из железа и стекла. Хрустальный дворец находится в Сиденгеме, в нескольких километрах к югу от Лондона; расположен посередине большого парка. В здании размещены многочисленные выставочные залы, концертные залы и театр, библиотека, рестораны и пр. Летом в выставочных залах устраиваются выставки домашних животных — собак, кошек, домашней птицы и пр.

[34] (Стр. 339). Biophytum — род растений из семейства кисличных. Перистые листья этого растения при прикосновении к ним реагируют точно так же, как листья стыдливой мимозы. Вероятно, эта способность растения отвечать на раздражения и послужила исходным моментом для предположения Дарвина, что листья могут реагировать не только на прикосновения и механические вибрации, но и на звуковые волны.

[35] (Стр. 342). В тексте формат бумаги не указан, а сказано: «пользовался foolscape-бумагой». Это название присвоено в Англии писчей бумаге формата 13,5 на 17 дюймов (около 34 на 42,5 см) по той причине, что в старину она изготовлялась с водяными знаками, изображавшими шутовской колпак с бубенцами (foolscape).

[36] (Стр. 343). Мисс Мартино — см. примечание 109 к «Записным книжкам 1832—1836 гг.» (выше, стр. 380).

[37] (Стр. 345). Тристрам Шенди — герой многотомного романа знаменитого английского писателя Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1759—1767)

[38] (Стр. 346). Полный текст этого письма-завещания Ч. Дарвина см. в этом томе, стр. 348.

[39] (Стр. 346). Перевод статьи о пампасском дятле дан в 3 томе настоящего издания (стр. 731). Перевод письма, напечатанного в журнале «Атенеум» за 1863 г. (и в L. L., т. III, стр. 19—20) дан в настоящем томе в библиографическом описании всех напечатанных работ Дарвина, включая и письма Дарвина в редакции различных журналов. В 3 томе наст. издания дан перевод еще трех «полемических»

статей Дарвина, почему-то не упоминаемых Фр. Дарвином: «Бри о дарвинизме» (стр. 733), «Новый взгляд на дарвинизм» (стр. 733), «Сэр Уайвиль Томсон и естественный отбор» (стр. 754).

[40] (Стр. 347). В приложении к английскому изданию полного текста «Автобиографии» Ч. Дарвина (1958) Нора Барло дает краткий обзор попыток нескольких английских врачей установить сущность болезни Дарвина. Ниже приводится перевод этой заметки Барло (Н. Барло, 1958, стр. 240—243):

«Беспокойство Дарвина относительно состояния своего здоровья широко отражено на страницах его «Автобиографии», однако ни один из наблюдавших его врачей так и не мог придти к определенному заключению о причине его многолетних болезненных недугов. Ни один из диагнозов не содержит указания на наличие какого-либо органического расстройства. Со времени его смерти биографы и врачи не раз обсуждали вопрос о его болезни, на которую он сам и его жена Эмма обращали столь пристальное внимание в своих письмах и других документах, но согласие в мнениях о причине, вызывавшей описанные ими симптомы болезни, так и не было достигнуто. Тошноты, головокружения, бессоница и упадок сил,от которых он страдал, вполне соответствуют, как это теперь достаточно знакомо нам, страданиям других знаменитых деятелей викторианской эпохи, которые, как и Дарвин, прибегали для лечения своих недугов к типичным для того времени гидропатическому лечению, дивану и теплому платку. Сорок лет болезненного состояния Чарлза Дарвина кажутся неожиданными тем более, что в юношеские годы он обладал большой энергией, крепким здоровьем и выносливостью, значительно превосходившими то, что наблюдается в среднем у большинства людей; капитан Фиц-Рой приводит много подтверждающих это примеров в своих рассказах о ряде происшествий, имевших место во время плавания корабля «Бигль».

Какие-то недомогания беспокоили, однако, Дарвина даже в юности, до путешествия, и не приходится думать, что его женитьба на такой глубоко симпатичной женщине, как Эмма Веджвуд, могла привести к чему-либо большему, чем развитие какого-то существовавшего уже ранее скрытого заболевания. Но ее сверхзаботливость помогла, быть может, развитию того крайне фиксированного внимания к симптомам болезни, которое было характерно и для некоторых из ее детей в их зрелом возрасте [по этому поводу см. также ту характеристику сыновей и дочерей Ч. Дарвина, которую дает его внучка Гвендолен Рейврат в своей книге о семье Дарвинов: G. R a v e r a t, Period Piece, Нью-Йорк, 1953.— *С. Соболь*].

Для объяснения многолетних страданий Дарвина было выдвинуто много предположений, начиная от аппендицита, язвы двенадцатиперстной кишки, пиорреи и вредных последствий морской болезни, мучившей его во время плавания на «Бигле». В настоящее время, однако, врачи склоняются больше всего к причинам нервного и психического характера. Я не могу взять на себя оценку различных точек зрения, но приведу здесь ссылки и краткие аннотации нескольких современных работ, которые, быть может, пригодятся тем, кто пожелал бы продолжить анализ этого вопроса.

1. A l v a r e z, Walter C., M. D., Nervousness, Indigestion and Pain. Paul B. Hoeber Inc. Medical Book Department of Harper Bros., New York and London, 7 изд., 1947.

Д-р Альварец анализирует симптомы болезни Дарвина и из того факта, что ни один врач не мог установить какого-либо органического источника их, делает вывод, что «беспокоившие Дарвина явления были функционального характера и обусловливались какой-то наследственной особенностью нервной системы». Он обнаруживает данные, свидетельствующие о психической неустойчивости некоторых предков Дарвина, и приходит к заключению, что Дарвин «унаследовал со стороны как отца, так и матери неустойчивость нервной системы».

2. B a r l o w N., Lancet, 1954, I, стр. 414. См. также 3(a) и 4(c) и 4(d).

3. G o o d, Dr. Rankine, (a) Lancet, 1954, I, стр. 106. Также (b) «The Origin of the Origin», Biology and Human Affairs, октябрь 1954.

Д-р Гуд любезно предоставил мне для ознакомления свою рукопись, озаглавленную «The Psychology of the Revolutionary», до того как она появилась в более короткой форме в журнале Biology and Human Affairs. Д-р Гуд считает, что болезнь Ч. Дарвина «представляла собой сочетание симптомов депрессии, навязчивых состояний, тревоги и истерии, которые по большей части сосуществовали...» Он полагает, что «несомненными причинами», вызывавшими эти симптомы, были «получившие измененное выражение агрессия, неприязнь и возмущение, которые

Дарвин бессознательно испытывал по отношению к своему тираническому отцу...» По мнению д-ра Гуда, сорок лет болезни Дарвина были расплатой за его мятеж.

4. H u b b l e, Dr. Douglas, (a) Lancet, 1943, I, стр. 129; (b) Horizon, LXXX, 1946, стр. 74; (c) Lancet, 1953, II, стр. 1351; (d) Lancet, 1954, I, стр. 467.

В 1946 г. д-р Хаббл писал: «Болезнь Ч. Дарвина возникла, следовательно, в результате мучительной эмоции, подавленной и неосознанной им. Такого рода эмоция всегда является соединением страха, чувства своей виновности и неприязни к кому-нибудь... у Ч. Дарвина она явилась результатом его взаимоотношений с отцом». В двух последних статьях д-р Хаббл развил эту тему; статья 4(c), озаглавленная «Жизнь в теплой шали», открыла дискуссию в журнале Lancet, развернутую под этим же названием.

5. K e m p f E. J., Psychopathology. Лондон, 1921, стр. 208.

Д-р Кемпф воспользовался историей болезни Ч. Дарвина в качестве примера того, что сильные стремления, порожденные сопротивлением насилию со стороны родителей, впоследствии преобразуются в состояние болезненного беспокойства; с его точки зрения, здесь проявляется механизм, «преобразующий длительные напряжения в болезненные аффекты». Д-р Кемпф особо отмечает факт потери Ч. Дарвином матери, которая умерла, когда ему было восемь лет. Он подчеркивает также авторитарные привычки д-ра Роберта Дарвина в его отношении к своим детям, отмечая в то же время необычайную интуицию, которую он проявлял по отношению к своим больным.

Приходится думать (заключает Н. Барло), что последнее слово в вопросе о болезни Чарлза Дарвина все еще не сказано. Одно ясно. Он прекрасно понимал, что́ для него полезно и что́ бесполезно, когда с глубокой интуицией написал в конце своей «Автобиографии»: „Даже плохое здоровье, хотя и отняло у меня несколько лет жизни, пошло мне на пользу, так как уберегло меня от рассеянной жизни в светском обществе и от развлечений“».

С этим заключением Норы Барло надо вполне согласиться. Нас убеждает в этом не только разноречивость суждений врачей, изучавших историю болезни Дарвина, но и обилие совершенно фантастических предположений, которыми явно злоупотребляет психоаналитическая школа.

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ ЧАРЛЗА ДАРВИНА

[1] (Стр. 348). Напечатано в L. L., т. II, стр. 16—18. Все примечания к тексту письма (за исключением одного, подписанного: *Ред.*) принадлежат Френсису Дарвину.

[2] (Стр. 349). Х. Э. Стрикленд (1811—1853) (H. E. Strickland), английский геолог и зоолог, основные работы относятся к орнитологии и вопросам зоологической номенклатуры.

Фр. Дарвин

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И СМЕРТЬ Ч. ДАРВИНА

[1] (Стр. 350). Напечатано в L. L., т. III, стр. 355—359 в качестве последней главы третьего тома под названием «Заключение».

[2] (Стр. 351). Паттердейл — см. примечание 125 к «Дневнику» (выше, стр. 408).

[3] (Стр. 351). Алсуотер — см. то же примечание.

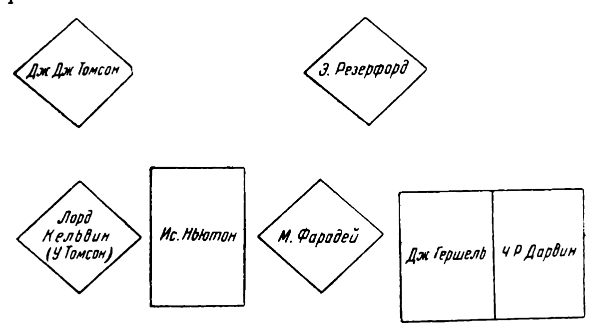
Фр. Дарвин

ПОХОРОНЫ В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ

[1] (Стр. 353). Напечатано в L. L., т. III, стр. 360—361.— Из членов парламента, подписавших письмо к декану Вестминстера, наиболее известны: Дж. Лёббок (см. примечание 29 к «Воспоминаниям» Фр. Дарвина. выше, стр. 447); Дж. О. Тревельян (G. O. Trevelyan), 1838—1928, англ. политический деятель и историк; Л. Плейфер (L. Playfair), 1818—1898, англ. политический деятель, по специальности химик; Г. Кэмпбелл-Баннерман (H. Campbell-Bannerman), 1836—1908, англ. политический деятель, либерал, в 1905—1908 гг. был премьер-министром.— Из лиц, поддерживавших покрывало гроба, большинство общеизвестны; из остальных более известны: Дж. Р. Лоуэлл (J. R. Lowell), 1819—1891, амери-

канский поэт, очеркист и дипломат; герцог Девонширский (Duke of Devonschir, S.), 1833—1908, англ. государственный деятель; Ф. У. Фаррер (F. W. Farrar), 1831—1903, каноник Вестминстера, автор работ по вопросам лингвистики, разрабатывал проблему эволюции языков, о чем вел переписку с Дарвином; герцог Аргайльский (Duke of Argyll), 1823—1900, англ. государственный деятель, писал по вопросам естествознания, принимал эволюционное учение Дарвина с значительными оговорками, переписывался с Дарвином.

Могила Дарвина, как и других выдающихся деятелей, похороненных в Вестминстерском аббатстве, находится под полом; могильная плита, описанная Френсисом Дарвином, лежит в уровень с поверхностью пола. Академик В. Н. Сукачев, посетивший могилу Дарвина в 1956 г., зарисовал расположение плит, лежащих над могилами Ч. Дарвина и нескольких других великих английских естествоиспытателей, похороненных рядом. С любезного разрешения В. Н. Сукачева воспроизводим его чертеж:



Артур Кизс

СУДЬБА ДАУНА

[1] (Стр. 356). Настоящая статья представляет собою перевод последней главы книги А. Кизса «Darvin revalued» (Лондон, 1955), носящей в подлиннике заглавие «Дальнейшая история даунского дома» (стр. 284—290). Артур Кизс (Arthur Keith), 1866—1955, известный английский анатом и антрополог, был убежденным дарвинистом, стойким борцом за дарвинизм. В 1925—1927 гг. Кизс решительно выступил против антидарвинистов Лейна и Флеминга, последний из которых в частности утверждал, что «нет ни малейших данных, которые доказывали бы существование животных предков человека». В 1928 г. А. Кизс в лекции, прочитанной им в Манчестерском университете, подверг резкой критике мистицизм и дуализм физика Оливера Лоджа и писателя Артура Конан-Дойля. «Разум, дух и душа,— говорил в этой лекции Кизс,— не что иное, как проявления деятельности живого мозга». Это выступление Кизса вовлекло его в дискуссию с Лоджем и Конан-Дойлем на страницах английской печати. Кизс был инициатором идеи превращения дома в Дауне в мемориальный музей Дарвина. В результате энергичной пропаганды этой идеи он добился осуществления ее, найдя в лице богатого врача хирурга Дж. Бакстона-Брауна горячего энтузиаста этой идеи и щедрого жертвователя. Последние 20 лет своей жизни Кизс прожил в Дауне в маленьком домике по соседству с домом Дарвина. Здесь, много работая над изучением жизни и научного творчества Дарвина и считая, что «соотечественники Дарвина все еще продолжают недооценивать его», Кизс написал свой последний, вышедший в год его смерти труд — превосходную биографию Дарвина, которую назвал «Вновь оцененный Дарвин».

[2] (Стр. 357). Ф. Р. Уэлдон (F. R. Weldon), английский зоолог, известный своими работами (90-е годы прошлого и начало этого века) по доказательству наличия естественного отбора в природе.

[3] (Стр. 359). У. Брагг (или Брэгг, Bragg) — не ясно, о каком из двух видных физиков идет речь — отце Уильяме Генри (1862—1942) или сыне Уильяме Лоуренсе (р. в 1890 г.).

Фр. Дарвин
КЬЮ-ИНДЕКС РАСТЕНИЙ

[1] (Стр. 363). Перевод статьи Френсиса Дарвина из третьего тома L. L. (стр. 351—354). На русском языке появляется впервые. Ниже (примечание 2) читатель найдет основные сведения о Кью-Индексе и краткую характеристику всего издания, любезно составленные по нашей просьбе директором Ботанического сада Московского государственного университета им. Ломоносова профессором Н. А. Базилевской.

[2] (Стр. 365). Ниже следует библиографическое описание «Индекса Кьюензис» (или, как его обычно называют ботаники, «Индекс Кевензис»):

Index Kewensis plantarum phanerogamarum. Nomina et synonyma omnium generum et specierum a Linnaeo usque ad annum MDCCCLXXXV complectans. Nomine recepto auctora, patria unicuique plantae subjectis. Sumptibus beati Caroli Roberti Darwin, ductu et consilio Josephi D. Hooker confecit B. Dayodon Jackson.

[Индекс Кьюензис цветковых растений, содержащий перечисление названий и синонимов всех родов и видов их со времени Линнея вплоть до 1885 года, с добавлением имен описавших их авторов и родины каждого растения. Составлен на средства покойного Чарлза Роберта Дарвина, под руководством и при участии Джозефа Д. Гукера Б. Дэйдон Джексоном].

Содержание основных четырех томов, вышедших в 1893—1895 гг.:

Том I. Оксфод, 1893. Стр. 1—728, от Aa до Dendrobium.

Том II. Оксфорд, 1893. Стр. 729—1268, от Dendrobium до Justicia.

Том III. Оксфорд, 1894. Стр. 1—640, от Kablikia до Psidium.

Том IV. Оксфорд, 1895. Стр. 641—1257, от Psidium до Zyzygium. В этом же томе дано «Приложение» (стр. 1263—1299), содержащее «дополнения и исправления» ко всем четырем томам.

В дальнейшие годы начали выходить дополнительные тома, содержащие перечни растений, описанных после 1885 г. Первый дополнительный том был опубликован в Брюсселе Альфредом Кастень (Alfredum Castaigne) в 1901—1906 гг. Он содержит алфавитный перечень видов, описанных до 1895 г. включительно. Последующие дополнительные тома выходили нерегулярно.

Во всех томах Индекса, как основных, так и дополнительных (за исключением одного тома), принятое название вида печатается прямым шрифтом, а синонимы — курсивом, причем при синонимах указывается принятое название вида, к которому относится синоним. При всех названиях видов и синонимах указаны фамилии авторов, давших эти названия (включая и все названия, перешедшие в дальнейшем в синонимы), и работы, содержащие первое описание растения. При названиях видов, кроме того, указана родина растения (его географическое происхождение). Следует отметить, что в последнем отношении в Индексе имеются неточности, которых особенно много допущено для русских видов растений.

При составлении как основных, так и дополнительных томов Индекса были использованы «Флоры», монографии, отдельные систематические работы и гербарии всех стран мира. Благодаря этому Индекс является исключительно ценным справочником, позволяющим ботаникам всего мира следить за появлением в печати описаний всех новых видов и правильно называть виды растений. Таким образом, идея Чарлза Дарвина, считавшего такого рода справочник весьма важным для всех ученых, занимающихся систематикой и географией растений, оказалась действительно воплощенной в жизнь. (*Проф. Н. А. Базилевская*).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ ЧАРЛЗА ДАРВИНА

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ ЧАРЛЗА ДАРВИНА,

ИЗДАННЫХ В АНГЛИИ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ ИЛИ ВПЕРВЫЕ ПОСМЕРТНО, И ПЕРЕВОДОВ ИХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

Составил С. Л. Соболь

Единственный существующий список трудов Ч. Дарвина был составлен его сыном Френсисом Дарвином и впервые был опубликован в 1887 г. в составе третьего тома L. L. (стр. 362—370). Этот список разделен на три части: монографии Дарвина, включая их прижизненные переиздания (39 названий): сочинения, отдельные части которых или предисловия к которым написаны Дарвином (9 названий); статьи, различные сообщения в журналах и открытые письма Дарвина в редакции научных журналов и газет (82 названия). Список этот не полон и в нескольких случаях не вполне точен. Настоящий список содержит сверх работ, перечисленных Фр. Дарвином, около 30 названий, в состав которых входят как работы Дарвина, опубликованные после 1887 г., так и несколько мелких журнальных статей и заметок, которые остались неизвестными Фр. Дарвину и были выявлены нами в результате систематического просмотра журналов, в которых Дарвин обычно публиковал свои работы. Возможно, однако, что и нам не удалось полностью выявить все, что опубликовал Дарвин: какие-либо его мелкие журнальные заметки и сообщения могли, конечно, ускользнуть от нашего внимания.

В настоящий указатель включены: 1) все выявленные прижизненные публикации Дарвина, включая все выходившие при его жизни переиздания и повторные тиражи его монографий; 2) все рукописи Дарвина, опубликованные впервые посмертно; 3) все те английские переиздания работ Дарвина, выпускавшиеся после его смерти, которые содержат какие-либо новые его материалы. В указатель включены также (но не под особыми номерами) современные переиздания первых изданий «Дневника изысканий» 1839 г. и «Происхождения видов» 1859 г., которые стали в настоящее время библиографической редкостью. Наконец, в указатель включены 39 работ английских зоологов и ботаников, обработавших переданные им Дарвином материалы, прежде всего зоологические и ботанические коллекции, собранные им во время путешествия. Мы исходили при этом не только из того, что указанные статьи дают исчерпывающее представление об объеме и характере

проведенных Дарвином коллекционных сборов; авторы этих статей нередко прямо цитируют устные сообщения, сделанные им Дарвином, и его заметки, переданные им вместе с собранными объектами.

Так как в настоящее собрание сочинений невозможно было включить все без исключения работы Дарвина, то для всех невключенных работ в указателе даны краткие сведения об их содержании или (для предварительных сообщений) об их отношении к другим работам Дарвина, в которых они получили дальнейшее развернутое изложение. Перевод (полный или в извлечениях) нескольких печатных выступлений Дарвина, представляющих большой интерес, но по разным причинам не включенных в текст 9-ти томов настоящего издания, дан прямо в самом указателе (следует обратить особое внимание на №№ 22, 100, 103, 132, 183, 201, 209, 210, 214).

Основную часть указателя составляет его первый раздел, в котором все работы Дарвина описаны в хронологическом порядке. Каждое описание сопровождается необходимыми пояснениями, краткими или более подробными аннотациями или, как выше было указано, переводами ранее непереведенных на русский язык работ, и, наконец, библиографическим описанием всех русских переводов работ когда-либо переводившихся на русский язык. Русские переводы приводятся при тех английских изданиях, с которых они были переведены. Так, например, переводы «Происхождения человека», осуществленные редакцией журнала «Знание», Благосветловым и под ред. И. М. Сеченова по первому английскому изданию 1871 г., описаны при этом издании, а позднейшие переводы конца 90-х гг. и XX века, сделанные по 2-му английскому изданию 1874 г., приведены при последнем прижизненном переиздании 2-го издания. Во второй части указателя дано подробное описание шести русских собраний сочинений Дарвина, а в третьей части — описание переводов работ Дарвина на языки народов СССР.

В хронологической части все работы расположены по годам их публикации, а в пределах года — по месяцам и дням публикации, если соответствующие данные имеются. Для работ, доложенных в ученых обществах, указывается (в тех случаях, когда это известно) дата доклада. Работы, опубликованные посмертно, помещены под тем годом, когда они были написаны; если работа писалась несколько лет, она помещена под тем годом, когда была начата. Вторые и последующие издания, выпускавшиеся самим Дарвином, помещены под самостоятельными номерами и под годом их издания, так как в подавляющем большинстве случаев они представляют собой не стереотипы, а более или менее обстоятельные переработки. Многотомные издания, отдельные тома которых выходили в разные годы, описаны под годом выпуска первого тома; тома, выходившие в последующие годы, кратко описаны под соответствующим годом со ссылкой на номер полного описания. Названия работ Дарвина, принадлежащие не ему самому, а редакторам или издателям, заключены в квадратные скобки. Описания работ, принадлежащих не Дарвину, а другим авторам, полностью заключены в квадратные скобки. Как для английских, так и для русских изданий монографий Дарвина и собраний его сочинений указаны тиражи, если их удалось установить.

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность Л. Я. Бляхеру, И. М. Кауфману, Н. В. Левкоевой, Э. Н. Мир-

зояну, К. В. Рязанской и библиографам Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде и Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, которые любезно помогли мне в уточнении библиографических данных по некоторым работам Дарвина.

I. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ Ч. ДАРВИНА И ПЕРЕВОДОВ ИХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1827 год

1. Notebook. Edinburgh. March, 1827.

Эта «Записная книжка» опубликована только в извлечениях в статье: Prof. J. H. Ashworth, Charles Darwin as a Student in Edinburgh, 1825—1827. Proceedings of the Royal Society of Edinburgh, vol. LV, part II (№ 10), pp. 97—113, 3 plates. Edinburgh, MCMXXXV.

Перевод на русский язык:

Из Эдинбургской записной книжки Ч. Дарвина 1827 г. Перевод, вступительная статья и примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 3—6, 1959.

1829 год

2. [Illustrations of British Entomology etc. By J. F. Stephens, F. L. S. Mandibulata, vols. II — III, London, 1930.]

В «Приложениях» ко II (стр. 190—195) и III (стр. 182) томам этого сочинения Дж. Ф. Стивенс перечисляет 12 видов жуков из окрестностей Кембриджа, доставленных ему Ч. Дарвином, эсквайром.

1831—1836 годы

3. Charles Darwin's Diary of the Voyage of H. M. S. «Beagle». Edited from the MS by Nora Barlow. Cambridge, at the University Press, 1933. Pp. XXX [Preface, Dramatis Personae, Bibliography], 1—431 [Diary, Oct. 24, 1831— Nov. 7, 1836], 433—451 [Notes, Appendixes, Index], 5 plates.

Перевод на русский язык:

Путевой дневник. По рукописи подготовлен к печати Норой Барло. Перевод с англ. Д. Л. Вейса. Редакция и примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. I, стр. 423—564, 1935.

Русский перевод только тех отрывков «Путевого дневника», которые не были включены Дарвином в состав общеизвестного текста его «Путешествия натуралиста».

То же. В кн.: Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Ред., вступит. статья и примечания С. Л. Соболя. М.— Л., Изд. АН СССР, 1941 (стр. 423—564).

4. Notebooks, 1832—1836. В кн.: Charles Darwin and the Voyage of the Beagle [Unpublished Letters and Notebooks], edited with an Introduction by Nora Barlow. London, Pilot Press, 1945 (pp. 149—268).

Помимо записей за 1832—1836 гг. здесь имеются и несколько записей за 1837—1839 гг.

Переводы на русский язык:

Записные книжки. В кн.: Ч. Дарвин, Путешествие на корабле «Бигль». Письма и записные книжки. По неопубликованным рукописям издала и комментировала Нора Барло. Перев. с англ. Э. Д. Маневич. Под ред. и с предисловием С. Л. Соболя. М., ИЛ, 1949 (стр. 142—287).

Записные книжки (1832—1836). Перев. Э. Д. Маневич, переработанный и дополненный С. Л. Соболем. Вступит. статья и примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 7—70, 1959.

5. Thenca [Запись Ч. Дарвина в его «Орнитологических заметках», сделанная на Галапагосских островах в сентябре 1835 г.]. Публикация Норы Барло: Nature, 1935, Sept. 7, № 3436, p. 391.

Переводы на русский язык:

Thenca [Mimus Thenca]. Перев. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. I, стр. 586—587, 1935.

То же. В кн.: Ч. Дарвин, Путешествие... 1941, стр. 586—587 (см. выше № 3).

То же. Перев. Э. Д. Маневич. В кн.: Ч. Дарвин, Путешествие... ИЛ, 1949 (стр. 265—266). (См. выше № 4).

То же. Исправленный перев. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 60.

6. For private distribution. Extracts from Letters addressed to Professor Henslow by C. Darwin, Esq. Cambridge, Philosophical Society, Dec. I, 1835. 31 pp.

Извлечения из десяти писем Ч. Дарвина, посланных им с пути профессору Генсло за время с 18 мая 1832 г. по 18 апреля 1835 г. Эта брошюра представляет собою первую печатную работу Ч. Дарвина, изданную без его ведома профессором Генсло еще до возвращения Дарвина на родину. Извлечения из этой брошюры были опубликованы профессором Седжвиком (см. ниже № 7) и в Энтомологическом журнале (см. ниже № 8).

Перевод на русский язык:

Извлечения из писем, адресованных Ч. Дарвином, эсквайром, профессору Генсло. Перев., вступит. статья и примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 71—86, 1959.

7. Geological Notes made during a survey of the East and West Coasts of South America, in the years 1832, 1833, 1834, and 1835, with an account of a transverse section of the Cordilleras of the Andes between Valparaiso and Mendoza; by F. Darwin, Esq., of St. John's College, Cambridge; communicated by Prof. Sedgwick (Nov. 18, 1835). The London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. VIII, № 45, pp. 156—159, February 1836.

Седжвик указывает, что он выбрал из брошюры, предоставленной ему Генсло еще до выпуска ее в свет (см. выше, № 6), только те заметки Ч. Дарвина, которые могут, как ему кажется, представить интерес для членов Геологического общества. Как в данном тексте сообщения Седжвика, так и в повторении этого текста, опубликованном в 1838 г. (см. ниже № 32), Седжвик допустил две ошибки: 1. F. Darwin вместо Ch. Darwin и 2. St. John's College вместо Christ's College.

8. Extracts of Letters from C. Darwin, Esq., to Professor Henslow. Printed for private distribution. Entomological Magazine, 1836, vol. III, № V, pp. 457—460.

Краткие извлечения из брошюры, изданной Генсло (см. выше № 6), относящиеся к зоологическим, главным образом — энтомологическим, объектам, описанным Ч. Дарвином.

9. A Letter containing remarks on the moral state of Tahiti, New Zealand, etc. by Capt. R. FitzRoy and C. Darwin, Esq., of H. M. S. Beagle. At sea, 28th June, 1836. (Read May 8, 1837). South African Christian Recorder, vol. II., № 4, pp. 221—238. Cape Town, September 1836.

Основная часть этого письма о моральном состоянии населения островов Тихого океана написана Р. Фиц-Роем. Абзацы, извлеченные из «Путевого дневника» Ч. Дарвина (см. выше № 3), подписаны буквой «D.»(т. е. «Дарвин»). Заключительная фраза письма, подписанная обоими авторами, гласит: «В целом, взвешивая все, что мы слышали о миссионерах, [работающих на островах] Тихого океана, и все, что мы видели сами, мы вполне убеждены, что они несомненно заслуживают самой горячей поддержки со стороны не только частных лиц, но и Британского правительства.— *Роб. Фиц-Рой, Чарлз Дарвин*».

Слова «Доложено 8 мая 1837 г.» вызывают недоумение, особенно если принять во внимание, что они напечатаны в номере South African Christian Recorder за сентябрь 1836 г. Отплыв от острова Маврикия к Мысу Доброй Надежды 9 мая 1836 г., «Бигль» находился в бухте Кейптауна с 31 мая по 17 июня, а с 18 июня — в море по пути к острову Св. Елены, куда прибыл 8 июля. Во время последнего перехода и было, очевидно, написано письмо Фиц-Роя и Дарвина («На море, 28 июня 1836 г.»), отосланное ими затем обратно в Кейптаун, где оно и было опубликовано в сентябре того же года,

1837 год

10. [Martin, On three specimens of the genus Felis, recently presented to the Society by Charles Darwin, Esq. Proceedings of the Zoological Society of London, January 10, 1837. Vol. V, pp. 3—4. London, 1837.]

Три вида рода Felis из Юж. Америки, доставленные Ч. Дарвином: 1. одичавшая домашняя кошка из Мальдонадо, 2. «Пампасская кошка Азары» (=*Felis Pajeros* Desmarest) из Баия-Бланки и 3. форма из под Буэнос-Айреса, близкая или тождественная с Yagourondi. Сравнивая свои промеры последней с промерами, сообщенными Демаре, Мартин высказывает предположение, что экземпляр, доставленный Дарвином, относится к новому виду, который он предлагает провизорно назвать *Felis Darwinii*.

11. [J. Reid, On several quadrupeds... from the collections of Mr. Darwin. Proceedings of the Zoological Society of London, January 10, 1837. Vol. V, p. 4. London, 1837.]

Описаны доставленные Ч. Дарвином новый вид опоссума, названный *Didelphis hortensis*, и молодой экземпляр вискаши (*Lagostomus trichodactylus* Brooks) с указанием его возрастных отличий от зрелой формы.

12. [Gould,... a series of Ground Finches... from Mr. Darwin's collection of Birds... Proceedings of the Zoological Society of London, January 10, 1837. Vol. V, pp. 4—7. London, 1837.]

Первое по времени описание знаменитой группы галапагосских вьюрков, сыгравшей столь важную роль в развитии эволюционных воззрений Дарвина. Кратко охарактеризовав эту совершенно новую, по его словам, группу, строго ограниченную в своем распространении Галапагосскими островами, Гульд заявляет, что более подробное рассмотрение группы он «откла-

дывает до тех пор, пока м-р Дарвин не снабдит его некоторыми сведениями о привычках и повадках этих птиц» (ответ Дарвина см. ниже, № 22).

13. [Gould, The Raptorial Birds included in the collection recently presented to the Society by Charles Darwin, Esq. Proceedings of the Zoological Society of London, January 24, 1837. Vol. V, pp. 9—11. London, 1837.]

Описание шести новых для науки видов южноамериканских хищных птиц, доставленных Ч. Дарвином.

14. [Martin, A species of Fox brought by Mr. Darwin from the island of Chiloe. Proceedings of the Zoological Society of London January 24, 1837. Vol. V, pp. 11—12. London, 1837.]

Описание лисицы, доставленной Ч. Дарвином с острова Чилоэ.

15. [Martin, A specimen of the Dasypus hybridus in the collection presented to the Society by C. Darwin, Esq. Proceedings of the Zoological Society of London, January 24, 1837. Vol. V, pp. 13—14, London, 1837.]

Dasypus hybridus (= Tatou mulet Азары) необходимо отличать от *D. Peba*, а не идентифицировать с ним, как это делают многие систематики.

16. [Waterhouse, Species of the genus Mus, forming part of the collection presented to this Society by Charles Darwin, Esq., a Corresponding Member. Proceedings of the Zoological Society of London, February 14, 1837. Vol. V, pp. 15—21. London, 1837.]

Описание 16 видов мышей, собранных Ч. Дарвином по зап. и вост. побережью Юж. Америки. Большинство этих видов Уотерхаус считает новыми для науки; только три из них относятся, по его мнению, к старому роду Mus, а остальные 13 должны быть выделены в 4 новых подрода.

17. [Gould, The Fissirostral Birds of Mr. Darwin's collection, recently presented to the Society. Proceedings of the Zoological Society of London, February 14, 1837. Vol. V, p. 22. London, 1837.]

Описание пяти новых видов птиц: *Caprimulgus bifasciatus*, *Caprimulgus parvulus*, *Hirundo frontalis* (Монтевидео), *Hirundo concolor* (Галапагосские острова), *Halcyon erythrorhynchus* (остров Сант-Яго).

18. [Gould, Three species of the genus Orpheus, from the Galapagos, in the collection of Mr. Darwin. Proceedings of the Zoological Society of London, February 28, 1837. Vol. V, pp. 26—27. London, 1837.]

Описание трех новых видов из рода Orpheus с Галапагосских островов

19. [Waterhouse, Rodents, belonging to the collection presented by Mr. Darwin to the Society. Proceedings of the Zoological Society of London, February 28, 1837. Vol. V, pp. 27—32. London, 1837.]

Описание 7 мелких грызунов из Юж. Америки, которых Уотерхаус выделяет в новые подроды и роды.

20. [Gould, A new species of Rhea from Patagonia, from the collection of Mr. Darwin. Proceedings of the Zoological Society of London, March 14, 1837. Vol. V, p. 35. London, 1837.]

После замечаний о географическом распространении страусов и о том большом интересе, какой представляет настоящее добавление к этому семейству, Гульд высказывает мнение, что этот новый вид американских старусов решительно отличается от описанного разными авторами *Rhea Americana*

как по размерам (он на 1/5 меньше последнего), так и по ряду морфологических признаков. В заключение Гульд «указал на то, что благодаря усилиям м-ра Дарвина получены важные научные приобретения и что м-р Дарвин проявил исключительную щедрость, передав Обществу свою драгоценную зоологическую коллекцию. В память об этом Гульд предложил назвать новый вид страуса *Rhea Darwinii*».

21. Notes upon the Rhea Americana, and upon the newly described species, but principally reffering to the former. Proceedings of the Zoological Society of London, March 14, 1837. Vol. V, pp. 35—36. London, 1837.

Предварительное сообщение Дарвина о повадках и распространении двух видов южноамериканских страусов (нанду), в основном совпадающее с общеизвестным описанием в «Путешествии натуралиста» (см. наст. изд., т. 1, стр. 84—88, 1935).

22. Remark on the group of groundfinches. Proceedings of the Zoological Society of London, May 10, 1837. Vol. V, p. 49. London, 1837.

«Группа земляных вьюрков, охарактеризованная м-ром Гульдом в одном из предшествующих заседаний [см. выше № 12] под родовыми именами Geospiza, Camarhynchus, Certhidea и Cactornis, была выставлена на демонстрационном столе, и м-р Дарвин, присутствовавший на данном заседании, заявил, что эти птицы ограничены в своем распространении исключительно Галапагосскими островами; однако их общее сходство и то обстоятельство, что независимо от их принадлежности к тому или иному виду они соединяются в обширные стаи, делает изучение привычек отдельных видов почти невозможным. Как и большинство птиц на этих островах, они проявляют такую доверчивость к человеку, что охотничье ружье для добывания образцов их становится излишним. Они питаются, по-видимому, семенами, которые в изобилии усеивают почву благодаря ежегодному богатому урожаю трав».

23. [G o u l d, A series of Mr. Darwin's Birds. Proceedings of the Zoological Society of London, July 25, 1837. Vol. V, pp. 77—78. London, 1837.]

Из выставленной для демонстрации серии собранных Дарвином птиц Гульд признал новым видом представителя рода Pyrgita с острова Сант-Яго *Pyrgita Jagonensis*.

24. [J. S t. H e n s l o w, Description of two new species of Opuntia (O. Darwinii and O. galapagela). The Magazine of Zoology and Botany, by Sir Jardine. Vol. I, pp. 466—469. Edinburgh, 1837.]

Описание двух видов опунции, найденных Дарвином в Патагонии и на Галапагосских островах. См. наст. изд., т. 1, стр. 144 и 307.

25. Note-book, July 1837 — February 1838 [First note-book on «Transmutation of Species»]. MS, 281 pp. University Library, Cambridge, England: Darwin Papers.

До настоящего времени в Англии были опубликованы только отрывки из этой «Записной книжки» Дарвина (L. L., т. II, стр. 5—10 и т. III, стр. 237). По полученным нами от директора Британского музея естественной истории в Лондоне сэра Г. де Бера, он готовит к печати полный английский текст «Записной книжки» 1837—1838 гг. и намерен выпустить его в свет в ноябре 1959 г. к столетней годовщине выхода в свет «Происхождения видов».

Переводы на русский язык:

Отрывки из Записной книжки (июль 1837 — февраль 1838). Перевод А. Д. Некрасова, примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 75—78 и 763—765, 1939.

Перевод 12 отрывков, опубликованных в 1887 г. во II—III томах L. L.

Записная книжка 1837—1838 гг. о трансмутации видов. Полный перевод с рукописи, вступит. статья и примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 90—127, 1959.

26. Observations of proofs of recent elevation on the coast of Chili. made during the survey of H. M. S. Beagle, commanded by Capt. Fitz Roy, R. N., by Charles Darwin, Esq., F. G. S. (Geol-Soc., read January 4, 1837). The London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XI, № 65, pp. 100—103, July 1837.

Предварительное сообщение, на которое Дарвин ссылается в главе IX своей монографии «Геологические наблюдения». См. наст. изд., т. II, примечание на стр. 537, 1936. Повторение этого сообщения Дарвина см. ниже, № 35.

27. [R. Owen, A description of the Cranium of the Toxodon Platensis, a gigantic extinct mammiferous species, referrible by its dention to the Rodentia, but with affinities to the Pachydermata and the Herbivorous Cetacea. (Geol. Soc., read April 19, 1837). The London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XI, № 66, pp. 205—206, August 1837.]

Череп токсодонта был найден Ч. Дарвином, как видно из его сообщения, зачитанного Оуэном, в беловатой глинистой почве на берегу реки Сарандис, притока Рио-Негро, в 120 милях к с.-з. от Монтевидео. Характер этого черепа, а также коренного зуба другого экземпляра того же вида, найденного Дарвином в другом месте, приводят Оуэна к выводу, что токсодонт представлял собою форму, переходную от грызунов через толстокожих к китообразным.

28. A sketch of the deposits containing extinct Mammalia in the neighbourhood of the Plata. (Geol. Soc., read May 3, 1837). The London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XI, № 66, pp. 206—208, August 1837.

Геологическая характеристика пампасов — равнины, расположенной к западу и югу от великого эстуария Ла-Платы. В отложениях этой обширной области Дарвином были найдены многочисленные остатки различных вымерших млекопитающих. Состав раковин, находимых вместе с этими остатками, позднетретичный характер пластов, лежащих над отложениями с ископаемыми млекопитающими, и небольшая высота этих отложений над уровнем моря (поднятие в этой стране шло столь регулярно, что размеры поднятия могут служить мерилом времени) приводят Дарвина к заключению, что ископаемые млекопитающие жили в сравнительно недавнюю эпоху. Дарвин считает, что его данные по южноамериканским вымершим млекопитающим подтверждают закон Ляйелля, согласно которому у млекопитающих «долговечность видов» короче, чем у моллюсков. В заключение Дарвин указывает, что хотя гигантские наземные млекопитающие, некогда изобиловавшие в Юж. Америке, полностью исчезли, они все же представлены в настоящее время животными, распространенными только в этой стране, и хотя эти современные животные имеют миниатюрные размеры, они обладают своеобразными анатомическими чертами, характерными для их вымерших гигантских прототипов. По поводу последнего замечания Дарвина редакция журнала указывает, что «отношение между современными и вымершими животными, свойственными только Америке, было впервые отмечено м-ром Брейли (Brayley) в заметке об ископаемых позвонках, вероятно, какого-то вида мегатерия из бухты Эшшольца» (Phil. Mag. and Annals, vol. IX, p. 418).— Повторение этого сообщения Дарвина см. ниже, № 36.

29. On certain areas of elevation and subsidence in the Pacific and Indian oceans, as deduced from the study of Coral Formations. (Geol. Soc., read May 31, 1837). The London and Edinburgh

Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XI, № 67, pp. 307—309, September 1837.

Первое сообщение Дарвина о его теории коралловых рифов. См. наст. изд., т. 1, глава XX, 1935 и т. 2, стр. 295, 1936. Повторение этого сообщения Дарвина см. ниже, № 37.

30. [«This is the Question». The pencil notes of 1837—38.] В кн.: The Autobiography of Charles Darwin... Edited by Nora Barlow. London, 1958, pp. 231—234.

Перевод на русский язык:

Две карандашные заметки. Перевод и примечания С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 87—89, 1959.

1838 год

31. On the Formation of Mould. (Geol. Soc., read November 1, 1837). The London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XII, № 71, pp. 89—91, January 1838. Позже доклад был также напечатан в: Proceedingst of the Geological Society of London, vol. II, pp. 574—576, 1838.

Реферат первого сообщения Дарвина о роли дождевых червей в образовании почвы. Работа была предпринята Дарвином по совету его дяди Джосайи Веджвуда из Мэра. Полностью доклад был опубликован в 1840 г. (см. ниже № 51). См. наст. изд., т. 2, стр. 118.

Перевод на русский язык:

Об образовании растительного слоя земли. Статья К. Д е р в и н а. Земледельческий журнал, издаваемый Императорским Московским обществом сельского хозяйства. 1839 года, № 4 (второго десятилетия № XLVIII). Москва, в Университетской типографии, 1839, стр. 20—28. [Переводчик не указан, редактор журнала С. Маслов.]

Стр. 20—25 — перевод статьи Дарвина, сделанный, как указывается в статье, по первому из двух названных выше источников. Стр. 25—28 — добавление переводчика, пытающегося доказать, что, помимо червей, в образовании растительного слоя почвы принимают участие и другие факторы: «падающая из воздуха пыль и тление растительных частей, которые маломалу накопляются от прозябений».

32. Geological Notes etc. Proceedings of the Geological Society of London, vol. II, pp. 210—212, 1838.

Повторение сообщения Седжвика, опубликованного в 1836 г. (см. выше, № 7).

33. [An autobiographical fragment, 1838]. В кн.: M. L., vol. I, pp. 1—5, London, 1903.

Перевод на русский язык:

[Воспоминания о детских годах. 1838]. Перев. С. К. Апта и С. Л. Соболя, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 151—155, 1959.

34. Journal [Personal diary]. August 1838 — December 1881. MS, 24 pp. University Library, Cambridge, England: Darwin Papers.

До настоящего времени в Англии были опубликованы только небольшие отрывки в L. L. и M. L. в 1887 и 1903 гг.

Перевод на русский язык:

Дневник работы и жизни. 1838—1881. В кн.: Ч. Дарвин, Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография).— Дневник работы и жизни. Полный перевод с рукописей Ч. Дарвина, вступит. статья и комментарии проф. С. Л. Соболя. Изд. АН СССР, Москва, 1957, стр. 155—191.

Дневник. 1838—1881. Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 128—150, 1959.

35. Observations of proofs of recent elevation etc. Proceedings of the Geological Society of London, vol. II, pp. 446—449, 1838.

Повторение сообщения 1837 г. (см. выше, № 26).

36. A sketch of the deposits etc. Proceedings of the Geological Society of London, vol. II, pp. 542—544, 1838.

Повторение сообщения 1837 г. (см. выше, № 28).

37. On certain areas of elevation etc. Proceedings of the Geological Society of London, vol. II, pp. 552—554, 1838.

Повторение сообщения 1837 г. (см. выше, № 29).

38. On the connexion of certain volcanic phenomena, and on the formation of mountain-chains and volcanoes, as the effects of continental elevations. (Geol. Soc., read March 7, 1838). The London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XII, № 78, Supplement, pp. 584—590, July 1838. То же сообщение напечатно в: Proceedings of the Geological Society of London, vol. II, № 56, pp. 654—660, 1838.

Предварительное сообщение; полный текст доклада был опубликован в 1840 г. (см. ниже, № 52).

39. [Florula Keelingensis. An Account of the Native Plants of the Keeling Islands. By the Rev. J. S. Henslow, M. A., Professor of Botany in the University of Cambridge. Annals of Natural History; or, Magazine of zoology, botany and geology, vol. I, № 5, pp. 337—347, 2 pl., July 1838.]

Дарвин передал профессору Генсло гербарий, собранный им на островах Килинг, и свои заметки о собранных растениях. Всего в гербарии Дарвина было 21 растение; ветвей и цветков еще двух деревьев, заведомо растущих на некоторых из островков, Дарвину не удалось получить. Два вида являются, по мнению Генсло, новыми: *Stenotaphrum lepturoide* и *Urera Gaudichaudiana* (рисунки их, выполненные по гербарным экземплярам Дарвина, даны в статье на табл. XI и XII). Один или два других вида представляют интерес вследствие своей редкости и скудости сведений о них. 12 видов идентичны с видами с острова Тимор. При описании 10 видов Генсло цитирует дословно ботанические заметки Дарвина, сделанные на месте — на островах Килинг.

40. [Descriptions of some species of Carabidae, collected by Charles Darwin, Esq., in his late Voyage. By the Rev. F. W. Hope, M. A., F. R. S., etc. (Read May I, 1837). The Transactions of the Entomological Society of London, vol. II (part II, 1838), pp. 128—131, London, 1837—1840.]

Описание 8 видов жужелиц, собранных Дарвином в Патагонии, на Огненной Земле, на островах Чилоэ, в Кордильерах, на Галапагосских островах и на острове Св. Елены. По поводу одного из видов с острова Чилоэ Хоп пишет: «Я дал этому великолепному насекомому название *Carabus Darwinii*,—

в честь моего друга Чарлза Дарвина, эсквайра, ревностного энтомолога. Его усилия в развитии зоологической науки дают ему право на благодарность со стороны ученого мира».

41. [Description of some of the Insects brought to this country by C. Darwin, Esq. By G. R. Waterhouse, Esq., Curator to the Zoological Society of London. (Read January 2, 1837). The Transactions of the Entomological Society of London, vol. II (part. II, 1838), pp. 131—135, London, 1837—1840.]

Описание 16 австралийских видов жуков-листоедов из рода Haltida и из двух подродов этого рода, собранных Дарвином в окрестностях Сиднея и у Залива короля Георга.

42. [Waterhouse, A new species of Delphinus. (Read February 28, 1838). Proceedings of the Zoological Society of London. Part VI, pp. 23—24. London, 1838.]

Сообщение о новом виде дельфина, который Уотерхаус предложил назвать в честь капитана «Бигля» Р. Фиц-Роя *Delphinus Fitzroyi*. Приводятся диагноз вида и промеры частей тела. В заключение Уотерхаус пишет: «Рисунок, иллюстрирующий настоящее описание, согласуется с теми промерами, которые были со всей тщательностью найдены м-ром Дарвином немедленно после поимки животного, а из этого следует, что рисунок сделан правильно».

43. [Fr. Walker, Descriptions of some Chalcidites discovered by C. Darwin. Entomological Magazine, vol. V, pp. 469—477, London, 1838.]

Ср. монографию того же автора — ниже, № 49.

1839 год

44. Note on a rock seen on an iceberg in 61° south latitude. Journal of the Geographical Society of London, vol. IX, pp. 528—529, 1839.

Перевод на русский язык:

Заметка о валуне, который видели на айсберге под 61° южной широты. Перев. С. Л. Соболя с немецк. перевода Э. Краузе, примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 565—566, 1936.

45. Observations on the parallel roads of Glen Roy, and of other parts of Lochaber in Scotland, with an attempt to prove that they are of marine origin. (Received January 17, read February 7, 1839). Philosophical Transactions of the Royal Society of London. For the year 1839. Part I, pp. 39—82, London, 1839. [С картой и общим видом параллельных террас Глен-Роя, рисованным другом Дарвина м-ром Олбертом Уэем (Albert Way), которому Дарвин выражает свою благодарность.]

То же. Предварительное сообщение: The Edinburgh New Philosophical Journal, vol. XXVII, pp. 395—403, 1839.

В этой «своей работе по гляциальной геологии, написанной на основании восьмидневных очень тщательных полевых наблюдений в горной Шотландии, Ч. Дарвин разбирает очень трудный вопрос о генезисе своеобразных каменистых валов, пересекающих долину у Глен-Роя и известных под именем „Параллельных дорог“. Пользуясь методом исключения, Дарвин пришел к выводу, что эти „дороги“ образовались деятельностью моря и представляют не что иное, как остатки древних морских берегов. Эта работа была

опубликована еще до появления... работ Агассица и Бекленда [о ледниковых отложениях Великобритании]; с появлением этих работ для Дарвина сразу стала ясна его ошибка: за морские образования им были приняты ледниковые континентальные отложения. В последующие годы Дарвин указывал, что эта работа была его большой ошибкой и он стыдится ее, но считал, что она послужила ему хорошим уроком — никогда не пользоваться в науке методом исключения» (*Н. С. Шатский*. Наст. изд., т. 2, стр. 265, 1936).

46. Narrative of the surveying voyages of his majesty's ships Adventure and Beagle, between the years 1826 and 1836, describing their examination of the southern shores of South America, and the Beagle's circumnavigation of the Globe. Vls. I—III and Addenda to vol. II. London, H. Colburn, 1839. Третий том этого издания составляет первое издание «Путешествия натуралиста» Дарвина: Vol. III. Journal and remarks. 1832—1836. By C h a r l e s D a r w i n, Esq., M. A., Sec[retary] Geol. Soc., pp. XIV, 608, 609—629 (Addenda), 609—615 (Index), ill., 3 maps. [July 1839].

Второй и третий тиражи этого тома были выпущены Г. Колбёрном в 1839 и 1840 гг. (общим количеством 1500 экз.) с новым, особым для этих тиражей титульным листом:

Journal of researches into the geology and natural history of the various countries visited by H. M. S. Beagle, under the command of Captain FitzRoy, R. N., from 1832 to 1836. By C h a r l e s D a r w i n, Esq., M. A., F. R. S., Secretary to the Geological Society. London, H. Colburn, 1839 (и соответственно — 1840).

Корректуры III-го (дарвиновского) тома Отчета Фиц-Роя были подписаны Дарвином к печати в конце сентября 1837 г. и листы этого тома (за исключением предисловия и приложений) были отпечатаны Колбёрном в течение последних месяцев того же года. Однако из-за болезни Фиц-Роя задержалось печатание остальных томов, и все издание вышло в свет только в 1839 г. Предисловие (стр. I—XIV) и Приложения (стр. 609—629), в состав которых входит подробное изложение теории эрратических валунов, были написаны Дарвином в октябре — ноябре 1838 г. Этим объясняется повторение нумерации указателя к книге (стр. 609—615), который был отпечатан еще в 1837 г. В отдельных тиражах книги 1839 и 1840 гг., печатавшихся с матриц (за исключением нового титульного листа), эта особенность в нумерации страниц книги сохранилась.

В 1952 г. в Англии вышло факсимильное издание второго тиража первого издания, представляющее собой точное постраничное воспроизведение этого издания, но без вкладных карт; к этому изданию приложено 16 гравюр из I и II томов Отчета Фиц-Роя:

Journal of researches... by C h a r l e s D a r w i n (1839). Facsimile reprint of the first edition. Pallas: a collection of offset reprints of out-of-print and classic scientific works edited by Frans Verdoorn, vol. 2, Hafner publishing company, New-York — London, 1952. XIV, 629, 7 pp.

Второе, значительно переработанное издание «Путешествия натуралиста» вышло в 1845 г. (см. ниже, № 81).

47. The Zoology of the voyage of H. M. S. Beagle... Part II. Recent Mammalia... London, 1839.

Описание всех пяти частей этого издания дано ниже (см. № 53).

48. [Miles Joseph B e r k e l e y. Notice of some Fungi collected by C. Darwin, Esq., during the Expedition of H. M. Ship «Beagle».

The Annals and Magazine of Natural History, vol. IV, pp. 291—293, 1839.]

См. ниже, № 68 и 82.

49. [Francis W a l k e r. Monographia Chalciditum, vls. I—II, London, 1839. Vol. II: Species collected by C. Darwin, Esq., London, 1839.]

Френсис Вокер, описавший уже в 1838 г. некоторых паразитических перепончатокрылых из обширного семейства Chalcididae, собранных Дарвином во время путешествия (см. выше, № 43), теперь посвятил целый том описанию громадной коллекции этих насекомых, найденных Дарвином в различных посещенных им странах.

50. [Descriptions of some new species of exotic insects. By G. R. W a t e r h o u s e, Esq., M. E. S., Curator of the Zoological Society. (Read 5th December, 1836). The Transactions of the Entomological Society of London, vol. II (part. III, 1839), pp. 188—196. London, 1837—1840.]

Автор заявляет, что намерен дать «описание некоторых интересных форм насекомых, составляющих часть коллекции, привезенной в Англию Ч. Дарвином, эсквайром, который недавно вернулся после пятилетнего отсутствия; это время он затратил на собирание этих и других объектов по естественной истории в различных частях света». Обнаружив сходство — по окраске, форме и пр.— у представителей различных групп насекомых из коллекции Дарвина, автор полагает, что это сходство вызвано сходством повадок (поведения), но отказывается объяснить, как могло возникнуть у различных насекомых подобное сходство повадок. Среди описанных им шести видов жуков, равнокрылых хоботных и перепончатокрылых автор особо отмечает «необычайное насекомое», найденное Дарвином на берегу Залива короля Георга (Австралия) «среди грубой травы и кустарников, где оно быстро прыгало». Автор назвал его *Alleloplasis Darwinii* «по имени этого джентльмена, который так много сделал для прогресса науки и которому энтомология столь многим обязана, ибо он привез на родину огромную коллекцию насекомых, собранных им в различных странах света, и в особенности тех мелких видов, которые находились, сравнительно с более крупными, в пренебрежении» (стр. 194). 4 вида, в том числе названный по имени Дарвина, изображены на таблице. После доклада возникла дискуссия по теоретическим вопросам, поднятым Уотерхаусом (стр. XXXII—XXXIII протоколов); в ней приняли участие энтомологи Хоп и Уэствуд.

1840 год

51. On the Formation of Mould. (Read November 1, 1837). [В конце статьи дата: November 14, 1837]. Transactions of the Geological Society of London. Second Series, vol. V, pp. 505—509, 1840.

Полный текст доклада (см. выше, № 31). В статье имеется один рисунок, в основном совпадающий с рис. 5 в монографии 1881 г. (см. наст. изд., т. 2, стр. 167, 1936).

52. On the connexion of certain volcanic phenomena in South America; and on the formation of mountain-chains and volcanoes, as the effect of the same power by which continents are elevated. (Read March 7, 1838). Transactions of the Geological Society of London. Second Series, vol. V, pp. 601—631, 1840. С картой (табл. XLIX) части западного берега Южной Америки. (См. выше № 38).

На этот доклад Дарвин ссылается в IX главе монографии «Геологические наблюдения» (см. наст. изд., т. 2, стр. 533, 1936). Содержание доклада: наблюдения над землетрясением в Чили 20 февраля 1835 г.; об идентичности

силы, подъемлющей материки, с силой, порождающей вулканические извержения; о периодах усиленной вулканической деятельности, охватывающей обширные области; характер землетрясений на берегах Южной Америки; о различных видах землетрясений, и заключения относительно землетрясений, сопровождающих движения поднятия; теоретические соображения о процессе медленного поднятия горных цепей.

53. The Zoology of the voyage of H. M. S. Beagle, under the command of Captain FitzRoy, R. N., during the years 1832 to 1836. Published with the approval of the lords commissioners of her Majesty's treasury. Edited and superintended by Charles Darwin, Esq., M. A., F. R. S., F. G. S., etc., Naturalist to the Expedition. Parts I—V. London, published by Smith, Elder, and Co., 1839—1843. 4°, с раскрашенными акварелью гравюрами.

Part I. Fossil mammalia, by Richard Owen, Esq., F. R. S., etc. With a Preface (pp. I—IV) and a Geological introduction (pp. 3—12) by Mr. Ch. Darwin. London, 1840. IV, 111 pp., 32 plates.

Помимо «Предисловия» и «Геологического введения» Дарвину принадлежит в этом томе заметка (на стр. 111), в которой он, перечислив найденных им в Пунта-Альта близ Баии-Бланки ископаемых вымерших гигантских млекопитающих, указывает, что все они относятся, по-видимому, к одному и тому же геологическому времени.

Part II. Recent mammalia, by George R. Waterhouse, Esq., Curator of the Zoological Society of London, etc. With a Geographical introduction (pp. I—V) and with a Notice of their habits and ranges, by Mr. Ch. Darwin. London, 1839. V, 97 pp., 35 plates.

Описания почти всех видов сопровождаются дополнительными заметками Дарвина о местонахождениях и «привычках» описываемых животных. Эти заметки (часто один абзац, иногда — весь текст описания) подписаны буквой «D» (т. е. Дарвин). В основном содержание их хорошо знакомо по «Путешествию натуралиста».

Part III. Birds, by John Gould, Esq., F. L. S. With an Advertisement (pp. 1—2) and with a Notice of their habits and ranges, by Mr. Ch. Darwin, and with an Anatomical appendix by T. C. Eyton, Esq., F. L. S. London, 1841, 156 pp., 50 plates.

В «Обращении к читателю» Дарвин пишет: «Когда я передал мою коллекцию птиц Зоологическому обществу, м-р Гульд любезно снабдил меня описаниями новых видов и названиями уже известных. Торопясь уехать в Австралию..., он был вынужден оставить часть своей рукописи в столь неполном виде, что без личного общения с ним я оставался в сомнении относительно ряда важных пунктов. М-р Дж. Р. Грей (G. R. Gray), ассистент орнитологии зоологического отделения Британского музея, любезно помог мне в этих затруднениях... Так как многие описания м-ра Гульда казались мне короткими, я расширил их... Надеюсь, что эти дополнительные заметки сделали работу более полной... Первоначально я намеревался добавить инициальную букву моей фамилии к заметкам об образе жизни и распространении птиц, а инициальную букву фамилии Гульда к описанию родов и видов, но так как известно, что он ответственен за последние, а я за первые, то это показалось мне бесполезным, и я счел лучшим объединить все общие соображения под своим именем, заявляя в каждом случае о своем авторстве...».

Весь текст написан от первого лица и, очевидно, в основном принадлежит Дарвину, кроме латинских названий и кратких описаний. Из «Дневника» Дарвина (этот том, стр. 132—134) видно, что он работал над текстом тома о птицах («Орнитология» путешествия на «Бигле») с июня 1838 г. до 20 февраля 1841 г. (конечно, с перерывами).

Part IV. Fish, by the Rev. Leonard Jenyns, M. A., F. L. S.. London, 1842. XV, 169 pp., 29 plates.

В подавляющем большинстве случаев краткие указания об окраске рыбы в прижизненном состоянии и некоторые другие сведения подписаны буквой «D» (т. е. Дарвин). В остальных случаях пометка: «Окраска в первоначальном состоянии не указана» или «Окраска заспиртованного экземпляра».

Part V. Reptiles, by Thomas Bell, Esq., F. R. S., F. L. S., etc. London, 1843. 51 pp., 20 plates.

В восьми случаях указание на окраску животного, в двух — краткие сведения об образе жизни, подписанные буквой «D.» (т. е. Дарвин).

Первая и третья части этого издания (а возможно, и другие) выходили первоначально отдельными выпусками, которые затем, по окончании печатания всех выпусков данной части, переплетались в один том. Это доказывается следующим фактом: в списке работ, поступивших в библиотеку Геологического общества в 1839 г. (Trans. Geol. Soc., vol. V, 1840) указывается, что Дарвин преподнес Библиотеке 9 янв. 1839 г. вып. 2-й III-го тома (вышедшего в 1841 г.) и в марте и мае того же года вып. 2 и 3 I-го тома (вышедшего в 1840 г.).

54. [Notes on instinct. 1840—1875]. В кн.: G. Romanes, Mental evolution in animals, London, 1883; 2nd edition, 1885.

Рукописные материалы, которые Дарвин собирал, начиная приблизительно с 1840 г. до 1875 г., и затем передал Дж. Г. Роменсу для использования в его трудах по психологии. Подавляющее большинство этих заметок Дарвина Роменс включил в текст указанной работы, отметив в каждом отдельном случае их принадлежность Дарвину.

Перевод на русский язык:

[Заметки об инстинкте.] Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3,[1] стр. 713—724, 1939.

Перевод сделан по второму изданию книги Роменса.

55. [G. R. Waterhouse, Descriptions of some new species of carabideous insects, from the collection made by C. Darwin in the southern parts of South America. The Annals and Magazine of Natural History, vol. IV, pp. 354—362, 1840.]

56. [G. R., Waterhouse, Description of a new species of the genus Lophotus from the collection of Charles Darwin. The Annals and Magazine of Natural History, vol. V, pp. 329—332, 1840.]

1841 год

57. The Zoology of the voyage of H. M. S. Beagle... Part III. Birds... London, 1841.

Полное описание см. выше, № 53.

58. On a remarkable bar of sandstone off Pernambuco, on the coast of Brazil. The London, Edinburgh and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XIX, pp. 257—260, London, 1841.

Эта статья Дарвина, кратко изложенная им в «Путешествии натуралиста» (см. наст. изд., т. 1, стр. 416, 1935), была полностью включена им во 2-е издание его монографии о коралловых рифах.

Перевод на русский язык:

Добавление о замечательном баре из песчаника у Пернамбуко,

на побережье Бразилии. Перев. Л. Ш. Давиташвили. Наст. изд., т. 2, стр. 443—445. 1936.

59. Humble-bees. The Gardeners' Chronicle, August 21, 1841, N 34, p. 550.

Заметка о шмелях, продырявливающих венчики цветков для добывания нектара. Ср. «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире», гл. XI, раздел «Продырявливание венчика пчелами» (Наст. изд., т. 6, стр. 597—603).

60. [G. R. Waterhouse, Descriptions of some new coleopterous insects from the southern parts of South America, collected by C. Darwin, and T. Bridges. Proceedings of the Zoological Society of London, vol. IX, pp. 105—108, 1841.]

61. [G. R. Waterhouse, Carabideous insects collected by Mr. Darwin during the voyage of H. M. S. Beagle. The Annals and Magazine of Natural History, vol. VI, pp. 254—257, 1841; vol. VII, pp. 120—129, 1841; vol. IX, pp. 134—129, 1842.]

1842 год

62. The structure and distribution of coral reefs. Being the first part of the Geology of the voyage of the Beagle, 1832—1836. London, Smith, Elder, and Co., 1842. XII, 214 pp.

Предисловие к этому первому изданию подписано 2 мая 1842 г. Последняя корректура книги была подписана Дарвином к печати 6 мая. Второе издание книги вышло в 1874 г. (см. ниже, № 165).

Изложение на русском языке:

О распространении, свойствах и происхождении коралловых островов. [Карла Дарвина]. Перевод г. подпоручика Бека. Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. Часть II, книжка IV, стр. 1—67. (Цензурное разрешение: «СПб., 1 апреля 1846 г. Ценсор С. Куторга»). Санктпетербург, в типографии И. Глазунова и К°, 1846.

Перевод на русский язык статьи из известного немецкого естественнонаучного журнала Poggendorff's Annalen (том LXIV, стр. 563—613, 1845), довольно подробно и точно излагающей содержание, основные положения и выводы работы Ч. Дарвина. Во вступлении к статье (стр. 3—4) переводчик пишет: «Хотя это сочинение и не совсем ново (оно вышло в Лондоне в 1842 г.), но в Германии и России оно еще мало известно... поэтому можно ожидать, что статья, представляющая извлечение из упомянутого сочинения, будет любопытна...».

63. On the distribution of the erratic boulders and on the contemporaneous unstratified deposits of South America. (Read April 14, 1841). [С картой, табл. XL.]. Transactions of the Geological Society of London. Second Series, vol. VI, pp. 415—431. London, 1842. Предварительное сообщение под тем же названием было напечатано в: Proceedings of the Geol. Soc. of London, vol. III, pp. 425—430, 1842.

Перевод на русский язык:

О распространении эрратических валунов и о современных неслоистых отложениях в Южной Америке. Перевод А. С. Браш-

ниной, ред. и примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 567—582, 1936.

64. The foundations of the Origin of Species: a Sketch written in [May] 1842 by Charles Darwin. Edited by his son Francis Darwin, Honorary Fellow of Christ's college. Cambridge, printed at the University Press, 1909.— Presented by the Syndics of the University Press to.... on the occasion of the celebration at Cambridge of the centenary of the birth of Charles Darwin and of the fiftieth anniversary of the publication of the Origin of Species. Cambridge, 23 June, 1909.

Это издание первого наброска теории естественного отбора, написанного Ч. Дарвином в мае 1842 г., в продажу не поступило: экземпляры его раздавались бесплатно почетным гостям Кембриджского университета, приехавшим на Дарвиновские торжества в июне 1909 г. Наше описание сделано по экземпляру, преподнесенному К. А. Тимирязеву, имя которого вписано от руки в том месте, где в описании поставлено многоточие. В том же 1909 г. Фр. Дарвин выпустил Очерк 1842 г. вместе с Очерком 1844 г. (см. ниже, № 76).

Перевод на русский язык:

Основы Происхождения видов. Очерк, написанный [Ч. Дарвином] в 1842 г. Перевод А. Д. и Л. И. Некрасовых, предисловие А. Д. Некрасова. Под знаменем марксизма, 1932, № 5—6, стр. 87—114.

Очерк 1842 года. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. Фр. Дарвина. Наст. издание, т. 3, стр. 79—112, 1939.

65. The Zoology of the voyage of H. M. S. Beagle... Part IV. Fish... London, 1842.

Полное описание см. выше, № 53.

66. Notes on the effects produced by the ancient glaciers of Caernarvonshire, and on the boulders transported by floating ice. The London, Edinburgh and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series, vol. XXI, pp. 180—188, London, September 1842.

Перевод на русский язык:

О некоторых явлениях, связанных с древними ледниками Кернарвоншира, и о валунах, переносимых пловучим льдом. Перев. В. Г. Епифановой, ред. и примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 593—601, 1936.

67. [G. R. Waterhouse, Description of a new species of Lamellicorn Beetle brought from Valdivia by C. Darwin. Entomologist, 1842,] pp. 281—283.]

68. [M. J. Berkeley, Notice of some Fungi collected by C. Darwin in South America and the islands of the Pacific. The Annals and Magazine of Natural History, vol. IX, pp. 443—448, 1842.]

Ср. работы того же автора: выше № 48 и ниже № 82.

69. [Fr. Walker, Descriptions of Chalcidites discovered by C. Darwin in South America. The Annals and Magazine of Natural His-

tory, vol. X, pp. 113—117, 271—274, 1842; vol. XI, pp. 30—33. 115—117, 184—185, 1843; vol. XII, pp. 45—56, 103—104, 1843.]

Ср. выше работы того же автора: № 43 и 49.

1843 год

70. [Account of Down. 1843—1844.] В кн.: M. L., vol. I, pp. 33—36, 1903.

Незаконченный набросок, обнаруженный Фр. Дарвином в бумагах Ч. Дарвина после издания в 1887 г. L. L.

Перевод на русский язык:

[Природа Дауна. 1843—1844 гг.] Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 156—159, 1959.

71. The Zoology of the... Beagle... Part V. Reptiles... 1843.

Полное описание см. выше № 53.

72. Remarks on the preceding paper, in a letter from C. Darwin, Esq., to Mr. Maclaren. The Edinburgh New Philosophical Journal, vol. XXXIV, pp. 47—50, 1843.

Под «предшествующей статьей» имеется в виду рецензия Ч. Макларена на монографию Дарвина «Коралловые рифы», напечатанная в одном из предыдущих номеров журнала. Дарвин отвечает на некоторые замечания Макларена.

73. Double flowers, their origin. The Gardeners' Chronicle, September 9, 1843, № 36, p. 628.

На эту заметку, посвященную вопросу о происхождении махровости у цветков, Дарвин ссылается в «Изменениях домашних животных и культурных растений» (см. наст. изд., т. 4, стр. 576).

74. [G. R. Waterhouse, Description of a new genus of Carabideous insects brought from the Falkland Islands by C. Darwin. The Annals and Magazine of Natural History, vol. XI, pp. 281—283, 1843.]

Описание рода Lissopterus из семейства Feronidae.

1844 год

75. Geological observations on volcanic islands visited during the voyage of H. M. S. Beagle, together with some brief notices on the Geology of Australia and the Cape of Good Hope. Being the second part of the Geology of the voyage of the Beagle. London, Smith, Elder and Co., 1844. VII, 175 pp.

Второе издание монографии о вулканических островах вышло в 1876 г. (см. ниже № 117).

76. [The Essay of 1844.] В кн.: The Foundations of the Origin of Species. Two Essays written in 1842 and 1844 by Charles Darwin. Edited by his son Francis Darwin, Honorary Fellow of Christ's college. Cambridge, at the University press, 1909. Pp. I—XXX [Introduction by Fr. Darwin], 1—53 [The Essay of 1842], 55—255 [The Essay of 1844].

Это — первое полное издание «Очерка» эволюционного учения и теории естественного отбора, написанного Дарвином в 1844 г.

Перевод на русский язык:

Очерк 1844 года. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. Фр. Дарвина (перевод примечаний и дополнения к ним А. Д. Некрасова и С. Л. Соболя). Наст. изд., т. 3, стр. 113—230, 1939.

77. Observations on the structure and propagation of the genus Sagitta. The Annals and Magazine of Natural History, vol. XIII, pp. 1—6, 1844.

Перевод на русский язык:

Наблюдения над строением и размножением рода Sagitta. Перев., вступит. заметка и примеч. В. А. Догеля. Наст. изд., т. 2, стр. 95—102, 1936.

78. On the origin of Mould. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, April 6, 1844, № 14, p. 218.

В этой заметке Дарвин исправил ошибку, сделанную им в его докладе 1837 г. об образовании почвы дождевыми червями (см. выше № 31 и 51). Содержание заметки кратко изложено Дарвином в его монографии о дождевых червях 1881 г. (см. наст. изд., т. 2, стр. 168, где Дарвин ссылается на данную заметку).

79. What is the action of common salt on carbonate of lime? The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, September 14, 1844, № 37, pp. 628—629.

В связи со своими наблюдениями в Чили над корродированными раковинами морских моллюсков, оказавшимися более или менее высоко над уровнем моря вследствие поднятия древних берегов, Дарвин заинтересовался вопросом о том, как взаимодействуют карбонат извести и обыкновенная соль в условиях небольшой влажности. Заметка представляет обращение Дарвина к читателям-химикам журнала с просьбой осветить на страницах журнала поставленный им вопрос. О некоторых из полученных им ответов Дарвин сообщает в главе IX «Геологических наблюдений» (см. наст. изд., т. 2, стр. 557, примеч.). Интересно отметить, что Дарвин заявляет в заметке, что хотя его самого вопрос интересует с чисто геологической точки зрения, выяснение его может иметь практическое значение для агрикультуры.

80. Brief descriptions of several terrestrial Planariae, and of some remarkable marine species, with an account of their habits. The Annals and Magazine of Natural History, vol. XIV, pp. 241—251, 1844.

Описание десяти новых видов наземных планарий, найденных Дарвином в Южной Америке и в Тасмании, и пяти новых видов морских планарий. Основные факты сообщены Дарвином в «Путешествии натуралиста» (см. наст. изд., т. 1, стр. 33—34, 1935).

1845 год

81. Journal of researches into the natural history and geology of the countries visited during the voyage of H. M. S. Beagle round the world, under the command of Capt. FitzRoy, R. N. By Charles Darwin, M. A., F. R. S. Second edition, corrected, with additions. London, J. Murray, Colonial and Home Library, 1845. VIII, 519 pp., 12 ill.

Это, второе, издание «Дневника изысканий» значительно отличается от первого издания 1839 г. (см. выше № 46). В «Предисловии» к этому изданию Дарвин указал, что он «значительно сжал и исправил некоторые разделы, а кое-что и добавил с целью приспособить эту книгу в большей мере для

популярного чтения». Именно в этом виде «Дневник изысканий» получил всемирное распространение и известность. Второе издание посвящено Чарлзу Ляйеллю. На корешке переплета этого издания впервые появилось то добавочное название книги — «Путешествие натуралиста», которое не соответствует титулу книги, но под которым она известна самым широким кругам читателей. В самом титуле Дарвин сделал небольшое, но существенное изменение, поменяв (по сравнению с изданием 1839 г.) местами слова «по геологии и естественной истории»: на первом месте он поставил слова «по естественной истории», подчеркнув этим, что теперь для него центр тяжести книги не в геологических, а в биологических наблюдениях. О «десятой тысяче» второго издания и о первом русском издании, осуществленном по этой «десятой тысяче» 1860 г. см. ниже № 116.

82. [M. J. Berkeley, On an edible Fungus from Tierra del Fuego, and an allied Chilian species. (Read March 16, 1841.) Transactions of the Linnean Society, vol. XIX, pp. 37—43, London, 1845.]

Об этом грибе см. наст. изд., т. 1, стр. 201, примечание. См. также другие работы того же автора — выше № 48 и 68.

83. [G. R. Waterhouse, Descriptions of Coleopterous insects collected by Charles Darwin, Esq., in the Galapagos Islands. The Annals and Magazine of Natural History, vol. XVI, № CII, pp. 19—41, 1845.]

1846 год

84. Geological observations on South America. Being the third part of the Geology of the voyage of the Beagle. London, Smith, Elder and Co., 1846. VII, 279 pp.

Второе издание этой монографии вышло в 1876 г. совместно со вторым изданием монографии о вулканических островах (см. ниже № 177).

85. An account of the fine dust which often falls on vessels in the Atlantic ocean. (Read Juny 4, 1845). The Quarterly Journal of the Geological Society of London, vol. II, part I (Proceedings), pp. 26—30, 1846.

Перевод на русский язык:

Сообщение о пыли, которая часто падает на суда в Атлантическом океане. Перев. А. С. Брашниной, примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 605—611, 1936.

В «Записках имп. Академии наук» (т. 10, кн. 1—2, стр. 85, СПб., 1866) напечатано «Письмо почетного члена Академии Эренберга» под заглавием «О темном море и явлениях пассатной пыли и кровяных дождей». в котором Эренберг между прочим пишет: «При помощи множества собранных мною в течение тридцати лет материалов, из коих важнейшие были доставлены мне знаменитым путешественником Ч. Дарвином, я имел возможность составить себе более точное понятие об этом море».

86. On the Geology of the Falkland Islands. (Read March 25, 1846.) The Quarterly Journal of the Geological Society of London, vol. II, part I (Proceedings), pp. 267—274, 1846.

В «Геологических наблюдениях» (см. 2 или 3 издание, гл. XIII, стр. 440—441) дано краткое резюме этой статьи. В начале статьи Дарвин пишет: «Фолклендские острова являются английской колонией и представляют самый южный пункт, для которого до настоящего времени было указано наличие палеозойских ископаемых; это побудило меня предложить вниманию Геологического общества краткое описание геологической структуры этих ост-

ровов... Мои исследования ограничились Восточным островом, но благодаря любезности капитана Саливена и м-ра Кента я получил многочисленные образцы [пород] и обстоятельные заметки о Западном острове, что позволило мне охарактеризовать всю эту группу островов почти с одинаковой полнотой». Дарвин заключает статью словами: «Предшествующее описание вряд ли стоило бы сообщать, если бы не вполне основательный интерес к очень древним ископаемым остаткам, происходящим из весьма отдаленных частей земного шара».

87. Origin of saliferous deposits. Salt lakes of Patagonia and La Plata. The Quarterly Journal of the Geological Society of London, vol. II, part. II, Miscellaneous, pp. 127—128, 1846.

Эта статья включена Дарвином полностью в монографию «Геологические наблюдения»: изд. 1-е (1846 г.), стр. 72—75; изд. 2-е (1876 г. и его повторение 1891 г.), гл. X, стр. 308—312.

1847 год

88. [A review of] «Natural History of Mammalia, vol. I. By G. R. Waterhouse. London, H. Baillière». The Annals and Magazine of Natural History, vol. XIX, pp. 53—56, 1847.

Рецензия не подписана. Принадлежность ее Ч. Дарвину сообщена Фр. Дарвином (L. L., т. III, стр. 367).

1848 год

89. On the transportal of erratic boulders from a lower to a higher level. (Read April 19, 1848.) The Quarterly Journal of the Geological Society of London, vol. IV, part I (Proceedings), pp. 315—323, 1848.

Перевод на русский язык:

О переносе эрратических валунов с более низкого на более высокий уровень. Перев. А. С. Брашниной, примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 583—592, 1936.

1849 год

90. Geology. В кн.: A Manual of scientific enquiry; prepared for the use of Her Majesty's Navy, and adapted for travellers in general. Edited by Sir John F. W. Herschel, Bart. Published by authority of Lords Commissioners of the Admiralty. London, 1849.

Статья Дарвина составляет шестой раздел этой книги (стр. 156—195). Вторым изданием книга вышла в Лондоне в 1851 г., третьим — там же в 1859 г.

Статья Р. Оуэна «Зоология» в этом сборнике содержит раздел «Об употреблении микроскопа на судах», начинающийся словами: «Следующие замечания о микроскопе основаны на опыте м-ров Чарлза Дарвина и Томаса Гёксли». В этом разделе дано описание особых микротехнических приемов, выработанных Дарвином и Гёксли,— «двумя знаменитейшими натуралистами», как пишет Оуэн,— специально для работы на судне во время плавания; предусмотрено действие качки и пр.

Переводы на русский язык:

VI. Геология. Статья Чарльза Дарупна, члена Королевского и Географического обществ. Морской сборник, 1860 (декабрь), т. I, № 13, Приложения, стр. 1—33. СПб., в типографии Морского министерства.

То же. В кн.: Руководство к ученым изысканиям, для моряков и путешественников вообще. Перевод с английского. СПб., в типографии Морского министерства, 1861.

Во «Введении» указывается, что книга представляет собою перевод книги «Руководство к ученым изысканиям, составленное для Королевского флота и для путешественников вообще... под ред. Гершеля». Далее сказано: «Морской Ученый Комитет, желая распространить это полезное сочинение между нашими моряками, предпринял перевод второго издания (1851 г.) этой книги с тем, чтобы по мере изготовления отдельных глав, печатать их в приложении к Морскому сборнику, а затем уже в числе нескольких сот экземпляров отдельно для раздачи на суда, отправляющиеся в дальнее плавание». Далее: «Предварительно печатания, каждая из глав этого сочинения рассматривалась по просьбе Комитета одним из наших ученых специалистов...» Книга состоит, как и английский оригинал, из 15 глав; глава, написанная Дарвином, носит номер VI. Каждая глава имеет свою нумерацию страниц, т.е. книга сплетена из 15 приложений к Морскому сборнику, печатавшихся на протяжении нескольких лет. Видимо «несколько сот» оттисков каждой главы запасалось по мере печатания.

Переводчики указаны только для глав, посвященных географии, землетрясениям, метеорологии и ботанике. Вероятно, переводчиком главы «Геология» был Н. М. Соковнин, имя которого как переводчика указано при главе «География», предшествующей главе «Геология». Редактором главы «Геология» был магистр Соколов, подписавший примечание на стр. 4; шесть примечаний подписаны словом «переводчик»; три примечания не подписаны, но, судя по их содержанию, также принадлежат переводчику; из трех примечаний Дарвина одно (о драге) пропущено; в примечании, принадлежащем Гершелю, опущено его имя.

Геология. Перев. Д. Л. Вейса, примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 613—637, 1936.

В настоящем переводе длинная цитата из работы Эли де Бомона в примечании на стр. 626 опущена, так как не представляет интереса для современного читателя. В остальном как текст Дарвина, так и его примечания переведены полностью, а не с сокращениями, как это заявлялось одним рецензентом, по мнению которого старый перевод в Морском сборнике полнее перевода в настоящем издании.

1850 год

91. On British fossil Lepadidae. (Read June 5, 1850.) The Quarterly Journal of the Geological Society of London, vol. VI, part I (Proceedings), pp. 439—440, 1850.

В примечании редакции к этому краткому реферату сказано, что самая статья была взята автором обратно с разрешения Совета Геологического общества.

1851 год

92. [Extracts from letters to the General Secretary on the] Analogy of the structure of some volcanic rocks with that of Glaciers, by C. Darwin. [With observations on the same subject made by prof. Forbes.] (Read February 3, 1845.) Proceedings of the Royal Society of Edinburgh, vol. II (Dec. 1844 to Apr. 1850), pp. 17—18, 1851.

93. [J. D. Hooker. An Enumeration of the plants of the Galapagos Archipelago, with descriptions of those which are new. (Read March 4, May 6, and December 16, 1845). The Transactions of the Linnean Society of London, vol. XX, pp. 163—233, 1851.]

Работа Гукера начинается словами: «За материалы, на основании которых составлено нижеследующее описание флоры Галапагосских островов, я обязан главным образом Чарлзу Дарвину, эсквайру, который собрал коллекцию растений этих островов во время путешествия на корабле „Бигль“».

94. [«Our poor child Annie».] April 30, 1851. В кн.: L. L., vol. I, pp. 132—134, 1887.

Перевод на русский язык:

[Характер Энни. 30 апреля 1851 г.] Перев. С. К. Апта, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 160—161, 1959.

1851—1854 годы

95—96. A Monograph on the sub-class Cirripedia, with figures of all the species. Vols. I—II. London. Printed for the Ray Society.

Vol. I. The Lepadidae, or Pedunculated Cirripedes. XII, 400 pp., X plates. 1851.

Vol. II. The Balanidae (or Sessile Cirripedes); the Verrucidae, etc., etc., etc., etc. VIII, 684 pp., XXXI plates & ill. 1854.

На русский язык переведены из этого сочинения нижеследующие главы (перев., вступит. статья и примеч. Н. И. Тарасова):

О названиях разных частей у усоногих. (Из т. I, стр. 3—7). Наст. изд., т. 2, стр. 47—51. 1936.

I. Lepas anatifera. Табл. I, рис. 1 (вариетет). (Из т. 1, стр. 73—77.) Наст. изд., т. 2, стр. 52—55, 1936.

Заключение о природе и соотношениях самцов и дополнительных самцов у Ibla и Scalpellum. (Из т. 1, стр. 281—293.) Наст. изд., т. 2, стр. 56—64, 1936.

Класс — Crustacea. Подкласс Cirripedia. (Из т. 2, стр. 9—22.) Наст. изд., т. 2, стр. 65—81, 1936.

О половых взаимоотношениях у усоногих. (Из т. 2, стр. 23—30). Наст. изд., т. 2, стр. 82—87, 1936.

97. A. Monograph on the fossil Lepadidae, or Pedunculated Cirripedes of Great Britain. London, Printed for the Palaeontographical Society, 1851. VI, 88 pp., & 5 plates.

98. A Monograph on the fossil Balanidae and Verrucidae of Great Britain. London, Printed for the Palaeontographical Society, 1854. VI, 46 pp. & 2 plates.

По поводу этих двух монографий Дарвина см. статью Н. С. Шатского «Монографии об ископаемых усоногих». Наст. изд., т. 2, стр. 43—44.

1855 год

99. Does Sea-water kill seeds? (Down, April 11.) The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, April 14, 1855, p. 242.

Краткая заметка, в которой Дарвин, в связи с начатыми им опытами по вопросу о действии морской воды на семена растений, просит читателей журнала сообщить ему, не известно ли им что-либо об аналогичных опытах. В мае он напечатал в том же журнале свое первое сообщение по этому вопросу (см. ниже № 100), а в 1857 г.— подробный отчет о своих опытах (см. ниже № 106). См. также ниже № 104 и 104а.

100. Does Sea-water kill seeds? (Down, May 21.) The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, May 26, 1855, pp. 356—357.

В этом первом сообщении Дарвина о его опытах по вопросу о действии морской воды на семена растений представляют интерес следующие строки: «Так как эти опыты могут справедливо показаться многим несерьезными, я позволю себе заметить, что они имеют прямое отношение к очень интересной проблеме, которая недавно привлекла к себе, особенно в Америке, большое внимание, а именно — были ли одни и те же органические существа созданы в каком-то одном или в нескольких различных пунктах на поверхности нашей планеты. Я испытываю особый интерес к возможности переноса морем растений на отдаленные острова, как геолог, вследствие того безусловно большого влияния, которое оказали взгляды покойного Эдуарда Форбса на последующие работы зоологов и ботаников. Как хорошо известно, Форбс смело предположил, что некогда северные берега Испании были прямо связаны с Ирландией, и он распространял даже континент Европы до Азорских островов и далее. Мне кажется, что — при нашем нынешнем невежестве в вопросе о средствах распространения организмов — допускать столь грандиозные геологические перемены в пределах времени существования современных организмов только для того, чтобы объяснить их географическое распространение, значит отстаивать крайне ретроградную позицию в науке — эта гипотеза лишь разрубает узел, вместо того чтобы развязать его. Против применения гипотезы Форбса как в данном, так и во многих других случаях можно, я полагаю, выдвинуть веские возражения, но настоящая статья не является подходящим местом для обсуждения этого вопроса».

101. Nectar-secreting organs of plants. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, July 21, 1855, p. 487.

Перевод на русский язык:

Органы растений, выделяющие нектар. Перев. С. Л. Соболя, примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6, стр. 629, 1950.

102. On the power of icebergs to make rectilinear, uniformly directed grooves across a submarine undulatory surface. The London, Edinburgh and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science, 4th series, vol. X, pp. 96—98, London, August 1855.

Перевод на русский язык:

О способности айсбергов производить прямолинейные, одинаково направленные борозды поперек подводной волнообразной поверхности. Перев. А. С. Брашниной, примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 602—604, 1936.

103. Vitality of seeds. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, November 17, 1855, p. 758.

Факт длительного сохранения жизнеспособности семенами в сухом состоянии хорошо известен. Гораздо менее известна способность семян прорастать после длительного пребывания в земле на небольшой глубине. Приведя ряд своих наблюдений над семенами полевой горчицы, пролежавшими в земле от 9 до 15 лет и проросшими после взрыхления почвы, Дарвин заключает свою заметку словами: «Способность семян сохранять свою жизненность при нахождении во влажной почве может играть известную роль в сохранении вида и, следовательно, семена могут быть специально наделены этой способностью; между тем способность сохранять жизненность в условиях сухости и в искусственных условиях может являться косвенным и в известном смысле случайным качеством семян, не имеющим значения или имеющим только небольшое значение для сохранения вида».

103a. Longevity of seeds. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, December 29, 1855, p. 854.

В связи с напечатанным в журнале сообщением о найденных в древних гробницах семенах малины Дарвин обращает внимание читателей журнала на то, что Гертнер в своей работе «Versuche uber die Bastarderzeugung (стр. 157) сообщает, ссылаясь на данные Жуанно, что в древних галльских гробницах времен введения христианства (т. е. во времена Хлодвика) были найдены семена, которые проросли, дав три вида растений (*Heliotropium vulgare*, *Centaurea cyanus* и *Trifolium minimum*).

104. Effect of salt-water on the germination of seeds. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, November 24, 1855, p. 773.

Дарвин сообщает точные данные о сроках, после которых семена различных видов растений, содержавшиеся им в соленой воде, прорастали. Он исправляет ошибку, допущенную им в статье от 26 мая (см. выше № 100), и опечатку в его сообщении от 17 ноября (см. выше № 103).

104a. Effect of salt-water on the Germination of seeds. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, December 1, 1855, p. 789.

Исправление опечатки в сообщении от 24 ноября (см. выше № 104).

1856—1857 годы

105. [Über die Wege der Hummel-Männchen.] В кн.: Gesammelte kleinere Schriften von Ch. Darwin. Leipzig, 1887, S. 84—88.

Заметки Ч. Дарвина, сделанные им, по-видимому, в 1856—1857 гг. В мае 1872 г. Дарвин переслал эти заметки Герману Мюллеру, предоставив ему право использовать их в своих работах. После смерти Г. Мюллера сын его передал эти заметки Эрнсту Краузе, который опубликовал их под указанным заглавием в немецком переводе в 1887 г. Подлинный английский текст Дарвина не был опубликован.

Перевод на русский язык:

О путях самцов шмелей. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 734—738, 1939.

106. On the action of sea-water on the germination of seeds. (Read May 6, 1856.) The Journal of the Proceedings of the Linnean Society. Botany, vol. I, pp. 130—140, London, 1857.

Предварительные сообщения, относящиеся к этой работе, см. № 99, 100, 104 и 104a.

Перевод на русский язык:

О действии морской воды на прорастание семян. Перев. А. Д. Некрасова и С. Л. Соболя, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 681—688, 1939.

107. Bees and fertilisation of kidney beans. (Down, October 18, 1857.) The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, October 25, 1857, p. 725.

Перевод на русский язык:

Пчелы и опыление фасоли. Перев. Бунаковой. Наст. изд., т. 6, стр. 630—631, 1950.

1858 год

108. On the tendency of species to form varieties; and on the perpetuation of varieties and species by natural means of selection. By Char-

les Darwin, Esq., F. R. S., F. L. S., and F. G. S., and Alfred Wallace, Esq. Communicated by Sir Charles Lyell, F. R. S., F. L. S., and J. D. Hooker, Esq., M. D., V. P. R. S., F. L. S. etc. (Read July 1st, 1858.) Journal of the Linnean Society of London, Zoology, vol. III, N 9, pp. 45—62, August 20, 1858.

Сообщение полностью, а также протокол Специального общего собрания Линнеевского общества 1 июля 1858 г. воспроизведены в книге: The Darwin-Wallace Celebration held on Thursday, 1st July, 1908, by the Linnean Society of London (London, 1908, pp. 83—107).

Перевод на русский язык:

О стремлении видов образовывать разновидности и о сохранении разновидностей и видов естественными способами отбора. Чарлза Дарвина, эсквайра, ч. К. О., ч. Л. О. и ч. Г. О., и Альфреда Уоллеса, эсквайра. Сообщено сэром Чарлзом Ляйеллем, ч. К. О., ч. Л. О., и Дж. Д. Гукером, эсквайром, доктором медицины, вице-президентом К. О., ч. Л. О. и пр. Перев. А. Д. Некрасова, С. Л. Соболя и К. А. Тимирязева, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 233—252, 1939.

Содержание: 1. Специальное собрание 1 июля 1858 г. (Протокол). Перев. С. Л. Соболя (стр. 233—235); 2. Ч. Ляйелль и Дж. Гукер. Письмо секретарю Линнеевского общества от 30 июля 1858 г. Перев. К. А. Тимирязева (стр. 236—237); 3. Ч. Дарвин. Извлечение из неизданного труда о видах, представляющее часть главы «Об изменении органических существ в естественном состоянии; о естественных способах отбора; о сравнении домашних рас с истинными видами». Перев. А. Д. Некрасова (стр. 238—240); 4. Ч. Дарвин. Извлечение из письма профессору Аза Грею, Бостон, С. Ш., датированного — Даун, 5 сентября 1857 г. Перев. К. А. Тимирязева (стр. 241—243); 5. А. Р. Уоллес. О стремлении разновидностей к неограниченному отклонению от первоначального типа. Перев. А. Д. Некрасова (стр. 244—252).

109. Instinct. [A posthumos essay by Charles Darwin.] В кн.: G. J. Romanes, Mental evolution in animals. London, 1883, pp. 355—384.

Перед текстом Дарвина следующее замечание Роменса: «Полный текст одной части главы Дарвина об инстинкте, написанной для „Происхождения видов“, но затем опущенной им с целью сокращения книги». Глава была впервые доложена Роменсом в заседании Линнеевского общества 6 декабря 1883 г.; первые сообщения о ней появились в том же году в Nature (том XXIX, стр. 110 и 128—129). Текст, переданный Дарвином Роменсу, был написан, вероятно, в ноябре 1858 г., когда Дарвин, согласно его «Дневнику», писал главу об инстинкте. См. также выше № 54.

Переводы на русский язык:

Инстинкт. Посмертное сочинение Ч. Дарвина. Перев. М. Филиппова. Изд. журнала Научное обозрение. СПб., 1894. 39 стр. 500 экз.

То же. Второе издание. СПб., 1896, 35 стр. 2000 экз.

Инстинкт. (Часть главы об инстинкте в «Происхождении видов», опубликованная после смерти Дарвина.) Перев. А. Д. Некрасова и С. Л. Соболя, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 689—712. 1939.

110. On the agency of bees in the fertilization of Papilionaceous flowers, and on the crossing of kidney beans. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Magazine, November 13, 1858, pp. 828—829.

Перевод на русский язык:

Об участии пчел в опылении мотыльковых растений и о скрещивании фасоли. Перев. Татариновой, примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6, стр. 632—638, 1950.

111. On the agency of bees in the fertilization of Papilionaceous flowers, and on the crossing of kidney beans. The Annals and Magazine of Natural History, including Zoology, Botany, and Geology. 3d series, vol. II, pp. 459—465, London, 1858.

Повторение предыдущей статьи.

1859 год

112. On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. By Ch. Darwin, M. A., fellow of the Royal, Geological, Linnaean, etc., societies; author of «Journal of researches during H. M. S. Beagle's voyage round the world». London, J. Murray, 1859. X, 502 pp., 1 plate.

На стр. II этого и всех следующих изданий дата «1 октября 1859 г.»; согласно «Дневнику» Дарвина (этот том, записи за 1859 г.), эта дата относится к тому дню, когда Дарвин закончил чтение корректур. Книга официально вышла в свет 24 ноября 1859 г., но отдельные экземпляры ее были, очевидно, готовы уже до этого срока, поскольку в журнале Athenaeum 19 ноября 1859 г. появилась та поносившая Дарвина рецензия на книгу, которую Дарвин расценил как призыв к «черным бестиям» сжечь его на костре. Книга была выпущена в количестве 1250 экземпляров, которые издатель Мёррей распродал полностью в день выпуска книги. Стоимость ее была 14 шиллингов. Мёррей немедленно приступил к печатанию второго тиража в 3000 экземпляров, который вышел в свет в конце декабря. В этот второй тираж Дарвин ввел ряд, по его словам — незначительных, исправлений. Одно из них было сделано им по настоянию Ляйелля. На стр. 114, приведя рассказ Хирна о североамериканском черном медведе, который «плавает часами с широко разинутой пастью и ловит таким образом водных насекомых, точно кит» (наст. изд., т. 3, стр. 400), Дарвин писал далее в первом тираже 1-го издания: «Даже в столь необычайном случае, как этот, при условии, что количество насекомых является постоянным и в стране не существует ранее появившихся лучше приспособленных соперников, я не вижу затруднений к тому, чтобы какая-либо раса медведей не становилась, под действием естественного отбора, по своему строению и образу жизни все более и более водной, с пастью все большего и большего размера, пока наконец не образуется существо, такое же чудовищное, как кит». Согласившись исключить эту фразу, Дарвин все же писал Ляйеллю, что этот пример дорог его сердцу (L. L., т. II, стр. 234), и даже много лет спустя, в 1881 г., он заявлял: «Я всегда сожалел, что последовал этому совету, так как все еще считаю эту мысль вполне приемлемой» (M. L., т. I, стр. 393). Во втором тираже впервые появилось и упоминание о «знаменитом писателе и богослове (наст. изд., т. 3, стр. 650), который, как писал Дарвин Ляйеллю, считал, что эволюционные воззрения «не противоречат высокому представлению о божестве»; богословом этим был Кингсли (см. L. L., т. II, стр. 236 и 287), и Дарвин был явно рад использовать цитату из его письма в качестве прикрытия от нападений церковников. Что касается слова «творец» в заключительной фразе последней главы «Происхождения видов», то за отсутствием в СССР экземпляров второго тиража первого издания невозможно сказать, появилось ли оно впервые в этом тираже или во втором издании (см. ниже № 113).

В 1950 (и вторично в 1951 г.) в Англии был переиздан текст первого тиража 1-го издания с предисловием Ч. Д. Дарлингтона и с приложением фотографии страницы первичной рукописи Дарвина (стр. 198), содержащей приведенную выше фразу о медведе и его возможном видоизменении:

On the Origin of Species... by Charles D a r w i n. (A reprint of the first edition.) With a foreword by Dr. C. D. Darlington, F. R. S. London, Watts & Co., [1950]. XX, 456 pp.

1860 год

113. On the origin of species... Fifth thousand. London, J. Murray, 1860. X, 502 pp., 1 plate.

Это — так называемое «второе издание», хотя на титуле его значится только «пятая тысяча». В «Дневнике» (см. этот том) Дарвин отмечает: «*Январь 7-го 1860 г.*— Вышло в свет 2-е издание «Происхождения видов», 3000 экземпляров». Таким образом, с 24 ноября 1859 г. по 7 января 1860 г. Мёррей выпустил всего 7250 экземпляров. Это издание отличается добавлением эпиграфа из Батлера на стр. II (см. наст. изд., т. 3, стр. 254) и появлением слов «by the Creator» в заключительной фразе книги (см. выше пояснения к № 112). В 1902 г. (и затем в 1904 и 1907 гг.)

В Англии было переиздано это второе издание:

On the origin of species... With a note of Grant Allen. «The World's Classics» № XI. Henry Frowde, Oxford University press, London, New York and Toronto [1902]. VI, 454 pp.

114. On the origin of species... 2nd edition. New York, D. Appleton and Co., 1860.

Это (второе) американское издание отличается от английских изданий 1859 и 1860 гг. наличием Предисловия Дарвина, представляющего собою первый вариант его «Исторического очерка развития воззрений на происхождение видов», который он затем в расширенном виде включил в состав 3-его издания «Происхождения видов» (см. ниже № 121). Это, как его определяет Дарвин в письме к Аза Грею от 28 января 1860 г., «небольшое предисловие с краткой историей вопроса» было написано Дарвином специально для американского издания, которое вышло в свет в конце апреля или в самом начале мая 1860 г.

Перевод на русский язык:

О происхождении видов в царствах животном и растительном путем естественного подбора родичей или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование. Сочинение Чарльса Д а р в и н а. Перевел с английского профессор Московского университета С. А. Рачинский. Спб., издание книгопродавца А. И. Глазунова, 1864. XIV, 399 стр. На обороте титула: Дозволено цензурою. СПб., 23 декабря 1863 г.

На стр. V—X «Предисловие автора к американскому изданию», датированное февралем 1860 г. Во втором издании Рачинский изменил заглавие книги:

О происхождении видов путем естественного подбора или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование. Сочинение Чарльса Д а р в и н а. Перевел с английского проф. Моск. университета С. А. Рачинский. Издание второе, исправленное. Москва, издание книгопродавца А. И. Глазунова, 1865. XIV, 399 стр. На обороте титула: Дозволено цензурою. Москва, 15 апреля 1865 г.

Через восемь лет вышло третье, последнее, издание перевода Рачинского, ничем существенным не отличающееся от второго:

О происхождении видов... Перевел с англ. С. А. Рачинский. Издание 3-ье, исправленное. Москва, издание книгопродавца Глазунова, 1873. XV, 380 стр.

115. Cross-bred plants. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, January 21, 1860, p. 49.

Ответ Уэствуду на его статью под тем же заглавием (в номере журнала от 14 января, стр. 26) по вопросу о соотношении между скрещиванием и эволюцией.

116. Journal of researches... Tenth thousand. London, Murray, 1860. XVI, 519 pp.

Так называемое 3-е издание. Единственные отличия от 2-го издания 1845 г. заключаются в добавлении Дарвином постскриптума к предисловию, датированного 1 февраля 1860 г., и в изменении надписи на корешке переплета: «Naturalist's voyage round the world» («Путешествие натуралиста вокруг света»). Издание было повторено без изменений в 1870 г. (см. ниже № 147) и в 1873 г. (см. № 164). Издание 1845 г. было выпущено тиражом в 9000 экземпляров, а издания 1860, 1870 и 1873 гг.— по тысяче экземпляров.

Перевод на русский язык:

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Перев. с англ. под ред. А. Бекетова. С портретом Ч. Дарвина. Т. 1—2. СПб., 1865. (Т. 1 — изд. А. С. Голицына, VIII, 540 стр.; т. 2 — изд. книжн. маг. Яковлева, V, 466 стр.).

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Перев. с англ. под ред. А. Бекетова. Изд. 2-е книжн. маг. Черкесова. Том I, СПб., 1871 (стр. 2, VI, 1—277), Часть II, СПб., 1870 (стр. 279—517).

Первый русский перевод «Путешествия натуралиста» («Дневника изысканий») Дарвина, осуществленный женой знаменитого русского ботаника А. Н. Бекетова, переводчицей научных и литературных произведений Елизаветой Григорьевной Бекетовой. Предисловие ко второму англ. изд. 1845 г. и Постскриптум к изданию 1860 г. опущены.

117. On the fertilization of british orchids by insect agency. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, June 9, 1860, p. 528.

Предварительное сообщение Дарвина об особенностях устройства цветка некоторых британских орхидей, способствующих их опылению насекомыми. Дарвин обращается с просьбой к читателям журнала сообщать ему о своих наблюдениях по ряду интересующих его пунктов.

117a. On the fertilisation... The Entomologist's weekly intelligencer, vol. VIII, № 196 (July 7, pp. 93—94), № 197 (July 14, pp. 102—103), 1860.

Повторение предыдущей статьи, перепечатанной журналом из Gardeners' Chronicle.

118. Do the Tineina or other small moth suck flowers, and if so what flowers? The Entomologist's weekly intelligencer, vol. VIII, July 14, 1860, p. 103.

Перевод на русский язык:

Сосут ли Tineina и другие мелкие мотыльки цветки, и если сосут, то какие именно? Перев. и примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6. стр. 638. 1950.

1861 год

119. Note on the achenia of Pumilio argyrolepis. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, January 5, 1861, pp. 4—5.

Перевод на русский язык:

Заметка о семянке Pumilio argyrolepis. Перев. Татариновой. Наст. изд., т. 6, стр. 639—640. 1950.

120. Fertlisation of british orchids by insect agency. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, February 9, 1861, p. 122.

Ответ У. Маршаллу на его замечания (Gard. Chron., 1861, стр. 72) по поводу предыдущей статьи Дарвина под этим же заглавием (см. выше № 117).

121. On the origin of species... Third edition, with additions and corrections. (Seventh thousand.) London, J. Murray, 1861. XIX, 538 pp., 1 plate.

На стр. II указано, что это третье издание вышло в свет в марте 1861 г. Однако в «Дневнике» Дарвина в записи за 1861 г. находим: «Новое издание «Происхождения видов» — 2000 экземпляров — вышло в свет в апреле 30-го».В 3-м издании впервые появляется «Исторический очерк» (см. выше замечания к №. 114). См. С. Л. С о б о л ь. К истории создания Дарвином его «Исторического очерка развития воззрений на происхождение видов».Бюллетень М. Общ. исп. природы. Отд. биологии. Т. 54 (1), 1949, стр. 85—95.

122. Fertilization of Vincas. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, Juny 15, 1861, p. 552.

Перевод на русский язык:

Опыление [у видов] Vinca. Перев. Татариновой, примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6, стр. 641, 1950.

123. Vinca. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, September 14, 1861, pp. 831—832.

Перевод на русский язык:

[Виды] Vinca. Перев. Татариновой. Наст. изд., т. 6, стр. 642, 1950.

1862 год

124. On the various contrivances by which British and Foreign Orchids are fertilised by insects, and on the good effects of intercrossing. With illustrations. London, J. Murray, 1862. VI, 365 pp.

Книга вышла в свет 15 мая 1862 г. Второе, значительно дополненное издание вышло в 1877 г. (см. ниже, № 186).

125. On the two forms, or dimorphic condition, in the species of Primula, and on their remarkable sexual relations. Journal of the proceedings of the Linnean Society, Botany, vol. VI, pp. 77—96, 1862.

Работа была доложена в Линнеевском обществе 21 ноября 1860 г. В переработанном виде вошла в состав монографии Дарвина «Различные формы цветов» 1877 г. (см. ниже № 187 и 205). См. об этом в статье А. П. Ильинского (наст. изд., т. 7, стр. 11).

126. On the three remarkable sexual forms of Catasetum tridentatum, an orchid in the possession of the Linnean Society. (Read April 3, 1862.) Journal of the proceedings of the Linnean Society, Botany, vol. VI, pp. 151—157, London, 1862.

Эта работа изложена Дарвином в его монографии об орхидеях (см. наст. изд., т. 6, стр. 198—204).

127. [Recollections of Professor Henslow.] В кн.: Rev. Leonard Jenyns, Memoir of the Rev. John Stevens Henslow. Chapter III, pp. 51—55, London, 1862.

Перевод на русский язык:

[Воспоминания о Дж. С. Генсло.] Перев. С. К. Апта, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 162—165, 1959.

1863 год

128. On the thickness of the Pampean formation, near Buenos Ayres. The Quarterly Journal of the Geological Society of London, vol. IX, part I (Proceedings), pp. 68—71 (read December 3), 1863.

Эта статья полностью включена Дарвином во второе издание его монографии «Geological observations» (1876). См. в третьем издании, вышедшем в 1891 г. (без изменений по сравнению со вторым), главу XI, стр. 363—367.

129. On the so-called «auditory-sac» of Cirripedes. Natural History Review, 1863, vol. III, pp. 115—116.

Перевод на русский язык:

О так называемом «слуховом мешке» усоногих. Перев. и примеч. Н. И. Тарасова. Наст, изд., т, 2, стр. 88—89, 1936.

130. [A review of Mr. Bates' Paper on mimetic butterflies.] The Natural History Review, 1863, vol. III, pp. 219—224.

Эта рецензия на известную статью Г. Бейтса о фауне бабочек долины Амазонки не подписана. Принадлежность ее Ч. Дарвину засвидетельствована Фр. Дарвином (L. L., т. III, стр. 368).

131. [A Review of Mr. H. W. Bates book «The Naturalist on the River Amazons, 2 vols., London, 1863».] The Natural History Review, July, 1863, pp. 385—389.

Рецензия не подписана. В ряде позднейших переизданий книги Г. У. Бейтса «Натуралист на реке Амазонке» рецензия эта (за исключением двух последних фраз, в которых Дарвин высоко оценивает иллюстрации к книге) воспроизводилась под заглавием: «An appreciation by Charles Darwin».

Перевод на русский язык:

Предисловие к книге Г. У. Бэтса «Натуралист на реке Амазонке». Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 725—730, 1939.

О взаимоотношениях Ч. Дарвина и Г. Бейтса и об оценке Дарвином работ Бейтса по миметизму см.: С. Л. Соболь. Г. У. Бейтс (1825—1892) и его книга «Натуралист на реке Амазонке» (в кн.: Генри Бейтс. Натуралист на реке Амазонке. М., Географгиз, 1958, стр. 5—28).

132. [A Letter to the Editor.] Athenaeum, 1863, p. 554.

Это письмо Ч. Дарвина в редакцию журнала «Атенеум» было вызвано следующим обстоятельством. В номере журнала от 28 марта 1863 г. (стр. 417) была напечатана рецензия на работу Карпентера о фораминиферах. Рецензент напал на Карпентера за поддержку им эволюционных воззрений Дарвина. Карпентер ответил на рецензию письмом (напечатанным в следующем номере журнала, стр.461),в котором пытается отвести «обвинение» его в эволюционизме. Это вызвало гнев Дарвина, который в письме к Гукеру (17 апреля 1863 г.) следующим образом охарактеризовал позицию Карпентера: «Мне кажется, что главная цель его письма показать, что хотя он и прикоснулся к дегтю, но не испачкался». По поводу своего письма в редакцию «Атенеум» Дарвин в том же письме к Гукеру говорит: «Я написал письмо в „Атенеум“ (в первый и последний раз я пошел на такой шаг), чтобы — под

прикрытием нападения на гетерогонию — сказать несколько слов в свою собственную защиту» (L. L., т. III, стр. 19—20). Приводим перевод письма, напечатанного в «Атенеуме»:

«Развитое мною воззрение на происхождение видов, каким бы слабым оно ни было, связывает (как это беспристрастно признали некоторые из его противников, например Пикте, Бронн и др.) путем вполне понятного анализа множество фактов,таких, например, как создание человеком домашних рас при помощи отбора; классификация и сродство всех органических существ; бесчисленные переходы [градации] в строении и инстинктах; сходство в плане строения руки, крыла и плавника у животных одного и того же большого класса; существование органов, ставших рудиментарными вследствие неупотребления; сходство зародышей рептилии, птицы и млекопитающего и сохранение у них [illegible]цов аппарата для дыхания в воде; сохранение у молодого теленка резцов в верхней челюсти и пр.; [географическое] распределение животных и растений и их взаимное родство в пределах одной и той же области; их общая геологическая последовательность и близкие родственные связи ископаемых в непосредственно следующих друг за другом формациях в пределах одной и той же страны; вследствие чего, например, вымершие сумчатые предшествовали современным в Австралии, а животные, подобные броненосцам, предшествовали современным броненосцам в Южной Америке и породили их; а также много других явлений, таких, например, как постепенное вымирание старых форм и их постепенное замещение новыми формами, лучше приспособленными к борьбе за жизнь в новых условиях их существования. Если защитник гетерогении [в данном случае — независимого происхождения каждого вида] сумеет таким же образом связать воедино большие группы фактов, он найдет — но только при этом условии — почтительных и терпеливых слушателей.— *Ч. Дарвин*».

133. [Yellow rain.] The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, July 18, 1863, p. 675.

Перевод на русский язык:

[Желтый дождь]. Перев. Бунаковой. Наст. изд., т. 6, стр. 642—643, 1950.

1864 год

134. On the existence of two forms, and on their reciprocal sexual relation, in several species of the genus Linum. (Read February 5, 1863). Journal of the proceedings of the Linnean Society, Botany, vol. VII, pp. 69—83, London, 1864.

Работа вошла в состав монографии Дарвина «Различные формы цветов» (см. ниже № 187 и 205). См. об этом в статье А. П. Ильинского (наст. изд., т. 7, стр. 11).

1865 год

135. On the sexual relations of the three forms of Lythrum salicaria. (Read June 16, 1864.) The Journal of the Linnean Socity, Botany, vol. VIII, pp. 169—196, London, 1865.

Работа вошла в состав монографии Дарвина «Различные формы цветов» (см. ниже, № 187 и 205). См. об этом в статье А. П. Ильинского (наст. изд., т. 7, стр. 11).

Перевод на русский язык:

О половых взаимоотношениях трех форм Lythrum salicaria. Перев. В. Ю. Гроссмана. «Яровизация», 1939, № 5—6, стр. 17—36.

136. On the movements and habits of climbing plants. (Read February 2, 1865.) The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. IX (Part 1, pp. 1—118, 1865.), London, 1867.

Это — первое издание работы Ч. Дарвина о лазящих растениях, которое было напечатано в виде статьи в первом выпуске IX тома Журнала Линнеевского общества (том был закончен изданием в 1867 г., но первый выпуск вышел в свет в 1865 г.). Второе издание работы было выпущено Дарвином в виде самостоятельной книги в 1875 г. и третье — в 1882 г. (см. ниже № 172 и 220).

1866 год

137. On the origin of species... Fourth edition, with additions and corrections. (Eighth thousand.) London, J. Murray, 1866. XXI, 593 pp.

Четвертое издание подписано к печати в июне 1866 г. Оно было выпущено, как сообщает Ч. Дарвин в своем «Дневнике», в количестве 1250 экземпляров, т. е. всего в четырех изданиях 7500 экземпляров.

1867 год

138. [Rev G. Henslow, Note on the structure of Indigofera, as apparently offering facilities for the intercrossing of distinct flowers. With... a Communication from Mr. Darwin on the Common Broom (Cytisus scoparius).] (Read April 19, 1866.) The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. IX, pp. 315—358, London, 1867.

Сообщение Дарвина на стр. 358 этой статьи.

1868 год

139. The variation of animals and plants under domesticatin. In two volumes. With illustrations. London, J. Murray, 1868. Vol. 1: VIII, 411 pp.; vol. II: VIII, 486 pp.

Согласно записи в «Дневнике» Дарвина, книга вышла в свет 30 января 1868 г. тиражом в 1500 экземпляров, а 10 февраля Мёррей выпустил второй тираж в количестве 1250 экземпляров. В этот второй тираж Дарвин внес небольшие исправления. Второе издание монографии вышло в 1875 г. (см. ниже № 175).

Перевод на русский язык:

Происхождение видов. Отдел I: Изменения животных и растений вследствие приручения. Прирученные животные и возделанные растения. Перевел с английского с согласия и при содействии автора В. Ковалевский, под ред. И. М. Сеченова, ботаническая часть под ред. А. Герда. Т. I — II. Петербург, в типографии Ф. С. Сущинского, 1868. Том I: 4, IV, 444 стр. (На стр. 444: «Поправки и изменения в I томе по 2-му Лондонскому изданию и по рукописным заметкам автора»); том II: IV, 462, VI стр.

Непонятное на первый взгляд заглавие русского перевода («Происхождение видов. 1»), не соответствующее английскому заглавию книги, объясняется тем, что Дарвин первоначально рассматривал «Изменения» как первую часть своего большого труда о происхождении видов, который он начал в 1854 г., но оставил незаконченным, когда в 1858 г. вынужден был в силу хорошо известных обстоятельств написать в короткий срок однотомное изложение своей теории. По-видимому, он сообщил В. О. Ковалевскому намеченный им план большого труда, который должен был состоять из трех частей: 1. Изменения животных и растений в условиях одомашнения; 2. Изменения животных и растений в естественных условиях; 3. Борьба за существование и естественный отбор. Вероятно, исходя из этого, Ковалевский и озаглавил

первый выпуск книги, выпущенный еще в 1867 г., указанным образом, а затем, когда выяснилось, что Дарвин отказался от этого плана, было уже неудобно изменять титульный лист русского издания.

На последней странице обложки Ковалевский рассказал о том, как он взялся за осуществление русского перевода труда Дарвина: «Автор согласился передать нам право на печатание его нового сочинения в русском переводе; он был так добр, что начал посылать издателю корректурные листы еще до напечатания [книги] в Англии и прислал клише со всех рисунков сочинения; все это дает издателю возможность, начавши выпускать книгу даже раньше английского подлинника, окончить ее совершенно параллельно с оригиналом». Ковалевский действительно выпускал книгу отдельными выпусками по мере получения корректур от Дарвина: оба тома были изданы в семи выпусках. На обложках первых четырех выпусков дата 1867 г., на обложке 7-го — дата 1869 г. Однако на титульных листах обоих томов (в переплетенных экземплярах) дата 1868 г., причем первый том был разрешен к выпуску цензурой 13 апреля 1868 г., а второй 24 августа 1868 г. Встречаются, впрочем, экземпляры первого тома, на титульном листе которых значится 1867 г. В Англии, как уже было указано, оба тома вышли одновременно в январе 1868 г. Указывая на стр. 444 первого тома, что в него внесены поправки «по 2-му Лондонскому изданию», Ковалевский, очевидно, имел в виду второй тираж 1868 г., выпущенный в феврале. О некоторых других подробностях, связанных с этим изданием Ковалевского, см.: Л. Ш. Давиташвили, В. О. Ковалевский. 2-е дополн. изд., М., АН СССР, 1951, стр. 149—152.

Перевод В. О. Ковалевского с очень незначительными исправлениями воспроизведен в Собраниях сочинений Дарвина, издававшихся О. Поповой и Государственным издательством, в которых, таким образом, дан перевод первого издания труда Дарвина (1868 г.), а не второго (1875 г.), в которое Дарвин внес много принципиальных исправлений и дополнений. Заглавия в обоих этих изданиях частично или полностью изменены:

Прирученные животные и возделанные растения. Перевод В. Ковалевского, переработанный проф. М. А. Мензбиром и проф. К. А. Тимирязевым. [На первой странице текста другое заглавие: Изменения животных и растений вследствие приручения.] Ч. Дарвин., Собрание сочинений. В четырех томах. Т. 3, СПб., изд. О. Н. Поповой, 1899. VII, 572 стр.

То же. Изд. второе (стереотип). 1900.

Изменения животных и растений под влиянием одомашнивания. Перевод, исправленный и переработанный проф. М. А. Мензбиром. Полное собрание сочинений Чарльза Дарвина. Под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. III, кн. 1 и 2. М.— Л., Государственное издательство, 1928. Т. III, кн. I: VIII, 364 стр.; т. III, кн. 2: VIII, 364 стр.

Принадлежность перевода В. О. Ковалевскому нигде не указана. В кн. 1 дана вступительная статья М. А. Мензбира «Менделизм и его отношение к дарвинизму» (стр. 3—19).

1869 год

140. On the origin of species.. Fifth edition, with additions and corrections. (Tenth thousand.) London, J. Murray, 1869. XXIII, 596 pp., 1 plate.

Пятое издание «Происхождения видов» вышло в свет в мае 1869 г. По-видимому, оно было выпущено в количестве одной тысячи экземпляров. (См. 6-е изд. 1872 г., ниже № 152).

141. Notes on the fertilization of orchids. The Annals and Magazine of Natural History, 4th series, vol. IV, pp. 141—159, London, September, 1869.

На эту статью Дарвин ссылается в своей монографии об опылении орхидей (см. наст. изд., т. 6, стр. 97).

142. On the character and hydrid-like nature of the offspring from the illegitimate unions of dimorphic and trimorphic plants. (Read February 20, 1868.) The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. X, pp. 393—437, London, 1869.

143. On the specific differences between Primula veris, Brit. Fl. (var. officinalis of Linn.), P. vulgaris, Brit. Fl. (var. acaulis, Linn.) and P. elatior, Jacq.; and on the hybrid nature of the common Oxlip. With supplementary remarks on naturally-produced hybrids in the genus Verbascum. (Read March 19, 1868.) The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. X, pp. 437—454, London, 1869.

Эти две работы (№ 142 и 143) вошли в состав монографии Дарвина «Различные формы цветов» (см. ниже № 187 и 205). См. об этом в статье А. П. Ильинского (наст. изд., т. 7, стр. 11).

144. [A. W. Bennet. On the fertilization of winter-flowering Plants. Nature, vol. I, pp. 11—13 and 58, 1869.]

Статья и заметка Беннета содержат замечания, сделанные ему лично Дарвином. Текст заметки Беннета переведен на русский язык в примечании к переводу заметки Дарвина на ту же тему (см. ниже № 145).

145. The fertilization of winter-flowering plants. (Down, November 13). Nature, vol. I, p. 85, November, 18, 1869.

Перевод на русский язык:

Опыление у растений, цветущих зимой. Перев. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 6, стр. 644—645, 1950.

1870 год

146. Note on the habits of the Pampas Woodpecker (Colaptes campestris). (Read November 1, 1870.) Proceedings of the scientific meetings of the Zoological Society of London, 1870, pp. 705—706.

Перевод на русский язык:

Заметка о нравах пампасского дятла (Colaptes campestris). Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 731—732, 1939.

147. Journal of researches... New edition. London, J. Murray, 1870. VII, 519 pp.

Это издание «Дневника натуралиста» ничем не отличается от издания 1860 г. (см. выше № 116). Последний тираж второго издания «Дневника натуралиста», выпущенный при жизни Дарвина, вышел в свет в 1873 г. (см. ниже № 164).

1871 год

148. The descent of man, and selection in relation to sex. In two volumes. With illustrations. London, J. Murray, 1871. Vol. I: VIII, 423 pp.; vol. II: IX, 475 pp.

Первое издание монографии «Происхождение человека и половой отбор» вышло в свет 24 февраля 1871 г. В том же году — в марте, апреле и декабре — были выпущены еще три тиража. Первый тираж состоял из 2000 экземпляров, на экземплярах четвертого тиража помечено «7-я тысяча». Второе издание

монографии вышло в 1874 г. (см. ниже № 170); оно носит пометку «10-я тысяча», из чего можно сделать вывод, что первое издание было выпущено всего в количестве 9000 экземпляров. На стр. IX второго тома дан «Постскриптум», в котором Дарвин указывает на ошибку, допущенную им в первом томе и в двух местах второго тома. В 7-й тысяче первого издания (1871 г.) Дарвин сделал соответствующие исправления в самом тексте книги. «Постскриптум» (в переводе И. М. Сеченова) приведен нами ниже, при описании первого русского перевода монографии «Происхождение человека» под ред. И. М. Сеченова (1871—1872 гг.).

Переводы на русский язык:

Происхождение человека и половой подбор. Сокращенный перевод с английского. С рисунками. Издание редакции журнала «Знание» СПб., в типографии В. Демакова, 1871. XV, 439 стр.

На стр. 1 под повторением заглавия пометка: «Сокращенное изложение». Из многочисленных подстрочных примечаний Дарвина оставлены во всей книге только шесть. Стр. IX—XIV — длинный список опечаток: «Исправленные отступления от подлинника».

Происхождение человека и половой подбор. С рисунками. Перев. с англ. под ред. Г. Е. Благосветлова. Вып. 1—3. СПб., типогр. А. Моригеровского, 1871—1872. Вып. I (часть первая, главы I—VII), X, 366 стр.; вып. 2 (часть вторая, главы VIII—XI), 261, III стр.; вып. 3 (часть третья, главы XII—XXI), V, 614, II стр.

Происхождение человека и половой отбор. Перев. с англ. под ред. Г. Е. Благосветлова. Издание 2-е (редакции журнала «Дело»). Т. I—II. СПб., 1873—1874.

Происхождение человека и подбор по отношению к полу. В двух томах. Перев. с англ. под ред. И. М. Сеченова. С рисунками. СПб., изд. книжн. магазина Черкесова, 1871—1872. Том I, XIII, 481 стр.; том II, VII, 452 стр. и алфавитный указатель стр. 453—540.

Указатель был выпущен самостоятельно, с указанной нумерацией страниц, но в отдельной обложке с титулом: «Алфавитный указатель к сочинению Чарльза Дарвина. Перев. с англ. под ред. И. М. Сеченова. СПб., изд. книж. магазина Черкесова, 1872». На последней странице обложки пометка: «Дозволено цензурою. СПб., 29 сент. 1872 г.». На седьмой странице второго тома напечатан следующий «Постскриптум»: «В I томе, стр. 338—341 я впал в очень серьезную ошибку относительно половых различий животных, желая объяснить то, что казалось мне странным совпадением между поздним периодом жизни, в котором во многих случаях возникают необходимые изменения, и поздним периодом, в котором действует половой подбор. Мое объяснение совершенно ошибочно, как я нашел, пытаясь доказать мою мысль графически. Кроме того, предполагаемое совпадение периодов далеко не общее и вовсе не замечательное, потому что, как я старался показать в другом месте, изменения, возникшие в раннюю пору жизни, накоплялись часто путем полового подбора и передавались обыкновенно обоим полам. С другой стороны, изменения, возникшие в позднюю пору, не могут не совпасть приблизительно по времени с процессом полового подбора. Намеки на эти ошибочные взгляды появляются снова во II томе на стр. 199 и 295».

Происхождение человека и подбор по отношению к полу. В двух томах. Перев. с англ. под ред. И. М. Сеченова. 2-е пересмотренное издание. СПб., изд. книжного магазина Черкесова, 1873. Т. I, VI, 321 стр.; т. II, VII, 372 стр. (стр. 309—372 — алфавитный указатель).

Это второе издание перевода под ред. И.М.Сеченова отличается от первого по формату. На стр. 1 второго тома — приведенный выше «Постскриптум»

но указания на страницы соответственно изменены: в первом случае — стр. 198—199, во втором — стр. 111—112 и 162—163.

В 1871 г. Петербургский цензурный комитет возбудил дела о судебном преследовании за издание труда Дарвина «Происхождение человека» против владельцев типографий: 1. В. Демакова (сокращенный перев. с англ., изданный редакцией журнала «Знание») — Центр. гос. архив в Ленинграде, фонд 776, опись 11, 1871 г., дело 136, листы 1—2; 2. А. Моригеровского (издание редакции журнала «Дело», под ред. Г. Е. Благосветлова) — там же, дело 142, лл. 1—2; 3. К. Трубникова (изд. Черкесова, под ред. И. М. Сеченова) — там же, дело 149, лл. 1—2.

149. Pangenesis. Nature, vol. III, pp. 502—503, April 27, 1871.

Перевод на русский язык:

Пангенезис. Наст. изд., т. 4, стр. 781—782, 1951.

150. A new view of Darwinism. (Down, July 1.) Nature, vol. IV, pp. 180—181, July 6, 1871.

Перевод на русский язык:

Новый взгляд на дарвинизм. Перев. и примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 733, 1939.

151. Fertilization of Leschenaultia. The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, September 9, 1871, p. 1166.

Перевод на русский язык:

Опыление у Leschenaultia. Перев. Татариновой. Наст. изд., т. 6, стр. 645—647, 1950.

1872 год

152. The origin of species... 6th edition, with additions and corrections. (Eleventh thousand.) London, J. Murray, 1872.

Это — последнее (шестое) прижизненное издание «Происхождения видов», исправленное и дополненное Дарвином. Последующие издания являются перепечатками этого (см. ниже № 173 и 218). Тираж этого издания — одна тысяча экземпляров. Шестое издание вышло в свет в январе 1872 г.

153. Bree on Darwinism. (Down, August 3.) Nature, vol. VI, p. 279, August 8, 1872.

Перевод на русский язык:

Бри о дарвинизме. Перев. и примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 733, 1939.

154. The expression of the emotions in man and animals. With photographic and other illustrations. London, J. Murray, 1872. VI, 374 pp.

Монография «Выражение эмоций у человека и животных» вышла в ноябре 1872 г. тиражом в 7000 экземпляров; в декабре того же года был напечатан дополнительный тираж в 2000 экземпляров, а в 1873 г. еще один дополнительный тираж в одну тысячу экземпляров (см. ниже № 156).

Перевод на русский язык:

О выражении ощущений у человека и животных. [Переведено с корректурных листов, присланных автором, под ред. профессора А. Ковалевского. СПб., в типографии Ф. С. Сущинского, 1872. V, 335 стр., с фототипиями.

Перевод был осуществлен В. О. Ковалевским и женой И. М. Сеченова М. А. Боковой. Все подстрочные примечания Дарвина вынесены в конец книги (стр. 313—335).

Язык чувств. Популярное изложение сочинения Дарвина: О выражении ощущений у человека и животных. С 17 политипажами, исполненными на дереве. Издание В. П. Турбы. СПб., 1873. 92, II стр.

Автор популярного изложения не указан.

1873 год

155. Inhereted instinct. Nature, vol. VII, pp. 281—282, February 13. 1873.

Перевод на русский язык:

Унаследованный инстинкт. Перев. и примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 739, 1939.

156. The expression of the emotions... Tenth thousand. London, J. Murray, 1873. VI, 374 pp.

Повторение издания 1872 г. (см. выше № 154). Вышло в марте 1873 г. в количестве одной тысячи экземпляров. Второе издание было осуществлено сыном Ч. Дарвина Фр. Дарвином по материалам отца, подготовленным им для нового издания:

The expression of the emotions... Second edition, edited by Fr. Darwin. London, J. Murray, 1890. VII, 394 pp.

Русские переводы конца 90-х гг. и XX века были все осуществлены по этому изданию, которое повторными тиражами выходило в Англии несколько раз.

Переводы на русский язык:

О выражении ощущений у человека и животных. Перевод, проверенный по английскому изданию 1892 г., дополненному примечаниями Фрэнсиса Дарвина. Под ред. академика А. О. Ковалевского. С приложением 12 таблиц рисунков. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1896. II, 184 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Н. Поповой, т. II, ч. 2.)

То же. Изд. 2-е. СПб., 1899. II, 184 стр., 12 табл. рисунков. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Н. Поповой, т. II, ч. 2. Изд. 2-е.)

Предисловие Фр. Дарвина ко второму английскому изданию отсутствует.

Выражение душевных волнений. С 11 рисунками и 6 автотипиями. Перевод д-ра философии М. Филиппова. СПб., типогр. А. Пороховщикова, 1896. 221, III стр. (Сочинения Дарвина под ред. М. М. Филиппова, т. IV. Прилож. к журналу «Научное обозрение»).

Предисловие Фр. Дарвина ко 2-му англ. изд. отсутствует, но в предисловии от издателя (стр. 3) указано: «Все примечания, заключенные в скобках, принадлежат сыну Ч. Дарвина, Фрэнсису, и заимствованы из последнего английского издания». На третьей странице обложки: «Дозволено цензурой. СПб., 8 января 1897 г.» «Альбом» к этому изданию был издан отдельно: на 4-й странице обложки указано: «В начале февраля выйдет альбом». Альбом действительно был издан самостоятельно со следующим титулом на обложке: «Альбом к этому сочинению. СПб., изд. ред. „Научное обозрение“, 1897». 2 стр. и 6 листов автотипий.

О выражении душевных движений у человека и животных. Перевод со второго англ. изд. прив.-доц. Ф. Н. Крашенинникова, М., изд. Ю. Лепковского, 1908. VI, 211, II стр., илл. в тексте и на табл. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского, Т. III, ч. I.)

Указатель и список опечаток к монографии «О выражении» дан в самом конце тома после монографии о лазящих растениях, которая составляет 2-ю часть тома и имеет самостоятельную нумерацию страниц.

О выражении ощущений у человека и животных. Перевод с последнего англ. изд. А. А. Николаева. СПб., изд. журнала «Вестник знания», 1912. 274 стр. с илл. (Собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. В. В. Битнера. Т. V, ч. 1.)

О выражении ощущений у человека и животных. Перевод под ред. акад. А. О. Ковалевского. М.— Л., Госуд. издательство, 1927. V, 243 стр., илл. в тексте и на табл. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. II, кн. II.)

Повторение перевода под ред. А. О. Ковалевского, вошедшего в состав издания О. Н. Поповой в 1896 и 1899 гг. (см. выше под этим же номером).

Выражение эмоций у человека и животных. Перевод со второго англ. изд. Вступительная статья и примеч. С. Г. Геллерштейна. Наст. изд., т. 5, стр. 681—920, 1953.

Для наст. перевода были использованы переводы Ф. Н. Крашенинникова и под ред. А. О. Ковалевского, коренным образом пересмотренные и исправленные. Фактически этот перевод, наиболее точно соответствующий английскому тексту, является новым.

157. Perception in the lower animals. Nature, vol. VII, p. 360, March 13, 1873.

Перевод на русский язык:

Восприятие у более низко стоящих животных. Перев. А. Д. Некрасова и С. Л. Соболя. Примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 740—741, 1939.

158. Origin of certain instincts. Nature, vol. VII, pp. 417—418, April 3, 1873.

Ответ на анонимную статью в том же журнале, т. VII, стр. 377—378, 20 марта 1873 г.

Перевод на русский язык:

Происхождение некоторых инстинктов. Перев. А. Д. Некрасова и С. Л. Соболя, примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 741—744, 1939.

159. Instinct. Perception in ants. Nature, vol. VII, pp. 443—444, April 10, 1873.

Коротенькое письмо Ч. Дарвина в редакцию журнала с просьбой напечатать прилагаемое им письмо от J. D. Hague из Сан-Франциско от 26 февраля 1873 г. См. об этом наст. изд., т. 3, стр. 821, примеч. 7.

160. [Answers to the questions addressed by Mr. Galton. May 28, 1873.] L. L., vol. III, pp. 177—179.

Перевод на русский язык:

[Анкета Ч. Дарвина 1873 г.] Перев. С. Г. Геллерштейна, примеч. Фр. Дарвина. Наст. изд., т. 9, стр. 243—246, 1959.

161. Habits of ants. Nature, vol. VIII, p. 244, July 24, 1873.

К заметке Ч. Дарвина приложено письмо от J. D. Hague, опубликованное журналом вместе с заметкой Дарвина.

Перевод на русский язык:

Нравы муравьев. Перев. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 745. 1939.

162. On the males and complemental males of certain Cirripedes, and on rudimentary structures. Nature, vol. VIII, pp. 431—432, September, 25, 1873.

Перевод на русский язык:

О самцах и дополнительных самцах у некоторых усоногих и о рудиментарных структурах. Перев. и примеч. Н. И. Тарасова. Наст. изд., т. 2, стр. 90—94, 1936.

163. [George H. Darwin. Variations of organs. Nature. vol. VIII, p. 505, October 16, 1873.]

Письмо в редакцию, написанное по просьбе Ч. Дарвина его сыном Джорджем Говардом Дарвином для разъяснения некоторых неясностей, которые, как казалось Ч. Дарвину, вкрались в его статью «О самцах и пр.» (см. выше № 162).

164. Journal of researches... Second edition. (Twelfth thousand.) London, J. Murray, 1873. X, 519 pp.

Новый тираж второго издания (12-я тысяча). Это было последним изданием «Дневника изысканий», выпущенным Мёрреем при жизни Дарвина. В дальнейшем Мёррей неоднократно повторял это издание. Так, в 1884 г. была выпущена им 16-я тысяча. Все русские переводы (кроме первых двух изданий перевода Е. Бекетовой — см. выше № 116) делались с этих позднейших переизданий. Приводим описание всех русских переводов и изданий с 1895 г. до настоящего времени.

Переводы на русский язык:

Путешествие Ч. Дарвина кругом света и по Южной Америке. в переделке М. А. Лялиной. СПб., 1895. 421 стр., илл.

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Полный перев. с последн. англ. изд. Е. Г. Бекетовой, под ред. А. Н. Бекетова. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1896. (Собрание сочинений Дарвина в издании О. Н. Поповой, Т. I, ч. 1.) 2800 экземпляров.

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Перев. Е. Г. Бекетовой, под ред. А. Н. Бекетова. С таблицами рисунков. СПб.' изд. О. Н. Поповой, 1898. 312 стр. (Собрание сочинений Дарвина в издании О. Н. Поповой. Т. I, ч. I. Изд. 2-е.)

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Перев. Е. Бекетовой под ред. проф. А. Н. Бекетова. М.— Л., Госуд. издательство, 1925. Тираж 7000 экз. (Полное собрание сочинений Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. I, кн. I, стр. 43—428.)

Все эти три издания перевода Бекетовой почти не отличаются от изданий 1865 и 1871 гг. Предисловие к англ. изд. 1845 г. и Постскриптум к изд. 1860 г. по-прежнему отсутствуют. В издании 1925 г. на шмуцтитуле значится: «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“ — Дневник». Посвящение книги Ляйеллю также не переведено.

Путешествие на корабле «Бигль». Полный перевод с последнего англ. изд. СПб., типогр. А. Пороховщикова, 1896. 383, IV стр., 4 табл. илл. Тираж 3000 экз. (Сочинения Дарвина, изд. М. Филиппова, прилож. к журналу «Научное обозрение», т. III).

Предисловие, Постскриптум Дарвина и посвящение Ляйеллю не переведены. Книга вышла двумя выпусками: вып. 1, стр. 1—190; вып. 2, стр. 191—383 и оглавление.

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Полный перев.

с англ. М. М. Филиппова. Изд.-2-е. СПб., В. И. Губинский, [1908 или 1909]. 336, 2 стр. с илл.

Путешествие на корабле «Бигль». Перев. с англ. в изложении [и с предисловием] д-ра К. З. Яцута. СПб., П. П. Сойкин, 1902. 176, II стр., с илл.

Дневник наблюдений по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля с. в. «Бигль» под командой капитана Фиц Роя. Перев. со второго англ. изд. Е. Боратынской, под ред. проф. К. Тимирязева. М., изд. Ю. Лепковского, 1908. IV, 370, IV стр., илл. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. II.)

Посвящение Ляйеллю переведено. Предисловие и Постскриптум Дарвина отсутствуют.

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль» — Дневник. Перев. с посл. англ. изд. Э. А. Серебрякова, под ред. В. В. Битнера. Со многими рисунками. СПб., изд. «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1913. 544 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Битнера. Т. VI.)

Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Составил в извлечениях по «Дневнику путешествия на корабле „Бигль“» Дарвина и снабдил вводной главой, пояснениями и дополнениями А. Д. Некрасов. М., Госуд. издательство, 1924 («Библиотека путешествий») VI, 216 стр., илл. 5000 экз.

Вокруг света на корабле «Бигль». Переработка Автобиографии и Дневника Чарльза Дарвина. В. И. Язвицкий, под ред. В. А. Софронова. М., ОГИЗ — Молодая гвардия, 1932, 288 стр. 530 экз.

Как сообщается в предисловии, «переработка сделана по переводу Е. Бекетовой, сверенному вновь с английским текстом». Во «Введении» излагается жизнь и учение Дарвина. В конце книги примечания к главам I—XXI (стр. 274—285).

Дневник изысканий по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля ее величества «Бигль» под командой капитана королевского флота Фиц-Роя. Перевод Е. Бекетовой, пересмотренный и исправленный по второму англ. изданию. (На титуле: Путешествие натуралиста вокруг света. Под ред. С. Л. Соболя.) М.-Л., Гос. издат. биологич. и медиц. литературы, 1935. XLVII, 605 стр. 15200 экз. Наст. изд., т. I.

Перевод Бекетовой коренным образом улучшен. Дан перевод Предисловия (1845) и Постскриптума (1860) Дарвина и посвящения книги Ляйеллю. Издание снабжено большим числом иллюстраций в тексте, карт и таблиц, воспроизводящих рисунки из «Зоологических результатов путешествия на „Бигле“» и Отчета Р. Фиц-Роя 1839 г. Вступительная статья (стр. XIII—XLVII) и примечания (стр. 567—600) составлены С. Л. Соболем. На стр. XLIV—XLVII дан критический анализ старых переводов.

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Редакция перевода, вступительная статья и комментарии С. Л. Соболя. М.-Л., изд. АН СССР, 1941. XL, 614 стр. [15000 экз.

Издание полностью повторяет предыдущее, но в нем отсутствуют многие таблицы первого издания. Имеется указатель, составленный Н. Г. Понятовской (стр. 601—613). Переплет воспроизводит переплет первого издания книги Дарвина (1839 г.).

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Перев. Е. Бекетовой, под ред. О. Кузнецовой. Вводная статья О. Кузнецовой. М.-Л., Изд. детской литературы, 1936. 399 стр. Тираж 35000 экз.

Об этой книге см. рецензию в журнале «Книга и Пролетарская революция», 1938, № 3, стр. 117—119: «Невежество и плагиат под видом научной популяризации Дарвина для детей».

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Перев., вступит. статья и примеч. проф. С. Л. Соболя. М., Географгиз, 1953. 581 стр. Тираж 50000 экз.

Издание снабжено именным указателем путешественников и натуралистов и указателем географических названий (стр. 568—579).

То же. Второе издание. М., Географгиз, 1954. Тираж 50000 экз.

То же. Второй тираж второго издания. М., Географгиз, 1955. Тираж 50000 экз.

1874 год

165. The structure and distribution of coral reefs. With three plates. Second edition, revised. London, Smith, Elder and Co., 1874. XX 278 pp.

Предисловие к этому, второму, изданию «Коралловых рифов» подписано февралем 1874 г. Следующее, третье, издание было осуществлено Фр. Дарвином:

The structure and distribution of coral reefs. With an appendix by Prof. T. G. Bonney. With illustrations. Third edition. London, J. Murray, 1889. XX, 344 pp.

Предисловия Ч. Дарвина к первому и второму изданиям; предисловие Фр. Дарвина к третьему изданию (28 февраля 1889 г.). Издание отличается наличием статьи проф. Бонне об истории исследования коралловых рифов с 1874 г. до февраля 1889 г. и нескольких его подстрочных добавочных примечаний.

Перевод на русский язык:

Строение и распределение коралловых рифов. Перев. со 2-го издания Л. Ш. Давиташвили и Н. М. Калевич, вступит. статья Л. Ш. Давиташвили, примеч. Л. Ш. Давиташвили и Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 285—448, 1936.

166. Recent researches on termites and honey-bees. (Down, February 11) Nature, vol. IX, pp. 308—309, February 19, 1874.

К статье приложено письмо Фрица Мюллера из Бразилии.

Перевод на русский язык:

Новые исследования над термитами и пчелами. Перев. и примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 745, 1939.

167. Fertilization of the Fumariaceae. Nature, vol. IX, pp. 460—461, April 16, 1874.

К статье приложено письмо Германа Мюллера из Липпштадта от 4 апреля 1874 г.

Перевод на русский язык:

Опыление у Fumariaceae. Перев. С. Л. Соболя, примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6, стр. 647—648, 1950.

168. Flowers of the Primrose destroyed by birds [I]. Nature, vol. IX, p. 482, April 23, 1874.

Перевод на русский язык:

Уничтожение птицами цветов примулы [I]. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 746—747, 1939.

169. Flowers of the Primrose destroyed by birds [II]. Nature, vol. X, p. 24, May 14, 1874.

Перевод на русский язык:

Уничтожение птицами цветов примулы [II]. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 747—749, 1939.

170. The descent of man, and selection in relation to sex... Second edition, revised and augmented. Tenth thousand. London, J. Murray, 1874.

Все следующие прижизненные и посмертные переиздания монографии Дарвина «Происхождение человека» являются перепечатками этого, второго издания (см. ниже № 174, 185, 194 и 207). Перечень русских переводов второго издания см. под № 207.

1875 год

171. Insectivorous plants. With illustrations. London, J. Murray, 1875. X, 462 pp.

Издание вышло в июне (первый тираж) и июле (второй тираж) общим количеством 2700 экз. В том же году был выпущен третий тираж («третья тысяча»).

Перевод на русский язык:

Насекомоядные растения. Перев. с англ. под ред. А. Т. Вып. I (168 стр., 1 табл.); вып. II и III (393 стр., 3 табл.). М., изд. В. П. Племянникова, 1876.

172. The movements and habits of climbing plants. Second edition, revised. With illustrations. London, J. Murray, 1875. IX, 208 pp.

О первом издании см. № 136. В 1882 г. была выпущена третья тысяча второго издания. О ней и о русских переводах этой работы см. ниже № 220.

173. Origin of species.. Sixth edition. (Fifteenth thousand.) London, J. Murray, 1875. XXI, 458 pp.

Новый тираж шестого издания «Происхождения видов» (см. выше №152). Следующий тираж вышел в 1882 г. (см. ниже № 218; там же о русских переводах конца XIXв. и XX в.).

174. The descent of man... Second edition. (Eleventh thousand.) London J. Murray, 1875. XVI, 688 pp.

См. выше № 170. Тираж 1875 г. вышел в ноябре.

175. The variation of animals and plants under domestication... Second edition, revised. In two volumes. With illustrations. London, J. Murray, 1875.

Следующее переиздание этого второго издания (пятая тысяча) было выпущено Мёрреем в 1885 г.

Переводы на русский язык:

Изменение животных и растений в домашнем состоянии. Перев. М. Филиппова и П. Ю. Шмидта с последнего, исправленного англ.

издания. С рисунками подлинника, гравированными на дереве А. Беме. СПб., типогр. А. А. Пороховщикова, 1896. 233 стр., XXIV табл. (Сочинения Дарвина в изд. М. Филиппова, прилож. к журналу «Научное обозрение». Т. V.)

Перевод I—XI глав монографии Дарвина. Все примечания Дарвина опущены. Остальные главы (также с исключением из перевода подстрочных примечаний и «всех мест, напечатанных в подлиннике мелким шрифтом» (как заявляет М. Филиппов в предисловии к брошюре «Пангенезис») вышли в 1898 г. двумя следующими брошюрами:

Пангенезис. (Provisional hypothesis of Pangenesis), с прибавлением глав о наследственности. Перев. под ред. д-ра философии М. Филиппова. СПб., типогр. А. Пороховщикова, 1898. 232 стр. (Сочинения Дарвина в изд. М. Филиппова, прилож. к журналу «Научное обозрение». Т. VI.)

В противоположность другим главам, примечания к главе о пангенезисе переведены (стр. 228—232). Книга содержит главы XII—XXI и XXVII второго тома «Изменений».

Законы изменчивости. (Дополнение к сочинениям, изданным на русском языке под заглавиями: Изменение животных и растений и Пангенезис). Перев. под ред. д-ра философии М. Филиппова. СПб., типогр. А. Пороховщикова, 1898. («Библиотека „Научного обозрения“», издание П. П. Сойкина.) 83 стр.

Книга содержит главы XXII—XXVI второго тома «Изменений».

Изменение животных и растений в домашнем состоянии. Перев. и ред. прив.-доц. П. Сушкина и Ф. Крашенинникова. М., изд. Ю. Лепковского [1908—1909]. III, 622 стр. и указатель (стр. I—XLVIII). (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Томы VI, VII и VIII.)

Предисловие Дарвина ко второму англ. изд. переведено. Очевидно, из желания соблюсти одинаковый объем переплетенных томов издатель искусственно разорвал монографию на три части: т. VI — стр. III, 1—140; т. VII — стр. 141—424; т. VIII — стр. 427—616. В результате одна половина фразы оказывается в одном томе, а конец ее — в следующем. Указатель приплетен в конце VIII тома после Приложений, составленных Тимирязевым.

Изменение животных и растений в домашнем состоянии. Перев. П. П. Сушкина и Ф. Н. Крашенинникова, под ред. К. А. Тимирязева, вновь пересмотренный проф. Ф. Н. Крашенинниковым и проф. С. Н. Боголюбским. М.-Л., Сельхозгиз, 1941. (Серия «Классики естествознания»). 619 стр. 20000 экз.

Дано предисловие Дарвина ко второму изданию. Глава II (Лошади и ослы) пересмотрена проф. В. О. Виттом. В конце тома дан «Алфавитный указатель» (стр. 568—611). Вступительная статья Ф. Н. Крашенинникова: Основы учения Дарвина и обстоятельства, сопровождавшие появление его главных работ (стр. 5—24).

Изменения домашних животных и культурных растений. Перев. со второго англ. изд. 1875 г. Вступит. статья Н. И. Нуждина, примеч. С. Н. Боголюбского, В. О. Витта и др. Наст. изд., т. 4, стр. 9—778 и 789—881, 1951. Тираж 8000 экз.

Перевод осуществлен М. Л. Бельговским на основе лучших из старых переводов (В. Ковалевского, П. П. Сушкина и Ф. Н. Крашенинникова). Им же составлен список разночтений между первым (1868) и вторым (1875) англ. изданиями (стр. 844—879). Примечания составили: С. Н. Боголюбский (к гл. I и III), В. О. Витт (к гл. II), Б. А. Кузнецов (к гл. IV), В. Ф. Ларионов (к гл. V—VI), С. Г. Петров (к гл. VII—VIII), Л. Б. Беме, Б. Л. Астауров,

В. В. Алпатов и др. (к гл. VIII), Е. В. Вульф (к гл. IX—X), И. Е. Глущенко (к гл. XI), М. О. Стрешинский (к гл. XII—XIV), И. М. Поляков (к гл. XV—XIX), М. О. Стрешинский и И. М. Поляков (к гл. XX—XXVIII).

1876 год

176. Insectivorous plants. Fourth thousand. London, J. Murray, 1876.

Четвертая тысяча первого издания (январь 1876 г.). В 1888 г. Фр. Дарвин опубликовал «второе издание» со своими поправками и дополнениями, сделанными отчасти на основании материалов Ч. Дарвина, готовившего новое издание:

Insectivorous plants. Second edition, revised by Francis Darwin. With illustrations. London, J. Murray, 1888. XIV, 377 pp.

Переводы на русский язык:

Насекомоядные растения. Перев. с англ. З. и Ф. Крашенинниковых, под ред. проф. К. А. Тимирязева. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1900. 250, II стр., 5 таблиц. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. IV.)

Стр. 3: Предисловие Фр. Дарвина ко второму изданию (июль 1888 г.). Стр. 243—249: Указатель. Стр. 250: Список главных прибавлений ко второму англ. изданию.

Насекомоядные растения. Перев. с англ. З. и Ф. Крашенинниковых. М., изд. Ю. Лепковского. 1908. IV, 263 стр. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. IV.)

Точное повторение предыдущего издания.

Насекомоядные растения. Перев. З. и Ф. Крашенинниковых, под ред. проф. К. А. Тимирязева. М.-Л., Госуд. издательство, 1929. 294 стр. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. IV, кн. II, стр. I—294.)

И это издание является повторением издания Поповой. Указатель отсутствует.

Насекомоядные растения. Перев. с 1-го англ. изд. Ф. Н. и З. Г. Крашенинниковых, проверенный и исправленный Н. Г. Холодным. Вступит. статья и примеч. Н. Г. Холодного. Наст. изд., т. 7, стр. 253—586, 635—644, 1948.

Редакция академического издания сочинений Дарвина решила вернуться к первому изданию, поскольку оно было издано самим Дарвином. Поправки Фр. Дарвина, сделанные на основании рукописных пометок Ч. Дарвина на полях экземпляра первого издания, учтены. В примечаниях Н. Г. Холодного и в статье использованы некоторые примечания Фр. Дарвина. Остальные его дополнения «опущены совсем, как потерявшие интерес в связи с дальнейшим прогрессом наших знаний о насекомоядных растениях».

177. Geological observations on the volcanic islands and parts of South America visited during the voyage of H. M. S. «Beagle». Second edition. With maps and illustrations. London, Smith, Elder, and Co., 1876. XIII, 647, pp.

Geological observations... Third edition... London, Smith, Elder, and Co., 1891. XIII, 648 pp., 2 maps, 5 tables.

Второе и третье издания не отличаются друг от друга. Оба они содержат две геологические работы, впервые изданные Дарвином в 1844 г. (см. выше № 75) и 1846 г. (см. выше № 84), и теперь объединенные в общую моногра-

фию о вулканических островах и берегах Южной Америки. В приложениях к первой и второй частям даны описания ископаемых и современных раковин моллюсков, собранных Дарвином. Описания эти составлены самим Дарвином, а также Соуэрби, Лонсдейлем и Форбсом.

Перевод на русский язык:

Геологические наблюдения над вулканическими островами и частями Южной Америки, посещенными во время путешествия корабля ее величества «Бигль». Перев. со 2-го издания В. Г. Епифановой, вступит. статья и примеч. Н. С. Шатского. Наст. изд., т. 2, стр. 449—562, 1936.

Переведены только четыре главы, представляющие наиболее общий интерес в отношении геологических открытий и идей Дарвина: гл. III (Остров Вознесения) и гл. VI (Трахит и базальт. Распределение вулканических островов) из первой части; гл. VIII (О поднятии восточного берега Южной Америки) и гл. IX (О поднятии западного берега Южной Америки) из второй части.

178. Cherry blossoms. (Down, May 6.) Nature, vol. XIV, p. 28, May 11, 1876.

Перевод на русский язык:

Цветы вишни. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 749, 1939.

179. Recollections of the development of my mind and character. 1876—1881. MS. Cambridge, University Library: Darwin papers.

В сокращенном виде эта рукопись Дарвина впервые опубликована Фр. Дарвином в первом томе L. L. в 1887 г. (и повторно в 1888 г.) под названием «Autobiography» (гл. II, стр. 26—107); в гл. I и VIII той же книги Фр. Дарвин привел небольшие отрывки из разделов рукописи, посвященных отцу и брату Ч. Дарвина и его отношению к религии. Глава II («Автобиография») неоднократно переиздавалась в последующие годы в Англии и Америке. В 1958 г. полный текст «Воспоминаний» был издан в Англии Норой Барло:

The Autobiography of Charles Darwin, 1809—1882. With original omissions restored. Edited with Appendix and Notes by his granddaghter Nora Barlow. London, Collins, 1958. 253 pp.

«Воспоминания» занимают в этой книге стр. 21—145. Книга снабжена Норой Барло вступительной статьей, примечаниями и рядом статей и документов, освещающих различные моменты жизни Дарвина.

Переводы на русский язык

«Автобиографии» (сокращенного текста, изданного в 1887 г. Фр. Дарвином):

Автобиография. С портретом Ч. Дарвина. Изд. д-ра философии М. Филиппова. СПб., типогр. Пороховщикова, 1896. 59 стр. (Сочинения Ч. Дарвина, прилож. к журналу «Научное обозрение». Т. III.)

В этом, как и во всех дальнейших переводах «Автобиографии» перевод отрывков об отношении Дарвина к религии, сообщенных Фр. Дарвином (см. выше), отсутствует.

Автобиография Ч. Дарвина. Перев. проф. К. А. Тимирязева. СПб., изд. О. Поповой, 1896. 35 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. I, ч. I)

То же. СПб., изд. О. Поповой, 1898. 35 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. I, ч. I, Изд. 2-е)

Автобиография. Перев. проф. К. А. Тимирязева. М., изд. Ю. Лепковского, 1907. 44 стр. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. I.)

Автобиография. Перев. с посл. англ. изд. А. А. Николаева, под ред. В. В. Битнера. Со многими портретами и рисунками. СПб., изд. «Вестника Знания», 1909. (Собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. В. В. Битнера. Т. I, ч. I, стр. 9—66).

Автобиография Ч. Дарвина. Перев. проф. К. А. Тимирязева. М.—Л., изд. Госуд. издательства, 1925. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. I, кн. I, стр. 1—42).

Перевод К. А. Тимирязева был повторен также в трех изданиях «Происхождения видов», выпущенных Сельхозгизом в 1935, 1937 и 1952 гг. (описания их см. ниже № 218). В 1907 г. появился (единственный раз на русском языке) перевод отрывков о религии, сообщенных Фр. Дарвином, в книге: Ч. Дарвин. Мое миросозерцание. Религиозное миросозерцание.— Происхождение видов.— Происхождение человека.—Зачатки духовной жизни.— Нравственная культура. С введением д-ра Бруно Вилле. Перевод [с немецкого] С. П. и Г. Г. Сониных, под ред. В. В. Битнера. СПб., изд. «Вестник Знания», 1907. 144 стр. В этом сборнике отрывков из произведений Ч. Дарвина, составленном немецким автором, отрывки о религии даны на стр. 14—18.

Перевод на русский язык полного текста «Воспоминаний»:

Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография), 1876 — 1881. В кн.: Ч. Дарвин. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). — Дневник работы и жизни. Полный перевод с рукописей Ч. Дарвина, вступительная статья и комментарии проф. С. Л. Соболя. М., изд. АН СССР, 1957. 251 стр. Тираж 15000 экз.

Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Перевод С. Л. Соболя с рукописи Ч. Дарвина, исправленный по англ. изданию Н. Барло 1958 г. Вступит. статья и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 166—242, 1959.

180. [Protective mimicry. By Francis Darwin. (Down, August 14). Nature, vol. XIV, pp. 329—330, August 17, 1876].

В № 354 журнала (от 10 августа, стр. 309) было напечатано письмо J. J. Murphy, доказывавшего, что покровительственная окраска не могла явиться результатом действия естественного отбора. В своем ответе Фр. Дарвин, ссылаясь на данные Ч. Дарвина, показывает несостоятельность выводов Марфи. С аналогичными письмами обратились в редакцию журнала Т. Стеббинг и Р. Мельдола (см. там же).

181. Sexual selection in relation to monkeys. Nature, vol. XV pp. 18—19, November 2, 1876.

Статья появилась через два года после выхода в свет второго издания монографии «Происхождение человека и половой отбор» и во все дальнейшие переиздания второго издания была включена в виде приложения.

Переводы на русский язык:

Дополнительная заметка о половом отборе у обезьян. В кн.: Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой отбор. Перев. проф. И. Сеченова. СПб., изд. О. Поповой, 1896. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. II, ч. 1).

Переводчик не указан. Вполне вероятно, что статью перевела М. А. Бокова (жена И. М. Сеченова).

То же. СПб., 1899. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Изд. 2-е. Т. П., ч. 1, стр. 421—424).

То же. М., изд. Ю. Лепковского, [1908]. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. VI, стр. 486—489.)

Перевод тот же, что и в издании О. Н. Поповой.

Дополнительные замечания о половом подборе у обезьян. В кн.: Собрание сочинений Ч. Дарвина. Т. III. Половой подбор, ч. 2 и 3, стр. 730—734. Перев. А. А. Николаева, под ред. В. В. Битнера. СПб., изд. «Вестника Знания», 1909.

Дополнительная заметка о половом подборе у обезьян. Перев. М. А. Мензбира. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина, под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. II., кн. I, стр. 613—618. М.-Л., изд. Госуд. издательства, 1927).

М. А. Мензбир ошибочно указывает: «Эта статья до сих пор не была напечатана на русском языке и осталась мало кому известной из русских читателей Дарвина» (стр. 613).

Половой отбор у обезьян. Перев. М. А. Мензбира [исправленный], примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 5, стр. 923—926, 1953.

182. The effects of cross and self fertilisation in the vegetable kingdom. London, J. Murray, 1876.

В своем «Дневнике» Ч. Дарвин указывает, что книга вышла в свет 10 ноября 1876 г., и к концу года было продано 7000 экземпляров. Вторым изданием (без существенных изменений) книга вышла в 1878 г. (см. ниже, № 192; там же сведения о переводах этой монографии на русский язык).

182a. [A Letter to James Geikie on the «drift» near Southampton. November 16, 1876.]

Это письмо было опубликовано Гейки еще при жизни Дарвина, в 1881 г. (см. ниже, № 217).

1877 год

183. Holly Berries. (Down, January 3.) The Gardeners' Chronicle, vol. VII (New Series), № 158, 1877, January 6, p. 19.

При составлении 6 тома наст. издания эта статья Дарвина осталась нам неизвестной. Даем поэтому перевод ее здесь.

Перевод на русский язык:

Ягоды остролистника. Перев. С. Л. Соболя.

«Некоторые из Ваших корреспондентов отметили неурожай ягод остролистника в различных районах нашей страны; то же явление можно было наблюдать в весьма обширных размерах в наших окрестностях [т. е. в окрестностях Дауна в Кенте]. Ваши корреспонденты относят это за счет весенних морозов, но следует напомнить, что остролистник является очень морозостойким растением, его находят в Норвегии вплоть до 62° сев. широты (см. Лекок. Ботаническая география, VII, стр. 370). Мне кажется более вероятным другое объяснение. В течение весны в наших окрестностях пчелы всех видов были необычайно редки. Я могу это определенно засвидетельствовать, так как стремился наблюдать некоторые особенности их поведения при высасывании ими обыкновенного красного клевера и поэтому часто посещал поля, на которых произрастает это растение, но мне удавалось увидеть только небольшое число пчел. Я был так поражен этим фактом, что исследовал несколько лугов, изобилующих цветами всякого рода, но решительно всюду пчелы встречались редко. Размышляя в течение лета относительно этого исключительного по своим размерам неурожая, я пришел к мысли, что эта часть Англии находится временно в таком же затруднительном положении, как Новая Зеландия до того, как туда была ввезена домашняя пчела: там кле-

вер (который, как я знаю на основании опыта, требует для успешного оплодотворения помощи пчел) не приносил семян. По странному случаю я получил на следующее утро письмо от человека, приехавшего в Кент из другого района; он спрашивал меня, не могу ли я сказать, по какой причине в его местах не удался урожай семян клевера, хотя растения выглядели сильными и здоровыми. Остролистник — двудомное растение; в течение последних сорока лет я осматривал много цветков его в самых различных местностях и ни разу не обнаружил ни одного гермафродитного растения. Пчелы являются главными переносчиками пыльцы с мужских на женские растения, и последние приносят очень мало ягод, если пчелы редки. В моем «Происхождении видов» я сообщил, что обнаружив женское растение на расстоянии в точности 60 ярдов от мужского, я исследовал под микроскопом рыльца двадцати цветков, срезанных с различных ветвей, и на всех без исключения нашел по несколько зерен пыльцы, а на некоторых они изобиловали. Так как ветер в течение нескольких дней дул по направлению от женского растения к мужскому, зерна пыльцы не могли попасть на женское растение при помощи ветра. Погода стояла холодная и бурная, и следовательно неблагоприятная, и тем не менее каждый осмотренный мною женский цветок был эффективно опылен пчелами, которых я наблюдал за работой и которые перелетали с одного растения на другое в поисках нектара. Таким образом, я думаю, мы не можем украсить алыми ягодами остролистника наши домашние очаги на Рождество по той причине, что весною пчелы встречались редко; но чем эта их редкость была вызвана, я не представляю себе ни в малейшей степени. *Чарлз Дарвин. Даун, Бекнем, Кент, 3 января*».

Указанное место в «Происхождении видов» см. наст. изд., т. 3, стр. 338. Статья Дарвина вызвала несколько писем в редакцию журнала (см. том за первое полугодие 1877 г., стр. 52, 83, 148). Дарвину возражали, и он вынужден был напечатать в журнале короткую заметку 20 января:

183а. [The scarcity of Holly berries and bees.] The Gardeners' Chronicle, vol. VII (New Series), № 160, January 20, 1877, p. 83.

Перевод на русский язык:

[Неурожай ягод остролистника и пчелы]. Перев. Бунаковой. Наст. изд., т. 6, стр. 648, 1950.

184. Fertilisation of plants. (Reply to Mr. G. Henslow.) The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette, vol. VII, p. 246, February 24, 1877.

Перевод на русский язык:

Опыление растений. Перев. Бунаковой. Наст. изд., т. 6, стр. 648—649, 1950.

185. The descent of man... Second edition. London, J. Murray, 1877.

Этот тираж второго издания «Происхождения человека» (см. выше № 170) вышел в мае. О следующих тиражах см: ниже № 194 и 207.

186. The various countrivances by which orchids are fertilised by insects. Second edition, revised. With illustrations. London, J. Murray, 1877. XVI, 300 pp.

Второе, значительно переработанное издание «Опыления орхидей» (о первом издании 1862 г. см. выше № 124).

Перевод на русский язык:

Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми. Перев. И. Петровского, под ред. проф. К. А. Тимирязева. СПб., изд. О. Поповой, 1900 (2-е изд., 1901). VII, 136, 13 табл. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Н. Поповой. Т. IV, ч. 1. Издания 1-е и 2-е).

Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми. Перев. И. Петровского. М., изд. Ю. Лепковского, 1908. 168 стр., 4 цветных таблицы. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. IV.)

Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми. Перев. И. Петровского, под ред. проф. К. А. Тимирязева. М.-Л., Госуд. издательство, 1928. Тираж 4000 экз. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. IV, кн. I, стр. 3 и 1—181.)

Различные приспособления, при помощи которых орхидеи опыляются насекомыми. Перев. со 2-го англ. изд. И. Петровского, проверенный и исправленный Е. В. Вульфом. Вступит. статья и примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6, стр. 69—254, 1950.

187. The different forms of flowers on plants of the same species. With illustrations. London, J. Murray, 1877.

Это первое издание монографии о различных формах цветков вышло в июле в количестве 1250 экз. О втором издании и русском переводе см. ниже № 205.

188. A biographical sketch of an infant. Mind, a quarterly review of Psychology and Philosophy, London-Edinburgh, 1877, vol. II (July), pp. 285—294.

Переводы на русский язык:

Проблески разума. Биографический очерк ребенка. Перев. Б. [В. Н. Бензенгра]. Московская медицинская газета, 1877. М., Университетская типография. 14 стр. [Оттиски, без титульного листа, были отдельно выпущены Моск. мед. газетой.]

Наблюдения над жизнью ребенка. Перев. с англ. СПб., типогр. д-ра М. А. Хана, 1881. 24 стр.

То же. В брошюре: И п. Т э н и Ч. Д а р в и н. Наблюдения над жизнью ребенка. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. СПб., В. М. Надуткин, 1900. 41 стр.

Об обоих переводах (В. Н. Бензенгра и неизвестного переводчика) см. наст. изд., т. 5, стр. 1034—1035.

Биографический очерк одного ребенка. Перев. под ред. и с примеч. С. Г. Геллерштейна. Наст. изд., т. 5, стр. 932—940, 1953.

189. Fritz Müller on flowers and insects. (Down, November 21.) Nature, vol. XVII, pp. 78—79, November 29, 1877.

Перевод на русский язык:

Фриц Мюллер о цветах и насекомых. Перев. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 6, стр. 650—651, 1950.

1878 год

190. [On the relation between the «Bloom» on leaves and the distribution of the stomata. By Francis D a r w i n, F. R. S., F. L. S. The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. XXII, pp. 99—116, April 14 1886.]

На стр. 99—102 Фр. Дарвин сообщает о работах Ч. Дарвина по восковому налету на листьях, начатых в 1878 г., но не доведенных до конца. Сам

Дарвин указывает в «Дневнике», что начал заниматься этим вопросом еще в 1877 г.

191. Transplantation of shells. Nature, vol. XVIII, p. 120, May 30, 1878.

Перевод на русский язык:

Перенос моллюсков. Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 758, 1939.

192. The effects of cross and self fertilisation in the vegetable kingdom. Second edition. London, J. Murray, [June] 1878. VIII, 487 pp.

Переводы на русский язык:

Действия перекрестного оплодотворения и самооплодотворения в растительном мире. Главы VII и XII. Перев. В. Ю. Гросмана. «Яровизация», 1938, № 1—2 (16—17), стр. 13—74.

На стр. 12 вступительная заметка «От редакции».

Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. Перев. со 2-го англ. изд. д-ра В. А. Рыбина и Л. Н. Кохановской, под ред. и с предисловием акад. Н. И. Вавилова. Вступит. статья акад. В. Л. Комарова. М.-Л., Сельхозгиз, 1939. 339 стр. 15000 экз. (Серия «Классики естествознания».)

В книге даны указатель имен и предметный указатель.

Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. Перев. со 2-го англ. изд. (1878 г.) В. А. Рыбина и Л. Н. Кохановской. Вступит. статья и примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 6, стр. 255—626, 1950.

193. Prefatory letter [к книге:] A. Kerner. Flowers and their unbidden guests. The translation revised and edited by W. Ogle. London, 1878.

Этот английский перевод книги А. Кернера, к которому Ч. Дарвин написал предисловие, отсутствует в библиотеках СССР, вследствие чего редакция настоящего издания не могла дать перевода «Предисловия» Дарвина.

1879 год

194. The descent of man... Second edition. London, J. Murray, [March] 1879.

См. выше № 170 и ниже № 207.

195. Fritz Müller on a frog having eggs on its back, on the abortion of the hairs on the legs of certain Caddis-Flies, etc. Nature, vol. XIX, pp. 462—464, March 20, 1879.

Перевод на русский язык:

Фриц Мюллер о лягушке с икрой на спине, об исчезновении волосков на ножках некоторых ручейников и пр. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя, Наст. изд., т. 3, стр. 750—751, 1939.

196. Rats and water-casks. Nature, vol. XIX, p. 481, March 27, 1879.

Перевод на русский язык:

Крысы и бочки для воды. Перев. и примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 751, 1939.

197. [Life of Erasmus Darwin.] В книге: Erasmus Darwin. By Ernst Krause. Translated from the German by W. S. Dallas. With [a Preface, pp. III—IV, and] a Preliminary Notice [pp. 1—127] by Charles Darwin. Portrait and woodcuts. London, J. Murray, 1879. IV, 216 pp.

Переводы на русский язык:

Жизнь Эразма Дарвина. Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 9, стр. 251—306, 1959.

198. [Answers to the questions on the Faculty of Visualising. November, 1879.] L. L., vol. III, pp. 238—239.

Перевод на русский язык:

[Анкета Ч. Дарвина 1879 г.] Перев. С. Г. Геллерштейна, примеч. Фр. Дарвина. Наст. изд., т. 9, стр. 247—248, 1959.

1880 год

199. Fertility of hybrids from the common and chinese goose. (Down, December 15, 1879). Nature, vol. XXI, p. 207, January 1, 1880.

Перевод на русский язык:

Плодовитость гибридов обыкновенного и китайского гуся. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 752—753, 1939.

200. The sexual colours of certain butterflies. (Down, December 16, 1879). Nature, vol. XXI, p. 237, January 8, 1880.

Перевод на русский язык:

Окраска полов у некоторых бабочек. Перев. и примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 5, стр. 927—928, 1953.

201. The Omori shell mounds. (Down, April 9, 1880). Nature, vol. XXI, p. 561—562, April 15, 1880.

В XXI томе журнала, стр. 350, была напечатана рецензия на книгу американского ученого Э. С. Морзе о раковинных кучах в Омори (Япония). Морзе послал Дарвину письмо, разъясняющее его взгляды, неправильно изложенные рецензентом, и просил Дарвина содействовать напечатанию этого письма в журнале. Дарвин сопроводил письмо Морзе следующим обращением к редакции: «Я получил прилагаемое письмо от проф. Морзе с просьбой направить его Вам. Надеюсь, что оно будет напечатано, так как статья в Nature, к которой оно относится, дает, как мне кажется, очень ограниченное представление о труде проф. Морзе. Я обращаю особое внимание на приводимые им доказательства наличия каннибализма у древних обитателей Японии, платикнемической формы их больших берцовых костей, высокого искусства их в изготовлении керамических изделий, и кроме всего прочего — изменений в фауне моллюсков этих островов со времени рассматриваемого им периода.

Замечательным фактом, мимоходом отмечаемым в мемуаре проф. Морзе, является то, что многие японские джентльмены уже создали большие коллекции раковин Архипелага и ревностно помогали ему в исследовании доисторических раковинных куч. Это очень обнадеживающее предзнаменование будущего прогресса науки в Японии.— *Чарлз Дарвин*».

202. The power oi movement in plants. By Charles Darwin, LL. D., F. R. S., assisted by Francis Darwin. With illustrations. London, J. Murray, 1880. X, 592 pp., 196 ill.

Первый тираж был издан в октябре; в ноябре была отпечатана «вторая тысяча».

Переводы на русский язык:

Способность растений к движению. Сочинение Чарльса Дарвина и Франсиса Дарвина. Перевели с английского Г. Милорадович и А. Кобеляцкий. Издание Ф. А. Иогансона. Киев, в Университетской типографии, 1882. VII, 433 стр.

Дата разрешения цензуры — 10 марта 1881 г.— показывает, что книга была переведена на русский язык в очень короткий срок после ее выхода в Англии. В предисловии переводчики выражают благодарность проф. Ивану Федоровичу Шмальгаузену, «который с редкой любезностью согласился руководить нас своими советами и указаниями». Книга отличается редкой и курьезной типографской особенностью: в ней все левые страницы нечетные, а правые — четные; это объясняется тем, что 1-я страница арабской пагинации напечатана на обороте VII страницы сборного листа. Перевод, по мнению покойного действит. члена Академии наук УССР Н. Г. Холодного, настолько неудовлетворителен, что для наст. издания был организован новый перевод:

Способность к движению у растений. Чарлза Дарвина, д-ра наук, чл. Корол. общ., в сотрудничестве с Френсисом Дарвином. Перев. Н. А. Любинского, под ред. Н. Г. Холодного. Вступит. статья Н. Г. Холодного, примеч. С. Л. Соболя и Н. Г. Холодного. Наст. изд., т. 8, стр. 153—517, 1941.

203. Sir Wyville Thomson and natural selection. (Down, November 5.) Nature, vol. XXIII, p. 32, November 11, 1880.

Перевод на русский язык:

Сэр Уайвиль Томсон и естественный отбор. Перев. А. Д. Некрасова. примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд. т. 3, стр. 754, 1939.

204. Black sheep. Nature, vol. XXIII, p. 193, December 30, 1880.

Перевод на русский язык:

Черные овцы. Наст. изд., т. 4, стр. 783, 1951.

205. The different forms of flowers on plants of the same species. With illustrations. Second edition. London, J. Murray, 1880.

Второе издание отличается от первого (см. выше № 187) наличием предисловия Дарвина, в котором дан обзор работ по диморфизму и полиморфизму цветов с 1877 до 1880 гг. В 1884 г. Фр. Дарвин выпустил новое переиздание этого второго издания со своим предисловием (все дальнейшие издания являются перепечатками этого издания 1884 г.):

The different forms... Third thousand. Reprint of the second edition with a preface by Francis Darwin (January, 1884). London, J. Murray, 1884, XXIV, 352 pp.

Перевод на русский язык:

Различные формы цветов у растений одного и того же вида. Перев. со 2-го англ. изд. А. П. Ильинского и В. М. и Е. Д. Дьяковых. Вступит. статья и примеч. А. П. Ильинского. Наст. изд., т. 7, стр. 31—251, 1948.

206. August Weismann. Studies in the theory of descent. Translated and edited by R. Meldola. With a prefatory notice by C. Darwin [pp. V—VI]. Parts I—III. London, 1880—1882.

Перевод на русский язык:

Предисловие [к английскому переводу книги Авг. Вейсмана «Лек-

ции по эволюционной теории»]. Перев. и примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 755, 1939.

1881 год

207. Descent of man... Second edition. [Reprinted.] London, J. Murray, [February] 1881.

Это — последнее переиздание второго издания, вышедшее при жизни Дарвина. Все дальнейшие переиздания являются повторениями второго издания. В 1883 г. Мёррей выпустил 17-ю тысячу, в 1888 г.— 22-ю тысячу и т. д. Русские переводы, издававшиеся в конце прошлого века и в XX веке, делались с этих изданий (о русских переводах первого издания см. выше № 148).

Переводы на русский язык:

Происхождение человека и половой подбор. Книга первая [Части первая (гл. I—VII) и вторая (гл. VIII — XI)]. С предисловием издателя и статьей Гексли. С 8 таблицами рисунков, гравированных на дереве. Полный перев. с последн. англ. изд. М. Филиппова. СПб., паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1896. 320 стр. Тираж 3000 экз. (Сочинения Ч. Дарвина в издании М. Филиппова,— Редакции журнала «Научное обозрение». Т. П.)

Книга является переводом только первых одиннадцати глав; вышел ли перевод второй половины монографии (гл. XII—XXI), установить не удалось. Имеются указания на выход книги первым изданием в этом переводе в 1895 г. В предисловии Филиппов подвергает суровой критике перевод Благосветлова и особенно перевод под. ред. Сеченова, вышедшие в 1871 — 1874 гг. Статья Т. Гёксли («Прошлое и настоящее») посвящена не «Происхождению человека», а «Происхождению видов». Новые издания перевода Филиппова (всех 21-й глав) вышли в 1903 и 1908 гг.:

Происхождение человека и половой подбор. Полный перев. с последн. англ. изд. М. Филиппова. С 69 рисунками. Второе издание. СПб., изд. В. И. Губинского, [1903].

То же. Третье издание. СПб., изд. В. И. Губинского, [1908]. VIII, 551 стр.

Происхождение человека и половой отбор. Перев. проф. И. Сеченова. (Проверенный по англ. изданию 1896 г.) С приложением 16 таблиц рисунков. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1896. XI, 424, III стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. II, ч. I).

Поскольку на титуле, в противоположность изданиям 1871 и 1873 гг., указано, что перевод выполнен не под ред. И. М. Сеченова, а им самим, нужно думать, что Сеченов самостоятельно провел работу по сверке и исправлению старого перевода по второму англ. изданию.

То же. Издание второе. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1899. XI, 424, III стр.

Тираж первого издания (1896 г.) 8012 экз. Тираж второго издания установить не удалось.

То же. М., изд. Ю. Лепковского, 1908. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. V, VIII, I — 320 стр.; т. VI, 321—492 стр.).

Происхождение человека и половой подбор. Перев. с последн. англ. изд. А. А. Николаева, под ред. В. В. Битнера. Со многими рис. и портретами. СПб., изд. Вестника Знания, 1909. (Собрание

сочинений Ч. Дарвина под ред. В. В. Битнера. Тт. I—III: т. I, стр. 69—310; т. II, стр. 311—608; т. III, стр. 609—730).

Происхождение человека и половой подбор. Перев. проф. И. М. Сеченова. Вступит. статья проф. М. А. Мензбира. М.-Л., Госуд. издательство, 1927. 623 стр. Тираж 4000 экз. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. II, кн. I.)
Происхождение человека и половой отбор. Перев. И. М. Сеченова, проверенный и исправленный А. Д. Некрасовым и И. М. Поляковым. Вступит. статьи и примеч. Я. Я. Рогинского и А. Д. Некрасова. Важнейшие разночтения между первым (1871) и вторым (1874) изданиями сочинения Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (составил И. М. Поляков). Наст. изд., т. 5, стр. 37—656, 1953.

208. Movements of plants. (Down, February 22.) Nature, vol. XXIII, p. 409, March 3, 1881.

Перевод на русский язык:

Движения растений. Перев. Н. А. Любинского. Наст. изд., т. 8, стр. 521—522, 1941.

209. [A Letter to Frithiof Holmgren.] Times, April 18, 1881. [Воспроизведено в Nature, vol. XXIII, p. 583, April, 21, 1881, и в L. L. vol. III, pp. 205—206.]

Перевод на русский язык:

[Открытое письмо Ч. Дарвина Фритьофу Холмгрену, профессору зоологии в Упсале от 14 апреля 1881 г., опубликованное в газете «Таймс» 18 апреля 1881 г.] Перев. С. Л. Соболя.

«Уважаемый сэр. В ответ на Ваше любезное письмо от 7 апреля сообщаю, что я не возражаю против того, чтобы высказать свое мнение по вопросу о праве экспериментирования на живых животных. Я предпочитаю последнее выражение как более точное и более широкое, чем термин вивисекция. Вы можете свободно использовать это письмо по своему усмотрению, но если оно будет опубликовано, я хотел бы, чтобы оно появилось полностью. Всю свою жизнь я был решительным защитником гуманного отношения к животным и в своих сочинениях, насколько это было в моих возможностях, настаивал на выполнении этой нашей обязанности. Несколько лет назад, когда в Англии начались выступления против физиологов, утверждали, будто у нас практиковалось негуманное отношение к животным, которым причиняли бесполезные страдания. В этих условиях я был склонен думать, что было бы желательным издание парламентского акта по этому вопросу. Я принял тогда активное участие в попытке провести билль, который устранил бы всякие основания для недовольства и в то же время сохранил бы за физиологами свободу научного исследования,— билль, совершенно отличный от того закона, который был затем принят. Следует добавить, что расследование вопроса, произведенное Королевской комиссией, установило, что обвинения, выдвинутые против наших английских физиологов, оказались ложными. Однако из того, что мне приходилось слышать, боюсь, что в некоторых странах Европы уделяется мало внимания страданиям животных, и если это действительно так, то я рад был бы услышать об издании в этих странах законоположений против негуманного обращения с животными. С другой стороны, я знаю, что физиология не была бы в состоянии прогрессивно развиваться без экспериментов на живых животных, и я глубочайшим образом убежден, что тот, кто задерживает прогресс физиологии, совершает преступление против человечества. Кто, подобно мне, может вспомнить состояние этой науки полвека назад, должен признать, что она совершила гигантский прогресс и продолжает и сейчас прогрессировать с неизменно возрастающей скоростью. Какие успехи в практической медицине оказываются непосредственно связанными

с физиологическими исследованиями — вопрос, о котором могут авторитетно судить только физиологи и практические врачи, изучавшие историю своей области, но в той мере, в какой я могу судить, полезный эффект уже и сейчас велик. Но как бы то ни было, только люди, совершенно не представляющие себе, что дала наука человечеству, могут питать какое-либо сомнение в отношении тех неисчислимых благодеяний, которые будут в дальнейшем еще извлечены из физиологии, причем не только для человека, но и для животных. Посмотрите, например, на результаты работ Пастера по модифицированию зародышей самых злокачественных болезней,— результаты, от которых животные получат даже бо́льшую помощь, чем человек. Позволю себе напомнить, какое множество жизней было спасено и от какого количества ужасных страданий мы оказались избавленными благодаря опытам Вирхова и других с паразитическими червями на живых животных. Когда-нибудь будут изумляться той неблагодарности, которая была проявлена, по крайней мере в Англии, по отношению к этим благодетелям человечества. Что касается меня, то позвольте мне уверить Вас, что я почитаю и всегда буду почитать каждого, кто движет вперед эту благородную науку—физиологию. С совершенным почтением, уважаемый Сэр, *Чарлз Дарвин*».

210. [C. Darwin to the Editor of the «Times».] Times, April 22, 1881. [Воспроизведено в L. L., vol. III, pp. 207—208.]

Перевод на русский язык:

[Письмо Ч. Дарвина редактору газеты «Таймс», опубликованное в этой газете 22 апреля 1881 г.] Перев. С. Л. Соболя.

На следующий день после опубликования в газете «Таймс» приведенного выше письма газета напечатала письмо некой мисс Ф. П. Кобб, озаглавленное «М-р Дарвин и вивисекция». Дарвин ответил нижеследующим письмом, о котором он в тот же день писал Роменсу: «Так как мне представился удобный случай, я послал в „Таймс" письмо о вивисекции, которое сегодня напечатано. Я счел справедливым принять на себя долю брани, изливаемой в столь жестокой форме на всех физиологов». Приводим текст письма:

«Сэр! Я не намерен обсуждать взгляды, высказанные мисс Кобб в письме, напечатанном в „Таймс" 19 апреля. Но так как она утверждает, что я „неправильно информировал" моего корреспондента из Швеции, сообщив ему, что „расследование вопроса, произведенное Королевской комиссией, установило, что обвинения, выдвинутые против наших английских физиологов, оказались ложными", то я прошу лишь разрешения привести некоторые другие заключения из доклада Комиссии.

(1.) Мисс Кобб цитирует следующую фразу доклада со стр. 17: „Не приходится сомневаться, что негуманное отношение к животным может быть обнаружено у очень известных физиологов"; по ее мнению, эта фраза „может относиться только к английским физиологам, а не к иностранным". Однако непосредственно за цитируемой ею фразой следуют слова: „Мы видели, что именно так обстояло дело у Мажанди". Мажанди был французским физиологом, который около полувека назад получил дурную известность из-за своих жестоких экспериментов над живыми животными.

(2.) Члены Комиссии, заявив об „общем чувстве гуманности", превалирующем в нашей стране, говорят далее (стр. 10): „Этот принцип принят всеми высоко образованными людьми, которые посвятили всю свою жизнь научному исследованию и преподаванию либо облегчению и устранению страданий своих ближних; правда, различия в степени его [этого принципа] практического применения могут отчетливо увидеть только те, кто изучил материал, представленный нам". Мы читаем далее в докладе членов Комиссии следующее (стр. 10): „Секретарь Королевского общества по предупреждению жестокого обращения с животными, будучи спрошен, противоречит ли гуманности общая линия поведения ученого мира Англии, ответил, что, по его убеждению, она несомненно весьма сильно отличается от линии поведения иностранных физиологов; сообщив мнение Общества о том, что проводятся эксперименты, которые по самому характеру своему выходят за пределы какой бы то ни было общепризнанной области науки, и что мучения, которые они причиняют животным, не могут быть оправданы, даже имея в виду научные цели, он охотно признает, что не знает ни единого случая бессмысленной

жестокости и что вообще английские физиологи прибегают к анестетическим средствам, если находят, что могут делать это без ущерба для проводимого эксперимента". Остаюсь, Сэр, Вашим покорным слугой, *Чарлз Дарвин. 21 апреля*».

211. The movements of leaves. Nature, vol. XXIII, p. 603—604, April 28, 1881.

Перевод на русский язык:

Движения листьев. Перев. Н. А. Любинского. Наст. изд., т. 8, стр. 522—523, 1941.

212. Inheritance. (Down, July, 13.) Nature, vol. XXIV, p. 257, July 21, 1881.

Перевод на русский язык:

Наследственность. Наст. изд., т. 4, стр. 784—785, 1951.

213. Leaves injured at night by free radiation. Nature, vol. XXIV, p. 459, September 15, 1881.

Перевод на русский язык:

Повреждение листьев вследствие ночного лучеиспускания. Перев. Л. Н. Наст. изд., т. 8, стр. 524, 1941.

214. [A Letter... from Mr. Charles Darwin to Mrs. Emily Talbot... on the mental and bodily development of infants.] Nature, vol. XXIV, pp. 565—566, October 13, 1881.

Это письмо является ответом Дарвина на анкету, разосланную секретарем Отдела воспитания Американской ассоциации социальных наук в Бостоне миссис Э. Талбот. Письмо Дарвина было сообщено на собрании Ассоциации в Саратоге. В Nature оно было напечатано с небольшими сокращениями. Полный текст приведен в M. L., vol. II, pp. 54—55.

Перевод на русский язык:

[Письмо Ч. Дарвина к миссис Эмилии Талбот об умственном и физическом развитии ребенка.] Перев. С. Л. Соболя.

«Даун, 19 июля 1881 г.— Отвечая на Вашу просьбу, должен с большим удовольствием отметить, что намечаемое Вами исследование по вопросу об умственном и физическом развитии ребенка очень интересует меня. В настоящее время точных сведений по этому вопросу очень мало, и я полагаю, что единичные наблюдения мало что прибавят к нашим знаниям, между тем как собранные в виде таблиц данные большого числа систематически проведенных наблюдений прольют, вероятно, много света на вопрос о последовательности и периодах развития некоторых способностей. Эти знания могли бы послужить основанием для того или иного улучшения дела воспитания маленьких детей и показали бы, должны ли мы следовать одной и той же системе воспитания во всех случаях.

Я позволю себе подчеркнуть несколько пунктов анкеты, которые, как мне кажется, представляют известный научный интерес. Например, оказывает ли образованность родителей влияние на умственные способности их детей и в каком именно возрасте — в очень ли раннем или в более позднем? Это, вероятно, могло бы быть выяснено школьными учителями и учительницами, если бы удалось расклассифицировать большое число детей по возрасту и умственным навыкам, а затем — в соответствии с образованностью их родителей, насколько последнее возможно будет установить. Так как наблюдательность является одной из способностей, ранее всего развивающихся у маленьких детей, и так как эта способность проявляется, вероятно, в равной мере у детей как образованных, так и необразованных родителей, то представляется возможным, что воздействие образованности родителей должно играть роль лишь в несколько более позднем возрасте. Было бы желательно статистически проверить, подобным же образом, справедливо ли часто пов-

торяемое утверждение, будто дети цветных народов сначала умственно развиваются столь же быстро, как дети белых, но затем начинают отставать в развитии. Если бы возможно было показать, что образование действует не только на индивидуума, но — путем наследственной передачи — и на расу, то это явилось бы значительной поддержкой для всех тех, кто занимается данной проблемой общенаучного значения. Хорошо известно, что дети обнаруживают иногда в очень раннем возрасте определенно выраженные специальные вкусы, что не представляется возможным приписать какой-либо видимой причине, хотя в некоторых случаях эти вкусы можно отнести за счет реверсии к вкусам или занятиям какого-либо предка; было бы интересно выяснить, насколько устойчивы подобные ранние вкусы и оказывают ли они влияние на будущие занятия данного человека. В некоторых случаях такие вкусы бесследно исчезают, но было бы желательно знать, насколько часто это случается, ибо мы могли бы тогда решить, следует ли, насколько это представляется возможным, развивать ранние вкусы детей. Быть может, правильнее предоставить ребенку активно следовать той или иной наклонности, какого бы незначительного характера она не была, и приобрести таким путем стойкость, чем отвлекать его от его наклонности из тех соображений, что она не даст ему никаких выгод в будущем. Упомяну еще об одном небольшом пункте анкеты, относящемся к очень маленьким детям, так как он может оказаться существенным для вопроса о происхождении языка, однако исследованием его могут заняться только люди, обладающие точным музыкальным слухом. До овладения членораздельной речью дети выражают некоторые свои чувства и желания звуками различного тона. Так, например, они издают вопросительный звук и звуки, выражающие согласие и несогласие, в различных тонах, и стоило бы, я полагаю, выяснить, существует ли какое-либо единообразие в тоне их голоса при различных настроениях.

Боюсь, что это письмо не принесет Вам никакой пользы, но оно послужит доказательством моей симпатии к Вашему делу и моих добрых пожеланий Вам в ваших исследованиях».

215. The formation of vegetable mould through the action of worms, with observations on their habits. With illustrations. London, J. Murray, [October] 1881. VII, 326 pp.

The formation of vegetable mould... Fifth thousand, correected. London, J. Murray, [December] 1881. VII, 326 pp.

В «Дневнике» Дарвин пишет: книга о дождевых червях «вышла в свет 10 октября; 2000 экземпляров было продано немедленно, 5000 было отпечатано в декабре, и я исправил книгу для нового издания». Судя, однако, по надписи на титуле декабрьского тиража — «пятая тысяча»,— в 1881 г. было выпущено всего (в обоих тиражах) пять тысяч экземпляров. Любопытно, что оба русских переводчика — Линдеман и Мензбир — приняли пятую тысячу за «5-е издание». Второе издание книги так и не было осуществлено, но в следующие два тиража, вышедшие в 1882 г., Дарвин внес небольшие поправки. Здесь приводятся данные о переводах Линдемана и Мензбира с пятой тысячи и их последующих переизданиях. Об исправленном по переизданию 1882 г. переводе Мензбира см. ниже № 219.

Переводы на русский язык:

Образование почвенного слоя дождевыми червями и наблюдения над их образом жизни. Перевод с пятого англ. издания М. Линдемана. С 15 политипажами в тексте. М., изд. С. П. Архипова, 1882. VII, 204, 4 стр.

Образование растительного слоя деятельностью дождевых червей и наблюдения над образом жизни последних. Перевод М. А. Мензбира. С добавлениями по пятому изданию оригинала. С 15 политипажами в тексте. М., изд. А. П. Васильева, 1882. IV, 186, II стр.

Образование растительного слоя... Перевод с англ. проф. М. А. Мензбира. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1899. 101 стр., 5 таблиц.

(Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Н. Поповой. Т. IV, ч. 1.)

Образование растительного слоя... Перевод под редакцией проф. М. А. Мензбира. М.-Л., Госуд. издательство, 1929. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. М. А. Мензбира. Т. IV, кн. II, стр. 295—469).

Указание «перевод под ред. проф. М. А. Мензбира» является издательским недосмотром: это — все тот же старый перевод самого М. А. Мензбира.

216. The parasitic habits of Molothrus. (Down, November 7.) Nature, vol. XXV, p. 51, November 17, 1881.

Перевод на русский язык:

Паразитические привычки Molothrus. Перев. А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 756—757, 1939.

217. [A Letter to James Geikie on the «drift» near Southampton.] В кн.: J. Geikie, Prehistoric Europe. A Geological sketch. London, 1881.

В этом длинном письме (от 16 ноября 1876 г.) к известному геологу Джемсу Гейки Ч. Дарвин дает свое объяснение вертикального положения длинных угловатых обломков камней в четвертичных отложениях южной Англии. В труде «Доисторическая Европа», вышедшем в 1881 г., Гейки с разрешения Дарвина опубликовал геологические отрывки из этого письма (в главах VII и IX), внеся в них по просьбе Дарвина небольшие стилистические изменения. Полностью письмо опубликовано в L. L. (т. III, стр. 213—216).

1882 год

218. The origin of species... Sixth edition, with additions and corrections to 1872. (Twenty-fourth thousand.) London, J. Murray, 1882. XXI, 458 pp.

Это — последний выпущенный при жизни Ч. Дарвина тираж (24-я тысяча) шестого издания «Происхождения видов». В 1886 г. Мёррей выпустил новый тираж — 30-ю тысячу. Все дальнейшие переиздания являются повторениями 6-го издания. Новые переиздания «Происхождения видов» Мёррей выпускал раз в два-три года, а в некоторые годы (1900, 1901, 1902, 1906) — от двух до пяти тиражей в год. Начиная с 1920-х годов, в связи с окончанием издательских прав Мёррея на этот труд Дарвина, книга почти ежегодно выпускается в Англии различными издательствами. В России после третьего издания перевода Рачинского (см. выше № 114) к идее издания нового перевода «Происхождения видов», по шестому английскому изданию, вернулись в конце 90-х гг. Ниже приведены библиографические описания всех русских изданий с 1896 г. до наших дней.

Происхождение видов путем естественного подбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Полный перевод с последнего (шестого) англ. издания М. Филиппова. В трех выпусках. СПб., типогр. А. Пороховщикова, 1896. 539 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина, изд. редакции «Научного Обозрения». Т. I.)

Цензурная дата 3-го выпуска 11 декабря 1895 г. По данным некоторых библиографических указателей, первый выпуск вышел в свет в 1895 г. Второе издание перевода Филиппова (без изменений) вышло в 1909 г. в издании Губинского (см. ниже).

Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение избранных пород в борьбе за жизнь. Перевод с шестого

исправл. и дополн. англ. издания профессора К. Тимирязева. С приложением вступительной статьи проф. К. Тимирязева: «Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвином». СПб., изд. О. Н. Поповой, 1896. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. I, ч. 2).

То же. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1898. XII, 327, 3 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. I, ч. 2. Издание 2-е).

На стр. XII К. А. Тимирязев указывает, что кроме него в переводе принимали участие М. А. Мензбир (гл. VIII, XII, XIII, XIV и часть VII), А. П. Павлов (гл. X и XI), И. А. Петровский (гл. IX); Исторический очерк, Введение, гл. I—VII и XV переведены самим К. А. Тимирязевым. Многочисленные переиздания этого перевода (без существенных изменений) указаны ниже.

Происхождение видов. В изложении Анны Трачевской. СПб., изд. А. Нотовича, 1897. XXV, 337 стр.

Сокращенный и упрощенный текст «Происхождения видов». Вступительная заметка («От редакции») написана проф. А. Трачевским. Краткий биографический очерк о Дарвине написан А. Трачевской.

Происхождение видов... Перев., предисловие и редакция проф. К. А. Тимирязева. М., изд. Ю. Лепковского, 1907. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. I, стр. 55—431, 3.)

Это — указанный выше перевод четырех авторов (в издании О. Поповой) без каких бы то ни было изменений.

Происхождение видов... Перев. М. Филиппова. Второе издание. СПб., изд. В. И. Губинского, [1909]. 402, II стр.

Повторение (без изменений) указанного выше перевода Филиппова 1896 г.

О происхождении видов путем естественного подбора. Перев. с последн. англ. издания А. А. Николаева, под ред. В. В. Битнера. С портретами и рисунками. СПб., изд. Вестника Знания, 1910. 525, 3 стр. (Собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. В. В. Битнера. Т. IV.)

Книга вышла в трех выпусках.

Происхождение видов... Перев. с шестого исправленного и дополненного англ. издания проф. А. К. [sic!] Тимирязева, проф. М. А. Мензбира, проф. И. А. Петровского и проф. А. П. Павлова. С приложением статьи проф. М. А. Мензбира «Первые 65 лет в истории теории подбора». М.-Л., Госуд. издательство, 1926. 466 стр. Тираж 4000 экз. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. проф. М. А. Мензбира. Т. I, кн. 2).

Повторение старого перевода четырех авторов без каких бы то ни было изменений.

Происхождение видов и естественный отбор. Происхождение человека. (Избранные места.) С биографией Ч. Дарвина и вступительной статьей ст. ассистента Ленингр. с.-хоз. инст. и лектора Коммунистического университета М. Н. Виноградова. Л., изд. П. П. Сойкина, 1929. 62 стр. 15000 экз. («Классики мировой науки». Ежемес. прилож. к журналу «Вестник Знания».)

Происхождение видов... Перев. К. А. Тимирязева. С исправлениями и указателями, под общей редакцией акад. Н. И. Вавилова.

М.-Л., Сельхозгиз, 1935. 630 стр. Тираж 35000 экз. (Серия «Классики естествознания»).

Незначительно исправленный старый перевод четырех авторов. Вступит. статья акад. Н. И. Вавилова «Роль Дарвина в развитии биологических наук» (стр. 33—46). Предисловие к переводу акад. Н. И. Вавилова (стр. 47—49. Указывается, что перевод проверен и исправлен Т. А. Красносельской-Максимовой и И. В. Красовской). «Автобиография» Ч. Дарвина (стр. 51—100). Библиографический очерк (Английские и русские издания «Происхождения видов»), составленный И. С. Хармац (стр. 593—600). Указатель имен. составленный проф. Е. В. Вульфом (стр. 601—613). Предметный указатель (русский и латинский. Стр. 615—625).

Происхождение видов... Перев. и вводная статья К. А. Тимирязева. Под ред. академиков Н. И. Вавилова и В. Л. Комарова. Вступит. статья и общая редакция акад. В. Л. Комарова. М.-Л., Сельхозгиз, 1937. 608 стр. Тираж 30000 экз. (Серия «Классики естествознания»).

Введение В. А. Комарова (стр. 5—27). Статья К. А. Тимирязева «Значение переворота...» (стр. 28—39). «Автобиография» Дарвина (стр. 40—92). В дальнейшем это издание повторяет полностью издание Сельхозгиза 1935 г. (см. выше).

Происхождение видов. Перевод с шестого англ. издания К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, А. П. Павлова и И. А. Петровского. Вступительные статьи К. А. Тимирязева. Предисловие акад. В. Л. Комарова. М.-Л., Госуд. издат. биологич. и медиц. литературы, 1937. LXIV, 762 стр. Тираж 10200 экз. (Серия «Классики биологии и медицины».)

На шмуцтитуле полное заглавие первого издания (стр. 3): «О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». В предисловии «От издательства» указывается (стр. VI), что старый перевод четырех авторов «был тщательно сверен для настоящего издания с английским подлинником А. Д. Некрасовым и С. Л. Соболем». О характере этой сверки и о многочисленных изменениях и исправлениях, внесенных в перевод, Редакция обещает привести данные в 3-м томе академического издания сочинений Дарвина (см. ниже). В книге даны: Предисловие В. Л. Комарова (стр. XI—XX), статьи К. А. Тимирязева «Чарлз Дарвин» и «Краткий очерк жизни Дарвина» (стр. XXIII—LXIV), Словарь важнейших научных терминов, составленный по просьбе Дарвина У. С. Далласом для последних прижизненных изданий «Происхождения видов» (с исправлениями А. Д. Некрасова; стр. 728—742) и Указатель (стр. 743—762).

Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Перевод с VI англ. издания К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, А. П. Павлова и И. А. Петровского, проверенный и исправленный А. Д. Некрасовым и С. Л. Соболем. Вступит. статья и примеч. А. Д. Некрасова. Наст. изд., т. 3, стр. 253—678, 1939.

В предисловии «От редакции» (стр. VII—IX) подробно обоснованы причины, побудившие Редакцию академического издания коренным образом исправить и переработать старый перевод четырех авторов. В томе даны: статья К. А. Тимирязева «Чарлз Дарвин» и статья А. Д. Некрасова «Работа Чарлза Дарвина над „Происхождением видов“ и рост его эволюционных идей» (стр. 1—18 и 19—70). Дан также «Словарь» Далласа (стр. 667—678) и примечания к нему А. Д. Некрасова и С. Л. Соболя (стр. 813—814). В Примечаниях А. Д. Некрасова (стр. 790—813) указаны также важнейшие разночтения между шестым и предыдущими изданиями «Происхождения видов».

Происхождение видов. Перевод и вводная статья К. А. Тимирязева.

Госуд. издат. сельскохозяйственной литературы, 1952. 483 стр. Тираж 25000 экз.

На обороте титула: Вступительная статья и общая редакция проф. Ф. А. Дворянкина. Даны: статья Ф. А. Дворянкина «„Происхождение видов" Ч. Дарвина и современная теория видообразования» (стр. 3—20), статья К. А. Тимирязева «Значение переворота...» (стр. 21—29), «Автобиография» Ч. Дарвина (стр. 33—74). Перевод сохранен прежний (четырех авторов) без каких-либо существенных исправлений. Переводчики (кроме К. А. Тимирязева на титуле) нигде в книге не указаны. Стр. 451—464 — Именной указатель (автор не указан, но сличение этого указателя с именным указателем в изданиях Сельхозгиза 1935 и 1937 гг. показывает, что Редакция полностью использовала Указатель, составленный проф. Вульфом, и лишь внесла в него незначительные изменения).

219. The formation of vegetable mould... Sixth thousand, corrected. London, J. Murray, 1882. VII, 328 pp.

The formation of vegetable mould... Seventh thousand, corrected. London, J. Murray, 1882. VII, 328 pp.

О тиражах 1881 г. и переводах издания 1881 г. на русский язык см. выше № 215. Ниже указаны переводы, сделанные по исправленным тиражам 1882 г. или их последующим переизданиям.

Переводы на русский язык:

Образование почвенного слоя дождевыми червями и наблюдения над их образом жизни. Перев. с последн. англ. издания А. А. Николаева, под ред. В. В. Битнера. СПб., изд. «Вестника Знания», 1912. (Собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. В. В. Битнера. Т. V, ч. 2, стр. 275—444.)

Образование растительного слоя земли деятельностью дождевых червей и наблюдения над их образом жизни. Перев. М. А. Мензбира. Под ред. и со вступит. статьей и примечаниями В. В. Станчинского. Наст. изд., т. 2, стр. 113—238, 1936.

Во вступит. статье (стр. 105—111) В. В. Станчинский сообщает: «В основу настоящего издания положен перевод М. А. Мензбира, пересмотренный и уточненный мною в соответствии с английским текстом».

220. The movements and habits of climbing plants. Second edition. Third thousand. London, J. Murray, 1882. IX, 208 pp.

От издания 1875 г. (см. выше № 172) это издание отличается наличием «Добавления к предисловию» и списком опечаток. Русские переводы делались с этого издания 1882 г.

Перевод на русский язык:

О движениях и повадках лазящих растений. Перевод И. Петровского, под ред. проф. К. А. Тимирязева. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1900. 100 стр., 3 табл. (Собрание сочинений Ч. Дарвина в издании О. Поповой. Т. IV, ч. 1.)

То же. (Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина в издании Ю. Лепковского. Т. III, стр. 1—114. М., 1908.)

То же. (Полное собрание сочинений Ч. Дарвина под ред. М. А. Мензбира. Т. IV, кн. I, стр. 183—303. М.-Л., Госуд. издательство, 1928.)

Движения и повадки лазящих растений. Перев. И. Петровского со второго англ. издания, проверенный и исправленный Н. Г. Холодным. Вступит. статья Н. Г. Холодного, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 8, стр. 35—152, 1941.

221. [The action of carbonate of ammonia on the roots of certain plants, and on chlorophyll bodies. (Abstract by Mr. Francis Darwin of two papers by Mr. Charles Darwin read before the Linnean Society on March [6 and] 16.) Nature, vol. XXV, pp. 489—490, March 23, 1882.

Предварительное сообщение о работах Ч. Дарвина № 224 и 225 (см. ниже).

222. On the dispersal of freshwater Bivalves. Nature, vol. XXV, pp. 529—530, April 6, 1882.

Перевод на русский язык:

О способах распространения пресноводных двустворок. Перевод А. Д. Некрасова, примеч. С. Л. Соболя. Наст. изд., т. 3, стр. 758—760, 1939.

223. [W. Van-Dyck. On the modification of a race of syrian street-dogs by means of sexual selection. With a preliminary notice [pp. 367—369] by Charles Darwin. (Recieved April 4, read April 18, 1882.)] Proceedings of the scientific meetings of the Zoological Society of London, vol. II, pp. 367—370, May, 1882.

Перевод на русский язык:

Об изменении одной расы сирийских уличных собак путем полового отбора (Предварительная заметка). Перев. и примеч. И. М. Полякова. Наст. изд., т. 5, стр. 929—931, 1953.

224. The action of carbonate of ammonia on the roots of certain plants. (Read March 16, 1882). The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. XIX, pp. 239—261, London, 1882 [June, 26].

Перевод на русский язык:

Действие углекислого аммония на корни некоторых растений. Перев. Н. А. Любинского. Наст. изд., т. 7, стр. 607—624, 1948.

225. The action of carbonate of ammonia on chlorophyll-bodies. (Read March 6, 1882). The Journal of the Linnean Society, Botany, vol. XIX, pp. 262—284, London, 1882 [August 28].

Перевод на русский язык:

Действие углекислого аммония на хлорофилловые тельца. Перев. Н. А. Любинского. Наст. изд., т. 7, стр. 589—606, 1948.

Об этих двух работах Дарвина см. вступительную статью Н. Г. Холодного к «Насекомоядным растениям» (наст. изд., т. 7, стр. 291—294 и особенно примечание на стр. 293—294).

1883 год

226. [Hermann Müller. The fertilisation of flowers. Translated and edited by D'Arcy W. Thompson. With a preface by Charles Darwin [Down, February 6, 1882.] London, 1883.]

Перевод на русский язык:

Предисловие [к английскому переводу книги Германа Мюллера «Опыление цветов»] (Подписано: Даун, 6 февраля 1882 г.). Перев. В. А. Рыбина, примеч. И. М. Полякова. Наст. изд. т. 6, стр. 652—654, 1950.

Книга вышла в 1883 г. В предисловии к ней, подписанном апрелем 1883 г., Д'Арси Томпсон писал: «Предисловие Чарлза Дарвина, богатое вдохновляю-

щими мыслями и проникнутое чувством высокой доброжелательности и понимания, представляет для нас тем больший интерес, что оно является одним из самых последних его произведений».

II. СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЧАРЛЗА ДАРВИНА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

Собрания сочинений Ч. Дарвина были изданы в России до 1917 года четыре раза (причем одно из них О. Н. Поповой — дважды на протяжении короткого срока). После 1917 г. в СССР вышло еще 2 издания. Подробные библиографические описания каждой из работ Дарвина, вошедших в эти шесть собраний сочинений, были даны выше, в хронологическом разделе настоящего указателя. Здесь дается общее библиографическое описание каждого из шести собраний сочинений и перечень работ Дарвина по отдельным томам с ссылкой (при каждой работе на соответствующий номер хронологического раздела указателя.

1. Сочинения Чарльза Дарвина. Издание доктора философии М. Филиппова. Бесплатное приложение к журналу «Научное Обозрение». 6 томов. СПб., 1896 (или 1895?) — 1898.

Единого титульного листа издание не имеет. В некоторых томах принадлежность книги к данному собранию сочинений и номер тома указаны только на обложке или совершенно отсутствуют. На некоторых томах указано: «Сочинения (иногда «Собрание сочинений») Ч. Дарвина в четырех томах». Все издание отличается большой небрежностью в отношении издательского и полиграфического оформления. В брошюре «Законы изменчивости» (№ 175) М. Филиппов перечисляет содержание шести томов своего издания и пишет: «Первые 4 тома и «Пангенезис» переведены без всяких пропусков» (стр. 3).

Содержание томов:

Том I. Происхождение видов (№ 218).

Том II. Происхождение человека и половой подбор (№ 207).

Том III. Путешествие вокруг света на корабле «Бигль» (№ 164); Автобиография (№ 179).

Каждая из двух работ III-го тома имеет самостоятельную пагинацию.

Том IV. Выражение душевных волнений (№ 156).

Том V. Изменение животных и растений... (№ 175).

Том VI. Пангенезис (№ 175).

Перевод «Изменений» был закончен М. Филипповым изданием брошюры «Законы изменчивости» (№ 175).

2. Чарльз Дарвин. Собрание сочинений. В четырех томах. Издание О. Н. Поповой. [Под ред. К. А. Тимирязева.] СПб., 1896—1901.

Каждая из работ Дарвина, входящая в данный том, имеет самостоятельную пагинацию. Вторым изданием были изданы, по-видимому, только первые два тома, потому что выходные данные на шмуцтитулах 3-го и 4-го томов совпадают. Поскольку оба издания в точности повторяют друг друга, содержание томов приведено нами по второму изданию:

Чарльз Дарвин. Собрание сочинений. В четырех томах. Издание О. Н. Поповой. СПб., 1898—1901.

* В Англии ни собрания монографий, ни тем более комментированного полного собрания сочинений Ч. Дарвина до настоящего времени не создано. Собрание основных больших монографий Ч. Дарвина в переводе на немецкий язык было издано в Германии в прошлом столетии в двенадцати томах И. В. Карусом.

Содержание томов:

Том I. Автобиография Ч. Дарвина (№ 179). Путешествие вокруг света на корабле «Бигль» (№ 164). Происхождение видов (№ 218). III, 35, 312, XII, 327, III стр.

Том II. Происхождение человека и половой отбор (№ 207). Дополнительная заметка о половом отборе у обезьян (№ 181). О выражении ощущений у человека и животных (№ 156). XI, 424, III, II, 184 стр.

Том III. Прирученные животные и возделанные растения (Изменения животных и растений вследствие приручения) (№ 139). VII, 572 стр.

Том IV. Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми (№ 186). О движениях и повадках лазящих растений (№ 220). Насекомоядные растения (№ 176). Образование растительного слоя деятельностью дождевых червей (№ 219). VII, 152, 100, 252, 101 стр.

3. Иллюстрированное собрание сочинений Чарлза Дарвина. Издание Ю. Лепковского. [Под общей редакцией К. А. Тимирязева.] М., 1907—1909. В восьми томах.

Содержание томов:

Том. I. Автобиография (№ 179). Извлечения из труда Дарвина 1844 г. и из его письма Аза Грею, доложенные 1 июля 1858 г. в Линнеевском обществе (№ 108). Происхождение видов (№ 218). XVI, 430, III.

Том II. Дневник наблюдений по естественной истории... (Путешествие натуралиста на корабле «Бигль») (№ 164). 370, III стр.

Том III. О выражении душевных движений у человека и животных (№ 156). О движениях и повадках лазящих растений (№ 220). VI, 211, II, 114, VI стр.

Начиная с этого тома, каждая из работ, входящих в том, имеет самостоятельную пагинацию.

Том IV. Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми (№ 186). Насекомоядные растения (№ 176). VII, 168, IV, 260, III стр.

Том V. Происхождение человека и половой отбор (начало) (№ 207). Стр. VIII, 1—320.

Том VI. Происхождение человека и половой отбор (окончание) (№ 207). Дополнительная заметка о половом отборе у обезьян (№ 181). Изменение животных и растений в домашнем состоянии (начало) (№ 175). Стр. IV, 321—492, III, 1—140.

Том VII. Изменение животных и растений в домашнем состоянии (продолжение) (№ 175). Стр. 141—424.

Том VIII. Изменение животных и растений в домашнем состоянии (окончание) (№ 175). Приложение: Из переписки Дарвина. День в Дауне (Фр. Дарвина). Последние дни (Фр. Дарвина). Современное положение дарвинизма (А. Уоллеса). Пятидесятилетний юбилей дарвинизма (К. А. Тимирязева). Стр. 427—622, IV. 173, XLVIII.

4. Собрание сочинений Чарльза Дарвина. Под редакцией В. В. Битнера. Издательство «Вестника Знания». В шести томах. СПб., 1909—1913.

Содержание томов:

Томы I—III. Автобиография (№ 179). Происхождение человека и половой подбор (№ 207). Дополнительные замечания о половом подборе у обезьян (№ 181). 734, II стр.

Том IV. О происхождении видов (№ 218). 525, III стр.

Том V. О выражении ощущений у человека и животных (№ 156). Образование почвенного слоя... (№ 219). 444 стр.

Том VI. Путешествие вокруг света... (№ 164). 542, II стр.

5. Полное собрание сочинений Чарльза Дарвина. Под редакцией профессора М. А. Мензбира. Государственное издательство. М.-Л., 1925—1929. В четырех томах (восьми книгах).

Несмотря на заглавие, это издание по своей полноте не отличается от издания О. Н. Поповой и далеко не является «полным».

Содержание томов:

Том I, кн. I. Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвином (статья К. А. Тимирязева). Автобиография (№ 179). Путешествие вокруг света на корабле «Бигль» (№ 164). XVI, 428 стр. 1925. 7000 экз.

Том I, кн. II. Происхождение видов (№ 218). Первые 65 лет в истории теории подбора (статья М. А. Мензбира). V, 466 стр. 1926. 4000 экз.

Том II, кн. I. Происхождение человека и половой подбор (№ 207). Дополнительная заметка о половом подборе у обезьян (№ 181). Последние данные по вопросу об отношении человека к приматам (статья М. А. Мензбира). VI, 623 стр. 1927. 4000 экз.

Том II, кн. II. О выражении ощущений у человека и животных (№ 156). 243 стр. 1927. 4000 экз.

Том III, кн. I. Изменения животных и растений под влиянием одомашнивания, часть 1 (№ 139). Менделизм и его отношение к дарвинизму (статья М. А. Мензбира). II, 364 стр. 1928. 4000 экз.

Том III, кн. II. Изменения животных и растений..., часть 2 (№ 139) II, 364 стр. 1928. 4000 экз.

Том IV, кн. I. Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми (№ 186). О движениях и повадках лазящих растений (№ 220). IV, 307 стр. 1928. 4000 экз.

Том IV, кн. II. Насекомоядные растения (№ 176). Образование растительного слоя деятельностью дождевых червей (№ 219). Теории наследственности (статья М. А. Мензбира). 476 стр. 1929. 4000 экз.

6. Чарлз Дарвин. Сочинения. Издание Академии наук СССР. 9 томов. М.-Л., 1935—1959.

Первые два тома этого наиболее полного в мире, комментированного собрания трудов Ч. Дарвина вышли в издании Издательства биологической и медицинской литературы, с 3-го тома издание перешло в Академию наук СССР. Первоначально предполагалось 12 томов, включая всю переписку Ч. Дарвина. По решению Редакционно-издательского совета АН СССР издание было решено закончить 9-м томом, а переписку издать самостоятельно. Ответственным редактором 1 и 2 томов состоял проф. С. Л. Соболь, ответственными редакто-

рами 3 и 8 томов — академик В. Л. Комаров и проф. С. Л. Соболь, 7 тома — академики В. Л. Комаров и В. Н. Сукачев и проф. С. Л. Соболь, главным редактором 4, 5, 6 и 9 томов — акад. В. Н. Сукачев, заместителем главного редактора по этим томам — проф. С. Л. Соболь. Состав редакционной коллегии несколько раз изменялся. В издании дан полный перевод всех монографий Дарвина, за исключением «Усоногих раков» и «Геологических наблюдений», из которых переведены только главы общетеоретического содержания, а также перевод подавляющего большинства журнальных статей и заметок Дарвина, за исключением тех, которые явились предварительными сообщениями и были полностью использованы Дарвином в его последующих развернутых публикациях; в издание включены также переводы всех посмертно опубликованных работ Дарвина и, наконец, перевод двух работ Дарвина, которые до настоящего времени остаются в Англии неопубликованными («Дневник» 1838—1881 гг. и «Первая записная книжка о трансмутации видов»; оба эти произведения переведены с рукописей Дарвина). Все работы Дарвина — как монографии, так и статьи и пр.— сопровождаются вступительными статьями и обстоятельными историко-научными комментариями. Все старые переводы тщательно проверены по последним прижизненным английским изданиям и приведены в полное соответствие с подлинниками Дарвина; очень большое число работ Дарвина переведено на русский язык впервые. Для двух работ Дарвина — «Изменения домашних животных и культурных растений» и «Происхождение человека и половой отбор», вторые издания которых значительно отличаются от первых, даны с большой подробностью важнейшие разночтения между первыми и вторыми изданиями их; это отчасти проделано и в отношении «Происхождения видов» (в примечаниях проф. А. Д. Некрасова) и некоторых других важнейших монографий.|

Содержание томов:

Том 1. Путешествие натуралиста вокруг света. Под ред. С. Л. Соболя. 1935. XLVII, 605 стр. 15200 экз. В состав тома входят:
Дневник изысканий по естественной истории... (№ 164).
Путевой дневник (№ 3).
«Экспедиция Ч. Дарвина на «Бигле»» (статья С. Л. Соболя); Примечания: С. Л. Соболя.

Том 2. Зоологические работы, под ред. проф. Л. С. Берга. Дождевые черви, под ред. проф. В. В. Станчинского. Геологические работы, под ред. проф. Н. С. Шатского. 1936. 682 стр. 20300 экз. В состав тома входят:
Усоногие раки, избранные главы (№№ 95—96, 97, 98).
Строение и размножение сагитты (№ 77).
Образование растительного слоя деятельностью дождевых червей и наблюдения над их образом жизни (№ 219).
Строение и распределение коралловых рифов (№ 165).
Геологические наблюдения над вулканическими островами и частями Южной Америки... Главы III, VI, VIII, IX (№ 177).
Заметка о валуне... (№ 44).
О распространении эрратических валунов... (№ 63).
О переносе эрратических валунов... (№ 89).
О некоторых явлениях, связанных с древними ледниками Карнарвоншира... (№ 66).
О способности айсбергов производить прямолинейные, одинаково направленные борозды... (№ 102).
Сообщение о пыли... в Атлантическом океане (№ 85).
Геология (№ 90).
Статьи: Чарлз Дарвин как зоолог (Л. С. Берга), «Усоногие раки» Дарвина (Н. И. Тарасова), Монография об ископаемых

усоногих (Н. С. Шатского), Сведения о Chaetognatha, имевшиеся до работы Ч. Дарвина и внесенные им дополнения в познание этой группы (В. А. Догеля), «Дождевые черви» Ч. Дарвина (В. В. Станчинского), Дарвин как геолог (Н. С. Шатского), Историческая роль теории образования коралловых рифов Дарвина и ее значение для науки наших дней (Л. Ш. Давиташвили), «Геологические наблюдения» Ч. Дарвина (Н. С. Шатского), Примечания: Н. И. Тарасова, В. А. Догеля, В. В. Станчинского, Л. Ш. Давиташвили, Н. С. Шатского.

Том 3. Происхождение видов путем естественного отбора. Под ред. А. Д. Некрасова. 1939. X. 831 стр. 10 000 экз. В том входят:
Записная книжка (1837—1838), отрывки, опубликованные в 1887 г. (№ 25).
Очерк 1842 г. (№ 64).
Очерк 1844 г. (№ 76).
Специальное общее собрание Линнеевского общества 1 июля 1858 г. (№ 108).
Происхождение видов... (№ 218).
О действии морской воды на прорастание семян (№ 106).
Инстинкт (№ 109).
Заметки об инстинкте (№ 54).
Предисловие к книге Г. У. Бэтса (131).
Заметка о нравах пампасского дятла (146).
Новый взгляд на дарвинизм (№ 150).
Бри о дарвинизме (№ 153).
О путях самцов шмелей... (№ 105).
Унаследованный инстинкт (№ 155).
Восприятие у более низко стоящих животных (№ 157).
Происхождение некоторых инстинктов (№ 158).
Нравы муравьев (№ 161).
Новые исследования над термитами и пчелами (№ 166).
Уничтожение птицами цветов примулы [I] (№ 168).
Уничтожение птицами цветов примулы [II] (№ 169).
Цветы вишни (№ 178).
Фриц Мюллер о лягушке с икрой на спине... (№ 195).
Крысы и бочки для воды (№ 196).
Плодовитость гибридов обыкнов. и китайского гуся (№ 199).
Сэр Уайвиль Томсон и естественный отбор (№ 203).
Предисловие [к англ. переводу книги Вейсмана...] (№ 206).
Паразитические привычки Molothrus (№ 216).
Перенос моллюсков (№ 191).
О [способах] распространения пресноводных двустворок (№ 222).
Статьи: Чарлз Дарвин (К. А. Тимирязева), Работа Чарлза Дарвина над «Происхождением видов» и рост его эволюционных идей (А. Д. Некрасова). Примечания: Фр. Дарвина, А. Д. Некрасова, С. Л. Соболя.

Том 4. Изменения домашних животных и культурных растений. Под ред. акад. Е. Н. Павловского. 1951. 883 стр. 8000 экз. В том входят:
Изменения домашних животных и культурных растений (№ 175).
Пангенезис (№ 149).

Черные овцы (№ 204).
Наследственность (№ 212).
Значение работы Ч. Дарвина «Изменения домашних животных и культурных растений» для развития материалистического учения о наследственности и изменчивости организмов (статья Н. И. Нуждина). Примечания: С. Н. Боголюбского и мн. др. (см. подробнее № 175). Разночтения (составил М. Л. Бельговский).

Том 5. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных. Под ред. акад. Е. Н. Павловского. 1953. 1040 стр. 10000 экз. В том входят:
Происхождение человека и половой отбор (№ 207).
Выражение эмоций у человека и животных (№ 156).
Половой отбор у обезьян (№ 181).
Окраска полов у некоторых бабочек (№ 200).
Об изменении одной расы сирийских уличных собак... (№ 223).
Биографический очерк одного ребенка (№ 188).
Статьи: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о происхождении человека (составлено Редакцией), Чарлз Дарвин и проблема происхождения человека (Я. Я. Рогинского), Очерк истории проблемы полового отбора от Дарвина до наших дней (А. Д. Некрасова), Историческое значение труда Ч. Дарвина о выражении эмоций у человека и животных (С. Г. Геллерштейна). Примечания: Я. Я. Рогинского, А. Д. Некрасова, С. Г. Геллерштейна, И. М. Полякова. Важнейшие разночтения между 1-м и 2-м изданиями «Происхождения человека» (составил И. М. Поляков).

Том 6. Опыление орхидей насекомыми. Перекрестное опыление и самоопыление. Под ред. акад. В. Н. Сукачева. 1950. 696 стр. 7000 экз. В том входят:
Различные приспособления, при помощи которых орхидеи опыляются насекомыми (№ 186).
Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире (№ 192).
Органы растений, выделяющие нектар (№ 101).
Пчелы и опыление фасоли (№ 107).
Об участии пчел в опылении мотыльковых растений... (№ 110).
Сосут ли Tineina и другие мелкие мотыльки цветки... (№ 118).
Заметка о семянке Pumilio argyrolepis (№ 119).
Опыление [у видов] Vinca (№ 122).
[Виды] Vinca (№ 123).
[Желтый дождь] (№ 133).
Опыление у растений, цветущих зимой (№ 145).
Опыление у Leschenaultia (№ 151).
Опыление у Fumariaceae (№ 167).
[Неурожай ягод остролистника и пчелы] (№№ 183 и 183а).
Опыление растений (№ 184).
Фриц Мюллер о цветах и насекомых (№ 189).
Предисловие [к англ. переводу книги Г. Мюллера...] (№ 226).
Статьи: Великий закон природы (И. Е. Глущенко), Проблема оплодотворения растений в ее историческом развитии (И. М. Полякова). Примечания: И. М. Полякова.

Том 7. Различные формы цветов. Насекомоядные растения. [Под ред. А. П. Ильинского и Н. Г. Холодного.] 1948. 650 стр. 10000 экз. В том входят:

Различные формы цветов у растений одного и того же вида(№ 205).

Насекомоядные растения (№ 176).

Действие углекислого аммония на хлорофилловые тельца (№ 225).

Действие углекислого аммония на корни некоторых растений (№ 224).

Статьи: Работа Ч. Дарвина по вопросу о диморфизме и триморфизме цветов (А. П. Ильинского), Чарлз Дарвин и современные знания о насекомоядных растениях (Н. Г. Холодного). Примечания: А. П. Ильинского, Н. Г. Холодного.

Том 8. Лазящие растения. Движения растений. Под ред. акад. Н. Г. Холодного. 1941. 543 стр. 17500 экз. В том входят:

Движения и повадки лазящих растений (№ 220).

Способность к движению у растений (№ 202).

Движения растений (№ 208).

Движение листьев (№ 211).

Повреждение листьев вследствие ночного лучеиспускания (№ 213).

Чарлз Дарвин и учение о движениях растительного организма (статья Н. Г. Холодного). Примечания: С. Л. Соболя и Н. Г. Холодного.

Том 9. Записные книжки. Дневники. Воспоминания. Жизнь Эразма Дарвина. Перевод, статья и комментарии проф. С. Л. Соболя, Редактор тома акад. В. Н. Сукачев. 1959. LVI,

В том входят:

Из Эдинбургской записной книжки Ч. Дарвина 1827 г. (№ 1).

Записные книжки 1832—1836 годов (№ 4).

Извлечения из писем, адресованных проф. Генсло... (№ 6).

Две карандашные заметки 1837 г. (№ 30).

Первая записная книжка о трансмутации видов (№ 25).

Дневник 1838—1881 гг. (№ 34).

Воспоминания о детских годах (№ 33).

Природа Дауна (№ 70).

Характер Энни (№ 94).

Воспоминания о Дж. С. Генсло (№ 127).

Воспоминания о развитии моего ума и характера (№ 179).

Две анкеты Чарлза Дарвина 1873 и 1879 гг. (№№ 160 и 198).

Жизнь Эразма Дарвина (№ 197).

Приложения: Воспоминания о повседневной жизни моего отца (Фр. Дарвина), Письмо-завещание Чарлза Дарвина (1844 г.), Последние годы жизни и смерть Ч. Дарвина (Фр. Дарвина), Похороны в Вестминстерском аббатстве (Фр. Дарвина), Судьба Дауна (А. Кизса), Кью-индекс растений (Фр. Дарвина). Статья: Автобиографические материалы Ч. Дарвина (С. Л. Соболя.). Примечания: С. Л. Соболя. Библиографический указатель трудов Ч. Дарвина (составил С. Л. Соболь). Указатели к 1—9 томам (предметный, именной, географический, названий животных и растений на русском и латинском языках) (составил М. Л. Бельговский).

III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧАРЛЗА ДАРВИНА В ПЕРЕВОДАХ НА ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР*

На армянском языке:

1. *Չ. Դ ա ր վ ի ն. Աներևույթ հողագործ. (Կարմիր ճիճու). Թիֆլիս, 1896.*
(Ч. Д а р в и н. Невидимый земледелец [Земляной червь]. Переложил с русского Левон Мелик-Адамян. Тифлис. Армянское издательское общество, 1896. 47 стр.)
2. *Չ. Դ ա ր վ ի ն. Մանկան կյանքը. Շուշի, 1914.*
(Ч. Д а р в и н. Жизнь младенца. Перевел с русского Овак Степанянц. Шуша, 1914. 27 стр.)
3. *Չ. Դ ա ր վ ի ն. Տեսակների ծագումը բնական ընտրության միջոցով կամ ընտրյալ ցեղերի պահպանումը գոյության կռվում. Երևան, 1936.*
(Ч. Д а р в и н. Происхождение видов путем естественного отбора. Перевел Н. Саргсян. Ереван, Госиздат, 1936. 765 стр. 5000 экз.)
4. *Չ. Դ ա ր վ ի ն. Շուրջերկրյա ճանապարհորդություն «Բիգլ» նավով. Երևան, 1949.*
(Ч. Дарвин. Путешествие вокруг света на корабле «Бигль». Ереван, изд. Академии наук Армянской ССР, 1949. 460 стр. 4000 экз.)
5. *Չ. Դ ա ր վ ի ն. Հիշողություններ իմ մտքի և բնավորության զարգացման մասին. (Ինքնակենսագրություն). Երևան, 1959.*
(Ч. Д а р в и н. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Перевел С. Кумкумаджян, под ред. Н. Малатяна и С. Атояна, с русского перевода проф. С. Л. Соболя. Ереван, Государственное издательство Армянской ССР, 1959. 139 стр., 2000 экз.)

На грузинском языке:

6. **ჩ. დარვინი.** ბუნებისმეტყველის მოგზაურობა. დედამიწის გარშემო
(Ч. Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Перевел с русского Иашвили, ред. и предисловие С. Нарикашвили. Тбилиси, Детюниздат, 1951. VIII, 543 стр. 1000 экз.)

На латышском языке:

7. Č. D a r v i n s. Sugu izcelšanās dabiskās izlases ceļā. No Charlsa Darvina. No angļu valodas tulkojuši V. Dermanis un V. Teikmanis. Ar Darvina biografiju, paskaidrojumiem un ģimetni. Daļa 1—2. Peterburga, A. Gulbis, 1914—1915.
(Ч. Д а р в и н. Происхождение видов путем естественного отбора. Биография Ч. Дарвина и пояснения основных научных понятий и терминов. Перевод с английского В. Дерманиса и В. Тейкманис. Части 1—2. Петербург, изд. А. Гульбиса, 1914—1915. Часть I (с предисловием В. Дерманиса), стр. 1—336, 1914; часть 2, стр. 337—708, 1915).
8. Čarlzs D a r v i n s. Sugu izcelšanās [dabiskās izlases cela jeb pielāgotāko formus aglabāšanās cīņā par dzīvibu]. Tulkojis Prof. Dr.

* Список составлен библиографами Гос. Библиотеки СССР им. Ленина под руководством заведующего Сектором литератур на языках народов СССР С. А. Ерзина.

P. Galenieks. Rīgā, Latvijas Valsts Izdevniecība, 1953.
(Ч. Дарвин. Происхождение видов. Перевод на латышский язык проф. П. Галениека. Вступит. статья П. Валескална. Автобиография Дарвина. Указатель имен [перевод указателя, составленного проф. Е. В. Вульфом,— см. выше № 218, 1935], предметный указатель. Рига, Латв. госуд. издат., 1953. 418 стр. 4000 экз.)

На литовском языке:

9. Čarlzas Darvinas. Rūšių atsiradimas natūraliosios atrankos būdu. [Vilnius], Valst. polit. ir moksl. lit. l-kla, 1959.
(Ч. Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора. К 150-летию со дня рождения и 100-летию со дня издания книги. Перевод с англ. К. Бечюс, И. Дагис, М. Найткевичайте-Иванаускене, Ц. Манюкас, П. Мантвидас, В. Повилайтис. Редакция и примечания В. Каунецкаса. Предисловие проф. Т. Иванаускаса. Статья К. А. Тимирязева «Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвином». Автобиография Дарвина. Вильнюс, Госуд. издат., 1959. 591 стр. 5000 экз.)

На украинском языке:

10. Чарлз Дарвін. Походження видів через природний добір або збереження сприяних порід у боротьбі за життя. Переклад з шостого англійського видання В. Державіна за редакцією з передмовою проф. І. М. Полякова. [Харків], Державне медичне видавництво, 1936. 674 стр. 3100 экз.
(Ч. Дарвин. Происхождение видов. Перевод с англ. на украинский яз. В. Державина, ред. и предисловие проф. И. М. Полякова. Автобиография Дарвина. Толковый словарь понятий и терминов, указатель имен [составил Е. И. Лукин]. Предметный и именной указатель. Харьков, Госуд. медиц. издат., 1936).
11. Чарлз Дарвін. Походження видів [шляхом природного добору або збереження обраних порід у боротьбі за життя]. Переклад з російськоі. Київ — Харьків, Державне видавництво сільськогосподарськоі літератури УРСР, 1949. 443 стр. 15000 экз.
(Ч. Дарвин. Происхождение видов. Киев — Харьков, Госуд. издат. сельскохозяйственной литературы, 1949. Переводчик не указан. На обороте титула: Редактор Г. О. Кобзар. Статья К. А. Тимирязева «Значение переворота...». Автобиография Дарвина Библиография, составленная И. С. Хармац, и указатель имен, составленный Е. В. Вульфом, заимствованы из издания Сельхозгиза, М.-Л., 1935 — см. выше № 218).

На эстонском языке:

12. Charles Darwin. Loodusuurija reis ümber maailma purjekal «Beagle». Tartu, «Teaduslik Kirjandus», 1949.
(Ч. Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Перевод И. Порт. Предисловие А. Уйбо. Тарту 1949. 527 стр. 4000 экз. Перевод осуществлен по изданию Госуд. издательства детской литературы. Л., 1936.)

IV. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ Ч. ДАРВИНА, ВОШЕДШИХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

УКАЗАТЕЛИ К 1–9 ТОМАМ СОЧИНЕНИЙ ЧАРЛЗА ДАРВИНА

Римские цифры во всех указателях означают тома, арабские — страницы. Арабские цифры, набранные прямым шрифтом, относятся к текстам Дарвина, набранные курсивом — к чужим текстам (примечания, вступительные статьи и пр.). В I, III и IX томах вступительные статьи и предисловия занумерованы римскими цифрами; в указателях ссылки на них обозначены арабскими цифрами, набранными курсивом и предшествующими ссылкам на все дальнейшие страницы в этих же томах. Данные по страницам 459—528 (Указатель трудов Ч. Дарвина) в указатели предметный, именной и пр. пе включены. Иностранное написание фамилий в именном указателе дано (почти во всех случаях) только для имен, упоминаемых в текстах Дарвина.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

1. РУССКИЕ НАЗВАНИЯ

2. ЛАТИНСКИЕ И ДРУГИЕ ИНОСТРАННЫЕ НАЗВАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

1. РУССКИЕ НАЗВАНИЯ

2. ЛАТИНСКИЕ И ДРУГИЕ ИНОСТРАННЫЕ НАЗВАНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ч. ДАРВИН. ЖИЗНЬ ЭРАЗМА ДАРВИНА

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Составил С. Л. Соболь

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Ч. ДАРВИНА

Составил С. Л. Соболь

УКАЗАТЕЛИ К 1—9 ТОМАМ СОЧИНЕНИЙ ЧАРЛЗА ДАРВИНА

Составил М. Л. Бельговский

Чарлз Дарвин

Сочинения, т. IX

Утверждено к печати
Отделением биологических наук АН СССР

Редакторы издательства *Е. И. Авдусина*
и Ю. А. Пашковский
Технический редактор *А. П. Гусева*
Переплет художника *В. В. Виноградова.*

РИСО АН СССР № 13-6В. Сдано в набор 12/V 1959 г.
Подписано к печати 29/VIII 1959 г.
49,5 печ. л. + 3 вкл. = 67,82 усл. печ. л. — 68,95 уч. изд-л.
Формат 70×108[1]/16. Тираж 3000 экз.
Изд. № 3957. Тип. зак. № 1738.

Цена 40 *руб.*

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я тип. Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10